СОЧИНЕНІЯ ГРИГОРОВИЧА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Дозволено цензурою. СПБ. 12 марта 1896 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

V.

СМЕДОВСКАЯ ДОЛИНА.

(РАЗСКАЗЪ.)

Подъ именемъ „Смéдовской лощинки“ поселяне западной и гористой части К*** уѣзда разумѣютъ небольшую долину, соединяющую двѣ старыя водяныя мельницы, построенныя на самомъ берегу рѣчки Смедвы. Отъ одной мельницы до другой считается верстъ пять. Но если оставить проселокъ, который проходитъ гдѣ-то вѣрхомъ, спуститься въ долину и идти берегомъ, слѣдуя теченію рѣчки—пройдешь, безъ сомнѣнія, верстъ восемь или девять, прежде чѣмъ достигнешь до второй мельницы. Смедва, по мѣрѣ приближенія своего къ Окѣ, въ которую впадаетъ она за второй мельницей, становится уже и врѣзывается постепенно глубже и глубже въ свои берега. Какъ бы сознавая скорую кончину свою и сожалѣя о ней, она изгибается на всевозможные лады, изламывается подъ самыми острыми углами, стараясь пробѣжать по возможности бо̀льшее пространство и налюбоваться вдосталь на живописные холмы, которые смотрятся въ ея свѣтлыя воды. И въ самомъ дѣлѣ, побывавъ разъ между этими веселыми, улыбающимися холмами, чувствуешь къ нимъ непреодолимое влеченье. Скаты долины, то крутые и покрытые яркою листвой орѣшника, изъ которой выбѣгаютъ кое-гдѣ кудрявые, темно-зеленые дубки, то выступающіе длинными глинистыми языками, усыпанными камнями и перерѣзанными овражками; то появляющіеся выемками, въ родѣ амфитеатра, и плотно затканные мелкимъ голубоватымъ кустарникомъ, — слѣдуютъ на всемъ протяженіи своемъ прихотливой линіи, которую описываетъ рѣчка. Въ иномъ мѣстѣ долина рас-

ширяется, открывая лугъ, исполосованный серебряной лентой; мягкая, сочная и лоснящаяся зелень этихъ луговъ поддерживается круглый годъ весеннимъ разлитіемъ Смедвы и стокомъ дождевой воды съ сосѣднихъ холмовъ; кое-гдѣ высятся сѣрые, остроконечные наметы сѣна, сберегаемые для зимы; тутъ же, невдалекѣ, пасутся спутанныя лошади; нерѣдко увидите вы бѣлую, костлявую клячу, которая спитъ, положивъ кудлатую голову на красноватыя жерди, окружающія сѣно, между тѣмъ, какъ жеребенокъ, повернувшись къ ней спиною и вытянувъ узенькую шейку, заливается звонкимъ ржаньемъ, въ полномъ убѣжденіи, что потерялъ мать. Въ иномъ мѣстѣ бока долины сходятся такъ близко, такъ тѣсно сжимаютъ рѣчку, что длинныя вѣтви перекосившихся ветелъ и орѣшниковъ, покрывающихъ берегъ, переплетаются между собою, образуя надъ водою рѣшетчатые, фантастическіе своды.

Природа средней полосы Россіи рѣдко представляетъ совокупленіе мѣстности, которая бы въ общей сложности могла назваться великолѣпной панорамой; все ограничивается обыкновенно нѣсколькими лощинами, обросшими лѣсомъ и оживленными ручьемъ, или безконечною гладью полей и луговъ съ разбросанными кое-гдѣ деревушками. Вся прелесть этихъ видовъ заключается не столько въ общемъ ихъ очертаніи, сколько въ деталяхъ и тѣхъ мелкихъ эпизодахъ, которые попадаются на каждомъ шагу, но со всѣмъ тѣмъ рѣдко группируются въ одну гармоническую картину.

Смедовская долина усѣяна такими эпизодами. Особенно живописною казалась мнѣ всегда лѣвая сторона ея: она подымается крутымъ, полукруглымъ хребтомъ, покрытымъ кудрявою, роскошною зеленью, и высоко планируетъ надъ лѣвою стороною. Тутъ открываются поминутно свѣтлыя расщелины, старые овраги, обросшіе нѣжной травкой и цвѣтами, исполосованные длинными тѣнями осинъ и березъ, между стволами которыхъ сверкаютъ на солнцѣ угловатые камни и бѣлый плитнякъ, служившіе когда-то дномъ потока; попадаются обвалы, обнажающіе пестрые пласты песку, глины и охры; крупные и мелкіе корни полуоторванныхъ, висящихъ въ воздухѣ кустовъ сползаютъ на эти обрывы косматою бахромою, набрасывая кое-гдѣ зубчатую, черную тѣнь. Пространство между краемъ берега и подошвою ската пересѣкается безпрестанно ключами; то тихо и почти незамѣтно пробираются они

въ длинной, густой травѣ или лознякѣ, изъ котораго наши рыбаки плетутъ верши; то звонко журчатъ между камнями, скатывая ихъ въ видѣ маленькихъ плотинъ, снова разрушая свою работу, и вдругъ исчезаютъ подъ кустомъ или провалившимся, полусгнившимъ мостикомъ; то разливаются они на довольно большое пространство, дѣлятся на безчисленное множество островковъ, покрытыхъ изумрудною тиной, золотыми макушками куриной слѣпоты или сплошною голубою скатертью мелкихъ незабудокъ... Однимъ словомъ, я не знаю ничего живописнѣе этого мѣста.

Узенькая тропинка, изгибающаяся по лѣвой сторонѣ Смедовской долины, составляетъ любимую мою прогулку; часто безъ всякой видимой цѣли я отправляюсь изъ Хлыщевки (такъ величаютъ первую мельницу) и направляюсь къ Емельяновкѣ, второй мельницѣ, гдѣ Смедва впадаетъ уже въ Оку. Въ Емельяновкѣ славное молоко и превосходный черный хлѣбъ, который кажется еще превосходнѣе послѣ восьми верстъ прогулки; истребивъ того и другого въ достаточномъ количествѣ, я располагаюсь обыкновенно на скамьѣ подлѣ плотины, болтаю съ дюжими батраками и не менѣе дюжимъ хозяиномъ мельницы и смотрю, какъ опускается солнце за темные сосновые лѣса по той сторонѣ Оки; смотрю, какъ на рѣку выбѣгаютъ тоненькія лодочки рыбаковъ, какъ зажигаются огоньки въ чуть видныхъ деревушкахъ... Затѣмъ я прикутываюсь теплѣе въ шинель и возвращаюсь въ Хлыщевку противоположною стороною долины. Кругомъ все уже стихло и смолкло, кромѣ ручьевъ, которые катятся въ Смедву; изрѣдка крикнетъ коростель или дикая утка, притаившаяся въ береговой осокѣ; сладко прислушиваюсь я къ чуть внятному лаю собаки, къ мѣрному звяканью въ караульную доску, къ отдаленному шуму запоздалой крестьянской телѣжки, скачущей гдѣ-то по пыльному проселку; гляжу не нагляжусь на темные берега рѣки, обрамленные крутыми скатами долины, посеребренными полнымъ мѣсяцемъ, который медленно плыветъ по темно-синему звѣздному небу.

Разъ какъ-то, въ концѣ іюля, часовъ около шести пополудни, я шелъ по той самой тропинкѣ, о которой сказалъ выше. Солнце замѣтно уже склонилось къ западу такъ что тропинка, ручьи и весь лѣвый скатъ окутывались тѣнью; со всѣмъ тѣмъ, было, однакожъ, очень жарко;

правая сторона долины, облитая косыми лучами солнца, сообщала, казалось, теплоту самымъ тѣнистымъ частямъ противоположнаго берега; тонкій запахъ шиповника, кашки, медуницы и другихъ полевыхъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ запахомъ сырой почвы и тонкихъ лужаекъ, окаймляющихъ ручьи, разливался въ воздухѣ съ приближеніемъ вечера. Круглыя, величественныя облака, сверкающія какъ перламутръ или кованое серебро, медленно бродили по небу, открывая безконечныя перспективы съ синимъ, прозрачнымъ дномъ; съ каждой секундой долина принимала новые оттѣнки; густой, мѣстами темнозеленый, мѣстами темносиній колоритъ тѣнистой стороны отдѣлялъ ее рѣзче и рѣзче отъ пылающаго неба и бѣлыхъ облаковъ; лѣвая сторона окрашивалась между тѣмъ пурпуромъ, и не было, казалось, точки, которая не находилась бы въ движеніи; желтая тѣнь овраговъ быстро бѣжала по откосу, превращаясь въ розовую и фіолетовую; смолистые стволы деревъ превращались въ золото и ярко сверкали между листьями, бросавшими коричневыя, сквозныя тѣни. Вѣтеръ не трогалъ ни однимъ листкомъ, или, лучше сказать, его вовсе не было. Картина оживлялась безчисленнымъ множествомъ стрижей—маленькихъ птичекъ въ родѣ ласточекъ; вырываясь изъ своихъ кругленькихъ норокъ, которыми пробуравлены крутые берега Смедвы, они зигзагами рѣзали воздухъ; изрѣдка, въ вышинѣ показывался коршунъ; вытянувъ неподвижно зубчатыя крылья свои и управляясь однимъ хвостомъ, онъ водилъ плавные круги надъ долиной.

Я былъ уже на половинѣ пути, когда слуха моего неожиданно коснулось протяжное мычаніе и хляскъ копытъ по влажной почвѣ, возвѣщавшіе, что неподалеку, за какимъ-нибудь откосомъ, находилось стадо. И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавъ двадцать или сорокъ шаговъ, я увидѣлъ стадо, расположившееся по обѣимъ сторонамъ широкаго ручья, шумно вырывавшагося изъ кремнистаго углубленія, обросшаго высокимъ орѣшникомъ, дикой малиной, душистымъ зорникомъ; хмель и ежевичникъ переплетали ихъ тонкіе прутья; вѣтка хмелю, упавшая однимъ концомъ въ воду, трепетно вздрагивала, сбрасывая свои желтые цвѣточки въ струйки ручья, быстро изгибавшіяся между плитнякомъ. Крутой скатъ долины углублялся въ этомъ мѣстѣ на довольно значительный полукругъ и былъ какъ будто приплюснутъ сверху; послѣднее обстоятельство

позволяло двумъ-тремъ лучамъ солнца проникать въ углубленіе, пронизывать сочную листву, превращая иной листъ въ сплошное золото, тогда какъ другой сквозилъ и принималъ яркій цвѣтъ изумруда; стадо лежало въ тѣни, и только въ одномъ мѣстѣ лучъ солнца сквозилъ по ребрамъ пестрой коровы и случайно захватывалъ бѣлую голову ея сосѣдки, которая, подогнувъ подъ себя ноги и вперивъ изумленный взоръ на какой-то неизвѣстный предметъ, молчаливо жевала жвачку.

Пастухъ сидѣлъ неподалеку на камняхъ, прикрытыхъ коричневыми лохмотьями сермяжнаго полукафтанья; онъ представлялъ типъ тѣхъ сухопарыхъ, костлявыхъ старичковъ, которымъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить съ точностью лѣта. Черты его исчезали въ безчисленномъ множествѣ тонкихъ морщинокъ, усыпавшихъ его лицо и даже шею,—смуглую, шероховатую, какъ древесная кора; волосы старика, коротко обстриженные на макушкѣ, въ видѣ шапочки, спускавшіеся длинными неправильными космами на лобъ и затылокъ, были между тѣмъ черны, какъ у молодого парня. Въ рѣдкой, чахлой бородкѣ пастуха сильно пробивалась сѣдина. По одной сторонѣ его лежала плетеная берестовая котомка, и рядомъ съ нею порыжѣвшая шляпа съ темнобурымъ платкомъ и продолговатою тавлинкою изъ березовой коры. По другой сторонѣ виднѣлось нѣсколько связокъ лыкъ, колодка съ начатымъ лаптемъ и воткнутымъ въ него кочадыкомъ. Старикъ прервалъ свою работу, чтобы припяться за полдникъ, состоявшій изъ огромнаго сукроя чернаго хлѣба, который онъ пережевывалъ съ большимъ трудомъ, перенося поминутно откушенный кусокъ съ одной щеки въ другую; онъ ѣлъ, однакожъ, съ большимъ аппетитомъ; противъ него, у самыхъ ногъ, сидѣла маленькая шершавая собачонка, съ исполинскими бровями; она не спускала глазъ съ хозяина, и каждый разъ, какъ тотъ подносилъ кусокъ ко рту, свѣшивала голову то въ одну сторону, то въ другую, немилосердно болтая въ то же время хвостомъ.

Я подошелъ ближе. Заслышавъ шаги, собака быстро приподнялась съ мѣста и съ видомъ крайней озабоченности побѣжала впередъ; не подозрѣвая встрѣтить меня за сосѣднимъ кустомъ, она вихремъ откинулась назадъ, и, метаясь, какъ полоумная, вокругъ пастуха, залилась неистовымъ лаемъ, при чемъ шерсть ея стала дыбомъ и заходила во всѣ стороны.

— Сизой! Сизой! закричалъ старикъ, потрясая въ воздухѣ рукою, вооруженною хлѣбомъ.—Сизой!.. экой шальной какой, право шальной! Цыцъ! говорятъ! Вотъ я-те, погоди!.. Ничего, батюшка, ничего, подхватилъ онъ, обращая ко мнѣ доброе лицо свое,—ступай, не бойся: не тронетъ; она не злющая, не кусается...

Сизой заливался съ возрастающей энергіей. Я подошелъ къ пастуху и попросилъ кусокъ хлѣба для собаки.

— Э-э-э! батюшка, нѣтъ, отъ чужого не возьметъ, ни за что не возьметъ! Хоть ты голодомъ мори ее, не возьметъ! Ужъ такая-то нравная собачонка, такой-то жиденокъ, что и-и-и... Сизой! Сизой! вишь шавель какая! Цыцъ, котенокъ! О-о-о, погоди, погоди, постой, вотъ я-те порасхожу! заключилъ старикъ, нагибаясь къ землѣ и дѣлая видъ, какъ будто схватываетъ палку.

Сизой остановился, поглядѣлъ недовѣрчиво на хозяина, медленно перешелъ ручей, принялъ наблюдательную позу и, убѣдившись наконецъ, что рука пастуха ощупывала только землю, разразился новымъ лаемъ.

— Вотъ поди жъ ты, даромъ что песъ, а все смыслитъ! сказалъ старикъ, осклабляя беззубыя десны свои и лукаво прищуриваясь, — вѣдь вотъ знаетъ же, что не трону... Такой вороватой собачонки, кажись, я и не видывалъ... Привычлива больно; въ стадѣ съ ней и товарища не надыть: другой разъ въ лугахъ либо на парѣ коровы разбѣгутся, особливо изъ молодыхъ, небывалыхъ въ стадѣ; укажи только: Сизой! глянуть не успѣешь — всѣхъ въ кучу согналъ. Такая-то, право, смышленая, даромъ что отъ земли не видишь!..

Сказавъ это, старикъ, приложивъ ладонь ко лбу, въ видѣ зонтика, оглянулъ стадо, погрозилъ еще разъ Сизому, сѣлъ на камень и снова принялся за полдникъ. Я расположился подлѣ него на травѣ, и мы разговорились. Изъ словъ старика оказалось, что онъ нанимался пастухомъ въ деревушкѣ, находившейся верстахъ въ трехъ отъ Емельяновской мельницы.

— Самъ-то я не оттолева, примолвилъ онъ,—я изъ Крапиловки: вотъ какъ въ городъ-то ѣдешь, вправо видна бѣлая церковь... большое село такое на самомъ берегу Оки... Да ты, я чай, Крапиловку-то знаешь?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Приволье у насъ большое—не то, что здѣсь, продолжалъ словоохотливый старикъ,—лѣсу ли, пашни ли,

всего много; да и землица-то не здѣшней чета... вишь, одни крутояры да глина, примолвилъ онъ, указывая на противоположный скатъ долины, позолоченный солнцемъ.— А луга-то какіе? У насъ лугомъ-то идешь, идешь... версты четыре пройдешь, а все конца ему нѣтъ! Супротивъ нашей Крапиловки и мѣста такого не найдешь—всѣмъ взяла. Вотъ развѣ что насчетъ народа... ну, нашъ поплоше будетъ здѣшняго...

— Чѣмъ же?..

— Бѣдовый! такой-то народъ, и-и-и, Боже упаси! Вѣстимо, коли нашъ братъ отошелъ отъ пашни да пристадъ къ этимъ фабрикамъ, добра ждать нечего. Безъ малаго въ двадцать лѣтъ такъ перебаловались всѣ, что житья не стало. Да вотъ, примѣрно, хошь бы мой парнюха—одинъ только и есть,—звали его Мишаха—Михайло—не было бы фабрикъ, не было бы и горя! Баловалъ, баловалъ, да и добаловался; самъ, почитай, пропалъ, да и бабенку свою погубилъ; а все народъ сбилъ съ толку...

— Что жъ съ нимъ такое случилось?

— Что случилось: самъ въ бурлаки пошелъ, вотъ ужъ второй годъ скоро будетъ, а меня на старости лѣтъ пустилъ чуть не по міру... Кабы не онъ, такъ я рази сталъ бы такъ-то наниматься въ чужихъ людяхъ? У меня въ Крапиловкѣ-то свой домъ есть... Да, прибавилъ онъ послѣ молчка,—было времечко, не чаялъ, не гадалъ, что будетъ онъ у меня такъ-то стоять пустехонекъ; на все, знать, воля Божья: сколько ни живи, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь...

Старикъ покачалъ головою и остановился. Онъ бросилъ остатокъ хлѣба Сизому, который лежалъ, вытянувъ голову на переднія лапы, уложилъ колодку и лапоть въ котомку, засунулъ лыки за поясъ, понюхалъ табаку и сталъ приготовляться въ дорогу. Натянувъ на плечи полукафтанье, онъ опустился на колѣни у берега ручья, распахнулъ ладонью руки воду и припалъ къ ней губами; утоливъ жажду, онъ перекрестился, надѣлъ шляпу и кликнулъ собаку:

— Сизой, время домой идти... ась? ну, что, глупый, хвостомъ-то размахался? вѣстимо пора; вишь солнышко-то гдѣ, и не видать отселева... ступай, сдѣлай-ка вотъ тамъ распорядокъ!.. заключилъ пастухъ, указывая рукою на двухъ-трехъ коровъ, гулявшихъ въ отдаленіи у рѣки.

Сизой полетѣлъ стрѣлою. Немного погодя, стадо под-

нялось съ мѣста и, разсѣявшись по кустамъ, начало взбираться по крутому скату долины. Пастухъ перебросилъ за спину котомку, взялъ палку, и мы пошли слѣдомъ, по узенькой тропинкѣ, мѣстами заслоненной орѣшникомъ. Съ этой минуты Сизой уже исчезъ изъ виду; до насъ долеталъ лишь голосъ его, раздававшійся то тутъ, то тамъ, смотря по тому, въ какую сторону направлялось стадо.

Вскорѣ мы достигли вершины ската; тропинка сливалась незамѣтно съ широкимъ проселкомъ, изрытымъ глубокими колеями, который тянулся по одному направленію съ долиной; очутившись на немъ, съ трудомъ вѣрилось, однакожъ, чтобы поблизости могли находиться какіенибудь признаки живописнаго мѣстопребыванія; справа, съ той стороны, откуда мы поднялись, горизонтъ замыкался кустами; слѣва разстилались неоглядныя глинистыя и худо обработанныя поля; передъ нами клубилось облако пыли, поднятое стадомъ и зарумяненное косыми лучами солнца.

Нѣкоторое время мы шли молча. Я думалъ о томъ, какъ бы завести разговоръ о сынѣ и снохѣ старика. Иногда бываетъ такъ, что ничтожнѣйшій намекъ на какое-нибудь событіе возбуждаетъ самый сильный интересъ; въ другое время слушаешь съ невозмутимымъ равнодушіемъ происшествіе, дѣйствительно заслуживающее вниманія; не знаю, происходитъ ли это вслѣдствіе болѣе или менѣе хорошаго расположенія духа, или по другимъ причинамъ,—знаю только, что два-три слова, сказанныя старикомъ по поводу его сына, возбудили сильнѣйшимъ образомъ мое любопытство. Я хотѣлъ уже приступить къ разспросамъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, старикъ предупредилъ меня; болтливый, какъ всѣ старики, долго жившіе въ одиночествѣ, онъ видимо радовался встрѣчѣ съ собесѣдникомъ; быть-можетъ, бѣднякъ по цѣлымъ днямъ никого не видалъ, кромѣ Сизого.

— Такъ ты, говоришь, знаешь Крапиловку-то?.. сказалъ онъ, вѣроятно, съ цѣлью возобновить бесѣду.

— Какъ же! не разъ даже приводилось бывать.

— Когда жъ ты тамъ былъ? спросилъ онъ, устремивъ на меня нетерпѣливые глаза.

— Нынѣшнею весною...

— Да, въ эту пору у насъ привольное житье! съ живостью перебилъ старикъ,—особливо, коли ты засталъ во-

дополье—и, чай, видѣлъ, какъ наши-то по рѣкѣ погуливаютъ; вѣдь вотъ круглый годъ сидятъ за станомъ да челнокомъ постукиваютъ, а какъ разольется моремъ-окіаномъ наша Ока, верстъ на семь отъ берега до берега, такъ, небось, работу-то пустую побросаютъ: кто за бредень, кто за вершу, кто за что гораздъ... Какъ фабрикъ этихъ у насъ не было, всѣ мы, отъ мала до велика, этимъ рукомесломъ промышляли; у каждаго, бывало, своя лодка; а кто позажиточнѣе, такъ по двѣ, либо по три... И то сказать надо, въ тѣ поры и рыбы-то было какъ-то побольше: бывало день-деньской все на водѣ да на водѣ; ину пору ночь-то въ лодкѣ проспишь; житье было знатное, не то, что здѣсь; ну, что̀ тутъ: буераки, крутояры, глина... промолвилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто Смедовская долина была степь и отстояла отъ Оки на цѣлую тысячу верстъ.

Старикъ прошелъ молча нѣсколько шаговъ, потомъ обратился ко мнѣ совершенно неожиданно и сказалъ:

— А я такъ вотъ ужъ давно въ Крапиловкѣ-то не бывалъ... зимой, объ масленой будетъ два года.

— Что̀ жъ такъ?

— Да такъ, охоты нѣтъ! отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.—Иной разъ, какъ словно и потянетъ тебя: „сходи да сходи“, а придешь—вотъ хошь бы въ прошлую святую—придешь, такая-то тоска припадетъ къ тебѣ, — лучше бы и не ходилъ! Промежъ чужихъ людей живешь, глазъ-то тебѣ никто не колетъ, а какъ придешь къ своимъ, такъ словно каждый тебя позоритъ... Вѣстимо, послѣ того, что̀ въ нашей семьѣ прилучилось, не только на людей, да и на домъ-то на свой зазорно смотрѣть... А все нашъ народъ виною, особливо вотъ эти фабричные ребята... у-у-у, Боже упаси! Кабы не они, мой бы Мишаха-то жилъ бы о-сю пору въ дому, жилъ бы ладно и безобидно съ женою... да и я бы, на старости лѣтъ, на мѣсто того, чтобы стадо гонять, няньчился бы съ ихними ребятенками, въ свободное время ловилъ бы рыбу въ Окѣ, — и жили бы мы, лиха не чая.

— Что̀ жъ такое сдѣлалъ твой Михайло, что тебѣ совѣстно изъ-за него показаться въ Крапиловкѣ? спросилъ я.

— А что̀ сдѣлалъ? вѣстимо недоброе дѣло; да онъ что: только въ бурлаки пошелъ, да годикъ потосковалъ; а вотъ жальчѣе всего его бабенку: та совсѣмъ пропала, загубилъ ее, лучше бы ей не рождаться...

Я сталъ упрашивать пастуха разсказать мнѣ во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ исторію его сына. Старикъ не долго отнѣкивался; онъ, можетъ статься, самъ былъ очень радъ высказать то, что̀, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не находило случая высвободиться изъ груди его.

— Этому теперь лѣтъ пятокъ будетъ, началъ онъ, — жилъ я тогда своимъ домкомъ; хозяйки у меня не было: померла еще смолоду. Оставила она меня одного съ Мишуткой. Въ ту пору нашъ народъ сталъ впервые заводиться станами, да брать работу на фабрикахъ. Вотъ и говорятъ мнѣ: „дядя Савелій—говорятъ—что̀ ты своего Мишутку держишь въ домѣ? отпусти его пряжу или шпули мотать: вѣдь онъ малъ, малъ, а въ годъ-то все добудетъ тебѣ рублишковъ десять... отпусти его!“ Хоть и нужда, признаться, была, а такія слова куда пришлись мнѣ не по-сердцу. Какъ, думаю себѣ — примѣрно вотъ такъ-то самъ съ собою раздобариваю,— какъ, и дѣды наши, и отцы наши, и прадѣды наши были рыбаками, фабричнымъ дѣломъ не промышляли, и дѣло-то, думаю, самое пустое, да и самъ-то я весь свой вѣкъ съ бреднемъ либо съ вершей возился, а парнюху моего такъ бы и отпустить на фабрику! Нѣтъ, думаю, погодите молъ: супротивъ нашего рыбацкаго рукомесла не найдешь другого; привыкъ я къ нему сызмаленьку; да и рука у меня счастливая; нѣтъ, думаю, не пущу Мишутку, ни за что не пущу на фабрику, пропадай они совсѣмъ съ ихъ деньгами. Сталъ я такъ-то думать, а они опять приступали: „отпусти да отпусти“, ловъ—говорятъ—годъ отъ году плоше да плоше, да и то сказать надо, помощь въ немъ не вѣсть какая... Время было въ тѣ поры больно тугое, вижу, всѣ у насъ, не токмо взрослые,—и малые сидятъ за работой, что, думаю, должно быть ужъ такія времена пришли; думалъ, думалъ, да и свернулъ на ихнее: отдалъ Мишутку на фабрику богатому сосѣду—Карпомъ звали. Сталъ онъ у меня шпули мотать. Что̀ говорить напраслину? на первыхъ порахъ я въ немъ худого ничего не видалъ: парнишка былъ со смысломъ, толковый такой; сталъ онъ у меня подрастать; живетъ годъ на фабрикѣ, живетъ другой, посадили его за станъ; еще годика два прошли... Ну, тутъ ужъ пошло совсѣмъ не то. Глядишь, мой парнюха-то съ дѣвками забавляется, то въ трубочку покуриваетъ, то подерется съ кѣмъ... Знамо, человѣкъ молодой, что увидалъ, то и самому надо дѣлать! Недаромъ гово-

рятъ: за добромъ идти, что за кладомъ: три версты пройдешь, да умаешься, а худое-то подъ рукой лежитъ; вокругъ него народъ все избалованный, — и табашники, и пьяницы, и сволочь всякая фабричная... чѣмъ бы къ добру наставить, сами потачку даютъ! Мнѣ опосля говорили: „Чего жъ ты самъ-то смотрѣлъ!“ Чего смотрѣлъ, чего смотрѣлъ... Чего мнѣ смотрѣть! Я нешто мало говорилъ? Иной разъ и за вихоръ возьмешь, — да впрокъ не пошло; вѣстимо, дѣтище-то свое — не чужое: одна рука бьетъ, а другая гладитъ; о-охъ, спохватился я, да ужъ поздно: вижу, совсѣмъ избаловался мой Мишакъ. Вотъ то-то, глупая-то дурость моя... Что̀ ты станешь дѣлать!.. Вотъ, батюшка, какъ я тогда сказалъ тебѣ, этому будетъ назадъ лѣтъ пять. Мишкѣ моему было годковъ осемнадцать. Сижу я разъ подъ-вечеръ, приходитъ ко мнѣ Карпъ Ивановъ, а Мишка жилъ ужъ не у него, у другого хозяина, — приходитъ, и давай выговаривать: — „Уйми, говоритъ, дядя Савелій, парня, ой уйми, говоритъ, — провѣдалъ я, бѣгаетъ онъ за моей дѣвкой; мотри, не было бы худо!“ — „Вѣстимо, молъ, Карпъ Ивановичъ, хорошее ли это дѣло... я, говорю, потачки ему не дамъ!“ Потолковали да и разошлись. Въ тотъ же вечеръ разсказалъ я все Мишкѣ: куда тебѣ! и руками и ногами! отпирается; знать, говоритъ, не знаю, вѣдать, говоритъ, не вѣдаю, бабы, говоритъ, натолковали, да и все тутъ! И такъ, безстыжій, такъ вотъ въ глаза прямо и смотритъ. Я ему вѣру и далъ, и жилъ я, ничего не чаялъ, пока не прилучился грѣхъ... Что̀ ты станешь дѣлать!.. Прибѣжалъ Карпъ, прибѣжала жена его, подняли крикъ, содомъ такой. „Что, братцы, говорю я имъ,—крикомъ дѣла не поправишь; мы, говорю, съ васъ ничего не просимъ; отдайте намъ дѣвку, отдайте, говорю; по крайности хоть сраму на себя не примете...“ Покричали, покричали, да потомъ и положили. Сыграли свадьбу и перевезли молодую въ мой домишко. Мишутка мой какъ словно притихъ; день-деньской работаетъ, изъ дому не вызовешь; въ одну зиму три основы справилъ. Я, признаться, не ждалъ большого добра отъ нашей молодой, а вышло другое: баба вышла такая, что лучше, кажись, и не надыть: смирная, покорная, и ужъ такъ-то полюбился ей мой парень, такъ полюбился, что только и норовитъ, какъ бы ему угодить въ чемъ. Ей полюбился мой Мишутка, а она мнѣ добре по нраву пришлась: такая-то была добрая да ласковая

бабенка. Прожилъ я съ ней зиму и такъ привыкъ, что коли, бывало, уйдетъ куда, ждешь не дождешься: „куда ушла, молъ, наша Параша“, только и на умѣ. Къ исходу весны родила она дочку. Хозяйство наше было не велико, а какъ хозяйка-то слегла на время, — и совсѣмъ некому стало заправлять домомъ. Зазвали мы на ту пору батрачку править домомъ: была она старая дѣвка и проживала на фабрикѣ у Карпа... О-охъ, такая была, такая, что и-и... да кто ее зналъ прежде!.. опосля только свѣдали... Вотъ, батюшка, съ того самаго времени, какъ поступила она, все пошло у насъ не такъ, какъ было прежде... И что за человѣкъ такой была эта Лукерья, такъ Боже упаси! Мутитъ, дуритъ, и не уймешь ничѣмъ; скажешь слово—бѣда, разлютуется, и пошла, пошла, хошь изъ дому вонъ бѣги. Завладѣла всѣмъ домомъ, а пуще того завладѣла Мишкой... И диковинное это дѣло! старая, кривая, а вѣдь вотъ влѣзла же ему въ душу: обошла она его, либо другое что, а только души въ ней не чаялъ. Что ни день, ссоры да крикъ. Чѣмъ бы за жену вступиться, Мишка во всемъ потакаетъ Лукерьѣ... Я и давай выживать ее изъ дому. Какъ выжилъ, пошло еще хуже: встрѣнется съ нею на улицѣ, либо въ другомъ мѣстѣ, натребеситъ, наплететъ она ему не вѣсть что на жену; придетъ онъ домой—и давай, и давай... Ужъ я и говорилъ-то ему, и стращалъ-то всячески—нѣтъ! ничего не беретъ. Вижу, Параша моя стала сохнуть; ночи не спитъ, не вѣсть что бормочетъ, днемъ ни съ кѣмъ ни слова не молвитъ... И дожили мы до горя, до такого горя, что и вспомянуть такъ тяжело!.. Взяла это она разъ ночью (дѣло было лѣтнее), взяла своего ребенка и сбѣжала съ нимъ не вѣсть куда... На другое утро, хвать-похвать, нѣтъ Параши да и полно! Искали, искали, думали: утопилась, либо другое что; въ городъ объявили,—нигдѣ не нашли; такъ и пропала. Прошелъ годъ—ни слуху, ни духу. Много принялъ я горя въ этотъ годъ. Кажинный день вспоминалъ я нашу бабенку и больно жалѣлъ о ней; жалѣлъ также и о внучкѣ; тошнѣй того было мнѣ смотрѣть на Мишку. Привязался онъ къ этой Лукерьѣ,—словно околдовала она его, словно зельемъ какимъ къ себѣ приворожила; хошь бы разъ вспомянулъ о женѣ! точно ея и не бывало! Ходилъ онъ попрежнему на фабрику, да только жилъ-то не попрежнему: сталъ зачастую хмельнымъ зашибаться; вѣстимо, вино—врагъ человѣку; что ни выработаетъ, все пропьетъ, либо проканъ-

туетъ. Всему научила фабричная жизнь, а пуще того— Лукерья. Совсѣмъ сгибъ мой Мишаха; я ужъ и рукой махнулъ: вѣстимо, думается, гдѣ мнѣ, старику, совладать съ нимъ! Такъ было до того времени, какъ случай привелъ намъ провѣдать про жену его и ребенка. Вотъ какъ это было. Пріѣзжаетъ къ намъ, въ Крапиловку, подъ осень, купецъ съ краснымъ товаромъ. Карпъ Ивановъ, отецъ Параши, приводился ему какъ-то съ родни. Заночевалъ у него купецъ—человѣкъ былъ старый и кредитный—заночевалъ, да и разсказываетъ:—„Грѣхъ, говоритъ, на душу не приму, заподлинно не знаю, а сдается мнѣ, видалъ я вашу Парашу“; говоритъ гдѣ встрѣтилъ и гдѣ примѣрно видѣлъ, — и мѣсто разсказалъ, гдѣ примѣрно найти ее. Дошла эта вѣсть и до Мишки. Вначалѣ ему какъ словно и нуждушки нѣтъ, задурилъ еще пуще; потомъ какъ словно притихъ на время. Вотъ я и говорю ему: „Миша, говорю, дурью позасорилъ ты голову, худымъ товаромъ ты торгъ повелъ... рано ли, поздно ли, говорю, Господь тебя покараетъ“ — говорю да смотрю на него. Молчитъ. Опять на день либо на два пропадетъ; пьянствуетъ безъ просыпу, словно горе какое у него на душѣ. Другой разъ недѣлю цѣлую изъ дому не выходитъ. Пить не пьетъ, хлѣба въ ротъ не беретъ; упрется локтями въ столъ, сидитъ — съ мѣста не тронется. Сидитъ онъ такъ-то разъ, да и говоритъ мнѣ: „Батюшка, говоритъ, за что я погубилъ ее!“—Кого, говорю, погубилъ?—„Парашу погубилъ, говоритъ; каюсь, говоритъ, предъ людьми и передъ Господомъ!..“ И сталъ онъ тутъ припоминать свое прежнее житье-бытье: какъ полюбилась ему Параша, и что она ему въ ту пору говорила,—слова, кажись, единаго не пропустилъ... Да вдругъ, батюшка, какъ ударится о-земь и давай плакать.—„Нѣтъ, говоритъ, силушки моей нѣтъ, совѣсть замучила... пойду, говоритъ, я къ ней, пойду да приведу домой. Жизнь опостылѣла мнѣ, покаюсь, говоритъ, предъ людьми и передъ Господомъ!!..“ Я до смерти обрадовался; слава-те, Господи, думаю; помолились мы Богу, а на другой день Михайло мой пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ безъ малаго недѣлю,—шелъ словно въ потемкахъ: вѣстимо, дороги-то хорошо не зналъ, да и въ мошнѣ-то всего одинъ полтинникъ. Ну, и нашелъ онъ ее... О-охъ! и вымолвить страшно. Самъ опосля мнѣ все повѣдалъ. Вотъ, батюшка, какъ дѣло было: убѣжала она отъ насъ въ другую губернію, и нанялась батрачкой въ домѣ у

одного богатаго мужичка. Страха, что ли, боялась она, а только и выдай себя за вдову! Жила такъ-то у нихъ полгода и всѣмъ полюбилась, а пуще того хозяйскому сыну. Что ты станешь дѣлать? Какъ сдѣлали это дѣло—не вѣдаю; а только взяли да и поженились! Вѣдь вотъ какой великій грѣхъ вышелъ! Какъ провѣдалъ Мишаха мой обо всемъ этомъ, „такъ, говоритъ, и грохнулся о-земь. Сколько пролежалъ, не помню". Всталъ и давай караулить. Выждалъ; видитъ, идетъ она на рѣчку; онъ къ ней. „И злобы, говоритъ, въ ту пору не было у меня никакой; какъ увидѣлъ, словно, говоритъ, отлегло отъ сердца; и она, говоритъ, словно вздрогнула; стоитъ, а сама такъ вотъ вся и трясется..." Сталъ онъ ей выговаривать: „Знаю, говоритъ, все про тебя, все, говоритъ, знаю; я твой погубитель, я стану отвѣтъ держать за тебя предъ людьми и предъ Господомъ, не поминай, говоритъ, что прошло, пойдемъ со мной!.." Она не пошла. И говоритъ это она ему: „Губи меня, говоритъ, губи, коли хочешь, а я съ тобой не пойду!" Пришелъ мой Михайло назадъ въ Крапиловку,— пришелъ весь ободранный, и лица на немъ нѣту. Весь этотъ день ходилъ какъ шальной, слова не молвилъ. Такъ пробылъ онъ цѣлую недѣлю; потомъ опять запилъ, загулялъ и, кажись, конца этому не было. Пьянствовалъ, пьянствовалъ, да и разскажи своимъ товарищамъ-фабричнымъ про жену свою. А тѣ его надоумили: „Подай, говорятъ, на нее бумагу..." Онъ и подалъ; а какъ провѣдалъ, что жену привезли да посадили въ нашъ острогъ, чуть съ ума не свихнулся; напала на него хвороба-горячка. Въ это время я не разъ въ острогъ навѣдывался къ Парашѣ. Какъ ни придешь, бывало, плачетъ, либо молится... И велика грѣшница; великій грѣхъ приняла на душу, а все жаль. Судили ее, судили и повезли въ Москву для пересылки. Михайло лежалъ въ больницѣ; я остался дома одинъ какъ перстъ. Тоска такая на меня напала. Ноетъ мое сердце да и полно: словно змѣя какая повилась вокругъ и сосетъ его... Дай, думаю, пойду-ка я въ Москву; погляжу-ка еще разъ на Парашу, да прощусь съ ней. Сборы не Богъ вѣсть какіе были: взялъ хлѣбца, перекрестился, да и пошелъ. Москва, самъ вѣдаешь, не больно отъ насъ далече. Пришелъ туда я въ самыя святки. Спрашиваю, какъ мнѣ повидаться съ ней, съ Парашейто! „Такое-то, молъ, и такое дѣло прилучилось". — „Понавѣдайся, говорятъ, въ тюрьму, туда, говорятъ, сход-

ственниковъ-то пущаютъ". Сказали, какъ и куда пройти. Дорогой купилъ ей на послѣднія крестъ; оставалось всего три гроша; что̀ ихъ жалѣть, думаю, — купилъ ей сайку. Прихожу, спрашиваю, а ее ужъ сдали на Воробьевы горы, въ пересыльный замокъ. „Воскресенье утромъ, говорятъ, отправлять будутъ". Дождался воскресенья—и туда; какъ теперь помнится... самъ иду, а сердце-то у меня такъ вотъ и ломитъ, такъ и ломитъ... Прихожу. Большущіе дома такіе настроены, кругомъ заборы да загородь, стоятъ вездѣ часовые. Я къ нимъ. „Маленько, говорятъ, запоздалъ, теперь нельзя, молебствіе идетъ, а вотъ обойди, говорятъ, кругомъ, увидишь ворота, тамъ и жди... скоро поведутъ, и поведутъ въ тѣ ворота..." Такіе добрые, привѣтливые... „Спасибо, молъ, братцы, что не отогнали, добромъ промолвили..." Какъ сказали они, такъ и сдѣлалъ. Ощупалъ пазуху: крестикъ тутъ и сайка тутъ; стою и жду. Влѣво отъ меня березовая роща, такъ вотъ вся и шумитъ... Вѣтеръ былъ добре-великъ. По правую руку вся Москва видна; мѣсто высокое,—куды противъ здѣшняго! Въ тѣ поры плохо было только видно: снѣгъ заломъ-валилъ, да и время было пасмурное. Вотъ, слышу, загремѣли ворота! вывели ссыльныхъ; смотрю, и Параша моя тутъ: бѣлехонька какъ известь, лица нѣту, стоитъ, сердечная, словно убитая. Я пододвинулся ближе, а тутъ священникъ стоитъ; я къ нему: „Батюшка, говорю, вотъ, говорю, пришелъ проститься... крестикъ, говорю, принесъ... вонъ та, говорю, бабенка-то, что подлѣ подводы-то... заставь за себя Богу молиться..." Взялъ онъ у меня крестикъ... а саячки не посмѣлъ отдать: такъ и осталась за пазухой. Подняла Параша голову, увидала меня, да такъ вотъ, батюшка... такъ... такъ вотъ... такъ и залилась, и залилась. „Батюшка, говоритъ, батюшка... о-охъ, помолись за меня, грѣшную..." да дальше-то ужъ и не выговоритъ ничего. Надѣлъ священникъ на нее мой крестъ, перекрестилъ ее и сталъ уговаривать; потомъ отошелъ, обратился ко всѣмъ да и говоритъ имъ; а они стоятъ всѣ въ рядъ, по обѣимъ сторонамъ солдаты; отошелъ да и говоритъ: „Дѣти, говоритъ, помолитесь Богу и проститесь съ родной землей... проститесь въ послѣдній разъ съ Москвою..." И чего ужъ, кажись, батюшка, вѣдь вотъ тутъ не вѣсть какого народу не было; другой и душегубецъ, либо разбойникъ какой, а какъ сказалъ онъ имъ это слово, такъ вотъ всѣ навзрыдъ и залились; и меня самого слеза

пробила. Тутъ забили въ барабаны, и пошли они въ дальнюю дорогу... Въ тотъ же день пошелъ я домой. Михайло мой въ это время какъ словно маленько поправился; мало-по-малу совсѣмъ сталъ на ноги. Да не въ прокъ пошло ему здоровье. Весну цѣлую ходилъ безъ дѣла, и лѣто также. „Охоты, говоритъ, ни къ чему нѣтъ", да и все тутъ; что ты станешь съ нимъ дѣлать! Ходилъ онъ такъ-то, почитай, все лѣто, по осень опять загулялъ; курилъ, курилъ, да и закабалился въ бурлаки; будетъ этому скоро два года. А все вѣдь, батюшка, коли поглубже плыть въ этомъ дѣлѣ,—все вѣдь фабричная жизнь виновата... Эхъ, кабы не послушался я тогда нашего народа, повелъ бы парня по отцовскому рукомеслу, такъ вѣстимо не то бы и было: наша рыбацкая жизнь простая,—не то, что ихняя—фабричная!.. Остался я такъ-то одинъ-одинешенекъ. Добре тоска одолѣла меня. Къ тому и зазорно было какъ-то глядѣть на своихъ-то: опостыла мнѣ Крапиловка, да и домъ-то опостылъ совсѣмъ; землю свою сдалъ я сосѣду, а самъ пошелъ внаймы къ чужимъ людямъ... Въ Крапиловку почитай что теперь и не заглядываю; какъ заглянешь туда, самъ спокаешься; ходишь, ходишь потомъ,—словно камень на сердцѣ лежитъ у тебя... Лучше и не ходить... Богъ съ ними!..

— А что жъ сталось съ Лукерьей? спросилъ я послѣ минуты молчанія. — Неужто она о-сю пору живетъ въ Крапиловкѣ?

— Нѣтъ, батюшка, давно пропала... померла прошлую весну; послали ее, слышь, въ погребъ: оступилась да и повихни себѣ ногу... нога болѣла, болѣла, пухла да и сгубила ее... Во всемъ, сказывали мнѣ, спокаялась, во всѣхъ лихихъ дѣлахъ своихъ!..

Старикъ снова замолкъ и потупилъ голову.

Мы прошли съ четверть версты, не сказавъ другъ другу ни слова. Во все это время Сизой шелъ подлѣ. Изрѣдка махалъ онъ хвостомъ и забѣгалъ впередъ, чтобы устремить на хозяина желтые зрачки свои, заслоненные вкривь и вкось шершавыми бровями. Онъ видимо былъ почему-то не въ духѣ; но мрачное расположеніе Сизого не было, однакожъ, продолжительно. Какъ только стадо свернуло съ дороги влѣво по направленію къ деревнѣ, гдѣ нанимался пастухъ, Сизой залился звонкимъ лаемъ и, распушивъ хвостъ, полетѣлъ дѣлать распорядокъ, какъ говорилъ дядя Савелій.—Густое облако пыли, не сквозившее

уже отъ солнечныхъ лучей, которые только-что потухли на горизонтѣ, скрыло отъ меня и стадо, и Сизого. Вскорѣ я потерялъ изъ виду и самого дядю Савелья.

Я удвоилъ шагъ, чтобы скорѣе дойти до мельницы. Въ воздухѣ чувствовалась уже свѣжесть, которая свидѣтельствовала, что Ока не очень далеко; дорога начинала опускаться; бока долины понижались, расходились амфитеатромъ и сглаживались съ дальнею мѣстностью. Немного погодя, на огненномъ, постепенно блѣднѣющемъ небѣ обозначилась фіолетовая, слегла зарумяненная линія горизонта: еще нѣсколько шаговъ впередъ—и я увидѣлъ Оку; тамъ выступили луга съ послѣднимъ заворотомъ Смедвы; ближе всего, почти подъ ногами, возносились темныя, неправильныя группы ветелъ; кой-гдѣ, сквозь сучья, проглядывало багровое небо; тутъ же, между стволами ветелъ, чернѣла плотина и на одномъ концѣ ея рисовалась причудливая профиль мельницы съ прилѣпленнымъ къ боку амбаромъ, спускомъ для воды и колесами; на боку лежала опрокинутая лодка. Ветлы съ своими огненными просвѣтами, плотина съ своими шестами, тварнями, растянутымъ бреднемъ и самая мельница цѣликомъ перекидывались въ широкомъ, сверкающемъ прудѣ; на поверхности его, гладкой какъ розовое зеркало, играла рыба и появлялись затѣмъ кружки, которые расширялись и зазубривали дрожащими, серебряными нитками то мѣсто, гдѣ отражалась мельница. Окрестность между тѣмъ темнѣла, и въ ясномъ, постепенно синѣющемъ небѣ начинали зажигаться звѣзды. До слуха доносились какіе-то неясные, замирающіе звуки... Наконецъ все смолкло и окуталось тѣнью... Въ окнѣ мельницы мелькнулъ огонекъ и заигралъ въ водѣ вмѣстѣ съ звѣздами...

Минуту спустя, я стоялъ уже на плотинѣ и бросалъ прощальный взглядъ на Смедовскую долину.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(повѣсть на новый годъ.)

I.

Сумерки.

Я долженъ начать съ сумерекъ: это неизбѣжно. Другіе, на моемъ мѣстѣ, поступили бы, можетъ быть, иначе; это ихъ дѣло; но я не могу принять на себя такой отвѣтственности и начинаю сумерками. Во-первыхъ, я рѣшительно не постигаю, что могло бы быть предосудительнаго въ такомъ началѣ? Во-вторыхъ, я не встрѣчалъ еще смертнаго, который не чувствовалъ бы особеннаго влеченія къ сумеркамъ. Начиная съ людей зрѣлаго возраста, словомъ сказать: людей солидныхъ, степенныхъ, которые сознаются, что нѣтъ высшаго наслажденія, какъ сидѣть въ сумерки передъ каминомъ, и кончая молодыми людьми, радостно ожидающими четырехъ часовъ вечера, чтобъ ловко пройтись по Невскому проспекту; кончая даже ничтожнымъ, жалкимъ какимъ-нибудь сверчкомъ, который съ явнымъ нетерпѣніемъ сторожитъ минуту солнечнаго заката, чтобъ затянуть свою пѣсню,—всѣ, рѣшительно всѣ любятъ сумерки!

Но смѣю увѣрить, всѣхъ этихъ причинъ было бы, можетъ статься, еще не довольно, если бъ точно не предстояла мнѣ самая крайняя надобность начать именно сумерками. Это фактъ, фактъ, противъ котораго станутъ спорить тѣ только, которые не захотятъ вникнуть въ положеніе человѣка, принявшаго на себя обязательство про-

слѣдить за всѣми періодами длиннаго зимняго вечера. Всякій вечеръ—это ужъ несомнѣнно, начинается сумерками, и, слѣдовательно, повѣсть, имѣющая предметомъ изображеніе вечера, неизбѣжно должна начаться съ сумерекъ; самая логика нѣмѣетъ передъ такимъ выводомъ.

И такъ, чтобъ не откладывать дѣла въ долгіе ящики, совѣтую вамъ зажмурить скорѣе глаза, мысленно закутаться въ шинель, или шубу, и представить себѣ, что вы прогуливаетесь въ нѣкоторомъ часу вечера по петербургскимъ улицамъ.

Сумерки только что начались. Блѣдно-зеленый закатъ разливаетъ холодный полусвѣтъ на кровли домовъ: мало-по-малу въ глубинѣ улицъ все начинаетъ сѣрѣть и меркнуть; въ потемнѣвшемъ небѣ зажглась ужъ первая звѣзда—звѣзда любви, какъ называютъ ее обыкновенно въ провинціи, потому, вѣроятно, что тамъ любятъ засматриваться на нее барышни... Но петербургскія барышни мало занимаются астрономіей; въ Петербургѣ думаютъ только о Невскомъ проспектѣ—этой звѣздѣ петербургскихъ улицъ! Но это мимоходомъ. Съ каждой секундой дневной свѣтъ замѣтно уступаетъ шагъ сумеркамъ; пѣшеходы съ трудомъ различаютъ черты другъ друга; только и видишь, что бороды, усы и мѣховые воротники, опушенные инеемъ. Страшно холодно! Такого холоднаго вечера не было еще, кажется, во всю зиму. Закутайтесь плотнѣе въ шубу (этакая, право, отличная выдумка эти шубы!), закутайтесь плотнѣе и ускоримъ шагъ. Предметы путаются, мѣшаются съ темнотою; мы перестаемъ различать бороды, усы и воротники, осыпанные снѣжными иглами. При трепетномъ мерцаніи звѣздъ, которыми осыпалась теперь неизмѣримая глубина небеснаго свода, смутно даже обозначаются верхнія части домовъ съ ихъ кровлями и цѣлымъ милліономъ трубъ, которыя, какъ окаменѣлое море, безмолвно высятся и пропадаютъ въ пространствѣ... Замѣчаете ли вы, какая тишина овладѣла вдругъ городомъ? Точно сибаритъ, переваривающій свой обѣдъ и заснувшій въ сумерки передъ каминомъ. Вы различаете отдѣльные звуки: колоколъ, визгъ колесъ по снѣжной, насквозь промерзнувшей мостовой, чего никакъ не услышишь въ другое время дня, когда тысячи отдѣльныхъ звуковъ сливаются въ одно общее неопредѣленное журчанье, схожее съ звукомъ, который издаютъ большія морскія раковины, приставленныя къ уху. Городъ, какъ бы утомленный страшною суетою

утра, притихъ на минуту и собирается съ свѣжими силами для препровожденія такого же суетливаго, хлопотливаго вечера. Но морозъ никого не разбираетъ, и, повѣрьте, всѣ столичные носы, которымъ вздумается въ этотъ вечеръ высунуться на воздухъ, всѣ носы безъ исключенія, начиная съ греческаго носа, которымъ такъ справедливо гордится франтъ, и кончая крупнымъ носомъ лавочника—всѣ почувствуютъ въ равной степени холодъ! Никакъ не менѣе двадцати градусовъ! А говорятъ еще, что въ Петербургѣ теплѣе, чѣмъ въ другихъ сѣверныхъ столицахъ! Хорошо и здѣсь: вы чувствуете на лицѣ что-то похожее на остріе бритвы: такъ и рѣжетъ! бррр!! Къ этому, впрочемъ, надо сказать, сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ вѣтеръ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу тѣхъ всемогущихъ, свойственныхъ одному только Петербургу вѣтровъ, который, если стать на перекресткѣ, хоть, напримѣръ, у „Пяти Угловъ“, будетъ дуть на васъ со всевозможныхъ концовъ свѣта въ одно и то же время, и, что всего замѣчательнѣе, будетъ дуть непремѣнно до тѣхъ поръ, пока не наградитъ васъ жабой; не говорю о флюсѣ: это само собою разумѣется. Таково ужъ, видно, свойство этого вѣтра.

Все идетъ, однакожъ, своимъ обычнымъ порядкомъ. Сигналомъ городского пробужденія были, какъ и всегда, фонарщики; закутавшись съ головы до ногъ рогожей, придерживая одной рукой складную лѣстницу, другой рукой фонарь, они неожиданно, какъ привидѣнье въ театрѣ, явились на всѣхъ углахъ и тотчасъ же принялись за свое дѣло. Сквозь мракъ, окончательно сгустѣвшій, мелькнули сначала рѣдкіе огоньки, потомъ, какъ бы перескакивая съ мѣста на мѣсто, они разбѣгались по всѣмъ направленіямъ и, наконецъ, стали вытягиваться стройными, сверкающими линіями. Если смотрѣть сверху надъ городомъ, казалось, какъ будто исполинская, невидимая рука торопливо водила огненнымъ перомъ, спѣша обозначить планъ огромнаго города... Нижнія части домовъ поминутно выступали изъ мрака; длинныя волнующіяся тѣни бѣгали по освѣщеннымъ стѣнамъ, и, вырастая наравнѣ съ кровлями, чуть ли не досягали до краснаго зарева, все шире и шире распространявшагося надъ столицей. Человѣкъ, незнакомый съ Петербургомъ и подъѣзжающій къ нему въ эту минуту, легко могъ подумать, что городъ въ опасности и пылаетъ со всѣхъ концовъ; зарево виднѣлось въ

десяти верстахъ; то былъ, однакожъ, отблескъ нѣсколькихъ тысячъ газовыхъ фонарей, которыми каждый вечеръ убирается Петербургъ. Городъ свѣтлѣлъ и оживалъ съ каждою секундой. Толпы народа шумно высыпали на тротуары; экипажи съ своими фонарями, похожими на два огненные глаза, стремительно неслись съ Литейной, Морскихъ, Садовой, и проч., и проч. Вскорѣ въ улицахъ стало тѣсно, городской шумъ дѣлался слышнѣе и слышнѣе; можно было думать, что постепенно, одну за другой, отворяли шлюзы исполинской плотины.

Впрочемъ, въ этотъ вечеръ все необходимо должно было шумѣть и волноваться болѣе обыкновеннаго; вечеръ этотъ былъ, безспорно, самый замѣчательный изъ числа трехсотъ шестидесяти, потому что имъ оканчивался протекшій годъ. Въ ознаменованіе такого важнаго событія, въ каждомъ почти окнѣ, даже самыхъ верхнихъ этажей, горѣли двѣ свѣчки. Но праздничный видъ обывательскихъ оконъ ничего не значилъ передъ окнами магазиновъ; блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Каждое окно въ этотъ достопамятный вечеръ представлялось чѣмъ-то въ родѣ маленькой выставки; газовое пламя повторялось на серебряныхъ сервизахъ, скользило по фарфору, пронизывало граненый хрусталь, играло на золотыхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ, освѣщало дорогія ткани, платья, чепцы, шляпки, ленты, дробилось въ стеклянныхъ вазахъ, наполненныхъ драже и конфетами, и ярко выставляло напоказъ безчисленныя бонбоньерки самыхъ затѣйливыхъ формъ и, ужъ конечно, самыхъ недоступныхъ цѣнъ. При видѣ такихъ сокровищъ, деньги сами собою приходили въ движеніе и перевертывались въ карманѣ то копьемъ, то рѣшсткой. Праздничный видъ улицъ привлекалъ на тротуаръ почти все народонаселеніе; мелкіе торгаши, пользуясь освѣщеніемъ изъ оконъ, привлекали, въ свою очередь, народъ, выставляя напоказъ лотки съ яблоками, орѣхами и другими лакомствами. Толпа видимо прибывала. Лица, не имѣвшія ровно никакой надобности выходить за ворота, даже тѣ, которыя по разсѣянности забыли припасти къ зимѣ теплую одежду, и тѣ покидали свои жилища. Толпы мальчишекъ въ пестрядинныхъ халатахъ заграждали дорогу; равнодушные къ холоду (было, однакожъ, какъ я вамъ сказывалъ, двадцать градусовъ мороза), равнодушные къ холоду, они стояли какъ околдованные передъ магазинными окнами. Улицы превращались въ великолѣпное гулянье,

чему не мало содѣйствовали экипажи, летѣвшіе по всѣмъ направленіямъ и поминутно подкатывавшіе къ тротуарамъ. Изъ экипажей ловко выпрыгивали дамы въ чернобурыхъ лисицахъ и господа въ бобрахъ и собольихъ шубахъ; нѣсколько секундъ пробирались они между рядами пальто, халатовъ, шинелей, шляпокъ и лицъ сомнительной свѣжести, потомъ входили въ магазины и присоединялись къ другимъ господамъ въ бобрахъ и соболяхъ. Въ толпѣ, гулявшей на тротуарѣ, обнаруживалось тогда еще больше движенія; все жалось и тискалось другъ на дружку, стараясь разсмотрѣть, какъ господа въ бобрахъ и дамы въ чернобурыхъ мѣхахъ выкладывали на конторки бумажники, снабжали лакеевъ покупками, выходили изъ магазиновъ и снова улетали въ своихъ экипажахъ, чтобъ дать мѣсто другимъ каретамъ, другимъ покупателямъ. Радость и довольство сіяли, однакожъ, на всѣхъ лицахъ, какъ на тѣхъ, которыя багровѣли отъ жара внутри магазиновъ, такъ и на тѣхъ, у которыхъ бѣлѣли отъ холода носъ и щеки. Новый годъ! Черезъ пять-шесть часовъ наступитъ новый годъ!.. Хоть новость эта рѣшительно не объясняетъ причину всеобщей радости, но фактъ тотъ, однакожъ, что всѣ лица безъ исключенія казались очень довольны.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ замѣтить, что во всей этой толпѣ, гулявшей по Петербургу, самыя веселыя лица, безъ различія сословій и состояній, принадлежали все-таки тѣмъ смертнымъ, которые имѣли счастіе называться отцами семействъ, мужьями, крестными отцами, дѣдушками и влюбленными.

Не мѣшаетъ сказать: въ Петербургѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Европы, существуютъ двѣ знаменитыя эпохи въ году, когда наступаетъ рѣшительное торжество для вышеупомянутыхъ особъ; эпохи эти: Новый годъ и Свѣтлое Христово Воскресенье. За недѣлю до этихъ праздниковъ, Петербургъ перестаетъ ужъ быть Петербургомъ, и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ Аркадію: жены дѣлаются необычайно любезными и начинаютъ ухаживать за мужьями; дѣти начинаютъ отлично учиться; дяди, дѣдушки и крестные отцы встрѣчаютъ полные баллы въ школьныхъ репортичкахъ племянниковъ и внучковъ; влюбленные и ухаживатели всякаго рода, терявшіе надежду на счастіе въ продолженіе цѣлыхъ шести-семи мѣсяцевъ, теряютъ теперь голову отъ избытка надеждъ и радостей; словомъ,

въ эти блаженные дни идетъ непрерывный обмѣнъ улыбокъ, привѣтливыхъ рѣчей, обворожительныхъ billets doux, заманчивыхъ взглядовъ, трогательныхъ пожатій рукъ, сладко звучащихъ поцѣлуевъ, такъ что вчужѣ беретъ зависть! Самые слуги, кучера, кухарки и дворники дѣлаются вдругъ учтивыми, обнаруживаютъ просвѣщеніе и поражаютъ политичностью тончайшаго свойства; просто золотой вѣкъ! И вотъ всѣ эти отцы, мужья и влюбленные, не зная, чѣмъ бы лучше выразить свою признательность, бѣгаютъ какъ угорѣлые по всѣмъ магазинамъ, покупаютъ платья, шали, дорогую мебель, брильянты, кареты, шляпки, конфеты, даже дома и орловскихъ рысаковъ. Большинство человѣческаго общества состоитъ изъ отцовъ, дѣдовъ, дѣтей, дядей и влюбленныхъ, и вотъ почему, благодаря яркому освѣщенію, намъ попадаются однѣ только радостныя физіономіи; казалось, каждый несъ въ карманѣ вѣрную расписку въ томъ, что новый наступающій годъ будетъ для него несравненно счастливѣе протекшаго. Да, веселье было на всѣхъ лицахъ безъ исключенія! Веселье проникало всюду: оно разгуливало вмѣстѣ съ вѣтромъ по всѣмъ перекресткамъ и улицамъ, заглядывало подъ каждыя ворота, взбиралось по всѣмъ лѣстницамъ, навѣдывалось во всѣ этажи, въ подвалы, на чердаки; распространялось по всѣмъ городскимъ частямъ и кварталамъ, словомъ, всюду, гдѣ только знали о приближеніи новаго года; и гдѣ жъ этого не знали?

Что говорить! Въ многочисленной семьѣ петербургскихъ улицъ (семья, вы знаете, не безъ урода) могли, конечно, существовать (и вѣрно существовали) такіе отдаленные, глухіе переулки, гдѣ трудно сыскать малѣйшій признакъ торжества; могли найтись улицы, въ которыхъ приближеніе новаго года ничѣмъ не обозначалось, если не считать плошекъ, выставленныхъ хозяевами мелочныхъ лавочекъ, и тотчасъ же, впрочемъ, погашенныхъ вѣтромъ; но о такихъ захолустьяхъ говорить не стоитъ послѣ Невскаго проспекта. Ну, что въ самомъ дѣлѣ хорошаго въ этихъ далекихъ переулкахъ, куда шумъ заселенной части столицы едва-едва доходитъ чуть внятнымъ гуломъ; гдѣ едва слышатся радостныя восклицанія гуляющей толпы и трескъ экипажей; гдѣ все безмолвствуетъ, кромѣ вѣтра, который украдкою, какъ воришка, пробирается вдоль заборовъ, раскачиваетъ одинокіе беззащитные фонари и сметаетъ мелкій снѣгъ съ кровель низенькихъ деревянныхъ

домиковъ? Что хорошаго въ этихъ закоулкахъ? Куда ни взглянешь—пустырь, да пустырь! Дома то и дѣло прерываются заборами, такъ, что заборовъ больше, чѣмъ домовъ: домъ, потомъ заборъ; опять домъ и опять заборъ; а тамъ, далеко, какъ словно на другомъ концѣ свѣта, мелькаетъ огонекъ будки. Рѣшительно никакого развлеченія ни для ума, ни для глаза! Изрѣдка, развѣ, пробѣжитъ, поджавъ хвостъ и обнюхивая васъ, жалкая собачонка, потерявшая своего хозяина. Пѣшеходы попадаются рѣдко, а если и попадаются, то все какіе-то несообщительные: запрячетъ руки въ карманъ, уйдетъ съ головою въ воротникъ (хорошо еще, если есть воротникъ); нѣтъ, чтобъ сказать вамъ привѣтливое слово; не освѣдомится даже о вашемъ имени и отечествѣ, что, какъ извѣстно, исполняется въ этотъ вечеръ новаго года всѣми людьми мало-мальски знакомыми съ приличіемъ и общежитіемъ. Но даже и такіе прохожіе рѣдки.

Позвольте... вотъ снова скрипятъ чьи-то шаги за угломъ, снова кто-то приближается. Перейдемъ на другую сторону тротуара. Вѣрно, опять какой-нибудь забулдыга? Точно. Вотъ приближается онъ къ фонарю. Онъ не одинъ, однакожъ; съ нимъ мальчикъ. Жалкія фигуры!

Мальчику лѣтъ семь, не больше; продолговатое лицо мальчика миловидно, но въ настоящую минуту безъ всякой пріятности: ни улыбки, ни живого веселаго взгляда, свойственнаго дѣтскому возрасту; одѣтъ онъ, правда, плохо; но неужели такое ничтожное обстоятельство въ силѣ ужъ на него дѣйствовать? И то надо сказать, впрочемъ; въ этомъ переулкѣ вѣтеръ, не заслоненный высокими домами и толпою, свирѣпѣетъ безъ милосердія! Холодно, ухъ какъ холодно! Спутникъ мальчика тоже, кажется, не можетъ похвастать гардеробомъ; по всему видно, онъ въ тонкихъ, какъ говорится. Но это собственно ничего; главная причина неудовольствія, отпечатаннаго на лицѣ его, заключается, кажется, въ томъ, что мальчикъ дрожитъ отъ стужи и грозитъ превратиться въ ледяную сосульку. Можетъ такъ, а можетъ и иначе. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ въ тонкихъ снялъ съ себя какое-то подобіе шерстянаго шарфа, служившее галстукомъ, и плотно обвернулъ имъ шею мальчика, который во все время, какъ продолжалась эта церемонія, перескакивалъ съ ноги на ногу и дулъ въ маленькіе кулаки свои. Освободивъ себя отъ шарфа, спутникъ мальчика остался въ ветхомъ пальто,

такихъ же панталонахъ и картузѣ, изъ-подъ котораго вырывались въ безпорядкѣ длинныя пряди кудрявыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ.

Тусклый блескъ фонаря даетъ намъ возможность разсмотрѣть лицо его; оно отвѣчаетъ, какъ нельзя лучше, одеждѣ: такъ же изношено и жалко, хотя нѣсколько помоложе платья. Понятно, что съ такимъ костюмомъ и наружностью не слѣдовало показываться на Невскомъ проспектѣ, не говорю отъ двухъ до четырехъ часовъ, но даже въ настоящую пору. Если прибавить, что человѣкъ въ тонкихъ сильнѣйшимъ образомъ хромалъ на одну ногу и носилъ сапоги, имѣвшіе такой видъ, какъ будто нѣсколько разъ обошли вокругъ свѣта, всякій согласится, что поступалъ онъ даже благоразумно, удаляясь отъ Невскаго проспекта.

И въ самомъ дѣлѣ, какая была ему надобность идти на Невскій? Принимая въ соображеніе жалкій видъ пальто и сапоговъ, трудно было предположить, чтобъ владѣтель ихъ имѣлъ возможность зайти въ англійскій магазинъ и купить японскую вазу, или подняться къ Бале и купить фунтъ конфетъ à la Montpensier для своего спутника. Что жъ касается до того, чтобъ раздѣлять всеобщую радость, потискаться въ толпѣ, поглазѣть на окна магазиновъ, ему также, кажется, не до того было: онъ оставался повидимому совершенно равнодушнымъ къ приближающемуся новому году. Такъ по крайней мѣрѣ говорило блѣдное лицо его, освѣщенное фонаремъ; оно служило, сверхъ того, несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ душѣ человѣка въ тонкихъ не находилось даже надежды на то, что новый приближающійся годъ будетъ для него счастливѣе протекшаго года.

II.

Яша Жилетниковъ.

Было время, мой почтенный читатель, этому не очень давно, когда покрой пальто, фасонъ шляпы, цвѣтъ перчатокъ и блескъ сапоговъ имѣли для меня огромное значеніе въ моей публичной жизни. Публичная жизнь моя, нужно вамъ сказать, заключается въ томъ, что я гуляю отъ двухъ до четырехъ часовъ пополудни каждый день по Невскому проспекту. Не правда ли, такое мелочное чувство недостойно человѣка, имѣющаго нѣкоторое при-

тязаніе на званіе человѣка образованнаго и просвѣщеннаго? Я совершенно съ вами согласенъ. Мало этого: я дошелъ теперь, слава Богу, до того, что мысленно начинаю презирать людей, которые, увидя на улицѣ пріятеля или родственника въ порыжѣвшей шляпѣ, кидаются въ ближайшій магазинъ, чтобъ избѣжать случая пожать ему руку. При всемъ томъ чувствую, что далеко еще не исправился. Такъ, напримѣръ, гуляя по отдаленнымъ переулкамъ Петербурга, даже по Гороховой, Вознесенской, Садовой и прочимъ, я вполнѣ еще владѣю собою: мнѣ въ голову не приходитъ поглядѣть, все ли въ порядкѣ на плечахъ встрѣтившагося пріятеля; но странное дѣло! стóитъ только попасть на Невскій, особенно на солнечную, фешенебельную сторону, убѣжденія мои исчезаютъ какъ дымъ; чувство пошлаго, ложнаго стыда овладѣваетъ тотчасъ же слабымъ существомъ моимъ; я готовъ лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ пройтись рука объ руку съ знакомымъ, у котораго на рукахъ перчатки съ завиточками на концѣ пальцевъ, горбъ на спинѣ, или другой какой-нибудь недугъ, рѣзко бросающійся въ глаза. Знаю, меня нисколько не оправдываетъ множество друзей и пріятелей, которые раздѣляютъ мою слабость—очень хорошо знаю! Но что жъ прикажете дѣлать! страннымъ, непостижимо-страннымъ движеньямъ подвержена душа человѣческая! Но странная также, неизвѣданная пока еще, тайна заключается, должно быть, и подъ плитами этого тротуара солнечной стороны, тротуара, имѣющаго свойство превращать походку человѣка, его лицо, чувства, образъ мыслей, точку зрѣнія, и даже убѣжденія! Какъ видите, я далеко еще не исправился; время отъ времени, все еще нападаютъ самыя непохвальныя, франтовскія какія-то полосы. Такъ, напримѣръ, мнѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается совѣстно поѣхать на ванькѣ (а между тѣмъ у меня никогда не было кареты; нечего даже и надѣяться; никогда и не будетъ); лицо мое вдругъ принимаетъ тогда выраженіе какой-то комической важности; самодовольство проглядываетъ въ каждомъ моемъ движеніи; сердце, это доброе, впечатлительное сердце, неожиданно охладѣваетъ къ лучшимъ друзьямъ, не имѣющимъ собственнаго экипажа; я измѣняю даже тогда старинному портному своему, скрывающемуся подъ скромной фирмой: Au pauvre diable, и мысленно даю себѣ слово заказывать платье у столь прославленнаго Шармера, и проч., и проч. Въ такіе не-

счастные дни я за себя не ручаюсь; я чувствую, что откажусь отъ лучшаго друга, даже въ глухомъ переулкѣ. За доказательствами идти недалеко: мнѣ хотѣлось разсказать вамъ исторію одного стариннаго моего пріятеля (съ этою цѣлью принялся собственно нынче за перо), и что жъ? Одна мысль, что знакомый мой принадлежитъ къ сословію оборванцевъ, носитъ картузъ и не только не носитъ голландскаго бѣлья, но даже не имѣетъ манишки, смутила меня совершенно; я запнулся, замялся на первомъ же словѣ. Вмѣсто того, чтобъ прямо, откровенно приступить къ дѣлу, я началъ чуть ли не съ заката солнца, ни дать, ни взять, какъ одинъ мужичокъ расиновской комедіи: Les Plaideurs, который начинаетъ съ сотворенія міра, разсказывая о пропажѣ пѣтуха; я водилъ васъ по петербургскимъ улицамъ, приплелъ, ни къ селу, ни къ городу, сумерки, показалъ вамъ героя моего сначала подъ фонаремъ, словомъ: изловчался всѣми возможными способами, и все это для того только, чтобъ не сказать вамъ чистосердечно, что въ числѣ моихъ пріятелей находится одинъ оборванный!

Но раскаиваться, говорятъ, никогда не поздно. Основываясь на этомъ, скажу вамъ безъ обиняковъ, что человѣкъ въ тонкихъ, встрѣтившійся намъ въ переулкѣ, пользуется давнишней моей дружбой; я не остановлюсь на такой хорошей дорогѣ и тутъ же объявлю, что онъ никто иной какъ гаеръ Яша Жилетниковъ!

Но, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо извѣстно прямое значеніе слова гаеръ. Въ провинціи, напримѣръ, о гаерахъ знаютъ только по наслышкѣ.

Подъ именемъ гаера, изволите ли видѣть, разумѣютъ смертныхъ обоего пола, которые, по мѣткому простонародному выраженію, ломаются въ балаганахъ на святой и на масленой; а въ остальное время года добываютъ насущный хлѣбъ, посѣщая дворы большихъ домовъ, и, при содѣйствіи бубенъ и шарманки, кувыркаются черезъ стулья, ходятъ вверхъ ногами, прыгаютъ лягушкой, пригибаютъ затылокъ къ пяткамъ, и прочее, и прочее.

Гаеры, надо правду сказать, народъ вообще незажиточный; капиталистовъ насчитываютъ между ними весьма мало. Несомнѣнно, однакожъ, что изъ большого числа злополучныхъ смертныхъ, принадлежащихъ къ гаерскому сословію, самый злополучный былъ пріятель мой Яша Жилетниковъ.

Жилетниковъ, прошу замѣтить, не фамилія; фамилія Яши затеривается въ мракѣ неизвѣстности; я сомнѣваюсь даже, была ли у него когда-нибудь фамилія. Жилетниковъ — прозвище. Подобно большей части своихъ собратовъ, Яша началъ свое поприще не на подмосткахъ балагана, хотя имѣлъ бы на то полное право, но на подмосткахъ, или на нарахъ портняжнаго заведенія, гдѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги, на турецкій манеръ, а такъ какъ курсъ его ученья начался и ограничился шитьемъ однихъ жилетовъ, дальше онъ не пошелъ, его и прозвали Жилетниковымъ.

Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые страстно любятъ пускаться въ ученыя изслѣдованія и рѣшаютъ труднѣйшія задачи, хотя сами не твердо увѣрены въ разницѣ между магнетизеромъ и импровизаторомъ, часто смѣшиваютъ слово псевдонимъ съ анахронизмомъ, придаютъ ученое значеніе слову Шехеразада, и если въ продолженіе вечера разъ произнесутъ слова эксцентризмъ или субъектъ, то думаютъ, что сказали Богъ вѣсть какую мудрость; нѣтъ, я не принадлежу къ такимъ мудрецамъ, и потому не берусь рѣшить причины, заставившей Яшу Жилетникова промѣнять блестящую карьеру портного на шаткое гаерское поприще.

Разумѣется, если смотрѣть съ философской точки зрѣнія, послѣднее ремесло ничуть не хуже перваго; съ этой точки гаерство можетъ даже казаться выгоднымъ: давно ужъ, вѣдь, доказано, что гибкость—великое дѣло! Я увѣренъ, однакожъ, что Яша былъ далекъ отъ подобнаго воззрѣнія; практическая, чисто матеріальная сторона гаерскаго ремесла тоже не занимала его мысли; съ этой точки ремесло гаера ровно никуда не годится!

Хорошо, когда природа, всегда щедрая въ дарахъ своихъ, снабдитъ геркулесовской силой, крѣпкими ногами, которыя не знаютъ усталости, толстою кожей, которая не чувствуетъ холода подъ трико тѣлесно-кирпичнаго цвѣта, и такими здоровыми костями, что если случится шлепнуться со всего маху на мостовую послѣ неудачнаго salto-mortale, то стоитъ только крякнуть, да отряхнуться, чтобъ избавиться отъ контузіи. Но что, если природа отыметъ физическіе дары свои? что, если снабдитъ узенькою чахоточною грудью, тощими членами? Тогда что?.. И тогда, впрочемъ, ничего не произойдетъ особеннаго; точно такъ же пойдетъ все своимъ чередомъ; надо же

какъ-нибудь существовать и съ тощей грудью! Живой примѣръ этого видимъ въ Яшѣ Жилетниковѣ.

При всемъ томъ, Яша никогда не роптalъ на судьбу свою; мало того,—хотя иногда не подъ силу было держать на носу стулъ съ сидѣвшимъ на немъ мальчикомъ (тѣмъ самымъ, котораго видѣли мы въ переулкѣ); болѣзненно напрягались тощіе мускулы и дрожали локти, когда приводилось ходить на рукахъ, но публика встрѣчала всегда улыбку на лицѣ Яши Жилетникова. Яша гордился этой улыбкой. Съ однимъ только не могъ онъ никакъ справиться; не будь этого, онъ жилъ бы поживалъ припѣваючи: Яша страшно былъ зябокъ отъ природы; холодъ сокрушалъ его совершенно; стоило появиться десятиградусному морозу, добродушная улыбка мгновенно исчезала съ лица Яши; самое лицо его какъ будто измѣнялось тогда: скорчивалось, синѣло, зубы начинали щелкать, словомъ: онъ не походилъ на самого себя.

Такая слабость, простительная всякому другому, вовсе не шла, однакожъ, къ человѣку, прямая обязанность котораго заставляла, такъ сказать, красоваться въ трико во всякое время года. Говоря откровенно, тутъ все-таки не могло бы еще быть большой бѣды: мало ли на свѣтѣ благодѣтельныхъ средствъ, для предохраненія себя отъ стужи: коньякъ, напримѣръ, согрѣваетъ очень хорошо внутренность; другіе пьютъ ромъ или водку; третьи предпочитаютъ всему пѣнное; но горе въ томъ, что Яша не бралъ въ ротъ ни того, ни другого, ни третьяго; вообще говоря, Яша былъ человѣкъ трезвый, кроткій, смирный. Онъ былъ даже, я вамъ скажу, честный человѣкъ; меня не увлекаетъ пріязнь, я говорю сущую правду. За годъ до настоящаго времени, онъ нашелъ, идучи разъ переулкомъ, бумажникъ; въ бумажникѣ находились деньги, и что жъ? Яша представилъ все въ цѣлости въ полицію, о чемъ было даже своевременно напечатано въ газетахъ. Но о дѣлахъ зрѣлаго возраста послѣ; возвратимся къ дѣтству.

Семи лѣтъ отъ роду, Яша остался круглымъ сиротою; родства большого не было; была одна только мать, да и та торговала яблоками да гнилыми апельсинами на Вознесенскомъ мосту. Наслѣдство, какъ можете себѣ представить, осталось небольшое: всего, кажется, одна пара затасканныхъ башмаковъ, головной платокъ въ клѣткахъ и дырахъ, платье, пережившее ужъ нѣсколькихъ владѣлицъ

и купленное первой владѣлицей на Толкучемъ рынкѣ; еще остался лотокъ съ початой дюжиной гнилыхъ апельсиновъ. Трудно рѣшить, что̀ сталось бы съ бѣднымъ мальчикомъ послѣ того, какъ съѣдены были апельсины, если бъ не явился вдругъ благодѣтель-дворникъ сосѣдняго дома. Петербургскіе дворники пользуются вообще обширнымъ кругомъ знакомства; многіе пользуются даже кредитомъ въ мелочныхъ лавкахъ.

Дворникъ взялъ сироту подъ свое покровительство; и не прошло недѣли послѣ похоронъ яблочной торговки, какъ ужъ Яша грѣлъ утюги у портного мастера; то-то было ему тепло тогда! — Но—увы! его вскорѣ оторвали отъ печки и засадили за работу. Портняжное ремесло не далось Яшѣ: онъ былъ къ нему какъ-то, видно, не сроденъ; дойдя до жилета, Яша сталъ втупикъ, какъ становятся втупикъ нѣкоторые воспитанники, когда дѣло доходитъ до дифференціальнаго вычисленія. Фракъ, пальто, панталоны—все это было такъ же недоступно иголкѣ маленькаго Яши, какъ недоступна квадратура круга уму математиковъ. Яша не увлекался, однакожъ, примѣромъ товарищей; прогулки по Крестовскому, куреніе табаку, кедровые орѣхи, кутежъ—все это для него не существовало; тогда ужъ начиналъ мерещиться ему балаганъ, камзолы шитые блестками, перья на головахъ дамъ, выѣзжающихъ на балконы балагановъ, люди, бѣгающіе на рукахъ и пляшущіе на канатѣ подъ тактъ турецкаго барабана, и прочее. Самъ онъ говорилъ мнѣ не разъ: „Какъ услышу, говоритъ, шарманку на дворѣ, такъ даже, повѣрите ли, инда поджилки задрожатъ!“ При видѣ гаера, выдѣлывающаго штуки на коврѣ, сердце Яши Жилетникова билось какъ птица, посаженная въ клѣтку. Наконецъ, онъ не выдержалъ: бросилъ жилеты и поступилъ въ труппу какого-то канатнаго плясуна и вмѣстѣ съ тѣмъ акробата. Что прикажете дѣлать съ призваніемъ!

Не стану утруждать васъ описаніемъ, какъ провелъ Яша первые годы пребыванія своего на новомъ мѣстѣ. То была жизнь, преисполненная самыхъ горькихъ испытаній; пересчитать всѣ неудачные скачки Яши, перечесть всѣ случаи, когда онъ могъ сломить шею, такъ же трудно, какъ перечесть число шкаликовъ на петергофской иллюминаціи. Мы прямо перейдемъ къ той эпохѣ, когда онъ твердою ногою стоялъ на канатѣ безъ помощи балансира и бѣгалъ на рукахъ такъ же свободно, какъ

на ногахъ. Этому назадъ лѣтъ шесть. Труппа, въ которую поступилъ онъ тогда, была весьма многочисленна; стоитъ взглянуть на афишки того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ; тутъ могли вы видѣть и сирійскія игры, и египетскія пирамиды, и гимнастико-акробатическія штуки, и пантомимы, и даже живыя картины. Къ величайшему несчастью Яши (я говорю теперь отъ себя; Яша думалъ объ этомъ иначе), въ этихъ живыхъ картинахъ участвовали живыя женщины. Яша былъ также живой человѣкъ. Ну, разумѣется, сами знаете, сердце не камень... Яша влюбился. Стоя за кулисами въ одномъ трико (сколько разъ Яша говорилъ мнѣ объ этомъ), забывалъ онъ стужу, глядя, какъ возлюбленная его, принявъ обворожительную позу, вертѣлась передъ публикою на деревянномъ помостѣ! Судьба покровительствовала ему въ этотъ періодъ его жизни; въ какой-то пантомимѣ они объяснились. Хорошо то, по крайней мѣрѣ, что дѣло было на чистоту: Яшу никто не завлекалъ, никто не обманывалъ; благодаря амплуа возлюбленной въ живыхъ картинахъ, благодаря повертыванью на деревянномъ помостѣ, Яшѣ представлялся случай разсмотрѣть, такъ сказать, будущую судьбу свою со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Объясненіе произошло въ началѣ пантомимы, а въ концѣ оба ужъ рѣшились соединиться брачными узами. Получить согласіе родныхъ было не трудно: отецъ невѣсты находился тутъ же въ балаганѣ; онъ игралъ въ оркестрѣ на кларнетѣ.

Меня беретъ иногда раздумье при мысли, зачѣмъ женятся нѣкоторые люди? Я встрѣчалъ въ жизни непостижимые случаи. Такъ, напримѣръ, зналъ я одного человѣка, который отзывался всегда съ негодованіемъ о семейной жизни. Случилось ему разъ купить на аукціонѣ двухспальную кровать за очень дешевую цѣну, и что жъ бы вы думали? Съ этого самаго дня, какъ по волшебству какому-то, перевернулся вверхъ дномъ весь его образъ мыслей: онъ сталъ даже заговариваться, толкуя о подругѣ жизни, дѣткахъ и семейныхъ радостяхъ. Недѣлю спустя, я былъ шаферомъ на его свадьбѣ; въ нетерпѣніи своемъ онъ не позаботился даже о выборѣ: женился на дочери сосѣдняго булочника! Зналъ я другого человѣка; то былъ попросту дворовый человѣкъ средней руки. Приходитъ онъ разъ къ своему господину и проситъ позволенія жениться. Господинъ совѣтуетъ ему бросить такую

мысль, представляетъ всѣ резоны, молодость лѣтъ и прочее. Хорошо. Недѣлю спустя, дворовый человѣкъ снова прибѣгаетъ съ тою же просьбою. Баринъ снова усовѣщеваетъ.

Еще проходитъ недѣля, начинается та же исторія; на этотъ разъ, однакожъ, видъ дворовaго человѣка какъ-то особенно встревоженъ.

— На комъ же ты хочешь жениться? спрашиваетъ баринъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, власть милости вашей: наша, говорить, поломойка Матрена...

— Какъ же тебѣ не стыдно, возражаетъ удивленный баринъ,—сколько мнѣ извѣстно, и ты самъ это знаешь, Матрена не стоитъ твоего мизинца...

Тутъ господинъ развиваетъ ему свой образъ мыслей касательно поломойки. Дворовый человѣкъ совершенно соглашается; мало того, онъ присовокупляетъ еще къ свѣдѣніямъ барина свои собственныя, не дѣлающія чести невѣстѣ; но это не мѣшаетъ ему, однакожъ, настаивать на своемъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, такая ужъ, знать, судьба моя!

Баринъ настоятельно требуетъ тогда разъясненія такого отчаяннаго увлеченія.

— Знаю, сударь, все знаю, говоритъ дворовый человѣкъ, рыдая навзрыдъ,—все знаю, говоритъ: знаю, и такая она, и сякая, но какъ же быть-то? Вѣдь я, сударь, о прошлой святой ей подарилъ ситцевое платье въ восемь съ полтиной; такъ какъ же? неужто ему такъ и пропадать?

Дѣлать было нечего, парень обвѣнчался и до сихъ поръ еще не наплачется. Нечего сказать, солоно-таки обошлось ему ситцевое платье! Но это такъ только, къ слову пришлось.

Яша женился столько же по любви, сколько по разсудку, и, слѣдовательно, его дѣло совѣмъ другого рода. Онъ былъ совершенно счастливъ; лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что не проходило года безъ того, чтобъ жена не дарила ему наслѣдника; въ одинъ годъ явилось даже двое разомъ. Не успѣетъ Маша (такъ звали жену гаера), не успѣетъ выкормить одного ребенка, смотришь—ужъ и другой въ началѣ! Ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, явились ей нѣкоторыя затрудненія участвовать въ живыхъ картинахъ; не шло какъ-то, знаете.

Яша, съ своей стороны, не желая разлучаться съ женою, придумалъ слѣдующее: купилъ шарманку, купилъ на Апраксинѣ дворѣ старый коверъ и началъ обходить дворы, въ сопровожденіи жены и тестя; Маша играла на шарманкѣ, тесть вторилъ на кларнетѣ, Яша, между тѣмъ, кувыркался на коврѣ—и все шло какъ нельзя лучше; дѣлишки, право, шли очень не дурно. Когда подросли дѣти (ихъ было ужъ тогда четверо), они также приняли участіе въ представленіяхъ: четырехлѣтняя дочка плясала въ антрактахъ по-русски, шестилѣтній мальчикъ, тотъ самый, котораго видѣли мы въ переулкѣ, ловко ужъ взбѣгалъ на голову отцу и даже удачно держался на рукахъ безъ помощи родителя. Но счастье скоротечно. Одинъ шагъ, одно неловкое движеніе, одинъ неудачный прыжокъ—и все пошло прахомъ! Въ одно осеннее, пасмурное утро, Яша Жилетниковъ сломилъ себѣ ногу. Это случилось мѣсяца за три до начала нашего разсказа. Жена его на ту пору была беременна нѣсколькими мѣсяцами. Вернувшись изъ больницы, Яша засталъ страшную тѣсноту въ семействѣ; семейство сѣло на мель, какъ говорится. Жена лежала больная въ постели. Все поддерживалось пока однимъ старикомъ, который добывалъ кое-что, играя на кларнетѣ подъ окнами. Помощь, можете себѣ представить, была незначительная. Нельзя было, никакъ нельзя оставаться въ настоящемъ положеніи. Яшѣ слѣдовало рѣшиться на какое-нибудь предпріятіе, потому что показывать акробатическія штуки съ хромой ногою дѣло положительно невозможное. Случай опять-таки выручилъ Яшу. Выручка заключалась въ томъ, что Яша познакомился съ банщикомъ, который въ ту пору крайне нуждался въ качальщикахъ. Качальщиками называются люди, которые накачиваютъ въ баняхъ воду. Крайность миновалась, но дѣла шли все-таки худо.

Новорожденный (въ самое это время родила Маша), новорожденный окончательно спуталъ всѣ обстоятельства; въ два дня какихъ-нибудь онъ поглотилъ всѣ деньги, предназначенныя за наемъ квартиры. Доведенный до мата, Яша отправился вмѣстѣ съ старшимъ своимъ мальчикомъ къ знакомому банщику просить впередъ денегъ. Мы застали его въ ту минуту, когда онъ возвращался отъ банщика.

Зная хорошо обстоятельства Яши Жилетникова, я могу утвердительно сказать, что въ эту минуту онъ былъ бли-

зокъ къ отчаянію. Банщикъ отказалъ наотрѣзъ. Не думайте, чтобъ я сталъ осуждать банщика — совсѣмъ напротивъ. Банщикъ былъ въ своемъ правѣ; скажу болѣе: онъ былъ совершенно правъ, отказавъ Яшѣ въ деньгахъ.

Жилетниковъ забралъ у него впередъ болѣе цѣлковаго; а цѣлковый, сами знаете, много значитъ для оборотливаго человѣка. Здѣсь цѣлковый, тутъ цѣлковый, тамъ цѣлковый—смотришь—три цѣлковыхъ; три да три составляетъ шесть, шесть да шесть—двѣнадцать, этакъ дойдешь, пожалуй, и до тысячи! Нѣтъ, надо соблюдать счетъ. Мѣсяцъ тому назадъ, вышелъ такой же точно случай: банщикъ тоже отказалъ Яшѣ. Яша обратился ко мнѣ съ жалобой. „Нѣтъ, Яковъ Петровичъ“, сказалъ я ему,—„говоришь ты не такъ, какъ слѣдуетъ. Ты сколько получаешь въ мѣсяцъ?.. Четыре цѣлковыхъ! Хорошо; ну, такъ соблюдай экономію, своди свои счеты—вотъ и все тутъ; банщика винить нечего, пеняй на себя!“ Такъ нѣтъ же, поди, не послушалъ! Попадетъ полтинникъ, чѣмъ бы приберечь его, смотришь, купилъ женѣ платочекъ, либо башмаки, да ребятишкамъ по прянику! То-то молодость! Разсудка своего не имѣетъ, какъ говорилъ одинъ практическій философъ, также изъ моихъ знакомыхъ.

Но прекратимъ всѣ эти размышленія и послѣдуемъ лучше за Яшей и его мальчикомъ.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но мнѣ смерть хочется узнать, чѣмъ кончится для Яши Жилетникова вечеръ новаго года. Я теряюсь въ догадкахъ, и не постигаю, на что онъ рѣшится въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ? Такъ вѣдь нельзя, согласитесь сами, надо же на что-нибудь рѣшиться...

III.

Встрѣча.—Таинственный разговоръ.

Зная теперь зябкія свойства Яши Жилетникова, сами можете себѣ представить, какой страшный холодъ долженъ онъ былъ чувствовать, когда, снявъ съ себя шерстяной шарфъ, единственный, можно сказать, грѣющій предметъ гардероба, остался въ одномъ пальто, картузѣ и панталонахъ. Если изъ памяти мальчика изгладится когда-нибудь это обстоятельство, онъ не достоинъ будетъ названія человѣка; мы смѣло назовемъ его тогда неблагодарнымъ животнымъ.

Запрятавъ голую шею въ поднятый воротникъ пальто (Боже, какой воротникъ! безъ признака какой бы то ни было шерстинки), скорчившись подъ одеждой, какъ сухая горошина въ сухомъ стручкѣ, Яша продолжалъ путь. Вѣтеръ завывалъ, какъ собака, озлобленная голодомъ, и какъ собака кусалъ за икры всѣхъ тѣхъ, у кого были такіе же ненадежные сапоги и панталоны, какъ у Яши Жилетникова. Подъ конецъ Яша предоставилъ даже ноги на произволъ судьбы и занялся исключительно руками: слѣдовало по крайней мѣрѣ хоть ихъ предохранить отъ горькой участи; онъ прибѣгнулъ къ давно извѣстному способу; засунувъ кисть правой руки глубоко за пазуху и давъ ей согрѣться, онъ вынималъ ее на морозъ и поспѣшно пряталъ на ея мѣсто кисть лѣвой руки; этимъ простымъ способомъ все-таки наблюдалось нѣкоторое равновѣсіе; на долю каждой руки выпадало одинаковое число пріятныхъ ощущеній. Мальчикъ, между тѣмъ, бѣжалъ подлѣ вприпрыжку. Съ каждымъ порывомъ вѣтра ребенокъ прижимался къ отцу, сдавливалъ себя локтями и пищалъ, какъ будто въ него впивались иголки.

Яша торопливо вынималъ изъ-за пазухи кисть руки, наслаждавшуюся теплomъ, и принимался тогда ощупывать ребенку носъ и руки.

— Говорилъ, не ходи! произносилъ сквозь зубы отецъ, но безъ всякаго, однакожъ, сердца или раздраженія,—говорилъ, зазябнешь, такъ нѣтъ же, вотъ, ввязался, пошелъ! „Нѣтъ, тятенька, не боюсь холода!“ подхватилъ Яша, передразнивая ребенка и становясь спиною къ вѣтру, съ цѣлью защищать сына,—вотъ тебѣ и „не боюсь!“—Эхъ, такъ и жжетъ анаѳемской, бррр... буу-о! заключилъ Яша, снова запрятывая шею и ускоряя шагъ.

Такимъ порядкомъ добрались они до угла сосѣдняго переулка. Тутъ Яша неожиданно остановился.

— Вотъ-те на!.. какъ скоро! воскликнулъ онъ, откидываясь назадъ и увлекая за собою сынишку.

Переулокъ представлялъ, въ самомъ дѣлѣ, поразительную картину; было чему удивляться. Говоря относительно, тутъ было больше шума, блеска и движенія, чѣмъ даже на Невскомъ проспектѣ. Само собою разумѣется, что переулокъ торжествовалъ, благодаря мелочной лавочкѣ. Не будь лавочки, онъ скрывался бы до сихъ поръ въ невѣжественномъ мракѣ и новый годъ прошелъ бы для него незамѣтно. Я всегда горою стоялъ за мелочныя лавочки.

Лавочки то же, что маленькія столицы въ большой столицѣ, маленькіе Петербурги въ большомъ Петербургѣ; вліяніе ихъ на глухіе закоулки такъ же важно, какъ вліяніе столицъ на отдаленныя губерніи.

За полчаса до появленія Яши, огни ни за что не хотѣли показываться въ переулкѣ, ни дать ни взять, какъ щепетильныя дамы, которыя ни подъ какимъ видомъ не явятся первыми на балъ. На томъ бы, вѣрно, и стало дѣло, если бъ лавочникъ не поспѣшилъ вывѣсить лампы къ дверямъ лавочки; свѣтъ мгновенно распространился по переулку; но тутъ еще не все: вслѣдъ за лампою лавочникъ вынесъ еще пару плошекъ. Минуту спустя, на тротуарѣ передъ лавочкой появились ужъ гуляющіе. Лавочникъ оставался между тѣмъ у входа, и гордо поглядывалъ на стороны. Онъ имѣлъ полное право гордиться даже въ томъ случаѣ, если бъ не позаботился поддержать честь и славу своего переулка.

Лавочка, освѣщенная снаружи двумя плошками и лампою, представляла зрѣлище, не уступавшее въ великолѣпіи магазинамъ Невскаго проспекта; полагаю даже, вывѣска лавочки давала ей значительный перевѣсъ надъ послѣдними: она изображала двѣ сахарныя головы по бокамъ, золотую греческую чашу съ плодами по серединѣ, банку съ вареной брусникой въ перспективѣ, два лимона и кусочки пастилы, расположенные въ видѣ русской избы. Изъ окна, причудливо разрисованнаго снѣжными узорами, выглядывали яблоки, длинные вкусные хлѣбы, сальныя свѣчи, студень, исполинскія вотрушки, предназначавшіяся преимущественно жившимъ насупротивъ извозчикамъ, пироги съ капустой и морковью, пачки нюхательнаго табаку, извѣстнаго подъ именемъ березинскаго и страстно любимаго будочниками, луковицы, снопы чубуковъ, гитара и проч. Отворенная дверь позволяла любоваться бочками съ солодомъ, мукою и огурцами, метлой, конторкой, блистающими мѣдными вѣсами и остроконечною головою приказчика, какъ бы сформированной по образцу тѣхъ сахарныхъ головъ, которыя возносились стройными рядами на задней стѣнѣ.

Въ ту минуту, какъ Яша Жилетниковъ остановился за угломъ, гулянье принимало обширнѣйшіе размѣры. Нельзя сказать, чтобъ публика была самая отборная, но нельзя опять-таки сказать и того, чтобъ она состояла исключительно изъ оборванныхъ подмастерьевъ и необразованныхъ

водовозовъ; были по большей части все свои обыватели ближайшихъ домовъ; попадались смазливыя горничныя, отличавшіяся тонкимъ вкусомъ и обращеніемъ; лакеи всѣхъ возможныхъ родовъ, начиная съ надменнаго гайдука, завлеченнаго въ эти страны сердечною страстью, и кончая подслѣповатымъ, нахмуреннымъ малымъ, возвращающимся изъ сосѣдней булочной съ десяткомъ сухарей; попадались зеленовидныя мѣщанки, проживавшія въ свое удовольствіе; ловкіе писаря, отрывавшіеся поминутно отъ своихъ дамъ, чтобъ юркнуть въ лавочку и возвратиться съ леденцами въ оберточной бумагѣ; виднѣлись кухарки, страстныя охотницы до цикорнаго кофе; слѣдомъ, ужъ непремѣнно выступалъ кавалеръ съ выпуклою грудью, усами и фуражкой; были также и другія личности, достойныя вниманія; но тутъ, какъ и вездѣ, главную часть толпы составляли мальчишки, явившіеся при первомъ намекѣ на иллюминацію. Они молніею проносились по переулку, и, какъ шершавыя ночныя бабочки, кружась и вертясь, тискались подлѣ плошекъ. Во всемъ этомъ было дѣйствительно что-то праздничное, тѣшившее душу; какъ въ многолюдныхъ кварталахъ города, такъ и въ этомъ глухомъ захолустьѣ всѣ радовались приближенію новаго года. Веселый говоръ, шарканье, пискъ и хохотъ оглушали лавочника, который все еще продолжалъ гордо стоять подлѣ своей двери. Послѣднее это обстоятельство и заставило Яшу стоять такъ долго за угломъ. Благодаря блистательной иллюминаціи, лавочнику ничего не стоило увидѣть Яшу въ толпѣ; ничего также не стоило ему взять его за шиворотъ, и онъ непремѣнно бы исполнилъ это, если бъ Яша, позабывъ совѣты благоразумія, пустился по переулку. Жилетниковъ оставался долженъ лавочнику. Отправляясь къ банщику, онъ имѣлъ неосторожность завернуть къ лавочнику и обнадежить его, что нынче же вечеромъ выплатитъ долгъ. Лавочникъ могъ, слѣдовательно, схватить Яшу за шиворотъ, какъ человѣка, невѣрнаго въ своемъ словѣ.

Страшно критическое положеніе! Съ одной стороны, вѣтеръ, который уничтожалъ Жилетникова; съ другой стороны, лавочникъ, который непремѣнно бы его уничтожилъ. Не приведи Богъ находиться когда-нибудь въ такихъ обстоятельствахъ! Судьба, эта судьба, не оставляющая насъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ жизни, опять-таки выручила Яшу. Онъ приходилъ ужъ въ совершен-

ное отчаніе, какъ вдругъ вѣтеръ сорвался съ кровель, поднялъ съ мостовой миріады снѣжныхъ блестокъ, закружилъ ихъ въ воздухѣ, повернулъ за уголъ, ворвался, какъ бѣшеный, въ переулокъ и задулъ плошки, украшавшія входъ лавочки. Въ толпѣ гулявшихъ произошло страшное смятеніе, сопровождавшееся визгомъ мальчишекъ и возгласами дамъ, которымъ вихрь потревожилъ юбки.

Пользуясь случаемъ, Яша подхватилъ замерзавшаго мальчика, и, прихрамывая, прискакивая, пустился безъ оглядки мимо лавочки. Минута—онъ былъ ужъ на противоположномъ углу и входилъ въ другой переулокъ. Оставалось теперь недалеко до квартиры; но если Яша ускорялъ шагъ, то дѣлалъ это единственно для ребенка. Не Богъ знаетъ какія радости ожидали его дома. Вечеръ новаго года не имѣлъ ничего привлекательнаго для Яши; онъ душевно желалъ, чтобъ его вовсе даже не существовало на свѣтѣ. Первое число января считается обыкновенно крайнимъ срокомъ уплаты долговъ; радуются тѣ только, у кого очищены счеты. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ обледенѣлыми ногами, Яша приближался къ своему жилищу, когда до слуха его неожиданно долетѣли звуки кларнета, вылетавшіе вмѣстѣ съ вѣтромъ изъ сосѣдней улицы.

— Это дѣдушка! произнесъ мальчикъ останавливаясь.

Не знаю; но вѣрно то, что звуки лучинушки, сопровождаемые самыми фантастическими переливами, дѣйствительно раздавались по окрестности. Хорошо было, съ одной стороны, что звуки эти напоминали нѣкоторымъ образомъ извѣстныя пѣвучія двери Пульхеріи Ивановны и Аѳанасія Ивановича; басы выполняли, правда, лучинушку, но тонкія ноты явственно вторили: „ай, батюшки, зябну!“

— Это дѣдушка! дѣдушка! повторилъ мальчикъ съ такимъ радостнымъ выраженіемъ, какъ словно на него пахнуло тепломъ изъ отдушника.

— Ступай домой; скажи матери: сейчасъ, молъ, приду, произнесъ отецъ, поворачиваясь въ ту сторону, откуда слышалась лучинушка,—ступай же скорѣй... зазябъ вовсе, вишь руки-то какъ окоченѣли?..

— Ничего, нѣтъ, ничего... торопливо отвѣчалъ мальчикъ, похлопывая ладонями и припрыгивая, — ничего, право-слово ничего...

— Какой ничего; замерзъ какъ есть...

— Ей-Богу ничего, пойдемъ къ дѣдушкѣ!

Дѣлать нечего, надо было чѣмъ-нибудь вознаградить ребенка за отсутствіе подарковъ и гостинцевъ, которыми награждаютъ въ этотъ вечеръ другихъ дѣтей; къ тому же, на совѣсти отца лежала елка, которую обѣщалъ къ Рождеству и которой также не было. Яша молча взялъ сынишку за руку и пошелъ въ ту сторону, гдѣ заливался кларнетъ. Немного погодя, увидѣли они, при свѣтѣ фонаря, низенькаго старичка, который стоялъ передъ окномъ, и, переминая ногами, игралъ на кларнетѣ. Окно, задернутое занавѣской, было сильно освѣщено изнутри; надо полагать, топилась въ комнатѣ печка; перебѣгающее пламя и человѣческія тѣни на занавѣскѣ поминутно обманывали старика; каждый разъ, какъ за окномъ обнаруживалось больше движенія, старикъ принимался выдѣлывать самые трудные пассажи; онъ не сомнѣвался, что сейчасъ отворится форточка, и къ ногамъ его упадетъ гривенникъ, завернутый въ бумажку; но тѣни скрывались и снова изъ кларнета слышалось сильнѣе еще прежняго: „ай, батюшки, зябну!“

— Дѣдушка! здравствуй дѣдушка! неожиданно прокричалъ мальчикъ.

Неоконченная нота пискнула изъ кларнета, и старикъ обернулся; но не успѣлъ онъ опустить инструментъ, какъ внучекъ скрылся подъ полами его фризовой шинели.

— Эхъ, озорникъ какой! чуть съ ногъ не сшибъ! сказалъ старикъ, принимая наклонное положеніе, чтобъ дать больше мѣста подъ шинелью.—Э! да и ты здѣсь, Яша?.. промолвилъ онъ, подымая голову.

— Здѣсь, батюшка...

— Ну, что, голубчикъ, какъ?.. благополучно ли? торопливо спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка... какъ есть ничего! глухо отвѣчалъ Яша.

— Что ты?

— Напрасно только ходилъ.

— Эхъ, дѣло-то наше! Эка оказія, право! плохо, Яша, плохо, голубчикъ! проговорилъ старикъ, отдувая щеки, что дѣлалъ онъ поминутно, вѣроятно, по привычкѣ дуть въ кларнетъ,—эхъ, фу, фу-у! дѣло такое! стало, такъ ничего и не досталъ?

— Не даетъ; и того, говоритъ, много оченно забрано.

— Эхъ, фу-фу! промолвилъ тесть, запрятывая кларнетъ подъ шинель и не замѣчая второпяхъ, что при-

жалъ клапаномъ инструмента носъ внучку,—этакая оказія! подхватилъ онъ.—Ну, и я, того... Ничего то-есть не добылъ! весь кварталъ почитай исходилъ; игралъ, игралъ, одну лучинку разъ сорокъ никакъ проигралъ,—никакого толку, фу-фу! только вотъ и досталъ одинъ пятакъ на свѣчку; въ лавкѣ взялъ, домой снесъ; эхъ-ма! фу, фу, фу! зарѣзала насъ, Яша, нога твоя! какъ есть, всѣхъ зарѣзала она, варварка! добавилъ онъ, тряхнувъ головою.

Старикъ поправилъ картузъ, прикрывавшій широкую лысину и нѣсколько пучковъ сѣдыхъ волосъ, и, переваливаясь съ ноги на ногу, чтобъ не задавить бѣжавшаго подъ шинелью внучка, направился къ дому въ сопровожденіи продрогшаго зятя. Пройдя шаговъ десятокъ, кларнетистъ пріостановился, выровнялся съ гаеромъ и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Вотъ теперича, слышь, статья какая: какъ намъ съ квартирой-то быть? началъ старикъ.

Яша ничего не отвѣчалъ; лицо его ушло въ воротникъ пальто, одна рука скрылась въ карманъ; онъ хотѣлъ словно спрятаться въ эту минуту отъ всего свѣта.

— Вѣдь вотъ теперича, Василій Аѳанасьевичъ сказалъ: „коли не будетъ, говоритъ, денегъ понеча объ вечеръ, завтра, говоритъ, духу вашего чтобъ не было“... вотъ она статья-то какая, фу, эка! слышь, для новаго-то года. А! подхватилъ старикъ,—оно, положимъ, ништо: что жъ? ну, и съѣхали бы! главная причина, Маша слегла—вотъ что! перевезти-то не слободно, нѣтъ силы-возможности; застудишь, вишь какіе холода стоятъ... она-то пуще всего насъ связала, фу, фу, а!

— Все единственно, безъ денегъ и здоровую не перевезешь, отозвался Яша изъ глубины пальто.

— Ну, нѣтъ, съ здоровой-то все бы того... повольготнѣе; все какъ бы ни есть перевернулись: пошла бы тогда съ шарманкой; ребятишекъ съ собой взяли бы.

— Было и это, а лучшаго не видали; что ужъ тутъ! глухо отозвался Яша.

— Ну, нѣтъ, братъ, нѣтъ, повольготнѣе жили противъ теперешняго... такой тѣсноты не видали; хоть за квартиру платили; дѣло на виду: ну, что, примѣрно, я одинъ возьму? Ходишь, ходишь, вотъ хоть бы сегодня, дуешь, дуешь, инда щеки заболятъ, а придешь ни съ чѣмъ! этакое задалось дѣло! фу, фу!.. Ну, такъ какъ же быть-то,

а? присовокупилъ старикъ. — Неужели-таки съ пустыми руками вернемся? хоть ситничка добыть надо.

При словѣ „ситничекъ" обѣ полы шинели слегка распахнулись и пропустили голову мальчика.

— Купи ситничка, дѣдушка! купи ситничка! проговорилъ ребенокъ.

— Спрячься, холодно! спрячься, говорятъ, сказалъ дѣдъ, съ особенною какою-то торопливостью закрывая полами шинели лицо внучка, который снова почувствовалъ на носу своемъ клапанъ кларнета.—Слышь, Яша, продолжалъ старикъ, понижая голосъ, толкая локтемъ зятя и кивая ему головой на спрятаннаго ребенка,— слышь, вѣдь съ утра маковой росинки въ роту не было, какъ есть!.. Я чай и тамъ-то пищатъ!.. Эхъ, народили вы на свою голову!.. Теперича вотъ еще статья какая: что намъ съ Васюткой-то дѣлать? груди не беретъ. Ходилъ въ лавочку, просилъ, не даетъ Парфенъ молока въ долгъ, не отпущаетъ... что намъ съ Васюткой-то дѣлать?

— А то же... О чемъ говорили вечоръ... то и сдѣлаемъ! отозвался Яша, и вдругъ высунулъ изъ пальто руки и голову съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, который видитъ наконецъ, что всѣ ухищренія напрасны, что не убѣжишь отъ людскихъ преслѣдованій.

— Полно, Яша, полно... что ужъ это?.. надо найти, примѣрно, другое средствіе... примирительнымъ тономъ началъ было старикъ.

Но Яша перебилъ его:

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ на томъ положилъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя дрожащимъ голосомъ.

Яша, повидимому, не обращалъ уже вниманія на стужу; онъ шелъ, открывъ руки и голую шею на вѣтеръ.

— Нѣтъ, Яша, право можно найти окромя другое средствіе, подхватилъ старикъ, сильнѣе еще прежняго отдувая свои щеки,—что ужъ это!.. изверпемся лучше какъ-нибудь... вѣдь жаль, Яша, право жаль.

— А мнѣ и подавно... какъ быть!

— Ничего изъ того не будетъ, никакого, то-есть, облегченія... лишнія слезы однѣ—право такъ, фу, фу! Одно возьми въ разсужденье: развѣ другимъ ребятишкамъ легче будетъ черезъ это? Что пятерымъ ѣсть нечего, что четверымъ—все одна статья. Эхъ, фу, фу, эхъ, народили вы ихъ на свою голову!

— Точно, легче не будетъ, сказалъ Яша послѣ минуты

молчанія,—точно; по крайности, хошь одинъ изъ моихъ дѣтей голодать не станетъ; хошь одинъ, да будетъ счастливѣе! Авось, поможетъ, Богъ дастъ, возьмутъ, взмилуются, беречь станутъ... Нонче же день такой, подъ новый годъ... Подумаютъ, на счастье послалъ Господь, ну, и возьмутъ, оберегать станутъ.

— Эхъ, хе! вотъ-те и новый годъ!.. Чѣмъ бы радоваться, тѣшиться... Эхъ, фу! фу, а!

— А насчетъ человѣка, о комъ мы вечоръ говорили, продолжалъ Яша, пропустившій мимо ушей восклицаніе тестя,—человѣкъ хорошій, надежный, тоже вотъ и достатки большіе имѣетъ, что ему! не даромъ идетъ о немъ слава по всему кварталу.

— Что говорить! возразилъ тесть тономъ раздумья,—человѣкъ хорошій, это точно; а все жаль, Яша! фу, фу; а человѣкъ, то-есть, лучше быть нельзя; точно, хорошій человѣкъ! Больше ста разъ можетъ статься довелось мнѣ играть у него на дворѣ: только заигралъ—сейчасъ тебѣ гривенникъ высылаетъ... И не то, примѣрно, есть другіе господа, играть оченно заставляютъ, то-есть, безперечъ; нѣтъ, говоритъ, ступай, братецъ; самъ изъ форточки покажется; игры, говоритъ, мнѣ твоей ненадобно... такъ, ни за что дастъ гривенникъ... баринъ чего ужъ лучше!

Яша ничего не отвѣчалъ; у старика также, видно, отпала охота разговаривать; оба шли молча до тѣхъ поръ, пока мальчикъ, выглядывавшій время отъ времени изъ своей засады, окончательно не оторвалъ носа отъ клапана, мѣшавшаго ему глядѣть на улицу, и не закричалъ:

— Пусти меня, дѣдушка, домой пришли!

— Тсс... тише, не шуми! сказалъ старикъ, снова набрасывая полу шинели на голову внучка,—надо изловчиться, примѣрно, какъ-нибудь, пройти, такъ легонько... промолвилъ онъ, наклонясь къ зятю.—Главная причина, слышь, не повстрѣчаться бы намъ съ Васильемъ Аѳанасьевичемъ: оченно сердитъ нонче; ужъ коли да провѣдаетъ это—денегъ нѣтъ, велитъ съѣзжать съ квартиры, это ужъ безпремѣнно!.. Завтра, можетъ статься, для новаго-то года какъ-нибудь посовѣстится... А мы тѣмъ временемъ извернемся... Завтра съ утра пойду играть, авось что и добуду; малую толику выплатимъ ему за квартиру, онъ, слышь, того, и обождетъ!

Проговоривъ все это съ явнымъ намѣреніемъ обнаде-

жить зятя, старикъ опустилъ ладонь къ тому мѣсту шинели, гдѣ скрывалась голова внучка. чтобъ, въ случаѣ надобности, тотчасъ же зажать ему ротъ, и, бережно ступая по снѣгу, вошелъ подъ ворота вмѣстѣ съ Яшей.

Домъ выходилъ на уголъ двухъ переулковъ; то было каменное, но одноэтажное и неоштукатуренное зданіе, принадлежавшее вдовѣ какого-то Дроздова, что можно было прочесть, при дневномъ свѣтѣ, на желтомъ ярлыкѣ, прибитомъ надъ воротами. Къ этому дому примыкали, одинъ за другимъ, еще четыре дома, но ужъ деревянные и глядѣвшіе своими низенькими окнами прямо на распивочную, расположенную въ сосѣднемъ переулкѣ. Ворота каменнаго, передового зданія служили единственнымъ сообщеніемъ съ другими владѣніями вдовы Дроздовой. Чтобъ попасть въ дальній домъ, вмѣщавшій квартиру гаера, слѣдовало пройти длинный, предлинный дворъ, ограниченный справа четырьмя деревянными домами, слѣва заборами; дно двора замыкалось тѣми же барочными досками, просверленными дырами.

Въ лѣтнее время дворъ Дроздовой походилъ еще на что-нибудь: трава и крапива росли въ изобиліи; въ заднемъ углу возвышалось даже какое-то деревцо; и дѣти обывателей могли дышать свѣжимъ воздухомъ, какъ только очищалась помойная яма, что происходило ровно разъ въ мѣсяцъ. Но лишь только наступалъ ноябрь съ своими вѣтрами и снѣгами, дворъ дѣлался окончательно ужъ ни на что не похожимъ: учитель словесности и чистописанія, жившій на хлѣбахъ у самой хозяйки, не даромъ называлъ ея дворъ Кавказомъ Дарьяльскаго ущелья. Снѣгъ съ кровель сметали внутрь двора, и снѣжные бугры возвышались со всѣхъ сторонъ, какъ волны окаменѣлаго Ледовитаго моря; всякій жилецъ выносилъ сюда все, что находилъ лишнимъ въ хозяйствѣ; кромѣ того, выкатывалъ бочки, корчаги, корыта; веревки съ висѣвшимъ бѣльемъ, протянутыя отъ кровель до забора, распространяли повсюду темноту полярныхъ ночей. Если бъ Яша и его тесть не были здѣшними обывателями, и если бъ, вдобавокъ, не раскидывалось надъ ними ясное морозное небо, усѣянное ярко блиставшими звѣздами, они, вѣрно, не нашли бы дороги. На дворѣ царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерываемая звяканьемъ колокольчика, возвѣщавшаго, что въ распивочную сосѣдняго переулка навѣдывались гости.

Къ тишинѣ этой, вскорѣ, однакожъ, примѣшалось ка-

кое-то шипѣнье, очевидно выходившее изъ дальнихъ сѣней. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, старый кларнетистъ увидѣлъ на полу сѣней огненную звѣзду, а немного повыше—круглое, одутловатое лицо, освѣщенное трубою закипавшаго самовара.

— Эхъ, нелегкая его возьми, онъ... шепнулъ старикъ, невольно дѣлая шагъ назадъ и тотчасъ же приводя въ дѣйствіе опущенную ладонь, то-есть, зажимая ротъ внучку, изъ предосторожности, чтобъ тотъ какъ-нибудь не выдалъ.

— Анна Ивановна, это вы? раздался почти въ то же время въ сѣняхъ гнусливый голосъ, старавшійся казаться пріятнымъ.

— Гм! гм! откашлянулся старикъ.

— Что его бояться! пускай гонитъ съ квартиры, квартира его!.. пробормоталъ Яша, который, подобно всѣмъ людямъ, обнаруживающимъ робость и нерѣшительность въ мелочахъ жизни, сдѣлался вдругъ необыкновенно храбръ въ минуту истинной опасности.

— Анна Ивановна, вы ли это? повторилъ голосъ.

— Нѣтъ, гм! гм!.. это я... гм! это мы! отозвался старикъ, приближаясь къ сѣнямъ и опуская руки, при чемъ полы шинели распахнулись и пропустили голову мальчика.—Поди, Ваня, къ матери, скажи, сейчасъ, молъ, будемъ, примолвилъ старикъ, нагибаясь къ внучку, который мгновенно исчезъ въ какой-то темной двери.—Это мы! заключилъ старикъ, окончательно ужъ вступая въ сѣни, облѣпленныя сверху до низу инеемъ.

Василій Аѳанасьевичъ человѣкъ средняго роста, средняго возраста, лѣтъ, такъ, подъ пятьдесятъ, съ лицомъ пухлымъ, но болѣзненнымъ и такимъ зеленымъ, какъ будто питался онъ однимъ только сѣномъ (меня не удивило бы, если бъ Василій Аѳанасьевичъ точно питался травою); онъ нюхалъ табакъ, и подъ носомъ его, изрядно опухшимъ, виднѣлись всегда слѣды табачной пыли. Рѣдкіе волосы Василія Аѳанасьевича, зачесанные съ праваго уха на лѣвое, съ явнымъ намѣреніемъ скрыть лысину, были бѣлокуры. Говорятъ, будто лица людей бѣлокурыхъ всегда мягче и пріятнѣе, чѣмъ у брюнетовъ; я съ этимъ не согласенъ; встрѣчаются и бѣлокурыя лица, на которыхъ грубыя человѣческія свойства какъ бы сосредоточили свою резиденцію. За доказательствами идти не далеко... но оставимъ это! Коротенькій халатъ, подпоясанный платкомъ,

позволялъ любоваться на груди Василія Аѳанасьевича темнымъ съ свѣтлыми пуговицами жилетомъ, подъ которымъ дрожалъ, какъ студень, жирный подбородокъ. Василій Аѳанасьевичъ былъ золотильщикъ; но въ настоящее время онъ мало занимался ремесломъ своимъ; время уходило на разыскиваніе невѣсты, которая по возможности должна была осуществлять (такъ самъ онъ говорилъ) три достоинства: молодость, красоту и достатокъ. Василій Аѳанасьевичъ нанималъ у Дроздовой весь задній домъ, состоявшій изъ четырехъ компатъ; двѣ комнаты отдавалъ внаймы, въ остальныхъ двухъ самъ помѣщался. Съ жильцами своими обходился онъ хорошо, то-есть, требовалъ только съ ихъ стороны строжайшей аккуратности и еще безграничнаго уваженія къ себѣ собственно, какъ къ главному хозяину квартиры. Вообще говоря, онъ человѣкъ обращенія ровнаго, но твердъ въ словѣ; если ужъ скажетъ, чтобъ жилецъ черезъ часъ очистилъ квартиру, такъ ужъ поставитъ на своемъ. Онъ никогда не горячился; голосъ его возвышался въ тѣхъ только, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, когда упрямый, неуважительный жилецъ вынуждалъ его грозить полиціей.

— Гм! гм! это мы, Василій Аѳанасьевичъ, повторилъ старикъ, стараясь придать слову „мы“ какое-то особенно нѣжное выраженье.

— Вижу, братъ, вижу... сказалъ золотильщикъ, окидывая жильцовъ такимъ взглядомъ, что когда онъ снова обратилъ глаза къ самовару, самоваръ зашипѣлъ сильнѣе прежняго.—Вижу, подхватилъ онъ;—только этого мало: требуются деньги за квартиру, вотъ что!

— Гм! гм!.. изволишь видѣть, Василій Аѳанасьевичъ... оно, то-есть... мы, изволишь видѣть...

— Что тутъ толковать! все одно, не сегодня, завтра надо сказать, нѣтъ денегъ! отрывисто произнесъ Яша.

Василій Аѳанасьевичъ поднялъ голову.

— Какъ же можешь ты это говорить своему хозяину? повторилъ Василій Аѳанасьевичъ съ чувствомъ глубочайшаго достоинства.

— Который цѣлковый мы вамъ должны, тотъ заплатимъ и квартиру очистимъ, а кричать на насъ нечего! возразилъ Яша съ такою горячностью, какой вовсе нельзя было ожидать отъ полузамерзнувшаго человѣка; впрочемъ, говорятъ, и ледъ даетъ искру при сильномъ треніи.

Такая выходка въ конецъ ошеломила золотильщика.

— Когда такъ, сказалъ онъ, горделиво запахивая халатъ,—вонъ, ступай вонъ!.. не то я позову сюда...

Слово полиція готово ужъ было сорваться съ языка раздраженнаго Василія Аѳанасьевича, и, нѣтъ сомнѣнія, онъ привелъ бы въ дѣйствіе свою угрозу, если бъ старикъ не поспѣшилъ остановить его.

— Эхъ, Василій Аѳанасьевичъ, и для такого дня, для новаго-то года?.. полно! сказалъ онъ, толкая локтемъ зятя,—мы тебѣ заплатимъ, все до послѣдней копеечки очистимъ... только, маленечко еще... слышь, повремени маленько!.. У насъ и разговору, примѣрно, матеріи такой не было бы, не случись горя... не сломи Яша ногу... Мы всегда платили, кажись, исправно; повремени, по силѣ возможности; то-есть, вотъ какъ: по гробъ жизни благодарить станемъ! Ну хорошо, сгонишь, это примѣрно, ты насъ съ квартиры, нонче сгонишь; все одно, завтра никто ее не сыметъ; вѣдь также пустая останется!.. Дай намъ воздохнуть, поуправиться... завтра новый годъ, авось сотворитъ Господь, для того дня добуду деньженокъ... обожди, благодѣтель!

— Зачѣмъ же говорить такъ: „денегъ нѣтъ“, ворчливо возразилъ золотильщикъ, старалсь поддѣлаться подъ топъ Яши,—ты знать долженъ, кому говоришь; хозяину своему говоришь! не на улицѣ попался человѣкъ, что ты можешь ему говорить такимъ манеромъ! Это, братецъ, не хорошо, подхватилъ онъ наставительнымъ, но ужъ смягченнымъ голосомъ,—да, долженъ благодарить, а не то, чтобъ такъ хозяину, потому, выходитъ, квартира первая вещь, всему голова, заглавіе... И то держу изъ милости, по добродѣтели по своей; давно бы согнать надо по-настоящему; потому, выходитъ, мы нищихъ никогда не держали; васъ держать, выходитъ, все единственно—срамота одна. Вотъ хоть бы сегодня, безъ васъ Анна Ивановна снесла вамъ хлѣба... что же это такое! какіе же вы жильцы послѣ этого? просто срамота одна съ вами; отчаянный самый народъ и больше ничего!..

— Конечно, поспѣшилъ подхватить старикъ изъ опасенія, чтобъ зять не вмѣшался въ разговоръ и не испортилъ дѣла,—конечно, Василій Аѳанасьичъ, точно, тѣснота одолѣла... фу, фу... а все же надо, примѣрно, взять въ разсужденье... все же не по своей провинности: нога, вотъ его нога-варварка насъ всѣхъ зарѣзала!.. потому мы не какіе-нибудь мазурики... Хошь бы, примѣрно, зять мой,

помнишь, прошлый-то годъ бумажникъ нашелъ, съ деньгами нашелъ, вѣдь отдалъ же кому слѣдуетъ, не попользовался... Это значитъ не всякой такъ поступитъ! добавилъ старикъ, не пропускавшій случая приплести исторію найденнаго бумажника.

— А все, главная причина: не долженъ онъ такъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ, перебилъ золотильщикъ,—потому квартира всему голова, заглавіе, и хозяинъ квартиры самый выходитъ...

Скрипъ шаговъ, неожиданно раздавшійся на дворѣ, прервалъ рѣчь его.

— Анна Ивановна, это вы? произнесъ онъ, смягчая до крайней степени голосъ.

— Я, Василій Аѳанасьичъ, я самая! отвѣчалъ кисленькій, но не лишенный пріятности голосокъ, какимъ говорятъ обыкновенно старыя дѣвы, не утратившія еще надежды на замужество.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ сѣняхъ показалась крошечная, сухопарая женщина съ коротенькими руками, обремененными узлами, съ крошечной головкой, опутанной платкомъ, и крошечнымъ лицомъ, въ которомъ все какъ-то было кругло: и носъ, и щеки, и подбородокъ, и даже ротъ. То была другая жилица золотильщика! но, Боже, какая жилица! образецъ всѣхъ жилицъ! Самъ Василій Аѳанасьевичъ уважалъ Анну Ивановну. Она дѣйствительно заслуживала уваженье: женщина была добрая, платила за квартиру исправно, имѣла даже маленькій капиталъ, въ триста рублей ассигнаціями, нажитый честными трудами. Анна Ивановна занималась, вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ, вязаньемъ шерстяныхъ носковъ, чепчиковъ и перчатокъ, предназначавшихся для продажи на Апраксиномъ дворѣ, гдѣ пользовалась она вѣсомъ и всеобщимъ уваженіемъ. Такое общественное положеніе дѣлало величайшую честь Аннѣ Ивановнѣ: круглая сирота, безъ связей, безъ подпоры, она всѣмъ была себѣ обязана. Анну Ивановну обвиняли въ гордости и часто происходившей отъ того обидчивости, щепетильности; но всякому покажется такая слабость весьма натуральною, если сказать, что покойный папенька Анны Ивановны содержалъ цырюльню на Владимірской. Содержать цырюльню не всякій можетъ — не бездѣлица; и, какъ хотите, простительно гордиться такимъ родителемъ.

— Здравствуйте, Василій Аѳанасьичъ! скороговоркою

начала Анна Ивановна, перекладывая узелъ съ одной руки на другую; — здравствуйте, Герасимъ Степанычъ, примолвила она, обращаясь къ старику; — добраго вамъ вечера, Яковъ Петровичъ! ухъ, какъ устамши! бѣжала, знаете, изъ лавочки... насилу духъ перевожу... а тутъ, знаете, человѣкъ... ахъ, какъ перепужалась... да, знаете, дерзкой такой... о чемъ это вы здѣсь заговаривались?

— Да вотъ, Анна Ивановна, денегъ не отдаютъ за квартиру...

— Просимъ то-есть обождать по силѣ-возможности... хоть до завтра бы, Анна Ивановна, вмѣшался старикъ,— вѣдь все одно, также пустая простоитъ!..

— Полноте, Василій Аѳанасьичъ, повремените, ваше не уйдетъ; знаете, завтра ужъ день такой! сказала Анна Ивановна,—васъ за это во весь годъ Богъ счастьемъ наградитъ; добрымъ дѣломъ начнете годъ, добрымъ и кончится... вотъ такъ же, знаете, покойный мой папенька... содержалъ этта онъ, знаете, цырюльню на Владимірской, ну былъ, знаете, человѣкъ не то, чтобъ какой-нибудь... также, знаете, свой капиталъ имѣлъ; такъ разъ, знаете, передъ новымъ годомъ весь долгъ простилъ...

— Для васъ ужъ развѣ сдѣлаю уваженье, Анна Ивановна... такъ и быть! Народъ вотъ видите оченно отчаянный, вотъ что!..

— Ну, хоть для меня! хоть для меня! торопливо сказала дѣвица. Ухъ, какъ устамши! Пойду; прощайте; теперь, знаете, некогда. Смотрите же, Василій Аѳанасьичъ, приходите какъ обѣщали! знаете, этакъ черезъ часочекъ... надо же вмѣстѣ новый-то годъ встрѣтить! я ужъ и въ лавочкѣ кое-что взяла; будутъ все знакомые вамъ люди: Андреичъ... знаете, такой еще весельчакъ-то; такъ приходите же!

— Погодите, Анна Ивановна, вотъ что; неловко, какъ словно... У меня, вамъ извѣстно, родственникъ изъ Тихвина гоститъ... сестринъ...

— Это ейный-то мужъ? Иванъ Тихонычъ! такъ что жъ такое? и его зовите!

— Не приходится какъ-то...

— Вотъ вздоръ какой! непремѣнно приведите... такой любезный, обходительный человѣкъ... скажите, оченна дескать рады знакомству.

— Хорошо, скажу, Анна Ивановна; только вотъ, какъ

я вамъ говорилъ: пожалуйста, чтобъ не было у васъ дяди Николая... одинъ уговоръ...

— Помилуйте, что вы, что вы! ни за какія благополучія не будетъ! что вы! я и такъ напрямикъ ему отказала... что вы! Онъ, хотя, знаете, и дядя мнѣ по маменькѣ, ейный братъ, а нечего дѣлать, потому человѣкъ, знаете, невоздержанный, страсти подобно! разстроитъ только нашу пріятную компанію.

— То-то же; пожалуйста, Анна Ивановна, потому оно, знаете, и для квартиры нехорошо: затѣетъ шумъ, драку.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю вамъ—не будетъ! Такъ смотрите же этакъ черезъ часокъ приходите... Прощайте, Герасимъ Степанычъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Прощайте, Яковъ Петровичъ! Поклонитесь Марьѣ Герасимовнѣ, да скажите—навѣщу ее завтра утромъ, безпремѣнно, заключила Анна Ивановна, исчезая въ дверяхъ, расположенныхъ въ дальнемъ углу.

— Что жъ вы здѣсь стоите? спросилъ золотильщикъ, обращаясь къ двумъ оставшимся жильцамъ,—до завтраго вечера обожду... и то больше, что просила Анна Ивановна.

— Ну, благодарствуй, Василій Афанасьичъ! отвѣчалъ старикъ, — желаемъ тебѣ, фу, фу! желаемъ встрѣтить счастливо новый годъ!

— Спасибо, спасибо; и вамъ того желаю, торопливо проговорилъ золотильщикъ; при этомъ онъ поднялъ самоваръ, и, откинувъ назадъ зеленое лицо свое, въ которое неожиданно устремилась струя горячаго пара, поплелся за Анной Ивановной, бормоча сквозь толстыя свои губы:— Этакой отчаянный народъ, право! такой-то отчаянный, что просто и сказать нельзя!

Старый кларнетистъ и зять его, акробатъ, постояли на мѣстѣ секунды двѣ, потомъ повернулись къ дощаной двери, повѣсили голову и тоже побрели въ свою квартиру.

IV.

Семейство акробата. Похищеніе.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно ввести васъ теперь, хоть для разнообразія, въ великолѣпную комнату, установленную, не скажу—мебелью Гамбса или Тура, Лизере или Гальпена, нѣтъ, этого мало, но настоящею неподдѣльною булевскою мебелью; комнату, украшенную, сверхъ того, севрскимъ, саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, обвѣ-

шанную драгоцѣнными картинами, устланную мягкимъ, какъ пухъ, ковромъ, и освѣщенную карселями въ нѣсколько сотъ рублей за штуку, и проч. Но, къ сожалѣнію, я долженъ подавить въ себѣ такое желаніе. Долгъ прежде всего: мы необходимо приносимъ ему иногда въ жертву лучшія наши фантазіи.

Волей-неволей, я снова долженъ буду повѣствовать о другѣ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ. У Жилетникова же, сколько могу судить, не имѣется въ настоящее время не только булевской, но даже гамбсовской мебели; я сильно даже сомнѣваюсь, была ли когда-нибудь у Жилетникова хоть одна самая маленькая, самая ничтожная японская ваза; мнѣ по крайней мѣрѣ никогда не приходилось видѣть у него что-нибудь въ этомъ родѣ. Комната Жилетникова (квартира его состояла изъ одной комнаты) отличалась необыкновенной простотой; никакого лишняго украшенія на стѣнахъ, кромѣ развѣ узоровъ, образовавшихся отъ сырости, да еще трещинъ и впадинъ, происшедшихъ отъ обвалившейся штукатурки; строгая простота служила, казалось, девизомъ Яшѣ Жилетникову: простота въ разстановкѣ мебели, простота на окнѣ, гдѣ располагались просто, безъ всякаго намѣренія пустить пыль въ глаза: горшокъ, муравленая подбитая миска, нѣсколько деревянныхъ ложекъ и глиняная кружка. Мнѣ нравилось всегда, что единственное окно комнаты постоянно завѣшивалось какимъ-нибудь предметомъ изъ гардероба: фартукомъ, платкомъ, иногда даже панталонами; свѣтъ, конечно, нѣсколько заслонялся, но зато Яша Жилетниковъ, его жена, тесть и дѣти не имѣли съ утра до вечера передъ глазами помойной ямы, какъ нарочно расположившейся передъ окномъ. Не знаю, какъ вамъ, но помоему, одно было не хорошо, именно, отсутствіе тепла; въ настоящую минуту вамъ стоило только дохнуть противъ свѣта сальнаго огарка, чтобъ убѣдиться, какая страшная разница существовала между теплотою вашего дыханія и воздухомъ комнаты. Огарокъ, купленный часъ назадъ старымъ кларнетистомъ, возвышался на шарманкѣ, поставленной къ окну; шарманка служила столомъ семейству акробата; тутъ обѣдали, ужинали, пили чай; впрочемъ, чаю давно ужъ не пили; столъ, какъ видите, былъ съ музыкой (такіе столы продавались, говорятъ, очень дорого на лондонской и дублинской выставкахъ).

Пламя огарка, придавленное мохнатой шапкой нагара,

освѣщало жалкую сосновую кровать съ лежавшей на ней женщиной. Какъ, неужели это та самая Маша, которую видѣлъ я когда-то на сценѣ балагана! Та самая Маша, которой любовался я, когда, бывало, вертѣлась она при блескѣ лампъ на деревянномъ кругѣ въ игривомъ образѣ Венеры, нимфы и тому подобнаго. Куда жъ дѣвались эти каріе, живые глаза? эти полныя плечи и икры, имѣвшія свойство приводить меня всегда въ неописанный восторгъ? Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, это Маша, жена лучшаго друга моего, Яши Жилетникова! Никто не могъ подмѣнить ее! Я вижу ее теперь въ профилѣ, вижу рѣдкія пряди бѣлокурыхъ волосъ на преждевременно увядшихъ вискахъ, вижу одну темную впадину вмѣсто праваго глаза, но, несмотря на это, безошибочно узнаю старую свою знакомку.

Никогда еще, во всю ея жизнь, не приводилось ей принимать участія въ такой печальной живой картинѣ! Подлѣ нея лежалъ послѣдній ея ребенокъ, обвернутый въ какое-то бурое тряпье; остальные члены семейства помѣщались тутъ же, на той же кровати: въ ногахъ сидѣлъ знакомый намъ Ваня; раздранированный платкомъ, которымъ больная мать поспѣшила его прикутать, онъ жадно вонзалъ зубы въ хлѣбъ, принесенный Анной Ивановной и оставленный на его долю; подлѣ располагалась сестра его, дѣвочка пяти лѣтъ, но ужъ большая мастерица плясать русскую и сохранять равновѣсіе въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ, въ заключеніе спектакля, ставилъ ее себѣ на голову; она совсѣмъ почти исчезла подъ ветхой отцовской шинелью; наружу выглядывали только бѣлокурая, кудрявая головка и круглое личико, подрумяненное холодомъ; тутъ было еще двое дѣтей; но послѣднія окончательно ужъ затеривались въ многочисленныхъ складкахъ одѣяла и одежды, брошенной на постель. Изнуренный профиль матери, ея колѣни, голова Вани, кудри его сестры и складки одѣяла, приподнятаго головами двухъ младшихъ дѣтей, бросали на ближайшую стѣну густую зубчатую тѣнь, которая становилась все длиннѣе, по мѣрѣ того, какъ сокращался огарокъ; тѣнь начинала ужъ захватывать ветхое трико кирпичнаго цвѣта, принадлежавшее главѣ семейства и висѣвшее на гвоздѣ; немного подальше, на другомъ гвоздѣ, виднѣлись голубой камзолъ съ оставшимися кой-гдѣ блестками, бубенъ, маленькій кокошникъ и сарафанчикъ—предметы драгоцѣнные, но висящіе безъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ Яша сломилъ

себѣ ногу и пятилѣтняя дочь его не участвовала ужъ въ представленіяхъ. Остальные предметы гардероба частью находились на плечахъ Яши и его тестя, которые еще не возвращались.

Для полноты живой картины, недоставало только тишины; отсутствіе тишины отнимало весь эффектъ: мать безпрестанно кашляла, новорожденный не переставалъ пищать, пятилѣтняя дѣвочка ежилась, другіе два ребенка, какъ самые неблагоразумные въ семействѣ, высовывали поминутно головы и жаловались на стужу. Изъ всѣхъ этихъ звуковъ я предпочитаю, однакожъ, возгласы Вани, который разсказывалъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ похожденія свои съ отцомъ. Несмотря на частныя остановки, происходившія единственно оттого, что кусокъ хлѣба въ рукахъ его не былъ еще конченъ, онъ успѣлъ передать о томъ, какъ отправились они съ отцомъ изъ дома; сообщалъ, какъ началъ онъ думать, что умретъ отъ холода, когда пробирались они по темнымъ закоулкамъ своего квартала; какъ достигъ потомъ освѣщенныхъ улицъ, и какъ вдругъ забылъ и вѣтеръ, и холодъ, когда очутился предъ блистающими высокими окнами, заставленными сверху донизу игрушками и лакомствами; онъ слегка только коснулся дерзновенной мысли присвоить себѣ маленькую изъ этихъ игрушекъ, и то потому больше, что вызванъ былъ неумѣренными восторгами пятилѣтней сестры своей; потомъ перешелъ Ваня къ тому, какъ отецъ снова повелъ его темными холодными переулками; онъ началъ ужъ разсказывать, какъ вошли они къ банщику, но въ эту самую минуту въ дверяхъ послышалось топанье, и вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ комнаты показались его отецъ и дѣдушка.

Разсказчикъ тотчасъ же остановился: на постели произошло необычайное движеніе, точно заколыхалось море, въ которомъ, вмѣсто плавающихъ матросовъ, ныряли маленькія дѣти. Не берусь передать вамъ крика, съ какимъ встрѣчены были вошедшіе; въ этомъ единодушномъ дѣтскомъ возгласѣ было что-то похожее на восторженную пискотню неоперившихся еще птичекъ, когда, завидѣвъ издали мать, высовываютъ онѣ изъ гнѣзда желтенькіе носочки, въ полной увѣренности, что она несетъ имъ гостинецъ. Но сравненіе нейдетъ къ дѣлу; а если и пришлось кстати, то говоритъ въ пользу дѣтей Жилетникова: пискотня маленькихъ птичекъ, привыкшихъ двад-

цать разъ въ день получать гостинцы, свидѣтельствуетъ только о ихъ нетерпѣніи, неумѣренности, жадности, и ровно ничѣмъ не оправдывается, тогда какъ дѣти Жилетникова имѣли полное право подымать суматоху, потому что, во-первыхъ, никогда еще не получали гостинца; во-вторыхъ, гостинецъ былъ имъ обѣщанъ. Да, дѣдушка Герасимъ обѣщалъ имъ гостинецъ, и я нахожу, что въ этомъ именно заключается главная вина его. Очень нужно было разсказывать, что сегодня новый годъ! что въ новый годъ умныхъ и послушныхъ дѣтей награждаютъ подарками! Хуже всего то, что Яша, думая избавиться какъ-нибудь отъ пискотни и желая дать покой своей женѣ, имѣлъ неосторожность подтвердить слова дѣда; къ довершенію всѣхъ бѣдъ, онъ добавилъ, что непремѣнно принесетъ игрушекъ всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, если только перестанутъ они надоѣдать матери: судите же сами, можно ли было оставаться равнодушнымъ при появленіи отца и дѣла!

Не говорю о пятилѣтней плясуньѣ: одной секунды было достаточно, чтобъ освободиться изъ-подъ шинели, соскочить на-земь и броситься къ отцу; но даже другіе два ребенка, присутствіе которыхъ обозначалось до сихъ поръ жалобами и движеніями подъ одѣяломъ, и тѣ побросались съ кровати и облѣпили отца; казалось даже, самъ новорожденный закричалъ звончѣе обыкновеннаго.

Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ (отцовскіе карманы тотчасъ же оказались пустыми), ребятишки мгновенно обратились къ дѣду, и хорошо, впрочемъ, сдѣлали: оглушенный ихъ крикомъ, стѣсненный въ своихъ движеніяхъ, Яша шагу не могъ сдѣлать къ женѣ, которая давно, между тѣмъ, повернула къ нему изнеможенное лицо свое и спрашивала о чемъ-то.

— Гдѣ вы долго такъ были?.. Измучили вы меня совсѣмъ! говорила она слабымъ, но раздраженнымъ голосомъ, свойственнымъ женщинамъ, одержимымъ грудною болью.

— Никакъ нельзя было... не управился... далеко оченно ходилъ, произнесъ Яша, торопливо приближаясь къ постели, между тѣмъ какъ тесть увлекалъ дѣтей въ дальній уголъ.—Ты, Маша, не сумлѣвайся, поспѣшилъ присовокупить мужъ, замѣтивъ слѣды безпокойства на блѣдномъ лицѣ жены,—ей-Богу не сумлѣвайся... лучше то-есть быть нельзя!.. спроси хоть у батюшки.

— Не сумлѣвайся, Маша, все благополучно! гм! все, какъ есть! подхватилъ старикъ, становясь на цыпочки и бережно укладывая кларнетъ на гвозди подъ потолкомъ, въ такое мѣсто, куда не могли достать дѣти. — Лучше быть нельзя! подхватилъ онъ, — и банщикъ, и... и я вотъ кое-что того... фу, фу, добылъ! и все такое! Полно вамъ кричать-то... ну, что вѣшаетесь! (тутъ онъ неожиданно обернулся къ внучкамъ) — эки какіе, право! сказано: принесъ—чего вамъ еще. А вотъ кто кричать станетъ, да досаждать, тому ничего не дамъ; такъ, ни съ чѣмъ останется! Видите матери нездоровится... эки, право, безстыжіе какіе!..

Яша поглядывалъ украдкою на жену. Слова отца, повидимому, не произвели на нее желаннаго дѣйствія: брови ея слегка дрогнули, глаза съ безпокойствомъ переходили отъ мужа къ отцу; грудь, по которой изгибалась темная, глубокая тѣнь, поднялась какъ бы стѣсненная мрачнымъ предчувствіемъ и недовѣрчивостью.

— Ты думаешь того... нѣтъ, нѣтъ, не сумлѣвайся! заговорилъ вдругъ Яша съ необычайной живостью; при этомъ онъ снялъ съ себя картузъ, тряхнулъ имъ по воздуху и даже усмѣхнулся; но я былъ всегда того мнѣнія, что Яша Жилетниковъ былъ столько же ловкій акробатъ, сколько плохой актеръ; несмотря на улыбку, лицо его оставалось блѣдно и встревоженно, чему не мало способствовали черные волосы, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ по плечамъ; въ одномъ развѣ можно было отдать ему справедливость: онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ стискивалъ зубы, такъ что не было возможности замѣтить, какъ они щелкали.

— Скажете ли вы наконецъ толкомъ-то: что жъ банщикъ... далъ ли онъ денегъ? проговорила больная съ большею еще противъ прежняго раздражительностью.

— Какъ же... то-есть, далъ! возразилъ Яша съ увѣренностью.

— Гдѣ же онѣ?.. покажи...

— Погоди маленько... дай вздохнуть... надо, то-есть, видишь ли... надо обождать немножко... Такъ и сказалъ:— сію секунду, говоритъ, въ наличности не имѣю... повремени часокъ, говоритъ, возьми впередъ, говоритъ, хоть за цѣлый мѣсяцъ... Ты бы, Маша, пальтомъ моимъ прикуталась, все бы, того, потеплѣе, ей-Богу! добавилъ неожиданно Яша, приводя въ дѣйствіе слова свои.

Въ отвѣтъ на это, жена его закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Побойся Бога! эхъ! эхъ! ну, о чемъ? заговорили въ одно время Яша и тесть, торопливо подбѣжавшій къ постели, — вѣдь вотъ ты вѣдь какая! не дослушаешь, да и того...

— Эхъ, подхватилъ старикъ,—ну, о чемъ плакать-то? словно махонькая, разсудку, примѣрно, своего не имѣешь... говорятъ, обожди часокъ... вѣдь ждали же, ждали почитай цѣлые мѣсяцы...

— Ваня сказывалъ, встрѣтили Василія Аѳанасьича... съ квартиры обѣщалъ согнать... Обманываете вы меня! проговорила Маша, рыдая.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! съ комическою увѣренностью воскликнулъ старикъ,—поди-жъ ты, о чемъ сокрушается!

— Самое, что ни есть пустяшное, нестоящее дѣло! прибавилъ Яша, украдкою грозя сыну.

— Слышь, о чемъ сокрушается! Эхъ-ма! подхватилъ старикъ, — слышь, Василья Аѳанасьича повстрѣчали! Да ты спроси сперва-наперва, что было-то? Слава Господу Богу, что еще встрѣтились! Переговорили съ нимъ и все такое... повременить обѣщалъ; то-то вотъ, не знамши-то, не спросимши, да въ слезы...

— А денегъ-то все нѣтъ!.. Теперь надо бы молочка ребенку, а гдѣ...

— Все будетъ, все, дай только срокъ! вѣдь я же толкомъ говорю: игралъ нонче почитай весь вечеръ на кларнетѣ... ну, и выручилъ, и лавочнику заплатилъ; можно сейчасъ взять. А вотъ встрѣтился еще одинъ человѣкъ: „безпремѣнно, говоритъ, принесу нонче же вечеромъ“; былъ за нимъ маленькій должокъ, такъ онъ, примѣрно, обнадежилъ; „безпремѣнно, говоритъ, принесу“; о чемъ крушиться-то? Бога только гнѣвишь, право!

Тутъ старикъ толкнулъ локтемъ Яшу, и оба соединенными силами принялись увѣщевать больную. Яша краснорѣчиво распространился о добродѣтеляхъ банщика, коснулся, для вящшаго эффекта, о стѣсненныхъ обстоятельствахъ этого достопочтеннаго мужа, убѣждалъ жену повременить только часъ, одинъ единственный часъ; говорилъ, что, по прошествіи этого времени, онъ готовъ сломать лѣвую свою ногу, если банщикъ не принесетъ обѣщанныхъ денегъ. Старикъ, въ свою очередь, съ особеннымъ увлеченіемъ повѣствовалъ о лавочникѣ, о добытыхъ

деньгахъ и о случайно встрѣтившемся человѣкѣ, который черезъ часъ обѣщалъ выручить. Изъ словъ дѣдушки Герасима ясно значилось, что если онъ не захватилъ молока для новорожденнаго, такъ единственно потому лишь, что лавочка была биткомъ набита покупателями: никакъ не продерешься, и что ему и Яшѣ невтерпежъ ужъ было дожидаться на улицѣ: оба страхъ продрогли; а что, вотъ только немного пообогрѣются, сію жъ минуту пойдутъ въ лавочку, принесутъ все нужное и даже заберутъ кой-чего лишняго.

Не берусь рѣшить, что именно подѣйствовало на больную: краснорѣчивыя ли убѣжденія мужа и престарѣлаго отца, слабый ли лучъ надежды, нежданно прокравшійся въ ея встревоженную душу, или, попросту, ослабѣвшіе ея нервы утомились происшедшею сценой, но только она мало-по-малу успокоилась; она перестала плакать, подавила вздохъ и, прикутавъ спавшаго подлѣ младенца, опустилась на подушку, при чемъ верхняя часть ея туловища окончательно исчезла въ густой тѣни, бросаемой спинкой кровати.

Яша медленно отошелъ тогда въ дальній уголъ, сѣлъ на скамью и, уперевъ локти въ колѣни, опустилъ голову въ ладони.

Трудно рѣшить, о чемъ думалъ онъ въ эту минуту. Скорѣе можно поймать на лету одну за другою дюжину ласточекъ, чѣмъ уловить чужія мысли. Принимая въ соображеніе существующія обстоятельства, можно приблизительно догадываться, что Яша думалъ о теплыхъ квартирахъ и жильцахъ, которые блаженствовали, сидя теперь передъ топившейся печкой; думалъ о знакомыхъ гаерахъ, у которыхъ сытыя дѣти, здоровая жена и, вдобавокъ, цѣлыя ноги; думалъ о нѣсколькихъ тысячахъ сытныхъ пироговъ съ капустой и морковью, которые поспѣвали теперь въ печкахъ; думалъ о нѣсколькихъ стахъ котлетахъ (Яша произносилъ всегда коклеты), которыя жарились теперь въ трактирахъ, и проч. Мысли его, цѣпляясь одна за другую, перешли, наконецъ, незамѣтно къ бумажнику, найденному имъ прошлаго года; въ этомъ бумажникѣ, сказывали ему, было около тысячи рублей... Тысяча рублей!.. Ну, что, если бы?.. Но Яша въ ту же секунду подавилъ въ себѣ такую мысль, и съ этой минуты исключительно ужъ занялся будущностью дѣтей своихъ, судьбою новорожденнаго.

Старикъ, между тѣмъ, давно присоединился къ внучкамъ. Онъ усѣлся съ ними на жиденькомъ тюфякѣ, брошенномъ на полу за спинкою кровати, и, посадивъ къ себѣ кого на колѣни, кого подлѣ, а кого такъ, просто, поглаживая по головкѣ, разсказывалъ сказку. Это былъ единственный способъ усмирить на время ребятишекъ и заставить ихъ забыть объ обѣщанныхъ гостинцахъ. И въ самомъ дѣлѣ, слушая дѣдушку Герасима, нельзя было не забыться, нельзя было не развѣсить ушей! Чего только не приплеталъ онъ къ своей сказкѣ! тутъ были и коровы съ золотыми рогами, у которыхъ на одномъ боку помѣщалась баня, на другомъ боку котелъ, такъ что можно было въ одно время и мыться, и париться; были золотыя березы, отягченныя серебряными яблоками; были острова съ медовыми рѣками, паточными ручьями, кисельными берегами и пряничными домами... Чего только не было! Слюнки текли сами собою. И неизвѣстно, до какихъ сластей дошелъ бы, наконецъ, старикъ, если бъ, поднявъ какъ-то голову, не встрѣтилъ взгляда Яши, взгляда, сопровождаемаго выразительнымъ движеніемъ головы. Старикъ тотчасъ же замялся.

— Ну, дѣтушки, сказка наша теперь кончена: жили поживали, да добро наживали и все такое... А я вотъ что скажу вамъ, прибавилъ онъ вкрадчивымъ шопотомъ, — вотъ мы теперь всѣ, сколько насъ ни на есть, всѣ — и мать, и отецъ, и я, и вы — всѣ, слышь, того... соснемъ маленечко.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ спать! закричали дѣти въ одинъ голосъ.

— Тсс... шт!.. прошипѣлъ старикъ, выглядывая изъ-за спинки постели и устремляя глаза на больную, лежавшую въ забытьи, — шт!.. прислушайте только: вотъ мы того, часочекъ соснемъ, а тамъ, слышь, новый годъ встрѣчать станемъ... время вѣдь много еще до новаго-то года! Тѣмъ временемъ, я знаю, подойдетъ одинъ человѣкъ, принесетъ денегъ... А вотъ кто плакать будетъ, прибавилъ старикъ, грозя двумъ младшимъ внучкамъ, которые принялись хныкать, — тому не будетъ гостинца, право, не будетъ! Ну, ребятушки, нут-ка, кто скорѣе заснетъ! Ваня, ты прозябъ, голубчикъ, лягъ-ка, поди, какъ согрѣешься! заключилъ дѣдъ, обращаясь съ особенною заботливостью къ старшему внуку, какъ къ самому смышленому.

— Что жъ, дѣдушка, коли не хочется, возразилъ Ваня.

— Экой ты, братецъ ты мой, какой! понудь себя маленько... лягъ только, лягъ; я тебя прикутаю. А придетъ тотъ человѣкъ — сапоги куплю! Вѣдь твои всѣ прорваны, и на улицѣ-то стыдно показаться, мальчишки и то смѣются. Ну, ребятушки, ляжемъ! Вотъ и я съ вами, только прикутаю.

Сказавъ это, старикъ снялъ съ гвоздя трико, камзолъ, бросилъ ихъ на дѣтей, которыя сбились въ кучу, и вскорѣ самъ присоединился къ нимъ. Магическое слово „сапоги“, которые, можно сказать, были первою несбыточною мечтою семилѣтняго мальчика, произвело на Ваню такое же вѣрное дѣйствіе, какъ слово „гостинецъ“ на его сестеръ и братьевъ; свернувшись кренделемъ подъ лохмотьями отцовскаго гардероба, они закрыли глаза и, обманутые притворнымъ храпѣньемъ дѣда, вскорѣ заснули крѣпчайшимъ сномъ...

— Спятъ? прошепталъ Яша, осторожно приподымаясь со своего мѣста.

— Угомонились, отвѣчалъ старикъ, отрываясь какъ бы нехотя отъ группы внучковъ и вставая на ноги. — Яша, прибавилъ онъ, подходя къ зятю и взявъ его за руку,— Яша, неужто, въ самомъ дѣлѣ? Одумайся, подумай, съ ней-то что станется! заключилъ онъ, кивая головою на спавшую дочь.

Въ отвѣтъ на это Яша махнулъ только рукой, потомъ перекрестился и съ видомъ суетливаго какого-то замѣшательства приблизился на цыпочкахъ къ кровати; тесть шелъ за нимъ и также крестился.

Увѣрившись, что больная точно спала, Яша тихонько отвернулъ уголъ одѣяла, подъ которымъ лежалъ новорожденный (какъ дрожала въ эту минуту рука Яши, о, если бъ вы только видѣли!). Нужна была необычайная ловкость гаера (я увѣренъ, что никакой другой человѣкъ, кромѣ фокусника или гаера, не справился бы съ такою ловкостью), чтобъ приподнять младенца и не разбудить его. Одинъ крикъ — и все погибло! но крикъ не раздался, и Яша отошелъ съ младенцемъ къ двери.

Тутъ Яша остановился, пригнулъ заплаканное лицо свое къ ребенку и перекрестилъ его.

— Мочи нѣтъ, силы не хватаетъ, не могу! прошепталъ онъ задыхающимся отъ сдавленныхъ рыданій голосомъ,— возьми ты его отнеси, батюшка... тебѣ все не такъ тяжко... возьми! присовокупилъ онъ, поспѣшно укладывая ре-

бенка на руки старика, и, не давъ ему времени опомниться, вывелъ его изъ комнаты.

Очутившись въ сѣняхъ, они остановились и стали прислушиваться. Имъ послышались чьи-то голоса, сопровождаемые хохотомъ. Догадавшись, что весь этотъ шумъ выходилъ изъ квартиры Анны Ивановны, гдѣ, судя по времени, должна была ужъ начаться пирушка, старикъ и гаеръ подошли къ двери, выходившей на дворъ.

— Услышатъ... дверь подлѣ... неси... Христосъ съ тобою! Господи! проговорилъ Яша, прикладываясь губами къ тому мѣсту, гдѣ скрывались ножки младенца, и призывая на помощь всѣ свои силы, чтобъ не разразиться воплемъ.—Иди, батюшка! иди, Христосъ съ нимъ! счастливѣе будетъ! Нонче такой день... я за тѣмъ больше и ждалъ новаго года... ступай, батюшка!.. Господи!

Вѣтеръ врывался съ такою силою въ растворенныя ворота, что крутилъ снѣгъ даже въ сѣняхъ; морозъ, казалось, еще усилился: духъ захватывало, но Яша Жилетниковъ никакъ не могъ оторваться отъ сѣнныхъ дверей и продолжалъ крестить окоченѣвшею рукою младенца и тестя, хотя оба были ужъ давнымъ-давно на улицѣ.

Дѣдушка Герасимъ шелъ между тѣмъ своей дорогой. Дѣдушка Герасимъ былъ человѣкъ старый, и, слѣдовательно, опытный, много извѣдалъ онъ на вѣку своемъ всякой всячины и больше всего горестей: приводилось видѣть, какъ умирали собственныя дѣти, привелось хоронить жену, и какъ еще хоронить! безъ гроша денегъ! случалось мерзнуть по цѣлымъ суткамъ и голодать по цѣлымъ недѣлямъ, и проч., и проч. Но всѣ испытанія, такъ по крайней мѣрѣ казалось ему въ настоящую минуту, ровно ничего не значили противъ того, что̀ приводилось теперь испытывать.

Мудренаго нѣтъ: ни разу еще не случалось ему подкидывать внучковъ; впечатлѣніе было ново, и потому-то самому сильно дѣйствовало. Онъ точно несъ подъ шипелью не младенца, но трехъ-пудовую гирю; колѣни его подгибались сами собою и стучали другъ о дружку немилосерднѣйшимъ образомъ; но хуже всего было то, что на глаза его поминутно набѣгали слезы и застилали зрѣніе, и безъ того ужъ довольно слабое. Это обстоятельство было причиною, что съ нимъ произошло именно то, чего онъ такъ опасался, когда завернулъ за уголъ и вступилъ въ сосѣдній переулокъ.

Противъ самыхъ оконъ Анны Ивановны (квартира золотильщика, если помнитъ читатель, выходила въ переулокъ), дѣдушка Герасимъ столкнулся носъ къ носу съ дядей Николаемъ, родственникомъ Анны Ивановны.

Старикъ хотѣлъ было прошмыгнуть мимо, но дядя Николай ухватилъ его за шинель и назвалъ по имени. Отступать было поздно. Дядя Николай, освѣщенный съ одной стороны окномъ своей родственницы, съ другой стороны фонаремъ распивочной, представлялъ изъ себя безконечно длинную, сухую, комически мрачную и встрепанную фигуру съ остаткомъ картуза на головѣ, съ остаткомъ синяго длиннополаго кафтана на костлявыхъ плечахъ. Съ перваго же слова легко было догадаться, что онъ только что вышелъ изъ распивочной и съ пользой провелъ тамъ время.

— Стой! произнесъ густымъ, надорваннымъ басомъ дядя Николай, стискивая пальцами воротникъ на шинели дѣдушки Герасима.—Стой!..

— Да пусти, сдѣлай милость... Ну, чего привязался, недосугъ, возразилъ старикъ, стараясь высвободить одною рукою шинель, тогда какъ другая рука поддерживала внучка.

— Стой!.. ты оттедова... долженъ знать... всѣхъ знать долженъ, какіе такіе у этой вѣдьмы... А я ихъ всѣхъ разобью... потому какъ она меня не пущаетъ... да, потому, выходитъ, всѣхъ разобью! мрачно проговорилъ дядя Николай, грозя кулакомъ въ окно Анны Ивановны, за которымъ раздавались голоса и хохотъ.

— Ну, да хорошо, хорошо, бей, пожалуй, только не держи... право некогда, пусти пожалуйста... сказалъ старикъ, прислушиваясь испуганнымъ ухомъ, не заплакалъ ли внучекъ.

— Погоди, стой!.. слышь, такъ имъ не пройдетъ... я имъ покажу... потому какъ она вѣдьма меня не пустила, да ну, я ей... слышь! слышь! крикнулъ вдругъ дядя Николай, окончательно выходившій изъ себя каждый разъ, какъ за окномъ говоръ и хохотъ раздавались слышнѣе.

— Фу ты, братецъ, какой, право, несообразный! да пусти же, говорятъ недосугъ! досадливо проговорилъ старикъ, который, безъ сомнѣнія, давно бы урвался, если бъ не боялся разбудить младенца.

— Стой!.. погоди!.. такъ, говорю, не пройдетъ!.. продолжалъ между тѣмъ бѣсноваться дядя Николай, яростно

махая кулакомъ передъ окномъ.—Я тебѣ покажу, вѣдьма ты евдакая, ехидная тварь! всѣхъ разобью!.. дамъ знать... слышь? слышь? пируютъ!.. кантуютъ!.. о! о! о!.. съ возраставшимъ гнѣвомъ крикнулъ обиженный дядя Николай, замахиваясь вдругъ обоими кулаками въ окно и какъ бы намѣреваясь разбить его вдребезги. Онъ тутъ же, однакожъ, перемѣнилъ страшное свое намѣреніе; надо полагать: духу не хватало, или чувство мести недостаточно еще созрѣло въ оскорбленной груди дяди Николая; пылая, вѣроятно, яростнымъ нетерпѣніемъ подкрѣпить одно и возбудить другое, онъ выпустилъ вдругъ шинель старика и опрометью, со всѣхъ ногъ, кинулся въ распивочную.

Дѣдушка Герасимъ торопливо подобралъ полы шинели, прикрылъ ими драгоцѣнную свою ношу, и немного погодя достигнулъ противуположнаго угла переулка.

V.

Вечеринка у Анны Ивановны.

Я смотрю съ невозмутимымъ равнодушіемъ на успѣхи моихъ пріятелей на поприщѣ жизни, искусствъ, наукъ и литературы. Меня не возмущаютъ бѣдняки, получающіе огромное наслѣдство; но возмущаетъ блескъ и великолѣпіе, которыми окружаютъ себя мои знакомые... Разсудокъ ясно говоритъ мнѣ, что завидовать всему этому, въ моемъ положеніи, такъ же нелѣпо, дико и безразсудно, какъ завидовать росту и сановитости страсбургской колокольни. При всемъ томъ, однакожъ, я никакъ не могу побѣдить въ себѣ чувство зависти при видѣ нѣкоторыхъ общественныхъ положеній. Да, я завидую, напримѣръ, всѣмъ людямъ съ маленькимъ независимымъ состояніемъ, добытымъ собственными трудами; людямъ, живущимъ въ маленькихъ, но комфортабельныхъ и теплыхъ квартирахъ, за которыя выплачены деньги впередъ за весь годъ; людямъ, которые ровно никому не должны и никому не завидуютъ, которые вполнѣ довольны своимъ состояніемъ, довольны своею судьбою, и могутъ, къ довершенію всѣхъ этихъ благъ, давать маленькіе вечера и веселые чайки своимъ добрымъ знакомымъ и пріятелямъ,—словомъ: я завидую всѣмъ людямъ, поставленнымъ въ положеніе... ну хоть бы (далеко идти не за чѣмъ), хоть бы въ положеніе Анны Ивановны. Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ: у нея нѣтъ доходныхъ

помѣстьевъ, съ которыми связывается всегда столько хлопотъ. Вотчина ея заключается вся въ правой рукѣ ея; живетъ она въ теплой комнатѣ и платитъ всегда впередъ Василію Аѳанасьевичу; душа ея такъ же чиста, безгрѣшна и покойна, какъ у новорожденнаго младенца; капиталъ ея не великъ, но вѣренъ; доходы не большіе, но позволяютъ ей давать вечеринки и приглашать къ себѣ такихъ людей, какъ, напримѣръ, Авениръ Михайловичъ, какъ Андрей Андреевичъ, пріятель Авенира Михайловича... Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ, завидую особенно въ послѣднемъ случаѣ, потому что такихъ людей, какъ Авениръ Михайловичъ, прошу замѣтить, не много. Богъ знаетъ, чѣмъ я готовъ пожертвовать, чтобъ хоть разъ, одинъ разъ, назвать къ себѣ Авенира Михайловича! Но штука въ томъ, что Авениръ Михайловичъ не рѣшится пойти къ встрѣчному-поперечному; такъ и слѣдуетъ, впрочемъ: человѣку, какъ Авениръ Михайловичъ, который съ самаго дѣтства, можно сказать, вертѣлся между одними князьями да графами, согласитесь сами, не совсѣмъ прилично мѣшаться во всякую компанію. Мнѣ будетъ очень пріятно короче познакомить васъ хоть съ наружностью этого достойнаго молодого человѣка; въ настоящую минуту это весьма удобно: въ комнатѣ Анны Ивановны четыре свѣчки,—двѣ на комодѣ, двѣ на окнѣ; намъ легко разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ ея гостя. Если вамъ случалось любоваться лицами тѣхъ прекрасныхъ молодыхъ людей, которыхъ изображаютъ обыкновенно на вывѣскахъ портныхъ и парикмахеровъ, вамъ нечего описывать лицо Авенира Михайловича: оно было нѣсколько изношено (художники всегда льстятъ оригиналу), но выигрывало непомѣрно отъ щегольски закрученныхъ усиковъ, бакеновъ à l'anglaise и завиточковъ на лбу и вискахъ; волосы его подобраны на затылкѣ и съ боковъ, на манеръ тѣхъ рыцарскихъ париковъ, въ которыхъ являются на сценѣ статисты. О фракѣ его говорить нечего; три года назадъ, фракъ этотъ красовался сначала на вѣшалкѣ у Шармера, потомъ на плечахъ одного молодого щеголя; въ то время еще всѣ столичные денди восхищались этимъ фракомъ, и даже заказали себѣ точно такіе; жилетъ, травяного цвѣта, былъ, можетъ статься, не соразмѣренъ съ тощею грудью Авенира Михайловича; но Авениръ Михайловичъ сохранялъ его на груди своей какъ предметъ, данный ему на память однимъ толстымъ господиномъ, погибшимъ парали-

чомъ; та же уважительная причина заставляла носить неимовѣрно узенькіе сѣрые панталоны одного молоденькаго богача, умершаго весною чахоткой; впрочемъ, послѣднимъ предметомъ Авениръ Михайловичъ завладѣлъ самопроизвольно: привязанность къ молоденькому богачу увлекала его; ему хотѣлось во что бы то ни стало сохранить у себя память о немъ. Пестрый галстукъ (также чья-то память) лежалъ красивымъ бантомъ на манишкѣ Авенира Михайловича; не различаю отсюда, точно ли манишка у Авенира Михайловича... меня беретъ сомнѣніе, глядя на остроконечные воротнички, выглядывающіе изъ-за галстука и стѣсняющіе пышные бакены à l'anglaise... впрочемъ, могутъ быть и воротнички, и манишки. Онъ сидѣлъ, живописно изогнувшись на стулѣ и устремивъ сѣрые глаза свои съ поволокою на Анну Ивановну, выбивалъ пальцами правой руки какой-то маршъ на столѣ, лѣвая нога его лежала на правой и граціозно балансировала, — обстоятельство, позволявшее различать не совсѣмъ надежную подошву. Въ общей сложности, гость Анны Ивановны не могъ назваться безукоризненнымъ франтомъ, несмотря даже на то, что каждая часть его костюма, отдѣльно взятая, принадлежала первымъ столичнымъ щеголямъ: кое-какіе швы пообносились, кое-какіе обшлага лоснились, какъ сафьянъ, кое-гдѣ недоставало пуговицъ; но все это тотчасъ же объяснится, когда я скажу вамъ, что въ настоящее время обстоятельства Авенира Михайловича были весьма плохи; съ кѣмъ, скажите на милость, этого не случается? Но нѣтъ худа безъ добра: не будь такихъ обстоятельствъ, Авениръ Михайловичъ, весьма вѣроятно, не удостоилъ бы Анну Ивановну своимъ посѣщеніемъ. Онъ началъ за ней ухаживать съ того времени, какъ лишился послѣдняго своего мѣста; онъ думалъ амуры свести съ Анной Ивановной; не прочь даже былъ на ней жениться въ крайней надобности. Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ, Авениръ Михайловичъ послалъ ей объяснительное письмо, начинавшееся такимъ образомъ: „Ничто не волнуетъ положеніе жизни, какъ мысль кинувшая быстрый полетъ коихъ душа возноситъ къ заповѣданнымъ чтимымъ благороднымъ очамъ! Душа ясная для васъ свѣтла; сердце благороднаго намѣренія для васъ открыто; помощь обѣщана, слѣдовательно частица надежды воздвигнута!..“ Изъ этого мы смѣло заключаемъ, что Анна Ивановна не прочь была, съ своей стороны, отдать свое

сердце Авениру Михайловичу и даже обнадежила его ка кою-то надеждою.

Многіе утверждаютъ, будто Авенирь Михайловичъ имѣлъ виды не столько собственно на Анну Ивановну, сколько на ея капиталъ: весьма быть можетъ, но удивительнаго ничего нѣтъ: во-первыхъ, Анна Ивановна сама по себѣ не представляла ничего особеннаго, кромѣ того, развѣ, что папенька ея содержалъ когда-то цырюльню на Владимірской; тридцати-пяти лѣтъ, крошечная какъ оненокъ и такая же почти сморщенная, вотъ вамъ и вся Анна Ивановна; во-вторыхъ, Авениру Михайловичу предстояла крайняя надобность привести въ порядокъ свой гардеробъ; къ тому же и человѣкъ еще былъ онъ молодой, красивъ собою, любезенъ: требовалось немножко пожуировать жизнью, повеселить себя. Все это въ порядкѣ вещей, и я не нахожу тутъ достойнаго порицанія, тѣмъ болѣе, что пришлось бы послѣ этого осуждать многихъ моихъ друзей, знакомыхъ пріятелей, чего я никакъ не намѣренъ дѣлать.

Пріятель Авенира Михайловича былъ человѣкъ коротенькій, но толстенькій, черезчуръ даже толстый, потому что сюртукъ его, и безъ того ужъ ветхій, грозилъ разъѣхаться на спинѣ своего владѣльца; вы могли бы подумать, что Андрей Андреевичъ косилъ однимъ глазомъ; но это былъ только оптическій обманъ: Андрей Андреевичъ сидѣлъ наискось отъ маленькаго столика съ закусками и съѣстными припасами, взятыми въ лавочкѣ, и такъ какъ онъ не отрывалъ глазъ отъ студня, до котораго былъ большой охотникъ, то, понятно, долженъ былъ косить глазами. Лицо Андрея Андреевича чрезвычайно глупо; самъ онъ, признаться сказать, сильно глупъ; но это ничего: онъ доволенъ собою—и дѣлу конецъ. Оба пріятеля сидѣли подлѣ круглаго стола, уснащеннаго всѣми возможными чайными принадлежностями, посреди которыхъ величественно возносился самоваръ, шипѣвшій и свистѣвшій на всѣ лады. Василій Аѳанасьевичъ и его тихвинскій родственникъ еще не являлись, но угощеніе ужъ началось. Анна Ивановна совсѣмъ захлопоталась; она металась, какъ гумиластиковый мячикъ, перебѣгая отъ гостей къ столу, отъ стола къ гостямъ; маленькія щеки ея горѣли, частью отъ близкаго сосѣдства съ самоваромъ, но больше, повѣрьте, отъ присутствія Авенира Михайловича, который не переставалъ глядѣть на нее сѣрыми своими глазами съ поволокой.

— Авениръ Михайловичъ, еще чашечку... ну хоть одну разъединую! говорила Анна Ивановна голосомъ, замирающимъ отъ радостнаго чувства, наполнявшаго ея маленькую грудь.

— Нѣтъ-съ, этого будетъ, зачѣмъ же... Это, позвольте вамъ сказать... а впрочемъ, развѣ для вашего блезиру, извольте, готовъ!

— Ну, хоть для меня... Ахъ, какъ вы говорите, просто заслушаешься — опасный человѣкъ! Выкушайте! восторженно возразила Анна Ивановна, покручивая головкой,— я ужъ не знаю, что̀ это такое съ вами нонече; вы обыкновенно бываете охотники до чаю, а сегодня трехъ не выкушали... должно-быть поздно обѣдали?

— Нѣтъ-съ, признаться сказать, вовсе не обѣдалъ, то есть, не то, чтобъ время не дозволяло, притомъ и фриштикалъ оченно поздно.

— Эхъ ты, команъ ву франсе, фимфъ ундъ цванцихъ— андеръ маниръ! неожиданно произнесъ Андрей Андреевичъ, отрывая глаза отъ студня.

Онъ хлопнулъ по плечу пріятеля и залился во все горло.

— Ну, теперь ужъ пошелъ, пошелъ! расходился! сказалъ Авениръ Михайловичъ Аннѣ Ивановнѣ, которая ухватилась за бока и упала на стулъ.

— Ахъ, что это, что это... просто уморитъ совсѣмъ.

— Да-съ, я, знаете, вѣдь ужасти какой веселый человѣкъ, ей-Богу! и этакъ разъ, знаете, въ компаніи... началъ было Андрей Андреевичъ, но тутъ же остановился, потому что въ дверяхъ раздался шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошли Василій Аѳанасьевичъ и тихвинскій его родственникъ.

Василій Аѳанасьевичъ былъ въ длинноломъ сюртукѣ и бѣломъ бумажномъ галстукѣ; одежда тихвинца состояла изъ купеческаго кафтана въ распашку, ситцеваго жилета, сапоговъ, издававшихъ дегтярный запахъ, и полосущатыхъ шароваръ, запрятанныхъ въ сапоги. То былъ человѣкъ пожилой; въ пріемахъ его виднѣлись остатки гостинодворской галантерейности; въ голосѣ сохранялись еще многія изъ тѣхъ живыхъ нотъ, когда, стоя, бывало, у Щукина, говорилъ онъ, протягивая руку къ лавкѣ:

— Ситцы, нанки, демикатоны, канифасы самые лучшіе, пожалуйте, у насъ покупали!

Однимъ словомъ: былъ еще препріятный человѣкъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

— Господа, покорно прошу садиться, сказала Анна Ивановна, послѣ того, какъ гости ея обмѣнялись поклонами и пожатіями рукъ. Иванъ Тихонычъ, прошу покорно, безъ церемоніи, добавила она, обращаясь къ тихвинцу.

— Не извольте безпокоиться, мы сядемъ, не безъ любезности произнесъ тихвинецъ, усаживаясь на край стула, подгибая ноги и покрякивая.

Анна Ивановна бросилась къ чашкамъ и окончательно ужъ превратилась въ гумиластикъ.

Минуту спустя, въ рукахъ гостей появились чашки чаю и куски сахару; за первой чашкой послѣдовала тотчасъ же вторая, тамъ третья; присутствовавшіе не успѣли еще сказать двухъ словъ другъ другу, какъ ужъ самоваръ опустѣлъ совершенно.

— Гм! гм! началъ Василій Аѳанасьевичъ, опрокидывая чашку на блюдечко и придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ къ Авениру Михайловичу,—давно не видались мы съ вами.

— Да-съ, давно не имѣлъ авантажу, дѣла, знаете... возразилъ тотъ, перекидывая правую ногу на лѣвую.

— Ну, что, сударь мой, какъ, осмѣлюсь спросить, дѣла ваши? въ послѣдній разъ, помнится, говорили...

— Да какъ вамъ сказать, все на той же точкѣ, перебилъ Авениръ Михайловичъ.

— Не сыскали еще мѣста?

— Нѣтъ, мѣстовъ много; какъ въ такой обширности Петербурга не быть мѣстъ! съ достоинствомъ возразилъ Авениръ Михайловичъ,—да только мѣста, знаете, не такія, потому какъ я служилъ собственно въ княжескихъ домахъ, взросъ, такъ сказать, на паркетѣ, не приходится, понимаете, ко всякому...

— Это какъ есть, сказалъ тихвинецъ глубокомысленно.

— Вы, помнится, сказывали, хотѣли къ доктору опредѣлиться? спросилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Это я такъ, знаете, больше для одного препровожденія времени, можно сказать, мѣсто совсѣмъ не такъ выглядитъ, не стоитъ заниматься.

Тутъ хозяйка дома перебила Авенира Михайловича, явившись съ тарелкой, наполненной финиками.

— Авениръ Михайловичъ, вы это можете? сказала она, покручивая головкой.

— Почему жъ не такъ-съ, для васъ можно-съ! съ обворожительною любезностью отвѣчалъ гость, протягивая руку и какъ бы желая обратить особенное вниманіе при-

сутствующихъ на свой указательный палецъ,—привычка, оставшаяся у Авенира Михайловича съ тѣхъ поръ, какъ на этомъ пальцѣ сверкалъ стразовый перстень, но, увы! перстень давно ужъ находился въ ученьѣ, то-есть въ закладѣ.

— Андрей Андреичъ, вы этого можете? сказала Анна Ивановна, поднося финики сосѣду.

— Самое милое кушанье-съ, позвольте... заговорилъ Андрей Андреевичъ, запустилъ всю пятерню въ тарелку, поднялся съ мѣста, всталъ на третью позицію и раскланялся съ комическою важностью.

Всѣ засмѣялись, не выключая золотильщика, въ хохотѣ котораго было что-то похожее на лошадиное ржанье.

— Ахъ, это просто ужасти!.. просто всѣхъ уморилъ... Ахъ!.. воскликнула Анна Ивановна. — Иванъ Тихонычъ, вы этого можете? присовокупила она, измѣняя неожиданно интонацію и подходя къ тихвинцу.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ.

— Анна Ивановна, гдѣ вы брали финики, въ лавочкѣ? спросилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Да-съ; а что, хороши?

— Отмѣнно, настоящій сахаръ.

— То-есть сдѣлайте ваше одолженіе, объяденье! примолвилъ Андрей Андреевичъ, снова выкидывая какую-то штуку.

Всѣ засмѣялись.

Въ отвѣтъ на это изъ переулка, и, какъ казалось, подлѣ самаго окна Анны Ивановны, послышался басистый надорванный голосъ, и кто-то даже застучалъ въ раму.

— Кто-то стучитъ, Анна Ивановна: не къ вамъ ли? сказалъ Авениръ Михайловичъ, оборачиваясь къ окну.

— Должно быть, дядя Николай, сродственникъ Анны Ивановны, сказалъ недовольнымъ голосомъ золотильщикъ.

— Вѣрно онъ, подхватила съ явнымъ огорченіемъ Анна Ивановна,—онъ хоть мнѣ и съ родни по маменькѣ, а я, знаете, не могу его принять, и рада бы, но никакъ, знаете, невозможно, ужасти какой безпокойный человѣкъ!

— Вѣрно, сюда-съ заливаетъ, кранкенъ, значитъ? промолвилъ Андрей Андреевичъ, щелкнувъ себя по галстуку и подмигивая всей компаніи.

— Просто, знаете, мѣры нѣтъ, никакой возможности! дошелъ, можно сказать, до самаго безобразія! отвѣчала Анна Ивановна.—Главное, оченно жаль семейство, знаете,

съ самаго дѣтства. Помню, когда еще папенька содержалъ цырюльню на Владимірской, потому папенька свой капиталъ имѣлъ,—такъ и тогда ужъ очень пилъ; и пустить къ себѣ, принять—разстроитъ всю компанію. Нѣтъ возможности, я ему и отказала; онъ, должно-быть, и ходитъ теперь по нашему переулку, сердится, знаете...

— Выходитъ, примѣрно, человѣкъ разсудка своего не знаетъ, потому больше, сказалъ тихвинецъ, значительно двигая бровями.

— Алаберный самый человѣкъ, и больше ничего, ворчливо проговорилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Мы, точно, какъ шли это къ вамъ, повстрѣчали какого-то человѣка супротивъ вашихъ оконъ, можно сказать: ужъ и тогда былъ на точкѣ степени подъ шефе; должно быть, онъ и есть, произнесъ Авениръ Михайловичъ,—но вы, Анна Ивановна, напрасно себя безпокоите: предметъ такой, знаете, совсѣмъ нестоющій... Ну что, Василій Аѳанасьевичъ, какъ ваши собственныя дѣла? примолвилъ онъ, обнаруживая этимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи удивительный тактъ и необыкновенную привычку свѣтскаго обращенія,—какъ, сударь мой, ваши собственныя дѣла?

— Да что, все жениться хочетъ! возразила повеселѣвшая Анна Ивановна.

— Что жъ, доброе дѣло; холостой человѣкъ—сирота, все единственно, сказалъ тихвинецъ.

— И я хочу жениться! такую сыскалъ себѣ милушку-красоточку — разлюли, маширъ на хаузъ! воскликнулъ Андрей Андреевичъ, чмокнувъ толстыми своими губами.

Каждое движеніе Андрея Андреевича, сопровождавшееся почему-то хохотомъ, произвело точно такъ же и теперь свое обыкновенное дѣйствіе на присутствующихъ.

При этомъ, стукъ въ оконную раму раздался съ удвоенною силой.

— Ахъ, Боже мой! что же это? просто какое-то наказаніе, разстройство всей компаніи, воскликнула Анна Ивановна, отчаянно всплескивая руками.

— Нѣтъ, Анна Ивановна, что-жъ это въ самомъ дѣлѣ такое? Вѣдь онъ этакъ раму выбьетъ; такъ буйствовать не позволено! Я этакъ и въ полицію схожу, мнѣ не долго, сказалъ раздосадованный золотильщикъ.

— А что-жъ мнѣ дѣлать-то? Василій Аѳанасьевичъ! проговорила Анна Ивановна, смущенная до нельзя поведеніемъ своего родственника.

— Полноте, Анна Ивановна, я вамъ говорю—предметъ совсѣмъ не стоющій.

— Конечно не стоитъ сумлѣнія, подтвердилъ тихвинецъ.

Шумъ за окномъ умолкъ, и снова водворилась веселость въ комнатѣ радушной Анны Ивановны.

— Такъ что жъ, Василій Аѳанасьевичъ, смѣю спросить: за чѣмъ же дѣло стало? Невѣстъ въ обширности Петербурга довольно, произнесъ Авениръ Михайловичъ, между тѣмъ какъ пріятель его, Андрей Андреевичъ, снова скосилъ глаза на студень.

— Какъ не быть невѣстамъ, невѣстъ много, да все, этакъ, раздумье беретъ, дѣло не пустящее, разсудка требуетъ. А невѣстъ много; каждый день смотришь, да все не то, не приходится, началъ золотильщикъ, пожимая губами.—Вотъ хотя бы смотрѣлъ теперича въ Семеновскомъ полку; триста рублевъ чистыми деньгами, а все не приходится, не то.

— Что жъ такъ?

— Да такъ: побочна дочь! съ особеннымъ удареніемъ проговорилъ золотильщикъ, — не приходится! Ну, также глядѣлъ вотъ и на Гороховой, признаться и ничего нѣтъ; только дѣвочка, знаете, такая молоденькая, хорошенькая, и можно бы... да одна есть такая статья... Провѣдалъ я кое-что... ну, и нельзя никакъ, не приходится... къ тому и денегъ-то нѣтъ, какъ я вамъ сказывалъ: одно къ одному. Глядѣлъ вотъ также третьяго дня на Васильевскомъ островѣ; всѣмъ бы взяла: дѣвочка молоденькая, хорошенькая такая, и приданое также порядочно, все бы хорошо: въ одной вотъ только статьѣ сумлѣнье беретъ...

— Что жъ такое?

— А знаете, бѣльмо на лѣвомъ глазу. Оно бы и ничего, можно; да наше дѣло хозяйственное, не равно этакъ повздоримъ, не угодимъ въ чемъ, всякое бываетъ; размахнешься какъ-нибудь, зацѣпилъ ее по правому глазу—совсѣмъ окривѣетъ; ну, что я съ ней тогда стану дѣлать, съ слѣпой-то? Надо обсудить; женитьба не пустяшное дѣло; нѣтъ, никакъ невозможно; не приходится.

— Зачѣмъ же такъ? можно лаской. Пріятное обхожденье лучше всего, сказалъ Авениръ Михайловичъ, умильно поглядывая на хозяйку.

— Нѣтъ, не приходится, прямо возразилъ Василій Аѳанасьевичъ.—Анна Ивановна, примолвилъ онъ, неожиданно

обращаясь къ хозяйкѣ и кивая ей головою на водку и закуску,—какъ вы думаете, пора бы сдѣлать движеніе!

Анна Ивановна торопливо привстала съ мѣста, подошла къ комоду и вооружилась подносомъ.

— Господа, прошу дерзнуть, сказала она, обращаясь съ веселымъ видомъ ко всей компаніи.—Авениръ Михайловичъ, вы можете этого? прибавила она нѣжнымъ голосомъ и подошла къ избранному своего сердца.

Авениръ Михайловичъ былъ очень радъ приглашенію.

— Василій Аѳанасьевичъ, можете? сказала Анна Ивановна, подходя къ золотильщику.

Василій Аѳанасьевичъ не отказался.

— Иванъ Тихонычъ, вы этого можете?

Тихвинецъ былъ также не прочь. Что жъ касается до Андрея Андреевича, онъ выпилъ съ величайшею готовностью три рюмки сряду. Обойдя всѣхъ гостей, хозяйка дома поставила водку на столъ и выразительно указала гостямъ на рюмки.

— Вотъ такъ-то будетъ лучше, сказала она съ невыразимою привѣтливостью.

Гости отвѣчали поклономъ и протянули поочередно руки къ рюмкамъ,—обстоятельство, которое не замедлило придать бесѣдѣ характеръ болѣе оживленный.

— Нѣтъ, Василій Аѳанасьевичъ, если этакъ судить, позвольте вамъ сказать, никогда не найдемъ себѣ предмета, началъ Авениръ Михайловичъ, — пожалуй, что и вовсе не женишься. Вотъ я вамъ скажу, видѣлъ я разъ въ театрѣ одну такую ролю, какъ вы изволили разсказывать, точь-въ-точь. Вотъ тоже одинъ, знаете, человѣкъ сватался, сватался... та не приходится, эта, знаете, не годится, тѣмъ и рѣшилъ свою кальеру: холостякомъ на одной точкѣ остался. Отлично было представлено!

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на эту ролю! восторженно воскликнула Анна Ивановна.—Въ какомъ это тіатрѣ ее показываютъ, Авениръ Михайловичъ?

— Въ Александрынскомъ-съ, а впрочемъ, и на другихъ также. При живности покойнаго князя я каждый день бывалъ въ театрѣ, проговорилъ Авениръ Михайловичъ, украдкою толкая локтемъ Андрея Андреевича, который протягивалъ руку безъ зазрѣнія совѣсти уже къ седьмой рюмкѣ.

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно! я такъ вотъ давно ужъ не была въ тіатрѣ! сказала Анна Ивановна,—

съ тѣхъ поръ не была, знаете, какъ папенька содержалъ цырюльню на Владимірской, потому, имѣя свой капиталъ, знаете...

— Полноте, Анна Ивановна, ничего нѣтъ хорошаго въ эвтихъ тіатрахъ; самое пустяшное дѣло; только какъ бы деньги сманить; какъ есть одинъ обманъ, одно надувательство! промолвилъ Василій Аѳанасьевичъ. — Вотъ я вамъ скажу, чего лучше, была здѣсь одна такая штукарка, Тальеновой звали, такъ вѣдь все потомъ оказалось, всѣхъ надула.

— Что вы?

— Право надула! какъ есть, всѣхъ обмишулила! Всѣ ѣздили смотрѣть на нее, и дворянство, и генералы, и подлинно, говорятъ: подпрыгнетъ это она на воздухъ, да такъ съ полчаса въ воздухѣ-то и мается. Что жъ бы вы думали? оказалось все внаружу, только денежки даромъ обирала. Стала это она отъѣзжать въ свою нѣмецкую сторону; пріѣзжаетъ на пароходъ, провожаютъ ее господа, смотрятъ, что̀ вы думаете? а это у ней все крылья были подвязаны.

— Нѣтъ, Василій Аѳанасьевичъ, это быть не можетъ! Воля ваша, это не такъ, вмѣшался Авениръ Михайловичъ,—я самъ сколько разъ видѣлъ Тальони при живности покойнаго князя. Точно, были у ней крылья, только собственно такъ, для одного виду... это не то, совсѣмъ не то: легкость она имѣла такую воздушную, повѣрьте, а ужъ насчетъ, то-есть, лучше быть нельзя, настоящей графиней выглядитъ!

— Это такъ точно, справедливо изволили сказать, подтвердилъ тихвинецъ, — отмѣнно отличалась, это ужъ на что лучше-съ!

— Ну, братъ, Иванъ Тихонычъ, тебѣ бы лучше не говорить про эвту Тальону; солоно, братъ, она тебѣ пришлась, помнишь?

— Да, точно, случилась въ тѣ поры оказія-съ.

— Что же такое, Иванъ Тихонычъ? спросила Анна Ивановна.

— Да вотъ, даромъ что зажиточный, возразилъ золотильщикъ посмѣиваясь, — а по милости ея три дня улицы мелъ!

— Точно, былъ грѣхъ. Главная причина, выходитъ, насчетъ то-есть полиціи. Точно посидѣлъ три дня-съ.

— Ахъ, Боже мой! какъ же это?

— Да такъ-съ, городъ Питеръ, изволите видѣть, оченна, то-есть, отмѣнно хорошъ-съ, да насчетъ, то-есть, большую осторожность требуетъ соблюдать-съ. Въ тѣе пору, какъ Тальепова здѣсь была, и говоритъ мнѣ разъ жена, вотъ Василій Аѳанасьевичъ знаетъ-съ...

— Какъ же, Марѳа Савишна!

— Такъ вотъ-съ и говоритъ эта она мнѣ: „Иванъ Тихонычъ, говоритъ, покажьте, говоритъ, къ примѣру этакъ, покажьте, говоритъ, Тальену-то, что ни есть, говорятъ, первѣйшая статья!“ Почему-жъ, думаю, не уважить! Пять цѣлковыхъ, не конецъ разоренія, можно; взялъ, примѣрно, ложу въ пятомъ бель-этажѣ-съ; супруга-то моя поѣхала, знаете, самъ-одиннадцать; какъ водится, родственниковъ себѣ пригласила, дѣтокъ забрала, знаете-съ. Такъ я-съ, больше по тѣснотѣ, отъ народности, взялъ себѣ билетъ внизу, въ мѣстахъ-съ; а ей по той же причинѣ, ради гостей, велѣлъ взять съ собою прохладительнаго: жарко, знаете, въ тіятрѣ; она, знаете, на ту бѣду и возьми кисленькихъ щецъ, двѣ бутылочки. Хорошо-съ; вотъ сидимъ, каждый на своемъ мѣстѣ: публика съѣзжается и все этакое, знаете-съ, дворянство одно-съ; сидитъ каждый въ своей ложѣ и каждый-съ, понимаете, своимъ дѣломъ занимается. Хорошо; начинается представленіе: Тальена танцуетъ, музыка играетъ, публика хлопаетъ, все какъ слѣдуетъ-съ. Вдругъ, знаете, сынокъ мой Миколинька, самый младшій-съ, это въ ложѣ-то и говоритъ: „маменька, говоритъ, пить хочу, дайте кисленькихъ!“ Марѳа Савишна моя и ну, знаете, съ пробкой-то, да и не совладала: пробка-то въ потолокъ-съ, а кислыя-то щи и давай хлестать внизъ-то, на нижайшую публику-съ! Дѣло, знаете, женское, оробѣла оченно... сидитъ съ бутылкой-то, оробѣла, а публика ужъ поднялась съ своихъ мѣстовъ... Смѣхъ такой пошелъ. Вижу, знаете, дѣло плохо-съ, надо хозяйку выручить. Вотъ я эвтакъ изъ-за мѣстовъ-то привсталъ-съ, пріосамился,—самъ, понимаете, оробѣлъ ужъ очень-съ,—пріосамился, эвтимъ вотъ самымъ пальцемъ показываю ей, супругѣ-то... не видитъ-съ, я и крикнулъ: „Марѳа Савишна! Марѳа Савишна! перстомъ-та-съ, перстомъ!“ показываю ей насчетъ, то-есть, бутылку зажми! Откедова ни возьмись квартальный! Хвать меня эвтакъ за шиворотъ, да вонъ изъ тіятру; то-то вонъ оно и есть-съ, что робость-то бабья, значитъ-съ; оттого вся и оказія вышла.

— А еще хвалишь! вотъ оно и по театрамъ-то шляться! сказалъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Нѣтъ, не говорите этого, Василій Аѳанасьевичъ! возразила Анна Ивановна.—Конечно, съ Иваномъ Тихонычемъ случилась, можно сказать, непріятность, но какъ они говорятъ, все больше по неосторожности ихной супруги. Нѣтъ, какъ можно! тіятръ самое пріятное удовольствіе... Я безпремѣнно пойду погляжу на ту ролю... вотъ что разсказывалъ Авениръ Михайловичъ.

— Позвольте мнѣ вамъ билетъ предоставить? сказалъ тотъ расшаркиваясь.

— Зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Какое же это можетъ составить безпокойство! самое пріятное будетъ препровожденіе времени!.. да вотъ-съ и ходить по-настоящему не для чего-съ, смѣясь подхватилъ Авениръ Михайловичъ, — у насъ здѣсь есть, примѣромъ сказать, свой театръ на лучшій манеръ! присовокупилъ онъ, указывая на Андрея Андреевича, который тотчасъ же оторвалъ глаза отъ студня и показалъ присутствовавшимъ пухлое, глупое лицо свое, порядкомъ ужъ раскраснѣвшееся,—онъ, пожалуй, покажетъ вамъ какую угодно штуку: мастеръ распотѣшить!.. Ну-ка, Андрюша, тряхни!..

— Я?.. я вѣдь, знаете, ужасти какой веселый человѣкъ! для компаніи готовъ на все... То-есть, какъ угодно! шпрехензидеичъ Иванъ Андреичъ? вскричалъ весельчакъ, скорчивая рожу, — нѣтъ, андеръ-манеръ! прибавилъ Андрей Андреевичъ, стремительно подымаясь со стула и не совсѣмъ твердыми шагами выходя на средину комнаты. — Ахъ-ма! гаркнулъ онъ, и чуть не шлепаясь на полъ: — Что жъ вы?.. Иванъ Тихонычъ, пойдемъ!

— Отчего жъ, это можно-съ, сказалъ Иванъ Тихоновичъ, пріосаниваясь и выступая впередъ.

— Ай-да Иванъ Тихонычъ! вотъ люблю, ходи! воскликнулъ Андрей Андреевичъ, закидывая руки за спину и принимаясь вывертывать ногами, къ величайшему восторгу общества, которое разразилось громкимъ хохотомъ, затопало ногами и забило въ ладоши.

Такое поощреніе придало энергіи даже самому Ивану Тихоновичу; онъ тряхнулъ головою, присоединился къ Андрею Андреевичу, и оба засѣменили ногами, стукаясь другъ о дружку, какъ будто ихъ встряхивали въ одномъ мѣшкѣ.

Публика, между тѣмъ, заливалась все звончѣе и звон-

чѣе; Анна Ивановна просто захлебнулась; Авениръ Михайловичъ едва переводилъ духъ; Василій Аѳанасьевичъ топалъ ногами, билъ въ ладоши и хохоталъ своимъ лошадинымъ смѣхомъ; словомъ: всѣ были въ восторгѣ, какъ вдругъ... Но тутъ произошло такое событіе, о которомъ даже вспомянуть страшно...

Представьте себѣ, что въ самую минуту, какъ восторгъ дошелъ до своихъ предѣловъ, раздался подлѣ окна ужаснѣйшій трескъ, тысячи осколовъ посыпались вдругъ на полъ, рама цѣликомъ влетѣла въ комнату, и въ отверстіи окна предстала грозная, вся преисполненная яростнаго гнѣва, фигура дяди Николая!.. Ужасная картина!

Секунду всѣ стояли какъ громомъ пораженные, и вдругъ, всѣ разомъ закричали: „держи! караулъ! держи! держи!“

Василій Аѳанасьевичъ и тихвинскій его родственникъ бросились въ окно и побѣжали по переулку въ погоню за злодѣемъ. Анна Ивановна всплеснула руками, вскрикнула и упала на стулъ; она, безъ сомнѣнія, упала бы на полъ, если бъ не подоспѣлъ Авениръ Михайловичъ и ловко не подхватилъ ее за талью.

— Это ничего-съ... успокойте себя, Анна Ивановна... я съ вами... сказалъ онъ, оглядываясь вокругъ.

Но въ комнатѣ оставался одинъ лишь веселый Андрей Андреевичъ, и такъ какъ виднѣлись только ноги его изъза комода, Авениръ Михайловичъ чмокнулъ Анну Ивановну въ щеку и сильнѣе прижалъ ее къ своему сердцу.

Василій Аѳанасьевичъ и тихвинецъ стремились между тѣмъ по переулку; слова: караулъ и полиція производили магическое дѣйствіе на золотильщика; подобравъ фалды, онъ летѣлъ со всѣхъ ногъ, преслѣдуя бѣжавшаго во всѣ лопатки дядю Николая, встрепанная фигура котораго выставлялась каждый разъ, какъ на пути попадался фонарь.

Крики: „караулъ! держи!“ оглашали весь переулокъ. Изъ дверей и воротъ вылетали, какъ ядра, дворники, кухарки, горничныя и мальчишки; всѣ бѣжали за Василіемъ Аѳанасьевичемъ и тихвинцемъ. Толпа бѣгущихъ и кричащихъ прибывала съ каждой секундой, и вдругъ, все это разомъ остановилось и откачнулось, какъ будто въ концѣ переулка неожиданно воздвигалась высокая плотина; вмѣстѣ съ этимъ послышался страшный, раздирающій крикъ дяди Николая, крикъ, возвѣстившій, что его схватили.

— Держи его, мазурика! держи! закричалъ воодуше-

вляясь Василій Аѳанасьевичъ, протискиваясь помощью рукъ и ногъ въ самую чащу толпы.

— Держи! держи! подхватилъ подоспѣвшій тихвинецъ.

Неожиданную поимку дяди Николая и остановку бѣгущей толпы произвелъ, однакожъ, одинъ человѣкъ. Впрочемъ, человѣкъ этотъ могъ дѣйствительно замѣнить въ нѣкоторомъ родѣ плотину, если бъ его положили поперекъ переулка: росту три аршина, косая сажень въ плечахъ. Въ ту секунду, какъ дядя Николай, отрезвившійся отъ страха, готовился повернуть за уголъ, человѣкъ этотъ схватилъ его за шиворотъ и остановилъ сразу, какъ останавливалъ когда-то Милонъ Кротонскій скачущія колесницы. Однимъ словомъ: это былъ не кто другой, какъ городовой квартала. Подлѣ него стоялъ будочникъ, человѣкъ малорослый и жидкій, но зато съ алебардой; оба держали дядю Николая, который ревѣлъ какъ бѣлуга, пронзенная острогою.

— Батюшки, отпустите!.. отцы мои!.. виноватъ... батюшки, виноватъ, нелегкая попутала... никогда не буду.

— А?! что?! попался, мошенникъ! мазурикъ ты эвтакой! рамы бить, буйствовать! закричалъ Василій Аѳанасьевичъ, появляясь вдругъ изъ толпы и подымая оба кулака надъ дядей Николаемъ.

— Прочь! сказалъ городовой, отодвигая могучей рукою золотильщика.—Назадъ! Чего сталъ? примолвилъ онъ голосомъ, обозначавшимъ непоколебимое спокойствіе духа, и обратился къ толпѣ, которая тотчасъ же попятилась.— Чего стали? расходись... расходись!

— Но позвольте, Никандръ Степанычъ, какъ же это... позвольте! заговорилъ оскорбленнымъ голосомъ Василій Аѳанасьевичъ, снова выдвигаясь впередъ,—онъ раму у меня выбилъ! буйство, значитъ!.. Вотъ и свидѣтели есть...

Кромѣ Ивана Тихоновича, въ толпѣ оказалось, въ самомъ дѣлѣ, множество свидѣтелей; всѣ разомъ заговорили, послышались даже женскіе голоса, которые утверждали положительно, что рама точно была выбита.

Дядя Николай клялся въ свою очередь, что никогда этого не бывало, что ничего такого за нимъ не важивалось.

— Ну, это не мое дѣло разбирать... я не сердцевѣдецъ! произнесъ, наконецъ, городовой.—Тамъ разберутъ, я не сердцевѣдецъ, ступай! А вы расходись, что стали, расходись!..

Сказавъ это, городовой приподнялъ виновнаго съ такою легкостью, какъ будто въ рукахъ его находился одинъ картузъ дяди Николая, и повелъ его, сопровождаемый всей толпою.

Минуту спустя, въ переулкѣ было такъ же почти тихо, какъ въ пустынѣ. Изъ всей толпы оставались только Василій Аѳанасьевичъ и тихвинецъ.

— Ну хорошо же, сказалъ золотильщикъ, грозя кулакомъ вслѣдъ за дядей Николаемъ,—такъ, братъ, со мною не раздѣлаешься... завтра же пойду къ частному: выучатъ тебя, какъ бить хозяйскія рамы!.. Пойдемъ покедова, Иванъ Тихоновичъ...

— Пойдемъ, Василій Аѳанасьевичъ, время.

Они не замедлили возвратиться къ Аннѣ Ивановнѣ. Тамъ все ужъ было приведено въ порядокъ, кромѣ, можетъ быть, чувствъ самой хозяйки; но никто этого не замѣтилъ. Окно общими усиліями заложено было тюфякомъ, рюмки наполнились живительной влагой, всѣ снова усѣлись вокругъ стола, не выключая, разумѣется, и Андрея Андреевича, глупое лицо котораго мгновенно повеселѣло, какъ только встрѣтилось со студнемъ. Вечеринка продолжалась—и дѣло: дядя Николай разбилъ вѣдь только окно, а не бутылки.

VI.

Неожиданная прибыль.

Но гдѣ же дѣдушка Герасимъ и его маленькій внучекъ?.. А вотъ, позвольте, всему придетъ свой чередъ, будетъ время доберемся и до дѣдушки Герасима. Я здѣсь вовсе не сочиняю, а разсказываю только, какъ все произошло въ дѣйствительности, и придерживаюсь строжайшей исторической послѣдовательности. Эта самая причина заставляетъ меня перенестись на минуту въ одну улицу, находящуюся не въ далекомъ разстояніи отъ квартиры Яши Жилетникова, всего въ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ поворотахъ, такъ что самый недобросовѣстный извозчикъ (а такихъ очень много) никакъ не запроситъ больше гривенника, чтобъ проѣхать пространство отъ одной улицы до другой.

Улица темная. Мудренаго нѣтъ: она состоитъ большею частью изъ заборовъ, и только посрединѣ ея возвышался одинъ домъ, достойный нѣкотораго вниманія: небольшое каменное двухъэтажное зданіе, пять оконъ въ нижнемъ...

виноватъ! въ нижнемъ этажѣ находилось всего три окна; крытый подъѣздъ, устроенный въ видѣ фонаря, занималъ мѣсто двухъ оконъ.

Въ то самое время, какъ вечеринка Анны Ивановны снова начала принимать свой оживленный, веселый характеръ, на подъѣздѣ этого дома происходило слѣдующее: одна половинка дверей отворилась и пропустила сначала лицо, потомъ туловище и, наконецъ, всю фигуру человѣка. Человѣкъ этотъ былъ, повидимому, просто человѣкъ, то-есть лакей. Онъ оглянулся налѣво: глаза его встрѣтили одинокій фонарь, тускло горѣвшій въ отдаленіи; оглянулся направо: глаза его встрѣтили ту же заборную перспективу, оканчивавшуюся фонаремъ. Онъ началъ прислушиваться... немного погодя, человѣкъ явственно различилъ торопливый, хотя тяжеловѣсный шумъ шаговъ.

— Севастьянъ, ты? спросилъ онъ.

— Я! отозвался чей-то грубоватый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ посреди темноты обозначилась другая фигура, тоже, повидимому, лакейскаго происхожденія.

— Ну, что тамъ такое?

— Да ничего, мазурика ловили... окно вышибъ противъ распивочной... влѣзть хотѣлъ...

— Словили?

— Взяли; самъ Никандръ Степанычъ поймалъ: какъ фатитъ его за шиворотъ, да какъ гаркнетъ: „стой, какой есть такой человѣкъ!“ такъ инда и повалился!

— Много было народу?

— Отовсюду навалилось.

— Ну, а что, Сашу и Варю не встрѣчалъ?

— Не видалъ; должно быть, не придутъ...

— Нѣтъ, придутъ, ужъ это безпремѣнно придутъ, сами назвались вмѣстѣ новый годъ встрѣтить... какъ же не прійти? я и угощенье приготовилъ: и мадерцы, и все такое... А каково я мадерцу-то поддѣдюлилъ, а? принялъ это со стола непочатую бутылку, понесъ въ буфетъ да рядомъ пустую бутылку и кокнулъ... онъ и кричитъ: „что, говоритъ, тамъ такое?“—„Виноватъ, говорю, сударь, непочатую мадеру разбилъ!..“ Проворчалъ только... а мадера-то теперь у меня подъ подушкой. Нѣтъ, какъ не прійти, безпремѣнно придутъ!..

— Коли придутъ, такъ придутъ въ квартиру: дорога извѣстная... чего здѣсь ждать на холоду... смотри еще, медвѣдь хватится...

— Нѣтъ, сидитъ себѣ въ своей берлогѣ; чай отпилъ; приказалъ никого не пускать... гуляй, значитъ, весь вечеръ!

— Погоди... никакъ идутъ... сказалъ мрачный Севастьянъ.

— Должно быть, онѣ... Севастьянъ, спрячемся за дверь.

— Это зачѣмъ?

— Какъ пойдутъ этта къ подъѣзду, мы вдругъ и выскочимъ: какъ, дескать, сударыни, васъ зовутъ по имени, величаютъ по отчеству?.. то-то смѣхъ-то будетъ! Пойдемъ, спрячемся... ну же; ужъ близко...

Игривая мысль товарища нашла вѣрно сочувствіе въ сердцѣ мрачнаго Севастьяна; онъ поднялся на ступеньки подъѣзда, и, секунду спустя, оба притаились за дверью.

Шаги между тѣмъ приближались. То были, однакожъ, какіе-то робкіе, нерѣшительные шаги. Минуты три спустя, шагахъ въ двадцати отъ дома, показался маленькій старичокъ, въ ветхой фризовой шинели и въ картузѣ, весьма близкомъ къ разрушенію. Онъ медленно, какъ словно нехотя, подвигался впередъ; боязливо, мало того, съ какимъ-то страхомъ озирался во всѣ стороны, и такъ бережно ставилъ ноги на снѣгъ, какъ будто боялся нарушить тишину улицы. Щеки старика отдувались немилосерднѣйшимъ образомъ; это могло происходить отъ холода, хотя, признаться сказать, я никакъ не понимаю, почему отдуванье щекъ можетъ предохранить человѣка отъ стужи; но, вѣрнѣе, щеки старика отдувались отъ усталости; въ рукахъ его находился довольно полновѣсный узелъ; старикъ то и дѣло придерживалъ его колѣномъ.

Поровнявшись съ домомъ, старикъ остановился и снова оглянулся на всѣ стороны; но тишина мертвая царствовала вокругъ... изрѣдка лишь, гдѣ-то далеко, раздавался шумъ ѣдущихъ экипажей... Старикъ высвободилъ одну руку изъ-подъ шинели, набожно перекрестился, потомъ перекрестилъ свою ношу, снялъ съ себя шинель, окуталъ ею свой узелъ и бережно опустилъ его на подъѣздъ.

— Господи!.. до чего дожили... прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ,—ну, да что тутъ!.. Будь воля Божья!.. Христосъ сохрани тебя... и помилуй насъ грѣшныхъ!..

Тутъ онъ снова перекрестилъ узелъ, провелъ ладонью по глазамъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху, и, отдувая болѣе чѣмъ когда-нибудь свои щеки, пошелъ въ обратный путь...

Но не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ почувствовалъ себя въ крѣпкихъ рукахъ.

— Стой, мошенникъ! стой! такъ вотъ ты зачѣмъ пожаловалъ? закричалъ мрачный Севастьянъ съ неожиданнымъ воодушевленіемъ.—Стой! Петрушка, тащи его!..

— Небось, не вывернется, держу!

— Батюшки! отцы родные! воскликнулъ дѣдушка Герасимъ,—помилуйте!.. я такъ только...

— Знаемъ мы; только!.. Ахъ ты мошенникъ ты этакой! дѣтей подкидывать, а? Тащи его, Петрушка! тащи! тащи! подхватилъ Севастьянъ, увлекая старика къ подъѣзду,— тащи! Вишь какой нашли здѣсь Воспитательный домъ!.. вишь что выдумали!

— Батюшки, не зналъ я... охъ! дайте хошь ребенка-то взять!..

— Бери, бери! его-то намъ и надо! веди, Петрушка! присовокупилъ Севастьянъ, когда ребенокъ очутился въ рукахъ дяди Герасима, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ и кидалъ растерянные взгляды вокругъ.

Севастьянъ и Петръ повели его по темной лѣстницѣ, не переставая держать его за руку. На второмъ поворотѣ Севастьянъ отворилъ дверь обитую сукномъ, и всѣ трое вошли въ небольшую, но чрезвычайно теплую прихожую, освѣщенную топившеюся печкой.

Мысли и чувства дѣдушки Герасима находились, какъ вы можете себѣ представить, въ ужаснѣйшемъ потрясеніи; но, несмотря на то, онъ невольно принялся раздувать свои щеки съ явнымъ удовольствіемъ, — такъ благотворно подѣйствовала на него теплота, его охватившая; удивительнаго ничего нѣтъ: онъ разстался съ тепломъ съ самаго почти іюля, этого благодѣтельнаго іюля, согрѣвающаго даромъ, безплатно! Казалось, даже самый младенецъ на рукахъ дѣдушки Герасима обрадовался теплой комнатѣ: смирный до сихъ поръ, онъ вдругъ закричалъ благимъ матомъ! Въ отвѣтъ на это изъ сосѣдней комнаты послышался другой младенческій крикъ. Дѣдушкѣ Герасиму почудилось въ первую секунду, что то было эхо, и опять-таки тутъ не было бы ничего удивительнаго, потому что во всей квартирѣ царствовала такая же мертвая тишина, какъ и на улицѣ; но каково же было удивленье старика, когда изъ ближайшей двери показалась вдругъ сытая, румяная кормилица съ ребенкомъ на рукахъ.

„Ну, пропалъ! совсѣмъ пропалъ!“ подумалъ старикъ,—

„какъ же это сказывали—у него дѣтей не было?.. сказывали—холостой человѣкъ... Пропала моя головушка... фу, фу, конченное, значитъ дѣло!.."

Въ то время, какъ онъ размышлялъ такимъ образомъ, лакей Петръ запиралъ на ключъ выходную дверь, а лакей Севастьянъ шелъ съ докладомъ въ кабинетъ своего господина.

Кабинетъ выходилъ окнами на дворъ и занималъ всю заднюю часть дома. Изъ этого можете заключить, что кабинетъ обширенъ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такъ великъ, что лампа, поставленная у оконъ и прикрытая абажуромъ, могла освѣщать только одну половину комнаты; другая половина затеривалась въ потемкахъ; вздрагивающее пламя полупогасшихъ угольевъ въ высокомъ каминѣ изрѣдка лишь бросало багровый, трепещущій свѣтъ на безчисленные ряды полокъ съ книгами и позволяло различать старинные низенькіе турецкіе диваны, обтертое зеленое сукно на полу, мѣдныя катушки креселъ, обтянутыхъ сафьяномъ. Въ освѣщенной половинѣ кабинета виднѣлись тѣ же полки съ книгами, подымавшіяся съ полу до потолка; кое-гдѣ сверкали химическіе снаряды: стеклянные тонко-горлые сосуды, тонкія стеклянныя трубочки, изломанныя на всѣ возможные лады, пузырьки съ цвѣтными жидкостями, ящики съ минералами; неподалеку отъ лампы висѣлъ на гвоздѣ скелетъ, отбрасывавшій на сосѣднюю стѣну зубчатыя фантастическія тѣни, противъ оконъ вытягивался длинный-длинный столъ, заваленный бумагами, свертками, фоліантами, хирургическими инструментами, восковыми раскрашенными моделями, изображавшими многосложные, запутанные органы человѣческаго тѣла. Подлѣ старинной чугунной чернильницы, въ видѣ готическаго храма, лоснился распиленный пополамъ черепъ, служившій песочницей. Все въ этой комнатѣ пахло или докторомъ, или ученымъ, но, ужъ во всякомъ случаѣ, пахло старымъ холостякомъ. Какой-то сгущенный, неподвижный воздухъ, какъ будто пропитанный запахомъ мыши, воздухъ свойственный вообще всѣмъ жилищамъ старыхъ холостяковъ, воздухъ, ужъ располагающій почему-то къ ипохондріи, сдавливалъ ваше дыханіе; пыль на книгахъ и на полкахъ, безпорядокъ въ бумагахъ, лежавшихъ кое-гдѣ, даже на полу, ясно показывали, что въ комнатѣ никогда и ни къ чему не прикасалась женская рука. Кабинетъ этотъ и предметы, его на-

полнявшіе, повѣствовали вамъ цѣлую исторію: видно было, что здѣсь въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ сосредоточивалась жизнь одинокаго труженика. Владѣтель кабинета былъ дѣйствительно и холостякъ, и ученый медикъ, давно, впрочемъ, болѣе десяти лѣтъ оставившій практику.

Благодаря царствующей вокругъ тишинѣ, въ первую минуту легко было не замѣтить его присутствія.

Онъ сидѣлъ противъ камина въ широкихъ вольтеровскихъ креслахъ; ноги его, закутанныя шелковымъ стеганымъ халатомъ, покоились на рѣшеткѣ камина.

То былъ человѣкъ полный, но полноты болѣзненной, свойственной только темпераментамъ лимфатическимъ, ипохондрикамъ, сиднямъ, или, наконецъ, людямъ, вся дѣятельность которыхъ сосредоточивается въ одномъ мозгу. Выпуклый лобъ доктора значительно преобладалъ надъ другими частями лица; маленькіе черные глаза, не лишенные еще блеска, но постоянно задумчивые и какъ бы прикованные къ одной точкѣ, уходили далеко въ свои впадины; мягкіе, плоскіе волосы, когда-то черные какъ смоль, начинали серебриться—вѣрный знакъ излишняго труда и усиленнаго мышленія, потому что, сколько извѣстно, докторъ не былъ подверженъ ни сильнымъ головнымъ болямъ, ни сильнымъ огорченіямъ, имѣющимъ также свойство преждевременно серебрить человѣческія головы; густыя, но мягкія и гладкія брови показывали, впрочемъ, что жизнь этого человѣка прошла ровно, тихо, и не была подвержена особеннымъ бурямъ, страстямъ, испытаніямъ. Волосы, закинутые назадъ, открывали маленькія женскія уши, необыкновенно тонкаго, нѣжнаго рисунка, вѣрный, несомнѣнный знакъ необычайной деликатности чувствъ, соединенныхъ съ природною скрытностью. Наружность доктора не имѣла, однакожъ, ничего привлекательнаго: все въ ней было какъ-то кругло и мясисто; желтизна кожи на вискахъ, на лбу и вокругъ глазъ, выказывала нравъ желчный, раздражительный; онъ глядѣлъ какъ-то ворчливо, несообщительно; вся фигура его сохраняла характеръ какой-то грубоватости, разумѣется, только наружной грубоватости, что дѣлало доктора весьма похожимъ на тѣ неуклюжіе, узловатые пни, въ глубинѣ которыхъ скрывается кубышка съ золотомъ; всякій пройдетъ мимо и не обратитъ вниманія, и тѣ только, которымъ открылся кладъ, прощаютъ такимъ

пнямъ ихъ грубую, неуклюжую оболочку; но дѣло въ томъ, что такого рода клады даются весьма рѣдко.

Положивъ локоть на ручку креселъ, опустивъ голову въ ладонь, докторъ задумчиво глядѣлъ на догоравшіе уголья камина.

Никогда еще, можетъ быть, во всю свою жизнь, не чувствовалъ онъ такъ сильно своего одиночества. Каждый годъ проводилъ онъ этотъ самый вечеръ новаго года въ своемъ кабинетѣ и встрѣчалъ его при тѣхъ же условіяхъ; одиночество было ему, слѣдовательно, въ привычку. Но есть минуты въ жизни человѣка, мыслящаго и чувствующаго, минуты, когда нежданно заговорятъ въ сердцѣ всѣ подавленныя, давно молчавшія чувства; когда въ потемнѣвшей душѣ нашей отразятся вдругъ, подобно тому, какъ отражаются въ темной стѣнѣ радужные образы волшебнаго фонаря, отразятся свѣтлыя картины давно минувшаго счастливаго дѣтства, когда въ ушахъ нашихъ нежданно, точно изъ другого міра, зазвучатъ вдругъ родственные, близкіе намъ голоса... Въ такія минуты, повѣрьте, сердце и чувство, въ немъ воскреснувшія, берутъ верхъ надъ всѣми возможными привычками одиночества, и дѣлается намъ поневолѣ и горько, и грустно! Да, никогда еще, во всю свою жизнь, не сознавалъ докторъ такъ глубоко своего одиночества, никогда не тяготился имъ такъ сильно. Мы можемъ сказать въ свою очередь, что новый приближающійся годъ особенно сильно способствовалъ къ такому расположенію. Мысли доктора невольно переносили его во всѣ безчисленные знакомые ему дома огромной столицы; всюду встрѣчалъ онъ радостныя лица, всюду встрѣчалъ собравшихся родныхъ и друзей, радостно устремившихъ глаза на часовую стрѣлку, близившуюся къ полуночи. Мысли его стремительно уносились тогда въ глубокую даль давно прошедшаго времени, передъ нимъ возникали картины его дѣтства, и тамъ встрѣчалъ онъ тѣ же радостныя лица, встрѣчалъ тѣ же живые, нетерпѣливые взгляды, обращенные къ часовой стрѣлкѣ. Но прошедшее давно завѣсилось непроницаемою пеленою, давно не существовало; будущее терялось въ непроницаемомъ мракѣ; онъ былъ одинъ, одинъ въ цѣломъ свѣтѣ въ настоящую минуту, и часовая стрѣлка, приближавшаяся къ полуночи, и радости этого вечера не имѣли для него никакого смысла и значенія. Онъ мысленно сталъ перебирать всю свою жизнь,

стараясь дознаться, не заключалось ли въ его природѣ какихъ-нибудь нравственныхъ или органическихъ причинъ, которыя сдѣлали изъ него такое грустное, противонормальное исключеніе: онъ перешелъ прямо къ эпохѣ своей юности. Онъ увидѣлъ себя круглымъ сиротою, въ нуждѣ, которая заставляла его просиживать напролетъ цѣлыя ночи, заставляла работать и учиться не въ примѣръ противъ товарищей: онъ былъ одинокъ, и только трудомъ однимъ могъ держаться на ихъ уровнѣ; вся юность его прошла въ трудахъ; онъ не имѣлъ времени отдаваться увлеченіямъ, свойственнымъ его возрасту. Молодость его промелькнула почти незамѣтно. Онъ перенесся тогда къ эпохѣ возмужалаго своего возраста, когда наука стала открывать передъ нимъ свои тайны, когда она превратилась въ страсть и увлекла его, когда онъ весь, всѣмъ существомъ, всѣми своими помыслами и чувствами, отдался наукѣ. Онъ посвящалъ ей все свое время и ни о чемъ больше не думалъ. Онъ жилъ не такъ, какъ жили другіе люди: жилъ вдали отъ всѣхъ, жилъ въ исключительной сферѣ таинствъ природы, въ мірѣ открытій, обращавшихся въ пользу и благо человѣчества. Такъ дожилъ онъ до сорокалѣтняго возраста. Онъ увидѣлъ себя окруженнымъ славой, богатствомъ. Мысленно перелистывая такимъ образомъ день-за-день, годъ-за-годъ всю свою жизнь, какъ листки фоліанта, дошелъ онъ до настоящей минуты и спросилъ себя, наконецъ, о результатѣ пройденнаго поприща жизни; спросилъ себя: къ чему привели его и слава, и деньги, и наука, и познанія? спросилъ себя, почему, несмотря на славу, деньги и познанія, чувствовалъ себя, однакожъ, такъ глубоко несчастливымъ и одинокимъ?.. О! какими ничтожными, шаткими и мелкими показались ему въ эту минуту человѣческія стремленія и убѣжденія! Вечеръ новаго года, не болѣе какъ этотъ вечеръ, опрокидывалъ навзничь и разбивалъ вдребезги всѣ его убѣжденія—плодъ долгихъ размышленій, всѣ убѣжденія, жившія столько лѣтъ въ душѣ его и двигавшія всею его жизнью. Въ эту минуту онъ охотно отдалъ бы всю свою славу, всѣ свои деньги и познанія, чтобъ въ этотъ вечеръ огонь камина освѣщалъ дружеское и женское лицо, и радостныя лица маленькихъ дѣтей! Нѣтъ, никогда еще подобная мысль не вторгалась такъ назойливо въ сердце доктора, никогда не тяготило его такъ сильно одиночество!

Мысль о дѣтяхъ невольно перенесла его къ ребенку, котораго подкинули ему на прошлой недѣлѣ. Онъ ухватился за эту мысль, какъ утопающій хватается за соломинку. Секунду спустя, сердце его стѣснилось еще пуще прежняго: онъ прожилъ ужъ время сердечныхъ увлеченій и привязанностей. Прошлаго не воротишь, да и въ будущемъ не предстояло радостей: ему ужъ не дождаться времени, когда подкинутый ребенокъ займетъ мѣсто въ его осиротѣломъ сердцѣ и будетъ имѣть значеніе въ его жизни. Онъ снова оглянулся на пройденное поприще жизни, но на этотъ разъ уже съ какимъ-то страхомъ и отчаяніемъ. Ему хотѣлось узнать, не найдется ли хоть одного человѣка въ цѣломъ мірѣ, которому былъ онъ особенно близокъ или дорогъ, котораго привязалъ бы онъ къ себѣ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, хотя словомъ однимъ; онъ мысленно кинулся въ мелочи жизни, сталъ припоминать мельчайшіе случаи; нѣтъ, никого не могли привязать холодные совѣты, внушенные долгомъ, никого не трогало холодное воззрѣніе на человѣка съ ученой точки зрѣнія. Онъ сталъ припоминать тогда, не былъ ли онъ причиной, хотя невольной, чьихъ-нибудь страданій, огорченій; не заплатилъ ли кому-нибудь неблагодарностью, не оскорбилъ ли кого-нибудь грубымъ, жесткимъ, незаслуженнымъ словомъ, и нашелъ множество такихъ случаевъ. Такъ, переходя отъ одной мелочи къ другой, вспомнилъ онъ, что, не далѣе какъ годъ тому назадъ, потерялъ онъ бумажникъ съ деньгами, что бумажникъ былъ возвращенъ ему на другой же день полиціею, что въ этотъ день находился онъ въ какомъ-то особенно желчномъ, раздражительномъ расположеніи духа; онъ не позаботился даже освѣдомиться о человѣкѣ, возвратившемъ ему деньги, не позаботился поблагодарить его, хотя зналъ, что человѣкъ, возвратившій ему деньги, находился въ крайней бѣдности. Поступокъ этотъ и многіе другіе въ томъ же родѣ, заставили его бросить мысленно взглядъ на остающіеся дни его поприща, и сердце его наполнилось желаніемъ загладить добрымъ какимъ-нибудь дѣломъ такъ безплодно, такъ холодно проведенные годы; ему хотѣлось во что бъ ни стало найти человѣка, въ которомъ могъ бы онъ возбудить къ себѣ чувство привязанности, хотя самой слабой сердечной привязанности, которая въ этотъ печальный вечеръ новаго года казалась ему во сто разъ дороже и славы, и денегъ, и обширныхъ познаній.

Такого рода мысли занимали доктора, когда ручка кабинетной двери застучала и на порогѣ показался мрачный Севастьянъ.

Увидя его, докторъ сдѣлалъ движеніе человѣка, котораго неожиданная трескотня, разрушающаяся кровать, оторвавшаяся полка, пробуждаютъ отъ сна.

Не дождавшись вопроса, Севастьянъ передалъ съ необычайнымъ жаромъ и торопливостью происшествіе, случившееся за минуту передъ тѣмъ на подъѣздѣ.

Докторъ быстро поднялся съ своего мѣста, при чемъ на лицѣ его отразились всѣ признаки нетерпѣнья и досады; онъ мгновенно, однакожъ, овладѣлъ собою, приказалъ Севастьяну ввести старика, и, пройдясь раза два по кабинету, вошелъ въ столовую.

Дѣдушка Герасимъ стоялъ въ дверяхъ, держа на рукахъ внучка, который, какъ на зло, кричалъ немилосерднѣйшимъ образомъ.

— Что ты за человѣкъ? отрывисто спросилъ докторъ, оглядывая старика строгимъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Сударь!.. ваше высокоблагородіе... простите! проговорилъ дѣдушка Герасимъ, дѣлая движеніе, чтобъ стать на колѣни.

— Я тебя спрашиваю: что ты за человѣкъ? повторилъ докторъ, удерживая его.

— Шарманщикъ, сударь! отвѣчали въ одинъ голосъ Севастьянъ и Петрушка, высовываясь изъ прихожей.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, подхватилъ дѣдушка Герасимъ,— то-есть, дочь моя съ шарманкой ходила... а я, сударь, ваше благородіе... больше, то-есть, играю... то-есть, насчетъ кларнета по эвтой части...

— Пьянчужка какой-нибудь! нетерпѣливо перебилъ докторъ.

Раскраснѣвшееся лицо дѣдушки Герасима, и особенно носъ его, пылавшій какъ раздутый уголь, произвели, повидимому, непріятное впечатлѣніе на доктора; онъ не зналъ, да и гдѣ жъ было знать ему, что дѣдушка Герасимъ провелъ весь день на морозѣ, и потому приписалъ необыкновенную красноту носа такимъ причинамъ, которыя ставили старика въ самое невыгодное мнѣніе.

— Пьянчужка! повторилъ онъ.

— Помилуйте, сударь!.. я... то-есть...

— Негодяй! присовокупилъ докторъ.

— За что же, сударь?.. оно, то-есть, конечно, виноватъ

передъ вами... а только за нами, то-есть, никакого, сударь, не водится художества... мы, сударь, честные люди!..

— Это по всему видно!.. хороша честность: прійти, самъ не зная куда и къ кому, и подкинуть ребенка. Можетъ даже быть свое собственное дѣтище... Чей это ребенокъ?

— Мой... то-есть, нашъ, сударь!.. внучекъ, сударь... родной внучекъ!..

— Еще лучше!

— Ахъ, сударь, сударь! съ отчаяньемъ воскликнулъ дѣдушка Герасимъ, — вѣдь сердце-то, сударь, и у насъ есть! чувствіе есть, сударь!.. Развѣ намъ не жаль разставаться съ нимъ?.. Мы, сударь, я да зять мой, можетъ, пятеро сутокъ не пимши, не ѣмши сидѣли, все объ немъ сомнѣвались!.. Нужда, сударь, заставила!.. Пятеро дѣтей, малъ-мала меньше, ѣсть, сударь, просятъ, а дать нечего!.. Думали, авось хоть этотъ посчастливѣе будетъ... объ васъ, сударь, слыхали... благодѣтель, говорятъ... холостой!.. ну мы и того... то-то вотъ, сударь, не знамши-то!.. Простите, сударь, помилуйте! А насчетъ, то-есть, художествомъ никакимъ мы, сударь, не занимаемся; жили, сударь, честность соблюдали... вотъ хоть бы теперича зять мой, сударь, прошлаго года, вотъ объ эвту почитай пору, бумажникъ нашелъ...

— Какой бумажникъ? спросилъ докторъ съ необыкновенною живостью.

— Да извѣстно, сударь, какіе такіе бываютъ; только нашелъ съ деньгами; сказывали тысяча была!.. а вѣдь не польстился же: все въ полицію предоставилъ!.. Сказывали намъ, дохтуръ вишь какой-то обронилъ, можетъ, вы его и знаете, ваше благородіе... объ этомъ, сударь, и въ газетахъ распечатали... Нѣтъ, сударь, жили мы завсегда по честности, какъ слѣдуетъ, а не то, чтобъ другимъ, то-есть, какимъ манеромъ...

Но докторъ не слушалъ ужъ дѣдушку Герасима; закинувъ руки на спину, онъ торопливо ходилъ взадъ и впередъ по столовой: онъ казался взволнованнымъ. Досадливое выраженіе исчезло съ лица его. Внезапно веселая какая-то мысль освѣтила какъ будто черты его; но это продолжалось всего секунду; онъ снова вдругъ нахмурился; видно было, однакожъ, ясно ужъ было видно, что многихъ усилій стоило ему сохранить такую маску.

— Все равно, сказалъ онъ голосомъ, очевидно слиш-

комъ ужъ басистымъ, чтобъ быть естественнымъ, — все равно! бѣдность не оправдываетъ такой поступокъ! Подкидывать дѣтей!.. Съ чего вы взяли въ самомъ дѣлѣ превращать мой домъ въ Воспитательный? Твоему зятю угодно было народить множество дѣтей, а я долженъ отвѣчать— вотъ новость! Съ чего вы это взяли? а? Съ чего вы это взяли? я тебя спрашиваю. Мало того, что на прошлой недѣли вы подкинули мнѣ одного ребенка, теперь пришли подкидывать еще другого, а?!..

— Помилуйте, сударь!.. Христосъ съ вами, сударь!.. проговорилъ дѣдушка Герасимъ, столбенѣя отъ удивленья и ужаса.

— Вы подкинули, вы! больше не кому! Я вижу теперь ясно, вы подкинули!

— Христосъ съ вами, сударь! помилуйте!.. помилуйте, ваше высокоблагородіе!.. Да у насъ всего-на-все одинъ только грудной и есть... помилуйте сударь, я... мы...

— Разсказывай, любезный! Развѣ не могла у васъ родиться двойня? развѣ этого не бываетъ? а?

— Батюшка!..

— Полно, любезный, разговаривать, перебилъ докторъ, едва-едва удерживаясь, — очень радъ, что судьба натолкнула тебя сюда; очень радъ! Возьми своихъ внучатъ и ступай... да благодари еще, что такъ сошло... Эй! позвать сюда кормилицу!

— Помилуйте, сударь... что же это будетъ такое?.. отчаянно воскликнулъ старикъ, которому представилась вдругъ страшная картина того, какъ является онъ домой съ двумя ребенками, да еще съ однимъ чужимъ, въ придачу.—Батюшка! подхватилъ онъ, и безъ сомнѣнія упалъ бы на колѣни, если бъ не помѣшалъ ему внучекъ,—сударь, да разрази меня Богъ на эвтомъ самомъ мѣстѣ, нашли на меня всѣ несчастія, коли другого подкинулъ...

— Знать ничего не хочу! позвать сюда кормилицу! позвать кормилицу! кричалъ между тѣмъ докторъ, отворачиваясь къ двери, чтобъ скрыть смѣющееся лицо свое.— Марья, прибавилъ онъ, обращаясь къ кормилицѣ, которая входила съ младенцемъ на рукахъ,—ты, Марья, кормила ребенка?

— Сейчасъ, сударь, только отъ груди отняла.

— Хорошо; ну, такъ отдай же его этому человѣку.

— Батюшки! ваше высокоблагородіе!.. да это вѣдь погибель наша! что жъ мы дѣлать-то станемъ?

— Возьми его, говорю, сейчасъ же бери, и чтобъ васъ не было здѣсь чрезъ минуту!

— Батюшки! отцы мои! завопилъ дѣдушка Герасимъ, когда положили ему на руки второго ребенка, закутаннаго съ головы до ногъ въ шубейку кормилицы.—Да нѣтъ же, сударь... нѣтъ, власть милости вашей... нельзя этого... сударь... никакъ нельзя!

— А, когда такъ, я сейчасъ же пошлю за полиціей!.. Ступай! Петръ, выведи его на улицу!

— Позвольте слово только одно... я...

— Ни слова... выведите его на улицу! сказалъ докторъ, указывая рукою на дверь.—Севастьянъ! заключилъ онъ, когда старикъ, два ребенка, Петръ и кормилица исчезли въ дверяхъ прихожей.

Явился Севастьянъ.

— Ступай слѣдомъ за этимъ старикомъ, сказалъ докторъ, понижая голосъ,—но, смотри, такъ, однакожъ, чтобъ онъ никакъ этого не замѣтилъ... въ противномъ случаѣ, завтра расчетъ и паспортъ, слышишь?

— Слушаю-съ, будьте благонадежны.

— Ну такъ ступай же скорѣй; высмотри хорошенько, куда онъ пойдетъ, узнай его квартиру и тотчасъ же пріѣзжай сказать мнѣ обо всемъ. Смотри же не зѣвай! Да вели сказать кучеру, чтобъ скорѣе закладывалъ сани. Ступай!

VII.

Встрѣча новаго года.

Можете сами судить, въ какомъ положеніи находился дѣдушка Герасимъ, когда Петръ захлопнулъ за нимъ дверь докторскаго дома, и онъ снова очутился на улицѣ, но только ужъ не съ однимъ ребенкомъ, а съ двумя.

„Вотъ-те и новый годъ! вотъ-те и новый годъ!“ могъ только проговорить онъ, раскачивая головою и придерживая колѣномъ то одного ребенка, то другого.

Положеніе его было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Хуже всего то, что мысли старика, несмотря на взволнованныя его чувства, сохранили всю свою ясность. Онъ сознавалъ какъ нельзя лучше обстоятельства своего семейства; сознавалъ какъ нельзя отчетливѣе, что лишній этотъ младенецъ произведетъ дѣйствіе лишней тяжести, брошенной на вѣсы, и безъ того ужъ до края переполненные тя-

жестями всякаго рода. Что говорить: отдавать себѣ такимъ образомъ отчетъ въ своемъ положеніи очень похвально и даже полезно; но въ извѣстныхъ случаяхъ жизни это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Дѣдушка Герасимъ чувствовалъ это очень хорошо. Онъ видѣлъ, что безъ особеннаго какого-нибудь благопріятнаго случая, безъ вмѣшательства посторонняго благодѣтельнаго лица, семейство его неминуемо погибнетъ. А между тѣмъ, положительно не предстояло никакой надежды, и въ этотъ вечеръ, именно въ этотъ вечеръ, менѣе чѣмъ когда-нибудь можно было разсчитывать на постороннее участіе.

Хотя вечеръ этотъ и слыветъ благодѣтельнымъ какимъ-то вечеромъ, хотя съ незапамятныхъ временъ ведется обыкновеніе собираться въ кружки и толковать о пользѣ благотворительности, но въ сущности вечеръ новаго года проходитъ въ однихъ разговорахъ; всѣ заняты собою собственно; думаютъ о томъ, какъ бы веселѣе, пріятнѣе провести достопамятный вечеръ, и особенно заняты новымъ приближающимся годомъ. Никому въ голову не приходило, слѣдовательно, отыскать Яшу Жилетникова, узнать, что онъ? какъ онъ? все ли живетъ по-старому? не нуждается ли въ чьемъ-либо пособіи, и проч., и проч.,—всѣ думали только о новомъ годѣ. Всѣ помыслы, всѣ чувства смертныхъ принадлежали новому году; на маковую росинку не оставалось чувствъ и мыслей для семьи Яши Жилетникова. Въ каждомъ окнѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждой квартирѣ, даже на улицахъ и подъ воротами, только и было разговора, что о новомъ годѣ; хоть бы слово, одно слово о другѣ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ! „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“ слышалось отовсюду.

И въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ лицахъ, встрѣчавшихся на улицахъ, отпечатывалось выраженье внутренняго довольства и счастья. О старомъ годѣ помышляли, казалось, такъ же мало, какъ о Яшѣ Жилетниковѣ; повидимому, избѣгали даже вспоминать о старомъ годѣ, который въ свое время выбивался между тѣмъ изъ силъ, чтобъ подарить смертныхъ Петербурга раннею весною, надѣлить ихъ маленькими воздушными дачами, убрать цвѣтами и зеленью ихъ садики; старался поддерживать цвѣты и сады, поливая ихъ частыми дождями; старался перевезти какъ можно скорѣе продрогшихъ обывателей дачъ на теплыя квартиры, и проч., и проч. Но все это было забыто, и старый

годъ, какъ дряхлый старикъ, отдавшій при жизни свое имущество неблагодарнымъ дѣтямъ, какъ девяностолѣтній король Лиръ, выгнанный неблагодарными дочерьми, спѣшилъ оставить городъ и прямо повидимому направлялся къ Смоленскому кладбищу.

Дѣдушка Герасимъ готовъ былъ послѣдовать его примѣру. Между нимъ и старымъ годомъ было большое сходство: оба отжили свой вѣкъ; оба никому не были нужны. Одно только обстоятельство удерживало старика: удерживали два младенца на рукахъ его, которые кричали благимъ матомъ и какъ бы просили нести ихъ какъ можно скорѣе на квартиру. Дѣлать было нечего. Онъ ускорилъ шагъ, и во все продолженіе пути остановился одинъ только разъ, а именно, когда раздался первый ударъ колокола съ какой-то отдаленной колокольни. „Разъ... два... три...“ Онъ сосчиталъ одиннадцать ударовъ; до новаго года оставался одинъ только часъ!

— Вотъ тебѣ и новый годъ! фу, фу! вотъ тебѣ и новый годъ! произнесъ старикъ машинально.

Приподнявъ колѣномъ сначала внучка, потомъ другого младенца, дѣдушка Герасимъ продолжалъ подвигаться впередъ. Такъ добрелъ онъ до воротъ своего дома; но тутъ онъ почти противъ воли остановился: смущеніе и нерѣшительность, окончательно овладѣвшія старикомъ, когда поровнялся онъ съ окнами Анны Ивановны, перешли, казалось, теперь въ его ноги,—ноги его напрямикъ отказывались двигаться.

Не знаю, какъ долго простоялъ бы онъ на одномъ мѣстѣ, если-бъ шаги, раздавшіеся за его спиною, не заставили его противъ силы войти въ ворота.

Не стану разсказывать, какъ дѣдушка Герасимъ проходилъ дворъ, какъ вступилъ въ сѣни, и какъ отчаянно отдувалъ щеки; достаточно сказать, что во все это время оба младенца кричали немилосердно, и не переставали кричать даже тогда, когда старикъ вошелъ съ ними въ комнату.

Обстоятельство это было причиною, что больная Маша тотчасъ пробудилась; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало мгновенное пробужденіе четырехъ дѣтей ея. Увидя двѣ полновѣсныя ноши на рукахъ дѣдушки, ребятишки побросали во всѣ стороны прикрывавшую ихъ одежду, кинулись къ старику и закричали въ одинъ голосъ:

— Дѣдушка принесъ гостинцы! гостинцы! гостинцы принесъ!

Убѣдившись, однакожъ, въ чемъ дѣло, на что потребовалась одна секунда, они вдругъ отшатнулись и раскрыли удивленные глаза.

Маша, между тѣмъ, не найдя подлѣ себя младенца, быстро подняла голову и съ безпокойствомъ смотрѣла на отца. Но всѣхъ изумленнѣе казался самъ Яша Жилетниковъ, который до того времени сидѣлъ въ углу, закутанный платкомъ крестъ-накрестъ (пальто его прикрывало женины ноги).

— Батюшка, сказала Маша, силясь приподняться на локоть,—зачѣмъ ты взялъ ребенка?

Но тутъ глаза ея встрѣтили другого младенца на рукахъ дѣдушки Герасима, и она остановилась.

— Батюшка, что это? проговорила она съ испугомъ.

— Что это? что такое? спросилъ въ свою очередь Яша, не вѣря глазамъ своимъ.

— Стойте! погодите, погодите маленько, уфъ, уфъ, сейчасъ, возразилъ, смущаясь и мѣшаясь, старикъ.—Вотъ я, примолвилъ онъ, оправляясь и стараясь даже улыбнуться,— я, то-есть, взялъ, Маша, ребенка-то... да, онъ, видишь ли, кричалъ, спать тебѣ не давалъ; такъ я, того, и взялъ его, думалъ прогуляюсь, пойду по улицѣ... а тутъ, стойте! Сейчасъ все разскажу, фу, фу... Вотъ, иду я, такъ-то, назадъ, смотрю, а въ дверяхъ нашихъ вотъ этотъ и лежитъ, да, фу, фу, выходитъ, то-есть, намъ его подкинули!

Яша стоялъ какъ громомъ пораженный.

— Неси его назадъ, батюшка! сказалъ онъ наконецъ, судорожно схвативъ старика за шинель.—Неси на старое мѣсто; грѣхъ не на нашей душѣ, самимъ ѣсть нечего!

— Нѣтъ, погодите, не ходи, батюшка! дай мнѣ его сюда! проговорила неожиданно Маша, протягивая руки,— дай сюда обоихъ! Яша, Христосъ съ тобою, опомнись, о чемъ это ты говоришь, что ты хочешь дѣлать? Богъ милостивъ: можетъ, услышалъ наши молитвы, счастіе намъ посылаетъ... Вспомни нонче день какой! заключила она, укладывая обоихъ младенцевъ подлѣ себя.

— Оно все такъ... точно: новый годъ!.. Но и своихъ много... куда мы съ нимъ дѣнемся!.. нерѣшительно вымолвилъ Яша.

Дѣдушка Герасимъ разводилъ только руками и отдувалъ щеки.

— Какъ куда дѣнемся? не бросить же его на улицу, стало, такъ Господу Богу угодно... будетъ жить съ нами, если Господь дастъ ему здоровья, сказала Маша. — Богъ дастъ и я встану, не будетъ той тѣсноты въ домѣ, какъ-нибудь прокормимся. А нынче, самъ же ты говорилъ, банщикъ обѣщалъ прислать... что-то долго онъ нейдетъ!.. ты бы опять сходилъ, Яша. А батюшка сходитъ пока въ лавочку. молочка возьметъ... вѣдь ты, батюшка, лавочнику-то заплатилъ, сказывалъ?..

— Какъ же, какъ же! гм! гм!.. Сейчасъ, сію минуту... суетливо заговорилъ дѣдушка Герасимъ, какъ бы отыскивая что-то въ углахъ комнаты.—Сейчасъ схожу, примолвилъ онъ, бросивъ выразительный взглядъ Яшѣ и выходя торопливо изъ комнаты.

— Батюшка, что ты съ нами надѣлалъ! Вѣдь это наша гибель! воскликнулъ гаеръ, когда оба они очутились въ сѣняхъ.

— Ну какъ быть! ничего, молчи только, возразилъ тесть, стараясь принять лукавый видъ и подмигивая обоими глазами, что было совершенно лишнее, потому что въ сѣняхъ зги не было видно.—Надо какъ-нибудь извернуться... надуть ее безпремѣнно надо, потому, примѣрно, лавочникъ и банщикъ, и все такое... выходитъ пустяшное только дѣло!.. А вотъ что: сбѣгаю-ка я къ Аннѣ Ивановнѣ, скажу: такъ и такъ молъ, оказія какая случилась, попрошу ее, баба того... добрая душа, авось что и добуду... всего бы одинъ двугривенный, больше не надо... ты ступай пока къ Машѣ... а я какъ получу деньги-то, въ лавочку сбѣгаю за молокомъ... не въ нашу лавочку; тамъ не раздобудешься, сбѣгаю въ другую, слышь?

Сказавъ это, старикъ выпустилъ разомъ весь воздухъ изъ щекъ своихъ и пустился безъ оглядки въ квартиру Анны Ивановны.

Яша засталъ дѣтей своихъ подлѣ постели матери; всѣ— и мать, и дѣти, съ любопытствомъ разсматривали подкидыша.

— Погляди, Яша, погляди-ка, во что его закутали... шубейка-то какая! а одѣяльце-то... одѣяльце? стеганое шелковое! пеленки-то! а рубашечка... должно быть богатыхъ какихъ!.. Господи! и такіе люди подкидываютъ дѣтей своихъ!.. Яша, и башмачки-то какіе... точно игрушечные!.. да подойди же сюда, Яша.

Но Яша сидѣлъ ужъ въ углу своемъ, и, положивъ голову въ ладони, ни на что, казалось, не хотѣлъ смотрѣть.

Минутъ пять спустя, онъ поневолѣ долженъ былъ, однакожъ, поднять голову. Въ комнату вошелъ дѣдушка Герасимъ, сопровождаемый всѣмъ обществомъ Анны Ивановны, за исключеніемъ, впрочемъ, веселаго Андрея Андреевича, который такъ весело провелъ остатокъ вечера, что едва въ силахъ былъ двигать ногами. Вся компанія находилась также, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и это самое обстоятельство выдавало еще рѣзче взбудораженное, встревоженное лицо дѣдушки Герасима.

Впереди всѣхъ выступалъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Кого еще тутъ принесло? Какого ребенка? Мало тѣсноты было!.. сказалъ золотильщикъ, зеленоватое лицо котораго, благодаря крѣпкой настойкѣ Анны Ивановны и ея радушію, превратилось въ пунцовое.—Самимъ ѣсть нечего, а еще чужихъ дѣтей принимать вздумали! Нѣтъ, прежде за квартиру заплатите—вотъ что, а тамъ и распоряжайтесь, да; слышите, за квартиру отдайте, а тамъ и пускайте, кого хотите...

— Это какъ есть настоящее дѣло... проговорилъ охмелѣвшій тихвинецъ.

— Ахъ, Авениръ Михайлычъ, посмотрите, какой хорошенькій ребенокъ! просто прелести... воскликнула Анна Ивановна. — Ахъ, какія прелести! посмотрите, Авениръ Михайловичъ, какое на немъ одѣяльце, какая рубашечка...

— Да-съ, можно сказать, княжеское дитя, только не приходится... знаете... не на семъ мѣстѣ, такъ сказать... проговорилъ Авениръ Михайловичъ съ видомъ знатока.

— Да, прежде за квартиру заплатите, вотъ что! кричалъ между тѣмъ Василій Аѳанасьевичъ,—а то норовятъ жить какъ-нибудь на шаромыжку, да еще жильцовъ къ себѣ пускаютъ...

— Какой же это жилецъ? вымолвилъ дѣдушка Герасимъ,—много ли ему надо? да никто и не пущалъ его... Выслушай только, Василій Аѳанасьевичъ, что я скажу тебѣ... выслушай: нешто мы причиной, вѣдь его подкинули, самъ посуди!

— А зачѣмъ брали? брали зачѣмъ?.. вишь богачи какіе... самимъ ѣсть нечего, а еще подкидышей берутъ...

— Какъ же быть-то? на морозѣ, что ли, его по-твоему оставить?

— Какъ же ты можешь отвѣчать такъ своему хозяину?

закричалъ еще громче золотильщикъ,—какъ же ты можешь отвѣчать такъ грубо?.. Вонъ, когда такъ! вонъ, чтобъ духу вашего здѣсь не было!.. подхватилъ онъ, не обращая вниманія на усовѣщеваніе Анны Ивановны.

Но въ ту самую минуту, какъ Василій Аѳанасьевичъ произносилъ эти послѣднія слова, торжественно приподнявъ руку, дверь отворилась и въ комнату вошелъ докторъ.

— Что здѣсь за шумъ?.. спросилъ онъ, окидывая быстрымъ взглядомъ присутствующихъ.

— Оттого и шумъ, что за квартиру не платятъ, вотъ что! отвѣчалъ довольно дерзко Василій Аѳанасьевичъ.

— Вы кто такой? нетерпѣливо спросилъ докторъ, обращаясь къ золотильщику.

— Я хозяинъ здѣшней квартиры, возразилъ тотъ съ горячностью.

— А, вы хозяинъ здѣшней квартиры... перебилъ докторъ, торопливо вынимая изъ кармана бумажникъ. — Сколько же они вамъ должны?..

— Должны три цѣлковыхъ... да вамъ до этого нѣтъ нужды: это мое дѣло съ жильцами, потому я хозяинъ...

— Вотъ вамъ деньги, прервалъ его докторъ,—вы, слѣдовательно, теперь ужъ не хозяинъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, и потому можете убираться отсюда...

— Какъ вы можете мнѣ это говорить? я хозяинъ...

— Нѣтъ, повторяю вамъ, вы ужъ не хозяинъ, коль скоро деньги вамъ заплачены. Ступайте вонъ!

— Какъ?

— Да такъ же, вотъ какъ!..

И докторъ, повернувъ Василія Аѳанасьевича за плечи, вытолкалъ его за дверь безъ дальнѣйшихъ церемоній.

— Вамъ здѣсь что угодно? спросилъ онъ, обращаясь къ тихвинцу.

— Это, то-есть, насчетъ чего-съ... проговорилъ тихвинецъ, начинавшій ужъ подбираться къ двери.

— Не угодно ли вамъ уйти отсюда?

— Это мы съ нашимъ удовольствіемъ-съ... это можно... пробормоталъ Иванъ Тихоновичъ, исчезая въ сѣни.

— А ты, братецъ, зачѣмъ здѣсь? сказалъ докторъ, поворачиваясь къ Авениру Михайловичу, который не переставалъ охорашиваться: чистилъ обшлага фрака и старался, повидимому, обратить на себя вниманіе доктора.—

Ты здѣсь зачѣмъ?.. Я, кажется, явственно, русскимъ языкомъ сказалъ, что ты напрасно безпокоишься и ходишь ко мнѣ каждый день; что я не возьму тебя въ камердинеры, потому что не люблю такихъ франтовъ... Чего же тебѣ еще? Ступай, братецъ, ступай... тебѣ здѣсь нечего дѣлать...

— Помилуйте, сударь... такимъ манеромъ... я у князей, у графовъ служилъ...

— Ну, очень радъ, а у меня служить не будешь, вотъ и все! Ступай отсюда! перебилъ докторъ, выпроваживая Авенира Михайловича.

Маленькая Анна Ивановна, столько удивленная, сколько огорченная обращеніемъ доктора съ избраннымъ ея сердца, не дождалась приглашенія оставить квартиру гостя; потряхивая съ чувствомъ достоинства крошечной своей головкой, она горделиво прошла мимо доктора, какъ бы желая дать ему почувствовать, что она не какая-нибудь сволочь, что папенька ея содержалъ цырюльню на Владимірской, имѣлъ свой капиталъ, и проч., и проч.; она тотчасъ же исчезла.

Всѣ члены семейства Яши Жилетникова глядѣли на доктора во всѣ глаза; въ этихъ взглядахъ выражался страхъ, радость, надежда. Маша сидѣла на постели, и, положивъ руку на обоихъ младенцевъ, придерживая другою рукою грудь, дрожала всѣмъ тѣломъ; Яша, обвязанный крестъ-накрестъ женинымъ платкомъ, стоялъ какъ окаменѣлый; дѣдушка Герасимъ, изъ-подъ шинели котораго выглядывали испуганныя лица четырехъ дѣтей, разводилъ только руками и отдувалъ свои щеки.

Прежде всѣхъ опомнился, все-таки, дѣдушка Герасимъ.

— Батюшка... сударь! ваше высокоблагородіе! заговорилъ онъ неожиданно, трогаясь впередъ, при чемъ дѣти быстро вынырнули изъ-подъ шинели и спрятались за спинку кровати.—Ваше высокоблагородіе... благо... благодѣтель вы нашъ! мы ужъ не чаяли съ квартирой-то справиться... Самъ Господь наслалъ васъ, благодѣтель! заключилъ онъ, опускаясь на колѣни.

— Полно, старикъ, полно! проговорилъ докторъ, приподнимая его. — Перестань, это лишнее... Вы хозяинъ здѣшней квартиры? примолвилъ онъ, обращаясь къ Яшѣ.

— Я... я... сударь... пробормоталъ Яша, запинаясь на каждомъ словѣ.

— А это жена ваша?

— Жена... сударь...

— Перестаньте тревожиться, успокойтесь, вымолвилъ докторъ, подходя къ Машѣ,—я ничего не желаю вамъ, кромѣ добра; я докторъ и пришелъ къ вамъ единственно за тѣмъ только, чтобъ оказать вамъ пособіе... дайте вашу руку... Э! ничего! присовокупилъ онъ, внимательно прислушиваясь къ пульсу и глядя ей въ лицо.—Вы только слабы... болѣзни никакой нѣтъ... надѣюсь, вы скоро, очень даже скоро поправитесь...

Тутъ докторъ суетливо оглянулся во всѣ стороны; но такъ какъ нигдѣ не оказалось ни пера, ни чернильницы, ни клочка бумаги, онъ вырвалъ изъ бумажника бѣлый листокъ, положилъ на ладонь и поспѣшно принялся писать что-то карандашомъ.

— Вотъ такъ хорошо; чрезъ недѣлю, надѣюсь, вы будете на ногахъ и совершенно здоровы, сказалъ онъ, складывая бумажку,—вашъ мужъ тотчасъ же отнесетъ это въ аптеку... у меня тутъ, на дворѣ, стоятъ сани; а вотъ и деньги на лѣкарство... добавилъ онъ, протягивая руку Яшѣ Жилетникову.

— Благодѣтель!.. ваше благородіе!.. за что, сударь, жалуете... закричалъ дѣдушка Герасимъ, всплескивая руками.

— Подлинно, сударь, Самъ Господь посылаетъ васъ!.. Какъ намъ благодарить васъ за ваши добродѣтели!.. Сударь! ваше благородіе!.. Ужъ коли Господь послалъ намъ такого ангела-хранителя... такъ не оставьте насъ... будьте нашимъ благодѣтелемъ до конца!.. пожалѣйте насъ бѣдныхъ!.. Сами видите, сударь, какая наша жизнь... ѣсть нечего!.. пятеро дѣтей... Будьте отцомъ роднымъ, не отягощайте насъ лишнимъ ребенкомъ! не знаемъ, что и съ своими-то дѣлать!.. проговорилъ Яша Жилетниковъ, которому, во время объясненія доктора съ Машей, дѣдушка Герасимъ передалъ на ухо всю исторію съ подкидышемъ.

— Нѣтъ, я этого никакъ не сдѣлаю, ребенокъ останется у васъ, съ веселостью отвѣчалъ докторъ,—вы знаете, долгъ красенъ платежомъ; часъ тому назадъ, вашъ тесть, и, вѣроятно, съ вашего же согласія, принесъ на мой подъѣздъ вашего ребенка и хотѣлъ мнѣ его подкинуть...

На этомъ мѣстѣ докторъ былъ прерванъ страшнымъ рыданіемъ Маши.

— Яша!.. Яша!.. батюшка... что вы хотѣли сдѣлать! воскликнула она, страстно прижимая къ груди ребенка и обливаясь слезами.

— Такъ, стало быть, она ничего этого не знала?..

— Ничего, сударь, какъ есть... произнесли въ одно время тесть и зять.

— Полноте, перестаньте же... теперь плакать не о чемъ, вымолвилъ докторъ, торопливо подходя къ постели и взявъ больную за руку,—вѣдь вашъ ребенокъ теперь съ вами и никогда ужъ не разлучатъ васъ; плакать, слѣдовательно, безразсудно... о чемъ? Вамъ, напротивъ, слѣдовало бы теперь радоваться! прибавилъ докторъ съ веселою улыбкой.—Вы, какъ я вижу, любите дѣтей, и вмѣсто одного ребенка у васъ стало вдругъ двое!.. Утрите же ваши слезы; плакать тѣмъ болѣе безразсудно, что мой ребенокъ, повѣрьте, нимало не стѣснитъ васъ... я думаю совсѣмъ напротивъ... вотъ, напримѣръ, у васъ здѣсь очень холодно...

— Двѣ недѣли, сударь, не топили, перебилъ дѣдушка Герасимъ.

— Ну, вотъ видите ли! А мой ребенокъ привыкъ къ теплу, и потому необходимо сію же минуту достать дровъ и затопить печку, вотъ и деньги; во-вторыхъ, мой ребенокъ привыкъ очень хорошо ужинать; онъ безъ этого не засыпаетъ... и потому надо достать еще, во что бы то ни стало, хорошій ужинъ... Кромѣ этого, я знаю, мой ребенокъ приготовилъ вамъ маленькій подарокъ къ новому году... но объ этомъ послѣ; главное дѣло, надо теперь позаботиться объ ужинѣ... Нельзя же встрѣтить новый годъ съ пустымъ желудкомъ, не такъ ли? Мы сейчасъ же этимъ распорядимся...

Сказавъ это, докторъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ ассигнацій, подошелъ къ оторопѣвшему Яшѣ и началъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать; разговоръ происходилъ вполголоса, и Маша ничего не могла разобрать; до слуха ея доходили только восклицанія отца и мужа, которые, одинъ за другимъ, повторяли: — „Благодѣтель! отецъ нашъ! Господь заплатитъ вамъ за ваши добродѣтели“ и проч., и проч.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, однакожъ, что Яша и старикъ нахлобучили на голову картузы свои и опрометью выбѣжали изъ комнаты.

Докторъ придвинулъ скамью къ постели больной и ласково сталъ разспрашивать ее о прежнемъ житьѣ-бытьѣ ея.

Никогда еще полное лицо доктора не дышало такою добротою и не внушало столько довѣрія; въ чертахъ его

не оставалось и тѣни строгаго, глубокомысленно-задумчиваго выраженья; ученый исчезъ совершенно; оставался только человѣкъ,—и лучше было!

Дѣти, которымъ инстинктивно дано понимать лучше всякаго взрослаго движенія человѣческой души, давно ужъ перестали бояться своего гостя; они вышли изъ-за своей засады и окружали теперь доктора, который, продолжая добродушно бесѣдовать съ Машей, не пропускалъ случая трепать пухленькія щеки то одному изъ наслѣдниковъ Яши Жилетникова, то другому.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ дверяхъ не показался дѣдушка Герасимъ съ охапкою дровъ на спинѣ, съ кулькомъ на плечѣ и бутылкою за пазухой; слѣдомъ за нимъ выступалъ Яша съ полновѣсными узлами въ каждой рукѣ.

Поставивъ свои ноши на столъ, оба остановились въ какой-то нерѣшительности.

— Что жъ вы стали, братцы? смѣясь сказалъ докторъ,— надо поторопиться, а то, чего добраго, новый годъ застанетъ насъ въ холодной квартирѣ...

— Помилуйте, сударь, какъ же?.. за что, то-есть... вы такія милости... отецъ нашъ!.. начали было оба смущеннымъ голосомъ.

Но докторъ не дослушалъ, приказалъ старику немедленно затопить печь, Яшѣ велѣлъ развязывать узлы и самъ принялся подсоблять ему.

Немного погодя, на шарманкѣ, приставленной къ постели, появилась бутылка молока, двѣ жареныя курицы, вино, бѣлые хлѣбы, пироги; часть постели заставилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, новыми фаянсовыми тарелками, ножами, вилками, стаканами, рюмками и салфетками. Но радость и удивленіе дѣтей превратились въ совершеннѣйшій восторгъ, когда докторъ развязалъ узелъ, изъ котораго нежданно выглянули деревянные коньки, пряники и румяныя головки куколъ.

— Это послѣ, дѣти, послѣ; теперь садитесь всѣ ужинать! Кто первый сядетъ, тому лучшая игрушка! сказалъ докторъ, между тѣмъ какъ Маша осыпала его благословеніями, смѣялась и плакала въ одно и то же время.

Когда дѣти усѣлись и ярко вспыхнувшая вдругъ печка освѣтила ихъ радостныя лица, Яша Жилетниковъ, дѣдушка Герасимъ и его дочь снова принялись разсыпаться въ благодарностяхъ и благословеніяхъ; но докторъ оста-

новилъ ихъ, сказавъ, что если они не сядутъ ужинать, онъ минуты не останется въ ихъ квартирѣ и предоставитъ ихъ на произволъ судьбы...

— Ну, теперь, сказалъ докторъ, когда обѣ курицы и пироги исчезли, — пора, кажется, подумать и о новомъ годѣ. Вы знаете, что изстари ведется обычай дѣлать въ этотъ вечеръ другъ другу подарки. Вы подарили мнѣ или хотѣли подарить, что все равно, вашего ребенка, я отплатилъ вамъ тѣмъ же. Но мой ребенокъ находитъ, что этого недостаточно; онъ считаетъ себя въ долгу передъ вами, и хочетъ вамъ сдѣлать хоть какой подарокъ, слушайте...

При этомъ докторъ вынулъ изъ бокового кармана какое-то письмо, весело оглянулъ изумленныхъ членовъ семейства, развернулъ письмо и началъ читать во всеуслышаніе.

Въ письмѣ значилось, что ребенокъ, подкинутый такого-то числа декабря, доктору такому-то, принадлежитъ богатымъ родителямъ, которыхъ обстоятельства заставляютъ на время скрываться; далѣе объяснялось, что на имя ребенка положенъ капиталъ въ Опекунскій Совѣтъ, и что проценты съ этого капитала, тысячу рублей въ годъ, предоставляется получать тѣмъ, кто будетъ заботиться о сохраненіи ребенка въ добромъ здравіи.

— Безъ васъ я покороче познакомился съ вашею женою, сказалъ докторъ, обращаясь къ Яшѣ Жилетникову,— васъ, собственно, я уже давно знаю за честнаго, добраго человѣка... я разсудилъ отдать на ваше попеченіе ребенка и предоставляю вамъ пользоваться его доходами. Что вы объ этомъ скажете?

Предоставляю вамъ самимъ судить о впечатлѣніи, какое произвели слова доктора на семейство Яши Жилетникова.

Дѣдушка Герасимъ и Яша бросились обнимать ноги доктора; Маша рыдала навзрыдъ, но ужъ на этотъ разъ отъ радости.

— Дѣти! воскликнулъ вдругъ дѣдушка Герасимъ, подымаясь на ноги и восторженно оглядывая внучатъ, которыхъ докторъ надѣлилъ игрушками,—дѣти, что жъ вы?

Тутъ дѣдушка Герасимъ стремительно бросился въ уголъ, приподнялся на цыпочки и снялъ съ гвоздей кларнетъ.

— Дѣти! на колѣни, въ ноги! благодарите нашего благодѣтеля! на колѣни! стой! стой! онъ, отецъ нашъ, этого

не любитъ, стой! подхватилъ старикъ, восторженно махая кларнетомъ, — благодарите его, повеселите его, отца нашего, благодѣтеля! Ваня, Поля! становись! заключилъ дѣдушка Герасимъ, приставляя кларнетъ къ губамъ и страшно надувая щеки.

— Полно, старикъ, къ чему это? смѣясь проговорилъ докторъ, махая рукою, которою снова завладѣли Яша и жена его.

— Какъ же, сударь! какъ же, ваше благородіе! развѣ мы скоты какіе безчувственные? и въ насъ есть, сударь, искра Божія, мы должны все это то-есть чувствовать, сударь... Становись, Ваня! Поля! ну, живо, ходи!

Напрасно докторъ отнѣкивался.

Дѣдушка Герасимъ приставилъ кларнетъ къ губамъ, топнулъ ногою, и въ комнатѣ, освѣщенной яркимъ пламенемъ топившейся печки, раздались вдругъ звуки какой-то отчаянной плясовой пѣсни, послышался топотъ маленькихъ ножекъ, восторженныя восклицанія, хохотъ. Кромѣ доктора, все плясало и прыгало, не выключая даже двухъ младенцевъ, скакавшихъ на рукахъ Яши Жилетникова, не выключая скамьи, на которой помѣщался докторъ, не выключая шарманки, которая не хотѣла, видно, отстать отъ своихъ хозяевъ въ изъявленіи своей благодарности, и, повинуясь движенію ручки въ рукѣ Маши, залилась какимъ-то дребезжащимъ, неистовымъ вальсомъ.

Не знаю, до какихъ поръ могла бы продолжаться вся эта трескотня, если бъ докторъ не вынулъ изъ жилетнаго кармана часовъ и не провозгласилъ, что до новаго года осталась всего одна минута!..

Все разомъ остановилось и замолкло. Докторъ налилъ тогда рюмку вина и привсталъ съ мѣста.

— Дѣти! сказалъ онъ, — поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! отозвалось дружнымъ хоромъ семейство Яши Жилетникова.—Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! повторили всѣ еще громче, повинуясь знаку дѣдушки Герасима, который управлялъ хоромъ въ качествѣ стараго, опытнаго музыканта...

Добрый дѣдушка Герасимъ! добрый Жилетниковъ! добрая Маша! добрый докторъ! добрыя дѣти! добрый вечеръ новаго года!..

Нѣтъ, я рѣшительно не могу больше владѣть своими чувствами! Выхожу изъ темнаго угла, въ которомъ стоялъ я пять часовъ сряду, бросаю свой инкогнито, громогласно объявляю себя лучшимъ другомъ Яши Жилетникова, подбѣгаю къ шарманкѣ, наливаю полный стаканъ вина, и, не обращая вниманія на изумленіе всѣхъ присутствующихъ, становлюсь на средину комнаты, потрясаю въ воздухѣ опорожненнымъ стаканомъ, топаю ногами и кричу во всеуслышаніе:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

1854 г.

РЫБАКИ.

(РОМАНЪ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Два пѣшехода.

Сѣверная часть Тульской губерніи, которая, какъ извѣстно, отдѣляется отъ уѣздовъ Московской губерніи широкою лентою Оки, можетъ назваться одною изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей средней Россіи. Она подымается крутымъ хребтомъ у самой рѣки и представляетъ нескончаемую перспективу зеленѣющихъ, выпуклыхъ холмовъ, долинъ и обрывовъ, которые съ одной стороны смотрятся въ Оку, съ другой—убѣгаютъ, постепенно смягчаясь, во внутренность земель. Тутъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, не встрѣчаешь иногда гладкой, ровной десятины: холмы идутъ за холмами, образуя безчисленное множество изгибовъ и лощинъ, на днѣ которыхъ журчатъ ручьи, иногда даже маленькія рѣчки, въ родѣ Смедвы. На каждомъ шагу открываются новые ландшафты; глаза не утомляются скучнымъ однообразіемъ степи. Но зато дороги (какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, ожидать) рѣшительно здѣсь непроходимы. Этому столько же способствуетъ почва и расположеніе самой мѣстности, сколько частое сообщеніе между деревнями и рѣкою, близость которой всегда оживляетъ окрестность. Каждый путникъ, каждая кляча, сообразаясь съ естественными препятствіями и руководимые

своимъ собственнымъ соображеніемъ и опытомъ, проводятъ здѣсь свою тропинку. Кромѣ того, каждое время года обозначаетъ еще свой путь: гдѣ по веснѣ проходила дорога, тамъ къ лѣту образовался оврагъ — и, наоборотъ: гдѣ былъ оврагъ, тамъ, благодаря осеннему наносу ила, открывалась ровная поверхность. Мѣстами сосновый лѣсъ замыкаетъ дорогу и такъ тѣсно сжимаетъ ее, что нѣтъ ствола, на которомъ бы оси колесъ не провели царапины или не положили дегтярнаго знака; мѣстами предстоитъ въѣзжать по самую ступицу въ сыпучій песокъ, или, что еще хуже, приходится объѣзжать на авось топкія мѣста на днѣ лощинъ. Все это, въ совокупности, составляетъ изрядный хаосъ, часто, впрочемъ, служащій преддверіемъ нашихъ большихъ рѣкъ съ нагорной стороны.

Въ послѣднихъ числахъ марта, въ день самаго Благовѣщенія, на одной изъ такихъ дорогъ, ведшей изъ села Сосновки къ Окѣ, можно было встрѣтить оборваннаго старика, сопровождаемаго такимъ же почти оборваннымъ мальчикомъ. Время было раннее. Снѣжные, холмистые скаты, обступившіе дорогу, и темные сосновые лѣса, выглядывающіе изъ-за холмовъ, только что озарились солнцемъ.

Со всѣмъ тѣмъ въ воздухѣ начинала уже чувствоваться какая-то легкость, предвѣщавшая къ полудню оттепель. Время полной распутицы еще не наступило; но не было уже никакой возможности ѣхать на саняхъ: снѣгъ, подогрѣваемый сверху мартовскимъ солнцемъ, снизу—отходившей землею, замѣтно осаживался; дорога не держала копыта лошадей; темнобурый цвѣтъ рѣзко уже отдѣлилъ ее отъ полей, покрытыхъ тонкою ледяною коркой, сквозь которую проламывались черные, засохшіе стебли прошлогоднихъ растеній. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, небосклонъ со стороны Оки синѣлъ и покрывался туманомъ, вѣрнѣйшимъ знакомъ скорой оттепели, по мнѣнію мѣстныхъ пахарей и рыболововъ. Скаты холмовъ, обращенные къ югу, начинали желтѣть и мокнуть; лощины наполнялись водою; кое-гдѣ даже показывалась земля, усѣянная камнями. Этимъ, впрочемъ, и ограничивались признаки наступавшей весны: на проталинкахъ не видно было покуда ни жаворонка, ни грача—перваго возвѣстника тепла, первой хлѣбной птицы; землей еще не пахло...

Безнадежное состояніе Сосновской дороги дѣйствовало

различно на двухъ путешественниковъ. Мальчикъ, бѣжавшій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ старика, кричалъ, свистѣлъ, производилъ отчаянные скачки, умышленно заползалъ въ лужи и радостно билъ ногами въ водѣ. Старикъ былъ не въ духѣ. Онъ также приплясывалъ въ лужахъ; но это приплясыванье выражало скорѣе явную досаду, нежели радость: каждый разъ, какъ лаптишки старика уходили въ воду (а это случалось безпрерывно), изъ груди его вырывались жалобныя сѣтованія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ мальчику, баловливость котораго была единственной причиной, заставлявшей старика ускорять шагъ и часто не смотрѣть подъ ноги. Но мальчикъ не обращалъ, повидимому, вниманія на жалобные возгласы преклоннаго своего товарища; казалось, напротивъ, онъ еще усерднѣе принимался тогда шмыгать по лужамъ.

— Ахъ ты, окаянный! кричалъ старикъ, и всякій разъ съ какимъ-то безсильнымъ гнѣвомъ, который походилъ скорѣе на жалобу, чѣмъ на угрозу.—Ахъ ты, шавель ты этакая! ступай сюда, говорятъ!.. Постой, погоди жъ ты у меня! ишь те!.. Постой! постой, дай срокъ!.. Вишь, куда его носитъ!.. эхва!.. эхва, куда нелегкая носитъ!.. чтобъ те быки забодали... у-у... Ахъ ты, Господи! Царица небесная! заключалъ онъ, ударяя руками объ полы прорванной сермяги.

Мальчикъ останавливался, устремлялъ на спутника пару черныхъ, лукавыхъ глазъ и, выкинувъ совершенно неожиданно новую какую-нибудь штуку, продолжалъ бѣжать впередъ по дорогѣ.

Видно было по всему, что онъ подтрунивалъ надъ старикомъ и ни во что не ставилъ его угрозы.

И въ самомъ дѣлѣ, жалкій, плаксивый видъ старика ни въ комъ не могъ пробуждать страха. Все существо его, казалось, насквозь проникнуто было вялостью и безсиліемъ. Свойства эти не были, однакожъ, слѣдствіемъ усталости или преклонности лѣтъ: три-четыре версты отъ Сосновки до того мѣста, гдѣ мы застали его, никого не могли утомить; что жъ касается до лѣтъ, ему было сорокъпять, и ужъ никакъ не болѣе пятидесяти — возрастъ, въ которомъ наши простолюдины, благодаря постоянной дѣятельности и простой, неприхотливой жизни, сохраняютъ крѣпость и силу. Отсутствіе энергіи было еще замѣтнѣе на суетливомъ, худощавомъ лицѣ старика: оно вѣчно

какъ будто искало чего-то, вѣчно къ чему-то приглядывалось; всѣ линіи шли какъ-то книзу и рѣшительно не было никакой возможности отыскать хотя одну рѣзкую, положительно выразительную черту. Худенькій носъ, совершенно неопредѣленнаго очертанія, печально свѣшивался надъ провалившимся полуоткрытымъ ртомъ, который, по привычкѣ, вѣроятно, сохранялъ такое выраженіе, какъ будто старикъ униженно что-нибудь выпрашивалъ; сѣренькіе глазки постоянно щурились, какъ будто собирались плакать.

Явное намѣреніе усилить по возможности свой, и безъ того уже жалкій, плаксивый видъ, придавало всей наружности старика что-то полазчивое и униженное.

Дядя Акимъ (такъ звали его) принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые весь свой вѣкъ плачутъ и жалуются, хотя сами не могутъ дать себѣ яснаго отчета, на кого сѣтуютъ и о чемъ плачутъ. Если было существо, на которое слѣдовало бы, по-настоящему, жаловаться дядѣ Акиму, такъ это ужъ, конечно, на самого себя. Исторія его заключается вся въ нѣсколькихъ строкахъ: у Акима была когда-то своя собственная изба, лошади, коровы,—словомъ, полное и хорошее хозяйство, доставшееся ему послѣ отца, зажиточнаго мужика, торговавшаго скотомъ. Но не въ прокъ пошло такое добро. Не привыкши сызмала ни къ какой работѣ, избалованный матерью, вздорной, взбалмошной бабой, онъ такъ хорошо повелъ дѣла свои, что въ два года сталъ бѣднѣйшимъ мужикомъ своей деревни. Крестьянину разориться не трудно: прогуляй недѣли двѣ во время пахоты, да недѣлю въ страдную, рабочую пору—и дѣлу конецъ! Дѣтей не было у Акима: послѣ смерти матери, онъ остался одинъ съ женою. Жена его, существо страдальческое, безгласное, бывши при жизни родителей единственной батрачкой и отвѣтчицей за мужа, не смѣла ему перечить; къ тому же, какъ сама она говорила, и жизнь ей прискучила. Молча жила она, молча сошла и въ могилу. Дѣла Акима пошли тогда еще плоше. Остался онъ, наконецъ, безъ крова и пристанища, или, какъ выразительно сказалъ его сосѣдъ, остался онъ крытъ свѣтомъ да обпесенъ вѣтромъ. Акимъ заплакалъ, застоналъ и заохалъ. До того времени онъ въ усъ не дулъ; обжигался день-деньской на печкѣ, какъ словно и не чаялъ своего горя. Но убивайся, не убивайся, а жить какъ-нибудь надо. Пошелъ Акимъ наниматься къ сосѣдямъ въ

работники. Но уживался онъ недолго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Этому не столько содѣйствовала лѣнь, сколько безалаберщина и какая-то странная мелочность его нрава. Требовалось ли починить телѣгу, онъ съ готовностью принимался за работу, и стукъ его топора немолчно раздавался по двору битыхъ два часа; въ результатѣ оказывалось, однакожъ, что Акимъ искромсалъ на цѣлыя три подводы дерева, а дѣла все-таки никакого не сдѣлалъ,— запрягъ прямо, какъ говорится, да поѣхалъ криво! Хозяинъ поручаетъ ему плетень заплести: ладно! Акимъ отправляется въ болото, нарубаетъ цѣлый возъ хворосту, возвращается домой, съ пѣснями садится за работу, но вмѣсто плетня выплетаетъ настилку для подводы, или верши для лова рыбы. Въ самонужную, рабочую пору онъ забавляется издѣліемъ скворечницъ или дудочекъ для ребятишекъ. Требуется ли исправить хомуты, онъ идетъ покрывать крышу; требуется ли покрывать крышу, онъ прочищаетъ колодецъ. Но зато въ разговорѣ,—разговорѣ дѣльномъ, толковомъ, никто не могъ сравниться съ Акимомъ; послушать его: стоя ѣдетъ, семерыхъ везетъ! Жаль только, что слова его никогда не соотвѣтствовали дѣлу: наговорилъ много, да толку мало—ни дать ни взять, какъ пузырь дождевой: вскочилъ — загремѣлъ, а лопнулъ — и стало ничего!

Разъ нанялся онъ работникомъ у одного смедовскаго мельника. Мельнику встрѣтилась надобность отлучиться недѣли на двѣ изъ дому. Наканунѣ отъѣзда приводитъ онъ Акима къ плотинѣ и говоритъ ему:

— Смотри, говоритъ, — вотъ въ этомъ мѣстѣ вода начинаетъ подсачиваться; завтра же чѣмъ-свѣтъ вали сюда землю и навозъ. Долго ли до грѣха: нѣтъ, нѣтъ, да и плотину промоетъ...

— Какъ не промыть! говоритъ Акимъ разсудительнымъ, дѣловымъ тономъ, — тутъ не только промоетъ — все снесетъ, пожалуй. Землей одной никакъ не удержишь— сила! Я, говоритъ, — весь берегъ плитнячкомъ выложу: оно будетъ надежнѣе... Какая земля! здѣсь камень только впору!

Но этимъ еще не довольствуется Акимъ: онъ ведетъ хозяина по всѣмъ закоулкамъ мельницы, указываетъ ему, гдѣ что плохо, не пропускаетъ ни одной щели и все это обѣщаетъ исправить въ наилучшемъ видѣ. Обнадеженный и вполнѣ довольный, мельникъ отправляется. Проходятъ

двѣ недѣли; возвращается хозяинъ. Подъѣзжая къ дому, онъ не узнаетъ его и глазамъ не вѣритъ: на макушкѣ кровли красуется рѣзной деревянный конь; надъ воротами торчитъ шестъ, а на шестѣ придѣлана скворечница; подъ окнами пестрѣетъ вычурная рѣзьба...

— Ай-да Акимъ! Вотъ нажилъ себѣ работника: мастакъ, нечего сказать! на всѣ руки парень!

Но въ это время глаза мельника устремляются на плотину — и онъ цѣпенѣетъ отъ ужаса: плотины какъ не бывало; вода гуляетъ черезъ всѣ снасти... Вотъ тебѣ и мастакъ работникъ, вотъ тебѣ и парень на всѣ руки! Со всѣмъ тѣмъ, Боже сохрани, если недовольный хозяинъ начнетъ упрекать Акима: Акимъ ничего, правда, не скажетъ въ отвѣтъ, но ужъ зато съ этой минуты бросаетъ работу, ходитъ какъ словно обиженный, живетъ какъ вонъ глядитъ; тамъ кочергу швырнетъ, здѣсь ногой пихнетъ, съ хозяиномъ и хозяйкой слова не молвитъ, да вдругъ и перешелъ въ другой домъ.

Въ продолженіе семи лѣтъ онъ столько перемѣнилъ хозяевъ, что даже прозвища ихъ не помнилъ.

Живалъ онъ въ пастухахъ, нанимался сады караулить, нанимался на мельницахъ, на паромахъ, на фабрикахъ, исходилъ почти всѣ дома во всѣхъ прирѣчныхъ селахъ— и все-таки нигдѣ не пристраивался.

Разъ, однакожъ, счастіе какъ словно улыбнулось ему. Это произошло ровно за восемь лѣтъ до начала нашего разсказа. Акимъ случайно какъ-то встрѣтился съ одинокой, вдовствующей солдаткой, проживавшей въ собственномъ домку на собственной землицѣ; онъ нанялся у нея батракомъ и прожилъ безъ малаго лѣтъ пять въ ея домѣ. Не слѣдуетъ заключать изъ этого, что Акимъ взялся наконецъ за умъ и рѣшился сдѣлаться дѣловымъ мужикомъ: ничуть не бывало! онъ остался все тѣмъ же пустопорожнимъ работникомъ и ни на волосъ не измѣнилъ своего нрава. Еще менѣе слѣдуетъ отнести такой фактъ къ необыкновенной терпимости или сговорчивости солдатки. Новая хозяйка Акима была самая задорная, назойливая и безпокойная баба; по увѣренію сосѣдокъ, она ѣла и „полоскала“ своего работника съ ранней утренней зари вплоть до позднихъ нѣтуховъ. Несмотря на такое частое полосканье, Акимъ не думалъ, однакожъ, разставаться съ домомъ солдатки. Словоохотливыя сосѣдки утверждали, впрочемъ,—положительно утверждали, что такое упорство

со стороны Акима единственно происходило изъ привязанности его къ сыну хозяйки, родившемуся будто бы годъ спустя послѣ вступленія батрака въ домъ солдатки. Не знаю, насколько вѣрны такіе доводы; положительно извѣстно только, что привязанность Акима къ ребенку была дѣйствительно замѣчательна. Онъ не выпускалъ его изъ рукъ, няньчился съ нимъ какъ мамка; не было еще недѣли ребенку, какъ уже Акимъ, на собственныя деньги, купилъ ему кучерскую шапку. Онъ, правда, немножко ошибся въ расчетѣ: шапка не только свободно входила на голову младенца, но даже покрывала его всего съ головы до ногъ; но это обстоятельство нимало не мѣшало Акиму радоваться своей покупкѣ и выхвалять ее встрѣчному и поперечному. Бывало, день-денской сидитъ онъ надъ мальчикомъ и дуетъ ему надъ ухомъ въ самодѣльную берестовую дудку, или же возитъ его въ телѣжкѣ собственнаго издѣлія, которая имѣла свойство производить такой пискъ, что какъ только Акимъ тронется съ нею, бывало, по улицѣ, всѣ деревенскія собаки словно взбѣсятся: вытянутъ шеи и начнутъ выть.

— Экъ ихъ подняло!.. Знать, Акимъ возитъ своего солдатенка! говорятъ бабы.

Такъ прожилъ Акимъ пять лѣтъ, вплоть до той самой минуты, когда солдатка его отдала Богу душу.

Послѣдующая жизнь его была преисполнена горестей и неудачъ всякаго рода. Если бъ кто-нибудь изъ окрестныхъ мужиковъ нуждался въ нянькѣ, Акимъ могъ бы еще какъ-нибудь пристроиться, но дѣло въ томъ, что окрестнымъ мужикамъ нуженъ былъ только дюжій дѣловой батракъ. Къ тому же въ эти пять лѣтъ Акимъ окончательно уже облѣнился и сталъ негоденъ ни къ какой работѣ. Поднялъ онъ себѣ на плечи сиротинку-мальчика и снова пошелъ стучаться подъ воротами, пошелъ толкаться изъ угла въ уголъ; гдѣ недѣльку проживетъ, гдѣ двѣ—а больше его и не держали; въ деревнѣ то же, что въ городахъ — никто себѣ не врагъ. „На тебѣ хлѣбца, да и Богъ съ тобой!“ Съ этого-то времени, понукаемый большею частью нуждою, и началъ онъ набрасывать на себя жалкенькій, плаксивый видъ, имѣвшій цѣлью возбуждать состраданіе ближнихъ. Цѣль эта съ каждымъ днемъ достигалась площе и площе. Жаловался онъ всѣмъ, да никто уже его не слушалъ!

Не далѣе какъ наканунѣ того самаго утра Благовѣ-

щенія, когда мы застали Акима на дорогѣ, его почти выпроводили изъ Сосновки. Онъ домогался пасти сосновское стадо; но сколько ни охалъ, сколько ни плакалъ, сколько ни старался разжалобить своею бѣдностью и сиротствомъ мальчика, пастухомъ его не приняли, а сказали, чтобъ шелъ себѣ по-добру, по-здорову.

— Знаемъ мы, братъ, каковъ ты есть, говорили сосновцы, — не даютъ — просишь, дадутъ — бросишь. Такой ужъ ты человѣкъ уродился... Ступай съ Богомъ!

Поставленный этимъ отказомъ въ самое крайнее, почти безвыходное положеніе, Акимъ рѣшился прибѣгнуть къ одной дальней родственницѣ по матери. Родственница была замужемъ за рыбакомъ, который жилъ на горной сторонѣ Оки, верстахъ въ семи или восьми отъ Сосновки. Не будь мальчика на рукахъ у Акима, онъ ни за что не предпринялъ бы такого намѣренія: мужъ родственницы смолоду еще внушалъ ему непобѣдимый страхъ. Рыбакъ былъ человѣкъ дѣятельный, расторопный,—крѣпкій былъ мужикъ, пустыми дѣлами не занимался, любилъ работать, любилъ также, чтобъ и люди не тормозили рукъ. Акимъ зналъ, что мужъ родственницы не больно его жалуетъ; сколько разъ даже рыбакъ гонялъ его отъ себя. Но съ другой стороны, дядя Акимъ зналъ также, что парнишка сталъ въ-сукъ расти, сильно балуется, и что надо бы пристроить его къ какому ни на есть рукомеслу. Вотъ это-то обстоятельство невольно подавляло въ немъ страхъ и заставило его направиться къ Окѣ. Забота его заключалась теперь въ томъ только, чтобы рыбакъ не отказалъ взять къ себѣ парнишку. Сокрушаясь мыслями, которыя, всѣ безъ исключенія, зарождались по поводу парнишки, дядя Акимъ не переставалъ, однакожъ, кричать на мальчика и осыпалъ его угрозами.

— Ахъ ты, безмятежный, пострѣлъ ты этакой! тянулъ онъ жалобнымъ своимъ голосомъ,—совѣсти въ тебѣ нѣтъ, разбойникъ!.. вишь, какъ избаловался, и страху нѣтъ никакого!.. Экъ его носитъ куда! продолжалъ онъ пріостанавливаясь и слѣдя даже съ какимъ-то любопытствомъ за ребенкомъ, который бойко перескакивалъ съ одного бугра на другой. — Вона! вона! вона!.. о-хъ, шустёръ! куда шустёръ! того и смотри, провалится еще, окаянный, въ яму — и не вытащишь... Я тебя! о-о, погоди, погоди, постой, придемъ на мѣсто, я тебя! все тогда припомню!

Въ отвѣтъ на это, мальчикъ приподнялъ обѣими руками

высокую баранью шапку (ту самую, что Акимъ купилъ, когда ему минула недѣля, и которая даже теперь падала на носъ), подбросилъ ее на воздухъ и, не давъ ей упасть на землю, швырнулъ ее носкомъ сапога на дорогу.

— Ну, вотъ, поди-жъ ты! а? вымолвилъ дядя Акимъ съ такимъ выраженіемъ, которое ясно показывало, что онъ скорѣе удивлялся выходкѣ баловня, чѣмъ сердился на него. — Эй, Гришутка, стой! стой! не по той дорогѣ пошелъ! Вернись назадъ, вернись, говорятъ! подхватилъ, немного погодя, Акимъ, отчаянно размахивая оборванными рукавами, — вернись назадъ: не ходи, говорятъ; ступай сюда! Ну, такъ и есть, пошелъ теперь по снѣгу шмыгать!.. Да ты обогни лучше дорогу-то, баловень ты этакой!.. Нѣтъ, дуетъ себѣ по снѣгу, да и полно! Что ты станешь съ нимъ дѣлать? Ну, на то ли я тебѣ сапоги-то купилъ, а? продолжалъ старикъ жалобнымъ, плаксивымъ голосомъ, — на то ли сапожишки-то купилъ, чтобы ты шмыгалъ ими по лужамъ! Самъ лаптишки обулъ — дырявые лаптишки, ему сапоги далъ; а онъ... ахъ ты, безмятежный, разбойникъ ты этакой, пра, разбойникъ! заключилъ онъ, сворачивая на едва замѣтную тропинку и суетливо преслѣдуя мальчика, который продолжалъ бѣжать впередъ, очевидно увлекаемый противъ воли непомѣрною тяжестью новыхъ сапоговъ своихъ.

II.

Утро Благовѣщенія.

Дорога, на которую свернулъ теперь дядя Акимъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, служила въ зимнее время единственнымъ сообщеніемъ между домомъ рыбака, куда они направлялись, и Сосновкой. Такъ какъ сообщенія съ этой послѣдней было вообще очень мало—рыбакъ сбывалъ по большей части свою добычу въ Коломну или села, лежащія на луговой сторонѣ Оки—то наши путники принуждены были идти почти наобумъ. Единственною путеводною точкой служилъ старый дубъ, чернѣвшійся въ отдаленіи, на обнаженномъ холмѣ. Держась этого направленія, Акимъ и непокорный вожакъ его достигли наконецъ подошвы горы, за которой располагалась Ока.

Солнце не успѣло еще обогнуть гору, и часть ея, обращенная къ путешественникамъ, окутывалась тѣнью. Это обстоятельство значительно улучшало снѣжную дорогу:

дядя Акимъ не замедлилъ приблизиться къ вершинѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ выступала часть сіяющаго, неуловимо-далекаго горизонта... Еще шагъ-другой, и дядя Акимъ очутился на хребтѣ противоположнаго ската, круто спускавшагося къ рѣкѣ.

Съ этого мѣста открывалось пространство, которому, казалось, конца не было: деревни, находившіяся верстахъ въ двадцати за Окою, виднѣлись какъ на ладони; за ними синѣли сосновые лѣса, кой-гдѣ перерѣзанные снѣжными, блистающими линіями. Ближе тянулись озера: покрытыя снѣгомъ наравнѣ съ лугами, но обозначавшіяся сѣрою каймою лѣсистыхъ береговъ своихъ, они принимали видъ небольшихъ продолговатыхъ круговъ; многія изъ нихъ имѣли, однакожъ, версты три въ окружности. Столѣтніе дубы, одиноко возвышавшіеся между озерами, мелькали какъ точки. Милліоны галокъ кружились отдѣльными стаями надъ лугами и озерами; крики ихъ, пропадавшіе въ воздухѣ, еще сильнѣе давали чувствовать всю необъятность этого простора, облитаго солнцемъ и пропадавшаго въ невидимомъ, слегка отуманенномъ горизонтѣ.

Дѣйствіе оттепели дѣлалось особенно замѣтнымъ по всему скату крутого берега, цѣликомъ обращеннаго къ солнцу. Ручьи гремѣли со всѣхъ сторонъ; каждая колея и разсѣлина обращались въ потокъ, кативній мутную, желтую воду къ Окѣ, которая начинала уже синѣть и отдѣлялась земляною бахромою отъ снѣжныхъ береговъ своихъ. Кое-гдѣ чернѣли корни кустовъ, освобожденные отъ сугробовъ; теплые лучи солнца, пронизывая насквозь темную чащу сучьевъ, озаряли въ ихъ глубинѣ свѣжіе, глянцовитые прутики, какъ бы покрытые краснымъ лакомъ; затвердѣлый снѣгъ подтачивался водою, хрустѣлъ, изламывался и скатывался въ пропасть: однимъ словомъ, все ясно уже говорило, что дуло съ весны и зима миновала.

— Эге, овражки-то, овражки какъ разыгрались! словно къ Святой время пришло! вымолвилъ Акимъ, прикладывая ладонь къ глазамъ и озираясь на стороны, чтобъ отыскать мальчика, который, присѣвъ на корточки подлѣ потока, швырялъ въ воду камни.—Опять задурилъ! вона!.. вона!.. эхва! ахъ ты, Господи! да угомонись ты хоть на время-то. Ну, куда те несетъ? а? куда? а... а?.. Ступай сюда, безстыжій ты этакой!.. Куда опять побѣжалъ? ступай сюда!.. Вонъ намъ куда идти-то, вонъ куда! промолвилъ старикъ, указывая лѣвою рукой на подошву ската.

Съ той точки, гдѣ стоялъ Акимъ, домъ рыбака заслонялся крутыми выступами берега. Онъ показался тогда лишь, когда старикъ подошелъ къ краю широкой пропасти, расходившейся амфитеатромъ. Жилище рыбака располагалось въ глубинѣ этого амфитеатра, на возвышенной площадкѣ, которую не затопляла вода даже и въ самые сильные разливы. Оно состояло изъ избы и нѣсколькихъ навѣсовъ, соединенныхъ плетнями; окна избы были обращены на рѣку. Часть площадки, находившаяся за избою, была занята огородомъ: ряды тоненькихъ полосокъ, которыя чернѣли сквозь снѣгъ, явственно обозначали гряды. За огородомъ, у подошвы кремнистаго обрыва, высилась группа ветелъ; изъ-подъ корней, приподнятыхъ огромными камнями, вырывался ручей; темно-холодною лентой сочился онъ между сугробами, покрывавшими подошву ската, огибалъ владѣнія рыбака и, раздѣлившись потомъ на множество рукавовъ, быстро спускался къ Окѣ, усыпая берегъ мелкимъ булыжникомъ; плетень огорода, обвѣшанный пестрымъ тряпьемъ и бѣлыми рубахами, не примыкалъ къ избѣ: между ними находился маленькій проулокъ, куда выходили заднія ворота. Тропинка, протоптанная отъ воротъ, вела къ задней части огорода, перескакивала черезъ ручей, всползала на кручу и, извиваясь между кустарникомъ, выбѣгала на окраину пропасти.

Ступивъ на тропинку, Акимъ снова повернулся къ мальчику; убѣдившись, что тотъ слѣдовалъ за нимъ не въ далекомъ разстояніи, онъ одобрительно кивнулъ головою и началъ спускаться.

По мѣрѣ приближенія къ жилищу рыбака, мальчикъ замѣтно обнаруживалъ менѣе прыткости; устремивъ, нѣсколько исподлобья, черные, любопытные глаза на кровлю избы и недовѣрчиво перенося ихъ время отъ времени на Акима, онъ слѣдовалъ, однакожъ, за послѣднимъ и даже старался подойти къ нему ближе. Наконецъ, они перешли ручей и выровнялись за огородомъ. Заслышавъ голоса, раздавшіеся на лицевой сторонѣ избы, мальчикъ подбѣжалъ неожиданно къ старику и крѣпко ухватилъ его за полу сермяги.

— Э, э! теперь такъ вотъ ко мнѣ зачалъ жаться!.. что, баловень? э? то-то! произнесъ Акимъ, скорчивая при этомъ лицо и какъ бы поддразнивая ребенка,—небось запужался, а? Какъ услышалъ чужой голосъ, такъ ластиться сталъ: чужіе-то не свои, знать... оробѣлъ, жмешься... Ну, смотри

же, Гришутка, не балуйся тутъ, — охъ, не балуйся, подхватилъ онъ увѣщевательнымъ голосомъ;—станешь баловать, худо будетъ: Глѣбъ Савинычъ потачки давать не любитъ... и-и-и, пропадешь — совсѣмъ пропадешь... такъ-таки и пропадешь... какъ есть пропадешь!..

Акимъ говорилъ все это вполголоса, и говорилъ, не мѣшаетъ замѣтить, такимъ тономъ, какъ будто относилъ всѣ эти совѣты къ себѣ собственно; пугливые взгляды его и лицо показывали, что онъ боялся встрѣчи съ рыбакомъ не менѣе, можетъ статься, самого мальчика.

— Ну, пойдемъ... чего ждать?.. пойдемъ, Гришутка... произнесъ нерѣшительно дядя Акимъ.

— Не пойду! воскликнулъ вдругъ мальчикъ, порываясь назадъ.

Но Акимъ успѣлъ ухватить его за руку.

— Чего же ты нейдешь?.. чего взаправду боишься?.. пойдемъ, говорятъ...

— Не хочу, не пойду! повторялъ мальчикъ, упираясь ногами.

— А, такъ ты опять за свое, опять баловать!.. постой, постой, вотъ я только крикну „дядя Глѣбъ!“ крикну — онъ-те дастъ! такъ вотъ возьметъ хворостину да тебя тутъ же на мѣстѣ такъ вотъ и отхлещетъ!.. Пойдемъ, говорю, до грѣха...

Побѣжденный такимъ доводомъ, мальчикъ тотчасъ же замолкъ и еще плотнѣе прижался къ своему спутнику.

Акимъ перекрестился, взялъ мальчика за руку и, придавъ наружности своей самый жалкенькій видъ, пошелъ впередъ, приковыливая съ ноги на ногу.

Опасенія Акима ничѣмъ, однакожъ, не оправдались: въ настоящую минуту онъ не засталъ рыбака передъ крылечкомъ избы. Тутъ находилась только жена Глѣба Савинова — женщина уже пожилая, сгорбленная — и подлѣ нея младшій сынъ, хорошенькій бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми, державшій въ рукахъ какое-то подобіе птицы, сдѣланной изъ тѣста. Для полноты сходства, въ глаза и носъ этой птицы воткнуты были зерна овса. Такія же точно изображенія наполняли подолъ матери; и тогда какъ одна рука ея поддерживала складки подола, другая брала поочередно одну птицу за другою и высоко подбрасывала ихъ на воздухъ.

— Жаворонки прилетѣли! жаворонки прилетѣли! радостно кричала она, забрасывая простодушныя изображе-

нія первой весенней птички на сосѣднюю кровлю и навѣсы, — жаворонки прилетѣли! вонъ, вонъ, еще одинъ! поглядь-кась, Ванюша, поглядь, соколикъ! вонъ еще одинъ! продолжала она, суетясь вокругъ мальчика, который, успѣвъ уже отвѣдать жаворонка, билъ, смѣясь, въ ладоши и жадно слѣдилъ за всѣми движеніями матери *).

Ободренный такою мирною сценою, дядя Акимъ выступилъ впередъ и очутился противъ старухи въ ту самую минуту, какъ она подбрасывала свой послѣдній жаворонокъ.

Акимъ низко поклонился.

— Матушка... Анна Савельевна... касатушка... сказалъ онъ жалобнымъ, нищенскимъ голосомъ, — дай ему, парнечку-то моему, жавороночка!.. дай, касатушка! оробѣлъ добре... вишь... дай, родная, жавороночка-то...

— Батюшки! Царица небесная! Акимушка! ты ли это?

— Я, матушка, произнесъ Акимъ, жалостливо свѣшивая на бокъ голову.—Какъ васъ Богъ милуетъ? присовокупилъ онъ со вздохомъ и перевѣсилъ голову на одинъ бокъ.

— Живемъ по милости Царицы небесной... Ну, а ты какъ, родимый? откуда тебя Богъ несетъ?

— А изъ Сосновки, матушка, изъ Сосновки... О-охъ, васъ пришелъ провѣдать. Пойду-ка, молъ, погляжу, говорю...

Акимъ поднялъ глаза и тутъ же остановился, увидѣвъ въ воротахъ грозную фигуру Глѣба Савинова.

Солнце освѣщало рыбака съ головы до ногъ и позволяло различать тончайшія морщинки на высокомъ лбу его. То былъ рослый, плечистый мужикъ, съ открытымъ, румянымъ лицомъ, сохранившимъ энергическое, упрямое, но далеко не грозное выраженіе. Черты его были строги и правильны; но онѣ какъ нельзя болѣе смягчались большими свѣтло-сѣрыми, быстрыми глазами, пасмѣшливыми губами и гладкимъ, необыкновенно умнымъ лбомъ, окруженнымъ пышными кудрями черныхъ волосъ съ просѣдью. Наружность его принадлежала скорѣе весельчаку, чѣмъ человѣку суроваго, несообщительнаго нрава. Со всѣмъ тѣмъ стоило только взглянуть на него въ минуты душев-

*) Обрядъ этотъ совершается простолюдинами Тульской губерніи ежегодно въ утро Благовѣщенія; въ это утро (такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ народъ) прилетаютъ жаворонки—первые возвѣстители тепла. Въ ознаменованіе такой радости домохозяйки пекутъ изъ тѣста ихъ изображенія и разбрасываютъ ихъ на кровли домовъ.

пой тревоги, когда губы переставали улыбаться, глаза пылали гнѣвомъ и лобъ нахмуривался, чтобы тотчасъ же понять, что Глѣбъ Савиновъ не былъ шутливаго десятка. Въ настоящую минуту онъ находился, повидимому, въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Поддерживая обѣими руками новенькія верши, которыя торчали у него подъ мышками, онъ весело пошелъ навстрѣчу гостю.

Жена дала ему дорогу и поспѣшила закрыть фартукомъ сыпа, который принялся было закусывать вторымъ жаворонкомъ.

— А-а-а! здорово сватьюшка! добро пожаловать! воскликнулъ рыбакъ, насмѣшливо тряхнувъ головою.

— Здравствуй, Глѣбъ Савинычъ! сказалъ Акимъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ только что лишился отца, матери и всего имущества.

— Здравствуй, сватьюшка!.. Ну-ну, разсказывай, отколѣ? зачѣмъ?.. Э, э, да ты и парнишку привелъ! Не тотъ ли это, сказывали, что послѣ солдатки остался... ась?.. Что-то на тебя, сватъ Акимъ, смахиваетъ... маленько покоренастѣе да поплотнѣе тебя будетъ, а въ остальномъ—весь, какъ есть, ты! вишь, ротъ-то... Эй, молодецъ, что ротъ-то разинулъ? присовокупилъ рыбакъ, пригибаясь къ Гришѣ, который смотрѣлъ на него во всѣ глаза. — Сватъ Акимъ, или онъ у тебя такъ ужъ съ большимъ такимъ ртомъ и родился?

— Накричалъ, Глѣбъ Савинычъ! простодушно отвѣчалъ Акимъ.

— Что жъ такъ? сѣкалъ ты его много, что ли?.. Охъ, сватъ, не худо бы, кабы и ты тутъ же себя маненько, того... право слово! сказалъ посмѣиваясь рыбакъ.—Ну, да Богъ съ тобой! Разсказывай, зачѣмъ спозаранку, ни-свѣтъ ни-заря, пожаловалъ, а? чай, все худо можется, нездоровится... въ людяхъ тошно жить... такъ стало тому и быть! довершилъ онъ, заливаясь громкимъ смѣхомъ, причемъ верши его и все туловище заходили изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, что жъ мнѣ отъ людей бѣгать... кабы не...

— Скажешь, небось: люди виноваты?

— Свѣтъ нонѣ не тотъ сталъ, Глѣбъ Савинычъ—вотъ что! произнесъ со вздохомъ Акимъ. — Я ли отлынивалъ когда отъ дѣла? я ли не былъ работникомъ? Никто отъ меня и синя-пороха не видалъ, не токмо другого худого

дѣла какого,—а все я во всемъ повиненъ... Нѣтъ, свѣтъ нонѣ не тотъ сталъ, Глѣбъ Савинычъ: молодыхъ много оченно развелось—вотъ что! Вотъ хошь бы вечоръ: пришелъ я въ Сосновку, прожилъ тамъ восемь денъ; бился, бился—норовилъ ихнее стадо стеречь. „Я ли, говорю, не пастухъ? я ли эвтаго дѣла не вѣдаю?..“ а они все свое... взяли да молодого и найми! О-охъ, такая ужъ, знать, моя сиротская доля!.. Ну, какъ вышло у меня это дѣло, я и мерекаю такъ-то себѣ: пойду-ка, говорю, понавѣдаюсь къ... Глѣбу Савинычу... съ родни онъ мнѣ... авось, говорю, взмилуется онъ надо мною... Глѣбъ Савинычъ! будь отцомъ роднымъ! промолвилъ Акимъ, низко кланяясь и нагибая лѣвою рукою голову Гришки,—Глѣбъ Савинычъ, пособи, кормилецъ!

Но рыбакъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ Акима: онъ тотчасъ же отвернулся въ сторону, опустилъ на землю вершу и, потирая ладонью голову, принялся осматривать Оку и дальній берегъ.

— Экъ, какую теплынь Господь создалъ! сказалъ онъ, озираясь на всѣ стороны,—такъ и льетъ... Знатный день! А все „мокрякъ“ *) подулъ—оттого... Весна на дворѣ—гуляй, матушка Ока, кормилица наша!.. Слава-те, Господи! Старики сказываютъ: коли въ Благовѣщеніе красенъ день, такъ и рыбка станетъ знатно ловиться...

Во время этого монолога, жена Глѣба и дядя Акимъ не переставали моргать и подавать другъ другу знаки; наконецъ послѣдній сдѣлалъ шагъ впередъ и кашлянулъ.

— Чего тебѣ? нехотя спросилъ рыбакъ.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, пособи, кормилецъ!

— Экой ты, братецъ ты мой, какой человѣкъ несообразный! заладилъ: пособи да пособи! Застала, знать, зима въ лѣтней одеждѣ, пришла нужда поперекъ живота, да по чужимъ дворамъ: пособи да пособи! Ну, чѣмъ же я тебѣ пособлю, самъ возьми въ толкъ!

— Ты только выслушай, что я скажу тебѣ...

— А что слушать-то?

— Да выслушай только... Матушка, Анна Савельевна, хоть ты взмилуйся; скажи ты ему...

Старуха взглянула на мужа, но тотчасъ же понурила голову и стала перебирать складки передника.

---

*) Юго-западный вѣтеръ на нарѣчіи рыбаковъ и судопромышленниковъ.

— Ну, ступай въ избу! сказалъ рыбакъ послѣ молчка, сопровождавшагося долгимъ и петерпѣливымъ почесываніемъ затылка,—теперь мнѣ недосугъ... Эхъ ты! во тоскѣ живу, на печи лежу! добавилъ онъ, бросивъ полу-презрительный, полу-насмѣшливый взглядъ на Акима, который поспѣшно направился къ избѣ, вмѣстѣ съ своимъ мальчикомъ, преслѣдуемый старухой и ея сыномъ.

Глѣбъ Савинычъ проводилъ его глазами; наконецъ, когда дядя Акимъ исчезъ за воротами, рыбакъ сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой и сказалъ, выразительно тряхнувъ головой:

— Пустой человѣкъ!

Затѣмъ онъ приподнялъ свои верши, сунулъ ихъ подъ мышку и рѣшительнымъ шагомъ направился къ берегу, гдѣ виднѣлись двѣ-три опрокинутыя лодки и развѣшанный, сушившійся на солнцѣ, бредень.

III.

Семейство рыбака.

Семейство рыбака было многочисленно. Кромѣ жены и восьмилѣтняго мальчика, оно состояло еще изъ двухъ сыновей. Старшій изъ нихъ, лѣтъ двадцати шести, былъ женатъ и имѣлъ уже двухъ дѣтей. Дядя Акимъ засталъ всѣхъ членовъ семейства въ избѣ. Каждый занятъ былъ дѣломъ.

У входа располагался второй сынъ, юноша лѣтъ девятнадцати. Онъ представлялъ совершеннѣйшій типъ тѣхъ приземистыхъ, но дюжесплоченныхъ парней, съ румянцемъ во всю щеку, вьющимися бѣлокурыми волосами, бѣлой, короткой шеей и широкими, могучими руками, одинъ видъ которыхъ мысленно переноситъ всегда къ нашимъ столичнымъ щеголямъ и возбуждаетъ по поводу ихъ невольный вопросъ: „чѣмъ только живы эти господа?“ Парень этотъ, которому, мимоходомъ сказать, не стоило бы малѣйшаго труда заткнуть за поясъ десятокъ такихъ щеголей, былъ, однакожъ, вида смирнаго, хотя и веселаго; подлѣ него лежало нѣсколько кусковъ толстой березовой коры, изъ которой вырубалъ онъ топоромъ круглые, полновѣсные поплавки для невода. Наружность старшаго сына, Петра, была совсѣмъ другого рода; исполинскій ростъ, длинные члены и узкая грудь не обѣщала большой физической силы; но зато черты его отражали энер-

гію и упрямство, которыми отличался отецъ. Сходства между ними было, однакожъ, мало. Лицо Петра сохраняло мрачное, грубое выраженіе, чему особенно способствовали черные какъ смоль волосы, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, вдавленные черные глаза, выпутыя густыя брови и необыкновенная смуглость кожи, дѣлавшіе его похожимъ на цыгана, котораго только-что провели и надули. Петръ и жена его, повернувшись спиной къ окнамъ, пропускавшимъ лучи солнца, сидѣли на полу; на колѣняхъ того и другого лежалъ бредень, который, обогнувъ нѣсколько разъ избу, поднимался вдругъ горою въ заднемъ углу и чуть не доставалъ въ этомъ мѣстѣ до люльки, привѣшенной къ гибкому шесту, воткнутому въ перекладину потолка. Тонкая бечевка, привязанная однимъ концомъ къ шесту, другимъ концомъ къ правой рукѣ жены Петра, позволяла ей укачивать ребенка, не прерывая работы (простой этотъ механизмъ придумалъ Глѣбъ Савиновъ, строго наблюдавшій, чтобъ въ домѣ его никто не билъ попусту баклуши). Второй ребенокъ рыбака Петра, вооруженный ломтемъ хлѣба, котораго стало бы на завтракъ тридцатилѣтнему батраку, валялся на неводѣ, въ двухъ шагахъ отъ матери.

Петръ, его братъ и жена изрѣдка перекидывались словами; всѣ трое, особенно Петръ, были какъ словно чѣмъ-то недовольны. Починка невода подвигалась впередъ, поплавки умножались подъ топоромъ Василья (такъ звали второго сына); но видно было, что работа шла принужденно. Василій часто опускалъ топоръ, садился на корточки и, толкнувъ дверь, устремлялъ глаза въ сѣни, изъ которыхъ можно было обозрѣвать часть двора и ворота, выходившія на Оку. Петръ рѣже отрывался отъ дѣла; онъ вязалъ петлю за петлей и, несмотря на неудовольствіе, написанное на каждой чертѣ смуглаго лица его, быстро подвигалъ работу. Время отъ времени подталкивалъ онъ локтемъ жену, которая, условившись, вѣроятно, заранѣе въ значеніи этихъ толчковъ, поспѣшно вставала и принималась глядѣть въ окно. Послѣ этого она завертывала обыкновенно, какъ бы по дорогѣ, къ люлькѣ и снова усаживалась къ неводу.

Появленіе постороннаго лица, естественнымъ образомъ, должно было оживить присутствующихъ. Этому сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовала старушка Анна. Она не на шутку обрадовалась своему гостю: кромѣ родственныхъ

связей, существовавшихъ между нею и дядей Акимомъ—связей весьма отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе дорогихъ для старухи, онъ напоминалъ ей ея дѣтство, кровлю, подъ которой жила она и родилась, семью—словомъ, всѣ тѣ предметы, которые ввѣкъ не забываются, и память которыхъ сохраняется даже въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ. Оживленная воспоминаніями, она осадила дядю Акима вопросами, обласкала его и, не зная уже чѣмъ бы выразить свою радость, принялась снаряжать для него завтракъ. Между тѣмъ Петръ и Василій, встрѣчавшіеся уже не въ первый разъ съ Акимомъ, вступили, слово за словомъ, въ разговоръ. Сначала послышались разспросы о томъ, какъ поживаютъ тамъ-то и тамъ-то, что подѣлываетъ тотъ-то, каковы дорòги, что̀ говорятъ на сторонѣ, и проч. и проч.: наконецъ рѣчь завязалась и сдѣлалась общею. Младшій сынишка Глѣба, смотрѣвшій до того времени съ какимъ-то нѣмымъ притупленнымъ любопытствомъ на спутника Акима, продолжавшаго дико коситься на все окружающее, подсѣлъ къ нему ближе, началъ улыбаться и даже вынулъ изъ-за пазухи дудку изъ муравленой глины. Но всѣ эти попытки первоначальнаго ознакомленія были вскорѣ прерваны старушкой, неожиданно явившейся изъ-за печки, съ горшкомъ въ одной рукѣ, съ чашкой и ложками въ другой. Суетливо перекидывая то одну ногу, то другую черезъ неводъ, который шелъ изгибами по всему полу, она добралась наконецъ до стола.

— Прикушай, батюшка, прикушай, Акимушка, промолвила она, ставя свою ношу на столъ,—я чай, умаялся съ дороги-то? куды-те, я чай, плохи стали нонѣ дороги-то! Парпишечкѣ-то положи кашки... потѣшь его... Сядь поди, болѣзный... а какъ бишь звать-то его?

— Гришутка, матушка Анна Савельевна, Гришутка!

— Сядь поди, Гриша, сядь, соколикъ!

— Ахъ ты, матушка ты наша! ахъ, ахъ! Анна Савельевна, какъ намъ за тебя Бога молить! ахъ ты, родная ты наша! воскликнулъ Акимъ, разводя руками и умиленно взглядывая на старуху.

Языкъ Акима, смазанный жирною ячменной кашей, ободренный ласковымъ, привѣтливымъ пріемомъ, скоро развязался и замололъ безъ устали: дядя Акимъ, какъ уже извѣстно, не прочь былъ покалякать. Не прерываясь на этотъ разъ охами и вздохами, которые, за отсутствіемъ грознаго Глѣба Савинова, были совершенно лишними, онъ

передалъ, съ поразительною яркостью, всѣ свои несчастія, постигшія его чуть ли не со дня рожденія. Изъ словъ его оказалось, что свѣтъ переродился и люди стали плохи съ того самаго времени, какъ онъ лишился имущества и вынужденъ былъ наниматься батракомъ. Онъ ли не былъ работникомъ? онъ ли не старался? Нѣтъ! не только никто не далъ цѣны ему, но даже никто не сказалъ: спасибо! Затѣмъ дядя Акимъ перешелъ къ воспоминаніямъ болѣе современнымъ и, пропустивъ почему-то житье свое у покойной солдатки, принялся пояснять настоящее свое положеніе. Онъ повторилъ вчерашнюю исторію свою съ сосновскими мужиками и объявилъ, что вотъ такъ и такъ, коли не вступится теперь Глѣбъ Савинычъ, коли не взмилуется его сиротствомъ, придется и не вѣсть за что приниматься.

— Да мнѣ что! куда бы еще ни шло! пропадай, старая собака: туда и дорога! примолвилъ онъ, махнувъ рукою.— Не о тебѣ толкую... вотъ кого жаль! подхватилъ онъ, указывая на Гришку,—его хотѣлось бы пристроить, къ какому-нибудь дѣлу произвести... И то сказать: много ли съѣли бы мы хлѣба у Глѣба Савиныча! много ли намъ надыть? Вѣдь не то, чтобы даромъ, братцы, не даромъ же, матушка Анна Савельевна! Знамо, не сталъ бы лежать на печи: послать куда, сдѣлать ли что—во всемъ подсобилъ бы ему... Я ли не работникъ! Ну, вотъ и паренечекъ также. Вѣстимо онъ теперь махочка: взять нечего; ну, а какъ подрастетъ, произойдетъ ваше рыбацкое рукомесло, такъ и онъ также подмогать станетъ... Я вѣдь не даромъ прошусь. Вотъ объ этомъ-то болѣе и хотѣлъ поговорить съ Глѣбомъ Савинычемъ... да вишь ты онъ какой крѣпкій!.. А чего бы, кажись, ему отнѣкиваться? Я вѣдь не изъ-за денегъ, не изъ платы бьюсь: только изъ хлѣба и хлопочу...

При этомъ Петръ сомнительно покачалъ головою.

— Да поди, столкуй съ нимъ, съ отцомъ-то! ты ему свое, а онъ те свое, произнесъ онъ, поворачивая къ гостю свое смуглое, недовольное лицо,—какъ заберетъ что въ голову, и не сговоришь никакъ! Хошь бы теперь въ моемъ дѣлѣ: уперся—нѣтъ, да нѣтъ! а что нѣтъ?.. Вотъ теперь верстахъ во ста отселева звалъ меня хозяинъ—также рыбною ловлей промышляетъ: только куды! богачъ: верстъ на сорокъ снялъ берега, да еще три озера нанимаетъ; мѣста привольныя, заведеніе большое, и рыбы много...

тысячъ на пять, сказываютъ, въ одну Коломну рыбы-то продаетъ!.. Ну, такъ вотъ звалъ онъ меня къ себѣ, и деньги даетъ хорошія. Говорю намедни отцу: нѣтъ, да нѣтъ, только и слышалъ! Ну, а что нѣтъ-то? Вѣдь ему же сталъ бы носить деньги. Положимъ, хозяинъ далъ бы мнѣ полтораста въ годъ (самъ сулилъ столько): ну все же въ домъ принесъ бы покрайности сколько-нибудь... А теперь что? Что живу я здѣсь, что нѣтъ меня, никакого толку: смерть прискучило! Къ тому же своя семья на рукахъ, дѣти: мало ли нужда какая бываетъ!.. скажешь отцу, бранится... „пропьешь“, говоритъ, либо другое что вымолвитъ. Живешь какъ словно въ ту пору, когда на карачкахъ ползалъ... Смерть прискучило! Вотъ хоть бы сама матушка: на что, кажись, тошно ей съ нами разставаться, и та скажетъ: здѣсь дѣлать мнѣ нечего! Заведеніе малое — такъ только кормиться можно... работа пустая, ловъ плохой... Останься одинъ братъ Вася, и тотъ управится; а найми онъ работника подешевле, который... ну, хоть бы вотъ возьми онъ тебя, такъ и за глаза. Нѣтъ же вотъ, поди! сталъ на одномъ: нѣтъ, да нѣтъ! что хошь тутъ дѣлай!

Въ эту самую минуту заскрипѣли ворота.

— Батюшка идетъ! шепнула жена Петра, подсобляя старушкѣ убрать со стола завтракъ и бросаясь къ неводу.

Всѣ смолкли и усердно принялись за работу. Хозяйка, стоявшая уже у печки, гремѣла горшками, какъ ни въ чемъ не бывало.

На порогѣ избы показался старый рыбакъ.

Мы уже сказали, что Глѣбъ Савинычъ находился въ отличномъ расположеніи духа; веселость его, несмотря на утро, проведенное въ трудѣ, нимало, повидимому, не измѣнила ему.

— Хозяйка, сказалъ онъ, бросая на полъ связку хвороста, старыхъ вѣтвей и засохшаго камыша,—на вотъ тебѣ топлива: берегомъ идучи подобралъ. Путка-сь, вы, много ли дѣла надѣлали! Я чай, все болѣе языкомъ выплетали... Покажь: ну нѣтъ, ладно, поплавки знатные и неводокъ, тово, годенъ теперь сталъ... Маловато только что-то сработали... утро, кажись, не одинъ часъ: можно бы и весь неводъ рѣшить... То-то, по-вашему: день разсвѣлъ—всталъ да поѣлъ, день прошелъ—спать пошелъ... Эхъ, вы!

— По сторонамъ не зѣвали, пробормоталъ Петръ, не

подымая головы, — сколько велѣлъ, столько и сдѣлали, коли не больше, добавилъ онъ, почти шопотомъ.

— Сдѣлали, сдѣлали! то-то сдѣлали!.. Вотъ у меня такъ работникъ будетъ—почище всѣхъ васъ! продолжалъ Глѣбъ, кивая младшему сыну.—А вотъ и другой! (Тутъ онъ указалъ на внучка, валявшагося на бреднѣ). Ну, ужъ теплынь сотворилъ Господь, печего сказать! такъ тебя солнышко и донимаетъ; рубаху-то, словно весною, хошь выжми... Упыхался словно середь лѣта, подхватилъ онъ, опускаясь на лавку подлѣ стола, но все еще дѣлая видъ, какъ будто не примѣчаетъ Акима.

— Я чай, умаялся, Глѣбъ Савинычъ, усталъ? произнесъ дядя Акимъ заигрывающимъ голосомъ.

— Усталъ! а съ чего усталъ-то? полу-небрежно, полупрезрительно возразилъ рыбакъ. — Нѣтъ, сватъ, нашему брату уставать не показано: наша кость не пареная; всякій трудъ на себя принимаетъ... А и усталъ, не Богъ вѣсть какая бѣда: поѣлъ, отряхнулся—и опять пошелъ!.. Хозяйка, нутка-сь, чѣмъ пустыя-то рѣчи говорить, пошевеливайся: давай обѣдать... пора... Сноха, подсоби ей... Постой, дай-ка мнѣ напередъ вонъ энтого парня-то, что изъ люльки-то кулаки показываетъ,—давай его сюда! Экой молодчина! Эки кулачищи-то, подумаешь! заговорилъ рыбакъ, взявъ внучка на руки и поставивъ его голыми ножками къ себѣ на колѣни.

Во все время, какъ сноха и хозяйка собирали на столъ, Глѣбъ ни разу не обратился къ Акиму, хотя часто бросалъ на него косвенные взгляды. Видно было, что онъ всячески старался замять рѣчь и не дать гостю своему повода вступить въ объясненіе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ только хозяйка поставила на столъ горячія щи со снѣтками, онъ первый заговорилъ съ нимъ.

IV.

За щами и кашей.

— Чего жъ ты, сватьюшка? садись, придвигайся! весело сказалъ Глѣбъ, постукивая ложкою о край чашки,—можетъ статься, наши хозяйки—прыткія бабы, что говорить!—тебя ужъ угостили? а?

Старуха, находившаяся въ эту минуту за спиною мужа, принялась моргать изо всей мочи дядѣ Акиму. Акимъ взялъ тотчасъ же ложку, придвинулся ко щамъ и сказалъ:

— Маковой росинки во рту не было, Глѣбъ Савинычъ!

— Ну, такъ что жъ ты ломаешься, когда такъ? Ѣшь! али прикажешь въ упросъ просить? Ну, а парнишку-то! Не дворянскій сынъ: глядѣньемъ сытъ не будетъ; сажай и его! Что, смотрю, онъ у тебя такимъ бычкомъ глядитъ, слова не скажетъ?

— Знамо, батюшка, глупенекъ еще, отвѣчалъ Акимъ, суетливо подталкивая Гришку, который не трогался съ мѣста и продолжалъ смотрѣть въ землю.—Вотъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ онъ, переминаясь и робко взглядывая на рыбака,—все думается, какъ бы... о немъ, примѣрно, сокрушаюсь... Лѣта его, конечно, малыя,—какія его лѣта! а все... какъ бы... хотѣлось къ ремеслу какому приставить... мальчишечка смысленный, вострый... куды тебѣ! на всяко дѣло: такъ и...

— Что говорить! всякому свое не мыто бѣло! Съ чего жъ тебѣ больно много-то крушиться? Онъ какъ тебѣ: сынъ, либо сродственникъ приводится? перебилъ рыбакъ, лукаво прищуриваясь.

— Нѣтъ... кормилецъ, пріемышъ... пробормоталъ дядя Акимъ, жалобно скорчивая лицо.

— Вотъ какъ, пріемышъ... Слыхалъ я, сватьюшка, старая пѣсня поется (тутъ рыбакъ насмѣшливо тряхнулъ головою и произнесъ скороговоркою): отца, матери нѣту; сказываютъ, въ ненастье ворона въ пузырѣ принесла... такъ, что ли?..

Тутъ онъ залился смѣхомъ, но вскорѣ снова обратился къ гостю:

— Ну, сказывай, о чемъ же ты хлопочешь?

— Дядюшка Акимъ говоритъ, ему, говоритъ, хочется произвести, говоритъ, паренечка къ нашему, говоритъ, рыбацкому дѣлу, неожиданно сказалъ Василій, высовывая впередъ свѣжее, румяное лицо свое.

— Охъ, ты: говоритъ, говоритъ! съ усмѣшкою возразилъ рыбакъ. — Что жъ, дѣло, дядя Акимъ, подхватилъ онъ, снова обращаясь къ гостю,—наше ремесло не ледащее. Конечно, рыбаку накладнѣе пахаря: тамъ, примѣрно, всего одна десятина,—ходишь да зернышко бросаешь: гдѣ бросилъ, тутъ тебѣ и хлѣбъ готовъ... Ну, нашему брату не то... Рыбаку ли, охотнику ли, требуется больше простору; къ тому же, и зернышко-то наше живое: гдѣ захочетъ, тамъ и водится; само въ руки не дастся: поди, поищи да погоняйся за нимъ! Съ начатія, знамо, трудъ-

ненько покажется; ну да какъ быть! не безъ этого—привыкнетъ! Такъ-то и во всякомъ дѣлѣ: тяжко сдвинуть только переднія колеса, а сдвинулъ—сами покатятся!..

— Кабы твоя бы милость была, Глѣбъ Савинычъ, жалобно началъ Акимъ,—вѣкъ бы сталъ за тебя Бога молить!.. Взмилуйся надъ сиротинкой, будь отцомъ роднымъ, возьми ты его—приставь къ себѣ!..

— Куда мнѣ его! у меня и своихъ не оберешься!

— Кормилецъ! воскликнулъ Акимъ, подымая на рыбака слезливые глаза свои,—вѣстимо, теперь онъ махочка! способу не имѣетъ,—а подрастетъ, вѣдь тебѣ же, тебѣ работникъ будетъ!

— Коли въ тебя уродился, такъ хоть сто лѣтъ проживетъ, толку не будетъ, проговорилъ рыбакъ, пристально взглянувъ на мальчика.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, да что жъ я такое сдѣлалъ?

— А не больно много—объ томъ-то и говорятъ!

Глѣбъ окинулъ глазами присутствующихъ, посмотрѣлъ на младшаго сына своего и снова устремилъ пристальный взглядъ на Гришку.

— А который ему годъ? спросилъ онъ послѣ молчка.

— Съ зимняго Миколы восьмой годокъ пошелъ, батюшка, поспѣшилъ отвѣтить Акимъ.

— Стало, сверстникъ моему Ванюшкѣ?

— Однолѣточки, Глѣбъ Савинычъ, отозвался Акимъ такимъ жалкимъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о выпрашиваніи насущнаго хлѣба обоимъ мальчикамъ.

— Что же? сказалъ, немного погодя, рыбакъ, — пожалуй, малаго можно взять.

— Какъ намъ за тебя Бога молить! радостно воскликнулъ Акимъ, поспѣшно нагибая голову Гришки и самъ кланяясь въ то же время.—Благодѣтели вы, отцы наши!.. А ужъ про себя скажу, Глѣбъ Савинычъ, въ гробъ уложу себя старика. Къ какому дѣлу ни приставишь, куда ни пошлешь, что сдѣлать велишь...

Неожиданный, могучій смѣхъ Глѣба прервалъ дядю Акима.

— Э.. э... охъ, батюшки!.. Такъ ты, сватъ, ко мнѣ въ работники пришелъ наниматься!.. О-о, дай духъ перевести... Ну, нѣтъ, братъ, спасибо!

— Зарокъ далъ...

— Ой ли?

— Какъ передъ Господомъ! провалиться мнѣ!

Рыбакъ залился пуще прежняго.

— Ну, нѣтъ, сватьюшка ты мой любезный, спасибо! Знаемъ мы, какіе твои зароки: слава-те Господи, не впервые встрѣчаемся... Ахъ ты, дядюшка Акимъ, Акимъ-простота, по-нашему! Вотъ, не чаялъ, не гадалъ, зачѣмъ пожаловалъ... въ батраки наниматься! Ахъ, ты, шутникъ-балясникъ, ей-Богу, право!

При этомъ, дядя Акимъ, сидѣвшій все время смирно, принялся вдругъ такъ сильно колотить себя въ голову, что Василій принужденъ былъ схватить его за руку.

— Ахъ, я, глупый! ахъ, я, окаянный! заговорилъ онъ, отчаянно болтая головою,—что я надѣлалъ! что я надѣлалъ!.. Бить бы меня, собаку! палочьемъ бы меня хорошенько, негоднаго!.. Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ Акимъ, простирая неожиданно руки къ мальчику, мѣшаясь и прерываясь на каждомъ словѣ,—что жъ я... какъ же?.. какъ... какъ же я безъ него-то останусь?.. батюшка!

— Твое дѣло: какъ знаешь, такъ и дѣлай, сухо отвѣчалъ рыбакъ. — Мы эти виды-то видали: смолоду напрялъ питокъ съ узлами, да потомъ: на-те, молъ, вамъ, кормильцы, распутывайте!.. Я тебѣ сказалъ: парнишку возьму, пожалуй, а тебя мнѣ не надыть!

Акимъ опустилъ руки и повѣсилъ голову, какъ человѣкъ, которому прочли смертный приговоръ. Минуты двѣ сидѣлъ онъ неподвижно, наконецъ взглянулъ на Гришку, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

Рыбакъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свата, потомъ на мальчика, потомъ перенесъ глаза на сыновей, но, увидѣвъ, что всѣ сидѣли понуря голову, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и пригнулся къ щамъ. Хозяйка его стояла между тѣмъ у печки и утирала глаза рукавомъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, прерываемое стукомъ одной только ложки.

— Вотъ что, Петрушка, началъ вдругъ Глѣбъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобъ замять предшествовавшій разговоръ,—весна приходитъ: пора о лодкахъ побезпокоиться... Ходилъ нынче смотрѣть — работы много: челнокъ вновь просмолить придется, а большую нашу лодку надо всю проконопатить. Сдается мнѣ, весна будетъ ранняя; еще недѣля, либо двѣ такія простоятъ, какъ понѣшняя, глазомъ не смигнешь—задуритъ рѣка; и то смотрю: от-

ставать кой-гдѣ зачала отъ береговъ. Тогда не до „посудины“ *), присовокупилъ онъ, приходя постепенно въ свое обычное шутливое расположеніе духа,—знай только неводокъ забрасывай, да рыбку затаскивай! А въ рыбѣ (коли только Господь создастъ ей рожденье), въ рыбѣ недостачи, кажись, быть не должно! по примѣтамъ, ловъ нынче будетъ удачливъ!

Петръ, упорно молчавшій во все время обѣда, провелъ ладонью по волосамъ и поднялъ голову.

— Ты, батюшка, и позапрошлый годъ то же говорилъ, сказалъ онъ отрывисто,—и тогда весна была ранняя; сдавалось по-твоему, ловъ будетъ хорошъ... а наловили, помнится, немного...

— Чего жъ тебѣ еще?.. возами возить, что ли? возразилъ отецъ довольно спокойно, чего никакъ не ожидали присутствовавшіе, знавшіе очень хорошо, что Глѣбъ не любилъ противорѣчій, особенно со стороны дѣтей,—слава те Господи, должны и за то благодарить... (Глѣбъ жаловался между тѣмъ весь протекшій годъ, что рыба плохо ловилась). Покуда недостатка не вижу; сводимъ концы съ концами: а что далѣе будетъ — темный человѣкъ: не узнаешь... Главное—требуется во всякомъ дѣлѣ порядокъ наблюдать—вотъ что; домъ—яма, стой прямо! Этимъ нашъ братъ только и крѣпокъ!.. Вишь чего, возами возить захотѣлъ! Эхъ, ты, умница!.. Кабы съ нашего участка, что нанимаемъ, рыбу-то возами возили, такъ съ насъ заломили бы тысячу, не то и другую... Сосновское общество знаетъ счетъ: своего не упуститъ; а мы всего сто цѣлковыхъ за участокъ-то платимъ; каковъ ловъ, такая и плата... а ты какъ думалъ?.. **)

— Противъ этого я не спорю.

— Ну, то-то же и есть! А туда же толкуетъ! погоди: мелко еще плаваешь; дай бородѣ подрасти, тогда и толкуй! присовокупилъ Глѣбъ, самодовольно посматривая на членовъ своего семейства и въ томъ числѣ на Акима, который сидѣлъ, печально свѣсивъ голову, и только моргалъ глазами.

---

*) Такъ рыбаки называютъ небольшія обиходныя лодки.

**) Берега Оки, равно какъ и другихъ рѣкъ, составляютъ собственность частныхъ и казенныхъ имѣній, къ которымъ примыкаютъ. Правленіе имѣній, соображаясь съ мѣстами, болѣе или менѣе удачными для лова рыбы, назначаетъ имъ соотвѣтственную цѣнность и отдаетъ ихъ внаймы рыбакамъ.

— Я не о томъ совсѣмъ рѣчь повелъ, снова заговорилъ Петръ,—я говорю, примѣрно, по нашей по большой семьѣ надо бы больше прибыли... Рукъ много: я, ты, братъ Василій... не по работѣ рукъ много—вотъ что я говорю.

— Э, Петрушка! вижу, отселева вижу, куда норовишь багромъ достать! Ловокъ, нече сказать; подумаешь: щуку нырять выучитъ... Жаль только, мелки твои рѣчи, пальцемъ дно достанешь...

— Доставай, пожалуй; я тебѣ правду говорю.

— Ой-ли? А хочешь, я тебѣ скажу, какая твоя правда,—хочешь? ноги зудятъ—бѣжать хотятъ, да жаль, не велятъ... все, чай, туда тянетъ? а?

— Куда?

— Чтой-то за хитрецъ, право? Куда? куда?.. знамо, куда: въ „рыбацкія слободки“.

При этомъ веселость снова возвратилась къ Глѣбу; лицо его просіяло; онъ зорко взглянулъ на сына и засмѣялся.

— А хоть бы такъ, хоть бы и въ „рыбацкія слободы“: я, чай, вѣдь не даромъ пойду, произнесъ Петръ отрывистымъ тономъ.

— Что-жъ, много сулили? спросилъ, посмѣиваясь, отецъ.

— Я ужъ тебѣ сказывалъ, нетерпѣливо отвѣчалъ сынъ и отвернулся.

— Точно, сказывалъ... Слышь, сватъ Акимъ, какого я сынка возрастилъ?.. Да полно тебѣ хлюпать-то! послушай лучше нашихъ рѣчей... слышь: полтораста рублевъ сулятъ, а? А ты все плачешься да жалишься: добрыми людьми, говоришь, свѣтъ обѣднѣлъ. Какъ нѣтъ добрыхъ людей? Я вотъ, скажу тебѣ, одного знаю, примолвилъ Глѣбъ съ усмѣшкою, косясь на Петра,—чарку поднесешь ему, ни за что не откажется! такой-то, право, добрый, сговорчивый.... Хозяйка, давай перемѣну; ставь кашу: что-то она скажетъ... Такъ какъ же, Петрушка, въ рыбацкія слободки, ась? продолжалъ, подтрунивая, отецъ.

— Оставь, батюшка: я съ тобой не къ смѣху говорю, сказалъ Петръ, встряхивая волосами и смѣло встрѣчая отцовскій взглядъ,—я говорю тебѣ толкомъ: отпустишь на заработки, тебѣ лучше; и самъ смекаешь, только что вотъ на своемъ стоишь.

Старый рыбакъ нахмурилъ брови; но это продолжалось одну секунду: лицо его снова засмѣялось.

— Будь по-твоему, сказалъ онъ, потѣшаясь, повиди-

мому, недовольными выходками сына, — ладно; ну, ты уйдешь, а въ дому-то кто останется?

— Останутся ты, да братъ Василій; а когда мало, работника наймешь—все сходнѣе...

— Ну, а работнику ты, что ли, изъ своей мошны станешь платить?

— Я на сторонѣ добуду полтораста; работника наймешь ты за половину... другой и меньше возьметъ...

Глѣбъ провелъ ладонью по высокому лбу и сдѣлался внимательнѣе: ему не разъ уже приходила мысль отпустить сына на заработки и взять дешеваго батрака. Выгоды были слишкомъ очевидны, но грубый, буйный нравъ Петра служилъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе такой мысли. Отецъ боялся, что изъ заработковъ, добытыхъ сыномъ, не увидитъ онъ и гроша. Въ послѣдніе три дня Глѣбъ уже совсѣмъ было рѣшился отпустить сына, но не дѣлалъ этого потому только, что сынъ предупредилъ его — однимъ словомъ, не дѣлалъ этого изъ упрямства.

— Ладно, сказалъ онъ,—работникъ точно сходнѣе, коли станешь приносить въ домъ заработки... Ну, а гдѣ жъ бы ты взялъ такого работника, который денегъ-то мало возьметъ?

— А вотъ хошь бы дядюшка Акимъ; самъ говоритъ: изъ-за хлѣба иду. Чѣмъ онъ тебѣ не по нраву пришелъ? года его не старые...

Дядя Акимъ встрепенулся.

— Какіе еще мои года! произнесъ онъ, охорашиваясь.

— Полно, сватъ, что пустое говорить! Года твои точно не старые, да толку въ томъ мало! Съ чего-жъ тебя никто не держитъ-то, а?

— Охъ, Глѣбъ Савинычъ, батюшка, и радъ бы жилъ, заговорилъ Акимъ съ оживленіемъ, какого вовсе нельзя было ожидать отъ него, — и радъ бы... я жъ говорилъ тебѣ: нынче старыми-то людьми гнушаются...

— Полно врать, перебилъ Глѣбъ,—человѣку рабочему вездѣ пробойная дорога...

— То-то, что нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ Акимъ. — Придешь: „Нѣтъ, говорятъ, случись неравно что, старому человѣку какъ словно грѣшно поперекъ сдѣлать; а молодому-то и подзатыльничка дашь—ничего!“ Молодыхъ-то много добре развелось нынче, Глѣбъ Савинычъ,—вотъ что! Я ли радъ на печи лежать: косить ли, жать ли, пахать ли, никогда позади не стану!

— Тебя послушать: какъ родился, такъ ужъ въ дѣло годился! Полно молодцовать! я вѣдь-те знаю: много сулишь, да мало даешь! А все оттого, самъ сказалъ: мало смолоду били!.. Эхъ, кабы учить тебя, учить въ свое время, такъ былъ бы ты человѣкъ. Полно куражиться! гдѣ тебѣ о чужихъ дѣлахъ хлопотать, когда самъ съ собою не управился!.. Отцомъ обиженъ, кажись, не былъ, а куда пошло? осталось ни кола, ни двора, ни малаго живота, ни образа помолиться, ни хлѣба перекусить!.. Слоняешься, какъ шатунъ-бродяга, по бѣлому свѣту, да стучишь подъ воротами—вотъ до чего дошелъ! куда жъ ты годенъ послѣ этого?

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ! воскликнулъ дядя Акимъ, приподнимаясь съ мѣста,—выслушай только, что я скажу тебѣ... Вѣришь ты въ Бога... вотъ передъ образомъ зарокъ дамъ, примолвилъ онъ, быстро поворачиваясь къ красному углу и принимаясь креститься,—вотъ накажи меня Господь всякими болѣстями, разрази меня на мѣстѣ, отсохни мои руки и ноги, коли въ чемъ тебя ослушаюсь! Что велишь — сработаю, куда пошлешь — схожу; слова супротивнаго не услышишь! Будь отцомъ роднымъ, заставь за себя вѣчно Бога молить!..

Въ отвѣтъ на это, старый рыбакъ махнулъ только рукой и всталъ съ мѣста.

— Ну, ребята, произнесъ онъ неожиданно, обращаясь къ сыновьямъ, которые послѣдовали его примѣру и крестились передъ образами,—пора за дѣло; бери топоры да паклю—ступай на берегъ!

Петръ и братъ его безпрекословно повиновались, взяли топоры и направились къ двери. Старый рыбакъ проводилъ ихъ глазами.

— Ну, а ты-то что жъ, сватъ? пойдешь и ты съ нами? принужденно сказалъ Глѣбъ, поворачиваясь къ Акиму, который стоялъ съ поднятою рукой и открытымъ ртомъ,— все одно: къ ночи не поспѣешь въ Сосновку, придется здѣсь заночевать... а до вечера время много; бери топоръ... вонъ онъ тамъ, кажись, на лавкѣ.

Акимъ бросился безъ оглядки на указанное ему мѣсто, но, не найдя топора, засуетился какъ угорѣлый по всей избѣ. Хозяйка рыбака приняла дѣятельное участіе въ разысканіи затеряннаго предмета и также засуетилась не менѣе своего родственника.

Во все продолженіе этой сцены Глѣбъ Савиновъ стоялъ у двери и не спускалъ съ глазъ жену и дядю Акима.

Наконецъ онъ выразительно тряхнулъ головою, усмѣхнулся и вышелъ изъ избы.

V.

Глѣбъ Савиновъ.

Старый рыбакъ, какъ всѣ простолюдины, вставалъ очень рано. Лѣтомъ и весною просыпался онъ вмѣстѣ съ жаворонками, зимою и осенью—вмѣстѣ съ солнцемъ. На другое утро послѣ разговора, описаннаго въ предъидущей главѣ, пробужденіе его совершилось еще раньше. Это была первая ночь, проведенная имъ на открытомъ воздухѣ.

Наши мужички начинаютъ спать на дворѣ съ самаго Благовѣщенія. Несмотря на то, что въ эту пору утренники холоднѣе зимнихъ, семейства покидаютъ избу и перебираются въ сѣни или клѣти; даже грудные младенцы, и тѣ (поневолѣ, впрочемъ) слѣдуютъ за своими родителями. На печкѣ остаются одни хворые старики и старухи. Переселеніе на дачу происходитъ, какъ видите, раненько: всѣ, и малые, и большіе, корчатся отъ стужи подъ прорванными тулупишками, жмутся другъ къ дружкѣ и щелкаютъ зубами; но что прикажете дѣлать! таковъ ужъ исконный обычай!

Трудно предположить, однакожъ, чтобъ холодъ именно могъ пробудить Глѣба Савинова. Вотъ жаръ развѣ, ну, то совсѣмъ другое дѣло! жаръ, какъ самъ онъ говаривалъ, частенько донималъ его; холодъ же не производилъ на Глѣба ни малѣйшаго дѣйствія.

„Съ начатія-то тебя какъ словно маненько и пощипываетъ; а тамъ ничего, нуждушки мало! Съ холоду-то, знамо, человѣкъ крѣпнетъ“, утверждалъ всегда старый рыбакъ. И что могла, въ самомъ дѣлѣ, значить стужа для человѣка, который въ глубокую осень, въ то время, какъ Ока начинала уже покрываться саломъ и стынуть, проводилъ нѣсколько часовъ въ водѣ по поясъ!

Въ настоящее утро лицо и одежда рыбака достаточно подтверждали всегдашнія слова его: несмотря на довольно сильный морозъ, онъ былъ въ одной рубашкѣ; въ наружности его трудно было сыскать малѣйшій признакъ принужденія, или того недовольнаго, ворчливаго выраженія,

какое является обыкновенно, когда не доспишь противъ воли. Видно было, что пробужденіе его совершилось подъ вліяніемъ самыхъ пріятныхъ, счастливыхъ мыслей. Какъ только приподнялся онъ съ саней, стоявшихъ подъ навѣсомъ и служившихъ ему ложемъ, первымъ дѣломъ его было взглянуть на небо.

Заря только-что занималась, слегка зарумянивая край неба; темные навѣсы, обступавшіе со всѣхъ сторонъ Глѣба, позволяли ему различить блѣдный серпъ мѣсяца, клонившійся къ западу, и послѣднія звѣзды, которыя пропадали одна за другою, какъ бы задуваемыя едва замѣтнымъ вѣтеркомъ—предшественникомъ разсвѣта. Торжественно тихо начиналось утро; все обѣщало такой же красный, солнечный день, какъ былъ наканунѣ.

Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и оставшись, повидимому, очень доволенъ своими наблюденіями, рыбакъ подошелъ къ крылечку, глядѣвшему на дворъ. Тутъ, подъ небольшимъ соломеннымъ навѣсомъ, державшимся помощію двухъ кривыхъ столбиковъ, висѣлъ старый глиняный горшокъ съ четырьмя горлышками; тутъ же, на косякѣ, висѣло полотенце, обращенное морозомъ въ какую-то корку, сдѣлавшуюся неспособною ни для какого употребленія.

Глѣбъ разбилъ пальцемъ ледяныя иглы, покрывавшія дно горшка, пригнулъ горшокъ къ ладони, плеснулъ водицей на лицо, помялъ въ рукахъ кончикъ полотенца, принялъ наклоненное впередъ положеніе и принялся тереть безъ того уже покраснѣвшіе носъ и щеки. Послѣ этой церемоніи, не имѣвшей, повидимому, никакой опредѣленной цѣли, но совершенной, вѣроятно, по привычкѣ или изъ угожденія давно принятому обыкновенію, рыбакъ повернулся къ востоку и началъ молиться.

Лицо его, за минуту веселое, мгновенно приняло выраженіе строгой, задумчивой сосредоточенности.

Заря между тѣмъ разгоралась. Блѣдная полоса свѣта, показавшаяся на востокѣ, окрасилась пурпуромъ и обняла весь горизонтъ; зарево росло и разливалось по небу. Въ дали, покуда еще сумрачной, но постепенно проясняющейся, стали открываться лѣса и деревни, кой-гдѣ задернутые волнистыми туманными полосами. Наконецъ, и самый дворъ рыбака освободился изъ мрака. Румяный свѣтъ, проникавшій сквозь щели плетня, позволялъ уже различать багры, кадки, старыя верши и другія хозяйственныя

и рыбацкія принадлежности, наполнявшія темные углы. Со всѣмъ тѣмъ было все-таки очень еще рано. Тишина не прерывалась ни однимъ изъ тѣхъ звуковъ, какими привѣтствуется обыкновенно восходъ солнца: куры и голуби не думали подавать голоса; пріютившись на окраинѣ старой, дырявой лодки, помѣщенной на верхнихъ перекладинахъ навѣса, подвернувъ голову подъ тепленькое, пушистое крыло, они спали крѣпчайшимъ сномъ. Все спало на дворѣ стараго рыбака; самъ хозяинъ только бодрствовалъ. Онъ принялся за дѣло тотчасъ же послѣ молитвы. Дѣлъ, правда, большихъ не было: на всемъ, куда только обращались глаза, отражался строжайшій порядокъ, каждая вещь была прибрана и стояла на мѣстѣ. Но хорошій хозяинъ никогда не доволенъ.

Посмотрите въ деревняхъ на хлопотливыхъ домохозяевъ, которыхъ называютъ „затяглыми стариками“. Дни цѣлые, съ утра и до вечера, проводятъ они у себя на дворѣ. Не велики, кажется, владѣнія, имущество также не Богъ вѣсть какое! всего одинъ навѣсъ, клѣть, соха, телѣга, пара клячъ, коровенка да три овцы—и хлопотать, кажется, не надъ чѣмъ! А между тѣмъ день-деньской бродитъ старичокъ по своему двору, стучитъ, суетится, и руки его ни на минуту не остаются праздными. Такъ же точно было и съ нашимъ рыбакомъ: вся разница заключалась въ томъ, можетъ статься, что лицо его выражало довольство и радость, не всегда свойственныя другимъ хозяевамъ. И то, впрочемъ, сказать надо: Глѣбъ Савиновъ никогда еще не имѣлъ столько причинъ радоваться.

Весь вечеръ и даже часть ночи раздумывалъ онъ о вчерашней бесѣдѣ. О сынѣ Петрѣ Глѣбъ, по правдѣ молвить, помышлялъ не много: онъ давно уже рѣшилъ отправить его въ „рыбацкія слободы“, какъ уже выше сказано; до сихъ поръ одно только упрямство мѣшало ему осуществить такое намѣреніе. Всѣ помыслы рыбака исключительно обращались на дядю Акима и его мальчика, и чѣмъ болѣе соображалъ онъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе приходилъ къ счастливымъ выводамъ. По обыкновенію своему, онъ не показалъ вчера только виду, но тотчасъ же смекнулъ, какъ выгодно оставить ихъ у себя въ домѣ. Не даромъ же весь прошлый вечеръ испытывалъ онъ дядю Акима, заставляя его приниматься за разныя дѣла; не даромъ также оставилъ ночевать его. Какъ ни плохъ былъ дядя Акимъ, но все-таки легко могъ таскать

неводъ, плести сѣти, грести весломъ. Какъ умомъ ни раскидывай, а платить за такую работу однимъ хлѣбомъ — дѣло сходное. Что Акимъ не станетъ сидѣть сложа руки и даромъ пропускать трохи, за то ручался хозяинъ.

Глѣбъ Савинычъ, какъ и всѣ люди, достигнувшіе неусыпными трудами цѣлой жизни нѣкотораго благосостоянія, крѣпко стоялъ за добро свое. Онъ, напримѣръ, съ трудомъ рѣшился бы отрѣзать даромъ, такъ себѣ, здоровоживешь, отъ хлѣба, испеченнаго для собственнаго семейства. Долгій опытъ, научившій его, какъ тяжко достается хлѣбъ, постоянный, добросовѣстный трудъ, горячая привязанность къ семейству, къ своимъ,—все это невольнымъ образомъ развило въ немъ тотъ грубый эгоизмъ, который часто встрѣчаемъ мы въ семьянистыхъ мужикахъ. Впрочемъ, расчеты рыбака въ особенности основывались на мальчикѣ, котораго привелъ женинъ родственникъ. Какъ бы ни велико было семейство простолюдина, лишній мальчикъ не бремя.

„Дочь — отрѣзанный ломоть, лишніе зубы при хлѣбѣ; возрастетъ, прощайся съ нею, выдавай ее замужъ, да еще снаряжай и приданое!“

Мальчикъ — иное дѣло: лишній столбъ, подпора и надежда дома, — вездѣ пригодится. Въ самыхъ многолюдныхъ, зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ встрѣчаешь пріемыша. Многіе смѣтливые мужики даютъ даже денегъ бѣдному, обремененному семействомъ сосѣду, съ тѣмъ, чтобы тотъ отдалъ имъ на „воспитаніе“ сынишку; они обязуются платить за пріемыша подати, справляютъ за него всѣ повинности. Бываютъ примѣры, что хозяинъ усыновляетъ своего пріемыша, женитъ его на родной дочери, передаетъ ему весь домъ и все хозяйство. Но такіе примѣры—исключеніе изъ общаго правила. По большей части, участь пріемыша не представляетъ много утѣшительнаго. „Чужой человѣкъ!“ И растетъ онъ, ничьему сердцу не близкій, никѣмъ не обласканный; ни одно привѣтливое слово, ни одинъ ласковый взглядъ не освѣтятъ дѣтскихъ лѣтъ его... Сызмала привыкаетъ онъ къ грубой рѣчи, неправому слову и всякой неправдѣ. Проходятъ годы, но время не улучшаетъ судьбы бѣднаго горько-одинокаго сироты. Продолжаетъ онъ нести свой трудный, часто непосильный крестъ съ тѣмъ, чтобы пойти за хозяйскаго сына въ солдаты, или умереть подъ старость бобылемъ, безъ крова и хлѣба.

Такая участь, конечно, не предстояла Гришкѣ въ домѣ рыбака. Жена Глѣба была баба добрая, богобоязливая; къ тому же, парнишка приходился ей съ родни—обстоятельство, имѣющее всегда въ нашемъ крестьянствѣ сильное дѣйствіе на отношенія людей, живущихъ въ одной и той же избѣ. Самъ Глѣбъ также не былъ злой человѣкъ. Онъ былъ только крѣпковатъ, не любилъ потачки давать, любилъ толкъ во всемъ и дѣло. Что говорить, много разныхъ соображеній бродило въ головѣ его по поводу пріемыша—не безъ этого, но все же судьба Гришки не обѣщала большихъ горестей.

Глѣбъ не замѣтилъ, какъ наступило утро, какъ пробудились куры и голуби, и какъ затѣмъ, мало-по-малу, все ожило вокругъ.

Но зато при первомъ звукѣ, раздавшемся въ сѣняхъ, онъ быстро поднялъ голову и тотчасъ же обратился въ ту сторону. Увидѣвъ жену, которая показалась на крылечкѣ, съ коромысломъ и ведрами, онъ пошелъ къ ней навстрѣчу, самодовольно ухмыляясь въ бороду.

— Что рано поднялась? куда те несетъ? сказалъ онъ съ обычною своею шутливостью.

— Видишь, съ ведрами, за водой иду, неохотно отвѣчала Анна, спускаясь по шаткимъ ступенямъ крыльца.

Тетка Анна, не мѣшаетъ замѣтить, находилась въ это утро въ самомъ неблагопріятномъ настроеніи духа. Пріемъ, сдѣланный Глѣбомъ ея родственнику, и особенно объясненіе его съ Акимомъ,—объясненіе, отнимавшее у нея послѣднюю надежду пристроить какъ-нибудь родственника,—все это сильнѣйшимъ образомъ вооружало старушку противъ мужа. Насмѣшливый видъ Глѣба окончательно раздражилъ ее, и въ эту минуту она готова была ведрами и коромысломъ проучить сожителя. Ничего этого не случилось, однакожъ; она ограничилась тѣмъ только, что потупила глаза и придала лицу своему ворчливое, досадливое выраженіе—слабые, но въ то же время единственные признаки внутренняго неудовольствія, какіе могла только дозволить себѣ Анна въ присутствіи Глѣба. Дѣло въ томъ, что тетка Анна, въ продолженіе двадцати-восьми-лѣтняго замужества своего, не осиливала побѣдить въ себѣ чувства робости и страха, невольно овладѣвавшія ею при мужѣ. Чувства эти раздѣляли, впрочемъ, всѣ остальные члены семейства. Мудренаго нѣтъ: Глѣбъ былъ человѣкъ нрава непреклоннаго, твердаго какъ кремень и вдоба-

вокъ еще горячаго и вспыльчиваго. Жена ли, дѣти ли,— все это въ глазахъ его не представляло большой разницы: онъ всѣхъ ихъ держалъ въ одинаковомъ повиновеніи. Въ эти двадцать-восемь лѣтъ онъ или подтрунивалъ надъ дѣтьми и женою (когда былъ въ духѣ), или же всѣмъ доставалось въ равной степени, когда былъ въ сердцахъ. Всѣ бѣжали тогда куда могли, лишь бы на глаза не попадаться. Въ дѣлахъ семейныхъ и хозяйственныхъ никто не смѣлъ подавать голоса: жена не смѣла купить горшка безъ его вѣдома; двадцатилѣтніе сыновья не смѣли отойти за версту отъ дому безъ спросу. Замѣчательнѣе всего, что при всемъ томъ старый рыбакъ рѣдко поднималъ шумъ въ домѣ и еще рѣже подымалъ руку; по большей части онъ находился въ веселомъ, шутливомъ расположеніи духа.

Отвѣтивъ мужу, что шла за водою, тетка Анна хотѣла пройти мимо, но Глѣбъ загородилъ ей дорогу.

— Вижу, за водой, сказалъ онъ, подсмѣиваясь,—вижу. Ну, а споха-то что жъ? а? лежитъ тѣмъ временемъ да проклажается, нѣтъ, нѣтъ, да поохаетъ!.. Оно что говорить: вѣстимо, жаль сердечную!.. Ну, жаль, не жаль, а придется ей нынче самой зачерпнуть водицы... Поставь ведра, пойдемъ: надо съ тобой слова два перемолвить.

Сказавъ это, рыбакъ направился къ заднимъ воротамъ, выходившимъ за огородъ. Старуха поставила ведра и, не безъ нѣкотораго смущенія, послѣдовала за мужемъ.

— Вотъ что, началъ онъ, когда оба они очутились въ проулкѣ и ворота были заперты,—что ты на это скажешь: отпустить намъ Петрушку, али нѣтъ, не отпущать?

— Какъ знаешь, твоя воля, отвѣчала жена, обнаруживая удивленіе въ каждой чертѣ добродушнаго лица своего.

Первый разъ въ жизни Глѣбъ обращался къ ней за совѣтомъ; но это обстоятельство еще сильнѣе возбудило внутреннюю досаду старушки: она предвидѣла, что все это дѣлается не спроста, что тутъ, вѣрно, таится какой-нибудь лукавый замыселъ.

— Сдается мнѣ, отпускать его не зачѣмъ, сказалъ Глѣбъ, устремляя пытливый взглядъ на жену, которая стояла понуря голову и глядѣла въ землю, — проку никакого изъ этого не будетъ,—только что вотъ набалуется... Ну, что жъ ты стоишь? говори!

— Что мнѣ говорить, возразила Анна, знавшая напе-

редъ: что бы она ни сказала, мужъ все-таки поставитъ на своемъ.

— Онъ, можетъ статься, говорилъ тебѣ объ этомъ.— „Поди, молъ, отца попроси!“ либо другое что сказалъ?

— Словечка не промолвилъ.

Глѣбъ недовѣрчиво покосился на старуху.

— По-моему, вымолвилъ онъ, произнося каждое слово съ какою-то особенною выдержкою,—пускай лучше дома живетъ... ась?

Глѣбъ зналъ, что мать и дѣти ничего не таятъ другъ отъ дружки: выпытывая мнѣніе жены — мнѣніе, до котораго ему не было никакой нужды, онъ думалъ найти въ немъ прямой отголосокъ мыслей Петра; но, не успѣвъ въ этомъ, онъ тотчасъ же перешелъ къ другому предмету.

— Не видала ли ты нынче Акима? спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ, не видала.

— Должно быть, спитъ еще. Ну, пущай его, пущай понѣжится; встанетъ, смотри, покорми его.

Старушка подняла голову; но лицо ея, на минуту оживившееся, снова приняло недовольное выраженіе, когда мужъ прибавилъ:

— А тамъ пущай идетъ, куда путь лежитъ... Вишь, что забралъ въ голову: возьми его въ работники!

— Не знаю, съ чего такъ не полюбился, пробормотала Анна, обращая, повидимому, все свое вниманіе на щепки, валявшіяся подлѣ плетня.

— Песъ ли въ немъ! продолжалъ Глѣбъ, не отрывая отъ жены зоркаго взгляда.

— Да что ты, въ самомъ-то дѣлѣ, глупую, что ли, нашелъ какую? нетерпѣливо сказала она. — Вечоръ самъ говорилъ: не чаялъ я въ немъ такого проку! вчера всѣмъ былъ хорошъ, а нонѣ никуда не годится!.. Что ты, въ самомъ-то дѣлѣ, вертишь меня... что я тебѣ! заключила она, окончательно выходя изъ терпѣнія.

Глѣбъ не спускалъ съ нея глазъ и только посмѣивался въ бороду.

— Такъ какъ же, стало, по-твоему, надо взять его? сказалъ онъ.

Тетушка Анна замялась.

— Что жъ, не худой онъ человѣкъ какой, проговорила она смягченнымъ голосомъ, — ни табашникъ какой, ни пьяница.

— Главное дѣло, потому отказать ему какъ словно не приходится: съ родни онъ намъ — вотъ что! замѣтилъ мужъ, лукаво прищуриваясь.

— Вѣстимо, не чужакъ! поспѣшила присовокупить старушка.

— Такъ-то, такъ! Я и самъ объ этомъ думаю: родня не малая; когда у моей бабки кокошникъ горѣлъ, его дѣдушка пришелъ да руки погрѣлъ... Эхъ, ты, сердечная! прибавилъ, смѣясь, рыбакъ, — сватьевъ не оберешься, свояковъ не огребешься, — мало ли на свѣтѣ всякой шушеры! всѣхъ ихъ въ домъ пущать—жирно будетъ!

Въ отвѣтъ на это тетушка Анна только плюнула.

— Ну, такъ какъ же, по-твоему, стало и мальчишку надо взять, а? продолжалъ допытывать Глѣбъ.

— Да что я, въ самомъ дѣлѣ, за дура тебѣ досталась? воскликнула Анна, — что ты умомъ-то раскидываешь, словно передъ махонькой!

— Куды ты? полно, погоди, постой, сказалъ рыбакъ, удерживая за руку жену, которая бросилась къ воротамъ,—постой! Ну, старуха, промолвилъ онъ,—вижу: хочется тебѣ, добре хочется пристроить къ мѣсту своего сродственника!

— Ничего мнѣ не надыть! ничего не хочу! тьфу! возразила она, порываясь къ воротамъ.

— Полно же, ну! вымолвилъ мужъ, перемѣнивъ вдругъ голосъ, — посмѣялся, и шабашъ! Такъ ужъ и быть: будь по-твоему! пущай оба остаются! Мотри, только, не говори объ этомъ до поры, до времени... слышь?

Старуха взглянула на мужа и тотчасъ же перестала волноваться: видно было, что съ послѣдними словами Глѣба у ней разошлось сердце.

— Смотри же, ни полсловечка; смекай да послушивай, а лишняго не болтай... узнаю, худо будетъ!.. Эге-ге! промолвилъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ ближнему углу избы, изъ-за котораго сверкнули вдругъ первые лучи солнца,—вотъ ужъ и солнышко! Что жъ они, въ самомъ дѣлѣ, долго проклажаются? ступай, буди ихъ. А я пойду покуда до берега: на лодки погляжу... Что жъ ты стала? спросилъ Глѣбъ, видя, что жена не трогалась съ мѣста и переминалась съ ноги на ногу.

— Ну, что ты въ самомъ дѣлѣ умомъ-то раскидываешь? промолвила она полуворчливо, полуласково, — ты говори толкомъ... ну, что, въ самомъ дѣлѣ...

Глѣбъ раскрылъ удивленные глаза.

— Вѣстимо, толкомъ говори, продолжала жена, — слушаешь, слушаешь, въ толкъ не возьмешь... вертитъ тебя только знаетъ!.. Ты толкомъ скажи: возьмешь, что ли, ихъ въ домъ-отъ?

— Экъ ее!.. фу, ты, дура-баба!.. чего жъ тебѣ еще? сказалъ возьму, стало тому и быть... А я думалъ и не вѣсть что ей втемяшилось... ступай...

На этотъ разъ тетушка Анна не заставила себѣ повторить и, отворивъ ворота, поспѣшно заковыляла въ избу.

Въ сѣняхъ она наткнулась на дядю Акима и его мальчика. Заслышавъ шаги, дядя Акимъ поспѣшилъ скорчить лицо и принять жалкую, униженную позу; при видѣ родственницы, онъ, однакожъ, ободрился, кивнулъ головою по направленію къ выходной двери и вопросительно приподнялъ общипанныя свои брови.

Въ отвѣтъ на это, старушка заморгала глазами, погрозила пальцемъ и выглянула на дворъ; послѣ чего она подошла къ родственнику и сказала шопотомъ:

— Остаешься, Акимушка!

— Что ты, матушка?

— Ей-Богу, право! самъ сказалъ; сначала-то ужъ онъ и такъ, и сякъ, путалъ, путалъ... самъ знаешь онъ какой: и въ толкъ не возьмешь, такъ тебя и дуритъ; а апосля самъ сказалъ: оставлю его, говоритъ, пускай живетъ!

Во время этого объясненія лукавые глаза Гришки быстро перебѣгали отъ отца къ теткѣ Аннѣ; съ послѣдними словами старушки испугъ изобразился въ каждой чертѣ плутовского лица его; онъ ухватилъ дядю Акима за рукавъ и принялся дергать его изо всей мочи.

— Смотри только, Акимушка, продолжала между тѣмъ старушка,—смотри, въ работѣ-то не плошай, касатикъ.

— Буду, матушка, буду! я ли когда на печи лежалъ, я ли...

— Ну, то-то, родимый, то-то; съ тѣмъ, говоритъ, и беру, коли работать станетъ!.. Самъ знаешь, человѣкъ онъ крѣпкій: что сказалъ, отъ того не отступится.

— Знаю, матушка, все знаю... Ахъ, ты, касатушка ты наша!.. родная ты наша! какъ намъ за тебя Бога молить?.. ахъ!.. Что ты, Гришутка? что на рукавѣ-то виснешь... вишь его, озорникъ! Оставь, говорятъ! заключилъ Акимъ, поворачиваясь неожиданно къ парнишкѣ.

— Пойдемъ! пойдемъ! не хочу я здѣсь оставаться! за-

говорилъ мальчикъ, принимаясь теребить еще пуще рукавъ Акима и обнаруживая при этомъ столько же азарта, сколько страха.

— Куды ты?.. Ахъ, ты, безмятежный ты этакой!.. пусти!

— Не хочу! не хочу! пойдемъ! кричалъ мальчикъ.

— Полно, батюшка, полно тебѣ, сказала Анна, стараясь обласкать Гришку,—а я лепешечки дамъ... подь-ка-сь въ избу: лепешечки дамъ, соколикъ...

— Не хочу! я хочу домой!.. пойдемъ!.. пойдемъ! кричалъ Гришка, цѣпляясь за воротъ Акима, пригибая его къ себѣ и топая ногами.

Въ самую эту минуту неподалеку, почти у самаго крыльца, послышались шаги Глѣба Савиныча.

Старуха опрометью кинулась въ избу.

— А! сватъ Акимъ, здорово! сказалъ рыбакъ, появляясь въ сѣняхъ.—Что вы тутъ дѣлаете?.. чего это онъ у тебя, слышу я, не хочетъ, а? промолвилъ онъ, взглядывая на мальчика, который остолбенѣлъ и поблѣднѣлъ какъ известь.

— Такъ, батюшка... Глѣбъ Савинычъ... глупенекъ... вѣстимо... пробормоталъ Акимъ, разводя руками.

— Да чего жъ онъ не хочетъ-то? а?.. Иду, слышу: не хочу, да не хочу!.. чего не хочу? а?

— Вотъ, кормилецъ, мѣшаясь подхватилъ Акимъ, — умыться не хочетъ... воды боится; добре студена, знать!.. умойся, говорю... а онъ и того...

— Нутка-сь, сватъ, возьми-ка зачерпни поди водицы... вонъ въ углу стоитъ; давай сюда: мы его умоемъ, когда такъ! проговорилъ рыбакъ, ставя передъ собою Гришку и наклоняя ему впередъ голову.—Лей! заключилъ онъ, протягивая ладонь.

— Бррр... пробормоталъ Гришка, мотая головою.

— Лей еще! повторилъ Глѣбъ.

Дядя Акимъ, лицо котораго корчилось и ежилось самымъ жалобнымъ образомъ, повиновался.

— Бр...рр...брр... батюшки! кричалъ Гришка.

— Ничего, врешь, не пуще холодна, лей еще!

— Брр...

— Ну, на здоровье; утрись поди! произнесъ Глѣбъ, выпуская Гришку, который бросился въ уголъ какъ кошка и жалобно завопилъ.—А то не хочу, да не хочу!.. до колѣнъ не доросъ, а туда же: не хочу!.. Ну, сватъ, пора, я чай, и закусить: не ѣвши легко, а поѣвши-то все какъ-то

лучше. Пойдемъ, довершилъ рыбакъ, отворяя дверь избы.

Во время завтрака веселье рыбака не прерывалось ни на минуту. Со всѣмъ тѣмъ, онъ не коснулся ни одного пункта, имѣвшаго какое-нибудь отношеніе къ разговору съ хозяйкой; ни взглядомъ, ни словомъ не выдалъ онъ своихъ намѣреній. Съ окончаніемъ трапезы, какъ только Петръ и Василій покинули избу, а жена Петра и тетка Анна, взявъ вальки и коромысла, отправились на рѣку, Глѣбъ обратился къ Акиму:

— Вотъ, сватьюшка, что я скажу тебѣ, произнесъ онъ съ видомъ простодушія:—останься, пожалуй, у насъ еще день, коли спѣшить некуда. Тѣмъ временемъ намъ въ чемъ-нибудь подсобишь... Такъ, что ли? ну, когда такъ,— ладно! бери топоръ, пойдемъ со мною.

Акимъ взялъ топоръ, подошелъ къ двери и молодцовато нахлобучилъ шапку. Глѣбъ насмѣшливо покосился на него, повернулся къ Гришкѣ и Ванѣ, которые сидѣли по разнымъ угламъ, и погрозилъ пальцемъ:

— Смотри, ребятишки, не баловать безъ насъ! Кто забалуетъ, быть тому безъ вихра на макушкѣ!

VI.

Гришутка.

Никогда еще, во всю свою долгую, но безполезную жизнь дядя Акимъ не трудился такъ много, какъ въ это утро, когда, обнадеженный словами Анны, остался гостить въ домѣ рыбака. Наставленія старушки были постоянно передъ его глазами. Опасаясь, съ одной стороны, не угодить въ чемъ-нибудь Глѣбу, исполненный, съ другой стороны, сильнѣйшаго желанія показать всѣмъ и каждому, что онъ отличнѣйшій, примѣрный работникъ—„мастакъ-работникъ“, Акимъ не щадилъ рукъ и рѣшительно лѣзъ изъ кожи. Подобно ручью, который въ продолженіе многихъ верстъ лѣниво, едва замѣтно пресмыкался въ густой и болотистой травѣ, и который, выбѣжавъ на крутизну, дѣлится вдругъ на безчисленное множество быстрыхъ, журчащихъ потоковъ, дядя Акимъ заходилъ во всѣ стороны и сдѣлался необыкновенно дѣятеленъ: онъ таскалъ верши, собиралъ камышъ для топлива, тесалъ колья, расчищалъ снѣгъ вокругъ лодокъ,—словомъ, поспѣвалъ всюду и ни на минуту не оставался безъ дѣла. Иногда, уже не въ мочь одолѣваемый одышкой и поперхотой, онъ остана-

вливался, чтобы перевести духъ, но встрѣчалъ всякій разъ пристальный взглядъ Глѣба и принимался суетиться пуще прежняго. Ужъ зато и уходился же дядя Акимъ! Потъ катилъ съ него крупными горошинами, ноги подгибались какъ мочалы, плечи ломило, какъ словно ихъ вывихнули. Такое усердіе, конечно, не ускользало отъ вниманія Глѣба; но онъ оставался, повидимому, совершенно къ нему равнодушнымъ. Хозяева вообще не щедры на похвалы: „Похвала та же потачка—разсуждаетъ хозяинъ, извлекая, вѣроятно, это правило изъ наблюденій собственной природы — зазнается еще, чего добраго! возьметъ „форсъ“ на себя!..“ Такія мысли свойственны хозяевамъ, когда дѣло идетъ о работникѣ и труженикѣ. Русскій мужичокъ въ дѣлѣ практической хозяйственной смѣтливости никому не уступитъ. Небрежный, безпечный и равнодушный ко всему, что не имѣетъ къ нему прямого, личнаго отношенія, онъ превращается у себя дома въ ломовую, неутомимую лошадь и становится столько же дѣятеленъ, сколько взыскателенъ. Нѣтъ народа, который бы такъ крѣпко отстаивалъ свою собственность и такъ сильно соблюдалъ свои матеріальныя выгоды, какъ русскій народъ. „Ничего, авось, небось и какъ-нибудь“, такъ часто произносимыя русскимъ мужичкомъ, повторяются имъ точно такъ же, если хотите, когда онъ у себя дома; въ послѣднемъ случаѣ, однакожъ, слова эти выражаютъ, повѣрьте, скорѣе торопливость, желаніе сработать больше, сбыть выгоднѣе, чѣмъ безпечность или нерадѣніе. Мужичокъ производитъ „кое-какъ“ только для міра, для общества; онъ знаетъ, что базаръ все ѣстъ: ѣстъ и говядину, коли есть говядина, ѣстъ и что ни попало, коли нѣтъ мяса. Но зато войдите-ка во дворъ семьянистаго, дѣлового, настоящаго хозяина, взгляните-ка на работу, которую предназначаетъ онъ для себя собственно: тутъ ужъ на всемъ лежитъ печать прочности и долговѣчности, соединенныя съ расчетомъ строжайшей, мудрой экономіи; здѣсь каждымъ ударомъ топора управляло уже, повидимому, сознаніе, что требуется сдѣлать дѣло хорошо, а не кое-какъ! У семьянистаго хозяина даромъ корка не пропадаетъ. Бросилъ зерно въ землю—давай самъ-сёмъ; счетомъ взялъ—отдавай съ лихвою; взялъ лычко—отдай ремешокъ; на сколько съѣлъ, на столько сработай. Труды батрака соображаются съ количествомъ поглощаемой имъ каши и числомъ копеекъ, слѣдующихъ ему въ жалованье, и по-

тому рѣдкій на свѣтѣ хозяинъ остается вполнѣ доволенъ батракомъ своимъ, и рѣдкій батракъ остается доволенъ своимъ хозяиномъ. Впрочемъ, такія свойства русскаго мужичка издали только бросаются въ глаза и кажутся достойными порицанія; на самомъ дѣлѣ они отличаются отъ свойствъ другихъ людей только формою, которая у простолюдина немного погрубѣе—погрубѣе потому, можетъ-статься, что простодушнѣе...

Но перейдемъ къ Акиму, который сидитъ теперь между Глѣбомъ и старшими его сыновьями и конопатитъ лодку.

Солнце до половины уже обогнуло небо, и работа приближалась къ концу, когда къ работающимъ подошелъ младшій сынишка Глѣба.

Заплаканное лицо его, встрепанные волосы, а рубашонка, прорванная въ двухъ-трехъ мѣстахъ и запачканная грязью, обратили на него тотчасъ же вниманіе присутствующихъ.

— Что ты, Ванюшка? спросили въ одинъ голосъ отецъ и Василій.

— Должно-быть, съ моимъ Гришуткой... вѣстимо, ребятепочки еще: что съ нихъ взять! обязательно предупредилъ Акимъ, догадавшійся съ перваго взгляда, что тутъ, конечно, не обошлось безъ Гришутки.

— Хорошее баловство, нечего сказать! возразилъ Глѣбъ, оглядывая сынишку, далеко, однакожъ, не строгими глазами,—вишь, рубаху-то какъ отдѣлалъ! мать не нашьется, не настирается, а вамъ, пострѣламъ, и нуждушки нѣтъ. И весь-то ты покуда одной заплаты не стоишь... Ну, на этотъ разъ сошло, а побалуй такъ-то еще у меня, и ты, и Гришка, обоимъ не миновать дубовой каши, да и пироговъ съ березовымъ масломъ отвѣдаете... Смотри, помни... Вишь, вечоръ впервые только встрѣтились, а сегодня за потасовку!

— Да я его не трогалъ, сказалъ мальчикъ, утирая рукавомъ слезы, которыя текли по его полнымъ, румянымъ щекамъ.

— Стало, онъ тебя поколотилъ?.. Ну, полно, не плачь: дай намъ придти домой, мы ему шею-то сами намнемъ.

— Онъ меня не колотилъ, поспѣшно сказалъ мальчикъ.

— Какъ же такъ?

Мальчикъ замялся и пробормоталъ несвязно:

— Онъ меня... все... вотъ такъ-то вотъ... все... вотъ... все бьетъ!

— Должно быть, какъ-нибудь невзначай, поспѣшилъ присовокупить дядя Акимъ.

— Ну, хорошо, возразилъ Глѣбъ,— онъ тебя поколотилъ; ну, а ты что?

— Я ничего, отвѣчалъ простодушно Ваня.

— И сдачи не далъ?

— Нѣтъ.

Глѣбъ и за нимъ всѣ присутствующіе засмѣялись.

— За что же онъ прибилъ тебя? спросилъ отецъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы позабавиться разсказомъ своего любимаго дѣтища.

— А я и самъ не знаю, за что, отвѣчалъ, со вздохомъ, Ваня. — Я на дворѣ игралъ, а онъ стоялъ на крыльцѣ; ну, я ему говорю: „давай—говорю—играть“; а онъ какъ пхнетъ меня: „я-те лукну!“ говоритъ: такой серчалый!.. Потомъ онъ опять говоритъ: „ступай — говоритъ — тебя тятька кличетъ“. Я поглядѣлъ въ ворота: вижу, ты меня не кличешь, и опять сталъ играть: а онъ опять: „тебя— говоритъ — тятька кличетъ; ступай!“ Я не пошелъ... что мнѣ!.. Ну, а онъ тутъ и зачалъ меня бить... Я и пошелъ...

— Такъ, стало, сдачи-то ты и не далъ?

— Нѣтъ.

— Ну, плохой же ты парнюха послѣ эвтаго! смѣясь, сказалъ отецъ, — авось развѣ опосля какъ-нибудь посчитаетесь, а теперь пока онъ надъ тобой потѣшился... Эхъ, ты, мозглякъ, мозглякъ, право, мозглякъ!.. ну, что я стану съ тобой дѣлать? Слышь, сдачи не далъ!.. Ну, гдѣ тебѣ быть съ рыбаками! Ступай-ка лучше къ бабамъ... вотъ онѣ... ступай-ка-сь туда... онѣ же кстати тебя и умоютъ! заключилъ старый рыбакъ, подтрунивая надъ сыномъ и указывая ему рукою на отдаленную груду камней, изъ-за которой раздавался дружный стукъ вальковъ и время отъ времени показывались головы Анны и снохи ея.

Мальчикъ стыдливо потупилъ голову и молча поплелся къ матери.

— А должно быть шустеръ твой мальчишка-то, сватъ Акимъ, не тебѣ чета! началъ Глѣбъ, снова принимаясь за работу,— вишь, какъ отдѣлалъ моего парня-то... Да и лукавъ же, видно, даромъ отъ земли не видокъ: „поди— говоритъ — тятька зоветъ!“ Смотри, не напроказилъ бы тамъ чего.

— И-и-и, батюшка, куды! я чай, онъ теперь со страху-то забился въ уголокъ, либо въ лукошко, и смигнуть бо-

ится. Вѣдь онъ это такъ только... знамо, ребятеночки!.. повздорили за какое слово, да давай таскать... А то и мой смиренъ, куда-те смиренъ! отвѣчалъ дядя Акимъ, стараясь, особенно въ эту минуту, заслужить одобреніе рыбака за свое усердіе, но со всѣмъ тѣмъ не переставая бросать безпокойные взгляды въ ту сторону, гдѣ находился Гришутка.

Ванюша между тѣмъ, обмытый и обласканный матерью, успѣлъ уже забыть свое горе, и вскорѣ звонкій, веселый голосокъ его смѣшался со стукомъ вальковъ, которому, въ свою очередь, съ другого конца площадки, отвѣчало постукиванье четырехъ молотковъ, приводившихъ къ концу законопачиванье лодки.

Солнце приближалось уже къ полудню.

— Шабашъ, ребята! весело сказалъ Глѣбъ, проводя ладонью по краю лодки, — теперь не грѣхъ намъ отдохнуть и пообѣдать. Нутка-сь, пока я закричу бабамъ, чтобъ обѣдъ собирали, пройдите-ка еще разокъ вонъ тотъ бортъ... ну, живо! дружнѣй! Богъ труды любитъ! заключилъ онъ, поворачиваясь къ женѣ и посылая ее въ избу.—Ну, ребята, что тутъ считаться! подхватилъ рыбакъ, когда его хозяйка, спеха и Ваня пошли къ воротамъ,—давайте-ка, и я вамъ подсоблю... Молодца, сватушка Акимъ! такъ! сажай ее, паклю-то, сажай! Что ее жалѣть!.. еще, еще!

И четыре молотка, какъ бы подстрекаемые веселымъ смѣхомъ стараго рыбака, застучали еще пуще прежняго.

Внезапно съ середины двора раздался пронзительный, отчаянный крикъ. Въ ту же секунду изъ растворенныхъ воротъ выбѣжали Анна, жена Петра и Ваня.

— Пожаръ! пожаръ! горимъ! кричали они, отчаянно размахивая руками.

Молотки выпали изъ рукъ четырехъ работниковъ, пораженныхъ ужасомъ. Глѣбъ быстрѣе юноши поднялся на ноги; онъ былъ блѣденъ какъ полотно.

— Съ нами крестная сила! пробормоталъ онъ, крестясь дрожащею рукой, между тѣмъ какъ сыновья его и Акимъ бѣжали къ избѣ.

Секунду спустя онъ бросился за ними.

На дворѣ происходила страшная суматоха. Жена Петра бѣгала, какъ полоумная, изъ угла въ уголъ, безъ всякой видимой цѣли; старуха Анна лежала распростертая посередь двора и, заломивъ руки па голову, рыдала, приговаривая:

— О-охъ, вы, мои батюшки!.. остались-то мы, горькіе... безъ крова, безъ пристанища... и куда-то мы, сиротинушки, куда приклонимъ головы!..

Нигдѣ, однакожъ, не было замѣтно признака пожара.

— Гдѣ горитъ? закричалъ Петръ, вбѣжавшій прежде всѣхъ на дворъ.

Петръ, казалось, выросъ на цѣлый аршинъ; куда дѣвался сонливый, недовольный видъ его! черные глаза сверкали; каждая черта дышала суровою энергіею.

— Гдѣ горитъ? повторилъ онъ грознымъ жестомъ.

— Въ избѣ!

— Въ избѣ, въ избѣ! подхватилъ Ваня.

— Батюшка! крикнулъ Петръ, обращаясь къ отцу, который вбѣгалъ въ эту минуту на дворъ, блѣдный и смущенный, — ступай къ завалинкѣ и вышибай окна; я съ братомъ въ избу!

Сказавъ это, онъ бросился на крылечко и исчезъ въ дымѣ, который повалилъ клубами изъ сѣничекъ, какъ только отворилась дверь.

Благодаря поспѣшно выбитымъ окнамъ и отворенной двери, дымъ очистился и позволилъ Петру осмотрѣться вокругъ. Пламени нигдѣ не было видно. Посреди сѣраго, ѣдкаго смрада, наполнявшаго избу, Петръ явственно различилъ густую, бѣловатую струю дыма, выходившую изъ-подъ лавки, прислоненной къ окнамъ. Онъ бросился къ тому мѣсту, нащупалъ руками лукошко съ тлѣющими щепками и паклею, вытащилъ его на полъ и затопталъ ногами. Въ избѣ сдѣлалось тотчасъ же свѣтлѣе. Осмотрѣвъ затѣмъ мѣсто и убѣдившись, что не предстояло уже никакой опасности, Петръ спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся на дворъ.

— Полно, матушка, сказалъ онъ, обратившись къ старухѣ, — никакого нѣтъ пожара; полно тебѣ выть! сама посмотри.

— Батюшки! Царица небесная! воскликнула старушка, падая на колѣни, и боязливо, все еще какъ бы глазамъ не вѣря, принялась озираться во всѣ стороны.

— Ступай, сама посмотри, повторилъ Петръ.

Затѣмъ онъ указалъ ей на крыльцо, мигнулъ женѣ и вышелъ къ отцу, который стоялъ какъ вкопанный подлѣ дяди Акима.

— Ничего, батюшка, вымолвилъ Петръ,—сошло; а толь-

ко... только насъ подожгли, заключилъ онъ мрачно, насупивъ брови.

Онъ разсказалъ ему обстоятельно причину чуть было не случившагося несчастія.

— Гдѣ Гришка? вскричалъ Глѣбъ, какъ бы озаренный внезапною мыслью.—Гдѣ Гришка? повторилъ онъ, неожиданно обратившись къ дядѣ Акиму и грозно подымая кулаки.

Акимъ раскрылъ ротъ, хотѣлъ что-то сказать, затрясся всѣмъ тѣломъ и безсмысленно развелъ руками.

Петръ и Василій бросились отыскивать мальчика.

Минутъ десять спустя, оба вернулись къ отцу.

Гришки нигдѣ не было.

— Такъ и есть: онъ! сказалъ рыбакъ.

— Батюшка! отчаянно вскрикнулъ дядя Акимъ и повалился въ ноги.

— Ну, вотъ еще будешь намъ разсказывать! Онъ, вѣстимо, онъ! ахъ, онъ... Ребята, давай мнѣ его сюда, давай сюда!.. ступай, догоняй; всего одна дорога; да живо... испуганъ звѣрь, далеко бѣжитъ... Ну!

Дядя Акимъ быстро вскочилъ на ноги и кинулся уже впередъ; но рыбакъ удержалъ его, сказавъ:

— Куда тебѣ! стой здѣсь: вѣдь Васька попрытчѣе твоего сбѣгаетъ.

Какъ ни ошеломленъ былъ Глѣбъ, хотя страхъ его прошелъ вмѣстѣ съ опасностью, онъ тотчасъ же смекнулъ, что Акимъ, запуганный случившимся, легко могъ улизнуть вмѣстѣ съ мальчикомъ; а это, какъ извѣстно, не входило въ составъ его соображеній: мальчику можно задать таску и разъ навсегда отучить его баловать,—выпускать его изъ рукъ все-таки не слѣдъ. Простой народъ, не только русскій, но вообще всѣ возможные народы, вѣроятно, по недостаточному развитію нравственнаго чувства и совершенному отсутствію нравственнаго мнѣнія, снисходительно смотрятъ на проступки ближняго, къ какому бы роду ни принадлежали эти проступки. Послѣ перваго взрыва, отношенія Глѣба къ Акиму и его мальчику ни на волосъ не измѣнились; мужики, что дѣти: страхъ, ненависть, примиреніе, дружба,— все это переходитъ необыкновенно быстро и непосредственно слѣдуетъ одно за другимъ.

„Парнишка балуется,—чуть было не набѣдовалъ! надо прожустерить парнишку“ — вотъ все, о чемъ помышлялъ рыбакъ.

Василій, побуждаемый частію любопытствомъ, частію перспективой зрѣлища, которое, по всей вѣроятности, доставитъ наказаніе Гришки,—перспективой, доставляющей всегда большое удовольствіе всякому простолюдину, даже самому мягкосердечному, полетѣлъ безъ оглядки за бѣглецомъ.

Дядя Акимъ опустился на заваленку, закрылъ лицо руками и безнадежно качалъ головою. Онъ и самъ уже не радъ былъ (куды какая радость!), что приплелся въ домъ рыбака. Въ эту минуту онъ нимало не сокрушался о поступкѣ сына: горе все въ томъ, что вотъ сейчасъ, того и смотри, поймаютъ парнишку, приведутъ и накажутъ. Дядя Акимъ, выбившійся изъ силъ, готовый, какъ самъ онъ говорилъ, уходить себя въ гробъ, чтобъ только Глѣбъ Савинычъ далъ ему хлѣбъ и пристанище, а мальчику ремесло,—радъ былъ теперь отказаться отъ всего, съ тѣмъ только, чтобъ не трогали Гришутку; если бъ у Акима достало смѣлости, онъ вѣрно утекъ бы за мальчикомъ. При малѣйшемъ звукѣ, онъ подымалъ голову, и слезливые глазки его съ безпокойствомъ устремлялись на тропинку, изгибавшуюся къ вершинѣ ската. Впрочемъ, не онъ одинъ убивался. Тетка Анна и сынъ ея Ванюша принимали также не малое участіе въ судьбѣ, ожидавшей Гришку. Старушка, у которой уже совсѣмъ прошелъ страхъ и отлегло сердце, поминутно отрывалась отъ дѣла и выбѣгала за ворота. Ваня, прижавшись за плетнемъ, дрожа отъ страха и едва сдерживая слезы, не отрывалъ глазъ отъ тропинки.

Наконецъ, на вершинѣ ската показались двѣ точки; немного погодя, можно уже было явственно различить Василія, который съ усиліемъ тащилъ Гришку. Въ то же время на дворѣ раздался грубый голосъ Петра:

— Поймали, батюшка; ведутъ!

Глѣбъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ семействомъ, кромѣ Ванюши, вышелъ къ заваленкѣ.

Въ чертахъ рыбака не отражалось ни смущенія, ни суровости. Чувство радости быстро смѣняетъ отчаяніе, когда минуетъ горе, и тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ оно душою и сердцемъ, чѣмъ сильнѣе была опасность. Глѣбъ Савиновъ былъ даже веселѣе обыкновеннаго.

Онъ съ усмѣшкою посмотрѣлъ на Акима, повернулся къ горѣ и, приложивъ ладони къ губамъ, въ видѣ трубы, закричалъ:

— Тащи его сюда, Васютка, тащи скорѣй! такъ, такъ! держи крѣпче!.. Ну, ужъ погоди, братъ, я-жъ те дамъ баню! заключилъ онъ, выразительно изгибая густыя свои брови.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, помилуй! сказалъ Акимъ растерянным голосомъ.

— Помиловать? Ну, нѣтъ, сватъ; жди, пока ракъ свистнетъ!.. Миловать не приходится. Я потачки не дамъ... Отжустерить-таки надо на порядкахъ. Зналъ бы по крайности, что баловать не дѣло дѣлать!

— Отецъ родной... не бей его... не бей, кормилецъ!.. ты только постращай, только... онъ и съ эвтаго перестанетъ...

— Полно, батюшка. Ну, что ты, въ самомъ-то дѣлѣ! Онъ и такъ бояться станетъ, сказала, въ свою очередь, Анна.

— И ты туда же! Ну, видно, и въ твоей головѣ толкъ есть! отозвался Глѣбъ.

— Нѣтъ, матушка, не дѣло говоришь, перебилъ Петръ, лицо котораго, какъ только миновала опасность, сдѣлалось попрежнему мрачнымъ и недовольнымъ,—этакъ, пожалуй, не вѣсть что въ башку заберетъ! Пущай его страха отвѣдаетъ. Небось, не убьютъ.

Въ эту минуту изъ-за угла избы показался Василій, тащившій Гришку.

На мальчикѣ лица не было. Открытая грудь его тяжело дышала; ноги подламывались; его черные, дико блуждавшіе глаза, всклоченные волосы, плотно стиснутые зубы, придавали ему что-то злобное, неукротимо-свирѣпое. Онъ былъ похожъ на дикую кошку, которую только что поймали и посадили въ клѣтку.

— Ага, мошенникъ, попался! Давай-ка его сюда! закричалъ Глѣбъ, у котораго, при видѣ мальчика, невольно почему-то затряслись губы,—пойдемъ-ка, я тебя проучу, какъ щепы подкладывать, да дома поджигать... Врешь, не увернешься... Ребята, подсобите стащить его къ заднимъ воротамъ, заключилъ онъ, хватая мальчика за шиворотъ и приподымая его на воздухъ.

— Батюшка, помилуй! отчаянно закричалъ дядя Акимъ, удерживая рыбака.

— Взмилуйся, Глѣбъ Савинычъ! завопила Анна.

— Тятька! закричалъ неожиданно Ваня, вырываясь изъ своей засады, бросаясь къ отцу и повиснувъ на рукѣ его,—

тятька, оставь его!.. Пусти! пусти!.. продолжалъ онъ, обливаясь слезами и стараясь оторвать Гришку.

— Прочь! сурово сказалъ отецъ,—прочь!

И, оттолкнувъ отъ себя жену и сына, вышелъ къ огороду.

Анна, дядя Акимъ и Ванюша бросились къ воротамъ; но ихъ снаружи придерживали Петръ и Василій.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, побойся Бога! кричала старушка.

— Батюшка, взмилуйся! кричалъ Акимъ, упавъ на колѣни.

— Тятька! тятька! голосилъ Ваня.

Но всѣ эти крики покрылись скоро голосомъ Глѣба и жалобными визгами Гришки.

Наконецъ, ворота отворились, и Глѣбъ показался съ сыновьями.

— Полно вамъ, глупые! о чемъ орете? добру учатъ! сказалъ онъ, проводя ладонью по высокому лбу, который снова началъ проясниваться.—Небось, не умретъ, будетъ только поумнѣе. Кабы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынъ переросъ!.. Ну, будемъ вамъ; пойдемте обѣдать.

Дядя Акимъ хотѣлъ было юркнуть за ворота, но, встрѣтивъ взглядъ рыбака, не посмѣлъ и поплелся за всѣми въ избу.

Во все время обѣда Акимъ не промолвилъ слова, хотя сидѣлъ такъ же неспокойно, какъ будто его самого высѣкли. Какъ только окончилась трапеза, онъ улучилъ свободную минуту и побѣжалъ къ огороду. Увидѣвъ Гришку, который стоялъ прислонившись къ углу, старикъ боязливо оглянулся на стороны и подбѣжалъ къ нему, отчаянно замотавъ головою.

— Безмятежный ты этакой! что ты надѣлалъ! ахъ ты, разбойникъ такой!.. мало тебѣ, окаянному! мало! жалобно заговорилъ Акимъ, грозно подымая лѣвую руку, между тѣмъ какъ правая рука его спѣшила вытащить изъ-за пазухи кусокъ лепешки, захваченный украдкою во время обѣда.

Но тетка Анна успѣла уже предупредить Акима: въ рукахъ мальчика находилась цѣлая лепешка и вдобавокъ еще горбушка пирога.

Это обстоятельство мгновенно какъ ножомъ отрѣзало безпокойство старика. Всю остальную часть дня работалъ онъ такъ же усердно, какъ утромъ и наканунѣ. О слу-

чившемся не было и помину. Выходка Гришки, какъ уже сказано, нимало не измѣнила намѣреній стараго рыбака; и хотя онъ ни словомъ, ни взглядомъ не обнадеживалъ Акима, тѣмъ не менѣе, однакожъ, продолжалъ оставлять его каждое утро у себя въ домѣ.

Недѣли полторы спустя послѣ Благовѣщенія, Петръ отправился въ „рыбацкія слободы“. Всѣ сомнѣнія исчезли при этомъ въ душѣ Акима, который съ той же минуты поздравилъ себя батракомъ рыбака Глѣба Савинова.

Къ сожалѣнію, недолго попользовался дядя Акимъ новымъ своимъ положеніемъ.

VII.

Мастакъ-работникъ.

Одного мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ дядя Акимъ поселился у Глѣба, и уже надъ кровлей рыбака воздвиглась скворечница. Мы будемъ говорить безпристрастно и тутъ же скажемъ, что скворечница дяди Акима должна была, по-настоящему, служить образцомъ всѣмъ возможнымъ постройкамъ такого рода. Шутки въ сторону: скворечница была дѣйствительно замѣчательна; ея островерхая крышечка, круглое окошечко, крылечко и даже пучокъ прутьевъ, живописно прикрѣпленный сбоку, невольно привлекали взгляды, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ въ строителѣ величайшаго знатока и мастера своего дѣла. Конечно, обошлось не безъ хлопотъ; потребовались даже два воскресенья. Первый день проведенъ былъ на дворѣ и весь ушелъ на распилку и сколачиванье дощечекъ; второй день исключительно проведенъ былъ Акимомъ на крышѣ. Принявъ въ соображеніе усердіе Акима, можно было подумать, что онъ сохранялъ въ душѣ своей непремѣнную увѣренность превратиться на-дняхъ въ скворца и снаряжалъ скворечницу для себя собственно. Трудъ Акима, какъ и слѣдовало ожидать, не возбуждалъ большого сочувствія; появленіе скворечницы встрѣчено было грубыми насмѣшками. Глѣбъ и сынъ его Василій не переставали трунить надъ Акимомъ. Но таковъ уже удѣлъ всѣхъ великихъ произведеній при ихъ зародышѣ! Судите сами, если Глѣбъ и его сынъ были правы.

Наступило именно то время весны, когда съ теплыхъ странъ возвращались птицы; жаворонки неподвижно уже стояли въ небѣ и звонко заливались надъ проталинками;

ласточки и бѣлые рыболовы, или „мартышки“, какъ ихъ преимущественно называютъ на Окѣ, сновали взадъ и впередъ надъ рѣкою, которая только что вступила въ берега свои послѣ недѣльнаго розлива; скворцы летали цѣлыми тучами; грачи также показались. Можно ли было послѣ этого обойтись безъ скворечницы? Къ тому же, дядя Акимъ ясно, кажется, объяснилъ Глѣбу и Василью, что трудился надъ скворечницей единственно съ тѣмъ, чтобы потѣшить ребятишекъ; по ему какъ словно не давали вѣры и все-таки продолжали потѣшаться. Къ счастію еще дядя Акимъ не обращалъ (такъ казалось, по крайней мѣрѣ) большого вниманія на такія насмѣшки: гордый сознаніемъ своихъ силъ, онъ продолжалъ трудиться на поприщѣ пользы и съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе обозначалъ свое присутствіе въ домѣ рыбака. Вскорѣ весь домъ и вся окрестность наполнились звукомъ тѣхъ дудочекъ, которыя такъ искусно умѣлъ онъ дѣлать. Пискъ и трескотня немолчно зазвучали въ ушахъ Глѣба Савинова. Куда бы еще ни шло, если бъ потѣшались только Гришка и Ванюшка: легко было отбить у нихъ охоту къ музыкѣ; къ тому же и сами они умолкали, завидя еще издали стараго рыбака. Но горе въ томъ, что дѣти Петра были точно такъ же снабжены дудками, и Глѣбъ, не имѣя духу отнять у малолѣтнихъ потѣху, поневолѣ долженъ былъ выслушивать несносный визгъ, наполнявшій избу. Глѣбъ не обнаружилъ, однакожъ, своего неудовольствія Акиму: все ограничилось, по обыкновенію, двумя-тремя прибаутками и смѣхомъ; то же самое было въ отношеніи къ другимъ, болѣе или менѣе полезнымъ выдумкамъ работника. Съ нѣкоторыхъ поръ, въ одеждѣ дяди Акима стали показываться замѣтныя улучшенія: на шапкѣ его, не заслуживавшей, впрочемъ, такого имени, потому что ее составляли двѣ-три заплаты, живьемъ прихваченныя бѣлыми нитками, появился вдругъ верхъ изъ синяго сукна; у Гришки оказалась новая рубашка и, что всего страннѣе, у рубашки были ластовицы, очевидно, выкроенныя изъ набивного ситца, купленнаго годъ тому назадъ Глѣбомъ на фартукъ женѣ; кромѣ того, онъ не разъ заставалъ мальчика съ кускомъ лепешки въ рукахъ, тогда какъ въ этотъ день въ домѣ о лепешкахъ и помину не было. Встрѣчаясь съ женою, старый рыбакъ посмѣивался только въ бороду; въ остальномъ онъ и виду не показывалъ. Тайна такого снисхожденія заключалась въ томъ, что ры-

бакъ убѣждался съ каждымъ днемъ, какъ хорошо сдѣлалъ, взявъ къ себѣ пріемыша. Мальчикъ былъ, правда, озорливъ, но обнаруживалъ необыкновенную смѣтливость, силу и проворство, обѣщавшія современемъ дюжаго, ловкаго къ работѣ парня. Что жъ касается до Акима, Глѣбъ Савинычъ и прежде еще не видѣлъ въ немъ проку; время показало, что дядя Акимъ былъ годенъ только дѣлать однѣ скворечницы. Странно какъ-то выходило всегда, что труды его ровно ни къ чему не служили. Иной разъ цѣлый день хлопочетъ подлѣ какого-нибудь дѣла, суетится до того, что потъ валитъ съ него градомъ, а какъ придетъ домой, такъ и скосится и грохнетъ на лавку, ногъ подъ собой не слышитъ; но сколько Глѣбъ или сынъ его Василій ни умудрялись, сколько ни старались высмотрѣть, надъ чѣмъ бы могъ такъ упорно трудиться работникъ, дѣла все-таки никакого не находили.

— Эхъ ты, сватьюшка Акимъ, сватьюшка Акимъ, высоко поднялъ, братъ, да опустилъ низко; вожжи-то въ рукахъ у тебя,—въ рукахъ вожжи, да жаль, возъ-то подъ горою!.. Эхъ, пустой выходишь ты человѣкъ, братецъ ты мой! скажетъ Глѣбъ Савиновъ, махнетъ рукой да и отойдетъ прочь.

Со всѣмъ тѣмъ Акимъ продолжалъ такъ же усердно трудиться, какъ въ первые дни пребыванія своего въ домѣ рыбака: прозвище „пустого человѣка“, очевидно, было ему не понутру.

Не знаю, прискучило ли, наконецъ, дядѣ Акиму слушать каждый день одно и то же; или ужъ такъ, духомъ упалъ онъ, что ли, но только, мало-по-малу, стали замѣчать въ немъ меньше усердія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и нравъ его какъ-то измѣнялся. Бывало, шутливый такой, грохочетъ съ утра до вечера, съ ребятишками возится, или выйдетъ за ворота скворцомъ позабавиться: „Эхъ, самецъ-то у меня хорошъ—скажетъ—вотъ развѣ самка бы не опростоволосилась: не сидитъ, шутъ ее знаетъ, на яйцахъ! Нѣтъ, не дождаться, знать, птенцовъ! Такъ, знать, ни во что пошли труды наши!“ и частенько выкинетъ при этомъ такое колѣнцо, что всѣ держатся только за бока и чуть не мрутъ со смѣху. Ну, а теперь совсѣмъ не то: ходитъ—на бокъ голову клонитъ, какъ словно кто обидѣлъ его, или замыселъ какой на душѣ имѣетъ; слова не вызовешь: все опостыло ему,—опостыла даже и самая скворечница. Несмотря на то, что сбылись задушевныя мечты его —

самка не только не опростоволосилась, но вывела даже множество птенцовъ, которые поминутно высовывали изъ окошечка желтые носочки — дядя Акимъ не думалъ радоваться.

— Что ты, мой батюшка? спрашивала иногда тетка Анна, единственное существо изъ всего семейства рыбака, съ которымъ дядя Акимъ сохранялъ прежнія отношенія.— Что не веселъ ходишь? Ужъ не хвороба ли какая, помилуй Богъ? Недужится, може статься... скажи, родимый!

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ обыкновенно Акимъ глубоко огорченнымъ тономъ, — Господь терпитъ пока грѣхамъ—силы не отымаетъ. Однимъ развѣ наказалъ меня, грѣшнаго...

— Да чѣмъ же, батюшка?

— А вотъ чѣмъ, матушка, отвѣчалъ Акимъ съ горькою усмѣшкой и всегда вздыхалъ при этомъ,—вотъ чѣмъ: старость наслалъ, матушка. Оно не то, чтобъ добре старъ сталъ: какіе еще мои года! да такъ ужъ, видно, для людей состарѣлся. И дѣлаешь, кажись, не хуже другого, а все не угодишь, все по-ихнему какъ бы не такъ выходитъ! То не такъ, это не такъ: не въ угоду, стало, пришелъ. И добро бы, матушка, старые люди такъ-то осуждали: ну, все бы какъ словно не такъ обидно! а вѣдь иной вотъ живетъ безъ году недѣлю, молоко на губахъ не обсохло, а туда же лѣзетъ тебѣ въ бороду... Вотъ, примѣрно, теперь хошь бы твой Васька... Ну, что я ему дался за скоморохъ такой? чего онъ привязался?.. Нѣтъ, матушка, такъ, видно, завелось понѣ на свѣтѣ: дожилъ до старости, нѣтъ тебѣ ни въ чемъ уваженья, никуда ты негоденъ!.. Я и тогда говорилъ: намъ, старикамъ, житья понѣ отъ молодыхъ не стало... Добре много развелось ихъ, матушка,—вотъ что!

Въ послѣднее время дядя Акимъ особенно какъ-то не благоволилъ къ Василью. Нерасположеніе это, начавшееся съ того самаго утра, когда парень догналъ и притащилъ Гришку, дѣлалось съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Василій, подстрекаемый примѣромъ отца, подтрунилъ разочка два надъ Акимомъ. Тѣмъ бы, можетъ-статься, дѣло и покончилось, если бъ Акимъ не показалъ виду; но Акимъ, таившій всегда недоброжелательство къ молодому парню, не выдержалъ: онъ обнаружилъ вдругъ такой азартъ, что всѣ, кто только ни находились при этомъ, даже Ванюша и его собственный Гришутка,—всѣ покати-

лись со смѣху. Это, какъ водится всегда въ подобныхъ случаяхъ, пуще еще раззадорило молодого парня. Сначала дядя Акимъ огрызался; наконецъ, стало не подъ силу: онъ замолкъ и уже съ этой минуты сталъ отворачиваться всякій разъ, какъ встрѣчался съ Васильемъ.

Все шло, однакожъ, хорошо до тѣхъ поръ, пока Акимъ продолжалъ мало-мальски трудиться. Глѣбъ молчалъ. Увѣрившись разъ навсегда, что отъ свата пельзя было многаго требовать, онъ наблюдалъ только, чтобы сватъ не ѣлъ даромъ хлѣба. Такъ прошло два мѣсяца. Не знаю, можетъ-статься, Акиму показалось, наконецъ, обиднымъ невниманіе Глѣба или, попросту, прискучило долго жить на одномъ мѣстѣ, или же, наконецъ, такъ ужъ совсѣмъ упалъ духомъ, но только къ концу этого срока сталъ онъ обнаруживать еще меньше усердія. Наступилъ ли праздникъ, онъ уходитъ ни свѣтъ ни заря изъ дому и цѣлый день на глаза не показывается. Нѣсколько разъ случалось даже пропадать ему дѣнъ на пятокъ и подолѣе. Никто не зналъ, куда онъ ходитъ и за какою надобностью. Если спрашивали его объ этомъ, онъ отвѣчалъ обыкновенно, съ явнымъ неудовольствіемъ, что есть у него свои дѣла, что идетъ получать какіе-то должишки, или провѣдать идетъ такого-то, или же, наконецъ, что тотъ-то строго наказывалъ ему безпремѣнно навѣстить жену и дѣтей, и проч., и проч. Зная Акима, никто не сомнѣвался, что всѣ эти объясненія сущія выдумки. Возвращался онъ обыкновенно въ домъ рыбака измученный, усталый, съ загрязненными лаптишками и разбитой поясницей, — ложился тотчасъ же на печку, стоналъ, охалъ и такъ крѣпко жаловался на ломоту въ спинѣ, какъ будто въ томъ мѣстѣ, куда ходилъ получать должишки, ему должны были нѣсколько палокъ и поквитались съ нимъ, высчитавъ даже проценты. Такія продѣлки повторялись чаще и чаще; вмѣстѣ съ ними усиливался ломъ въ поясницѣ, сопровождавшійся всегда долгимъ возлежаніемъ на печкѣ.

— Послушай-ка, сватъ, сказалъ Глѣбъ, потерявшій наконецъ терпѣніе, — что жъ ты это, въ самомъ дѣлѣ, а? Помнится, ты не то сулилъ, когда въ домъ ко мнѣ просился. Гдѣ жъ твои зароки?.. Лежебоковъ и безъ тебя много; кабы всѣхъ ихъ да къ себѣ въ домъ пущать, скоро и самому придется итти по міру... Ты думаешь, далъ Господь человѣку ротъ да брюхо, дастъ и хлѣбъ. Нѣтъ, братецъ ты мой любезный, жирно будетъ! На это я тебѣ

скажу вотъ еще какое слово: когда хочешь жить у меня, работай — дома живу, какъ хочу, а въ людяхъ, какъ велятъ; а коли нелюбо, убирайся отселева по добру по здорову... вотъ что!

Акимъ ничего не отвѣчалъ; онъ тотчасъ же сѣлъ за дѣло, но весь этотъ день былъ сумраченъ и ни съ кѣмъ слова не промолвилъ.

Вечеромъ, послѣ ужина, онъ встрѣтился съ Анной, въ томъ самомъ проулкѣ, гдѣ нѣкогда высѣкли Гришку.

Выждавъ минуту, когда хозяйка подойдетъ къ нему (видно было по всему, что дядя Акимъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать перваго приступа), онъ тоскливо качнулъ головой и сказалъ голосомъ, въ которомъ проглядывало явное намѣреніе разжалобить старуху:

— Прощай, матушка, Анна Савельевна!

— Что ты, мой батюшка? куда ты? Христосъ съ тобою! воскликнула удивленная старуха.

— Да что, матушка, пришло, знать, время, пора убираться отселева, уныло отвѣчалъ Акимъ.—Самъ попъ сказалъ: убирайся, говоритъ, прочь отселева! Ненадыть, говоритъ, тебя, стараго дурака: даромъ, говоритъ, хлѣбъ ѣшь!.. Ну, матушка, Богъ съ нимъ! Свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Пойду: авось-либо въ другомъ мѣстѣ гнушаться не станутъ, авось пригожусь, спасибо скажутъ.

— Полно, Акимушка, полно, касатикъ! брось это! заговорила старуха, которая хотя и знала, что родственникъ ея напрасно жаловался на мужа и дѣйствительно въ послѣднее время ѣлъ даромъ хлѣбъ, но со всѣмъ тѣмъ искренно жалѣла о немъ и всячески старалась удержать его.—Брось это, говорю; тебѣ это, родной, такъ только въ голову вкинулось; полно! Въ чужихъ людяхъ хуже еще горя напринимаешься: тамъ тебѣ даромъ и рубашонки-то никто не вымоетъ. Но крайности хошь я здѣсь: малость, малость, а все приглянусь... вѣстимо, свой человѣкъ, не чужакъ какой.

— Спасибо тебѣ, матушка, на ласковомъ твоемъ словѣ, перебилъ Акимъ.—Я о тебѣ не говорю: вѣкъ буду помнить добро твое. А только, воля твоя, мнѣ здѣсь жить не приходится; такъ ужъ, видно, такая судьба моя!.. Самъ сказалъ: ступай, говоритъ... И самъ вижу, лишній я у васъ... то не такъ, это не такъ—ну, и не надыть! Что жъ, матушка, взаправду, въ худого коня кормъ тратить!.. На всѣхъ не угодишь, матушка, Анна Савельевна! Брань, да

попрекъ, да глумленіе всяческое,—только я здѣсь у васъ и слышалъ; спасиба не сказали! А за что? худыхъ какихъ дѣловъ за мной не было; супротивнаго слова никто не слышалъ; не воръ я, не пьяница я, не ахаверникъ какой: за что жъ такая напраслина? Трудился я не хуже ихняго: что велятъ, сдѣлаю; куды пошлютъ, иду; иной разъ ночь не спишь, все думается, какъ бы вотъ въ томъ, либо въ другомъ угодить... Богъ видитъ мою работу. Я ли не старался, я ли отнѣкивался отъ работы? ну, да не угодилъ, матушка, нѣтъ... такая ужъ, видно, судьба моя!.. Пойду, погляжу, авось-либо въ другомъ мѣстѣ пригожусь. А здѣсь, матушка, самъ вижу, я здѣсь лишній у васъ. Вѣдь самъ понѣ сказалъ: ступай, говоритъ, тебя мнѣ не надыть!

Тетка Анна принялась снова увѣщевать его; но дядя Акимъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи: онъ напрямикъ объявилъ, что ни за что не останется больше въ домѣ рыбака, и если поживетъ еще, можетъ статься, нѣсколько дней, такъ для того лишь, чтобъ пріискать себѣ новое мѣсто.

Случай не замедлилъ представиться.

Около этого времени, одно изъ самыхъ небольшихъ озеръ на луговой сторонѣ Оки было снято какимъ-то вольнымъ рыбакомъ, переселившимся изъ другого уѣзда. Благодаря близкому сосѣдству, Глѣбъ и новый рыбакъ свели знакомство. Озеро находилось всего въ двухъ верстахъ отъ площадки, занимаемой Глѣбомъ: стоило только переѣхать Оку, пройти четверть версты песками, усѣянными кустами ивняка, и еще три четверти версты лугами. Новый сосѣдъ имѣлъ мало общаго съ Глѣбомъ Савинычемъ. Кондратій (такъ звали озерскаго рыбака) былъ уже человѣкъ преклонный, самаго тихаго, кроткаго нрава; въ одномъ развѣ могли они сойтись: оба были одинаково трудолюбивы и опытны въ своемъ ремеслѣ. Кондратій съ перваго же разу полюбился Глѣбу, его женѣ и всему семейству. Особенно полюбилъ его дядя Акимъ. Онъ тутъ же рѣшилъ, что лучшаго хозяина не сыскать ему, и нимало не сомнѣвался, что самъ Господь нарочно послалъ Кондратія ему на выручку. Къ сожалѣнію, дядя Акимъ не могъ осуществить своихъ намѣреній такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось. Изъ разговоровъ Кондратія оказалось, что онъ занимается покуда еще стройкой, рыбную ловлю начнетъ съ осени и до того времени не будетъ, слѣдова-

тельно, нуждаться въ работникѣ. Дѣлать нечего, надо было потерпѣть. Хорошо еще, что терпѣть приводилось недолго: осень была уже на носу, чему яснымъ доказательствомъ служили длинныя, бѣлыя волокнистыя нитки тенетника, носившіяся въ воздухѣ, а также и дикіе гуси, вереницами перелетавшіе каждый день Оку. Близость цѣли подкрѣпляла Акима. Нимало не сомнѣваясь, что при малѣйшей оплошности съ его стороны, Глѣбъ Савинычъ вытуритъ его взашей изъ дому, и тѣмъ самымъ, можетъ статься, легко даже повредитъ ему во мнѣніи новаго хозяина, опъ снова принялся за работу. Надо сознаться, однакожъ, что усердіе Акима возбуждалось не столько послѣднимъ этимъ соображеніемъ, сколько страхомъ, который наводилъ на него, особенно въ послѣднее время, Глѣбъ Савинычъ. Дядя Акимъ харахорился только въ присутствіи Гришутки, Ванюши, да еще тетушки Анны,—ей одной передавалъ свои замыслы; въ присутствіи же стараго рыбака онъ сохранялъ постоянно свой жалкенькій, сиротскій видъ; одинъ взглядъ Глѣба обдавалъ его потомъ. По поводу этого страха, положеніе дяди Акима дѣлалось день-ото-дня затруднительнѣе. Наступила наконецъ осень; уже полились дожди, уже первый снѣгъ выпалъ, а между тѣмъ дядя Акимъ все еще не могъ придумать средства, какъ бы половчѣе высвободиться изъ когтей Глѣба Савиныча. Такъ, попросту, сказать ему: „не хочу, молъ, у тебя оставаться!“ духу не хватаетъ: осерчаетъ добре, даромъ что самъ гналъ отъ себя. Убѣжать? Глѣбъ Савинычъ не токмо за двѣ версты, и на днѣ окіана-моря сыщетъ. Завалиться безъ просыпу на печку и дожидаться, пока не вытурятъ тебя взашей изъ дому, какъ словно и того страшнѣе... Какъ тутъ быть? Не больно, кажись, мудрое дѣло, анъ — лихъ его! — не дается.

Но недолго помучился такъ-то дядюшка Акимъ: судьба сжалилась, видно, надъ нимъ и сама взялась распутать за него всѣ затрудненія.

Вотъ какъ это случилось.

Былъ одинъ изъ тѣхъ ненастныхъ, студеныхъ дней, какіе часто встрѣчаются къ концу осени, — одинъ изъ тѣхъ дней, когда самый опытный пахарь не скажетъ, зима ли наступила наконецъ, или все еще продолжается осень. Снѣгъ валилъ густыми, липкими хлопьями; гонимые порывистымъ, влажнымъ вѣтромъ, они падали на

землю, превращаясь мѣстами въ лужи, мѣстами подымаясь мокрыми сугробами; клочки сѣрыхъ, тяжелыхъ тучъ быстро бѣжали по небу, обливая окрестность сумрачнымъ свѣтомъ; печально смотрѣли обнаженные кусты; гдѣ-гдѣ дрожалъ одинокій листокъ, свернувшійся въ трубочку; еще печальнѣе вилась снѣжная дорога, пересѣченная кое-гдѣ широкими пятнами почернѣвшей вязкой почвы; тамъ синѣла холодною полосою Ока, дальше все застилалось снѣжными хлопьями, которыя волновались какъ складки савана, готоваго упасть и окутать землю... Въ такой-то именно день Глѣбу встрѣтилась крайняя надобность повидаться съ дѣдушкой Кондратіемъ: требовалось получить съ сосѣда деньжонки за солому, взятую имъ на покрышку кровли. Срокъ платежа вышелъ уже недѣлю тому назадъ, и хотя Глѣбъ нимало не сомнѣвался въ честности озерскаго рыбака, но считалъ, что все же надежнѣе, когда деньгà въ карманѣ; недолго гадая и думая, послалъ онъ туда дядю Акима. Онъ и самъ бы сходилъ—погода ни въ какомъ случаѣ не могла быть ему помѣхой,—но пожалѣлъ времени; безъ всякаго сомнѣнія, плохой его работникъ не могъ провести день съ тою пользою для дома, какъ самъ хозяинъ. Впрочемъ, дядя Акимъ самъ охотно вызвался сходить къ Кондратію.

Акимъ поспѣшно нахлобучилъ шапку, прикутался въ сермягу и вскорѣ исчезъ за снѣгомъ.

Никто не ждалъ отъ него скораго возвращенія: всѣ знали очень хорошо, что дядя Акимъ воспользуется случаемъ полежать на печи у сосѣда, и пролежитъ тѣмъ долѣе и охотнѣе, что дорога больно худа и вѣтеръ пуще студенъ. Никто не помышлялъ о немъ вплоть до сумерекъ; но вотъ уже и ночь давно наступила, а дядя Акимъ все еще не возвращался. Погода между тѣмъ становилась хуже и хуже; снѣгъ, превратившійся въ дождь, ручьями лилъ съ кровель и яростно хлесталъ въ окна избы; вѣтеръ дико завывалъ вокругъ дома, потрясая навѣсы и раскачивая ворота.

— Что же онъ нейдетъ въ самомъ-то дѣлѣ? ужъ, помилуй Богъ, не прилучилось ли чего? проговорила Анна, заботливо поправляя лучину.

— Эхъ ты, матушка ты моя, подсмѣиваясь, прибавилъ Глѣбъ, строгавшій у порога новое весло,—вѣстимо прилучилось: я чай, корчится сердечный,—зазябъ совсѣмъ, зубъ съ зубомъ не сведетъ... лежа на печи у сосѣда.

Василій, дѣтки и жена Петра громко захохотали.

Въ отвѣтъ на это, за дверью сѣней послышалось неожиданно глухое стенаніе.

Глѣбъ стукнулъ кулакомъ въ дверь и отворилъ ее настежь.

— Кто тамъ?

— Я... я... о-о! отозвался дрожащій, едва внятный голосъ, по которому всѣ присутствующіе тотчасъ же узнали дядю Акима.

Хозяйка схватила лучину, выбѣжала въ сѣни и, минуту спустя, ввела своего родственника.

Акимъ, дѣйствительно, корчился отъ стужи, но только не на печи Кондратія, а въ собственной сермягѣ, насквозь пропитанной дождемъ; вода лила съ него, какъ изъ жолоба. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва стоялъ на ногахъ.

— Ну, у-у, совсѣмъ, знать, разломило, сказалъ Глѣбъ, подпираясь весломъ и приподымаясь на ноги,—принесъ ли по крайности хоть деньги-то?

— У-у-у, отвѣчалъ Акимъ, прикладывая дрожащую руку къ пазухѣ и принимаясь трястись пуще прежняго.

— Ладно, вижу, промолвилъ рыбакъ (взялъ деньги, вынулъ ихъ изъ тряпицы и сосчиталъ).—Ладно, заключилъ онъ,—ступай скорѣй на печку... много трудовъ принялъ нонѣ, сватьюшка!.. Я чай, и завтра не переможешься: отдыхать да грѣться станешь?

Въ этотъ вечеръ много было смѣху, къ совершенному неудовольствію тетки Анны, которая не переставала вздыхать и ухаживать за своимъ родственникомъ. Но веселое расположеніе Глѣба превратилось, однакожъ, въ безпокойство, когда увидѣлъ онъ на другой день, что работникъ его не въ шутку разнемогся.

„Вотъ скучали, хлопотъ не было“,—думалъ рыбакъ,—„вотъ теперь и возись поди! что станешь съ нимъ дѣлать, коли онъ такъ-то у меня проваляется зиму? И диковинное это дѣло, право, какой человѣкъ такой: маленько дождемъ помочило—не вѣсть что сдѣлалось, весь распался, весь разнедужился... Эхъ! я и прежде говорилъ: пустой человѣкъ,—право пустой человѣкъ!“

Предчувствія не обманули Глѣба. Дядюшка Акимъ подавалъ надежду пролежать если не всю зиму, такъ по крайней мѣрѣ долгое время. Онъ лежалъ пластомъ на печи, не принималъ пищи, и лишь когда только мучила жажда, подавалъ голосъ. Такъ прошло нѣсколько дней.

Разъ вечеромъ, когда все семейство рыбака, поужинавъ, собиралось спать, съ печки нежданно послышались раздирающіе стоны.

— Чего тебѣ? петерпѣливо спросилъ Глѣбъ.

— Батюшка, проговорилъ Акимъ прерывающимся голосомъ,—чую... охъ... чую, смерть моя близко!.. не дайте... отцы... помереть безъ покаянія!..

Глѣбъ кивнулъ головою Василію, вышелъ съ нимъ въ сѣни и велѣлъ сходить какъ можно скорѣе въ Сосновку за священникомъ.

Минуту спустя, посреди свиста вѣтра и шума дождя, раздались шаги удаляющагося парня.

Василій возвратился съ священникомъ поздно въ ночь, на телѣгѣ. Исповѣдавшись и причастившись, больной какъ будто успокоился, и нѣсколько часовъ не слышно было его голоса. Но въ полдень стоны его раздались съ новой силой. Больной сталъ призывать по имени то того, то другого. Семейство рыбака, не выключая Василія, который только-что вернулся изъ Сосновки, окружило Акима, уже перенесеннаго на лавку подъ образа. Никто не плакалъ, но ни одно лицо не выражало равнодушія. Всѣ молча, задумчиво, смотрѣли на блѣдное, изрытое лицо больного, слегка освѣщенное сѣрымъ осеннимъ днемъ.

— Чего тебѣ, кормилецъ мой? спросила Анна, наклоняясь къ нему и едва сдерживая слезы.

— Гри... Гришутку!.. могъ только произнести умирающій.

Глѣбъ взялъ мальчика и поставилъ напротивъ лавки.

Дядя Акимъ устремилъ на него мутный, угасающій взоръ. Долго-долго смотрѣлъ онъ на него, приподнялъ голову, хотѣлъ что-то сказать, но зарыдалъ какъ дитя, и безсильно опустилъ голову, между тѣмъ какъ рука его, очевидно, искала чего-то поблизости.

— Полно, касатикъ! что убиваешься! авось, Богъ милостивъ... Полно! проговорила Анна, закрывая лицо фартукомъ.

Дядя Акимъ покачалъ головою, повернулся лицомъ къ мальчику и снова устремилъ на него потухающій, безжизненный взоръ.

— Смотри, Гриша, проговорилъ онъ наконецъ, дѣлая усилія, чтобы слова его внятно дошли до слуха присутствующихъ,—вотъ я скоро... Ты теперь одинъ останешься! смотри... слушайся во всемъ... Глѣба Савиныча... почитай его пуще отца... прощай... Гриша!.. Гриша!..

Дядя Акимъ взялъ руку мальчика, положилъ ее къ себѣ на грудь и, закрывъ глаза, помолчалъ немного. Слезы между тѣмъ ручьями текли по блѣднымъ, изрытымъ щекамъ его.

Въ той сторонѣ, гдѣ стояла Анна, послышались затаенныя рыданія.

— Глѣбъ, началъ снова дядя Акимъ, но уже совсѣмъ ослабѣвшимъ, едва внятнымъ голосомъ. — Глѣбъ, продолжалъ онъ, отыскивая глазами рыбака, который стоялъ между тѣмъ передъ самымъ лицомъ его,—тетушка Анна... будьте отцами... сирота!.. Тамъ рубашонка... новая осталась... отдайте... сирота!.. и сапожишки... въ каморѣ... все... ему!.. Гриша... о-охъ, Господи.

Дядя Акимъ хотѣлъ еще что-то сказать; но голосъ его сталъ мѣшаться, и рѣчь его вышла безъ складу. Одни мутные, потухающіе глаза все еще устремлялись на мальчика; но наконецъ и тѣ стали смежаться...

Глѣбъ перекрестился, сложилъ руки покойника, снялъ образъ и положилъ ему на грудь.

Дѣти, блѣдныя и дрожащія отъ страха, побѣжали, съ плачемъ и воемъ, въ сѣни.

Въ избѣ остались сноха, Глѣбъ, Василій и Анна, которая стояла уже на колѣняхъ и, обнявъ ноги покойника, жалобно причитывала.

Глѣбъ приказалъ Василью сходить на озеро за дѣдушкой Кондратіемъ и попросить его почитать псалтирь, а самъ тотчасъ же отправился заняться приготовленіями къ похоронамъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ онъ Гришу и Ваню. Оба терли кулаками глаза и заливались навзрыдъ.

— Полно, Гриша, сказалъ рыбакъ, гладя его по головѣ,—не плачь, слезами тутъ не пособишь... перестань... О чемъ плакать! Воля Божья...

— Какъ же не плакать-то, возразилъ Гришка, горько всхлипывая, — какъ же? вѣдь вотъ онъ одинъ сапогъ-то сшилъ, а другого не сшилъ... не успѣлъ... такъ одинъ сапогъ теперь и остался!

— Ну, есть о чемъ крушиться! Эхъ ты... глупый, глупый! Ну, а ты о чемъ? спросилъ онъ, поворачиваясь къ сыну.

— Какъ же, дядюшка-то? вѣдь, я чай, жаль его! отвѣчалъ Ваня, рыдая на весь дворъ.

Глѣбъ Савиновъ подавилъ вздохъ, провелъ ладонью по

высокому лбу и медленно пошелъ сколачивать гробъ для дядюшки Акима.

VIII.

Дѣтство.

...Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ савапомъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, возметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце, ненастье и слякоть, его сопровождающія, прискучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ непогодамъ. Но вотъ пришла наконецъ и „зимняя Матрена“, поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ „желѣзныхъ горъ“. Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахромою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окпа выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой

жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ или нужда велитъ идти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Котко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо взглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... „Прочь съ дороги!“ Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшечкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло и во всю скачь помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени.

Но въ рыбацкомъ ремеслѣ совсѣмъ иное дѣло. Рыбакъ вольнѣе пахаря, но зато ремесло его позаботливѣе. Онъ не знаетъ зимы. На озерахъ рубитъ онъ „окна“ (проруби), чтобъ рыба не мерла отъ „придухи“; на рѣкахъ расчищаетъ снѣгъ, высматриваетъ спящую, прижавшуюся ко льду щуку, „глушитъ“ ее обухомъ, взламываетъ ледъ и тащитъ свою добычу. Хлѣбецъ лежитъ себѣ да лежитъ въ закромѣ до красной цѣны, до сходнаго времени,—лежитъ и нечего кромѣ добра отъ него чаять. Рыба живая тварь: штука поймать ее, а сбыть еще мудренѣе. Подика таскайся съ нею по базарамъ, прикидывайся къ цѣнамъ: сегодня беремъ живьемъ, завтра давай мерзлую, а тронуло мало-мальски тепломъ, пошелъ ни съ чѣмъ. Хлѣбецъ вездѣ и всегда надобенъ; рыба не то: товаръ временной.

И ужъ зато какъ же радовался Глѣбъ, когда, покончивъ дѣла свои, померзнувъ день-деньской на стужѣ, возвращался къ вечеру въ избу и садился плесть свои сѣти. Въ эти долгіе зимніе вечера заходила иногда рѣчь о покойномъ дядѣ Акимѣ. Мало-по-малу, однакожъ, воспоминанія эти, сопровождавшіяся вначалѣ печальными возгласами тетки Анны, дѣлались рѣже и рѣже. Изрѣдка лишь, и то при случаѣ, Глѣбъ и Василій разскажутъ какую-нибудь выходку „мастака-работника“ (такъ, смѣясь, называли всегда покойника); но, слушая ихъ, уже рѣдко кто нахмуривалъ брови;—всѣ охотно посмѣивались, не выключая даже добродушной тетки Анны и пріемыша, который начиналъ уже привыкать къ новымъ своимъ хозяевамъ.

Сближеніе Гришки съ семействомъ рыбака происходило медленно. Онъ оставался на видъ все тѣмъ же полудикимъ, загрубѣлымъ мальчикомъ, продолжалъ попрежнему

глядѣть исподлобья и ни слова не произносилъ, особенно въ присутствіи Глѣба. Трудно предположить, однакожъ, чтобъ мальчикъ его лѣтъ, проживъ пять зимнихъ мѣсяцевъ постоянно, почти съ глазу на глазъ съ одними и тѣми же людьми, не сдѣлался сообщительнѣе или, по крайней мѣрѣ, не освободился частію отъ своей одичалости; это дѣло тѣмъ невѣроятнѣе, что каждое движеніе его, даже самые глаза, смотрѣвшіе исподлобья, но тѣмъ не менѣе прыткіе, исполненные зоркости и лукавства, обозначали въ немъ необычайную живость. Оно въ самомъ дѣлѣ такъ и было. Наступившее лѣто показало, что только постоянное присутствіе Глѣба, котораго боялся Гришка пуще огня, заставляло его прикидываться такимъ смирнячкомъ. Живой и буйный нравъ Гришки развернулся вполнѣ, какъ только ему и Ванѣ предоставлена была полная волюшка рыскать по окрестности. Свобода и нѣсколько глотковъ свѣжаго, вольнаго воздуха превратили, казалось, кровь его въ огонь: онъ жилъ какъ волченокъ, выпущенный въ поле. Новая жизнь, раздолье и просторъ самой мѣстности, пришлись ему, очевидно, болѣе по сердцу, чѣмъ скучныя деревушки и дымныя избы, въ которыхъ провелъ онъ съ Акимомъ первые годы своего дѣтства. Тутъ уже самый страхъ, наводимый на него Глѣбомъ, не въ силахъ былъ обуздать его рѣзвости. Жену Петра и Василія онъ въ грошъ не ставилъ. Надъ тетушкой Анной, которая иной разъ бралась увѣщевать его, онъ просто смѣялся. Гришка помыкалъ Ваней, какъ будто самъ былъ любимый хозяйскій сынъ, а тотъ—чужой сирота, Христа ради проживавшій въ домѣ. Онъ билъ и колотилъ его часто даже безъ всякой причины и удержа. Разъ дѣло зашло такъ далеко, что Ваня пожаловался матери; впрочемъ, и безъ этого, синяки Вани не преминули бы уличить Гришку. Тетка Анна погрозила разсказать все отцу. Къ вечеру Глѣбъ натеръ Гришкѣ вихры. На другое же утро у Анны пропали нитки и ножницы. Искали, искали—все напрасно. Наконецъ, послѣ трехъ дней безполезнаго шарканья по всѣмъ возможнымъ закоулкамъ, затерянные предметы были найдены между грядами огорода, куда, очевидно, забросила ихъ чья-нибудь озорная рука, потому что ни тетка Анна, ни домашніе ея не думали даже заходить въ огородъ. Гришка былъ шибко, больно наказанъ. Но на другой же день голосъ его снова загремѣлъ на дворѣ, и снова начались шалости. Въ играхъ и затѣяхъ всякаго рода онъ

постоянно первенствовалъ: онъ иначе не принимался за игру, какъ съ тѣмъ, чтобы возложили на него роль хозяина и коновода, и въ этихъ случаяхъ жутко приходилось всегда его товарищу; но стоило только Глѣбу напасть на слѣдъ какой-нибудь новой шалости и потребовать зачинщика на расправу, Гришка тотчасъ же складывалъ съ себя почетное званіе коновода и распорядителя, сваливалъ всю вину на сотрудника и выдавалъ его обыкновенно съ руками и ногами.

Со всѣмъ тѣмъ Ваня все-таки не отставалъ ни на шагъ отъ пріемыша; онъ даже терпѣливо сносилъ толчки и подзатыльники. Такое необычайное снисхожденіе могло происходить частію отъ того, что Гришка наводилъ страхъ на него, — частію, и это всего вѣроятнѣе, Ваня успѣлъ уже привязаться къ Гришкѣ всею силою своего дѣтскаго, любящаго сердца.

Теперь перейдемъ къ одному обстоятельству въ жизни двухъ мальчиковъ, которое, можно сказать, рѣшило впослѣдствіи судьбу ихъ.

Разъ какъ-то, въ прекрасный іюльскій день, Гришка и Ваня покачивались въ челнокѣ, который крѣпился къ берегу помощью веревочной петли, заброшенной за старое весло, водруженное въ песокъ. Но, можетъ быть, читатель не знаетъ, что такое рыбацкій челнокъ. Челнокъ рыбака совсѣмъ не то, что челнокъ обыкновенный: это — узенькая, колыхливая лодочка съ палубой, посреди которой вырѣзано круглое отверстіе, закрывающееся люкомъ; подъ этой палубой можетъ помѣститься одинъ только человѣкъ, да и то въ растяжку; въ лѣтнее время у рыбака нѣтъ другого жилища: ночи свои проводитъ онъ въ челнокѣ. Съ вечера забираетъ онъ „верши“ *), уѣзжаетъ въ рѣку, забрасываетъ ихъ, завязываетъ концы веревокъ къ челноку и бросаетъ маленькій якорь; послѣ этого рыбакъ крестится, растягивается на днѣ палубы, подостлавъ напередъ овчину, закрываетъ люкъ; тутъ, слегка покачиваясь изъ стороны

*) Родъ продолговатыхъ корзинъ, сплетенныхъ изъ хвороста; одинъ конецъ верши сведенъ конусомъ, другой открытъ для входа рыбы, которая не можетъ уже вернуться назадъ, задерживаемая другимъ плетенымъ изъ хвороста конусомъ, остріе котораго обращено внутрь. Сбоку придѣлано окошечко для вынманія рыбы. Къ острому концу верши привязывается камень для погруженія ея въ воду. Верша вынимается изъ воды помощью веревки, привязанной къ кольцу изъ хвороста.

въ сторону въ легкой своей „посудинѣ“, которая уступаетъ самому легкому вѣтерку и мельчайшей зыби, засыпаетъ онъ крѣпчайшимъ сномъ.

Гришка сидѣлъ на кормѣ челнока и, свѣсивъ смуглыя, худыя ноги свои черезъ бортъ, болталъ ими въ водѣ. Ваня сидѣлъ между тѣмъ въ трюмѣ, и наружу выглядывало только свѣжее, румяное личико его. Бѣлокурая голова мальчика, освѣщенная палящими лучами полуденнаго солнца, казалась еще миловиднѣе и нѣжнѣе посреди черныхъ, грубо высмоленныхъ досокъ палубы.

— Знаешь что, Ванюшка? сказалъ Гришка, неожиданно перебрасывая лѣвую ногу черезъ бортъ и садясь верхомъ на корму.

— Ну?

— Переѣдемъ на ту сторону.

— А тятька? произнесъ Ваня, поворачивая испуганные глаза на собесѣдника.

— Да вѣдь его теперь дома нѣтъ: въ Сосновку ушелъ.

— Ну, а какъ вернется?

— Глупый! да мы къ тому времени давно здѣсь будемъ.

И, не дожидаясь возраженій, онъ быстро скакнулъ на берегъ; но руки его никакъ не могли перекинуть петлю черезъ конецъ весла, и онъ принялся раскачивать его изо-всей мочи.

— Тронься только съ мѣста, сойди только, такъ вотъ тебя тутъ и пришибу! сказалъ онъ, показывая кулакъ Ванюшкѣ, который, испугавшись не на шутку дерзости предпріятія, карабкался изъ отверстія.

— Вишь какой! вѣдь, я чай, страшно.

— Чего?

— Ну, а какъ насъ вонъ туда — въ омутъ понесетъ! Батя и то сказывалъ: такъ, говоритъ, тебя завертитъ и завертитъ! какъ разъ на дно пойдешь! произнесъ Ваня, боязливо указывая на противоположный берегъ, гдѣ, между кустами ивняка, чернѣлъ старый пень ветлы.

— А зачѣмъ насъ туда понесетъ? я чай, мы будемъ грести наискось... Рази ты не видалъ, какъ братъ твой Василій управляется? Вишь: рѣка вонъ туда бѣжитъ, а мы вонъ туда станемъ грести,—все наискось, вонъ-вонъ, къ тому мѣсту—къ дубкамъ, гдѣ озеро.

— Да, ты думаешь рѣка-то узка? не управишься: потонемъ!

— А небось широка по-твоему? эхъ, ты! нетерпѣливо возразилъ Гришка.

Ширина большихъ рѣкъ, дѣйствительно, обманываетъ глазъ. Такъ бы вотъ, кажется, и переплылъ; а между тѣмъ, стоитъ только показаться баркѣ на поверхности воды или человѣку на противоположномъ берегу, чтобы понять всю огромность водяного пространства: барка кажется щепкой, голосъ человѣка чуть слышнымъ звукомъ достигаетъ слуха.

Весло, глубоко вбитое въ песокъ, плохо уступало, однакожъ, усиліямъ Гришки. Нетерпѣніе и досада отражались на смугломъ, остромъ лицѣ мальчика: обнявъ обѣими руками весло и скрежеща зубами, онъ принялся раскачивать его во всѣ стороны, между тѣмъ какъ Ваня стоялъ съ нерѣшительнымъ видомъ въ люкѣ и боязливо посматривалъ то на товарища, то на избу.

Наконецъ весло повалилось.

— Полно, Гришка! оставь лучше.

— А вотъ погоди... вотъ! отвѣчалъ пріемышъ, схватилъ весло, приперъ грудью челнокъ, пустилъ его на воду и однимъ прыжкомъ очутился на палубѣ.

На все это потребовалась одна секунда, и Ваня не успѣлъ опомниться, какъ онъ и его товарищъ были уже далеко отъ берега. Но сколько Гришка ни размахивалъ весломъ, заставляя своего товарища накренивать челнокъ то на одинъ бокъ, то на другой, ихъ понесло теченіемъ рѣки въ совершенно противоположную сторону отъ дубковъ. Сердце сильно застучало въ груди обоихъ мальчиковъ, когда увидѣли они себя такъ далеко отъ дома. Страхъ овладѣлъ ими еще пуще, когда челнокъ, вертясь и повинуясь быстрому теченію, сталъ приближаться къ черному пню старой ветлы. Гришка вскрикнулъ, выпустилъ весло и прицѣпился къ краямъ борта. Ваня исчезъ подъ палубой и забился въ уголъ. Оба заплакали. Отчаяніе ихъ не было, однакожъ, продолжительно.

— Проѣхали! омутъ проѣхали! воскликнулъ неожиданно Гришка.

Ваня высунулъ голову изъ люка и, какъ бы внезапно пробуждаясь отъ сна, съ испугомъ оглянулся.

Старый пень находился уже позади ихъ. Челнокъ быстро несся къ берегу. Сдѣлавъ два-три круга, онъ въѣхалъ наконецъ въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, мелкихъ заливовъ, или „заводьевъ“, которыми, какъ узоромъ, убираются

песчаные берега рѣкъ, и засѣлъ въ густыхъ кустахъ лозняка. Мальчики ухватились за вѣтви, притащили челнокъ въ глубину залива и проворно соскочили наземь. Страхъ ихъ прошелъ мгновенно: они взглянули другъ на друга и засмѣялись.

— Ну, а какъ же мы назадъ-то поѣдемъ, безъ весла-то? сказалъ вдругъ Ваня, и личико его снова отуманилось.

— А вотъ что, возразилъ съ живостію Гришка,—мы пойдемъ на озеро, къ дѣдушкѣ Кондратію: онъ насъ перевезетъ.

— И то, и то! да куда жъ идти-то? радостно подхватилъ Ваня.

— Выйдемъ на лугъ: тамъ оглянемся. Отселева, изъ-за кустовъ-то, озера не видно... Пойдемъ.

— А заблудимся?

— Эвось-на! развѣ эти кусты-то не видалъ ты съ нашего берега?.. идутъ недалече! Сейчасъ луга пойдутъ, а тамъ и озеро... Ну, валяй!

И оба побѣжали, перепрыгивая поминутно черезъ сыпучіе песчаные овражки, заросшіе широкими сѣро-зелеными листьями лопуха. Темная зелень ежевичника и осоки, смѣшиваясь съ глянцовитою, серебристою листвою ветлы и ивы, обступала стѣною нашихъ мальчиковъ. На песокъ выбѣгали, переплетаясь между собою, черные узловатые корни, кругомъ обмытые весеннею водою. Попавъ разъ въ этотъ тѣсный лабиринтъ, шалуны сами не знали уже, какъ выбраться. Надъ головами ихъ подымались со всѣхъ сторонъ и высоко убѣгали въ синее небо обнаженныя вѣтви, покрытыя кое-гдѣ косматыми пучками сухихъ травъ, принесенныхъ на такую высоту весеннею водою, которая затопляетъ луговой берегъ верстъ за семь и болѣе. Вершины ветелъ усѣяны были обезображенными корягами, засѣвшими также во время водополья. Безчисленное множество дорожекъ изгибалось по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Изрѣдка, впрочемъ, открывались ровныя, гладкія площадки тонкаго песку, усѣянныя мелкими бѣлыми раковинами и испещренныя лапками рѣчныхъ куликовъ. Близость рѣки всюду сказывалась. Въ тѣни чувствовалась свѣжесть. Запахъ сырого песку, смѣшиваясь съ запахомъ лопуха, разливался въ воздухѣ.

Набѣгавшись вдоволь, запыхавшись такъ, что едва переводили духъ, наши мальчики наконецъ остановились.

— Ну, гдѣ жъ луга-то? вишь, нѣту! сказалъ Ваня, отирая рукою потъ, струившійся по раскраснѣвшемуся лицу его.

Гришка оглядывался во всѣ стороны. Въ смуглыхъ чертахъ его не было ни малѣйшаго признака смущенія.

— Постой! шт! молчи! я слышу чей-то голосъ! произнесъ онъ, неожиданно приподнявъ руку.

Оба стали прислушиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, посреди слабаго шелеста насѣкомыхъ, раздался вдругъ тоненькій-тоненькій голосокъ. Голосъ, приближавшійся постепенно, напѣвалъ пѣсню.

— Слышь, Ваня?

— Слышу.

— Пойдемъ туда! Слышь, дѣвчонка поетъ! сказалъ Гришка.

— Ну, пойдемъ.

Но не успѣли они сдѣлать нѣсколько прыжковъ, какъ уже очутились прямо противъ нѣвупьи.

То была хорошенькая дѣвочка лѣтъ восьми, съ голубыми, какъ васильки, глазами, румяными щечками и красными, смѣющимися губками; длинныя пряди бѣлокурыхъ шелковистыхъ волосъ сбѣгали золотистыми изгибами по обѣимъ сторонамъ ея загорѣлаго, но чистенькаго, какъ словно обточеннаго личика. Она собирала валежникъ. Связка сухихъ вѣтвей лежала на рукѣ дѣвочки и, свѣсившись немного на бокъ, обнажала полное загорѣлое плечико, привлекательно круглившееся на складкахъ бѣлой рубашки, которая прикрывала только до колѣнъ ея тоненькія быстрыя ножки. Застигнутая врасплохъ, нѣвупья остановилась какъ вкопанная, пугливо взглянула на мальчиковъ и, раскрывъ губки, выпустила валежникъ, который, вѣтка за вѣткой, посыпался на песокъ.

— И то дѣвчонка! Ишь ее какъ распѣваетъ! сказалъ Гришка, осматривая ее съ любопытствомъ.

— Ты чья? спросилъ Ваня.

Дѣвочка молчала. Валежникъ продолжалъ сыпаться къ ногамъ ея.

— Что жъ ты не говоришь ничего?

— Запужалась добре: знастъ, съ разбойниками повстрѣчалась! Вѣдь мы разбойники! воскликнулъ Гришка, подпираясь въ бока кулаками и страшно хмуря брови.

— Вишь... какъ же... разбойники! проговорила дѣвочка, ободренная смѣхомъ Ванюши.

— Вѣстимо, разбойники!

— Да ты отколѣ? продолжалъ разспрашивать Ваня.

— А съ озера, чай! отвѣчала дѣвочка.

— Съ какого озера?

— А вамъ зачѣмъ? съ озера...

— Постой, Банюша: я вотъ ее... Она у меня скажетъ! произнесъ Гришка, дѣлая шагъ къ дѣвочкѣ.

— Тронь только! вскрикнула она, схватывая вѣтку и становясь въ оборонительное положеніе, — у меня тутъ вотъ тятька за кустами: онъ те дастъ!

— А кто твой тятька? спросилъ Гришка, озираясь на стороны.

— А дядя Кондратій, чай,—вотъ кто!

— Эвона! вѣдь мы его знаемъ!

— Да вы отколь? бойко спросила дѣвочка.

— А мы съ рѣчки: мы рыбаки!

— Ужъ и рыбаки! возразила дѣвочка, сомнительно посматривая на мальчиковъ.

— Не вѣришь?

— Нѣтъ, вы мальчишки: рыбаки-то, я чай, съ бородами.

— А разв у всѣхъ бороды-то?

— У всѣхъ, лаконически отвѣчала дѣвочка, нагибаясь и принимаясь подбирать валежникъ.

— Ты говоришь, тятька твой близко, произнесъ Ванюша,—что жъ его не слыхать?

— А онъ вотъ тамъ, за кустами.

Дѣйствительно, неподалеку послышался стукъ топора.

— Дуня! проговорилъ вслѣдъ за тѣмъ протяжный, спокойный голосъ,—съ кѣмъ это ты тамъ калякаешь?

Дѣвочка подняла вѣтви, положила ихъ на плечо и, не взглянувъ даже на мальчиковъ, побѣжала въ ту сторону, откуда раздался голосъ.

Гришка и Ваня послѣдовали за нею, и вскорѣ всѣ трое очутились у опушки кустовъ, гдѣ начинался уже лугъ, сначала желтый, рѣдкій, перемѣшанный съ пескомъ, но постепенно зеленѣющій и убѣгающій въ необозримую даль, задернутую переливающимися струями раскаленнаго воздуха.

Тутъ, подъ синеватою тѣнью раскидистыхъ ивъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Его бѣлые какъ снѣгъ волосы, волною ниспадавшіе до плечъ, придавали ему видъ самый почтенный, патріархальный, чему не мало также

способствовало выраженіе неизъяснимаго спокойствія, кротости и добродушія, разлитое во всѣхъ чертахъ его. Его обнаженный лобъ, виски и щеки усѣяны были тѣми мелкими, тоненькими морщинками, которыя даются только тихою, спокойною жизнію. Жизнь старика отражалась, впрочемъ, еще яснѣе въ свѣтло-голубыхъ глазахъ его, смотрѣвшихъ съ какою-то дѣтскою простотою. Это былъ дѣдушка Кондратій, озерскій рыбакъ и отецъ Дуни. Подлѣ него лежала, съ одной стороны, начатая верша, съ другой—ворохъ красноватыхъ прутьевъ лозняка.

— Э-э! такъ вотъ это ты съ кѣмъ калякала! то-то, слышу я: та, та, та... Отколь вы, молодцы? какъ сюда попали? сказалъ старикъ, потряхивая волосами и съ улыбкою поглядывая на мальчиковъ.

Мальчики, перебивая другъ дружку, разсказали повѣсть первыхъ своихъ неудачъ на мореходномъ поприщѣ;—оба просили дѣдушку перевезти ихъ на ту сторону.

— Перевезти-то я васъ перевезу, а только въ другой разъ, смотрите, ребятенки, одни такъ-то по рѣкѣ не пускайтесь. Скажи на милость, баловники какіе!.. а? Одни безъ спроса по рѣкѣ ѣздятъ! Ну, долго ли до грѣха? Гдѣ вамъ еще управиться!.. Слава те Господи, въ омутъ не попали! что бы сказалъ тогда Глѣбъ-то Савинычъ? Ну, ступайте на озеро за весломъ... что съ вами станешь дѣлать!.. Дуня, подь-ка, матушка, съ ними, укажи дорогу,— а сама назадъ не приходи. Я только вотъ перевезу ихъ, да и домой... Ну, ребятушки, въ бѣжки! Кто попрытчѣе изъ васъ! Нутка-сь, нутка-сь, я погляжу...

Проводивъ ихъ глазами, старикъ снова усѣлся за свои верши.

Спустя немалое время, Гришка и Ваня возвратились, таща на плечахъ весло и багоръ. Солнце высоко еще стояло въ небѣ, когда оба очутились на берегу. Все сошло благополучно. Глѣбъ Савинычъ ничего не примѣтилъ. Но переправы черезъ Оку и встрѣчи съ дочкой Кондратія не замедлили вскорѣ возобновиться. Это произошло вотъ по какому случаю: разъ какъ-то, въ разговорѣ съ Глѣбомъ, дѣдушка Кондратій вызвался выучить грамотѣ Гришку и Ваню. Глѣбъ долго смѣялся надъ такимъ предложеніемъ: онъ вообще терпѣть не могъ всего того, что мало-мальски отклоняетъ работника отъ прямого пути и назначенія. О грамотѣ онъ и слышать не хотѣлъ, называлъ ее самымъ пустяшнымъ и негоднымъ дѣломъ.

— Наша доля поводъ таскать, а не въ книжки читать! говорилъ онъ. — Видалъ я много этихъ книжниковъ-то, что разумны больно... Вотъ, примѣромъ сказать, зналъ я одного: такъ же, какъ мы съ тобою, рыбакъ былъ,— Ковычкой звали. Всѣ книжки, какія только исписаны, вытвердилъ,—а толку никакого: пустой былъ самый человѣкъ! Сначатія-то, до книгъ, все еще, куда ни шло, работалъ; ну, а какъ далась ему эта грамота, добре сталъ хмельнымъ дѣломъ зашибаться... Это первое; а хуже всего то, что зачитался: умъ за разумъ зашелъ—вотъ что!.. Нашему брату это не годится. Бывало, заговоришь съ нимъ— и пошелъ писать языкомъ. Иной разъ такое тебѣ сбрендитъ, и въ толкъ не возьмешь. Самый пустой былъ человѣкъ! А все отчего? все отъ эвтихъ книгъ, право такъ!

Дѣдушка Кондратій не возражалъ: онъ мерекалъ иначе объ этомъ дѣлѣ. Сверхъ того, онъ зналъ, что настаивать въ этомъ дѣлѣ, значитъ, только заставить Глѣба еще пуще крѣпиться и упираться. Основываясь на этомъ, онъ не пропускалъ случая исподволь заманивать къ себѣ ребятишекъ. Гришка и Ваня очень охотно слѣдовали за старикомъ. Дни, проводимые ими на озерѣ, удаляли ихъ отъ дома—обстоятельство, имѣющее всегда много привлекательнаго для дѣтскаго возраста. Глѣбъ тотчасъ же смекнулъ, зачѣмъ Кондратій уводилъ мальчиковъ; но такъ какъ сосѣдъ не перечилъ ему въ его мнѣніяхъ касательно грамоты, онъ смотрѣлъ на эти продѣлки сквозь пальцы. Онъ ограничивался тѣмъ только, что подтрунивалъ надъ ребятишками, называя ихъ „дьячками“ и „грамотниками“—прозвище, котораго они далеко, впрочемъ, не заслуживали. Грамота шла изъ рукъ вонъ плохо. Дѣдушка Кондратій, въ простотѣ своего сердца, разсчитывалъ на усердіе учениковъ: самъ онъ не могъ удѣлить имъ много времени. Жена его умерла вскорѣ послѣ родовъ дочки. Онъ да наемный работникъ должны были управляться и по ремеслу, и по хозяйству. Доброта его также не мало располагала ребятъ къ лѣни и ничего-недѣланью. Знали хорошо, что дѣдушка только вотъ побранитъ развѣ, и въ усъ себѣ не дули. Бо́льшую часть дня играли они съ Дуней или рыскали по берегамъ озера. Въ три года оба едва-едва разбирали склады.

Къ концу этого срока Ваня началъ, однакожъ, чаще сидѣть въ домѣ дѣдушки Кондратія; внимательнѣе слѣдилъ онъ за дрожащимъ, сморщеннымъ пальцемъ старика, когда

тотъ водилъ по ветхимъ страничкамъ букваря. Гришка между тѣмъ продолжалъ повѣсничать. Онъ готовъ былъ десятки разъ взлѣзть на макушку самаго высокаго дуба, чѣмъ посидѣть минутку за букваремъ дѣдушки Кондратія. Сидячая жизнь не отвѣчала его живому, буйно-неукротимому нраву. Въ то время, какъ Ваня и Дуня проводили вечера неразлучно съ дѣдушкой, Гришка пропадалъ на лѣсистыхъ берегахъ озера, снималъ галочьи гнѣзда, карабкался на крутыхъ обрывахъ сосѣднихъ озеръ и часы цѣлые проводилъ, повиснувъ надъ водою, чтобы только наловить стрижей (маленькія птички въ родѣ ласточекъ, живущія въ норкахъ, которыми усѣяны глинистые, крутые берега рѣкъ и озеръ). Вѣдь, кажется, легче было бы ему сидѣть со старикомъ, чѣмъ висѣть надъ обрывомъ и цѣлые часы, не переводя духу, караулить какого-нибудь стрижа; однакожъ, онъ предпочиталъ послѣднее. По тринадцатому году онъ уже управлялъ весломъ не хуже Василія, переплывалъ Оку взадъ и впередъ безъ одышки, нырялъ какъ рыба. Любимымъ занятіемъ его было—преслѣдовать караваны барокъ, которыя показывались на рѣкѣ, и перебраниваться съ лоцманами и бурлаками. Стоя на палубѣ вертляваго челночка и управляясь однимъ весломъ, онъ какъ вьюнъ вилялъ между узенькими промежутками быстро несущихся расшивъ, всѣхъ удивляя своею смѣлостью и удалью. Мало-по-малу Глѣбъ началъ пріучать Гришку и Ваню къ ремеслу. Тутъ удаль пріемыша нѣсколько поугомонилась; онъ былъ, однакожъ, ловокъ и смѣтливъ, и скоро понялъ дѣло. Впрочемъ, и Ваня не отставалъ отъ него. Вся разница заключалась въ томъ лишь, что сынъ рыбака дѣлалъ дѣло безъ крику и погрому, не обнаруживая ни удали, ни залихватства; но, тѣмъ не менѣе, дѣло все-таки кипѣло въ его рукахъ и выходило прочно. Въ воскресные и праздничные дни они отправлялись обыкновенно на озеро. Чуть только забрезжитъ заря, они ужъ тамъ. Дочка Кондратія была единственнымъ товарищемъ, по лѣтамъ, обоихъ парнишекъ. Дѣдушку Кондратія не больно радовали такія посѣщенія: все, бывало, вверхъ тормашкой поставятъ въ его лачугѣ, не оставятъ даже въ покоѣ самаго озера, гладкую поверхность котораго съ утра до вечера рѣжутъ челнокомъ по всѣмъ направленіямъ. Хуже всего то, что въ этихъ играхъ, посреди которыхъ слышался всегда громче другихъ голосъ Гришки, не обходилось безъ по-

боищъ. Нерѣдко даже старикъ заставалъ свою Дуньку со слезами на глазахъ и всклоченными волосами; но Дуня никогда не жаловалась на Гришку; напротивъ того, несмотря на всегдашнее заступничество Вани, она присоединялась къ пріемышу, и оба подтрунивали надъ сыномъ Глѣба; нерѣдко даже соединенными силами нападали они на него. Такое предпочтеніе пріемышу продолжалось, однако, до извѣстнаго времени: съ возрастомъ, чувства дѣвочки раздѣлялись, казалось, поровну между товарищами дѣтства; привязанность ея къ обоимъ была, повидимому, одинакова. Быстро мелькаютъ золотые дни безпечнаго, веселаго дѣтства! Ваня и пріемышъ незамѣтно почти превратились въ юношей. Оба они смѣнили уже Василія. Глѣбъ Савинычъ женилъ его и отпустилъ за братомъ Петромъ въ рыбацкія слободы—благо сходно было ему имѣть теперь подъ рукою двухъ молодцовъ-работниковъ. Не нарадуется, бывало, Глѣбъ Савинычъ, глядя на Гришку.

„Чтой-то за парень! рослый, плечистый, на всѣ руки и во всякое дѣло парень! Маленечко вотъ только бычкомъ смотритъ, маленечко вороватъ, озорливъ,—ну, да не безъ этого! и въ хорошемъ хлѣбѣ мякина есть. И то сказать, я вѣдь потачки не дамъ: онъ вороватъ, да и я узловатъ! какъ разъ попотчую изъ двухъ полѣнцевъ яичницей; а парень ловкій, нече сказать, на всѣ руки парень!“

Не мало также, если еще не болѣе, радовался старый рыбакъ, глядя на Ваню, невзирая даже на то, что часто трунилъ надъ нимъ, называя его „дьячкомъ“ и „грамотникомъ“.

Ваня не былъ такъ плечистъ, можетъ-статься, даже не былъ такъ расторопенъ и боекъ, какъ Гришка, но ужъ во всякомъ случаѣ не уступалъ ему ни по лицу, ни въ работѣ. Славный былъ также рыбакъ! Его свѣтлые, умные, хотя нѣсколько задумчивые глаза, смотрѣли прямо и откровенно; румянецъ игралъ во всѣ его полныя щеки, слегка подернутыя первымъ пушкомъ юности; его бѣлое, чистое и круглое лицо, окруженное свѣтлорусыми кудрями, отражало простоту души, прямизну нрава и какое-то достоинство. Словомъ, онъ представлялъ тотъ благородный, откровенный, чистый типъ славянскаго племени, который такъ часто встрѣчается въ нашемъ простонародьѣ, но который, къ сожалѣнію, рѣдко достигаетъ полнаго своего развитія.

Да, было чѣмъ порадоваться на старости лѣтъ Глѣбу

Савинову! Одного вотъ только не могъ онъ взять въ толкъ: зачѣмъ бы обоимъ ребятамъ такъ часто таскаться къ сосѣду Кондратію на озеро? Да мало ли что! не все раскусятъ старые зубы, не все смекаетъ старая стариковская опытность. Впрочемъ, Глѣбъ, по обыкновенію своему, такъ только прикидывался. Съ чего же всякій разъ, какъ только Гришка и Ваня возвращаются съ озера, щуритъ онъ глаза свои, подсмѣивается втихомолку и потряхиваетъ головою?..

IX.

Озеро.

Семейство рыбака Глѣба, отъ мала до велика, находилось въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ. Дворъ заваленъ былъ ворохами соломы; навѣсъ, примыкавшій къ правой сторонѣ переднихъ воротъ, лежалъ раскинутый по всей площадкѣ. На его мѣстѣ воздвигался новенькій, только-что поставленный сосновый срубъ; золотистыя бревна его, покрытыя каплями смолы и освѣщенныя солнцемъ, весело глядѣли на всѣ стороны и какъ бы подсмѣивались надъ черными, закоптѣлыми стѣнами стараго жилища, печально лѣпившагося по лѣвой сторонѣ воротъ. Глѣбъ давно замышлялъ поставить новую избу; цѣлыя пять лѣтъ лелѣялъ онъ эту мысль, но все крѣпился почему-то и не рѣшался привести ее въ исполненіе.

— Батюшка, часто говорила ему жена, — полно тебѣ умомъ-то раскидывать! самъ погляди: крыша на бокъ скосилась совсѣмъ, потолокъ плохъ сталъ—долго ли до грѣха! того и смотри, загремитъ, всѣхъ подавитъ. Полно тебѣ, поставь ты новую избу.

— Ничего: долго еще простоитъ, отвѣчалъ обыкновенно мужъ, съ видомъ величайшаго равнодушія.

Со всѣмъ тѣмъ Глѣбъ не пропускалъ ни одного изъ тѣхъ плотовъ, которые прогоняютъ по Окѣ костромскіе мужики, чтобы не разспросить о цѣнѣ лѣса; то же самое было въ отношеніи къ егорьевскимъ плотникамъ, которые толпами проходили иногда по берегу, направляясь изъ Коломны въ Тулу. Онъ заботливо разспрашивалъ ихъ, сколько возьмутъ они срубить новую избу, прикидывался къ цѣнѣ моха, уговаривался, повидимому, окончательно,— шелъ уже за задаткомъ, но вдругъ останавливался, снова начиналъ торговаться и снова откладывалъ свое намѣре-

ніе. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, Богъ знаетъ, что̀ сталось съ Глѣбомъ Савиновымъ: стихъ такой нашелъ на него или другое что, но въ одно утро, не сказавъ никому слова, купилъ вдругъ плотъ, нанялъ плотниковъ и въ три дня поставилъ новую избу. Плотники были уже отпущены; оставалось покрыть только кровлю и вставить рамы. Семейство рыбака дѣятельно хлопотало вокругъ новаго зданія.

Гришка-пріемышъ сидѣлъ верхомъ на „князькѣ“, или макушкѣ кровли, съ граблями въ рукахъ. Связки соломы доставлялись ему помощью длиннаго рычага, прикрѣпленнаго, наподобіе колодезныхъ журавлей, къ вилообразной верхушкѣ высокаго столба, возвышавшагося посреди двора. Къ одному концу рычага привязана была тяжесть, для облегченія подъема; на другомъ концѣ, куда привязывалась солома, болталась длинная веревка, которою управлялъ Глѣбъ. Неподалеку, обѣ снохи (жена Петра и жена Василія) стояли, съ засученными по локоть рукавами, подлѣ бочки съ водою, и смачивали солому, назначенную для покрышки. На одномъ изъ подоконниковъ новаго зданія сидѣлъ Ваня: свѣсивъ ноги во внутренность избы, перегнувшись всѣмъ корпусомъ на дворъ, онъ тесалъ притолки и пригонялъ рамы. Противъ него, на взбудораженномъ ометѣ соломы, возились дѣти Петра: старшему было уже девять лѣтъ, младшему—тому самому, который показывалъ когда-то кулачонки изъ люльки — только-что минуло семь. Они поминутно обращались къ дядѣ Ивану и, каждый разъ, какъ топоръ, приподнявшись, сверкалъ на солнцѣ, оба скорчивали испуганныя лица, бросались со всего маху въ солому, кувыркались и наполняли дворъ визгомъ и хохотомъ, которому вторили веселые возгласы Глѣба, понукавшаго къ дѣятельности то того, то другого, пѣсни Гришки на верхушкѣ кровли, плесканье двухъ снохъ и стукъ Иванова топора, изъ-подъ котораго летѣли щепы. Между всѣми этими шутливыми, веселыми группами ходила взадъ и впередъ тетушка Анна; она не принимала, повидимому, никакого участія въ стройкѣ. Со всѣмъ тѣмъ лицо ея выражало болѣе суеты и озабоченности, чѣмъ когда-нибудь; она перебѣгала отъ крылечка въ клѣтушку, отъ клѣтушки къ заднимъ воротамъ, отъ заднихъ воротъ снова къ крылечку, и во все время этихъ путешествій присутствовавшіе могли только видѣть однѣ ноги тетушки Анны: верхняя же часть ея туловища исчезала совер-

шенно за горшками, лагунчиками, скрывалась за рѣшетомъ, корчагою или корытомъ, которые каждый разъ подымались горою на груди ея, придерживаемые въ обхватъ руками. Захвативъ иной разъ второпяхъ черезчуръ обременительную ношу, пыхтя и перегибаясь назадъ подъ тяжестью огромной корчаги, которая заслоняла ей глаза, она вдругъ останавливалась, почувствовавъ подъ ногами какое-нибудь препятствіе.

— Батюшки, уроню, подсобите! вскрикивала старушка, поворачивая испуганное лицо къ присутствующимъ.

Тутъ всѣ бросали свою работу и бѣжали спасать старушку, которая, не чувствуя уже никакихъ преградъ подъ ногами, торжественно продолжала свое шествіе. Взглянувъ на усердіе и бережливость, съ какими таскала она и ставила горшки свои, можно было подумать, что судьба новаго жилища единственно зависѣла отъ сохранности этихъ предметовъ.

Время подходило къ вечеру. Тѣнь, бросаемая старой избою и сосѣднимъ навѣсомъ, затопила уже дворъ и досягала до новой кровли, оставляя только яркую полосу свѣта на князькѣ, гдѣ помѣщался пріемышъ, когда Глѣбъ приказалъ снохамъ прекратить работу.

— Ну, бабы, шабашъ! произнесъ онъ, съ самодовольствіемъ осматривая избу.—Соломы нонѣ больше не потребуется. Завтра начнемъ покрывать другую половину кровли. До того времени Гришка выложитъ ее хворостомъ... эй, Гришка!

— Ге... е!.. отозвался пріемышъ на макушкѣ.

— Перелѣзай на ту сторону. Время немного осталось; день на исходѣ... Завтра чѣмъ-свѣтъ станешь крыть соломой... Смотри, не замѣшкай съ хворостомъ-то! крѣпче его привязывай къ переводинамъ... не жалѣй мочалы; завтра къ вечеру, авось, дастъ Богъ, порѣшимъ... Ну, полѣзай... да не тормози руки!.. А я тѣмъ временемъ схожу въ Сосновку, къ печнику попавѣдаюсь... Кто его знаетъ: времени, говоритъ, мало!.. Пойду: авось теперь ослобонился, заключилъ онъ, направляясь въ сѣни.

Минуту спустя, онъ снова появился на дворѣ, но уже въ шапкѣ и съ палкою въ рукѣ.

— Эй, Ванюшка!

— Я, батюшка, отозвался Ваня, соскакивая съ подоконника и подходя къ отцу.

— Вотъ что... я было совсѣмъ запамятовалъ... я чай,

на ставни-то потребуется однотесу: въ городѣ тогда не купили, такъ ты сходи безъ меня на озеро къ Кондратію и одолжись у него. Онъ сказывалъ, есть у него гвозди-то.

— Сейчасъ, батюшка, торопливо отвѣчалъ сынъ,—сейчасъ иду.

— Куды затормошился? Эвона! рази я говорю: теперь ступай! успѣешь еще десять разъ сбѣгать: время терпитъ. Напередъ всего покончи дѣло съ рамами и притоками, тогда и ступай... немного далече, къ ночи домой поспѣешь...

— Гей, батюшка! крикнулъ Гришка, показывая надъ князькомъ свою черную голову, освѣщенную яркими лучами солнца.

— Чего тамъ?

— Давай я схожу.

— Куда?

— Да на озеро. Моя работа не задержитъ, — и то почитай ужъ готово...

— Знай свое дѣло дѣлай, объ моемъ не сумлѣвайся. Знаютъ про то большіе, у кого бороды пошире, что̀ кому дѣлать: кому сказано, тотъ и пойдетъ! ступай-ка, ступай...

Голова Гришки скрылась за князькомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, не мѣшаетъ замѣтить, Глѣбъ наблюдалъ, чтобы Гришка какъ можно рѣже бывалъ на озерѣ; взамѣнъ этого, онъ норовилъ посылать туда какъ можно чаще своего собственнаго сына. Все это, конечно, дѣлалось не безъ особенной цѣли. Онъ задумалъ женить Ваню на дочери сосѣда. Зная озорливость пріемыша и опасаясь не безъ основанія какого-нибудь грѣха съ его стороны въ томъ случаѣ, если дать ему волю, старый рыбакъ всячески старался отбить у него охоту таскаться на озеро; это было тѣмъ основательнѣе, что времени оставалось много еще до предположенной свадьбы. Глѣбъ, израсходовавшись на новую избу, отложилъ свадьбу Вани до предбудущаго лѣта.

— Смотри же, Ванюша, не запамятуй, спроси однотесу... слышь?.. Какъ кончишь притолки, такъ и ступай! повторилъ Глѣбъ, обращаясь къ сыну, который, послѣ перваго наказа отца, такъ дѣятельно принялся за работу, что только щепки летѣли вокругъ.—Ну, а вы-то что-жъ, касатушки? разнѣжились, бѣлоручки! продолжалъ рыбакъ, поворачиваясь къ снохамъ, стоявшимъ безъ дѣла, — раненько отдыхать вздумали. Съ соломой покончили, при-

нимайся за другое дѣло. Вамъ сказывай все! самимъ не въ догадку... э-хе! да вотъ хоть бы старухѣ-то подсобили; вишь, съ ногъ смоталась совсѣмъ... вишь, вишь... эхъ ты, сердечная! заключилъ онъ, подсмѣиваясь и направляясь къ воротамъ.

— Дѣдушка, и мы съ тобой! закричали, въ одинъ голосъ, дѣти Петра, кубаремъ скатываясь съ омёта.

— Куда, шутъ васъ возьми совсѣмъ! куда! измаетесь: вѣдь я въ Сосновку... ступай домой!

— Нѣтъ, дѣдушка, пусти насъ; мы вотъ толечко до ручья тебя проводимъ.

— Ну, до ручья можно; пойдемъ!.. Вишь, пострѣлы какіе, а? скажи на милость, провожать просятся... Ну, ну, ступай, ступай.

И, сопровождаемый ребятишками, старый рыбакъ исчезъ за воротами.

— Слава тебѣ, Господи! замучилъ совсѣмъ! пробормотала жена Петра, бросаясь со всѣхъ ногъ на солому.

— И то... ухъ, батюшки!.. ногъ подъ собой не слышу, сказала жена Василія, слѣдуя ея примѣру.

— Ну, что вы развалились въ самомъ-то дѣлѣ-то?.. экія безстыжія, право!.. право, безстыжія!.. чего разлеглись? проговорила тетушка Анна, неожиданно появляясь передъ снохами съ лукошкомъ на головѣ, съ горшками подъ мышкой.—Совѣсти въ васъ нѣтъ... хотя бы людей посрамились... Одна я за все и про все... Ухъ, моченьки нѣтъ!.. Ухъ, Господи!

Снохи лѣниво приподнялись и начали лѣниво подсоблять ей. Но такъ какъ старушка не давала имъ никакого дѣла и сверхъ того подымала ужаснѣйшій крикъ каждый разъ, какъ снохи прикасались только къ какому-нибудь черепку, то онѣ заблагоразсудили снова отправиться на солому.

Ваня между тѣмъ продолжалъ такъ же усердно трудиться. Онъ, казалось, весь отдался своей работѣ и, не подымая головы, рубилъ справа и слѣва; изрѣдка лишь останавливался онъ и какъ бы прислушивался къ тому, что дѣлалось на другой сторонѣ кровли. Но Гришка работалъ такъ тихо, что его вовсе не было слышно.

— Гриша! произнесъ, наконецъ, Ваня, заколачивая послѣднюю раму.

— Отвѣта не было.

Ваня посадилъ остріе топора въ бревно и проворно обошелъ избу.

Гришка нигдѣ не отыскивался.

Румянецъ живо заигралъ тогда на щекахъ парня, и лицо его, за минуту веселое, отразило душевную тревогу. Онъ торопливо вернулся въ избу, одѣлся и, не сказавъ слова домашнимъ, поспѣшно направился къ рѣкѣ, за которой немолчно раздавались пѣсни и крики косарей, покрывавшихъ луга. Время подходило къ Петровкамъ, и покосъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Достигнувъ того мѣста на концѣ площадки, куда обыкновенно причаливались лодки, Ваня увидѣлъ, что челнока не было. Никто не могъ завладѣть имъ, кромѣ Гришки. Глѣбъ пошелъ въ Сосновку, лежавшую, какъ извѣстно, на этой сторонѣ рѣки. На берегу находилась одна только большая четырехвесельная лодка, которою не могъ управлять одинъ человѣкъ. Ваня недолго раздумывалъ. Снять съ себя одежду, привязать ее на голову поясомъ — было дѣломъ секунды; онъ перекрестился и бросился въ воду.

Вечеръ былъ уже на исходѣ. Уже нагорный берегъ дѣлился темно-синею стѣною на чистомъ, ясномъ небѣ; темный, постепенно понижающійся хребетъ берега перерѣзывался еще кой-гдѣ въ отдаленіи свѣтло-лиловыми, золотистыми промежутками; то виднѣлись бока долинъ, затопленныхъ косыми лучами солнца, скрывавшагося за горою. Далѣе все завѣшивалось сквознымъ, розово-перламутровымъ паромъ. Холодная зубчатая тѣнь, бросаемая берегомъ, быстро бѣжала впередъ, захватывая луга и озера, и только рѣка одна, отражавшая круглыя румяныя облака, величественно еще сверкала въ темно-зеленыхъ берегахъ своихъ. Ваня не былъ лихимъ пловцомъ; но на этотъ разъ особенною какою-то силой дышали его мышцы: онъ не замедлилъ очутиться на другомъ берегу Оки. Тутъ только убѣдился онъ окончательно, что предчувствія не обманули его; первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ челнокъ, который, очевидно, старались припрятать въ кустахъ, но который, вытягивая мало-по-малу веревку, высвободился изъ засады и свободно покачивался на поверхности воды. Ваня миновалъ кусты, поспѣшно выбрался на опушку и пошелъ отхватывать лугами. Сумерки между тѣмъ успѣли уже окутать весь луговой берегъ. Со всѣмъ тѣмъ, здѣсь все еще кипѣло жизнью. Крику и шуму было даже болѣе, чѣмъ въ продолженіе дня. Всѣ спѣшили на отдыхъ: трудовой день

кончился. Восклицанія, пѣсни неслись со всѣхъ концовъ необъятнаго лугового простора. Влажный вечерній воздухъ, проникнутый запахомъ сѣна, былъ недвиженъ; слабѣйшій звукъ не пропалъ для слуха. Несвязный говоръ, пѣсни, иногда какой-нибудь отрывчатый отдѣльный возгласъ, скрипъ телѣгъ, ржаніе жеребенка, раздававшееся Богъ вѣсть гдѣ,—все это сливалось въ одинъ общій гулъ, разливавшійся мягкими волнами по окрестности. Всюду, между рядами остроконечныхъ стоговъ сѣна, верхушки которыхъ становились уже мало-по-малу темнѣе неба, мелькали бѣлыя рубахи косарей: бабы и ребятишки тянулись длинными кривливыми вереницами по всѣмъ направленіямъ; возы и лошади попадались на каждомъ шагу; кое-гдѣ артель работниковъ, развалившись на росистой травѣ вокругъ дымящагося котелка, собиралась ужинать; кое-гдѣ только-что зажигались еще костры.

Ваня ходко шелъ впередъ, ни на что не обращая вниманія. Нерѣдко приводилось ему встрѣчаться съ толпами бабъ и мужиковъ; но онъ норовилъ всякій разъ обходить ихъ. „Куда идешь, молодецъ?“ раздавалось иногда изъ толпы бабъ. „За дѣломъ!“ коротко отвѣчалъ парень и, не замѣчая даже плутовскихъ взглядовъ, бросаемыхъ на него какою-нибудь краснощекой, игривой бабенкой, продолжалъ путь. Сквозь густѣющія сумерки онъ ясно различалъ верхушки ветелъ, орѣшника и ольхи, которыя выступали изъ-за крутого, но покуда еще скрытаго берега озера. По мѣрѣ приближенія къ цѣли, шагъ его ускорялся, грудь волновалась сильнѣе. Вскорѣ очутился онъ на краю берега, кругомъ, какъ бахромою, покрытаго листвой. Невозмутимая тишина, прерываемая отдаленными пѣснями и говоромъ народа, который уходилъ все дальше и дальше къ Окѣ и располагался ужинать, царствовала на озерѣ. Неподвижно стояла его гладкая какъ зеркало поверхность, отражавшая звѣздное небо и темныя купы деревъ, обступавшихъ его окраину. Изрѣдка развѣ проносился какъ словно неясный, какой-то замирающій звукъ... Ваня прислушивался: то плескалась рыба или протрещалъ чибезъ, спѣшившій въ гнѣздо свое... Наконецъ сквозь вѣтки открылась лачужка дѣдушки Кондратія; но въ ней, какъ и на озерѣ, не было замѣтно признака жизни. Что бы это значило? Дѣдушка Кондратій не ложился такъ рано... Ваня направился къ жилищу рыбака. Дверь была отворена. Бережно ступая по мокрой травѣ, онъ вошелъ въ

лачужку: тамъ никого не было. „Что-жъ бы это значило, въ самомъ дѣлѣ? куда-жъ дѣвались хозяева?... Ужъ не пошелъ ли дѣдушка Кондратій къ косарямъ вмѣстѣ съ дочкой?... Нѣтъ, ему не зачѣмъ было идти къ косарямъ!.. Куда-жъ дѣвался наконецъ Гришка?..“ Задавая себѣ такіе вопросы, Ваня обошелъ нѣсколько разъ лачужку. Нигдѣ ни души. Онъ остановился и приложилъ уже ладони къ губамъ, чтобы крикнуть: авось не отзовется ли кто на его голосъ; но въ эту минуту послышался ему неподалеку чей-то затаенный говоръ... Бережно ступая по травѣ, отъ тотчасъ же прокрался въ ту сторону. Дыханіе сперлось въ груди молодого парня, когда узналъ онъ голоса Гришки и Дуни. Но сердце его забилось еще сильнѣе, когда, достигнувъ знакомой ему прогалины между кустами, увидѣлъ онъ ихъ сидящихъ рядышкомъ на краю берега; темныя головы молодыхъ людей четко обозначались на свѣтлой поверхности озера, которое стлалось подъ ихъ ногами.

Осадивъ шагъ назадъ и стиснувъ зубы, которые щелкали какъ въ лихорадкѣ, Ваня притаился за кустъ и сталъ вслушиваться.

— Шт! молчи, Гриша: словно кто-то идетъ, произнесла Дуня, пугливо озираясь на стороны.

— Вотъ! кому теперь идти! Батька твой, чай, еще и до Комарева не доплелся; косари сѣли ужинать... Вотъ развѣ Ванька; да нѣтъ! небось: не придетъ! Челнокъ со мною на этой сторонѣ; плавать онъ не гораздъ; походитъ-походитъ по берегу, да съ тѣмъ и уйдетъ!..

— Охъ, боюсь я, Гриша, смерть боюсь...

— Чего?

— Ну, а какъ онъ догадается, что ты здѣсь... такъ инда сердце все задрожитъ...

— А лѣшій его возьми, пускай его догадывается! намъ не впервые мѣряться кулаками...

— А какъ онъ да отцу скажетъ?

— А пускай его сказываетъ! я нешто боюсь. Ѣздилъ на косарей поглядѣть, да и вся недолга.

— А все какъ словно страшно... Да нѣтъ, нѣтъ, Ваня не такой парень! Онъ хоть и провѣдаетъ, а все не скажетъ... Ахъ, какъ стыдно! я и сама не знаю: какъ только повстрѣчаюсь съ нимъ, такъ даже вся душа заноетъ... такъ бы, кажется, и убѣжала!.. Должно быть, взаправду я обозналась: никого нѣту, проговорила Дуня, быстро

оглядываясь.—Ну, Гриша, такъ что-жъ ты началъ разсказывать? заключила она, снова усаживаясь подлѣ парня.

— А вотъ что: примѣчаю я, старый за мной приглядываетъ.

— Съ чего же?

— А кто его знаетъ съ чего! должно быть...

— Перестань, Гриша... за что ты его не любишь? грѣшно тебѣ...

— Эвона! что онъ сродни мнѣ, что ли?

— А все грѣшно такъ-то говоритъ тебѣ! за что? они тебѣ были отцами, возрастили, ходили, словно за роднымъ...

— Ну да, видно, за роднымъ... Я не о томъ рѣчь повелъ: недаромъ, говорю, онъ такъ-то приглядываетъ за мной,—какъ только пошелъ куда, такъ во всѣ глаза на меня и смотритъ, не иду ли къ вамъ на озеро. Когда надобность до дѣдушки Кондратія, посылаетъ кажиной разъ Ванюшку... Сдается мнѣ, дѣлаетъ онъ это не спроста. Думается мнѣ: не на тебя ли старый позарился... знамо, не за себя хлопочетъ...

— Нѣтъ, Гриша, не пойду я...

— Вашего брата не спрашиваютъ: велятъ—пойдешь...

— Нѣтъ, не пойду, не пойду за Ваню! какъ передъ Господомъ Богомъ, не будетъ этого.

— Силой выдадутъ! Ужъ коли старый забралъ что въ голову, вой не вой, а будетъ, какъ ему захочется... Я давно говорю тебѣ: полно спесивиться, этимъ ничего не возьмешь... Ты мнѣ одно только скажи, нетерпѣливо произнесъ Гришка, — одно скажи: любъ я тебѣ, или нѣтъ?.. Коли нѣтъ...

— Любъ, Гриша, любъ! о! пуще отца роднаго! съ жаромъ воскликнула Дуня.

Тутъ колѣни Вани такъ сильно задрожали, что онъ едва удержался на ногахъ. Бѣдный парнюха хотѣлъ оправиться, сдѣлалъ какое-то крайне-неловкое движеніе, ухватился второпяхъ за сукъ, сукъ треснулъ, и Ваня всею своею тяжестію навалился на кустъ. Въ ту же секунду, поблизости, послышалось паденіе чего-то тяжелаго въ воду, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то вскрикнулъ.

Ваня быстро вскочилъ на ноги, бросился впередъ и лицомъ къ лицу столкнулся съ Дуней.

— Не бойся: это я, сказалъ онъ совершенно взбудораженнымъ голосомъ, которому тщетно старался придать твердость.

— Ты, Ваня?.. Ахъ, какъ я испужалась! проговорила Дуня съ замѣшательствомъ. — Я вотъ сидѣла тутъ на берегу... думала не вѣсть что... вскочила, такъ инда земля подъ ногами посыпалась... Ты, я чай, слышалъ, такъ и загремѣло? подхватила она скороговоркою, между тѣмъ какъ глаза ея съ безпокойствомъ перебѣгали отъ собесѣдника къ озеру.

— Такъ стало... ты здѣсь одна была? нерѣшительно проговорилъ Ваня, украдкою взглядывая на озеро.

На гладкой поверхности его, слегка зазубренной серебристыми очертаніями разбѣгающагося круга, виднѣлось черное пятно, которое быстро приближалось къ противоположному берегу.

— Да ты, видно, къ батюшкѣ, Ваня? Батюшка ушелъ въ Комарево, торопливо поспѣшила сообщить дѣвушка.

Въ эту самую минуту слабый трескъ дальнихъ кустовъ возвѣстилъ, что темное пятно, виднѣвшееся на поверхности воды, благополучно достигло берега.

— Что жъ ты здѣсь стоишь, Ваня? сказала вдругъ дѣвушка измѣнившимся и, повидимому, уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ, — пойдемъ въ избу: можетъ статься, надобность есть какая? можетъ статься, тебя отецъ прислалъ? Обожди: батюшка скоро вернется.

— Нѣтъ... я такъ... батюшкѣ... однотесу вишь понадобилось, пробормоталъ Ваня, мѣшаясь и прерываясь на каждомъ словѣ.

— Такъ ты обожди: батюшка скоро вернется... Пойдемъ, что стоять-то! вымолвила Дуня, направляясь къ лужайкѣ.

Ваня послѣдовалъ за нею, но, сдѣлавъ три шага, остановился.

— Что жъ ты? спросила дѣвушка, поворачивая къ нему голову.

— Нѣтъ, я ужъ лучше завтра зайду, произнесъ парень, съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Что жъ такъ?

— Да такъ... завтра ужъ оно лучше... теперь пора домой... Прощай, Дуня!..

— Экой чудной какой! да куда ты? обожди!

— Нѣтъ, ужъ не приходится!.. Прощай!

— Прощай, Ваня... Заходи же завтра; я батюшкѣ скажу... Прощай!

Но Ваня ничего не слышалъ: онъ былъ уже далеко.

„Такъ вотъ они какъ! Вотъ что. А мнѣ и невдомекъ

было! Знамо, теперь все пропало, кануло въ воду... Что жъ! я имъ не помѣха, коли такъ... Господь съ ними!“ бормоталъ Ваня, дѣлая безотрадные жесты и на каждомъ шагу обтирая ладонью потъ, который катился съ него ручьями. Ночь между тѣмъ была росистая и сырая. Но онъ чувствовалъ какую-то нестерпимую духоту на сердцѣ и въ воздухѣ. Ему стало такъ жарко, что онъ принужденъ даже былъ распахнуть одежду.

Вскорѣ онъ очутился посреди луговъ.

Но на этотъ разъ никто уже не привѣтствовалъ молодого парня. Здѣсь все уже безмолвствовало. Темнымъ, неоглядно-далекимъ пологомъ разстилались луга. Торжественно-тихо раскидывалось надъ нимъ синее ровное небо, усѣянное мерцающими звѣздами. Чуть-чуть видными пятнами мелькалъ развалившійся по травѣ народъ. Костры уже погасли. Гдѣ-гдѣ, подлѣ груды тлѣющихъ, покрытыхъ сѣдымъ пепломъ угольевъ, сидѣла баба и, покачивая люльку, задумчиво склонивъ голову надъ уснувшимъ младенцемъ, тихо напѣвала заунывную колыбельную пѣсню... Все безмолвствовало. Даже самые шаги молодого парня стали раздаваться слабѣе, слабѣе, и тѣ наконецъ смолкли. Ваня ступалъ уже по песку и приближался къ Окѣ. Онъ прямо пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился челнокъ. Но челнока уже не было. При этомъ движеніе какого-то невольнаго отчаянія пробудилось вдругъ въ душѣ молодого парня; кровь хлынула къ его сердцу; какъ словно туманомъ какимъ окинулось все передъ глазами. Но это продолжалось недолго. Онъ поднялъ глаза и взглянулъ на ту сторону: черной, мрачной стѣною подымался нагорный берегъ; тамъ, далеко-далеко, въ одномъ только мѣстѣ привѣтливо мигалъ огонекъ... то, быть-можетъ, старуха-мать поправляетъ лучину, выжидая запоздавшаго сына... Ваня провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь опомниться, торопливо прошепталъ молитву, перекрестился и бросился въ воду, не выпуская изъ глазъ огонька, который продолжалъ мигать ему, отражаясь дрожащею, золотистою ниткой на гладкой поверхности Оки, величаво сверкавшей посреди ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Обманутое ожиданіе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ происшествія на озерѣ, — происшествія, которое такъ сильно взволновало сердце младшаго сына рыбака, Глѣба Савинова.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, послѣ обѣда, Глѣбъ, Ваня и пріемышъ работали неподалеку отъ новой избы, на верхнемъ концѣ площадки. Приближалось водополье. Старый рыбакъ и молодые помощники его приготовляли все нужное для начала рыбной ловли, которая считаетъ разливъ рѣки лучшимъ своимъ временемъ. Они спѣшили управиться съ саками, баграми, вершами и сѣтями: кое-гдѣ требовалось вплести новый вѣнецъ изъ ивняку, тамъ недоставало нѣсколькихъ петель, здѣсь слѣдовало подвязать новый поплавокъ, и проч., и проч. Зима хотя и длинна, а всего не усмотришь.

Принимая въ соображеніе шумъ и возгласы, раздававшіеся на дворѣ, можно было утвердительно сказать, что тетушка Анна и снохи ея также не оставались праздными. Тамъ шла своего рода работа. И гдѣ жъ видано, въ самомъ дѣлѣ, чтобы добрыя хозяйки сидѣли сложа руки, когда до свѣтлаго праздника остается всего-на-все одна недѣля!

Нечего, разумѣется, говорить о тѣхъ заботахъ, которыя связываются съ крашеньемъ яицъ, печеніемъ куличей и приготовленіемъ пасхи: все это было покуда еще впереди. Но всякій согласится, я думаю, что мытье половъ, чистка избы, стирка и заготовленіе кой-какихъ обновъ (послѣднее производится обыкновенно втайнѣ, но возбуждаетъ

тѣмъ не менѣе болѣе толковъ, чѣмъ первыя хозяйственныя хлопоты) представляютъ также не маловажную статью. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти многосложныя занятія, наши хозяйки, очевидно, больше кричали и шумѣли, чѣмъ дѣлали дѣло. Работа ихъ подвигалась изъ рукъ вонъ плохо. И тетушка Анна, и снохи ея поминутно выбѣгали за ворота. Примѣру ихъ даже слѣдовали дѣти Петра. Всѣ съ нетерпѣніемъ устремляли тогда глаза на посинѣвшую Оку и дальній луговой берегъ, уже совсѣмъ почти освободившійся отъ снѣгу.

Дѣло въ томъ, что съ минуты на минуту ждали возвращенія Петра и Василія, которые обѣщали придти на побывку за двѣ недѣли до Святой: оставалась между тѣмъ одна недѣля, а они все еще не являлись. Такое промедленіе было тѣмъ болѣе неумѣстно съ ихъ стороны, что путь черезъ Оку становился день-ото-дня опаснѣе. Уже поверхность ея затоплялась водою, частію выступавшею изъ-подъ льда, частію приносимою потоками, которые, съ ревомъ и грохотомъ, низвергались съ нагорнаго берега.

Былъ именно одинъ изъ тѣхъ сырыхъ, сумрачныхъ дней, которые ускоряютъ оттепель лучше самаго яркаго солнца. Густой туманъ покрывалъ землю. Теплый, влажный южный вѣтеръ — „мокрякъ“, какъ называютъ его рыбаки,—видимо, казалось, съѣдалъ остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга. Темно-синяя полоса, висѣвшая неподвижно, уже нѣсколько сутокъ сряду, надъ горизонтомъ, предвѣщала, въ совокупности съ такими же вѣрными признаками, надолго установившееся тепло. Глѣбъ, въ совершенствѣ постигавшій значеніе самыхъ неуловимыхъ перемѣнъ воздуха, давно еще предсказалъ такую погоду. Старый рыбакъ никогда не ошибался: закатъ солнца, бо́льшая или меньшая яркость утренней зари, направленіе вѣтра, отблескъ воды, роса, поздній или ранній отлетъ журавлей,—все это осуществляло для него книгу, въ которой онъ читалъ такъ же бойко и съ разумнымъ толкомъ, какъ разумный грамотей читаетъ святцы. Рѣку, со всѣми ея годичными измѣненіями и причудами, зналъ онъ, какъ свои пять пальцевъ. Многія примѣты, основанныя на долгомъ опытѣ, говорили ему, что не сегодня, такъ завтра Ока взломаетъ ледъ и разольется дружною водою. Соображаясь съ этимъ, онъ за нѣсколько дней перетащилъ лодки на верхнюю часть площадки. Позднее вскрытіе рѣки не предвѣщало ничего худого для про-

мысла. Глѣбъ былъ, слѣдовательно, доволенъ и спокоенъ: одного развѣ недоставало для полнаго довольства Глѣба— недоставало сыновей, которыхъ такъ долго и такъ напрасно всѣ ждали.

— Шутъ ихъ знаетъ, чего они тамъ замѣшкали! говорилъ онъ обыкновенно въ отвѣтъ на скорбные возгласы бабъ, которыя, выбѣжавъ за ворота и не видя Петра и Василія, обнаруживали всякій разъ сильное безпокойство.— Вѣдь вотъ же, продолжалъ онъ, посматривая вдаль, — дня нѣтъ, чтобы съ той стороны не было народу... валомъ валитъ! Всякому лестно, какъ бы скорѣе домой поспѣть къ празднику. Нашихъ нѣтъ только... Шутъ ихъ знаетъ, чего они тамъ застряли!

— Богъ вѣдаетъ, что такое! Я ужъ не знаю, что̀ и подумать-то... о-охъ! говорила тетушка Анна съ глубокимъ вздохомъ.

Тутъ старуха дѣлала обыкновенно какой-то таинственный знакъ снохамъ, и всѣ три, робко, шагъ за шагомъ, подходили къ работающимъ. Тетушка Анна рада была, что мужъ ея по крайней мѣрѣ хоть разговариваетъ объ отсутствующихъ: авось, услышитъ она отъ него какую разумную, толковую рѣчь, которая успокоитъ ея материнское, наболѣвшее сердце.

Подойдя къ мужу, она прикладывала ладонь къ правой щекѣ и, тоскливо покачивая головою, продолжала:

— Нѣтъ, не дождаться, знать, намъ нашихъ дѣтушекъ... Гдѣ-то они теперь? О-охъ, чуетъ мое сердце...

Дрожащій голосъ ея ясно показывалъ, что она готова была удариться о-земь и закричать голосомъ.

— Полно тебѣ, дура-голова! Ну, чего ты, чего? Погодимъ еще: авось, какой-нибудь разсудокъ да будетъ... Не махонькіе они: свой толкъ въ головѣ есть. Знамо, кто себѣ врагъ! на бѣду не полѣзутъ.

— Такъ-то такъ, батюшка, а все словно думается, не прилучилось бы чего, возражала жена Петра.

— Ничаво! должно-быть, рѣки задержали, неожиданно сказалъ Гришка.

— Вотъ Гришка не долго думалъ—рѣшилъ! произнесъ Глѣбъ, посмѣиваясь. — Слышь, за рѣками дѣло стало, а намъ и невдомекъ! Эхъ ты, разумная голова! У Бога не долго, а у насъ тотчасъ!.. Рѣки помѣшали! Ну, а народъ-то какъ же приходитъ? Лодки, что ли, подъ мышкой несетъ, а? Эхъ, ты! Кабы рѣки-то разошлись, они бы, я

чай, давно себя показали: давно бы здѣсь были! подхватилъ онъ, указывая на Оку.—Всѣмъ рѣкамъ одинъ путь—наша Ока. Давно бы тогда и мы по ней погуливали... Догадливый парень, нечего сказать! Ну-ка-сь, ты, Василиса, что скажешь? добавилъ онъ, насмѣшливо взглядывая на жену Василія.

Но Василиса, обыкновенно говорливая, ничего на этотъ разъ не отвѣчала. Она была всего только одинъ годъ замужемъ. Въ качествѣ „молодой", ей зазорно, совѣстно было, притомъ и не слѣдовало даже выставлять своего мнѣнія, по которому присутствующіе могли бы заключить о чувствахъ ея къ мужу. Весьма вѣроятно, она ничего не думала и не чувствовала, потому что, мѣсяцъ спустя послѣ замужества, разсталась съ сожителемъ и съ той поры въ глаза его не видѣла.

— Такъ какъ же, Гришка, а? рѣки помѣшали? продолжалъ разспрашивать развеселившійся Глѣбъ.

— Спроси у Ванюшки: онъ лучше моего скажетъ, отвѣчалъ пріемышъ, украдкою взглядывая на хозяйскаго сына, который, съ видомъ раздумья, чинилъ вершу и мало обращалъ, повидимому, вниманія на все происходившее вокругъ.

— Что жъ ты молчишь, Ванюшка? Говори: съ чего братья, шутъ ихъ возьми, застряли? произнесъ Глѣбъ, находившій всегда большое удовольствіе раззадоривать другъ противъ дружки молодыхъ парней, чтобы потомъ вдосталь надъ ними потѣшиться.

— Почемъ мнѣ знать, батюшка! спокойно и какъ-то неохотно отвѣчалъ сынъ. — Кабы я съ ними шелъ, такъ, можетъ-статься, сказалъ бы тебѣ; Господь ихъ вѣдаетъ, чего они нейдутъ...

Онъ взглянулъ на мать, которая слегка уже начинала всхлипывать, и поспѣшилъ прибавить:

— Должно-быть, съ дѣлами не справились. Богъ дастъ, придутъ.

— Ну, этотъ, по крайности, хошь толкомъ сказалъ, — долго думалъ, да хорошо молвилъ! произнесъ отецъ, самодовольно поглаживая свою раскидистую бороду.—Ну, бабы, что жъ вы стоите? заключилъ онъ, неожиданно поворачиваясь къ снохамъ и хозяйкѣ.—Думасте, станете такъ-то ждать на берегу съ утра да до вечера, такъ они скорѣе отъ эвтаго придутъ... Дѣловъ нѣтъ у васъ, что ли?

При этомъ тетка Анна и снохи ея бросали новый взглядъ

на дальній берегъ и, подавивъ вздохъ, снова возвращались къ своимъ занятіямъ.

Веселость стараго рыбака, не подстрекаемая присутствіемъ бабъ и возгласами молодыхъ ребятъ, которые большею частью работали молча, мало-по-малу проходила и уступала мѣсто сосредоточенному раздумью. Его не много безпокоили отсутствующіе: Петръ и Василій не малые ребята, къ тому же и люди толковые. Слава тебѣ, Господи! настолько пожили они на свѣтѣ, настолько опытны, чтобы знать, гдѣ слѣдъ и гдѣ неслѣдъ. Ненадежное состояніе дорогъ и рѣкъ имъ слишкомъ извѣстно, чтобы можно было ожидать отъ нихъ какой-нибудь опрометчивости. Вѣроятно, дѣла поважнѣе задерживали ихъ такъ долго. Можетъ-статься, съ хозяиномъ не покончили расчетовъ, а можетъ-статься, и попросту — загуляли. За Петрушкой такое важивалось! Такъ разсуждалъ Глѣбъ, предоставлявшій бабамъ своимъ сокрушаться и строить, по поводу отсутствующихъ, отчаянныя, безнадежныя предположенія. Онъ рѣдко даже посматривалъ въ ту сторону, откуда должны были показаться Петръ и Василій. Съ нѣкоторыхъ поръ взгляды Глѣба несравненно чаще обращались къ младшему сыну. Старый рыбакъ давно еще, почти съ самаго начала зимы, сталъ замѣчать перемѣну въ молодомъ парнѣ. Не разъ даже пыталъ онъ дослѣдиться причины, не разъ привязывался къ Ванѣ, осаждая его вопросами о томъ, съ чего это напала на него худоба, съ чего онъ невеселъ, что бычкомъ смотритъ, и проч., и проч. Не разъ даже старикъ выходилъ изъ себя и грозилъ порядкомъ проучить сына въ томъ случаѣ, если со временемъ окажется какая-нибудь причина такой перемѣны, — но остался все-таки ни при чемъ. Ваня отбояривался обыкновенно какими-то пустыми, незначащими отвѣтами; говорилъ, что онъ ничего за собою не замѣчаетъ, что никакой особенной худобы за собою не видитъ,—словомъ, не давалъ никакого удовлетворительнаго объясненія. Хуже всего было то, по мнѣнію Глѣба, что Ванюшка началъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ словно задумываться. Это обстоятельство особенно сильно бродило почему-то въ головѣ стараго рыбака въ тотъ день, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

„Вѣдь вотъ же, ничего такого не бывало съ его братьями, думалъ онъ, поглядывая на Ваню изъ-подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей,—да вотъ теперь, хошь бы Гришка: ничего такого не примѣтно: парень, какъ парень... озор-

ливъ, негодный! Ну, а въ другомъ чемъ виду не показываетъ,—пѣсни это играетъ, съ бабами балуетъ; иной разъ даже сократишь его, пріудержишь... А мой и ѣсть сталъ что-то не въ охоту, хлѣба лишился, — словно хворобой какой скучаетъ. И не допытаешь никакъ: затаился!.. Надо женить его—вотъ что!.. Онъ хоша, сдается мнѣ, не добре ластится къ дочкѣ Кондратія, во всю зиму почитай къ нимъ и не навѣдывался: знать, не по ндраву; да смотрѣть на это нечего! женится—слюбится!" продолжалъ Глѣбъ, хранившій покуда еще втайнѣ такое намѣреніе.

Выборъ Глѣба, не мѣшаетъ замѣтить, могъ только объясниться непомѣрнымъ его упорствомъ. Озерской рыбакъ, по словамъ самого Глѣба, былъ не что иное, какъ сосѣдъ, у котораго нечѣмъ было голодную собаку изъ-подъ стола выманить. Дочка его была, слѣдственно, „безприданница". Разсчетливый Глѣбъ подавно не долженъ былъ обращать на нее вниманія. Но такъ ужъ задумалъ Глѣбъ,— задумалъ потому, можетъ-статься, что такой выборъ долженъ былъ встрѣтить препятствія со стороны жены и родныхъ. Когда Глѣбъ заберетъ что̀ въ голову, можно почесть дѣло рѣшеннымъ; въ этихъ случаяхъ ничѣмъ уже не возьмешь. Упрямство сильнѣе самаго расчета.

„Женится—слюбится (продолжалъ раздумывать старый рыбакъ). Давно бы и дѣло сладили, кабы не стройка, не новая изба... Надо, видно, дѣло теперь порѣшить. На Святой же возьму его да схожу къ Кондратію: просватаемъ, а тамъ и дѣлу конецъ! Авось, будетъ тогда повеселѣе. Черезъ эвто, думаю я, болѣе и скучаетъ онъ, что одинъ безъ жены живетъ: такихъ парней видалъ я не разъ! сохнутъ да сохнутъ, а женилъ, такъ и бѣда прошла. А все вотъ такъ-то задумываться не съ чего... Шутъ его знаетъ! худѣетъ, да и полно!.. Ума не приложу..."

На самомъ этомъ мѣстѣ размышленія Глѣба были прерваны пронзительными криками Анны, обѣихъ снохъ и даже ребятишекъ Петра: всѣ они, какъ сумасшедшіе, стремглавъ летѣли изъ воротъ, тискаясь другъ на дружку и размахивая руками.

— Батюшки! они! касатики! они! они идутъ! они, они! кричала тетушка Анна, бѣжавшая впереди всѣхъ и придерживавшая правою рукою платокъ на головѣ.—Они! они идутъ! Пресвятая Богородица! они! подхватывала она, перескакивая черезъ багоръ, наконечникъ котораго лежалъ на колѣняхъ мужа.

— Они идутъ, они! какъ передъ Богомъ, они! вопили снохи и дѣти, вихремъ пропосясь мимо работающихъ и задѣвая на пути верши, которыя покатились во всѣ стороны.

— Экъ ихъ подняло! полоумныя! инда совсѣмъ огорошили! проговорилъ Глѣбъ, вставая на ноги и оглядывая бѣжавшихъ бабъ съ видомъ крайняго недоумѣнія. — Ребята! примолвилъ онъ, поспѣшно обращаясь къ Гришкѣ и Ванѣ,—ступайте за ними, живо! Вишь ихъ! сдуру-то, чего добраго, въ воду еще побросаются!.. Эй, бабы! глупыя!.. Эй! куда вы? подхватилъ онъ, догоняя Ваню и Гришку, которые бѣжали внизъ по площадкѣ.—Стойте! эй!.. Нѣтъ, дуютъ себѣ, шальныя! Ну, чего вы? чего всполохнулись?.. Эки безшабашныя! заключилъ онъ, настигая бабъ, которыхъ едва сдерживали на берегу Гришка и Ваня.

— Батюшки! они! касатики! они! голосили бабы, и пуще всѣхъ тетушка Анна.

Въ самомъ дѣлѣ, на той сторонѣ Оки виднѣлись люди. Хотя они казались ничуть не больше мизинца, однакожъ, по движенію ихъ, ясно можно было заключить, что они высматривали удобопроходимыя мѣста и готовились спуститься на рѣку.

— Должно-быть, мѣста-то тамъ добре опасливы! вишь какъ выглядываютъ! говорила жена Петра, нетерпѣливо переминаясь на мѣстѣ.

— Батюшка, Петрушенька ты мой! Вася! касатикъ! рожоной ты нашъ! родимые вы мои! охъ, вы, батюшки вы наши! вопила тетушка Анна такимъ голосомъ, который могъ показаться издали отчаяннымъ рыданіемъ.

— Тятька! тятька идетъ! кричали, въ свою очередь, мальчишки.

— Вы что, мелюзга?.. И она туда же!.. цыцъ! сказалъ не совсѣмъ ласково Глѣбъ.—Полно вамъ кричать, бабы!.. Охъ, ты, старая, куда голосиста!.. Погодите, дайте время высмотрѣть. Спозаранку хватились! можетъ статься, и не они совсѣмъ.

— И то не они! воскликнулъ неожиданно Гришка, пристально слѣдя глазами за путешественниками, которые подвигались впередъ, описывая круги по льду.

— Нѣтъ, не они! подтвердилъ Ваня.

— Ну, вотъ, то-то же и есть! Эхъ вы, сороки! вымолвилъ Глѣбъ сурово, обращаясь къ бабамъ.

Бабы стояли, какъ ошеломленныя. Несмотря на то, что

онѣ уже двадцать разъ обманывались такимъ образомъ, имъ какъ будто все еще въ голову не прiходило, что на Окѣ, кромѣ Василiя и Петра, могутъ показаться другiе люди: опытъ въ этомъ случаѣ ни къ чему не служилъ. Бабы стояли, какъ ошеломленныя. Вскорѣ, однакожъ, руки и ноги ихъ снова обрѣли движенiя; а вмѣстѣ съ ними развязался и самый языкъ. Досадливое чувство не замедлило уступить мѣсто любопытству. Всѣ три поспѣшили къ Глѣбу, Ванюшкѣ и Гришкѣ, которые стояли на самой окраинѣ берега и кричали прохожимъ, заставляя ихъ принимать то или другое направленiе и предостерегая ихъ отъ опасныхъ мѣстъ; бабы тотчасъ же присоединились къ старому рыбаку и двумъ молодымъ парнямъ и такъ усердно принялись вторить имъ, какъ будто крикомъ своимъ хотѣли выместить свою неудачу.

На этотъ разъ, впрочемъ, было изъ чего суетиться. Вчужѣ забиралъ страхъ при видѣ живыхъ людей, которые, можно сказать, на ниточкѣ висѣли отъ смерти: мѣстами вода, успѣвшая уже затопить, во время дня, половину рѣки, доходила имъ до колѣнъ; мѣстами приводилось имъ обходить проруби или перескакивать черезъ широкiя трещины, поминутно преграждавшiя путь. Дороги нечего было искать: ея вовсе не было видно; слѣдовало идти на-авось: гдѣ ледъ держитъ пока ногу, туда и ступай.

— Гей, братцы, забирайте лѣвѣй, лѣвѣй забирайте! прямо не ходите! кричалъ Глѣбъ.

— Прямо не ходитѣ!.. не ходитѣ!.. Ахъ ты, Господи, того и смотри, обломятся! дружно вторили бабы.

Но путешественники, которыхъ числомъ было шесть, хотя и внимательно, казалось, прислушивались къ голосамъ людей, стоявшихъ на берегу, тѣмъ не менѣе, однакожъ, все-таки продолжали идти своей дорогой. Они какъ словно дали крѣпкiй зарокъ ставить ноги въ тѣ самыя углубленiя, которыя производили лаптишки ихъ предводителя—коренастаго, пожилого человѣка, съ огромною пилою на правомъ плечѣ; а тотъ, въ свою очередь, какъ словно далъ зарокъ не слушать никакихъ совѣтовъ и дѣйствовать по внушенiю какихъ-то тайныхъ убѣжденiй.

— Вишь, смѣлые какiе! того и смотри, обломятся! говорилъ Глѣбъ.

— Обломятся! знамо обломятся... Ахъ ты, Господи! подхватили съ увѣренностью бабы.

— Эй, ребята! снова крикнулъ Глѣбъ, когда путники приблизились къ мѣсту, гдѣ рѣка представляла длинное озеро,—стойте, говорятъ вамъ,—стойте, не ходите!

При этомъ предводитель съ пилою на плечѣ остановился; за нимъ тотчасъ же остановились и другіе.

— Гей? отозвался предводитель, вопросительно обращаясь къ стоявшимъ на берегу.

— Не ходи прямо! развѣ не видишь? закричалъ Глѣбъ.

— А что? отозвался предводитель.

— А то же, что воды отвѣдаешь: потонешь—вотъ что! Обойди кругомъ, говорятъ!.. Намедни и то сосновскій мельникъ тутъ возъ увязилъ...

— Насилу вытащили! подхватили бабы въ одинъ голосъ.

Предводитель отступилъ шагъ назадъ и поправилъ шапку. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ направо: вода съ этой стороны затопляла рѣку на далекое разстояніе; посмотрѣлъ налѣво: съ этой стороны вода простиралась еще дальше. Предводитель снова поправилъ шапку, тряхнулъ пилою и пошелъ отхватывать прямо, останавливаясь, однакожъ, кое-гдѣ и пощупывая ногами ледъ, скрытый подъ водою. Остальные путники, какъ бараны, послѣдовали тотчасъ же за своимъ товарищемъ.

На берегу между тѣмъ воцарилось глубокое молчаніе; говорили одни только глаза, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившіе за каждымъ движеніемъ смѣльчаковъ, которые съ минуты на минуту должны были обломиться, юркнуть на дно рѣки и „отвѣдать водицы“, какъ говорилъ Глѣбъ.

XI.

Прохожіе.

Смѣльчаки, однакожъ, не обламывались. Слѣдуя гуськомъ за своимъ предводителемъ, шмыгавшимъ въ водѣ по колѣни, они продолжали подвигаться впередъ. Немного погодя, благополучно выбрались они на свѣжую полосу, отдѣлявшую ихъ отъ берега шаговъ на сто.

То были пильщики и шерстобиты, или „волнотёпы“, какъ называютъ ихъ преимущественно по деревнямъ. Послѣднихъ можно было узнать по длиннымъ чернымъ шестамъ, сдѣланнымъ наподобіе контрбасныхъ смычковъ, съ тою разницею, однакожъ, что волосъ замѣнялся здѣсь

толстою струною изъ бычачьей жилы; смычки эти болтались за спиною и торчали изъ-за плечъ, какъ ружья у черкесовъ. Широкія лоснящіяся пилы плавно покачивались на плечахъ другихъ молодцовъ. Кромѣ этихъ ремесленныхъ орудій, за спиною почти каждаго виднѣлся холстяной мѣшокъ, который, судя по объему, могъ только вмѣщать рубаху да еще, можетъ статься, заработанныя деньжишки, завязанныя въ тряпицу; тутъ же, подлѣ мѣшковъ, или на верхнихъ концахъ пилъ и смычковъ качались сапоги, весьма похожіе на сморчки, но которыми владѣльцы дорожили очевидно болѣе, чѣмъ собственными ногами, обутыми въ никуда не годные лаптишки, свободно пропускавшіе воду.

Вскорѣ всѣ шестеро достигли берега. Лица ихъ выражали такую же беззаботливость и спокойствіе, какъ будто они только что прошлись по улицѣ. Все ограничилось тѣмъ только, что предводитель тряхнулъ пилою и сказалъ:

— Ну ужъ дорожка!

— Да таки — ништо! смѣясь возразилъ Глѣбъ. — Ну, братцы, посмотрѣли мы на васъ: хваты,—нечего сказать!

— Какъ это вы, батюшки, такъ-то... а-и! а-и! проговорили бабы, съ любопытствомъ осматривая пришельцевъ.

Предводитель снялъ низенькую шапку, отороченную лохмотьями бѣлаго барана, опустилъ конецъ пилы наземь и засѣменилъ ногами мелкую дробь, при чемъ брызги воды полетѣли на присутствующихъ.

Выходка эта особенно пріятно подѣйствовала на одного изъ товарищей предводителя—молодого дѣтину съ глуповатой физіономіей, острымъ, любопытнымъ носомъ и бѣлыми какъ сахаръ зубами.

— Эхъ, Нефедка!.. о-о! шутъ его возьми!.. о-о!.. могъ только проговорить онъ и залился дребезжащимъ смѣхомъ, отъ котораго задрожали его полныя щеки.

Нефеду, то-есть предводителю, было безъ малаго лѣтъ пятьдесятъ. На головѣ его начали уже вытираться волосы, сквозь которые сильно просвѣчивало красное, приплюснутое, глянцовитое темя; носъ Нефеда, комически вздернутый кверху, краснѣлъ такъ ярко, что, казалось, отражалъ свѣтъ свой на остальныя части лица; носъ этотъ, въ товариществѣ съ мутными, стеклянистыми глазами, не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Нефедъ частенько пралъ косушку и даже недавно захватилъ куражу. За спиною Нефеда не было ни сапоговъ, ни мѣшка; все иму-

щество его ограничивалось пилою и трубкой, величиною съ наперстокъ; объѣденный чубучокъ этой трубки высовывался изъ бокового кармана далеко не казистаго полушубка,—совсѣмъ даже никуда не годнаго полушубка. Гуляка и пьянчужка выглядывали изъ каждой прорѣхи его одежды. Однимъ словомъ, Нефедъ съ перваго взгляда давалъ знать, что принадлежитъ къ тѣмъ общипанцамъ, которыхъ въ простонародьи величаютъ обыкновенно „голудвою кабацкой".

— Ну, ужъ, братцы, милостивъ къ вамъ Господь! продолжалъ Глѣбъ, значительно подымая густыя свои брови,— не чаялъ я увидѣть васъ на нашемъ берегу; на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ вы черезъ воду-то проходили, вечоръ сосновскій мельникъ возъ увязилъ...

— Насилу вытащили! замѣтили бабы съ такою живостью, какъ будто несчастіе было передъ ихъ глазами.

— Дивлюсь я, право, какъ этакъ Богъ помиловалъ, продолжалъ старый рыбакъ, — ледъ-то добре подточило,—почти весь измодѣлъ; плохая опора: какъ разъ солжетъ!..

— Ничаво, вишь: проѣхали! маленько вотъ только носочки подмочили! сиплымъ, надорваннымъ голосомъ произнесъ Нефедъ, разставляя вымокшія до колѣнъ ноги и осматривая лаптишки.

Всѣ засмѣялись, а молодой парень съ бѣлыми зубами пуще всѣхъ; даже шапка его скосилась и колѣни подогнулись.

Во все продолженіе предыдущаго разговора онъ подобострастно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Нефеда,— казалось, съ какою-то даже ненасытною жадностію впивался въ него глазами; какъ только Нефедъ обнаруживалъ желаніе сказать слово или даже поднять руку или повернуть голову, у молодого парня были уже уши на макушкѣ; онъ заранѣе раскрывалъ ротъ, оскаливалъ зубы, быстро окидывалъ глазами присутствующихъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „слушайте, слушайте, что скажетъ Нефедъ!" и тотчасъ же разражался неистовымъ хохотомъ. Всего замѣчательнѣе было то, что хотя въ поступкахъ и словахъ Нефеда не было ничего особенно забавнаго или остраго, почти всѣ слѣдовали примѣру молодого дѣтины.

— Откуда, братцы? началъ Глѣбъ.

— Изъ Серпухова, отвѣчалъ одинъ изъ шерстобитовъ.

— Гм! понимаю...

— А мы изъ Шушелова! знаешь Шушелово? сказалъ Нефедъ.

Молодой парень замигалъ глазами и заранѣе раскрылъ ротъ.

— Слыхать слыхалъ, а бывать не бывалъ, произнесъ Глѣбъ.—Далече отселева?

— Да, ништо—рукой не достанешь.

Всѣ засмѣялись.

— Онъ оттедова,—всѣ шерстобиты оттедова, подхватилъ прежній шерстобитъ.

— Куда Богъ несетъ?

— Въ Рязань... не то, чтобы въ самый городъ, а подлѣ, въ деревню. Всѣ идемъ въ одно мѣсто, отвѣчалъ шерстобитъ.

— Та-а-къ, пробормоталъ Глѣбъ.

— Батюшки, заговорила неожиданно тетка Анна,—не встрѣчали ли, касатики, нашихъ ребятъ?

— А то какъ же! вѣстимо, встрѣтили: „кланяйся, говорили, маменькѣ, цѣлуй у ней ручки!“ началъ было Нефедъ, къ неописанному восторгу молодого парня.

Но Глѣбъ перебилъ его.

— Глупая! развѣ не видишь: смѣются! Хошь бы и встрѣтили, они нешто нашихъ ребятъ знаютъ? чай, на лбу не написано!..

— Да я такъ только... батюшка... авось, молъ, они...

— Ступай-ка, ступай лучше! полно вздоръ-то молоть! перебилъ мужъ, слегка поворачивая жену за плечи.— Ступайте и вы, бабы! что тутъ пустое болтать! пора за работу приниматься.

— А что, примѣрно, любезный, не Глѣбомъ ли васъ звать? спросилъ вдругъ одинъ изъ шерстобитовъ, человѣкъ сухощавый и длинный какъ шестъ, съ плоскими желтыми волосами и блѣдно-голубыми глазами, вялыми и безжизненными.

Онъ выглядывалъ до того времени изъ толпы товарищей, какъ страусъ между индѣйками; говорилъ онъ глухимъ, гробовымъ голосомъ, при каждомъ словѣ глубокомысленно закрывалъ глаза, украшенные бѣлыми рѣсницами, и вообще старался сохранить видъ человѣка разсудительнаго, необычайно умнаго и даже, если можно, ученаго.

Глѣбъ далъ утвердительный отвѣтъ.

— Вамъ, любезный человѣкъ, примѣрно, то-есть, по-

клонъ посылаютъ, съ достоинствомъ проговорилъ разсудительный шерстобитъ.

— Кто жъ бы такой?

— Станете проходить, говоритъ, черезъ Оку, по дорогѣ къ Сосновкѣ, увидите, говоритъ, рыбака Глѣба Савинова, кланяйтесь, говоритъ, и нижайше...

— Ну, пошелъ, пучеглазый, размазывать! тянетъ словно клещами хомутъ надѣваетъ! грубо перебилъ Нефедъ.— Кланяться наказывалъ тебѣ старичокъ изъ Комарева... Кондратьемъ звать... вотъ-те и все!

Долговязый шерстобитъ презрительно отвернулся; несмотря на всю свою разсудительность, онъ, какъ видно, былъ изъ числа самыхъ щепетильныхъ, обидчивыхъ. Чувство тончайшей деликатности, заставлявшее его говорить всѣмъ *вы*, было сильно оскорблено грубостію Нефеда.

— А, да! озерской рыбакъ! сказалъ Глѣбъ.—Ну, что, какъ тамъ его Богъ милуетъ?.. Съ недѣлю, почитай, не видались; онъ за половодьемъ перебрался съ озера въ Комарево... Скучаетъ, я чай, работой? Старикъ куды-те завистливый къ дѣлу—хлопотунъ!

Шерстобитъ закрылъ уже глаза и хотѣлъ что-то промолвить, но Нефедъ снова перебилъ его.

— Объ дѣлахъ не раздобаривалъ: наказывалъ только кланяться! сказалъ Нефедъ. — Ну, что жъ мы, братцы, стали? добавилъ онъ, приподнявъ пилу,—пойдемъ къ избамъ! Сватъ Глѣбъ не поскупится соломой: дастъ обложить лаптишки.

— Что жъ? посидите. Можно и соломы дать, проговорилъ Глѣбъ, медленно поворачиваясь спиною къ рѣкѣ и направляясь къ тому мѣсту, гдѣ прежде работалъ.

Прохожіе подняли свои мѣшки и пошли за нимъ.

— Ну, а какъ, сватъ Глѣбъ, какъ у тебя насчетъ, примѣрно, винцо есть? неожиданно сказалъ Нефедъ, покрякивая и прищуривая лѣвый глазъ.

— Нѣтъ, мы этимъ не занимаемся.

— Пустое самое дѣло! глубокомысленно замѣтилъ разсудительный шерстобитъ, но такъ, однакожъ, чтобы не могъ разслышать этого необразованный Нефедъ.

— Полно, сватъ! э! Ты думаешь, на мнѣ кафтанишко-то рваный, такъ ужъ я... Я вѣдь не даромъ прошу, приставалъ Нефедъ.

— Знамо, что не даромъ, насмѣшливо возразилъ Глѣбъ.— Не осуди въ лаптяхъ: сапоги въ саняхъ!.. Да съ чего ты

такъ разохотился: стало-быть, денегъ добре много несешь?

— Давай только; за этимъ не постоимъ! крикнулъ Нефедъ, торопливо вынимая трубчонку и выворачивая при этомъ пустой карманъ.

Раздался хохотъ.

— Въ карманѣ-то у него, видно, сухотка.

— Всего одна прорѣха и есть!

— Хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти!

— Эхъ ты! вымолвилъ Глѣбъ, усмѣхнувшись.

— Чего зубы-то обмываете! сказалъ Нефедъ.—Съ собой, знамо нѣту: опасливо носить; по поштѣ домой отослалъ... А вотъ у меня тутъ въ Сосновкѣ тетка есть; какъ пойдемъ, накажу ей отдать тебѣ, сватъ, за вино... Душа вонъ, коли такъ!

— Какъ ее звать-то? я въ Сосновкѣ всѣхъ знаю.

— Матреной... первая изба съ краю...

— Что жъ ты не сказывалъ намъ про эту тетку-то? замѣтилъ кто-то изъ пильщиковъ.

— А что говорить!.. Душа вонъ, коли тетки нѣту.

— Нѣтъ, братъ, долго ждать; можетъ статься, она у тебя еще въ бѣгахъ, сказалъ, смѣясь, Глѣбъ.

— Э! крикнулъ Нефедъ, махнувъ рукой, и поплелся впередъ, сопровождаемый молодымъ парнемъ, который не переставалъ держаться за бока.

— Должно быть, человѣкъ бездѣтный? спросилъ Глѣбъ, указывая головою на Нефеда.

— Какое! восьмеро ребятъ, малъ-мала-меньше, отвѣчалъ одинъ изъ пильщиковъ,—да такой ужъ человѣкъ безшабашный. Какъ это попадутъ деньги — бѣда! вотъ хоть бы теперь: всю дорогу пьянствовалъ. Не знаю, какъ это, съ чѣмъ и домой придетъ.

— Разсудка своего человѣкъ, примѣрно, то-есть, не имѣетъ, проговорилъ длинный шерстобитъ, закрывая глаза,—ему, видно, такъ-то вольготнѣе.

— Вотъ, братцы, посидите, отдохните, вымолвилъ Глѣбъ, когда всѣ подошли къ лодкамъ,—а вы полно глазѣть-то! за дѣло! прибавилъ онъ, обратившись къ Гришкѣ и Ванѣ, которые до того времени прислушивались къ разговору.

Тутъ старый рыбакъ повернулся къ воротамъ и велѣлъ Василисѣ принести охапку соломы.

— Эй, Василисушка-любушка! заголосилъ Нефедъ, успѣв-

шій уже развалиться между вершами,—захвати-ка кваску—ротъ прополоснуть: смерть горло пересохло!

— Я полагаю, болѣе всего отъ эвтаго отъ табаку оно такъ-то у тебя пересыхаетъ, посмѣиваясь, сказалъ рыбакъ,—ты, вишь, и трубочку, видно, покуриваешь... на всѣ руки гораздъ.

Вмѣсто отвѣта, Нефедъ перевалился на бокъ и молодцовато сунулъ чубукъ въ ротъ.

— Что жъ ты ее не запалишь? али табаку нѣту?

— Вмѣстѣ съ сапогами въ Комаревѣ обронилъ... И не надыть его, табаку-то, я и то всю дорогу курилъ безперечь, инда весь ротъ выжегъ.

— Охъ-о-о... Нефедка... балясникъ... о! закатился снова молодой парень.

— У него табаку-то и въ заводѣ не было: всю дорогу такъ-то одинъ чубукъ глодалъ, промолвилъ одинъ изъ пильщиковъ.

Квасъ и солома не замедлили явиться.

Прохожіе сняли мокрые лапти и принялись перекладывать ихъ соломой; между тѣмъ Глѣбъ и молодые помощники его усѣлись за работу. Разговоръ снова завязался. Но въ немъ уже не принималъ участія Нефедъ: сначала онъ прислонился спиною къ лодкѣ и, не выпуская изо рта пустой трубки, сталъ какъ словно слушать; мало-помалу, однакожъ, глаза его закрылись, губы отвисли, голова покачнулась на сторону и увлекла за собою туловище, которое, свѣшиваясь постепенно на бокъ, грохнулось наконецъ на землю. Но Нефедъ ничего уже не чувствовалъ; онъ не чувствовалъ даже, какъ трубка вывалилась у него изо рта. Черезъ минуту отъ храпа его заволновались даже лохмотья рукава, нечаянно попавшаго, вмѣстѣ съ рукою, подъ голову. Два-три пинка, удачно направленные въ бокъ молодого парня съ бѣлыми зубами, предостерегали его отъ новаго взрыва хохота, и съ этой минуты лицо его какъ словно одеревенѣло. Мало-по-малу, однакожъ, глаза его, все еще не покидавшіе спящаго Нефеда, начали соловѣть и смежаться; немного погодя, зубастый парень растянулся на-земь и, подложивъ подъ голову шапку, предался отдыху; примѣру его послѣдовали двое другихъ товарищей.

Разговоръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ.

— Знамое дѣло, какія теперь дороги! И то еще удивленію подобно, какъ до сихъ поръ рѣка стоитъ; въ другіе

годы въ это время она давно въ берегахъ... Я полагаю, дюжи были морозы — ледъ-то добре закрѣпили; оттого долѣе она и держитъ. А все, по-настоящему, пора бы разступиться! Вишь, какое тепло: мокрая рука не стынетъ на вѣтрѣ! Вотъ вороны и жаворонки недѣли три какъ ужъ прилетѣли! говорилъ Глѣбъ, околачивая молоткомъ желѣзное остріе багра.

— И то вороны прилетѣли! Я самъ встрѣлъ двухъ на дорогѣ, сказалъ одинъ изъ бодрствующихъ пильщиковъ, маленькій человѣкъ, съ остроконечной бородкой, которая, безъ сомнѣнія, должна была имѣть какое-нибудь тайное сообщеніе съ языкомъ своего владѣльца, потому что, какъ только двигался языкъ, двигалась и бородка.—А что, братецъ ты мой—Глѣбомъ, что ли, звать? да, подхватилъ онъ,—правда ли, сказываютъ, будто вороны эти, вотъ въ эвту самую пору, купаютъ дѣтей своихъ въ прорубяхъ? Сказываютъ, вишь: они отпущаютъ ихъ въ отдѣлъ, на „особное“ семейное жительство... Да ты, я чай, слыхалъ объ этомъ?

— Какъ не слыхать! слыхалъ. Самому, правда, не приходилось видѣть, а отъ стариковъ слыхалъ неоднова, отвѣчалъ Глѣбъ, шутливое расположеніе котораго, вызванное на минуту выходками Нефеда, замѣтно проходило.

— Я полагаю, все это то-есть такъ... пустое, примѣрно... болтаютъ, разумнымъ тономъ замѣтилъ длинный шерстобитъ.

— Съ чего жъ пустое? Можетъ статься, оно и такъ, какъ онъ говоритъ; на свѣтѣ и не такія диковинки бываютъ. Вотъ хошь бы теперь: по времени давно бы пора пахарю радоваться на озими, намъ—неводъ забрасывать; а на полѣ все еще снѣгъ пластомъ лежитъ, рѣка льдомъ покрыта, возразилъ Глѣбъ, обращаясь къ шерстобиту, который сидѣлъ съ зажмуренными глазами и, казалось, погруженъ былъ въ глубокую думу.—Мудренаго нѣтъ, продолжалъ рыбакъ,—того и жди „внучка за дѣдомъ придетъ“ *): новый еще снѣгъ выпадетъ. Разъ такъ-то, помнится, ужъ совсѣмъ весна наступила, ужъ листъ въ заячье ухо развернулся и цвѣты были на лугахъ, вдругъ, отколѣ ни возьмись, снѣгъ: въ одну ночь по колѣно на-

*) Такъ говорится о позднемъ весеннемъ снѣгѣ, который, падая на старый снѣгъ и тотчасъ же превращаясь въ воду, просачиваетъ его насквозь и уноситъ съ земли.

валилъ; буря такая, сиверка, и Боже упаси! Сдается по всему, и нонче тому же быть!

— Все можетъ быть... все!.. все во власти Божіей, вымолвилъ шерстобитъ, задумчиво наклоняя голову.

— Съ чего жъ ты думаешь—быть опять снѣгу! заговорилъ пильщикъ, двигая бородой.

— Конечно, все въ рукѣ Божіей, во всемъ Его святая воля, подхватилъ Глѣбъ,—но я говорю такъ-то—по примѣтамъ сужу! Вотъ теперь у тестя моего старшаго сына—вотъ что ждемъ то,—у тестя въ Сосновкѣ коровы стоятъ (держитъ болѣ для робятъ; безъ этого нельзя: не все хлѣбъ да капуста, ину пору и молочка захоцца похлебать, особливо ребятишкамъ)... ну, такъ вотъ, говорю, коровы у него стоятъ теперь смирно, не шелохнутся; смекай, значитъ, коли такъ: быть опять снѣгу. Ужъ это такъ вѣрно, какъ вотъ пять пальцевъ на рукѣ. Скотина весну чуетъ лучше человѣка: ужъ коли весна устанавливается, идетъ на коренную, скотину ни за что не удержишь въ хлѣвѣ: овца ли, корова ли, такъ и реветъ; а выпустилъ изъ хлѣва, пошла по кустамъ рыскать,—не соберешь никакъ!.. Эта примѣта ни за что не обманетъ!

— Видишь ты, вѣдь вотъ и разума не имѣетъ, а вѣдь вотъ чуетъ же, поди ты! произнесъ пильщикъ, потряхивая бородкой. — Да, промолвилъ онъ, пожимая губами, — а только нонѣ придетъ ли весна ранняя, придетъ ли поздняя, все одно: скотинѣ нашей плохо,—куды плохо будетъ!

— Съ чего жъ такъ?

— Хвостъ стала что то откидывать! такъ вотъ и дохнутъ всѣ... И Богъ знаетъ что̀ такое!

— Ой-ли?

— Истинно такъ, дохнутъ... оченно много дохнутъ, подтвердилъ шерстобитъ,—самому трафилось видѣть.

— Что за притча такая? съ чего бы значитъ это? напущено, что ли?.. Сказываютъ, хвороба эта — моромъ, кажись, звать,—не сама приходитъ: завозитъ, ее, говорятъ, лихой человѣкъ, сказалъ пильщикъ.

При этомъ разсудительный шерстобитъ сомнительно улыбнулся, медленно закрылъ глаза и покрутилъ головою.

— Я полагаю, то-есть, примѣрно, такъ только, пустое болтаютъ, произнесъ онъ, съ чувствомъ достоинства.— Простой народъ, онъ разсудка своего не имѣетъ... и болтаетъ—выходитъ, пустое, заключилъ онъ, поглядывая на

стараго рыбака, съ видомъ взаимнаго сочувствія и стараясь улыбнуться.

Но лицо Глѣба, къ великому удивленію глубокомысленнаго скептика, осталось совершенно спокойнымъ. Не поднимая высокаго, наморщеннаго лба, склоненнаго надъ работой, рыбакъ сказалъ серьезнымъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Нѣтъ, любезный, не говори этого. Пустой рѣчи не дологъ вѣкъ. Объ томъ, что вотъ онъ говорилъ, и дѣды и прадѣды наши знали; ужъ коли да весь народъ вѣру далъ, стало есть въ томъ какая ни на есть правда. Одинъ человѣкъ солжетъ, пожалуй: всякъ человѣкъ—ложь, говорится,—да только въ одиночку; міръ правду любитъ...

— Вѣстимо такъ, ужъ коли всѣ заодно говорятъ, стало, съ чего-нибудь да берутъ, стало, есть правда, подхватилъ пильщикъ.—Я объ этой коровьей смерти сколько разъ отъ старыхъ стариковъ слышалъ: точно, завозятъ, говорятъ, ее, а не сама приходитъ. Прилучилось это, вишь, впервые съ какимъ-то мужичкомъ, началъ онъ съ такою живостью, какъ будто вступался за мать родную,—ѣхалъ этотъ мужичокъ съ мельницы, ко двору подбирался. Дѣло было къ вечеру, маленечко примеркать стало. И выѣхалъ онъ на поляну. Отколь ни возьмись, подходитъ къ нему старуха: „Подвези меня, говоритъ, дѣдушка!“—„Куда тебя? говоритъ... то-есть онъ то говоритъ ей: куда тебя?“ говоритъ. А она опять: „Подвези, говоритъ—хошь до своей до деревни: моченьки моей нѣтъ!“ А онъ ей: „Ты какая такая?“ говоритъ.—„Вотъ, родимый, говоритъ этто она ему,—вотъ, говоритъ, я лѣчейка, коровъ лѣчу!“—„Гдѣ-жъ ты, говоритъ, лѣчила?“—„А лѣчила я, говоритъ, у добрыхъ у людей, да не въ пору за мной послали; захватить не успѣла—весь скотъ передохъ!“ Ну, посадилъ онъ это ее къ себѣ въ сани, поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали. Давно пора бы дома быть, анъ лихъ—не дается; куда ни глянетъ, все поляна идетъ; и не знать, что такое! Человѣкъ былъ преклонный; снялъ онъ это шапку и перекрестился: „Господи Боже, говоритъ, помилуй насъ, грѣшныхъ!“ Смотритъ, а ужъ старухи-то и нѣтъ съ нимъ; глядь, подлѣ самыхъ саней бѣжитъ какая-то черная собака... Онъ ничего. Ну, попалъ это онъ на слѣдъ, старикъ-атъ, пріѣхалъ домой, на дворъ въѣзжаетъ, и собака за нимъ. Вотъ это и выходитъ, привезъ онъ съ собою коровью смерть. На другое утро по всей его деревнѣ ни одной коровенки не оста-

лось! заключилъ пильщикъ, разглаживая бородку, которая во все время разговора работала заодно съ языкомъ.

— Много, можетъ-статься, тутъ и пустого, а правда все-таки должна быть,—не безъ этого! сказалъ рыбакъ.— Полагаю такъ: завезъ эту коровью смерть какой лихой человѣкъ въ нашу русскую землю. Вѣдь вотъ завозятъ же чуму изъ Туречины... не сама же приходитъ! А тутъ, извѣстно, ужъ и старуху приплели, и собаку... На пустыя рѣчи податливъ человѣкъ! сколько на свѣтѣ головъ, столько и умовъ — всякій по-своему мерекаетъ. На то Господь и разумъ далъ: слушать слушай, а правду распутывай. Не все то перенимай, что по рѣкѣ плыветъ; то-то же оно и есть! Правда-то, иной разъ, что пискарь въ неводѣ: забьется промежъ петель и не видать совсѣмъ; ну, а какъ поразберешь складки-то, все окажется... Да полно, ребята, точно ли задалась такая причина? Кажись бы, не съ чего быть скотскому падежу. Осень въ прошломъ году была ранняя, сухая; листъ отпалъ до перваго снѣгу... Не слѣдъ бы быть этому.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! а все дохнетъ, братецъ ты мой! подхватилъ пильщикъ. — Не знаемъ, какъ дальше будетъ, а отъ самаго Серпухова до Комарева, сами видѣли, такъ скотина и валится. А въ одной деревнѣ такъ до послѣдней шерстинки все передохло, ни одного копыта не осталось. Какъ бишь звать-то эту деревню? какъ бишь ее, заключилъ онъ, обращаясь къ длинному шерстобиту,— ну, вотъ еще гдѣ наборъ-то собирали... какъ...

— Какой наборъ? спросилъ Глѣбъ, неожиданно подымая голову.

— Некрутовъ брали... какъ бишь ее, эту деревню?.. Еще двѣ церкви... эхъ, запамятовалъ... Лы... Лысыя Мухи, что ли... нѣтъ, не то! бормоталъ пильщикъ.

Но Глѣбъ уже не слушалъ пильщика; безпечное выраженіе на лицѣ его словно сдуло порывомъ вѣтра; онъ разсѣянно водилъ широкою своею ладонью по багру, какъ бы стараясь собрать мысли; забота изображалась въ каждой чертѣ его строгаго, энергическаго лица. Дѣло вотъ въ чемъ: Глѣбъ давно зналъ, что при первомъ наборѣ очередь станетъ за его семействомъ; приписанный къ сосновскому обществу, онъ уже нѣсколько лѣтъ слѣдилъ за наборами, хотя, по обыкновенію своему, виду не показывалъ домашнимъ. Старый рыбакъ не подозрѣвалъ только, чтобы очередь пришла такъ скоро; неожиданность извѣ-

стія, какъ и слѣдуетъ ожидать, смутила нѣсколько старика, который, между прочимъ, давно уже обдумалъ всѣ обстоятельства и сдѣлалъ свои распоряженія. Онъ поспѣшилъ, однакожъ, подавить въ себѣ смущеніе, поспѣшно схватилъ багоръ и принялся еще усерднѣе работать. Минуту спустя Глѣбъ снова поднялъ голову.

— Неужто точно наборъ? проговорилъ онъ.

— Точно: сами видѣли; сказываютъ, вишь, война идетъ.

— Истинно такъ, поддакнулъ глубокомысленный шерстобитъ.

— Да чему же ты такъ удивляешься? развѣ до тебя очередь дошла? спросилъ пильщикъ, обращая къ рыбаку остріе своей бородки.

— Нѣтъ, очереди нѣтъ никакой; я такъ спрашиваю, проговорилъ Глѣбъ твердымъ, увѣреннымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ глаза его безпокойно окидывали Ваню и Гришу, которые работали въ десяти шагахъ.

Оба такъ усердно были заняты своимъ дѣломъ, что, казалось, не слушали разговора. Этотъ короткій, но проницательный взглядъ, украдкою брошенный старымъ рыбакомъ на молодыхъ парней, высказалъ его мысли несравненно краснорѣчивѣе и опредѣленнѣе всякихъ объясненій; глаза Глѣба Савинова, обратившіеся сначала на сына, скользнули только по бѣлокурой головѣ Вани: они тотчасъ же перешли къ пріемышу и пристально на немъ остановились. Морщины Глѣба расправились.

Но это продолжалось всего одну секунду; онъ опустилъ голову, и лицо его приняло снова строгое, задумчивое выраженіе. Мало-по-малу онъ снова вмѣшался въ разговоръ; но рѣчь его была отрывиста, принужденна. Бесѣда шла страшными извилинами, предметъ розсказней измѣнялся безпрерывно между пильщикомъ и шерстобитомъ, но, со всѣмъ тѣмъ, строгое, задумчивое лицо Глѣба оставалось все то же.

Оно ни на волосъ не измѣнилось, даже тогда, когда громкій хохотъ зубастаго парня, дружно подхваченный пильщикомъ, возвѣстилъ пробужденіе Нефедки.

— Ну, ребята, пора! вставай! время идти! заговорилъ пильщикъ, толкая другихъ товарищей, которые также спали,—ну, поворачивайся, что ли, ребята!

— Господи! Господи! бормотали ребята, зѣвая и потягиваясь.

— Полно вамъ, вставай! вишь, замораживать начи-

наетъ; дѣло идетъ къ вечеру. Надо къ ночи поспѣть въ Сосновку... Ну, ну!

— А что, любезный человѣкъ, сколько, примѣрно, то-есть, считаете вы до Сосновки? спросилъ разсудительный шерстобитъ, обращаясь къ рыбаку.

— Семь верстъ, отвѣчалъ тотъ сухо.

— И все, примѣрно, то-есть, по этой дорогѣ идтить, что за вашими избами по горѣ вьется?

— Да, отвѣчалъ Глѣбъ, кивнулъ головою и отвернулся.

Деликатныя чувства галантерейнаго шерстобита, казалось, вовсе не ожидали такого обхожденья; онъ выпрямился съ чувствомъ достоинства, закрылъ глаза, какъ будто готовился сдѣлать какое-нибудь глубокомысленное замѣчаніе, но измѣнилъ видно свое намѣреніе, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ на спину смычокъ и, сухо поклонившись, пошелъ своею дорогой.

— Ну, ребята, идемъ! говорилъ между тѣмъ пильщикъ, подсобляя товарищамъ снаряжаться,—пойдемъ въ Сосновку, поглядимъ на Нефедкину тетку! у ней и ночуемъ!

— О-о! Нефедка!.. вишь... шутъ, баляснивъ... о-о! заливался парень съ бѣлыми зубами, глядя на Нефеда, который покрякивалъ и хмурился, разглаживая встрепавшіеся волосы.

— Чего ты зубы-то скалишь? Вотъ я тебѣ ребры-то посчитаю! закричалъ Нефедъ грубымъ, суровымъ голосомъ, который ясно уже показывалъ, что хмель, благодаря крѣпкому сну, не отуманивалъ его головы—обстоятельство, всегда повергавшее Нефеда въ мрачное, несообщительное расположеніе духа.

Онъ сунулъ трубку въ карманъ, поднялъ пилу, нахлобучилъ шапку и, не заботясь о товарищахъ, которые прощались съ рыбакомъ, покинулъ площадку; минуту спустя, толпа прохожихъ послѣдовала за своимъ предводителемъ, который, успѣвъ уже нагнать шерстобита, показался на тропинкѣ крутого берега, высоко подымавшагося надъ избами рыбака.

Проводивъ ихъ разсѣяннымъ взглядомъ, Глѣбъ нетерпѣливо повернулся къ женѣ и снохамъ, которыя снова выбѣжали на площадку и, не видя Петра и Василія, снова разразились жалобами и вздохами.

— Чего вы опять? чего, въ самомъ дѣлѣ, разбѣгались? закричалъ неожиданно Глѣбъ такимъ страшнымъ голосомъ, что не только бабы, но даже Ваня и Гриша оторопѣли.

Всю остальную часть дня Глѣбъ не былъ ласковѣе со своими домашними. Каждый изъ нихъ судилъ и рядилъ объ этомъ по-своему, хотя никто не могъ дознаться настоящей причины, измѣнившей его расположеніе. Послѣ ужина, когда всѣ полегли спать, старый рыбакъ вышелъ за ворота—поглядѣть, какая будетъ на завтра погода.

Небо было облачно. Тьма кромѣшная окутывала мѣстность; вѣтеръ глухо завывалъ посреди ночи.

Старый рыбакъ сѣлъ на заваленку, положилъ голову между ладонями и нетерпѣливо уткнулъ локти въ колѣни.

„Жаль, что говорить!“ бормоталъ онъ, продолжая, вѣроятно, нить размышленій, не покидавшихъ его во весь вечеръ; „жаль, попривыкли! да и работникъ, того, дюжій... жаль, ну, да вѣдь не какъ своего! Я еще тогда, признаться, какъ дядя Акимъ привелъ его, смекнулъ эвто дѣло... Жаль Гришку! ну, да какъ быть! Требуется—стало, такъ и слѣдуетъ быть. Разсуждать не наше дѣло: да и разсуждать не о чемъ: дѣло настоящее: царство безъ воинства, человѣкъ безъ руки, конь безъ ногъ—одна стать. И то сказать надо: не въ ссылку идетъ, не за худымъ какимъ дѣломъ. Идетъ парень на службу, на царскую; царю-батюшкѣ служить идетъ... Вѣстимо, на первыхъ-то порахъ только разстаться жаль словно; ну, да авось Господь приведетъ увидаться: не въ ссылку идетъ... Эхъ, попривыкли мы къ нему!“ заключилъ Глѣбъ.

Тутъ онъ снова поднялся на ноги, взглянулъ на небо, вернулся на дворъ и пошелъ медленнымъ шагомъ къ старымъ санямъ, служившимъ ему съ Благовѣщенія вмѣсто ложа.

XII.

Возвращеніе.

— Ну, вотъ теперь иное дѣло: теперь они! Дивлюся я только, какъ это прошли! Вишь рѣку-то, почитай, всю ужъ затопило! говорилъ Глѣбъ, спускаясь, на другой день утромъ, по площадкѣ, вмѣстѣ съ Ваней и пріемышемъ.

Жена его, обѣ снохи и внучата бѣжали между тѣмъ впереди, поспѣшая навстрѣчу Петру и Василію, которые подымались уже на берегъ.

Появленіе двухъ рыбаковъ произошло совершенно неожиданно. Если бъ не мать, они подошли бы, вѣроятно, къ самымъ избамъ никѣмъ не замѣченные: семейство си-

дѣло за обѣдомъ; тетка Анна, несмотря на весь страхъ, чувствуемый ею въ присутствіи мужа, который со вчерашняго дня ни съ кѣмъ не перемолвилъ слова, упорно молчалъ и сохранялъ на лицѣ своемъ суровое выраженіе, не пропускала все-таки случая заглядывать украдкою въ окна, выходившія, какъ извѣстно, на Оку; увидѣвъ сыновей, она забыла и самого Глѣба—выпустила изъ рукъ кочергу, закричала пронзительнымъ голосомъ: „Батюшки, идутъ!“ и сломя-голову кинулась на дворъ. Не успѣлъ Глѣбъ поднять головы, какъ обѣ снохи и внучки повскакали съ мѣстъ и пустились за старушкой. Старый рыбакъ, которому давно прискучила суматоха, попусту подымаемая бабами двадцать разъ на дню, сжалъ уже кулаки и посулилъ задать имъ таску, но тотчасъ же умилостивился, когда Ваня и Гриша, пригнувшись къ окну, подтвердили, что Петръ и Василій точно приближаются къ берегу. Онъ не обнаружилъ, однакожъ, никакой торопливости: медленно привсталъ съ лавки и пошелъ за ворота съ тѣмъ видомъ, съ какимъ шелъ обыкновенно на работу; и только когда собственными глазами увѣрился Глѣбъ, что то были точно сыновья его, шагъ его ускорился и брови расправились.

Петръ и Василій много измѣнились съ того времени, какъ мы застали ихъ бесѣдующими съ дядею Акимомъ. Съ той поры прошло безъ малаго десять лѣтъ! Оба преобразились во взрослыхъ, зрѣлыхъ мужей; лица ихъ возмужали и загрубѣли; время и труды провели глубокія борозды тамъ, гдѣ прежде виднѣлись едва замѣтныя складки. Коротенькая, но тучная кудрявая бородка смѣнила легкій пушокъ на щекахъ Василія. Перемѣна замѣтна была, впрочемъ, только въ наружности двухъ рыбаковъ: взглянувъ на румяное, улыбающееся лицо Василія, можно было тотчасъ же догадаться, что веселый, безпечный нравъ его остался все тотъ же; смуглое, нахмуренное лицо старшаго брата, уподоблявшее его цыгану, котораго только-что обманули, его черные глаза, смотрѣвшіе исподлобья, ясно обличали тотъ же мрачно настроенный, несообщительный нравъ; суровая энергія, отличавшая его еще въ юности, но которая съ лѣтами угомонилась и приняла характеръ болѣе сосредоточенный, сообщала наружности Петра выраженіе какого-то грубаго могущества, смѣшаннаго съ упрямой, непоколебимой волей; съ перваго взгляда становилось понятнымъ то вліяніе, которое про-

изводилъ Петръ на всѣхъ товарищей по ремеслу и особенно на младшаго брата, которымъ управлялъ онъ по произволу.

Увидѣвъ жену, мать и дѣтей, бѣгущихъ навстрѣчу, Петръ не показалъ особенной радости или нетерпѣнія; очутившись между ними, онъ началъ съ того, что сбросилъ наземь мѣшокъ, висѣвшій за плечами, положилъ на него шапку, и потомъ уже началъ здороваться съ женою и матерью; черты его и при этомъ остались такъ же спокойны, какъ будто онъ разстался съ домашними всего наканунѣ. Въ отвѣтъ на радостныя восклицанія жены и матери, которыя бросились обнимать его, онъ ограничился двумя-тремя: „здорово!“ послѣ чего повернулся къ дѣтямъ и, спокойно оглянувъ ихъ съ головы до ногъ, снова надѣлъ шапку и взвалилъ на плечи мѣшокъ. Возиться съ бабьемъ и ребятами не было дѣломъ Петра. Онъ предоставилъ брату „хлебать губы“ съ бабами — такъ выражался Петръ, когда дѣло шло о поцѣлуяхъ. Василій не терялъ времени: онъ не переставалъ обниматься и чмокаться со всѣми, не выключая дѣтей Петра и собственной жены, съ которой, годъ тому назадъ, едва успѣлъ познакомиться.

Глѣбъ, Ваня и пріемышъ приближались между тѣмъ къ группѣ, стоявшей на берегу. Увидя отца, Петръ и Василій тотчасъ же сняли шапки, покинули бабъ и пошли къ нему навстрѣчу.

— Здравствуй, батюшка! сказали они, останавливаясь въ трехъ шагахъ отъ отца и отвѣшивая ему низкій поклонъ.

— Здравствуйте, ребята! отвѣчалъ Глѣбъ, останавливаясь въ свою очередь и пристально оглядывая двухъ рыбаковъ, которые торопливо здоровались съ Ваней и Гришкой.

Тутъ Анна, ея сноха и дѣти снова обступили было двухъ рыбаковъ; но на этотъ разъ не только Петръ, но даже и Василій не обратили уже на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Оба покручивали шапки и не отрывали глазъ отъ отца.

— Пришли, батюшка, тебя провѣдать, весело началъ Василій, потряхивая головою и откидывая назадъ волосы.

— Здорово, ребята, здорово! говорилъ Глѣбъ, продолжая оглядывать сыновей и разглаживая ладонью морщины, которыя противъ воли набѣгали и тѣснились на

высокомъ лбу его. — Гдѣ жъ это вы пропадали? Сказывали: за двѣ недѣли до Святой придете, а теперь ужъ Страстная... ась?..

Василій замялся и покосился на брата.

— Не управились, батюшка, равнодушно отвѣчалъ Петръ.

— Что жъ такъ? дѣловъ, что ли, добре много у васъ тамъ?

— Да, таки есть...

— Болѣе отъ хозяина, батюшка, подхватилъ Василій,— кабы не онъ, мы бы давно дома были; посылалъ насъ въ Коломну съ рыбой.

— О-го, о! вотъ какъ! стало, вы у хозяина не токмо рыбаки, да еще и приказчики! произнесъ Глѣбъ, слегка посмѣиваясь.

Но улыбка только скользнула по лицу его. Секунду спустя, оно попрежнему сдѣлалось серьезно и задумчиво.

— Какія же цѣны? почемъ рыба? спросилъ онъ, разглаживая бороду.

— Ну, вотъ, нашелъ о чемъ спрашивать? нетерпѣливо перебила Анна, забывшая уже, на радостяхъ, сумрачное расположеніе своего мужа.— Дай имъ духъ-то перевести; ну, что, въ самомъ-то дѣлѣ, пристали съ рыбой!.. Не изъ Сосновки пришли—изъ дальней дороги... Я чай, проголодались, родненькіе, золотые вы мои! Какъ не быть голодну! вѣстимо! Пойдемте, родные, пойдемте въ избу скорѣй: тамъ погрѣетесь; а нонѣча какъ словно ждали васъ: печку топили... Дай мнѣ, Петруша, мѣшочекъ-то свой: дай понесу, касатикъ. Аграфена, возьми у мужа мѣшокъто... что стоишь! Подь, Васенька, подь, ненаглядный...

Но Петръ и Василій не слушали матери, двигали только плечами и продолжали стоять противъ отца.

— Ну, пойдемте въ избу. Я чай, взаправду маленько того... проголодались; тамъ переговоримъ! сказалъ Глѣбъ.

Сыновья тотчасъ же повиновались, нахлобучили шапки и послѣдовали за нимъ. Достигнувъ мѣста, гдѣ находились лодки, они отстали отъ него на нѣсколько шаговъ и присоединились къ бабамъ.

— Что вы, родные? аль забыли что на берегу? воскликнула мать.

— Полно тебѣ кричать, матушка! говори тихо! отрывисто шепнулъ Петръ, кивая головой на отца.

— Никакъ онъ у васъ добре сердитъ нонѣ? тихо спросилъ Василій.

— И-и, приступу нѣтъ!..

— Съ чего жъ такъ? перебилъ Петръ.

— А Господь его вѣдаетъ! Со вчерашняго дня такой-то сталъ... И сами не знаемъ, что такое. Такъ вотъ съ дубу и рветъ! Вы, родные, коли есть что на умѣ, лучше и не говорите ему. Обождите маленько. Авось отойдетъ у него сердце-то... такой-то бѣдовый, Боже упаси!

Это обстоятельство подѣйствовало, повидимому, самымъ непріятнымъ образомъ на двухъ рыбаковъ. Петръ бросилъ значительный взглядъ брату и нахмурилъ брови. Тотъ утвердительно кивнулъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ладно, не сумнѣвайся: знаемъ, что дѣлать!“ Дѣло въ томъ, что имъ предстояло вести съ отцомъ весьма щекотливую бесѣду. Предметъ разговора былъ такого свойства, что страшно было приступить съ нимъ даже въ томъ случаѣ, если бъ Глѣбъ находился въ самомъ отличномъ, сговорчивомъ расположеніи духа. Петру столько же прискучило жить въ зависимости у хозяина, сколько находиться подъ строгимъ надзоромъ отца. Онъ принялъ твердое намѣреніе освободиться отъ того и другого и попытать счастья — сдѣлаться самому хозяиномъ. Для этой цѣли онъ обогнулъ, на обратномъ пути изъ „рыбацкой слободы“, весь берегъ Оки отъ Серпухова до Коломны, побывалъ у всѣхъ береговыхъ владѣльцевъ и, наконецъ, нашелъ свободное мѣсто для промысла. Петръ вѣрилъ въ свои силы. Къ тому же онъ зналъ, что стоило ему только свистнуть да выставить ведра два вина, въ батракахъ недостачи не будетъ. Денегъ у Петра не было, — едва-едва оставалось на столько, чтобы купить предположенныя ведра вина для задобренія работниковъ; но это не могло служить препятствіемъ. Мѣсто отдаютъ безъ задатка. Сѣтей по берегамъ въ волю: поставилъ четверть сосѣду рыбаку-гулякѣ—вотъ тебѣ и сѣть. На первыхъ порахъ привередничать нечего: можно жить въ соломенномъ шалашѣ и ловить рыбу рваными сѣтками; у иного и новыя сѣти, да ничего не возьметъ; за лодками также не ходить стать: на Окѣ лодокъ не оберешься. Извѣстно, не дадутъ тебѣ здоровую: дадутъ похуже — ничего! на первыхъ порахъ поѣздимъ и въ худой. Мало ли плыветъ по Окѣ всякой дряни: обломковъ, досокъ, жердей, плывутъ даже цѣлыя бревна—будетъ чѣмъ заколачивать щели! Не будь сѣтей и лодокъ, Петръ и тогда не отказался бы отъ своего намѣренія. Такой ужъ былъ человѣкъ. Въ этомъ случаѣ

весь въ отца уродился: ужъ когда что забралъ въ голову, живота лишится, а на своемъ поставитъ! Такъ, напримѣръ, рѣшился онъ взять жену и дѣтей, хотя не видѣлъ въ нихъ ровно никакой надобности. Оставить ихъ у отца, значило, по его мнѣнію, сдѣлать дѣло на половину. Домъ родительскій прискучилъ Петру такъ же, какъ житье у хозяина; ему хотѣлось разъ навсегда освободиться отъ власти отцовской, съ которой никакъ не могла ужиться его своевольная, буйно-грубая природа. Нечего, разумѣется, и говорить, что ему ничего не стоило склонить на свою сторону брата; онъ не принялъ даже на себя труда уговаривать и уламывать его. Петру стоило только обнаружить свою мысль, и Василій тотчасъ же согласился столько же по слабости духа и тому вліянію, какое производилъ на него буйно-несговорчивый нравъ брата, сколько и потому, можетъ статься, что онъ также не прочь былъ высвободиться изъ-подъ грознаго отцовскаго начала и подышать на волюшкѣ. Со всѣмъ тѣмъ, при видѣ выгнутыхъ, слегка вздрагивающихъ бровей отца, Петръ, несмотря на всю свою смѣлость, рѣшился выждать болѣе благопріятной минуты, чтобъ передать свои намѣренія. Времени впереди оставалось, однакожъ, немного. Основываясь на этомъ, Петръ, при входѣ въ избу, шепнулъ Василію, чтобы тотъ развязалъ языкъ и постарался разговорить, развеселить какъ-нибудь отца.

Всѣ сѣли за столъ, на который Анна и спохи ея поспѣшили поставить все, что было только въ печи. Василій переглянулся съ братомъ и, не медля ни минуты, принялся сообщать всѣ новости, какія приходили ему на умъ. Онъ передалъ всѣ слухи, носившіеся въ ихъ сторонѣ, сообщилъ разныя подробности о житьѣ-бытьѣ своемъ съ братомъ, при чемъ Петръ заблагоразсудилъ отозваться весьма дурно о хозяинѣ; но, чтобы предостеречь себя отъ упрековъ отца, который прежде еще отсовѣтывалъ сыновьямъ жить въ наймахъ, прибавилъ, что хозяинъ ненадеженъ потому только, что пожаръ лишилъ его большей части имущества. Затѣмъ Василій, продолжая подмѣшивать въ свою рѣчь прибаутки, разсказалъ отцу о коровьей смерти и рекрутскомъ наборѣ.

Всѣ эти разсказы, особенно о послѣднихъ двухъ предметахъ, далеко не произвели на Глѣба ожидаемаго дѣйствія.

Онъ обрадовался возвращенію сыновей, хотя трудно

было сыскать на лицѣ его признакъ такого чувства. Глѣбъ, подобно Петру, не былъ охотникъ „хлебать губы“ и радовался по-своему; но радость, на минуту оживившая его отцовское сердце, прошла, казалось, вмѣстѣ съ безпокойствомъ, которое скрывалъ онъ отъ домашнихъ, но которое, тѣмъ не менѣе, начинало прокрадываться въ его душу при мысли, что сыновья не спроста запоздали цѣлой недѣлей. За исключеніемъ двухъ-трехъ вопросовъ, касавшихся рыбнаго промысла, старый рыбакъ не принялъ даже участія въ бесѣдѣ. Онъ разсѣянно слушалъ разсказы Василія, гладилъ бороду и проводилъ ладонью по лбу— въ отвѣтъ на замѣчанія Петра. Улыбка ни разу не показалась на губахъ его. Трудно предположить, чтобы крѣпкая душа Глѣба такъ легко могла поддаться какому-нибудь горестному чувству. Во все продолженіе шестидесятипятилѣтней жизни своей, онъ не зналъ что̀ такое отчаиваться, убиваться, тосковать и падать духомъ. Лицо стараго рыбака выражало, впрочемъ, какъ нельзя лучше теперешнее состояніе души его. Черты его не вытягивались, какъ у человѣка огорченнаго; напротивъ того, онѣ были судорожно сжаты. Онъ попросту казался не въ духѣ, глядѣлъ сердито, досадливо. Но и этого было уже достаточно. Каждый изъ домашнихъ слишкомъ хорошо понималъ значеніе выгнутыхъ бровей Глѣба Савиныча, слишкомъ хорошо зналъ, какъ держать себя, когда Глѣбъ Савинычъ въ-сердцахъ. Тутъ уже не до шутокъ: на волоскѣ висишь—того и смотри, оборвешься! Упорное молчаніе Глѣба невольнымъ образомъ пріудерживало краснобая. Сердитый видъ главы семейства связывалъ присутствующихъ; бабы молчали. Тетка Анна, которая, въ минуту перваго порыва радости, забыла и суровое расположеніе мужа, и самого мужа, теперь притихла, и Богъ вѣсть, что̀ сталось такое: казалось бы, ей нечего было бояться: мужъ никогда не билъ ея, — а между тѣмъ робость овладѣла ею, какъ только она очутилась въ одной избѣ глазъ-на-глазъ съ мужемъ; языкъ не ворочался! Такъ бы вотъ, кажется, бросилась да и повисла на шею Васи: „Васенька! касатикъ, ненаглядный ты мой, годъ съ тобой не видалась, батюшка! Петя! дружокъ! подь ко мнѣ... Сыны вы мои родные!..“ а между тѣмъ руки не подымаются, голосъ замираетъ въ груди, ноги не двигаются. Дѣлать видно нечего: придется помучиться до той поры, пока наступитъ ночь и „старый“ уляжется

въ свои сани подъ навѣсомъ. Старушка вознаградитъ тогда съ лихвою потерянное время: всласть насмотрится на дѣтей своихъ, всласть наговорится съ ними и, обнимая ихъ, прольетъ не одну радостную слезу. Въ ожиданіи этого, старушка и жена Петра слѣдовали примѣру Василисы, которая, прислонившись къ печкѣ, слѣдила съ какимъ-то безпокойно-живымъ любопытствомъ за движеніями своего мужа.

Послѣ обѣда Глѣбъ всталъ и, не сказавъ никому ни слова, принялся за работу. Часъ спустя, все шло въ домѣ самымъ обыденнымъ порядкомъ, какъ будто въ немъ не произошло никакого радостнаго событія; если бъ не веселыя лица бабъ, оживленныя быстрыми нетерпѣливыми взглядами, если бъ не баранки, которыми снабдилъ Василій дѣтей брата, можно было подумать, что сыновья стараго Глѣба не покидали крова родительскаго.

Прошло два дня послѣ возвращенія рыбаковъ. Въ промежутокъ этого времени Петръ неоднократно готовился приступить къ отцу съ объясненіемъ, но, встрѣчая всякій разъ неблагосклонный взглядъ родителя, откладывалъ почему-то свое намѣреніе до слѣдующаго дня. Наконецъ, онъ рѣшился выждать водополья, разсчитывая, не безъ основанія, что начало рыбной ловли авось-либо расшевелитъ отца и сдѣлаетъ его доступнѣе. То, чего ждалъ Петръ, не замедлило осуществиться.

На третьи сутки послѣ ихъ прихода, въ самую полночь, послышался неожиданно страшный трескъ, сопровождаемый ударами, какъ будто тысячи исполинскихъ молотовъ заколотили разомъ въ берега и ледяную поверхность рѣки; трескъ этотъ, весьма похожій на то, какъ будто разрушилось вдругъ нѣсколько сотенъ избъ, мгновенно смѣнился глухимъ, постепенно возвышающимся гуломъ, который заходилъ посреди ночи, подобно освирѣпѣлому вѣтру, ломающему на пути своемъ столѣтніе дубы, срывающему кровли. Казалось, буря ударила на окрестность... Старый Глѣбъ встрепенулся. Слухъ его былъ давно насторожѣ; онъ выскочилъ изъ саней, сотворилъ крестное знаменіе и торопливо вышелъ за ворота.

Сквозь густую темноту ночи, которую усиливали черныя, быстро бѣгущія тучи, зоркій взглядъ рыбака различилъ въ отдаленіи мутно-бѣловатую полосу. То сверкала рѣка, которая пѣнилась и ревѣла какъ дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Дулъ сильный западный вѣтеръ; могучіе

порывы его усиливали быстрину теченія. Плескъ воды смѣшивался съ трескомъ льдинъ, которыя поминутно отрывались отъ береговъ: грохотъ, стукотня, звонкіе удары ледяныхъ глыбъ, налетавшихъ другъ на дружку, раздавались въ ночномъ воздухѣ, который холодѣлъ съ каждою минутой. Наступило, наконецъ, такъ давно, такъ нетерпѣливо ожидаемое половодье; наступила, наконецъ, минута, столько же радостная для рыбака, какъ первый теплый весенній день для пахаря; спѣшитъ онъ на поле и, приложивъ руку свою къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ золотыхъ лучей восходящаго солнца, осматриваетъ, съ веселымъ выраженіемъ, тучные, изумрудно-зеленые стебельки озимаго хлѣба, покрывающіе землю... Глѣбъ не отрывалъ глазъ отъ бѣлѣющейся полосы, прислушивался къ звяканью льдинъ, какъ будто отыскивалъ въ этихъ звукахъ признаки удачнаго или неудачнаго промысла, и задумчиво гладилъ бороду; на этотъ разъ его какъ словно не радовало даже что то и самое половодье. Въ бывалое время онъ не простоялъ бы такъ спокойно на одномъ мѣстѣ; звучный голосъ его давно бы поставилъ на ноги жену и дѣтей; все, что есть только въ избѣ — все пошевеливайся; всѣ, и малый и большой, ступай на берегъ поглядѣть, какъ рѣку ломаетъ, и поблагодарить Господа за Его милости. „Ухъ-ухъ, гуляй-знай, погуливай, наша матушка Ока! гуляй, кормилица наша—апрѣль на дворѣ!..“ крикнетъ, бывало, Глѣбъ зычнымъ голосомъ, расхаживая по берегу, между тѣмъ, какъ глаза его нетерпѣливо перебѣгаютъ отъ воды къ лодкамъ, а руки такъ и зудятъ схватить неводъ и пуститься съ нимъ попытать счастья! Теперь не то: стоитъ онъ молча и задумчиво гладитъ посѣдѣвшую бороду, какъ словно пѣть и рѣки передъ нимъ. Глѣбъ постоялъ-постоялъ на одномъ мѣстѣ и вернулся на дворъ; онъ не разбудилъ даже домашнихъ. Прикутавшись въ полушубокъ, Глѣбъ снова улегся въ свои сани. Онъ лежалъ, однакожъ, не смыкая глазъ: сонъ бѣжалъ отъ него; его какъ словно тормошило что-то; независящая отъ него сила ворочала его съ боку на бокъ; время отъ времени онъ приподымалъ голову и внимательно прислушивался къ шуму рѣки, которая, вздуваясь и расширяясь каждую минуту, ревѣла и грохотала съ возрастающей силой. Рыбакъ вскакивалъ изъ саней, набрасывалъ въ накидку полушубокъ и выходилъ за ворота; такъ провелъ онъ цѣлую ночь вплоть до разсвѣта. Наконецъ, онъ

не выдержалъ. Бойко пошелъ онъ на дворъ и, постукивая кулакомъ въ плетеныя дверцы клѣтей и каморокъ, гдѣ спали жена и дѣти, закричалъ встрепенувшимся, повеселѣвшимъ голосомъ:

— Эй, вы, лежебоки, полно спать! вставай! вставай! эй, слышишь: рѣка взыгралась. Подымайся! пора!

Минуту спустя, семейство рыбака было на ногахъ; всѣ спѣшили за ворота.

XIII.

Водополье.

Къ утру рѣка успѣла уже затопить дальній берегъ. Она видимо почти разливалась все дальше и дальше, по лугамъ, которые, казалось, убѣгали къ горизонту. Вода и льдины ходили уже поверхъ кустовъ ивняка, покрывающихъ дальній плоскій берегъ; тамъ кое-гдѣ показывались еще ветлы: верхняя часть дуплистыхъ стволовъ и приподнятые кверху голые сучья принимали издали видъ черныхъ безобразныхъ головъ, у которыхъ отъ страха стали дыбомъ волосы; огромныя глыбы льда, уносившія иногда на поверхности своей цѣлый участокъ зимней дороги, стремились съ быстротою щепки, брошенной въ потокъ: доски, стоги сѣна, зимовавшіе на рѣкѣ и которыхъ не успѣли перевезти на берегъ, бревна, столѣтнія деревья, оторванныя отъ почвы и приподнятыя льдинами такъ, что наружу выглядывали только косматые корни, появлялись безпрестанно между икрами *). Все давало знать, что рѣка достигла уже возвышенныхъ точекъ обоихъ береговъ. Иногда льдины замыкали рѣку, спирались, громоздились другъ на дружку, трескъ, грохотъ наполняли окрестность; и вдругъ все снова приходило въ движеніе: рѣка вдругъ очищалась на цѣлую версту; въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ показывались шалашъ или расшива, подхваченные съ боковъ икрами: страшно перекосившись на сторону, они грозили спихнуть въ воду увлеченную вмѣстѣ съ ними собаку, которая то металась какъ угорѣлая, то садилась на окраину льдины и, поджавъ хвостъ, опрокинувъ назадъ голову, заливалась отчаянно-протяжнымъ воемъ. Часто слѣдомъ за ними стремился одинокій шестъ, торчавшій перпендикулярно изъ воды; на верхнемъ концѣ его сидѣла ворона

*) Льдинами.

и, покачиваясь изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ шестомъ, поглядывая съ любопытствомъ на всѣ стороны, преспокойно совершала свою водяную прогулку. Внезапно картина перемѣнялась: огромное пространство рѣки покрывалось милліонами бѣлыхъ, сверкающихъ обломковъ; какъ несмѣтныя стада испуганныхъ барановъ, они летѣли вразсыпную, забиваясь иной разъ, словно въ замѣшательствѣ, въ кусты высокаго ивняка, верхушки которыхъ, отягченныя иломъ, трепетно пригибались къ мутнымъ, шумно-говорливымъ струямъ. Окрестность превращалась въ море...

Семейство рыбака провело почти цѣлое утро надъ рѣкою. Послѣ завтрака, три сына Глѣба и пріемышъ, предводительствуемые самимъ старикомъ, появились съ баграми на плечахъ; всѣ пятеро разсыпались по берегу—перехватывать плывучій лѣсъ, которымъ такъ щедро награждало ихъ каждый годъ водополье. Къ обѣду всѣ замѣтили перемѣну на лицѣ Глѣба: онъ какъ словно повеселѣлъ. Петръ хотѣлъ было въ тотъ же вечеръ воспользоваться этимъ случаемъ, но Василій совѣтовалъ ему обождать. „Незамай его, братъ!“ сказалъ онъ: „что его, старика, раззадоривать; дай ему напередъ разгуляться; время терпитъ, итти намъ послѣ Святой — успѣешь еще сказать; бей съ однова; въ тотъ день, какъ итти намъ, тутъ и скажемъ!“ Петръ ничего не отвѣчалъ, однакожъ послушался.

Два дня спустя, на разсвѣтѣ, все семейство, отъ мала до велика, находилось въ новой избѣ. Столъ противъ краснаго угла былъ покрытъ чистымъ рядномъ; посреди стола возвышался пышный ржаной коровай, а на немъ стояла икона, прислоненная къ липовой рѣзной солоницѣ,—икона, доставшаяся Глѣбу отъ покойнаго отца, такого же рыбака, какъ онъ самъ. Глѣбъ, величаво-выразительное лицо котораго было въ эту минуту проникнуто торжественнымъ спокойствіемъ, произнесъ молитву. Жена его, сыновья, снохи и даже дѣти преклонили колѣни. Послѣ молитвы икона была поставлена на свое мѣсто, и передъ нею затеплилась желтая восковая свѣча, которой предназначалось горѣть во все время, какъ будутъ продолжаться первыя попытки промысла. Послѣ этого присутствующіе набожно перекрестились. Глѣбъ вышелъ на берегъ, въ сопровожденіи всего своего семейства.

Лодки были уже спущены наканунѣ; неводъ, приподнятый кольями, изгибался чуть не во всю ширину пло-

щадки. Величественно восходило солнце надъ безкрайнымъ водянымъ просторомъ, озолоченнымъ косыми, играющими лучами: чистое, безоблачное небо раскидывалось розовымъ шатромъ надъ головами нашихъ рыбаковъ. Все улыбалось вокругъ и предвѣщало удачу. Не медля ни минуты, рыбаки подобрали невода, бросились въ челноки и принялись за промыселъ. Любо было имъ погулять на раздольѣ послѣ пятимѣсячнаго заточенія въ душныхъ, закоптѣлыхъ избахъ.

Ока не представляла уже теперь дикаго смѣшенія изъ льдинъ, оторванныхъ пней и деревъ, ныряющихъ въ безпорядкѣ между мутными, бурными волнами: она была въ полномъ своемъ разливѣ. Воды ея успокоились и стали прозрачнѣе. Ровною, серебряною скатертью, кой-гдѣ тронутою лазурью, протянулась рѣка на семь верстъ отъ берега до берега, и поверхность ея, какъ поверхность озера въ тихую погоду, казалась недвижною. Тамъ и сямъ, вдалекѣ, чернѣли лачужки озерскихъ рыбарей, затопленныя до кровли: мѣстами выглядывали изъ воды безлиственныя верхушки дубовъ: перекидываясь цѣпкомъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣки, онѣ принимали видъ маленькихъ островковъ, и только тоненькія, серебристыя полоски, оттѣнявшія эти островки, давали чувствовать быстрину теченія. Едва видными пятнышками мелькали челноки нашихъ рыбаковъ: голоса ихъ терялись въ пространствѣ. Птицы однѣ оживляли окрестность. Тучи дроздовъ, скворцовъ, дикихъ утокъ, стрижей и галокъ торопливо перелетали рѣку: дикій крикъ бѣлогрудыхъ чаекъ и рыболововъ. Богъ вѣсть откуда вдругъ взявшихся, немолчно носился надъ водою; сизокрылый грачъ также подавалъ свой голосъ: миріады ласточекъ сновали въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ и часто, надрѣзавъ крыломъ воду, обозначали кругъ, который тотчасъ же расплывался, уносимый быстротою теченія. Солнце между тѣмъ всходило все выше и выше, раскидывая снопъ золотыхъ лучей по всему небу: точно рука Божія протягивалась изъ-за безкрайнаго горизонта и благословляла утро.

Нѣсколько сутокъ простояла рѣка въ полномъ своемъ разливѣ. Наконецъ, мало-по-малу, какъ бы утомясь своимъ величіемъ, какъ бы одолѣваемая сладкой дремотой, стала она укладываться въ свои берега. Вскорѣ на лугахъ, покрытыхъ вязкимъ плодотворнымъ иломъ, показались толпы народа: народъ валилъ изъ Комарева, Заполья, Блекача и

всѣхъ окрестныхъ деревень, съ саками, ведрами, рѣшетами. Всѣ спѣшили, бабы и дѣти, запастись рыбкой, которую оставляетъ въ углубленіяхъ луговъ быстро убѣжавшая рѣка. Вскорѣ надъ маленькимъ озеромъ показалась сизая струйка дыма, возвѣстившая нашимъ рыбакамъ, что дѣдушка Кондратій переселился уже съ своей дочкой изъ Комарева и также принялся за промыселъ.

Сумрачное расположеніе Глѣба прошло, повидимому, вмѣстѣ съ половодьемъ; первый „уловъ“ былъ такого рода, что нужно было только благодарить Господа за Его милость. Знатно „отрыбились!“

— Богъ сотворилъ рожденье, благословилъ насъ: намъ благодарить Его, — а какъ благодарить? Знамо, молитвой да трудами. Богъ труды любитъ! Ну, ребята, что жъ вы стали! Живо! Ночи теперь не зимнія, отъ зари до зари не великъ часъ... пошевеливайся!..

Все это говорилъ Глѣбъ вечеромъ, на другой день послѣ того, какъ рѣка улеглась окончательно въ берега свои. Солнце ужъ давно сѣло. Звѣзды блистали на небѣ. Рыбаки стояли на берегу и окружали отца, который приготовлялся уѣхать съ ними на рѣку „лучить“ рыбу.

— Ладно, такъ!.. Ну, Ванюшка, бѣги теперь въ избу, неси огонь! крикнулъ Глѣбъ, укрѣпивъ на носу большой лодки „козу“ — родъ грубой желѣзной жаровни, и положивъ въ козу нѣсколько кусковъ смолы. — Неводъ свое дѣло сдѣлалъ: сослужилъ службу! продолжалъ онъ, осматривая конецъ „остроги“—желѣзной заостренной стрѣлы, которою накалываютъ рыбу, подплывающую на огонь. — Надо теперь „съ лучомъ“ поѣздить... что-то опъ пошлетъ? Сдается по всему, плошать не съ чего: ночь тиха—лучше и требовать нельзя!

Ванюша не замедлилъ явиться, держа подъ полою фонарь съ зажженнымъ огаркомъ; немного погодя, смола затрещала, и коза вспыхнула яркимъ пламенемъ. Нижняя часть площадки, лица рыбаковъ и лодки окрасились вдругъ багровымъ трепетнымъ заревомъ.

— Ну, батька, говори, какъ размѣщаться? произнесъ Петръ.

— Вотъ какъ, проворно подхватилъ Глѣбъ, который окончательно уже повеселѣлъ и расходился:—ты, Петрушка, становись со мною на носу съ острогою... ладно! смотри только, не зѣвай... Гришка и Ванюшка садись въ гребло... живо за весла; да грести у меня тогда только, когда

скажу; рыбка спитъ; тревожить ее не зачѣмъ до времени... Крѣпко ли привязанъ къ кормѣ челнокъ?

Гришка отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, поворачивайся... такъ!.. Ты, Васька, продолжалъ старикъ, обращаясь ко второму сыну, который держалъ лодку крючкомъ багра, — ты на корму. Ну, всѣ мы на мѣстахъ?

— Всѣ, отозвались рыбаки въ одинъ голосъ.

— Тссс!.. мотри, не горланить: говори тайкомъ,—одними глазами говори... Отдай!

Василій бросилъ багоръ и проворно прыгнулъ на корму.

— Ну, пущена лодочка на воду, отдана Богу на руки! весело воскликнулъ Глѣбъ, когда лодка, отчаленная веслами отъ берега, пошла по теченію.

Тетка Анна и снохи ея сидѣли въ это время на заваленкѣ. Онѣ не отрывали глазъ отъ „луча“, который ярко горѣлъ посреди ночи и такъ отчетливо повторялся въ водѣ, окутанной темнотою наравнѣ съ лугами и ближнимъ берегомъ, что издали казалось, будто два огненные глаза смотрѣли изъ глубины рѣки. Иногда свѣтъ исчезалъ, и вмѣстѣ съ нимъ мгновенно пропадали лодка, привязанный къ ней челнокъ и люди, на ней находившіеся; но это продолжалось всего одну секунду. Новые куски смолы попадали въ козу, и красное пламя, раздвоившись мгновенно, снова загоралось на рѣкѣ. Тогда передъ глазами бабъ, сидѣвшихъ на заваленкѣ, снова обозначались дрожащія очертанія рыбаковъ и лодки, снова выступали изъ мрака высокія фигуры Петра и Глѣба Савинова, которые стояли на носу и, приподнявъ надъ головою правую руку, вооруженную острогою, перегнувшись корпусомъ черезъ бортъ, казались висѣвшими надъ водою, отражавшею багровый кругъ свѣта.

Глѣбъ не ошибся: лучъ отличился ничѣмъ не хуже невода. Къ полуночи въ лодкѣ оказалось не мало щукъ, шерешировъ и другихъ рыбъ. Ловля приходила уже къ концу, когда Гришка обратился неожиданно къ Глѣбу.

— Батюшка, сказалъ онъ торопливо,—дай-ка я съѣзжу въ челнокѣ на ту сторону — на верши погляжу: должно быть, и тамъ много рыбы. Я запримѣтилъ, въ обѣдъ еще, веревки такъ вотъ, подъ кустами-то, и дергаетъ. Не унесло бы наши верши. Ванюшка одинъ справится съ веслами.

Не мѣшаетъ замѣтить, что Гришка, во все время, какъ продолжалось лученье, поминутно поглядывалъ на луго-

вой берегъ. Присутствующіе, благодаря густой тѣни, которую набрасывала на пріемыша спина Глѣба, не замѣчали этихъ взглядовъ, точно такъ же, какъ не замѣчали плутовского, лукаваго веселья, разлившагося въ чертахъ его. Гришку точно что-то подмывало на мѣстѣ, и Ваня, сидѣвшій подлѣ, не разъ говорилъ ему, чтобъ онъ сидѣлъ тише. Время отъ времени Гришка затаивалъ дыханіе и прислушивался: мертвое молчаніе царствовало на луговомъ берегу. Изрѣдка лишь раздавался слабый звукъ, похожій на отдаленный крикъ совы; но этотъ крикъ пробуждалъ всегда почему-то такую прыткость въ движеніяхъ пріемыша, что Глѣбъ поворачивался къ кормѣ и пригибалъ забранку гребцамъ, которые раскачивали лодку и пугали рыбу.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Гришки о вершахъ, Глѣбъ утвердительно кивнулъ головою. Гришка однимъ прыжкомъ очутился въ челнокѣ и нетерпѣливо принялся отвязывать веревку, крѣпившую его къ большой лодкѣ; тогда Глѣбъ остановилъ его. Съ нѣкоторыхъ поръ старый рыбакъ все строже и строже наблюдалъ, чтобы посѣщенія пріемыша на луговой берегъ совершались какъ можно рѣже. Онъ слѣдилъ за нимъ во всѣ зоркіе глаза свои, когда дѣло касалось переправы въ ту сторону, гдѣ лежало озеро дѣдушки Кондратія.

— Погоди, произнесъ старый рыбакъ, обратившись неожиданно къ кормѣ,—одному тебѣ не справиться съ вершами. Ванюшка! ступай съ нимъ. Коли много рыбы, посади ее въ челнокъ, да живѣй домой, а верши опять подъ кусты, на прежнее мѣсто.

— А кто жъ грести-то вамъ станетъ? отозвался Гришка, спѣша отвязать веревку.

— Дѣлай, что велятъ! объ этомъ не сумлѣвайся... Петръ! садись въ греблю.

— Ну, вотъ, батюшка! я и одинъ справлюсь, возразилъ Гришка, пуская челнокъ.

— Не смѣть, ни съ мѣста! крикнулъ Глѣбъ, топнувъ ногой.

Гришка сердито ударилъ багромъ въ бортъ лодки и снова притянулъ челнокъ. Ваня, не промолвивъ слова, поднялъ весло и помѣстился подлѣ пріемыша.

— Да смотри, не запаздывать у меня, живо домой!.. Ну, Петрушка, весла на воду. И намъ пора: давно ужъ, я чай, полночь, произнесъ Глѣбъ, когда челнокъ, сурово отпихнутый Гришкой, исчезъ въ темнотѣ.

Ваня и товарищъ его плыли молча. Съ нѣкоторыхъ поръ они рѣдко сталкивались вмѣстѣ: они какъ словно избѣгали даже другъ друга; въ этомъ, впрочемъ, скорѣе можно было упрекнуть пріемыша. Со стороны сына рыбака не было замѣтно, чтобы онъ таилъ въ душѣ какія-нибудь непріязненныя чувства къ товарищу своего дѣтства. Въ отношеніяхъ его съ пріемышемъ замѣтна была только воздержность. Задумчивое, прекрасное лицо молодого рыбака сохраняло такое же спокойствіе, когда онъ говорилъ съ Гришкой, какъ когда оставался наединѣ. Черные, быстрые взгляды пріемыша говорили совсѣмъ другое, когда обращались на сына рыбака: они горѣли ненавистью, и чѣмъ спокойнѣе было лицо Вани, тѣмъ сильнѣе суживались губы Гришки, тѣмъ сильнѣе вздрагивали его тонкія, подвижныя ноздри. Онъ самъ не могъ бы растолковать, за что такъ сильно ненавидѣлъ того, который, пользуясь всѣми преимуществами любимаго сына въ семействѣ, былъ тѣмъ не менѣе всегда роднымъ братомъ для пріемыша и ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже помысломъ, не далъ повода къ злобному чувству. Впрочемъ, Гришка и не думалъ отдавать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, точно такъ же, какъ не утруждался скрывать ихъ отъ товарища.

Итакъ, они плыли молча. Челнокъ приближался уже къ кустамъ ивняка и находился недалеко отъ высокой ветлы, висѣвшей надъ омутомъ, какъ внезапно, посреди тишины, снова раздался крикъ совы, но на этотъ разъ такъ близко, что оба рыбака подняли голову.

— Никакъ „сычъ“? произнесъ Гришка, быстро окинувъ глазами Ваню; но мракъ покрывалъ лицо Вани, и Гришка не могъ различить черты его. — Вотъ что, примолвилъ вдругъ пріемышъ,—высади-ка меня на берегъ: тутъ подъ кустами, недалече отъ омута, привязаны три верши. Ты ступай дальше: погляди тамъ за омутомъ, объ утро туда кинули пятокъ. Я тебя здѣсь подожду.

Ваня ничего не отвѣчалъ и только приподнялъ весло. Пріемышъ быстро повернулъ челнокъ и прыгнулъ въ кусты.

— Вотъ какъ-разъ угодили въ самое то мѣсто, сказалъ онъ, потрясая веревками, которыя прикрѣпляли верши къ берегу.—Смотри же, я здѣсь жду, примолвилъ онъ и громко засвисталъ.

Но Ваня огибалъ уже водоворотъ и находился шагахъ во ста отъ пріемыша. Достигнувъ мѣста, гдѣ закинуты были другія верши, онъ остановился, бережно вынулъ

весло изъ воды и, ухватившись руками за сучья кустарника, притаилъ дыханіе. Такъ провелъ онъ нѣсколько минутъ, какъ прикованный, вмѣстѣ съ челнокомъ своимъ. Кругомъ все было тихо: онъ слышалъ только, какъ колотилось его собственное сердце и какъ, въ отдаленіи, шуршукалъ омутъ, вертѣвшій свою воронку подъ старой ветлою. Наконецъ онъ выпустилъ сучья изъ правой руки, судорожно отеръ ладонью потъ, который, несмотря на холодъ ночи, выступалъ крупными горошинами на лицѣ, и, укрѣпивъ челнокъ, принялся осматривать верши: осмотрѣлъ одну, взялся за другую—и вдругъ кинулся въ челнокъ и полетѣлъ стрѣлою назадъ. Нѣсколько ударовъ весла, прыжокъ — и Ваня очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ пріемыша. Послышался слабый, затаенный возгласъ; но это не былъ крикъ совы. Слишкомъ знакомый голосъ прозвучалъ въ ушахъ Вани, и вслѣдъ за тѣмъ что-то бѣлое быстро промелькнуло передъ его глазами. Въ то же время Гришка остановился противъ него и загородилъ ему дорогу. Ваня отодвинулся въ сторону и продолжалъ слѣдить за бѣлымъ пятномъ, которое исчезало въ темнотѣ.

— Чего тебѣ надыть? удушливымъ голосомъ произнесъ Гришка, становясь снова передъ товарищемъ и такъ близко наклоняясь къ его лицу, что тотъ почувствовалъ теплоту его прерывающагося дыханія.

Ваня слегка отслонилъ его рукою и, не повернувъ даже головы, продолжалъ смотрѣть въ ту сторону, гдѣ скрылось бѣлое пятно.

— Чего тебѣ надыть? яростно повторилъ Гришка, приподымая, въ замѣшательствѣ, кулаки и скрежеща зубами.

Ваня повернулъ тогда къ нему лицо свое, отступилъ шагъ назадъ и сказалъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было, однакожъ, легкое колебанье:

— Полно, братъ, чего ты бѣснуешься? я вѣдь давно все знаю; таиться вамъ отъ меня нечего. Богъ съ вами, я вамъ не помѣха.

— Какая? въ чемъ помѣха? проговорилъ Гришка, сраженный, повидимому, спокойствіемъ своего противника.

— Перестань, братецъ! кого ты здѣсь морочишь? продолжалъ Ваня, скрестивъ на груди руки и покачивая головою.—Самъ знаешь, про что говорю. Я для эвтаго болѣе и пришелъ, хотѣлъ сказать вамъ: Господь, молъ, съ вами; я вамъ не помѣха! А насчетъ то-есть злобы, либо зависти

какой, я ни на нее, ни на тебя никакой злобы не имѣю; живите только по закону, какъ Богомъ показано...

— Ой-ли? насмѣшливо перебилъ Гришка.

Ваня отступилъ нѣсколько шаговъ и потупилъ голову.

— Господь тебѣ судья, когда такъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя грустнымъ голосомъ.

Затѣмъ онъ медленно повернулся къ рѣкѣ и пошелъ къ челноку.

Немного погодя, берегъ опустѣлъ. Вскорѣ опустѣла и самая рѣка, встревоженная на минуту веслами двухъ удаляющихся рыбаковъ.

XIV.

Лачуга дѣдушки Кондратія.

Въ четвергъ на Святой, часа за два до полудня, Глѣбъ остановилъ Ванюшу въ ту минуту, какъ тотъ проходилъ мимо и готовился выйти за ворота.

— Куда ты бредешь? спросилъ отецъ.

— На рѣку, батюшка.

— А что, примѣрно, можно спросить, какая надобность итти тебѣ на рѣку? продолжалъ шутливо отецъ.

— Можно, батюшка; грѣха нѣтъ въ этомъ. Хотѣлось такъ, просто на воду поглядѣть...

— Ой, врешь! подсмѣиваясь перебилъ отецъ.

Въ эту самую минуту, за спиною Глѣба, кто-то засмѣялся. Старый рыбакъ оглянулся и увидѣлъ Гришку, который стоялъ подлѣ навѣсовъ, скалилъ зубы и глядѣлъ на Ваню такими глазами, какъ будто подтрунивалъ надъ нимъ. Глѣбъ не сказалъ, однакожъ, ни слова пріемышу,— ограничился тѣмъ только, что оглянулъ его съ насмѣшливымъ видомъ, послѣ чего снова обратился къ сыну.

— Ну, вотъ что, грамотникъ, примолвилъ онъ, толкнувъ его слегка по плечу,—на рѣку тебѣ итти не зачѣмъ: завтра успѣешь на нее насмотрѣться, коли ужъ такая охота припала. Ступай-ка лучше въ избу да шапку возьми: сходимъ-ка на озеро, къ дѣдушкѣ Кондратію. Онъ къ намъ на праздникахъ два раза навѣдывался, а мы у него ни однова не бывали,—не годится. Къ тому же и звалъ онъ нонче.

При этомъ Глѣбъ лукаво покосился въ ту сторону, гдѣ находился пріемышъ. Гришка стоялъ на томъ же мѣстѣ, но уже не скалилъ зубы. Смуглое лицо его измѣнилось и

выражало на этотъ разъ столько досады, что Глѣбъ невольно усмѣхнулся; но старикъ попрежнему не сказалъ ему ни слова и снова обратился къ сыну.

— Ну, что-жъ ты стоишь, Ванюшка? али уши запорошило? Ступай, бери шапку, проговорилъ онъ, поглядывая на сына, который краснѣлъ, какъ жаровня, выставленная на сквозной вѣтеръ, и переминался на одномъ мѣстѣ, съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Батюшка, сказалъ наконецъ Ваня, — ты бы одинъ сходилъ, либо вотъ другого кого изъ нашихъ взялъ...

— Это по какимъ причинамъ?

— Да такъ, батюшка, подхватилъ Ваня, стараясь придать своему лицу веселое настроеніе, — такъ, мнѣ что-то не хочется... я бы лучше дома побылъ.

— Сказалъ: „ты“ пойдешь, стало, оно такъ и будетъ! стало, и разговаривать нечего! Долго думать — тому же быть. Ступай, бери шапку.

— Право, батюшка...

— Ну, ну, ну! я вѣдь эвтаго не люблю! ступай! отрывисто сказалъ отецъ.

Глѣбъ не терпѣлъ возраженій. Ужъ когда что сказалъ, слово его какъ свая, крѣпко засѣвшая въ землю — ни за что не спихнешь! Отъ молодого, девятнадцатилѣтняго парня, да еще отъ сына, который въ глазахъ его былъ ни больше, ни меньше, какъ молокососъ, онъ и подавно не вынесъ бы супротивности. Впрочемъ, и сынъ былъ послушенъ—не захотѣлъ бы сердить отца. Ваня тотчасъ же повиновался и поспѣшилъ въ избу.

— Гришка! сказалъ Глѣбъ.

Пріемышъ подошелъ молча.

— Ты у меня нынче ни съ мѣста! Петръ, Василій и снохи, можетъ статься, не вернутся: заночуютъ въ Сосновкѣ, у женинои родни; останется одна наша старуха: надо кому-нибудь и дома быть; ты останешься! Слышишь, ни съ мѣста! За вершами съѣздишь, когда я и Ванюшка вернемся съ озера.

Сказавъ это, Глѣбъ повернулся къ нему спиною и пошелъ къ воротамъ. Проводивъ его злобнымъ взглядомъ, Гришка топнулъ ногою о-земь и, сдѣлавъ угрожающій жестъ, нетерпѣливыми шагами вышелъ въ заднія ворота, бормоча что-то сквозь крѣпко стиснутые зубы.

Въ ожиданіи сына, Глѣбъ сѣлъ на заваленку.

„Такъ, стало, оно и есть! То-то давненько еще запри-

мѣтилъ я, какъ словно промежъ ними неладно что-то", думалъ старый рыбакъ. „Парней—двое, дѣвка—одна: вѣстимо, что̀ мудренаго! чего мало, то и въ диковинку; оно завсегда такъ-то бываетъ! Ну, да какъ быть! на всѣхъ не угодишь. Не ломоть дѣвка: пополамъ не разломишь! И то сказать: коли настоящимъ дѣломъ взять, не зачѣмъ Гришкѣ и жена теперь; куда она ему! На службѣ не до нея: только что вотъ лишняя тягота на плечахъ... Эхъ, жаль, парня-то! оченно жаль! знамо, не какъ роднаго дѣтища, а все песокъ на сердцѣ: много добре привыкли мы къ нему; жилъ, почитай, что съ самаго малолѣтства... И парень-то ловокъ, — что говорить! озороватъ, а ловокъ. Рыбакъ былъ бы знатный: далось ему ремесло... ну, да что дѣлать! Требуется—стало такъ тому и слѣдуетъ быть!" продолжалъ Глѣбъ, потряхивая головою. „Вотъ одного только въ толкъ не возьму никакъ: съ чего мой-то артачится?.. Тотъ скучаетъ: знамо, досадно, завидки берутъ,— положимъ такъ; ну, а этому что? Дѣвка, что ли, не по сердцу, не по нраву пришла? Какую же ему еще?.. Ужъ эта ли еще не дѣвка: лицомъ пригожа, хоть бы и не про насъ. Ну, также вотъ и насчетъ права: дѣвка ласковая, скромница... да и родня хорошая: всего одинъ отецъ старикъ, да и тотъ изъ лучшихъ хорошій... Такъ нѣтъ, поди-жъ ты, ломается! И диковинное это дѣло, право, не допытаешься никакъ: затаился, какъ огонь въ кремнѣ!.. А видно, видно по всему: есть что-то на разумѣ; скучаетъ чѣмъ-то!.. То-то, давно пора бы, по-настоящему, женить его. Кабы да не прошлогодняя стройка, не изба новая, давно бы дѣло-то слажено было... А на это, что онъ не охотится до невѣсты, смотрѣть нечего: я вѣдь узловатъ; маленько что, и таску дамъ... Нонче же переговорю съ дядей Кондратіемъ и по рукамъ: въ воскресенье спросимъ дѣвку, а въ предбудущее и повѣнчаемъ!.. Глупый, и самъ своего счастья не вѣдаетъ! поживетъ, поживетъ мѣсяцъ другой съ женою, да и въ ноги отцу; спасибо, молъ, что приневоливалъ! Да и намъ повеселѣе тогда будетъ: къ тому времени, того и гляди, повѣстятъ о некрутствѣ, Гришка уйдетъ; все не такъ скучать станемъ; погляжу тогда на своихъ молодыхъ; осталась по крайности хоть утѣха въ дому!.."

Размышленія Глѣба были прерваны на этомъ мѣстѣ приходомъ сына.

Въ походкѣ и движеніяхъ молодого парня не было за-

мѣтно ни малѣйшей торопливости. Все существо его было, казалось, проникнуто чувствомъ покорности и безпрекословнаго повиновенія волѣ родительской. Глаза, опущенные въ землю, тоска, изображавшаяся на поблѣднѣвшемъ лицѣ, ясно показывали, однакожъ, что повиновеніе это стоило нѣкоторыхъ усилій молодому парню. Все это не ускользнуло отъ проницательнаго взгляда стараго рыбака: онъ оставался, повидимому, очень недоволенъ наблюденіями своими надъ сыномъ. Въ другое время онъ, конечно, не замедлилъ бы выйти изъ себя; запылилъ бы, закричалъ, затопалъ и далъ бы крѣпкій напрягай сыну, который не вѣсть чего, въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ глядѣть „комомъ“ (собственное выраженіе Глѣба, требовавшаго всегда, чтобъ молодые люди глядѣли „розсыпью“), продолжаетъ ломаться, таиться и даже осмѣливается худѣть и задумываться; но на этотъ разъ онъ не обнаружилъ своего неудовольствія. Причина такого необыкновеннаго снисхожденія заключалась единственно въ хорошемъ расположеніи: ужъ коли нашла сердитая полоса, на недѣлю, либо на двѣ, къ нему лучше и не подступайся: словно закалился въ своемъ чувствѣ, какъ въ бронѣ желѣзной; нашла веселая полоса, и въ весельи былъ точно такъ же постояненъ: смѣло ходи тогда; ину пору хотя и выйдетъ что-нибудь неладно, не по его,—только посмѣется да посрамитъ тебя неотвязчивымъ, скоморошнымъ прозвищемъ.

Такъ было и теперь.

— Ну, что, дьячокъ, что голову-то повѣсилъ! отряхнись! сказалъ Глѣбъ, какъ только прошло первое движеніе досады,—али ужъ такъ кручина больно велика?.. Эхъ, ты! Раненько, братъ, кручиной забираешься... Погоди, будетъ время, придетъ и незваная, непрошеная!.. Ной, веселись—вотъ пока твоя вся забота... а то нахохлился; подумаешь, взаправду, несчастный какой... Эхъ, ты, слабый, ира, слабый! Ну, что ты за парень? что за рыбакъ? Мякина, право слово, мякина! заключилъ Глѣбъ, постепенно смягчаясь, и снова началъ ухмыляться въ бороду.

Во все время, какъ они переѣзжали рѣку, старикъ не переставалъ подтрунивать надъ молодымъ парнемъ. Тотъ хоть бы слово. Не знаю, стало ли жаль Глѣбу своего сына, или такъ, попросту, прискучило ему метать насмѣшки на безотвѣтнаго собесѣдника, но подъ конецъ и онъ замолкъ.

А между тѣмъ все вокругъ должно было бы располагать путниковъ къ веселой бесѣдѣ.

День былъ чудный. На небѣ ни облачка; солнце, обливая мягкою теплотою оттаявшую землю, горѣло какъ-то празднично. Птицы весело щебетали въ тихомъ, едва движущемся воздухѣ. Хоть на деревьяхъ не было еще листвы, только-что начинали завязываться почки, покрытыя клейкимъ, пахучимъ лакомъ; хотя луга, устланные иломъ, представляли еще темноватую, однообразную площадь, со всѣмъ тѣмъ и луга, и деревья, затопленные желтымъ лучезарнымъ свѣтомъ весенняго утра, глядѣли необыкновенно радостно. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ солнце сильнѣй припекало въ полдень, пласты ила совсѣмъ пересохли. Сквозь рыхлую ихъ поверхность, изрѣзанную безчисленнымъ множествомъ мелкихъ трещинъ и приподнятую какъ скорлупа, начинали пробиваться кое-гдѣ желтые, розовые и красные, какъ кровь, стебельки цикорія. Легкій вѣтерокъ, срывавшійся иногда съ озеръ, окруженныхъ купами ольхи, орѣшника и ветлы, разливалъ въ воздухѣ запахъ сырой лѣсистой почвы. Тамъ, подъ влажною тѣнью кустовъ, листъ ландыша уже развертывалъ свою трубочку въ сосѣдствѣ съ фіалкой, которая скромно показывала свою блѣдно-голубую головку надъ темными, мшистыми ворохами прошлогодняго валежника. Все возвѣщало весну: и темно-лазоревый цвѣтъ неба, и пѣсни птицъ, и запахъ почекъ, и мягкая, проникающая теплота воздуха, и даже огромныя глыбы льда, которыя попадались на пути Глѣба и которыхъ занесло въ луга половодье. Льдины эти, пронизанныя насквозь лучами, лежали уже рыхлыми, изнемогающими массами; поминутно слышалось, какъ верхніе края ихъ обрывались на-земь и разсыпались тотчасъ же въ милліоны звонкихъ, сверкающихъ иголъ; еще два-три такихъ дня, и страшныя икры, повергавшія такъ недавно на пути своемъ столѣтніе дубы, превратятся въ лужицы, по которымъ смѣло и бойко побѣжитъ мелкій куличокъ-свистунчикъ. Глѣбъ и сынъ его не замедлили, однакожъ, различить сквозь сучья деревьевъ, окаймлявшихъ озеро, лачужку дѣдушки Кондратія.

Жилище старичка представляло оригинальную, совершенно типическую физіономію. Это было что-то среднее между ветхою, закоптѣлою избушкой на курьихъ ножкахъ, о которой говорится въ сказкахъ, и живописною, веселою степной хаткой, или „мазанкой“, какъ ихъ называютъ

обыкновенно на югѣ Россіи. Когда дѣдушка Кондратій переселился на озеро (тринадцать лѣтъ тому назадъ), средства не позволяли ему купить цѣлую избу. Силъ хватало только, чтобы пріобрѣсти дюжину стропилъ, да и то обгорѣлыхъ, и еще другую дюжину кривыхъ, сѣдыхъ бревенъ. Недостающій матеріалъ пополнялся плетнями, густо оштукатуренными снутри и снаружи смѣсью изъ глины, рѣчного песку и рубленой соломы. Дѣдушка началъ съ того, что срылъ отвѣсно часть небольшого естественнаго бугорка; въ этой выемкѣ помѣщалась избушка; задній „фасъ“ ея плотно примкнулъ къ земляному откосу до самой кровли; бока ея закрылись частію постепенно понижающимся склономъ бугорка, частію плетнями. Лицевая сторона, гдѣ находилась дверь (окна прорѣзаны были съ боковъ), состояла изъ вышеупомянутыхъ бревенъ. Неровности и щели прикрывались заплатами изъ досокъ и глины: издали казалось, передъ вами сидитъ дряхлый старичокъ, въ рубищѣ, съ больными, подвязанными глазами. Надобно было также подумать защитить себя отъ дождя. Лѣтомъ куда бы еще ни шло; прольетъ ливень, солнышко скоро высушитъ; но осенью, когда солнышко повернетъ на зиму, а дождь зарядитъ на два-три мѣсяца, тутъ какъ быть? Для этой цѣли дѣдушка выпустилъ края крыши и какъ можно больше, такъ что самый косой дождь съ трудомъ досягалъ до порога двери; такъ много соломы положено было на крышу, что она утратила свою остроконечную форму и представлялась копною или вздутымъ короваемъ. Но дѣдушка не много заботился о красотѣ: главное было бы тепленько, и потому, недѣлю назадъ, какъ только перебрался изъ Комарева, прикинулъ еще свѣженькой соломки. Лачужка походила теперь, ни дать ни взять, на старый грибъ съ почернѣлымъ стержнемъ, но сохранившеюся желтой верхушкой, которая лоснилась на солнцѣ. Но какъ бы то ни было, грибъ ли, слѣпой ли старикъ съ обвязанными глазами, — лачужка не боялась грознаго водополья; ольха, ветлы, кусты, обступавшіе ее со всѣхъ сторонъ, защищали ее, какъ молодые, нѣжные сыны, отъ льдинъ и охотно принимали на себя весь грузъ ила, которымъ обвѣшивались всякій разъ, какъ трофеемъ. Лѣтомъ жилище рыбака превращалось въ теплое гнѣздо, запрятанное въ густую зелень. Тамъ, сквозь темную листву ольхи, просвѣчивала соломенная, солнцемъ облитая кровля, здѣсь, между блѣдными, серебристыми вѣтвями

ивы, чернѣла раскрытая дверь. Пестрыя лохмотья, развѣшанныя по кустамъ, бѣлыя рубашки, сушившіяся на веревочкѣ, верши, разбросанныя въ безпорядкѣ, сѣки, прислоненные къ углу, и между ними новенькій сосновый, лоснящійся какъ золото багоръ, двѣ-три ступеньки, вырытыя въ землѣ для удобнаго схода на озеро, темный, засмоленный челнокъ, качавшійся въ синей тѣни раскидистыхъ ветелъ, висѣвшихъ надъ водою, — все это представляло въ общемъ обыкновенно живописную, миловидную картину, которыхъ такъ много на Руси, но которыми наши пейзажисты, вѣроятно отъ избытка пылкой фантазіи и черезчуръ сильнаго поэтическаго чувства, стремящагося изображать румяныя горы, кипарисы, похожіе на ворохи салата, и восточныя гробницы, похожія на куски мыла,—никакъ не хотятъ пользоваться.

Глѣбъ и сынъ его подошли къ избушкѣ; осмотрѣвшись на стороны, они увидѣли, шагахъ въ пятнадцати, дѣдушку Кондратія, сидѣвшаго на берегу озера. Свѣсивъ худощавыя ноги надъ водою, вытянувъ впередъ бѣлую какъ лунь голову, освѣщенную солнцемъ, старикъ удилъ рыбу. Онъ такъ занятъ былъ своимъ дѣломъ, что не замѣтилъ приближенія гостей; нѣсколько пискарей и колюшекъ, два-три окуня, плескавшіеся въ сѣромъ глиняномъ кувшинѣ, сильно, повидимому, заохотили старика.

— Здорово, дядя! „клёвъ на уду!“ *) весело воскликнулъ Глѣбъ.

— А-а, сосѣдушка! добро пожаловать! не менѣе весело сказалъ старикъ, поворачивая къ гостямъ дѣтски-простодушное лицо свое, окруженное бѣлыми какъ снѣгъ волосами, падавшими до плечъ. — Ну, здравствуйте, здравствуйте! продолжалъ онъ, медленно приподнимаясь на ноги и прислоняя удочку къ кустамъ.—И Ванюшу взялъ съ собою; ну, ладно. Спасибо тебѣ, сосѣдушка! радъ ему! Здравствуй, молодецъ. Давненько не былъ ты у меня... ну, да все равно, теперь пришелъ провѣдать; и то хорошо... Спасибо, не запамятовалъ, Глѣбъ Савинычъ! То-то; вѣдь я ждалъ тебя... Дуня! Дуняша! заключилъ дѣдушка Кондратій, обращаясь къ лачужкѣ.

При этомъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась дочка старика. Восьмилѣтняя дѣвочка, которую мы встрѣтили когда-то собирающею валежникъ въ прибрежныхъ кустахъ, успѣла уже съ того времени превратиться въ

*) Обычное привѣтствіе рыбаковъ, застающихъ собрата за уженьемъ.

красивую, стройную дѣвушку. Въ ней легко было узнать, однакожъ, прежняго ребенка: глаза голубые, какъ васильки, остались все тѣ же; такъ же привлекательно круглилось ея лицо, хотя на немъ не оставалось уже слѣда бойкаго, живого, ребяческаго выраженія. Пестрый платокъ, накинутый на скорую руку на ея бѣлокурые волосы, бросалъ прозрачную тѣнь на чистый, гладкій лобъ дѣвушки, и слегка оттѣнялъ ея глаза, которые казались поэтому нѣсколько глубже и задумчивѣе; бѣлая сорочка, слегка приподнятая между плечами молодою грудью, обхватывала станъ Дуни, перехваченный клѣтчатой юбкой, или „понявой“, исполосованной красными клѣтками по темному полю. Обыкновенно, понявы эти не бываютъ длинны; благодаря такому обстоятельству, можно было вдоволь любоваться тонкими, босыми ногами молодой дѣвушки, которыя немного повыше пятки закруглялись, обозначая начало свѣжей, розовой икры.

Первое движеніе Дуняши при видѣ гостей было откинуться поспѣшно назадъ; но, разсудивъ въ ту же секунду, что сколько ни прятаться, съ гостями все-таки приведется провести бо́льшую часть дня, она снова показалась на дорогѣ. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ; мудренаго нѣтъ: она готовила обѣдъ и цѣлое утро провела противъ пылающей печки; могло статься—весьма даже могло статься, что краска бросилась въ лицо Дуни при видѣ Ванюши.

— Дуняша! сказалъ дѣдушка Кондратій мягкимъ, колеблющимся голосомъ,—гости дорогіе пришли! собирай-ка обѣдъ. А что, сосѣдъ, я чай, взаправду, не пора ли поснѣдать? вишь, солнышко-то какъ высоко!

— Что жъ, давай; доброе дѣло... Э, да постой... Дуня, Дуня! живо подхватилъ Глѣбъ, обращаясь къ дочери сосѣда, которая готовилась скрыться за дверь,—погоди, касатушка. Развѣ такъ дѣлаютъ добрые люди, ась? вѣдь мы съ тобой на Святой-то не видались: я чай, и похристоваться надыть!.. А нутка, подь-ка, давай-ка похристоваться!.. Ну, Христосъ воскресе! — такъ! вотъ это такъ, какъ быть слѣдуетъ... Ну, а что жъ съ моимъ-то парнемъ? Развѣ вы нехристи?.. Ванюшка, что жъ ты стоишь?.. ахъ, ты... ну! заключилъ Глѣбъ, посмѣиваясь, между тѣмъ какъ молодые люди стояли другъ противъ друга съ потупленными головами.

Одно и то же чувство—чувство неловкости, тягостнаго

принужденія, — быть-можетъ, даже стыда со стороны дѣвушки, проглядывало на лицѣ того и другого. Но печего было долго думать. Глѣбъ, чего добраго, начнетъ еще подтрунивать. Ваня подошелъ къ дѣвушкѣ и, переминая въ рукахъ шапку, поцѣловалъ ее трижды (Глѣбъ настоялъ на томъ), при чемъ, казалось, вся душа кинулась въ лицо Вани и колѣни его задрожали.

— Ну, а насчетъ красныхъ яичекъ не взыщи, красавица: совсѣмъ запамятовали!.. А все онъ, ей-Богу! должно быть, ужъ такъ оторопѣлъ, къ вамъ добре идти заохотился, смѣясь проговорилъ Глѣбъ и подмигнулъ дѣдушкѣ Кондратію, который во все время, съ веселымъ, добродушнымъ видомъ, смотрѣлъ то на сосѣда, то на молодую чету.

Немного погодя, старикъ ввелъ гостей своихъ въ избушку.

XV.

Бесѣда.

Дѣдушка Кондратій, придерживаясь, вѣроятно, старой пословицы, которая гласитъ: „отъ хозяина должно пахнуть вѣтромъ, отъ хозяйки—дымомъ“, исключительно занимался наружными стѣнами и кровлей своей лачуги, внутреннее же устройство отдавалъ въ полное распоряженіе своей дочери. Между наружностію лачуги и внутреннимъ ея видомъ находилась такая же почти разница, какъ между самимъ старикомъ и молодой дѣвушкой: тутъ все было прибрано, свѣтло, весело и чисто. Красный уголъ былъ выбѣленъ; тутъ помѣщались образа, остальныя части стѣнъ, составлявшія продолженіе угла, оставались только вымазанными глиной; мѣдныя ризы иконъ, вычищенныя мѣломъ къ свѣтлому празднику, сверкали какъ золото; подлѣ нихъ видпѣлся возобновленный пучокъ вербы, засохнувшая просфора, святая вода въ муравленномъ кувшинчикѣ, красныя яйца и нѣсколько священныхъ книгъ въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застежками,—тѣ самыя, по которымъ Ваня учился когда-то грамотѣ. Въ противоположномъ углу воздвигалась печка, съ перерубочками, для удобнаго влѣзанья: она занимала ровно четвертую часть жилища; надъ ухватомъ, кочергою и „голикомъ“ (вѣникомъ), прислоненнымъ къ печуркѣ, лѣпилась сосновая полка, привѣшенная къ гвоз-

дямъ веревками; на ней—пузатые горшки, прикрытые деревянными кружками; такъ какъ мѣста на полкѣ оставалось еще много, молодая хозяйка помѣстила въ сосѣдствѣ съ горшками самопрялку съ тучнымъ пучкомъ кудели на макушкѣ гребня. Уголъ налѣво, ближайшій къ двери (любимый уголокъ старичка: тутъ онъ плелъ обыкновенно свои лапти и чинилъ сѣти), не представлялъ ничего особенно примѣчательнаго, если не считать островерхой клѣтки съ перепеломъ, да еще шапки Кондратія, прицѣпленной къ деревянному гвоздю; верхушка шапки представлялась чѣмъ-то въ родѣ туго набитаго синяго мѣшка; величиною и вѣсомъ своимъ она могла только равняться съ знаменитою шапкой, купленной двадцать лѣтъ тому назадъ покойнымъ Акимомъ Гришкѣ, когда ребенку исполнился годъ. На бечевкѣ, протянутой отъ выступа печи до верхняго косяка двери, висѣла грубая посконная занавѣска, скрывавшая правое окно и постель рыбаковой дочки: узковатость занавѣски позволяла, однакожъ, различить полотенце, висѣвшее въ изголовьяхъ, и крошечное оловянное зеркальце, испещренное зелеными и красными пятнышками, одно изъ тѣхъ зеркальцевъ, которыя продаются ходебщиками—„афенями“—и въ которыхъ можно только разсматривать одинъ глазъ или носъ, или подбородокъ, но ужъ никакъ не все лицо; тутъ же выглядывалъ синій кованный сундучокъ, хранившій, вѣроятно, запонку, шелкъ-сырецъ, наперстокъ, сережки, коты, полотно, двѣ новыя понявы и другія части немногосложнаго приданаго крестьянской дѣвушки.

Кондратій усадилъ Глѣба на почетное мѣсто, къ образамъ; онъ хотѣлъ посадить туда же и сына, но Ванюша отказался, подъ предлогомъ, что заслонитъ спиною окно, и расположился немного поодаль, въ тѣнь, бросаемую стѣною; самъ хозяинъ помѣстился рядомъ съ сосѣдомъ Глѣбомъ.

Свѣтъ окна сполна ударилъ тогда въ лицо двухъ стариковъ. Трудно было сыскать двѣ болѣе характеристическія, но вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ менѣе сходныя головы. Умный, широкій лобъ Глѣба, окруженный черными, пышными, съ просѣдью, кудрями, его орлиный посъ, подвижныя, рѣзко обозначенныя ноздри, смѣлый, бойкій взглядъ, могли бы удачно служить моделью для изображенія древняго римлянина; каждая черта его, каждая морщина дышали крѣпостію, обозначали въ немъ присутствіе живыхъ,

далеко еще не угаснувшихъ страстей. Бѣлая, патріархальная голова сосѣда, тихое выраженіе лица его, насквозь проникнутаго добротою и дѣтскимъ простодушіемъ, приводили на память тѣхъ набожныхъ старичковъ, которые уже давнымъ-давно отказались отъ всѣхъ земныхъ, плотскихъ побужденій и обратили всѣ помыслы свои къ Богу. Невозможно было найти два лица, которыя бы такъ вѣрно, такъ отчетливо передавали всю жизнь, всю душу своихъ владѣльцевъ.

— Не посѣтуйте, дорогіе гости; чѣмъ угощать васъ, и самъ не вѣдаю! сказалъ Кондратій, когда Дуня поставила на столъ ушицу, приправленную лукомъ и постнымъ масломъ (дѣвушка старалась не смотрѣть на Ваню).— Вы привыкли къ другой пищѣ, вамъ не въ охоту моя постная ѣда...

— Вотъ, нешто у насъ причудливое брюхо! мы сами, почитай, весь годъ постнымъ пробавляемся, возразилъ Глѣбъ, — постная ѣда, знамо, въ пользу идетъ, не во вредъ человѣку; ну, что говорить! и мясо не убавитъ вѣку: послѣ мясца-то человѣкъ какъ словно даже посытнѣе будетъ.

— Такъ-то такъ, посытнѣе, можетъ статься—посытнѣе; да на все есть время: придутъ такіе года, вотъ хоть бы мои теперь, не слѣдъ потреблять такой пищи; вотъ я пятнадцать лѣтъ мяса въ ротъ не беру, а слава Тебѣ, Всевышнему Создателю, на силы не жалуюсь. Только и вся моя ѣда: хлѣбъ, лукъ, да квасу ину пору подольешь...

— Ну, нѣтъ, дядя, напрасно поклепалъ ты свою похлебку: похлебка знатная! началъ Глѣбъ, приставляя ложку къ губамъ, дѣлая изъ нихъ подобіе трубы и звонко втягивая въ себя ушицу,—знатная ѣда! вѣдь эти вотъ колюшки да пискари, даромъ что малы, а сладки! И то сказать надо: мастерица у те хозяйка и уху-то варить!.. повариха славная! прибавилъ онъ, посматривая на Дуню, неловкость которой мало-по-малу проходила, хотя она все еще старалась отводить глаза свои отъ сына рыбака.—Всякій разъ, какъ вотъ я такъ-то приду къ вамъ, погляжу на васъ, на ваше на житье-бытье, инда завидки берутъ,—ей-Богу, право! сказалъ Глѣбъ.

— Да, благословилъ меня Господь—послалъ на старости лѣтъ утѣху, отвѣчалъ Кондратій, подымая, въ свою очередь, глаза на дочку.

Черты старика оживились: какъ будто лучъ солнца, про-

бравшись неожиданно въ окно, скользнулъ по лицу его.

— Вотъ одного развѣ только недостаетъ вамъ, продолжалъ между тѣмъ Глѣбъ,—въ одномъ недостача: кабы какимъ ни есть случаемъ... вотъ хошь бы какъ та баба, помнишь разсказывали въ Каширѣ?—пошла это на рѣку рубахи полоскать, положила ихъ въ дупло,—вынимаетъ ихъ на другой день, анъ, глядь, въ дуплѣ-то кубышка съ деньгами... вотъ кабы такъ-то... эхъ, знатно, я чай, зажили бы вы тогда!

— Зачѣмъ намъ? мы и такъ довольны.

— Ну, полно, дядя, полно! смѣясь перебилъ Глѣбъ,— что толковать! я чай, куда и ты бы возрадовался!

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, не надыть намъ: много денегъ, много и грѣха съ ними! Мы довольствуемся своимъ добромъ; зачѣмъ намъ! Съ деньгами-то заботъ много; мы и безъ нихъ проживемъ. Вотъ я скажу тебѣ на это какое слово, Глѣбъ Савинычъ: счастливъ тотъ человѣкъ, кому и воскресный пирожокъ въ радость!

— Коли за себя говоришь, ладно! о тебѣ и рѣчь нейдетъ. А вотъ у тебя, примѣрно, дочка молодая, объ ней, примѣрно, и говорится: было бы у ней денегъ много, нашила бы себѣ наряду всякаго, прикрасъ всякихъ... вѣстимо, дѣло дѣвичье, молодое; вѣдь вотъ также и о приданомъ думать надо... не то, чтобы, примѣрно, приданое надыть: возьмутъ ее и безъ этого,—а такъ, себя потѣшить; дѣвка-то ужъ на возрастѣ: нѣтъ, нѣтъ, да и замужъ пора выдавать!..

При этомъ дѣдушка Кондратій подавилъ вздохъ, и лицо его стало задумчиво.

— Что, аль не любо? спросилъ Глѣбъ, устремляя на сосѣда пытливый взглядъ,—ну, да какъ быть: сколько веревку не вить, концу быть: на это онѣ, дѣвки-то, и на свѣтъ рождаются. Знамо, невесело разставаться съ роднымъ дѣтищемъ: своя плоть—къ костямъ пришита; а не миновать этого; такъ ужъ Богомъ Самимъ установлено. И то сказать: за мужниной головой не сидѣть ей сиротой. Съ чего жъ такъ!.. всегда такъ-то водится: родители берегутъ дочь до вѣнца, мужъ—до конца! Не уродъ она у тебя, не кривая какая, слава те Господи! Красовита— хошь куда!.. ну, какъ же ей послѣ этого... такъ и сидѣть въ дѣвкахъ-то? нѣтъ, дядя, замужъ отдавай— вотъ что!.. Я пожалуй и женишка пріищу; у тебя товаръ, у меня купецъ...

Ваня давно смекнулъ, къ чему клонилась отцовская рѣчь; но какъ ни тяжко было ему находиться при этомъ разговорѣ, особенно въ присутствіи Дуни, онъ не показалъ своего нетерпѣнія. Прислонившись спиною къ стѣнѣ, онъ изрѣдка лишь потряхивалъ волосами; вмѣшаться въ разговоръ и замять какъ-нибудь отцовскую рѣчь онъ не могъ: во-первыхъ, отецъ не далъ бы ему вымолвить слова, и, наконецъ, хоть до завтра говори ему, все-таки никакого толку не выйдетъ, все-таки не послушаетъ; хуже еще упрется; во-вторыхъ, приличіе своего рода запрещало Ванѣ вмѣшаться въ бесѣду: онъ зналъ, что сидитъ тутъ въ качествѣ жениха и, слѣдовательно, волей-неволей долженъ былъ молчать.

Но Глѣбъ не прерывалъ бесѣды и продолжалъ закидывать сосѣда тѣми замысловатыми, двусмысленными рѣчами, которыя употребляются обыкновенно въ случаяхъ сватовства; видно было, однакожъ, что ему не понутру приходилось добираться до цѣли окольными путями. Глѣбъ былъ человѣкъ прямой, неутайчивый и вдобавокъ еще горячій: ему хотѣлось бы разомъ порѣшить дѣло; отзвонилъ, да и съ колокольни долой! Вышла даже такая задача, что старый рыбакъ какъ словно подъ конецъ и замялся: но это продолжалось всего секунду. Онъ окинулъ бойкимъ взглядомъ присутствующихъ, засмѣялся и, трепнувъ по плечу дѣдушку Кондратія, сказалъ:

— Эхъ, дядя, погубили вы, ты да твоя дѣвка, моего парнюху,—ей-Богу, такъ!

— Поди ты, что еще выдумалъ! Оборони Господи, чтобы мы его когда губить думали, проговорилъ старикъ, съ добродушной улыбкой поглядывая на Ваню.

Ваня нетерпѣливо тряхнулъ волосами.

— Такъ, право, такъ, продолжалъ Глѣбъ, — можетъ статься, оно и само собою какъ-нибудь тамъ вышло, а только погубили!.. Я полагаю, подхватилъ онъ, лукаво прищуриваясь, — все это больше отъ вашихъ грамотъ вышло; ходилъ это онъ, ходилъ къ тебѣ въ книжки читать, да и зачитался!.. Какъ знаешь, дядя, ты и твоя дочка... черезъ васъ, примѣрно, занедужился парень,— вы, примѣрно, и лѣчите его! заключилъ смѣясь Глѣбъ.

Ваня снова тряхнулъ волосами.

Дуня торопливо поставила на столъ послѣднюю перемѣну, подошла къ печкѣ и принялась убирать горшки и плошки; но руки ея разсѣянно перебѣгали отъ одного

предмета къ другому: разговоръ Глѣба, его намеки обращали теперь на себя все вниманіе дѣвушки.

— Ахъ ты, шутникъ! шутникъ! сказалъ Кондратій въ отвѣтъ сосѣду, — поди ты, чего не выдумаешь!.. Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ онъ, и лицо его снова изобразило тихую задумчивость,—нѣтъ, черезъ то, что Ванюша грамоткой занимается, худого не будетъ; знамо, что говорить! бываютъ такія книжки, что грѣшно и въ руки взять... да такихъ Ванюша твой не читаетъ; учился онъ доброму,—худое на умъ не пойдетъ!.. Наши книжки, что я ему даю, человѣка не испортятъ, не научатъ баловству: книжки наши разумныя, душевныя; ихъ отцы святые писали!

— Вѣстимо... то-есть... ну, что говорить! вѣстимо, отъ такихъ книгъ худого не бываетъ! я, примѣрно, не то... воскликнулъ немного озадаченный Глѣбъ.—Ну, не книжки, такъ другое что! подхватилъ онъ, оправляясь.—Вѣдь не спроста же сталъ онъ у меня такъ-то задумываться... Что жъ бы за причта за такая?.. Какъ ты скажешь, дѣдъ, а?.. Я полагаю, знаешь что... Ужъ не зазноба ли,—э! э!— э! примолвилъ неожиданно Глѣбъ, моргая на присутствующихъ блиставшими отъ удовольствія глазами,—ну, да все одно: вѣдь и это не годится, неладно! продолжалъ онъ, заботливо нахмуривая лобъ, между тѣмъ какъ лицо его смѣялось,—причина не малая; вишь, дядя, парень-то почитай что высохъ... весь почитай износился; полѣчить надо... нѣтъ ли у тебя, примѣрно, средствія какого, ась?.. Я, признаться, затѣмъ болѣе и пришелъ къ тебѣ... Ну, что ты на это скажешь? полно тебѣ раздумывать-то! сколько птицѣ ни летать по воздуху, а наземь надо когда-нибудь сѣсть... ну, съ твоего слова, что съ золотого блюда, говори!..

Тяжело было старику произнести слово,—слово, которое должно было разлучить его съ дочерью; но, съ другой стороны, онъ зналъ, что этого не избѣгнешь, что, рано или поздно, все-таки придется разставаться. Онъ давно помышлялъ о Ванѣ: лучшаго жениха не найдешь, да и не требуется; это ли еще не парень! Со всѣмъ тѣмъ старику тяжко было произнести послѣднее слово; но сколько птицѣ ни летать по воздуху, какъ выразился Глѣбъ, а наземь надо когда-нибудь сѣсть.

— Что жъ, сказалъ, наконецъ, дѣдушка Кондратій, ласковымъ, привѣтливымъ голосомъ (лицо его оставалось,

однакожъ, задумчивымъ),—что жъ! мы отъ добраго дѣла не прочь...

Ваня, начинавшій уже съ трудомъ подавлять волненіе, невольно взглянулъ на Дуню.

Слова отца заставили ее повернуть голову къ разговаривающимъ; она стояла опустивъ раскраснѣвшееся лицо къ полу; въ чертахъ ея не было видно, однакожъ, ни замѣшательства, ни отчаянія; она знала, что стоитъ только ей слово сказать отцу, онъ принуждать ее не станетъ. Если чувства молодой дѣвушки были встревожены и на лицѣ ея проглядывало смущеніе, виною всему этому было присутствіе Вани.

— Когда такъ, стало, и разговаривать нечего! продолжалъ между тѣмъ Глѣбъ съ возраставшею веселостію,— спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, дядя! Я, признательно, другого отъ тебя и не чаялъ, съ тѣмъ шелъ, и старухѣ своей сказалъ нонѣ... Стала это она приставать, какъ провѣдала, зачѣмъ иду сюда; не приходится, говоритъ, идти тебѣ самому за такимъ дѣломъ, то да се, говоритъ... Вотъ, говорю, нужда мнѣ большая до вашихъ до бабьихъ разговоровъ! жили мы съ дядей Кондратіемъ почитай тринадцать лѣтъ, жили: два сапога—одна пара! какъ слѣдуетъ, по-сосѣдски жили; знаю я его, и онъ меня знаетъ: оба, примѣрно, обо всемъ уже извѣщены... а тутъ поди еще ломайся да бабъ засылай, и не вѣсть что такое! Нѣтъ, говорю: самъ схожу, самъ обо всемъ переговорю; оно и и лучше! А то поди еще, возись съ ними! зачнутъ требесить да суетиться: наговорятъ съ три короба, а толку мало; конецъ тотъ же, да только что вотъ растянутъ его пустыми рѣчами своими,—и не дождешься!.. Мнѣ, признательно, коли ужъ на правду пошло, вотъ этого-то и не хочется; по-моему, чѣмъ скорѣе вылѣчимъ мы нашего парня, тѣмъ лучше... И то сказать, дядя: задалось намъ, вишь ты, дѣльцо одно; со дня на день жду, приведется намъ погоревать маненько; вотъ по этому-то самому болѣе и хлопочу, какъ бы скорѣе сладить, парня нашего вылѣчить; все, по крайности, хоть утѣха въ дому останется.. Я тебѣ объ этомъ нашемъ дѣлѣ слова не промолвилъ... Да, можетъ статься, самъ ты какъ-нибудь на сторонѣ провѣдалъ... а? заключилъ Глѣбъ, веселость котораго, при послѣднихъ словахъ, замѣтно пропадала.

— Оборони, помилуй Богъ! я ничего не слыхалъ! произнесъ дядя Кондратій, подымая бѣлую свою голову.

— Не говорилъ я тебѣ объ этомъ нашемъ дѣлѣ по той причинѣ: время, вишь ты, къ тому не приспѣло, продолжалъ Глѣбъ,—нечего было заводить до поры, до времени разговоровъ и дома у меня ничего объ этомъ о-сю-пору не вѣдаютъ; теперь таиться нечего: не сегодня, такъ завтра сами узнаете... Вотъ, дядя, примолвилъ рыбакъ, приподымая густыя свои брови,—рекрутскій наборъ начался! Это, положимъ, куда бы ни шло: дѣло, вѣстимо, нужное, царство безъ воинства не бываетъ; вотъ что неладно маленько, дядя: очередь за мною.

Дѣдушка Кондратій потупилъ глаза къ землѣ и задумчиво покачалъ головою.

— Точно, сказалъ онъ,—точно: слыхалъ я, рекрутовъ собираютъ; и не зналъ, что чередъ за тобою, Глѣбъ Савинычъ. Ну, такъ какъ же ты это... а?.. что жъ ты? примолвилъ онъ, заботливо взглядывая на сосѣда.

— Что дѣлать! произнесъ Глѣбъ, проводя ладонью по сѣдымъ кудрямъ своимъ,—дѣло какъ есть законное, настоящее дѣло; жалѣй, не жалѣй, рѣшить какъ-нибудь надыть. Сердце болитъ,—разумъ слушаться не велитъ... На томъ и положилъ: Гришка пойдетъ!

При самомъ началѣ этого разговора, какъ только Глѣбъ сказалъ, что ожидаетъ со дня на день какого-то гореванья, и особенно послѣ того, какъ объяснилъ онъ свое намѣреніе относительно Гришки, въ чертахъ Вани произошла разительная перемѣна; онъ поднялъ голову и устремилъ тревожно-безпокойный взглядъ на отца, который во все время бесѣды сидѣлъ къ нему бокомъ. Съ именемъ Гришки, молодой парень вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, до послѣдняго суставчика, судорожнымъ движеніемъ руки отеръ капли холоднаго пота, мгновенно выступившія на лбу, и взглянулъ на дочь рыбака.

Дуня стояла у двери. Лицо ея, покрытое зеленоватою блѣдностію, было недвижно; раскрывъ побѣлѣвшія губы, вытянувъ шею, она смотрѣла сухими глазами, полными замѣшательства, въ уголъ, гдѣ сидѣли старики. Секунду спустя, глаза ея помутились, какъ словно огонь, наполнявшій ихъ, затушенъ былъ слезами, мгновенно хлынувшими отъ сердца; грудь ея поднялась, губы и ноздри задрожали; все существо ея превратилось, казалось, въ одинъ отчаянный вопль. Дуня заглушила, однакожъ, рыданія, раздиравшія ея сердце; она приложила одну руку къ губамъ, другою ухватилась за грудь и быстро скользнула въ дверь.

Все это произошло такъ неожиданно, такъ тихо, что Клѣбъ и дѣдушка Кондратій не замѣтили даже отсутствія дѣвушки. Старикамъ и въ голову не приходило, чтобы участь Гришки могла найти такое горячее сочувствіе въ сердцѣ дѣвушки; къ тому же, оба были слишкомъ заняты разговоромъ, чтобы удѣлить частицу вниманія молодымъ людямъ. Не будь этого обстоятельства, оба, конечно, обратились бы къ Ванѣ, — такъ блѣдно, такъ встревожено было въ эту минуту лицо его. Но старики ровно ничего не замѣчали и продолжали вести свою бесѣду, которая, мало-по-малу, снова перешла къ главному предмету совѣщанія и не замедлила принять прежній веселый характеръ.

На этотъ разъ Ваня мало уже заботился о томъ, что говорилъ отецъ. Онъ думалъ свою думу, — повидимому, крѣпкую, горькую думу. Сношенія Дуни съ пріемышемъ давно были ему извѣстны; отчаяніе, обнаруженное ею, ничего, слѣдовательно, не раскрывало ему новаго: какъ ни горько было ему отказаться отъ рыбаковой дочки, онъ успѣлъ, однакожъ, давно свыкнуться съ своей долей. Воля отца, рѣшавшая отправить Гришку, вѣсть объ удаленіи его, со всѣми послѣдствіями для рыбаковой дочки— можетъ статься, даже для пріемыша—вотъ что возмущало душу молодого парня. Нѣтъ никакой возможности вѣрно передать внутреннія движенія человѣка въ минуты сильной тревоги: въ эти минуты человѣкъ, говоря относительно, перестрадаетъ и передумаетъ болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы тихаго, невозмутимаго существованія. Скорбь парня постепенно, казалось, сосредоточивалась и уходила въ его душу. Молодое лицо, встревоженное горемъ, мало-по-малу дѣлалось покойнѣе; но, подобно озеру, утихающему послѣ осенней бури, лицо Вани освѣщалось печальнымъ, холоднымъ свѣтомъ; молодыя черты его точно закалялись подъ вліяніемъ какой-то непреклонной рѣшимости, которая съ каждой секундой все болѣе и болѣе созрѣвала въ глубинѣ души его. Такъ сильно отдался онъ подъ конецъ своимъ мыслямъ, что, казалось, не замѣтилъ даже дочки рыбака, которая успѣла уже вернуться въ избу, стояла у двери и смотрѣла на него распухнувшими отъ слезъ глазами.

Онъ очнулся не прежде, какъ когда отецъ и дѣдушка Кондратій встали съ своихъ мѣстъ.

— Ванька, чего голову-то скосилъ? отряхнись, глупый!

сказалъ Глѣбъ полу-шутливымъ, полу-нетерпѣливымъ голосомъ.—Ну, посмотри, дядя, не глупый ли онъ, а? подхватилъ рыбакъ, обращаясь къ Кондратію и указывая ему головою на сына;—а ты еще хвалишь его. Ну, что въ немъ! ей-Богу, право! Мякина, какъ есть, мякина! Такіе ли молодцы-то бываютъ!.. Ну, да ладно; вотъ вылѣчимъ мы его съ тобою: авось тогда повеселѣе будетъ... Пойдемъ, дядя... что на него смотрѣть! мякина!.. пойдемъ на озеро, переговоримъ еще... а то и домой пора! заключилъ Глѣбъ, проходя съ сосѣдомъ въ дверь и не замѣчая Дуни, которая стояла притаившись за занавѣской.

Какъ только шаги стариковъ замолкли на берегу озера, Ваня приподнялъ голову, тряхнулъ кудрями, всталъ со скамьи, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлось зеркальце, и отдернулъ занавѣску.

Дуня сидѣла на краю постели; она уже не скрывала теперь своего горя передъ молодымъ парнемъ. Закрывъ лицо руками, она рыдала навзрыдъ, и слезы ея ручьями текли между судорожно сжатыми пальцами.

Лицо Вани казалось, напротивъ, совершенно спокойнымъ, и только рука его, все еще державшая, вѣроятно въ забытьи, занавѣску,—только рука измѣняла ему.

— Дуня, сказалъ онъ почти твердымъ голосомъ,—не сокрушайся... полно!.. не будетъ этого!.. я... я говорилъ вамъ (тутъ голосъ его какъ-будто слегка задрожалъ)... я говорилъ вамъ: я вамъ не помѣха!.. Полно, не плачь... я ослобоню его!

Сказавъ это, онъ провелъ пальцами по глазамъ и отвернулъ голову.

Минуту спустя, Ваня выходилъ изъ лачуги.

Когда онъ приблизился къ берегу озера и взглянулъ на стариковъ, Глѣбъ держалъ въ лѣвой рукѣ правую руку дѣдушки Кондратія и, весело похлопывая ему въ ладонь, приговаривалъ:

— Стало, тому и быть! Ладно, заживемъ, когда такъ: два сапога—одна пара!

Немного погодя, Глѣбъ и сынъ его распрощались съ дѣдушкой Кондратіемъ и покинули озеро. Возвращеніе ихъ совершилось такимъ же почти порядкомъ, какъ самый приходъ; отецъ не переставалъ подтрунивать надъ сыномъ, или же, когда упорное молчаніе послѣдняго черезчуръ забирало досаду старика, онъ принимался бранить его, называлъ его мякиной, совѣтовалъ ему отряхнуться,

прибавляя къ этому, что хуже будетъ, коли онъ самъ примется отряхать его. Но сынъ все-таки не произносилъ слова. Такъ миновали они луга и переѣхали рѣку.

Было еще довольно свѣтло, когда они достигли противоположнаго берега. Солнце давно уже сѣло. Но весенній, прозрачный воздухъ долго сохраняетъ отблескъ заката; сквозь сумерки, потоплявшія углубленіе высокаго хребта, гдѣ располагались избы стараго рыбака, можно было явственно различать предметы.

— Погляди, Ванюшка, вишь: никакъ лошадь у воротъ! неожиданно произнесъ Глѣбъ, выходя изъ челнока.

Ваня поднялъ голову.

У воротъ, дѣйствительно, стояла осѣдланная лошадь.

— Ну, не чаялъ я, что такъ скоро! проговорилъ Глѣбъ, проводя ладонью по головѣ,—я думалъ, Гришка на свадьбѣ на твоей попируетъ... нѣтъ, не судьба видно ему!..

Первый предметъ, поразившій стараго рыбака, когда онъ вошелъ на дворъ, была жена его, сидѣвшая на ступенькахъ крыльца и рыдавшая во всю душу; подлѣ нея сидѣли обѣ снохи, опустившія платки на лицо и качавшія головами. Въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стоялъ пріемышъ; блѣдность лица его проглядывала даже сквозь густыя сумерки; въ избѣ слышались голоса Петра и Василія и еще чей-то посторонній, вовсе незнакомый голосъ.

Глѣбъ не ошибся. Лошадь точно принадлежала сотскому изъ становой квартиры, который пріѣхалъ повѣстить о выдачѣ рекрута.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVI.

Сынъ рыбака.

— Полно, говорю! тутъ хлюпаньемъ ничего не возьмешь! Плакалась баба на торгъ, а торгъ про то и не вѣдаетъ; да и вѣдать нѣтъ нужды! Словно и взаправду горе какое приключилось. Не навѣкъ разстаемся, Господь милостивъ: доживемъ, назадъ вернется — какъ есть, настоящимъ человѣкомъ вернется; сами потомъ не нарадуемся... Ну, о чемъ плакать-то? Попривыкли! знаютъ и безъ тебя: попривыкли: не ты одна... Слава те, Господи! наслалъ еще его къ намъ въ домъ... Жаль, жаль, а все не какъ своего!

Такъ говорилъ Глѣбъ Савиновъ женѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда сотскаго.

Разговоръ происходилъ между задними воротами и плетнемъ огорода, въ извѣстномъ проулкѣ; тутъ, кромѣ стараго рыбака и жены его, никого не было. Глѣбъ послѣ ужина, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, и сотскій, приказалъ тотчасъ же всѣмъ ложиться спать, а самъ, подмигнувъ украдкою женѣ, отправился съ нею на совѣщаніе. На дворѣ царствовалъ совершеннѣйшій мракъ. Мѣсяцъ, подымавшійся багровымъ шаромъ въ отдаленномъ горизонтѣ, не разливалъ почти никакого свѣта: Глѣбъ и Анна съ трудомъ различали черты другъ друга. Никто, можетъ-статься, не смыкалъ глазъ въ клѣтушкахъ и сѣняхъ, но со всѣмъ тѣмъ было такъ тихо, что мужъ и жена говорили шопотомъ; малѣйшая оплошность съ ихъ стороны, слово, произнесенное мало-мальски громко, легко могло возбудить подозрѣніе домашнихъ и направить ихъ къ заднимъ воротамъ, чего никакъ не хотѣлось Глѣбу.

— Какой бы онъ тамъ чужакъ ни былъ — все одно: намъ обдѣлять его не слѣдъ; я его не обижу! продолжалъ Глѣбъ; — одно то, что сирота: ни отца, ни матери нѣту. И чужіе люди, со стороны, такъ сиротъ уважаютъ, а намъ и подавно не приходится оставлять его. Снарядить надо, какъ слѣдуетъ; христіанскимъ дѣломъ разсуждать надо, по совѣсти, какъ слѣдуетъ! За что намъ обижать его? жилъ онъ у насъ какъ родной, какъ родного и отпустимъ; все одно, какъ своего бы отпустили, такъ, примѣрно, и его отпустимъ...

— И то, батюшка, я и сама такъ-то мерекаю... О-охъ!.. лепешечекъ напеку ему, сердечному... о-о-охъ! заботливо прошептала тетка Анна, утирая рукавомъ слезы и вздыхая въ нѣсколько пріемовъ, какъ вздыхаютъ обыкновенно бабы, которыя долго и горько плакали.

— Вотъ нашла, что сказать: лепешки! велика нужда ему въ твоихъ лепешкахъ! закусилъ разъ-другой — все одно, что ихъ и не было! Надо подумать о рубахахъ, а не о лепешкахъ — вотъ что!

— Вѣстимо, безъ холста не отпущу его, касатика, простонала тетка Анна.

— Холстъ самъ по себѣ: пойдетъ на портянки *). Я говорю, примѣрно, о рубахахъ. Завтра день, да послѣ завтра день, — всего два дня остается! не успѣете вы обшить его какъ слѣдуетъ. Отдать ему Ванюшкины рубашки, которыя залишнія...

— Куды! коротки будутъ! замѣтила старуха съ такою живостію, что мужъ принужденъ былъ шикнуть и поднять руку.

— А коротки, такъ возьмемъ у Васьки.

— А какъ же Вася-то? вѣдь онъ также дома не остается: идетъ на заработки; самому нужны, шепнула жена.

— Нѣтъ, Васька дома останется взамѣнъ Гришки. Отпущу я его на заработки! А самому, небось, батрака нанимать, нѣтъ, жирно будетъ! Они и безъ того денегъ почитай-что не несутъ... Довольно и того, коли одинъ Петрушка пойдетъ въ „рыбацкія слободы“... Ну, да не объ этомъ толкъ совсѣмъ! Пойдутъ, стало-быть, Васькины рубахи; а я отъ себя цѣлковика два приложу: дѣло ихнее — походное, понадобится — сапожишки купить, либо другое что, въ чемъ нужда встрѣнется.

Какъ ни переполнено было сердце старушки, какъ ни

*) Куски холста, которыми обматываются ноги вмѣсто носковъ.

заняты были мысли ея предстоящей разлукой съ пріемышемъ, къ которому привыкла она почти какъ къ родному дѣтищу, но въ эту минуту всѣ ея чувства и мысли невольно уступили мѣсто удивленію: такъ поразила ее необыкновенная щедрость Глѣба. Ободренная этимъ, она сказала:

— Вотъ, батюшка, надо также и образочекъ ему дать. Дамъ я ему, сердечному, вотъ тотъ, что въ ризочкѣ-то у насъ...

— Что дѣло, то дѣло. Я, признаться, и самъ о томъ думалъ, перебилъ Глѣбъ,—только-что вотъ тотъ, который въ ризѣ, давать не зачѣмъ; можно простѣе сыскать. Главное дѣло, было бы ему наше родительское благословенье...

Переговоривъ еще кой о чемъ касательно Гришки, рыбакъ замѣтилъ, что время спать идти.

— Ты обогни избу да пройди въ тѣ переднія ворота, примолвилъ онъ,—а я пока здѣсь обожду. Виду, смотри, не показывай, что здѣсь была, коли, по случаю, съ кѣмъ-нибудь изъ робятъ встрѣнешься... Того и смотри, прочуяли; на слуху, того и смотри, сидятъ, собаки!.. Ступай!—Эхе-хе! промолвилъ старый рыбакъ, когда скрипъ калитки возвѣстилъ, что жена была уже на дворѣ.—Эхъ! не все, видно, лещи да окуни: бываетъ такъ ину пору, что и песку съ рѣки отвѣдаешь!.. Жаль Гришку, добре жаль; озорливъ былъ, плутоватъ, да больно ловокъ зато!

Глѣбъ оглянулъ разсѣянно небо, по которому величественно всплывалъ серебрившійся теперь мѣсяцъ, перекрестился, вошелъ на дворъ и, закутавшись въ овчину, улегся въ свои сани подъ навѣсомъ. Хотя старикъ свыкся уже съ мыслію о необходимости разлучиться, рано или поздно, съ пріемышемъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, заснуть онъ долго не могъ: бо́льшую часть ночи проворочался онъ съ боку на бокъ и часто такъ сильно покрякивалъ, что куры и голуби, пріютившіеся на окраинѣ дырявой лодки, почти надъ самой его головою, вздрагивали и поспѣшно высовывали голову изъ-подъ теплаго крыла.

Но не подозрѣвалъ старый Глѣбъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ придется перенести испытаніе, передъ которымъ настоящее его горе ровно ничего не будетъ значить. Не предвидѣлъ онъ, что ночь эта, проведенная въ тревожномъ забытьи, будетъ, сравнительно, его послѣднею покойною ночью!

Заря между тѣмъ, чуть-чуть занимавшаяся на гори-

зонтѣ, не предвѣщала ничего особенно печальнаго: напротивъ того, небо, въ которомъ начинали тухнуть звѣзды, было чистоты и ясности необыкновенной; слегка зарумяненное восходомъ, оно привѣтливо улыбалось и спѣшило, казалось, освободиться отъ тучъ, которыя, какъ послѣднія морщинки на повеселѣвшемъ челѣ, убѣгали къ востоку длинными, постепенно блѣднѣющими полосками. Вся окрестность какъ словно раскрывала глаза и, приподымая освѣженныя росою рѣсницы, радостнымъ взглядомъ встрѣчала весеннее утро. Надъ лугами трещалъ уже жаворонокъ... Глѣбъ, по обыкновенію своему, проснулся вмѣстѣ съ жаворонками; нѣжиться да потягиваться не любилъ старикъ: онъ поспѣшно выскочилъ изъ саней, провелъ широкою ладонью по лицу и волосамъ, оглянулъ небо и перекрестился.

— Создалъ Господь ведро... знатное утро! сказалъ онъ, выходя за ворота и весело оглядывая Оку и дальній берегъ, только-что озаренные первымъ лучомъ солнца.

Ему въ голову не приходило, что это утро, такъ радостно улыбавшееся, западетъ тяжелымъ камнемъ на его сердце и вѣчно будетъ жить въ его памяти.

Въ самое это утро Петръ и Василій должны были сообщить отцу о своихъ намѣреніяхъ. Оба заранѣе приготовились встрѣтить грозу, которая неминуемо должна была разразиться надъ ихъ головами. Въ то время, какъ отецъ спускался по площадкѣ и осматривалъ свои лодки (первое, неизмѣнное дѣло, которымъ старый рыбакъ начиналъ свой трудовой день), сыновья его сидѣли, запершись въ клѣти, и переговаривали о предстоявшемъ объясненіи съ родителемъ; передъ ними стоялъ штофъ. Петръ, не мѣшаетъ замѣтить, плохо что-то надѣялся на брата: онъ зналъ, что Василій какъ разъ „солжетъ“—оплошаетъ передъ отцомъ, если не придашь ему заблаговременно надлежащей смѣлости. Основываясь на этомъ, Петръ накануѣ еще, когда возвращался изъ Сосновки, припасъ „закрѣпу“: по мнѣнію старшаго брата—мнѣнію весьма основательному—Василій безъ вина былъ то же, что вино безъ хмеля; тогда только и полагайся на него, когда куражу прихватитъ! Подливая брату, Петръ, конечно, не пропускалъ случая „тѣшить собственную душу“, какъ онъ самъ выражался, и частенько-таки подносилъ штофъ къ губамъ. Онъ дѣлалъ это вовсе не изъ надобности; вино было ему въ охоту, какъ и всякому человѣку, который давно уже

хмелью зашибался. Онъ и безъ куражу не побоялся бы отцовскаго гнѣва. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ отчаянно загрубѣлыхъ людей, которыхъ ничѣмъ не проймешь: ни лаской, ни угрозой,—которые, если заберутъ что въ башку, такъ хоть отсѣкай у нихъ руки и ноги, а на своемъ поставятъ. Смѣлость Петра соотвѣтствовала его упрямству. Казалось даже, онъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда станетъ передъ отцомъ лицомъ къ лицу; цыганское лицо его, дышащее грубой энергіей, выражало досаду тогда лишь, когда встрѣчалось съ лицомъ Василія, въ чертахъ котораго все еще проступала время отъ времени какая-то неловкость. Смущеніе Василія, благодаря предусмотрительности брата, не замедлило, однакожъ, исчезнуть. Оба пошли тогда въ избу. Глѣбъ не возвращался еще съ рѣки; но все семейство, за исключеніемъ Вани, однакожъ, котораго никто не видѣлъ со вчерашняго вечера, находилось уже въ избѣ. Никто, кромѣ жены Петра, не зналъ о намѣреніяхъ двухъ братьевъ; всеобщее вниманіе занято было, слѣдовательно, однимъ только Гришкой. Въ ожиданіи Глѣба и завтрака, всѣ обступали съ бо̀льшимъ или меньшимъ участіемъ пріемыша, который сидѣлъ на скамьѣ у окна и, повернувшись бокомъ къ присутствующимъ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, глядѣлъ въ землю. Накопецъ явился Глѣбъ, и всѣ сѣли завтракать.

Окинувъ зоркимъ взглядомъ семейство, старый рыбакъ тотчасъ же замѣтилъ, что старшіе сыновья его были навеселѣ. Какъ сказано выше, Глѣбъ мало обращалъ вниманія на возрастъ дѣтей своихъ: онъ держалъ всѣхъ членовъ семейства безъ различія въ ежовыхъ рукавицахъ,—потачки никому не давалъ. Тѣмъ менѣе слѣдовало спустить Петру и Василію, что зоркій взглядъ Глѣба не разъ уже, въ послѣднюю побывку, встрѣчалъ ихъ въ хмельномъ видѣ; отецъ давно собирался отжучить ихъ порядкомъ и отучить отъ баловства. Онъ вспылилъ тотчасъ же и осыпалъ ихъ градомъ ругательствъ. Тѣмъ бы, можетъ-быть, и кончилось дѣло, если бъ они смолчали; но, разгоряченные виномъ, они отвѣчали—отвѣчали грубо и дерзко. Это обстоятельство мгновенно взорвало старика: брови его выгнулись, голова гордо откинулась назадъ, губы задрожали. Но сыновья зашли уже слишкомъ далеко: отступать было поздно; они встрѣтили наглымъ, смѣлымъ взглядомъ грозный взглядъ отца и въ отвѣтъ на страшный ударъ,

посланный въ стслъ кулакомъ Глѣба, приступили тотчасъ же, безъ обиняковъ, къ своему объясненію... Но не станемъ описывать этой дико-необузданной сцены, изъ которой читатель ничего бы не вынесъ, кромѣ тягостнаго, непріятнаго чувства. Достаточно сказать, что бабы и дѣти опрометью кинулись вонъ и попрятались, кто куда могъ; нѣсколько минутъ пролежали онѣ въ своихъ прятках совершеннѣйшимъ пластомъ, ничего не видя, не слыша и не чувствуя, кромѣ того развѣ, что въ ушахъ звенѣло, а зубы щелкали немилосерднѣйшимъ образомъ. Мало-помалу, однакожъ, бабы наши стали приходить въ себя; блѣдныя лица ихъ, какъ словно по условленному заранѣе знаку, выглянули въ одно и то же время изъ разныхъ угловъ двора. Но страшные крики, раздававшіеся въ избѣ,— крики, посреди которыхъ какъ громъ раздавался голосъ Глѣба, заставляли бабъ поспѣшно прятать головы, наподобіе того, какъ это дѣлаютъ испуганныя черепахи. Шумъ и крики подымались все сильнѣе и сильнѣе; казалось со двора, какъ будто по полу избы каталось нѣсколько пустыхъ сороковыхъ бочекъ. Но бабы, движимыя любопытствомъ, которое не оставляетъ человѣка въ самыя критическія минуты, не переставали высовывать головы и прислушиваться. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока шумъ не умолкъ и Глѣбъ не показался на крылечкѣ. Тутъ уже бабы исчезли окончательно, залегли въ самые темные углы своихъ прятокъ и замерли.

Глѣбъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, страшенъ въ эту минуту: сѣрые сухіе кудри его ходили на макушкѣ, какъ будто ихъ раздувалъ вѣтеръ; зрачки его сверкали въ налитыхъ кровью бѣлкахъ; ноздри и побѣлѣвшія губы судорожно вздрагивали; высокій лобъ и щеки старика были покрыты блѣдно-зелеными полосами; грудь его колыхалась изъ-подъ рубашки, какъ взволнованная рѣка, разбивающая вешній ледъ. Ступеньки крылечка затряслись подъ его тяжелыми шагами. Очутившись на дворѣ, онъ остановился, какъ бы для того, чтобъ перевести дыханіе, и вдругъ быстро повернулся къ двери крыльца, торжественно приподнялъ обѣ руки и произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Не будетъ вамъ, непослушники, отцовскаго моего благослов...

Но тутъ онъ остановился; голосъ его какъ словно оборвался на послѣднемъ словѣ, и только сверкающіе глаза, все еще устремленные на дверь, силились, казалось, до-

сказать то, чего не рѣшался выговорить языкъ. Онъ опустилъ сжатые кулаки, отступилъ шагъ назадъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ дворъ, снова остановилъ глаза на двери крыльца, и вдругъ вышелъ за ворота, какъ будто воздухъ тѣснаго двора мѣшалъ ему дышать свободно.

Прелесть весенняго утра, невозмутимая тишина окрестности, пѣніе птицъ — все это, конечно, мало дѣйствовало на Глѣба; со всѣмъ тѣмъ, благодаря, вѣроятно, вѣтерку, который пахнулъ ему въ лицо и освѣжилъ разгоряченную его голову, грудь старика стала дышать свободнѣе; шагъ его сдѣлался тверже, когда онъ началъ спускаться по площадкѣ.

Подойдя къ лодкамъ, Глѣбъ увидѣлъ Ваню. Тутъ только вспомнилъ старикъ, что его не было за завтракомъ.

— Гдѣ ты шлялся? сурово спросилъ отецъ.

Онъ остановился и, повернувшись почти спиною къ сыну, мрачно оглянулъ рѣку.

— Я здѣсь былъ все время, батюшка, кротко отвѣчалъ сынъ.

— За какой надобностью? сухо и какъ бы не думая о чемъ говоритъ, перебилъ отецъ.

— Тебя ждалъ, батюшка...

Голосъ, которымъ произнесены были эти слова, прозвучалъ такою непривычною твердостію въ ушахъ Глѣба, что, несмотря на замѣшательство, въ которомъ находились его чувства и мысли, онъ невольно обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

Кроткій, спокойный видъ парня совершенно обезоружилъ отца.

— Чего тебѣ? спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ переговорить съ тобой, батюшка, началъ Ваня,—хотѣлъ сказать тебѣ... ты только выслушай меня...

— Ну! перебилъ Глѣбъ съ возраставшимъ удивленіемъ.

Годъ, безъ малаго, не могъ онъ слова добиться отъ парня, и вотъ теперь тотъ самъ къ нему приступаетъ.

— Выслушай меня, батюшка, продолжалъ сынъ тѣмъ же увѣщевательнымъ, но твердымъ голосомъ,—слова мои, можетъ статься, батюшка, горькими тебѣ покажутся... Я, батюшка, во вѣки вѣковъ не посмѣлъ бы передъ тобою слова сказать такого; да нужда, батюшка, заставила!..

— Какъ! вскричалъ отецъ, сжимая кулаки и дѣлая шагъ впередъ,— стало, они и тебя подговорили! стало, и тебѣ ни во что мое родительское проклятіе!

— Нѣтъ, батюшка, никто меня не подговаривалъ, возразилъ сынъ, не трогаясь съ мѣста, — родительское твое благословеніе мнѣ пуще дорого; безъ него, батюшка, я и жить не хочу...

— Чего жъ тебѣ? спросилъ изумленный отецъ.

— Я, батюшка, пришелъ переговорить съ тобою о Гришкѣ... Батюшка! что ты дѣлаешь? опомнись.

Глѣбъ отступилъ шагъ назадъ и опустилъ руки; старикъ не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Зачѣмъ же ты тогда воспиталъ его? Затѣмъ ли поилъ, кормилъ, растилъ его, чтобъ потомъ за насъ, за сыновей твоихъ, отвѣть держалъ... Батюшка! что ты хочешь дѣлать? опомнись. Вѣдь это выходитъ, батюшка, дѣлами добрыми торговать! продолжалъ сынъ, и лицо его при этомъ какъ словно озарилось какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, хотя осталось такъ же кротко и спокойно. — Не бери, батюшка, тяжкаго грѣха па свою душу!.. Господь благословилъ насъ, берегъ твой домъ, далъ тебѣ достатокъ... самъ ты сколько разъ говорилъ объ этомъ!.. Господь отступится отъ насъ за такое дѣло! Достатокъ твой не будетъ тогда Божьимъ благословеніемъ: все пойдетъ прахомъ, — все назадъ возьметъ! За то и берегъ „Онъ“ насъ. Самъ же ты говоришь, что жили по правдѣ!

Глѣбъ стоялъ, какъ прикованный къ землѣ, и задумчиво смотрѣлъ подъ ноги; губы его были крѣпко сжаты, какъ у человѣка, въ душѣ котораго происходитъ сильная борьба. Слова сына, какъ крупныя капли росы, потушили, казалось, огонь, за минуту еще разжигавшій его ретивое сердце. Разлука съ пріемышемъ показалась ему, почему-то, въ эту минуту тяжелѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Какъ же быть-то? откуда жъ намъ взять за него!.. Я и самъ, того, думалъ... Развѣ жеребій... промежъ вами кинуть? проговорилъ онъ, наконецъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою.

Мысль эта родилась, можетъ-быть, въ головѣ старика при воспоминаніи о старшихъ, непокорныхъ сыновьяхъ.

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ бросать жеребій! спокойно вымолвилъ парень,—старшіе братья женаты; ужъ лучше... такъ, безъ жеребья...

Глѣбъ поднялъ голову.

— Очередь за нами, за твоими сыновьями, продолжалъ Ваня все тѣмъ же невозмутимо твердымъ голосомъ, — старшіе сыновья женаты... Что жъ!.. я и пойду, батюшка...

Старику не шутя представилось, что младшій сынъ его рехнулся. Предшествовавшія слова молодого парня, его спокойный голосъ, а еще болѣе спокойный видъ убѣждали, однакожъ, старика въ противномъ.

„Что жъ бы такое значило? Ужъ не засорилъ ли парень дурью свою голову?.. Погоди жъ, я вотъ изъ тебя дурь-то вышибу!“

При этой мысли Глѣбъ, которому шутить было не въ охоту, вспыхнулъ.

— Видишь ты это? крикнулъ онъ, неожиданно выступая впередъ и показывая сыну коренастый, узловатый кулакъ.

Но Ваня на волосъ не пошатнулся, не мигнулъ даже глазомъ.

— Я тебя проучу, какъ дурью-то забираться! закричалъ отецъ, сурово изгибая свои брови,—я выколочу изъ тебя дурь-то: такъ отдую, что ты у меня на этомъ мѣстѣ трое сутокъ проваляешься! заключилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь.

— Власть твоя, батюшка, сказалъ, съ самымъ кроткимъ, покорнымъ видомъ, парень, — бей меня — ты властенъ въ этомъ! А только я отъ своего слова не отступлюсь.

При этомъ гнѣвъ окончательно завладѣлъ старикомъ: онъ ринулся со всѣхъ ногъ на сына, — но, пораженный необычайнымъ спокойствіемъ, изображавшимся на лицѣ Вани, остановился какъ вкопанный.

— Бей же меня, батюшка, бей! сказалъ тогда сынъ, поспѣшно разстегивая запонку рубашки и подставляя раскрытую, обнаженную грудь свою,—бей; въ этомъ ты властенъ! Легче мнѣ снести твои побои, чѣмъ видѣть тебя въ тяжкомъ грѣхѣ... Я, батюшка (тутъ голосъ его возвысился), не отступлюсь отъ своего слова, очередь за нами, за твоими сыновьями; я пойду за Гришку! охотой иду! Слово мое крѣпко; не отступлюсь я отъ него... Развѣ убьешь меня... а до этого Господь тебя не допуститъ.

Глѣбъ остолбенѣлъ. Лицо его побагровѣло. Крупныя капли пота выступили на лицѣ его. Не мысль о рекрутствѣ поражала старика: онъ, какъ мы видѣли, здраво, толково разсуждалъ объ этомъ предметѣ; мысль разстаться съ Ваней, любимымъ дѣтищемъ, наконецъ, неожиданность событія потрясли старика. Такъ несбыточна казалась подобная мысль старому рыбаку, что онъ подъ конецъ мах-

пулъ только рукой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ рѣкѣ; но Ваня тутъ же остановилъ его. Онъ высказалъ отцу, съ большею еще твердостью, свою рѣшимость.

Тогда между сыномъ и отцомъ началась одна изъ тѣхъ тягостно-раздирающихъ сценъ, похожихъ на вынужденную борьбу страстно любящихъ другъ друга противниковъ. Глѣбъ осыпалъ сына упреками, припоминалъ ему его дѣтство—онъ ли не любилъ его, онъ ли не лелѣялъ!—осыпалъ его затѣмъ угрозами, грозилъ ему побоями—ничто не помогало: какъ ни тяжко было сыну гнѣвить преклоннаго отца, онъ стоялъ, однакожъ, на своемъ. Видя, что ничто не помогало, Глѣбъ рѣшился прибѣгнуть къ ласкѣ и принялся увѣщевать сына со всею нѣжностью, какая только была ему доступна. Но и это ни къ чему не послужило: сынъ остался твердъ, и рѣшимость его ни на волосъ не поколебалась. Тутъ только почувствовалъ Глѣбъ,—почувствовалъ первый разъ въ жизни, что крѣпкія, желѣзныя мышцы его какъ словно ослабли; первый разъ осмыслилъ онъ старческіе годы свои, первый разъ понялъ, что силы ужъ не тѣ стали, воля и мощь не тѣ, что въ прежніе годы. Слишкомъ много потрясеній выдержали въ этотъ день его стариковскіе нервы; на этотъ разъ, казалось, горе раздавило его сердце.

— Ваня! воскликнулъ старикъ, все еще не терявшій надежды убѣдить сына, — Ваня! вспомни! тебя ли я не любилъ? тебя ли не отличалъ я?.. Сызмалѣтства отличалъ я тебя отъ твоихъ братьевъ!.. Ты былъ моимъ любимцемъ, ненаглядным сыномъ моимъ! Ты моя надёжа... И ты хочешь покинуть меня своей охотой,—на старости лѣтъ покинуть хочешь! старуху свою, мать покинуть хочешь!.. Ваня, вспомни... али ты этого не знаешь?.. вѣдь и братья твои насъ покидаютъ... Что жъ, какъ же, сиротами ты хочешь стариковъ оставить?.. Опомнись! Что ты дѣлаешь?.. Ваня!..

— Батюшка!.. батюшка! перестань! ты только мутишь меня! твердилъ въ то же время сынъ, напрягая всѣ силы своего духа, чтобы не разразиться воплемъ,—перестань!.. Богъ милостивъ!.. Приду во-время... приду закрыть глаза твои... не павѣкъ прощаемся... Полно, батюшка! не гнѣви Господа Бога! О чемъ ты сокрушаешься? Развѣ я худое дѣло какое дѣлаю? Опомнись! развѣ я въ Сибирь за недоброе дѣло иду?.. Что ты?.. Опомнись! иду я на службу ратную... иду вѣрой и правдой служить царю-государю

пашему... вишь: охотой иду, самъ по себѣ... Полно, опомнись! Не сокрушайся, не мути меня, батюшка... Лучше ты безъ меня останься, чѣмъ увижу я тяжкій грѣхъ на душѣ твоей родительской!..

— Ну, послушай... вотъ... вотъ что я скажу тебѣ, подхватилъ отецъ, — кинемъ жеребій, Ваня!.. ну такъ, хошь для виду кинемъ!.. кому выпадетъ, пущай хоть тотъ знаетъ, по крайности, пущай знаетъ... что ты за него пошелъ!

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ? возразилъ сынъ, качая головою,—зачѣмъ?.. Ну, а какъ кому-нибудь изъ братьевъ вынется жеребій, либо Гришкѣ, вѣдь они вѣкъ мучиться будутъ, что я за нихъ иду!.. Господь съ ними! пущай себѣ живутъ, ничего не вѣдая, дѣло пущай ужъ лучше будетъ закрытое.

Послѣднія слова сына, голосъ, какимъ были они произнесены, вырвали изъ отцовскаго сердца послѣднюю надежду и окончательно его сломили. Онъ закрылъ руками лицо, сдѣлалъ безнадежный жестъ и безотраднымъ взглядомъ окинулъ Оку, лодки, наконецъ, домъ и площадку. Взглядъ его остановился на женѣ... Первая мысль старушки, послѣ того, какъ прошелъ страхъ, была отыскать Ванюшу, который не пришелъ къ завтраку.

— Ступай сюда! ступай, старуха, закричалъ Глѣбъ, махая обѣими руками.

Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

— Вотъ, сказалъ Глѣбъ, уже разбитымъ голосомъ,— вотъ, продолжалъ онъ, указывая на сына, — послушай его... послушай, коли сердце твое крѣпко...

Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ, въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ, передалъ женѣ намѣреніе Вани.

— Батюшка! закричала старуха,—батюшка! помилуй!

И какъ безумная повалилась она мужу въ ноги.

— Его проси! проговорилъ Глѣбъ, захлебываясь отъ слезъ, хоть глаза его были сухи, — его проси, старуха! заключилъ онъ, указывая на Ваню.

— Ваня!.. батюшка!.. помилуй! прокричала мать, бросаясь сыну въ ноги.

Но Ваня не отвѣчалъ; онъ поддерживалъ мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

Тутъ уже и самого старика слеза прошибла; онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей широкую ладонь свою на голову и произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Терпи, старая голова, въ кости скована! При этомъ онъ провелъ ладонью по глазамъ своимъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, сказавъ: „Будь воля Божія!“ пошелъ быстрыми шагами по берегу, все дальше и дальше.

Какъ только исчезъ онъ за выступомъ высокаго берегового хребта, обѣ снохи, и за ними мужья, Гришка и дѣти, спустились съ площадки и обступили старуху и Ваню.

Но сколько ни допрашивали они, сколько ни допытывались, ничего не могли узнать.

Старуха рыдала какъ безумная. Сынъ сидѣлъ подлѣ матери, обнявъ ее рукою, утиралъ слезы и молчалъ. Когда разспросы дѣлались уже черезчуръ настойчивыми, Ваня обращалъ къ присутствующимъ кроткое лицо свое и глядѣлъ на нихъ такъ же спокойно, какъ будто ничего не произошло особеннаго.

Такъ простой русскій человѣкъ совершаетъ всегда великодушные поступки!

XVII.

Проводы.

Тусклый, сѣренькій день. Сводъ неба какъ будто опустился, прилегъ въ раздумьи надъ молчаливой землею. Если бъ не теплота воздуха, не запахъ молодой, только что распустившейся зелени, можно было подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Они похожи на задумчивое, прекрасное лицо молодой дѣвушки. Вся природа вдругъ стихнетъ—стихнетъ, какъ рѣзвый ребенокъ, выпущенный на волю, который, не надѣясь на свои силы и не въ мѣру отдавшись шумному, крикливому веселью, падаетъ вдругъ, утомленный, на траву и сладко засыпаетъ... Въ такіе дни вы звука не услышите. Все живущее какъ будто сдерживаетъ дыханіе, приготовляется къ чему-то, снова собирается съ силами къ шумному празднеству лѣта. Стада безмолвствуютъ, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ куреніемъ распускающихся растеній, которое, за недостаткомъ солнечныхъ лучей, стелется надъ землею; животныя припали къ злачной травѣ, опустили головы, или лѣниво бродятъ по окрестности. Птицы сонливо дремлютъ на вѣткахъ, проникнутыхъ свѣжимъ, молодымъ сокомъ; на-

сѣкомыя притаились подъ древесною корою, или забились въ тѣсные пласты моху, похожіе, въ безконечно-уменьшенномъ видѣ, на непроходимые сосновые лѣса; муха не прожужжитъ въ воздухѣ; самъ воздухъ боится, кажется, нарушить торжественную тишину и не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ, не подымаетъ даже легкаго пуха, оставленнаго на лугахъ молодыми, только что вылупившимися гусенятами... Ничего не можетъ быть поэтичнѣе такихъ дней! Тонкій, счастливо настроенный слухъ различаетъ, посреди этой мертвой тишины, стройное, гармоническое пѣніе... Неизъяснимо-сладкимъ чувствомъ наполняется душа ваша. Но не восторженный экстазъ, не грустное раздумье (въ которомъ также есть своя прелесть) овладѣваютъ вами: нѣтъ! кровь и мозгъ совершенно покойны: вы просто чувствуете себя почему-то счастливымъ; все существо ваше невольно сознаетъ тогда возможность тихихъ, мирныхъ наслажденій, скромной задушевной жизни съ самимъ собою; жизни, которую вы такъ давно, такъ напрасно, можетъ-быть, искали въ столицахъ, съ ихъ шумомъ, блескомъ и обольщеніями, для васъ тогда не существуетъ: онѣ кажутся такими маленькими, что вы даже ихъ не замѣчаете... Въ такія минуты на сердцѣ легко и свободно, какъ въ первыя лѣта счастливой юности; ни одно дурное помышленіе не придетъ въ голову. Вы довольны сами собою, довольны своими чувствами, довольны своимъ одиночествомъ и благословляете Провидѣніе, которое дало вамъ возможность жить, дышать и чувствовать...

Въ такой именно день, рано утромъ, Ванюша прощался съ своимъ семействомъ. Окрестность нарочно, казалось, приняла самый тусклый, сѣренькій видъ, чтобы возбудить въ сердцѣ молодого парня какъ можно меньше сожалѣнія при разставаньи съ родимыми мѣстами. Семейство рыбака стояло на дворѣ; оно теперь немногочисленно (Петръ, Василій, ихъ жены и дѣти ушли наканунѣ). Тутъ находятся всего-на-все: Глѣбъ, его старуха, сынъ, пріемышъ и дѣдушка Кондратій, который пришелъ провожать Ванюшу. Мы застаемъ ихъ въ самую роковую, трудную минуту. Уже ворота, выходящія на площадку, отворены: уже дѣдушка Кондратій отнесъ въ избу старую икону, которою родители благословили сына. Остается только сказать: „Пойдемте!..“ но старый Глѣбъ все еще медлитъ. Гришка, между тѣмъ, простился уже

съ товарищемъ своей юности; онъ отошелъ немного поодаль; голова его опущена, брови нахмурены, но темные глаза, украдкой устремляющіеся то въ одну сторону двора, то въ другую, ясно показываютъ, что печальный видъ принятъ имъ по необходимости, для случая, что самъ онъ слабо раздѣляетъ семейную скорбь. Никто, впрочемъ, изъ присутствующихъ не думаетъ въ эту минуту о пріемышѣ. Тетка Анна крѣпко охватила обѣими руками шею возлюбленнаго дѣтища; лицо старушки прижимается еще крѣпче къ груди его; слабымъ, замирающимъ голосомъ произноситъ она безсвязное, прощальное причитаніе. Передъ ними стоитъ Глѣбъ; глаза его сухи, не произноситъ онъ ни жалобъ, ни упрековъ, ни жестокихъ укорительныхъ словъ; но скрещенныя на груди руки, опущенная голова, морщины, которыхъ уже не перечтешь теперь на высокомъ лбу, достаточно показываютъ, что душа стараго рыбака переноситъ тяжкое испытаніе. Напрасно дѣдушка Кондратій, котораго Глѣбъ всегда уважалъ и слушалъ, напрасно старается онъ уговорить его, призывая на помощь душеспасительныя слова; слова старичка теперь безсильны; они дѣйствуютъ на Глѣба, какъ на полоумнаго человѣка: онъ слышитъ каждое слово дѣдушки, различаетъ каждый звукъ его голоса, но не удерживаетъ ихъ въ памяти. Глѣбъ до сихъ поръ не можетъ еще собраться съ мыслями: въ эти три дня старикъ перенесъ столько горя! Поступки дѣтей его изгладили изъ его памяти цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ спокойной, безмятежной, можно даже сказать, счастливой жизни... Но сколько ни думай, сколько ни сокрушайся, ничего этимъ не возьмешь,—время только проходитъ.

— Пойдемте! говоритъ Глѣбъ.

Дѣдушка Кондратій бережно разнимаетъ тогда руки старушки, которая почти безъ памяти, безъ языка, виситъ на шеѣ сына; тетка Анна выплакала вмѣстѣ съ послѣдними слезами послѣднія свои силы. Ваня передаетъ ее изъ рукъ на руки Кондратію, торопливо перекидываетъ за спину узелокъ съ пожитками, крестится и, не подымая заплаканныхъ глазъ, спѣшитъ за отцомъ, который уже успѣлъ обогнуть избы.

Отчаянный, раздирающій крикъ, раздавшійся позади, приковываетъ на мѣстѣ молодого парня.

— Ваня!.. Ваня!..

— Полно... матушка... не убивайся... Богъ милостивъ!

говоритъ онъ, обнимая старуху, которая какъ безумная охватила его руками.

Но увѣщеванія тутъ напрасны! Дѣдушка Кондратій и Ваня, поддерживая Анну, продолжаютъ путь.

Вотъ уже миновали огородъ, вотъ уже перешли ручей. Этотъ ручей, свидѣтель младенческихъ лѣтъ, служитъ послѣднимъ порогомъ родительскаго дома. Вотъ ступили уже на тропинку и стали подыматься въ гору. Воспоминанія тѣснятся въ душѣ молодого парня; съ каждымъ шагомъ впередъ предстоитъ новая разлука... Какъ ни подкрѣплялъ себя молодой рыбакъ мыслью, что поступкомъ своимъ освободилъ старика-отца отъ неправаго дѣла, освободилъ его отъ грѣха тяжкаго, какъ ни тверда была въ немъ вѣра въ Провидѣніе, со всѣмъ тѣмъ онъ не въ силахъ удержать слезъ, которыя сами собою текутъ по молодымъ щекамъ его... Тяжко, вѣдь, разставаться впервые съ домомъ родительскимъ; тутъ съ сердцемъ уже не совладаешь: не слушаетъ оно разсудка и не обольщается мечтами и надеждами.

Простолюдину еще труднѣе покинуть родимый кровъ, чѣмъ всякому другому человѣку. Какъ бы ни убога была хижина бѣдняка, онъ привязанъ къ ней всѣми своими чувствами, всею душою. Привязанность образованнаго человѣка къ матеріальнымъ предметамъ, съ которыми онъ свыкся, привязанность къ дому, къ почвѣ, совершенно ничтожна сравнительно съ привязанностью простолюдина къ тѣмъ же предметамъ его привычки. Объясняется это очень легко: умственная, духовная жизнь, которая отрѣшаетъ человѣка, болѣе или менѣе, отъ грубаго матеріализма, весьма ограничена у простолюдина. Живя почти исключительно матеріальной, плотской жизнью, простолюдинъ срастается, такъ сказать, съ каждымъ предметомъ, его окружающимъ, съ каждымъ бревномъ своей лачуги: онъ въ ней родился, въ ней прожилъ безвыходно свой вѣкъ; ни одна мысль не увлекала его за предѣлъ родной избы: напротивъ, всѣ мысли его стремились къ тому только, чтобы не покидать родного крова. Русскій мужикъ—семьянинъ и домосѣдъ, по преимуществу. Мнѣ довелось разъ видѣть, какъ семейство пахаря, добровольно отправляясь въ плодородныя южныя губерніи, прощалось съ своимъ полемъ — жалкими двумя десятинами глинистой, никуда почти не годной почвы. Я въ жизнь не видалъ такого страшнаго прощанья, такихъ горькихъ слезъ. Мать род-

ная, прощаясь съ любимыми дѣтьми, не обнимаетъ ихъ такъ страстно, не цѣлуетъ ихъ такъ горячо, какъ цѣловали мужички землю, кормившую ихъ столько лѣтъ. Они оставляли, казалось, на этихъ двухъ нивахъ часть самихъ себя. Кусочки земли были зашиты даже въ ладонки грудныхъ младенцевъ... Простолюдинъ покоренъ привычкѣ: разставаясь съ домомъ, онъ разстается со всѣмъ, что̀ привязывало его къ землѣ. Онъ жилъ въ исключительной, ограниченной своей сферѣ; внѣ дома для него не существуетъ интересовъ; онъ недовѣрчиво смотритъ на міръ, выходящій изъ предѣла его обыкновенныхъ, узкихъ понятій. Покидая домъ, онъ не подкрѣпляетъ себя, какъ мы, мечтами и надеждами: онъ положительно знаетъ только то, что разстается съ домомъ, разстается со всѣмъ, что̀ привязываетъ его къ жизни, и потому-то всѣми своими чувствами, всею душою отдается своей скорби... Достигнувъ вершины высокаго берегового хребта—вершины, съ которой покойный дядя Акимъ боязливо спускался когда-то вмѣстѣ съ Гришкой къ избамъ стараго рыбака, Глѣбъ остановился. Но не быстрая ходьба въ гору утомила его: ему, напротивъ, хотѣлось бы пройти еще скорѣе, подняться еще выше. Страшная тяжесть висѣла на сердцѣ старика; ему хотѣлось пройти теперь сто верстъ безъ одышки: авось-либо истома угомонитъ назойливую тоску, которая гложетъ сердце. Когда Ваня и дѣдушка Кондратій, все еще поддерживавшіе Анну, поднялись на гору, Глѣбъ подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ вы привели ее сюда? нетерпѣливо сказалъ онъ. — Легче отъ эвтаго не будетъ... Ну, старуха, полно тебѣ... простись, да ступай съ Богомъ. Лишніе проводы—лишнія слезы... Ну, прощайся!

— Прощай, матушка! произнесъ сынъ и въ первый разъ не могъ хорошенько совладать съ собою, въ первый разъ зарыдалъ горько—зарыдалъ какъ мальчикъ.

При этомъ старуха вдругъ встрепенулась: забытье исчезло, силы воскресли. Откинувъ исхудалыми руками платокъ, покрывавшій ей голову, она окинула безумнымъ взглядомъ присутствующихъ, какъ бы все еще не сознавая хорошенько, о чемъ идетъ рѣчь, и вдругъ бросилась на сына и перекинула руки черезъ его голову. Крикъ, сопровождавшій это движеніе, надрѣзалъ какъ ножомъ сердца двухъ стариковъ. Въ лѣта дѣдушки Кондратія уже не плачутъ: слезы всѣ выплаканы: давно уже высохъ и

самый источникъ. Но Глѣбъ мало еще вѣдалъ горя: онъ не осилилъ. Сколько Глѣбъ ни крѣпился, сколько ни отворачивалъ голову, сколько ни хмурилъ брови, крупныя капли слезъ своевольно брызгали изъ очей его и серебрили и безъ того уже посѣдѣвшую его бороду. Онъ махнулъ рукою и еще скорѣе пошелъ впередъ. Ваня вырвался изъ объятій матери и побѣжалъ за нимъ, не переставая креститься.

— Ваня! Ваня!

Старуха бросилась было за сыномъ; но ноги ея ослабли. Она упала на колѣни и простерла впередъ руки.

Ваня продолжалъ между тѣмъ слѣдить за отцомъ. Разъ только обернулся онъ: избушки, площадка, ручей, лодки, сѣти—все исчезло. Надъ краемъ горы, которая закрывала углубленіе берега, замѣнявшее ему цѣлую родину, онъ увидѣлъ только бѣлую голову дѣдушки Кондратія, склоненную надъ чѣмъ-то распростертымъ посреди дороги. За ними, дальше, въ безпредѣльной глубинѣ, увидѣлъ онъ дальнюю луговую мѣстность. Съ этой высоты, маленькое озеро дѣдушки Кондратія виднѣлось какъ на ладони. Бѣлая подвижная точка какъ словно мелькала недалеко отъ зелени, окружавшей темною каймою озеро. Ваня какъ будто пріостановился, но тотчасъ же отвернулъ голову, перекрестился и пошелъ еще скорѣе. Очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, онъ не выдержалъ и опять-таки обернулся назадъ; но на этотъ разъ глаза молодого парня не встрѣтили уже знакомыхъ мѣстъ: все исчезло за горою, темный хребетъ которой упирался въ тусклое, сѣрое безъ просвѣта небо... Прощай, мать! прощай, родина, дѣтство, воспоминанія—все прощай!

. . . . . .

На четвертый день, послѣ вышеописанной сцены, Глѣбъ возвратился домой. У воротъ онъ встрѣтился съ женою, которая, завидя его одного, ударилась въ слезы; но Глѣбъ прошелъ мимо, не обративъ на нее ни малѣйшаго вниманія. На дворѣ ему подвернулся Гришка; но онъ не взглянулъ даже на него. Послѣ тягостной сцены со старшими сыновьями, послѣ разлуки съ Ваней, стараго Глѣба какъ словно ничто уже не занимало. Все это происходило утромъ. Во всю остальную часть дня, въ обѣдъ, въ ужинъ, старый рыбакъ ни разу не показался въ избѣ. Отсутствіе его замѣтила подъ конецъ и тетушка Анна. Старушка отправилась отыскивать мужа. Безпокойство еще хуже

овладѣло ею, когда, обойдя клѣтушки и навѣсы, она не нашла Глѣба. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, увидѣла она его лежащаго навзничь на грудѣ старыхъ вершей, въ самомъ темномъ, отдаленномъ углу двора. Голова стараго рыбака и верхняя часть его туловища были плотно закутаны полушубкомъ. Онъ не спалъ, однакожъ. Старушка явственно разслышала тяжелые вздохи, сопровождаемые именами Петра, Василія и Вани. Анна вернулась къ избѣ, сѣла на крылечко и снова заплакала. Такъ провела она всю ночь. На зарѣ она снова подошла къ мужу. Глѣбъ лежалъ недвижно на своихъ вершахъ. Глухіе, затаенные вздохи, сопровождаемые именами сыновей, попрежнему раздавались подъ полушубкомъ. Весь этотъ день прошелъ точно такъ же, какъ вчерашній. Глѣбъ не показывался въ избѣ, не пилъ, не ѣлъ и продолжалъ лежать на своихъ вершахъ. Тоска смертельная овладѣла тогда старушкой. Когда она увидѣла, что и на третій день точно такъ же не было никакой перемѣны съ мужемъ, безпокойство ея превратилось въ испугъ: и безъ того уже такъ пусто было въ домѣ, такъ печально глядѣли навѣсы! Старушка вышла за ворота, отыскала глазами Гришку, который приколачивалъ что-то подлѣ лодокъ, и пошла къ нему.

— Гриша, что это, касатикъ, съ нашимъ старикомъ прилучилось? сказала она, заботливо качая головою. — Вотъ третій день нонѣ ни ѣстъ, ни пьетъ, сердечный.

— Стало-быть, не въ охоту, оттого и не ѣстъ! отрывисто отвѣчалъ пріемышъ, не подымая головы.

— О-охъ, нѣтъ, касатикъ, никогда съ нимъ такого не бывало! подхватила со вздохомъ старушка. — Лежитъ, не двинется, не пьетъ, не ѣстъ ничевохонько третьи сутки... не прилучился бы грѣхъ какой.

— Ничаво, небось! полежитъ, полежитъ, да встанетъ.

— Хорошо, кабы такъ-то!.. О-охъ, боюсь, не разнемогся бы... помилуй Богъ!

— Небось, его не скоро возьмешь! Здоровъ онъ, какъ вода! что̀ ему сдѣлается!

— Шутка, трое сутокъ маковой росинки во рту не было! продолжала старушка, которую всего болѣе озадачивало это обстоятельство, служащее всегда въ простонародьи несомнѣннымъ признакомъ какого-нибудь страшнаго недуга. — Съ той вотъ самой поры, какъ пришелъ... провожалъ нашего Ван...

Старушка не договорила: голосъ ея вдругъ ослабѣлъ. Она какъ-то усиленно закрыла глаза и замотала головою. Сквозь распущенныя вѣки ея, лишенныя рѣсницъ, показались слезы, которыя тотчасъ же наполнили глубокія морщины ея исхудалаго лица.

— Охъ, ненаглядный ты мой... сокровище ты мое! Ванюшка! гдѣ-то ты? простонала Анна, тоскливо мотая головою.—А все вѣдь, Гриша... о-охъ... все вѣдь какъ словно... все черезъ тебя вышло такое...

— Да что ты, матушка, въ самомъ-то дѣлѣ ко мнѣ пристаешь съ эвтимъ? съ дерзкимъ нетерпѣніемъ произнесъ пріемышъ.—Развѣ моя въ чемъ вина? „Черезъ тебя да черезъ тебя!“ Кабы я у васъ не случился, такъ все одно было бы!

Старушка ничего не отвѣчала. Она положила голову на ладонь и, подавивъ вздохъ, медленно пошла къ избамъ.

Ступивъ на дворъ, она прямехонько натолкнулась на Глѣба.

Мужественное лицо стараго рыбака было красно-багроваго цвѣта, какъ-будто онъ только-что вышелъ изъ бани, гдѣ парился черезъ мѣру. Черты его исчезали посреди опухлости, которая особенно рѣзко проступала вокругъ глазъ, оттѣненныхъ мрачно нависнувшими бровями. Старушка замѣтила съ удивленіемъ, что въ эти три дня мужъ ея посѣдѣлъ совершенно.

Горе старушки уступило на минуту мѣсто безпокойству, которое пробудила въ ней наружность мужа.

— Батюшка, Христосъ съ тобою! на тебѣ вѣдь лица, касатикъ, нѣту! воскликнула она, опуская руки, — вотъ почитай третьи сутки не ѣлъ, не пилъ ничевохонько! Что̀ мудренаго! ужъ не хвороба-ль какая заѣла тебя? помилуй Богъ! продолжала она, между тѣмъ какъ мужъ мрачно глядѣлъ въ совершенно противоположную сторону. — Ты бы на себя-то поглядѣлъ: весь распухъ, лицо красное-красное... должно быть, кровь добре привалила... О-охъ, ты, батюшка, до грѣха, сходилъ бы въ Сосновку — кровь кинулъ... все бы маленько поотлегло... сходи-ка съ Богомъ... право-ну!

Глѣбъ провелъ ладонью по лицу, разгладилъ морщины и повернулъ голову къ женѣ.

— Вотъ что, старуха, произнесъ онъ твердымъ голосомъ и, повидимому, не обращая вниманія на предшествовавшія слова жены, — нонче въ Комаревѣ ярмарка.

Схожу — не навернется ли работникъ: безъ него нельзя. Погоревали, поплакали довольно, пора и за дѣло приниматься. Остаешься теперь одна въ дому: пособить некому... не до слезъ теперь... одна за все, про все... Поплакала, погоревала, ну и довольно! У меня, чтобъ я теперь эвтихъ слезъ не видѣлъ... слышишь?.. и безъ нихъ не весело, заключилъ рыбакъ, оглядывая дворъ, навѣсы и кой-какія рыбацкія принадлежности съ такимъ хлопотливымъ видомъ, который ясно показывалъ, что скорбь отца начинала мало-по-малу вытѣсняться заботами дѣлового, толковаго хозяина.

Глѣбъ вошелъ въ избу, посерчалъ на безпорядокъ, который невольно бросался въ глаза, велѣлъ все прибрать до возвращенія своего изъ Комарева и сѣлъ завтракать. Ѣлъ онъ, однакожъ, неохотно, какъ словно даже понуждалъ себя — обстоятельство, заставившее жену повторить ему совѣтъ касательно метанія крови; но Глѣбъ, попрежнему, не обратилъ вниманія на слова ея. Послѣ завтрака, онъ вынулъ изъ сундучка, скрытаго въ каморѣ, деньги, одѣлся, вышелъ на площадку, разсчиталъ по солнцу время, переѣхалъ Оку и бодро направился въ Комарево.

XVIII.

Комарево.

Село Комарево, по величинѣ своей, красотѣ нѣкоторыхъ зданій и капиталамъ, находящимся въ рукахъ пяти-шести обывателей, было значительнѣе многихъ уѣздныхъ городовъ. Оно принадлежало наслѣдникамъ одного вельможи временъ императрицы Екатерины II. Лѣтъ двадцать назадъ, крестьяне, внесши за себя полмилліона, откупились, какъ говорится. Полмилліона, конечно, не бездѣлица; но если взять въ соображеніе средства, какими располагала вотчина, ея угодья и внутреннее богатство, комаревцы поступили не только разсчетливо, но даже глубоко обдуманно. „Десятокъ мужиковъ равняется въ общей сложности тончайшему аферисту-спекулятору и хитрѣйшему дипломату“, замѣтилъ кто-то весьма справедливо. Распространяться долго не къ чему, потому что Комарево слегка прикасается къ нашему разсказу. Скажемъ только, что пять-шесть его обывателей, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, нажили сотни тысячъ цѣлковыхъ. Нѣкоторые занимались сплавомъ лѣса въ широкихъ размѣрахъ;

другіе снимали верстъ на десять луга, которые къ осени обставлялись нескончаемыми стогами сѣна, увозимыми потомъ въ Москву на баркахъ; третьи брали на свой пай озера и огромный участокъ берега, принадлежащій вотчинѣ. Рыбный промыселъ въ такомъ масштабѣ приносилъ большія выгоды. Четвертые, наконецъ, занимались ткачествомъ. Въ числѣ тысячи восьмисотъ душъ были, конечно, бѣдняки — не безъ этого; но цифра ихъ была весьма незначительна. Богачи занимали весь почти народъ. Тысяча миткалевыхъ становъ неумолкаемо работали въ Комаревѣ. Красильня, прядильня, сушильня, набивная фабрика требовали не мало рукъ. Лаптей въ Комаревѣ никто не носилъ. Зато тамъ счету не было самоварамъ, сапогамъ, краснымъ рубахамъ и гармоніямъ, которыя, какъ извѣстно, производятся по сосѣдству, въ Тулѣ. Мѣсто было привольное, какъ вообще всѣ села, расположенныя поблизости большихъ, судоходныхъ рѣкъ. Преимущество Комарева заключалось въ томъ еще, что оно лежало на перепутьи двухъ большихъ дорогъ: одна вела въ Коломну, другая — въ Москву. Каждый годъ, въ день приходскаго праздника (въ Комаревѣ были двѣ каменныя церкви), тутъ происходила ярмарка. Народъ сходился изъ двадцати окрестныхъ деревень. Но комаревцы рѣзко отличались ото всѣхъ яркостью своихъ рубашекъ, мѣдными гребешками, висѣвшими на поясахъ щеголей, синими кафтанами пожилыхъ людей, штофными и шелковыми коротайками на заячьемъ мѣху, отливавшими всѣми возможными золотистыми отливами на спинахъ бабъ. Гулливость и нѣкоторое залихватство составляли не послѣднее свойство „комарпиковъ“; такъ величали въ околоткѣ жителей Комарева. Прозвище это взялось отъ комаровъ, которые, благодаря еловымъ лѣсамъ, обступавшимъ съ трехъ сторонъ Комарево, заѣдали обывателей чуть не до смерти. Этой гулливости и залихватству столько же содѣйствовалъ достатокъ, сколько фабричная жизнь, располагающая, какъ извѣстно, къ шашнямъ всякаго рода, а также и баловству. Въ большихъ прирѣчныхъ селахъ, даже безъ фабрикъ и нѣкотораго достатка, разгулъ принимаетъ всегда широкіе размѣры; народъ уже не тотъ: замѣтно болѣе оживленія, болѣе удали, чѣмъ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ большихъ водныхъ сообщеній. И то сказать надо: было, впрочемъ, гдѣ и разгуляться въ Комаревѣ. При самомъ въѣздѣ въ село, со стороны луговъ, возвышалось двухсрубное бре-

венчатое зданіе съ мезониномъ, которое всѣмъ было хорошо извѣстно подъ именемъ „Разставанья“; но о кабакѣ мы будемъ говорить послѣ. Скажемъ только, что село состояло изъ нѣсколькихъ улицъ или порядковъ. Дома по большей части плотные, здоровые, крытые тесомъ. Мудренаго нѣтъ: село упиралось задами въ еловый лѣсъ, который синѣлъ на безпредѣльное пространство. Руби, сколько хочешь. Общество—свой братъ: смотритъ на тебя сквозь пальцы; и дѣло! сколько ни руби, всего вѣдь не вырубишь. Вишь его куда раскинулся! и конца-краю не видно... Дома капиталистовъ бросались въ глаза: то были неуклюжіе двухъэтажные каменные дома, съ желѣзною, зеленою или сѣрой кровлей, съ воротами, украшенными каменными шарами и палисадникомъ, засѣяннымъ вплотную отъ фундамента до рѣшетки королевскими свѣчами. Издали казалось, передъ домомъ лежитъ исполинскій мѣдный, ярко вычищенный тазъ. Комаревскія церкви (одна изъ нихъ превосходнѣйшей архитектуры) стояли почти бокъ-о-бокъ и занимали середину села. Подлѣ нихъ возвышался когда-то великолѣпный барскій домъ, но теперь отъ него и слѣду не оставалось. На его мѣстѣ торчали безконечные ряды шестовъ, увѣшанныхъ сушившеюся синею пряжей. За шестами раскидывался садъ. Дорожки, разбитыя когда-то въ англійскомъ вкусѣ, по рисунку знаменитаго садоваго архитектора, давно уже заросли травою, которая послѣ того, какъ срубили роскошныя липовыя и кленовыя аллеи, пошла расти необыкновенно ходко, къ великой радости обывателей, которымъ мало, видно, было луговъ, чтобы кормить скотину. Спекулятивный духъ комаревцевъ нашелъ выгоднымъ засадить все пространство, занимаемое садомъ, яблонями и крыжовникомъ. Часть отдавали въ наемъ, часть шла для собственнаго употребленія. Плетень, окружавшій ту сторону сада, которая преимущественно отдавалась въ наемъ, былъ замѣтно хуже загороди, обносившей участокъ, предназначавшійся обывателямъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ дома располагались по сю сторону церквей. Въ настоящее время, какъ уже сказано выше, церкви и садъ очутились по срединѣ села, которое расползлось, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ, упитавшійся чаемъ.

Представьте себѣ теперь посреди всего этого тысячи четыре разгулявшагося народа, который движется и кричитъ между рядами нѣсколькихъ сотенъ подводъ. Шумъ

и пестрота пестерпимые! Глазъ не соберешь, уши заложитъ!—Комаревскія ярмарки не имѣютъ большого значенія въ торговомъ отношеніи. Народъ достаточный, купеческій, запасливый: поэтому самому, сюда привозится товаръ „ходовой“, то-есть такой, котораго сбытъ вѣренъ... Но намъ нѣтъ никакой возможности продраться сквозь толпу и посмотрѣть, что именно заключается въ возахъ. Остается одно средство — взмоститься на ближайшую телѣгу или вскарабкаться на крышу: посреди темнаго моря головъ рѣзко бросаются въ глаза желтые и ярко-пунцовые платки, охваченные солнцемъ. Бабы и дѣвки сбиваются обыкновенно въ кучки, принимающія издали видъ островововъ, заросшихъ піонами, макомъ и куриною слѣпотою. Изъ средины этихъ кучекъ высовывается или холстяной навѣсъ, держащійся криво и косо на кольяхъ, или вертлявый, торопливый мужикъ, стоящій на возу. Товаръ сказывается самъ собою: тутъ ничего не можетъ быть, кромѣ орѣховъ, стручковъ — словомъ, всего того, чѣмъ молодыя бабы и дѣвки любятъ зубки позабавить. Въ этихъ кучкахъ щелкотня идетъ страшная — отсюда слышно — точно перекрестный огонь. Всего изумительнѣе искусство, съ какимъ отплевываютъ онѣ скорлупу, съѣвши ядрышко. Тутъ уже оборони Богъ ходить босикомъ или въ тонкихъ башмакахъ: какъ разъ ногу напорешь! Пестрые платки вдругъ перемежаются синими, зелеными и темными картузами фабричныхъ. Картузы, словно по условному знаку, то подымаются козырьками кверху, то книзу, и въ то же время надъ толпою подымается рука и взлетаетъ на воздухъ грошъ: тамъ идетъ орлянка; опять толпа, опять бабы. Пестроты меньше, однакожъ, на платкахъ. Ясно, что подъ ногами бабъ съ темными, „вдовьями“ платками, возвышаются на рогожѣ коломенскія чашки, ложки, всякая щепная посуда, или же шелкъ, тесемки, набивной ситецъ, предметы дѣловые, солидные, разумѣется, на видъ только. Русыя головки дѣвчонокъ и вскосмаченныя головы ребятъ, мелькающія кой-гдѣ подлѣ возовъ, обозначаютъ присутствіе офеней, явившихся на подводахъ; но оловянныя сережки, запонки съ фольгою, тавлинки со слюдою, крючки, нитки и иголки плохо идутъ въ Комаревѣ. „Вотъ не видали какой дряни!“ говорятъ, проходя мимо, фабричныя бабы и дѣвки, которыя, благодаря своей сговорчивости, обвѣшаны коломенскими бусами, серьгами и запонками— даровыми приношеніями волокитъ-мигачей. Промежутки

между этими пестрыми, разнообразными кружками, запружены мужскими шапками всѣхъ возможныхъ видовъ, начиная съ мохнатаго треуха бѣднаго мужика, который не сколотился еще купить лѣтнюю покрышку, и кончая лоснящеюся шелковой шляпой съ заломомъ и павлиньимъ перомъ щеголя. Все тискается, повидимому, безъ цѣли и толку. Часто даже напираютъ для одной потѣхи; но говоръ, восклицанія, замашистая пѣсня, звуки гармоніи, отчаянные крики бабъ, которыхъ стискиваютъ, не умолкаютъ ни на минуту. Гулъ и движеніе страшные—ни дать, ни взять, торговая баня! Но тутъ все еще замѣтна нѣкоторая пестрота. Пестрота исчезаетъ только по мѣрѣ приближенія къ „Разставанью"; тамъ сплошь уже мелькаютъ однѣ черныя шапки. Замѣтно даже больше колебанья въ толпѣ. Шапки рѣдко высятся перпендикулярно—косятся по большей части на стороны; какъ какой-нибудь исполинскій контрбасъ, ревущій въ три смычка—контрбасъ, у котораго поминутно лопаются струны, гудитъ народъ, окружающій „Разставанье".

Такъ какъ кабакъ находился у входа въ село, и притомъ съ луговой стороны, Глѣбъ Савиновъ долженъ былъ неминуемо пройти мимо. Поровнявшись съ „Разставаньемъ", старый рыбакъ остановился. Онъ подумалъ основательно, что тутъ легче всего можно напасть на какого-нибудь батрака; батраки вообще народъ гулливый. Продравшись сквозь толпу и отвѣсивъ нѣсколько дюжихъ пинковъ, Глѣбъ приблизился къ зданію. Онъ поправилъ шапку и, прищуривъ глаза, которые невольно суживались и мигали, посреди нестерпимаго для слуха грома голосовъ, принялся оглядываться.

Подлѣ него, возлѣ ступенекъ крыльца, и на самыхъ ступенькахъ располагалось нѣсколько пьяныхъ мужиковъ, которые сидѣли вкривь и вкось, иной даже лежалъ, но всѣ держались за руки или обнимались; они не обращали вниманія на то, что черезъ нихъ шагали, наступали имъ на ноги или же попросту валились на нихъ: дружескія объятія встрѣчали того, кто спотыкался и падалъ; они горланили, что̀ было моченьки, во сколько хватало духу, какую-то раздирательную, нескладную пѣсню, и такъ страшно раскрывали рты, что видны были не только коренные зубы, но даже небо и маленькій язычокъ, болтавшійся въ горлѣ. Хмельная ватага окружала Глѣба съ другихъ трехъ сторонъ; всѣ махали руками, говорили, кричали и пѣли въ разладъ.

„Ну, тутъ видно толку не доберешься!“ подумалъ Глѣбъ. Онъ уже хотѣлъ повернуться и пойти посмотрѣть на село, авось тамъ не навернется ли какой-нибудь работникъ, когда на крыльцѣ „Разставанья“ показался цѣловальникъ. Съ нимъ вышли еще какіе-то два молодые парня.

Необходимо здѣсь сказать два слова объ этомъ цѣловальникѣ: онъ прикасается къ разсказу. То былъ человѣкъ необыкновенно высокаго роста, но худощавый какъ остовъ: широкія складки красной какъ кровь рубахи и синіе широчайшіе шаровары, изъ крашенины, болтались на его членахъ, какъ на шестахъ; бабьи коты, надѣтыя на босыя, костлявыя ноги, замѣняли обувь. Чахлое существо это было насквозь проникнуто вялостью: его точно разварили въ котлѣ; блѣдное, отекшее лицо, мутные глаза, окруженные красными распухнувшими вѣками, желтые, прямые волосы, примазанные какъ у дѣвки; черты его были необыкновенно тонки и мягки; самое имя его отличалось необыкновенною мягкостью и вялостью; не то, чтобы Агапитъ, Вафулій, Ѳедулъ или Ероѳей,—нѣтъ! его звали Герасимомъ.

Со всѣмъ тѣмъ этотъ безжизненный, меланхолическій Герасимъ, который съ трудомъ, казалось, несъ бремя жизни, былъ пегодяй первой руки, плутъ первостатейный,—„темный“ плутъ, какъ говорится въ простонародьи.

Подъ этой мертвенной личиной скрывался самый расторопный, пронырливый, дѣятельный человѣкъ изо всего дѣятельнаго, промышленнаго Комарева. Выходило всегда какъ-то, что онъ поспѣвалъ всюду, даромъ, что едва передвигалъ своими котами; ни одно дѣло не обходилось безъ Герасима; хотя самъ онъ никогда не участвовалъ на мірскихъ сходкахъ, но всѣ почему-то являлись къ нему за совѣтомъ, какъ словно никто не смѣлъ помимо него подать голоса. Бо̀льшую половину села, нѣсколько окрестныхъ деревушекъ держалъ онъ въ костлявыхъ рукахъ своихъ. Не было почти человѣка въ околоткѣ, который не нуждался бы въ Герасимѣ, не имѣлъ съ нимъ дѣла и не прибѣгнулъ къ нему хоть разъ въ качествѣ упиженнаго просителя. Онъ давалъ денегъ кому угодно, лишь бы приносили задатокъ, цѣнность котораго должна была всегда втрое превышать ссуженную сумму; предметъ задатка не останавливалъ сельскаго ростовщика: рожь, мука, полушубки, шапки, холстъ, рубахи, клячи, коровы, ободья—

все было хорошо; срокъ платежа назначался всегда при свидѣтеляхъ, въ которыхъ никогда не было недостатка подъ гостепріимною кровлею „Разставанья“. Если въ назначенный часъ не возвращалась сумма, задатокъ не возвращался: такъ ужъ положено было заранѣе. Иногда Герасимъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: мужичку понадобился цѣлковый; Герасимъ бралъ съ него полушубокъ и женинъ платокъ, давалъ ему на полтора цѣлковыхъ лыкъ; мужикъ продавалъ лыки (на его волю предоставлялось сыскать покупщика), — продавалъ мужикъ лыки, положимъ, хоть за цѣлковый и покупалъ хлѣба. Хлѣбъ съѣденъ — опять просьба къ Герасиму, опять задатокъ. Подъ конецъ мужикъ оставался безъ хлѣба и безъ кола на дворѣ. Никто, однакожъ, не ропталъ и не злобствовалъ на Герасима: русскій мужикъ рѣдко ненавидитъ врага своего, когда врагъ этотъ сильнѣе его самого; робость, непобѣдимый страхъ замѣняютъ ненависть. Цѣловальникъ всѣмъ внушалъ такое чувство: онъ никогда не возвышалъ голоса, говорилъ сонливо, нехотя, но его боялись и слушались самые отчаянные удальцы. Кабакъ служилъ только фирмой: спекулятивная дѣятельность Герасима не знала предѣловъ. Онъ торговалъ оптомъ, торговалъ по мелочамъ; у него можно было купить живую корову и четверть фунта коровьяго масла, возъ рыбы и горсть мерзлыхъ пискарей на уху; деготь, сало, одежда, гвозди, соль, набивные платки, свѣчи, колеса,—словомъ, все, что входитъ въ составъ крестьянскаго хозяйства, всѣмъ торговалъ Герасимъ. Изъ дрянного кабака преобразовалось постепенно что-то въ родѣ трактира и харчевни; всѣ сдѣлки верстъ за пятнадцать въ окружности производились у Герасима, за парою „маюкончика“. Сонливый, безжизненный Герасимъ не пропускалъ, однакожъ, слова изъ того, что̀ говорилось подъ кровлею „Разставанья“, все моталъ на усъ и, зная, слѣдовательно, въ совершенствѣ все, что предполагалось или дѣлалось въ околоткѣ, извлекалъ изъ этого свои выгоды. Прислугу „Разставанья“ составляли жена цѣловальника и малый, сиротка безъ роду и племени, плечистый, рослый парень, но заика и полуидіотъ. Этотъ малый и эта жена трепетали до мозга въ костяхъ, когда тусклый взглядъ Герасима обращался въ ихъ сторону; въ ихъ покорности и повиновеніи было что-то непонятное. Никто не слыхалъ, однакожъ, чтобы Герасимъ когда-нибудь крикнулъ на жену и работника. Оба

спали три часа въ сутки, остальное время работали безъ устали, какъ ломовыя, загнанныя клячи, и несли на спинѣ своей тяжкую обузу отвѣтственности.

Глѣбъ Савинычъ, человѣкъ дѣловой, хозяйственный, трудолюбивый, никогда не имѣлъ дѣла съ Герасимомъ; отношенія ихъ ограничивались шапочнымъ знакомствомъ. Рыбакъ нимало не сомнѣвался, что цѣловальникъ мошенникъ первой руки, но смотрѣлъ на него равнодушно.

„Не мое дѣло; меня только не тронь!“ разсуждалъ Глѣбъ, какъ разсудилъ бы на его мѣстѣ всякій положительный, установившійся, дѣловой семьянинъ, не нуждавшійся въ цѣловальникѣ.

Глѣбъ подошелъ къ крыльцу, думая разспросить, не застрялъ ли въ кабакѣ какой-нибудь праздный батракъ, или не видали ли по крайней мѣрѣ такого въ Комаревѣ на ярмаркѣ. Вопросъ рыбака столько обращался къ Герасиму, сколько и къ двумъ молодымъ ребятамъ, стоявшимъ на крыльцѣ; они были знакомы Глѣбу: одинъ былъ сынъ смедовскаго мельника, другой — племянникъ сосновскаго старосты.

— Мало ли было народа! Мы не отмѣчали, неохотно промямлилъ Герасимъ, лѣниво приподымая свои красныя вѣки.

Онъ вообще мало разговаривалъ, еще рѣже удостоивалъ онъ словомъ тѣхъ, кто въ немъ не имѣлъ нужды.

— Да зачѣмъ тебѣ работникъ, Глѣбъ Савинычъ? у тебя своихъ много, отозвался сынъ мельника.

— Объ этомъ сокрушаться не твоя забота; коли спрашиваю, стало—надо! отвѣчалъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, кромѣ Захара, я никого не встрѣчалъ, началъ мельникъ.

— Какой такой Захаръ? перебилъ Глѣбъ.

— Вотъ такъ ужъ былъ бы тебѣ работникъ, Глѣбъ Савинычъ! подхватилъ племянникъ старосты,—такого батрака во всемъ округѣ не достать! Онъ изъ Серпухова,—также нанимался въ батракахъ у рыбаковъ.

— Нѣтъ, перебилъ мельникъ,—Захаръ не годится ему; не тотъ человѣкъ.

— Что такъ? какого еще надо? этотъ ли еще не работникъ! сказалъ старостинъ племянникъ. — Знаемъ мы, братъ, за что ты не взлюбилъ его.

— А за что?

— Да за то же... Слышь, Захаръ отбилъ у него по-

любовницу: вотъ онъ на него и серчаетъ, смѣясь, сказалъ племянникъ.

— Ѳедосьева-то Матрешка! эка невидаль! возразилъ молодцу мельникъ.—Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, не слушай его. Захаръ этотъ, какъ передъ Богомъ, не по нраву тебѣ: такой-то шальной; запивака... и-и, знаю напередъ, не потрафитъ... самый что ни-на-есть гулящій!..

— Это опять не твоя забота: хоша и пропилъ, да не твое, отрывисто произнесъ Глѣбъ, который смерть не любилъ наставленій, и того менѣе совѣтовъ и мнѣній молодого человѣка.—Укажи только, куда, примѣрно, пошелъ этотъ Захаръ, гдѣ его найти, а ужъ разсуждать, каковъ онъ есть, мое будетъ дѣло.

— Я его недавно видѣлъ подлѣ медвѣдя, на томъ концѣ села, — должно быть, и теперь тамъ!.. Медвѣдя, вишь ты, привели сюда на ярмарку: такъ вотъ онъ тамъ потѣшается... всѣхъ вишь поитъ-угощаетъ; третій разъ за виномъ сюда бѣгалъ... такой-то любопытный!.. Да нѣтъ же, говорю, исчезни моя душа, не годится онъ тебѣ!..

— Тьфу ты, провалиться бы тебѣ стамши! перебилъ старый рыбакъ съ досадою.—Герасимъ, не знаешь ли ты, куда пошелъ этотъ, что они толкуютъ... Захаромъ, что ли, звать?..

— Не знаю! сонливо отвѣтилъ цѣловальникъ,—поворачиваясь спиною къ рыбаку.

— Пожалуй, коли хошь, пойдемъ вмѣстѣ: я те проведу, неожиданно проговорилъ мельникъ,—я и то собирался въ ту сторону... Самъ увидишь, коли не по-моему будетъ; не наймешь его, напередъ говорю!

Сказавъ это, онъ уперся руками въ головы мужиковъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ; тѣ продолжали себѣ распѣвать—какъ ни въ чемъ не бывало!—перескочилъ черезъ нихъ и, подойдя къ старому рыбаку, вторично съ нимъ поздоровался.

Не шуточное было дѣло пробраться до другого конца села: пинки, посылаемые Глѣбомъ и его товарищемъ, ни къ чему не служили: кромѣ того, что сами они часто получали сдачу, усилія ихъ дѣйствовали такъ же безуспѣшно, какъ будто приходилось пробираться не сквозь толпу, а сквозь стѣну туго набитыхъ шерстью тюковъ. Старый рыбакъ и молодой мельникъ рѣшились наконецъ достигнуть какъ-нибудь домовъ и продолжать путь, придерживаясь къ стѣнкамъ. Попытка не увѣнчалась, однакожъ, ожидае-

мымъ успѣхомъ; тутъ было хуже еще, чѣмъ посреди толпы: солнце, клонившееся къ западу, било имъ прямехонько въ глаза; ноги, между тѣмъ, поминутно натыкались на пьяныхъ, которые лежали или сидѣли, подкатившись къ самымъ заваленкамъ. Передъ однимъ изъ этихъ пьяныхъ, который лежалъ уже совершенно безчувственнымъ пластомъ, молодой мельникъ остановился.

— Эвона? да это тотъ самый мужикъ, котораго я утромъ встрѣлъ! воскликнулъ онъ, указывая Глѣбу на пьянаго.— Вѣдь вотъ, подумаешь, Глѣбъ Савинычъ, зачѣмъ его сюда притащило. Я его знаю: онъ къ намъ молоть ѣздилъ; самый бѣднѣющій мужикъ, сказываютъ, десятеро ребятъ! Пришелъ за десять верстъ, да прямо въ кабакъ, выпилъ сразу два штофа, тутъ и легъ... Подсоби-ка поднять; хошь голову-то прислонимъ къ заваленкѣ, а то, пожалуй, въ тѣснотѣ-то не увидятъ—раздавятъ... подсоби...

— Не замай его, сурово возразилъ рыбакъ, — зачѣмъ пришелъ, то и найдетъ. Скотина—и та пригодна къ дѣлу, а этотъ кому пуженъ? ни людямъ, ни своимъ; можетъ-статься, еще въ тяготу семьѣ... оставь. Ступай! заключилъ Глѣбъ, перешагнувъ черезъ пьянаго мужика, какъ черезъ чужое бревно.

Кой-какъ добрались они, однакожъ, до небольшой площадки: тутъ уже опять пошла тѣснота и давка; дорога поминутно перемежалась шумными ватагами, которыя рвались впередъ, увлекаемыя какимъ-нибудь сорванцомъ, который, размахивая платкомъ, вскидывался на воздухъ или разстилался передъ толпою въ присядку.

— Погоди маленько, Глѣбъ Савинычъ: никакъ здѣсь на кулачки бьются! воскликнулъ молодой мельникъ, подымаясь на носки и упираясь локтями въ стѣну спинъ, неожиданно преградившую дорогу.

Глѣбу было вовсе не до зрѣлища; онъ пришелъ въ Комарево за дѣломъ. Онъ не прочь былъ бы, можетъ-статься, поглядѣть на удалую потѣху, да только въ другое время. Несмотря на совѣты, данные женѣ о томъ, что пора перестать тосковать и плакать, всѣ помыслы стараго рыбака неотвязчиво стремились за Ваней, и сердце его ныло ничуть не меньше, чѣмъ въ день разлуки. Дѣло одно, необходимость возстановить хозяйственный порядокъ могли заглушить въ немъ на минуту скорбь и заставить его пойти въ Комарево. Но дѣлать было нечего: волей-неволей, надобно было остановиться. Народъ, привлекаемый

кулачнымъ боемъ, прижималъ рыбака къ тѣсному кружку, обступавшему бойцовъ. Высокій ростъ стараго рыбака позволилъ ему различить на серединѣ круга рыжаго исполинскаго молодца, съ засученными по локоть рукавами, который стоялъ выставивъ правую ногу впередъ, и размахивалъ кулаками.

— Ѳедька, батракъ съ Клишинской мельницы! восторженно подсказалъ сынъ смедовскаго мельника, спутникъ Глѣба.

— Выходи! кричалъ Ѳедька, поворачивая во всѣ стороны лицо свое, такое же красное, какъ волосы, и обводя присутствующихъ мутными, пьяными глазами.

Никто, однакожъ, не рѣшался „выходить“; изъ говора толпы можно было узнать, что Ѳедька уложилъ уже лоскомъ цѣлый десятокъ противниковъ; кого угодилъ подъ „сусалы“ либо подъ „микитки“, кого подъ „хряшки въ бока“, кому „изъ носу клюквенный квасъ пустилъ“ *)— смѣлъ былъ добре на руку. Никто не рѣшался подступиться. Присутствующіе начинали уже переглядываться, какъ вдругъ, за толпою, окружавшей бойца, раздались неожиданно пронзительные женскіе крики:

— Батюшки, касатики! не пущайте его, батюшки! держите! одурѣлъ совсѣмъ, старый! Никандрычъ, Никандрычъ!.. держите, касатики! не пущайте его драться!..

Крики бабы усиливались: видно было, что ее не пропускали, а напротивъ, давали дорогу тому, кого она старалась удержать. Наконецъ изъ толпы показался маленькій, сухопарый, пьяненькій мужичокъ, съ широкою лысиною и вострымъ носомъ, свѣтившимся какъ фонарь. Онъ рѣшительно выходилъ изъ себя: болталъ безъ толку худенькими руками, мигалъ глазами и топалъ ногами, которыя, мимоходомъ сказать, и безъ того никакъ не держались на одномъ мѣстѣ.

— Батюшки, не пущайте его! родимые, не пущайте!.. Охъ, касатики! кричала баба, тщетно продираясь сквозь толпу, которая хохотала.

— Выходи!.. вы-хо-ди!.. хрипѣлъ между тѣмъ лысый Никандрычъ, снимая съ какимъ-то отчаяннымъ азартомъ кафтанишко.

— Вытряси изъ него, Ѳедька, изъ стараго дурака-то, вино. Что онъ хорохорится! сказалъ кто-то.

---

*) Термины кулачныхъ бойцовъ.

Ѳедька тряхнулъ рыжими волосами и въ-полглаза посмотрѣлъ на противника.

— Что жъ ты, выходи! продолжалъ кричать Никандрычъ, яростно размахивая руками.

— Ой, не подходи близко, лысина! промычалъ Ѳедька.

— Ахъ ты, шитая рожа, вязаный носъ! ахъ ты! воскликнулъ Никандрычъ и вдругъ ринулся на бойца.

Тотъ далъ легкаго туза. Никандрычъ завертѣлся турманомъ; толпа захохотала, разступилась и дала дорогу бабѣ, которая влетѣла въ кружокъ и завыла надъ распростертымъ Никандрычемъ.

— Подѣломъ ему, дураку: не суйся!

— Молодые дерутся — тѣшатся, старые дерутся — бѣсятся.

— У празднества не живетъ безъ дуровства! замѣтилъ другой разсудительнымъ тономъ.

— Хорошо чужую бороду драть, только и своей не жалѣть.

— Вишь одурѣлъ, старый хрычъ: куда лѣзетъ!

Но всѣ эти разговоры, смѣшанные съ хохотомъ и воплями бабы, не доходили уже до Глѣба: онъ и товарищъ его пробрались дальше.

Вскорѣ различили они, посреди гама, криковъ и пѣсней, плаксивые звуки скрипки, которая наигрывала камаринскую, съ какими-то особенными варіаціями; дребезжащіе звуки гармоніи и барабана вторили скрипкѣ.

— Слышь, Глѣбъ Савинычъ, это у медвѣдя! воскликнулъ мельникъ, подергивая плечами и притопывая сапогами, подъ тактъ удалой камаринской,—пойдемъ скорѣе: тамъ и Захарку увидишь; да только, право же, напрасно, ей-Богу, напрасно: не по тебѣ... чтобъ мнѣ провалиться, коли не такъ!..

Но Глѣбъ его не слушалъ: немного погодя, онъ уже пробирался сквозь тѣсную стѣну народа, за которой раздавалась камаринская.

На одномъ концѣ довольно пространнаго круга, составленнаго изъ бабъ, ребятъ, дѣвокъ, мужиковъ и мѣщанъ всякаго рода, лежалъ въ растяжку бурый медвѣдь; подлѣ него стоялъ вожакъ—кривой татаринъ, съ грязною ермолкою на бритой головѣ. Перекинувъ черезъ голову цѣпь, конецъ которой прикрѣплялся къ кольцу, продѣтому въ губу звѣря, прислонивъ къ плечу дубину, вожакъ выбивалъ дробь на лубочномъ барабанѣ. Товарищъ его, „ко-

зылятникъ", то-есть, тотъ, который пляшетъ съ козою, также изъ татаръ, пиликалъ между тѣмъ на самодѣльной скрипкѣ самодѣльнымъ смычкомъ. Каждая черта его рябого лица была, казалось, привязана невидными нитками къ концу смычка; то брови его быстро приподымались, какъ бы испуганныя отчаяннымъ визгомъ инструмента, то опускались, и за ними опускалось все лицо. Когда смычокъ, шмыгнувъ по басамъ, начиналъ вдругъ выдѣлывать варіаціи, рысьи глазки татарина щурились, лицо принимало такое выраженіе, какъ будто въ ухо ему залѣзъ комаръ, и вдругъ приподымались брови, снова раскрывались глаза, готовые, повидимому, на этотъ разъ совсѣмъ выскочить изъ головы. Оба товарища были сильно навеселѣ; нѣсколько пустыхъ штофовъ лежало на травѣ, подлѣ мѣшка, скрывавшаго козу *).

Тутъ находились еще четыре человѣка, также сильно раскраснѣвшіеся: то были фабричные ребята. Одинъ изъ нихъ наигрывалъ на гармоніи, другіе били въ ладоши, топали ногами и, подергивая въ тактъ плечами, пѣли, какъ дробью пересыпали:

Ахъ, ты, милый другъ, камаринскій мужикъ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ по улицѣ бѣжишь?
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, повертываетъ!
Да-а-и всего его подергиваетъ!
Ах-ти-ти-ти, калинка моя!
Да въ саду ягода малинка моя!

Замашистая, разгульная камаринская подергивала даже тѣхъ, кто не находился въ числѣ зрителей; она дѣйствовала даже на сѣдыхъ стариковъ, которые, шествуя спокойно подлѣ женъ, начинали вдругъ притоптывать сапогами и переводить локтями. О толпѣ, окружавшей пѣвцовъ, и говорить нечего: она вся была въ движеніи; пронзительный свистъ, хлопанье въ ладоши, восторженныя восклицанія: „Ходи, Яша!" — „Молодца!" — „Катай!" — „Охъ, люблю!" — „Знай пашихъ!" сопровождали каждый ударъ смычка.

Подъ ускоренный тактъ всей этой сумятицы, въ серединѣ круга, плясалъ какой-то чахлый человѣкъ, въ жилетѣ, надѣтомъ на рубашку. Изнеможеніе проглядывало

*) Автору очень хорошо извѣстно, что мусульманамъ запрещено вино; къ сожалѣнію, ему также хорошо извѣстно, что мусульмане, по крайней мѣрѣ, живущіе въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, напиваются ничуть не хуже другихъ народовъ.

въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ членѣ его чахоточнаго тѣла; ноги его ходили какъ мочала, потъ ручьями катилъ по зеленоватому, болѣзненному лицу. Но глаза его сверкали необыкновеннымъ блескомъ, какъ у камчадала, напившагося настоемъ изъ мухомора. Онъ, казалось, заплясывался до смерти; иной разъ онъ какъ будто останавливался, но восклицаніе: „Ходи, Яша! молодца! ай да Яша!“ и звуки камаринской, подхваченные еще живѣе, снова приводили его въ какое-то изступленное состояніе, и онъ снова принимался сѣменить ногами, приговаривая: „Что ты? что ты? что ты?..“ Въ порывахъ восторга, онъ перекувыркивался и даже ударялъ себя въ голову.

— Ахъ ты, Господи! вотъ поди жъ ты, о-сю-пору все еще пляшетъ! воскликнулъ молодой мельникъ, указывая Глѣбу на Яшу, — гдѣ еще было солнце, когда я сюда приходилъ, онъ и тогда все плясалъ!.. Диковинное дѣло!

— Ну, а Захаръ-то гдѣ жъ? спросилъ Глѣбъ, оглядывая толпу.

— И то; должно быть, ушелъ, заговорилъ мельникъ, просовывая впередъ голову.

— За виномъ побѣжалъ! сказалъ, смѣясь, близъ стоявшій человѣкъ, похожій съ виду на приказчика.—Думаетъ, Герасимъ въ долгъ повѣритъ... не на таковскаго напалъ! Видно, что вновѣ у насъ въ Комаревѣ...

— А то развѣ заплатить за вино печѣмъ? спросилъ мельникъ.

— Весь, какъ есть, профуфырился! отвѣчалъ приказчикъ, осклабляя желтые, какъ янтарь, зубы,—и Богъ вѣсть, что такое сталось: вдругъ закурилъ! Какъ только что попалъ въ кругъ къ бабамъ, такъ и заходилъ весь... татаръ этихъ поить зачалъ, поитъ всѣхъ, бабъ это, дѣвокъ угощать зачалъ, пѣсельниковъ созвалъ... вѣдь ужъ никакъ шестой штофъ купилъ; за послѣдніе два полушубокъ въ кабакѣ оставилъ, и то не угомонился! опять за виномъ побѣжалъ!

— Захаръ! Захарка! Захаръ! раздалось неожиданно вокругъ.

— Сторонись! закричалъ кто-то въ толпѣ.

И, вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, подлѣ Яши, который все еще плясалъ подъ звуки неумолкавшей камаринской, показался Захаръ.

Глѣбъ увидѣлъ короткаго, но плечистаго, приземистаго парня,—то, что называютъ обыкновенно въ народѣ „усѣл-

комъ". Мельники, хозяева пристаней, зажиточные ремесленные мѣщане и богатые домохозяева изъ мужиковъ, нуждающіеся въ батракахъ, даютъ всегда большую цѣну такимъ усйлкамъ, для которыхъ поднять плечомъ подводу или взвалить на спину восьми-пудовый мѣшокъ съ мукою—сущая шаль. Молодцы эти, съ красивымъ лицомъ, какъ у Захара, не знаютъ счета своимъ побѣдамъ; это—сельскіе ловласы. Орлиный носъ Захара, бѣлокурые, намасленные волосы, пробранные съ замѣтнымъ тщаніемъ и зачесанные въ скобку, залихватскіе пріемы, обозначавшіе страшную самоувѣренность, ситцевая розовая рубашка съ пестрыми ластовицами и оторочкою (онъ никогда не носилъ другихъ рубахъ)—все это, вмѣстѣ взятое, покоряло съ перваго взгляда самое несговорчивое, ретивое сердце. Смѣлость, наглость и безстыдство составляютъ, какъ извѣстно, неминуемыя, отличительныя свойства ловласовъ вообще; природа щедро снабдила ими Захара; въ его сѣрыхъ глазахъ, равно какъ и во всей наружности, было что-то ястребиное, невообразимо нахальное. Хмель, бродившій въ головѣ его, выказывалъ еще рѣзче эти качества. Весь этотъ кутежъ, затѣянный Захаромъ, пѣсельники, музыканты, угощеніе, стоившіе ему послѣднихъ денегъ и даже полушубка, вызваны были не столько внутреннею потребностью разгуляться, расходиться, свойственной весельчаку и гулякѣ, сколько изъ желанія хвастнуть передъ незнакомыми людьми, пофинтить передъ бабами и заставить говорить о себѣ,—цѣль, къ которой ревностно стремятся не только столичные франты, но и сельскіе, ибо въ деревняхъ существуютъ также своего рода львы-франты и денди. Но о Захарѣ мы будемъ еще имѣть случай распространяться.

Глѣбъ остался очень доволенъ своими наблюденіями, хотя молодой мельникъ, не отрывавшій глазъ отъ стараго рыбака, ничего не встрѣтилъ на лицѣ его кромѣ нахмуренныхъ бровей и суроваго раздумья. Въ мнѣніи простолюдина физическая сила считается не послѣднимъ достоинствомъ человѣка, и съ этой стороны Захаръ совершенно удовлетворялъ Глѣба, съ другой—хмель и расположеніе къ кутежу сильно не нравились Глѣбу: старикъ, какъ уже знаютъ, не любилъ баловства. Онъ разсудилъ, однакожъ, что у себя въ домѣ не дастъ Захару времени баловать; а наконецъ, если батракъ сильно задуритъ, можно согнать его, пріискавъ къ тому времени другого.

Главное въ томъ, что въ настоящую минуту работникъ необходимъ; пора стоитъ самая рабочая, рыбная,—народу нѣтъ въ домѣ: надо выгадать пропущенное время.

Возвращеніе Захара съ пустыми руками произвело невыгодное впечатлѣніе. Передъ отправленіемъ своимъ, Захаръ хорохорился неимовѣрнымъ образомъ, клялся и божился, что „поддѣнетъ“ Герасима, сорветъ съ него два штофа „говоруна“ и „самопляса“, какъ называлъ онъ вино,—и возвратился ни съ чѣмъ. Слава его на минуту поколебалась: музыканты тотчасъ же замолкли; самъ Яша пересталъ сѣменить ногами и вдругъ исчезъ. Весельчаки и балагуры, которые давно еще подтрунивали втихомолку надъ Захаромъ, разразились теперь громкимъ хохотомъ. Остроты посыпались на его голову.

— Что, аль безъ денегъ-то не вѣритъ?

— Онъ вѣдь это такъ только прикидывается: у него денегъ-то куры не клюютъ!

— Эй, ребята, нѣтъ ли гривенъ шести—молодцу душу отвести?

— Нѣтъ, должно быть, у молодца только и золотца, что пуговка оловца!

— Прогорѣлъ! кричитъ другой.

— Чему обрадовались? Чего зубы-то скалите! воскликнулъ Захаръ сиплымъ голосомъ, надорвавшимся отъ крика, вина и одышки.—Эхъ вы, шушера! продолжалъ онъ, молодцуя передъ бабами,—вамъ только подноси, а сами жидоморничаете! Никто косушки не выставилъ! а еще богачами слывутъ: фабричные! купцы! туда же! Эхъ, вы!

— Отчаянная башка!.. Вишь, Глѣбъ Савинычъ, вѣдь я тебѣ говорилъ: не для тебя совсѣмъ человѣкъ,—самый, что ни на есть, гуляющій, шепнулъ сынъ смедовскаго мельника, незнавшій, вѣроятно, что чѣмъ больше будетъ онъ отговаривать стараго рыбака, тѣмъ сильнѣе тотъ станетъ упрямиться, тѣмъ скорѣе пойдетъ наперекоръ.

Такъ и случилось. Вмѣсто отвѣта, Глѣбъ приперъ плечомъ впереди стоявшаго сосѣда и протискался въ первый рядъ круга.

— Что жъ вы, ребята, аль взаправду штофа жаль? продолжалъ между тѣмъ Захаръ, уперши кулаки въ бока и расхаживая по кругу, — а еще комаревцы, въ славѣ, говорите, по всему округу! Эхъ вы, комарники! Да ну же, ребята, выходи; полно вамъ срамиться передъ дѣвками—надо распотѣшить красавицъ! Вишь, и музыка наша

стала! Только-что начали-было разгуливаться... Что жъ вы?.. Эхъ, разбейся штофъ, пролейся вино, пропадай моя бѣда! Дряни вы всѣ, жидоморы! гдѣ вамъ! подхватилъ Захаръ, разгорячаясь.—Эй, выходи, у кого есть деньги, бери съ меня, что хошь! Въ работники нанимаюсь!.. въ кабалу иду!..

— Зачѣмъ въ кабалу! можно и такъ: почемъ наемка? отрывисто проговорилъ Глѣбъ.

Мужики, которые стояли подлѣ Глѣба, толкали его и ругались, тотчасъ же посторонились. Вниманіе присутствующихъ мгновенно обратилось на стараго рыбака.

— Что, аль денегъ хочешь дать? живо воскликнулъ Захаръ, подходя къ рыбаку.

— Почемъ наемка? повторилъ Глѣбъ разсудительно-дѣловымъ тономъ.

— Что тутъ долго толковать! Давай только!.. Сойдемся опосля!.. За себя постоимъ!.. Ну, борода, раскошеливайся! воскликнулъ Захаръ, хлопнувъ по плечу стараго рыбака.

Но Глѣбъ, не любившій панибратства, отдернулъ руку, отступилъ на шагъ и сказалъ, несовсѣмъ ласково:

— Добрѣ, оченно прытокъ—вотъ что! Молодцуй съ бабами, а со мной говори толкомъ...

— Да ты кто таковъ? нетерпѣливо спросилъ Захаръ, озадаченный нѣсколько строгимъ тономъ и, еще болѣе, строгою сѣдою наружностью собесѣдника.

— Мы изъ здѣшнихъ рыбаковъ.

— Сдалече?

— Нѣтъ, съ той стороны, верстъ шесть отселева.

— И того не будетъ! заговорило неожиданно нѣсколько голосовъ,—верстъ пятокъ... вотъ какъ есть противъ Комарева, какъ луга пройдешь... Мы его знаемъ... изъ рыбаковъ... Глѣбомъ Савиновымъ звать... изъ здѣшнихъ... мы его знаемъ!

Даже тѣ, которые впервые видѣли Глѣба, повторяли за толпою:

— Точно, недалече... мы его знаемъ... точно... человѣкъ здѣшній.

— Вотъ, примѣрно, наслышанъ я, что ты въ работники нанимаешься, продолжалъ Глѣбъ,—какая же твоя цѣна?.. Мы поденно не нанимаемъ: беремъ по мѣсяцамъ.

— Ты сколько даешь? спросилъ Захаръ.

Глѣбъ, несмотря на грусть, тяготившую его сердце, разсудилъ весьма основательно, что въ настоящую раз-

гульную минуту Захару не до счетовъ: были бы деньги. Онъ положилъ воспользоваться случаемъ и дать не восемь цѣлковыхъ,—средняя плата батракамъ (двугривенный въ день),—но нѣсколько меньше; основываясь на этомъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— Пять цѣлковыхъ.

— Эхъ, была не была!.. Да нѣтъ! мало... слышь, пять цѣлковыхъ! спохватился Захаръ.

— Вѣстимо... какія это деньги!.. Знамо, мало... тридцать денъ!.. цѣна не по времени... заговорили въ толпѣ.

— Хошь, такъ хошь, а не хошь, такъ какъ хошь! проговорилъ Глѣбъ, сурово нахмуривая брови.

— Семь цѣлковыхъ!

Но Глѣбъ уперся, стоялъ на своемъ и повторялъ:

— Пять!

— Ну, давай! воскликнулъ Захаръ, подходя неожиданно къ рыбаку.

— Пять цѣлковыхъ?

— Ладно, давай только! подхватилъ Захаръ, обшаривая ястребиными своими глазами руки и карманы старика.

— Нѣтъ, погоди, братъ, спокойно возразилъ Глѣбъ,— ладно по-твоему, а по-моему не совсѣмъ такъ.

— Чего жъ тебѣ еще?

— Паспортъ давай; я тебѣ деньги, а ты мнѣ паспортъ.

— Это зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вѣрнѣе дѣло будетъ: у тебя мои деньги—у меня твой паспортъ: я тебя не знаю, ты меня также... всякъ за себя... у меня не пропадетъ, небось! А то, этакъ, пожалуй, деньги-то дашь, а тамъ ищи на тебѣ... Надо настоящимъ дѣломъ разсуждать.

— Вѣстимо такъ! а то какъ же?.. безъ этого никакъ нельзя!.. всякъ себя оберегаетъ!.. снова заговорили въ толпѣ, и, что всего замѣчательнѣе, заговорили тѣ самые, которые за минуту передъ тѣмъ стояли на сторонѣ Захара.

— Эхъ, народъ чудной какой! Право слово! произнесъ Захаръ, посмѣиваясь, чтобы скрыть свою неловкость.— Что станешь дѣлать? будь по-вашему, пошла ваша битка въ конъ! Вынимай деньги; сейчасъ сбѣгаю за паспортомъ!.. Ну, ребята, что жъ вы стали? качай! подхватилъ онъ, поворачиваясь къ музыкантамъ,—будетъ чѣмъ опохмелиться... Знай нашихъ! Захарка гуляетъ! заключилъ онъ, выбираясь изъ круга, подмигивая и подталкивая бабъ, которыя смѣялись.

Рябой татаринъ запиликалъ на скрипкѣ, товарищъ его забарабанилъ; запищала гармонія. Хоръ подхватилъ камаринскую, и снова пошла щелкотня, присвистыванье и восклицанія. Глѣбъ, между тѣмъ, разсчитывалъ на ладони деньги; толпа тѣсно окружала его; всѣ смотрѣли на его пальцы, какъ будто ожидали отъ него какого-нибудь необычайнаго фокуса. Захаръ не замедлилъ вернуться съ паспортомъ. Всеобщее вниманіе мгновенно перешло тогда отъ рукъ стараго рыбака къ развернутой бумагѣ; грамотные, съ необычайною готовностью, наперерывъ принялись читать бумагу. Когда не осталось сомнѣнія въ томъ, что видъ дѣйствительно принадлежалъ Захару, Глѣбъ вручилъ ему деньги, сложилъ паспортъ и, положивъ его за пазуху, сказалъ:

— Вотъ теперь ладно! Смотри, только не запаздывай: приходи завтра чѣмъ свѣтъ; я пошлю парня съ челнокомъ... а не будешь, за прогулъ вычту.

Затѣмъ Глѣбъ повернулся спиною къ Захару, который, махая въ воздухѣ рукою съ деньгами, кричалъ:

— Захарка гуляетъ! Наша взяла! Качай, ребята!.. Эхъ, вы, любушки-голубушки!

Глѣбъ выбрался изъ толпы. Сынъ смедовскаго мельника не отставалъ отъ него ни на шагъ; но Глѣбъ слушалъ его еще менѣе, чѣмъ прежде.

Болтливость собесѣдника сильно, однакожъ, докучала Глѣбу; старикъ, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы отправить его къ нечистому,—онъ уже раскрылъ ротъ съ этою цѣлью, какъ вдругъ мельникъ воскликнулъ:

— Яша!

— Никакъ и то онъ! Экъ его, какъ накатился!.. Глѣбъ Савинычъ, посмотри-ка-сь... Яша, ей!..

Глѣбъ поднялъ голову.

Передъ нимъ колыхалась изъ стороны въ сторону, словно на палубѣ во время качки, тощая, взбудораженная фигура въ ситцевомъ жилетѣ,—та самая, что заплясывалась чуть не до смерти передъ медвѣдемъ. Фигура дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы подойти къ нимъ, но никакъ не могла достигнуть желаемой цѣли: центръ тяжести былъ, очевидно, утраченъ. Перегнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ, Яша перебѣгалъ съ неимовѣрною быстротою нѣсколько шаговъ и вдругъ останавливался, гордо выпрямлялся, съ чувствомъ достоинства закидывалъ голову, бормоталъ что-то вздутыми губами, секунды три

балансировалъ на одной ногѣ, снова клевался впередъ головою, которая увлекала его, какъ паровая машина на всемъ ходу, и снова пробѣгалъ нѣсколько шаговъ.

— Что такое?.. что такое?.. что такое?.. безсвязно лепеталъ Яша, случайно наталкиваясь на мельника.

— Экъ его!.. Смотри, кувырнешься... Вишь, какъ захмелѣлъ! смѣясь, проговорилъ мельникъ, прикладывая обѣ руки къ тощей груди Яши.

— Что такое?.. что такое?.. пролепеталъ Яша, неожиданно наклевываясь на Глѣба.

— А то же, что спать ложись! сурово сказалъ рыбакъ, отталкивая пьянчужку,—одинъ молвитъ—пьянъ, другой молвитъ—пьянъ, а третій молвитъ—спать ложись!—Вотъ что! заключилъ онъ, поспѣшно пробираясь въ толпу и оставляя мельника, который бросился подымать Яшу, окончательно уже потерявшаго центръ тяжести.

Какъ сказано выше, одна только необходимость, одна забота о батракѣ и возстановленіи хозяйственнаго порядка могли заглушить на минуту скорбь, таившуюся въ сердцѣ старика. Порѣшивъ дѣло и освободившись такимъ образомъ отъ сторонникъ заботъ, Глѣбъ снова отдался весь отцовскому чувству и снова обратилъ всѣ свои мысли къ возлюбленному сыну. Онъ не замѣтилъ, какъ выбрался изъ села и очутился въ лугахъ.

Солнце только что сѣло за нагорнымъ береговымъ хребтомъ, который синѣлъ въ отдаленіи. Румяное небо было чистоты и ясности необыкновенной. Окрестная тишина возмущалась только нестройнымъ гамомъ гулявшаго народа. Но Глѣбъ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о Комаревѣ. Шумъ и возгласы народа напоминали старику шумъ и возгласы другой толпы, которая, быть-можетъ, въ это самое время покидала уѣздный городъ, куда, три дня тому назадъ, отвезъ онъ Ванюшу. Онъ мысленно слѣдовалъ за этой толпою, мысленно обнималъ и благословлялъ сына, и каждый шагъ, отдалявшій Ваню отъ родимаго дома, вызывалъ горячую напутственную молитву изъ сокрушеннаго сердца стараго Глѣба.

XIX.

Захаръ.—Послѣдствія.

На другой день, до восхода солнца, Глѣбъ приказалъ пріемышу отвязать челнокъ и съѣздить на луговой берегъ за работникомъ.

Старикъ, казалось, мало уже заботился о томъ, что Гришка будетъ находиться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ озеромъ дѣдушки Кондратія; такая мысль не могла даже придти ему въ голову: послѣ происшествія со старшими, непокорными сыновьями, послѣ разлуки съ Ваней, мысли стараго Глѣба какъ словно окутались темнымъ, мрачнымъ облакомъ, которое заслоняло отъ него мелочи повседневной жизни. Вся забота его въ настоящемъ случаѣ состояла, повидимому, въ томъ только, чтобы малый не прозѣвалъ какъ-нибудь Захара и привезъ его какъ можно скорѣе домой.

Тихое весеннее утро давно уже наступило, и солнце, подобравъ росистую алмазную скатерть, покрывавшую луга, катило высоко въ ясномъ небѣ, когда пріемышъ вернулся къ площадкѣ.

Глѣбъ стоялъ въ это время на берегу; увидѣвъ Гришку одного, старикъ нахмурилъ брови и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Должно быть, не будетъ, сказалъ парень, бросая весло на песокъ и причаливая челнокъ къ большой лодкѣ.

— Полно, такъ ли? вымолвилъ рыбакъ, устремляя недовѣрчивые глаза на пріемыша и потомъ машинально, какъ словно по привычкѣ, перенося ихъ въ ту сторону, гдѣ располагалось маленькое озеро.—Коли не проходилъ, мое будетъ дѣло; ну, а коли былъ, да ты просмотрѣлъ, замѣсто того, чтобы ждать его, какъ я наказывалъ, рыскалъ гдѣ ни на есть по берегу,—тогда что?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, когда я... началъ было Гришка, выказывая плохо затаенную досаду.

— Ладно, ладно! завтра все окажется, перебилъ старикъ, медленно поворачиваясь къ нему спиною и направляясь къ разложеннымъ на пескѣ вершамъ,—отвязывай посудину и бери весла. До обѣда надо десятка два вершей закинуть; съ неводомъ вдвоемъ не управимся. Чтой-то за народъ такой невѣрный, ей-Богу, право! ворчалъ старикъ, — посулилъ поньче придти, — нѣтъ; какъ словно слова своего человѣкъ не имѣетъ... Ну, да ладно: за прогулъ возьму съ него — будетъ помнить!.. Завтра, слышь, Гришка, чѣмъ-свѣтъ, въ ту же пору, какъ поньче ѣздилъ, опять съѣздишь за батракомъ!..

Во все продолженіе этого дня, Глѣбъ былъ сумраченъ, хотя работалъ за четверыхъ; ни разу не обратился онъ

къ пріемышу. Онъ не то чтобы сердился на парня,—сердиться пока еще было не за что,—но смотрѣлъ на него съ видомъ тайнаго, невольнаго упрека, который доказывалъ присутствіе такого чувства въ душѣ стараго рыбака.

Согласно наставленію, полученному наканунѣ, Гришка проснулся на слѣдующее утро вмѣстѣ съ первыми пѣтухами. Заря чуть-чуть окрашивала край горизонта, когда онъ былъ уже на другомъ берегу и, покачиваясь въ челнокѣ, посматривалъ въ ту сторону дальнихъ луговъ, гдѣ находилось Комарево. Въ движеніяхъ и взглядахъ молодого парня замѣтно было какое-то нетерпѣніе, смѣшанное съ любопытствомъ: онъ то становился на ноги и прищуривалъ глаза, то повертывалъ челнокъ, который поминутно прибивало къ берегу теченіемъ рѣки, то ложился на палубу и приводилъ черные, лукавые глаза свои въ уровень съ луговою плоскостью.

Подвижная природа Гришки не уживалась съ тишиною и одиночествомъ. Страшная скука, испытанная имъ въ эти послѣдніе пять дней, пробуждала въ немъ лихорадочное желаніе погулять, размахнуться, забыть, хотя на время, сумрачнаго старика, ворчавшаго съ утра до вечера и не перестававшаго браниться. Въ эти пять дней онъ неоднократно урывался, однакожъ, на маленькое озеро; но свиданія съ дочкой рыбака—свиданія, которыя ограничивались одними разговорами, клятвами и увѣреніями, начинали съ нѣкоторыхъ поръ прискучивать молодому парню. Пылкія, но грубыя натуры любятъ нетерпѣливо: долгое сопротивленіе охлаждаетъ ихъ; страсть ихъ заключается бо́льшею частью въ воображеніи; она не бываетъ прямымъ, но безсознательнымъ слѣдствіемъ одной только молодости. Живая природа пріемыша находила съ недавняго времени почти такъ же мало удовлетворенія на площадкѣ рыбака Глѣба, какъ и на озерѣ дѣдушки Кондратія. Въ немъ пробуждались какія-то неопредѣленныя, но тѣмъ не менѣе безпокойныя желанія. Онъ не могъ дать себѣ отчета, къ чему стремились эти желанія; но ясно было, что они не имѣли ничего общаго съ тихимъ, однообразнымъ существованіемъ, которое выпало ему на долю. Онъ тяготился домомъ и домашними; ему хотѣлось урваться куда-нибудь, хотя самъ не зналъ онъ, куда пойдетъ и зачѣмъ. Эти неясные порывы, это лихорадочное раздраженіе кипучей юности, заставляли его желать какой-нибудь перемѣны, какого-нибудь переворота посреди домашней скуки; жела-

ніе это было такъ сильно, такъ настойчиво, что даже появленіе новаго лица, котораго ждали въ семействѣ рыбака, возбуждало въ Гришкѣ тайную радость.

На этотъ разъ Захаръ не заставилъ себя такъ долго дожидаться.

Минутъ десять спустя послѣ восхода солнца, Гришка явственно различилъ движущуюся точку на комаревской дорогѣ. Онъ поспѣшно вскочилъ на ноги и принялся махать шапкой. Точка замѣтно между тѣмъ приближалась, и вмѣстѣ съ этимъ до слуха пріемыша стали долетать звуки пѣсни. Вскорѣ фигура Захара обрисовалась на дорогѣ. Гришка не могъ еще разсмотрѣть черты незнакомца, но ясно уже различалъ розовую рубашку, пестрый жилетъ, съ свѣтящимися на солнцѣ пуговками, и синіе, широчайшіе шаровары; ему невольно бросились въ глаза босыя ноги незнакомца и пышный, стеганый картузъ, какой носятъ обыкновенно фабричные. Выступая шагъ за шагомъ по травѣ и нимало не торопясь, будущій батракъ тянулъ тоненькимъ, дребезжащимъ дискантомъ пѣсню, подыгрывая на гармоніи. Такимъ образомъ Захаръ подошелъ къ берегу.

— Захаромъ тебя звать? спросилъ Гришка, устремляя на незнакомца тотъ жадно любопытный взглядъ, какимъ встрѣчаютъ обыкновенно человѣка, осужденнаго жить съ вами подъ одною и тою же кровлей.

— Отъ рыбака, что ли? небрежно произнесъ Захаръ вмѣсто отвѣта.

— Отъ него: прислалъ за тобою.

— Причаливай лодку! вымолвилъ Захаръ, едва удостоивая взглядомъ собесѣдника.

Онъ расположился на палубѣ и, подпершись локтемъ, закричалъ: „Отчаливай!“ такимъ рѣзкимъ тономъ, который скорѣе могъ принадлежать купеческому сыну, совершающему водяную прогулку для потѣхи, и притомъ на собственныя свои деньги, чѣмъ бобылю-работнику, отправляющемуся по скудному найму, къ хозяину. Какъ только челнокъ покинулъ берегъ, Захаръ вынулъ изъ кармана шароваръ коротенькую трубку съ мѣдной оковкой и ситцевый кисетъ; изъ кисета появились, въ свою очередь, сѣрый, скомканный табачный картузъ изъ бумаги, нѣсколько пуговицъ, мѣдный гребешокъ и фосфорныя спички, перемѣшанныя съ какимъ-то неопредѣленнымъ соромъ.

— Что глаза выпучилъ? трубки, что ли, не видалъ? полунасмѣшливо произнесъ Захаръ, обращая впервые соколиные глаза свои на собесѣдника, который съ какой-то особенною хвастливою лихостію работалъ веслами.

— Какъ не видать! хоша самъ не пробовалъ, что̀ за трубка за такая, а видалъ не однова, возразилъ словоохотливо Гришка, продолжая грести. — У насъ, вѣстимо, въ диковинку: никто этимъ не занимается; знамо, занятно!.. У тебя и табакъ-то, какъ видно, другой: не тѣмъ дымомъ пахнетъ; у насъ коли куритъ кто, такъ все больше вотъ эти корешки... Я чай, и это тѣ же корешки, только ты чего-нибудь подмѣшиваешь?..

— Да, много видалъ ты такихъ корешковъ!

— А то что же?

— Мериканскій настоящій, Мусатова фабрики, отвѣчалъ, не безъ значенія, Захаръ и отплюнулъ при этомъ на сажень, производя губами шипѣніе, похожее на фырканье осердившейся кошки.

Послѣдовало молчаніе.

— Что жъ ты вчера не приходилъ? началъ опять Гришка.—Я прождалъ тебя почитай цѣлое утро, да и старикъ тоже... Ужъ онъ ругалъ тебя, ругалъ.

Захаръ прищурилъ глаза, поглядѣлъ на собесѣдника, пустилъ струю дыма, плюнулъ и небрежно отвернулся.

— Я, говоритъ, съ него за прогулъ, говоритъ, возьму, подхватилъ пріемышъ.

— Эка важность! мы и сами счетъ знаемъ, сказалъ Захаръ тономъ глубочайшаго равнодушія. — Великъ больно форсъ беретъ на себя—вотъ что! Да нѣтъ, со мной не много накуражится!

Гришка засмѣялся.

— Чего ты? спросилъ Захаръ.

— То-то, думаю, не худо ему наскочить на зубастаго: такой-то бѣдовый, и Боже упаси! такъ тебя и крутитъ...

— Стало ты ему не родня? перебилъ Захаръ.

— Нѣтъ, я имъ чужой, сухо отвѣчалъ Гришка.

— Въ наймахъ живешь?

— Нѣтъ, изъ одежи... изъ хлѣба, съ явнымъ принужденіемъ проговорилъ Гришка.

— Ну, что, каковъ хозяинъ? спросилъ Захаръ, далеко уже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, какое обнаруживалъ за минуту; голосъ его и самые взгляды сдѣлались какъ будто снисходительнѣе. Всякій работникъ, мало-мальски недо-

ный своимъ положеніемъ, съ радостію встрѣчаетъ въ семействѣ своего хозяина лицо постороннее и также недовольное. Свой братъ, слѣдовательно! а свой своего разумѣетъ; къ тому же, двѣ головы нигдѣ не сироты.

— А вотъ, погоди, отвѣчалъ, посмѣиваясь, пріемышъ,— самъ увидишь; коли хорошихъ не видалъ, авось, можетъ-статься, и понравится.

— Что-жъ, собака?

— Собака! отвѣчалъ Гришка, молодцовато тряхнувъ волосами: но тутъ же проворно оглянулся назадъ.

Захаръ засмѣялся.

— Ну, должно быть, задалъ же онъ тебѣ страху, сказалъ онъ.

— А что?

— Слово скажешь да оглянешься! „такой, сякой“, а самъ все туда, на берегъ, посматриваешь...

— Вотъ! я нешто изъ страха? хвастливо вымолвилъ Гришка. — Того-и-гляди просмотришь пристань: отнесетъ быстриною... Что мнѣ его бояться? я ему чужой,—власти никакой не имѣетъ... Маленько что, я и самъ маху не дамъ!

Не зная Глѣба и отношеній его къ домашнимъ, можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, взглянувъ въ эту минуту на Гришку, что онъ въ грошъ не ставилъ старика и на волосъ его не боялся; молодецкая выходка пріемыша показывала въ немъ желаніе занять выгодное мѣсто въ мнѣніи новаго товарища. Даже щеки его разгорѣлись: такъ усердно добивался онъ этой цѣли.

— Вонъ, никакъ старикъ-атъ идетъ намъ навстрѣчу; давно, знать, не видались! сказалъ Захаръ.

Съ именемъ Глѣба пріемышъ невольно выпрямился и принялся работать веслами не въ примѣръ дѣятельнѣе прежняго. Захаръ, съ своей стороны, также измѣнилъ почему-то свою величественную позу; онъ опустилъ ноги въ отверстіе челнока, поправилъ картузъ и сталъ укладывать въ кисетъ табакъ и трубку.

— Какое у тебя все приглядное, какъ посмотрю, сказалъ Гришка, понижая голосъ,—вишь, мѣшочекъ-то, куда табакъ кладешь, словно у купца; а что, дорого далъ?

— Кисетъ-то! отвѣчалъ Захаръ, небрежно запрятывая его въ карманъ,—нѣтъ, дешево обошлось: подарили... мы мало что покупаемъ, у насъ есть пріятели...

Голосъ Глѣба, который кричалъ Гришкѣ грести однимъ

правымъ весломъ, послышался въ ту минуту на площадкѣ. Захаръ и Гришка переглянулись и замолкли.

Пять минутъ спустя, челнокъ приставалъ къ берегу.

— Давно бы, кажись, время здѣсь быть; не много рукъ— посылать за тобой! отрывисто сказалъ Глѣбъ.

— Здорово, хозяинъ, началъ было, съ развязанностію, Захаръ, но старикъ перебилъ его:

— Знамо, здорово... не о томъ рѣчь, не тотъ, примѣрно, нашъ разговоръ былъ — вотъ что! сказывалъ, на другой день придешь; а гдѣ онъ, тотъ день-то?.. Парня нарочно посылалъ; прождалъ все утро; время только напрасно прошло...

Глѣбъ покосился на Гришку; но тотчасъ же отвелъ глаза, когда Захаръ произнесъ:

— Какъ быть... маненько того... подгулялъ...

— То-то подгулялъ! завалился спать — забылъ встать! Я эвтаго не люблю, подхватилъ старикъ, между тѣмъ какъ работникъ запрятывалъ подъ мышку гармонію, — я до эвтихъ до гулянокъ не больно охочъ... Тамъ какъ знаешь—дѣло твое, а только, по уговору по нашему, я за день за этотъ съ тебя вычту, — сколько, примѣрно, принадлежитъ получить за одинъ день, столько и вычту... У меня, коли жить хочешь, вести себя крѣпко, дѣло дѣлай — вотъ что! Чтобъ я, примѣрно, эвтаго баловства и не видѣлъ больше.

Съ самаго начала этого объясненія Гришка не отрывалъ глазъ отъ Захара: онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то живымъ, отчасти даже подобострастнымъ, полнымъ ожиданія любопытствомъ. Такъ смотритъ мальчикъ на воина въ полномъ вооруженіи; такъ неопытный юноша, въ душѣ котораго таятся, однакожъ, гибельныя сѣмена мотовства, неудовлетворенныхъ страстей и разврата, смотритъ на современнаго ловласа; такъ, наконецъ, другой юноша, пылкій но непорочный, смотритъ на великаго артиста или художника и вообще на всякаго человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. Не взирая на присутствіе Глѣба, не взирая на недовольное, сумрачное расположеніе старика, Гришка не могъ скрыть радости, которую пробуждало въ немъ новое знакомство; онъ бился изо всей мочи, чтобы подвернуться какъ-нибудь на глаза Захару и снова помѣняться съ нимъ однимъ изъ тѣхъ лестныхъ взглядовъ взаимнаго соучастія, какимъ помѣнялись они, заслышавъ на берегу голосъ Глѣба. Мысль

сойтись, сдружиться съ Захаромъ не давала покоя пріемышу.

Къ сожалѣнію, во все продолженіе утра не довелось ему перемолвить съ нимъ слова. Глѣбъ тотчасъ же усадилъ новаго батрака за дѣло. Нетерпѣливый, заботливый старикъ, желая убѣдиться скорѣе въ степени силы и способностей Захара, заставилъ его, по обыкновенію своему, передѣлать кучу самыхъ разнообразныхъ работъ и во все время не спускалъ съ него зоркихъ, проницательныхъ глазъ.

Здѣсь намъ необходимо остановиться: слѣдуетъ короче ознакомить читателя съ личностію Захара — личностію, которая, къ сожалѣнію, замѣтно начинаетъ распространяться въ простонародьи, вмѣстѣ съ размноженіемъ фабрикъ. Не лишнимъ будетъ сказать, прежде всего, нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое фабричная жизнь и какіе элементы вноситъ она въ крестьянское семейство: этимъ способомъ мы сдѣлаемъ половину дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе промышленности сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ развитію матеріальнаго благосостоянія народа. При всемъ томъ, надо согласиться, однакожъ, что, достигая матеріальнаго благосостоянія посредствомъ „фабричной“ какой-нибудь промышленности, простолюдинъ неминуемо утрачиваетъ безукоризненную простоту нравовъ. Не слѣдуетъ заключать, чтобы избытокъ средствъ былъ тому виною; совсѣмъ напротивъ: первый шагъ къ усовершенствованію человѣка есть улучшеніе его физическаго состоянія; бѣдность — какъ всѣмъ, полагаю, извѣстно — самый худой руководитель. Лишнія средства позволяютъ крестьянину обзавестись, какъ слѣдуетъ, хозяйствомъ; онъ обстраивается, живетъ чище, ровнѣе, хозяйственнѣе, и, вслѣдствіе всего этого, невольнымъ образомъ привязывается къ дому, потому что есть тогда къ чему привязаться, есть что беречь и о чемъ думать. Нравственное чувство нимало отъ этого не страдаетъ. Я хотѣлъ сказать только, что къ упадку нравственности поселянина нерѣдко способствуетъ жизнь фабричная. Пріокскіе уѣзды, посреди которыхъ происходитъ дѣйствіе нашего романа, превратились въ послѣднія десять лѣтъ въ миткалевыя фабрики; въ этихъ же самыхъ уѣздахъ существуютъ также — хотя изрѣдка — деревушки, жители которыхъ, благодаря сносной почвѣ, занимаются хлѣбопашествомъ: мы можемъ, слѣдовательно, свободно наблюдать надъ мужикомъ-фабричнымъ, промѣ-

нявшимъ соху на челнокъ, ниву—на станъ, и мужикомъ-пахаремъ, который остался вѣренъ землѣ-кормилицѣ.

Первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ пахатную деревню будетъ, если хотите, несовсѣмъ выгодно: тутъ не увидите вы ситцевыхъ рубашекъ, самоваровъ, синихъ кафтановъ, не увидите гармоній и смазныхъ сапогъ; но все это, въ сущности, одна только пустая внѣшность, которая можетъ обмануть поверхностный, далеко не наблюдательный глазъ. Взамѣнъ всего этого, пахатная деревушка, подобно плоской, однообразной нивѣ чернозема, засѣянной свѣжимъ, неиспорченнымъ зерномъ, сохраняетъ подъ скромною наружностію самыя добрыя сѣмена. Тутъ только найдете вы ту простую, безхитростную жизнь, тотъ истинно здравый житейскій смыслъ, который заключается въ безусловной покорности и полномъ примиреніи съ скромной долей, опредѣленной Провидѣніемъ; тутъ видна домашняя, семейная жизнь, которая для всякаго человѣка—и тѣмъ болѣе для простолюдина—служитъ залогомъ истиннаго счастія. Въ фабричныхъ деревняхъ почти нѣтъ семейной жизни: здѣсь дѣти восьмилѣтняго возраста поступаютъ уже на фабрику къ какому-нибудь московскому или коломенскому купцу. Иногда фабрика находится въ пятидесяти верстахъ отъ деревни. Мальчики и дѣвчонки (на фабрику поступаютъ дѣти обоего пола) по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываютъ дома. Вырастая такимъ образомъ безъ родительскаго надзора, который въ нравственномъ смыслѣ такъ много значитъ, дѣти эти живутъ какими-то пріемышами. Народъ, ихъ окружающій, состоитъ большею частію изъ людей избалованныхъ; въ дурныхъ примѣрахъ, конечно, нѣтъ недостатка. Къ шестнадцатилѣтнему возрасту—въ то время, какъ въ пахатной деревнѣ сверстники въ состояніи уже замѣнить отца въ полѣ и въ дѣлахъ хозяйственныхъ—фабричный парень умѣетъ только щелкать челнокомъ. Все это куда бы еще ни шло, если бъ челнокъ приносилъ существенную пользу дому и поддерживалъ семейство; но дѣло въ томъ, что въ промежутокъ десяти, двѣнадцати лѣтъ, парень успѣлъ отвыкнуть отъ родной избы; онъ остается равнодушнымъ къ интересамъ своего семейства; увлекаемый дурнымъ сообществомъ, онъ скорѣе употребитъ заработанныя деньги на бражничество; другая часть денегъ уходитъ на волокитство, которое сильнѣйшимъ образомъ развито на фабрикахъ, благодаря ежеминутному столкновенію парней съ женщинами и дѣв-

ками, взросшими точно такъ же подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ. Если бъ фабричные составляли особое сословіе, совершенно отдѣльное отъ другихъ сословій простонародья,—дѣло иное; но ткачъ, въ сущности, все тотъ же хлѣбопашественный крестьянинъ. Рано ли, поздно ли, онъ возвращается къ дому; станъ служитъ только временнымъ, вспомогательнымъ средствомъ. Сами крестьяне очень хорошо знаютъ, что владѣть челнокомъ — не значитъ еще имѣть за плечами прочное ремесло. Возвратясь домой, фабричный парень оказывается ни на что не годнымъ: отсталъ онъ отъ сохи, отсталъ отъ земли; онъ ни мѣщанинъ, ни хлѣбопашецъ. У него нѣтъ даже охоты къ занятіямъ пахаря. Сидя съ утра до вечера за станомъ въ теплой избѣ, онъ, естественнымъ образомъ, долженъ былъ крѣпко облѣниться; мало-мальски тяжелая работа не понутру ему, да и не по силамъ. Пятидесятилѣтній старикъ, проведшій жизнь на полѣ, здоровѣе, крѣпче тридцатилѣтняго фабричнаго парня. Но какъ бы тамъ ни было, парень этотъ поступаетъ въ домъ; первымъ дѣломъ его слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, женитьба. Какъ сказано выше, въ фабричныхъ деревняхъ дѣти обоего пола проводятъ юность свою на фабрикахъ; хочешь, не хочешь, выбирай въ жены фабричную дѣвку; такая женщина поминутно должна сталкиваться съ прежними товарками и знакомцами; мужъ, съ своей стороны, встрѣчается съ товарищами по фабрикѣ и старыми знакомками. Начинаются, съ одной стороны, гулянки, съ другой — попойки, а въ общемъ выходитъ безпорядочная жизнь, которая неминуемо ведетъ къ разстройству дома.

Захара можно было назвать дитею, питомцемъ фабрики. Съ семи лѣтъ до восемнадцати просидѣлъ онъ безвыходно за миткалевымъ станомъ.

Вызванный около этого времени въ домъ къ родному дядѣ, онъ точно такъ же оказался никуда не годнымъ. Онъ тогда еще успѣлъ прославиться кой-какими продѣлками. Продѣлки заключались большею частію въ болѣе или менѣе удачныхъ волокитствахъ, но требовали уже вмѣшательства станового. Дядя Захара былъ человѣкъ строгій, кредитный. Не имѣя дѣтей и разсчитывая въ будущемъ на племянника, онъ взялъ его въ руки; но, такъ какъ это ни къ чему не послужило, старикъ рѣшилъ женить его, основываясь на томъ, что авось-либо тогда образумится парень. Неподалеку находилась мельница. Мель-

никъ, имѣя, можетъ статься, въ виду капиталъ сосѣда, охотно отдалъ дочь свою за племянника. Первые два-три мѣсяца все шло хорошо; но по прошествіи этого срока Захаръ принялся за прежнее рукомесло: свелъ знакомство съ прежними товарищами, завелъ шашни.

Дядя принялся сначала усовѣщевать племянника, потомъ разсердился не на шутку; но Захаръ объявилъ наотрѣзъ, что всего бы этого не было, если бъ онъ не считалъ себя обиженнымъ дядею. Причина обиды заключалась въ томъ будто бы, что дядя держалъ его въ домѣ какъ простого работника—не давалъ ему ни въ чемъ распоряжаться. Старикъ, конечно, не поддался на такую штуку. Захаръ принялся тогда кутить сильнѣе прежняго. Обнадеживая себя, что рано или поздно завладѣетъ достояніемъ дяди, онъ не обращалъ вниманія на его угрозы. Племянникъ ошибся, однакожъ, въ расчетѣ. Дядя умеръ, не оставивъ ему чѣмъ голодную собаку изъ-подъ стола выманить: все пошло, по обѣщанію, на построеніе Божьяго храма. Захаръ перешелъ тогда съ женою къ тестю. Мельникъ, давно уже раскусившій своего зятя, принялъ его не совсѣмъ ласково. Здѣсь повторилось то же самое, что было въ домѣ дяди. Захаръ кутилъ напропалую, обижался ролью простого работника, требовалъ распоряженія въ хозяйствѣ. Неудовольствіе тестя обнаружилось въ полной мѣрѣ, когда онъ сталъ замѣчать, что зять, для исполненія своихъ прихотей, его обкрадываетъ: разъ-другой поймали Захара на базарѣ съ мукою, которую оттягивалъ онъ ночью изъ-подъ жернова во время помолу. Наконецъ, по смерти дочери, которая скончалась столько же съ горя, сколько отъ дурного обращенія мужа, мельникъ выгналъ Захара изъ дому.

Захаръ снова пошелъ по фабрикамъ. Уживался онъ, однакожъ, не долго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Житье у дяди и потомъ у мельника значительно его облѣнило. Кромѣ того и нравъ его нѣсколько измѣнился: мысль, что дядя его былъ не простой какой-нибудь лапотникъ, а зажиточный мѣщанинъ, что самъ онъ могъ бы владѣть значительнымъ капиталомъ, если бъ только захотѣлъ, — все это развило въ немъ какую-то забавную самонадѣянность. Онъ считалъ себя чѣмъ-то особеннымъ посреди своего круга, даже съ какою-то гордостію смотрѣлъ на товарищей. Хозяева фабрикъ и особенно хозяйскіе сынки охотно поддерживали въ немъ такое чувство. Захаръ отлично

пѣлъ русскія пѣсни, и потому-то самому безъ него не обходилась ни одна попойка; но Захаръ не довольствовался угощеніемъ и ассигнаціями, которыми благодарили его за пѣсни: онъ тотчасъ же бралъ на себя какой-то „форсъ“, тотчасъ же зазнавался, начиналъ распоряжаться на фабрикѣ, заводилъ ссоры и драки съ работниками — словомъ, тотчасъ же ставилъ себя на одну ногу съ хозяевами. Захаръ не мало также занятъ былъ своею наружностію. Такая самоувѣренность основывалась на безчисленныхъ побѣдахъ, одержанныхъ имъ надъ прекраснымъ поломъ; но эти-то самые успѣхи и были причиной его бродячей жизни. Его гоняли отовсюду, потому что, куда только ни попадалъ онъ, нигдѣ не обходилось безъ исторіи. Но высокое понятіе о своихъ физическихъ и даже умственныхъ достоинствахъ получилъ Захаръ особенно послѣ одного происшествія, случившагося за годъ до поступленія его въ домъ Глѣба. Вотъ какъ это было: у одного помѣщика происходило празднество, устроенное въ національномъ вкусѣ. Множество гостей съѣхалось въ рощу, куда напередъ приглашены были окрестные мужики и бабы. Праздникъ начался угощеніемъ. Затѣмъ мѣстные Милоны кротонскіе показывали свою силу, бабы водили хороводы, молодые ребята влѣзали на мачту. Господа между тѣмъ дарили платки, серьги, бросали ребятамъ орѣхи и пряники. По окончаніи всѣхъ этихъ увеселеній, кто-то изъ помѣщиковъ сказалъ, что для пополненія празднества недостаетъ какого-нибудь отличнаго простонароднаго пѣвца. По его мнѣнію, пѣвца слѣдовало непремѣнно запрятать въ глубину рощи и заставить его спѣть національную пѣсню. Эффектъ былъ бы тогда самый полный. Хозяинъ жадно ухватился за такую мысль. Начались разспросы. Узнали о какомъ-то Захарѣ, который жилъ тогда въ четырехъ верстахъ на фабрикѣ. Послать за Захаромъ нарочнаго было дѣло одной секунды. Его привезли, обѣщали ему денегъ и спрятали въ рощу. Съ первой же пѣсней, Захара осыпали рукоплесканіями. Общество захотѣло его видѣть. Его заставили пѣть уже не въ лѣсу, а передъ палаткой. Раздались новыя „браво!“ Мужчины трепали пѣвца по плечу, кричали: „Молодецъ! превосходно!“ дамы говорили: „Charmant! Délicieux! Mais il est superbe! Mais comme il est beau!“ Всѣ эти поощренія и особенно похвалы дамъ, смыслъ которыхъ понятъ былъ Захаромъ какъ нельзя лучше, приняты были имъ

съ чувствомъ необычайнаго самодовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинства, такъ что, когда одинъ небогатый помѣщикъ опустилъ мелкую монету въ картузъ пѣвца — картузъ, въ которомъ находились уже ассигнаціи, Захаръ подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ. Другому помѣщику, поступившему точно такъ же, онъ сказалъ: „Только-то?“ Наконецъ, когда помѣщикъ, подавшій мысль о пѣвцѣ, подошелъ къ нему и посовѣтовалъ ему, чуть не со слезами на глазахъ, не пренебрегать такимъ превосходнымъ голосомъ, упражняться въ пѣніи и учиться, Захаръ отвѣчалъ съ наглою самоувѣренностью: „Мнѣ учиться? Да я, сударь, самъ еще поучу кого угодно!“ Съ этого самаго происшествія Захаръ окончательно уже „возмечталъ“ о своихъ достоинствахъ и о своемъ значеніи. Сталъ онъ съ тѣхъ поръ еще рѣже уживаться, почему-то, у хозяевъ.

Такимъ образомъ перебывалъ онъ на всѣхъ почти фабрикахъ трехъ губерній — жилъ на сахарномъ заводѣ, жилъ у рыбаковъ. Слоняясь какъ киргизъ съ мѣста на мѣсто, попалъ онъ случайно въ Комарево и, какъ мы видѣли, нанялся къ Глѣбу.

Гришка и Захаръ очутились на свободѣ только послѣ обѣда, когда старый рыбакъ улегся, по обыкновенію своему, въ сани подъ навѣсомъ.

— Ну, ужъ денекъ! Подлинно, въ кабалу пошелъ! Точно бѣсъ какой пихалъ тогда, говорилъ Захаръ, спускаясь по площадкѣ, куда послѣдовалъ за нимъ и пріемышъ. — А что, малый... какъ тебя по имени? Гриша, что ли?.. что, братецъ ты мой, завсегда у васъ такая работа?

— Это что! Такая ли у насъ работа!.. Ты бы погляд-дѣлъ, что̀ бываетъ въ полную воду: дохнуть не дастъ, инда плечи наѣстъ! съ живостью подхватилъ пріемышъ, говорившій все это, частію чтобы поддѣлаться подъ образъ мыслей Захара, частію потому, что, сохраняя въ душѣ тайное неудовольствіе противъ настоящей своей жизни, радовался случаю высказать, наконецъ, открыто, свободно свое мнѣніе. — Ему теперь не до работы: добрѣ съ сыновьями не поладилъ, какъ словно все о нихъ скучаетъ, продолжалъ Гришка,—вотъ маленько пооправится, тогда-то ты на него погляди! Другого такого, кажись, нѣтъ на всемъ свѣтѣ! Мало-мальски что не такъ, не по его выйдетъ, лучше и на глаза не показывайся... И не уймешь никакъ: за пять верстъ тебя видитъ,— даромъ, не въ ту сторону смотритъ... Особливо, какъ придетъ это рыбное

время: бѣда! нѣтъ тебѣ покою ни днемъ, ни ночью. Да вотъ погоди, поживешь съ нами до осени, самъ увидишь...

— Врядъ дождаться! небрежно подхватилъ Захаръ, — маленечко въ головѣ шумѣло, „черезъ эсто“ больше пошелъ... Нешто въ Комаревѣ мало фабрикъ! намедни и то звали...

— Тебѣ бы остаться: фабричная-то жизнь, знамо, лучше нашей! съ живостію поддакнулъ Гришка.

— А ты какимъ манеромъ знаешь? развѣ былъ на фабрикахъ?

— Быть не бывалъ, а слыхать слыхалъ. Говорятъ, супротивъ фабричной-то жизни никакая не угодитъ...

— Надо полагать такъ, повольготнѣе вашей: семь верстъ до тедова не доѣхала! произнесъ Захаръ, разваливаясь подъ тѣнью большой лодки и вынимая кисетъ, — житье отмѣнное. Мѣщанинъ ли, купецъ ли, фабричный ли—это выходитъ все едино-единственно, продолжалъ онъ съ какою-то наглою, но вмѣстѣ спокойною увѣренностью.— Главное, разумѣется, состоитъ, какимъ манеромъ поведешь себя; не всякому и тамъ хорошо. Вотъ я жилъ: самъ живешь на манеръ работника, а что Захаръ, что хозяинъ — это все единственно. Всякій скажетъ тебѣ, какой такой Захаръ человѣкъ есть! У меня, какъ затяну пѣсню, покажу голосъ, никакая не устоитъ. Господа пріѣзжали слушать. Одну барыню такъ даже въ чувствіе привелъ! черезъ это больше и славу такую получилъ. Кабы не хорошо жить, лѣшій жить бы велѣлъ! Сидишь себѣ, челночкомъ пощелкиваешь: работа самая, выходитъ, любезная. Насчетъ компаніи также нигдѣ не потрафишь: совсѣмъ другое противъ крестьянскаго обхожденія. Ну, что, вотъ хоть бы твой хозяинъ — вахлакъ, какъ есть лапотникъ. У насъ поглядишь: настоящій купеческій народъ. Другихъ рубахъ окромя ситцевыхъ не имѣетъ. А насчетъ то-есть веселья, лучше, кажется, нельзя найти: парни ловкіе, пѣсельники, — есть съ кѣмъ разгуляться. Теперича коли съ дѣвками покуражиться захотѣлъ, тутъ тебѣ только и жить! Сдѣлалъ ей уваженье: платокъ купилъ, серьги, что ли, и будетъ. — Другому, какой порасторопнѣе, и того не надо: сами льнутъ; есть и такія, что и сами дарятъ, умѣй только настоящимъ манеромъ вести! примолвилъ Захаръ, самодовольно пристегивая кисетъ къ жилетной пуговицѣ, вынимая трубку изо рта и отплевывая на сажень, съ извѣстнымъ шипѣньемъ.

Гришкѣ между тѣмъ не сидѣлось на мѣстѣ. Черные глаза его, жадно устремленные на разсказчика, разгорались какъ уголья. Румянецъ игралъ на щекахъ его. Время отъ времени онъ нахмуривалъ брови и притискивалъ ногою землю.

— Такъ у насъ каждый день идетъ; а посмотрѣлъ бы ты въ праздникъ! продолжалъ Захаръ, поощренный, видно, успѣхомъ своего краснорѣчія, — поглядѣлъ бы, какъ на улицу-то выйдутъ: пляски, пѣсни пойдутъ это по харчевнямъ. Веселись, значитъ: лей-перелей-гулянка по-нашенски! Станешь съ гармоніей (насчетъ этого мы также никого не уважимъ), такъ тебя и облѣпятъ. Есть на что и посмотрѣть, не то, что ваши, примѣрно, лапотницы: мѣщанками ходятъ! Лаптей ни у одного молодца единаго не увидишь: куда ни глянешь, все сапоги, все сапоги... Свои оставилъ въ Комаревѣ у знакомаго, скороговоркою подхватилъ Захаръ, замѣтивъ, что собесѣдникъ невольно обратилъ вниманіе на его босыя ноги,—здѣсь не зачѣмъ; тамъ же и кафтанъ оставилъ. Кафтанъ также отмѣнный, форсистый: я насчетъ одежды себя наблюдаю. У меня, какъ жилъ на фабрикѣ подъ Серпуховымъ, у Григорія Лукьянова — однихъ лѣтъ былъ тогда съ тобою — такъ ситцевыхъ рубахъ однѣхъ было три, шаровары плисовые, никакъ два жилета, а этихъ сапоговъ что переносилъ, такъ ужъ и не запомню. Нутка-сь, наживи-ка ты столько въ здѣшнемъ-то житьѣ! я чай, сапоговъ-то и не нашивалъ.

— Да, много здѣсь наживешь! произнесъ Гришка тономъ человѣка пристыженнаго, подавленнаго сознаніемъ своего ничтожества.

Онъ ничего не сказалъ, однакожъ, о сапогахъ. Сапоги въ крестьянскомъ быту играютъ весьма важную роль. Первые сапоги для деревенскаго парня то же значитъ, что первые золотые часы для юноши средняго сословія. Распространеніе фабричной жизни содѣйствовало распространенію сапоговъ. Въ фабричныхъ деревняхъ молодой парень пойдетъ скорѣе босикомъ по снѣгу и грязи, чѣмъ надѣнетъ лапти; точно позоръ какой! Амбиція Гришки, который никогда не нашивалъ сапоговъ (самъ Глѣбъ ходилъ въ лаптяхъ), — амбиція его была затронута, слѣдовательно, за самое живое мѣсто. Досада его, какъ и слѣдовало ожидать, обратилась цѣликомъ на стараго рыбака.

— Эхъ! какое наше житье! воскликнулъ онъ нетер-

пѣливо, уткнувъ локти въ песокъ, — какъ послушаешь, какъ люди живутъ, такъ бы вотъ, кажется, и убѣжалъ! пропадай они совсѣмъ!..

— Ничего, погоди, перебилъ Захаръ тономъ покровительства, — ты, я вижу, малый невялый. Дай поживемъ вмѣстѣ, я его, старика-то, переверну по-своему.

Весь этотъ разговоръ произвелъ на пріемыша дѣйствіе масла, брошеннаго въ огонь. Дурные инстинкты молодого парня пробудились въ душѣ его съ быстротою зажженой соломы. Разгульная фабричная жизнь, лихіе ребята, бражничество, своя волюшка, — все это отвѣчало какъ нельзя лучше инстинктамъ Гришки. Такая именно жизнь—хотя самъ не зналъ онъ, гдѣ искать ея, не зналъ даже, существуетъ ли она—занимала всегда мечты его. Прежде скучалъ онъ, самъ не зная, отчего. Теперь понялъ онъ причину своей скуки,—понялъ, чего ему хотѣлось, и потому возненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ все, что мало-мальски относилось къ жизни, его окружавшей.

Этому, конечно, содѣйствовали дальнѣйшіе разсказы и вообще сообщество Захара, который замѣтно благоволилъ юному своему товарищу. Пріемышъ, съ своей стороны, выбивался изъ силъ, чтобы заслужить такое лестное расположеніе. Такимъ образомъ сошлись они необыкновенно скоро. Есть какое-то тайное, притягивающее сочувствіе между родственными натурами. Захаръ былъ, конечно, уже зрѣлый плодъ въ своемъ родѣ. Пріемышъ, сравнительно съ нимъ, осуществлялъ только почку; но почка эта принадлежала тому же самому дереву, которое дало плодъ. Съ перваго же дня ихъ знакомства, Гришка думалъ днемъ и ночью о томъ только, какъ онъ и Захаръ перевернутъ старика по-своему. Оба они, однакожъ, какъ-то слабо успѣвали въ этомъ. Проходили дни и недѣли—нравъ старика ни на волосъ не измѣнился. Даже въ домѣ его все шло самымъ строгимъ, обыкновеннымъ порядкомъ. Мимо работы, старый рыбакъ, казалось, вовсе даже не замѣчалъ ихъ. Со всѣмъ тѣмъ, когда, на третье или четвертое воскресенье послѣ прибытія новаго работника, Гришка сталъ проситься пойти съ Захаромъ въ Комарево, Глѣбъ не отпустилъ его. Онъ сказалъ, что не зачѣмъ попустому валандаться, не зачѣмъ идти безъ надобности въ Комарево, что пойдетъ туда, когда самъ пошлетъ, и, безъ дальнихъ разговоровъ, велѣлъ ему остаться дома. Это обстоятельство вызвало, какъ и слѣдовало ожи-

дать, насмѣшки со стороны Захара. Досада пріемыша, усиленная насмѣшками товарища, овладѣла тогда всѣми его чувствами. Онъ не посмѣлъ, однакожъ, показать старику свое неудовольствіе; но зато взглядъ, украдкою брошенный въ этотъ день Гришкой на Глѣба, былъ первымъ его взглядомъ полнаго, сознательнаго недоброжелательства. Чувство это не мало поддерживалъ и разжигалъ страхъ, который, вопреки всѣмъ усиліямъ и ободреніямъ, ощущалъ пріемышъ, и даже Захаръ, до нѣкоторой степени, въ присутствіи Глѣба. Оба храбрились и хорохорились только на словахъ. Неизвѣстно, какъ это выходило; но только въ присутствіи стараго рыбака храбрость и удаль молодцовъ тотчасъ же пропадали. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Захара продолжало производить втайнѣ свое дѣйствіе на пріемыша; оно особливо отразилось въ отношеніяхъ молодого парня къ озеру дѣдушки Кондратія. Съ первыхъ же дней Захаръ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, самъ Гришка охотно разсказалъ ему повѣсть неудачныхъ своихъ похожденій съ дочкою рыбака. Началось съ того, разумѣется, что Захаръ осмѣялъ въ пухъ и прахъ неопытность юнаго друга. Затѣмъ онъ передалъ ему свои собственныя похожденія, разсказалъ нѣсколько забавныхъ случаевъ, разсказалъ, какъ всегда и вездѣ выходилъ побѣдителемъ и, подъ конецъ, вызвался даже помогать ему. Не разъ послѣ этого, въ ночное время, когда Глѣбъ и тетушка Анна спали крѣпкимъ сномъ, оба они переправлялись на луговой берегъ. Захаръ принималъ такое живое участіе въ успѣхахъ своего товарища, что, даже вопреки полному сознанію собственнаго своего превосходства, проводилъ цѣлые часы, покачиваясь въ челнокѣ, между тѣмъ какъ Гришка рыскалъ въ окрестностяхъ озера.

Оба они такъ ловко обдѣлывали дѣла свои, что Глѣбъ, въ простотѣ честной, хотя крѣпкой души своей, ничего не подозрѣвалъ.

Къ тому же, проницательность Глѣба съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно притуплялась. Мрачная туча, нависнувшая надъ высокимъ морщинистымъ лбомъ старика, казалось, все болѣе и болѣе сгущалась. Онъ, попрежнему, не переставалъ думать о сыновьяхъ своихъ, не переставалъ тосковать, ходилъ съ утра до вечера сумраченъ, рѣдко съ кѣмъ молвилъ слово, исключая, впрочемъ, дѣдушки Кондратія, съ которымъ часто толковалъ объ отсутствую-

щихъ дѣтяхъ. Одна только работа, одинъ промыселъ въ состояніи были оживлять его. Въ этихъ случаяхъ онъ не могъ быть недоволенъ работниками. Какъ сказано выше, Захаръ былъ удалецъ только на словахъ. Удаль его обусловливалась обстоятельствами. Храбрился онъ съ тѣми, которые уступали ему, кумились съ нимъ или добровольно становились подъ одинъ уровень. Въ присутствіи Глѣба, который связалъ его вскорѣ по рукамъ и по ногамъ, надававъ ему впередъ денегъ — способъ общеупотребительный между ловкими хозяевами — спѣсь и непобѣдимое молодечество Захара уходили на самое дно его ситцеваго кисета. Бывали, однакожъ, случаи, когда лѣнь работника, возмущенная взыскательностью хозяина, придавала ему настолько бодрости, чтобы поднять голосъ и бросить сѣти. Онъ начиналъ хорохориться и говорилъ, что отходитъ отъ дома. Но Глѣбъ тутъ же осаживалъ его. „Отдай деньги, что забралъ, отдамъ тебѣ и пачпортъ“, говорилъ старикъ: „а мало что — до станового недалече: въ Сосновкѣ живетъ!“ Расчетъ Глѣба основывался на томъ, чтобы продержать Захара вплоть до зимы, т. е. все время, какъ будетъ продолжаться рабочая пора. Онъ зналъ, что за такую скудную плату не наймешь и самаго худого работника. Тамъ, какъ зима придетъ, онъ и самъ держать его не станетъ: пригонитъ къ тому времени, чтобы работникъ гроша ему не былъ долженъ, и дастъ ему пачпортъ: проваливай, куда хочешь. Благодаря способу временныхъ займовъ у хозяевъ — займовъ, къ которымъ прибѣгалъ работникъ, волей-неволей Захаръ оставался въ домѣ.

— Погоди, Гришка, дай напередъ задобримъ хозяина. Я нарочно прикидываюсь смирнячкомъ, говорилъ Захаръ въ оправданіе того противорѣчія, которое усматривалъ пріемышъ между словами и поступками товарища, — сначатія задобримъ, а тамъ покажемъ себя! станетъ ходить по-нашенски, перевернемъ по-своему!

Изъ дальнѣйшихъ объясненій его оказывалось, что именно вотъ эта-то цѣль и задерживала его въ домѣ Глѣба. На самомъ дѣлѣ Захаръ зналъ очень хорошо, что куда бы онъ ни пошелъ—на фабрику ли, на сахарный ли заводъ, или къ другимъ рыбакамъ — это все едино-единственно, держать его нигдѣ не станутъ; придется шляться безъ мѣста и, слѣдовательно, безъ хлѣба.

Итакъ, Глѣбъ былъ, въ извѣстной степени, доволенъ

работникомъ. Что же касается до Гришки, то, несмотря на затаенное неудовольствіе, онъ трудился такъ исправно, что не давалъ даже старику повода къ упреку.

Такъ прошло безъ малаго три мѣсяца.

Къ концу этого срока вышелъ, однакожъ, случай, который невольно оторвалъ Глѣба отъ задушевныхъ его мыслей и заставилъ его обратить все вниманіе на пріемыша.

Вотъ что произошло:

Разъ какъ-то, въ началѣ осени, Глѣбъ отправился на луговой берегъ: требовалось нарубить лозняка для починки старыхъ вершей. Онъ поѣхалъ одинъ.

Часъ, безъ малаго, сидѣлъ онъ за своимъ дѣломъ у опушки кустовъ, тамъ, гдѣ начинались луга, когда подошелъ къ нему дѣдушка Кондратій.

На кроткомъ, невозмутимо-тихомъ лицѣ старичка проглядывало смущеніе. Онъ, очевидно, былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ. Бѣлая голова его и руки тряслись болѣе обыкновеннаго. Подойдя къ сосѣду, который рубилъ справа и слѣва, ничего не замѣчая, онъ не сказалъ даже „Богъ помочь!“ Дѣдушка ограничился тѣмъ лишь, что назвалъ его по имени.

— А! здорово, дядя! произнесъ Глѣбъ, опуская топоръ и утирая лобъ, покрытый потомъ.

— Здравствуй, Глѣбъ Савинычъ, сказалъ Кондратій, переводя одышку на каждомъ словѣ,—къ тебѣ шелъ.

— Ладно, что встрѣтились, подхватилъ Глѣбъ, — я и самъ собирался понѣ тебя провѣдать. Переѣхалъ сюда лознячкомъ запастись: вершн надыть исправить; а тамъ, думалъ, какъ порѣшу дѣло, схожу къ сосѣду. А ты зачѣмъ пробирался? надобность, что ли, была какая? али такъ, провѣдать хотѣлъ?

— Нѣтъ... есть до тебя дѣло, съ трудомъ проговорилъ старикъ.

— Ну, говори, промолвилъ Глѣбъ, обращая впервые глаза на сосѣда.—Да что ты, дядя? ась? Въ тебѣ какъ словно перемѣна какая... и голосъ твой не тотъ, и руки дрожатъ. Не прилучилось ли чего? Говори, чѣмъ, примѣрно, могу помочь? Ну, примѣрно и... того; говори только.

Дѣдушка Кондратій тоскливо покачалъ головою, закрылъ красныя, распухшія вѣки и безотрадно махнулъ рукою. Вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, двѣ едва примѣтныя слезинки покатились изъ глазъ старика.

— Ну, стало, взаправду недоброе что привалило. Али „плевокъ“ *) на рыбу напалъ? подхватилъ Глѣбъ.

Хотя Глѣбъ коротко ознакомился теперь съ истиннымъ горемъ,—такимъ горемъ, которое не имѣло уже ничего общаго съ неудачами и невзгодами по части промысла или хозяйства, онъ никакъ не предполагалъ, чтобы другой человѣкъ, и тѣмъ менѣе сосѣдъ, могъ испытать что-нибудь подобное. Онъ находился въ полномъ убѣжденіи, что дѣдушка Кондратій претерпѣлъ какую-нибудь неудачу въ дѣлѣ домашнемъ: плевокъ на рыбу напалъ, сѣти порвались, а новыхъ купить не на что, челнокъ просквозилъ и ушелъ на дно озера. Этимъ ограничивались его догадки. Поэтому самому не мало удивился Глѣбъ, когда сосѣдъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, кабы только это, не сталъ бы тужить, не сталъ бы гнѣвить Господа Бога! на то Его святая воля. Въ эвтихъ нашихъ невзгодахъ человѣкъ не властенъ...

— Да что-жъ такое? говори! нетерпѣливо перебилъ Глѣбъ.

— А то, что случилось недоброе дѣло, подхватилъ, тяжко вздыхая, старикъ, — отъ человѣка недоброе дѣло, Глѣбъ Савинычъ! а все вышло... все вышло изъ твоего... изъ твоего сосѣдскаго дома.

— Какъ! что такое? воскликнулъ Глѣбъ, поспѣшно вставая на ноги и безпокойно изгибая сѣдыя брови.

— Да, изъ твоего дома, продолжалъ между тѣмъ старикъ.—Жилъ я о-сю пору счастливо, никакого лиха не чая, жилъ, ничего такого и въ мысляхъ у меня не было; наказалъ, видно, Господь за тяжкіе грѣхи мои! И ничего худого не примѣчалъ я за ними. Бывало, твой парень Ваня придетъ ко мнѣ, либо Гришка—ничего за ними не видѣлъ. Вѣрилъ имъ словно дѣтямъ своимъ. То-то вотъ наша-то стариковская слабость! Наказалъ меня Создатель, горько наказалъ. Обманула меня... моя дочка, Глѣбъ Савинычъ!

При этомъ у Глѣба отлегло отъ сердца. Ему представилось сначала, что Гришка или Захаръ обокрали сосѣда.

— И гдѣ мнѣ было усмотрѣть, старику, продолжалъ дѣдушка, останавливаясь время отъ времени и проводя дрожащею ладонью по глазамъ,—гдѣ было усмотрѣть за

*) Червь, истребляющій рыбу.

пими! Сама, бывало, обо всякой малости сказывала. Ину пору — вотъ въ послѣднее это время — спросишь: „что, молъ, невесела Дуня, что пѣсенъ не поешь?“—„Ничего, говоритъ, такъ, охоты нѣтъ“. Ну, я ей и вѣрилъ... вѣстимо, думаю, какое ей со мною веселье... лѣта ея молодыя... Да, обманула меня моя дочка, Глѣбъ Савинычъ,— горько обманула! Понѣ только обо всемъ провѣдалъ... Приходитъ это она утромъ ко мнѣ,—а я рыбку удилъ— приходитъ, да такъ вотъ вся и заливается слезами, такъ и заливается. „Что ты, говорю: Христосъ, молъ, съ тобою“. Самъ добре перепужался, всталъ, поднялся, а она ко мнѣ въ поги... все и повѣдала... такъ инда головня къ сердцу моему подкатилась! „Ну, говорю, дочка, посрамила ты мою голову! за что, говорю, за что ты меня старика обманула? На то ли растилъ я тебя? того ли ждалъ!“ А руки не поднялъ — подумалъ: не поможетъ. Богъ, молъ, дочка, судья тебѣ!

— Что-жъ... Гришка? перебилъ Глѣбъ, сжимая кулаки и грозно нахмуривая брови.

— Онъ, отвѣчалъ старикъ, опуская голову и проводя дрожащими пальцами по глазамъ.

— Ахъ онъ, проклятый! вскричалъ Глѣбъ, у котораго закипѣло при этомъ сердце такъ же, какъ въ бывалое время.—То-то примѣтилъ я — давно еще примѣтилъ... въ то время еще, какъ Ваня здѣсь мой былъ! Не даромъ, стало, таскался онъ къ тебѣ на озеро. Пойдемъ, дядя, ко мнѣ... тутъ челнокъ у меня за кустами. Погоди-къ ты! я-жъ те ребры-то переломаю. Я те!..

— Полно, Глѣбъ Савинычъ! этимъ теперь не поможешь, кротко возразилъ дѣдушка Кондратій, взявъ его за руку,— теперь не объ томъ думать надыть.

— Ты думаешь, примѣрно, женить надыть?

— Затѣмъ и шелъ къ тебѣ... лучше ужъ; до грѣха, по закону по Божьему, какъ слѣдуетъ.

— Это само собою. Повѣнчать повѣнчаемъ; а не миновать ему моихъ кулаковъ! я его проучу... Ахъ онъ, окаянный!

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, оставь лучше, не тронь его... пожалуй, хуже будетъ... Онъ тогда злобу возьметъ на нее... вѣдь мужъ въ женѣ своей властенъ. Человѣка не узнаешь: иной лютѣе звѣря. Полно, перестань, уйми свое сердце... Этимъ не пособишь. Повѣнчаемъ ихъ; а тамъ будь воля Божья!.. Эхъ, Глѣбъ Савинычъ! не ему, нѣтъ, не ему

прочилъ я свою дочку! неожиданно заключилъ дѣдушка Кондратій.

Вмѣстѣ съ этими словами кулаки Глѣба опустились, и гнѣвъ его прошелъ мгновенно. Нѣсколько минутъ водилъ онъ ладонью по сѣрымъ кудрямъ своимъ, потомъ задумчиво склонилъ голову и наконецъ сказалъ:

— Что говорить, дядя! признаться, и я не ему прочилъ твою дочку: прочилъ другому. Ну, да что тутъ! словесами прошлаго не воротишь!

Тутъ онъ остановился, махнулъ рукою и снова опустилъ на грудь голову.

Глѣбъ уже не принимался въ этотъ день за начатую работу. Проводивъ старика-сосѣда до половины дороги къ озеру (дальше Глѣбъ не пошелъ, да и дѣдушкѣ Кондратію этого не хотѣлось), Глѣбъ подобралъ на обратномъ пути топоръ и связки лозняка и вернулся домой еще сумрачнѣе, еще задумчивѣе обыкновеннаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XX.

Худое житье.

Возвратясь домой, послѣ объясненія съ дѣдушкой Кондратіемъ, Глѣбъ слова не промолвилъ пріемышу; а между тѣмъ куда какъ хотѣлось ему проучить негодяя! Грозно изгибавшіяся брови старика и невольно сжимавшіеся кулаки его, каждый разъ, какъ онъ встрѣчался съ Гришкой, достаточно уже показывали, какъ сильно было въ немъ такое желаніе. Онъ удержался, однакожъ: благоразумные совѣты старичка-сосѣда восторжествовали на этотъ разъ надъ личнымъ мнѣніемъ Глѣба, которое, если помнитъ читатель, заключалось въ томъ, чтобы память Гришкѣ бока. Выбравъ минуту, когда Захаръ и пріемышъ занялись чѣмъ-то на дальнемъ концѣ площадки, старый рыбакъ подошелъ къ женѣ и передалъ ей жалобу старика-сосѣда. Съ первыхъ же словъ тетушка Анна пришла въ неописанное волненіе; она всплескивала руками, мотала головою, охала и стонала въ одно и то же время. „Ахъ онъ, окаянный!.. ахъ онъ, безпутный такой, грѣховодникъ этакой!.. Вѣдь погубилъ дѣвку-то! погубилъ совсѣмъ... Я, чай, старикъ-атъ, сердечный... Скажи, грѣхъ какой!.. А намъ-то — намъ и невдомекъ; хоть бы однимъ глазкомъ примѣтили... Ахти, Господи!..“ говорила она, не переводя духу, отчаянно ударяя обѣими ладонями объ полы попявы и тормоша немилосердпѣйшимъ образомъ платокъ на головѣ. Глѣбъ, какъ вѣдомо, не любилъ много разговаривать; еще съ меньшею охотою слушалъ онъ пустыя бабьи рѣчи. Онъ тотчасъ же осадилъ жену. „Ну, чего, чего?.. экъ ее, дура-баба! право, пустая какая!“ прогово-

рилъ онъ съ такимъ видомъ, который мгновенно превратилъ негодующую старуху въ кроткую, смиренную овцу. Онъ пришелъ вовсе не за охами, еще менѣе нуждался въ совѣтахъ, которыми, не медля ни минуты, принялась было снабжать Анна, поощренная снисходительнымъ его объясненіемъ. Вся цѣль разговора Глѣба съ женою заключалась въ томъ, чтобы старуха мыла скорѣй горшки, варила брагу и готовила все къ свадьбѣ.

Дѣло, дѣйствительно, было такого рода, что не терпѣло отлагательства.

Недѣли черезъ двѣ, въ воскресный день, у воротъ рыбакова дома и на самомъ дворѣ можно было видѣть нѣсколько подводъ; на холмистомъ скатѣ высокаго берегового хребта, которымъ замыкалась съ трехъ сторонъ площадка, бродили пущенныя на свободу лошади, щипавшія сочную листву орѣшника. Приглаженный видъ двора, освѣщеннаго желтыми лучами осенняго солнца, тетушка Анна и еще какая-то баба, бѣгавшія поминутно изъ избы подъ тѣнь навѣса и возвращавшіяся всякій разъ съ кувшинами или пирогами; подводы и, наконецъ, самыя лошади — все это свидѣтельствовало, что въ домѣ Глѣба, отличавшемся всегда тишиною и строгимъ порядкомъ, происходило что-то несовсѣмъ обыденное. Говоръ, раздававшійся въ самой избѣ, пѣсни, восклицанія и звяканье посуды подтверждали краснорѣчиво такое предположеніе. Изба была полна народу. Тутъ находились оба тестя и обѣ тещи двухъ старшихъ сыновей Глѣба, Петра и Василія; были крестовые и троюродные братья и сестры тетки Анны, находились кумовья, деверья, шурины, сваты и даже самые дальнѣйшіе родственники Глѣба — такіе родственники, которыхъ рыбакъ не видалъ по цѣлымъ годамъ. Все это съѣхалось по бо̀льшей части изъ Сосновки и явилось попировать на свадьбу къ старому Глѣбу, который женилъ пріемыша своего на дочери сосѣда, такого же рыбака, по прозванію Кондратія.

Но, несмотря на большое стеченіе народа, несмотря на радушное угощеніе и разливное море браги, которая пробуждала въ присутствующихъ непобѣдимую потребность пѣть пѣсни, цѣловаться и пести околесную,—несмотря на прибаутки и смѣхотворныя выходки батрака Захара, который занималъ мѣсто дружки жениха — и занималъ это мѣсто, не мѣшаетъ замѣтить, превосходно — свадьбу никакъ нельзя было назвать веселою. Все шло, повидимому,

самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, и только главныя дѣйствующія лица — тѣ самыя, отъ кого бы слѣдовало ожидать всего болѣе радости—казались какъ будто недовольными. Нѣтъ сомнѣнія, что если бъ тетушка Анна, движимая чувствами безпримѣрнаго добродушія и гостепріимства, не пересыпала въ брагу нѣсколькихъ лишнихъ пригоршней хмеля (все это, разумѣется, сдѣлано было тайкомъ отъ Глѣба), и если бъ гости, въ свою очередь, умѣреннѣе прибѣгали къ ковшамъ, заключавшимъ эту брагу, многіе могли бы замѣтить, что на свадебной пирушкѣ не все было ладно.

Во-первыхъ, молодая совсѣмъ непохожа была на обыкновенныхъ молодыхъ. Она сидѣла какъ убитая: точно силой выдавали ее за немилаго, или, вѣрнѣе, точно присутствовала она не на свадебной пирушкѣ, а на поминкахъ по нѣжно любимымъ родителямъ. Мужчины, конечно, не обратили бы на нее вниманія: сидѣть съ понурою головою — для молодой дѣло обычное; но лукавые глаза бабъ, которыя на свадьбахъ занимаются не столько бражничествомъ, сколько сплетками, вѣрно замѣтили бы признаки особенной какой-то неловкости, смущенія и даже душевной тоски, обозначавшейся на лицѣ молодки. „Глянька-сь, касатка, молодая-то невесела какъ: лица нѣтути!“— „Должно-быть, испорченная, либо хворая...“ — „Парень, стало, не по ндраву...“ — „Хошь бы разочекъ глазкомъ взглянула; съ утра все такъ-то: сидитъ платочкомъ закрымшись — сидитъ не смигнетъ, словно на бѣлый на свѣтъ смотрѣть совѣстится...“ — „И то, можетъ-статься, совѣстится; жила не на міру, не въ деревнѣ съ людьми жила: кто ее вѣдаетъ, какая она!..“ Такого рода доводы подтверждались, впрочемъ, наблюденіями, сдѣланными двумя бабами, которымъ довелось присутствовать при разставаньи Дуни съ отцомъ. Это происходило утромъ, передъ отправленіемъ къ вѣнцу. Извѣстное дѣло, какой же дѣвкѣ не жаль покидать родителей—всякой жаль! Хотя иной разъ и въ своей деревнѣ остаешься—только улицу перейти,—а все не съ родными жить. Ну, какъ водится, помолишься святымъ образамъ, положишь отцу съ матушкой три поклона въ ноги, маленечко покричишь голосомъ, ину пору не шутя даже всплакнешь, — все это такъ по обычаю должно. Эта же молодая и прощалась-то совсѣмъ не такъ, какъ другія дѣвки: какъ повалилась съ первака отцу въ ноги, такъ тутъ и осталась, и не то, чтобы при-

читала, какъ водится по обычаю, — слова не вымолвитъ, только убивается; взвыла на весь дворъ, на всю избу, ухватила старика своего за ноги, насилу отняли: водой отливали! И не вѣсть что такое: прощалась, словно въ Сибирь везли ее, въ дальнюю сторону; а всего-то Оку-рѣку переѣхать... Были еще другія примѣты при самомъ выѣздѣ къ вѣнцу. Каждое движеніе молодой, предметы и лица, ее окружающіе, даже лошади, которыя везутъ ее въ церковь, подвергаются на свадебныхъ поѣздкахъ внимательному разсмотрѣнію; все это, по мнѣнію двухъ бабъ, не благопріятствовало молодой. Замѣчанія эти, передаваемыя въ свое время шопотомъ, изъ ушка въ ушко, не замедлили бы обойти теперь всѣхъ присутствующихъ, если бъ, какъ мы уже сказали, брага тетки Анны не была такъ крѣпка и не отуманила глазъ всему собранію. По той же самой причинѣ, каждый изъ гостей хотя и цѣловался по нѣскольку десятковъ разъ съ молодымъ, но никто не замѣчалъ нахмуреннаго лица его. Каждый разъ, какъ который-нибудь изъ присутствующихъ обращалъ на него масляные, слипавшіеся глаза и, приподнявъ стаканъ, восклицалъ: „о-охъ, горько!“ давая знать этимъ, чтобы молодые поцѣловались и подсластили такимъ образомъ вино, — въ чертахъ Гришки проглядывало выраженіе досадливаго принужденія. Можно было думать, что женился онъ противъ воли, женился и каялся. Оно почти такъ и было. Въ послѣднее время онъ рѣдко даже бывалъ на озерѣ: Дуня успѣла уже опостынуть ему. Не знаю, подозрѣвалъ ли дядя Кондратій мысли своего зятя, но сидѣлъ онъ также пригорюнясь на почетномъ своемъ мѣстѣ; всего вѣрнѣе, онъ не успѣлъ еще опомниться послѣ прощанья съ Дуней, — слабое стариковское сердце не успѣло еще отдохнуть послѣ потрясенія утра; онъ думалъ о томъ, что пришло, наконецъ, времечко распрощаться съ дочкой! По крайней мѣрѣ, бѣлая голова дѣдушки Кондратія не переставала трястись и какъ бы все еще давала знать, что онъ несовсѣмъ рѣшился на тяжкую жертву. Что жъ касается Глѣба, онъ точно такъ же не имѣлъ особенныхъ побужденій къ радости; одно развѣ: въ домъ поступаетъ молоденькая сноха, новая работница на смѣну старухѣ, которая въ послѣднее время совсѣмъ почти съ ногъ смоталась, изъ силъ выбилась... конечно, это не дурно. Глѣбъ не разъ даже выказывалъ по этому поводу свое удовольствіе; въ разговорахъ съ женою онъ неоднократно

даже принимался выхвалять дочку рыбака-сосѣда. Но, къ сожалѣнію, удовольствіе Глѣба Савинова не было продолжительно: оно исчезало по мѣрѣ того, какъ стали появляться расходы, сопряженные съ пріобрѣтеніемъ молодой снохи; Глѣбъ началъ тогда ворчать и покрикивать. Старикъ шибко крѣпковать былъ на деньги, завязывалъ ихъ, какъ говорится, въ семь узловъ; недаромъ, какъ видѣли мы въ свое время, откладывалъ онъ день-ото-дня, девять лѣтъ кряду, постройку новой избы, несмотря на просьбы жены и собственное убѣжденіе, что старая изба, того и смотри, повалится всѣмъ на голову; недаромъ считалъ онъ каждый грошъ, клалъ двойчатки въ кошель, соблюдалъ строжайшій порядокъ въ домѣ, не любилъ бражничества и на семидесятомъ году неутомимо работалъ отъ зари до зари, чтобы только не нанимать лишняго батрака. Съ лѣтами онъ сдѣлался еще разсчетливѣе.

А между тѣмъ не проходило теперь дня, когда бы не принуждали его отправляться въ каморку и отворять завѣтный сундучокъ завѣтнымъ витымъ ключикомъ... Просто напасть какая-то: сегодня требовался солодъ, завтра мука на лапшу, а тамъ раскошеливайся опять на масло, либо на свадебные подарки! Ворчливость окончательно овладѣла Глѣбомъ, когда, дня за два до свадьбы, пріѣхали изъ Сосновки двѣ кумы и вслѣдъ за тѣмъ началась въ домѣ стряпня и возня. „Экъ ихъ обрадовались! чтобъ васъ шутъ взялъ!“ не переставалъ твердить Глѣбъ, косясь съ самымъ недоброжелательнымъ видомъ на румяные пироги и пышные короваи, которые то-и-дѣло выставлялись на доскахъ изъ оконъ: „настряпали теперь, напекли! Было бы изъ чего изъяниться-то — вотъ что! не богатую какую невѣсту беремъ; спасибо еще—взяли... Признаться, старика одного только и пожалѣли... Ну, да что тутъ толковать! рѣшеное дѣло: выходитъ, поминать нечего... Напекли, наварили: не бросать же теперь — ѣшьте во здравіе!..“ Такъ заключалъ всегда почти Глѣбъ, который, вообще говоря, былъ слишкомъ разсчетливый и дѣловой хозяинъ, слишкомъ строгій и несообщительный старикъ, чтобы жаловать гостей и пирушки. Ворчливость его продолжалась, однакожъ, до тѣхъ только поръ, пока не окончились возня и приготовленія, пока не съѣхались гости и не началось угощеніе; усѣвшись за столъ, онъ махнулъ какъ словно рукою и пересталъ заботиться о томъ, что стоили ему пироги и брага; казалось даже, онъ совсѣмъ запамятовалъ

объ этомъ предметѣ. Не пилъ, однакожъ, Глѣбъ, не пилъ ни капельки; хмель не отуманивалъ головы его, точно такъ же, какъ не отуманивали ея шумъ, крики и пѣсни пирующихъ. Одна только мысль и была теперь въ головѣ рыбака — все та же острая, назойливая мысль, которая постоянно жила въ немъ, изрѣдка лишь заслоняясь житейскими заботами; достаточно было просвѣтлиться этой мысли, чтобы изгладить мгновенно изъ его памяти всѣ расчеты, всѣ соображенія. Онъ думалъ о сынѣ — думалъ о младшемъ возлюбленномъ дѣтищѣ. Свадьба пріемыша невольнымъ образомъ пробудила въ душѣ старика такія воспоминанія: такъ, можетъ-статься, пировали бы теперь на свадьбѣ Вани!.. Немудрено послѣ этого, если Глѣбъ казался невеселъ.

Но какъ бы тамъ ни было, благодаря, вѣроятно, теткѣ Аннѣ, которая суетилась и хлопотала за шестерыхъ, благодаря также дружкѣ Захару и двумъ кумамъ, которыя подливали исправнѣйшимъ манеромъ сосновскимъ родственникамъ, гости были сытехоньки по горлышко, пьяны-пьянехоньки и вообще остались очень довольны. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ того, что многіе, при всемъ стараніи своемъ, никакъ не могли встать съ лавокъ; хозяева принуждены были снести ихъ на дворъ и уложить въ подводы, наподобіе грузныхъ сноповъ. Наконецъ пирушка кончилась; Дуню и Гришку уложили въ приготовленную заранѣе каморку, и гости разъѣхались.

Самъ дѣдушка Кондратій поплелся къ себѣ на озеро.

Домъ Глѣба, площадка и берега Оки окутались темнотою ночи и стихли—стихли, какъ словно заснули заодно съ обывателями...

Женитьба пріемыша не произвела почти никакого измѣненія въ хозяйствѣ рыбака. Порядокъ, заведенный Глѣбомъ тридцать лѣтъ назадъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ пошатнуться отъ такой маловажной причины. Вообще говоря, въ крестьянскомъ быту сноха занимаетъ довольно жалкую роль, особенно въ первое время. Нужны какія-нибудь особенныя благопріятныя обстоятельства или съ ея стороны, или со стороны мужниной родни, чтобы житье ея въ домѣ разнилось отъ житья простой работницы.

На другой же день можно было видѣть, какъ тетка Анна и молоденькая сноха ея перемывали горшки и корчаги, и какъ, послѣ этого, обѣ стучали вальками на берегу ручья. Глѣбъ, который не безъ причины жаловался

на потерянное время—время подходило къ осени и пора стояла, слѣдовательно, рабочая — вышелъ къ лодкамъ, когда на блѣднѣющемъ востокѣ не успѣли еще погаснуть звѣзды. За часъ до восхода, онъ, Захаръ и Гришка были на Окѣ.

Въ многозаботной жизни простолюдина время дорого. Такъ некогда предаваться излишней радости или скорби. И радъ бы иной разъ, послушался, что душа поетъ, радъ бы повеселиться, завихриться, радъ бы выплакать вдосталь свое горькое горе, да мало ли что!.. Нужда, время идетъ, никого не ждетъ. Иного дня недѣлей цѣлой не нагонишь!.. Мнѣ приводилось встрѣчать старухъ, которыя рыдали отчаянно, страшно рыдали, и въ то же время несли на плечахъ ведра или занимались другимъ хозяйственнымъ дѣломъ. „Что съ тобою?..“—„Сынъ вечоръ померъ... одинъ только и былъ!..“ Не разъ также я заставалъ за сохою стариковъ, которыхъ за часъ посѣтила нечаянная радость или сразило страшное горе. Духъ можетъ скорбѣть или радоваться сколько угодно,—руки должны оставаться одинаково крѣпкими и работать.

Единственный предметъ, обращавшій на себя теперь вниманіе Глѣба, было „время“, которое, съ приближеніемъ осени, замѣтно сокращало трудовые дни. Не мало хлопотъ приносила также погода, которая начинала хмуриться, суля ненастье и сиверку — неумолимыхъ враговъ рыбака. За всѣми этими заботами, разумѣется, некогда было думать о снохѣ. Да и думать-то было нечего!.. Живетъ себѣ бабенка наравнѣ съ другими, обиды никакой и ни въ чемъ не терпитъ — живетъ, какъ и всѣ люди. Въ мѣру работаетъ, хлѣбъ ѣстъ вволю: чего жъ ей еще?..

Къ концу осени мысли стараго рыбака перешли непосредственно отъ промысла къ другому предмету. Какъ только замѣтилъ онъ, что верши его стали „сиротѣть“, а съ сѣтями нечего почти дѣлать, онъ началъ помышлять о томъ, какъ бы раздѣлаться съ Захаромъ. Впрочемъ, это обстоятельство заняло не много времени: расчетъ былъ очень коротокъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что старикъ, нанимая Захара, имѣлъ въ виду продержать его не далѣе осени, т.-е. до той поры, пока окажется въ немъ надобность. Съ этою цѣлью онъ давалъ ему денегъ впередъ и даже старался опутать долгами. За мѣсяцъ передъ расчетомъ, старикъ разомъ прекратилъ выдачу денегъ. Онъ, конечно, слова не промолвилъ работнику о своемъ

намѣреніи, но втихомолку сводилъ свои счеты. Въ тотъ самый день, когда Захаръ заработалъ послѣднюю копейку, данную ему впередъ, Глѣбъ объявилъ наотрѣзъ, что онъ ему больше не нуженъ. Озадаченный нѣсколько неожиданной выходкой, работникъ заикнулся было о деньгахъ; но хозяинъ показалъ ему бирку, на которой обозначены были всѣ дни, прожитые батракомъ, и всѣ деньги, грошъ въ грошъ, заработанныя имъ. Возражать было нечего.

Въ утро того же дня, Захаръ уложилъ въ карманъ своихъ шароваръ всѣ свои пожитки, состоявшія изъ ситцеваго кисета и трубки; взялъ въ руки гармонію и покинулъ, посвистывая, площадку.

Гришка сопровождалъ его. (Глѣба не было въ эту минуту дома. Отпустивъ работника, онъ тотчасъ же ушелъ въ Сосновку). Во все продолженіе пути отъ воротъ до лодокъ, Захаръ не переставалъ свистать и вообще казался въ самомъ пріятномъ, пѣвучемъ расположеніи духа.

— Куда жъ ты теперь, Захаръ? спросилъ Гришка, послѣ того, какъ оба они усѣлись въ челнокѣ и отчалили отъ берега.

— Разѣ мало мѣстовъ-то?.. Думаешь, твой Глѣбъ одинъ только на свѣтѣ и есть!.. Тебѣ, можетъ-статься, въ диковинку! Намъ хоша бы его не было—это все единственно... Что расчелъ-то меня: „не надо“, говоритъ—великая важность!.. Почище видали—не плакали!.. Можетъ, онъ того не знаетъ, плевать я хотѣлъ на него! Намъ вездѣ будетъ мѣсто... Нашему брату не искать. Куда пришелъ, тутъ и нашелъ! Въ Комаревѣ и то звали намедни: „приходи, говорятъ, Захаръ, уважимъ!..“ Да врядъ останусь; прискучили мнѣ ваши мѣста... Пока еще поотряхнусь, погуляю... У меня вотъ въ Серпуховѣ есть знакомый одинъ хозяинъ, фабрику содержитъ и капиталъ большой имѣетъ: туда и пойду... потому, какъ онъ есть мнѣ пріятель, и житье, примѣрно, вальяжное, первый сортъ. Это все, выходитъ, нашему брату того и надо!.. проговорилъ Захаръ, съ такою самоувѣренностію и оглядываясь съ такимъ безпечнымъ видомъ направо и налѣво, какъ будто всѣ лучшія мѣста отъ Коломны до Серпухова были дѣйствительно къ его услугамъ.

На самомъ дѣлѣ онъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ не зналъ даже, приведется ли пообѣдать, потому что дальше Комарева нынче не уйдешь, а комаревскій цѣловальникъ Герасимъ (въ этомъ убѣдился

Захаръ изъ собственнаго опыта) въ долгъ не вѣрилъ. Гармонія представляла слишкомъ ничтожный предметъ для заклада: и новая-то стоитъ всего одинъ двугривенный! Конечно, если приложить къ ней кисетъ, картузъ и трубку, можно, пожалуй, выйти изъ бѣды, но на самое короткое время. Никакъ не дотянешь до найма. Въ Комаревѣ (это обстоятельство было также извѣстно Захару) и безъ того уже много своихъ рукъ. Что жъ касается до путешествія въ Серпуховъ, къ пріятелю фабриканту, надо было отложить попеченіе: серпуховскій пріятель былъ, къ сожалѣнію, тотъ самый, что засталъ жену свою въ роковую минуту, какъ она дарила Захару знаменитый кисетъ. Другіе же два фабриканта, изъ Серпухова, вытурили его также въ свое время и погрозили даже намять бока, если онъ только покажется на порогѣ ихъ фабрикъ. Между Захаромъ и остальными знакомыми ему хозяевами существовали такія же почти неблагопріятныя отношенія — словомъ, рѣшительно некуда было приткнуться!.. Со всѣмъ тѣмъ, надо отдать ему справедливость, онъ не унывалъ нисколько. Во все время переправы черезъ Оку не переставалъ онъ молодцовать, свистать, пѣть пѣсни и играть на гармоніи. Мало того: ступивъ на противоположный берегъ, онъ выразилъ даже свое искреннее, задушевное сожалѣніе къ тяжкой долѣ молодого своего товарища.

— Эхъ, Гришка, Гришка!.. жаль мнѣ тебя, братецъ ты мой, ей Богу, жаль!.. такъ, ни за что, ни за грошъ погубилъ ты свою молодость!... Пропадай теперича твоя волюшка!.. въ коренную, какъ есть, закрѣпилъ тебя старикъ къ дому своему. Говорилъ—стой на одномъ: „знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю!..“ А то: какъ да какъ?.. вотъ-те и какъ!.. возись поди теперича... Закабалилъ ты себя. Навязалъ жерновъ на шею—это все единственно,—выходитъ, одно и то же!.. И добро дѣвка-то была бы... а то... эхъ-ма! мимолетный ты парень, какъ погляжу, соломенная твоя душа!.. Только что вотъ куражишься... То ли бы было, кабы послушалъ: шли бы теперича вмѣстѣ важнѣющимъ манеромъ!.. Куда ни кинулъ глазами, это все единственно; вездѣ путь-дорога—гуляй знай!.. А то что?.. загубилъ себя какъ есть теперича!.. Парень-то ты ловкій: черезъ это и жалѣю больше, ей-Богу, право!..

Говоря такимъ образомъ, Захаръ не имѣлъ дурного умысла. Онъ чуть ли даже не былъ чистосердеченъ, потому что судилъ о Гришкѣ по себѣ—судилъ безошибочно,

и зналъ, слѣдовательно, какъ мало соотвѣтствовало молодому парню настоящее его житье.

Во все время этого дружескаго объясненія пріемышъ стоялъ понуря голову и крѣпко упирался грудью въ конецъ весла. Онъ слова не сказалъ: по конецъ весла яростно рылъ землю. Руки Гришки не переставали откидывать съ нетерпѣніемъ волосы, которые свѣшивались на лицо его, принужденно склоненное на грудь.

Ко всѣмъ дурнымъ чувствамъ, кипѣвшимъ теперь въ сердцѣ пріемыша, примѣшивалась еще досада, которую пробуждала не столько разлука съ товарищемъ, сколько сознаніе безсилія послѣдовать за нимъ. По крайней мѣрѣ глаза Гришки, пристально устремленные на удаляющагося Захара, были совершенно сухи. Не обозначалось въ нихъ ни сожалѣнія, ни грусти: что-то похожее на зависть, на бѣшенство молодого полудикаго коня, выхваченнаго изъ косяка арканомъ, спутаннаго по ногамъ крѣпкими ремнями и брошеннаго наземь, сверкало въ черныхъ, глядѣвшихъ исподлобья глазахъ Гришки, обозначалось во всѣхъ чертахъ его смуглаго лица. Захаръ говорилъ сущую правду: и онъ точно такъ же могъ бы теперь быть вольнѣе бѣлыхъ чаекъ, которыя весело снуютъ надъ раздольною рѣкою! Все кончено! хочешь не хочешь, живи въ ненавистномъ домѣ. Припаялъ суровый старикъ Гришкину волюшку — припаялъ ее мѣднымъ припоемъ! связалъ по рукамъ и ногамъ! Недаромъ же трунилъ надъ нимъ Захаръ, называя его мимолетнымъ парнемъ и соломенною душою; недаромъ сравнивалъ его съ мякиной, которая шумитъ и вьется, пока въ углу, въ затишьѣ, а какъ только вынесешь въ открытое поле, летитъ покорно въ ту сторону, откуда вѣтеръ покрѣпче! Но Гришка, какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, не столько обвинялъ самого себя, сколько окружающихъ. Больше всѣхъ пришлось отвѣчать Дунѣ. Она, одна она, какъ онъ думалъ самъ съ собой, была всему главной виновницей: не живи она въ двухъ верстахъ отъ площадки, не полюби парня, не довѣрься его клятвамъ, ничего бы не случилось; онъ, въ самомъ дѣлѣ, шелъ бы теперь, можетъ-статься, съ Захаромъ! И кто толкалъ его на луговой берегъ? чего домогался онъ? чего искалъ? Съѣздилъ всего разъ двадцать украдкою на озеро—велика важность! эка невидаль! стоило изъ того навѣки распрощаться съ вольною волюшкой! Негодованіе Гришки обра-

щалось даже частію на тестя. Дѣдушка Кондратій, также былъ, по разумѣнію Гришки, виновенъ во многомъ: зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы гонять каждый разъ пріемыша изъ дому, зачѣмъ ласкалъ онъ его—ласкалъ и принималъ, какъ родного сына?..

Съ такими мыслями и чувствами покинулъ онъ луговой берегъ и переѣхалъ Оку. Когда Гришка обернулся, чтобы привязать челнокъ, глаза его встрѣтили жену. Она стояла, прислонившись къ большой лодкѣ и, повидимому, ждала его.

Дуня, точно, вышла съ этою цѣлью на площадку, но дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по собственному побужденію. Глѣбъ, передъ уходомъ въ Сосновку, велѣлъ ей передать мужу, чтобы онъ тотчасъ же послѣ возвращенія своего съ лугового берега ѣхалъ забрать верши, брошенныя наканунѣ, подлѣ омута. Иначе, можетъ-быть, у нея не стало бы смѣлости дожидаться мужа. Въ послѣднее время, не мѣшаетъ замѣтить, она чувствовала страшную неловкость въ его присутствіи. Къ этому чувству начинала даже примѣшиваться робость. Гришка, конечно, не смѣлъ пробудить въ ней такого чувства жестокимъ обращеніемъ: онъ побоялся бы тронуть ее пальцемъ. Но Дунѣ во сто разъ легче было бы снести его побои, чѣмъ видѣть, какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, перемѣнился онъ и, что всего хуже, не объяснялъ даже ей причины своего неудовольствія.

Гришка, подобно всѣмъ слабымъ, но злобно, дурно настроеннымъ людямъ, не смѣя явно выразить своей досады, вымещалъ ее тайкомъ, втихомолку и, конечно, вымещалъ ее на женѣ, единственномъ существѣ, которое находилось до нѣкоторой степени въ его зависимости. Онъ прибѣгалъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, къ мелкимъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Такъ, съ самой почти свадьбы сохранялъ онъ передъ нею какой-то небрежно-насмѣшливый видъ. И хоть бы слово, одно слово сказалъ ей въ оправданіе такой внезапной перемѣны обращенія! такъ нѣтъ: почти съ самаго дня свадьбы хранилъ онъ упорное молчаніе, отворачивался и отходилъ отъ нея всякій разъ, когда она обращалась къ нему. При случаѣ не обходилось безъ грозныхъ жестовъ и еще болѣе грознаго выраженія лица. Все это мгновенно исчезало, однакожъ, какъ только появлялся Захаръ. Въ глазахъ жены Гришка умышленно заводилъ съ нимъ долгую, дружескую

бесѣду, старался даже казаться веселымъ. Молоденькая сноха Глѣба сокрушалась въ догадкахъ. Молодое, неопытное сердце ея невыносимо ныло отъ боли, терзалось, можетъ даже быть, ревностью. Захаръ отнялъ у нея Гришку. Съ каждымъ днемъ худѣла она и падала духомъ, къ великому удивленію тетки Анны и скорбному чувству преклоннаго отца, который, глядя на дочку, не переставалъ щурить подслѣповатые глаза свои и тоскливо качалъ бѣлою старческою головою.

При всемъ томъ, какъ только челнокъ мужа коснулся берега, она подошла къ самому краю площадки. Взглядъ мужа и движенія, его сопровождавшія, невольно заставили ее отступить назадъ: она никогда еще не видала такого страшнаго выраженія на лицѣ его. Дуня подавила, однакожъ, робость и, хотя не безъ замѣтнаго смущенія, передала мужу приказаніе тестя.

Въ отвѣтъ на это Гришка соскочилъ наземь, оглянулъ кругомъ, толкнулъ ногою челнокъ и яростно бросилъ весло на камни.

При этомъ страхъ овладѣлъ ею пуще еще прежняго; она снова отступила нѣсколько шаговъ. Гришка подошелъ къ ней съ поднятыми кулаками.

— Это все черезъ тебя! все ты! ты всему причиной! промолвилъ онъ, снова оглядываясь кругомъ и злобно потомъ стискивая зубы, — ты... черезъ тебя все вышло! подхватилъ онъ, возвышая голосъ,—это ты разсказала своему отцу про нашу сплетку!.. ты разсказала ему, какая ты есть такая: черезъ эсто женили насъ!.. я-жъ тебѣ! погоди!..

— Гриша... Гриша!

Она не договорила своей мысли... Впрочемъ, Гришка видѣлъ очень хорошо и безъ ея объясненія, что „сплетка“ ихъ и въ то время еще не могла оставаться тайной; теперь и подавно нельзя было бы скрыть ея. Все равно, рано ли, поздно ли, должны были открыть истину. Если бъ хоть разъ поговорилъ онъ съ женою, хоть разъ обошелся съ нею ласково, Дуня, подавивъ въ себѣ остатокъ дѣвичьяго чувства, привела бы ему еще другое доказательство ихъ связи: авось-либо пересталъ бы онъ тогда упрекать ее, пожалѣлъ бы ее; авось помягче стало бы тогда его сердце, которое не столько было злобно, сколько пусто и испорчено. Но Гришка не зналъ послѣдняго обстоятельства. Сверхъ того, врядъ ли обратилъ бы онъ въ

эту минуту на что-нибудь вниманіе. Слова Захара, какъ крѣпкій хмель, мутили разсудокъ Гришки. Къ тому же, бояться теперь было нечего: Глѣба не было дома—смѣло можно расходиться! Онъ осыпалъ Дуню ругательствами и упреками, грозилъ утопить ее, поджечь лачугу тестя, грозилъ убѣжать изъ дому, и Богъ знаетъ только, чего не наговорилъ онъ! Конечно, все это были одни лишь пустыя слова, дѣйствія разгоряченнаго не въ мѣру мозга,—слова, надъ которыми всякій другой посмѣялся бы вдоволь, пожалуй, еще намялъ бы ему хорошенько бока; но тѣмъ не менѣе слова эти поразили молоденькую женщину страшнымъ, невѣдомымъ до того горемъ.

Наконецъ Гришка кинулся въ челнокъ и, бросивъ на вѣтеръ еще нѣсколько новыхъ, безсмысленныхъ угрозъ, отчаянно махнулъ весломъ и полетѣлъ стрѣлою внизъ по теченію.

Приложивъ руки къ груди, едва переводя духъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, Дуня направилась къ огороду, чтобы тамъ, на свободѣ, выплакать свое горе; но совладать съ горемъ, безъ привычки—дѣло мудреное! Слезы и рыданія захватили ее еще на половинѣ дороги.

Въ такомъ положеніи застала ее тетушка Анна, выходившая въ это время изъ воротъ.

— Ахти, батюшки! мать ты моя родная! что ты, касатушка? Христосъ съ тобою! воскликнула старушка, суетливо ковыляя къ снохѣ.

Тетка Анна, несмотря на всегдашнюю хлопотливость свою и вѣчную возню съ горшками, уже не въ первый разъ замѣчала, что хозяйка пріемыша была невесела; разочка два приводилось даже видѣть ей, какъ сноха втихомолку плакала. „Знамо, не привыкла еще, по своей по дѣвичьей волюшкѣ жалится! Помнится, какъ меня замужъ выдали, три недѣлюшки голосила... Вѣстимо, жутко; а все пора бы перестать. Не съ злодѣями какими свелъ Господь; сама, чай, видитъ... Что плакать-то?“ думала старушка.

Рыданія Дуни не шутя смутили ее. Но чѣмъ усерднѣе суетилась она подлѣ снохи, чѣмъ усерднѣе ласкалась къ ней и уговаривала ее, тѣмъ сильнѣе плакала и рыдала Дуня. Голосъ участія и всевозможныя утѣшительныя соболѣзнованія дѣйствуютъ всегда отрицательно въ тѣхъ случаяхъ, когда сердце слишкомъ переполнено скорбью: они бо̀льшею частью только раздражаютъ и безъ того уже

раздраженное сердце человѣка, убитаго горемъ. Лучше всего предоставить его самому себѣ, дать ему полную волю наплакаться; время, тишина и покой—лучшіе утѣшители; слова утѣшенія въ этихъ случаяхъ часто разъясняютъ намъ всю цѣну того, что̀ мы потеряли и что̀ оплакиваемъ.

— Да ты мнѣ только скажи, болѣзная, на ушко шепни—шепни на ушко, съ чего вышло такое? приставала старушка, поправляя то-и-дѣло головной платокъ, который, отъ суеты и быстрыхъ движеній, поминутно сваливался ей на глаза.—Ты, болѣзная, не убивайся такъ-то, скажи только... на ушко шепни... а-и! а-и! Христосъ съ тобой!.. Съ мужемъ, что ли, вышло у васъ что неладно?.. и то, вишь, онъ безпутный какой! Плюнь ты на него, касатка! Что крушить-то себя понапрасну? полно... Погоди, вотъ старикъ придетъ: онъ ему дастъ!..

— Нѣтъ, матушка... развѣ я черезъ него?.. такъ, сама не вѣдаю... не говори батюшкѣ... Христомъ-Богомъ прошу, не говори ты ему...

— Что говорить-то? и-и-и, касатка, я вѣдь такъ только... что говорить-то!.. А коли черезъ него, безпутнаго, не крушись, говорю, плюнь,—да и все тутъ!.. Я давно примѣтила, невесела ты у насъ... Полно, горюшица! авось теперь перемѣна будетъ: ушелъ теперь пріятель-то его... пу его совсѣмъ!.. Знамо, тотъ, молодякъ, во всемъ его слушался; подучалъ его, парня-то, всему недоброму... Я сама и рѣчи-то его не одпова слушала... тьфу! Пропадай онъ совсѣмъ, безпутный... Рада до смерти: ушелъ онъ отъ насъ... ну его!..

Но какъ бы тамъ ни было, былъ ли всему виною Захаръ, или другой кто, только тетушкѣ Аннѣ много разъ еще послѣ того привелось утѣшать молоденькую сноху свою. Къ счастію еще, случалось всегда такъ, что старикъ ничего не замѣчалъ. Въ противномъ случаѣ, конечно, не обошлось бы безъ шуму и крику; чего добраго, Гришкѣ довелось бы, можетъ-статься, испытать, все ли еще крѣпки были кулаки у Глѣба Савиныча; Дунѣ, въ свой чередъ, пришлось бы тогда пролить еще больше слезъ.

Но Глѣбъ, занятый съ ранняго утра до поздняго вечера своими вершами и лодками (время рабочее проходило, и надо было поторопиться зашибить лишнюю копейку), не обращалъ никакого вниманія на житье-бытье молодыхъ. Недосугъ было; къ тому же, хотя зоркій, про-

ницательный взглядъ старика въ послѣднее время притуплялся, ему все-таки легче было уловить едва замѣтное колебаніе поплавка или верши надъ водою, чѣмъ различить самое рѣзкое движеніе скорби или радости на лицѣ человѣческомъ. Старикъ глядѣлъ меньше на лицо, чѣмъ на руки. Приходилъ онъ домой въ обѣдъ или ужинъ и всякій разъ заставалъ Дуню въ хлопотахъ по хозяйству: чего жъ ему еще? Онъ оставался очень доволенъ снохою. „Нѣтъ, не обманулъ меня сосѣдъ, думалъ Глѣбъ: дочка его, точно, хлопотунья, работящая бабенка, къ тому же смирна добре... Сначатія-то, какъ словно не такъ, чтобы совсѣмъ ладно повела себя, а теперь, грѣхъ сказать, попрекнуть нечѣмъ!..“

Дуня, съ своей стороны, движимая, можетъ-статься, чувствомъ совѣстливости, которую пробуждалъ въ ней ея проступокъ, ревностно работала, стараясь этимъ способомъ загладить передъ тестемъ и тещею прежнюю вину свою. Со дня поступленія ея въ домъ, никто не слыхалъ отъ нея противнаго слова; несмотря на теперешнее трудное положеніе свое, она не только не отказывалась отъ дѣла, но даже сама добровольно хлопотала отъ зари до зари. Нѣжная, истинно материнская заботливость, которую обнаруживала тетушка Анна къ горшкамъ своимъ, встрѣтила въ Дунѣ опасную соперницу. Къ этому, не мѣшаетъ замѣтить, способствовалъ теперь отчасти самъ Гришка: день-ото-дня онъ дѣлался сговорчивѣе, переставалъ хмуриться и буянить. Наступившая зима подѣйствовала еще благодѣтельнѣе на отношенія молодыхъ. И то сказать надо: сколько ни отмалчивайся, сколько ни серчай, а пять зимнихъ мѣсяцевъ кряду—не выдержишь: хоть словечко да вымолвишь. Видно надоѣло Гришкѣ кипятиться попусту; зима въ избѣ, что тихое, семейное житье, худому не научитъ,—совѣтница добрая.

Починка сѣтей, плетеніе вершей, строганіе багровъ и веселъ, приготовленіе саковъ и поплавковъ запяли теперь исключительно Глѣба: всѣ эти предметы представили обильную пищу неугомонной дѣятельности старика. Но что ни говори, строганіе веселъ и починка сѣтей дѣло все-таки мертвое сравнительно съ ловлею живой рыбки,—живой промыселъ. Страшные морозы, сковавшіе Оку ледяною корою, пригвоздили къ лавкѣ стараго рыбака; ничто уже не мѣшало ему теперь обратить частичку вниманія на жену, на житье-бытье молодыхъ, на хозяйство.

Просиживая день-деньской въ избѣ, Глѣбъ окончательно вывелъ самое выгодное мнѣніе о снохѣ своей. Говоря объ этомъ предметѣ съ дѣдушкой Кондратіемъ, который частенько заглядывалъ на площадку — благо ходъ черезъ рѣку былъ теперь свободенъ — Глѣбъ не нахваливался. Добрыя слова сосѣда замѣтно веселили преклоннаго старичка. Впрочемъ, въ послѣднее время всѣ были какъ-то довольны и веселы. Но веселье и довольство овладѣли всѣми еще въ бо́льшей мѣрѣ, когда, къ исходу зимы, въ домѣ рыбака неожиданно появилась у печки люлька и вслѣдъ за тѣмъ послышались дѣтскіе крики. Тутъ уже сѣдыя брови Глѣба какъ словно совсѣмъ расправились, а бѣлая голова дѣдушки Кондратія заходила еще пуще прежняго изъ стороны въ сторону; но уже не отъ заботъ и печали заходила она такимъ образомъ, а съ радости. О тетушкѣ Аннѣ и самой Дунѣ говорить нечего!.. Самые любимые горшки, самыя избранныя корчаги остались на время въ забвеніи!.. Даже Гришка—и тотъ сталъ весело, самодовольно потряхивать волосами.

Вмѣстѣ съ этимъ слабымъ дѣтскимъ крикомъ, какъ словно какой-то животворный лучъ солнца глянулъ неожиданно въ темную, закоптѣлую избу стараго рыбака, освѣтилъ всѣ лица, всѣ углы, стѣны, и даже проникъ въ самую душу обывателей; казалось, ангелъ-хранитель новорожденнаго младенца осѣнилъ крыломъ своимъ домъ Глѣба, площадку, даже самыя лодки, полузанесенныя снѣгомъ, и дальнюю, подернутую туманомъ окрестность.

Давно уже прошла капель съ кровель, прошелъ ледъ по Окѣ, уже прилетѣли скворцы и жаворонки, когда Дуня вышла въ первый разъ за ворота.

Былъ чудесный, теплый день только-что начинающейся весны.

Не знаю, воздухъ ли подѣйствовалъ такъ благодатно на Дуню, или душа ея была совершенно довольна (мудренаго нѣтъ: Гришка обращался съ ней совсѣмъ почти ласково), или, наконецъ, роды поправили ее, какъ это часто случается, но она казалась на видъ еще бодрѣе, веселѣе и красивѣе, чѣмъ когда была въ дѣвкахъ. А между тѣмъ на каждомъ плечѣ ея было по коромыслу и на каждомъ коромыслѣ висѣла не малая тяжесть рубахъ и всякаго другого тряпья; не мало также предстояло ей заботъ: требовалось привести все это въ порядокъ, вымыть, развѣсить, просушить, прикинуть кой-гдѣ заплату,

кой-гдѣ попросту прихватить нитками, — работы больно довольно. Она весело спустилась, однакожъ, къ концу площадки—туда, гдѣ, за большими камнями, шумѣлъ ручей, впадающій въ Оку, и такъ же весело принялась за дѣло.

Уже часъ постукивала она валькомъ, когда услышала за спиною чьи-то приближающіеся шаги. Нимало не сомнѣваясь, что шаги эти принадлежали тетушкѣ Аннѣ, которая спѣшила, вѣроятно, сообщить о крайней необходимости дать какъ можно скорѣе груди ребенку (заботливость старушки въ дѣлѣ кормленія кого бы то ни было, составляла, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ главныхъ свойствъ ея нрава), Дуня поспѣшила положить на камень бѣлье и валекъ и подняла голову. Передъ ней стоялъ Захаръ.

XXI.

Продолженіе предыдущаго.

Захаръ далеко уже не казался теперь тѣмъ щеголемъ, какимъ видѣли мы его на комаревской ярмаркѣ и потомъ у Глѣба. Одежда на немъ была, однакожъ, все та же, по потому-то самому, можетъ-статься, и была она такъ неказиста, что цѣлыхъ пять-шесть мѣсяцевъ кряду находилась безсмѣнно на плечахъ его. Широкіе синіе шаровары изъ крашенины, засученные до половины икры, съ цѣлью предохранить ихъ отъ грязи, но вѣрнѣе, чтобы скрыть лохмотья, которыми украшались они внизу какъ бахромою, значительно побѣлѣли, мѣстами даже расползались. Жилета съ свѣтлыми пуговицами, этого знака отличія, которымъ спѣшитъ обзавестись всякій фабричный, какъ только проникается сознаніемъ личнаго превосходства своего надъ пахаремъ и лапотникомъ,—жилета, которымъ такъ справедливо гордился и дорожилъ Захаръ,—жилета не было!.. Оставались одна только ситцевая, розовая рубашка и картузъ; да и тѣ сохраняли такіе сокрушительные слѣды дождей, пыли и времени, смотрѣли такъ жалко, что наносили рѣшительное пораженіе внѣшнему достоинству сельскаго франта. Даже лицо его какъ будто износилось заодно съ картузомъ и рубашкой; оно, конечно, могло бы точно такъ же плѣнять серпуховскихъ мѣщанокъ и фабричныхъ дѣвокъ, но не отличалось уже прежней полнотой и румянцемъ. Видно было, что Захаръ съ

того времени, какъ простился съ Глѣбомъ, питался не одними калачами да сайками. За плечами его болталась, на концѣ палки, баранья шубенка такого отчаяннаго вида, какъ словно часа два сряду стрѣляли въ нее пулями. Невредимою осталась одна гармонія, да и то потому, я думаю, что матеріалы, ее составлявшіе, состояли бо́льшею частію изъ мѣди и дерева.

Со всѣмъ тѣмъ, Захаръ все-таки глядѣлъ съ прежнею наглостью и самоувѣренностью, не думалъ унывать или падать духомъ. Въ ястребиныхъ глазахъ его было даже что-то презрительно-насмѣшливое, когда случайно обращались они на прорѣхи рубашки. Казалось, жалкіе остатки „форсистой“ одежды были не на плечахъ его, а лежали скомканные на землѣ, и онъ попиралъ ихъ ногами, какъ предметы, недостойные вниманія.

Съ такимъ видомъ приблизился онъ къ хозяйкѣ пріемыша. Онъ подошелъ, однакожъ, не вдругъ: шаговъ за десять, когда Дуня не подозрѣвала о его прибытіи, Захаръ остановился, чтобы оправиться. Глаза его, между тѣмъ, любопытно слѣдили за каждымъ движеніемъ молоденькой, хорошенькой бабенки; они поочередно перебѣгали отъ полу-обнаженной груди, которую позволяло различать сбоку наклоненное положеніе женщины, къ полнымъ, бѣлымъ рукамъ, открытымъ выше локтя, и обнаженнымъ ногамъ, стоявшимъ въ ручьѣ и подрумяненнымъ брызгами холодной воды. Нельзя сказать утвердительно, какое впечатлѣніе произвелъ на Захара этотъ осмотръ; онъ казался сначала какъ будто удивленнымъ. Въ бытность свою у Глѣба онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ хозяйку Гришки: называлъ ее „сухопарой козой“, „жимолостью“ и другими именами. Надо полагать, однакожъ, что на этотъ разъ Захаръ отказывался отъ прежняго мнѣнія, и впечатлѣніе, произведенное на него молодою женщиною, относилось къ ея чести. Онъ даже подмигнулъ, съ какимъ-то особеннымъ лукавствомъ, лѣвымъ глазомъ и, сдѣлавъ выразительный знакъ бровями, пошелъ прямо къ Дунѣ, не переставая охорашиваться.

— Здравствуй, Дунюшка!.. Какъ вы, Авдотья Кондратьевна, живете-можете! сказалъ Захаръ, самодовольно ухмыляясь, между тѣмъ какъ Дуня поспѣшно застегивала запонку сорочки и обдергивала приподнятую поняву.

— Здравствуй, отвѣчала она, не обнаруживая ни радости, ни досады.

Мало-по-малу, съ внутреннимъ довольствомъ, изъ памяти ея изгладились слова тещи, которая увѣряла всегда, что Захаръ былъ главнымъ виновникомъ первыхъ ея горестей; она совсѣмъ почти забыла бывшаго товарища мужа.

— Не узнаешь, что ли?.. промолвилъ Захаръ, потряхивая головою,—сдается, не такъ, чтобы оченно давно не видались,—старый дружокъ!..

— Какъ забыть?.. помню! вымолвила она, на этотъ разъ не очень весело, — откуда?.. прибавила она, принимаясь укладывать готовое бѣлье.

— А я изъ Клишина: тамъ и переѣхалъ; все берегомъ шелъ... Да не объ этомъ рѣчь: я, примѣрно, все насчетъ... рази такъ со старымъ-то дружкомъ встрѣчаются?.. Какъ словно и не узнала меня!.. А я такъ вотъ взглянулъ только въ эвту сторону, нарочно съ дороги свернулъ... Ужъ вотъ тебя такъ мудрено признать—ей-Богу, правда!.. Вишь, какъ потолстѣла... какъ есть коломенская купчиха; расприкрасныя стали!.. Только бы и смотрѣлъ на тебя... Эхъ! произнесъ Захаръ, сдѣлавъ какой-то звукъ губами.

Дуня ничего не отвѣчала: она бросила взглядъ къ воротамъ и торопливо стала укладывать бѣлье на коромысло.

— А что, ваши всѣ дома?.. спросилъ Захаръ.

— Дома, отвѣчала Дуня, подымая коромысла и уравнивая ихъ на плечахъ.

— Плечики наѣстъ: дай подсоблю, обязательно промолвилъ Захаръ.

— Не надо: сама управлюсь.

— Что жъ такъ?

— Да такъ; сама принесла, сама и отнесу, сухо сказала Дуня, направляясь къ избамъ.

Захаръ пріостановился, поглядѣлъ ей вслѣдъ и знаменательно подмигнулъ глазомъ; во все время, какъ подымался онъ за нею по площадкѣ, губы его сохраняли насмѣшливую улыбку — улыбку самонадѣяннаго человѣка, претерпѣвшаго легкую неудачу. Ястребиные глаза его сильнѣйшимъ образомъ противорѣчили, однакожъ, выраженію губъ: они не отрывались отъ молодой женщины и съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за нею.

Вступивъ подъ ворота, Захаръ тотчасъ же оставилъ свое преслѣдованіе и прямо пошелъ къ Глѣбу и Гришкѣ, которые работали подъ навѣсомъ.

— Здорово, хозяинъ! молодцовато воскликнулъ Захаръ,

приподымая картузъ и дружелюбно кивая головою Гришкѣ, который поспѣшилъ отвѣтить товарищу тѣмъ же знакомъ.

— Здорово, братъ! проговорилъ Глѣбъ съ разстановкою,—отколѣ Богъ несетъ?

— А я теперича изъ Клишина; тамъ и переѣхалъ...

— А, примѣрно, гдѣ жилъ, спрашиваю? Переѣхать вездѣ можно, сказалъ старикъ, пристально оглядывая гостя.

— Жилъ больше по фабрикамъ... больше въ Серпуховѣ... тамъ есть у меня пріятель-фабрикантъ... у него больше пробавлялся, отвѣчалъ, безъ запинки, Захаръ.

— Такъ что жъ ты такой общипанный? Стало-быть, пріятель-то худо расчелся?

— Нѣтъ, расчелся какъ слѣдуетъ!.. Въ себѣ перемѣны не вижу, все какъ быть должо́нъ! рѣшительно возразилъ Захаръ.

— Я говорю, какъ у насъ жилъ, локти, примѣрно, цѣлы были. Вотъ что́ я говорю.

— Мы носимъ по времени. Нарочно не взялъ хорошей одежды: оставилъ въ „Горахъ“, у пріятеля... Хорошо и въ эвтой теперича: вишь, грязь, слякоть какая, самому давай Богъ притащиться, не токмо съ пожитками.

— Что жъ, наниматься пришелъ?

— Пожалуй... потому больше, время теперича слободное... такимъ манеромъ, коли надобность есть, можемъ опять послужить.

— Нужды чтобы оченно большой нѣту... а все одно, взять можно, проговорилъ старикъ, стараясь показать совершеннѣйшее равнодушіе и не замѣчая, какъ Гришка подавалъ знаки, пояснявшіе Захару, что онъ пришелъ въ самонужную нору.

Глѣбъ, дѣйствительно, нуждался въ работникѣ; еще за двѣ недѣли передъ этимъ навѣдывался онъ въ Комарево и просилъ прислать ему батрака, если такой найдется, просилъ прислать въ наискорѣйшемъ времени. Появленіе Захара избавляло Глѣба отъ лишнихъ хлопотъ.

— Онъ хоша проклажаться и любитъ, да, по крайности, человѣкъ знакомый; знаю я его обычай, знаю, какъ съ нимъ и поуправиться. Другого наймешь, каковъ еще будетъ!

Разсуждая такимъ образомъ, старикъ не терялъ изъ виду прорѣхъ, которыми покрыта была одежда Захара. Эти прорѣхи служили основою многимъ соображеніямъ

въ головѣ хитраго старика. Сомнѣваясь въ существованіи горскихъ и серпуховскихъ пріятелей, а также и въ одеждѣ, ввѣренной будто бы ихъ попеченію, Глѣбъ смекнулъ въ одно мгновеніе ока, что въ дѣлахъ Захара стали, какъ говорится, „тѣсные постояльцы“, и что, слѣдственно, ему будетъ теперь не до торговъ—что̀ дашь, то и возьметъ. Догадки старика были вѣрны во всѣхъ отношеніяхъ. Захару приходилось хоть въ петлю лѣзть; несмотря на знаки Гришки, которые поясняли ему, что работникъ нуженъ, онъ рѣшился не запрашивать большой цѣны, опасаясь, чтобы старикъ, чего добраго, не отказалъ взять его.

— Ну, что жъ? коли наниматься пришелъ, можно... Пойдемъ въ избу: тамъ переговоримъ; къ тому, и обѣдать время, сказалъ Глѣбъ, покрякивая и приподымаясь на ноги.

Результатомъ переговора было то, что Захаръ нанялся до осени, помѣсячно, у прежняго своего хозяина, Глѣба Савинова.

— Вотъ нелегкая принесла, прости Господи! сказала тетушка Анна, оставшись съ глазу на глазъ съ Дуней послѣ обѣда,—тьфу! провались онъ совсѣмъ!.. Вотъ, Дунюшка, погляди, коли опять не завертитъ Гришку. И въ ту-то пору убивалась ты все черезъ него, безпутнаго; я сама не однова и рѣчи-то его непутныя слушала... Тотъ, вѣстимо, и радъ тому: парень, знамо, еще глупый; во всемъ его, касатушка, слушаетъ... Ужъ такъ супротивенъ мнѣ этотъ охаверникъ Захаръ, такъ супротивенъ... не глядѣли бы глаза мои!.. Помяни мое слово, коли опять не свертитъ, окаянный, парня-то... словно приворожилъ его къ себѣ... Чай, смотри ужъ теперь гдѣ ни-па-есть шушукаются: знамо, тотъ, глупый, и радъ эвтому!

— И то, матушка, радъ, печально вымолвила Дуня,— во весь обѣдъ только и дѣло, что переглядывались...

— О-охъ! то-то, вотъ, болѣзная, не надыть бы его въ домъ пущать! перебила старушка, нетерпѣливо качая головою,—да что ты съ нимъ, съ нашимъ старикомъ, дѣлать-то станешь!.. Поди-ка скажи ему, сунься-ка—съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и уйдешь; ничегохонько-то онъ въ толкъ не возьметъ... Такой ужъ, видно, человѣкъ на свѣтѣ уродился! Скажи ему, хуже еще упрется; ину пору самъ видитъ: дѣло ты говоришь, а перемѣны все пѣть никакой: что сказалъ напередъ: худо ли, хорошо ли, на томъ и

поставитъ,—по его чтобъ было!.. И съ чего это польстился такъ на Захара на этого? Самъ вѣдь, касатка, на него жалился: и такой, молъ, и сякой, говорилъ... а теперь опять взялъ... То-то вотъ, родная, корысть-то добре обуяла его; къ старости не надыть бы этому; а онъ пуще еще сталъ любить деньгу. Вотъ хошь бы намедни, говорю это ему: горшки, молъ, говорю, перебиты; купить, говорю, надо... сама говорю такъ-то, а у самой такъ вотъ по сердцу-то и подкатилось, словно и не вѣсть о какой бѣдѣ толкую ему: до того довелъ, касатка! какъ закричитъ на меня, насилу ноги уплела,—гроша мѣднаго не далъ... Вотъ вѣдь скупость-то какая!.. Больше, думаю, и польстился на Захара, нанялъ его—мало денегъ запросилъ... Того, можетъ-статься, не вѣдаетъ: этакого охаверника безпутнаго и даромъ-то никто не возьметъ... чай, такъ, безъ мѣста гдѣ-нибудь шатался, провалиться бы ему стамши! Не видишь его, помянешь только,—и тутъ нагрѣшишь! заключила съ сердцемъ старушка.

Догадки тетушки Анны не замедлили оправдаться. Прошло всего нѣсколько дней послѣ прихода Захара, а Дуня успѣла уже замѣтить въ своемъ мужѣ значительную перемѣну. Спустя мѣсяцъ какой-нибудь, Гришка окончательно не тѣмъ сталъ, чѣмъ былъ до появленія товарища. Онъ не то, чтобы возобновилъ прежнее упорное молчаніе или снова сдѣлался мраченъ въ обращеніи съ женою,—совсѣмъ напротивъ: на этотъ разъ Гришка представлялъ изъ себя какого-то отчаяннаго лихача, безшабашнаго гуляку. Онъ не переставалъ хвастать передъ женою; говорилъ, что плевать теперь хочетъ на старика, въ грошъ его не ставитъ и не боится настолько,—при этомъ онъ показывалъ кончикъ прута или соломки и отплевывалъ обыкновенно точь-въ-точь, какъ дѣлалъ Захаръ; говорилъ, что самъ сталъ себѣ хозяинъ, самъ обзавелся семьею, самъ надъ собой властенъ, никого не уважитъ—и покажи ему только видъ какой, только его и знали: возьметъ жену, ребенка, станетъ жить своей волей; о мѣстахъ заботиться нечего: мѣстовъ не оберешься,—и не здѣшнимъ чета! Захаръ и то говорилъ, что такую ловкую бабенку, какъ Дуня, съ радостью примутъ на любой фабрикѣ, что самъ Захаръ похлопочетъ объ этомъ; что-жъ касается до Гришки, и толковать нечего! только свистни они съ Захаромъ, всѣ фабрики настежь, выбирай изъ любка-любую! То-то будетъ житье! Эхъ-ма, загуляемъ! держись только!

Когда Дуня останавливала его, онъ начиналъ браниться, заставлялъ ее молчать или, что еще хуже, начиналъ трунить надъ нею въ присутствіи Захара, называлъ ее просто дурой, часто даже самъ вызывалъ Захара посмѣяться надъ нею.

Дружба пріемыша съ работникомъ упрочивалась каждый день. Захаръ, повидимому, сложилъ передъ Гришкой величавое свое достоинство: онъ обращался съ нимъ какъ съ ровней. Они были неразлучны. Дуня поминутно заставала ихъ сидящихъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ двора или въ лодкѣ. Захаръ пѣлъ пѣсни, наигрывая на гармоніи, или разговаривалъ. Гришка слушалъ его и украдкою покуривалъ трубку. Посреди этихъ дружескихъ разговоровъ, не разъ приводилось ей слышать собственное свое имя, произносимое съ похвалою. Дружескія чувства Захара были такъ сильны, что невольно обращались на жену пріятеля. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ трудахъ ея. Требовалось ли нести бѣлье на ручей и отдать кому-нибудь на руки ребенка, Захаръ являлся тотчасъ же къ услугамъ; онъ не спускалъ съ нея ястребиныхъ глазъ, старался всячески угодить ей и слѣдовалъ за ней повсюду. Скромность Захара заставляла его устроивать всегда такимъ образомъ, чтобы всѣ эти ухаживанія и угожденія оставались тайною для домашнихъ и были извѣстны одной только молодицѣ. Казалось, онъ вовсе не замѣчалъ, какъ сухо, какъ досадливо принимаемы были всегда молодой женщиной его услуги; она рѣдко даже отвѣчала ему, чаще всего отворачивалась и отходила прочь. Любезность Захара только возрастала. Стоило Дунѣ показаться одной на дворѣ или у огорода, она непремѣнно встрѣчала работника. Онъ дѣлалъ всегда видъ, какъ будто встрѣча произошла случайно; а между тѣмъ, откуда ни возьмись, въ рукахъ его появлялась неожиданно гармонія. Онъ прислонялся плечомъ къ воротамъ или плетню и, умильно поглядывая на Дуню, тотчасъ же запѣвалъ, вполголоса, какую-нибудь пѣсню, слегка подыгрывая на гармоніи. При малѣйшемъ движеніи молодки, онъ обращалъ глаза въ другую сторону, замолкалъ и ограничивался тѣмъ лишь, что сохранялъ прежнюю молодецкую осанку.

Но мало-по-малу, вмѣстѣ съ любезностію, въ немъ стала появляться особенная какая-то смѣлость. Разъ даже началъ онъ заигрывать съ Дуней. Кромѣ молоденькой бабы и работника, на дворѣ никого не было. Окинувъ быстрымъ

взглядомъ навѣсы и крылечко, Захаръ ловко подкрался къ Дунѣ и нѣжно прошепталъ:

— Эки вы сахарныя, Авдотья Кондратьевна!

— Отстань! сказала она, вся вспыхнувъ отъ негодованія, и такъ сильно ударила его кулакомъ, что онъ отскочилъ въ сторону.

— Что же это вы какъ спесивитесь?.. полно, Дунюшка!.. промолвилъ Захаръ, снова приближаясь.

— Подступись только, низкій ты этакой! вскричала она, сжимая кулаки и становясь въ оборонительное положеніе.

— Ш-т! что ты кричишь-то... словно рѣжутъ тебя... произнесъ онъ, оглядываясь вокругъ.

— Нѣтъ, буду кричать—нарочно буду кричать...

— Полно тебѣ... ш-т!.. Авдотья Кондратьевна... перестань...

— Чего ты грозишь-то? чего стращаешь? думаешь, испугалась, подхватила она, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.—Нарочно буду кричать: пускай всѣ придутъ,—пускай всѣ узнаютъ, какой ты есть человѣкъ... Все разскажу про тебя, всѣ дѣла твои... Ахъ ты, низкій! да я и смотрѣть-то на тебя не хочу! Низкій этакой! кричала Дуня вслѣдъ Захару, который улепетывалъ со всѣхъ ногъ въ заднія ворота.

„А! такъ-то ты, голубушка!“ подумалъ Захаръ, приставляя глаза къ щелямъ плетня и пугливо оглядывая дворъ. „Ахъ ты, шушера! погоди-жъ, коли такъ: я тебѣ дамъ знать; будешь помнить Захарку!“

Къ счастію Захара, на голосъ Дуни никто не явился: всѣ домашніе находились на дальнемъ концѣ площадки,— и похожденіе его прошло никѣмъ не замѣченнымъ.

Съ того же дня Захаръ перемѣнилъ свое обращеніе съ Дуней. Онъ понялъ, что тутъ не то, что съ фабричными дѣвками: смѣлостью и удалью ничего не возьмешь—надо вести дѣло исподволь. Основываясь на этомъ, онъ совершенно оставилъ на первое время свои преслѣдованія и принялъ видъ человѣка, котораго обругали или оскорбили самымъ незаслуженнымъ образомъ.

— За что тогда осерчала на меня! сказалъ онъ при случаѣ Дунѣ.—Маленечко такъ... посмѣялся... пошутилъ... а тебѣ и не вѣсть что, примѣрно, показалось! Эхъ, Авдотья Кондратьевна! ошиблась ты во мнѣ! не тотъ, примѣрно, Захаръ человѣкъ есть: добрая душа моя! Я не токмо тебя жалѣю: живучи въ одномъ домѣ, все узнаешь;—мужа тво-

его добру учу,—черезъ эвто больше учу, выходитъ, тебя жалѣю... Кабы не я, не слова мои, не тѣ бы были черезъ него твои слезы! заключилъ Захаръ съ неподражаемымъ прямодушіемъ.

Въ его голосѣ былъ даже слышенъ упрекъ оскорбленной добродѣтели, которая приняла твердую рѣшимость отплачивать добромъ за причиненное зло.

И въ самомъ дѣлѣ, движимый, вѣроятно, этой мыслію, сталъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ еще усерднѣе наставлять своего товарища. Дѣйствія Захара оставались совершенно закрытыми для домашнихъ. Но распутные поступки все равно, что злыя сѣмена: какъ глубоко ни запрятывай ихъ въ землю, рано или поздно, окажутся они на поверхности. Первый плодъ Захарова посѣва былъ небольшой зеленый штофъ, именуемый въ простонародьи „косушкой", который случайно увидѣла Дуня въ рукахъ своего мужа. За этимъ штофомъ не замедлили послѣдовать многіе штофы. Наставленія Захара попали, видно, въ плодоносную почву. Нерѣдко, въ ночное время, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ въ домѣ стараго рыбака, Гришка украдкою выбирался изъ клѣти, исчезалъ въ заднихъ воротахъ. Опасаясь навлечь на себя гнѣвъ мужа, Дуня дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ. Этой мѣрой она думала сохранить къ себѣ доброе расположеніе мужа. Говорить ему или усовѣщевать его—не поможетъ; пускай же по крайней мѣрѣ думаетъ онъ, что жена или ничего не видитъ, или заодно съ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ, какъ только исчезалъ Гришка, она поспѣшно приподымалась съ постели и отправлялась по слѣдамъ его; она ясно различала тогда, при трепетномъ мерцаніи звѣздъ, какъ Гришку встрѣчалъ кто-то на дальнемъ концѣ площадки, и какъ потомъ оба они садились въ челнокъ и переплывали Оку. Куда и зачѣмъ отправлялись Захаръ и Гришка—Дуня не знала. Часто, полная безпокойства и трепетныхъ ожиданій, просиживала она цѣлую ночь на завалинкѣ, отрываясь только, чтобы покормить ребенка. Результатъ тайныхъ переправъ черезъ Оку былъ всегда тотъ, что Гришка возвращался шибко навеселѣ. Разъ даже пришелъ онъ до того хмеленъ, что началъ шумѣть и разбудилъ тетушку Анну, спавшую, съ молодыми, въ смежной клѣтушкѣ.

— Что ты, безпутный, дѣлаешь-то, а? что ты дѣлаешь? съ негодованіемъ заговорила старушка, прикладывая попеременно то ухо, то губы къ плетню, отдѣлявшему ее

отъ Гришки; — ахъ ты, потерянный ты этакой!.. такъ-то ты!.. погоди, погоди, дай старику-то встать: онъ те дастъ пьянствовать, безпутный ты этакой!..

При этомъ Гришка, грозившій въ самую эту минуту выбросить старика изъ саней, притихъ, какъ будто мгновенно опустили его на самое дно Оки. Уложивъ мужа, Дуня тотчасъ же пошла къ тещѣ и упросила ее ничего не говорить Глѣбу; тетушка Анна долго не соглашалась: ей всего больше хотѣлось вывести на свѣжую воду этого плута-мошенника Захара, — но подъ конецъ умилостивилась и дала обѣщаніе молчать до поры, до времени. Все это ни къ чему, однакожъ, не послужило. Хотя Глѣбъ дѣйствительно ничего не видалъ, не слыхалъ и даже не подозрѣвалъ, но онъ все узналъ на другое же утро. Случай помогъ ему въ этомъ.

Глѣбу встрѣтилась надобность побывать чѣмъ-свѣтъ въ Комаревѣ; онъ узналъ наканунѣ, что одному изъ комаревскихъ фабрикантовъ требовалась для крестьянъ свѣжая рыбка: рыбка такая была у него, и онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ по принадлежности. Почти у самаго входа въ Комарево, недалеко отъ кабака Герасима, столкнулся онъ съ братомъ фабриканта, къ которому шелъ.

— А я вотъ, Глѣбъ Савинычъ, только что искалъ паренечка къ тебѣ послать, сказалъ, здороваясь, фабрикантъ.

— Рыбка, что ли, нужна? спросилъ старикъ, какъ бы съ трудомъ догадываясь о предметѣ посылки.

— Есть, что ли?

— Найдется... можно...

— Ну, такъ принеси; мотри, скорѣй только; я и то было встрѣтилъ вечоръ твоихъ молодцовъ: хотѣлъ наказать имъ...

— Какихъ молодцовъ? перебилъ Глѣбъ.

— Какихъ! Извѣстно какихъ: твоего работника да еще другого... Григорья, что ли?

— Гдѣ жъ ты ихъ встрѣлъ?

— Гдѣ! Извѣстно гдѣ: у насъ, въ Комаревѣ.

— Я не зналъ, что они сюда ходятъ, проговорилъ удивленный старикъ.

— Гдѣ жъ тебѣ знать: бываютъ не днемъ — ночью; у васъ, я чай, всѣ давно спятъ.

— За какою же надобностью сюда приходили?

— Экой ты, братецъ ты мой, чудной какой! народъ молодой: погулять хочетъ... Потому больше вечоръ и не

паказывалъ имъ объ рыбкѣ: оба больно хмельны были; ну, да теперь самъ знаешь. Неси же скорѣй, смотри, рыбу-то!..

— Ладно, сейчасъ будетъ! проговорилъ Глѣбъ, нахмуривая брови и почесывая затылокъ.

Старый рыбакъ показалъ видъ, что идетъ домой, но какъ только фабрикантъ исчезъ въ воротахъ, онъ поспѣшно вернулся назадъ и вошелъ въ кабакъ.

— А что, примѣрно, Герасимъ, спросилъ Глѣбъ, обращая глаза на безжизненное, отекшее лицо цѣловальника,— были у тебя вечоръ... мои робята?..

— Ня знаю!.. никакихъ я твоихъ робятъ ня знаю... проговорилъ Герасимъ, едва поворачивая голову къ собесѣднику и медленно похлопывая красными вѣками.

— Какъ не знаешь? нетерпѣливо вымолвилъ старикъ.— Ты долженъ знать... потому это, примѣрно, твое выходитъ дѣло знать, кто у тебя бываетъ... не тысяча человѣкъ сидитъ у тебя по ночамъ... долженъ знать!..

— Не мое дѣло! невозмутимо проговорилъ цѣловальникъ, шлепая котами и направляясь за сосѣднюю перегородку.

Глѣбъ, у котораго раскипѣлось уже сердце, хотѣлъ было послѣдовать за нимъ, но въ самую эту минуту глаза его встрѣтились съ глазами племянника смѣдовскаго мельника—того самаго, что приставалъ къ нему на комаревской ярмаркѣ. Это обстоятельство нимало не остановило бы старика, если бъ не замѣтилъ онъ, что племянникъ мельника мигалъ ему изо всей мочи, указывая на выходную дверь кабака. Глѣбъ кивнулъ головою и тотчасъ же вышелъ на улицу. Черезъ минуту явился за нимъ мельниковъ племянникъ.

— Чего тебѣ? спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, погоди: здѣсь не годится; завернемъ за уголъ, Глѣбъ Савинычъ, неравно Герасимъ увидитъ...

— А что тебѣ до него?

— Нѣтъ, не годится; осерчаетъ...

— Тьфу, чтобъ васъ всѣхъ! съ сердцемъ произнесъ Глѣбъ, поворачивая, однакожъ, за уголъ.

— Ты спрашивалъ, Глѣбъ Савинычъ, про работника да еще про своего... какъ бишь его!..

— Ну!

— Ну, точно, были это они вечоръ здѣсь, самъ видѣлъ, своими глазами; ужъ такъ-то гуляли... и-и! То-то, вотъ,

говорилъ тебѣ тогда: самый что ни есть пропащій этотъ твой Захарка! право же, ну; отсохни мои руки, коли годится тебѣ такой человѣкъ; не по тебѣ совсѣмъ...

— Объ этомъ сумлѣваться мое дѣло; тебя не спрашиваютъ; а, примѣрно, знать хочу, чѣмъ они расплачивались за вино... али, можетъ, въ долгъ брали?..

— Расплачивались чѣмъ?.. Захаръ понялъ; онъ расплачивался,—деньгами расплачивался... а то чѣмъ же?..

— А не видалъ—рыбы, примѣрно, съ ними не было? не расплачивались они рыбой?.. перебилъ старикъ, пристально взглядывая въ лицо собесѣдника.

— Нѣтъ, рыбы не видалъ: платили деньгами; да все вѣдь одно... Ну, право же слово, не годится онъ тебѣ, не тотъ человѣкъ... я говорилъ тогда... Право, не годится; онъ и парня-то твоего споитъ! усердствовалъ племянникъ мельника.

Но рыбаку только и надо было знать. Онъ повернулся спиною къ парню и безъ дальнихъ объясненій вышелъ изъ Комарева.

Принимая въ соображеніе неудовольствіе, съ какимъ выслушивалъ Глѣбъ разсказъ фабриканта, можно было думать, что чувство досады превратится въ ярость, когда онъ окончательно удостовѣрится въ истинѣ всего слышаннаго. Вышло совсѣмъ другое: извѣстіе, что платилъ Захаръ, и притомъ платилъ деньгами, мгновенно угомонило гнѣвъ старика. Первою мыслью его, какъ только провѣдалъ онъ о ночной прогулкѣ парней, было то, что Захаръ и Гришка утаиваютъ отъ него пойманную рыбу, ловятъ ее втихомолку, по ночамъ, безъ его вѣдома, и даютъ ее въ обмѣнъ за вино. Надо отнести къ чести рыбака: его въ этомъ случаѣ не столько возмущала пропажа рыбы (хотя и это отчасти щемило его за сердце), сколько самый поступокъ. Роднаго сына, самого Ваню, не помиловалъ бы онъ,—ни за что не помиловалъ бы за воровство. Глѣбъ пришелъ все-таки къ тому заключенію, что надо дать напрягай Гришкѣ и Захару. Онъ, конечно, не ограничился бы этимъ, если бъ зналъ, въ какой мѣрѣ повторялись ночныя гулянки и попойки; но старикъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ничего не подозрѣвалъ. Онъ думалъ, что это была первая продѣлка пріемыша въ такомъ родѣ, первое его ослушаніе, и потому рѣшился только постращать его хорошенько, чтобъ напередъ страхъ имѣлъ. А то, пожалуй, не сократить парня — дойдетъ и до того дѣло, взаправду станутъ красть рыбу.

Такому снисходительному рѣшенію не мало также способствовало хорошее расположеніе старика, который радовался втихомолку случаю выгодно сбыть пойманную вчера рыбку. Рыбка, въ послѣднее время, дѣйствительно плохо что-то ловилась и приносила рѣдкіе барыши: пельзя же было не порадоваться!

Когда челнокъ Глѣба приставъ къ берегу, Захаръ и Гришка занимались на площадкѣ развѣшиваніемъ бредня.

Оставивъ весло и шапку въ челнокѣ, старикъ прямо пошелъ къ пріемышу.

— Гдѣ ты былъ нонче ночью, а? спросилъ онъ, останавливаясь передъ парнемъ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, Гришка остолбенѣлъ, какъ будто его стукнули по головѣ; онъ опѣшилъ совершенно.

Захаръ, между тѣмъ, поспѣшно отошелъ нѣсколько шаговъ, пригнулся къ бредню и такъ усердно принялся за работу, что можно было думать, что онъ пичего не слышитъ и не видитъ.

— Тебя спрашиваютъ, говори, гдѣ былъ? нетерпѣливо повторилъ старикъ.

— Я... батюшка... гдѣ?.. Я не знаю, про что ты говоришь, пробормоталъ Гришка, пятясь назадъ и украдкою косясь на Захара.

Но Захару было не до Гришки: работа, казалось, поглощала его совершенно.

— Ты со мной толкомъ говори! сказалъ Глѣбъ, возвышая голосъ.—Что ты мнѣ турусы путаешь... говори,—ну!..

— Гдѣ жъ мнѣ быть, коли не дома?.. оправляясь произнесъ парень.

— Ой-ли!.. а кто жъ въ кабакѣ-то былъ, а?..

— Провалиться мнѣ на этомъ... началъ было Гришка, но старикъ не далъ ему договорить.

— Ну, ладно, промолвилъ онъ, нахмуривая брови и поворачиваясь къ работнику.—Захаръ, поди сюда и ты...

Захаръ быстро выпрямился, весело тряхнулъ волосами и приблизился, сохраняя на лицѣ своемъ выраженіе школьника, котораго учитель вызываетъ на середину класса, съ тѣмъ, чтобы поставить въ примѣръ товарищамъ.

— Ну, слушай!.. слушай и ты!.. произнесъ старикъ, обращая суровые взгляды поочередно то на одного, то на другого.—У меня, чтобъ это было въ послѣдній,—слышь, въ послѣдній, говорю! Узнаю, раздѣлаюсь съ вами по-

свойски: тебя проучу... ты у меня на эвтомъ мѣстѣ трое сутокъ проваляешься, я те найду укромное мѣсто... Тебя, Захаръ, одного-единаго часу держать не стану, со двора сгоню! Коли пьянствовать хочешь, ступай къ своимъ пріятелямъ въ Серпуховъ, либо въ другое мѣсто: тамъ и распутничай!.. А то пришелъ въ чужой домъ, къ чужимъ людямъ, да другихъ еще сманивать вздумалъ!.. Зависть беретъ, видно, на хорошее житье; самъ распутствуешь, довелъ себя до того — одни лохмотья на спинѣ только и есть... и другихъ къ тому же подвести хочешь!.. Губи себя самъ, коли пришла такая охота, жизнь тебѣ не дорога; дображничаешь до сумы; дойдешь, можетъ-статься, и до того, — кандалы набьютъ, дарового хлѣба отвѣдаешь, узнаешь, примѣрно, въ какихъ мѣстахъ остроги стоятъ!.. За худымъ пошелъ—худое и найдешь... Другихъ только не тронь; самъ съ собою управляйся, какъ знаешь; пожалуй, вовсе не наблюдай себя,—а къ чужимъ людямъ пришелъ, живи какъ велятъ — вотъ что! А ты, Гришка, въ послѣдній говорю: выкинь дурь изъ головы; увижу что, оборони тебя Богъ; тогда на себя одного пеняй: самъ, значитъ, захотѣлъ—говорено было!.. Ну, пошелъ въ избу, спроси у старухи ведро да сюда неси! неожиданно заключилъ Глѣбъ, поворачиваясь лицомъ къ Окѣ.

Онъ направился къ ручью. Почти противъ того мѣста, гдѣ ручей впадалъ въ рѣку, изъ воды выглядывала верхушка огромной плетеной корзины, куда Глѣбъ пряталъ живую рыбу. Пока выбиралъ онъ изъ этого самодѣльнаго садка рыбу, пріемышъ успѣлъ вернуться съ ведромъ.

Нѣсколько минутъ спустя, оба отчалили отъ берега.

Во все это время Захаръ не переставалъ возиться съ бреднемъ; усердіе его было безпримѣрно: онъ не поднялъ даже головы надъ работой!

Какимъ образомъ, стоя спиною къ Окѣ, могъ увидѣть Захаръ, что Глѣбъ переѣхалъ рѣку и какъ затѣмъ исчезъ въ кустахъ—неизвѣстно; но только онъ мгновенно тряхнулъ головою, плюнулъ сажени на три и развалился на пескѣ. Глаза его слѣдили съ какимъ-то нетерпѣливымъ лукавствомъ за Гришкой, который возвращался назадъ.

Увидѣвъ нахмуренное лицо пріемыша, Захаръ залился тоненькимъ, дребезжащимъ смѣхомъ.

Гришка отвернулся и съ досадою бросилъ весло. Послѣ того онъ сѣлъ на земь, уткнулъ локти въ колѣни и положилъ голову въ ладони.

Выходка эта окончательно, повидимому, распотѣшила Захара: онъ залился еще звончѣе прежняго.

— Ну, что глотку-то дерешь? съ сердцемъ сказалъ пріемышъ,— тебѣ все смѣшки да смѣшки...

— А то какъ же! по-бабьи зарюмить, стало-быть? насмѣшливо перебилъ Захаръ. — Ай да Глѣбъ Савинычъ! уважилъ, нечего сказать!.. Ну, что жъ ты, братецъ ты мой, поплачь хошь однимъ глазкомъ... то-то поглядѣлъ бы на тебя!.. Э-хъ!.. дѣтина, дѣтина, не стоишь ты алтына! промолвилъ Захаръ.

И лицо его сдѣлалось вдругъ недовольнымъ.

— Гдѣ тебѣ жить въ людяхъ по своей волѣ, продолжалъ онъ, тономъ презрѣнія, — только что вотъ куражишься! „я, да я!“, а покажи кулакъ: „батюшка, взмилуйся!“ оторопѣлъ, тотчасъ и на попятный...

— Видали мы и тебя... самъ больно хороберъ... что жъ ты молчалъ-то! проворчалъ Гришка.

— Не о себѣ говорю, дружище! произнесъ, поддразнивая, Захаръ,—мое дѣло сторона; нонче здѣсь, завтра нѣтъ меня! не съ чего шуму заводить: взялъ пачпортъ, да и былъ таковъ; сами по себѣ живемъ; такимъ манеромъ, Глѣбъ ли, другой ли хозяинъ, командовать нами не можетъ никто; кричи онъ, надсажайся: для насъ это все единственно; черезъ это насъ не убудетъ! Тебѣ съ нимъ жить: оттого, примѣрно, и говорю; поддавайся ему, онъ те не такъ еще скрутитъ!..

Гришка ничего не отвѣчалъ и только отвернулся.

Захаръ также отвернулся, подперся локтемъ и принялся безпечно посвистывать. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ Захаръ снова обратился къ пріемышу; на лицѣ его не было уже замѣтно признака насмѣшки или презрѣнія.

— Гришка, сказалъ онъ тономъ дружбы и товарищества, — полно тебѣ... Ну, что ты, въ самомъ дѣлѣ? Слушай: вѣдь дѣло-то, братецъ ты мой, выходить неладно; надо полагать, кто-нибудь изъ домашнихъ сфискалилъ. Самъ старикъ, какъ есть, ничего не зналъ!

— Старуха сказала; она и то намедни грозилась, отвѣчалъ Гришка, откидывая назадъ волосы.

— Ну, нѣтъ, братъ, сдается не такъ. У нея коли надобность есть какая, подступить не смѣетъ, три дня округъ мужа-то ходитъ.

— Кто-жъ, по-твоему?.. жена? та не посмѣетъ.

— Что говорить! тебя спросится!

— Небось, не скажетъ: побоится.

— Какъ не бояться!

— Знамо, боится! хвастливо произнесъ Гришка.

— Много, братъ, форсу берешь—вотъ что! глядѣлъ бы лучше.

— А что?

— Да то же... Кабы глядѣлъ, не стала бы она фискалить.

— Ты рази видѣлъ? вымолвилъ пріемышъ, оживляясь до послѣдняго суставчика.

— Не видалъ бы, не сталъ бы говорить; стало-быть, видѣлъ.

— Ну! вымолвилъ Гришка, у котораго при этомъ опустились брови и задрожали ноздри.

— Выходитъ, была, что ли, надобность со старикомъ шушукаться.

— Когда? спросилъ Гришка, бросая злобный взглядъ по направленію къ воротамъ.

— Нынче утромъ, передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ старику идти въ Комарево.

Гришка сжалъ кулаки и сдѣлалъ движеніе, чтобы приподняться на ноги; но Захаръ поспѣшилъ удержать его.

— Ну, что ты, полоумный! драться, что ли, захотѣлъ! Я рази къ тому говорю... Ничего не возьмешь, хуже будетъ... Полно тебѣ, сказалъ Захаръ,—я, примѣрно, говорю, надо не вдругъ, исподволь... Переговори, сначатія постращай, такимъ манеромъ, а не то, чтобы кулаками. Баба смирная: ей и того довольно—будетъ страхъ имѣть!.. она пошла на это не по злобѣ: такъ, можетъ-статься, тебя вечоръ запужалась...

— Все одно! я жъ ее проучу! перебилъ Гришка, не отрывая отъ воротъ грозно сверкающихъ глазъ.

— А проучишь, такъ самого проучатъ: руки-то окоротятъ!.. Ты въ ней не властенъ; сунься только, старикъ-атъ самого оттреплетъ!.. Намъ въ этомъ заказу не было: я какъ женатъ былъ, начала это такъ же отцу фискалить: задалъ ей трезвону—и все тутъ... Тебѣ этого нельзя: подцался разъ, дѣлать нечего, сократись, такимъ манеромъ... Погоди! постой... куда? заключилъ Захаръ, видя, что Гришка подымался на ноги.

На этотъ разъ, однакожъ, Захаръ, движимый, вѣроятно, какими-нибудь особенными соображеніями, не удержалъ

Гришку. Онъ ограничился тѣмъ лишь, что слѣдилъ за товарищемъ глазами во все время, какъ тотъ подымался по площадкѣ. Какъ только Гришка скрылся въ воротахъ, Захаръ проворно вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ къ избамъ, но не вошелъ на дворъ, а притаился за воротами.

Ступивъ на дворъ, Гришка натолкнулся прямехонько на жену.

— Ты это зачѣмъ отцу разсказывала, а? крикнулъ онъ, останавливаясь передъ ней.

— Что ты... Христосъ съ тобою... проговорила Дуня, блѣднѣя.

— Зачѣмъ разсказала отцу? говори! подхватилъ онъ, яростно замахиваясь кулакомъ.

— Матушка! невольно вырвалось изъ груди Дуни.

— А... такъ-то... кричать! прошепталъ онъ, стискивая зубы, и бросился на нее.

Но въ эту самую минуту на крылечкѣ показалась Анна, а изъ воротъ выскочилъ Захаръ. Послѣдній, казалось, только этого и ждалъ. Оба кинулись на Гришку, который окончательно уже освирѣпѣлъ и, не взирая на двухъ заступниковъ, продолжалъ тормошить жену.

— Батюшки свѣты! б-а-тюшки! держите его... окаяннаго! Ахъ, мои касатики! бабу-то отымите! завопила старушка, протискиваясь между мужемъ и женою.

— Оставь, пусти, хозяюшка! неравно еще зашибетъ. Вишь, полоумный какой! заботливо сказалъ Захаръ, отслоняя одною рукою старуху, другою — отталкивая Гришку.

— Ты что? крикнулъ пріемышъ,—не твое дѣло!

— Нѣтъ, врешь! погоди, братъ... драться не велятъ! подхватилъ, съ необычайною горячностію, Захаръ, который нарочно между тѣмъ раззадорилъ Гришку, нарочно затѣялъ все это дѣло, чтобы доставить себѣ случай явиться заступникомъ Дуни. — Погоди, милый дружокъ! продолжалъ онъ, обхватывая пріемыша, который снова было бросился къ женѣ, — ахъ ты, сумасбродный! развѣ я не говорилъ тебѣ?.. Авдотья Кондратьевна... отходи... Не бойся, Захаръ не пуститъ! Нѣтъ, врешь, братъ, не вывернешься... справимся! ступай-ка, ступай! заключилъ Захаръ, подхватывая Гришку и увлекая его, съ необыкновенною ловкостію, на площадку.

— Глупый! что ты дѣлаешь-то, а? я рази не говорилъ тебѣ? примирительно подхватилъ Захаръ, все еще не выпуская Гришку, хотя они были уже довольно далеко отъ

дому. —Полно ершиться-то, бѣшеный! хошь бы отозвалъ ее куда, а то при старухѣ!..

— Подвернется... одна будетъ... не уйдетъ отъ меня!.. я ей дамъ знать... задыхаясь проговорилъ пріемышъ.

— Ну, тогда-то и дѣло будетъ, а не теперь же! старуха все разскажетъ... Экой ты, право, какой, братецъ ты мой! Говоришь: не замай, оставь; нѣтъ, надо было... Эхъ, шутъ ты этакой, и тутъ не сумѣлъ сдѣлать!.. промолвилъ Захаръ голосомъ, который легко могъ бы поддѣть и не такого „мимолетнаго“, взбалмошнаго парня, какимъ былъ Гришка.

Но хитро-сплетенная штука Захара, несмотря даже на совершенно удачное выполненіе,—такое выполненіе, которое могло сдѣлать честь ловласу и не въ ситцевой набивной рубашкѣ по сорока копеекъ за аршинъ, — не принесла, однакожъ, ожидаемыхъ результатовъ. Во всемъ, впрочемъ, оказался виноватымъ самъ Захаръ. Онъ хотя и сообразилъ, что съ женою Гришки не годится дѣйствовать на манеръ серпуховскихъ мѣщанокъ — ничего не возьмешь, что тутъ надо вести дѣло исподволь,—но не выдержалъ такого плана. Самоувѣренность вывела дѣло на чистоту. Обнадеженный успѣхомъ своей продѣлки и нимало не сомнѣваясь, что теперь дѣло пойдетъ навѣрняка — умѣй только взяться—онъ рѣшился сдѣлать приступъ на другой же день послѣ описанной нами сцены. Все благопріятствовало этому. Гришка, посланный Глѣбомъ въ Сосновку, за какимъ-то дѣломъ, долженъ былъ возвратиться не ранѣе вечера. Самому Глѣбу какъ-то нездоровилось послѣ вчерашней прогулки въ Комарево. Старикъ потягивался весь день въ избѣ, на лавкѣ.

Какъ только наступилъ послѣобѣденный отдыхъ, Захаръ отправился подъ навѣсъ, примазалъ волосы, подвелъ ихъ скобкою къ вискамъ, самодовольно покрутилъ головою, взялъ въ руки гармонію, пробрался въ узенькій проулокъ къ огороду и сталъ выжидать Дуню, которая должна была явиться развѣшивать бѣлье.

Въ то же самое время, какъ Захаръ стоялъ насторожѣ, тетушка Анна сторожила, въ свою очередь, минуту, когда Дуня выйдетъ изъ избы развѣшивать бѣлье. Старушка сказала, правда, снохѣ своей, что вчерашнее происшествіе, равно какъ и другія продѣлки Гришки, останутся шиты и крыты, но въ душѣ своей рѣшилась разсказать обо всемъ мужу. Оставшись одна глазъ-на-глазъ съ Глѣбомъ,

который все еще лежалъ на лавкѣ, она почувствовала вдругъ неизъяснимую робость: точно сердце оторвалось у нея. На томъ бы, можетъ статься, и остановилось дѣло, если бъ Глѣбъ не заговорилъ съ нею. Онъ завелъ рѣчь о хозяйствѣ и говорилъ словоохотливо. Это обстоятельство придало тотчасъ же духу женѣ. Она подошла къ лавкѣ и повѣдала ему безъ обиняковъ все, что лежало на душѣ. Разсказавъ о вчерашнемъ происшествіи, о ночныхъ похожденіяхъ Гришки, и сдѣлавъ свои замѣчанія насчетъ того, что Гришка сталъ хмелемъ зашибаться, старушка перешла къ Захару. По мнѣнію ея, Захаръ былъ во всемъ главнымъ зачинщикомъ и виновникомъ. Онъ втравилъ Гришку во всѣ недобрыя дѣла. Ей самой сколько разъ приводилось слышать его непутныя рѣчи. Недѣли за три передъ тѣмъ, Дуня сказала тещѣ, что Захаръ не даетъ ей проходу, всячески подольщается къ ней и разъ далъ волю рукамъ. Старушка передала точно такъ же и это обстоятельство мужу. Изъ словъ'ея значилось ясно, какъ дважды-два—четыре, что Захаръ погубилъ Гришку.

Зная нравъ Глѣба, каждый легко себѣ представитъ, какъ приняты были имъ всѣ эти извѣстія. Онъ приказалъ женѣ остаться въ избѣ, самъ поднялся съ лавки, провелъ ладонью по лицу своему, на которомъ не было уже замѣтно кровинки, и вышелъ на крылечко. Заслышавъ голосъ Дуни, раздавшійся въ проулкѣ, онъ остановился. Это обстоятельство дало, повидимому, другое направленіе его мыслямъ. Онъ не пошелъ къ заднимъ воротамъ, какъ прежде имѣлъ намѣреніе, но выбрался на площадку, обогнулъ навѣсы и притаился за уголъ.

— Провалиться на этомъ мѣстѣ, когда знаю, за что такъ не взлюбила! говорилъ Захаръ заискивающимъ голосомъ. — Эти слова твои, что говоришь, выходитъ, напрасно, потому единственно, мы такими дѣлами не занимались... Если и было что, знаетъ одна моя добрая душа, какъ, примѣрно, дѣло было... Я не то, чтобы худому училъ его... стараюсь изо всѣхъ силъ, а все для тебя, потрафить, былъ бы, примѣрно... произвести его какъ есть настоящимъ человѣкомъ... норовлю, примѣрно, каковъ Захаръ есть, то все едино единственно должонъ быть и Гришка... Кабы не добрая моя душа, онъ вчера волоска бы на тебѣ не оставилъ. Сама, я чай, видѣла, какъ я его уговаривалъ, безпутнаго! забралъ въ голову, ты, вишь, отпу сказала... я и такъ и сякъ... Кабы не я...

— Ахъ, ты, безсовѣстный, безсовѣстный! воскликнула Дуня дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — какъ у тебя языкъ не отсохнетъ говорить такія рѣчи!.. Кого ты морочишь, низкій ты этакой? развѣ я не знаю! Мнѣ Гришка все разсказалъ: ты, ты, низкая твоя душа, завѣрилъ его, я, вишь, отцу сказала... Да накажи меня Господь послѣ того, накажи меня въ младенцѣ моемъ, коли сама теперь не повѣдаю отцу объ дѣлахъ твоихъ...

Глѣбъ не дослушалъ остального. Онъ выскочилъ изъ-за угла и ринулся съ поднятыми кулаками на Захара. Несмотря на неожиданное нападеніе, тотъ ловко, однакожъ, вывернулся, отскочилъ на нѣсколько шаговъ, тряхнулъ волосами и сталъ въ оборонительное положеніе.

— Эй, слышь, рукамъ воли не давай! сказалъ онъ, размахивая гармоніей.

Однимъ ударомъ кулака, Глѣбъ послалъ гармонію на самую середину огорода.

— Батюшка, брось его! оставь лучше! воскликнула блѣдная какъ смерть Дуня, бросаясь къ старику.

Но тотъ сурово оттолкнулъ ее и снова, грозный, дрожащій отъ гнѣва, подошелъ къ Захару.

— Такъ вотъ ты какими дѣлами промышляешь! вскричалъ старикъ задыхающимся голосомъ,—мало того, парня погубилъ, совратилъ его съ пути, научилъ пьянствовать, втравилъ въ распутство всякое, — теперь польстился на жену его! Хочешь посрамить всю семью мою! всѣхъ насъ, какъ злодѣй, опутать хочешь!.. Вонъ изъ моего дому, тварь ты этакая! вонъ! Чтобы духу твоего здѣсь не было! Вонъ! промолвилъ старикъ, замахиваясь кулакомъ.

— Погоди, братъ, драться не велятъ! произнесъ Захаръ, отступая, но все еще молодцуя: присутствіе Дуни придавало ему нѣкоторую храбрость, — уйду; что жъ такое? Надо, я чай, разсчитаться...

— Какіе съ тобой расчеты, нищій! ты мнѣ еще долженъ, не я тебѣ. За двѣ недѣли забралъ деньги впередъ, а еще расчетовъ требуешь... Вонъ, говорю, вонъ ступай съ того мѣста, гдѣ стоишь!.. Ступай, говорю! не доводи до грѣха... Вонъ!..

— Уйду. Что куражишься! не больно испужались... не на таковскаго напалъ. Уйду, не заплачу... Дай пожитки взять! промолвилъ Захаръ съ чувствомъ достоинства.

Глѣбъ отворилъ ворота ударомъ кулака, вошелъ на дворъ, сорвалъ съ шеста тулупчикъ и картузъ работника,

единственные его пожитки, вернулся въ проулокъ и бросилъ ихъ къ ногамъ Захара. Захаръ успѣлъ уже въ это время завладѣть гармоніей.

— Можно и потише, проговорилъ Захаръ, подбирая тулупчикъ.

— Ступай же теперь! закричалъ старикъ, у котораго, при видѣ работника, снова закипѣло сердце, — къ дому моему не подходи! Увижу на порогѣ, плохо будетъ! Врагъ попуталъ, когда нанималъ-то тебя... Вонъ! вонъ! продолжалъ онъ, преслѣдуя Захара, который, нахлобучивъ молодцовато картузъ и перекинувъ черезъ плечо полушубокъ, покидалъ площадку.

Возвратясь на дворъ, Глѣбъ увидѣлъ на крыльцѣ Дуню, которая сидѣла, закрывъ лицо руками, и горько плакала. Подлѣ нея стояла, пригорюнясь, тетушка Анна. Глѣбъ прямо пошелъ къ нимъ.

— Ты о чемъ, Дуня? что этого-то мошенника со двора согналъ, радоваться надыть, а не убиваться! сказалъ онъ разстроеннымъ голосомъ, которому старался придать ласковое выраженіе.—Полно, перестань: ты ни въ чемъ не виновата. Во всемъ моя вина, зачѣмъ не доглядывалъ. Много пожилъ на свѣтѣ, пора бы, кажется, выучиться распознавать, каковъ таковъ есть человѣкъ—дурной, либо хорошій. Авось, какъ мужа твоего негоднаго поучу, авось и тогда, Богъ дастъ, дѣло справимъ... Полно же... говорю... Уфъ! усталъ!.. Вотъ маленечко того, погорячился... не стоило того... ну его совсѣмъ! Усталъ. Словно какъ кровь во мнѣ разыгралась. Въ ушахъ шумитъ... Схожу, поразомнусь: отца твоего провѣдаю, авось полегче станетъ!..

Глѣбъ засталъ дѣдушку Кондратія, по обыкновенію, за добрымъ дѣломъ. Старикъ сидѣлъ на порогѣ своей лачужки и, грѣясь на солнышкѣ, строгалъ обломкомъ косы длинную хворостину, предназначавшуюся для новой удочки. Глѣбъ подсѣлъ къ нему.

— А я, дядя, примѣрно, вотъ зачѣмъ... худыя дѣла вершаются у насъ въ домѣ, сказалъ Глѣбъ.

— Христосъ оборони и помилуй! промолвилъ дѣдушка Кондратій, опуская на-земь обломокъ косы и хворостину и медленно творя крестное знаменіе.

— Да вотъ такъ и такъ, началъ Глѣбъ и передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о случившемся.

Онъ сообщилъ ему о томъ, что выгналъ Захара, разсказалъ, за что выгналъ его, разсказалъ всѣ его про-

дѣлки, перешелъ потомъ къ Гришкѣ, повѣдалъ все слышанное о немъ отъ Анны и присовокупилъ къ тому свои собственныя замѣчанія.

— Обманулся я въ немъ, дядя, — шибко обманулся! примолвилъ Глѣбъ, потряхивая уже совсѣмъ посѣдѣвшими теперь кудрями, — что́ говорить, смолоду ненадеженъ былъ, озорливъ не въ примѣръ другому... Былъ тогда и другой парнишка у меня... Вмѣстѣ росли: такъ оно, выходитъ, все тогда на виду было... А все не чаялъ, пойдетъ онъ у меня худымъ путемъ... Самъ видишь, какое дѣло... Больше затѣмъ пришелъ къ тебѣ, какъ ты, примѣрно, разсудишь... Оставить такъ не годится. Надо, пока время есть, сократить его, при самомъ началѣ. По-моему, мало нагрѣть ему бока: образумится, пока болѣть станутъ, а тамъ опять, пожалуй, за свое примется. Надо, примѣрно, другое сыскать средствіе... какъ ты скажешь?..

— По-моему, коли слова моего послушать пришелъ, Глѣбъ Савинычъ, не тронь ты его. Пуще того, не грози, не подымай рукъ, смиренно возразилъ старикъ, хотя на лицѣ его проступало выраженіе глубокаго огорченія,—побоями да страхомъ ничего ты не сдѣлаешь. Не тѣ ужъ лѣта его, и нравъ не тотъ. Неровѣнъ человѣкъ, Глѣбъ Савинычъ! Господь и лѣса не сравнялъ, не только человѣка. Судишь по себѣ, по своей душѣ судишь. Смотришь, и обознался: иной человѣкъ-то хищнѣе звѣря лютаго... Оставь ты его, не тронь. По-моему, переговори лучше добрымъ словомъ, возьми кротостію да терпѣніемъ. А пуще того, помолимся о немъ, попросимъ Господа: авось уйметъ Онъ его сердце!.. А что бить-то? Хуже еще возмутится отъ того душа его. Возьметъ злобу на тебя, на домашнихъ, на житье свое: тошнѣй тогда будетъ ему, да и всѣмъ вамъ... Много, Глѣбъ Савинычъ, много, признаться, и я въ немъ обознался!.. Мало ли положилъ онъ песку въ мое сердце! Что-то вотъ словно сердце мое чуяло, какъ женили мы его. Не чаялъ я въ немъ и тогда степенства: мало добра въ тѣхъ дѣлахъ, что худымъ начались!.. И то сказать надо, Глѣбъ Савинычъ, не ему... нѣтъ, не ему прочилъ я свою дочку... была она у меня одна радость въ глазу, одно утѣшеніе. Денно и ночно молилъ о ней всевышняго Создателя! Не дошли, видно, мои молитвы. Стало, прогнѣвалъ я Его грѣхами своими тяжкими! заключилъ старикъ, съ покорностію опуская свою сѣдую голову.

Трудно рѣшить, слова ли дѣдушки Кондратія измѣнили

образъ мыслей Глѣба, или подѣйствовали на него воспоминанія о возлюбленномъ сынѣ, — воспоминанія, которыя во всѣхъ случаяхъ его жизни, во всякое время и во всякій часъ способны были размягчить крѣпкую душу стараго рыбака, наполнить ее грустію и сорвать съ нея загрубѣлую оболочку; или же, наконецъ, способствовало самое время, преклонные года Глѣба, которые замѣтно ослабляли его крутой, ретивый нравъ, охлаждали кровь и энергію, — но только онъ послушался совѣтовъ дѣдушки Кондратія. Возвратясь домой, Глѣбъ пальцемъ не тронулъ пріемыша. Онъ приказалъ ему слѣдовать за собою и пошелъ къ лодкамъ.

Тетушка Анна и Дуня поспѣшили броситься къ воротамъ. Дрожа и замирая отъ страха, онѣ приложили блѣдныя лица къ щелкамъ воротъ; но сколько ни слѣдили онѣ за движеніями грознаго старика, ожидая съ минуты на минуту, что онъ тутъ же, на мѣстѣ, пришибетъ Гришку, ожиданія ихъ не оправдались. Глѣбъ, однакожъ, говорилъ съ пріемышемъ. Рѣчь его, сначала суровая и отрывистая, замѣтно смягчалась, по мѣрѣ того, какъ онъ, истощивъ жестокія, укорительныя слова, коснулся воспоминаній дѣтства пріемыша. Очевиднымъ дѣлалось, что, неразлучно съ этими воспоминаніями, въ душѣ старика возникали другія, болѣе драгоцѣнныя воспоминанія.

— Я тебя возрастилъ все одно какъ родного сына, а это все, выходитъ, напрасно только о тебѣ заботился! заключилъ Глѣбъ;—думалъ, отнялъ у меня Господь дѣтей, ты останешься намъ въ утѣху, станешь объ насъ сокрушаться да беречь подъ старость,—а замѣсто того норовишь, какъ бы злодѣемъ нашимъ стать! Вспомни, Гришка, вѣдь ты жилъ у меня, какъ односемьянинъ, пятнадцать лѣтъ, слышишь, пятнадцать лѣтъ дѣлилъ я съ тобою хлѣбъ-соль, кормилъ, обувалъ тебя... Рази, по вашему, за добро зломъ надо отплачивать?.. Не о себѣ говорю: мой вѣкъ не дологъ. Говорю, подумай ты о себѣ: вѣдь у тебя жена и дѣти. Звѣрь безчувственный, и тотъ о дѣтяхъ своихъ заботу имѣетъ... Опомнись, говорю: выкинь дурьто изъ головы... Вспомнишь слова мои, да поздно будетъ!.. Худыя дѣла къ добру не поведутъ... Люди не взыщутъ— Господь тебя покараетъ! Брось, говорю!.. Врагъ тебя путаетъ... помолись Богу, за дѣло возьмись... А о прошломъ не поминай... пропадай оно совсѣмъ!..

Но разумные совѣты благодѣтеля не произвели рѣши-

тельно никакого дѣйствія на пріемыша. Первые два дня дѣйствительно ходилъ онъ мрачный и задумчивый. Онъ какъ будто сознавалъ вину свою и каялся. Но чувство это мгновенно уступило мѣсто мелочной досадѣ и злобѣ, какъ только узналъ онъ отъ жены настоящую причину изгнанія Захара. Онъ ждалъ только случая посчитаться съ товарищемъ, который обманулъ его. За неимѣніемъ Захара, Гришка вымещалъ досаду, втихомолку, на женѣ. Но мимолетная, соломенная душа Гришки, какъ мѣтко назвалъ ее Захаръ, неспособна была долго сосредоточивать въ себѣ одно какое-нибудь чувство. Злоба, дружба, досада, примиреніе,—все смѣнялось одно другимъ, съ необычайною быстротою. Легкая, пустая душа его вспыхивала такъ же быстро, какъ зажженная солома, но зато скоро и потухала. Прошли двѣ-три недѣли; въ сердцѣ Гришки возникло, вмѣстѣ со скукою, сожалѣніе о томъ, что не было Захара, съ которымъ такъ весело, бывало, коротаешь однообразные часы послѣобѣденнаго времени. Сожалѣніе живо смѣнилось радостію, когда случайно провѣдалъ онъ, что Захаръ поселился въ одной изъ комаревскихъ фабрикъ. Съ той минуты онъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы встрѣтиться съ прежнимъ товарищемъ. Такъ вотъ и подмывало его юркнуть на луговой берегъ. Комарево стало для него тѣмъ же, чѣмъ было когда-то озеро дѣдушки Кондратія. Случай не замедлилъ представиться, не замедлили также осуществиться мечты пріемыша: онъ встрѣтился съ Захаромъ. Встрѣча была радостная съ обѣихъ сторонъ. О старомъ, конечно, не было и помину.

И снова очертя голову задурилъ Гришка. Снова, когда темная ночь окутывала площадку, Оку и луга, и когда старики, утомленные дневными трудами, крѣпко засыпали, началъ онъ украдкою исчезать изъ клѣтушки,—снова, полная безпокойства, затаенной грусти и трепетныхъ ожиданій, стала просиживать Дуня цѣлыя ночи на завалинкѣ, карауля возвращеніе безпутнаго мужа и отрываясь тогда лишь, когда призывалъ ее слабый крикъ младенца.

XXII.

Крѣпкій старикъ.

— Полно, дяля!.. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, уперся, на одномъ сталъ: „нѣтъ, да нѣтъ, не приходится,—то да сё!" Слушать, выходитъ, нечего. Полно, говорю, перебирайся-

ка ты взаправдѣ ко мнѣ,—лучше дѣло-то будетъ; по душѣ, примѣрно, говорю, не изъ чего другого; а то: „нѣтъ, да нѣтъ!“ Съ чего жъ нѣтъ-то? съ чего отнѣкиваться-то? говорилъ Глѣбъ, сидючи разъ какъ-то, подъ вечеръ, съ дѣдушкой Кондратіемъ на заваленкѣ, противъ площадки.— Жили мы съ тобой почитай двадцать лѣтъ по-сосѣдски, какъ слѣдуетъ—ладно и безобидно. Вотъ какъ жили: два сапога—одна пара!.. Ты обо мнѣ извѣщенъ; знаю, примѣрно, и я, каковъ ты есть такой человѣкъ. Будь ты мнѣ чужой, неизвѣданный, — ну не сталъ бы разговаривать... Чужіе-то люди, неизвѣданные, вотъ гдѣ у меня сидятъ— па самой шеѣ... Ты намъ не чужой: дочка твоя живетъ въ моемъ домѣ — породнились, выходитъ... И добро бы самъ пришелъ ко мнѣ: „возьми, молъ, меня, Глѣбъ Савинычъ“, — сталъ бы такъ-то, примѣрно, напрашиваться; вѣдь я же заговорилъ сперва-на-перво; и говорю: „ступай, молъ, дядя, жить ко мнѣ!“ Дѣло выходитъ, полюбовное, незаказное... выходитъ, и сумлѣваться нечего!.. На чемъ же твоя совѣсть?.. Дѣло, какъ есть, на чистоту выходитъ...

— Спасибо, Глѣбъ Савинычъ, на добромъ словѣ твоемъ, ласково возразилъ дѣдушка Кондратій.—Говоришь ты со мною по душѣ: точно, въ рѣчахъ твоихъ нѣтъ помышленія, окромя мнѣ добра желаешь; потому и я должонъ по душѣ говорить: худъ буду я человѣкъ, коли тебя послушаю; — право такъ: неправильно поступлю, согрѣшу противъ совѣсти!..

— Съ чего жъ такъ!.. Эвна! послушай поди, что толкуетъ-то, а?.. не слушали бы уши мои! Все это, выходитъ, дядя, пустое говоришь только—вотъ что! воскликнулъ Глѣбъ.

— Полно, сосѣдъ, не грѣши; послушай прежде, осуждай потомъ, кротко возразилъ старикъ.—Вотъ ты говоришь: приходи жить ко мнѣ! Хорошо: польщусь я на такое твое доброе слово—приду. Значитъ, стану только даромъ хлѣбъ ѣсть, за спасибо стану объѣдать тебя!.. Положимъ, ты не взыщешь, не взыщешь по доброй по душѣ своей—люди осудятъ: „пристроилъ, скажутъ, дочку, нашелъ ей укромное, теплое гнѣздо у добрыхъ у людей, да и самъ туда же примостился, благо пустили; живетъ, скажутъ, хлѣбъ жуетъ сложа руки,—даромъ, скажутъ, не работамши!“ И скажутъ-то правильно—вотъ что! А пуще того попрекнетъ своя совѣсть... Послушаю я тебя, по-

ступлю по-твоему—неугодное сотворю передъ Господомъ! Пока Господь грѣхамъ терпитъ, не отымаетъ рукъ, пока глаза видятъ, должонъ всякъ человѣкъ трудиться, должонъ пробавляться самъ собою, какія бы ни были его лѣта... Труды наши — та же молитва передъ Господомъ! Всякая тварь на землѣ: муравей, мошка какая-нибудь,— и тѣ трудятся; а человѣкъ должонъ и подавно! Коли трудишься, значитъ—радуешься за жизнь, доволенъ, значитъ, ею... Труды — наша благодарность Господу за Его великія для насъ милости! Коли человѣкъ ропчетъ на земное бытье свое — опостыла его жизнь; бросаетъ онъ тогда всякое о себѣ попеченіе, не мила работа ему, перестанетъ трудиться... Святые отцы, Глѣбъ Савинычъ, въ трудахъ жили! Апостолы Христовы также трудились... были изъ нихъ такіе же, какъ мы, рыбари,—стало, трудъ на себя принимали...

— Знамо, такъ. Да я, примѣрно, не о томъ говорю, рази я говорю: приходи, дядя, ко мнѣ даромъ хлѣбъ ѣсть,—рази я это говорю? перебилъ Глѣбъ,—зову тебя на подмогу: стапешь, примѣрно, мнѣ подсоблять... рази это тебѣ не работа?.. Въ чемъ не осилишь—знамо, лѣта твои уже не молодыя, иной разъ и радъ бы сдѣлать то, другое, да не по моготѣ—ну, и Богъ съ тобою! Знамо, попрекать да понукать не станемъ: не тотъ, примѣрно, ты человѣкъ; довольно тебя знаю: не охотникъ сидѣть сложа руки, проклажаться не любишь, старикъ къ работѣ завистливый, хлопотунъ... Не то, примѣрно, жилъ вотъ у меня, лѣтъ двадцать тому, сватъ... Акимомъ звали... Ты его знаешь... али запамятовалъ?.. Мудренаго нѣтъ: человѣкъ былъ пустой, самый незамѣтный... да вотъ ты никакъ въ тотъ самый годъ, какъ ему помереть, озеро снялъ... ну, что толковать: ну, отецъ Гришки, тотъ самый! Такъ тотъ, бывало... у того вотъ эти только скворечницы на умѣ: скворечницы да дудки для ребятъ— тутъ вся его и работа была!.. А скажешь, бывало: „сватъ, Акимъ, скажешь: ступай сѣти таскать!“—„Охъ, животъ подвело, моченьки моей нѣтъ!“ Скажи потомъ: „сватъ, молъ, Акимъ, ступай щи хлебать!“ Ну, на это гораздъ былъ; тутъ объ животѣ нѣтъ и помину; день-деньской, бывало, на печи обжигается, нѣтъ-нѣтъ да поохаетъ: однимъ понуканьемъ только и руки-то у него двигались... самый, что ни-на-есть, пустой человѣкъ былъ... Такъ вотъ, дядя, къ примѣру такому говорю, рази ты съ нимъ подъ

одну стать?.. Слава-те, Господи, знаю я тебя не первый день! Въ двадцать-то лѣтъ было время насмотрѣться!.. Говорю—подсоблять станешь; въ большой на тебя надеждѣ: затѣмъ, примѣрно, и говорю. Самъ видишь, лѣто подходитъ къ концу, скоро листопадъ, осень; пойдетъ у насъ пора самая любезная, а рукъ мало,—недостача въ рукахъ! Нѣтъ батраковъ, да и полно! что ты станешь дѣлать!.. Три раза въ Комарево понавѣдывался, три раза сулили прислать,—все нѣтъ, да нѣтъ; затѣмъ-то и говорю теперь: ступай, говорю, жить ко мнѣ! Подъ стать, выходитъ, были бы мнѣ твои хлопотливыя руки! Самъ-то старъ добре становлюсь, хлопотать-то—силы мои ужъ не тѣ: года побороли! одинъ съ Гришкой не управлюсь; кабы ты присосѣдился—ну, и пошло бы у насъ на ладъ: я старикъ, ты другой старикъ, а вмѣстѣ—все одно выходитъ, одинъ молодой парень; другому-то молодяку супротивъ насъ, такихъ стариковъ, пожалуй что и не вытянуть!.. Народъ-то нынче добре клевъ сталъ, слабъ... износился, стало-быть, что ли?.. Оно и все такъ-то: вотъ хошь бы теперь одинъ палецъ—ну, что въ немъ! Хлѣба ломоть, и тотъ не отрѣжешь! а подведи къ нему другой, да третій, да четвертый—тутъ и вся ладонь... сила выходитъ... что захотѣлъ, то, примѣрно, и сдѣлалъ; такъ-то и мы съ тобою...

— Разумная твоя рѣчь, Глѣбъ Савинычъ: есть что послушать! произнесъ дѣдушка Кондратій съ добродушною улыбкою,—только вотъ добре на меня много понадѣялся... Самъ посуди, какая и въ чемъ можетъ быть тебѣ моя помощь? Въ чемъ могу я подсобить тебѣ?.. Взгляни-ка ты на себя, взгляни на меня потомъ: вѣдь ты передо мной, что дубъ стогодовалый; я же передъ тобой—былiе; всякій вѣтеръ качаетъ, всякій паренёкъ, хошь бы вотъ мой внучекъ, Дунинъ сынишка, и тотъ къ землѣ пригнетъ!.. Какая я тебѣ помога?.. Лишняя только тягота, лишніе зубы при хлѣбѣ... и зубовъ-то, и тѣхъ ужъ ни одного нѣтъ...

— Опять за свое! Ты что ни говори ему, онъ все свое поетъ! воскликнулъ Глѣбъ, махнувъ рукою,—я-жъ те говорю—никто другой, слышь, я говорю: не твоя, выходитъ, объ этомъ забота; знаю я, каковъ ты есть такой,—мое это дѣло! Коли зову, стало, толкъ въ этомъ вижу!..

— Было время, точно былъ во мнѣ толкъ... ушли мои года, ушла и сила... Вотъ толкъ-то въ нашемъ братѣ—

сила! Ушла она—куда ты годенъ?.. Ну, что говорить, поработалъ и я, потрудился-таки, не мало потрудился на вѣку своемъ... ну, и перестать пора... Время пришло не о суетѣ мірской помышлять, не о житейскихъ дѣлахъ помышлять надо, Глѣбъ Савинычъ, о другомъ помышлять надо!..

— Все такъ... вѣстимо... что говорить... А все, коли Господь не отыметъ у человѣка жизнь, продлитъ его дни, все надо какъ-нибудь пробавляться! Живемъ на міру, промежъ людей; должны руками кормиться...

— Тружусь по мѣрѣ силъ своихъ, не гнѣвлю Господа Бога!.. О-сю-пору, Глѣбъ Савинычъ, благодаря милосердію Всевышняго, никто не попрекнулъ чужимъ хлѣбомъ. Окромя своего заработаннаго, другого не ѣлъ... благодарю за то Господа!

— Да, братецъ ты мой, одно ты только въ толкъ возьми: надо взять, примѣрно, въ разсужденье: стоитъ ли хлѣбъ-то, который ты ѣшь, трудовъ-то твоихъ? Самъ говорилъ не однова: другой разъ день-деньской сидишь на берегу съ удою, день-деньской печешься на солнцѣ, а все ничего! Хошь бы пискарь какой, либо колюшка подвернулась!.. Съ чѣмъ пришелъ—пустой былъ кувшинъ—съ тѣмъ и уйдешь!.. Выходитъ, напрасны только были труды твои... Вотъ о чемъ я толкую! У меня, по крайности, такъ хошь сидѣть-то напрасно не станешь; дѣло, выходитъ, веселѣе тогда будетъ, занятнѣе! Все сердце-то возрадуется, какъ потянешь уду-то... глядь, анъ окунекъ или лещъ... Какъ толкъ-то въ работѣ есть, видишь, труды не напрасны... Благословилъ Господь, такъ и согрѣшишь меньше... ей-Богу, право! Ину пору вершу-то вынешь изъ воды, насилу на плечѣ унесешь, ну, и благодаришь Творца; инда душа-то въ тебѣ радуется, какъ словно даже человѣкъ другой—лучше прежняго сталъ... Право, дядя!.. А что въ томъ: трудишься, трудишься, все нѣтъ ничего... ну, и согрѣшишь! Самъ потомъ не радъ; ходишь, какъ словно сомнѣваешься въ чемъ... а согрѣшишь, не утерпишь; потому часъ не ровенъ, дядя, вотъ что... Да я бы, кажется, что хошь давай, трехъ бы денъ не выжилъ на твоемъ озерѣ—ей-Богу, право!.. По мнѣ, пискари эти, да колюшки, мелкота эта, хошь бы ея вовсе не было! Само пустое, нестоющее дѣло!.. И добро бы вволю-то было ихъ; а то, самъ говоришь; день-ото-дня плоше да плоше, нѣтъ ловли никакой... изъ чего жъ

бьешься-то?.. Не говорю о барышахъ — какіе барыши!. Давай Богъ оброкъ комарникамъ за наемъ озера выплатить!.. Десять цѣлковыхъ въ годъ деньги не велики, а все взять откуда-нибудь надо!.. Ну, положимъ, сведешь концы съ концами, надо также и о своихъ нуждахъ подумать...

— Мои нужды небольшія, Глѣбъ Савинычъ: хлѣбушка кусочекъ, да свѣчку къ образу было бы изъ чего поставить—вотъ и всѣ мои нужды!

— Мало-мало, а все же надо! А ну, какъ рыба-то, пискари эти да колюшки... ну ихъ совсѣмъ... какъ совсѣмъ перестанутъ ловиться?

— Что жъ?.. Его на то святая воля!.. Богъ далъ, Богъ и взялъ; никто окромя Него въ этомъ не властенъ.

— А ну, какъ плевокъ на нее нападетъ, на рыбу-то, тогда что?

— Заслужилъ, значитъ, тяжкими грѣхами своими; не должонъ и тогда роптать!

— Да вѣдь кормиться-то надо же. Знамо, человѣкъ безъ хлѣба не живетъ!..

— Самую что ни-на-есть мелкую пташку, и ту не оставляетъ Господь безъ призрѣнія, Глѣбъ Савинычъ, и объ той заботится Творецъ милосердый! Много разсыпалъ Онъ по землѣ всякаго жита, много зеренъ на поляхъ и дорогахъ! Не мало также и добрыхъ людей посылаетъ Господь на помощь ближнему-неимущему!.. Тогда... тогда къ тебѣ приду, Глѣбъ Савинычъ!

— Чѣмъ тогда кланяться, ступай лучше теперь: самъ зову!

— Нѣтъ, кланяться и тогда не стану: земля землѣ не кланяется!.. А такъ, зная твою добрую душу, приду, скажу: „не подъ силу, молъ, не смогу достать хлѣбецъ своими трудами; дай уголокъ помереть покойно“... только и скажу.

— Нѣтъ, тебя видно не уломаешь! Эхъ, дядя! дядя! право, какой!.. норовишь только, какъ бы вотъ меня къ осени безъ рукъ оставить, — ей-Богу, такъ! заключилъ Глѣбъ, не-то шутливо, не-то задумчиво, потряхивая сѣдыми кудрями.

Такого рода объясненія происходили довольно часто между двумя стариками; съ приближеніемъ осени Глѣбъ сталъ еще убѣдительнѣе упрашивать дѣдушку Кондратія. Нельзя сказать, чтобы цѣль, управлявшая въ этомъ

случаѣ Глѣбомъ, основывалась исключительно на одномъ расчетѣ; нельзя сказать опять-таки, что расчетъ не входилъ въ составъ убѣжденій Глѣба. Трудолюбивая, дѣятельная природа стараго рыбака возмущалась при видѣ бездѣйствія; почти въ равной степени возмущали ее труды и старанія, направленные безъ цѣли, не приносившіе ровно никакой пользы. Въ немъ невольно пробуждалось тогда какое-то досадливое сожалѣніе, что-то похожее на чувство, съ какимъ смотритъ добросовѣстный труженикъ на золото, выброшенное за окно рукою богача. Въ самомъ честномъ сердцѣ является невольное желаніе завладѣть этимъ брошеннымъ золотомъ. Глѣбу хотѣлось точно такъ же воспользоваться руками сосѣда. „Что это, прости Господи!—ни себѣ, ни людямъ!“ думалъ Глѣбъ, который никакъ не могъ взять въ толкъ причины отказовъ старика; онъ не понималъ ея точно такъ же, какъ не понималъ, чтобы смерть жены могла заставить дѣдушку Кондратія наложить на себя обѣщаніе вѣчнаго поста. „Живи онъ у меня, по крайности хошь намъ выйдетъ черезъ него польза: мнѣ подсоблять станетъ!.. Да и ему лучше: округъ все свои, не чужіе; при дочери будетъ, при внучкѣ... вѣдь ластится же къ нему, не наглядится; тогда хоть весь день возись съ нимъ! Такъ вотъ нѣтъ же, поди: уперся на своемъ, не уломаешь никакъ!.. Мыташится такъ, попусту, воду толчетъ на своемъ озерѣ... провались оно, пересохни совсѣмъ!“ Такъ думалъ и говорилъ Глѣбъ; но убѣжденія его не подвигали впередъ дѣла: дѣдушка Кондратій оставался при своемъ. А между тѣмъ подошла осень. Батраки изъ Комарева не думали являться; впрочемъ, давно уже прошло время наймовъ. Въ году всего два срока: отъ вешняго Николы до Петровокъ; отъ Петровокъ до заговѣнья. Петровки были давно за горами, что жъ касается до второго срока, надо было думать раньше: всѣ работники, какіе только были, находились уже по мѣстамъ. Глѣбъ самъ видѣлъ, какого далъ маху, самъ сознавался въ этомъ, и потому, чтобы какъ-нибудь извернуться, принялся за промыселъ съ какимъ-то пугливымъ усердіемъ. Старикъ не давалъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью. Онъ трудился со всею горячностью, какую сохранила его кровь, его стариковскія жилы,—трудился съ тою неумѣренностью, какую прикладываетъ всякій простолюдинъ къ дѣйствіямъ, приносящимъ личную, существенную выгоду.

Не знаю, въ какой степени дѣйствуетъ на французскаго мужика или на англійскаго перспектива барыша: надо полагать, одушевляетъ она и тѣхъ и другихъ въ равной степени, которая ничѣмъ не уступаетъ степени одушевленія русскаго мужика. Но разница есть, однакожъ, въ цѣли и послѣдствіяхъ пріобрѣтенія. Прибыль на волосъ не измѣнитъ матеріальнаго быта русскаго мужика: съ умноженіемъ средствъ охотно остается онъ въ той же курной избѣ, въ томъ же полушубкѣ; дѣти бѣгаютъ попрежнему босикомъ, жена попрежнему не моетъ горшковъ. Какъ бы ни были велики барыши русскаго простолюдина, единственное измѣненіе въ его домашнемъ быту будетъ заключаться въ двухъ-трехъ лубочныхъ картинкахъ, прибитыхъ вкривь и вкось, и на живую нитку, стѣнныхъ часахъ съ расписнымъ неизмѣримымъ циферблатомъ и кукушкой, и мѣдномъ, разъ въ вѣкъ луженомъ, никогда не чищенномъ самоварѣ. Былъ у меня одинъ знакомый старичокъ—увы! его уже нѣтъ на свѣтѣ!—который, имѣя тысячъ двѣсти капиталу въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, ходилъ въ поддевкѣ, въ заплатанныхъ сапогахъ. Это, положимъ, куда бы еще ни шло: надо быть снисходительнымъ къ старости. Но горе въ томъ, что онъ постоянно отказывался учить грамотѣ дѣтей своихъ: „не на что“, говорилъ онъ, „нанять учителя!“ Дѣтей своихъ онъ любилъ, однакожъ: ласкалъ ихъ и няньчилъ съ утра до вечера. Его усовѣщевали почти каждый день; каждый день ему говорили: „полноте гнѣвить Бога, перестаньте жаловаться на недостатокъ: всякій знаетъ, что у васъ есть деньги въ ломбардѣ“. При этомъ старикъ выходилъ изъ себя и возражалъ съ горячностью: „Такъ развѣ то, что лежитъ въ ломбардѣ, деньги? развѣ можно ихъ тратить?.. это не деньги, это „капиталъ!“ Онъ умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что капиталъ—не деньги! Точка воззрѣнія нашего простолюдина на барыши, въ сущности, не измѣняется. Въ самомъ дѣлѣ такъ: посмотрите на житье-бытье нашихъ мѣщанъ, купцовъ средняго сословія, разбогатѣвшихъ мужиковъ, содержателей постоялыхъ дворовъ: въ ихъ домашнемъ быту не найдете вы ровно никакой перемѣны противъ того, какъ жили они безъ барышей, бѣдняками. А между тѣмъ хлопочутъ они съ утра до вечера, и рѣдко увидите вы ихъ руки праздными; въ дѣйствіяхъ видны даже какая-то суета и торопливость, какъ будто запоздали они съ какимъ-нибудь важнымъ дѣ-

ломъ и спѣшатъ нагнать потерянное время; замѣтно желаніе сдѣлать скоро, живьемъ, на живую нитку; мѣра на глазъ, вѣсъ наугадъ! какъ словно гонитъ кто, какъ словно нужда крайняя постигла, какъ словно не получитъ сегодня барыша, такъ завтра пропадать навѣрное! Въ виду барыша, они не щадятъ себя, рады уничтожиться, забываютъ, что руки ихъ и кости не желѣзныя. Изъ чего же вся эта ненасытная жажда къ пріобрѣтенію? изъ чего хлопочутъ, торопятся, мытащатся? какъ говоритъ Глѣбъ. Изъ чего, наконецъ, самъ Глѣбъ бьется какъ рыба объ ледъ? И добро бы управляла имъ на этотъ разъ его неугомонная, дѣятельная природа; но на этотъ разъ и того даже не было. Глѣбъ трудился противъ силъ; всегда крѣпкій и здоровый какъ дубъ, онъ не переставалъ жаловаться на поясницу, на ломоту въ плечахъ и ребрахъ, не переставалъ даже жаловаться на усталость, чего за нимъ отъ роду не водилось. Но обстоятельство это, вмѣсто того, чтобы ослабить въ немъ духъ, казалось, усиливало только ту принужденную пугливую дѣятельность, о которой мы говорили выше; не мало также способствовало къ тому время, которое, какъ на зло, сильнѣйшимъ образомъ благопріятствовало промыслу: рыба ловилась отлично. Взглянувъ на него, можно было думать, что отъ успѣха промысла настоящей осени зависѣла судьба всей его жизни, всего его семейства. Онъ рѣшительно выбивался изъ силъ.

— Полно тебѣ, Глѣбъ Савинычъ, утруждать себя такъто; вздохни маленько! не тѣ уже лѣта твои! частенько говорилъ дѣдушка Кондратій, видя, какъ сосѣдъ надрывался,—самъ говоришь, одышка добре пуще одолѣла; жалуешься, поясница болитъ. Какъ не болѣть, какой трудъ на себя принимаешь! Лѣта, знать, твои сказываются; сколько ни обманывай ихъ, сколько ни крѣпись, они свое возьмутъ... Смотри, какой трудъ на себя принимаешь: молодой, и тотъ умается. Полно, послушай меня, Господь благословилъ тебя достаткомъ: изъ чего хлопочешь?.. Въ твои года пересилишь, надорвешься, ввѣкъ потомъ не поправишь: наша стариковская кость хрупкая... Полно тебѣ надсажаться, вздохни, говорю!..

— Эхъ, толкуешь ты, дядя! восклицалъ обыкновенно Глѣбъ, посмѣиваясь (удачливый промыселъ невольно веселилъ душу стараго рыбака).—Что жъ по-твоему, развѣсить сѣти, разложить верши по берегу, самому сѣсть,

поджамши ноги, да смотрѣть, какъ щука хвостомъ бьетъ?.. Какъ у тебя на твоемъ озерѣ пискари одни да колюшки, мелкота эта настоящая, такъ ты толкуешь!.. Вишь какое у насъ раздолье! вишь она, наша кормилица, рыбка-то, какъ разыгралась... радуется, значитъ, веселится!.. Хорошо говорить такъ-то передъ озеромъ сидючи, передъ лужей! а нутка-сь, усиди-ка здѣсь поди! наскучитъ глазами-то хлопать; самого небось разберетъ охота!.. вишь, какъ играетъ... вишь эвна! любо дорого смотрѣть-то! примолвилъ Глѣбъ, указывая рукою на круги, которые мѣстами появлялись на гладкой поверхности Оки, расширялись, разбѣгались серебряными обручами и, наконецъ, исчезали, уступая мѣсто другимъ кругамъ, которые такъ же быстро уносило теченіемъ.—А это мнѣ, что жалуюсь вотъ, одышка одолѣла, да поясница болитъ,—это намъ нипочемъ; наша кость не пареная, не нѣженая; слушать ее—вовсе на печку лечь!.. Придетъ зима, лежать-то и то наскучитъ... Не то время, дядя, отдыхать да проклажаться: вишь, какое сотворилъ Господь рожденье! Супротивъ такого времени и не запамятую!.. нечего, стало, тормозить руки. Усталъ! упыхался!.. знамо, упыхался!.. Дастъ Богъ, окончимъ благополучно промыселъ, пройдетъ осень, вздохну за всѣ дни!.. Самъ же говоришь: нашъ вѣкъ не дологъ, лѣта наши сосчитаны; дней, такъ и тѣхъ, я чай, не много начтешь!.. Поэтому надо тормошиться, нече упускать время!.. Можетъ статься, не дожить ужъ намъ съ тобою до такого рожденья, до такой осени; можетъ статься, и до первой-то, до той осени не дотащимся... такъ что ужъ тутъ жалѣть себя!.. По крайности хотя напослѣдяхъ-то натѣшусь, наловлю рыбки!.. А что, дядя Кондратій, безъ меня, какъ не буду—я чай, соскучится рыбка-то? а? Почитай пятьдесятъ годковъ, безъ малаго, вмѣстѣ пожили... верши, и тѣ, я чай, востоскуютъ! какъ есть сиротами тогда останутся... ась? заключилъ Глѣбъ, посмѣиваясь, хотя въ сѣрыхъ глазахъ его, поочередно переходившихъ отъ лодокъ къ площадкѣ, отъ площадки къ Окѣ, не было замѣтно особенной веселости.

И, какъ бы испугавшись, что онъ долго заболтался съ сосѣдомъ, какъ бы опасаясь въ самомъ дѣлѣ не дожить до другого удачнаго лова, Глѣбъ принимался еще дѣятельнѣе за промыселъ.

Старикъ не могъ жаловаться на своего помощника. Гришка работалъ исправно. По крайней мѣрѣ онъ нахо-

дился постоянно при Глѣбѣ, подсоблялъ ему во всѣхъ дѣлахъ и, что всего замѣчательнѣе, не обнаруживалъ уже прежняго своего неудовольствія. Онъ проводилъ, однакожъ, теперь всѣ свои ночи въ Комаревѣ. Зная Глѣба, трудно предположить, чтобы онъ добровольно закрылъ глаза на продѣлки своего питомца; кумовство Гришки съ Захаромъ и послѣдствія этого кумовства возбуждали, напротивъ того, сильнѣйшимъ образомъ подозрѣнія старика; онъ смотрѣлъ за нимъ во всѣ глаза. Но Гришка сдѣлался уже, въ свой чередъ, слишкомъ ловокъ и опытенъ, чтобы попасться впросакъ, или въ „кошель“, — слово, заимствованное имъ у Захара. Глаза старика находили его всегда за работой; въ продолженіе цѣлаго дня молодой парень не давалъ хозяину своему повода быть недовольнымъ. Этимъ способомъ—самымъ вѣрнымъ способомъ, какимъ только можно было подѣйствовать на Глѣба — пріемышъ не замедлилъ освободиться отъ лишняго присмотра; онъ безпрестанно находилъ случай обманывать прозорливость стараго рыбака—прозорливость, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, и безъ того становилась съ каждымъ днемъ менѣе опасною. Впрочемъ, всѣ эти хитрости доказывали только, что молодой парень, несмотря на свою опытность, шибко все-таки боялся старика, хотя предосторожности были напрасны: онъ могъ теперь безбоязненно, безгрозно исчезать по ночамъ. Съ наступленіемъ ночи, Глѣбу было ужъ не до пріемыша: онъ радовался, что привелъ Господь дотащиться до саней, служившихъ ему ложемъ, или до печки. Что жъ касается до жены и до тетки Анны, Гришка принялъ также свои мѣры: онъ объявилъ женѣ, что если ночныя продѣлки его сдѣлаются извѣстными, онъ дня не останется въ домѣ: возьметъ жену, ребенка, отправится въ Комарево и наймется на миткалевой фабрикѣ. Дуня передала обо всемъ старушкѣ. Сноха и теща, нимало не сомнѣваясь, что Гришка приведетъ въ дѣйствіе свое обѣщаніе, не только рѣшилась молчать, не только не показывали виду, но всячески даже старались, чтобы продѣлки его оставались тайною для старика. Обѣ дѣйствовали въ этомъ случаѣ весьма основательно. Подъ руководствомъ Захара и еще другихъ такихъ же негодяевъ изъ комаревскихъ фабрикъ, которые одинъ за другимъ пристали къ Захару и вскорѣ составили одну компанію, Гришка такъ развертывался, что въ самомъ дѣлѣ могъ потерять остатокъ страха и совѣ-

сти, въ самомъ дѣлѣ могъ оставить домъ и увести жену, въ случаѣ, если бъ Глѣбу вздумалось поднять руку или голосъ. Не приводилъ онъ въ исполненіе своихъ угрозъ потому лишь, что не видѣлъ въ этомъ пока надобности— жилось такъ, какъ хотѣлось: въ кабакъ Герасима являлся онъ однимъ изъ первыхъ, уходилъ чуть ли не послѣднимъ; такъ не могли располагать собою многіе фабричные ребята, у которыхъ хозяева были построже. Однимъ словомъ, въ ночное время Гришка былъ чуть ли еще не свободнѣе своихъ товарищей. Съ другой стороны, не видѣлъ онъ также никакой надобности бросать до поры до времени работу; онъ привыкъ къ рыбацкому ремеслу, оно казалось ему легче фабричнаго, къ которому надо было пріучаться да приловчаться. Къ тому же надо было какънибудь пробавляться; Захаръ и другіе товарищи также, вѣдь, работали,—не сидѣли же сложа руки! Соображая все это, пріемышъ началъ понемногу примиряться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Опытъ показалъ ему, что фабричная жизнь имѣла также свои невыгоды, житье у Глѣба, при существующихъ обстоятельствахъ, было чуть ли не лучше. Мрачное, озлобленное настроеніе молодого парня исчезало съ каждымъ днемъ; расположеніе его духа замѣтно улучшалось. Гришка, какъ мы видѣли, охотно даже подсоблялъ старику.

Со всѣмъ тѣмъ работа подвигалась все-таки не такъ успѣшно, какъ бы хотѣлось Глѣбу. Мудренаго нѣтъ: количество рыбы, попавшейся въ неводъ и верши, разжигало старика; тутъ нужны были не четыре руки, а десять по крайней мѣрѣ. Вмѣсто четырехъ тоней, съ которыми старый рыбакъ и Гришка едва-едва успѣвали справиться въ продолженіе дня, можно было бы тогда управиться съ цѣлою дюжиной. Глѣбъ не переставалъ сокрушаться, что пропустилъ Петровки и не запасся своевременно работниками. Въ досадѣ своей, нерѣдко обращался онъ съ укоромъ къ дѣдушкѣ Кондратію.

— Эхъ, дядя, дядя! все ты причиною,—ей Богу, такъ!.. оставилъ меня какъ есть безъ рукъ! говорилъ онъ всякій разъ, когда старикъ являлся на площадкѣ. — Что головой-то мотаешь?.. вѣстимо, такъ; самъ видишь: бьемся, бьемся съ Гришуткой, а толку все мало: ничего не сдѣлаешь!.. аль подсобить пришелъ?

— Коли помощь моя нужна, изволь! отвѣчалъ обыкновенно старикъ.

— Ой-ли?

Дѣдушка Кондратій, безъ малѣйшихъ разговоровъ, снималъ лапти, полушубокъ и присоединялся къ работающимъ. Помощь была, конечно, слабая; но какъ бы тамъ ни было, въ капиталѣ рукъ и силъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе лишней тони, оказывалась все-таки маленькая прибыль. Это обстоятельство видимо поощряло усердіе Глѣба; онъ радовался точно такъ же, какъ радуется скупой, которому удалось поднять мелкую монету—бездѣлица, а все лучше, чѣмъ ничего. Принимая въ соображеніе воодушевленіе, съ какимъ старый рыбакъ принимался за промыселъ, можно было думать, что пособіе дѣдушки Кондратія превосходило даже его ожиданія.—„Ай да дядя! спасибо!“ не переставалъ восклицать онъ: „нѣтъ, какъ погляжу, клевъ нонѣ сталъ молодой-то народъ! Стары мы съ тобою, а все толкъ есть; борозды не портимъ! другому молодяку противъ насъ того-гляди не вытянуть,—ей Богу, право! То-то вотъ: коли хорошій жерновъ, такъ и старъ, а все свое дѣло сдѣлаетъ!“ Стариковская похвала оправдывалась, впрочемъ, какъ нельзя лучше на самомъ дѣлѣ: подобно старому воину, который, въ пылу жаркаго рукопашнаго боя, не замѣчаетъ нанесенныхъ ему ранъ, Глѣбъ забывалъ тогда, казалось, и ломоту въ ребрахъ, и боль въ поясницѣ, забывалъ усталость, поперхоту и преклонные годы свои.

XXIII.

Потеря.

Но какъ бы тамъ ни было, тяжкіе трудовые дни, въ продолженіе которыхъ старый Глѣбъ, подстрекаемый присутствіемъ дѣдушки Кондратія, надрывался и работалъ безъ устали, или, какъ самъ онъ говорилъ: „не берегъ себя, соблюдая промыселъ“,—такіе дни не проходили ему даромъ. Когда потухала вечерняя заря и старикъ возвращался домой, слабость и одышка овладѣвали имъ пуще прежняго; онъ съ трудомъ взбирался на крылечко, едва-едва могъ разогнуть спину. Нерѣдко тетушка Анна и сноха ея принуждены были соединиться силами, чтобы подсобить ему подняться на печку. При всемъ томъ, оборони, помилуй Богъ, сказать ему, что причина всѣхъ его немощей происходитъ отъ излишняго труда и усилій: смерть не любилъ этого Глѣбъ. Онъ съ упорствомъ, съ

досадою опровергалъ такіе доводы; старикъ ни за что не хотѣлъ этому вѣрить; онъ какъ будто старался даже обмануть самого себя.

— Что̀ за напасть такая! точно право, крыша солгала—на спину обвалилась, — не разогнешь никакъ; инда духъ захватило... Съ чего бы такъ-то? Кажись, не пуще, чтобы отощалъ; въ хлѣбѣ недостачи не вижу; ѣмъ, примѣрно, въ волю... говорилъ Глѣбъ, покрякивая на своей печкѣ, между тѣмъ какъ тетушка Анна подкладывала ему подъ голову свернутый полушубокъ.

— Батюшка, отецъ ты нашъ, послушай-ка, что̀ я скажу тебѣ, подхватывала старушка, отодвигаясь, однакожъ, въ сторону и опуская руку на закраину печи, чтобы, въ случаѣ надобности, успѣшнѣе скрыться съ глазъ мужа,—послушай насъ... добро затрудилъ себя!.. шуточно дѣло, съ утра до вечера маешься; что мудренаго... не я одна говорю...

— Вѣстимо, батюшка, ласково подтверждала Дуня, отрываясь отъ люльки и подходя къ печкѣ; — отдохни день-другой; мы и то—я да матушка—хотѣли намедни сѣть поднять сухую-то, и то съ мѣста не сдвинули; а ты, видѣла я нонче, одинъ съ нею управлялся...

— Врете вы обѣ! Послушай поди, что мелютъ-то! Сѣть, вишь, всему причиной!.. Эхъ ты, глупая, глупая! Мнѣ нешто съ ней, съ сѣтью-то, впервой возиться?.. Слава те Господи, пятьдесятъ лѣтъ таскаю — лиха не чаялъ; и тутъ бы вотъ потащилъ понѣ, да съ ногъ смотался!

— Ну, не отъ сѣти, отъ другого чего, смиренно возражала жена. — Ты бы, батюшка — вотъ нонче печь истопили—ты бы попарился: все бы отлегло маленько...

— Ничаво; полежу, провалявшись ночь-то: авось къ утру и такъ пройдетъ...

— Хорошо, кабы такъ-то...

— Надо полагать, все это пуще оттого, кровь добре привалила, продолжалъ Глѣбъ, морщась и охая, — кровища-то во мнѣ во всемъ ходитъ, добре въ жилахъ запечаталась... оттого, выходитъ, надо было мнѣ по веснѣ метнуть; а то три года почитай не пущалъ кровь-то...

— Вотъ то-то, отецъ родной, говорила я тебѣ объ этомъ... все: нѣтъ, да нѣтъ... Что ждать-то, право-ну!.. сходи-ка-сь завтра въ Сосновку, отвори кровь-то; право слово, отпуститъ... А то ждешь, ждешь; нонче нѣтъ, завтра нѣтъ... ну, что хорошаго? Вѣстимо, нѣтъ тебѣ отъ нея спокою... Полно кормилецъ... право-ну, сходи!..

— Нѣтъ, теперь недосугъ, отвѣчалъ Глѣбъ, съ трудомъ приподнимаясь на локоть и переваливаясь на другой бокъ,—схожу опосля: работу порѣшить надо. И не то, чтобы ужъ очень прихватило... авось и такъ сойдетъ. Встану завтра, промнусь, легче будетъ...

Проминаніе Глѣба заключалось въ томъ, что онъ проводилъ часа три-четыре въ водѣ по поясъ, прогуливаясь съ неводомъ по мелководнымъ мѣстамъ Оки, дно которой было ему такъ же хорошо извѣстно, какъ его собственная ладонь. Разъ, однакожъ, послѣ такого „проминанья", онъ вернулся домой задолго передъ закатомъ солнца: никогда прежде съ нимъ этого не случалось.

Несмотря на заманчивое плесканіе рыбы, которая съ приближеніемъ вечера начинала играть, покрывая зеркальную поверхность Оки разбѣгающимися кругами, старый рыбакъ ни разу не обернулся поглядѣть на рѣку. Молча приплелся онъ въ избу, молча легъ на печку. Въ отвѣтъ на замѣчаніе тетушки Анны, которая присовѣтовала было ему подкрѣпить себя лапшею, Глѣбъ произнесъ петерпѣливо:

— Проваливай! и перевалился на другой бокъ.

Всю ночь сонъ старика былъ тревоженъ. Дуня и тетушка Анна нѣсколько разъ были пробуждены тихими охами и стонами. Со всѣмъ тѣмъ, на слѣдующее утро Глѣбъ всталъ еще раньше обыкновеннаго. День былъ сѣрый, непастный,—настоящій осенній день: мелкій дождь, перемѣшанный съ крупою, косвенно ниспадалъ съ неба, затканнаго отъ края до края хребтами сизыхъ тучъ. Сѣверный вѣтеръ покрывалъ чешуйчатою рябью Оку, которая мрачно синѣла въ почернѣвшихъ, мокрыхъ берегахъ своихъ. Любо было бы пролежать такой день на печкѣ въ теплой избѣ. Особенно слѣдовало бы поступить такимъ образомъ старому Глѣбу, у котораго, благодаря, вѣроятно, наступившей сырости, всю ночь ломило кости; но Глѣбъ разсудилъ иначе. Онъ, не медля ни минуты, отправился къ лодкамъ. Онъ, очевидно, однакожъ, пересиливалъ свою немочь; шагъ его и движенія отличались въ это утро какою-то медленностью; онъ часто останавливался, потягивалъ руки, усиленно выгибалъ спину; каждое изъ этихъ движеній сопровождалось глухимъ стономъ и нетерпѣливымъ, досадливымъ потряхиваніемъ головы. Видно было, что онъ сильно негодовалъ на свою немощь. Онъ добрался, однакожъ, до конца площадки и началъ собирать неводъ.

Косвенное направленіе дождя и крѣпкій восточный вѣтеръ плохо способствовали удачливой ловлѣ; но Глѣбъ забралъ въ голову ѣхать на промыселъ, и уже ничто въ мірѣ не въ силахъ было заставить его измѣнить такому намѣренію. „Отчаливай!“ сурово крикнулъ онъ Гришкѣ, который, сидя на носу съ веслами, не переставалъ слѣдить лукавыми глазами своими за движеніями старика. Лодка выѣхала въ рѣку. Забросили неводъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ неводѣ оказалось довольно много рыбы. При всемъ томъ, сѣдыя брови Глѣба оставались попрежнему нахмуренными. Мало этого: онъ прекратилъ ловлю и молча принялся убирать въ лодку неводъ. Кой-какъ справились, однакожъ, и Глѣбъ приказалъ грести къ берегу. Во все продолженіе переѣзда, онъ сидѣлъ склонивъ голову на грудь и задумчиво глядѣлъ на воду. „Что взялъ? небось, и тебя проняло?“ подумалъ пріемышъ, искоса посматривая на старика. Одежда Глѣба была мокра до послѣдней ниточки: дождь лилъ теперь какъ изъ ведра. Но Глѣбъ, какъ бы въ опроверженіе догадкамъ пріемыша, долго еще оставался на площадкѣ послѣ того, какъ сошелъ на берегъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ нестерпимый ознобъ во всѣхъ членахъ, — чувствовалъ, что холодъ прохватилъ его до самаго мозга. Руки его тряслись, ноги онѣмѣли; но онъ все еще крѣпился. Нахмуренное выраженіе его лица, досадливыя движенія ясно показывали, что онъ съ трудомъ рѣшался признать себя побѣжденнымъ старостью и погодою. Онъ упрямился и крѣпился до послѣдней минуты, наконецъ покинулъ берегъ: ему уже не въ мочь было стоять на ногахъ,—но и тутъ-таки, разъ или два, пересилилъ себя и вернулся къ лодкамъ; его точно притягивало къ рѣкѣ и лодкамъ какою-то непонятною силой. Онъ точно предчувствовалъ, что послѣдній разъ видится съ Окою и лодками. Мрачно, грустно, задумчиво было лицо старика, когда, взглянувъ въ послѣдній разъ на рѣку, сталъ онъ подыматься по площадкѣ; онъ точно несъ на плечахъ своихъ гробъ ближайшаго родственника, котораго много любилъ при жизни. Войдя въ избу, Глѣбъ, противъ обыкновенія своего, не подошелъ даже къ люлькѣ, даромъ что ребенокъ кричалъ и протягивалъ къ нему свои розовыя голенькія ручонки. Ничто уже, повидимому, не радовало теперь старика,—не радовалъ даже запахъ горячихъ щей, которыя дымились на столѣ; онъ отказался отъ обѣда и молча улегся на

печку. Тетушка Анна и Дуня заключили изъ всего этого, что лучше ужъ не приступать къ нему нынче.

Вечеромъ, въ тотъ же день, приплелся дѣдушка Кондратій.

— Вотъ, дядя, говорилъ ты мнѣ въ тѣ поры, какъ звалъ тебя въ домъ къ себѣ, говорилъ: „ты передо мной, что дубъ стогодовалый!“ молвилъ ты, стало-быть, не въ добрый часъ. Вотъ тебѣ и дубъ стогодовалый! всего разломило, руки не смогу поднять... Ты десятью годами меня старѣе... никакъ больше... а переживешь этотъ дубъ-атъ!.. проговорилъ Глѣбъ съ какою-то грустью и горечью, какъ будто упрекалъ въ чемъ-нибудь дѣдушку Кондратія.

— Полно, сосѣдъ... что ты загадываешь! Одинъ Создатель вѣдаетъ, что будетъ впереди... Богъ милостивъ!.. Авось, еще поживешь съ нами...

— Нѣтъ, ужъ я не встану! отрывисто сказалъ Глѣбъ.

— Чѣмъ такъ-то говорить, помолись-ка лучше Богу: попроси у Него облегченія, продлилъ бы дни твои! Теплыя наши молитвы, по милосердію Божію, дойдутъ до Господа...

— Болѣзнь во всемъ во мнѣ ходитъ: гдѣ ужъ тутъ встать! проговорилъ Глѣбъ тѣмъ же отрывистымъ тономъ.—Надо просить Бога грѣхи отпустить!.. Нѣтъ, ужъ мнѣ не встать! Подрубленнаго дерева къ корню не приставишь. Коли разъ подрубили, свалилось, тутъ, стало, и лежать ему—сохнуть... Весь разнемогся. Какъ есть, всего меня разломило.

— Усталому-то послѣдняя верста тяжелѣе пяти первыхъ кажется... Вздохнешь маленько, Богъ дастъ, поправишься...

— Пятьдесятъ лѣтъ уставалъ каждый день, лиха не чаялъ... не отъ того совсѣмъ! перебилъ Глѣбъ.

— Мало ли что, Глѣбъ Савинычъ! года твои не тѣ были. Много на нихъ понадѣялся... Я говорилъ тебѣ не однова: полно, говорилъ, утруждать себя, вздохни; ты не слушалъ тогда...

— Слушать-то нечего! нетерпѣливо перебилъ Глѣбъ.— По-твоему, брось работу, самъ на печку ложись!

— Оборони, помилуй Богъ! не говорилъ я этого; говоришь: всякъ долженъ трудиться, какіе бы ни были года его. Только надо дѣлать дѣло съ разсудкомъ... потому время неровно... вотъ хоть бы теперь: время студеное,

ненастное... самая что ни на есть кислота теперь... а ты все въ водѣ мочишься... знамо, долго ли до грѣха,—долго ли застудиться...

— Наша вода мягкая: съ нея ничего не сдѣлается... не отъ того совсѣмъ! упрямо заключилъ Глѣбъ и повернулся спиною къ собесѣднику, какъ бы желая показать ему, что не стоитъ продолжать разговора.

Съ этого дня онъ не вставалъ уже съ печки. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояла болѣзнь Глѣба. Отвергая съ такимъ упрямствомъ догадки домашнихъ, которые единодушно утверждали, будто немощь его происходила отъ простуды, онъ былъ, можетъ-статься, болѣе правъ, чѣмъ казалось. И въ самомъ дѣлѣ, если бъ пребываніе въ студеной водѣ могло сокрушить Глѣба,—если бъ ненастье, лютый вѣтеръ, мокрая одежда, просыхавшая не иначе, какъ на тѣлѣ, въ состояніи были производить на него какое-нибудь дѣйствіе, Глѣбу давнымъ-давно слѣдовало умереть. Его не стало бы съ двадцати-лѣтняго возраста. Тогда еще началъ онъ заниматься промысломъ. Каждый годъ, послѣ этого, въ глухую осень, когда Ока начинала стынуть и покрывалась тонкою корою ледяныхъ иглъ, онъ проводилъ цѣлые дни въ водѣ по поясъ, и все-таки ничего ему не дѣлалось. Оттого, и доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ не хотѣлъ вѣрить простудѣ. Самый ледъ могъ уже казаться ему „мягкою водою“. Вообще говоря, въ простонародьи такъ же рѣдко умираютъ отъ простуды въ зрѣлыхъ годахъ, какъ часто умираютъ отъ той же причины въ молодости. Оно понятно: выдержавъ все то, что выдерживаютъ крестьянскіе работники, человѣкъ смѣло считаетъ себя невредимымъ, какъ бы застрахованнымъ отъ вліянія всевозможныхъ непогодъ и невзгодъ. Слова: „здоровякъ, крѣпышъ, усилокъ“, которыми величаютъ въ простонародьи крѣпкаго человѣка, по-моему, еще слабо выразительны. Это просто богатыри со сталью вмѣсто кожи, каменными мышцами и желѣзными костями. Простолюдинъ зрѣлыхъ лѣтъ дѣлается по большей части жертвою удара, ушиба, порванныхъ жилъ, старости и, наконецъ, истощенія физическихъ силъ—необходимое слѣдствіе того неумѣреннаго, принужденно-усиленнаго труда, о которомъ говорили мы въ предшествовавшей главѣ. По всей вѣроятности, это послѣднее обстоятельство свалило Глѣба. Онъ уже не чувствовалъ теперь никакой боли, — чувствовалъ только, какъ силы оставляли его и какъ по-

стоянно слабли его члены. Послушался бы Глѣбъ дѣдушку Кондратія, поберегъ бы силы свои, ихъ стало бы, можетъ-статься, надолго. Силы Глѣба были исчерпаны до послѣдней капельки. Едва-едва доставало на то, чтобы поднять руку для крестнаго знаменія. При всемъ томъ, Глѣбъ слышать не хотѣлъ о сосновскихъ ворожеяхъ и знахаряхъ, которыхъ предлагала ему жена. Такое же невниманіе встрѣчала тетушка Анна, когда, теряясь въ скорбныхъ догадкахъ, совѣтовала ему „порубить“ спину, попариться въ печкѣ и пустить кровь. Онъ съ упрямствомъ отказывался отъ всякаго пособія. „Такъ ужъ знать Господомъ Богомъ положено. Коли жить написано, такъ проживу и безъ этого; коли помереть суждено, такъ ужъ тутъ нечего хлопотать. Человѣкъ надъ смертью не властенъ!“ Это былъ единственный отвѣтъ Глѣба на всѣ совѣты и замѣчанія домашнихъ. Въ критическую минуту, слѣпо отдаваясь на волю Провидѣнія, Глѣбъ не унывалъ духомъ. Вѣра подкрѣпляла его. Онъ не терялъ надежды и, повидимому, ждалъ выздоровленія. А между тѣмъ жизнь замѣтно оставляла стараго Глѣба. Тѣло его уже только поддерживалось душою, которая до послѣдней минуты сохраняла всю свою энергію. Казалось даже, дѣятельность, оживлявшая когда-то старика, перешла теперь вся въ его душу. Онъ не переставалъ говорить о промыслѣ, не переставалъ заботиться о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, входилъ въ мельчайшія подробности касательно домашняго управленія, не переставалъ сокрушаться о томъ, какія произойдутъ упущенія. Тѣло Глѣба безжизненно почти лежало на печкѣ, но душа его присутствовала всюду. Двадцать разъ на дню призывалъ онъ жену или Дуню, посылалъ ихъ въ такое-то мѣсто двора и приказывалъ исправить такой-то предметъ. Иногда все дѣло состояло въ томъ, что надо было переложить верши изъ одного угла въ другой, или вынуть такой-то шестъ и поставить на его мѣсто другой. Гришка не выходилъ у него изъ головы. Онъ поминутно посылалъ за нимъ, заставлялъ его разсказывать о томъ, какъ идетъ промыселъ, входилъ во всѣ мелочи, давалъ ему наставленія. Первый вопросъ, съ какимъ онъ обращался къ дѣдушкѣ Кондратію, когда тотъ приходилъ навѣстить его, былъ всегда слѣдующій: „Ну, что, дядя, какъ ловится рыбка?“ Нерѣдко духъ Глѣба проникался тревогою и сомнѣніемъ. Ему казалось, что домашніе исполняютъ наперекоръ всѣ его приказанія,

что все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что домъ и все хозяйство гибнутъ отъ ихъ нерадѣнія. Слова старика показывали, что память не измѣнила ему. Онъ помнилъ мельчайшія подробности изъ жизни своихъ домашнихъ, но выбиралъ тѣ именно случаи, которые могли подтвердить его подозрѣнія. Онъ осыпалъ ихъ упреками, грозилъ лишить ихъ благословенія. Голосъ старика, прерывавшійся почти на каждомъ словѣ, звучалъ тогда негодованіемъ. Страшно было смотрѣть на Глѣба. Одно только появленіе дѣдушки Кондратія въ силахъ было унять его. Душеспасительныя слова кроткаго, набожнаго старца мгновенно возвращали спокойствіе встревоженной душѣ Глѣба. Дѣдушка началъ ходить каждый день и просиживалъ въ избѣ рыбака съ утра до вечера.

Разъ Глѣбъ не встрѣтилъ уже его обычнымъ вопросомъ своимъ о томъ, какъ ловится рыбка.

Глаза стараго рыбака были закрыты; онъ не спалъ, однакожъ; морщинки, которыя то набѣгали, то сглаживались на высокомъ лбу его, движеніе губъ и бровей, ускоренное дыханіе ясно свидѣтельствовали присутствіе мысли; въ душѣ его должна была происходить сильная борьба. Мало-по-малу лицо его успокоилось; дыханіе сдѣлалось ровнѣе; онъ точно заснулъ. По прошествіи нѣкотораго времени, съ печки снова послышался его голосъ. Глѣбъ подозвалъ жену и сказалъ, чтобы его перенесли на лавку къ окну.

Тетушка Анна, Дуня, дѣдушка Кондратій и пріемышъ поспѣшили исполнить его волю.

Пять минутъ спустя, Глѣбъ лежалъ на лавкѣ устланной соломой.

Голова Глѣба, приподнятая свернутыми полушубками, была обращена, по его просьбѣ, къ окну.

Взглянувъ на исхудалое, изнеможенное лицо своего мужа, на его руки — когда-то мощныя и крѣпкія руки, похожія на вѣтвь стараго вяза, но высохшія какъ щепки и безжизненно сложенныя на груди, тетушка Анна вдругъ зарыдала.

Старушка не могла дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: она не объяснила бы, почему рыданіе вырвалось у нея теперь, а не прежде; тутъ только поняла она почему-то, что уже не оставалось малѣйшей надежды; тутъ только, въ виду смерти, осмыслила она всю силу пятидесятилѣтней привязанности своей, всю важность потери.

— Полно, старуха, сказалъ Глѣбъ, находившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ однѣхъ мыслей съ женою,—перестань убиваться; надо же когда-нибудь умереть... всѣ мы смертны! Пожили пятьдесятъ годковъ вмѣстѣ... ну, пора и разставаться. Всѣ мы здѣсь проходимцы!.. разстаемся не надолго... скоро всѣ свидимся... полно!..

Голосъ Глѣба былъ спокоенъ и вполнѣ отвѣчалъ спокойному выраженію лица его. Послѣдняя искра надежды на выздоровленіе погасла уже въ душѣ его: онъ сознавалъ теперь близкую свою кончину. Въ послѣдніе два дня старикъ помышлялъ только о спасеніи души своей; онъ приготовлялся къ смерти; въ эти два дня ни одно житейское помышленіе не входило въ составъ его мыслей; вмѣстѣ съ этимъ, какая-то отрадная, невѣдомая до того тишина воцарялась постепенно въ душѣ его: онъ говорилъ теперь о смерти такъ же спокойно, какъ о вѣрномъ и вѣчномъ выздоровленіи.

— Полно вамъ убиваться!.. что обо мнѣ плакать-то! Мое дѣло рѣшенное. Лучше о себѣ подумайте, продолжалъ Глѣбъ (жена его, Дуня, пріемышъ и дѣдушка Кондратій окружили лавку), — о себѣ, говорю, подумайте: оставляю вамъ не много... Ты, жена, не больно изъянься на мои похороны: мертвому не много надо; похорони, какъ хоронили, примѣрно, свата Акима,—такъ и меня похорони... Положи только тѣло мое въ Сосновку: хочу лежать подлѣ покойныхъ малыхъ дѣтокъ своихъ и сродственниковъ... тамъ меня положи. Образъ отпусти со мной тотъ, въ серебряной ризочкѣ, что Ваню-то благословляли... это послѣдняя моя воля... окромя этого образа все вамъ оставляю. Живите, какъ при мнѣ жили; жилъ я, какъ жили отцы мои и дѣды, и вы тому слѣдуйте... Не оставлялъ меня Господь, и васъ тогда не оставитъ!.. Проживете съ мое, и васъ сподобитъ умерсть спокойно. Въ одномъ только отказалъ мнѣ Творецъ милосердый, подхватилъ со вздохомъ старикъ, — не привелъ... не далъ въ послѣдній разъ наглядѣться... на... Ваню... Не забывай его, смотри, жена!.. не забывайте и всѣ его!.. милъ былъ онъ моему сердцу, любилъ я его... супротивъ всѣхъ другихъ любилъ... Приведетъ вамъ Господь увидѣть его... передайте ему мое родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Умиралъ старикъ, скажите,—умиралъ, его, милаго дѣтища, поминаючи... такъ и скажите ему!..

Тутъ голосъ Глѣба, до той минуты ровный и спокой-

ный, какъ словно оборвался; онъ закрылъ глаза и замолкъ.

Тетка Анна и Дуня плакали навзрыдъ. Дѣдушка Кондратій давно уже не плакалъ: всѣ слезы давно уже были выплаканы; но тоска, изображавшаяся на кроткомъ лицѣ его, достаточно свидѣтельствовала о скорбныхъ его чувствахъ. Одинъ пріемышъ казался спокойнымъ. Онъ стоялъ склонивъ голову; ни одна черта его не дрогнула во все продолженіе предшествовавшей рѣчи.

— Гриша, сказалъ неожиданно Глѣбъ,—ты, Гриша, заступишь теперь мое мѣсто, будешь жить все одно какъ сынъ родной въ дому... Исполни послѣднюю мою родительскую волю: не оставляй старуху, береги ее, все одно, что мать родную... Мы берегли тебя смолоду, растили, поили, кормили, какъ родного дѣтища—должонъ это помнить. Коли оставишь ты ее, не будетъ тебѣ моего благословенія!.. Не будетъ также моего благословенія, коли не станешь соблюдать жену свою, не станешь почитать тестя... какъ меня слушалъ, такъ и его слушайся; почитай его, все одно, какъ отца родного... А это, что вотъ пріятели смущать будутъ, этого ты не слушай!.. это значитъ, врагъ путаетъ! Пріятели на одинъ часъ, родные—на всю жизнь... ихъ почитай и слушай!.. Ты ужъ не малолѣтній: самъ должонъ видѣть, что хорошо, что худо. Не послушаешь меня, отыму благословеніе!.. Востоскуетъ душа моя, что оставилъ злодѣя въ семьѣ своей. Господь отъ тебя откажется, и не будетъ тебѣ тогда никакой радости въ жизни!.. Смотри же, Гриша, веди себя крѣпко, живи по закону... Смотри же, не обмани меня! Ты вся моя надежда теперь... окромя тебя и Вани, нѣтъ у меня... окромя васъ, нѣтъ другихъ дѣтей! заключилъ Глѣбъ, причемъ на лицѣ его изобразилась вдругъ тоска.

Онъ, очевидно, хотѣлъ еще что-то прибавить, но дѣдушка Кондратій, догадавшись, вѣроятно, о чемъ пойдетъ рѣчь, поспѣшилъ предупредить его.

— Полно, Глѣбъ Савинычъ, сказалъ онъ,—полно, слободи ты свою душу... Христосъ велѣлъ прощать лютымъ врагамъ своимъ... уйми свое сердце!.. вспомяни и другихъ дѣтей своихъ... вспомяни и благослови Петра и Василія.

Лицо Глѣба мгновенно приняло строгое выраженіе; лобъ покрылся морщинками, сѣдыя брови нахмурились.

— Помилуй ихъ, Глѣбъ Савинычъ, продолжалъ дѣдушка Кондратій.

— Батюшка, помилуй! рыдая, воскликнула Анна.

— Глѣбъ Савинычъ! подхватилъ отецъ Дуни, — единъ Богъ властенъ въ нашей жизни! сегодня живы — завтра нѣтъ насъ... нашъ путь къ землѣ близокъ; скоро, можетъ, покинешь ты насъ... ослободи душу свою отъ тяжкаго помышленія! Наказалъ ты ихъ довольно при жизни... Спаситель прощалъ въ смертный часъ врагамъ Своимъ... благослови ты ихъ!..

— Прощаю всѣмъ врагамъ моимъ, какіе у меня были... имъ прощаю... прощаю наравнѣ съ другими, сказалъ Глѣбъ.

— Этого мало, Глѣбъ Савинычъ! они дѣти твои: должонъ благословить ихъ!..

— Нѣтъ, они мнѣ не дѣти! никогда ими не были! надорваннымъ голосомъ возразилъ Глѣбъ.—На что имъ мое благословеніе? сами они отъ него отказались. Вѣкъ жили они ослушниками! отреклись—была на то добрая воля—отреклись отъ отца родного, отъ матери, убѣжали изъ дому моего... посрамили мою голову, посрамили всю семью мою, весь домъ мой... оторвались они отъ моего родительскаго сердца!..

— Все же они дѣти твои, убѣдительно произнесъ дѣдушка Кондратій,—какая ихъ жизнь будетъ безъ твоего благословенія? И теперь, можетъ-статься, изныла вся душа ихъ... не смѣютъ предстать на глаза твои... Не дай имъ умереть безъ родительскаго твоего благословенія... Ты видѣлъ ихъ согрѣшающихъ,—не видишь кающихся... Глѣбъ Савинычъ!..

Строгость, изображавшаяся въ чертахъ Глѣба, постепенно смягчалась; но онъ не произнесъ, однакожъ, слова.

Грустно было выраженіе лица его. Жена, Дуня, пріемышъ, Кондратій не были его родныя дѣти; родныя дѣти не окружали его изголовья. Онъ думалъ умереть на рукахъ дѣтей своихъ—умиралъ почти круглымъ, бездѣтнымъ сиротою. Онъ долго, почти все утро, оставался погруженнымъ въ молчаливое, тягостное раздумье; глаза его были закрыты; время отъ времени изъ широкой, но впалой груди вырывался тяжелый, продолжительный вздохъ.

Около полудня онъ снова раскрылъ глаза.

— Подымите меня... сказалъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ.

Дуня и тетушка Анна посадили старика на лавку; обѣ держали его подъ руки.

Глаза Глѣба медленно обратились тогда къ окну, изъ котораго виднѣлись: часть площадки, лодки, опрокинутыя на берегу, и Ока.

Дальній берегъ и луга застилались мелкимъ, частымъ дождемъ. Былъ сѣрый, ненастный день; вѣтеръ уныло гудѣлъ вокругъ дома; капли дождя обливали и безъ того уже тусклыя стекла маленькаго окошка. Мрачно синѣла Ока, мрачно глядѣлъ темный берегъ и почернѣвшія, вымоченныя лодки. Печальный видъ осенняго дня соотвѣтствовалъ, впрочемъ, какъ нельзя лучше тому, что происходило въ самой избѣ.

— Прощай, матушка Ока!.. сказалъ Глѣбъ, безсильно опуская на грудь голову, но не отнимая тусклыхъ глазъ своихъ отъ окна,—прощай, кормилица... Пятьдесятъ лѣтъ кормила ты меня и семью мою... Благословенна вода твоя! благословенны берега твои!.. намъ ужъ больше не видаться съ тобою!.. Прощай и вы!.. проговорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ,—прощай, жена!..

Старушка зарыдала такъ сильно, что дѣдушка Кондратій поспѣшилъ занять ея мѣсто и взялъ подъ руку Глѣба.

— Полно печалиться, продолжалъ Глѣбъ, — не молода ты: скоро свидимся!.. Смотри же, поминай меня... не красна была твоя жизнь... ну, что дѣлать!.. а ты все добромъ помяни меня!.. Смотри же, Гриша, береги ее: недолго ей пожить съ вами... не красна ея была жизнь! береги ее. И ты, сноха, не оставляй старуху, почитай ее, какъ мать родную... и тебя подъ старость не оставятъ дѣти твои... Дядя!..

Дѣдушка Кондратій наклонилъ бѣлую свою голову.

— Прощай, дядя!.. продли Господи дни твои! Утѣшалъ ты меня добрыми словами своими... утѣшай и ихъ... не оставляй совѣтомъ. Худому не научишь... Господь вразумилъ тебя.

Глѣбъ долго еще прощался съ домашними; онъ хотѣлъ видѣть каждаго передъ глазами своими, поочередно поцѣловалъ ихъ и перекрестилъ слабою, едва движущеюся рукою. Наконецъ, онъ потребовалъ священника.

Гришка тотчасъ же отправился въ Сосновку.

Вплоть до самаго вечера Глѣбъ находился въ какомъ-то безпокойствѣ: онъ метался на лавкѣ и поминутно спрашивалъ: „скоро ли пріѣдетъ священникъ?“ душа его боролась уже со смертью; онъ чувствовалъ уже прикосновеніе ея и боялся умереть безъ покаянія. Жизнь дѣйствительно замѣтно оставляла его; онъ угасалъ, какъ угасаетъ лампада, когда масло, оживлявшее ее, убѣгаетъ въ невидимое отверстіе.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ священникъ. Дѣдушка Кондратій и старуха встрѣтили его въ воротахъ и замолвили ему о старшихъ сыновьяхъ—Петрѣ и Васильѣ.

Дуня, ея отецъ, теща и мужъ оставались на крылечкѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени, духовникъ уѣхалъ, объявивъ напередъ, что старикъ исполнилъ ихъ желаніе и велѣлъ имъ передать Петру и Василію родительское свое благословеніе.

Когда они вернулись въ избу, Глѣбъ лежалъ безъ языка. Трепетный блескъ свѣчи подъ образами освѣщалъ безжизненное лицо его съ черными впадинами вмѣсто глазъ, съ заостренною, холодною профилью, которая рѣзко отдѣлялась на совершенно почти темной стѣнѣ. Онъ казался мертвымъ, и только легкое, едва примѣтное движеніе рубашки на груди показывало, что духъ его не покинулъ еще земли. Тетка Анна и за ней поочередно всѣ присутствующіе прикладывали поминутно уши свои къ губамъ его, въ надеждѣ услышать послѣднее слово, послѣднюю волю умирающаго. Въ простонародьи послѣднее слово покойника свято сохраняется домашними: оно переживаетъ другія воспоминанія, часто упоминается въ семейныхъ бесѣдахъ, часто даже переходитъ къ внукамъ.

Но Глѣбъ ничего ужъ не сказалъ. . . . . .

Дѣдушка Кондратій, который во всю ночь не покидалъ его изголовья, принялъ на зарѣ послѣдній вздохъ Глѣба и закрылъ ему глаза. . . . . .

— Полно, сказалъ онъ, обратясь къ старухѣ, которая рыдала и причитала, обнимая ноги покойника, — не печалься о томъ, кто отъ грѣха свободенъ!.. не тревожь его своими слезами... Душа его еще между нами... дай ей отлетѣть съ миромъ, безъ печали... Была, знать, на то воля Господня... Богу хорошіе люди угодны...

Въ то время, какъ обмывали покойника, дѣдушка Кондратій съѣздилъ на озеро за псалтыремъ. И вскорѣ въ избѣ, посреди глухихъ, затаенныхъ стоновъ, послышалось мѣрное, колеблющееся чтеніе, при свѣтѣ желтой восковой свѣчки, которая освѣщала почтенную, убѣленную честными сѣдинами голову дѣдушки Кондратія.

Дня черезъ три, въ воскресенье, у воротъ рыбакова дома и на самомъ дворѣ снова стояли подводы; снова раздавались въ избѣ говоръ и восклицанія. Можно было подумать, что тутъ снова происходило какое-нибудь веселье.

По желтая гробовая крышка, прислоненная къ воротамъ, краснорѣчиво опровергала неумѣстное предположеніе; длинные шесты, перевязанные веревками, ясно уже показывали, къ чему съѣхались на этотъ разъ сосновскіе родственники и родственницы.

Немного погодя, со двора послышалось протяжное пѣніе и, минуту спустя, сѣрый осенній день освѣтилъ погребальное шествіе.

Позади гроба, передъ толпою, шли дѣдушка Кондратій и Дуня, немного поодаль виднѣлся Гришка. За толпою ѣхала телѣжка, въ которой лежала рыдавшая, осиротѣвшая теперь старушка.

Шествіе обогнуло избу и медленно стало подниматься въ гору. Вскорѣ все исчезло; одинъ только гробъ долго еще виднѣлся подъ темною линіею высокаго берегового хребта и, мѣрно покачиваясь на плечахъ родственниковъ, какъ словно посылалъ прощальные поклоны Окѣ и площадкѣ...

XXIV.

Первою мыслію Гришки послѣ похоронъ Глѣба было отправиться какъ можно скорѣе въ Комарево. Болѣзнь стараго рыбака — если считать съ того дня, когда онъ въ послѣдній разъ занимался промысломъ, до той минуты, когда испустилъ послѣдній вздохъ — продолжалась три недѣли. Во все это время Гришка рѣдко, украдкою, видѣлся съ Захаромъ и другими комаревскими товарищами. Не мѣшаетъ замѣтить, онъ терпѣливо сносилъ, однакожъ, свое положеніе, онъ не показывалъ даже особеннаго неудовольствія, когда старикъ, въ припадкѣ тревожной подозрительности, заставлялъ его вставать по ночамъ и посылалъ посмотрѣть, все ли обстоитъ благополучно на дворѣ и подлѣ лодокъ.

По всей вѣроятности, Гришка обпадеживалъ уже себя тѣмъ, что недолго остается терпѣть такимъ образомъ, что скоро, можетъ статься, заживетъ онъ по своей волѣ, и что, слѣдовательно, не стоитъ заводить шума. Быть-можетъ, и это всего вѣроятнѣе, остатокъ совѣсти—чувство, которое, благодаря молодымъ лѣтамъ, не успѣло совсѣмъ еще погаснуть въ сердцѣ пріемыша—держало его въ повиновеніи у изголовья умирающаго благодѣтеля.

Въ послѣдніе пять дней Гришкѣ ни разу не удалось урваться въ Комарево; на него пали всѣ хлопоты и распо-

ряженія касательно похоронъ; чуть ли не по два раза въ день принужденъ онъ былъ бѣгать въ Сосновку. Онъ не могъ располагать свободной минутой. Захаръ и товарищи ничего, слѣдовательно, не знали еще о кончинѣ Глѣба. Извѣстіе это имѣло, впрочемъ, значеніе для одного Захара. Послѣ смерти рыбака онъ долженъ былъ бросить миткальную фабрику и перебраться на жительство къ пріемышу, который дѣлался полнымъ хозяиномъ въ домѣ усопшаго. Пріятели заранѣе въ этомъ условились; условіе было даже скрѣплено, въ свое время, штофомъ вина.

При всемъ томъ, въ настоящую минуту, Гришка мало помышлялъ о Захарѣ. Онъ спѣшилъ въ Комарево, имѣя въ виду одну цѣль: показаться товарищамъ въ новомъ свѣтѣ, хвастнуть передъ ними завидною своей долей. Онъ не зналъ еще хорошенько, какое сдѣлаетъ употребленіе изъ сегодняшняго дня, не зналъ также, къ какому способу прибѣгнетъ, чтобы вѣрнѣе удивить товарищей. Новое положеніе, о которомъ онъ мечталъ столько времени, наконецъ осуществилось. При этой мысли, голова его шла кругомъ, въ ушахъ шумѣло, сердце прыгало отъ нетерпѣнія. Онъ чувствовалъ непобѣдимую, непреклонную потребность расходиться, разгуляться, закрутиться сутокъ на пять по крайней мѣрѣ.

Къ сожалѣнію, Гришка не могъ поспѣть въ Комарево раньше вечера; помѣшали сосновскіе родственники, которые, по заведенному обычаю, пріѣхали прямо съ погоста поминать покойника. Поминки, начавшіяся далеко за полдень, продолжались вплоть до заката. Волей-неволей, надо было ждать.

Было уже совершенно темно, когда Гришка очутился у комаревской околицы.

Въ такую позднюю пору, особенно осенью, пахатныя деревушки давнымъ-давно уже спятъ. Земледѣлецъ, обнадеженный скирдою ржи, которою наградилъ его Господь за труды, ложится теперь рано. Въ сумерки вы не увидите огонька, не услышите звука въ пахатной деревушкѣ. Но Комарево, подобно всѣмъ промышленнымъ фабричнымъ селамъ, не утихало раньше полуночи. По вечерамъ, благодаря окрестной тишинѣ и темнотѣ ночи, которая позволяла любоваться сотнями ярко освѣщенныхъ окопъ, дѣятельность Комарева становилась еще замѣтнѣе. Длинныя, багровыя полосы, пересѣкавшія главную улицу — центръ фабрикъ и дѣятельности,—огни, повторявшіеся въ лужахъ,

дикія взвизгиванія и пѣсни, глухо раздававшіяся внутри домовъ, страшная трескотня, производимая тысячью миткалевыхъ становъ на всемъ ходу,—все это придавало Комареву какой-то фантастическій видъ, вовсе не свойственный обыкновеннымъ деревнямъ. На главной улицѣ не было окна, въ которомъ бы не горѣли огни и не двигались человѣческія фигуры, сгорбленныя въ три погибели и качавшіяся взадъ и впередъ какъ маятники. Въ эту пору въ Комаревѣ спали однѣ только тучныя, расплывшіяся жены хозяевъ фабрикъ и не менѣе тучныя дѣти ихъ. Остальное народонаселеніе, начиная съ семилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и кончая шестидесятилѣтними стариками, неутомимо работало: сидѣло перегнувшись надъ станомъ или разматывало шпули. Разсчетъ и нужда управляли здѣсь большимъ и малымъ. Самое время имѣло здѣсь свое особенное расчисленіе. Трудовой день не обусловливался восходомъ и закатомъ солнца, какъ въ пахатной деревнѣ; онъ опредѣлался числомъ аршинъ сотканнаго миткалю. Часы мѣряли аршинами: часъ приносилъ работнику семь копеекъ; размотанная шпуля приносила копейку. Барышъ или убытокъ каждаго ткача, каждаго размотчика зависѣли отъ нихъ самихъ. Всѣ бились изъ-за барышей и работали, слѣдовательно, безъ устали.

По этому самому, комаревскія улицы были совершенно почти пусты. Во все время, какъ Гришка пробирался къ фабрикѣ, гдѣ работалъ Захаръ, онъ не встрѣтилъ души. Изрѣдка до слуха его доходили торопливое шлепанье по лужамъ, затаенный возгласъ или шушуканье. Разъ, впрочемъ, наткнулся онъ и сшибъ съ ногъ мальчишку, перелетавшаго стрѣлою улицу и посланнаго съ пустымъ штофомъ къ Герасиму.

Отвѣсивъ мальчику подзатыльникъ за оплошность, пріемышъ молодцовато поправилъ шапку и направился къ двухъэтажному зданію, стѣны и кровля котораго сливались съ мракомъ, между тѣмъ какъ верхній и нижній рядъ оконъ горѣли какъ отдушины огромной плавильной печи. Онъ не вошелъ, однакожъ, на крыльцо: проникнуть во внутренность фабрики, переговорить съ Захаромъ при свидѣтеляхъ и вызвать его на улицу—значило накликать со стороны хозяина или приказчика градъ упрековъ и брань на голову товарища. Для избѣжанія всего этого, фабричными ребятами придуманъ былъ слѣдующій порядокъ: постороннее лицо, нуждавшееся въ комъ-нибудь изъ

пихъ, должно было прежде всего обойти весь нижній рядъ оконъ, высмотрѣть какое-нибудь знакомое лицо, ближайшее къ окну, и затѣмъ слегка постучать пальцемъ въ стекло. Знакомое лицо дѣлало видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, но, минуту спустя, оставляло работу, ловко шмыгало въ дверь и выбѣгало на улицу. Ему-то поручали вызвать такого-то или такую-то и за хлопоты приглашали обыкновенно послѣ окончанія работы въ „Разставанье“ или къ „Ивану Елкину“—названія, подъ которыми равно извѣстно было заведеніе флегматическаго Герасима. Въ послѣдніе два мѣсяца Гришка ознакомился уже въ совершенствѣ съ обычаями фабрикъ. Онъ поспѣшно обогнулъ крыльцо и подошелъ къ первому окну.

Тутъ сидѣлъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Захара. Лишнее говорить, что онъ пользовался точно такъ же дружбою пріемыша. То былъ рыжій и косой парень, но лихой и разбитной гуляка, по прозванію Семіонъ или Сѣвка-Глазунъ. Этотъ Семіонъ или Сѣвка держался обычая пропивать въ воскресенье все то, что зарабатывалъ въ продолженіе недѣли, если только не успѣвалъ заблаговременно проигрывать заработки въ три листка. Въ компаніи, гдѣ Захаръ игралъ роль коновода, Сѣвка былъ чѣмъ-то въ родѣ есаула.

Но прежде, чѣмъ подать условный знакъ Сѣвкѣ, необходимо было убѣдиться, точно ли сидитъ онъ на своемъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью Гришка приложилъ лицо свое къ стеклу. Въ первую минуту онъ ничего не могъ разглядѣть: свѣтъ ослѣпилъ его совершенно.

Мало-по-малу передъ нимъ открылась нескончаемая перспектива брусьевъ, балокъ, столбовъ и жердей, скрещенныхъ на всѣ возможные лады, точно деревянная паутина. Весь нижній этажъ, состоявшій изъ четырехъ сквозныхъ срубовъ, былъ занятъ фабрикою. Во всѣхъ промежуткахъ этой деревянной паутины виднѣлись быстро вращавшіяся колеса, которыми управляли мальчики и дѣвочки, покрытыя струями пота. Они должны были задыхаться. Мудренаго нѣтъ: самый дюжій работникъ, проживши годъ въ этой духотѣ, начиналъ хилѣть и сохнуть. Дерево сохло и трескалось; потолокъ и стѣны потѣли и лоснились какъ въ банѣ. Пламя сальныхъ свѣчей горѣло неподвижно, окруженное желтыми, тусклыми кругами; оно съ трудомъ проникало сгущенную атмосферу. Со всѣмъ тѣмъ въ нижнемъ этажѣ фабрики никогда не паходилось свободнаго

уголка. Опустѣвшее мѣсто тотчасъ же замѣщалось. Народъ тѣснился, какъ огурцы въ бочкѣ; рѣшительно не было возможности ткнуть пальцемъ безъ того, чтобы не встрѣтить бруса, протянутой основы или человѣческаго затылка. Головы бабъ, дѣвокъ и ткачей всѣхъ возможныхъ возрастовъ высовывались отовсюду: красные и синіе платки, черные, рыжіе затылки и бороды, блѣдныя лица, розовыя и бѣлыя рубашки пестрѣли въ глазахъ, какъ стекла калейдоскопа, который стали бы вертѣть противъ свѣчки. Все это двигалось при свѣтѣ нѣсколькихъ десятковъ сальныхъ огарковъ, вставленныхъ въ жестяные подсвѣчники; подсвѣчники держались на воздухѣ помощью проволокъ, перпендикулярно висѣвшихъ съ потолка. Оглушительная трескотня челноковъ, удары ботановъ, шипѣніе колесъ, говоръ, хохотъ, пѣсни наполняли все зданіе. Въ настоящую минуту, за неимѣніемъ другого, болѣе точнаго сравненія, этотъ нижній этажъ могъ казаться чѣмъ-то въ родѣ исполинскаго желудка, въ которомъ происходило сильное воспаленіе.

Сѣвка сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ. Пріемышъ постучалъ въ окно. Минуту спустя, на темномъ крыльцѣ застучали босыя ноги.

— Кто? произнесъ сиплый голосъ, весьма похожій на звукъ тупой пилы въ мягкомъ, гниломъ деревѣ.

— Я, Гришка... съ того берега...

— А, „Жукъ!“ воскликнулъ Сѣвка, поспѣшно сбѣгая ступеньки крылечка.

Между комаревскими гуляками заведенъ былъ обычай давать другъ другу прозвища: такъ, Сѣвку, благодаря, вѣроятно, огромнымъ глазамъ на выкатѣ, величали „Глазуномъ“; черные какъ смоль волосы пріемыша, смуглый цвѣтъ лица, нахмуренный видъ заслужили ему названіе „Жука“.

— Гдѣ ты пропадалъ? недѣлю не видали... спросилъ Сѣвка.

— Нельзя, братъ: хлопотали... Вѣдь у меня старикъ-атъ померъ...

— Что ты?..

— Да такъ...

— Стало, ты теперь хозяинъ! воскликнулъ Сѣвка, имѣвшій свои причины радоваться перемѣнѣ въ судьбѣ своего товарища. — Что жъ, Жукъ, а? примолвилъ онъ полу-шутовскимъ, полу-серьезнымъ тономъ,—вѣдь, я чай,

спрыснуть надо... какъ же такъ-то!... ей-Богу надо спрыснуть!..

— Приходи опосля, какъ фабрику запрутъ, и другихъ нашихъ робятъ зови.

— Вотъ такъ-такъ! ладно, будемъ!

— Зови къ Герасиму, подтвердилъ пріемышъ, — дойди только теперь къ Захару, скажи: Гришка, молъ, дожидаетъ, оченно, скажи, безпремѣнно надо видѣть.

— Эвна, да рази ты не знаешь?

— А что?

— Стало, онъ у тебя вечоръ не былъ?

— Нѣтъ.

— Третій ужъ день не живетъ у насъ.

— Полно...

— Право; расчелся.

— Гдѣ жъ онъ? стало, у Герасима?

— Знамо, тамъ; гдѣ жъ больше и быть! Ступай туда: найдешь.

— Ладно; такъ приходите же, вымолвилъ Гришка, поспѣшно удаляясь.

— Духомъ будемъ! отозвался Сѣвка, исчезая въ непроницаемой темнотѣ фабричныхъ сѣней.

Кабакъ находился, какъ уже извѣстно, у околицы. Гришкѣ пришлось, слѣдовательно, повторить свое путешествіе по Комареву. Конецъ былъ порядочный, и прогулка, сама по себѣ, не представляла большого удовольствія, особенно въ ночное время. Грязь и лужи покрывали улицы. Хворостъ, брошенный такъ только, для проформы, въ глубокія ямы, наполненныя грязною жижей, обманывалъ ногу. Нужно было имѣть кошачьи глаза и кошачью легкость, чтобы выйти невредимымъ изъ этой топи.

Несмотря, однакожъ, на всѣ неудобства дороги, Гришка подвигался впередъ быстро и весело. Свистъ его былъ даже причиною пробужденія нѣсколькихъ собакъ, которыя до того времени спокойно спали подъ телѣгами и воротами. Онъ находился въ счастливѣйшемъ расположеніи духа и былъ похожъ на лѣниваго школяра, котораго только-что выпроводили изъ школы, и которому сказали: „ступай на всѣ четыре стороны!“

По мѣрѣ того, какъ пріемышъ приближался къ цѣли своего путешествія, освѣщенныя окна становились рѣже. Шумъ внутри фабрикъ отдалялся съ каждою минутой.

Мало-по-малу онъ пропалъ совершенно. Въ ушахъ пріемыша раздавался только хлясъ, производимый его ногами, и шуршуканье вѣтра, который время отъ времени пробѣгалъ по соломеннымъ кровлямъ.

Теперь уже тянулись по бо́льшей части низенькія лачужки и полуобвалившіеся плетни, принадлежавшіе бѣднымъ обывателямъ. Густой, непроницаемый мракъ потопилъ эту часть Комарева. Кровли, плетни и зданія сливались въ какія-то черныя массы, мало чѣмъ отличавшіяся отъ темнаго неба и еще болѣе темной улицы. Тутъ уже не встрѣчалось ни одного освѣщеннаго окна. Здѣсь жили одни старики, старухи и больные. Остальные всѣ, отъ мала до велика, работали на фабрикахъ.

Хриплый, удушливый лай и звякапье желѣзной цѣпи возвѣстили наконецъ близость „Разставанья“. Безъ этихъ признаковъ, трудно было догадаться, что подходишь къ обитаемому жилищу. Кабакъ казался еще мрачнѣе, еще темнѣе лачужекъ, потому, вѣроятно, что занималъ больше пространства въ темномъ небѣ. Отдѣленный отъ домовъ огородами, опъ окапчивалъ собою жилье съ этой стороны Комарева. Бо́льшая часть павѣсовъ заведенія и заднія ворота выходили уже въ луга—обстоятельство большой важности, если принять въ соображеніе торговыя операціи Герасима, которыя были такого рода, что должны были производиться, по возможности, тихомолкомъ. Мертвое молчаніе окружало зданіе, одиноко возвышавшееся посреди пустыря. Лаяли только собаки, да шумѣлъ вѣтеръ, гулявшій теперь на просторѣ. Но тюремная наружность „Разставанья“ не произвела, однакожъ, на Гришку непріятнаго дѣйствія. Напротивъ того, опъ ускорилъ шагъ, какъ человѣкъ, достигнувшій наконецъ своей цѣли послѣ долгаго странствованія. Онъ проворно вбѣжалъ на крыльцо и смѣлою, увѣренною рукою отворилъ дверь, обвѣшанную лохмотьями рогожи.

Герасимъ только что легъ на скамью, скрывавшуюся за прилавокъ, когда Гришка вошелъ въ кабакъ. Сальный огарокъ, воткнутый въ желѣзный искалѣченный подсвѣчникъ, слабо освѣщалъ избу. Желтое пламя, придавленное шапкою нагара, выставляло напоказъ дюжины двѣ мелкихъ, но неуклюже-толстенькихъ стакановъ, съ зеленымъ и фіолетовымъ отливомъ, которые тѣснились на сосновой доскѣ прилавка, такой же жирной, какъ огарокъ, и черной, какъ полъ. Свѣтъ съ трудомъ уже досягалъ за пре-

дѣлы прилавка. Кой-гдѣ, впрочемъ, мелькали края полокъ, штофы и склянки, украшавшіе заднюю стѣну. Бочка, стоявшая въ дальнемъ углу, едва-едва обозначалась красноватымъ кругомъ. Мѣдный кранъ бочки и жестяныя воронки, прицѣпленныя къ ея боку и тронутыя кой-гдѣ блескомъ свѣчи, казались висящими въ воздухѣ. Бревенчатый потолокъ и стѣны передней части избы, предназначавшейся для посѣтителей, оставались въ совершенной темнотѣ (прилавокъ раздѣлялъ избу пополамъ). Справа только не доходилъ онъ до стѣны, открывая посѣтителямъ сообщеніе съ задней дверью.

Кромѣ сверчка, который жалобно трещалъ подъ какимъ-то косякомъ, тутъ не было, казалось, живой души. Но едва только успѣлъ Гришка перекинуть ногу за порогъ, надъ краемъ прилавка показалось продолговатое, мертвенное лицо цѣловальника. Казалось, подъ поломъ кабака скрывался механизмъ, имѣвшій непосредственное сообщеніе между петлями дверей и туловищемъ Герасима. Дверь отворялась—туловище приподымалось съ лавки; дверь запиралась—туловище опускалось. Замѣчательнѣе всего, что туловище находилось въ совершенномъ повиновеніи у двери и подымалось быстро или медленно, смотря по тому, быстро ли, или медленно отворяли дверь.

— Здорово, дядюшка Герасимъ! молодцовато воскликнулъ пріемышъ, приподымая шапку и подходя къ прилавку.

Цѣловальникъ лѣниво протеръ красные больные глаза свои и еще лѣнивѣе подперся локтемъ. Увидѣвъ молодого парня, лицо и денежныя обстоятельства котораго были ему довольно знакомы, онъ не удостоилъ даже опустить наземь длинныхъ ногъ своихъ.

— Косушку, что ли? произнесъ онъ сонливымъ, неохотливымъ голосомъ.

— Возьмемъ и четверть! мало четверти, все ведро возьмемъ,—дай срокъ! сказалъ пріемышъ, очевидно старавшійся произвести выгодное впечатлѣніе на цѣловальника, передъ которымъ игралъ до сихъ поръ самую ничтожную роль.—Сами теперь хозяева, дядюшка Герасимъ!.. подхватилъ онъ подбоченясь и потряхивая волосами;—живемъ, какъ хотимъ!.. Слышь, дядюшка Герасимъ!.. Сами стали хозяева!

— Твое счастье, промямлилъ цѣловальникъ, зѣвая и потягиваясь.

Онъ ничего не зналъ еще о смерти Глѣба. Въ противномъ случаѣ, Герасимъ обошелся бы съ парнемъ ласковѣе и словоохотливѣе. Ему не разъ уже приводилось имѣть дѣло съ молодыми наслѣдниками. Онъ зналъ, какъ сговорчивы они на первыхъ порахъ, умѣлъ пользоваться случаемъ и обдиралъ ихъ обыкновенно до-чиста. Денегъ онъ никогда не спрашивалъ, пока въ рукахъ наслѣдника находился хоть какой-нибудь цѣнный предметъ изъ крестьянскаго хозяйства. Этимъ способомъ онъ навѣрняка пріобрѣталъ каждую вещь за половину цѣны. О деньгахъ заботиться было нечего: деньги наслѣдника, само собою разумѣется, не минуютъ перейти въ его руки. Но цѣловальникъ находился въ неизвѣстности о кончинѣ зажиточнаго рыбака и не видѣлъ пока надобности терять лишнія слова съ пріемышемъ. Приписывая удаль и веселость парня какому-нибудь полтиннику, случайно попавшему въ карманъ, Герасимъ петербѣливо спросилъ, что ему надо.

— Погоди, дай срокъ: будетъ время покуражиться; теперь до Захара есть надобность, торопливо отвѣчалъ Гришка.

— Такъ бы и сказалъ... Ступай въ харчевню, проворчалъ Герасимъ и снова повалился на лавку.

Гришка между тѣмъ прошелъ между стѣною и прилавкомъ и направлялся къ задней двери.

Дверь открывалась въ сѣни, служившія цѣловальнику складочнымъ мѣстомъ. Чего только не было въ этихъ стѣнахъ! Каждый могъ вдоволь любоваться кадками, корчагами, горшками и котлами, которые громоздились въ свободныхъ углахъ и даже, за неимѣніемъ мѣста, валялись на полу. Когда дверь, выходившая на дворъ, была затворена, въ сѣняхъ царствовалъ полумракъ, даже среди бѣлаго дня. Потолка не было, и свѣтъ проходилъ сквозь щели соломенной кровли; но ночью, и особенно теперь, когда небо заслонялось тучами, тутъ легко было сломить себѣ шею. При всемъ томъ, Гришкѣ достаточно было нѣсколько секундъ, чтобы выбраться изъ этого лабиринта и нащупать рукоятку внутренней двери. Онъ не замедлилъ очутиться подъ длиннымъ дощатымъ навѣсомъ,— родъ крытой галлереи, которая лѣпилась вдоль стѣны кабака и выходила открытою своею стороною на дворъ, окруженный сплошною стѣною сараевъ и навѣсовъ. Кромѣ кабака и харчевни, Герасимъ содержалъ также постоялый

дворъ. Двѣ дороги: одна—изъ Зарайска, другая—изъ внутренней части уѣзда, въ Коломну, проходили подлѣ Комарева. Герасимъ не могъ, слѣдовательно, терпѣть убытка. Въ базарные дни, осенью и зимою, въ обозное время, въ посѣтителяхъ не было недостатка. Лошади и подводы наполняли дворъ. Часто даже, за тѣснотою, приходилось помѣщаться у воротъ. Галлерея примыкала правымъ концомъ своимъ къ большой избѣ, гдѣ жили цѣловальникъ и жена его, гдѣ ужинали и спали обозники и прохожіе. Лѣвый конецъ ея упирался въ другую избу, составлявшую съ заднею стѣною кабака прямой вогнутый уголъ. Постройки „Разставанья“ представляли, слѣдовательно, со стороны двора подобіе изломанной буквы П. Въ этой послѣдней избѣ находилась собственно харчевня. Окна смотрѣли на дворъ или навѣсы, такъ что съ галлереи не было возможности разсмотрѣть, что происходило въ харчевнѣ; но на этотъ разъ огонь, отражавшійся въ лужѣ, достаточно показывалъ присутствіе гостей. Гришка легко даже могъ бы разслышать голосъ и пѣсню Захара, если бъ не помѣшали звуки желѣзной цѣпи и лай собаки, которая, заслышавъ шаги на галлереѣ, металась и лаяла сильнѣе прежняго.

XXV.

Отворивъ дверь харчевни, пріемышъ вступилъ въ крошечную темную каморку, стѣны которой, живьемъ сколоченныя изъ досокъ, не доходили до потолка. На полу шипѣлъ самоваръ, распространявшій вокругъ себя огненную, вычурную звѣзду. Труба самовара, наполненная пылающими угольями, освѣщала раздутое лицо батрака Герасима.

Гришка не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія и поспѣшно вошелъ въ просторную избу, уставленную множествомъ столовъ и лавокъ.

Два-три стола заняты были посѣтителями, принадлежавшими по большей части къ сословію комаревскихъ фабричныхъ; между ними виднѣлись и женщины.

Неподалеку, за особымъ столомъ, возсѣдалъ Захаръ. Передъ нимъ возвышался штофъ, зеленѣлъ стаканъ и красовалась гармонія, неизмѣнная его спутница.

— Гришка! онъ самый! воскликнулъ Захаръ, какъ только пріемышъ показался въ дверяхъ,—ахъ ты, шутъ ты этакой! а я только тебя вспоминалъ! подхватилъ онъ, стремительно

подымаясь и подходя къ товарищу,—ну, садись, братъ, присосѣживайся, вотъ тебѣ стаканчикъ „жизни“... Качай! заключилъ Захаръ, наливая вино.

Гришка оглянулъ присутствующихъ, молодцовато тряхнулъ волосами, выпилъ вино и стукнулъ даже стакаюмъ объ столъ.

Пріемышъ, какъ вообще всѣ молодые люди, начинающіе разгульное поприще, стремился покуда къ тому только, чтобы прослыть въ кругу товарищей лихимъ, удалымъ малымъ. Самый вѣрный способъ сдѣлаться лихимъ и выиграть во мнѣніи такихъ товарищей заключается въ томъ, чтобы выпивать съ ними одинаковое число стакановъ. Новичокъ, перепившій самаго отчаяннаго пьяницу своей компаніи, занимаетъ уже видное мѣсто. Гришкѣ ни разу еще не удавалось перепить Сѣвку, хотя онъ мало уже въ чемъ уступалъ другимъ комаревскимъ гулякамъ; но самолюбіе его не удовлетворялось такимъ успѣхомъ. Многаго еще недоставало ему, чтобы сравняться съ товарищами. Такъ, напримѣръ, Гришка, шумѣвшій и кричавшій громче всѣхъ на попойкахъ, терялъ всю свою лихость въ присутствіи прекраснаго пола. Имъ овладѣвала тогда страшная неловкость: у него отымался языкъ. Несмотря на стаканы вина, которые выпивалъ онъ залпомъ, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ, никто не обращалъ на него вниманія. Въ этомъ отношеніи послѣдній мальчишка въ Комаревѣ былъ ловчѣе его. Быть-можетъ, сознаніе своей зависимости, безденежье, не переставшее грызть ему сердце, сильнѣе еще возбуждали въ немъ робость: и радъ бы показать себя передъ людьми, да печѣмъ! Наконецъ, ему попросту недоставало привычки къ женскому обществу. При жизни Глѣба, онъ имѣлъ случай исчезать не иначе, какъ ночью, а въ эту пору комаревскія красавицы рѣдко рѣшались посѣщать „Разставанье“. Однимъ словомъ, Гришка не зналъ „приличнаго обращенья“, какъ говорилъ Захаръ.

Но теперь обстоятельства перемѣнились. Гришка могъ отправляться въ Комарево, когда заблагоразсудится, пребывать тамъ, сколько душѣ угодно, пожалуй хоть вовсе туда переселиться. Можно, слѣдовательно, надѣяться, что онъ употребитъ съ пользою свою свободу. Подъ руководствомъ такого наставника, какъ Захаръ, онъ, безъ сомнѣнія, пойдетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію и не замедлитъ постигнуть тайну „приличнаго обращенья“.

— Гдѣ-жъ ты пропадалъ? началъ Захаръ.

— Чего, братецъ, разв ты не слыхалъ?

— А что?

— Да вѣдь у меня... старикъ-атъ... вѣдь померъ!

— Какъ? можетъ ли быть? воскликнулъ Захаръ, откидываясь назадъ и выказывая на мгновенно вспыхнувшемъ лицѣ своемъ всѣ признаки удивленья, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнѣйшаго восторга.

— Право, отвѣчалъ Гришка, вниманіе котораго съ самаго начала бесѣды исключительно почти принадлежало постороннимъ лицамъ, находившимся въ харчевнѣ,—померъ,—третьяго дня померъ.

— Скажи ты на милость! а? Съ чего жъ такъ? Хворалъ, что ли? да нѣтъ, когда было хворать! Должно-быть сила, силища задавила его! Я и въ тѣ поры говорилъ, оченно былъ силенъ, безпремѣнно, какъ есть, задавитъ его сила! убѣждалъ Захаръ, окончательно уже захмелѣвшій отъ радости.—То-есть вотъ какъ, повѣрите ли, братцы, подхватилъ онъ, оборачиваясь къ сидѣвшимъ за другими столами и съ живостію размахивая руками,—то-есть отродясь не видалъ такого старика: плечи—вотъ!.. ростъ... то-есть четверыхъ, выходитъ, молодцовъ, заткнетъ за поясъ... страшилище былъ... то-есть ни вообразить нельзя никакимъ манеромъ! Я и тогда говорилъ: тѣмъ и помретъ—сила его задавитъ.

— Ночче утромъ хоронили, перебилъ Гришка, который, очевидно, тяготился долгимъ молчаніемъ.

— Скажи на милость! а? Вотъ она жисть-то, подумаешь! произнесъ Захаръ тономъ меланхоліи, между тѣмъ какъ востроглазые глаза его такъ и прыгали.—Вотъ-те и Глѣбъ Савинычъ! жилъ-жилъ да и фю... фю...

Тутъ Захаръ приподнялъ брови, сжалъ губы и, наклонивъ голову, издалъ протяжный, дребезжащій свистъ, но это продолжалось всего одну секунду. Онъ быстро обратился къ пріемышу и произнесъ отрывисто:

— Стало ты, Гриша, хозяинъ теперича?

— Какъ же... все мнѣ предоставилъ! отвѣчалъ пріемышъ.—„Тебѣ, говоритъ, предоставляю весь домъ, все мое добро, говоритъ; сыновьямъ, говоритъ, Петру и Василію, ничего не давай; все твое, говоритъ..."

— Ахъ, Глѣбъ Савинычъ, милый ты человѣкъ! воскликнулъ Захаръ съ неподдѣльнымъ, но потому-то самому комически-отвратительнымъ умиленіемъ. — То-то вотъ, напрасно мы тогда на него пеняли! и то, и сё,—а онъ вонъ

какую добродѣтель сдѣлалъ... ужъ подлинно наградилъ, можно сказать! отецъ родной, все единственно! Скажи на милость! Такимъ манеромъ, выходитъ, сталъ ты, Гриша, богачомъ теперича? Вотъ и знайте вы его, каковъ онъ есть! все единственно первый нашъ фабрикантъ; а можетъ, тотъ еще семь верстъ не доѣхалъ до его капитала! подхватилъ Захаръ.—Да, такъ вотъ каковъ онъ есть такой человѣкъ теперича,—старикъ-атъ жилъ въ акуратѣ, лучше быть нельзя: можетъ статься, двадцать лѣтъ копилъ, рубъ на рубъ складывалъ! такимъ манеромъ оставилъ по себѣ не одну сотню... можетъ-статься, выкинемъ какъ есть и всю тысячку! Теперича парни наши—все это, выходитъ, шишь-голь передъ нимъ—вотъ что! Ай да Григорій Акимычъ! знай теперь нашихъ! Да нѣтъ, я его довольно знаю: не зазнается—парень бравый, говорилъ Захаръ, дружески хлопая по плечу пріемыша, который старался принять значительный видъ и бодрился.—Слушай, Гриша, заключилъ Захаръ, перемѣняя вдругъ интонацію, — не о себѣ, братъ, говорю: что мнѣ! ничего мнѣ отъ тебя не надо! А только, воля твоя, надо бы, на радостяхъ-то, повеселить товарищей,—ей Богу! такъ ужъ, братъ, водится. Да вотъ и себя не мѣшаетъ маленечко, того, знаешь, этакъ, покуражить: вѣдь это, какъ есть, братецъ ты мой, по правилу слѣдуетъ... а?

— Только бы шли; за нами дѣло не станетъ, самодовольно вымолвилъ Гришка,—я и то заходилъ на фабрику.

— Когда?

— Да вотъ передъ тѣмъ, какъ сюда иттить; видѣлъ Глазуна, велѣлъ ему всѣхъ звать, какъ порѣшатъ за работой... Отъ него и провѣдалъ, что ты здѣсь... Сказывалъ, тебя хозяинъ расчелъ...

Захаръ толкнулъ его погою и прищурилъ лѣвый глазъ, давая этимъ знать, чтобъ онъ молчалъ. Ему не хотѣлось, видно, чтобы причина размолвки съ фабрикантомъ сдѣлалась извѣстна посторонимъ лицамъ; а можетъ быть, знаки эти имѣли цѣлію показать Гришкѣ довѣріе и дружбу Захара.

— Да, какъ же! держи карманъ! нѣтъ, братъ, не онъ меня расчелъ — самъ отошелъ, ловко подхватилъ онъ,— станемъ, какъ же, угождать всякой шушерѣ, то не такъ, это не такъ... Ахъ ты, въ стекляночной-те разбей! чуфара ты этакая купеческая, самоварная! разжился—поди ты,

какой форсъ взялъ... не угодишь никакъ! Ну, значитъ, и отваливай!

Но, по мѣрѣ того, однакожъ, какъ вино въ штофѣ исчезало, наглая наружность Захара замѣтно теряла свою веселость. Онъ не умолкалъ, впрочемъ, ни на минуту, разсказывалъ потѣшные анекдоты, игралъ на гармоніи и даже пѣлъ пѣсни: но во всемъ этомъ проглядывало какое-то принужденіе. Видно было, что Захаръ о чемъ-то заботился; онъ не переставалъ потирать лобъ, хмурилъ брови, чесалъ переносицу своего орлинаго поса,—словомъ, былъ, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ. Наконецъ онъ всталъ изъ-за стола, вышелъ изъ избы, выслалъ за чѣмъ-то батрака Герасима, который спалъ на полу подлѣ самовара, приложилъ глаза къ скважинѣ перегородки и крикнулъ пріемыша.

— Гриша, сказалъ онъ озабоченнымъ голосомъ,—подька, братъ, сюды... на два слова.

Секунду спустя, Гришка очутился подлѣ товарища.

— Слушай, есть у те деньги? торопливо шепнулъ Захаръ.

— Нѣтъ, нѣту.

— Эхъ, плохо дѣло! произнесъ Захаръ.—Какъ же это, братецъ мой, а? подхватилъ онъ, досадливо тряхнувъ головою.

— Потому больше, думалъ, у тебя найдутся...

— Было точно цѣлковыхъ два, какъ расчелся съ хозяиномъ; всѣ вышли: то да сё. Слушай, Гриша, ты знаешь каковъ я есть такой! подхватилъ вдругъ Захаръ рѣшительнымъ тономъ,—ужъ сослужу службу, — одно говорю, слышь, заслужу! Теперь возьми ты: звалъ ребятъ, придутъ—угостить надо: какъ же безъ денегъ-то? никакимъ манеромъ нельзя. Вѣдь Герасимъ въ долгъ не повѣритъ,—право, жидъ, не повѣритъ; надо какъ-нибудь перевернуться, а ужъ насчетъ себя одно скажу: заслужу тебѣ!

— Съ тѣмъ и шелъ—думалъ, у тебя будутъ...

— То-то и есть, нѣту. Тогда бы и разговору не было: бери, да и все тутъ; что мое, то твое: это все единственно... Воля твоя, Гриша, надо добыть: придутъ ребята—какъ же? не годится, братъ, осмѣютъ, осрамишься... Да что тебѣ! не искать стать! взялъ да и баста! свое берешь, не чужое! Самъ говоришь, тебѣ все предоставилъ: такимъ манеромъ это все единственно.

— Да гдѣ взять-то? Поди-жъ ты, въ голову не пришло, какъ былъ дома! произнесъ Гришка, проклиная свою опро-

метчивость,—кабы напередъ зналъ... Куда за ними идти! время позднее... ночь...

— Вотъ, три-то версты! живо подхватилъ Захаръ.

— Знамо, недалече, да, я чай, дома-то спятъ всѣ; придемъ—всѣхъ только переполошимъ.

— Тихо можно обдѣлать, никто даже ни... ни... не ворохнется. И то сказать, рази воры какіе пришли? чего имъ полошиться-то?.. Пришелъ, взялъ, да и баста; свое добро взялъ, не чужое... ты не воровать пришелъ... Смотри, братъ, тебя бы не обворовали.

— Небось.

— А гдѣ деньги-то?

— Въ сундучкѣ, въ каморѣ; куда хоронилъ старикъ, тамъ и лежатъ...

— Эхъ ты, Ѳалалей! ахъ! воскликнулъ Захаръ чуть не во все горло,—что жъ это ты надѣлалъ? Сыми мою голову, не будь я Захаръ, коли найдемъ теперь хоша одну копейку! рублемъ простъ буду, коли старуха, тѣмъ временемъ, какъ сюда шелъ, не забрала деньги!

— Небось, не возьметъ! съ увѣренностію возразилъ Гришка,—вѣдь ключъ-то отъ каморы—я его взялъ... передъ тѣмъ, какъ идти, взялъ...

— Ой-ли?

— Вотъ онъ.

— Такъ о чемъ же мы толкуемъ? что жъ мы стоимъ? пойдемъ! восторженно прошепталъ Захаръ, схватывая руку товарища.—Чего ждать-то? Толкомъ говорятъ: рази мы воровать идемъ? Твое добро, тебѣ предоставлено: значитъ, все единственно, властенъ взять, когда хочешь. Теперь даже взять податнѣе, черезъ ту, выходитъ, причину: возьмешь днемъ — всѣ увидятъ, содомъ подымутъ, шумъ, крикъ, упрекать станутъ; теперь никто не увидитъ — взялъ, да и баста! дѣло выйдетъ въ закрывъ, самое любезное: подумаютъ еще, ничего послѣ себя не оставилъ; тѣмъ и обойдется... Пойдемъ, Гришуха: того и смотри, придутъ ребята.

Пріятели вернулись за перегородку, взяли шапки, раскланялись съ пирующими и вышли изъ харчевни.

— Вотъ что, дружище, сказалъ Захаръ, когда они очутились въ крытой галлереѣ,—ты меня обожди минутку на улицѣ. Признаться, малость задолжалъ нонче вечеромъ Гараськѣ: думалъ, Сѣвка выручитъ. Надо слова два перемолвить съ Герасимомъ; безъ того, жидъ, не выпуститъ... Духомъ выйду къ тебѣ...

Гришка утвердительно кивнулъ головою, вступилъ въ сѣни, потомъ въ кабакъ. Голова цѣловальника тотчасъ же показалась надъ прилавкомъ; но Гришка не обратилъ на него вниманія и, оставивъ въ кабакѣ Захара, вышелъ на улицу.

Пріемышъ не долго дожидался. Минуту спустя, Захаръ явился къ нему, но уже безъ полушубка и шапки. Оба эти предмета остались на время „въ ученьи“ у Герасима,—такъ выразился по крайней мѣрѣ Захаръ.

Несмотря на грязь и лужи, которыя замедляли шагъ, пріятели скоро миновали луга и не замедлили очутиться въ кустахъ ивняка, гдѣ скрывался челнокъ пріемыша. Немного погодя, они переѣхали Оку и вышли на площадку.

Тьма кромѣшная окутывала избушки. Не было никакой возможности различить ихъ очертаніе посреди темнаго углубленія высокаго берегового хребта, который подымался черною, мрачною стѣною. Жалобное журчаніе ручья да изрѣдка шумъ вѣтра, который качалъ воротами, возмущали тишину площадки.

Шагахъ въ двадцати отъ дому, Гришка неожиданно остановился и поспѣшно удержалъ рукою Захара.

— Шт... никакъ... какъ словно кто-то на заваленкѣ? прошепталъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь темноту можно было различить на заваленкѣ что-то бѣлѣвшееся: казалось, сидѣлъ кто-то. Смолкнувшій на минуту вѣтеръ позволилъ даже разслышать тяжкій вздохъ и затаенное рыданіе.

— Должно-быть, старуха все убивается, шепнулъ Захаръ,—придется идти къ огороду.

Оба затаили дыханіе, припали къ землѣ и бережно стали огибать избы. За угломъ они снова поднялись на ноги и поспѣшили войти въ проулокъ, куда отворялись заднія ворота.

— Все одно, и здѣсь услышатъ; ворота добре пуще скрипятъ, какъ разъ услышатъ, произнесъ нерѣшительно пріемышъ, потерявшій вдругъ почему-то всю свою смѣлость.

— Не годится, когда такъ... потому услышатъ... можетъ-статься, тамъ еще тесть твой? шепнулъ Захаръ, торопливо оглядываясь назадъ.

— Не знаю... можетъ, и тамъ.

— Какъ же быть-то? придется вѣдь лѣзть черезъ

крышу, когда такъ... потому хуже, коли услышатъ... не драться же съ ними. Все дѣло спортимъ. Надо какъ-нибудь такъ, чтобы не догадались... Подумаютъ, не оставилъ старикъ денегъ,—да и все тутъ. Ну, пойдемъ: начали—кончать, значитъ, надо! проговорилъ Захаръ, ободряя товарища.

Они миновали проулокъ и выбрались къ ручью.

Съ этой стороны тянулся сплошной навѣсъ, соединявшійся съ избою посредствомъ небольшой бревенчатой постройки. Одна стѣна постройки выходила въ сѣни избы, другая примыкала къ навѣсу: это была камора; соломенная кровля ея шла въ уровень съ кровлею избы, но значительно возвышалась надъ кровлею навѣса, такъ что, взобравшись на навѣсъ, легко было проникнуть на чердакъ; съ чердака вела лѣстница въ сѣни, куда выходили дверь каморы, дверь избы и дверь на крылечко.

— Ну, что думать-то? полѣзай! шепнулъ Захаръ,—сыми напередъ сапоги-то—лучше: неравно застучатъ.

Онъ долженъ былъ, однакожъ, два раза повторить совѣтъ пріемышу. Въ ушахъ Гришки шумѣло; сердце его сильно билось въ эту минуту, несмотря на то, что онъ всячески ободрялъ себя мыслями, что беретъ свое добро, что можетъ взять его, когда заблагоразсудится. При всемъ томъ страхъ невольно прохватывалъ его до самаго сердца; онъ чувствовалъ, что дрожали его колѣни и пересыхало въ горлѣ. Онъ, можетъ быть, отказался бы даже отъ предпріятія, если бъ не боялся прослыть трусомъ въ глазахъ Захара, если бъ не боялся насмѣшекъ товарищей, которымъ, безъ сомнѣнія, обо всемъ разскажетъ Захаръ... Послѣднее соображеніе мгновенно возвратило ему бодрость; онъ снялъ сапоги, поставилъ ногу въ ладонь Захара, махнулъ на кровлю и черезъ минуту исчезъ въ отверстіи, которое оставалось между кровлями каморы и навѣса.

Нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія прошли для Захара; повидимому, онъ также не владѣлъ всею своею смѣлостію. Прижавшись къ стѣнѣ, Захаръ не переставалъ оглядываться то въ одну сторону, то въ другую.

Наконецъ доска, закрывавшая изнутри маленькое окошко каморы, тихо отошла въ сторону, и лицо Гришки выглянуло наружу.

— Всѣ спятъ... Ступай, проговорилъ онъ едва слышно.

Захаръ проворно ухватился руками за верхній вѣнецъ, нащупалъ правой ногою мѣсто въ какой-то щели и съ по-

мощью локтей живо вскарабкался на кровлю. Попасть на чердакъ не стоило ни малѣйшаго труда, стоило только лечь грудью на край навѣса, спустить ноги въ отверстіе кровли—и дѣлу конецъ: несравненно труднѣе было найти въ темнотѣ сходъ въ сѣни. Но Захару слишкомъ хорошо извѣстно было жилище Глѣба, чтобы могъ онъ сбиться съ пути или оступиться; онъ благополучно добрался до лѣстницы и еще благополучнѣе сошелъ внизъ. Прислушавшись минуту и убѣдясь хорошенько, что точно никто не пробуждался, онъ вступилъ въ камору, бережно заперевъ за собою дверь.

— Ну, братъ, зѣвать нечего... живо! Гдѣ сундукъ? произнесъ Захаръ, ощупывая въ потемкахъ товарища.

— Подъ нарой... завсегда тамъ былъ, отвѣчалъ Гришка, опускаясь наземь.

— Долженъ, значитъ, быть и теперича... Тащи... смотри только, не загреми... Что жъ ты? промолвилъ Захаръ послѣ минутнаго напраснаго ожиданія.

— Что глотку-то дерешь! дай прежде сыскать: не найду никакъ, прошепталъ Гришка, ползая подъ нарою.

— Погоди... у меня никакъ вотъ тутъ спички были, торопливо промолвилъ Захаръ, роясь въ карманѣ шароваръ,—такъ и есть, тутъ.

Захаръ пригнулся къ полу; секунду спустя синій огонекъ сверкнулъ между его пальцами, разгорѣлся и освѣтилъ узенькія бревенчатыя стѣны, кое-гдѣ завѣшенныя одеждою, прицѣпленной къ деревяннымъ гвоздямъ; кой-гдѣ сверкнули хозяйственныя орудія, пила, рубанокъ, топоръ, державшіеся на стѣнѣ также помощію деревянныхъ колышковъ; во всю длину стѣны, гдѣ прорублено было окошко, лѣпились дощатыя нары, намощенныя на козла—осеннее ложе покойнаго Глѣба; изъ-подъ наръ выглядывали голыя ноги пріемыша.

— Смотри въ оба, не зѣвай, вымолвилъ Захаръ, просовывая руку съ огнемъ подъ нару.

— Вижу... здѣсь, вотъ онъ! шепнулъ Гриша.

— Шт... тащи... Эхъ, погасла, варварка! Ну, да ништо: и безъ огня теперича справимся.

Хриплый шорохъ по земляному полу возвѣстилъ, что сундукъ тронулся съ мѣста.

— Какъ же быть-то? вѣдь у сундука замокъ, а ключа-то нѣтъ, сказалъ Гришка, окончательно видвигая сундукъ изъ-подъ пары.

— Ничего: былъ бы топоръ... Заднюю доску у сундука отымемъ: это все единственно, какъ есть все на виду окажется; оно и лучше... Ключъ, вѣрно, у старухи... Заложимъ опосля доску-то, на мѣсто поставимъ—она и не догадается. Кажись, тутъ былъ гдѣ-то топоръ.

— У двери на гвоздѣ... нашелъ?

— Тута; на, бери его, а я пока засвѣчу спичку, сказалъ Захаръ, подавая Гришкѣ топоръ.

Спичка вспыхнула, и Гришка принялся за дѣло. Старый, изветшалый задокъ сундука отошелъ безъ большихъ усилій, но въ ту самую минуту, какъ пріемышъ наклонялъ голову къ отверстію сундука, Захаръ, успѣвшій уже разглядѣть кое-что на днѣ, уронилъ спичку.

— Эхъ, измѣнила, окаянная! прошепталъ Захаръ, поспѣшно прислоняясь плечомъ къ плечу товарища и стараясь показать, что шаритъ у себя въ карманѣ.

Въ этомъ положеніи Захаръ могъ чувствовать малѣйшее движеніе своего пріятеля; суетливыя движенія Захара, который продолжалъ дѣлать видъ, какъ будто отыскиваетъ спичку, не могли возбудить подозрѣній Гришки.

— Шутъ ихъ знаетъ! не найдешь, да и полно! повторялъ Захаръ, обшаривая между тѣмъ свободною рукою сундукъ,—должно быть, всѣ... Нѣтъ, погоди, подхватилъ онъ, торопливо вынимая два цѣлковыхъ и запрятывая ихъ съ необычайнымъ проворствомъ, одинъ въ карманъ шароваръ, другой за пазуху, изъ предосторожности, вѣроятно, чтобы они не звякнули.

Захаръ, безъ сомнѣнія, повторилъ бы свою продѣлку; но движеніе Гришки дало знать, что рука его также протягивалась къ сундуку.

Спичка мгновенно отыскалась.

— Кошель! сказалъ Гришка.

Соколиные глаза Захара жадно устремились на руки товарища, и горящая спичка задрожала между его пальцами при видѣ раскрытаго кожанаго кошеля, въ которомъ находилось мелочью и цѣлковыми рублей сто ассигнаціями.

— Должно-быть, еще есть, глухо прошепталъ Захаръ, сдавливая пальцемъ огонь.

Но на этотъ разъ хитрость ни къ чему не послужила: рука пріемыша была уже въ сундукѣ, прежде чѣмъ Захаръ успѣлъ протянуть свою собственную.

— Тряпица съ деньгами! вымолвилъ Гришка голосомъ, задыхающимся отъ волненія.

Въ тряпицѣ, завязанной въ нѣсколько узловъ, нашлись, къ сожалѣнію, однѣ только заржавленныя, старыя скобки, задвижки, пуговицы, петли и гвозди, перемѣшанные, впрочемъ, съ нѣсколькими пятаками. Несмотря на тщательный розыскъ, въ сундукѣ не нашлось больше ни одного гроша; всѣ сокровища Глѣба заключались въ кожаномъ кошелѣ; то былъ капиталъ, скопленный трудолюбивымъ старикомъ въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ!

— Ну, ничего! сказалъ Захаръ, — маленько обманулъ насъ старикъ, а все хошь не даромъ сходили: будетъ чѣмъ покуражиться!.. Пойдемъ: пора; я чай, ребята ждутъ! заключилъ онъ и, безъ дальнихъ разговоровъ, быстро вышелъ въ сѣни.

— Погоди: дай управиться; куда ты? вмѣстѣ пойдемъ, торопливо шепталъ Гришка.

— Одинъ не уйду... Ужъ и струхнулъ... эхъ ты! грубо отозвался Захаръ.

Скрипъ лѣстницы возвѣстилъ, однакожъ, Гришкѣ, что товарищъ его спѣшилъ пробраться на чердакъ каморы.

Торопливость окончательно овладѣла тогда Гришкой. Забывъ всѣ предосторожности, онъ кой-какъ приложилъ оторванную доску къ сундуку, пихнулъ его подъ нару, оставилъ топоръ на полу и, не захлопнувъ даже подвижной доски, которою запиралось окошко, выбѣжалъ въ сѣни. Онъ сообразилъ, однакожъ, всю необходимость запереть дверь каморы; сундукъ, топоръ, окно—все это можно было привести въ порядокъ завтра, но, во что бы то ни стало, надо запереть камору; а ключъ и замокъ никакъ между тѣмъ не отыскивались. Шаги Захара совсѣмъ умолкли. Гришка былъ одинъ въ сѣняхъ: ну, что, если жена, старуха или дѣдушка Кондратій, пробужденные шумомъ, выбѣгутъ вдругъ изъ избы?.. Ему послышалось даже, какъ словно кто-то ходилъ по избѣ. Гришка бросился со всѣхъ ногъ на лѣстницу, ведшую на чердакъ. Но едва только закинулъ онъ ногу на послѣднюю ступеньку, дверь въ самомъ дѣлѣ отворилась.

— Дунюшка? ты, родная? ась? проговорила тетушка Анна.

Затаивъ дыханіе, Гришка висѣлъ неподвижно на верхней ступенькѣ лѣстницы.

Къ счастію, вѣтеръ, зашумѣвшій въ эту минуту перед-

ними воротами, привлекъ вниманіе старушки: она прошла сѣни, загремѣла засовомъ, который замыкалъ дверь крыльца, и спустилась на дворъ.

Миновавъ чердакъ и выбравшись затѣмъ на кровлю навѣса, Гришка дохнулъ свободнѣе. Скатываясь наземь, онъ чуть не сѣлъ на шею Захара, который ожидалъ его, притаясь за плетнемъ.

— Что жъ ты меня оставилъ? досадливо сказалъ пріемышъ,—я чуть было не влопался: старуха изъ избы выходила...

— Кто жъ на заваленкѣ-то сидѣлъ? отрывисто возразилъ Захаръ,—стало, жена... Смотри, Жукъ, она за тобой присматриваетъ.

Но Гришка думалъ о томъ только, что дверь каморы настежь отворена. Онъ готовъ былъ въ эту минуту отдать половину своихъ денегъ, чтобы дверь эта была наглухо забита, заколочена, чтобъ вовсе даже не существовала она въ сѣняхъ.

— Захаръ, сказалъ онъ,—вѣдь камора-то не заперта... какъ быть?.. а?.. вѣдь ключъ-то я обронилъ...

— Такъ что жъ?.. Ужъ ты, братъ, и оробѣлъ?.. Ахъ, ты, соломенная твоя душа?.. Такъ что жъ, что отворена? пущай узнаютъ! Рази ты воровать ходилъ? Твое добро, тебѣ предоставлено, и не можетъ тебѣ запретить въ этомъ никто: захотѣлъ, взялъ, вотъ-те все!.. Эхъ ты, Ѳалалей, пра, Ѳалалей!.. Ну, качай! чего сталъ!..

Ободренный такимъ доводомъ, Гришка надѣлъ сапоги и пустился догонять Захара. Онъ часто останавливался, однакожъ, припадалъ къ землѣ и шикалъ Захару, который почему-то выступалъ теперь, не принимая никакихъ предосторожностей, разъ или два принимался даже посвистывать.

Шагахъ въ тридцати отъ дома Гришка оглянулся назадъ.

Онъ явственно разслышалъ голосъ жены и старухи; но сколько ни напрягалъ слухъ, думая услышать крики, звавшіе на помощь, ничего не могъ разобрать. Вѣтеръ дулъ съ Оки и относилъ слова двухъ женщинъ.

Смѣлость возвратилась къ Гришкѣ не прежде, какъ когда очутился онъ въ челнокѣ вмѣстѣ съ Захаромъ. Онъ началъ даже храбриться. На луговомъ берегу Гришка пересталъ уже думать о растворенной двери каморы. Приближаясь къ комаревской околицѣ, онъ думалъ о томъ

только, какъ бы получше выказать себя передъ товарищами.

И дѣйствительно, не было возможности выказать себя лучше того, какъ сдѣлалъ это Гришка. Даже Сѣвка-Глазунъ и самъ Захаръ наотрѣзъ объявили, что не ждали такой удали отъ Гришки-Жука, давно даже не видали такого разливаннаго моря. Мудренаго нѣтъ: пирушка обошлась чуть ли не въ пятьдесятъ рублей. Гришка „рѣшилъ“ въ одну ночь половину тѣхъ денегъ, которыя находились въ кошелѣ и которыя стоили Глѣбу десяти лѣтъ неусыпныхъ, тяжкихъ трудовъ!

XXVI.

Вѣсточка.

Само собою разумѣется, что Гришка, истративъ бо́льшую половину своего наслѣдства на угощеніе пріятелей, щедро, черезчуръ даже щедро,—отблагодарилъ ихъ за рѣдкіе стаканы вина, которыми угощали они его отъ времени до времени.

Но пріятели—въ томъ числѣ, конечно, Захаръ и Сѣвка—были другого мнѣнія. Убѣдить пріемыша ничего не стоило: онъ тотчасъ же подался. Видное мѣсто, которое занималъ онъ между ними въ качествѣ главнаго распорядителя и виновника празднества, чрезвычайно льстило его самолюбію.

Роль амфитріона, особенно, когда играешь ее въ первый разъ, способна увлечь и не такихъ легкомысленныхъ малыхъ, какимъ былъ пріемышъ; скряги, и тѣ въ подобныхъ случаяхъ забываютъ часто расчетъ. Самолюбіе, какъ извѣстно, отуманиваетъ голову крѣпче всякаго хмеля. Все это доставило пріемышу такое удовольствіе, было такъ ново для него, что онъ готовъ былъ на всевозможныя жертвы, только бы продлить свое торжество.

Съ того самаго вечера, какъ началась пирушка, Гришка не показывался уже дома. Дуня и тетушка Анна имѣли, однакожъ, возможность видѣть его каждый день. Вотъ какъ это было: избы покойнаго Глѣба находились, если только помнитъ читатель, на значительной высотѣ надъ поверхностію воды. Съ заваленки легко было обозрѣвать Оку на нѣсколько верстъ въ обѣ стороны. Дуня и старушка могли, слѣдовательно, видѣть, какъ Гришка и удалая его компанія катались по рѣкѣ въ большой лодкѣ.

Дикія, разгульныя пѣсни, крики и хохотъ пьяной толпы явственно доносились по вѣтру до избушекъ; иной разъ лодка подъѣзжала такъ близко, что старушка и сноха ея ясно различали безъ труда лица гулякъ; Гришка сидѣлъ обыкновенно рядышкомъ, рука въ руку, или обнявшись, съ Захаромъ; остальные члены веселой компаніи работали вкривь и вкось веслами, пѣли пѣсни, раскачивали лодку или распивали вино. Разъ даже, въ ненастный, дождливый день, они причалили къ площадкѣ; лодка была до того полна народу, что погружалась въ воду до борта; не мало также воды находилось въ самой лодкѣ. Тѣ изъ присутствующихъ, которые были не такъ хмельны, вышли на берегъ и бросились къ челнокамъ, смиренно лежавшимъ на пескѣ. Во все время, какъ спускали челноки въ воду, Гришка ни разу не обернулся, не взглянулъ на домъ; ему не до того было: поддерживая рукою штофъ, онъ распѣвалъ во все горло нескладную пѣсню, межпу тѣмъ какъ голова его безсильно свѣшивалась то на одно плечо, то на другое...

Дуня и старушка наблюдали всю эту сцену изъ окошка. У нихъ никогда не доставало духу оставаться на заваленкѣ, и стоило показаться на Окѣ большой лодкѣ, какъ обѣ спѣшили уйти въ избу. На другой же день послѣ похоронъ Глѣба узнали онѣ продѣлку съ сундукомъ. Первый предметъ, остановившій вниманіе тетки Анны, когда, вставъ на зарѣ, вышла она въ сѣни, была отворенная дверь каморы. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ глаза старушки привыкли видѣть эту дверь на запорѣ. Отсутствіе огромнаго желѣзнаго замка, служившаго единственнымъ ея украшеніемъ, ошеломило старушку. Ноги ея подкосились, грудь наполнилась тяжкимъ предчувствіемъ. Съ ужаснымъ крикомъ бросилась она въ избу и позвала Дуню.

Отпечатки грязныхъ ногъ явственно обозначались на полу сѣней и каморы. Комки мокрой грязи висѣли еще на перекладинахъ лѣстницы, ведшей на чердакъ. Спинка сундука, кой-какъ прислоненная, обвалилась сама собою во время ночи. Подлѣ лежали топоръ и замокъ. Окно было отворено!.. Но кто жъ были воры? Старушка и Дуня долго не рѣшались произнести окончательнаго приговора. Отсутствіе Гришки, прогулки въ лодкѣ, бражничество, возобновленная дружба съ Захаромъ обличили пріемыша. Надо было достать откуда-нибудь денегъ.

— Словно сердце мое чуяло! сказала тетушка Анна, тоскливо качая головою (это были почти первыя слова ея послѣ смерти мужа).—Тому ли училъ его старикъ-атъ!.. давно ли, касатка... о-охъ!.. я и тогда говорила: на погибель на свою связался онъ съ этимъ Захаромъ!.. Добре вотъ кого жаль, заключила она, устремляя тусклые, распухшіе глаза свои на ребенка, который лежалъ на рукахъ Дуни.

Дуня не плакала, не отчаивалась; но сердце ея замирало отъ страха, и дрожали колѣни при мысли, что не сегодня—завтра придется встрѣтиться съ мужемъ. Ей страшно стало почему-то оставаться съ нимъ теперь съ-глазу-на-глазъ. Она не чувствовала къ нему ненависти, не желал ему зла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желала его возвращенія. Надежда окончательно угасла въ душѣ ея; она знала, что кромѣ зла и горя ничего нельзя было ожидать отъ Гришки.

То, чего она такъ оялась, произошло скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. На пятыя сутки Гришка пришелъ домой въ сопровожденіи Захара. Оба были шибко навеселѣ.

Увидѣвъ пріемыша, тетка Анна забыла на минуту свое горе. Сердце ея задрожало отъ негодованія.

— Разбойникъ! вскричала она, всплеснувъ руками,—то ли сулилъ ты покойнику, а? Гдѣ жъ твоя совѣсть, потерянная душа твоя? гдѣ?

— Потно орать-то... проговорилъ Гришка, съ трудомъ ворочая языкъ.

— Разбойникъ! воръ! подхватила старушка, все болѣе и болѣе разгорячаясь.

— Тише, тетенька, слышимъ, не оглохли! промолвилъ Захаръ, нагло посматривая на Дуню, которая стояла въ дальнемъ углу, блѣднѣе полотна.

— Ты, окаянный, зачѣмъ здѣсь? ты зачѣмъ пришелъ? Твое это все дѣло! ты погубитель нашъ! ты подучилъ его воровать! отчаянно кричала старушка.

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ, тетка, размахалась? проговорилъ, наконецъ, Захаръ, мало до сихъ поръ обращавшій на нее вниманія.—Кто здѣсь кого обокралъ? смотри, не ты ли?.. Ему красть нечего... Хоша бы точно, заподлинно взялъ онъ деньги, выходитъ, красть ему нечего... свое взялъ—да и шабашъ!.. Пойдемъ, Гришка... что ее слушать, загуменную каргу...

— Знамо... свое... все мое... все мнѣ пре...доставлено!.. несвязно проговорилъ пріемышъ, слѣдуя за Захаромъ и напутствуемый бранью тетушки Анны.

Причина появленія двухъ пріятелей обнаружилась вскорѣ послѣ ихъ ухода. На дворѣ, подъ навѣсомъ, недалеко отъ заднихъ воротъ, находилась клѣть, или „лѣтникъ". Въ этой клѣти сохранялись обыкновенно до перваго снѣгу полушубки и вообще вся зимняя одежда. Заглянувъ туда случайно, тетушка Анна не нашла ни одного полушубка, даже своего собственнаго: клѣть была пустехонька.

Во весь этотъ день Дуня не сказала единаго слова. Она какъ словно избѣгала даже встрѣчи съ Анной. Горе дѣлаетъ недовѣрчивымъ: она боялась упрековъ разсерженной старухи. Но какъ только старушка заснула и мрачная ночь окутала избы и площадку, Дуня взяла на руки дочку, украдкою вышла изъ избы, пробралась въ огородъ и тамъ уже дала полную волю своему отчаянію. Въ эту ночь на голову и лицо младенца, который спокойно почивалъ на рукахъ ея, упала не одна горькая слеза...

Слезамъ этимъ суждено было не пересыхать многіе и многіе дни и ночи. Съ того самаго дня горе какъ червь основалось въ сердцѣ молодой женщины.

Одно изъ самыхъ тяжкихъ испытаній ея было разореніе старика-отца. Это произошло почти въ то же время, какъ Гришка кутилъ въ Комаревѣ. Дѣдушкѣ Кондратію не трудно было разориться; стоило только напасть „плевку" на пискарей и колюшекъ, на всю эту мелкоту, которую такъ глубоко презиралъ покойный Глѣбъ; такъ и случилось. Волей-неволей, дѣдушка Кондратій долженъ былъ покинуть маленькое озеро и искать новаго средства къ пропитанію. Тяжко было семидесяти-восьмилѣтнему старику добывать насущный хлѣбъ другимъ, болѣе труднымъ промысломъ. Онъ перенесъ, однакожъ, переворотъ судьбы съ тою кротостію и смиреніемъ, какія отличали его во всѣхъ случаяхъ жизни. Старикъ казался такъ же спокоенъ, какъ когда, бывало, удилъ рыбу на берегу своего озера. Онъ всячески старался уговорить и успокоить дочь, которая не переставала убиваться о томъ, что не можетъ подать ему руку помощи. И въ самомъ дѣлѣ, при существующихъ обстоятельствахъ, она ровно ничѣмъ не могла пособить преклонному родителю. Сама она съ своимъ младенцемъ и тетушка Анна ждали уже минуты, когда останутся безъ куска хлѣба. Обѣ, одна-

кожъ, приступили къ старику и стали просить его перебраться въ домъ, хотя на первое время; но дѣдушка Кондратій напрямикъ отказался.

— Ничего изъ этого не будетъ, только обременю васъ, сказалъ онъ,—надо самому хлопотать какъ-нибудь. Пока глаза мои видятъ, пока терпитъ Господь грѣхамъ—силъ не отымаетъ, буду трудиться. Старѣе меня есть на свѣтѣ, и тѣ трудятся, достаютъ себѣ хлѣбецъ. Должонъ и я самъ собою пробавляться... Можетъ-статься, приведетъ Господь, люди добрые не оставятъ, вамъ еще пригожусь на что-нибудь... Полно, дочка, сокрушаться обо мнѣ, старикѣ: самую что ни-на-есть мелкую пташку не оставляетъ Господь безъ призрѣнія—и меня не оставитъ!..

И точно, Господь не оставилъ дѣдушку Кондратія. Около этого времени въ Сосновкѣ оказалась надобность въ пастухѣ. Прежній пастухъ, по обстоятельствамъ своимъ, принужденъ былъ оставить стадо. Дѣдушка Кондратій тотчасъ же занялъ его мѣсто и нанялся достеречь стадо до перваго снѣгу. Онъ, можетъ-статься, не принялъ бы на себя такой хлопотливой, тяжкой обязанности, пріискалъ бы другое мѣсто, болѣе сродное его привычкамъ: нанялся бы плести сѣти, вязать вёрши или ковырять лаптишки; но дѣло въ томъ, что денегъ, вырученныхъ за челнокъ и лачужку, проданные на дрова комаревскому фабриканту, едва-едва достало на уплату за наемъ озера. Срокъ платежа подоспѣлъ, какъ на зло, къ этому самому времени. И то еще: въ Комаревѣ (маленькое озеро, равно какъ другія озера лугового берега, принадлежали Комареву),—и то многіе въ Комаревѣ положительно утверждали, что дѣдушка Кондратій дешево отдѣлался!

Послѣ того, какъ старика не стало на озерѣ, дни потянулись еще печальнѣе, еще грустнѣе для его дочери.

Дни сами уже по себѣ не были веселы: мрачная, суровая осень стояла на дворѣ. Рѣдко проглядывалъ блѣдный лучъ солнца. Чаще небо заслонялось хребтами сизыхъ, зловѣщихъ тучъ; лились дожди и дули свирѣпые вѣтры. Дни эти служили какъ бы продолженіемъ тому печальнопасмурному вечеру, когда Глѣбъ разстался съ жизнью. Они соотвѣтствовали, впрочемъ, какъ нельзя лучше душевному состоянію двухъ женщинъ, единственныхъ обитательницъ площадки. И Дуня, и тетушка Анна имѣли одинаковыя причины скорбѣть душою. Горе въ часъ вре-

мени изглаживаетъ изъ памяти цѣлые годы счастія! Обѣ онѣ жили нѣсколько сутокъ однимъ горемъ; горе сдѣлало ихъ ровнями. Старуха, казалось, была только слабѣе духомъ. Она не переставала жаловаться и сѣтовать на горькую судьбу свою. Имя покойнаго не сходило съ языка ея; утѣшеніе, которое могла она встрѣтить въ Дунѣ и ея ребенкѣ, отравлялось или воспоминаніями, или огорченіями, которыя доставлялъ ей пріемышъ—этотъ второй сынъ, какъ говорила она когда-то.

— Онъ погубитель, лютый злодѣй нашъ! того и норовитъ, какъ загубить насъ... Наказалъ насъ Господь! Прогнѣвали, знать, Творца, повторяла она.

Остановить Гришку не было никакой возможности. Попросить объ этомъ сосновскихъ родственниковъ—не можетъ. Пожалуй хуже еще: на зло задуритъ, какъ провѣдаетъ! Прибѣгнуть къ сосновскимъ властямъ, къ сотскому, напримѣръ... Но у сотскаго и безъ того много своего дѣла. Впрочемъ, мысль о сотскомъ не приходила даже въ слабую голову старушки.

Въ одинъ изъ тѣхъ сумрачныхъ, ненастныхъ дней, когда душа тоскуетъ безъ печали, и когда Дуня и тетушка Анна, подавленныя горестію, переставали уже вѣрить въ возможность земныхъ радостей, судьба нежданно-негаданно послала имъ утѣшеніе. Одинъ изъ самыхъ дальнихъ сосновскихъ родственниковъ привезъ старушкѣ письмо отъ Вани. То была первая о немъ вѣсточка. Ваня позаботился, однакожъ, послать письмо болѣе полугода назадъ; но оно лежало на почтѣ и, безъ сомнѣнія, долго еще не достигло бы своего назначенія, если бъ не помогъ случай, этотъ безсмѣнный, но не всегда вѣрный почтальонъ простонародья; отцу родственника встрѣтилась надобность съѣздить на почту для отправки паспорта. Письмо Вани, адресованное въ Сосновку, случайно подвернулось подъ руку почтмейстеру. Податель паспорта былъ изъ Сосновки. Письмо поступило къ нему за пазуху; но это ничего еще не значило: письмо могло бы пролежать цѣлые годы въ Сосновкѣ, если бъ сыну родственника не встрѣтилась необходимость побывать въ Комаревѣ и если бъ домъ Анны не былъ на пути.

Не берусь передать движеніе, съ какимъ старушка ухватилась за вѣсточку отъ возлюбленнаго сына. Лицо ея приняло выраженіе, какъ будто стояла она у воротъ и глядѣла на Ваню, который подымался по площадкѣ послѣ

двухлѣтней разлуки. Но первая мысль ея, когда она пришла въ себя, первое воспоминаніе все-таки принадлежало мужу.

— Маленечко только и не засталъ-то! всего одну недѣльку! все бы порадовался, хоть бы въ рукахъ-то подержалъ, касатикъ! проговорила она, глядя на письмо и обливаясь слезами, — Ваня! сынокъ ты мой любезный... утѣха ты моя... Ванюшка! съ горячностію подхватила она, прижимая грамотку къ тощей, ввалившейся груди своей.

— Полно, матушка! Вишь, какую радость послалъ тебѣ Господь! Чѣмъ плакать-то, ступай-ка лучше скорѣе къ багюшкѣ, въ Сосновку: онъ грамотку-то тебѣ прочитаетъ... Ступай; я пособлю одѣться, говорила Дуня, слѣдуя за старушкой, которая суетилась какъ угорѣлая и отыскивала платокъ, между тѣмъ какъ платокъ находился на головѣ ея.

Дуня проводила старушку до самой вершины берегового хребта и вернулась домой не прежде, какъ когда тетушка Анна исчезла изъ виду.

Въ обыкновенное время, если считать отдыхи, старухѣ потребовалось бы безъ малаго часъ времени, чтобы дойти до Сосновки; но на этотъ разъ она не думала даже отдыхать, а между тѣмъ пришла вдвое скорѣе. Ноги ея помолодѣли и двигались сами собою. Она не успѣла, кажется, покинуть берегъ, какъ уже очутилась на верстѣ отъ Сосновки и увидѣла стадо, лежавшее подлѣ темной, безлиственной опушки рощи.

Минуту спустя, старуха и дѣдушка Кондратій, который поспѣшилъ опустить наземь кочедыкъ и лапти, сидѣли рядышкомъ.

— То то вотъ горе-то наше: глазами попче уже плохъ сталъ, матушка, произнесъ старикъ, развертывая письмо съ замѣтнымъ удовольствіемъ,—святцы, ништо, пока еще разбираю, вижу, а вотъ ужъ писанную-то грамотку и не знаю какъ... разберу ли. Э-э! да никакъ самъ грамотку-то писалъ! подхватилъ онъ, потряхивая головою—почтенною головою, окруженною прядями бѣлыхъ какъ снѣгъ и мягкихъ какъ ленъ волосъ,—точно, его, его рука! ужъ мнѣ ли не знать! самъ вѣдь, матушка, училъ его! Вишь ты, и пригодилось теперь. То-то, вотъ, доброе никогда не пропадаетъ: рано ли, поздно ли, завсегда окажется... Ну-тка! ну-тка! заключилъ онъ, прищуривая глаза и прикладывая къ нимъ, въ видѣ зонтика, дрожащую ладонь свою.

Письмо начиналось, какъ начинаются обыкновенно всѣ

письма такого рода—изъявленіемъ сыновней любви и покорности и нижайшею просьбою передать заочный поклонъ всѣмъ родственникамъ, „а именно, во-первыхъ“ (тутъ съ точностію обозначены были имена и отечества дражайшей родительницы-матушки, дѣдушки Кондратія, Дуни, братьевъ, пріемыша, всѣхъ сосновскихъ тетокъ, двоюродныхъ братьевъ съ ихъ дѣтками и сожительницами, упомянутъ даже былъ какой-то Софронъ Дроновъ, крестникъ тетушки Анны).

— И никого-то онъ не забылъ, соколикъ мой, Ванюшка, и всѣхъ-то онъ, батюшка, помнитъ! Ужъ на что вотъ Софрона крестника, и о немъ помянулъ, золотой! проговорила старушка, всхлипывая.

— Что говорить! добрая, ласковая душа его: все оттого, матушка! памятенъ оттого ему всякъ человѣкъ, всякъ уголокъ родного мѣста... Да, добрый у тебя сынокъ; наградилъ тебя Господь милосердый: послалъ на старости лѣтъ утѣшеніе!.. Полно, матушка, Анна Савельевна, о чемъ тужить... послушай-ка лучше... вотъ онъ тутъ еще пишетъ:

„Что же касается до меня (писалъ дальше Ваня), то я, по милости ко мнѣ всемогущаго Создателя, хранимый всеблагимъ Его Провидѣніемъ, и по настоящее время нахожусь живъ и здоровъ, весьма благополученъ, чего стократно и вамъ, батюшка и матушка, желаю, какъ-то: мирныхъ, благодѣтельныхъ и счастливыхъ дней, хорошихъ успѣховъ во всѣхъ вашихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ. Продолжая дальше сіе письмо, прошу васъ, батюшка, вскорѣ по полученіи онаго, увѣдомить меня, живы ли вы и въ какомъ положеніи находитесь“...

На этомъ мѣстѣ всхлипываніе старушки превратилось вдругъ въ громкое рыданіе, и дѣдушка Кондратій прервалъ чтеніе, потому что глаза его вдругъ плохо что-то, совсѣмъ плохо стали разбирать послѣднія строки; почеркъ оставался, однакожъ, все такъ же четокъ и крупенъ. Но „затменіе“ дѣдушки Кондратія, какъ называлъ онъ временное свое ослѣпленіе, продолжалось не долго. Старикъ протеръ ладонью глаза свои и снова сталъ читать:

„... Въ какомъ положеніи находитесь... да,—и хотя я не могу никакой помощи на дѣлѣ вамъ оказать, но усугублю хоть свои усердныя ко Господу Богу молитвы, которыя я не перестаю Ему возсылать утромъ и вечеромъ о вашемъ здравіи и благоденствіи: усугублю и удвою свои молитвы, да сдѣлаетъ васъ долголѣтно счастливыми, а

мнѣ сподобитъ, что я въ счастливѣйшія времена поживу съ вами еще сколько-нибудь на землѣ, побесѣдую съ престарѣлымъ моимъ родителемъ и похороню во время благопріятное ваши старыя косточки"...

— Перестань, матушка Анна Савельевна! Послушай-ка лучше, что я скажу тебѣ, произнесъ старичокъ, перевертывая послѣднюю страничку письма, на которой находились только подпись да названіе полка и губерніи, куда слѣдовало адресовать отвѣтъ, — мы, пока, слышь, ничего не скажемъ ему... о нашемъ объ горѣ... Христосъ съ нимъ! Ему, сердечному, и безъ того скучно жить въ одиночествѣ. Провѣдаетъ, и того, матушка, тошнѣе будетъ, востоскуетъ отъ того добрая душа его, ослабнетъ духомъ... въ служебномъ дѣйствіи человѣку это не годится! Пущай до поры до времени ничего не вѣдаетъ: легче будетъ отъ того на сердцѣ и легче жизнь ему покажется... А написать — напишемъ. Надо порадовать его вѣсточкою о сродственникахъ... все какъ слѣдуетъ... Полно, матушка Анна Савельевна! Божья на то была воля... Богъ ровняетъ, матушка, наши скорби и радости... вишь, какую сотворилъ тебѣ милость: какого далъ сынка въ утѣху твоей печали и старости... Дастъ Господь, доживешь до радостнаго дня, увидишься: какіе еще твои года! доживешь, сынка встрѣнешь... Призритъ онъ тебя, успокоитъ... вмѣстѣ поживете...

— Гдѣ ужъ дожить, отецъ! гдѣ дожить! произнесла старушка, зажмуривая глаза и покачивая головою. — Какая наша жисть-то, поглядѣлъ бы ты! горе одно, горе-горькое, только, батюшка, и видишь! Не токма, что мнѣ, кормилецъ: Дуня помоложе меня, и той сотвори Господь пережить жисть-то нашу!.. О-охъ, Ванюшка, Ванюшка! батюшка ты мой! охъ, нѣтъ, не видать ужъ мнѣ, соколикъ, свѣтлыхъ глазъ твоихъ! Можетъ-статься, и пожили бы, касатикъ, подхватила она, утирая слезы и принимаясь махать руками,—и пожили, можетъ-статься, кабы не онъ, злодѣй-то нашъ! Поглядѣлъ бы ты теперь... и ее-то всее, дочь-то твою, безъ солнца злодѣй высушилъ!

— Слышалъ, матушка, знаю, тягостно проговорилъ старикъ.

Но тетушка Анна не могла уже остановиться. Стоило только произнести ей имена Гришки и Захара, она мгновенно забывала свое горе и вся превращалась въ негодованіе. Въ эту минуту она забыла даже письмо Вани.

Слезы высохли на глазахъ ея, и только мокрые слѣды на впалыхъ, сморщенныхъ щекахъ показывали, что она за секунду передъ тѣмъ разливалась-плакала. Каждое движеніе доброй старушки преисполнилось необычайною живостью. Произнося имя Гришки, она размахивала руками и сжимала даже костлявые, безкровные кулаки свои. Задумчивое молчаніе собесѣдника какъ словно сильнѣе еще поощряло старушку, которая, можетъ-быть, во всю жизнь не имѣла еще такого удобнаго случая и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ побудительныхъ причинъ изливать всѣ свои несчастія и жаловаться—слабость, свойственная вообще всѣмъ старухамъ, жизнь которыхъ была стѣснена долгое время.

Но нѣтъ никакой возможности передать всѣхъ жалобъ тетушки Анны; еще труднѣе было бы слѣдить за прихотливыми изгибами ея крайне непослѣдовательной рѣчи. Рѣчь ея можно только сравнить съ ручьемъ, который бѣжитъ по неровной мѣстности: то журчитъ между камнями и дѣлится на безчисленное множество тоненькихъ струекъ, то вдругъ разливается по лужайкѣ, то низвергается съ высоты и неожиданно пропадаетъ, чтобы немного дальше снова зашумѣть между прутьями лозняка... Голосъ старушки, выраженіе всей фигуры измѣнялись съ непостижимою быстротою; все существо ея мгновенно отдавалось подъ вліяніе словъ и воспоминаній, которыя возникали вереницами въ слабой головѣ ея: они переходили отъ украденныхъ полушубковъ къ Дунѣ, отъ Дуни къ замку у двери каморы, отъ замка къ покойному мужу, отъ мужа къ внучкѣ, отъ внучки къ Захару, отъ Захара къ дѣдушкѣ Кондратію, котораго всеслезно просила она вступиться за сиротъ и сократить словами безпутнаго, потеряннаго парня, — отъ Кондратія переходили они къ Ванѣ и только-что полученному письму, и, вмѣстѣ съ этими скачками, голосъ ея слабѣлъ или повышался, слезы лились обильными потоками или вдругъ пересыхали, лицо изображало отчаяніе или уныніе, руки безсильно опускались или дѣлали угрожающіе жесты.

Наружность дѣдушки Кондратія представляла между тѣмъ во все это время самую рѣзкую противоположность съ наружностію собесѣдницы. По мѣрѣ того, какъ она оживлялась, лицо его склонялось на грудь; время отъ времени онъ глубоко вздыхалъ, подымалъ шапку и крестился. Несмотря на глубокую грусть, изобразившуюся въ чертахъ старика съ самаго начала этого объясненія, онъ не

произнесъ ни одной жалобы, ни одного укорительнаго слова. Слушая разсказъ о дѣйствіяхъ зятя и горькой судьбѣ, которая, безъ сомнѣнія, ожидала дочь и внучка, онъ скорѣе молился за нихъ, чѣмъ негодовалъ на виновника ихъ несчастія.

— То-то же вотъ и есть, самъ суди, кормилецъ, какая жизнь-то паша: гдѣ ужъ тутъ дожить, родной! День-деньской ходишь вотъ такъ-то,—ходишь-убиваешься, слезъ-то однѣхъ выплачешь больше теперь, чѣмъ во всю жисть-то, заключила старушка, неожиданно прекращая свою живую мимику и снова принимаясь всхлипывать. — Ее-то добре жаль, дочку-то твою, да и ребенка-то жаль пуще всего... Безъ солнца злодѣй высушилъ! Тоскуетъ - убивается, касатка, какъ горька-кукушечка... Утопилъ ее, злодѣй, въ слезахъ горькіихъ. Что и будетъ съ нею, не вѣдаю... Хошь бы ты, право, батюшка, вступился за нихъ; хошь бы разочекъ поговорилъ ему... А ужъ намъ-то — и не знаемъ, какъ и быть-то! знамо, бабье дѣло. Инда страхъ напалъ, родной! сокрушилъ, злодѣй, совсѣмъ!.. Понавѣдайся, родной, поговори ему: авось онъ тебя послушаетъ, посовѣстится...

— Гдѣ ужъ тутъ, матушка!.. Я и тогда говорилъ тебѣ: слова мои не помогутъ, — только грѣха примешь! произнесъ наконецъ старикъ тихимъ, но глубоко огорченнымъ голосомъ.—Ужъ когда твоего старика не послушалъ—онъ ли его не усовѣщевалъ! онъ ли не говорилъ ему!—меня не послушаетъ!.. что ужъ тутъ!.. Я, признаться, и прежде не видѣлъ въ немъ степенства; только и надежда была вся на покойника! имъ только все держалось... Надо Бога просить, матушка — такъ и дочкѣ скажи: Бога просить надобно. Единъ Онъ властенъ надъ каменнымъ сердцемъ!..

Этими словами окончилась бесѣда, потому что наступило время, когда старикъ долженъ былъ возвратиться съ своимъ стадомъ въ Сосновку. Тетушка Анна, бережно уложивъ за пазуху письмо Вани, пошла провожать его до околицы. Но видъ деревни, въ которой старушка родилась и провела свою молодость вплоть до замужества, соблазнилъ ее: она вошла на улицу. Первый человѣкъ, попавшійся ей навстрѣчу, былъ какой-то родственникъ; мудренаго нѣтъ: всѣ почти сосновскіе жители приводились сродни тетушкѣ Аннѣ. Нельзя же было не подойти и не поздороваться; къ тому же, она вспомнила, что имя родственника находилось въ письмѣ Вани. Но Ваня крѣпко

наказывалъ передать поклонъ всѣмъ сосновскимъ родственникамъ и родственницамъ. Совѣсть взяла старушку: передать поклонъ одному и ничего не сказать другимъ, значило нанести послѣднимъ горькую, вовсе не заслуженную обиду. Основываясь на этомъ, тетушка Анна поспѣшила завернуть въ первую избу. Отъ поклоновъ перешло къ тому, другому, третьему, десятому, и наконецъ къ настоящему житью-бытью старушки. Предметъ этотъ, какъ уже извѣстно, производилъ на нее дѣйствіе раскаленныхъ угольевъ, подложенныхъ подъ кастрюлю съ нагрѣтою уже водою: она вскипѣла мгновенно; то же самое повторилось во всѣхъ почти сосновскихъ избахъ, не исключая избы крестника Софрона Дронова. Однимъ словомъ, тетушка Анна, какъ говорится, закалякалась, и хватилась, что пора домой, тогда уже, когда на дворѣ было темнѣе, чѣмъ въ погребѣ. Дѣлать нечего: пришлось позаночевать у крестника.

На другое утро она поднялась, однакожъ, прежде, чѣмъ дѣдушка Кондратій выгналъ свое стадо и, несмотря на убѣжденія родственниковъ, приглашавшихъ ее погостить еще денекъ въ Сосновкѣ, суетливо поплелась домой.

Тетушка Анна приближалась уже къ краю углубленія берегового хребта, гдѣ начиналась тропинка, ведшая къ избамъ, когда, взглянувъ на Оку, увидѣла челнокъ, который быстро удалялся отъ площадки. Въ челнокѣ, сколько могла разсмотрѣть она, сидѣли двѣ фигуры: не трудно догадаться, что то были Захаръ и Гришка. Ей показалось даже, что въ ту минуту, какъ она стала спускаться къ избамъ, одинъ изъ нихъ началъ махать шапкой, какъ словно прощался съ нею или здоровался. Старушка плюнула и поспѣшила домой: предчувствіе чего-то недобраго мгновенно овладѣло ея душою. Она застала Дуню въ страшныхъ слезахъ и отчаяніи. Изъ словъ молодой женщины оказалось, что Захаръ и Гришка забрали неводъ и сѣти и отправились продавать ихъ въ Комарево. Чувство радости, пробужденное въ сердцѣ старушки вѣсточкою любимаго сына, мгновенно исчезло. Такъ глухою, позднею осенью, блѣдный лучъ солнца, продравшись неожиданно сквозь мрачно нависнувшія тучи, оживляетъ на минуту безлиственную чащу маленькой рощи, которая давнымъ-давно между тѣмъ ждетъ отдыха подъ мягкимъ покровомъ снѣга.

Но Гришка былъ уже на слишкомъ скользкой дорогѣ,

чтобы остановиться. Вскорѣ поразилъ онъ тетушку Анну чуть ли не въ самую чувствительную часть ея сердца. Въ одинъ прекрасный день онъ явился домой и завладѣлъ, съ помощію неизмѣннаго друга своего Захара, всѣми горшками, кочергами, самыми любимыми лагунчиками старушки, — словомъ, унесъ всю посуду. Въ отвѣтъ на отчаянные крики и вопли старушки, пріятели увѣрили, что съ наступленіемъ весны, когда начнется промыселъ, возвратятъ ей всѣ горшки и накупятъ еще много новыхъ, нарочно съѣздятъ за ними въ Коломну, а не то и въ самую Москву.

Въ ожиданіи этого благополучнаго времени, они постепенно уносили изъ дому все, что ни попадалось подъ руку. За горшками послѣдовалъ остатокъ муки, купленный Глѣбомъ въ дешевую пору, за мукою — кадки, въ которыхъ солили рыбу, и наконецъ не стало уже видно на берегу площадки большой лодки и вершей.

Всѣ эти предметы перешли, какъ и слѣдовало ожидать, подъ широкіе, помѣстительные навѣсы Герасима, или въ извѣстныя уже сѣни „Разставанья“.

Тетушка Анна бѣгала неоднократно къ дѣдушкѣ Кондратію, но безъ малѣйшаго успѣха. И что въ самомъ дѣлѣ могъ сдѣлать дѣдушка Кондратій?

Такъ въ самое непродолжительное время, всего въ мѣсяцъ какой-нибудь, разорился и опустѣлъ домъ, полный когда-то какъ чаша и возбуждавшій зависть самыхъ зажиточныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ околотка! такъ пошло прахомъ и разсѣялось хозяйство, сооруженное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, неусыпными трудами заботливаго, честнаго рыбака Глѣба Савинова!

Наконецъ, когда во всемъ домѣ не нашлось вещи, которую можно было бы промѣнять на стаканъ вина, Захаръ и Гришка окончательно основались на площадкѣ.

Въ первые дни пребываніе ихъ не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Не произнося ни съ кѣмъ ни слова, лежали они на лавкѣ или бродили врозь по двору или окрестностямъ площадки. Оба, казалось, избѣгали даже разговора между собою и мрачно, недовѣрчиво поглядывали другъ на друга. Взглянувъ на нихъ, посторонній человѣкъ, не знающій прошлаго Захара и Гришки, легко могъ подумать, что то были два человѣка, которые только-что совершили какое-нибудь недоброе дѣло, совѣстились глядѣть другъ другу въ глаза и каялись въ

своемъ проступкѣ, особенно тотъ, который былъ помоложе. Но Дуня и тетушка Анна думали иначе. Руководимыя женскимъ инстинктомъ, который въ иныхъ случаяхъ открываетъ истину вѣрнѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать это опытъ и разсудокъ, онѣ думали, что мрачное спокойствіе, временно овладѣвшее Захаромъ и Гришкою, не поведетъ къ добру. Душа ихъ невольно наполнилась страхомъ и предчувствіемъ.

Тишина въ жизни буйнаго, необузданнаго человѣка не предвѣщаетъ ничего добраго. То же самое бываетъ, говорятъ, на морѣ.

Читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы, насколько вѣрно оправдались предчувствія Дуни и старушки.

XXVII.

Ночь на Окѣ.

Страшная буря свирѣпствовала на Окѣ, въ Комаревѣ, въ Сосновкѣ и, вѣроятно, далеко-далеко во всей окрестности. Она началась съ разсвѣтомъ. Уже съ самаго утра юго-западный вѣтеръ перемѣнилъ вдругъ направленіе — превратился въ „низовой“, то-есть началъ дуть прямо противъ теченія. Поверхность Оки, на которой во всю ночь отражался, словно въ зеркалѣ, полный мѣсяцъ и небо съ бѣгающими по немъ облаками, покрылась на зарѣ мелкою, чешуйчатою рябью; каждая изъ этихъ маленькихъ волнъ, бѣжавшихъ въ упоръ вѣтру, почти видимо выростала. Вскорѣ рѣка, смятая назадъ волнами и вѣтромъ, задержанная въ своемъ теченіи, начала вздуваться и заливать низменные берега. Тучи, собиравшіяся нѣсколько сутокъ на горизонтѣ, заволновались заодно съ рѣкою. Разорванныя въ нѣсколькихъ мѣстахъ порывами вѣтра, онѣ точно обрушились, но остановленныя посреди паденія, мигомъ превратились въ груды фантастическихъ развалинъ, которыя продолжали двигаться, мѣняя съ каждою секундой свой цвѣтъ, величину и очертаніе: то падали онѣ другъ на дружку, смѣшивались, растягивались тяжелыми закругленными массами и принимали видъ исполинскихъ темно-синихъ чудовищъ, плавающихъ по разъяренному морю; то росли, вздымались, какъ горные хребты, и медленно потомъ расходились, открывая глубокія долины и пропасти, на днѣ которыхъ проносились клочки другихъ облаковъ; то снова все это смѣшивалось въ одинъ неопредѣленный хаосъ, полный страшнаго движенія...

Вѣтеръ крѣпчалъ съ каждымъ часомъ.

Къ полудню, по широкому раздолью Оки, которая сдѣлалась уже какого-то желтовато-бураго цвѣта, шумно гулялъ „бѣлоголовецъ“. За версту теперь слышался глухой гулъ, производимый плескомъ разъяренныхъ волнъ о камни и края берега. Голосъ бури заглушалъ человѣческій голосъ. Стоя на берегу, рыбаки кричали и надрывались безъ всякой пользы. Тѣ, къ кому обращались они, слышали только смѣшанный ревъ воды, или „хлоповень“—слово, которое употребляютъ рыболовы, когда хотятъ выразить шумъ валовъ.

„Хлоповень пошла!“ говорятъ они.

Часамъ къ двумъ пополудни сверкнула молнія и прокатился громъ. Почти въ ту же секунду ударилъ ливень. Каждое облако, каждая тучка превратились, казалось, въ источники огромныхъ рѣкъ и водопадовъ. Все это произошло такъ неожиданно, что рыбаки, стоявшіе на берегу, не успѣли сдѣлать крестнаго знаменія, какъ уже потоки мутной, желтой воды, увлекавшіе въ быстринѣ своей пучки поблеклыхъ травъ, корни и булыжникъ, съ ревомъ покатились по уступистымъ скатамъ нагорнаго берега. Земля замѣсилась и не держала ноги. Буря страшно грохотала по окрестности...

Рыболовамъ невольно пришли тогда въ голову бѣдные путешественники, одиноко шествующіе посреди безлюдной, пустынной дороги; они вспомнили также своего брата, рыбака, и помянули морехода, застигнутаго на морѣ. Море было далеко—верстъ за восемьсотъ, или даже за цѣлую тысячу отстояло море,—но буря ревѣла съ такою силой, что не было никакой возможности представить себѣ, чтобы находилось на землѣ хотя одно мѣсто, гдѣ бы свѣтило солнце и раскидывалось голубое, ясное небо. Къ тому же, простолюдинъ и особенно коренной рыбакъ, который живетъ по большей части отдѣленный отъ общества и остается по тому самому при застарѣлыхъ своихъ понятіяхъ, твердо увѣренъ, что если дождь обмываетъ его челнокъ, то всѣ челноки, существующіе на землѣ, терпятъ ту же участь; что если буря свирѣпствуетъ надъ его домомъ, буря свирѣпствуетъ съ одинаковой яростью по всей „землѣ-планидѣ.“ Но это въ сущности ничего не значитъ: застарѣлыя понятія не мѣшаютъ рыбаку молиться въ такое время и просить Бога послать утѣшеніе и помощь мореходамъ, плавающимъ въ морѣ, и пѣшеходамъ-странникамъ, идущимъ по дорогамъ.

Ливень и мрачное небо ускорили сумерки; въ октябрѣ и безъ того уже скоро окутываютъ онѣ землю. Наступила ночь. Буря ожесточалась между тѣмъ съ каждымъ часомъ и выла все яростнѣе и грознѣе. Такъ утверждали по крайней мѣрѣ жители селъ и деревень, лежащихъ на откосѣ берегового хребта, почти надъ самою Окою. Впрочемъ, ночью все кажется какъ-то страшнѣе. Самая тишина пробуждаетъ уже страхъ. Буря ночью во сто разъ ужаснѣе бури днемъ. Каждый звукъ, причину котораго легко объясняешь себѣ при дневномъ свѣтѣ, приводитъ тогда въ содроганіе. Сердце невольно стѣсняется и бьется ускореннымъ тактомъ. Разсудокъ, не успокоенный, не поддержанный зрѣніемъ, мгновенно наполняется ужасомъ, блуждаетъ въ смущеніи и потемкахъ, какъ нищій-слѣпецъ, брошенный на дорогѣ вожакомъ своимъ.

Октябрь былъ въ половинѣ. Полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ теперь въ звѣздномъ небѣ. А между тѣмъ надъ поверхностію земли висѣли слои тяжелыхъ, зловѣщихъ тучъ, шелъ ливень, грохотала буря и немолчно раздавались удары грома, повторявшіеся въ ущельяхъ и долинахъ высокаго берега.

Изрѣдка, посреди страшнаго смѣшенія крутившихся тучъ, появлялись какъ словно блѣдно-молочныя пятна: изрѣдка хребты тучъ, разорванные вѣтромъ, пропускали край серебрившагося облака, и вслѣдъ за тѣмъ, въ неизмѣримой глубинѣ воздушныхъ пропастей, показывался мѣсяцъ, глядѣвшій испуганными какими-то глазами. Порывъ вѣтра мгновенно задувалъ его, но, минуту спустя, серебряный лучъ снова продирался въ другомъ мѣстѣ и нежданно озарялъ нагорный берегъ, который попеременно то выставлялся во всемъ дикомъ величіи своемъ, то вдругъ пропадалъ посреди ночи. Ока также освѣщалась этими переходящими лучами и выказывала на мгновеніе свои пѣнистые буруны, разбивающіеся вдребезги; новый порывъ вѣтра, и снова все застилалось мракомъ. Слухъ наполнялся дико-ревущими голосами, шумомъ ливня, раскатами грома, который долго еще послѣ того, какъ потухала молнія, рокоталъ въ отдаленныхъ лощинахъ; слышалось завываніе вѣтра, свиставшаго въ кустахъ и оврагахъ, и тысячи другихъ неопредѣленныхъ звуковъ, въ которыхъ суевѣріе находитъ всегда такую обильную пищу для того душевнаго волненія и ужаса, которыхъ такъ боится, но которые, однакожъ, любитъ.

При всемъ томъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы кто-нибудь изъ окрестныхъ рыбарей, начиная отъ Серпухова и кончая Коломной, оставался на берегу. Привыкшіе къ бурямъ и невзгодамъ всякаго рода, они, вѣрно, предпочитали теперь отдыхъ на лавкахъ, или сидѣли, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и батраками, вокругъ стола, передъ чашкой съ горячей ушицей. Нужны были самыя крайнія побудительныя причины: лодка, оторванная отъ причала и унесенная въ рѣку, верши, сброшенныя въ воду вѣтромъ, чтобы заставить кого-нибудь выйти изъ дому.

Надо полагать, что такія причины встрѣтились у Захара и Гришки, потому что, часовъ около восьми вечера, въ то время, какъ буря была во всей своей силѣ, оба они вышли на площадку. Имъ нечего было, однакожъ, безпокоиться о большой лодкѣ, она, сколько извѣстно, давнымъ-давно красовалась на заднемъ дворѣ „Разставанья“; верши также спокойно лежали въ защитѣ отъ непогоды подъ всевмѣщающими навѣсами комаревскаго цѣловальника. При всемъ томъ, Захаръ и Гришка спѣшили къ рѣкѣ.

Захаръ, опережавшій нѣсколькими шагами пріемыша, часто останавливался, выжидалъ товарища и принимался дѣлать живые, пояснительные знаки, при чемъ правая рука его каждый разъ протягивалась къ луговому берегу. Сквозь частую сѣтку ливня и темноту, въ той сторонѣ мелькалъ время отъ времени огонь; пламя, заливаемое поперемѣнно дождемъ или подживляемое сучьями, то потухало совершенно, то вспыхивало. Въ послѣднемъ случаѣ легко было замѣтить, что костеръ располагался неподалеку отъ Оки. Причина, побудившая Гришку и Захара выйти изъ дому, очевидно, имѣла прямое, непосредственное отношеніе къ этому огню. Глаза двухъ пріятелей, не отрывавшіеся отъ костра, достаточно подтверждали такое предположеніе: оба, какъ видно, дома еще переговорили о своемъ предпріятіи. Во всю дорогу Захаръ ограничивался одними жестами.

Достигнувъ берега, они тотчасъ же спустили на воду челнокъ, лежавшій опрокинутымъ на пескѣ.

Принимая въ соображеніе нетерпѣливыя движенія Захара и не совсѣмъ ласковыя наименованія, какими снабжалъ онъ Гришку, легко было догадаться, что расторопность послѣдняго не удовлетворяла требованіямъ перваго, или не исполнялъ онъ, какъ слѣдовало, условій, въ которыхъ оба согласились заблаговременно. Гришка, точно,

неохотно какъ будто бы рѣшался подвергать дождю и вѣтру свою голову и спину, едва прикрытую лохмотьями рубашки. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на брань товарища, онъ вяло взвалилъ на плечи багоръ и весла, и медленно, словно по принужденію, вошелъ въ челнокъ. Одной секунды достаточно было Захару, чтобы прыгнуть на корму, ударить рулевой лопатой въ берегъ и отпихнуть челнокъ, который, подобно шелухѣ, тотчасъ же запрыгалъ по разъяреннымъ бурунамъ.

Благодаря силѣ, сноровкѣ молодцовъ, а также хорошему устройству посудинки, имъ не предстояло большой опасности; но все-таки не мѣшало держать ухо востро. Брызги воды и пѣны ослѣпляли ихъ поминутно и часто мѣшали дѣйствовать веслами. Но, несмотря на темноту, несмотря на суровые порывы вѣтра, которые кидали челнокъ изъ стороны въ сторону, они не могли сбиться съ пути. Костеръ служилъ имъ надежнымъ маякомъ. Захаръ, сидѣвшій на рулѣ и управлявшій посудиной, не отрывалъ глазъ отъ огня, который замѣтно уже приближался.

— Клади весла—берегъ близко! крикнулъ во всю мочь Захаръ, принимаясь сильнѣе грести рулевой лопатой и силясь повернуть носъ челнока противъ вѣтра и гребня волнъ. — Багоръ, живо багоръ!.. вечоръ гнали плоты... за погодой, должно быть, остановились... они тутъ гдѣ-нибудь!.. Наткнемся какъ разъ... щупай багромъ!..

Опасность мгновенно возвратила Гришкѣ его проворство. Онъ бросилъ весла и, повернувшись лицомъ къ носу челнока, вооружился багромъ. Минуту спустя, раздался сухой ударъ—конецъ багра вонзился въ дерево, и челнокъ ударился о край довольно большой лодки, свободно прыгавшей по волнамъ, но привязанной къ берегу длинной веревкой. Захаръ не ошибся: плоты, которые прогонялись наканунѣ, дѣйствительно были въ нѣсколькихъ шагахъ, и не будь багра въ рукахъ Гришки, челнокъ непремѣнно бы налетѣлъ на нихъ; лодка принадлежала прогонщикамъ лѣса. Привязавъ челнокъ къ лодкѣ, Захаръ и Гришка ловко перебрались въ нее; изъ лодки перешли они на плоты и стали пробираться къ берегу, придерживаясь руками за бревна и связи, чтобы не скатиться въ воду, которая съ дикимъ ревомъ набѣгала на плоты, страшно сшибала ихъ другъ о дружку и накренивала ихъ такъ сильно, что часто одна половина бревенъ подымалась на значительную высоту, тогда какъ другая глубоко уходила въ волны.

Грохотъ бури, казалось, усиливался еще оглушительнѣе по мѣрѣ приближенія къ луговому берегу. Вѣтеръ завывалъ и рвался какъ бѣшеный въ кустахъ ивняка, которые преграждали ему дорогу. Къ этому примѣшивался плескъ волнъ, которыя разбивались о плоты и берегъ, забѣгали въ кусты, быстро скатывались назадъ, подтачивая древесные корни, увлекая за собою глыбы земли, дерну и цѣлыя ветлы; въ заливахъ и углубленіяхъ, защищенныхъ отъ вѣтра, вода, вспѣненная прибоемъ или наволокомъ, обломками камыша, прутьевъ, древесной коры, присоединяла ропотъ къ яростному плесканью волнъ. Здѣсь вода и воздухъ рвались и метались, смѣшиваясь въ одинъ общій грохотъ, далеко слышный по всей луговой окрестности.

Наши молодцы продолжали карабкаться на четверенькахъ, переходя съ одного плота на другой. Достигнувъ, наконецъ, берега съ бо́льшими усиліями, чѣмъ употреблено было, чтобы переѣхать Оку, они остановились и перевели духъ.

Мѣсяцъ, украдкою глянувшій въ эту минуту, освѣтилъ блѣдное лицо пріемыша. Въ чертахъ его обозначались явные слѣды внутренней тревоги и безпокойства. Не въ первый разъ, однакожъ, приводилось Гришкѣ переѣзжать Оку въ такую бурю; онъ давно уже успѣлъ свыкнуться съ опасностями жизни рыбака. Надо полагать, что смущеніе, овладѣвшее имъ, происходило совершенно отъ другихъ причинъ. Захаръ догадывался, вѣроятно, въ чемъ дѣло. Взглянувъ еще разъ по направленію къ костру, который заслонился кустами, какъ только ступили они на берегъ, онъ поспѣшно обратился къ пріемышу и, какъ бы желая ободрить его, весело воскликнулъ:

— Чего тутъ?.. Вишь, половину ужъ дѣла отмахнули!.. Разъ намъ въ первака: говорю, какъ жилъ этта я въ Серпуховѣ, у Григорья Лукьянова — бывало, это у насъ вчастую такъ-то пошаливали... одно слово: обдѣлаемъ — лучше быть нельзя!.. Смотри, только ты не зѣвай, дѣлай, какъ, примѣрно, я говорилъ; а ужъ насчетъ то-есть меня не сумнѣвайся: одно слово—Захаръ! Смотри же, жди гдѣ сказано: духомъ буду... Ну, что жъ, на дождѣ-то стоять?.. Качай! заключилъ Захаръ, оправляя мокрые волосы, которые хлестали его по лицу.

Отслонивъ руками вѣтви ивняка, онъ снова пустился въ путь. Гришка молча послѣдовалъ за товарищемъ. Нѣ-

сколько времени пробирались они кустами; миновавъ ихъ, они снова остановились. Захаръ повторилъ Гришкѣ свои наставленія, и оба опять разстались. Гришка пошелъ вправо, Захаръ прямехонько направился къ костру, который показался, какъ только пріятели выбрались на опушку ивняка.

Немного погодя, ноги Захара ступали уже въ тѣни, которую бросали головы и спины двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ противъ огня. Огромное стадо воловъ окружало костеръ со всѣхъ сторонъ на далекое разстояніе. Захаръ явственно различалъ, при свѣтѣ огня, раздуваемаго вѣтромъ, рогатыя, склоненныя къ землѣ головы животныхъ, которыя то ярко выставлялись изъ мрака, то совсѣмъ какъ будто пропадали. Со всѣхъ сторонъ раздавалось глухое чавканье и фырканье, которыхъ не могъ даже заглушить шумъ ливня и вѣтра. Тряхнувъ мокрыми волосами, Захаръ подошелъ увѣренною поступью къ костру.

Заслышавъ шаги, гуртовщики проворно обернулись.

— Степка, ты? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, братцы, я... Здравствуйте, братцы! Богъ помочь!.. Увидѣлъ огонекъ—завернулъ погрѣться... скороговоркою возразилъ Захаръ, приводя въ дѣйствіе слова свои.

Гуртовщики оглядывали его съ головы до ногъ.

Захаръ, потирая руки передъ огнемъ, дѣлалъ также свои наблюденія; но свѣтъ и тѣнь перебѣгали съ такою быстротою на лицахъ гуртовщиковъ, что не было рѣшительно возможности составить себѣ вѣрнаго понятія о ихъ наружности.

Захаръ приступилъ тотчасъ же къ объясненіямъ.

— Ну, ужь, братцы, погодка! сказалъ онъ, покрякивая и топая ногами.

— Нешто! равнодушно отвѣчали гуртовщики, снова усаживаясь на корточки передъ костромъ.

Дождь яростно, однакожъ, хлесталъ ихъ по спинѣ; но они мало объ этомъ заботились, утѣшаясь, вѣроятно, тѣмъ, что грудь, руки и ноги оставались въ теплѣ. Мокрая ихъ одежда, подогрѣваемая спереди огнемъ, испускала отъ себя паръ, подобный тому, какой подымается вечеромъ надъ водою.

— Одолжите, братцы, мѣстечко: смерть прозябъ... Сѣсть некуда: вишь, кака мокреть!.. А что можно, примѣрно, согнать вола? спросилъ Захаръ.

— Згони, пожалуй, флегматически сказалъ одинъ изъ гуртовщиковъ.

— Эй, ты, цопъ! цопъ! ге! крикнулъ Захаръ, толкая ногою ближайшаго быка, который лѣниво поднялся на переднія ноги, потомъ на заднія, и неохотно отошелъ въ сторону. Намѣреніе занять мѣсто, гдѣ лежало прежде животное, показывало, что Захаръ дѣйствительно уже не въ первый разъ имѣлъ дѣло съ гуртовщиками, какъ говорилъ онъ объ этомъ Гришкѣ. Гуртовщики, приготовляющіеся къ ночлегу посреди пустыря, устраиваютъ себѣ ложе слѣдующимъ образомъ: они дадутъ сначала быку належаться на избранномъ мѣстѣ, потомъ отгоняютъ его прочь и поспѣшно занимаютъ его мѣсто; ложе оказывается всегда сухимъ и теплымъ, и сохраняетъ свои качества на всю ночь. Захаръ усѣлся такъ, однакожъ, что спина его была обращена къ Окѣ, а лицо—къ Комареву. Ему слѣдовало, во что бы ни стало, отвлечь на время вниманіе собесѣдниковъ отъ той части стада, которая располагалась къ сторонѣ Комарева.

— Отколь вы, братцы? словоохотливо началъ Захаръ.

— Зъ Воронежа.

— Те-е-къ, понимаю: сдалече, стало-быть. Самъ бывать не бывалъ, а слыхать слыхалъ... А я такъ вотъ изъ Серпухова иду въ эту сторону... Не знаете ли, братцы, какое здѣсь такое есть Комарево село. Перевозилъ меня рыбакъ съ той стороны, говорилъ: „пройдешь, говоритъ, луга, тутъ тебѣ и будетъ“. А гдѣ его искать-то? лѣшій его найдетъ теперь!.. Забѣжишь, пожалуй, въ такое мѣсто, гдѣ самъ сатана рѣдьки не строгалъ: потому, выходитъ, зги не видать; ночь, все единственно; и вѣтеръ къ тому пуще силенъ: собаки не услышишь... Вотъ даже шапку сорвалъ, какъ рѣку переѣзжали, что ты станешь дѣлать!.. Вы, я чай, проходили черезъ село-то, потому знать должны. Иду туда насчетъ, то-есть, примѣрно, портняжескаго дѣла: мы этимъ занимаемся... Комарево, слышь, Комарево? должно-быть, недалече?..

— Ко-марево? Эй, Лександръ! слышь, Комарево? проговорилъ одинъ изъ гуртовщиковъ, вопросительно взглядывая на другого.

— Комарево? нѣтъ, не знаемъ, братъ... ге! Микитка!

— А?

— Не туда ли пошли Степка и другіе товарищи. Комарево... кажись, слыхалъ такое.

— А рази вы здѣсь не одни, братцы? товарищи есть? спросилъ Захаръ.

— Насъ пять чіловікъ.

„Эхъ, плохо дѣло!“ подумалъ Захаръ,—„того и смотри, въ кабакѣ теперь... кабы только ѳалалей Гришка на нихъ не наткнулся“.

— Что жъ они васъ оставили? громко промолвилъ Захаръ, озираясь на стороны и напрягая слухъ, не слышно ли чего со стороны села.

Шумъ вѣтра и ливня одинъ раздавался въ лугахъ; раскаты грома становились, однакожъ, рѣже; буря какъ словно стала утихать.

— Такъ какъ же это они ушли, а васъ оставили? повторилъ Захаръ.

— Придутъ! равнодушно отвѣчали гуртовщики.

— Надобность есть, стало, какая въ Комаревѣ?

— Въ шинокъ пошли.

— Ге-ге! началъ было Захаръ.

— Го-го! подхватили гуртовщики въ одинъ голосъ.

— Вотъ какъ! стало, они до винца-то охотники?

— Дюже пьютъ.

— Ну, а вы-то какъ же, братцы?

— Вси любятъ горілку.

— Небось принести посулили?

— Завтра объ утро придутъ—принесутъ!

— Ночуютъ, стало, въ Комаревѣ?

— Ночуютъ.

Полагая, что пустопорожнее каляканье его съ гуртовщиками продолжалось довольно долго, что Гришка, вѣрно, успѣлъ уже въ это время сговорить дѣло и ждалъ его въ условномъ мѣстѣ, Захаръ медленно поднялся на ноги.

— Нѣтъ, братцы, какъ здѣсь ни тепло, въ избѣ, надо полагать, теплѣе, сказалъ онъ, безъ всякой торопливости, зѣвнулъ даже нѣсколько разъ и потянулся, — ей-Богу, право, о-о. Пойду-ка и я тяпну чарочку: вѣрнѣе будетъ— скорѣе согрѣешься... Къ тому и пора: надо къ селу подбираться... О-хе, хе. Авось найду какъ-нибудь село-то — не соломинка. Скажите только, въ какую сторону пошли ваши ребята?

— Туда все шли, отвѣчали гуртовщики, неопредѣленно кивая головою въ луга.

— Должно-быть, недалече. Найду какъ-нибудь! Прощайте, братцы! спасибо за хлѣбъ-соль, за угощенье!.. Эхъ,

шапки-то нѣтъ: поклониться нечѣмъ! подхватилъ Захаръ, посмѣиваясь. — Не взыщите, ребята; человѣкъ дорожный; прощайте и такъ.

— Съ Богомъ! флегматически отвѣчали гуртовщики.

По мѣрѣ удаленія отъ костра, Захаръ прибавлялъ шагу; отдалившись отъ него на значительное разстояніе, онъ пустился въ бѣжки. Время отъ времени онъ останавливался, столько же, чтобы перевести духъ, столько же, чтобы прислушаться, и снова продолжалъ путь, стараясь, по возможности, держаться направленія Комарева. Вѣтеръ дулъ съ Оки, подталкивалъ Захара въ спину и облегчалъ ему ходьбу. Сообразивъ, вѣроятно, что жилье уже недалеко, Захаръ остановился, оглянулся направо и налѣво и, приложивъ сложенные пальцы къ губамъ, пронзительно свистнулъ.

Минуту спустя, гдѣ-то въ отдаленіи, ему отвѣчали такимъ же свистомъ.

Захаръ поспѣшно пошелъ въ ту сторону и, немного погодя, сквозь темноту и частую сѣтку дождя, смѣнившаго ливень, различилъ навѣсы. Тутъ онъ убавилъ шагу, подобрался къ плетню и снова свистнулъ, но уже несравненно тише прежняго.

— Здѣсь! сказалъ кто-то нетерпѣливымъ голосомъ.

— Ай да Гриня! произнесъ Захаръ, быстро подходя къ пріемышу.—Ну, что? гдѣ товаръ?

— Тутъ, глухо отозвался пріемышъ.

— Ой ли! Вотъ люблю! восторженно воскликнулъ Захаръ, приближаясь къ быку, который, стоя подъ навѣсомъ, въ защитѣ отъ дождя и вѣтра, спокойно помахивалъ хвостомъ.—Молодца; ей-Богу, молодца! Ай да Жукъ!.. А ужъ я, братецъ ты мой, послушалъ бы только, какіе турусы разводилъ этимъ дурнямъ... то-то потѣха!.. Ну, вотъ, братъ, вишь и сладили! Чего кобенился! Говорю: намъ не впервые, — обработаемъ важнѣющимъ манеромъ. Наши теперь деньги, все единственно; гуляемъ тепереча, только держись!..

Захаръ не счелъ нужнымъ сообщить Гришкѣ о томъ, что товарищи гуртовщиковъ находились, быть-можетъ, шагахъ въ двадцати: дрожащій голосъ ясно обличалъ, что пріемышъ и безъ того уже струхнулъ порядкомъ. Не обращая вниманія на непріязненныя слова пріемыша и дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ его робости, За-

харъ подхватилъ дружескимъ, но торопливо-озабоченнымъ голосомъ:

— Ну, дружище, теперича подожди меня здѣсь: требуется напередъ перемолвить съ Герасимомъ. Выходитъ, дѣло по-настоящему въ дорогѣ покедова... Безъ него нельзя: поговорить требуется... то да сё... Товаръ смотри только не выпусти; это всему дѣлу голова—заглавіе!..

И Захаръ, не дожидаясь отвѣта, мигомъ исчезъ за угломъ навѣса.

Гришка пробормоталъ глухимъ голосомъ проклятіе и яростно топнулъ ногою. Секунду спустя, онъ снова вернулся на прежнее свое мѣсто и, затаивъ дыханіе, снова припалъ къ плетню. Не зачѣмъ было, однакожъ, принимать излишнихъ предосторожностей; одинъ страхъ развѣ внушалъ ихъ. Гришка могъ пѣть, кричать, свистать сколько было душѣ угодно, не опасаясь привлечь на себя вниманіе: буря утихала, но ревъ ея все еще заглушалъ человѣческій голосъ. Благодаря темнотѣ, въ трехъ шагахъ не было даже возможности различить быка, который, какъ бы сговорившись заодно съ Гришкой, смиренно, не трогая ни однимъ членомъ, изрѣдка лишь помахивая хвостомъ, стоялъ подлѣ навѣса.

XXVIII.

Отсутствіе Захара продолжалось долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Такъ по крайней мѣрѣ показалось Гришкѣ, который дрожалъ столько же отъ страха, сколько отъ стужи. Въ каждомъ звукѣ: въ шорохѣ соломы, приподымаемой порывами вѣтра, въ шумѣ воды, которая, скатываясь съ кровель, падала въ ближайшія лужи, поминутно слышались ему погоня и крики, звавшіе на помощь. Онъ скорчивался тогда въ три погибели, плотнѣе припадалъ къ плетню и мысленно проклиналъ Захара,—проклиналъ часъ, въ который вышелъ изъ дома. Нѣсколько разъ намѣревался онъ пуститься въ бѣгство; но каждый разъ чувство ложнаго стыда и ложной совѣстливости удерживало его на мѣстѣ. Къ этому примѣшивалось также другое чувство; онъ боялся этимъ поступкомъ вооружить противъ себя Захара. Разрывъ съ Захаромъ казался ему теперь страшнѣе всего на свѣтѣ. Онъ столько же боялся послѣдствій такого разрыва, сколько одиночества.

Голосъ Захара, раздавшійся гдѣ-то неподалеку, мгновенно возвратилъ пріемышу часть его смѣлости. Онъ вы-

брался изъ-подъ плетня и сталъ на ноги. Шаги приближались въ его сторону; секунду спустя, тихо скользнулъ деревянный засовъ, запиравшій изнутри заднія ворота „Разставанья", подлѣ котораго находился пріемышъ.

— Что тутъ много разговаривать! надо сперва поглядѣть, послышался сонливый, гнусливый голосъ, по которому Гришка тотчасъ же узналъ Герасима.

— Экой ты, братецъ мой, чудной какой, право! чего глядѣть-то? веди, говорю, на дворъ: тамъ, пожалуй, хошь съ фонаремъ смотри. Какъ есть, говорю, первый сортъ: Глѣбъ Савинычъ худого не любилъ, у него, чтобъ было самое настоящее. И то сказать, много ли здѣсь увидишь, веди на дворъ! пересыпалъ Захаръ, точно выбивалъ дробь языкомъ.

— Что вести-то! можетъ, еще не по цѣнѣ, промямлилъ цѣловальникъ и, не обращая вниманія на дальнѣйшія замѣчанія Захара, подошелъ къ Гришкѣ.

— Твоя животина? спросилъ онъ, принимаясь ощупывать бока вола, который очень охотно поддался такому осмотру.

— Онъ хозяинъ, живо подхватилъ Захаръ, — я такъ, примѣрно, для компанства.

— Какая же цѣна твоя? спросилъ Герасимъ, обращаясь къ пріемышу.

— Да какая... я что... началъ было Гришка.

Но Захаръ тотчасъ же перебилъ его.

— Десять цѣлковыхъ, одно слово, сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, что тутъ! пожалуй съ вами еще бѣду наживешь, флегматически произнесъ Герасимъ.

— Какую такую бѣду?

— Никакъ Глѣбъ не держалъ скотины. Кто васъ знаетъ, гдѣ вы ее взяли! добавилъ цѣловальникъ, отворачиваясь и дѣлая видъ, какъ будто хочетъ уйти.

— Ну, вотъ, поди жъ ты, толкуй поди съ нимъ! Эхъ, дядя, дядя! воскликнулъ Захаръ, удерживая его. — Вѣдь я жъ говорю тебѣ, — слышишь, я говорю, передъ тѣмъ, какъ помереть ему, купилъ въ Сосновкѣ у родственника: хотѣлъ бить на солонину.

Тутъ Захаръ украдкою толкнулъ Гришку въ спину.

— Точно... на солонину... это точно... повторилъ Гришка, которымъ овладѣла вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поперхота.

— Все одно, цѣна несходная, флегматически возразилъ Герасимъ.

— Сколько жъ по-твоему?

— Пять цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, милушка, тридцать лѣтъ поживешь, такой цѣны не найдешь! Когда такъ, мы лучше погодимъ до ярмарки: въ томъ же Комаревѣ двадцать цѣлковыхъ дадутъ.

— Ваше счастье. Ступайте.

— Мы пасчетъ, то-есть, примѣрно, тебѣ хотѣли сдѣлать въ уваженье.

— Мнѣ не надо.

— Да ты скажи настоящую цѣну?

— Не надо, проговорилъ цѣловальникъ, снова поворачиваясь къ воротамъ.

— Погоди, постой!

Захаръ подбѣжалъ къ Герасиму, пригнулся къ его уху и шепнулъ скороговоркою:

— Ну, чего ты ломаешься? вѣдь деньги-то опять къ тебѣ придутъ!

— Ты-то изъ чего хлопочешь? громко возразилъ цѣловальникъ. — Сбыть скорѣй съ рукъ хочется. Видно, взаправду, замореная какая скотина-то.

— Ахъ! э! поди вотъ толкуй съ нимъ! эхъ, ты! воскликнулъ Захаръ, отчаянно ударяя себя ладонями по поламъ рубахи, съ которой вода текла какъ изъ жолоба.

— Вотъ тутъ у меня гуртовщики стоятъ: ихъ, что ли, поразспросить, сказалъ Герасимъ, умышленно растягивая каждое слово. — Я въ этомъ товарѣ толку не знаю. Ихъ пешто привести—поглядѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! подхватилъ Гришка, поспѣшно подходя къ Герасиму. — Пожалуй, бери за пять цѣлковыхъ... бери...

— Что ты станешь дѣлать! Э! была не была! снова воскликнулъ Захаръ.—Хозяинъ поддался, стало, мнѣ тутъ нечего: веди на дворъ!.. Гришка, гони быка на дворъ! заключилъ онъ, бросаясь отворять ворота.

Минуту спустя, животное стояло подъ навѣсами въ одномъ изъ заднихъ угловъ, неподалеку отъ большой лодки.

— Ну, давай деньги! сказалъ Захаръ, какъ только Герасимъ заперъ ворота.

— Экой прыткій! а подписку-то? флегматически замѣтилъ цѣловальникъ.

— Какую тебѣ еще подписку?

— Безъ того не возьму; подписку надо отъ хозяина; можетъ, быкъ-атъ у васъ краденый... я почемъ знаю...

— Экой... ахъ, братецъ ты мой, чудной какой, право! говорятъ, купилъ въ Сосновкѣ, на солонину... чего жъ тебѣ еще?

— Я этого не знаю.

— Фу, ты!.. эхъ!.. Гришка, никакъ ты грамотѣ обучался; развяжись, братецъ мой, подпиши поди.

— Зналъ, да забылъ... какъ есть забылъ... торопливо отозвался пріемышъ, который во все это время находился позади Захара и цѣловальника.

— Можно и безъ него, лѣниво промолвилъ Герасимъ,— никакъ въ кабакѣ сидѣлъ Ермилъ-конторщикъ: пожалуй онъ подпишетъ... Безъ того не возьму... ведите куда хотите.

— Такъ, стало, пять цѣлковыхъ? по рукамъ, что ли? пять цѣлковыхъ и могарычи!

— Не мое дѣло: кто продавалъ, съ того и могарычи, какъ словно нехотя проговорилъ Герасимъ, подымаясь на крылечко, служившее сообщеніемъ между дворомъ и извѣстною уже галлереею.

Тутъ цѣловальникъ сказалъ, чтобы спутники его шли въ харчевню, а самъ, повернувшись лицомъ къ избѣ, противоположной этому зданію, закричалъ протяжнымъ голосомъ:

— Матрена... а... Матрена... а... а!

Немного погодя, босыя ноги хозяйки Герасима торопливо застучали по деревянному помосту галлереи, и она вся впопыхахъ остановилась передъ мужемъ.

— Сбѣгай въ кабакъ, Ермила-конторщика позови; скажи, хозяинъ, молъ, требуетъ; въ харчевнѣ, скажи... да принеси бумажки лоскутокъ, чернильницу захвати... ступай!..

И, какъ бы утомленный такою длинной рѣчью, Герасимъ медленно, едва передвигая ноги, подошелъ къ двери харчевни. Онъ провелъ тутъ нѣсколько минутъ, но сколько ни напрягалъ слуха, ничего не могъ разслышать изъ разговора пріятелей, кромѣ того развѣ, что Захаръ называлъ товарища соломенной душой, ѳалалѣемъ, смѣялся и хлопалъ его по плечу, между тѣмъ какъ Гришка ругалъ его на всѣ корки.

Герасимъ, шмыгнувъ раза два по полу котами, вошелъ въ харчевню.

Почти вслѣдъ за нимъ явилась жена со свѣчою, клочкомъ бумаги и пузырькомъ съ чернилами, изъ котораго

выглядывалъ обглодокъ пера; за нею вошелъ Ермилъ-конторщикъ. То былъ низенькій, оборванный человѣкъ, въ синеватомъ сюртукѣ, пережившемъ нѣсколько владѣльцевъ, съ такимъ крутымъ и высокимъ воротникомъ, что лысая голова Ермила выглядывала изъ него какъ изъ кузова кибитки; крупный, рдѣющій носъ опредѣлялъ пьянчужку съ перваго взгляда.

Герасимъ передалъ ему въ короткихъ словахъ сущность дѣла.

— Что жъ, можно, съ нашимъ великимъ удовольствіемъ, только бы вотъ молодцы-то, промолвилъ Ермилъ, прищуривая стеклянные глаза на Гришку и Захара,—было бы, значитъ, изъ чего хлопотать... станете „обмывать копыта“ *), меня позовите...

— Ладно, катай! сказалъ Захаръ.

— Извольте, извольте, съ нашимъ удовольствіемъ, шутливо вымолвилъ Ермилъ.

Затѣмъ немедленно онъ сѣлъ за столъ и, вынувъ изъ пузырька обглодокъ пера и пригнувъ лысину къ лѣвому плечу, принялся выводить каракули.

Присутствующіе пододвинулись, кромѣ Гришки, который стоялъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и время отъ времени поглядывалъ съ явнымъ безпокойствомъ на дверь.

По мѣрѣ того, какъ слова являлись на бумагѣ, Ермилъ произносилъ ихъ во всеуслышаніе.

„Я нижеподписавшійся симъ свидѣтельствую“, читалъ Ермилъ, владѣвшій, повидимому, большимъ навыкомъ въ такого рода дѣлахъ,—„свидѣтельствую, что продалъ комаревскому цѣловальнику, Герасиму Павлову, быка; быкъ же сей получилъ я по наслѣдію отъ покойнаго родителя моего, рыбака Глѣба Савинова...“

— Купилъ, слышь, на солопину, неожиданно перебилъ Захаръ.

— Это не наше дѣло, вымолвилъ цѣловальникъ.

— Это онъ точно, замѣтилъ Ермилъ,—это здѣсь несоотвѣтственно. „Деньги же съ него, цѣловальника Герасима Павлова...“ Сколько денегъ-то?

— Пять цѣлковыхъ, сказалъ Герасимъ.

„Деньги сполна полу...“

---

*) Всевозможныя торговыя сдѣлки скрѣпляются въ простонародьи виномъ или чаемъ,—чаще, однакожъ, виномъ. Когда дѣло идетъ о продажѣ скота, слово „могарычъ“ замѣняется выраженіемъ: „обмывать копыта“.

— Нѣтъ, погоди, стой! закричалъ Захаръ,—давай напередъ деньги.

— Чего ты орешь-то! отдамъ, промолвилъ Герасимъ.

— Ну, и отдавай, когда такъ: намъ не вѣрилъ, и мы те не вѣримъ! промолвилъ Захаръ.

Цѣловальникъ медленно повернулся и вышелъ изъ харчевни. Захаръ остановилъ его на порогѣ и велѣлъ захватить въ счетъ два штофа.

Минутъ пять спустя, вернулся цѣловальникъ, въ сопровожденіи жены, которая держала два штофа и стаканы. Захаръ поспѣшно завладѣлъ деньгами: сосчитавъ ихъ на ладони, онъ кивнулъ головою Герасиму и подмигнулъ Гришкѣ, который не обратилъ на него вниманія; глаза и слухъ пріемыша казались прикованными къ выходной двери харчевни.

— Теперь пиши, сколько хошь! сказалъ Захаръ, обращаясь къ Ермилу и запрятывая въ карманъ деньги.

Ермилъ снова помакнулъ перо и продолжалъ:

„Деньги же пять рублей серебромъ сполна получилъ, въ чемъ и подписуюсь. За незнаніемъ грамоты руку приложилъ отставной приказный Ермилъ Акишевъ".

— Погоди, сказалъ цѣловальникъ,—подпиши ужъ ты и за свидѣтеля.

— А какъ, примѣрно, насчетъ, то-есть, водочка будетъ, Герасимъ Павлычъ? спросилъ Акишевъ, лукаво прищуривая лѣвый глазъ.

— Будетъ.

— Самое, выходитъ, любезное дѣло, когда такъ, подхватилъ Ермилъ.

И тотчасъ же подмахнулъ:

„При сей продажѣ свидѣтелемъ былъ отставной приказный Ермилъ Акишевъ, въ чемъ и руку приложилъ..."

— Ну, давайте, братцы, обмывать копыта, я свое дѣло исполнилъ, за вами дѣло, проговорилъ Ермилъ, придвигаясь къ штофамъ, которые привлекательно искрились передъ огаркомъ.—Что это товарищъ твой не веселъ? парень молодой—съ чего бы такъ? присовокупилъ онъ, посматривая на Гришку, между тѣмъ какъ Захаръ наливалъ стаканы.

— Скучаетъ все по покойникѣ, братецъ ты мой; извѣстно, жаль! подхватилъ Захаръ.

Онъ подошелъ къ Гришкѣ и торопливо шепнулъ ему что-то на ухо; тотъ тряхнулъ волосами, приблизился къ

столу, взялъ стаканъ, залпомъ выпилъ вино, сѣлъ на лавку и положилъ голову въ ладонь.

— Ну... ну, бывайте здоровы! произнесъ Ермилъ, принимая стаканъ изъ рукъ Захара и медленно, какъ бы боясь пролить каплю, поднесъ вино къ синимъ губамъ своимъ.

— Полно, Гришуха! не воротишь, одно слово—не воротишь! У меня вотъ отца и матери пѣтъ; кабы не величали Силаичемъ, не зналъ бы какъ и отца-то звали: сирота круглый, значитъ, все единственно,—а вишь, не тужу! заговорилъ Захаръ, успѣвшій уже опорожнить шкальчикъ и пододвигая Гришкѣ штофъ.—Ну-ка-сь, тяпнемъ-ка по чарочкѣ, съ горя! тяпнемъ за всѣ хвосты!.. Ну, а вы-то что-жъ... Дядя Герасимъ! хоша ты подвелъ насъ, обмишулилъ, надулъ, все единственно,—намъ это наплевать! мы зла не помнимъ, Ермилъ, пейте же, чего стали!.. Эхъ, нѣтъ у меня гармоніи! подхватилъ Захаръ, воодушевляясь и ударяя кулакомъ по столу,—то-то бы повеселилъ честную компанію... эхъ-ма!..

Захаръ закинулъ при этомъ назадъ голову, кашлянулъ и затянулъ тоненькимъ, пронзительнымъ дискантомъ своимъ:

Попила-то моя головушка,
Попила-то, погуляла-а-а!..
И, эхъ, хотятъ-то меня, добра молодца,
Поймати у прилуки, у моей сударышки,
У милушки у Аннушки... и! и!..

— Что жъ вы, ребята, подтягивай!

— Ты потише, братъ, равнодушно сказалъ Герасимъ, готовившійся уже выйти изъ харчевни.

— А что?

— Да то же, что тише; приходи завтра—нонче нельзя, возразилъ Герасимъ, которымъ снова овладѣли вялость и сонливость, какъ только окончилась сдѣлка.

— Это еще по какому случаю? спросилъ удивленный Захаръ.

— Нельзя, да и только, вотъ-те и все тутъ; ступайте вонъ! вымолвилъ цѣловальникъ, направляясь къ двери.

Захаръ разразился было бранью, но Ермилъ Акишевъ поспѣшилъ удержать его.

— Малый, удалая голова, не шуми! сказалъ онъ,—не годится,—по той причинѣ, не годится, слышь: съ утра судъ ждутъ; того и смотри, наѣдетъ. Михайла Иванычъ давно здѣсь.

— Какой Михайло Иванычъ?

— А становой!

При этомъ извѣстіи Гришка поднялъ голову, и лицо его поблѣднѣло какъ полотно.

Захаръ опустилъ стаканъ.

— Судъ... зачѣмъ? спросилъ онъ, значительно понижая голосъ, но стараясь сохранить спокойный видъ.

— Покража случилась: фабриканта Никанора обокрали, отвѣчалъ Ермилъ, приподымаясь съ мѣста.

Захаръ не разспрашивалъ дальше: на этотъ разъ смущеніе овладѣло имъ столько же, сколько и самимъ Гришкой. Онъ торопливо забралъ штофы и послѣдовалъ за Ермиломъ, пріемышемъ и цѣловальникомъ, которые выходили изъ харчевни.

Заднія ворота „Разставанья“ открывались только въ экстренныхъ случаяхъ. Гришкѣ и Захару предстояло выйти изъ заведенія не иначе, какъ черезъ кабакъ.

Въ кабакѣ было немного народу, но, тѣмъ не менѣе, шелъ довольно живой разговоръ. Обкраденный фабрикантъ служилъ предметомъ бесѣды.

— Такъ какъ же, Кузьма Демьянычъ, какъ, по-твоему, что̀ съ ними теперь будетъ! спрашивалъ одинъ изъ присутствующихъ, обращаясь къ старику, занимавшему середину кружка.

— А что̀ будетъ—извѣстно что: за некошное дѣло будетъ поученьице тошное... знамо, спасиба не скажутъ.

— И будь безъ хвоста, не кажись кургузъ, умѣй концы хоронить! произнесъ кто-то.

— Вотъ такъ ужъ сказалъ! Ты думаешь, концы схоронилъ, такъ и правъ вышелъ? Нѣтъ, братъ, нонече не такъ: ночью сплутовалъ — день скажетъ; на днѣ морскомъ, и тамъ не утаишь концовъ-то. Въ неправдѣ-то Самъ Богъ запинаетъ... вездѣ сыщутъ.

— И слава-те Господи!

— Ненаказанный не уйдетъ!

— Подѣломъ: не воруй! сказалъ высокій, черноволосый человѣкъ въ синей мѣщанской чуйкѣ.

— Что больно сердитъ?

— Видно, самого обокрали: онъ и серчаетъ.

— Было всего, началъ высокій человѣкъ,—гналъ это я—вотъ все одно, какъ теперь—гналъ гурты: мы больше по этой части; сами изъ Москвы, скупаемъ товаръ въ Воронежѣ. Такъ вотъ разъ увели у меня вола.

— Какъ такъ?

— Да такъ, взяли да и увели: дѣло было ночью.

— Эки мошенники!

— Ну, такъ что жъ?

— Вѣстимо, не сидѣлъ скламши руки. Стоялъ это я подлѣ села, подъ Рязанью: я къ становому. Ну спасибо ему, заступился; сейчасъ кинулись это въ кабакъ—тутъ и взяли.

— Ну, то-то вотъ и есть! какъ не найти! вездѣ найдутъ. На днѣ окіяна-моря, и тамъ сыщутъ.

Морозъ пробѣжалъ по всѣмъ суставчикамъ пріемыша, и хмель, начинавшій уже шумѣть въ головѣ его, мгновенно пропалъ. Онъ круто повернулъ къ двери и шмыгнулъ на улицу. Захаръ, больше владѣвшій собою, подошелъ къ Герасиму, успѣвшему уже смѣнить батрака за прилавкомъ, потомъ прошелся раза два по кабаку, какъ бы ни въ чемъ не бывало и, подобравъ штофы подъ мышки, тихо отворилъ дверь кабака. Очутившись на крыльцѣ, онъ пустился со всѣхъ ногъ догонять товарища.

Буря какъ словно пріутихла. Дождь, по крайней мѣрѣ, лилъ уже не съ такою силою, и громовыхъ ударовъ не было слышно. Одинъ только вѣтеръ все еще не унимался. Унылый ревъ его, смѣшиваясь съ отдаленнымъ гуломъ волнующейся рѣки, не заглушаемый теперь раскатами грома и шумомъ ливня, наполнялъ окрестность.

Гришка дохнулъ вольнѣе не прежде, какъ когда вышелъ изъ Комарева и очутился въ лугахъ. Онъ не убавлялъ, однакожъ, шагу; забывъ, казалось, о существованіи Захара, онъ продолжалъ подвигаться къ рѣкѣ, то бѣгомъ, то медленно, то снова пускаясь бѣжать. Въ головѣ его была одна только мысль: онъ думалъ, какъ бы поскорѣе добраться домой. Время отъ времени въ смущенной душѣ его какъ будто просвѣтлялось, и тогда онъ внутренно давалъ себѣ крѣпкую клятву—никогда, до скончанія вѣка, не бывать въ Комаревѣ, не выходить даже за предѣлы площадки, жить тихо-тихо, такъ, чтобъ о немъ и не вспоминалъ никто. Но какъ быть съ Захаромъ? куда дѣть его? Онъ все дѣло погубитъ!.. При этомъ Гришка мысленно возвращался къ Комареву, „Разставанью“, прежней безпорядочной жизни и, наконецъ, къ происшествію настоящей ночи. Встревоженное воображеніе пріемыша рисовало тѣ же полныя ужаса картины, которыя преслѣдуютъ людей, имѣющихъ причины бояться правосудія.

Холодъ проникалъ его насквозь. Ноющая тоска, тяжкое предчувствіе, овладѣвшее имъ въ то время еще, какъ онъ выходилъ изъ избы, давили ему грудь и стѣсняли дыханіе: точно камень привѣшивался къ сердцу и задерживалъ его движеніе. Онъ не былъ въ состояніи разъяснить себѣ своихъ мыслей. Смутно, безсознательно проносилось тогда въ душѣ его что-то похожее на раскаянье; но раскаянье, внушенное въ минуты страха, ненадежно. Въ душѣ парня снова дѣлалось темно, какъ ночью послѣ зарницы. Услышавъ за собою голосъ Захара, онъ остановился, столько же изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не услышалъ товарища и не пустился слѣдить за нимъ, столько же и потому, что чувство одиночества казалось невыносимымъ. Онъ обрадовался бы теперь обществу маленькаго ребенка. При всемъ томъ, во все продолженіе пути, онъ слова не сказалъ Захару. Онъ ограничился тѣмъ только, что шелъ подлѣ. Обогнувъ на значительное разстояніе костеръ, который все еще пылалъ у опушки, они достигли, наконецъ, кустовъ ивняка.

Встревоженныя чувства пріемыша замѣтно успокоились, когда онъ продрался вмѣстѣ съ Захаромъ въ кусты. Кусты эти могли служить даже среди бѣлаго дня надежнымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій. Забравшись въ самую середину чащи, пріятели остановились, какъ бы по условному знаку. Захаръ предложилъ выпить для смѣлости. Гришка молча взялъ штофъ и поспѣшилъ привести въ дѣйствіе совѣтъ; въ горлѣ его и груди было сухо: послѣ первыхъ глотковъ онъ почувствовалъ уже облегченіе,— даже душа его какъ будто окрѣпла. Захаръ пилъ между тѣмъ изъ другого штофа, и такимъ образомъ оба значительно поубавили вина.

Переѣздъ черезъ Оку совершился благополучно: и люди, и штофы вышли на берегъ невредимы. Подымаясь по площадкѣ, Захаръ насвистывалъ уже пѣсню. Гришка, между тѣмъ, опередившій своего товарища, стучалъ кулаками въ ворота.

— Что безъ толку шумишь-то? ай кулаки-то наемные? сказалъ Захаръ, на котораго хмель дѣйствовалъ, по привычкѣ, вѣроятно, не такъ сильно, какъ на пріемыша.

Онъ приблизился къ воротамъ, нащупалъ веревочку, перекинутую черезъ перекладину, потянулъ ее книзу и приперъ плечомъ ворота, которыя тотчасъ же отворились.

— Вотъ тутъ стучи, пожалуй, коли есть охота: запер-

лись изнутри! промолвилъ Захаръ, когда онъ и Гришка поднялись на крылечко. — Экъ ихъ заспались какъ! все съ горя, должно быть!.. гей! гей! отворяй!..

Но Захаръ ошибся, потому что съ первыми словами его въ сѣняхъ раздались торопливые шаги и дверь отворилась.

— А-а-а! Авдотья Кондратьевна! маленько какъ будто потревожили васъ... прости, милая! какъ быть! съ дѣлами не справились! воскликнулъ Захаръ.

— Что те не докличешься?.. лучину! сурово сказалъ Гришка, входя въ сѣни.

— О-о-о! густымъ басомъ подхватилъ Захаръ, передразнивая пріемыша,—сейчасъ видно, хозяинъ пришелъ. Эхъ ты! жёнка-милушка встрѣчаетъ, дверь отворяетъ — чѣмъ бы приласкать: спасибо, молъ, любушка-жёнушка, а онъ... эхъ ты, лапотникъ!.. Ну, пойдемъ, пойдемъ, смѣясь, примолвилъ онъ, пробираясь съ Гришкой въ избу.

— Кто тамъ? раздался голосъ съ печки, какъ только переступили они порогъ.

— Хозяинъ пришелъ, касатушка-бабушка! шутливо отозвался Захаръ.

— Мать наша, Пречистая Пресвятая Богородица, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! простонала со вздохомъ старушка.

— Ну, скоро, што-ль? огня давай! нетерпѣливо крикнулъ Гришка, топнувъ ногою.

— Полно тебѣ! Ну, что ты вправду: о! да о! что орешь-то! дай срокъ. Авдотья Кондратьевна, може статься, не найдетъ... съ просонья-то... Постой, милая, я подсоблю, заключилъ Захаръ, ощупывая стѣны и пробираясь къ Дунѣ.

Но въ ту же минуту подлѣ печки сверкнулъ синій огонекъ. Блѣдное исхудалое лицо Дуни показалось изъ мрака и вслѣдъ за тѣмъ выставилась вся ея фигура, освѣщенная трепетнымъ блескомъ разгорѣвшейся лучины, которая дрожала въ рукѣ ея. Защемивъ лучину въ свѣтецъ и придвинувъ его на середину избы, она тихо отошла къ люлькѣ, висѣвшей на шестѣ въ дальнемъ углу.

Не обративъ на нее вниманія, а также и на тетушку Анну, которая слѣзала съ печи, Гришка подошелъ къ столу, сѣлъ на скамьѣ, подлѣ окна и, уперевъ на столъ локти, опустилъ голову въ ладони.

— Э-эхъ! воскликнулъ, съ притворнымъ вздохомъ и же-

стомъ, Захаръ, который не переставалъ до сихъ поръ щурить соколиные глаза свои на Дуню.

Онъ приблизился къ столу, поставилъ штофы, подсѣлъ къ пріемышу и дружески ударилъ его по спинѣ.

Увидѣвъ штофы, тетка Анна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, всплеснула руками и мгновенно разразилась градомъ упрековъ и жалобъ.

Въ отвѣтъ на это, Захаръ оглянулъ старушку съ головы до ногъ и залился тоненькимъ смѣхомъ.

Выходка эта окончательно взорвала старуху. Но Захаръ и Гришка продолжали дѣлать видъ, какъ будто не замѣчаютъ ея. Каждый попивалъ изъ своего штофа, но съ тою разницею, однакожъ, что пріемышъ, по мѣрѣ того, какъ исчезало вино, дѣлался болѣе и болѣе сумрачнымъ, тогда какъ Захаръ веселѣлъ съ каждой минутой. Подъ конецъ онъ вступилъ даже въ объясненія съ тетушкой Анной. Отвѣчая на каждое ея слово скоморошной какой-нибудь выходкой, онъ нерѣдко въ то же время обращался къ Дунѣ, которая изрѣдка выглядывала изъ-за люльки и подымала кроткій, дрожащій голосъ, стараясь уговорить старушку.

— Слышь, тетка, Авдотья Кондратьевна настоящее тебѣ говорятъ: полно надсажаться... Эхъ, пустая какая!.. Ну, за что ты ругаешься? за что?.. Ой ли? да рази мы пьянствуемъ! такъ ли пьянствуютъ-то?.. Охота горло драть... къ тому и года твои старые, слышь: покой требуется... говорилъ, посмѣиваясь, захмелѣвшій уже Захаръ, между тѣмъ какъ старуха надрывалась, осыпая его бранью и всевозможными проклятіями. — Ой, перестань, право-ну, перестань! Лучше бы вотъ къ намъ подсѣла: знамо, горлышко промочить; оно же у тебя звонкое такое!.. Авдотья Кондратьевна! Эхъ, памятна ты, милая! полно серчать-то. Ну, что! садись, право, садись... А ужъ какую бы я вамъ пѣсенку спѣлъ! и-ихъ! одно слово: распотѣшу!.. заключилъ Захаръ.

И, уперши кулаками въ бока, тряхнувъ молодцовато волосами, Захаръ запѣлъ, подмигивая Дунѣ:

Что ты, Дуня, пріуны-ы-ла?
Воздохнула тяжело?
Раздушенька вспомянула
Любезнаго своего...

Дуня вынула изъ люльки спавшаго ребенка, подошла къ старухѣ и, взявъ ее за руку, принялась увѣщевать ее.

— Уйдемъ, матушка, перестань... оставь ихъ... пойдемъ лучше посидимъ гдѣ-нибудь... что кричать-то... брось... они лучше безъ насъ уймутся... шептала она, силясь увести старушку, которая хотя и подавалась, но съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ ее къ двери, оборачивалась назадъ, подымала безкровные кулаки свои и посылала новыя проклятія на головы двухъ пріятелей.

— Куда вы? крикнулъ было Захаръ, неожиданно прерывая свою пѣсню.

Но Дуня захлопнула дверь за собою и старухой.

— А ну васъ, когда такъ! подхватилъ Захаръ, махнувъ рукою и опуская ее потомъ на плечо Гришки, который казался совершенно безчувственнымъ ко всему, что происходило вокругъ.—Пей, душа! али боишься, нечѣмъ будетъ завтра опохмелиться?.. небось, деньги еще есть! не горюй!.. что было, то давно сплыло! думай, не думай—не воротишь... да и думать-то не о чемъ... стало, все единственно... веселись, значитъ!.. пей!.. ну!.. заключилъ Захаръ, придвигая штофъ къ пріятелю.

Но рѣчь Захара не произвела никакого дѣйствія на товарища. Онъ сидѣлъ попрежнему подпершись локтемъ и опустивъ голову. Онъ не замѣтилъ даже, повидимому, отсутствія жены и старухи.

Захаръ веселѣлъ съ каждымъ новымъ глоткомъ. Прошелъ какой-нибудь получасъ съ тѣхъ поръ, какъ ушли женщины, но времени этого было достаточно ему, чтобы спѣть нѣсколько дюжинъ самыхъ разнообразнѣйшихъ пѣсенъ. Пѣсни эти, правда, рѣдко кончались и становились нескладнѣе; но зато голосъ пѣвца раздавался все звончѣе и размашистѣе. Изрѣдка прерывался онъ, когда нужно было вставить въ свѣтецъ новую лучину. Онъ совсѣмъ уже какъ будто запамятовалъ происшествіе ночи; самыя пріятныя картины рисовались въ его воображеніи...

Пріемышъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ весельи товарища. Раскинувъ теперь руки по столу и положивъ на нихъ голову свою, съ разсыпавшимися въ безпорядкѣ черными кудрями, онъ казался погруженнымъ въ глубокій сонъ. Разъ, однакожъ, неизвѣстно отчего, вѣтеръ ли сильнѣе застучалъ воротами, или въ памяти его, отягченной сномъ и хмелемъ, неожиданно возникъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ образовъ, которые преслѣдо-

вали его дорогой, только онъ поднялъ вдругъ голову и вскочилъ на ноги.

— Гдѣ онѣ? гдѣ? проговорилъ онъ, оглядывая избу шальными, блуждающими глазами.

— Ушли, братъ! смѣясь отвѣчалъ Захаръ.—Ну ихъ совсѣмъ! ломаются—не таковскія!

— Куда? гдѣ? куда ушли? крикнулъ Гришка, сурово отталкивая Захара и выходя изъ-за стола.

Хмель совсѣмъ уже успѣлъ омрачить разсудокъ пріемыша. Происшествіе ночи живо еще представлялось его памяти. Мысль, что жена и тетка Анна побѣжали въ Сосновку, смутно промелькнула въ разгоряченной головѣ его. Ступая нетвердою ногою по полу, онъ подошелъ къ двери и отворилъ ее однимъ ударомъ. Онъ хотѣлъ уже броситься въ сѣни, но голосъ старухи остановилъ его на порогѣ и разсѣялъ подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе онъ топнулъ ногою и закричалъ во все горло:

— Сюда ступайте! сюда!

— Не ходи, родная, не ходи, ни за что не ходи! воскликнула старушка, удерживая, вѣроятно, Дуню.

— Сюда ступай, коли хочешь быть цѣла! сюда, говорю! бѣшено закричалъ Гришка.

— Не ходи, Дунюшка! не бойся, родная: онъ ничего не посмѣетъ тебѣ сдѣлать... останься со мною... онъ те не тронетъ... чего дрожишь! полно, касатка... плюнь ты на него, раздавался голосъ старушки уже въ сѣняхъ.

Но такъ какъ увѣщеванія эти ни къ чему, видно, не служили, тетушка Анна бросилась вслѣдъ за Дуней, опередила ее, и не успѣла та войти въ двери, какъ уже старуха влетѣла въ избу и остановилась передъ Гришкой.

— Чего тебѣ, разбойникъ, отъ нея надыть? воскликнула она, заслоняя Дуню, которая тщетно старалась войти въ двери.—Зачѣмъ она тебѣ? Погибели ея хочешь, что ли, злодѣй ты такой!

— Молчи! сурово произнесъ Гришка, отталкивая ея руку.

Голосъ старухи вдругъ оборвался, и она зарыдала; но это продолжалось одну секунду. Она снова заслонила Дуню, стоявшую въ дверяхъ, со спавшимъ на груди ея младенцемъ, и подхватила съ возраставшимъ негодованіемъ:

— На кого руку-то поднялъ, вспомни! вспомни, кому грозишь-то! Злодѣй ты, злодѣй этакой! вѣдь я тебя, зло-

дѣя, на рукахъ на своихъ выносила! вспомни ты это! Думаешь, боюсь я тебя? не дамъ я ее, не дамъ тебѣ! чего тебѣ отъ нея надо? чего? аль мало тебѣ, утопилъ насъ въ слезахъ горькіихъ; погибели нашей хочешь, злодѣй ты этакой! Постойте, я найду еще судъ на васъ обоихъ, нехристей окаянныхъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! подхватила она, отчаянно махая руками и обращаясь то къ пріемышу, то къ Захару, который покачивался подлѣ печки.—Вы думаете, я ничего про васъ не вѣдаю? Погодите, васъ спросятъ еще, гдѣ вы вино-то взяли: вѣдь денегъ-то у васъ давно нѣту... Сама довѣдаюсь, сама спрошу пойду, душегубцы вы, нехристи! Завтра же схожу въ Комарево... у всѣхъ стану спрашивать...

При этомъ Гришка, сдѣлавшій уже нѣсколько шаговъ къ столу, бросился со всѣхъ ногъ къ старухѣ и бѣшено замахнулся.

Въ ту же самую минуту на дворѣ раздались голоса.

— Здѣсь! не зѣвай, ребята, здѣсь! закричалъ кто-то въ сѣняхъ.

Гришка не успѣлъ придти въ себя, какъ уже въ дверяхъ показалось нѣсколько человѣкъ. Первое движеніе Захара было броситься къ лучинѣ и затушить огонь. Гришка рванулся къ окну, вышибъ раму и выскочилъ на площадку. Захаръ пустился вслѣдъ за нимъ, но едва просунулъ онъ голову, какъ почувствовалъ, что въ ноги ему вцѣпилось нѣсколько дюжихъ рукъ.

— Гришка! крикнулъ онъ отчаянно.

Но отвѣта не было.

— Ребята, кричалъ одинъ изъ молодцовъ, державшихъ Захара. — Одинъ далъ тягу въ окно, выскочилъ, бѣги за нимъ! живѣй, ребята! другого ужъ сцапали... тащи его, ребята!

Два человѣка стремглавъ пустились изъ избы. Остальные вцѣпились еще крѣпче въ Захара и, несмотря на то, что онъ бился, какъ бѣлуга, попавшаяся въ неводъ, втащили его въ избу.

— Батюшки! караулъ! разбойники! вопила тетушка Анна.

— Засвѣти огня, огня! подхватило нѣсколько голосовъ.

— Слышь, огня давай! добрымъ словомъ говорятъ! произнесъ кто-то надъ самымъ ухомъ старухи. — Какихъ еще нашла тутъ разбойниковъ? не разбойники — пришли за разбойниками — вотъ что! Ну, живо поворачивайся... огня, говорятъ!

— Да кто жъ вы, батюшка... о-охъ! какіе такіе? охъ! Съ нами крестная сила! Дайте хоть ребенка-то положить, заговорила Анна, перебѣгая отъ люльки къ печкѣ.

— Ну, живо! живо! вздуешь огня, сама увидишь, какіе такіе... Крѣпче держи его, ребята: извернется — уйдетъ; давай кушакъ... вяжи его.

Послышалась свалка, сопровождаемая ударами и бранью. Но сила Захара ничего не могла значить передъ силою пятерыхъ дюжихъ молодцовъ. Когда старушка подошла съ лучиной, онъ стоялъ уже окрученный по рукамъ.

— Такъ вотъ вы зачѣмъ! Вяжите его, отцы! вяжите его, разбойника: онъ самый и есть злодѣй! завопила Анна, послѣ того, какъ одинъ изъ присутствующихъ взялъ изъ рукъ ея лучину и защемилъ ее въ свѣтецъ.—Всѣхъ насъ погубилъ, отцы вы мои! Слава те Господи! давно бы надыть! всему онъ причиной; и парня-то погубилъ...

Старушка ударилась въ слезы.

— Не вѣрьте ей, братцы, не вѣрьте! она такъ... запужалась... вретъ... ей-Богу, вретъ! его ловите... обозлились... безсвязно кричалъ между тѣмъ Захаръ, обращая попеременно то къ тому, то къ другому лицо свое, обезображенное страхомъ, — вретъ, не вѣрьте.. кабы не я... парень-то, что она говоритъ... давно бы въ острогѣ сидѣлъ... я... онъ, всему голова... Богъ тебя покараетъ, Анна Савельевна, за... за напраслину!

— Отцы вы мои! Отсохни у меня руки, пущай умру безъ покаянія, коли не онъ погубилъ парня-то! отчаянно перебила старушка.—Спросите, отцы родные, всякъ знаетъ его, какой онъ злодѣй такой! Покойникъ мой со двора согналъ его, къ порогу не велѣлъ подступаться,—знамо, за недобрыя дѣла!.. Какъ померъ, онъ, разбойникъ, того и ждалъ—опять къ намъ въ домъ вступилъ.

— Что же это въ самомъ дѣлѣ, братцы! вѣдь это разбой, все единственно! кричалъ Захаръ, ободряясь. — За что связали? должны напередъ спросить... Ѳедотъ Кузьмичъ! вступись! подхватилъ онъ ласковѣе.—Вступись, знакомый человѣкъ! ты меня знаешь... встрѣчались... помнишь? Ѳедотъ Кузьмичъ.

— Ладно, братъ, тамъ разберутъ; вишь нашелъ какого знакомаго? Ѳедотъ Кузьмичъ! слышь! смѣясь, отвѣчалъ Ѳедотъ Кузьмичъ. — Крѣпче держи его, ребята! Тамъ разсказывай, какъ придемъ; тамъ васъ разберутъ, кто куда принадлежитъ.

— Отцы вы мои... охъ! да что жъ такое это они надѣлали? что прилучилось-то? спросила тетушка Анна, неожиданно прерывая рыданія.

— Быка увели, обокрали вотъ этого молодца, возразилъ Ѳедотъ Кузьмичъ, указывая головою на высокаго, плечистаго мужика въ синей чуйкѣ, державшаго Захара за воротъ.

— Царица Небесная! то-то вотъ! я какъ вино-то увидѣла... охъ, словно сердце мое чуяло... не добромъ достали вино-то!.. Да какъ же это, родной?.. охъ, батюшки!

— А такъ же, что этотъ вотъ мошенникъ калякалъ съ работниками на лугу, а тотъ быка уводилъ: „я, говоритъ, портной; портной, говоритъ, иду изъ Серпухова!“ смѣясь, отвѣчалъ Ѳедотъ Кузьмичъ, — и то портной; должно быть, изъ тѣхъ, что ходятъ вотъ по ночамъ съ деревянными иглами да людей грабятъ.

— Отсохни руки и ноги, коли не по наговору! меня тамъ вовсе и не было; спроси хоть въ Комаревѣ, быстро заговорилъ Захаръ.

— Ладно, тамъ скажешь...

— Ну, пойдемте, братцы! перебилъ гуртовщикъ.

— Нѣтъ, погоди, надо другого дождаться; далеко не убѣжитъ: парни ловкіе — догонятъ!.. Слышь, еще и расписку цѣловальнику дали! подхватилъ словоохтливый Ѳедотъ Кузьмичъ.—„Такъ и такъ, говорятъ, быкъ достался, вишь, по наслѣдію отъ отца покойника...“

— Батюшка! да у насъ и въ заводѣ скотины-то не было! отродясь и не держали! воскликнула Анна.

— Мы ихъ и въ кабакѣ-то нонче видѣли.

— Когда ты меня видѣлъ? въ кое время? меня тамъ и не было! произнесъ Захаръ.

Не обращая на него вниманія, словоохотливый Ѳедотъ Кузьмичъ разсказалъ старухѣ, какъ гуртовщикъ, отправляясь съ другими работниками на ночлегъ въ избу цѣловальника, услышалъ подъ навѣсомъ ревъ быка, какъ, движимый подозрѣніемъ, спустился на дворъ съ работниками, отыскалъ животное, убѣдился, что быкъ точно принадлежалъ ему, и какъ затѣмъ побѣжалъ къ становому, который, къ счастію, находился въ Комаревѣ, по случаю покражи у фабриканта. Далѣе Ѳедотъ Кузьмичъ сообщилъ о томъ, какъ становой, собравъ понятыхъ, вошелъ въ кабакъ, допросилъ цѣловальника, и какъ цѣловальникъ тотчасъ же выдалъ воровъ, показалъ расписку, пояснилъ, откуда были воры, и разсказалъ даже, гдѣ найти ихъ.

— Добро еще, лодка попалась у берега; спасибо прогонщикамъ, припасли! а то бы пришлось, пожалуй, бѣжать на паромъ въ Болотово, заключилъ разсказчикъ.

Во все время этого объясненія Захаръ не давалъ отдыха языку своему. Онъ опровергалъ съ неописанною наглостью всѣ обвиненія, требовалъ очной ставки съ Герасимомъ, называлъ его мошенникомъ, призывалъ въ доказательство своей невинности расписку, въ которой не былъ даже поименованъ, складывалъ всю вину на Гришку, говорилъ, что пріемышъ всему дѣлу голова — заглавіе, поминутно обращался къ дружбѣ Ѳедота Кузьмича, и проч. Но Ѳедотъ Кузьмичъ только подтруниваль, а гуртовщикъ, державшій Захара за воротъ рубахи, не переставалъ его потряхивать.

— А вотъ никакъ и другого ведутъ! произнесъ одинъ изъ понятыхъ, прислушиваясь къ шагамъ, раздавшимся на дворѣ.

При этомъ Дуня сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла броситься къ двери; но въ дверяхъ показались только два человѣка, и она опустилась на лавку.

— Убѣжалъ! сказали въ одинъ голосъ вошедшіе.

Не было, однакожъ, сомнѣнія, что они употребили всевозможныя старанія, чтобы поймать бѣглеца: ноги ихъ до колѣнъ были покрыты грязью, оба дышали какъ опоенныя клячи, проскакавшія десять верстъ безъ отдыху.

— Нѣтъ, не поймали! подхватилъ одинъ изъ нихъ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Совсѣмъ было схватили... да въ рѣку кинулся... не подоспѣли...

— Ладно, далеко не убѣжитъ! сказалъ Ѳедотъ Кузьмичъ. — Пачпорта не успѣлъ захватить. Искать надо въ Комаревѣ, либо въ Болотовѣ: дальше не пойдетъ, а можетъ-статься, и весь въ рѣкѣ-Окѣ остался... Завтра все объявится, на виду будетъ!.. Добро, хошь этого-то молодца скрутили: придемъ не съ пустыми руками... Веди его, ребята!

И понятые потащили изъ избы Захара, который не переставалъ увѣрять, что идетъ своею охотой, что будетъ жаловаться за безчестіе, что становой ему человѣкъ знакомый, что все Комарево за него вступится, потому всякій знаетъ, какой онъ есть такой человѣкъ, — увѣрялъ, что онъ не лапотникъ какой-нибудь, а мѣщанскій сынъ, что вязать мѣщанина—это все единственно, что вязать купца—никто не смѣетъ,—что Гришка всему дѣлу голова—заглавіе, что обвинять его, Захара, въ покражѣ быка—

значитъ, все единственно, обвинять въ этомъ дѣлѣ Ѳедота Кузьмича, и проч. Но его не слушали и продолжали тащить по двору, при чемъ раздосадованный гуртовщикъ, не выпускавшій изъ желѣзной пятерни своей ворота рубахи, не переставалъ долбить кулакомъ другой руки мѣщанскую шею Захара.

XXIX.

Наслѣдники.

Буря утихла, хотя тяжеловѣсныя, свинцовыя тучи все еще бродили по небу, но онѣ не посылали уже дождя. Вѣтеръ упалъ, перемѣнилъ направленіе. Тучи быстро неслись теперь къ западу, укладывались темносизыми слоями и медленно потомъ опускались къ горизонту, который замыкался косыми полосами ливней. Тамъ все еще сверкали молніи и время отъ времени грохоталъ громъ; но удары удалялись и постепенно ослабѣвали. Часто послѣ молніи ихъ вовсе не было слышно. На востокѣ свѣтлѣло между тѣмъ съ каждымъ часомъ. Мѣстами начинало уже открываться прозрачное, зелено-блѣдное дно осенняго неба. Но лучи солнца, продирающіеся сквозь рѣдѣющія облака, не веселили окрестности: при солнечномъ блескѣ рѣзче еще выказывалось опустошительное дѣйствіе бури и поздняго времени года. Повсюду, куда ни обращался взоръ, разстилались черныя, безжизненныя поля, изрѣзанныя бороздами, наполненными водою. Нагія деревья, съ вѣтвями, изломанными бурей, печально высились на окраинѣ дороги. Самыя лужи, засоренныя мелкими вѣтками и желтыми листьями, тускло отражали лучи солнца. Темными полосами тянулись въ отдаленіи пустынные лѣса. Ни одинъ звукъ не веселилъ слуха. Вся природа ждала, казалось, отдыха подъ мягкимъ покровомъ снѣга. Недолго дожидаться: октябрь на половинѣ. Не сегодня, завтра, того и смотри, посыпятся пушистыя хлопья снѣгу и покроютъ собою продрогнувшую землю...

Этого ждалъ также, заодно съ природой, и дѣдушка Кондратій. Онъ давно уже съ погъ смотался, слѣдуя за своимъ стадомъ по топкимъ полямъ и обнаженнымъ рощамъ, которыя не защищали его отъ дождя и вѣтра. Съ первымъ снѣгомъ оканчивалась тяжкая пастуховская должность. Старикъ позаботился уже пріискать къ тому времени новое мѣсто: онъ нанялся плести сѣти у одного

богатаго сосновскаго мужика, торговавшаго рыболовными снастями. Кромѣ того, что занятіе это соотвѣтствовало лѣтамъ и склонностямъ дѣдушки Кондратія, оно обезпечивало его вѣрнымъ кускомъ хлѣба на всю зиму. Этимъ способомъ не будетъ онъ никому въ тягость. Быть-можетъ, даже, дастъ Богъ, пригодится еще дочери и внучку.

Занятый такими мыслями, старикъ торопливо слѣдовалъ за стадомъ, которое, не находя корма, бродило ускоренным шагомъ по полямъ и оглашало ихъ унылымъ ревомъ. Переходя съ одной нивы на другую, дѣдушка Кондратій незамѣтно дотянулъ до полудня. Пора было подумать объ обѣдѣ и отдыхѣ. Старикъ направился въ небольшую лощину, лежавшую верстахъ въ двухъ отъ Сосновки и служившую съ незапамятныхъ временъ всѣмъ пастухамъ мѣстомъ отдохновенія. Осенью бока лощины, покрытые частымъ орѣшникомъ, защищали пастуха и животныхъ отъ вѣтра; въ жаркіе лѣтніе дни они служили надежнымъ убѣжищемъ отъ зноя. Лощина представляла еще то удобство, что на днѣ ея, мѣстами заросшемъ кустами лозняка и сочной травою, мѣстами усѣянномъ плитнякомъ, бѣжалъ ручей. Стаду привольно было лежать на отдыхѣ подлѣ берега.

Въ ожиданіи обѣда, который приносили пастуху изъ Сосновки, дѣдушка Кондратій расположился на камняхъ подлѣ ручья. Но дѣльный старикъ никогда не сидѣлъ безъ дѣла. Отцѣпивъ отъ кушака связку лыкъ, положивъ на колѣни колодку и взявъ въ руки кочедыкъ, онъ принялся оканчивать начатый лапоть.

Надо полагать, что старикъ обознался временемъ и было уже больше полудня. Едва успѣлъ онъ раза два ковырнуть кочедыкомъ, какъ на днѣ лощины показался сынъ мужика, у котораго дѣдушка Кондратій нанималъ уголъ. Парень несъ обѣдъ.

То былъ малый лѣтъ шестнадцати, съ широкимъ, румянымъ, добродушнымъ лицомъ и толстыми губами. Нельзя было не замѣтить, однакожъ, что губы его на этотъ разъ измѣняли своему назначенію: онѣ не смѣялись. И вообще во всей наружности парня проглядывало выраженіе какой-то озабоченности, вовсе ему несвойственной; онъ не отрывалъ глазъ отъ старика, какъ словно ждалъ отъ него чего-то особеннаго.

— Дѣдушка Кондратій,—слышь! а дѣдушка Кондратій!

крикнулъ онъ шаговъ еще за тридцать.— Слышь! что ты вечоръ-то говорилъ! слышь, все по-твоему вышло!

— Что я говорилъ? не помню, родной... о чемъ бишь? промолвилъ старикъ, прерывая работу.

— А какъ же, помнишь, говорилъ, дома-то у васъ, гдѣ дочка-то живетъ... слышь! все какъ есть по-твоему вышло: вѣдь старшіе-то сыновья Глѣба Савиныча пришли!

— Такъ ли? ты, паренекъ, толкомъ говори,—такъ ли? правда ли? произнесъ старикъ, задумчивое лицо котораго вдругъ оживилось.

Въ послѣднее время онъ только и помышлялъ о возвращеніи Петра и Василія: они, безъ сомнѣнія, не замедлятъ оставить рыбацкія слободы и вернуться домой, какъ только провѣдаютъ о смерти отца. На нихъ основывались всѣ надежды дѣдушки Кондратія: присутствіе Петра и Василія должно было положить конецъ безпутству Гришки, должно было возвратить дому прежній порядокъ и спасти дочь, внучка и старуху отъ вѣрной погибели. Старикъ не зналъ еще, до какой степени разстройства и разоренія доведенъ былъ въ послѣднее время домъ Глѣба Савиныча.

— Взаправду пришли, дѣдушка, подхватилъ парень,— пришли нонѣ утромъ.

— Да кто жъ тебѣ сказалъ? небось, Анна Савельевна у васъ въ Сосновкѣ?.. она сказала?

— Нѣтъ, вишь ты, пришли это они съ нашими ребятами... тѣ остались дома, а эти въ Сосновку пришли; они все разсказали...

— Ну, слава те Господи! вымолвилъ, перекрестившись, старикъ.—Пришли-таки въ домъ свой! все пойдетъ, стало, порядкомъ! люди немалые, степенные... слава те Господи!

— Да ты, дѣдушка, послушай, — дѣло-то какое! живо подхватилъ парень. — Они, наши, сосновскіе-то ребята, сказывали, твой зять-то... Григорьемъ, что ли звать?.. слышь, убѣжалъ, сказываютъ, нонче ночью... убѣжалъ и не знать куда!.. всѣ, говорятъ, понятые изъ Комарева искали его—не нашли... А того, слышь, пріятеля-то, работника, Захара, такъ того захватили, сказываютъ. Нонче, вишь, ночью обокрали этто они гуртовщика какого-то, вотъ что волы-то прогоняютъ... А въ Комаревѣ судъ, говорятъ, понаѣхалъ,—сейчасъ и дослѣдились...

При этомъ дѣдушка Кондратій снова перекрестился,

но уже голова его была опущена и дрожала вмѣстѣ съ рукою, творившею крестное знаменіе.

— Ты, дѣдушка, не пуще тужи: може-статься, уйдетъ еще твой-то—не поймаютъ! добродушно подхватилъ парень.—А ужъ какъ, говорятъ, старшій-то сынъ Глѣба Савиновича на его, на Гришку-то, серчаетъ... то-то бы ты послушалъ, какъ наши ребята сказывали: какъ увидалъ, говорятъ, какъ разорено въ домѣ-то — сказываютъ, все, вишь, пустехонько,—такъ, говорятъ, и взлютовался! „Попадись, говоритъ, онъ мнѣ въ руки, живымъ не оставлю!“ Такъ взлютовался, слышь, инда на жену его, на дочь твою, накинулся. Оба, и старшій, и младшій, хотятъ, вишь, въ судъ жаловаться, и ей, слышь, дочери-то твоей, грозятъ... Ужъ какъ же, говорятъ, она, дочь-то твоя, убивается...

Во все это время старикъ не переставалъ крестить впалую грудь свою, которая тяжело подымалась.

— Яша, батюшка, голубчикъ, не оставь старика: услужи ты мнѣ! воскликнулъ онъ наконецъ, приподымаясь на ноги, съ быстротою, которой нельзя было ожидать отъ его лѣтъ, — услужи мнѣ! Поколь Господь продлитъ вѣкъ мой, не забуду тебя!.. А я... я было на нихъ понадѣялся! заключилъ онъ, обращая тоскливо безпокойное лицо свое къ сторонѣ Оки и проводя ладонью по глазамъ, въ которыхъ показались двѣ тощія, едва примѣтныя слезинки.

— Что жъ, дѣдушка, я, пожалуй, туда сбѣгаю: погляжу, что у нихъ; пожалуй, и дочкѣ твоей скажу, коли что велишь.

— Нѣтъ, батюшка, не о томъ прошу: гдѣ ужъ тутъ! самому идти надобность... Кабы ты, родной, на то время приглядѣлъ за стадомъ, я... что хошь тебѣ за это...

— Вотъ! да я и безо всего останусь! только бы... батюшка, смотри, только забранится!.. и то велѣлъ скорѣй домой идти. Сбѣгать развѣ попросить?

— Сбѣгай, родимый, сбѣгай!.. Сотвори тебѣ Господь многія радости!.. Сбѣгай, батюшка, скажи отцу: Кондратій, молъ, проситъ. Надобность, скажи, великая, безпремѣнная... онъ вѣрно не откажетъ... сбѣгай, родной, я здѣсь погожу...

— Ладно, дѣдушка, ладно! только бы отпустилъ, духомъ вернусь! сказалъ Яша.

И, поставивъ котомку съ обѣдомъ наземь, пустился онъ

изъ лощины, сопровождаемый благословеніями старика.

Лишнее говорить, что дѣдушка Кондратій не прикасался къ обѣду, даромъ что давно прошелъ полдень: онъ забылъ о голодѣ.

Какъ только молодой парень исчезъ за откосомъ лощины, старикъ снялъ шапку, опустился съ помощью дрожащихъ рукъ своихъ на колѣни и, склонивъ на грудь бѣлую свою голову, весь отдался молитвѣ.

Остатки послѣднихъ облаковъ заслоняли солнце. Синяя тѣнь потопляла дно и скаты лощины. Стадо окружало старика молчаливыми, неподвижными группами. Благоговѣйная тишина, едва-едва прерываемая журчаньемъ ручья, наполняла окрестность...

Молодому парню достаточно было одного получаса, чтобы сбѣгать въ Сосновку и снова вернуться къ старику. Онъ засталъ его уже сидящаго на прежнемъ мѣстѣ; старикъ казался теперь спокойнѣе. Увидѣвъ Яшу, онъ поднялся на ноги и поспѣшно, однакожъ, пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ступай, дѣдушка! ступай! весело кричалъ парень.— Батюшка говоритъ—можно!.. отпустилъ меня... старикъ, говоритъ, хорошій; можно, говоритъ, уважить... такъ и сказалъ... ступай, дѣдушка!

— Спасибо ему!.. и тебѣ родной, спасибо! Пока Господь вѣкъ продлитъ, буду молить за васъ Господа! проговорилъ Кондратій, между тѣмъ какъ Яша оглядывалъ его съ прежнимъ добродушнымъ любопытствомъ.

— Такъ ты, родной, посиди за меня... я скоро вернусь...

— Ты, дѣдушка, не пуще тормошись. Я вотъ и полушубокъ захватилъ: посижу, пожалуй, хошь до вечера; а коли не вернешься, стало не управился, такъ я, пожалуй, что и стадо домой пригоню...

— Господь наградитъ тебя! произнесъ умиленно старикъ.—Вотъ находитъ это сумлѣніе: думаешь, вывелись добрые люди! Бога только гнѣвимъ такими помыслами... Есть добрые люди! Благослови тебя Творецъ, благослови и весь родъ твой!

Старикъ надѣлъ обѣими руками шапку, взялъ посохъ и, простившись съ Яшей, торопливо вышелъ изъ лощины.

Семь верстъ, отдѣлявшія Сосновку отъ площадки, пройдены были старикомъ съ невѣроятною для его лѣтъ скоростью. Въ этотъ промежутокъ времени онъ передумалъ болѣе, однакожъ, чѣмъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Знаменіе креста, которымъ поминутно осѣнялъ себя старикъ, тяжкіе вздохи и поспѣшность, съ какой старался онъ достигнуть своей цѣли, ясно показывали, какъ сильно взволнованы были его чувства и какое направленіе сохраняли его мысли.

Ока освѣщалась уже косыми лучами солнца, когда дѣдушка Кондратій достигнулъ тропинки, которая, изгибаясь по скату берегового углубленія, вела къ огородамъ и избамъ покойнаго Глѣба. Съ этой минуты глаза его ни разу не отрывались отъ кровли избушекъ. До слуха его не доходило ни одного звука, какъ будто тамъ не было живого существа. Старикъ не замедлилъ спуститься къ огороду, перешелъ ручей и обогнулъ уголъ, за которымъ когда-то дядя Акимъ увидѣлъ тетку Анну, бросавшую на воздухъ печеные изъ хлѣба жаворонки.

Но другого рода картина предстала глазамъ дѣдушки Кондратія; онъ остановился, какъ вкопанный; въ глазахъ его какъ словно помутилось. Онъ слышалъ только рыданія дочери, которая сидѣла на заваленкѣ и ломала себѣ руки,—слышалъ жалобный плачъ ребенка, который лежалъ на колѣняхъ матери,—слышалъ охи и увѣщевательныя слова Анны, сидѣвшей тутъ же.

— Мать Пресвятая Богородица! воскликнула она, увидѣвъ Кондратія, — Самъ Господь тебя посылаетъ!.. Дунюшка, глянька-сь, глянь: отецъ пришелъ.

Дуня откинула волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся по лицу ея, быстрымъ движеніемъ передала старухѣ ребенка и, зарыдавъ еще громче, упала отцу въ ноги.

— Батюшка! батюшка! говорила она, хватаясь съ какимъ-то отчаяніемъ за одежду старика и цѣлуя ее.—Батюшка, отыми ты жизнь мою! отыми ее!.. не знала бъ я ее, горемычная!.. не знала бъ лучше, не вѣдала!..

— Дунюшка, опомнись! Христосъ съ тобою... не гнѣви Господа... Единъ Онъ властенъ въ жизни... Полно! я тебя не оставлю... пока жить буду, не оставлю... повторялъ отецъ, поперемѣнно прикладывая ладонь то къ глазамъ своимъ, то къ груди, то ласково опуская ее на голову дочери.

— Батюшка, отецъ ты нашъ! да вѣдь дѣло-то какое, кабы зналъ ты! всхлипывая, говорила тетушка Анна,— вѣдь парень-то, мужъ-то ея, убѣжалъ! убѣжалъ, отецъ! нонче ночью убѣжалъ, касатикъ!.. Что затѣяли-то лиходѣи!.. что затѣяли, кабы зналъ ты!.. О-охъ!.. Добро, ба-

тюшки, хоть того-то злодѣя схватили!.. Охъ, какъ не плакать-ста, кормилецъ!.. А имъ, Петру и Василью, не мало ужъ я говорила: ни въ чемъ-то, говорю, она не виновница, за что, говорю, вы ее обижаете?.. Охъ, родной! нѣтъ, не вижу въ нихъ себѣ утѣхи! Не того ждала я отъ нихъ, горькая!.. А тотъ такъ и убѣжалъ, злодѣй: не поймали! покинулъ ее! сироту горькую оставилъ съ малымъ дитяткомъ... Вася побѣжалъ, не провѣдаетъ ли чего на той сторонѣ: можетъ, захватили... Что затѣяли-то! Стояли, это, гурты, кормилецъ,—гурты стояли; а они...

— Знаю, матушка, знаю... не слушая ея, проговорилъ старикъ, стараясь приподнять дочь, которая продолжала обнимать его ноги и рыдала, произнося несвязныя причитанья.

Тетушка Анна мгновенно оставила свои объясненія, посадила внучка на заваленку, проворно утерла слезы и бросилась подсоблять старику. Оба приподняли Дуню и повели ее къ заваленкѣ; но едва успѣли они усадить ее, въ воротахъ показался Петръ.

Если бъ дѣдушка Кондратій не былъ предувѣдомленъ, что Петръ и Василій точно возвратились домой, онъ, конечно, не узналъ бы въ вошедшемъ старшаго сына покойнаго Глѣба. Петръ состарился цѣлыми десятью годами, хотя всего-на-все четыре года, какъ покинулъ кровъ родительскій; въ кудрявыхъ волосахъ его, когда-то черныхъ какъ крыло ворона, серебрилась сѣдина; нахмуренныя брови, сходившіяся дугою надъ орлинымъ его носомъ, свѣшивались на глаза, которые глядѣли также исподлобья, но значительно углубились и казались теперь потухшими. Цыганское лицо его, дышавшее когда-то энергіей и напоминавшее лицо отца въ минуты гнѣва, теперь осунулось, опустилось; впалыя щеки, покрытыя морщинками, и синеватыя губы почти пропадали въ кудрявой, вскосмаченной бородѣ; высокій станъ его сгорбился; могучая шея походила на древесную кору. Но не время и заботы состарили Петра.

Увидѣвъ Кондратія, Петръ подошелъ къ нему такъ быстро и такъ близко, что тетка Анна поспѣшила стать между ними.

— Петруша, касатикъ... выслушай меня! воскликнула она, между тѣмъ какъ старикъ стоялъ подлѣ дочери съ поникшею головою и старался придти въ себя,—я ужъ сказывала тебѣ,—слышь, я сказывала, мать родная,—не

кто другой. Неужто злодѣйка я вамъ досталась! подхватила Анна,—поклепали тебѣ на него, родной,—злые люди поклепали: онъ, батюшка, ни въ чемъ не причастенъ—и дочка его.

— Ни къ чему непричастны! это мы видимъ!.. возразилъ Петръ.—Свелъ свою дочь безпутную съ отцовымъ пріемышемъ, такимъ же мошенникомъ, подольстились къ отцу, примазались къ нашему дому, а послѣ покойника обокрали насъ.

— Батюшка! закричала Дуня, которая до того времени слушала Петра, вздрагивая всѣмъ тѣломъ,—батюшка! подхватила она, снова бросаясь отцу въ ноги,—помилуй меня! не отступись... До какого горя довела я тебя... посрамила я тебя, родной мой!.. всему я одна виновница... сокрушила я твою старость...

— Дитятко... Дунюшка... встань, дитятко, не убивай себя попустому, говорилъ старикъ разбитымъ, надорваннымъ голосомъ.—Въ чемъ же вина твоя? въ чемъ?.. Очнись ты, утѣха моя, мое дитятко! оставь его, не слушай... Господь видитъ дѣла наши... Полно, не круши меня слезами своими... встань, Дунюшка!..

— Петруша, полно! Господь тебя покараетъ за напраслину! твердила Анна, между тѣмъ, какъ сынъ ея мрачно глядѣлъ въ другую сторону.—Полно, не осуждай ихъ! Не прикасались они—волоскомъ не прикасались къ нашему добру. Помереть мнѣ безъ покаянія, коли терпѣли мы отъ нихъ лихость какую; окромя добраго слова да совѣта, ничего не видали... Вы одни, ты да Вася, виновники всему горю нашему; кабы отца тогда послушали, остались бы дома, при васъ, знамо, не то бы и было. Не посмѣлъ бы онъ, Гришка-то, волоска тронуть. Не то бы и было, кабы отца-то послушали!.. А его, старика, не осуждай, батюшка; отецъ твой почиталъ его, Петя: грѣхъ будетъ на душѣ твоей!.. Кабы не онъ, не было бы тебѣ родительскаго благословенія: онъ вымолилъ вамъ у отца благословеніе!..

— Дай Богъ давать, не давай Богъ просить, матушка Анна Савельевна! оставь его! сказалъ дѣдушка Кондратій, обращаясь къ старухѣ, которая заплакала,—пускай его! объ чемъ ты его просишь?.. Господь съ нимъ! я на него не серчаю! и нѣтъ на него сердца моего... За что только, вотъ, за что онъ ее обидѣлъ! заключилъ онъ, снова на-

клоняя голову, снова принимаясь увѣщевать и уговаривать дочь, которая рыдала на груди его.

Лицо Петра оставалось попрежнему безчувственнымъ.

— Меня не разжалобишь! видали мы это! промолвилъ онъ.—Только бы вотъ Васька поймалъ этого разбойника; тамъ разсудятъ, спросятъ, кто велѣлъ ему чужіе дома обирать, спросятъ, подъ чьимъ былъ началомъ, и все такое... Добро самъ пришелъ, не надо бѣгать въ Сосновку, тамъ разсудятъ, на комъ вина... Да вотъ никакъ и онъ! присовокупилъ Петръ, кивая головою къ Окѣ, на поверхности которой показался челнокъ.

Дуня вырвалась изъ объятій отца, отерла слезы и устремила глаза въ ту сторону; дыханіе сперлось въ груди ея, когда увидѣла она въ приближающемся челнокѣ одного Василія. Она не посмѣла, однакожъ, послѣдовать за Петромъ, который пошелъ навстрѣчу брату. Старикъ и Анна остались подлѣ нея, хотя глаза ихъ слѣдили съ замѣтнымъ безпокойствомъ за челнокомъ.

Василій приталъ, наконецъ, къ площадкѣ. Съ того мѣста, гдѣ находилась Дуня, ея отецъ и Анна, нельзя было разслышать, что̀ говорили братья. Надо думать, однакожъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мимика выразительна не меньше словъ: съ первымъ же движеніемъ Василія, Дуня испустила раздирающій крикъ и какъ помѣшанная бросилась къ тому мѣсту, гдѣ стояли братья. Старикъ и Анна, у которыхъ при этомъ сердце стѣснилось тягостнымъ предчувствіемъ, поспѣшили за нею. На этотъ разъ стариковскія ноги измѣнили; не успѣли сдѣлать они и двадцати шаговъ, какъ уже Дуня была подлѣ братьевъ. Страшный крикъ снова огласилъ площадку; онъ надрѣзалъ какъ ножомъ сердце старика. Дѣдушка Кондратій не остановился, однакожъ, хотя колѣни его подгибались и дрожали заодно съ сердцемъ. Что-то похожее на младенческое, но неизобразимо-горькое вырвалось изъ груди его, когда увидѣлъ онъ, какъ Дуня отчаянно заломила руки и ударилась о-земь. Силы измѣняли ему, но онъ все бѣжалъ, все бѣжалъ, всхлипывая и не переставая креститься. Тетка Анна слѣдовала за нимъ и также крестилась и шептала молитву.

Подбѣжавъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала дочь, старикъ опустился на колѣни и, приложивъ лицо свое къ ея блѣдно-мертвенному лицу, сталъ призывать ее по имени.

— Нехристи! что вы надѣлали! Бога въ васъ нѣтъ!.. вѣдь вы бабу-то убили! отчаянно вскричала Анна.

— Ничаво: очнется! отрывисто возразилъ Петръ, отходя въ сторону и мрачно оглядываясь кругомъ.

— Полно, матушка! братъ настоящее говоритъ: не о чемъ ей убиваться! сказалъ Василій, представлявшій все тотъ же образецъ веселаго, но пустого, взбалмошнаго мужика.—Взаправду не о чемъ ей убиваться, сама же ты говорила, топилъ онъ ее въ слезахъ, — теперь ужъ не станетъ.

— Какъ... развѣ?..

— Да, потонулъ,—вотъ и все тутъ,—мокрою бѣдою погибъ: выходитъ—рыбакъ былъ...

Старуха ухватилась руками за голову, сѣла наземь и завопила, какъ воютъ обыкновенно о покойникѣ.

— Полно тебѣ серчать, Петруха! что ужъ тутъ! говорилъ между тѣмъ Василій,—покойника худымъ словомъ не поминаютъ. На томъ свѣтѣ его лучше насъ осудятъ.

Тутъ Василій тряхнулъ волосами съ самымъ безпечнымъ видомъ, подошелъ къ матери и началъ увѣщевать ее.

— О-охъ! произнесла она, наконецъ, отымая руки отъ лица,—какъ же, батюшка... о-охъ! гдѣ жъ ты провѣдалъ о немъ? али гдѣ видѣлъ?

— Самъ не видалъ, а сказываютъ, болотовскіе рыбаки вытащили его нонче на зарѣ. Весь судъ, сказываютъ, туда поѣхалъ: слѣдствіе, что ли, какое вишь требуется...

Тетка Анна снова опустилась было наземь, но глаза ея случайно встрѣтили Дуню и дѣдушку Кондратія. Причитаніе, готовое уже вырваться изъ груди ея, мгновенно замерло; она какъ словно забыла вдругъ свое собственное горе, поспѣшно отерла слезы и бросилась подсоблять старику, который, повидимому, не терялъ надежды возвратить дочь къ жизни. Анна побѣжала къ рѣкѣ, зачерпнула въ ладонь воды и принялась кропить ею лицо Дуни. Глаза старика не отрывались отъ лица дочери. Надежда мало-по-малу возвращалась къ нему: лицо Дуни покрывалось попрежнему мертвенною блѣдностью, глаза были закрыты, губы сжаты, но грудь начинала подыматься и ноздри дрожали.

Старикъ прошепталъ молитву, трижды перекрестился и снова устремилъ неподвижный, пристальный взоръ на дочь.

Немного погодя, она открыла глаза и, какъ бы очнувшись послѣ долгаго сна, стала оглядывать присутствую-

щихъ; руки и ноги ея дрожали. Наконецъ она остановила мутный взоръ на какомъ-то предметѣ, который находился совершенно въ другой сторонѣ противъ той, гдѣ стояли люди, ее окружавшіе.

— Должно-быть, ребенка ищетъ, сердечная, вполголоса сказала Анна.

Дуня сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла приподняться и кинуться въ ту сторону, куда глядѣли глаза ея.

— Не сокрушайся о немъ, родная, ласково подхватила старушка, — я уложила его на заваленкѣ, передъ тѣмъ, какъ пошли мы за тобою. Спитъ, болѣзная; не крушись...

— Полно взаправду убиваться, молодка!.. э! мало-ль приняла ты изъ-за него горя-то! сказалъ Василій, которому, въ свою очередь, хотѣлось утѣшить молодую женщину, — стало, такъ ужъ Богу было угодно!.. Кабы не это, можетъ-статься, еще бы хуже было, — знамо такъ!.. Вѣдь вотъ теперь товарища его — слыхалъ я нонѣ: въ Комаревѣ говорили — въ Сибирь, сказываютъ, ушлютъ... Тамъ у нихъ въ Комаревѣ какого-то вишь фабриканта обокрали, такъ всю вину на эвтого слагаютъ; онъ, сказываютъ, подучилъ, а тотъ во всемъ ссылается на твоего на мужа: онъ, говоритъ, всему голова—затѣйщикъ... То-то же и есть! лучше было помереть ему,—право, такъ.

Обвивъ руками шею старика, приложивъ лицо къ груди его, Дуня рыдала какъ безумная.

— Дуня, дитятко, полно! Не гнѣви Господа; Его святая воля! говорилъ старикъ, поддерживая ее,—тебѣ Создатель Милосердый оставилъ дитятко, береги себя въ подпору ему... Вотъ и я, я стану оберегать тебя... Дунюшка, дитятко мое!.. Пока глаза мои смотрятъ, пока руки владѣютъ, не покину тебя, стану беречь тебя и ходить за тобою, стану просить Господа... Онъ насъ не оставитъ... Полно!..

И долго еще говорилъ дѣдушка Кондратій, выбиваясь изъ силъ и призывая остатокъ ослабѣвающаго духа своего, чтобы утѣшить дочь.

Наконецъ, когда рыданія ея утихли, онъ передалъ ее на руки Анны, поднялся на ноги и, отозвавъ поодаль Василія, разспросилъ его обстоятельно о томъ, какъ отыскали Григорія и гдѣ находилось теперь его тѣло. Старикъ думалъ отправиться туда немедленно и отдать покойнику послѣдній христіанскій долгъ.

Во время объясненія его съ Василіемъ, тетушка Анна

подсобила Дунѣ встать на ноги; поддерживая ее подъ руку, старушка повела ее къ дому. Петръ послѣдовалъ за ними. Онъ оставилъ, однакожъ, обѣихъ женщинъ у заваленки и, не сказавъ имъ ни слова, вошелъ въ ворота.

Получивъ отъ Василія кой-какія свѣдѣнія касательно покойнаго зятя, дѣдушка Кондратій поднялся по площадкѣ и подошелъ къ дочери и старухѣ. Тутъ старикъ, призвавъ на помощь все свое благоразуміе и опытъ, началъ бережно уговаривать дочь послѣдовать за собою въ Болотово. Рѣчь его, проникнутая благочестіемъ, укрѣпила упавшій духъ молодой женщины, и хотя слезы ея лились теперь сильнѣе, можетъ-быть, прежняго, но она не произносила уже безсвязныхъ словъ, не предавалась безумному отчаянію. Тетушка Анна вызвалась на время ихъ отсутствія смотрѣть за ребенкомъ.

— И то, касатушка, я-то... горе, горе, подумаешь... о-охо-хо; а раздумаешь: будь воля Божія!.. заключила старушка, которая такъ же скоро утѣшалась, какъ скоро приходила въ отчаяніе.

Одинъ Глѣбъ постоянно только жилъ въ ея памяти— Глѣбъ, да еще Ваня.

Василій взялся перевезти Дуню и дѣдушку Кондратія на другую сторону.

— А я, я на васъ не серчаю, ей-Богу, не серчаю! сказалъ онъ, когда всѣ трое очутились въ челнокѣ,— братъ серчаетъ, а мнѣ что? я и то говорилъ ему, да поди, не столкуешь никакъ! уперся, на одномъ сталъ!.. Вы ни въ какихъ эвтихъ худыхъ дѣлахъ его, покойника-то, непричастны: за что серчать-то?.. Коли отецъ— дай Богъ ему царствіе небесное—коли отецъ почиталъ тебя—человѣкъ также былъ съ разсудкомъ, худыхъ дѣловъ также не любилъ—стало, обсудилъ тебя, каковъ ты есть человѣкъ такой,—ну, намъ, стало, и не приходится осуждать тебя: отецъ зналъ лучше... Я на тебя не серчаю!..

— Спасибо тебѣ за ласковое, доброе твое слово. Пошли тебѣ Создатель благословеніе въ дѣткахъ твоихъ! промолвилъ дѣдушка Кондратій, подымая глаза на Василія, но тотчасъ же переводя ихъ на дочь, которая сидѣла прислонясь локтями въ бортъ челнока и, склонивъ лицо къ водѣ, старалась подавить рыданія.

Рыданія измѣняли ей, однакожъ, во все продолженіе пути.

Дорога въ село Болотово проходила черезъ Комарево; послѣднее отстояло отъ перваго верстахъ въ четырехъ. Но дѣдушка Кондратій пошелъ лугами. Этимъ способомъ избѣжалъ онъ встрѣчъ съ знакомыми и избавился отъ разспросовъ, которыми, конечно, не замедлили бы осадить его, если бъ только направился онъ черезъ Комарево.

Когда они пришли въ Болотово, начинало уже смеркаться. Но сумерки замедлялись огненною, багровою зарею, которая медленно потухала на западѣ. Надо было ждать холодной, ясной ночи. Небо очистилось уже отъ облаковъ: кое-гдѣ начинали мигать звѣзды. На востокѣ, въ туманномъ горизонтѣ, чуть-чуть разгоралось другое зарево: то былъ мѣсяцъ, свѣтлый ликъ котораго не суждено уже было видѣть Григорію... Но мѣсяцъ еще не показывался.

У дѣдушки Кондратія находился въ Болотовѣ одинъ давнишній знакомый—также рыбакъ по ремеслу. Нельзя было миновать разспросить его о томъ, гдѣ находилось тѣло Григорія, потому что Василій ничего не сказалъ объ этомъ предметѣ; онъ зналъ только, что тѣло утопленника найдено рыбаками и паходится въ Болотовѣ. Съ этой цѣлью старикъ отправился къ знакомому рыбаку. Разспросивъ его обо всемъ, Кондратій вернулся къ дочери и вышелъ съ нею изъ Болотова,—но уже въ другую околицу.

Пройдя около четверти версты, они почувствовали подъ ногами песокъ и увидѣли свѣтлую полосу Оки, которая описывала огромную дугу. Мѣсто было уединенное и глядѣло совершеннымъ пустыремъ. Шумъ шаговъ пропадалъ въ сыпучемъ пескѣ, кой-гдѣ покрытомъ широкими листьями лопуха. Кой-гдѣ чернѣли головастые стволы ветелъ. У самаго берега одиноко подымалась лачужка рыбака, отыскавшаго утопленника. Свѣтъ мелькалъ въ окнѣ. Полный мѣсяцъ, подымавшійся надъ горизонтомъ, бросалъ длинныя, черныя тѣни. При свѣтѣ его, старикъ и его дочь различили неподалеку отъ лачуги, подлѣ самаго края берега, двѣ человѣческія фигуры, которыя стояли подпершись палками. То были караульщики, приставленные къ тѣлу утопленника; производилось еще слѣдствіе, и трупъ не велѣно было трогать. Дѣдушка Кондратій и Дуня подошли ближе.

Григорій лежалъ въ томъ положеніи, въ какомъ вытащили его изъ воды: руки его были закинуты за голову,

лицо обращено къ лугу; но мокрыя пряди черныхъ кудрявыхъ волосъ совсѣмъ почти заслоняли черты его.

Кондратія и Дуню не подпустили близко. Они опустились поодаль на колѣни и стали молиться...

Изъ всѣхъ скорбныхъ сценъ, которыя когда-либо совершались въ этомъ дикомъ пустырѣ, это была, конечно, самая печальная и трогательная; изъ всѣхъ рыданій, которыя когда-либо вырывались изъ груди молодой женщины, оплакивающей своего мужа, рыданія Дуни были самыя отчаянныя и искреннія. Ни одинъ еще тесть не прощалъ такъ охотно зла своему зятю и не молился такъ усердно за упокой души его, какъ молился старикъ Кондратій...

Ему вновь потребовалось призвать на помощь весь остатокъ ослабѣвающаго духа, чтобъ оторвать дочь отъ рокового мѣста и возвратить ее къ знакомому рыбаку. Старикъ думалъ оставить у него на время дочь; самъ онъ положилъ воспользоваться ночью и сходить въ Сосновку. Ему хотѣлось отдать послѣдній долгъ покойнику и предать какъ можно скорѣе тѣло его землѣ. Для этого ему необходимо было повидаться съ отцомъ Яши, взять у него денегъ и уговориться съ кѣмъ-нибудь занять мѣсто пастуха во время его отсутствія. Сообщивъ дочери свои намѣренія, старикъ, не медля ни минуты, разстался съ нею и пошелъ къ парому, который содержало болотовское общество.

На другой сторонѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько подводъ, которыя направлялись къ Сосновкѣ; мужики охотно согласились посадить старика. На зарѣ онъ прибылъ въ Сосновку. Все устроилось согласно его желанію. Добродушный Яша вызвался стеречь стадо, отецъ его ссудилъ Кондратія деньгами и даже подвезъ его къ тому мѣсту Оки, противъ котораго располагалось Болотово.

Дѣдушка Кондратій не нашелъ, однакожъ, Дуни у рыбака. Онъ узналъ, что слѣдствіе кончилось и тѣло велѣно было немедленно предать погребенію. Старикъ отправился на погостъ, нимало не сомнѣваясь, что тамъ найдетъ свою дочку. Онъ дѣйствительно нашелъ ее распростертою надъ свѣжимъ бугоркомъ, который возносился немного поодаль отъ другихъ могилъ.

Вечеромъ того же дня, отслуживъ панихиду, они покинули Болотово. Возвращались они тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ ночью старикъ. Очутившись противъ Ко-

марева, которое съ высокаго берега виднѣлось какъ на ладони, отецъ и дочь свернули влѣво. Имъ слѣдовало зайти къ тетушкѣ Аннѣ и взять ребенка, послѣ чего Дуня должна была уйти съ отцомъ въ Сосновку и поселиться у его хозяина.

Издали еще увидѣли они старуху, сидѣвшую съ внучкомъ на завалинкѣ. Петра и Василія не было дома: изъ словъ Анны оказалось, что они отправились—одинъ въ Озеро, другой—въ Горы; оба пошли попытать счастія, не найдутъ ли рыбака, который откупилъ бы ихъ мѣсто и взялъ за себя избы. Далѣе сообщала она, что Петръ и Василій, послѣ продажи дома и сдачи мѣста, отправятся на жительство въ „рыбацкія слободы", къ которымъ оба уже привыкли, и гдѣ, по словамъ ихъ, жизнь привольнѣе здѣшней. Старушка слѣдовала за ними.

— Эхъ, матушка Анна Савельевна, сказалъ Кондратій,— ужъ лучше пожила бы ты съ нами! Не тѣ ужъ годы твои, чтобы слоняться по свѣту по бѣлому, привыкать къ новымъ, чужимъ мѣстамъ... Останься съ нами. Много ли намъ надыть? хлѣбца ломоть да кашки ребенку—вотъ и все; пожили бы еще вмѣстѣ: не много годковъ намъ съ тобою жить остается.

— О-охъ, касатикъ, болѣзный ты мой! твердила старушка, понуривъ голову и прикладывая сморщенныя ладони къ тощей груди своей,—мнѣ и то думалось, думалось такъ-то, отецъ; да вотъ съ ними-то жаль, касатикъ, разстаться... съ Васей-то; да и Петрушу жаль, отецъ!.. Какъ увидала ихъ, родной, такъ вотъ теперь и разстаться-то тошнехонько... И внучатъ поглядѣть хоцца; давно ужъ не видала... сказываютъ, меня переросли!.. Нѣтъ, родной, ужъ я пойду,—пойду, батюшка! подхватила она вдругъ съ необыкновенною живостью,—авось еще, приведетъ Богъ, приду, васъ провѣдаю: всего-то, сказываютъ, двѣсти верстъ оттолева—доплетусь какъ-нибудь... Пойду на богомолье въ Коломну—къ вамъ зайду: поживемъ, можестаться, вмѣстѣ.

Старуха передала ребенка Дунѣ, обѣщала придти въ Сосновку проститься,—и они разстались, потому что было довольно уже поздно, а къ свѣту дѣдушкѣ Кондратію слѣдовало возвратиться домой.

Старику и его дочери привелось прощаться съ Анной скорѣй, чѣмъ они предполагали. Не прошло трехъ дней, какъ старушка явилась въ Сосновку. Избы были проданы.

Петръ, Василій и Анна отправлялись на слѣдующее утро въ „рыбацкія слободы“. Вечеромъ, Кондратій, Дуня и еще нѣсколько родственниковъ проводили старушку за околицу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Тетушка Анна, всегда точная, вѣрная своему слову, не сдержала, однакожъ, своего обѣщанія. Не было о ней ни слуху, ни духу. Уже дѣдушка Кондратій выплелъ всѣ свои сѣти и давно бродилъ вмѣстѣ съ сосновскимъ стадомъ по полямъ, которыя теперь зеленѣли; уже Дуня начинала меньше тосковать и часто даже съ улыбкою поглядывала на своего сынишку, который теперь бѣгалъ; но тетушка Анна все еще не выполняла своего обѣщанія и не приходила навѣстить ихъ.

Наконецъ, Софронъ, крестникъ старушки—тотъ самый Софронъ Дроновъ, у котораго разъ какъ-то заболталась она и осталась ночевать—привезъ извѣстіе, что тетушка Анна приказала долго жить...

Въ маленькомъ хозяйствѣ Дуни и отца ея было въ ту пору очень мало денегъ; но деньги эти, до послѣдней копейки, пошли, однакожъ, на панихиду за упокой души рабы Божіей Анны,—и каждый годъ потомъ, въ тотъ самый день, сосновскіе прихожане могли видѣть, какъ дѣдушка Кондратій и его дочка, ставили передъ образомъ тонкую восковую свѣчу, крестились и произносили молитву, въ которой часто поминалось имя доброй тетушки Анны.

XXX.

Заключеніе.

Я былъ на Волгѣ въ первые годы моего дѣтства. Въ памяти моей успѣли изгладиться живописные холмы, лѣса и села, которые, на протяженіи многихъ и многихъ сотенъ верстъ, смотрятся въ свѣтлыя, благодатныя волжскія воды. Судьба забросила меня въ другую сторону, перенесла на другую рѣку; съ тѣхъ поръ я не разлучался съ Окою. Не знаю, обдѣлила меня судьба или наградила, знаю только, что, проживъ двадцать пять лѣтъ сряду на Окѣ, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился съ нею и теперь люблю ее, какъ вторую отчизну. Не вините же меня въ пристрастіи — въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристрастіе извинительно—не вините же, если берега Оки, ея окрест-

ности и маленькія рѣчки, въ нее впадающія, кажутся мнѣ краше и живописнѣе другихъ береговъ, мѣстностей и рѣчекъ Россіи. Не стану распространяться о преимуществахъ одной рѣки передъ другою, не скажу, напримѣръ, что Ока пространнѣе Волги и тому подобное... Тутъ же сознаюсь, что необъятное, обаяющее раздолье, жизнь и кипучая, одушевленная дѣятельность принадлежитъ Волгѣ. Ока ужe, молчаливѣе, мельче и безрыбнѣе,— по крайней мѣрѣ въ нашихъ мѣстахъ. Она вполнѣ оживляется только въ половодье. Въ остальное время года, и особенно лѣтомъ, рѣдко увидите вы на ней нескончаемые караваны расшивъ; не промелькнутъ передъ очами вашими вереницы громадныхъ судовъ и барокъ, нагруженныхъ богатствомъ цѣлаго края; рѣдко услышите вы тѣ звонкіе клики и удалыя, веселящія сердце пѣсни бурлаковъ, которыя немолчно, говорятъ, раздаются на Волгѣ. Не тревожатъ также Оку колеса пароходовъ: невозмутимо гладкою скатертью стелются ея мирныя воды. Барка цѣликомъ повторяется на ея ровной поверхности, — повторяется вмѣстѣ съ высокимъ, бородастымъ рулевымъ въ круглой бараньей шапкѣ,—повторяется съ соломеннымъ шалашомъ, служащимъ работникамъ защитою отъ дождя и зноя, съ бѣлою костлявою бичевною клячей, которая, смиренно стоя на носу и пережевывая тощее сѣно, терпѣливо ждетъ своей участи. Огонекъ, зажженный ночью на баркѣ, отражается въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Въ знойную лѣтнюю пору Ока оживляется по большей части однѣми бѣлыми чайками или рыболовами, снующими какъ угорѣлые по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. На песчаныхъ отмеляхъ, выдающихся иногда изъ середины рѣки,— отмеляхъ, усѣянныхъ мелкими, бѣлыми какъ сахаръ, раковинами, покрытыхъ кое-гдѣ широкими, пахучими листьями лопуха, трещатъ цѣлыя полчища коростелей, чибезовъ, куликовъ; кое-гдѣ надъ ними, стоя на одной ногѣ и живописно изогнувъ шею, высится сѣрая цапля. Къ вечеру воцаряется совершеннѣйшая тишина; какъ словно пріостанавливается даже тогда самое теченіе; поверхность рѣки не дрогнетъ. Съ такою отчетливостью повторяется въ водѣ высокій хребетъ нагорнаго берега, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить границы между водою и землею; берегъ кажется продолженіемъ рѣки. Въ этомъ, часто темномъ отраженіи начинаютъ сверкать, какъ искры, играющія рыбки, появляются круги и долго по-

томъ дрожатъ серебряныя, разбѣгающіяся нити. Тихо, безъ шума, безъ погрома, отрываются тогда отъ берега легкіе челноки рыбаковъ, которые спѣшатъ забросить свои верши.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но что до меня касается, люблю я эту торжественную тишину посреди широкаго простора водъ, замкнутаго высокимъ, величественно живописнымъ берегомъ! Въ виду природы, на душу впечатлительную нисходятъ иногда минуты невообразимо благодатныя и свѣтлыя. Душа превращается какъ будто тогда въ глубокое, невозмутимо-тихое, прозрачное озеро, отчетливо отражающее въ себѣ голубое небо, надъ нимъ раскинувшееся, и весь міръ, его окружающій. Достаточно уже ничтожнаго звука, чтобы докучливо потревожить сладкую задумчивость. Малѣйшій шумъ въ эти созерцательныя минуты возмущаетъ душу такъ же точно, какъ возмущается заснувшая поверхность озера отъ слабаго прикосновенія: все давнымъ-давно уже смолкло; а между тѣмъ водяной кругъ все еще дрожитъ на его ровномъ зеркалѣ... Къ тому же, тишина никогда не бываетъ безмолвна. Чуткій, счастливый слухъ всегда сумѣетъ передать душѣ таинственно робкіе, но гармоническіе напѣвы...

И такъ, тишина, въ которую большую часть года погружены берега Оки, придаетъ имъ въ глазахъ моихъ еще новую прелесть. Особенно пріятно любоваться высокимъ берегомъ, спускаясь въ лодкѣ внизъ по теченію отъ Серпухова до Коломны.

То покрытый плотною, кудрявою чащей орѣшника или молодого дубняка, то спускаясь къ водѣ ярко-зелеными, закругленными какъ куполъ холмами, то исполосованный пашнями наподобіе шахматной доски, берегъ этотъ перерѣзывается иногда пропастями, глубина которыхъ даетъ еще сильнѣе чувствовать подъемъ хребта надъ поверхностью рѣки. Виды измѣняются безпрерывно; точно стоите вы на мѣстѣ и развертываютъ передъ вами громадную панораму. Кое-гдѣ, по зеленымъ косогорамъ, то плавнымъ, то крутымъ, лѣпятся села, вьются тропинки, кажущіяся издали нѣжными полосками, нарисованными тонкою, прихотливою кистью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ монастыри и скромныя деревенскія церкви, съ зеленѣющими кровлями и блистающими на солнцѣ крестами. Нерѣдко между кремнистыми, отвѣсными обрывами открываются, какъ бы для

контраста, свѣтлыя, улыбающіяся долины. Рѣзвые ручьи и маленькія рѣчки въ родѣ Смедвы, мѣстами заслоненныя ветлами, живописно извиваются посреди ярко-зеленыхъ лощинъ, покрытыхъ мелкимъ березнякомъ. Иногда весь берегъ представляетъ одну сплошную, синеватую стѣну сосноваго бора, который не прерывается цѣлыя версты. На песчаныхъ прибрежныхъ отмеляхъ мелькаютъ кое-гдѣ лачужки рыбаковъ, съ прислоненными къ нимъ баграми и саками, съ раскинутымъ бреднемъ, лежащими неподалеку вершами и черными, опрокинутыми кверху, насквозь просмоленными челноками. Мѣстами берегъ, подмытый водою, осыпался весь сверху до низу и отвѣсною стѣною стоитъ надъ водою, показывая свои мѣловые, глиняные и песчаные слои, пробуравленные норками стрижей, водяныхъ ласточекъ. Въ такихъ мѣстахъ этихъ птичекъ появляется обыкновенно несмѣтное множество. Надъ ними, въ неизмѣримой вышинѣ неба, вы ужъ непремѣнно увидите беркута, родъ орла: распластавъ дымчатыя крылья свои, зазубренныя по краямъ, распушивъ хвостъ и издавая слабый крикъ, похожій на пискъ младенца, онъ стоитъ неподвижно въ воздухѣ или водитъ плавные круги, постепенно понижаясь къ добычѣ. Мѣстами берегъ удаляется, расходится амфитеатромъ и даетъ мѣсто злачнымъ лугамъ, оживленнымъ одинокими столѣтними дубами, подъ тѣнью которыхъ отдыхаетъ стадо ближней деревни. Но всего не опишешь! Однимъ словомъ—великолѣпная, непрерывная, блестящая панорама, которая ждетъ еще своего поэта и живописца. Но поэты и живописцы... впрочемъ, намъ нѣтъ до этого дѣла.

Не думайте, однакожъ, чтобы луговой берегъ не имѣлъ также своей прелести. Есть время въ году, когда онъ кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это—Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній,—однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣ-

товъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень пестрое цвѣтное море какъ словно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому времени жители Комарева, Горъ, Болотова, Озёръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьи покосъ считается праздникомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Если бы собрать весь кумачъ, всѣ платки, понявы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстъ въ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаютъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ,—подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами какъ звѣзды, имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они, однакожъ, цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами,—полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣсня: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Уже заря брезжитъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня, между тѣмъ, все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣсни, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣсню эту затянули еще, быть-можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она — понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и, постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а

тамъ, подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!.. И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать тогда вашу душу, не каменная ли она... а если не каменная, то ужъ вѣрно способна только оживляться за преферансомъ, волноваться при словахъ: „пасъ“, „ремизъ“, „куплю“, и прочей дряни...

Но простите мнѣ, мой читатель, если я такъ далеко отвлекъ васъ отъ главнаго предмета. Мнѣ слѣдуетъ еще досказать вамъ мою простонародную повѣсть. Къ общему нашему удовольствію, я на этотъ разъ не займу васъ слишкомъ долго.

Лѣтъ десять послѣ происшествій, описанныхъ мною въ послѣдней главѣ, около Петровокъ и, кажется, даже въ самый Петровъ день, на дорогѣ изъ Сосновки къ площадкѣ, служившей сценою нашему разсказу, можно было встрѣтить одинокаго пѣшехода. Съ перваго взгляда дѣлалось очевиднымъ, что пѣшеходъ былъ безсрочный солдатъ, возвращавшійся на родину. Легко было также догадаться, что родина его была Ока, потому что, не обращая вниманія на знойное солнце, обливавшее его потомъ, онъ быстро подвигался впередъ, взбѣгалъ на всѣ возвышенности и поминутно щурилъ глаза по направленію къ Окѣ, которая заслонялась еще холмами.

Пѣшеходъ этотъ былъ Ваня, младшій сынъ покойнаго рыбака Глѣба Савинова. Солдатская шинель и пятнадцать лѣтъ, проведенныя внѣ дома, конечно, много измѣнили его наружность; но при всемъ томъ трудно было обознаться: возмужалое, загорѣвшее лицо его отражало, какъ и прежде, простоту души, прямизну нрава и какое-то внутреннее достоинство, — словомъ, онъ представлялъ все тотъ же благородный, откровенный, чистый типъ славянскаго племени, который, какъ мы уже сказали, такъ часто встрѣчается въ нашемъ простонародьи. Свѣтлые, умные, хотя нѣсколько задумчивые глаза Вани смотрѣли попрежнему откровенно и привѣтливо.

Ваня пришелъ наканунѣ въ Сосновку. О смерти отца, матери и пріемыша зналъ онъ уже давно. Ему извѣстно также было о продажѣ родныхъ избъ и разъединеніи старшихъ братьевъ, которые, послѣ ссоры, неизвѣстно гдѣ проживали. Ему оставалось только провѣдать о томъ, живы

ли Дуня и дѣдушка Кондратій. Послѣ отца и матери они были для него самыми близкими по сердцу людьми. Дѣдушка Кондратій все еще живъ. Мало того: несмотря на свои восемьдесятъ девять лѣтъ, старикъ все еще не хотѣлъ даромъ ѣсть хлѣбъ, все еще трудился. Онъ нанялся въ это лѣто караулить комаревскій садъ заодно съ дочкой. Ваня спѣшилъ слѣдовательно въ Комарево.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, сердце его все сильнѣй и сильнѣй сдавливалось тѣмъ невыразимо-тягостнымъ волненіемъ, какое приводится испытывать каждому въ минуты, предшествующія свиданію послѣ долгой разлуки. Въ поспѣшности человѣка, который бѣжитъ на свиданіе самое радостное, заключается, кажется, столько же желанія скорѣе освободиться отъ этого тягостнаго волненія, сколько нетерпѣнія обнять близкихъ сердцу.

Вскорѣ передъ нимъ сверкнуло маленькое озеро, окаймленное какъ бахромою купами ольхи, орѣшника и ветелъ. Еще минута, и показалась Ока во всемъ своемъ величіи; еще шагъ, и онъ очутился на тропинкѣ у берегового углубленія, увидѣлъ площадку,—эту площадку, замѣнявшую ему цѣлую родину. Каждый предметъ, попадавшій на глаза, вызывалъ въ душѣ его дорогія воспоминанія. Ваня перешелъ ручей — свидѣтель дѣтскихъ игръ...

Ручей, вырываясь попрежнему изъ-подъ камней и узловатыхъ корней ветелъ, огибалъ свѣтлою, журчащею струею огородъ, избы и, прошумѣвъ между булыжникомъ, вливался къ Оку подлѣ того мѣста, гдѣ когда-то тетушка Анна постукивала валькомъ. Время не оставило на немъ ни малѣйшаго слѣда, не измѣнило его на волосъ, между тѣмъ какъ все измѣнилось вокругъ. Отецъ покойнаго Глѣба плескался еще въ томъ ручьѣ, въ ребяческомъ возрастѣ; Глѣбъ родился на этомъ ручьѣ; Глѣбъ умеръ сѣдымъ старикомъ, умерла жена его—ручей все еще бѣжитъ тою же свѣтлою, говорливою струею; и нѣтъ сомнѣнія, долго еще переживетъ онъ дѣтей тѣхъ маленькихъ ребятишекъ, звонкіе голоса которыхъ раздавались теперь на площадкѣ...

Миновавъ огородъ, миновавъ проулокъ, Ваня повернулъ за уголъ. Онъ не долго оставался передъ избами. Каждая лишняя минута, проведенная на площадкѣ, отравляла радостное чувство, съ какимъ онъ спѣшилъ на родину. Мы уже объяснили въ другомъ мѣстѣ нашего раз-

сказа, почему родина дороже простолюдину, чѣмъ людямъ, принадлежащимъ высшимъ сословіямъ.

Отеревъ мокрые пальцы свои о засученныя полы сѣрой шинели, Ваня прошелъ мимо дѣтей, которыя перестали играть и оглядывали его удивленными глазами. Ребятишки проводили его до самаго берега. Два рыбака, стоя по колѣни въ водѣ, укладывали неводъ въ лодку. То были, вѣроятно, сыновья сѣдого, сгорбленнаго старика, котораго увидѣлъ Ваня въ отдаленіи, съ сакомъ на плечѣ.

Ваня подошелъ къ рыбакамъ и попросилъ, чтобы который-нибудь изъ нихъ перевезъ его на ту сторону.

Переѣхавъ рѣку, Ваня пробирался между кустами ивняка, шелъ тою же самой песчаной дорожкой, усѣянной мелкими раковинами, на которой, бѣгая когда-то съ пріемышемъ, встрѣтилъ въ первый разъ Дуню. Немного погодя очутился онъ у опушки, и чуть ли не на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ тогда дѣдушка Кондратій.

Ваня прибавилъ шагу. Спустя нѣсколько времени, увидѣлъ онъ Комарево.

Ваня совсѣмъ почти не былъ знакомъ съ Комаревымъ, и потому, вступивъ въ околицу, не обратилъ рѣшительно никакого вниманія на то, что на крыльцѣ „Разставанья“ вмѣсто Герасима стоялъ жирный, коренастый мужикъ въ красной рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Послѣ уже узналъ онъ, что прежній цѣловальникъ Герасимъ попался въ какомъ-то темномъ дѣлѣ и отправленъ былъ на поселеніе.

Какъ мы уже сказали, былъ Петровъ день. Благодаря этому обстоятельству, комаревскія улицы были полны народа; отовсюду слышались пѣсни и пискливые звуки гармоніи. Но Ваня ни на минуту не остановился, чтобы поглазѣть на румяныхъ, разряженныхъ въ пухъ и прахъ дѣвокъ, которыя ласково провожали его глазами.

Онъ продолжалъ такъ же ходко подвигаться къ двумъ церквамъ, которыя занимали середину села. Къ задней части церквей примыкало кладбище; за кладбищемъ начинался садъ. Тамъ, гдѣ оканчивалось кладбище, плетень сада дѣлалъ крутой поворотъ влѣво, образуя съ задворками сосѣдней улицы узенькій, извилистый переулокъ. Съ одной стороны тянулся непрерывный рядъ навѣсовъ, съ другой— плетень, обросшій ежевичникомъ и крапивой; надъ плетнемъ круглились сплошною, темнозеленою массою фруктовыя деревья, покрытыя дозрѣвающимъ плодомъ. Вѣтви

старыхъ рябинъ, клена и черемухи, разсаженныхъ кое-гдѣ за плетнемъ, досягали иногда до кровель навѣсовъ и мѣстами бросали въ переулокъ синюю тѣнь, испещренную мелкими солнечными пятнами. Въ переулкѣ было такъ же тихо, какъ было шумно на улицѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по этому переулку, Ваня услышалъ какъ словно знакомый голосъ. Онъ поспѣшно приложилъ глаза къ щелямъ плетня; но въ этомъ мѣстѣ зелень совершенно заслонила внутренность сада. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ — и вдругъ остановился. Сердце его сильно забилось; краска заиграла на загорѣвшихъ щекахъ его.

Неподалеку, подъ густою тѣнью развѣсистой яблони, увидѣлъ онъ соломенный шалашъ, у входа въ который сидѣлъ дряхлый, сгорбленный, бѣловатый старикъ. Несмотря на подслѣповатость и сильное дрожаніе въ рукахъ, дѣдушка Кондратій все еще работалъ; на колѣняхъ его лежали длинныя тесьмы лыкъ и начатый лапоть, въ который, однакожъ, не всегда удачно попадалъ онъ кочадыкомъ своимъ. На травѣ подлѣ него сидѣла его дочь; противъ нея возвышался кленовый гребень съ тучнымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣвою рукою тонкую, дрожащую нитку, между тѣмъ какъ въ правой рукѣ ея гудѣло и подпрыгивало веретено.

Жаркій лучъ солнца, скользнувъ между листами яблони и захвативъ на пути своемъ верхушку шалаша, падалъ на руки Дуни, разливая прозрачный, желтоватый полусвѣтъ на свѣжее, еще прекрасное лицо ея. Въ двухъ шагахъ отъ Дуни и дѣдушки Кондратія рѣзвился мальчикъ лѣтъ одиннадцати, съ бѣлокурыми вьющимися волосами, свѣжими глазами и лицомъ такимъ же кругленькимъ и румянымъ, какъ яблоки, которыя надъ ними висѣли.

Наружность ребенка, его движенія и голосъ такъ живо напоминали мать, что Ванѣ представилось, будто онъ снова видитъ передъ собою Дуню, собирающую валежникъ въ кустахъ ивняка; картина счастливаго, беззаботнаго дѣтства промелькнула передъ нимъ, и сердце его забилось еще сильнѣе, краска еще ярче заиграла на загорѣлыхъ щекахъ.

Онъ бросился къ калиткѣ сада и побѣжалъ къ шалашу...

Не стану утруждать читателя описаніемъ этой сцены. И безъ того уже, увидите вы, найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности,

излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ, „изліяніяхъ“, — обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда „не вѣсть что такое выходитъ“... и проч., и проч. А критики? Но у „критиковъ“, какъ вы знаете, не по хорошему милъ бываешь, а по милу хорошъ; нельзя же быть другомъ всѣхъ критиковъ!

Впрочемъ, ихъ въ сторону.

Доскажу вамъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію моихъ сермяжныхъ героевъ.

Сосновское общество отрѣзало безсрочному узаконенный участокъ земли. Но Ваня не захотѣлъ оставаться въ Сосновкѣ. Видъ Оки пробудилъ въ немъ желаніе возвратиться къ прежнему, отцовскому промыслу. Землю свою отдалъ онъ подъ пашню сосѣду, а самъ снялъ внаймы маленькое озеро, на гладкой поверхности котораго, съ послѣднимъ половодьемъ, не переставала играть рыба. Онъ обстроился и тотчасъ же перевелъ къ себѣ въ домъ дѣдушку Кондратія, его дочь и внучка.

И снова, сквозь темную листву орѣшника, ольхи и ветелъ, стала просвѣчивать соломенная, облитая солнцемъ кровля; снова между блѣдными вѣтвями ивы показалась раскрытая дверь. Подъ вечеръ, на порогѣ усаживался дѣдушка Кондратій, строгавшій дряхлою рукою удочку, между тѣмъ какъ дочка сидѣла подлѣ съ веретеномъ, внукъ рѣзвился, а Ваня возвращался домой съ вершами подъ мышкой или неся на плечѣ длинный сакъ, наполненный рыбой, которая блистала на солнцѣ, медленно опускавшемся къ посинѣвшему уже хребту высокаго нагорнаго берега.

Такъ проходила ихъ жизнь. Ваня ходилъ за старикомъ какъ родной сынъ, берегъ его внучка, ласково, какъ братъ, обходился съ Дуней, и никогда ни единымъ словомъ не поминалъ ей о прежнихъ, прожитыхъ горестяхъ...

Оглавленіе V тома.

стр.

Смедовская до ина. Разсказъ 5

Зимній вечеръ. Повѣсть на новый годъ.

I. Сумерки 22
II. Яша Жилетниковъ 29
III. Встрѣча.—Таинственный разговоръ 38
IV. Семейство акробата. Похищеніе 53
V. Вечеринка у Анны Ивановны 65
VI. Неожиданная прибыль 80
VII. Встрѣча новаго года 92

Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта.

Часть первая.

I. Два пѣшехода 106
II. Утро Благовѣщенія 114
III. Семейство рыбака 121
IV. За щами и кашей 126
V. Глѣбъ Савиновъ 134
VI. Гришутка 144
VII. Мастакъ-работникъ 154
VIII. Дѣтство 166
IX. Озеро 179

Часть вторая.

X. Обманутое ожиданіе 190
XI. Прохожіе 198
XII. Возвращеніе 211
XIII. Водополье 220
XIV. Лачуга дѣдушки Кондратія 228
XV. Бесѣда 236

Часть третья.

XVI. Сынъ рыбака 246
XVII. Проводы 258
XVIII. Комарево 266
XIX. Захаръ.—Послѣдствія 285

Часть четвертая.

XX. Худое житье 307
XXI. Продолженіе предыдущаго 323
XXII. Крѣпкій старикъ 346
XXIII. Потеря 358
XXIV. 371
XXV. 380
XXVI. Вѣсточка 392
XXVII. Ночь на Окѣ 405
XXVIII. 415
XXIX. Наслѣдники 433
XXX. Заключеніе 448

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Дозволено цензурою. СПБ. 12 апрѣля 1896 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

VI.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(РОМАНЪ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Заѣзжій торгашъ.

Только что наступили первые майскіе дни.

Было воскресенье. Благодаря отличной погодѣ и, особенно, праздничному дню, улица сельца Мàрьинскаго снова оживилась, какъ только прошелъ послѣобѣденный часъ. До сихъ поръ, то-есть между полуднемъ и четырьмя-пятью часами вечера, большинство мàрьинскихъ жителей отдыхало; на улицѣ слышались только возгласы мальчишекъ, игравшихъ въ бабки на недавно-просохнувшихъ, но гладко уже утоптанныхъ лужайкахъ; къ этимъ крикамъ присоединялся теперь мало-по-малу скрипъ воротъ, которыя пѣли на всевозможные лады; на завалинкахъ показывались старики съ заспанными глазами и всклоченными волосами, въ которыхъ виднѣлись соломенные стебли—знакъ, что народъ перебрался уже на лѣтнія квартиры: въ сараи и риги; къ старикамъ выходили сосѣди. Группы вскорѣ увеличились присутствіемъ старухъ съ внучатами на рукахъ и бабъ въ пестрыхъ праздничныхъ передникахъ и писанныхъ яркихъ головныхъ платкахъ. Старухи и бабы недолго, впрочемъ, останавливались у завалинокъ: онѣ бо̀льшею частью выходили на середину улицы и становились отдѣльными кучками, въ которыхъ тотчасъ же обнаруживался характеръ суеты и безпокойства; покажется ли баба въ отдаленіи, ее уже

никакъ не пропустятъ мимо: „Тётка Авдотья, а, тётка Авдотья... куда ты... ась?.. подь къ намъ, касатка!--а?..“ Минуту спустя, голосъ тетки Авдотьи дребезжитъ заодно съ голосами ея товарокъ. На улицѣ, освѣщенной лучами вешняго солнца, замѣтно уже склонившагося къ западу, чаще стали появляться молодыя дѣвки, сопровождаемыя неизмѣнными ихъ спутницами, маленькими дѣвчонками; посмѣиваясь въ ладони и шушукая при встрѣчѣ съ парнями, дѣвки направлялись къ хлѣбному магазину, расположенному на одной линіи съ избами и отдѣлявшемуся отъ послѣднихъ вётлами. Тамъ, подъ навѣсомъ, бросавшимъ желтоватую тѣнь, которая дѣлалась все сквознѣе и золотистѣе по мѣрѣ того, какъ солнце опускалось къ горизонту, собралась уже порядочная ватага молодежи; кто стоялъ перешептываясь съ сосѣдкой, кто сидѣлъ, закрывъ ладонью нижнюю часть лица и украдкой поглядывая на парней. Парни, въ свою очередь, переминались съ ноги на ногу и также молчали. Казалось, вся молодежь Мàрьинскаго собралась уже подъ навѣсомъ, но никто еще не подавалъ голоса; до сихъ поръ по разговорной части отличалась одна лишь молоденькая бабенка съ вздернутымъ, раздвоеннымъ на концѣ носомъ и быстрыми карими глазами.

— Что жъ вы, дѣвки? а?.. Ну, что сидите руки-то скламши? а? полно вамъ взаправду!.. надсаживалась она, перебѣгая отъ одной группы къ другой.—Становись въ хороводъ, хватайся за руки—ну!..—и—и—эхъ!

На горѣ-то макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ!..

— Что жъ вы, красныя? становитесь! „За-а-инька, бѣленькій!..“ подхватывала она, снова принимаясь пѣть, при чемъ всякій разъ зажмуривала глаза и выставляла напоказъ рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ.—Что жъ вы не подтягиваете? а? да ну же, ну! Полно вамъ спесивиться-то!

Но старанія ея не подвигали дѣла; слышно было покуда, какъ щелкали орѣхи, какъ шушукали и втихомолку посмѣивались; вообще, подъ навѣсомъ царствовала та нерѣшительность, выражающаяся подталкиваньемъ локтемъ и вопросительными взглядами, которая предшествуетъ дѣвичьему веселью. Улица между тѣмъ все болѣе и болѣе оживлялась, говоръ усиливался; кой-гдѣ слышался хохотъ, кой-гдѣ раздавались нетерпѣливые спорные возгласы; кой-гдѣ, и преимущественно изъ бабьихъ круж-

ковъ, раздавалось дребезжанье, весьма похожее на звукъ битой посуды, которую положили бы въ кастрюлю и начали бы трясти изо всей мочи; въ одномъ изъ такихъ кружковъ сильное размахиванье руками и слишкомъ уже часто повторяемыя имена Домны и Дарьи служили несомнѣннымъ доказательствомъ, что тамъ успѣли уже повздорить.

Наконецъ, въ дальнемъ углу амбарнаго навѣса, робко, вполголоса затянули пѣсню; повидимому этого только и ждали: къ голосамъ этимъ тотчасъ же присоединились другіе. Подстрекаемые востроглазой запѣвалкой, парни и дѣвки выступали изъ-подъ навѣса, схватывались за руки и становились въ кругъ; хороводъ устанавливался. Еще минута, и нѣтъ сомнѣнія, звонкая пѣсня заглушила бы уличный говоръ... но надо же было случиться, чтобъ въ эту самую минуту въ околицу Марьинскаго въѣхалъ возъ съ краснымъ товаромъ.

Въѣздъ сопровождался такимъ неистовымъ, единодушнымъ лаемъ собакъ, что всѣ стоявшіе спиною къ околицѣ невольно обернулись. Хозяинъ воза или *варягъ*— такъ называютъ въ нашихъ деревняхъ этихъ торгашей— не успѣлъ подобрать ногъ отъ собакъ, которыя, какъ ядра, летѣли къ нему навстрѣчу, какъ ужъ вся деревня замѣтила его появленье. Началось съ того, что бабы, хлопотавшія болѣе другихъ о примиреніи Домны и Дарьи, немедленно направились къ возу.

Достойно замѣчанія, что Домна и Дарья, предоставленныя на собственный произволъ, тотчасъ же успокоились; въ головѣ Дарьи мгновенно возникла мысль о ситцевомъ передникѣ, который посулилъ купить мужъ, какъ только пріѣдетъ торгашъ; Домнѣ пришла вдругъ крайняя надобность прикупить тесемки; одна побѣжала отыскивать мужа; другая, поправляя головной платокъ, устремилась къ торгашу. Примѣру ея послѣдовали многіе дѣвки и парни. Изъ хоровода то и дѣло убывало, къ великому неудовольствію запѣвалки, которая давно ужъ била въ ладоши и щелкала пальцами надъ головою; впрочемъ, она вскорѣ утѣшилась и побѣжала, куда бѣжали другіе.

Спустя самое короткое время, возъ такъ облѣпили, и такая густая толпа окружила его, что старикамъ, сидѣвшимъ на завалинкахъ, стали только видны шапка торгаша и верхній конецъ дуги надъ ушами его клячи. Все разомъ говорило, тискалось и осыпало разспросами тор-

гаша, который рѣшительно не зналъ, куда повернуть голову.

„Кумачъ есть?..“—„Покажи тесемку...“—„Почемъ иголки?..“—„Эй, слышь, на яйца мѣняешь?..“—„Дѣвушки, касатушки, глянь-ка-сь, серьги-то, серьги!..“—„Ой, батюшки, задавили!..“—„Куда лѣзешь?.. чего не видали?“—„А тебѣ, небось, одной глядѣть-то хоцца!.. ишь ее прётъ... Ну!—ну!..“—„Ты, слышь, братъ, отколѣва?..“ спрашивали невпопадъ съ другой стороны.

Покупали, однакожъ, очень мало; до сихъ поръ торгашъ отмѣрилъ только два аршина тесемки, сбылъ мотокъ нитокъ да муравленую глиняную дудку—и тѣ, впрочемъ, промѣнены были на яйца. Тѣмъ не менѣе всѣ продолжали тискаться, спрашивали о цѣнѣ каждой вещи, лѣзли другъ на дружку, не щадя боковъ. Нѣкоторыя бабы, побойчѣе, взмостились даже на облучокъ воза. Хозяина окончательно затормошили. Бабы, сидѣвшія на облучкѣ, видя, что толку не доберешься, принялись сами распоряжаться: кто примѣрялъ наперстокъ, кто щелкалъ ножницами, кто накидывалъ на голову платокъ, кто прикладывалъ кусокъ ситца къ переднику. Но и тутъ-таки болѣе другихъ показала себя востроглазая бабенка, такъ много хлопотавшая подъ амбарнымъ навѣсомъ: повязавшись желтымъ платкомъ, перекинувъ черезъ голову полновѣсное ожерелье изъ цвѣтныхъ бусъ, она подпрыгивала на облучкѣ и, показывая присутствующимъ раскраснѣвшееся, смѣющееся лицо, поминутно вскрикивала: „И-ихъ-на!“

— Что жъ это вы, въ самомъ дѣлѣ, бабы?.. Экъ ихъ! заговорилъ, наконецъ, торгашъ, потряхивая шапкой, устроенной въ родѣ кучерскихъ шапокъ, съ тяжестью на макушкѣ, но тяжесть, вѣроятно отъ долгаго употребленія, съѣхала на сторону и образовала какой-то неуклюжій, тяжелый комъ, находившійся въ страшномъ противорѣчіи съ движеніемъ головы своего владѣльца. Комъ этотъ то сползалъ на затылокъ, то свѣшивался на глаза, то переваливался справа налѣво, но всякій разъ въ сторону противоположную той, куда наклонялась голова — обстоятельство, не очень, повидимому, безпокоившее хозяина; однакожъ, несмотря на сильныя эволюціи верхней своей части, шапка все-таки плотно держалась на лысой головѣ.

— Ну, чего, чего лѣзете?.. Совѣсти въ васъ нѣтъ, ни-

какого постоянства нѣтъ! подхватилъ старый торгашъ, голосомъ не столько сердитымъ, сколько поддразнивающимъ.

— Что ты на насъ, касатикъ? развѣ мы? бойко возразили двѣ бабы, торопливо сбрасывая платки,—вишь вонъ энта-то... глянь-ка-сь, вишь что навертѣла! Ей небось не скажешь, прибавила одна изъ нихъ, кивая головою на запѣвалку, которая никакъ не могла освободиться отъ ожерелья, украшавшаго ея шею.

— Вотъ оборви нитку-то, разсыпь, разсыпь бусы-то! сказалъ старикъ, протягивая руку. — Давай сюда... эка баба... давай!

— На, на, на, ѣшь! возразила запѣвалка, освобождаясь, наконецъ, отъ ожерелья и отталкивая его съ видомъ величайшаго пренебреженія,—разсыпишь! подхватила она, передразнивая старика и вспыхивая,—не видали дряни какой!.. Ты за другими-то лучше поглядывай! заключила она, бросая недоброжелательные взгляды двумъ бабамъ, сидѣвшимъ насупротивъ.

— Ладно, ладно! слѣзай лучше до грѣха! перебилъ старикъ.—Повернуться не дадутъ, облѣпили какъ!.. Покупать такъ покупать, а то что такъ-то языкомъ болтать?.. Никакого въ васъ постоянства нѣтъ, бабы! право нѣтъ! Слѣзай, говорю...

— А ну его взаправду, бабы! плюньте! вишь невидаль какая! проговорила востроглазая бабенка, соскакивая съ воза.

— Ладно, ладно!.. Эка заноза какая! право, заноза! Коли покупать не хотите, стало стоять здѣсь нечего... одни пустые разговоры...

— И то, промолвилъ какой-то мужикъ, до той поры стоявшій совершенно смирно,—вонъ! чего лѣзете? вонъ! неожиданно добавилъ онъ, принимаясь работать локтями.

Послышались хохотъ, писк, брань; толпа стала рѣдѣть. Немного погодя, подъ амбарнымъ навѣсомъ раздалась пѣсня, возвѣстившая, что хороводъ снова устроился. Это обстоятельство еще замѣтнѣе очистило толпу вокругъ воза. Вскорѣ осталось нѣсколько мужиковъ и бабъ, которые не отошли прочь потому только, что въ праздничный день дѣлать нечего и надо же стоять гдѣ-нибудь.

— Поди жъ ты, что надѣлали! не сообразишь никакъ!.. Взяли на два гроша всего, а разрыли мало-что на пять рублевъ, сказалъ старый торгашъ, оглядывая присутствующихъ, которые засмѣялись.

Торгашу было ужъ лѣтъ шестьдесятъ, но онъ представлялъ изъ себя еще свѣжаго, здороваго старика; лицо его, шея и руки сохраняли постоянно такую красноту, какъ будто старикъ никогда не сходилъ съ баннаго полка́, гдѣ его парили самымъ жгучимъ вѣникомъ; краснота эта была отличительнымъ и самымъ рѣзкимъ свойствомъ его наружности, не лишенной веселости и прямодушія.

— Что станешь съ ними дѣлать, съ бабами-то? подхватилъ онъ, потряхивая головою надъ грудами взбудораженнаго товара и приводя въ движеніе макушку шапки,—не соберешь никакъ... та: „дѣдушка, подай!“ другая: „дѣдушка, покажь!“ никакъ не сообразишь... совсѣмъ затормошили!

— Ничаво не сдѣлаешь! отозвался кто-то.

— Извѣстно, бабы—кто имъ радъ? проговорилъ разсудительнымъ тономъ мужикъ, исполнявшій за минуту предъ тѣмъ должность полицейскаго.

— Такой ужъ видно ихній родъ! смѣясь, замѣтилъ другой.

— И диковинное это, право, дѣло... началъ было снова старикъ; но третій мужикъ, малый лѣтъ тридцати, косой, какъ заяцъ, и рябой, какъ кукушка, который во все время предыдущаго разговора ощупывалъ лошадь торгаша, разсматривалъ съ величайшимъ любопытствомъ его сбрую и подводу, перебилъ его:

— Отколѣва Богъ несетъ? спросилъ онъ.

— Ѣду, то-есть, откуда?

— Нѣтъ, какихъ, примѣрно, губерній? подхватилъ рябой мужичокъ, укладывая локоть правой руки на облучокъ, а пальцами правой руки притрогиваясь къ оловяннымъ зеркальцамъ, сверкавшимъ изъ бумажнаго свертка.

— Губерніи Ярославской, словоохотливо возразилъ старикъ,—а вы, братцы, здѣшніе?

— Здѣшніе, отозвались мужики, при чемъ тотъ, который лежалъ на локтѣ, приподнялъ уголъ бумаги, скрывавшей мотки съ шёлкомъ.

— Ваша деревня какъ, братцы, прозывается... Мàрьинское?.. такъ, что ли?

— Мàрьинское...

— Такъ и есть; стало, здѣсь... такъ и сказывали: на третьей верстѣ, сказывали, отъ большой дороги, проговорилъ старикъ, озираясь на стороны.—Скажите, братцы, нѣтъ ли у васъ такого мужичка... Тимоѳеемъ звать?.. не припомню только: Ѳедосеевъ ли, Демьяновъ ли...

— Есть... Ѳедосеева нѣтъ, а Демьяновъ есть.

— Какой-такой Демьяновъ? У насъ трое Демьяновыхъ. Вонъ насупротивъ одинъ... вонъ...

— Эй, братцы! ужъ не Лапша ли? ухмыляясь, спросилъ весельчакъ.

— Какой Лапша?

— А такъ прозвали у насъ одного мужичка Лапшою... Лапша да Лапша—такъ и стали звать.

— Тебѣ, дядя, какъ сказывали?

— Сказывали: какъ въѣдешь, говоритъ, въ околицу, на лѣвой рукѣ, тутъ и живетъ... никакъ пятая изба, никакъ шестая съ краю... не помню...

— Ну такъ и есть, Лапша! воскликнулъ рябой мужичокъ, отличавшійся любознательностью.

— Стало, есть какая надобность?

— Нѣтъ, братъ его наказывалъ кланяться, возразилъ старикъ, принимаясь за укладку товара.

При этомъ извѣстіи, мужики переглянулись между собою, послѣ чего глаза ихъ съ замѣтнымъ любопытствомъ обратились къ старику, и всѣ разомъ заговорили:

— Гдѣ ты его встрѣлъ?.. гдѣ?.. въ коемъ мѣстѣ?..

— Нонче зимою встрѣлъ, ѣхамши изъ Алексина.

— Ахъ онъ разбойникъ! закричали мужики въ одинъ голосъ.

Восклицаніе было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ единодушно, что торгашъ невольно поднялъ голову и взглянулъ на нихъ пристальнѣе.

— Что вы, братцы? спросилъ онъ.

— Да вѣдь этотъ-то, что съ тобой встрѣлся, первый что ни есть мошенникъ! заговорили опять разомъ всѣ присутствующіе.—Вотъ ужъ никакъ пятый годъ въ бѣгахъ. Тѣмъ только и спасся—бѣжалъ! Ему давно бы въ Сибири быть...

— Какъ такъ?

— Да такъ! Такихъ дѣловъ надѣлалъ... и-и-и!..

— Онъ мнѣ сказывалъ, какъ я съ нимъ встрѣлся, сказывалъ, сапожнымъ, вишь, мастерствомъ занимается.

— Ахъ онъ разбойникъ! подхватили опять присутствующіе.

— Гдѣ ты съ нимъ встрѣлся? спросилъ одинъ изъ толпы.

— Точно, теперь какъ припомню... точно, чудно какъ словно, началъ старикъ. — Ѣхалъ я понѣ зимою, про-

бирался къ Алексину городу; недалече ужъ было до ночлега—можетъ, этакъ, верстъ пятокъ оставалось; ужъ примеркать стало... знамо, дѣло зимнее, день-то короткій, къ тому и время такое было: мятель, погода такая посыпала... Слѣзъ этто я съ воза-то, рукавицами похлопываю, самъ иду подлѣ лошаденки. Иду такъ-то, смотрю, вижу—идетъ впереди человѣкъ; съ нимъ паренекъ... такъ мальчоночекъ лѣтъ, этакъ, восьми, а можетъ и всѣхъ десять годковъ будетъ... Ну, поровнялись, нагналъ ихъ, поздоровались. Куда? примѣрно, откуда? Разговорились... Сталъ этто онъ у меня просить парнишку посадить—посадилъ. Такъ и такъ, говоритъ, сапожнымъ, говоритъ, мастерствомъ пробавляюсь. „Это, говорю, сынъ у тебя?“—„Нѣтъ, говоритъ, чужой, въ ученье взятъ...“ А самъ такой-то обдерганный: ни на немъ, ни на парнишкѣ полушубка нѣтути. Я и давай спрашивать: „гдѣ жъ, говорю, поклажато у тебя? чай струментъ есть?“—„Жительство, говоритъ, имѣю поближности, въ деревнѣ; тамъ, говоритъ, струментъ оставилъ...“ Такой-то словоохотный, спрашиваетъ, куда ѣду. „Вы, говоритъ, вездѣ слоняетесь; неравно, говоритъ, доведется въ Каширѣ побывать, въ нашей сторонкѣ; тамъ есть, говоритъ, сельцо такое, Марьинское прозывается... коли приведетъ Богъ побывать, говоритъ, спроси мужичка Тимоѳея“—сказалъ, какъ примѣрно найтить—„кланяйся ему; скажи, молъ, братъ поклонъ посылаетъ...“

— Ну такъ, такъ! онъ и есть, онъ! Вишь, разбойникъ!.. заговорили опять въ толпѣ.

— Поди жъ ты, что выдумалъ — а? сапожникъ! Ахъ онъ проклятый!.. И парнишка съ нимъ... по отцу пойдетъ; ужъ это какъ есть что по отцу. То-то давно слуховъ-то не было... Поди жъ ты! сказалси!

— Такъ, стало, паренёкъ-то ему не чужакъ? спросилъ удивленный старикъ.

— Какой чужакъ! Говорятъ тебѣ: сынъ, родной сынъ, подхватили мужики, перебивая другъ друга.—Въ тѣ поры, какъ бѣжалъ отъ насъ, въ тѣ поры и парнишку свово увелъ. Вотъ ужъ пятый годъ въ бѣгахъ...

— О чемъ вы тутъ? неожиданно спросилъ новый мужикъ, подходя къ возу.

— Слышь, вотъ старикъ съ Филиппомъ встрѣлся!.. Филиппъ, слышь, Лапши нашего братъ, бѣглый-то.

Вѣсть эта произвела, казалось, на новоприбывшаго такое же точно впечатлѣніе, какъ и на его товарищей.

— Поди жъ ты, какое дѣло! проговорилъ торгашъ,— а мнѣ и не въ догадку; думалъ, взаправду мастеровой.

— Вотъ нашелъ! Плутъ первый сортъ, темный плутъ! Чудно, какъ онъ съ тобою чего не спроворилъ. Знамо, такими дѣлами животъ кормитъ. Спроси, здѣсь всякій скажетъ... его по всей округѣ-то и то знаютъ... Эй, Пантелей! подь сюда! заключилъ вдругъ рябой мужичокъ, принимаясь махать руками по направленію къ околицѣ,— слышь, ей! Филиппа видѣли, Лапши нашего брата... вотъ старикъ встрѣлъ...

— Гдѣ? въ коемъ мѣстѣ? спросилъ, ускоряя шагъ, Пантелей, человѣкъ мрачнаго и суроваго вида, въ которомъ, по чернымъ и обгорѣлымъ рукамъ и носу, выпачканному сажей, не трудно было узнать кузнеца.

— Далеко, братъ! не поймаешь! А ты ужъ обрадовался, думалъ возьмешь, началъ-было весельчакъ, но другіе мужики перебили его и заговорили вмѣстѣ:

— Не нонче встрѣлъ, зимою, у Алексина... далеко, братъ, не догнать...

— Вотъ, дядя, спроси у него, у него спроси: онъ-ти скажетъ, какой-такой Филиппъ человѣкъ есть, перебилъ, въ свою очередь, рябой мужичокъ, стараясь обратить на себя вниманіе торгаша,—совсѣмъ-было по міру пустилъ, совсѣмъ рѣшилъ! прибавилъ онъ, выразительно моргая на кузнеца.—Эй, ребята! Эй, слышишь? довершилъ онъ, снова начиная махать руками и поворачиваясь то въ одну сторону улицы, то въ другую.—Эй, сватъ Нефедъ! ступай сюда: Филиппа видѣли, Лапши нашего брата... эй...

Даже безъ этого извѣстія многіе изъ пожилыхъ мужиковъ и бабъ, не принимавшихъ участія въ хороводѣ, направлялись къ возу. Достаточно, вѣдь, увидѣть издалека двухъ-трехъ человѣкъ, собравшихся около одного мѣста, чтобъ привлечь толпу; но, при имени Филиппа, брата Лапши, каждый изъ подходившихъ ускорялъ шагъ. Вскорѣ вокругъ воза снова составился порядочный кружокъ. Рябой мужичокъ пересталъ, между тѣмъ, кричать: онъ торопливо передавалъ новость, переходя отъ одного къ другому—никто, однакожъ, не хотѣлъ слушать: послѣ первыхъ двухъ словъ, каждый махалъ только рукою, отходилъ прочь и обращался съ разспросами къ торгашу.

— Надо полагать, братцы, этотъ Филиппъ далъ себя знать... вишь какъ вы о немъ хлопочете! сказалъ старикъ, котораго начинало забирать любопытство.

Осажденный новыми разспросами, онъ очень охотно повторилъ встрѣчу свою съ Филиппомъ. Во время разсказа, прерывавшагося бранью, какъ только произносилось имя Филиппа, рябой мужичокъ ни на секунду не оставался въ покоѣ; его точно укусила ядовитая муха: каждый членъ его, каждая черта лица его, особенно глаза и брови, находились въ страшной подвижности; онъ то подмигивалъ, то дергалъ за рукавъ сосѣда, приглашая его быть внимательнѣе, то обращался съ пояснительными жестами, наконецъ не выдержалъ и неожиданно крикнулъ:

— Экой разбойникъ!

Выходка эта встрѣтила на этотъ разъ живое сочувствіе въ окружающихъ; крупная брань, какъ картечь, посыпалась отовсюду.

— Слышь, дядя! у этого, вонъ у этого двѣ лошади увелъ! вмѣшался рябой мужичокъ снова, указывая на кузнеца.—Двѣ лошади увелъ, самъ тебѣ скажетъ... Скажи, Пантелей, какъ дѣло-то было...

Глаза присутствующихъ мгновенно перешли отъ торгаша къ Пантелею; но Пантелей обманулъ всеобщія ожиданія: онъ упорно молчалъ и только выраженіе его грубаго лица, да нахмуренныя брови высказали чувства, пробуждавшіяся въ немъ при воспоминаніи о Филиппѣ.

— Кому онъ здѣсь только не врагъ? сказалъ сѣдой старикъ,—о-сю-пору всѣ поминаютъ. Даромъ пятый годъ слуховъ нѣтъ, всѣмъ на шею сѣлъ.

— Воръ воруетъ — міръ горюетъ. Кто ему, вору-то, радъ!

— И парнишку-то своево погубилъ, окаянный! прокричала некстати какая-то старуха.

— То-то, я чай, нашъ Лапша-то подивится, какъ провѣдаетъ. Онъ думаетъ, брата давно ужъ въ живыхъ нѣту; самъ намедни сказывалъ...

— А ты и повѣрилъ! сурово перебилъ кузнецъ Пантелей.

— На такихъ людей погибели нѣтъ; ничего имъ не дѣлается, замѣтилъ кто-то.

— Ну, а что, братцы, каковъ у васъ этотъ-то братъ? спросилъ торгашъ.

— Лапша-то?

— Да.

— Все единственно... такой же разбойникъ! проговорилъ кузнецъ.

Выходка кузнеца не заключала въ себѣ, казалось, ничего особенно-забавнаго, тѣмъ не менѣе въ толпѣ многіе разразились хохотомъ; надо полагать, сближеніе, которое сдѣлалъ кузнецъ между Лапшою и его братомъ, показалось присутствующимъ черезчуръ ужъ несбыточнымъ, невѣроятнымъ.

— Стало, такой ужъ видно весь ихній родъ: всѣ однимъ путемъ-дорогой пошли! произнесъ торгашъ, покачивая головою, при чемъ макушка его шапки обнаружила нѣсколько разъ намѣреніе сорвать съ плечъ голову своего владѣльца.

— Вся семья таковская! одинъ въ одного! упрямо подтвердилъ кузнецъ.

Снова нѣкоторые засмѣялись.

— Полно, братъ Пантелей, полно! не грѣши! съ укоромъ произнесъ степеннаго вида мужикъ, молчавшій до того времени.—Станешь такъ-то про другихъ худо говорить, узнаешь и про своихъ. Коли говорить, такъ говори настоящее...

— Я и то настоящее говорю: мошенникъ — да и все тутъ!

Степенный мужикъ досадливо махнулъ рукою и отвернулся.

— Извѣстно, одинъ братъ грабитъ, другой концы хоронитъ, сурово подхватилъ кузнецъ.—Слышь, не знаетъ Лапша, живъ ли братъ—какъ же! Думаешь, какъ лѣтось пастухъ нашъ встрѣлъ Филиппа у рощи, думаешь, этотъ не зналъ? Они заодно дѣйствуютъ. Ты вѣрь ему, что онъ дурачкомъ-то прикидывается, вѣрь...

— Полно, говорю, началъ опять степенный мужикъ,— не чужимъ разсказываешь. Тотъ ограбилъ тебя—точно; ты на него и серчай: говори кому хошь, всякой скажетъ: „грабитель“. А этого позорить тебѣ не за что. Братъ за брата не отвѣтчикъ! Лежачаго, братъ, не бьютъ—не приходится!

— Ужъ это какъ есть...

Многіе изъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и бабы, вступились за Лапшу.

— Ну васъ совсѣмъ! съ досадливымъ нетерпѣніемъ крикнулъ Пантелей и, толкнувъ плечомъ двухъ-трехъ сосѣдей, пошелъ своей дорогой.

— Какъ распрогнѣвался! не по скусу, стало, пришло! смѣясь, замѣтили въ толпѣ.

— Не пуще силенъ, не страшно! сказалъ съ пренебре-

женьемъ степенный мужикъ, вступившійся за Лапшу.— Знамо: ну, за что онъ его позоритъ? И безъ того обиженный человѣкъ кругомъ какъ есть. Черезъ брата своего всего рѣшился, да за его же худыя дѣла отвѣчать должонъ.

— Это точно, настоящее говоритъ. Человѣкъ точно смирный, отозвалось нѣсколько голосовъ, въ числѣ которыхъ особенно прозвенѣлъ голосъ рябого мужика.

— Такой-то смирный, касатикъ, и... и... телята свои лижутъ! опять некстати крикнула старуха.

— Кабы, какъ вотъ онъ говоритъ, заодно дѣйствовали, этотъ не сидѣлъ бы безъ хлѣба. Отъ міра не утаишься: все на виду! подхватилъ степенный мужикъ, оставшійся, повидимому, совершенно равнодушнымъ къ поощрительнымъ возгласамъ окружавшихъ,—а то вѣдь мы видимъ: бѣднѣе ихней семьи не сыскать по всей округѣ...

— Ужъ очевидно добрѣ отощали, родимый, послѣ братато, какъ братъ-то убѣгъ, отощали добрѣ, снова вмѣшалась старуха.

— Ребятъ много: они пуще всего одолѣли! замѣтила другая.

— Экъ сказала! рази у него одного ребята-то! небось у всѣхъ есть! проговорилъ полунебрежно, полунасмѣшливо высокій мужикъ, съ желтыми, какъ лимонъ, волосами.

Мужикъ этотъ, котораго звали Мореемъ, одинъ изъ всей толпы не вмѣшивался до сихъ поръ въ разговоръ; онъ только слушалъ, щурилъ глаза и почесывалъ затылокъ съ такимъ видомъ, что никакъ нельзя было опредѣлить, сердится онъ или радуется.

— Что жъ? онъ правду говоритъ: у кого достатки, и тѣмъ ребята въ тягость; а вотъ какъ у Лапши ихъ шестеро, знамо, сокрушаютъ! сказалъ степенный мужикъ,— только совсѣмъ не черезъ это Лапша разстроился; главная причина: самъ, черезъ себя, а тутъ еще пришелъ да братъ доконалъ.

— Такъ что жъ? ему теперь поправляться надыть; радоваться надыть, что отъ худого человѣка ослобонился, сказалъ торгашъ.

— Вотъ поди жъ ты! а онъ еще хуже сталъ жить.

— На него, касатикъ, напущено; лихой человѣкъ напустилъ! неожиданно перебила все та же старуха.

Морей сомнительно покачалъ головою и недовѣрчиво усмѣхнулся; послѣ этого лицо его сдѣлалось вдругъ, въ одно мгновеніе ока, серьезнымъ и даже гнѣвнымъ; онъ

пригнулся къ старухѣ и быстро, какъ словно выстрѣливая изъ пушки, прокричалъ ей въ самое ухо:

— Напущено! кто напустилъ? самъ напустилъ!

Послѣ этого Морей снова впалъ въ молчаніе и только улыбками выражалъ свое неудовольствіе, когда вступались за Лапшу, что, скажемъ мимоходомъ, случалось довольно рѣдко.

— Еще Господа Бога благодарить должонъ, что такая жена ему попалась, сказалъ степенный мужикъ, — кабы не она, кажись, не было бы у него съ ребятенками-то ни хлѣба прокормиться, ни рубашонки покрыться; такъ ходили бы, нагишомъ, голодные!.. Не ему бы только ею владѣть, потому, надо правду молвить, мужикъ пустящный; только женой одной все и держится — голова всему дому!..

Во время этихъ объясненій, старый торгашъ не переставалъ заниматься укладкою своихъ товаровъ. Прикрывая возъ кожею, онъ попросилъ, чтобъ ему указали избу Лапши.

— Вонъ, седьмая съ краю, отъ околицы; вонъ, что крыша-то обвалилась, ворота обдерганыя! заговорилъ, махая руками и двигая бровями, рябой мужичокъ, — то-то, я чай, подивится Лапша-то, какъ про брата провѣдаетъ... особливо коли взаправду думалъ, брата давно въ живыхъ нѣтъ...

— Ахъ-э! крикнулъ неожиданно Морей и схватилъ себя за голову.

— Что ты?

— Зачѣмъ я ему далъ крупу-то! крикнулъ Морей съ видомъ отчаянья.

— Кому далъ?

— Лапшѣ! сталъ это просить, присталъ: „дай, да дай“ — я ему и далъ.

— Ну, такъ что жъ?

— Отдать, говоритъ, нечѣмъ, пропало, значитъ, добро! Ахъ-э! заключилъ Морей, снова схватывая себя за голову.

— Ну что! есть о чемъ горевать! сказалъ торгашъ, — коли бѣдный человѣкъ, Господь воздастъ тебѣ за него. А я заѣду къ нему, погляжу, промолвилъ онъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою, — заѣхать все надобно, поклонъ отвезти: каковъ ни есть, все братъ; одна полоса мяса — не оторвешь.

— Что говорить! сказалъ степенный мужикъ, — только

врядъ порадуется, какъ провѣдаетъ. Добрѣ ужъ оченно тотъ-то худую по себѣ память оставилъ.

Старикъ приладился на облучкѣ, раскланялся съ толпою и поѣхалъ къ избѣ Лапши, сопровождаемый, съ одной стороны, рядомъ, безпокойнымъ мужичкомъ, который началъ его убѣждать перемѣнить чеку, оказавшуюся, по его мнѣнію, ненадежною, съ другой стороны, хороводной пѣсней, которая то звенѣла въ ушахъ, какъ сотня колокольчиковъ, то гудѣла, какъ шмель, смотря по тому, подхватывали ли бабы и дѣвки, подстрекаемыя востроглазой запѣвалкой, или подтягивали одни парни.

II.

Лапша и его семейство.

Подъѣхавъ къ Тимоѳееевой избѣ, старый торгашъ соскочилъ наземь, внимательно осмотрѣлъ, плотно ли увязана кожа, прикрывавшая товаръ, и пошелъ къ воротамъ. Напрасно искалъ онъ веревочки, которая обыкновенно приводитъ въ движеніе деревянный засовъ — засова не существовало, да и не къ чему было: цѣлыхъ двухъ тесинъ недоставало въ воротахъ, и будь они даже крѣпко замкнуты изнутри—все равно: каждый могъ бы свободно проникнуть во дворъ. Старикъ покачалъ головою, отперъ ворота и вступилъ на тѣсный тонкій дворикъ; темные, кривые столбы, изъѣденные снизу сыростью, сверху червоточиной, еле-еле поддерживали сѣрый, полусгнившій соломенный навѣсъ, выказывавшій голыя стропила; плетень огибалъ дворъ съ трехъ сторонъ и составлялъ заднюю стѣну навѣсовъ; онъ сваливался фестонами то на одинъ бокъ, то на другой, такъ что мѣстами можно было бы разсматривать, что̀ дѣлалось у сосѣдей, если бъ сосѣдскіе плетни не отличались крѣпостью. Въ задней и самой темной части навѣса находились еще ворота; въ настоящую минуту они были настежь отворены и представляли, посреди темноты, ихъ окружавшей, яркое солнечное пятно, на которомъ рисовались, какъ на картинкѣ, узенькая тропинка, протоптанная въ крапивѣ, гряды огорода, изрытыя копытами, и въ отдаленьи — рига, грозившая разрушеніемъ. Косые лучи заходящаго солнца, обдавая яркимъ блескомъ всю эту заднюю часть владѣній Лапши, значительно еще скрашивали ихъ пустоту и бѣдность.

Живые глазки стараго торгаша снова перенеслись во

внутренность двора; но смотрѣть было рѣшительно не на что: если и выглядывало кой-гдѣ хозяйственное орудіе, то все до такой степени было ветхо и запущено, что доброму мужику оставалось только плюнуть или пожать плечами. Солнечные лучи, проходя сквозь щели плетней и дыры навѣсовъ, дѣлали изъ двора Лапши какое-то подобіе стараго, брошеннаго рѣшета. Дерево врядъ ли даже годилось на дрова. Осмотрѣвшись еще разъ вокругъ, и видя, что никто нейдетъ, старикъ направился къ дверямъ сѣней (сѣни, примыкавшая къ нимъ клѣтушка и заднія часть избы занимали почти половину двора); въ это самое время на порогѣ сѣнныхъ дверей показалась высокая, худощавая женщина, съ лицомъ смуглымъ и энергическимъ; на рукахъ ея покоился грудной ребенокъ.

— Кого тебѣ, батюшка? несовсѣмъ ласково спросила она, остановясь и раскрывая удивленные глаза.

— Здравствуй, касатка.

— Кого надо? перебила она ужъ съ явнымъ нетерпѣніемъ.

— Здѣсь живетъ мужичокъ... Тимоѳеемъ звать?..

— Здѣсь, какъ будто нерѣшительно выговорила она: на лицѣ ея пробѣжала тѣнь неудовольствія; она не старалась даже скрыть его и промолвила сурово:

— Ты бы, батюшка, коли надобность есть, постучалъ съ улицы, а то прямо на дворъ влѣзъ.

— Я, матушка, не за худымъ дѣломъ...

— Все одно: такъ лѣзть безъ спросу не годится,— спросилъ бы прежде...

— Ты, видно, хозяйка?

— Хозяйка.

— Дома мужъ?

— Дома.

Съ этими словами ворота заскрипѣли, и на дворъ вбѣжали сломя голову двѣ чихающія овцы; съ улицы послышался ревъ, блеянье и топотъ бѣжавшаго стада, которое только что, вѣроятно, вогнали въ околицу. Слѣдомъ за овцами показалась молоденькая, круглолицая дѣвушка съ хворостинкой въ рукѣ. Увидя чужого человѣка, она остановилась, поправила ветхій платокъ на головѣ и вопросительно взглянула на смуглую женщину.

— Маша, сходи за отцомъ, сказала та, — онъ никакъ въ ригу пошелъ: скажи, спрашиваютъ, молъ.

Дѣвушка съ замѣтною торопливостью направилась къ

заднимъ воротамъ. Профиль ея фигуры рѣзко обозначался въ свѣтломъ отверстіи воротъ; ступивъ на тропинку, гдѣ снова освѣтило ее заходящимъ солнцемъ, она безъ оглядки бросилась бѣжать по направленію къ ригѣ. Видно было, что гости очень давно не заглядывали къ Тимоѳею: появленіе новаго незнакомаго лица приводило хозяйку въ замѣтное недоумѣніе; черныя ея брови словно подергивало отъ внутренняго безпокойства; она глядѣла на старика такими глазами, какъ будто старалась дознаться, что̀ могло привести его къ нимъ. Чувство недовѣрчивости и подозрительности вообще свойственно простому народу, но бѣдные люди этого сословія присоединяютъ еще къ этимъ двумъ свойствамъ пугливость, иногда вовсе даже ни на чемъ не основанную, но выходящую, вѣроятно, изъ сознанія собственнаго безсилія и ничтожества.

— Надобность, что ли, есть до мужа-то? спросила она съ тою рѣзкостью, которую обнаруживаютъ обыкновенно недовольные раздраженные люди, поставленные въ необходимость скрывать свои чувства.

— Надобности никакой нѣтъ, возразилъ старикъ,— только что вотъ повстрѣчался я нонѣ зимою съ братомъ мужа, наказывалъ кланяться.

Трудно выразить, какое дѣйствіе произвели послѣднія эти слова на хозяйку. Недовольное лицо ея мгновенно выразило испугъ и замѣшательство; смуглыя, энергическія черты ея вдругъ вытянулись, задрожали и покрылись желтоватою блѣдностью: но это продолжалось всего секунду; ужасъ ея мгновенно уступилъ мѣсто выраженію злобы и ненависти.

— Такъ вотъ ты зачѣмъ! крикнула она, быстро перенося ребенка въ лѣвую руку и принимаясь правой махать по воздуху, — ступай, ступай по-добру, по-здорову... не надыть намъ ни чьихъ поклоновъ, не нуждаемся! Брата нѣту у насъ никакого... Коли кланяться велѣлъ, стало, на-смѣхъ... Ступай, ступай! Отколѣва пришелъ, туда и ступай! Мы не нуждаемся...

— Я этихъ дѣловъ вашихъ не знаю, перебилъ старикъ, ошеломленный этимъ потокомъ непривѣтливыхъ словъ.— По мнѣ, пожалуй, пойду... Сказала бы: не надо—и дѣлу конецъ; безъ крику эвтого ушелъ бы... Я ни въ чемъ этомъ непричастенъ... потрудилъ только себя, къ вамъ зашелъ, васъ же жалѣючи...

— Всѣхъ не пережалѣешь, батюшка! мы и въ этомъ

не пуще чтобы нуждались, возразила она какъ бы тономъ оскорбленія, но съ меньшею, однакожъ, запальчивостью. Кроткій, почтенный видъ старика очевидно обезоружилъ ее; кромѣ того, и ребенокъ на рукахъ ея, отъ сильнаго движенія и крика матери, проснулся и заплакалъ.

— Все это ваше дѣло, на томъ стало и быть; но только серчать такъ-то не надо бы... Вамъ же хотѣлъ послужить, а выходитъ, чуть взашеи не вытолкали. Ну, спасибо, касатушка, спасибо...

Сказавъ это, старикъ, красное лицо котораго превратилось въ багровое, поправилъ шапку и готовился уже повернуть къ воротамъ, когда глаза его встрѣтили Тимоѳея (такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ старикъ). Тимоѳей торопливо ковылялъ по тропинкѣ, сопровождаемый кругло-лицей дѣвушкой.

Одинъ видъ приближавшагося мужика невольно уже какъ-то приводилъ на память данное ему прозвище. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ чрезмѣрно тощъ, бѣлокуръ и длиненъ; но все существо его, казалось, насквозь проникнуто переминаньемъ и мямленьемъ. Ногами передвигалъ онъ довольно скоро, но онѣ выступали нерѣшительно, путались и бились другъ о дружку; туловище его, съ узенькою, глубоко впалою грудью, и руки словно повиновались движенію ногъ и колыхались безъ всякой видимой цѣли; лицомъ онъ былъ, какъ говорится, *бѣденъ*, то-есть худощавъ и невзраченъ; оно сохранило желтоватый, болѣзненный видъ, къ чему примѣшивалось еще выраженіе какого-то безпокойнаго ожиданія и пугливости. Онъ выступалъ впередъ нѣсколько наискось, бочкомъ, на манеръ того, какъ ходятъ раки, тяжело кашлялъ и часто выпрямлялся, чтобъ перевести одышку; даже зрѣніе его казалось слабымъ: онъ щурилъ глаза, словно глядѣлъ на солнце. Ему было лѣтъ сорокъ-пять съ небольшимъ, но волосы его замѣтно уже начали вытираться на макушкѣ; мягкіе какъ пухъ, но плоскіе какъ трава, они свѣшивались длинными, жиденькими прядями до бороды, которая была такъ рѣдка, что позволяла различать очертаніе рта и остраго, выдавшагося впередъ подбородка. Словомъ, это былъ совершеннѣйшій типъ безсилія и слабости. Физическое безсиліе, казалось, соотвѣтствовало въ немъ и нравственному. При взглядѣ на Тимоѳея, приходила невольно слѣдующая мысль: какъ это могло статься, чтобъ у такого человѣка было такое множество дѣтей?.. Достойно

замѣчанія, что большею частію люди этого рода, которые готовы, кажется, сейчасъ распасться на куски и еле-еле живы, производятъ почти всегда многочисленное поколѣніе. Одна черта рѣзко только и обозначалась во всей наружности Тимоѳея: то были брови; онѣ отличались густотою и чернотою; но эта самая особенность служила, казалось, къ тому лишь, чтобъ окончательно досказать характеръ внѣшняго и внутренняго безсилія, проникшаго все существо этого человѣка. Вступая въ разговоръ или даже слушая кого-нибудь, онъ усиленно какъ-то приподымалъ то одну бровь, то другую, иногда даже обѣ вмѣстѣ: онъ точно призывалъ на помощь какую-то небывалую силу и внутренно старался ободрить себя.

Разварная наружность Тимоѳея, вѣроятно, заслужившая ему прозвище Лапши, поражала своимъ контрастомъ съ наружностью его дочери, шедшей рядомъ; она не была хороша собою, но вся фигура ея дышала необыкновенною подвижностью и оживленіемъ; въ смуглыхъ чертахъ дѣвушки отражались энергія и умъ, которые такъ рѣзко отличали черты ея матери; черные выразительные глаза, окруженные длинными рѣсницами, и свѣжесть румянца, который игралъ на щекахъ вопреки стѣсненному воздуху избы, дыму и худой пищѣ, составляли, вмѣстѣ съ молодостью, всю красоту Маши.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ приближался Тимоѳей, лицо торгаша принимало выраженіе обычной веселости.

— Э! знакомый человѣкъ! воскликнулъ онъ, какъ только Тимоѳей показался подъ навѣсомъ. — Вотъ не чаялъ, не гадалъ! Такъ, стало, ты самый и есть Тимоѳей? подхватилъ онъ, выступая впередъ, между тѣмъ, какъ дочь пошла къ матери.

Встрѣча эта, по неожиданности своей, поразила удивленіемъ и дочь, и мать.

— Здорово, братъ Тимоѳей, здорово! Вотъ Господь привелъ свидѣться... не думалъ, не гадалъ, что къ тебѣ на дворъ зашелъ... аль не признаешь?

— Какъ не признать! началъ Лапша протяжнымъ, грудным голосомъ, но вдругъ закашлялся, схватился обѣими руками за грудь и замоталъ головою.

Вѣсть о приходѣ незнакомаго человѣка, видно, еще сильнѣе взволновала его и потревожила, чѣмъ жену. Руки и ноги его дрожали.

— Какъ же! я тебя знаю, продолжалъ онъ тѣмъ же

нерѣшительнымъ, робкимъ, груднымъ голосомъ,—не помню вотъ только, какъ звать...

— Неужто забылъ? простодушно воскликнулъ старикъ, откидывая голову назадъ, при чемъ макушка его шапки съѣхала ему на глаза. — Дядю-то Василья забылъ! И то сказать, много время прошло... Ахъ, Тимоѳеюшка, Тимоѳеюшка!.. А я, признаться, совсѣмъ ужъ было идти хотѣлъ... Хозяйка твоя добре на меня взъѣлась, такъ вотъ и рветъ, со двора гонитъ... Мы, слышь, тетка, съ мужемъ-то старые знакомые, подхватилъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая съ выраженіемъ удивленія переносила глаза отъ гостя къ мужу, — два года будетъ зимою... кабы не онъ, добрый человѣкъ, напался, я бы совсѣмъ и съ возомъ-то доселѣва въ Окѣ сидѣлъ: онъ, спасибо ему, подсобилъ... только насъ двое тогда́ и было... Съ обозомъ никакъ ѣхалъ тогда!..

— Съ обозомъ, возразилъ, едва оживляясь, Тимоѳей,— отъ своихъ поотсталъ тогда... подъ Каширой; точно, сошлись на рѣкѣ... ты мнѣ еще тогда цѣлковый рубль далъ... за хлопоты...

— Что поминать объ этомъ! Я вѣкъ должонъ тебя помнить: кабы не ты...

— Да ты спроси у него, зачѣмъ пришелъ, нетерпѣливо перебила жена, выразительно указывая мужу на гостя.

Тимоѳей замигалъ глазами.

— Кабы зналъ я, примѣрно, обо всѣхъ этихъ вашихъ дѣлахъ, лучше бы и говорить не сталъ; какъ передъ Богомъ, не сталъ бы! началъ старикъ.—Вотъ что, братъ Тимоѳей, слышь: нонѣ зимою, ѣхамши подъ Алексинымъ, повстрѣчалъ я твово брата; больше ничего; велѣлъ только кланяться...

— Вѣсть о братѣ произвела на Тимоѳея совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ на жену его: онъ не пришелъ въ негодованіе, а, напротивъ, окончательно уже раскисъ; руки его опустились, голова свѣсилась — онъ весь опустился, какъ будто держался прежде помощью костылей и костыли эти вдругъ отняли.

— Что́ за диковина, право! Я, признаться, ума не приложу, о чемъ ужъ вы больно такъ сокрушаетесь, сказалъ старикъ, разводя руками. — Знамо, худой человѣкъ, ну... ну, и Богъ съ нимъ! Что слава-то худая, ну такъ что жъ? Худыя дѣла съ нимъ и останутся... Братъ за брата не отвѣтчикъ ни передъ кѣмъ...

— Главная причина, робко проговорилъ Тимоѳей,—на деревнѣ провѣдаютъ...

— Это о чемъ?

— О томъ вотъ, что живъ-то онъ и кланяться мнѣ велѣлъ...

— Ну, братъ Тимоѳей, въ эвтомъ, признаться, виноватъ, погрѣшилъ. Главная причина, не знамъ я ничего объ этихъ вашихъ дѣлахъ, произнесъ торгашъ, — какъ быть-то! Началъ спрашивать, гдѣ, молъ, такой Тимоѳей живетъ, такъ и такъ, отъ брата, говорю, поклонъ привезъ... стали разспрашивать: тары-бары... ну, признаться, маненько, того... объ этомъ потолковали... Ты не взыщи на мнѣ, потому не знамъ я ничего этого...

— Проходу теперь не дадутъ! проговорилъ Лапша, ударяя объ полы руками, съ видомъ крайняго замѣшательства.

Все это, очевидно, столько же непріятно было женѣ, сколько и мужу. Неудовольствіе ея особенно высказывалось взглядами, которые не переставала она бросать къ той сторонѣ двора, гдѣ располагались уличныя ворота; она передала наконецъ ребенка дочери и нетерпѣливо пошла къ воротамъ: увидя нѣсколькихъ бабъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ къ ней на дворъ, она выместила на нихъ всю свою досаду.

— Ну, что стали?.. народъ только тѣшить! съ сердцемъ сказала она, возвращаясь на дворъ, обращаясь къ гостю и мужу, — коли есть о чемъ толковать, ступайте въ избу!

— Зайди, добрый человѣкъ, проговорилъ Лапша, переминаясь.

— Я бы ништо, пожалуй; время къ вечеру, ужъ солнце садится... ѣхать погодить надо до завтра, простодушно вымолвилъ старикъ,—опасаюсь вотъ только насчетъ воза, какъ будто на улицѣ оставить не годится... не тронули бы...

— Пожалуй, дочка поглядитъ, сказалъ Лапша.

— Погляди, касатка, пока съ отцомъ посижу, подхватилъ старикъ.—Оченно ужъ, вижу, убивается... надо, примѣрно, поговорить съ нимъ... Хоша я и не причиненъ, а все какъ словно черезъ меня дѣло-то вышло...

Дѣвушка укутала ребенка въ ободранную отцовскую овчину, висѣвшую на плечахъ ея, и, обмѣнявшись взглядомъ съ матерью, пошла къ воротамъ. Катерина (такъ

звали Тимоѳееву хозяйку) послѣдовала за мужемъ и гостемъ. Войдя въ избу, маленькую, тѣсную и курную, съ почернѣвшей печью въ лѣвомъ углу, старикъ набожно перекрестился передъ иконами.

Въ настоящую минуту въ избѣ было очень свѣтло; кромѣ того, что низенькія окна, обращенныя къ западу, пропускали красноватый блескъ огненнаго заката, послѣдніе солнечные лучи, скользнувъ изъ-подъ длинныхъ багровыхъ тучъ, играли на правой стѣнѣ; эти солнечныя пятна, принимавшія видъ пылающихъ угольевъ, разливали по всей избѣ золотисто-желтоватый полусвѣтъ, такъ что легко было различить предметы въ самыхъ дальнихъ углахъ. Въ одномъ изъ нихъ старикъ увидѣлъ женскую фигуру, сидѣвшую на лавочкѣ. Принявъ ее за родственницу хозяевъ, онъ поздоровался.

— Не взыщи, касатикъ, она ничего не смыслитъ, умомъ повредилась, сказалъ Лапша.

— Съ чего жъ такъ?

— Такъ ужъ, видно, Господу угодно, подхватила Катерина, съ явнымъ намѣреніемъ прекратить дальнѣйшіе разспросы.

Гость сдѣлалъ видъ, будто остался доволенъ объясненіемъ, но воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы снова глянуть въ уголъ. Безумная, которой всего было лѣтъ тридцать, сидѣла, поджавъ ноги и положивъ подбородокъ на колѣни; въ рукахъ у нея было полѣно (истертое и почернѣвшее полѣно отъ долгаго пребыванія въ рукахъ); оно было обернуто въ тряпьё; прижавъ полѣно крѣпко къ груди и укачивая какъ ребенка, она не переставала бормотать что-то скороговоркою подъ носъ. Старикъ невольно покачалъ головою, но, встрѣтивъ взглядъ хозяйки, поспѣшилъ сѣсть на лавку подлѣ Тимоѳея, который, казалось, все еще не успѣлъ оправиться отъ смущенія; складки худенькой рубахи сильно измѣняли дрожавшимъ рукамъ и колѣнямъ; усиленно приподымая то одну бровь, то другую, онъ видимо старался ободрить себя; наконецъ, послѣ долгаго переминанья на одномъ мѣстѣ, послѣ взглядовъ, направленныхъ къ женѣ, которая прибирала что-то у печки, онъ кашлянулъ нѣсколько разъ и какъ бы собрался съ духомъ.

— Гдѣ жъ это ты... говорилъ, гдѣ... хм! хм! вишь одолѣлъ, проклятый... почитай... гм! почитай съ самой вотъ осени... Гдѣ это ты... съ нимъ встрѣлся?.. добавилъ онъ,

сопровождая каждое слово пугливымъ взглядомъ, обращавшимся то къ женѣ, то къ гостю.

Катерина мгновенно отошла отъ печи и, судорожно скрестивъ на груди руки, нахмуривъ брови, остановилась подлѣ разговаривавшихъ. Гость очень охотно приступилъ къ разсказу.

Съ первыхъ же словъ безумная перестала бормотать и подняла голову, едва прикрытую платкомъ, изъ-подъ котораго вырывались въ безпорядкѣ пряди бѣлокурыхъ волосъ; сначала она исключительно какъ бы занималась разсматриваніемъ незнакомца; мало-по-малу блуждающіе голубоватые глаза ея остановились на одной точкѣ, и лицо осмыслилось выраженіемъ страха; ноги ея свѣсились, шея вытянулась; съ каждой секундой дѣлалась она внимательнѣе; съ именемъ Филиппа она задрожала всѣми своими суставами и съ выраженіемъ неописаннаго страха скрыла полѣно подъ лохмотья одежды.

Присутствующіе такъ были заняты своими собственными мыслями и соображеніями (старикъ не отрывалъ живыхъ глазъ своихъ отъ Катерины и ея мужа), что не замѣчали происходившаго въ углу, гдѣ сидѣла сумасшедшая. Разсказчикъ дошелъ такимъ образомъ до Стёпки, сына Филиппа. При этомъ въ избѣ раздался вдругъ такой крикъ, что старикъ, Лапша и его жена нѣсколько секундъ стояли, какъ громомъ пораженные. Когда они опомнились, безумная лежала уже на полу, рвала на себѣ волосы, страшно колотилась головою о-земь; посреди рыданій ея, отъ которыхъ должна бы разорваться на части грудь ея, слышалось имя Степки, сопровождаемое всякій разъ болѣзненно-мучительнымъ стономъ, какъ будто она умирала. Катерина бросилась къ ней со всѣхъ ногъ.

— Дунюшка! Дуня! заговорила она, придерживая ее одною рукою за голову, тогда какъ другая рука осѣняла безумную крестнымъ знаменіемъ,—Дуня! полно, касатка!.. Христосъ съ тобою!.. Послушай только меня... подхватила она съ особенною торопливостью,—слышь: Степку привели! тамъ, въ огородѣ стоитъ, сердечный... тебя дожидаетъ... подь къ нему, болѣзная, подь... Вотъ погляди-ка-сь, вотъ этотъ самый дѣдушка привезъ его, на дорогѣ нашелъ... большой такой сталъ... погляди-тка... подь къ нему, родная, подь!.. продолжала она, стараясь приподнять больную и время отъ времени высвобождая руку, чтобъ привести въ порядокъ разсыпавшіеся ея волосы.

Дикое отчаянье Дуни, которую Катерина продолжала крестить и всячески успокоивать, перешло мало-по-малу въ притупленное вниманіе; вытянувъ шею съ раздувшимися жилами и какъ бы прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ, она не отрывала глазъ отъ двери. Немного погодя, она неожиданно встала на ноги и быстро побѣжала изъ избы, такъ что хозяйка едва успѣвала за нею слѣдовать.

— Что за причина такая? спросилъ старикъ, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ удивленія.

— Да вотъ съ того самаго дня, какъ братъ увелъ парнишку, съ того дня и повредилась... И прежде-то была какъ словно не въ своемъ разумѣ... житье добре горькое было ей отъ мужа-то, а какъ увелъ парнишку, ну и совсѣмъ повихнулась, проговорилъ Тимоѳей разслабленнымъ тономъ.

— Эка горькая, подумаешь! Стало, она у васъ и живетъ?

— У насъ; хозяйка пожалѣла, взяла... ничего вѣдь не сдѣлаешь! добавилъ Лапша.

— Что жъ? доброе дѣло! васъ за это Господь не оставитъ. А я, признаться, Тимоѳей, маленечко, того... погрѣшилъ противъ жены твоей, не зналъ я въ ней такой добродѣтели... Ужъ очень съ начатія-то она на меня взъѣлась, такъ вотъ и рветъ!.. Теперь все у меня на виду, какъ есть, примѣтно... баба, значитъ, точно, душа въ ней есть... хорошая, должно быть, баба...

Вмѣсто отвѣта, Тимоѳей приподнялъ только брови и свѣсилъ голову. Дядя Василій съ минуту поглядѣлъ на него молча, всталъ и подошелъ къ окну, въ которомъ все еще горѣло зарево заката.

— Я, братъ Тимоѳей, все пасчетъ, то-есть, воза сумнѣваюсь, молвилъ онъ, прикладывая красное, добродушное лицо свое къ стеклу и наклоняя на бокъ голову, чтобъ удобнѣе взглянуть на возъ, — не напроказили бы тамъ; время праздничное, народу много добре на улицѣ-то.

— Ты бы его къ намъ на дворъ свезъ, сказалъ Тимоѳей, котораго болѣе еще, чѣмъ старика, безпокоила мысль, что возъ стоитъ у воротъ.

Обращая на себя вниманіе стоявшихъ на улицѣ, возъ невольно приводилъ на память причину посѣщенія стараго торгаша; о Филиппѣ начали уже забывать — и вотъ снова подымутся толки о немъ. Этого весьма основательно опасался Лапша.

— Ничего, можно, пожалуй, и на дворъ свезти, сказалъ старикъ, — я ужъ заодно бы у васъ и ночевать остался. Куда теперь поѣдешь?.. Все одно, надо же гдѣнибудь... ты человѣкъ знакомый... сѣнцо у меня свое есть; а коли потребуется насчетъ, то-есть, себя, я не то, чтобы... я заплачу какъ слѣдуетъ.

Съ этими словами вошла Катерина. Проводивъ Дуню, она, видно, зашла взглянуть на дочь, потому что ребенокъ снова находился на рукахъ ея. Старикъ тотчасъ же передалъ ей свое намѣреніе и, принявъ минутное молчаніе хозяйки за согласіе, суетливо вышелъ на улицу, которая изъ конца въ конецъ оглашалась веселыми кликами игравшихъ дѣтей и пѣснею хороводницъ.

III.

Ребятишки.

Спустя нѣкоторое время, на дворѣ заскрипѣлъ возъ и послышался голосъ старика. Когда, немного погодя, Тимоѳей и жена его явились на дворъ, лошадка дяди Василья была уже выпряжена, а самъ онъ суетливо развязывалъ кожу, прикрывавшую товары; онъ не переставалъ болтать съ Машей, которая стояла подлѣ. Солнце уже сѣло, но надъ самымъ дворомъ висѣло круглое, румяное облако, которое дѣлало предметы яснѣе и давало всему двору больше свѣта, чѣмъ въ иной полдень. Съ первыхъ же словъ старика, Катерина и ея мужъ узнали, что онъ непремѣнно настаивалъ на томъ, чтобъ дѣвушка взяла отъ него платочекъ, на память.

— Что ты, батюшка, что ты! Господь съ тобою! торопливо сказала мать, — она къ этому непривычна, не надоть намъ ничего... мы не изъ того тебя пустили.

— Нѣтъ, ужъ ты, матушка, не замай, брось, оставь ты это дѣло... ужъ это моя, примѣрно, забота... Какъ же, слышь, подхватилъ онъ, принимая шутливо-озабоченный тонъ, — слышь, дѣвки поютъ на улицѣ, играютъ, потѣшаются... ну, знамо, и ей хочется—человѣкъ молодой! все любезнѣе будетъ, какъ новенькій-то платочекъ повяжетъ... Ну, вотъ тебѣ, красавица, не побрезгай, возьми, заключилъ старикъ, тряхнувъ пестрымъ бумажнымъ платкомъ и подавая его дѣвушкѣ, которая не трогалась съ мѣста.

— Мнѣ... не надо, проговорила она нерѣшительно, взглядывая на мать.

— Бери, бери; что ужъ тутъ! Бери, коли даютъ, сказалъ старикъ, добродушно посмѣиваясь.

— Ну, что жъ! возьми, когда такъ... когда по душѣ даетъ, сказала мать, обращаясь къ дочери, которая взяла, наконецъ, платокъ, при чемъ щеки ея вспыхнули, а лицо изобразило такую радость, какъ будто это былъ первый подарокъ со дня ея рожденія.

— Ну, спасибо тебѣ, касатикъ, подхватила мать, стараясь сохранить какое-то внутреннее достоинство,—намъ хоша чужого и не надобно, а коли охота твоя такая, по душѣ далъ, намъ обижать тебя не приходится; спасибо, кормилецъ!

Тимоѳей умильно поглядывалъ на присутствующихъ и моргалъ глазами.

— Какъ ужъ и благодарить намъ тебя! Не заслужили мы этого, касатикъ... Платокъ-то, вѣдь, можетъ, рубля два стоитъ! промолвилъ онъ, наконецъ, голосомъ, словно не ему дали, а онъ вынужденъ былъ дать подарокъ.

— Есть о чемъ разговаривать! И весь-то всего гривенникъ стоитъ! перебилъ старикъ. — Ты какъ изъ Оки-то меня тащилъ, не на гривенникъ мнѣ добра сохранилъ. Вотъ случай привелъ хошь дочку твою потѣшить. Ну, что жъ ты стоишь, красавица? Ступай, покажься на улицѣ-то... вишь пѣсни какъ знатно играютъ — и ты поди! промолвилъ онъ, обращаясь къ Машѣ.

— Что жъ? сходи, поди, сказала мать.

Маша какъ будто не рѣшалась, совѣстилась, наконецъ вошла въ избу; минуту спустя, она явилась на дворѣ, повязанная новымъ платочкомъ, и быстро юркнула въ ворота.

— Много у васъ дѣтей-то? спросилъ старикъ, провожая ее глазами.

— Въ чемъ другомъ, батюшка, въ этомъ, кажись, нѣтъ недостатка: семья большая, возразила Катерина, и первый разъ на губахъ ея появилась улыбка.

— О-охъ! тоскливо простоналъ Тимоѳей.

— Ну, что охаешь-то? охъ да охъ! смѣясь, сказалъ старикъ, дѣлавшійся веселѣе по мѣрѣ того, какъ ознакомливался съ хозяевами.—О чемъ? что дѣтей-то много? Это значитъ благословеніе Божіе.

— Шестеро человѣкъ! произнесъ Тимоѳей съ такимъ сокрушеннымъ видомъ, какъ будто самъ произвелъ ихъ всѣхъ на свѣтъ и вторично предстояло ему родить ихъ.

— Ты бы вотъ, Тимоѳей, на жену-то поглядѣлъ лучше... вишь: развѣ она ими скучаетъ? а чай, больше твоего объ нихъ сердце-то болитъ; право такъ! добавилъ старикъ, указывая на Катерину, которая въ это время высоко подымала обѣими руками младенца и заставляла его смѣяться.

Дядя Василій хотѣлъ было что-то еще сказать, но прерванъ былъ звонкимъ лаемъ, раздавшимся у самыхъ ногъ его. Обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ маленькую, шершавую, черную собачонку, съ стоячими ушами, острой мордочкой, украшенной двумя желтыми крапинами надъ глазами и коротенькими кривыми передними ногами, расположенными какъ у танцмейстера; лай ея звенѣлъ, какъ тоненькій колокольчикъ; шерсть на спинѣ стояла торчмя, а хвостъ закручивался, вѣроятно, отъ злобы, такимъ тугимъ кренделемъ, что, казалось, не было силы, которая могла бы его выпрямить. Застигнувъ врасплохъ чужого человѣка на своемъ дворѣ, она, безъ сомнѣнія, вцѣпилась бы въ икру его, если бъ, вслѣдъ за ея появленіемъ, въ воротахъ не раздались четыре тоненькіе голоска, которые разомъ закричали: „Волчокъ! Волчокъ!“

Волчокъ тотчасъ же задвигалъ своимъ кренделемъ и полетѣлъ навстрѣчу четыремъ мальчуганамъ, входившимъ во дворъ. Трое изъ нихъ были еще очень малы— лѣтъ пяти, шести и семи; ручонками, вынутыми изъ рукавовъ, болтали они за пазухой, которая до того была набита всякой всячиной, что животы ихъ казались втрое толще обыкновеннаго; одежда ихъ, ноги съ засученными выше колѣнъ штанишками и самыя лица до того были выпачканы свѣжею грязью, что мать раскрыла только глаза и отступила. Четвертый мальчикъ былъ лѣтъ девяти, съ продолговатымъ, оживленнымъ лицомъ и черными умными глазами — вылитый портретъ матери; но энергическія, нѣсколько рѣзкія черты Катерины, перейдя къ сыну, какъ бы смягчились и во многомъ напоминали отца. Одежда его, состоявшая изъ рубашонки и штанишекъ, также засученныхъ выше колѣнъ, была, однакожъ, чище и показывала въ немъ бережливость и даже вниманіе къ самому себѣ; но пазуха была такъ же туго набита, какъ и у братьевъ.

Увидя незнакомаго человѣка, первые три мальчика остановились сначала, какъ вкопанные, потомъ бочкомъ

стали подбираться къ матери и вдругъ разомъ обхватили ея юбку; старшій, между тѣмъ, поглядывая на старика и желая, вѣроятно, показать себя передъ нимъ, топалъ ногою и посвистывалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, призывая Волчка, который снова заливался на гостя. Пронзительный лай Волчка мгновенно превратился въ ворчливое визжанье, потомъ Волчокъ подбѣжалъ къ мальчику, прыгнулъ ему на грудь передними ногами и, развернувъ свой крендель, принялся мотать имъ во всѣ стороны самымъ дружелюбнымъ образомъ.

— Поди-жъ-ты—а! вишь какъ его слушаетъ! Сейчасъ отошла; а поди злющая какая! вымолвилъ, посмѣиваясь, старикъ.

— Нельзя же, возразила повеселѣвшая мать, — она знаетъ своего хозяина... Щенкомъ взялъ; ноне зимою замерзлаго почитай въ домъ принесъ, подъ плетнемъ гдѣ-то нашелъ... Ужъ такая-то о немъ забота: хлѣбца дашь, и тотъ пополамъ дѣлитъ; ну, она и слушаетъ.

— Это значитъ свово благодѣтеля почитаетъ, добро его помнитъ... Эки вы, право, ласковые, добродушные какіе! собакъ, и тѣхъ жалѣете...

— Ахъ, отцы вы мои! да гдѣ жъ это вы были-то? заговорила вдругъ Катерина, оглядывая парнишекъ, жавшихся у ея юбки,—смотри какъ выпачкались!.. чумазые какіе! Гдѣ вы были-то? Не отмоешь никакъ... такъ, смотри, теперь и останетесь.

— Ничего не сдѣлаешь! проговорилъ Тимоѳей голосомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нечего уже было дѣлать, и дѣти его весь вѣкъ останутся облѣпленными грязью съ головы до ногъ.

— Гдѣ жъ вы были-то? въ лѣсу, чай?

— Въ лѣсу были, да очень добре вязко, не обсохло, сказалъ старшій мальчикъ, щелкая пальцами надъ головою Волчка.

— Отцы вы мои! глянь-кась, чего только не нанесли! подхватила мать, отрывая поочередно отъ юбки то одного, то другого и начиная вытряхивать пазухи, изъ которыхъ посыпались наземь камешки, трава, мохъ, прошлогодніе жолуди и кусочки цвѣтной глины, которую въ изобиліи находятъ въ ручьяхъ окрестныхъ мѣстъ.

По окончаніи этой операціи, мальчуганы, дико смотрѣвшіе на гостя, снова припали головами къ подолу матери.

— Эки молодцы какіе! смѣясь, воскликнулъ старикъ,— право, молодцы! вотъ хошь бы этотъ пузанъ какой! добавилъ онъ шутливо, тыкая пальцемъ въ животъ одного изъ нихъ.

Но ребенокъ затрясся всѣмъ тѣломъ, открылъ ротъ, закричалъ благимъ матомъ и затопалъ ногами.

— Полно, Костюшка! чего запужался, глупый? не бойся...

— Постой, постой! у меня вотъ тутъ есть штука такая... сейчасъ обзнакомимся, вымолвилъ старикъ, направляясь къ возу.—Костюшка, глядь-кась, что у меня? ась? заключилъ онъ, подавая глиняный свистокъ, устроенный въ видѣ какой-то фантастической утки.

Заслышавъ голосъ старика, обращенный уже къ нему собственно, Костюшка еще глубже нырнулъ головою въ юбку, и не прежде, какъ когда раздались восклицанія его братьевъ, рѣшился выглянуть однимъ глазкомъ изъ своей засады.

— Ну, ужъ нечего, видно, дѣлать, надо и другихъ потѣшить, чтобъ завидки не брали, промолвилъ дядя Василій, снова направляясь къ возу, между тѣмъ, какъ Костюшка пялилъ глаза свои навыкатъ, разсматривая дудку, а мать разсыпалась въ благодарностяхъ.

Получивъ каждый по дудкѣ, мальчуганы, одинъ за другимъ, выпустили изъ рукъ подолъ матери, сбились въ кучку, съ минуту заглядывали другъ другу въ руки, потомъ приставили дудки ко рту и вдругъ наполнили дворъ неистово-дикими трелями, такъ что двѣ курицы, совсѣмъ уже было заснувшія подъ навѣсомъ, стремительно ринулись наземь и, растопыривъ крылья, забѣгали, какъ угорѣлыя, по всѣмъ угламъ.

— Ну, а ты, глазунъ, что на меня смотришь? подхватилъ дядя Василій, потряхивая головою передъ старшимъ мальчикомъ, ласкавшимъ Волчка, который присмирѣлъ, хотя все еще взвизгивалъ, когда старикъ подходилъ къ дѣтямъ,—вотъ тебѣ, глазунъ, на, возьми, добавилъ торгашъ, подавая ему маленькій писанный образокъ,—ты постарше тѣхъ, тебѣ и вещь такая соотвѣтственная—возьми.

Подарокъ привелъ мальчика въ бо́льшій еще восторгъ, чѣмъ подарки, данные братьямъ; онъ бросился показывать его матери. Она, повидимому, совсѣмъ уже примирилась съ гостемъ; извѣстіе, привезенное старикомъ и

такъ сильно встревожившее ее и мужа ея, было ею, повидимому, забыто. Тимоѳей кланялся, двигалъ бровями, кашлялъ и моргалъ глазами.

— Эки чудные! за что благодарите... рази я даромъ?.. вотъ вы меня за это покормите ужиномъ...

— Душою рады, родной, не взыщи только... у насъ вѣдь хлѣбъ одинъ.

Тимоѳей, съ видомъ безсилія, замоталъ головою.

— А то чего жъ еще? Вотъ! я не привередливъ; быть бы только сыту... А эти молодцы забыли никакъ объ ужинѣ-то съ своими дудками? добавилъ старикъ, указывая на мальчугановъ, прыгавшихъ и наполнявшихъ дворъ визжаньемъ.

Слово „ужинъ“ напоминало имъ, однакожъ, голодъ, который привелъ ихъ домой, и они приступили къ матери. Катерина пошла въ избу и, минуту спустя, вынесла нѣсколько кусковъ хлѣба, словно отломанныхъ отъ разныхъ хлѣбовъ и собранныхъ въ разное время. Получивъ по куску, ребятенки бросились къ воротамъ, то кусая хлѣбъ, то дуя въ свои дудки.

— А ты что жъ, Петя? и ты бы пошелъ къ нимъ, батюшка! сказала мать старшему, все еще не отрывавшему глазъ отъ образочка.

— Нѣтъ, не хочется, сказалъ мальчикъ,—я въ избу пойду...

— Ну, подь, родной, подь, съ нами поужинаешь, сказала мать и, выждавъ минуту, когда мужъ и гость вошли въ сѣни, погладила мальчика по головкѣ и оглянула его съ выраженьемъ особеннаго какого-то самодовольства и нѣжности.

IV.

Бесѣда.

Ужинъ, точно, не превзошелъ обѣщаній хозяйки: онъ состоялъ изъ обломковъ хлѣба, накрошенныхъ въ чашку и приправленныхъ кисленькимъ квaскомъ.

— Гдѣ жъ та-то... какъ бишь звать-то ее?.. ну, вотъ, братнина-то жена? Что жъ она нейдетъ ужинать? спросилъ старикъ.

— Бродитъ, я чай, поближности гдѣ-нибудь, а не то въ поле ушла; она теперь ни за что не придетъ, отвѣчала Катерина, дѣлавшаяся все довѣрчивѣе и словоохот-

ливѣе,—она и все такъ-то, какъ прійдетъ случай вспомянуть ей мальчика, словно въ разумъ войдетъ: день, иной разъ два дня домой не показывается: уйдетъ въ лѣсъ, либо въ поле, ляжетъ на-земь въ укромное какое мѣсто, голову платкомъ закроетъ... Слушать тяжко, какія словеса говоритъ; насилу домой приведешь... Петя, ты бы, батюшка, поглядѣлъ, сходилъ, нѣтъ ли ея гдѣ поблизкости, заключила Катерина, ласково обратившись къ мальчику, который усѣлся было подлѣ старика и не спускалъ съ него глазъ. — Коли тутъ она, снеси-ка ей, поди, хлѣбушка. А тамъ пошелъ бы къ ребятамъ на улицу. Ну, что тебѣ съ нами-то? Подь, родной: право-ну!

— Эки, подумаешь, горькія есть какія! промолвилъ старикъ послѣ того, какъ мальчикъ вышелъ изъ избы.—Вотъ и не старъ человѣкъ, а сколько горя-то принялъ! Ну ужъ, точно, должно-быть, злодѣй былъ мужъ-то—правду люди сказывали. Шутка, сколько зла сотворилъ! Знамо, ужъ коли лихой человѣкъ навернется, и уйдетъ онъ, а все о себѣ вѣсть подаетъ, все сказывается! Однако, я, тетка, въ толкъ не возьму: онъ врозь жилъ съ вами, въ раздѣлѣ, али вы вмѣстѣ жили?

— Оттого вся бѣда наша, что вмѣстѣ! сказала Катерина, лицо которой вмигъ утратило свою веселость.

— Какъ же это такъ? Видя черезъ него себѣ такую погибель, вамъ бы надыть въ тотъ самый часъ отъ него отрѣшиться. Вѣдь это, выходитъ, по охотѣ по своей въ дому злодѣя держать—право, такъ!

— Охоты нашей держать его не было, проговорила Катерина, скрещивая на груди руки и потупляя голову.

Тимоѳей, между тѣмъ, притупленно глядѣлъ въ землю, тяжко покрякивалъ и кашлялъ.

— Кабы зналъ ты, что это за человѣкъ былъ! Ни стыда въ немъ, ни совѣсти! проговорила наконецъ Катерина, съ выраженіемъ ненависти, которая закипала въ ея сердцѣ всякій разъ, когда рѣчь касалась Филиппа.—Мало ли билась я, мало ли колотилась, чего-чего ни дѣлала: „не хочу, молъ, да не хочу дѣлиться!“ только и отвѣтъ его былъ. Каменный былъ человѣкъ. Какъ отецъ съ матерью жили, все кой-какъ держался, опаску имѣлъ; а какъ померли они — и пошелъ, и пошелъ, словно того только и ждалъ: такъ закурилъ, безъ удержу безъ всякаго; а ужъ женатъ былъ и дѣтей двое было; только одинъ-то померъ, остался въ живности большенькій — вотъ съ кѣмъ

ты на дорогѣ-то встрѣлся. Вовсе не сталъ тогда ничего опасаться: тащитъ, бывало, изъ дому что подъ руку попадетъ!..

Тимоѳей тоскливо замоталъ головою.

— Мнѣ самой въ эвти дѣла съ начатія-то какъ словно не приходилось вступаться, продолжала жена,—взята была я къ нимъ въ домъ сиротою; приданаго ничего этого за мной не было; знамо, совѣсть беретъ, сумлѣнье. Къ тому, и помоложе была въ ту пору; скажешь только: „Филиппъ, Бога-то хоть побойся!“ а сама иной разъ поглядишь такъ-то на своихъ на ребятъ (Машѣ десятый годокъ былъ, Петя въ зыбкѣ лежалъ), поглажу такъ-то, да такъ вотъ сама и зальюсь. Иной день уйдешь отъ грѣха въ лѣсъ съ ребятёнками, да тамъ и проплачешь. Потомъ ужъ и терпѣнья моего не стало: вижу, совсѣмъ пришло дѣло къ разоренью. Были у насъ въ ту пору двѣ лошадки: онъ возьми да одну и уведи, и увелъ-то самую хорошую. Какъ провѣдала я, такъ инда кровь во всей во мнѣ запечаталась! Пристала я къ нему тогда, крѣпко пристала: „давай, говорю, дѣлиться!“ Хошь бы онъ что, дѣдушка; въ глаза только посмѣялся!..

— Чего жъ ты-то глядѣлъ? и-ихъ! досадливо перебилъ дядя Василій, обращаясь къ Тимоѳею, который продолжалъ кряхтѣть, да пропускалъ между зубами какіе-то неопредѣленные звуки.—Ты старшій братъ, тебѣ надо было сокращать его. Мало ли что можно сдѣлать, подхватилъ онъ, перенося глаза къ хозяйкѣ.—Сходили бы къ господамъ, а господъ нѣтъ, свели бы его къ управителю...

— Ходила, батюшка, ходила я къ управителю, возразила она съ такою живостью, какъ будто спѣшила оправдать мужа въ глазахъ старика. — Увелъ этто онъ у нашего кузнеца двухъ коней (своихъ-то ужъ не было — извелъ, разбойникъ), возьми да и продай ихъ; знамо, и люди-то недобрые, что купили. Приходитъ опосля; мы ничего не знаемъ; приходитъ, да сѣяну-то и разскажи обо всемъ. Ну, думаю, провѣдаютъ—всѣхъ насъ запуталъ, злодѣй! Пошла къ управителю; думаю: авось послѣ такого дѣла увидитъ человѣка, раздѣлитъ насъ—этого пуще всего хотѣлось...

— Что жъ управитель-то?

— Да что, добрѣ ужъ очень-то онъ у насъ смиренъ, простъ добрѣ, къ нашему крестьянскому дѣлу непривыченъ, отъ господъ поступилъ къ намъ. Знамо, потачки

не далъ: наказать наказалъ; а только зачѣмъ ходила, этого не взялъ въ разсужденье, не велѣлъ дѣлиться: „Хуже, говоритъ, тогда разоритесь; семья ослабнетъ, рабочихъ рукъ меньше будетъ“. И добро бы, кормилецъ, было бы ужъ что и разорять-то; разорять-то ужъ было нечего: все рѣшилъ!

— Эки дѣла, подумаешь, эки дѣла!.. вымолвилъ старикъ, между тѣмъ, какъ Лапша, приподымая то одну бровь, то другую, продолжалъ стонать и охать.

— Ужъ это точно, и нѣтъ того хуже, какъ отъ домашнихъ прійдетъ бѣда, продолжала Катерина. — Ближняя собака, знамо, та завсегда скорѣе укуситъ. Чужой человѣкъ прійдетъ, украдетъ—и нѣтъ его: и украдетъ-то, что подъ руку попадетъ; а какъ свой такой заведется, все одно, что пожаръ въ дому загорѣлся: ничего не утаишь, все пожжетъ. Цѣлый годъ жили мы, такъ-то мучились. Отъ одного сумлѣнья, бывало, ночи не спишь, только и слышишь отъ бабъ: „добрѣ, говорятъ, на тебя очень серчаетъ. Она, говоритъ, показала на меня управителю; я ей, говоритъ, дамъ себя знать! будетъ помнить!“ все такъ-то передъ людьми похваляется... А самъ хоть бы мнѣ видъ какой показалъ—весь въ себѣ затаился. Знамо, оттого еще пуще сумлѣнье беретъ... Кто его знаетъ, что у него тамъ на разумѣ-то! Только, бывало, и покажетъ себя, какъ за жену за его вступишься... Шибко билъ онъ ее въ ту пору, и билъ-то такъ, ни за что, словно намъ на зло—сердце такое имѣлъ каменное. Опосля ужъ и вступаться не стала: вижу хуже, серчаетъ только. Слышимъ мы, на сторонѣ, говорятъ, опять сталъ безобразничать: въ дому-то взять нечего—раза два у сосѣдей поймали...

— Что жъ управитель-то? опять въ вотчинѣ оставилъ? спросилъ старикъ полусердито-полунасмѣшливо.

— Можетъ-статься, и услалъ бы куда-нибудь, да ужъ послѣднихъ этихъ его дѣловъ не зналъ управитель: стали таить отъ него; всякій, вѣстимо, за себя опасался. „То, говоритъ, надѣлаю“, грозитъ такъ-то по деревнѣ: „вамъ, говоритъ, и во снѣ того не вкинется!“ Бояться стали, не поджегъ бы какъ: знамо, отъ такого человѣка все станется. Пуще всего я за ребятъ за своихъ боялась; неоднова, сказывали бабы, неоднова стращалъ ими... Такой страхъ напалъ на меня! Работу, бывало, возьмешь, такъ вотъ изъ рукъ и валится, особливо когда ребятъ дома нѣтъ; все думается: не сотворилъ бы худобы какой; ни

днемъ, ни ночью спокою не было. Стращалъ, стращалъ, а подъ конецъ самъ, злодѣй, загубилъ себя, присовокупила она послѣ минуты молчанія. — Остановился разъ у насъ купецъ: ѣхалъ въ Тулу, сказываютъ; мятель захватила его; онъ къ намъ и заѣхалъ, у старосты ночевать остался. Въ эту самую ночь у него деньги-то и пропади; и денегъ-то вишь много было. Хвать-похвать... за становымъ послали, начали спрашивать: тутъ міромъ на Филиппа и показали. Вѣстимо, ужъ всѣ были о немъ извѣстны! Взяли этто его, повезли, въ судъ представили... Ужъ чего, кажется? онъ взялъ, его было дѣло: окромя некому; такъ нѣтъ же, поди, всѣхъ началъ путать: на того покажетъ, на другого покажетъ, всю, почитай, деревню такъ-то запуталъ, всѣхъ въ судъ таскали. Подъ конецъ самъ же вѣдь во всемъ повинился: „мое, говоритъ, дѣло!“ Сами, признаться, обрадовались, какъ въ острогъ его засадили. „Братъ, братъ, да и Богъ съ нимъ!“ думаемъ: „никто не понуждалъ, самъ того захотѣлъ!“ Маненечко безъ него вздохнули. Однимъ скучали: черезъ него народъ-то оченно нами обижался; всѣмъ горекъ былъ — всѣ на насъ и напали. Первое время и на улицу-то выйти не смѣй: такъ всякій тебя въ глаза и позоритъ; за водой пойдешь—у воротъ-то топчешься, топчешься бывало... А все радуешься: слава ти, Боже, думаешь, ослобонилъ Господь!.. Что жъ бы ты думалъ, дѣдушка? Вѣдь этимъ злодѣй не кончилъ: и осудили его, и въ острогъ засадили— нѣтъ, опять показалъ себя! Къ веснѣ время было; разъ вдругъ пропалъ у насъ паренекъ, его-то сынишка. Туда-сюда искать кинулись — нигдѣ нѣтъ. До смерти перепужались! Тѣмъ временемъ и слухи пришли: слышимъ мы, бѣжалъ Филиппъ изъ острога! Тутъ и догадались: его было дѣло! Должно-быть, ночью какъ-нибудь забрался къ намъ, да и увелъ его. Вотъ и ты сказывалъ, видѣлъ его съ парнишкой...

— Рыженькій такой?

— Ну, да; онъ и есть! Вотъ съ той самой поры, она, сердечная, Дарья-то, она въ умѣ и повредилась. Надо сказать, злодѣй былъ: и себя погубилъ, и своихъ-то всѣхъ, да и насъ-то, почитай, къ тому подвелъ! Сказать нельзя, сколько мы отъ однихъ людей-то черезъ него натерпѣлись, батюшка; ужъ на что ребятёнки наши, и тѣмъ проходу не давали: всякій коритъ да хаетъ! Мы за это не серчаемъ, Богъ съ ними! Знамо, обидно: потому мы

ни въ чемъ ни словомъ, ни худыми дѣлами, никакимъ этимъ дѣламъ его, ни въ чемъ, дѣдушка, не причастны.

— Вижу, матушка, вижу! возразилъ торгашъ, — очи ушей вѣрнѣе; на правду немного словъ надобно!

— Проходу теперь опять не дадутъ! неожиданно заговорилъ Тимоѳей, опуская ладони на колѣни, — начали какъ словно забывать его.. и насъ, какъ словно, не трогали... теперь, какъ провѣдали, живъ онъ, опять житья намъ не будетъ!..

— А пущай ихъ! Слышь, что жена-то говоритъ? Пущай! сказалъ старикъ, — совѣсть своя чиста: стало, и сокрушаться не о чемъ! Живите себѣ смирно, никого не трогайте; Богъ молъ съ вами, когда такъ — да! А главная причина, самому, братъ Тимоѳей, не слѣдъ тебѣ такъ, чтобъ ужъ оченно опускаться, прибавилъ онъ увѣщевательнымъ тономъ, — надо по мѣрѣ силы возможности хозяйкѣ подсоблять — вотъ что! трудиться, хлопотать надыть... А то что̀ хорошаго?..

— О-охъ! простоналъ Ланша, котораго снова началъ давить кашель,—ничего не сдѣлаешь... Всѣмъ добрѣ много очень задолжали, никакъ не осилишь... такъ задолжали, сами того не стоимъ. Вотъ теперь и то ужъ стращать зачали, какъ провѣдали, господа ѣдутъ... жаловаться хотятъ!..

— Можетъ-статься, это такъ только народъ болтаетъ; можетъ, господа-то не пріѣдутъ...

— Нѣтъ, точно, касатикъ, ѣдутъ. На прошлой недѣлѣ къ управителю писали: безпремѣнно, сказывали, будемъ! замѣтила Катерина.

Тимоѳей зналъ не хуже жены обо всѣхъ подробностяхъ касательно несомнѣннаго пріѣзда господъ, а между тѣмъ слова ея подѣйствовали на него почти такъ же, какъ если бъ услышалъ онъ величайшую новость. Робкіе, пугливые люди нетерпѣливо всегда ожидаютъ, чтобъ имъ противорѣчили, или ихъ обманывали въ томъ, въ чемъ они сами увѣрены, и даже что очевидно. Съ послѣдними словами Катерины, Тимоѳей окончательно упалъ духомъ. Онъ ударилъ ладонями о колѣни, замоталъ головою и выразилъ желаніе умереть какъ можно скорѣе.

— О томъ только и прошу Господа! заключилъ онъ, свѣшивая на грудь голову.

— Полно, полно! ну куда тебѣ умирать! зачѣмъ? перебила жена увѣщевательно, тогда какъ лицо ея ясно го-

ворило, что мысли и чувства ея, встревоженныя воспоминаніями о Филиппѣ и вообще предшествовавшимъ разговоромъ, далеко не были мирнаго свойства. — Ну что жъ, что хотятъ жаловаться? пущай ихъ! Я сама къ господамъ пойду: „взять, скажу, намъ нѣоткуда“, сама просить стану: пускай пошлютъ въ другую вотчину, къ должности какой приставятъ... Лучше въ чужомъ мѣстѣ жить, лишь бы покой былъ. Здѣшняя-то жизнь у насъ вотъ гдѣ сидитъ... Всѣ сказываютъ: у насъ господа-то добрые; они въ толкъ возьмутъ. Надыть радоваться, стало-быть, что ѣдутъ, а не то, чтобы... Слышь, дѣдушка, умирать сбирается!.. Ну, ты помрешь; а мы-то какъ безъ тебя останемся? Куды я тогда съ сиротами-то дѣнусь?.. Ахъ, ты, разумная твоя головушка! заключила она почти весело и очевидно съ тѣмъ лишь намѣреніемъ, чтобъ ободрить мужа и польстить ему.

Слова эти точно подѣйствовали какъ будто ободрительно, но не столько на самого Лапшу, сколько на его брови, которыя тотчасъ же пришли въ движеніе и начали приподыматься на узенькомъ лбу; но это слабое выраженіе бодрости прошло мгновенно; тогда старикъ спросилъ, являлся ли къ нимъ Филиппъ, съ тѣхъ поръ, какъ увелъ мальчика. Робкій, пугливый взглядъ, брошенный Тимоѳеемъ на жену, и смущеніе послѣдней не были, однакожъ, замѣчены торгашомъ: онъ сидѣлъ потупясь и задумчиво потиралъ лобъ и лысину. Перекинувшись новымъ взглядомъ, мужъ и жена поспѣшили сказать, что съ той поры о Филиппѣ не было ни слуху, ни духу. Послѣ этого отвѣта, бесѣда тотчасъ же почти прекратилась. Ее прервалъ шумъ въ дверяхъ и приходъ дѣтей.

— Пойти поглядѣть на лошадь, подбираетъ ли кормъ, произнесъ старикъ, приподымаясь съ мѣста.

— Пойдемъ, подхватилъ Тимоѳей, слѣдуя его примѣру.

— И я съ вами пойду! сказалъ Петя, старшій изъ мальчиковъ.

— Ну, пойдемъ, ласковый, пойдемъ, вымолвилъ повеселѣвшій старикъ, гладя его по головѣ,—пора ужъ, я чай, и на боковую. Завтра рано надо подыматься. Спасибо тебѣ, хозяюшка, за хлѣбъ, за соль, за угощеньс... а пуще того, за ласку за твою.

— Нѣ на чемъ, батюшка...

Старикъ, Тимоѳей и мальчикъ выбрались на дворъ, гдѣ немедленно присоединился къ нимъ и Волчокъ.

Синяя звѣздная ночь давно ужъ обняла небо. Полный мѣсяцъ стоялъ высоко, и черная тѣнь отъ навѣсовъ, изгибаясь по столбамъ, перерѣзывала дворъ пополамъ. Въ непроницаемой тѣни одного изъ угловъ слышалось мѣрное чваканье лошади. Извнѣ, съ улицы, все еще неслась пѣсня и по временамъ долетали хохотъ и говоръ; хороводъ, очевидно, однакожъ, убавился наполовину; самые голоса тянули какъ-то слабѣе, сонливѣе. Время-отъ-времени, пѣсня словно обрывалась, переходила въ одинъ трепетный, замирающій звукъ, и тогда съ разныхъ концовъ деревни, изъ стараго барскаго сада, изъ рощи, изъ болота раздавались совершенно неожиданно звонкіе соловьиные перекаты.

Осмотрѣвъ лошадь и ощупавъ возъ, торгашъ, сопровождаемый Лапшою, мальчикомъ и Волчкомъ, направился къ ригѣ, мѣсту ночлега. Войдя въ ригу и отыскавъ себѣ уголъ, старикъ оставилъ товарищей, а самъ вышелъ въ загородь и, повернувшись къ востоку, долго крестился. Когда онъ возвратился назадъ, Тимоѳей и его сынишка ужъ спали; одинъ только Волчокъ бодрствовалъ, но и онъ, впрочемъ, успокоился, какъ только увидѣлъ, что старикъ улегся на солому, покрывшись полушубкомъ. Дядя Василій долго не могъ сомкнуть глазъ; все слышанное и видѣнное имъ въ этотъ день поневолѣ занимало его мысли. Переваливаясь съ боку на бокъ, онъ то прислушивался къ пѣснѣ, все еще неумолкавшей въ отдаленьи, то къ раскатамъ соловья, раздававшимся поблизости, то устремлялъ глаза къ звѣздному небу, которое глядѣло на него сквозь многочисленныя щели навѣса.

Мало-по-малу всѣ эти звуки стали какъ будто слабѣть и отдаляться... тише, тише, и наконецъ, по всей окрестности воцарилось мертвое молчаніе.

V.

Притонъ.

Для дальнѣйшаго развитія предполагаемой повѣсти, намъ необходимо теперь перенестись верстъ за восемь отъ Марьинскаго, въ деревню Чернево.

Чернево расположено по обѣимъ сторонамъ большой дороги, уже теперь совершенно почти заброшенной, благодаря шоссе, которое проходитъ верстахъ въ восемнадцати. Тутъ прогоняютъ только гурты и проѣзжаютъ обозы

изъ окрестныхъ деревень. Середина деревни прерывается небольшой лощиной, такъ что, миновавъ одну половину деревни, вы никакъ не попадете на другую, не засѣвъ сначала на днѣ лощины; грунтъ до того рухлъ и вязокъ, что не въ силахъ держать въ границахъ ручья, который расползается во всѣ стороны и превращаетъ все это мѣсто въ густой кисель, мѣстами покрытый ржавчиной. Здѣсь споконъ вѣку вязнутъ возы, и колеса уходятъ по ступицу. Черезъ мостъ, возвышающійся влѣво на столбахъ, очевидно еще опаснѣе ѣздить: это одинъ изъ тѣхъ мостовъ, который, какъ говорится, не мараетъ, да ноги ломаетъ. Глухою осенью, когда проходитъ дождливая пора и морозъ скуётъ грязь, изрытую копытами и колесами, путь черезъ Чѣрнево дѣлается окончательно невозможнымъ. Нѣтъ деревни, которая такъ хорошо оправдывала бы свое прозвище: ее обступаютъ темныя черноземныя поля, не оживленныя ни одной рощей. Избы по обѣимъ сторонамъ дороги тѣсно лѣпятся другъ къ дружкѣ и представляютъ однообразно-скучные ряды сѣрыхъ бревенъ, вороховъ бурой соломы и кривыхъ плетней. Съ того времени, какъ заброшена дорога, самые домы кажутся какими-то заброшенными; въ косой дождь, когда стѣны избушекъ намокнутъ, ихъ трудно даже отличать отъ грунта. Сѣрое безъ просвѣту небо, дождь, глухая осенняя пора идутъ, впрочемъ, какъ-то къ Чѣрневу; вообще говоря, Чѣрнево незавидное мѣсто.

Влѣво отъ дороги дно лощины замыкается грубой земляной плотиной, изъ которой вкривь и вкось торчатъ пучки хвороста; двѣ старыя вѣтлы, обезображенныя галочьими гнѣздами, похожими издали на наросты, предохраняютъ плотину отъ вѣрнаго разрушенія въ наводки. Съ правой стороны лощина нѣсколько живописнѣе: грязь постепенно зарастаетъ травою и, немного далѣе, виднѣется ужъ лужайка — любимое убѣжище чѣрневскихъ гусей и утокъ. Ручей собирается въ одно русло и на пространствѣ трехъ саженъ дѣлаетъ нѣсколько изворотовъ; лѣниво, чуть-видно течетъ онъ въ мягкихъ берегахъ своихъ, кажущихся по-мѣстамъ совершенно голубыми отъ множества незабудокъ; листъ, брошенный въ воду, почти не трогается съ мѣста, и вы десять разъ сядете отъ усталости, прежде чѣмъ онъ отплыветъ на аршинъ; гнилые корни, принимающіе въ водѣ подобіе волнующихся косматыхъ волосъ, а также и желѣзная руда, образчики которой

находятъ въ лощинѣ, сообщаютъ ручью какой-то бурозолотистый цвѣтъ. Шаговъ двѣсти далѣе, ручей уже пропадаетъ въ осокѣ и тинѣ, которая такъ плотна и зелена, что часто обманываетъ нѣшехода: думая ступить на траву, онъ прямёхонько бултыхается въ воду по поясъ.

Недалеко отъ этого мѣста, которое называется „благѝмъ“ (тутъ когда-то, въ глухую осеннюю ночь, утонулъ мужикъ—совсѣмъ утонулъ, съ возомъ и лошадью), находится крошечная, одинокая избенка. Далѣе нѣтъ ужъ жилья; далѣе идутъ, то расширялясь, то суживаясь, обнаженныя щеки лощины, которая огибаетъ, вмѣстѣ съ ручьемъ, большое пространство; въ этомъ ручьѣ, верстъ восемь дальше, мáрьинскія бабы полощутъ бѣлье. Избушка, о которой мы упомянули, бросается въ глаза своею ветхостью; она, кажется, минуты бы не удержалась на своемъ основаніи, если бъ не прислонилась однимъ бокомъ къ обрыву. Передняя стѣна ея наполовину закрыта завалинкой; единственное волоковое окно смотритъ словно изъ земли; со стороны входа устроенъ родъ сѣней изъ плетня, на которомъ видны еще слѣды глиняной штукатурки; солому на кровлѣ лѣтъ десять ужъ не смѣняли; мѣстами она совсѣмъ истлѣла и выказывала жерди и хворостъ, мѣстами сползала книзу и свѣшивалась волнистыми буграми, подъ которыми такъ любятъ прятаться воробьи во время осеннихъ ливней и зимнихъ мятелей.

Лачуга, построенная давнымъ-давно отставнымъ солдатомъ, переходила нѣсколько разъ отъ одного хозяина къ другому, пока, наконецъ, лѣтъ десять назадъ, не сдѣлалась собственностью одной старухи, чѐрневской уроженки; она занималась знахарствомъ и жила совершенно одиноко.

Грачѝха (такъ звали ее) пользовалась большою извѣстностью по всему околотку; ее знали верстъ на двадцать въ окружности. Не могу вамъ сказать, съ котораго времени Грачиха начала пользоваться такою популярностью и съ чего именно началась ея извѣстность; знаю только, что трудно было найти въ сосѣднихъ деревняхъ мужика и бабу, которые хоть разъ въ жизни не имѣли бы въ ней надобности. Кромѣ знахарскаго дѣла, которымъ занималась она успѣшно—потому что никто лучше ея не могъ заговорить отъ пострѣла, никто такъ скоро не возвращалъ здоровье коровѣ, переставшей доиться, ничье спрыскиванье не исцѣляло такъ вѣрно отъ тоски наносной, потрясѝхи, ушибѝхи и другихъ недуговъ — кромѣ

всего этого, Грачиха чуть ли еще не успѣшнѣе занималась ворожбой и колдовствомъ. Не было почти случая, чтобъ обокраденный человѣкъ не находилъ пропавшей вещи, если только прибѣгалъ вò-время къ Грачихѣ.

Разъ у мàрьинскаго мужика увели лошадь. Мужикъ метался, какъ угорѣлый, двое сутокъ по всѣмъ дорогамъ безъ малѣйшаго толку; въ одной изъ деревень ему сказали, что видѣли наканунѣ какого-то оборваннаго человѣка, проскакавшаго во весь духъ на лошади, во всемъ схожей примѣтами съ пропавшей—гдѣ ужъ тутъ искать? Мужикъ махнулъ рукою и поплелся домой. Дома жена и родственники приступили къ нему: сходи да сходи къ Грачихѣ; мужикъ взялъ посýлы: штофъ вина, полтинникъ, полотенце, и отправился въ Чѐрнево. Въ первый приходъ Грачиха ничего не открыла, сказала только, что воръ близко, и велѣла зайти на другой день. На слѣдующій день она несравненно долѣе противъ перваго раза ходила вокругъ чаши съ водою, поставленной посреди избы, чаще нагибалась, смотрѣла въ воду, шептала, и объявила, наконецъ, что воръ человѣкъ дальній, что искать его нѣтъ ужъ надобности, что силою своего заклинанья она отняла у него лошадь, которая стоитъ теперь въ осиновой рощѣ. Мужикъ кинулся на показанное мѣсто—и точно нашелъ лошадь... Но не перечесть всѣхъ чудесъ чѐрневской колдуньи; достаточно, кажется, приведеннаго случая, чтобъ убѣдиться, что Грачиха точно находилась въ таинственныхъ сношеніяхъ съ „лихимъ человѣкомъ“.

Встрѣчались, однакожъ, люди, которые не давали вѣры ея связи съ нечистымъ; носились слухи, будто Грачиха давала пріютъ ворамъ и мошенникамъ всякаго рода; но слухи ничѣмъ не оправдывались и, наконецъ, тѣ самые, которые распускали ихъ, напрямикъ отклѣпывались отъ своихъ словъ, когда дѣло доходило до положительныхъ объясненій. Изъ этого видно, что даже смѣлыя головы околотка хорохорились на словахъ; на самомъ же дѣлѣ внутренно раздѣляли страхъ, который повсемѣстно внушала Грачиха.

Съ виду она не представляла ничего особеннаго. То была низенькая, сгорбленная старуха; ея походка и голосъ показывали, впрочемъ, крѣпость и здоровье. Изъ-подъ дыряваго платка, прикрывавшаго ея голову и мѣстами пропускавшаго клочки сѣрыхъ волосъ, выглядывало худощавое лицо земляного цвѣта, сморщенное, какъ чер-

носливъ; тонкій, нѣсколько кривой носъ состоялъ, казалось, изъ одного хряща, заостреннаго, какъ у хищной птицы; ротъ, лишенный зубовъ, провалился и дѣлался весьма похожимъ на петлю, крѣпко стянутую ниткой. Старуха поминутно надвигала на лобъ головной платокъ, чтобы защитить отъ свѣта больные глаза, страдавшіе отъ золотухи; но въ этомъ народъ находилъ новый поводъ къ разсказамъ: говорили, что у Грачихи красные глаза.

Что жъ касается до внутренняго вида лачуги, она ни въ какомъ уже случаѣ не могла дать повода къ суевѣрнымъ вымысламъ. Въ жилищахъ нашихъ ворожеекъ и знахарокъ вообще рѣдко встрѣчаешь внѣшній признакъ, имѣющій какое-нибудь отношеніе къ ихъ ремеслу: ремесло, само по себѣ, такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе простолюдина и такую приноситъ выгоду знахаркѣ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ. Войдя въ лачугу Грачихи, вы подумали бы сначала, что тутъ никто не живетъ. Свѣтъ, проходившій въ волоковое окно, вырубленное въ одномъ бревнѣ, смутно освѣщалъ уголъ печи и часть грубой дощатой перегородки, которая шла отъ угла печи и упиралась въ стѣну, гдѣ было окно. Земляной полъ, вырытый въ вязкой почвѣ лощины, распространялъ кислый запахъ, хватавшій за горло; при свѣтѣ лучины, въ углахъ и на потолкѣ выказывались бѣловатыя селитряныя пятна; сырость покрывала липкимъ слоемъ дерево и сверкала каплями въ шершавыхъ полосахъ мха, которыя чернѣли между бревнами. Въ этой половинѣ своей лачуги хозяйка принимала посѣтителей и совершала свои заклинанья. Грачиха жила собственно или на печкѣ, или за перегородкой. Тамъ нашли бы вы и кадушки, и ухватъ, и горшки—словомъ, всякую домашнюю рухлядь. Волоковое окно, такой же величины, какъ и въ первой половинѣ, позволяло различать столъ и лавки, расположенные прямо противъ жерла печки. Одиночество старухи не было совершенно исключительно: его раздѣляла во всякое время дня и ночи тощая желтая кошка съ зелеными глазами, свѣтлыми и блестящими, какъ стекло.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ началась наша повѣсть, часами двумя-тремя послѣ появленія торгаша въ Мàрьинскомъ, за перегородкой горѣла лучина. Грачиха была не одна. На скамьѣ за столомъ сидѣли человѣкъ среднихъ

лѣтъ и мальчикъ; передъ ними лежали обломки хлѣба, возвышалась солоница и чашка съ кашей. Жадность, съ какою оба припадали къ ѣдѣ, ясно показывала, что они недавно вошли и первымъ ихъ дѣломъ было позаботиться объ удовлетвореніи голода. Ворчливое лицо старухи не оставляло сомнѣнія, что она была не рада гостямъ; она даже и не скрывала своего неудовольствія: роясь подлѣ печки безъ всякой видимой цѣли, она не переставала ворчать и съ сердцемъ отталкивала каждый предметъ, попадавшійся ей подъ руки.

Но человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, мало, повидимому, объ этомъ заботился: онъ продолжалъ уписывать кашу такъ же усердно, какъ будто пришелъ домой послѣ тяжкой полевой работы.

Ему было лѣтъ за сорокъ и ни одна еще сѣдина не серебрилась въ его черствыхъ, черныхъ какъ смоль волосахъ, разсыпавшихся нечесанными кудрями по всей головѣ; лицо его, оканчивавшееся коротенькой, но густой бородкой, было бы красиво, если бъ не портилъ его тотъ отвратительный, болѣзненно-бурый цвѣтъ кожи, мѣстами покрытый свинцовыми оттѣнками, цвѣтъ, исключительно почти свойственный бродягамъ, арестантамъ, или людямъ, ведущимъ самую безпорядочную, неправильную жизнь. Небольшіе сѣрые глаза, оттѣненные жёсткими бровями со множествомъ маленькихъ вихровъ (знакъ строптиваго, безпокойнаго нрава), отличались подвижностью, и если останавливались на одномъ предметѣ, то смотрѣли невыразимо плутовато и бойко. Бойкость взгляда несовсѣмъ, однакожъ, отвѣчала общему выраженію физіономіи: не было черты, которая обозначала бы рѣшимость, энергію; все въ ней было какъ-то мелко, хоть правильно, и выказывало природу въ высшей степени порочную, хитрую, но лишенную настоящей отваги и смѣлости. Голова его, приплюснутая съ боковъ, отвѣсно почти срѣзанная на затылкѣ, была рѣзко заострена на макушкѣ. Есть лица, которыхъ нѣтъ возможности забыть, хоть встрѣчаешь ихъ разъ, да и то мелькомъ; большею частью васъ поражаетъ въ нихъ не столько рѣзкая особенность, сколько самое выраженіе, или мелкая черта: родимое пятно, рябинка и проч. Такъ въ человѣкѣ, представленномъ вниманію читателя, трудно было забыть его тонкій носъ съ горбикомъ посерединѣ и подвижными, приподнятыми ноздрями, которыя открывали съ обѣихъ сторонъ часть носовой пере-

городки; носъ этотъ никогда ужъ не изглаживался изъ памяти, и стоило только припомнить эти открытыя ноздри, какъ ужъ все лицо тотчасъ же ясно обрисовывалось. Однимъ словомъ, это была фигура, которая поразитъ несовсѣмъ пріятно при встрѣчѣ въ лѣсу... Одежда незнакомца состояла изъ бараньяго полушубка, покрытаго заторами и прорѣзами; правое плечо и локоть выглядывали наружу; вмѣсто петель и пуговицъ, чернѣли только ямки; на груди выставлялась разодранная стеганая на ватѣ манишка, какую носятъ подгородные мѣщане, фабричные и солдаты; изъ-подъ зеленоватыхъ сермяжныхъ панталонъ, протертыхъ на колѣняхъ и зазубренныхъ внизу, выступали ветхіе лапти, переложенные соломой. Дороги теперь, особенно бойныя, совсѣмъ ужъ пересохли; грязь, покрывавшая лапти незнакомца, невольно заставила подозрѣвать о случайной ходьбѣ, то-есть такой, которая вынуждала его оставлять бойныя, всѣми посѣщаемыя дороги и пробираться полями.

Тѣ же слѣды грязи были и на лаптишкахъ мальчика-карапузика, лѣтъ десяти, съ отчаянно-плутоватой, насмѣшливой рожицей. Круто вздернутый носъ, оканчивающійся вострячкомъ, принималъ видъ толстой, коротенькой запятой, обращенной вострымъ концомъ кверху; верхняя губа его, разсѣченная пополамъ, и острые зубы, расположенные угломъ, какъ у грызуновъ, дѣлали его похожимъ на зайца; щурившіеся каріе глазки далеко, однакожъ, не отличались заячьими свойствами: въ нихъ свѣтилось почти столько же хитрости и лукавства, сколько въ глазахъ его товарища; этимъ, впрочемъ, и ограничивалось сходство; волосы мальчугана, жесткіе и почти красные, торчали востряками во всѣ стороны, что дѣлало голову его весьма схожею со встрепаннымъ артишокомъ; лохмотья еще безобразнѣе, еще обношеннѣе, чѣмъ у товарища, покрывали члены ребенка, отличавшіеся здоровьемъ и силой.

— Тетка Лукерья, слышь! что ужъ тутъ? угощать, такъ угощай! началъ незнакомецъ, отодвигая чашку съ кашей къ мальчику, который казался ненасытнымъ,—полно скупиться... Ну, для стараго-то дружка угости, касатка! прибавилъ онъ тономъ принужденной веселости, какъ бы заранѣе сомнѣваясь въ успѣхѣ своей просьбы.

И точно, вмѣсто отвѣта, старуха толкнула только заслонку печи. Мальчикъ, смекнувшій, видно, причину ея неудовольствія, звонко засмѣялся.

— Ты что, пострѣлъ, зубы-то скалишь?.. туда же! Ѣлъ бы, когда некупленнымъ кормятъ! проговорила Грачиха.

— Слышь, тетка, одинъ стаканчикъ всего: заслужу! подхватилъ незнакомецъ.

— Спасибо скажи, что пустили-то — вотъ что! сердито проворчала колдунья. — Много васъ здѣсь шляется! А ты чему обрадовался? давай! неожиданно заключила она, подходя къ столу и протягивая руку къ чашкѣ съ кашей.

Мальчикъ однимъ быстрымъ движеніемъ скрылъ чашку подъ столъ. Выходка эта окончательно разсердила старуху; она разразилась бранью и протянула руки, чтобъ ухватить мальчишку за волосы; ребенокъ быстро откинулъ назадъ голову, запряталъ чашку еще дальше подъ столъ, смѣялся и смотрѣлъ на нее своими плутовскими глазами. Грачиха, безъ сомнѣнія, не совладала бы съ пострѣломъ, если бъ не вмѣшался незнакомецъ.

— Отдай! сурово крикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Мальчикъ нимало, повидимому, не смутился и отдалъ чашку.

— Эхъ, Лукерьюшка! заговорилъ тогда незнакомецъ,— забыла, знать, стараго дружка, не нуженъ сталъ теперича! То-то вотъ и есть, не по-нашему значитъ; по-нашему: зналъ дружка въ радости, не оставляй въ горести.

Онъ покосился на мальчика, и замѣтивъ, что тотъ исподтишка толкалъ ногою ухватъ, чтобъ уронить его наземь, далъ ему подзатыльника и послѣ того продолжалъ какъ бы ни въ чемъ не бывало:

— Признаться, на тебя на одну только надѣялся, право такъ. Вотъ, думалъ, приду въ свои мѣста, тетка Лукерья выручитъ. Помнючи, примѣрно, прежнюю твою добродѣтель, какъ въ тѣ поры выручила, такъ все одно, примѣрно, и теперь въ надеждѣ былъ... Э-эхъ-ма!..

Онъ пріостановился, провелъ ладонью по волосамъ, пожалъ губами, крякнулъ и, пристально устремивъ глаза на старуху, продолжалъ выпытывающимъ голосомъ:

— Какъ еще шелъ-то къ тебѣ, словно къ сродственницѣ шелъ!.. Думалъ еще деньжонками у тебя позаняться—вотъ какъ...

Старуха, стоявшая лицомъ къ печкѣ и обнаруживавшая самое полное равнодушіе къ словамъ гостя, вдругъ обернулась.

— Ступай, ступай, отколѣва пришелъ! крикнула она,

выказывая такую досаду, какъ будто въ словахъ гостя заключалась горькая обида, — дали тебѣ ѣсть: чего еще? ну и ступай!

— Да ты выслушай... полно серчать-то... выслушай...

— Коли шелъ затѣмъ, подхватила она, разгорячаясь,— шелъ бы не ко мнѣ, шелъ бы лучше...

— Куда? съ суровой усмѣшкой перебилъ гость.

— Туда... знаешь... начала было старуха и вдругъ замялась и остановилась, повинуясь взгляду, которымъ гость указалъ ей на мальчика.

— Степка! отрывисто сказалъ незнакомецъ, — сытъ теперича? Ну и ладно. Пошелъ въ сѣни, либо выйдь къ ручью... походи тамъ маленько; далеко не ходи, смотри— слышь?

— Мнѣ не хоцца, я здѣсь посижу, бойко возразилъ мальчикъ.

— Ступай! запальчиво крикнулъ незнакомецъ, дѣлая движеніе, чтобъ привстать съ мѣста, и замахиваясь.

Но и въ этотъ разъ угроза, казалось, слабо подѣйствовала на мальчика; онъ только откинулся въ сторону; на губахъ его появилась лукаво-насмѣшливая улыбка, которая ясно показывала, что онъ очень хорошо понималъ, зачѣмъ хотятъ его выпроводить. Улыбка эта не сходила съ лица его; и во все время, какъ пятился онъ къ двери, щурившіеся глаза его переходили отъ старухи къ ея товарищу.

— Добрé смышлёнъ! сказалъ незнакомецъ, когда мальчикъ вышелъ изъ лачуги, — главная причина—шустёръ оченно, плутоватъ, окаянный; слово скажешь, глазомъ мигнешь — смекаетъ. Неравно что̀ и сболтнетъ... Шибко связалъ онъ меня!

— Точно приневоливали; самъ взялъ! неохотно проворчала Грачиха.

— Жену поучить хотѣлъ, потому больше, сурово возразилъ гость, — вижу, стала держать ихъ руку, я его и увелъ. Выходитъ, только себя наказалъ. Пожалуй, опять бы теперича отдалъ — лишняя только тягота — да первое дѣло мать умомъ повихнулась; второе дѣло, опасливо: болтать станетъ; все смыслитъ, даромъ на видъ не казистъ; вездѣ таскалъ съ собою, мало ли что̀ видѣлъ; гдѣ примѣрно бывалъ—обо всемъ этомъ повѣдаетъ... И то кажинный разъ какъ *туда* иду, не беру съ собою—опасливо, боюсь, мать признаетъ, люди увидятъ.

— Что жъ ты его, разбойникъ, ко мнѣ-то привелъ? крикнула Грачиха.

— Эка вздорная какая! Дай сказать! съ досадою перебилъ гость, — рази кто насъ видѣлъ, какъ сюда шли? И то въ лощинѣ сидѣли, ночи дожидались...

— Ступай, ступай! ну васъ совсѣмъ! Я чай, рыщетъ теперь пострѣлъ... уйдетъ еще на деревню, наткнется на кого: всѣ тебя знаютъ по всему околотку. Ступай; ну васъ! Ступай, говорю!

— Полно, тетка, перестань! началъ упрашивать гость,— коли только изъ этого, духомъ сбѣгаю, приведу его; ночь темная—никто не увидитъ. Дай, слышь, дай хоть ночь-то переночевать! Лѣто придетъ, въ лѣсу тепло будетъ, не стану тревожить. Сдѣлай милость, не сумлѣвайся... Эка, право, какая!.. Сейчасъ кликну, здѣсь будетъ.

И, не дожидаясь возраженія, онъ кинулся вонъ изъ лачуги. Нѣсколько минутъ спустя, въ сѣняхъ послышался голосъ его и голосъ мальчика; онъ снова вернулся за перегородку.

— Чего опасалась? Онъ тутъ подлѣ избы сидѣлъ; ничего, говорю; изъ сѣней теперь не выступитъ, проговорилъ бродяга, между тѣмъ, какъ старуха вставляла новую лучину. — Эхъ-эхъ! пришло, знать, и мое времечко! добавилъ онъ, выразительно тряхнувъ кудрявою своею головою.

Онъ прошелся раза два отъ печки къ столу, сѣлъ, провелъ ладонью по волосамъ, потомъ снова всталъ.

— Тетка, слушай, сказалъ онъ тономъ упрека, который худо скрывалъ досаду, отражавшуюся въ каждой чертѣ лица его, — слушай: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!.. Полно, тетка! подхватилъ онъ, смягчая рѣчь и голосъ, потому что первыя слова его не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на старуху—ну за что серчаешь, за что? Провалиться, не вѣдаю!.. Хлѣба, и того стало жаль. Полно, говорю, не Богъ знаетъ чего прошу... Прошу: не оставь!.. Нужда шибко взяла, потому прошу... Вишь, какъ обносился, вишь, смотри... примолвилъ онъ, поворачиваясь къ ней то однимъ бокомъ, то другимъ и выставляя напоказъ прорѣхи и заплаты,—тоже вишь и лаптей нѣтъ... Право, пособи... А ужъ пасчетъ, то-есть... за себя постоимъ! Скажешь: Филиппъ, сдѣлай то — тутъ и есть! Укажи только, укажи на какое хошь дѣло... намъ рази впервые съ тобой вѣдаться?.. Шепни, примѣрно, у кого

какая лошадь — завтра же къ тебѣ придутъ за нею, въ упросъ просить станутъ...

— Не надыть, не проси... ничего не дамъ! упрямо сказала старуха.

— Ты думаешь насчетъ парнишка, то-есть, связалъ меня? онъ помѣшаетъ?

— Хоть бы такъ...

— На то время можно здѣсь у тебя оставить...

— Нужда мнѣ съ нимъ возиться! Кто за нимъ усмотритъ? Вишь онъ, окаянный, шустрый какой!..

— Слышь: выручи только, объ одномъ прошу; выручи; каяться не станешь; выручи только... хоть на время выручи...

— Стало, ужъ *тамъ* взять-то нечего? *туда* бы шелъ! перебила Грачиха.

— Былъ и *тамъ*, вечоръ еще былъ, торопливо подхватилъ Филиппъ.—Коли тебя пришелъ просить—безъ толку, стало-быть, ходилъ: не токмà денегъ, хлѣба, и того нѣтъ. Я ужъ и такъ, и сякъ стращалъ — ничего нѐ возьмешь; ужъ это значитъ вѣрно, что нѣтъ ничего; а то бы дай, мое было бы; постращай только его — братъ ничего не утаитъ... Мы это дѣло-то знаемъ, какъ съ нимъ справляться: не впервòй!.. Потому больше къ тебѣ и пришелъ: нужда заставила. Сдѣлай милость, Лукерьюшка, пособи! снова присталъ Филиппъ,— такъ, малость самую... тревожить больше не стану, уйду; и то сказать, опасливо теперь здѣсь оставаться. Въ другое время—ништò, пожилъ бы; теперь убираться надо. Узналъ я вечоръ, какъ къ брату ходилъ, сказывали: господъ ждутъ; не нонѣ, завтра ждутъ; при нихъ какъ разъ сцапаютъ... надо убраться во-время, потому больше и прошу: пособи, тетка, сама знаешь, безъ лаптей не далеко уйдешь.

На этомъ самомъ мѣстѣ, въ сѣничкахъ, гдѣ находился мальчикъ, послышался вдругъ такой дикій крикъ, что Филиппъ и старуха дрогнули всѣмъ тѣломъ. Не успѣли они сдѣлать шагу, какъ новый крикъ еще диче, пронзительнѣе раздался въ сѣняхъ. Филиппъ кинулся было къ лучинѣ съ намѣреніемъ потушить ее, но Грачиха остановила его, сказавъ: „погоди“, и, ковыляя, побѣжала къ двери.

— Кто тутъ? спросила она.

Въ отвѣтъ на это, надъ самою ея головою повторился новый крикъ, еще звонче, еще отчаяннѣе первыхъ двухъ.

— Ахъ ты, разбойникъ! закричала старуха, тотчасъ же, вѣроятно, смекнувъ, въ чемъ дѣло. — Постой! я жъ тебя, окаяннаго!.. Эй, Филиппъ! подхватила она, торопливо возвращаясь въ избу, — это твой пострѣлъ съ кошкой... Кошку куда-нибудь, разбойникъ, запряталъ... Я жъ ти, погоди!

Грачиха взяла лучину и побѣжала въ сѣни; Филиппъ послѣдовалъ за нею. Крики становились все жалобнѣе и протяжнѣе. При свѣтѣ лучины, старуха точно увидѣла желтую свою кошку, которая болталась на перекладинѣ, привязанная къ хвосту. Мальчикъ, свернувшись клубкомъ въ углу сѣней, спалъ крѣпкимъ сномъ; но храпѣнье, которое издавалъ онъ для вящшаго эффекта, измѣнило ему: старуха налетѣла на него, какъ разъяренная насѣдка, проворно перенесла лучину въ лѣвую руку и правою рукою схватила его за волосы; мальчикъ тряхнулъ головою—и, не подоспѣй во-время отецъ, онъ укусилъ бы старухѣ руку.

— Оставь его, тетка! я его самъ лучше проучу; твои руки старыя; дай только сперва кошку отцѣпить.

Сказавъ это, онъ приставилъ къ перекладинѣ лѣсенку, которая вела на чердакъ и которую мальчикъ ухитрился поставить на прежнее мѣсто. Секунду спустя, бѣдная кошка рухнулась на-земь, вскарабкалась на стѣну и, фыркая, исчезла на чердакѣ.

— Теперь я до тебя доберусь! сказалъ Филиппъ, подходя къ ребенку.

Тотъ, по обыкновенію своему, не обнаружилъ ни малѣйшаго испуга; онъ безъ сопротивленія дался отцу.

— Хорошенько его, хорошенько! закричала колдунья, становясь на порогѣ и подымая лучину надъ головою.

— Вотъ тебѣ! помни! вотъ тебѣ! приговаривалъ, между тѣмъ, отецъ, дѣлая видъ, что деретъ его за волосы, но на самомъ дѣлѣ тормоша ему только голову, что̀ заставило, однакожъ, сына биться по полу и кричать такъ пронзительно, какъ будто съ него сдирали кожу.

Старуха, испуганная крикомъ, который легко могъ дойти до Чернева, велѣла отцу оставить и поплелась въ избу.

— Сюда! крикнулъ Филиппъ, слѣдуя за нею и обращаясь къ Стёпкѣ.

Стёпка вошелъ въ избу, продолжая хныкать и тереть лицо кулакомъ, изъ-подъ котораго выпрыгивали попеременно то одинъ плутовской взглядъ, то другой, сопрово-

ждаемые не менѣе плутоватой усмѣшкой. Отецъ украдкой подалъ ему знакъ и подмигнулъ на старуху, которая суетилась ворчливо у лучины; Стёпка кивнулъ головой и тотчасъ же пересталъ хныкать.

Но едва только воцарилась тишина, какъ въ наружную дверь избушки кто-то сильно застучалъ. Филиппъ, старуха и мальчикъ переглянулись съ удивленіемъ. Два-три громкіе удара снова потрясли наружную дверь избы. Однимъ прыжкомъ Филиппъ очутился у лучины, пригнулъ испуганное лицо къ огню и задулъ его.

— Отопри! прокричалъ въ то же время за дверью басистый, хриплый голосъ.

— Тсс! молчи! шепнулъ Филиппъ.

— Можетъ... ко мнѣ... за дѣломъ, проговорила Грачиха.

— Такъ бы громко не стучался, возразилъ Филиппъ.

Голосъ сильно, однакожъ, измѣнялъ ему. Какъ всѣ люди, имѣющіе основательную причину бояться преслѣдованія, онъ думалъ одно только: ужъ не узнали ли случайно о его возвращеніи? Не встрѣтился ли онъ вчера на дорогѣ въ Марьинское съ кѣмъ-нибудь, кого самъ не замѣтилъ? Не выдалъ ли братъ, или, вѣрнѣе, братнина жена?.. Мысли эти съ быстротою молніи мелькнули въ головѣ его, и съ каждымъ новымъ ударомъ въ дверь сердце его билось ускореннымъ тактомъ, дыханіе спиралось въ груди и пересыхало въ горлѣ.

— Отпирай! эй! раздался снова басистый голосъ, но ужъ теперь съ другой стороны лачуги, и кулакъ застучалъ подъ окномъ.

— Пусти, матушка, Христа-а-ра-а-ди!.. неожиданно подхватилъ другой, старческій, жалобный голосъ.

Не успѣлъ онъ замолкнуть, какъ ужъ раздался третій, звонкій, дребезжащій, какъ у козла:

— Эй, тётенька, спишь, что ли? Вставай, глазки протирай, слышь: сваты пріѣхали!..

При первыхъ звукахъ послѣдняго голоса, Грачиха покинула свое мѣсто.

— Слѣпые, проворчала она.

— Съ коихъ мѣстъ? торопливо спросилъ Филиппъ.

— Чужіе! возразила какъ бы изъ милости Грачиха.

Она подошла къ окну, отняла палку, которая придерживала старый скомканный зипунъ, закрывавшій окно, и спросила, какъ водится, обыкновенно, для виду: кто тутъ?

— Мы, мы, касатка, разомъ отозвались три голоса.

— Полно вамъ горло-то драть: слышу. Богъ подастъ! проворчала старуха.

— Осердчалая какая! Видно, съ просонья, замѣтилъ козлячій голосъ.

— Пусти переночевать! подхватили другіе.

— Вотъ нашли постоялый дворъ... Ну васъ совсѣмъ!.. тѣсно и безъ васъ...

— „Щадни“ *), что ли? спросили за окномъ.

— Ступайте на деревню; мало ли дворовъ... тамъ и почуете, сказала Грачиха.

— Были, касатка, да „лунёкъ“ (собакъ) много добрé, лютыя такія, къ „рыму“ (дому) не подпущаютъ, замѣтилъ, посмѣиваясь, козлячій голосъ. — Пусти, тетка; „сушакъ“ (хлѣбъ) свой; „меркòшъ“, „не зѣть ничего“ (ночь, ничего не видно); „отцѣпи“, „масья“ (отопри, хозяйка-мать); пошли бы дальше, да лошади стали, добавилъ онъ, принимаясь турукать и посвистывать, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ подлѣ него стояли лошади.

— Не впервые у тебя ночуемъ; пусти! буркнулъ басъ,— дѣло есть до тебя...

— „Перебýшки растерялъ, вершать нечѣмъ, безъ котюра сталъ!“ **) пояснилъ козлячій голосъ.

— Съ вами еще кто есть? спросила Грачиха.

— Нѣтъ, мальчикъ только, „котюръ“, отвѣчали нищіе.

Грачиха поправила платокъ на головѣ, нѣсколько секундъ стояла, какъ бы въ нерѣшимости, и, наконецъ, сказала:

— Ну, ступайте; дайте только лучину вздуть.

И, не обращая вниманія на Филиппа, который упрашивалъ ее не пускать гостей, Грачиха вздула лучину и поплелась въ сѣни.

VI.

Немного погодя, въ избу, одинъ за другимъ, вошли три человѣка. Грачиха неправильно назвала ихъ слѣпыми: изъ трехъ одинъ только оказался въ самомъ дѣлѣ слѣпымъ,

*) „Щадни“, — гости, на условномъ языкѣ тульскихъ и рязанскихъ нищихъ, которые какъ бы составляютъ одну семью. Здѣсь, разумѣется, исключительно говорится о нищихъ по ремеслу. Мы не долго будемъ пользоваться терпѣніемъ читателя и приведемъ только нѣсколько образчиковъ этого языка, Богъ-вѣсть откуда взявшагося и кѣмъ созданнаго.

**) Глаза растерялъ, глядѣть нечѣмъ, лишился вожака-мальчика, который водитъ слѣпыхъ.

а именно тотъ, который былъ веселѣе другихъ, говорилъ и смѣялся козлинымъ голосомъ.

Странное противорѣчіе представляли ухмыляющіяся, можно сказать, прыгающія отъ веселости черты его съ бѣловатыми, неподвижно-мертвыми зрачками. Но такимъ полнымъ довольствомъ сіяло толстое, красное лицо его, такъ забавно вздергивался маленькій, какъ пуговица, носъ, такъ насмѣшливо передвигались губы, едва-закрытыя рѣдкими волосами, что невольно исчезало непріятное впечатлѣніе, производимое зрачками. Въ самой фигурѣ его, неуклюжей, коротенькой, напоминавшей медвѣжонка, даже въ его пріемахъ было что-то скоморошное, комическое. Онъ возбуждалъ смѣхъ, несмотря на его лѣта и на безчисленныя прорѣхи и заплаты, которыя покрывали его съ головы до ногъ, такъ-что съ которой бы стороны ни смотрѣть, всюду представлялся какой-то нѣгій человѣкъ.

Другой его товарищъ казался постарше: это былъ человѣкъ около пятидесяти-пяти лѣтъ, исполинскаго роста, атлетическаго сложенія, съ чернымъ лицомъ, какъ у цыгана, мрачно-нахмуреннымъ и грубымъ; совершенно-открытое темя, исполосанное глубокими морщинами и покрытое загаромъ, несмотря на только-что начинавшуюся весну и длинный промежутокъ зимы, дѣлалось еще смуглѣе въ сосѣдствѣ съ сѣровато-желтыми клочками волосъ, которые закрывали ему уши; его короткія мускулистыя руки, пальцы съ пучками волосъ между суставами и могучая шея показывали страшную силу; не только не чувствовалъ онъ тяжести полновѣсной сумы, висѣвшей у него за спиною, но ничего, казалось, не значило бы ему взвалить на плечи любой мельничный валъ. Говорилъ онъ отрывисто, и голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки.

Третій товарищъ былъ тщедушный, низенькій старичокъ, согбенный годами; ему безошибочно можно было дать восемьдесятъ лѣтъ; на сморщенномъ лицѣ его всѣ черты какъ-будто прищурились; оно сохраняло самое жалкое, униженное, полазчивое выраженіе. Глаза его видѣли еще ясно; но, вѣроятно, повинуясь жалкой роли своей, старикъ закрылъ ихъ, какъ-только вошелъ въ избу и увидѣлъ, при свѣтѣ лучины, посторонняго человѣка.

Весельчакъ, между-тѣмъ, суетливо выступалъ впередъ, держась одной рукой за конецъ палки, которая находилась въ рукахъ худенькаго, блѣднаго мальчика лѣтъ восьми, обутаго въ такіе лапти, что они пришлись бы

впору великану: другою рукою весельчакъ водилъ по воздуху; ладонь его случайно встрѣтила лицо старичка, и онъ закричалъ во все горло:

— Ослѣпъ! ослѣпъ! Братцы-кормильцы, ослѣпъ! Слышь, Верстàнъ (это было прозвище великана), смотри-тка: старикъ-то нашъ ослѣпъ! а вѣдь сейчасъ еще видѣлъ; недавно ослѣпъ и ничего ужъ не видитъ, сердечный!..

— Молчи, чужой... шепнулъ Верстàнъ.

— Свой, шепнула въ свою очередь Грачиха, шедшая, чтобъ запереть дверь.

— Что жъ ты намъ, „масья“ (мать), ничего не сказала? крикнулъ весельчакъ, — э-эхъ! купилъ, значитъ, корову, привелъ домой, сталъ-было доить, а тутъ ужъ былъ быкъ! добавилъ онъ, уперевъ руки въ бока и ставъ козыремъ.

— Мальчикъ его? спросилъ Верстàнъ, указывая старухѣ на Степку.

— Мой! отозвался Филиппъ, къ которому, послѣ перваго бѣглаго взгляда, возвратилась увѣренность.

Весельчакъ остановился, внимательно прислушался къ голосу незнакомца. Услышь онъ его хоть десять лѣтъ назадъ, онъ и тогда не ошибся бы; но голосъ былъ ему незнакомъ; принявъ Филиппа за своего брата слѣпца (предположеніе, которое вызвано было присутствіемъ мальчика), онъ повернулся къ нему и спросилъ:

— Откуда, небоже?

— Прохожій...

— Вотъ это ладно, похвалить можно, произнесъ слѣпой тономъ недовѣрчивымъ и насмѣшливымъ, — отколева ни шелъ, насъ не миновалъ, къ кумѣ въ гости зашелъ— это ладно!..

Но, вѣроятно, не довольствуясь неопредѣленнымъ отвѣтомъ Филиппа и побуждаемый подозрительнымъ любопытствомъ, свойственнымъ слѣпымъ, весельчакъ обратился къ вожаку своему и сказалъ ему на своемъ нарѣчіи, чтобъ онъ подвелъ его къ чужому мальчику; поровнявшись со Степкой, слѣпой неожиданно опустилъ ему на голову свободную руку свою и такъ быстро ощупалъ ему лицо, что тотъ не успѣлъ отвернуться.

— Э-е! курносый какой!.. да и зубы-то заячьи — ѣдовàтъ, должно-быть, паренекъ-то... Мотри, Мишка, близко не подходи: укуситъ!.. произнесъ слѣпой.—Эвна... э! ахъ ты! поди какой, драться еще вздумалъ! подхватилъ онъ, почувствовавъ на рукѣ кулакъ Степки,—ну, давай, давай,

когда такъ... только, чуръ, мотри, подножки не ставь... давай, берись; кто кого...

— Полно тебѣ, бѣшеный... какъ-те звать-то?

— Фуфаевъ, касатка... Фуфаевъ!.. Зовутъ Евдокимъ, величаютъ Фуфаевъ...

— Полно, когда такъ; чего развозился? продолжала Грачиха, появляясь въ маленькой дверцѣ между печью и перегородкой.

Тамъ, за перегородкой, успѣли ужъ расположиться мрачный Верстанъ, старикъ, Филиппъ, и слышались разспросы: откуда? куда?—разспросы, на которые Филиппъ отвѣчалъ самымъ сбивчивымъ образомъ.

— Мишка, сказалъ слѣпой, пробираясь ощупью по палкѣ къ своему вожаку, получившему отъ Степки на свой пай нѣсколько ударовъ, предназначавшихся слѣпому, — Мишка, прибавилъ онъ, сбрасывая наземь суму, — садись-ка, поужинай... Вишь у насъ съ тобой сколько корокъ-то!.. живой человѣкъ—проглотишь!.. да и товарища угости. Выбирайте что ни-на-есть самую сладенькую изъ всѣхъ—гуляемъ, значитъ!.. А жёстко покажется, хозяйка молочка дастъ для праздничка... Гдѣ нищій не бывалъ, тамъ, слышь, по двѣ милостыни даютъ—такъ ли „масья“, а?..

— Полно, полно баласничать-то! ворчала Грачиха, — спать ложись; не время съ вами возиться.

Оставивъ вожака своего, который сѣлъ, пригорюнясь, на лавку въ первой половинѣ избы, слѣпой ощупью направился къ хозяйкѣ.

Войдя за перегородку, онъ ощупалъ ладонью каждаго изъ присутствующихъ, расположился подлѣ Филиппа и, приподнявъ руку, провелъ, какъ бы нечаянно, ладонью по лицу его.

— Дальше, братъ; я этого не люблю, проговорилъ онъ грубо, отталкивая руку.

— Экой ты, какой!.. какъ же такъ?.. Вѣдь вотъ товарищи тебя видятъ... а мнѣ такъ ужъ стало-быть и нельзя... и мнѣ хочется!.. Даромъ у меня глаза-то глядятъ, какъ собаки ѣдятъ, и ничего не вижу!.. „Перебухй-то у меня въ пучки сбѣжали“... (глаза у меня въ пальцы ушли), тамъ и остались, удержалъ насилу... Ты этимъ не обижайся... какъ-те звать-то?

— Евдокимомъ, наобумъ отвѣчалъ Филиппъ.

— Э! ну вотъ еще и тёзка!.. Эка знатная у тебя компанія собралась, „масья“! Ты не чаяла, небось, дорогихъ

гостей... оно и все такъ-то: около проруби и все слетаются бѣлые голуби!.. подхватилъ Фуфаевъ,—чѣмъ-то насъ только угощать станешь?.. Не брезгливый народъ! давай хошь „крёса“ (мясца), и то съѣдимъ... мы люди заѣзжіе, у тебя добро-то завозное—жалѣть, стало, нечего.

— Хлѣбъ ѣшь, коли голоденъ...

— Да что хлѣбъ! „Сушакъ“ (хлѣбъ) у насъ и свой есть! въ своихъ амбарахъ много, вишь! сказалъ онъ, похлопывая по сумѣ старика, который жадно ухватился за нее обѣими руками,—чего испугался, дядя Мизгирь? ужъ полно, нѣтъ ли у тебя тутъ денегъ, въ сумѣ-то? подхватилъ Фуфаевъ.

Онъ остановился, поднялъ брови, выразительно кивнулъ головою на старика и продолжалъ:

— Ты, тетка, можетъ, еще не знаешь... и ты, Евдокимъ, не знаешь... Вѣдь дядя-то этотъ у насъ богачъ! Не смотрите, онъ такимъ общипаннымъ кажетъ: онъ это такъ, для виду... у него деньги-то и-и! только накопилъ, самъ счетъ забылъ... Намъ бы самимъ невдогадъ, подхватилъ Фуфаевъ, видимо забавляясь проклятіями, которыя посылалъ ему старикъ,—сами не вѣдали, гдѣ у него деньги-то спрятаны, да намедни проговорился... во снѣ выдалъ: все про какую-то кубышку бормочетъ... мы давай приставать; что жъ? дознались, вѣдь, сказалъ: у него, слышь, кубышка, съ деньгами-то въ Журавлинской рощѣ зарыта... Не сойти мнѣ съ этого мѣста, коли не такъ!

— И не сойдешь когда такъ! не сойдешь, окаянный! злобно проговорилъ Мизгирь, — ну чего пристали? чего привязался?.. Оставь! добавилъ онъ, огрызаясь, какъ старый беззубый волкъ, настигнутый собаками.

— Диковинное дѣло: кому онъ только деньги-то копитъ? продолжалъ еще усерднѣе приставать Фуфаевъ, для котораго не было лучшаго увеселенія, какъ дразнить старика,— самъ вѣдь въ гробъ глядитъ, а „юсы“ (деньги) копитъ. Умрешь, ничего вѣдь съ собой не возьмешь... И не умираетъ-то онъ, братцы, потому больше, боится: дорого возьмутъ за похороны... Скупые всѣ въ одново; они что̀ „маркӯши“ (овцы): спроси овцу, кому шерсть растѝтъ — рази для себя? другимъ же достанется... Скажи лучше, дядя Мизгирь, право скажи, въ кое мѣсто кубышку зарылъ?.. Ой, скажи!

— Экой шутъ какой! смѣясь, замѣтилъ Филиппъ, — и все-то онъ у васъ такой веселый?

— О чемъ скучать-то? что глазъ-то нѣту? эвна! да ты мнѣ назадъ ихъ отдай — не возьму, право не возьму! зачѣмъ они мнѣ? Глаза человѣку непріятели.

— Ну, нѣтъ, братъ, съ глазами-то все повеселѣе! сказалъ Филиппъ, посмѣиваясь.

— Тебѣ, може статься, такъ; ты, можетъ, богачъ, вотъ какъ нашъ дядя Мизгирь, все одно; живешь, можетъ, въ каменныхъ палатахъ, ходишь по садамъ съ цвѣтами всякими... есть и жена красавица, есть, стало, на что и смотрѣть... А у меня, какъ нѣтъ этого ничего, смотрѣть нѣ на что, такъ и глазъ не надыть... безъ нихъ лучше. Вотъ хоть бы теперь: всѣ вы для меня въ сапогахъ, всѣ въ пестрыхъ рубахахъ... Баба какая подвернется, та и красавица... всѣ въ обновкахъ на глаза мои, словно кажинный день праздникъ...

— Ну, а самъ-то о себѣ ничего, не тужишь? Всѣ въ обновкахъ, а у самого заплаты однѣ, сказалъ Филиппъ.

— Что жъ, что заплаты? Бѣдный—что горбатый: что на спину попало, то и носитъ; намъ это ничего... была бы мошна, чтобъ краюха вошла, былъ бы животъ, чтобъ въ него перешло!

— Что жъ вы?.. Говорили, за дѣломъ пришли; коли за дѣломъ, сказывайте, а не то спать ложись... проворчала Грачиха.

— Стой, тетка, стой, твоя рѣчь впереди! перебилъ Фуфаевъ, — вотъ ты говоришь: спать пора; твоя рѣчь разумная... только слышь: у насъ теперь дѣло пойдетъ, о чемъ, примѣрно, говорили... такъ надо, примѣрно, сперва-наперва винца выпить, умъ подкрѣпить, словеса подобрать такія, примѣрно, къ дѣлу пригодныя... какъ хошь, а безъ винца ужъ этого нельзя никакимъ манеромъ.

— Нѣтъ, не уймешь его! что жерновъ мелетъ безъ устали!.. Вишь его неугомонный какой... проговорили Филиппъ и Верстанъ, первый съ усмѣшкой, второй съ досадой.

— Дай сказать... Чего взаправду лѣзешь?.. дѣло есть! забасилъ Верстанъ.

— Ну, говори! произнесъ Фуфаевъ, наклоняя голову, чтобъ слушать.

— Вотъ... началъ Верстанъ.

— Ну, что: вотъ!.. Вотъ, да и нѣтъ ничего! перебилъ Фуфаевъ.—Тебѣ, братъ, не дождаться... дай я разскажу. Слышь, тетка: былъ у него, у Верстана, мальчикъ—вожакъ по-нашему; былъ да сплылъ; пришелъ срокъ, отецъ

назадъ взялъ... Сталъ онъ теперь одинъ; скучаетъ, сирота какъ есть; такъ вотъ спросить пришелъ, не знаешь ли, гдѣ бы, примѣрно, вожака достать...

— Я бы и денегъ не пожалѣлъ, сказалъ Верстанъ,— есть теперь рублевъ съ десятокъ, всѣ бы отдалъ, кабы потрафилось найти малаго...

— Да на что тебѣ? спросилъ Филиппъ,—глаза худо видятъ, что ли?..

— Экой ты, братецъ! воскликнулъ Фуфаевъ,—видитъ-то онъ лучше быть нельзя! брось полушку на траву—его будетъ, ужъ это безпремѣнно!.. А все безъ вожака все, нельзя никакъ. Ну, кто будетъ его по деревнямъ-то водить?.. вѣдь ужъ такая напасть на него: покажись только околица—сейчасъ ослѣпнетъ! Ей-Богу такъ!.. Вотъ дядя Мизгирь, такъ тотъ еще за версту отъ околицы ничего ужъ не видитъ; сердечный, совсѣмъ слѣпой сдѣлается.

— Эка ягоза, право ягоза! такъ и шипитъ, ягоза проклятая! злобно проворчалъ старикъ.

— Теперь вотъ что, продолжалъ Фуфаевъ,—пришли мы въ деревню—ладно; какъ нѣтъ у Верстана малаго, волей-неволей съ нами идти должонъ, потому слѣпъ, сердечный, самъ идти не можетъ, спотыкается... Вотъ стали мы у двора—ладно; поемъ Лазаря... знамо, наше дѣло такое: горломъ хлѣбъ достаемъ... Ладно; всякъ примѣрно и судитъ: видитъ, трое: „на-те, молъ, вамъ, касатики, ломтикъ, а больше не просите, нѣтути“; ну, и дѣлишь ломоть-то на-трое... А какъ малый-то есть у Верстана, идетъ онъ съ нимъ по одной сторонѣ деревни, я да Мизгирь по другой—этакъ больше наберешь...

Тутъ Верстанъ толкнулъ локтемъ разсказчика, давая ему знать, вѣроятно, чтобъ онъ не слишкомъ давалъ волю языку при постороннемъ.

— Ты всѣхъ, тетка, по округѣ-то знаешь, сказалъ онъ,—нѣтъ ли малаго на примѣтѣ? Право, десять рублевъ есть, не пожалѣю, всѣ отдамъ.

Грачиха отвѣчала, что никого не знаетъ.

— Я знаю! воскликнулъ вдругъ Филиппъ, ожидавшій съ явнымъ нетерпѣніемъ отвѣта старухи.

— Говори, когда такъ! сказалъ Верстанъ.

— Вѣрны ли деньги?

— Вотъ онѣ. Малаго въ руки—и деньги въ руки...

— Слушай, коли такъ, произнесъ Филиппъ, оживляясь вдругъ до послѣдняго суставчика,—вечоръ проходилъ я...

тутъ недалече есть такая деревня, Мàрьинское прозывается, началъ онъ, переглянувшись предварительно съ Грачихой и обративъ потомъ быстрые, сверкающіе глаза къ Верстàну,—остановился обѣдать у мужика... не помню, какъ его звать (мы не здѣшніе, проходимцы, въ Москву идемъ, знать не для чего). Такъ вотъ, видѣлъ я у него парнишку, во всемъ тебѣ съ руки, какой надобенъ... У отца ихъ никакъ цѣлая дюжина... Кабы переговорить съ нимъ, отдалъ бы... потому бѣдность шибко взяла, ѣсть нечего, да и должишками спутался, сказывалъ. Ужъ это вѣрно, что отпуститъ... а паренечекъ такой... тебѣ въ самый разъ... годковъ десятокъ; отпуститъ, говорю—были бы деньги.

— Мы въ этомъ не постоимъ, сказалъ Верстанъ,—вотъ и за того, что былъ у меня, десять рублевъ въ годъ отцу давалъ. Гдѣ эта деревня-то? въ кое сторону?

Филиппъ, лицо котораго все болѣе и болѣе оживлялось, разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ дорогу въ Мàрьинское; онъ сообщилъ, какъ сыскать домъ, гдѣ находился мальчикъ.

— Дѣло немудрое, заключилъ онъ,—седьмая изба съ краю... войдете въ околицу: съ лѣвой стороны. Только вотъ что̀, братъ, какъ станешь, примѣрно, разговоръ вести, не говори, смотри, обо мнѣ, что, дескать, я посылалъ; отъ себя, примѣрно, дѣло веди, какъ словно прежде не зналъ ничего, пришло къ случаю.

— Зачѣмъ говорить!

— То-то; вѣрно говорю, никакого толку не будетъ, подтвердилъ Филиппъ, перекидываясь новымъ взглядомъ съ Грачихой, которая во все это время посматривала на него съ любопытствомъ, но какъ бы не совсѣмъ хорошо понимая, къ чему клонится разговоръ.

— Ну, „масья“! воскликнулъ Фуфаевъ, поворачивая смѣющееся лицо къ хозяйкѣ,—одно дѣло справили, теперь другое... Слышь: дай винца! Вотъ и Верстàнъ скажетъ...

— Что жъ! можно... произнесъ Верстàнъ.

— И я бы ужъ, такъ и быть, выпилъ, сказалъ расходившійся Филиппъ.

— Много у васъ прислужниковъ-то въ кабакъ ходить! Ничаво, и такъ уснете, возразила Грачиха съ меньшею, однакожъ, суровостью, чѣмъ когда отказала въ той же просьбѣ Филиппу.

— Зачѣмъ въ кабакъ? Э, полно! Поищи-ка, тетка; авось у тебя найдется...

Присутствующимъ очень хорошо было извѣстно, что въ подвалѣ знахарки находится запасъ штофовъ, которые достались ей за трудъ, то-есть даромъ, и она радовалась всегда случаю сбывать провизію за деньги; эта продажа достававшихся ей запасовъ составляла одну изъ главныхъ отраслей ея доходовъ. Нельзя было, однакожъ, высказать прямо свою готовность: необходимо было прежде поломаться; основываясь на этомъ, она повернулась къ нимъ спиною и принялась бормотать что-то сквозь зубы.

— Ну, полно же, тетка, полно! пошевеливайся!.. на чистыя вѣдь деньги беремъ... али не вѣришь? смотри...

Фуфаевъ торопливо вынулъ изъ-за пазухи небольшой кошелекъ изъ холстины, болтавшійся на веревкѣ; развязавъ его зубами, онъ высыпалъ на ладонь мѣдные гроши, въ числѣ которыхъ сверкнули серебряныя мелкія монеты, и принялся считать ихъ съ невообразимою быстротою и ловкостью.

— Давай складчину, ребята... по гривеннику съ брата!.. Давай, Верстанъ.

Верстанъ вынулъ изъ-за пазухи такой же точно мѣшочекъ и отсчиталъ нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ. Ощупавъ ихъ и убѣдившись, что счетъ вѣренъ, Фуфаевъ обратился къ старику, который сначала дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, потомъ началъ жалобно увѣрять, что у него всего два гроша, и наконецъ рѣшительно объявилъ, что пить не станетъ. Филиппъ, между тѣмъ, привсталъ съ мѣста, отвелъ старуху въ уголъ и началъ съ нею шептаться.

— Лучше не проси; не дамъ безъ денегъ. Коли они угостятъ—пей... я безъ денегъ не дамъ, сказала она.

— Я жъ тебѣ говорю, вѣдь это все одно, возразилъ Филиппъ, понижая голосъ,—ужъ эти деньги, что брату попадутъ за мальчика, ужъ это мои—все одно; къ тому, примѣрно, все дѣло подвелъ; отдамъ, значитъ. Завтра же вечеромъ схожу... всѣ отдастъ до копейки... не впервой мнѣ, сама вѣдаешь.. ну...

Тутъ голосъ его совсѣмъ понизился. Надо полагать, онъ нашелъ, однакожъ, способъ окончательно убѣдить старуху; черты ея смягчились, и она утвердительно кивнула головою. Тѣмъ не менѣе она украдкою погрозила ему кулакомъ и снова замотала головою, когда Филиппъ, вернувшись къ столу, выразительно мигнулъ ей на деньги,

лежавшія на ладони слѣпого. Пересчитавъ деньги, старуха зажгла лучину и вышла въ сѣни.

Во время всѣхъ этихъ объясненій, никто не обратилъ вниманія на шумъ, раздававшійся въ передней половинѣ избы, гдѣ сидѣли мальчики. Голоса ихъ, прерванные вдругъ жалобнымъ воплемъ, заставили присутствовавшихъ приподнять голову.

— Эй вы, молодцы! али кто кого обидѣлъ? крикнулъ Фуфаевъ.

Жалобный вопль, превратившійся въ рыданіе, остановилъ его.

— Ну ихъ совсѣмъ, сказалъ Филиппъ.

— Пущай обзнакомятся! подхватилъ Верстанъ съ глупымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, погоди, никакъ мой Мишутка хлюпаетъ, вымолвилъ Фуфаевъ, прислушиваясь, — точно онъ!.. Мишка, подь сюда... подь, глупый, не бойся.

Съ этими словами, въ маленькой двери, между печью и перегородкой, показался худенькій мальчикъ, обутый въ исполинскіе лапти; блѣдное, изнуренное лицо его, казавшееся еще худощавѣе, блѣднѣе между длинными прядями черныхъ, давно нестриженныхъ волосъ, искажалось теперь отъ усилій сдержать рыданія; но усилія были напрасны: длинныя рѣсницы, окружавшія его темные глаза, пропускали потоки слезъ; прижимая изо всей мочи маленькій, костлявый кулакъ къ узенькой, впалой груди своей, онъ все-таки силился подавить наружные признаки горя; но горе было видно слишкомъ сильно, и рыданія, прерываемыя кашлемъ, вырывались одно за другимъ.

— Вишь нюни-то распустилъ! сказалъ Филиппъ съ суровымъ презрѣньемъ.

— Эка зюзя! промолвилъ Верстанъ,—такой-то ужъ мокрый: обо всемъ реветъ! Былъ бы ты у меня, я бы тебя проучилъ...

— Вотъ что, Верстанъ, перебилъ Фуфаевъ,—добудешь малаго, вотъ про котораго онъ тебѣ сказывалъ, того и учи; а объ моемъ не сумлѣвайся. Мишка, подь ко мнѣ... о чемъ? спросилъ онъ, ощупывая ладонью лицо ребенка.

— Я... я... началъ, всхлипывая, мальчикъ,—я... я его не трогалъ...

— Стало, онъ?

— Онъ все меня бьетъ... продолжалъ мальчикъ, заливаясь слезами, — я его не трогалъ ничѣмъ... онъ давно

дерется... Я все ничего не сказывалъ... да больно ужъ дерется...

— Что жъ это ты, братъ, не уймешь его? Я уйму, когда такъ! проговорилъ Фуфаевъ, и на лицѣ его въ первый разъ исчезла улыбка.

Филиппъ только разсмѣялся.

— Эхъ ужъ эти курносые! погоди! подвернешься ко мнѣ въ сильныя руки, я те отжучу!.. сказалъ Фуфаевъ, обращая рѣчь къ Степкѣ, скрывавшемуся за перегородкой, и, погладивъ по головѣ Мишку, прибавилъ весело:— полно, Мишутка, придетъ и его чередъ: онъ тебя побилъ, и его побьютъ; наскочитъ!.. Надо, братъ, привыкать: малъ бывалъ, корки ѣдалъ; вырастешь — кашу ѣсть станешь, да еще масляную.

Рѣчь его была прервана появленіемъ старухи, которая несла штофъ.

— Ай да тетка! молодца! Ей-Богу, женюсь на тебѣ! право-слово, женюсь! закричалъ окончательно повеселѣвшій Фуфаевъ.—Давай я разолью! присовокупилъ онъ, быстро протягивая руки и завладѣвая штофомъ.—Ты, Верстанъ, у тебя руки невѣрны, какъ разъ солгутъ, особливо коли себѣ наливать станешь... Тебя, братъ, мы не знаемъ; каковъ твой обычай, не вѣдаемъ, подхватилъ онъ, повертываясь къ Филиппу, — ты, можетъ-статься, другимъ только подливаешь—себя обижаешь... и это неладно... Мизгирь свидѣтель невѣрный: полушкой подкупить можно... Тетка не вѣсть чью руку держитъ... Я разолью! У васъ глаза и мѣра на глазъ, у меня мѣрка настоящая, вѣрная — вотъ! заключилъ онъ, подымая кверху указательный палецъ.

Взявъ стаканъ изъ рукъ старухи, онъ опустилъ въ него палецъ и, наливъ вино по самый край, подалъ его Верстану. Такимъ же порядкомъ налилъ онъ и Филиппу.

— Братцы! сказалъ онъ, принимая стаканъ отъ Филиппа,—у васъ глаза глядятъ, какъ собаки ѣдятъ; поглядика на старика: что какъ онъ, примѣрно, съ виду-то... хочетъ винца? Ну, такъ ужъ и быть! нальемъ ему!.. На, Мизгирь, бери!.. заключилъ Фуфаевъ, подавая ему стаканъ.

Старикъ прикоснулся уже было пальцами къ стакану, но Фуфаевъ этого только, видно, и ждалъ: онъ ловко отнялъ руку, отпилъ вина, приподнялъ стаканъ надъ головою и прокричалъ неистово-восторженнымъ голосомъ:

— Эхъ, запили заплатки, загуляли лоскутки! Веселись, значитъ, нищая братія!..

Послѣ этого онъ залпомъ допилъ вино, стукнулъ стаканомъ по столу, повернулся лицомъ къ старику и, принявъ молодецкую позу, залился во все горло...

VII.

Тѣсныя обстоятельства.

Облачный, багровый закатъ, въ которомъ наканунѣ сѣло солнце, оправдалъ, какъ нельзя лучше, предсказаніе марьинскихъ стариковъ; въ ночь поднялся вѣтеръ, и къ утру небо обложилось изъ края въ край зловѣщими облаками, которыя постепенно суживались и сгущались, приближаясь къ горизонту; дальняя линія горизонта казалась берегомъ бушующаго моря. Заря едва замѣтно пробивалась блѣдно-лиловыми полосами. Обманутый позднею темнотою утра, старый торгашъ поднялся на ноги позже, чѣмъ думалъ. Онъ разбудилъ Тимоѳея, и оба, оставивъ въ ригѣ спавшаго мальчика, направились къ избѣ. На дворѣ они встрѣтили Катерину и ея дочь, съ коромыслами на плечахъ и вальками; подлѣ прыгали три мальчугана съ дудкою въ одной рукѣ, съ коркою въ другой; тутъ же красовался Волчокъ, который дружелюбно моталъ своимъ кренделемъ и время отъ времени подхватывалъ на лету брошенный ему обломокъ хлѣба.

— Ну, прощай, хозяюшка! сказалъ старикъ, подходя ближе.—Можетъ-статься, ужъ не увидимся; сейчасъ запрягать стану. Спасибо за хлѣбъ, за соль...

— И-и, полно, родимый, словно не вѣсть чѣмъ угощали! Я, чай, и легъ-то голодный... одного хлѣбушка поѣлъ!

— Значитъ, слышь, пуще благодарить надо... Въ такой тѣснотѣ живете и не пожалѣли; ужъ это значитъ добрая ваша душа! ласково возразилъ старикъ, нахлобучивая шапку, макушка которой тотчасъ же съѣхала на сторону и приняла направленіе совершенно противоположное тому, куда наклонилась голова, — ну и я, того... не безстыжій какой, подхватилъ онъ,—пришелъ, примѣрно, поѣлъ, взялъ шапку и прочь пошелъ! такъ не приходится... особливо вашу тѣстноту видючи, какъ вы, примѣрно, во всемъ нуждаетесь...

— Это ты о чемъ, родимый?

— Надо, примѣрно, чтобъ вамъ сошлось что-нибудь за хлопоты; а то какъ же? У васъ у самихъ ничего нѣтъ!..

— Что ты, Христосъ съ тобою, дѣдушка! Намъ этого, что ты говоришь, не надо... мы сами денегъ не давали, такъ, значитъ, и съ тебя брать не станемъ; ты объ этомъ не поминай...

— Знаю... что жъ?.. этого не надо, машинально проговорилъ Тимоѳей.

— Какъ же такъ, матушка?

— А такъ же, вѣстимо, какъ у добрыхъ людей водится: охотой пустили тебя, да съ тебя же потомъ деньги брать—что ты!

— Всякому свое добро дорого.

— Коли такъ считаться, то мы у тебя въ долгу, дѣдушка!

— Какимъ манеромъ?

— Какъ есть въ долгу, подтвердилъ Тимоѳей, подымая брови.

— Какъ же такъ? спросилъ старикъ, обращаясь на этотъ разъ къ Лапшѣ.

Но Лапша сильно, казалось, затруднился отвѣтомъ; онъ опустилъ брови и вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Одинъ платокъ, что вотъ ей далъ, стоитъ втрое противъ того, что съѣлъ ты у насъ хлѣба-то! сказала Катерина, указывая на дочь,—да и другихъ моихъ ребятишекъ обдѣлилъ, всякаго чѣмъ-нибудь порадовалъ...

— Ну, какъ знаешь, хозяюшка! вымолвилъ старикъ.— А, слышь, промолвилъ онъ послѣ молчанія,—я, слышь, съ начатія-то, какъ вечоръ пришелъ къ вамъ, шибко въ тебѣ обознался, тетка... ей-Богу, право!.. Теперича вижу только, какой ты есть, примѣрно, человѣкъ... Дай тебѣ Господь всякаго благополучія — и тебѣ, и дѣткамъ твоимъ!..

— Спасибо, кормилецъ; пошли и тебѣ Господь! Опять будешь въ нашихъ мѣстахъ, опять заѣзжай: мы завсегда тебѣ рады... Ну, прости, дѣдушка; намъ пора!..

Сказавъ это, Катерина подняла на плечо коромысло съ тряпьемъ, висѣвшимъ на обоихъ концахъ, дочь ея взяла вальки, и обѣ пошли къ воротамъ, напутствуемыя привѣтствіями дѣдушки Василья. Старикъ, не откладывая минуты, началъ готовиться въ путь. Тимоѳей, покашливая и покрякивая, принялся пособлять ему. Почти въ то

же время въ заднихъ воротахъ показался старшій мальчикъ, оставленный въ ригѣ.

— А, ласковый! воскликнулъ старикъ, между тѣмъ, какъ Волчокъ, окончательно уже развернувъ свой крендель, производилъ неистовые прыжки вокругъ мальчика.— Ну, ласковый, ступай и ты подсоблять!

Вызовъ старика, очевидно, польстилъ ребенку, и, обрадованный случаю показать свою силу, онъ такъ дѣятельно принялся за дѣло, что оказался даже полезнѣе отца.

— Ты, дѣдушка, лошадку-то напоилъ? спросилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Нѣтъ еще, касатикъ; у васъ колодезь-то недалеко отъ дому: напою, какъ выѣду. Что это у тебя, Тимоѳей, паренёкъ-то знатный какой! промолвилъ старикъ, добродушно посмѣиваясь и поглядывая на мальчика, суетившагося подлѣ лошади, — вишь бравый какой! намъ безъ него что бы тутъ дѣлать? какъ есть провозились бы до обѣда... молодецъ! право молодецъ!

Мальчикъ тряхнулъ волосами и съ самой озабоченной, серьезной миной побѣжалъ отворять ворота.

— Ну, а вы-то, молодцы, чего зѣваете? заговорилъ старикъ, поворачиваясь къ остальнымъ тремъ мальчуганамъ, смотрѣвшимъ во всѣ глаза на эти приготовленія,— садись на возъ! надо и вамъ подсоблять; безъ васъ дѣло не сладится! Садись, говорю, садись; полно зѣвать! заключилъ онъ, подсаживая кого на облучокъ, кого попросту сажая на кожу.

Тутъ между братьями началось было маленькое несогласіе: каждый хотѣлъ завладѣть вожжами и править лошадью; старикъ поспѣшилъ примирить ихъ: плотно обмотавъ вожжи вокругъ облучка, онъ отдалъ концы двумъ мальчикамъ, а третьему поручилъ кнутъ; всѣ остались очень довольны.

— Дѣдушка, дай мнѣ, дай я проведу! закричалъ старшій мальчикъ, видя, что старикъ бралъ лошадь подъ уздцы,—дай, дѣдушка!

— Возьми, ласковый, возьми. Смотри только, въ воротахъ не зацѣпи...

— Нѣтъ, дѣдушка, не бойся, не зацѣплю! подхватилъ мальчикъ, отгоняя рукою Волчка, который подпрыгивалъ къ самому лицу его, — ужъ я, дѣдушка, знаю, проведу, небось; мнѣ не впервинку!..

Онъ подобралъ уздечку въ лѣвую руку, принялъ оза-

боченный видъ и, размахивая правою рукою, повелъ лошадь, преслѣдуемый лаемъ Волчка и возгласами братьевъ, которые разразились крикомъ и затрубили въ дудки, какъ только возъ показался на улицѣ. При этомъ Тимоѳей, шедшій подлѣ, торопливо принялся дергать и тыкать пальцемъ ребятишекъ.

— Полно вамъ... цыцъ! д... дряни этакія... Ну что кричите-то?.. перестань!.. заговорилъ онъ, понижая голосъ и бросая въ то же время робкіе, боязливые взгляды во всѣ стороны улицы, гдѣ только находился народъ...

Но Тимоѳей напрасно опасался. Хотя точно народа на улицѣ было довольно, но никто о немъ не думалъ; всеобщая забота состояла въ томъ, чтобъ скорѣе припрячь лошадь въ соху и борону и отправиться въ поле. Тучи, замѣтно сгущавшіяся и затемнявшія небо, сырость, приносимая порывами вѣтра, ласточки, летавшія такъ низко, что задѣвали почти землю — все предвѣщало скорый дождикъ. Пахота недавно началась, и каждый спѣшилъ, слѣдовательно, кончить работу до ненастья; и безъ дождя поля не успѣли еще просохнуть; земля еще „мазалась“, какъ говорится. Приближеніе дождя побуждало къ дѣятельности почти всѣхъ безъ исключенія; мальчишки заранѣе засучивали штанишки выше колѣнъ и прыгали по травѣ, въ ожиданіи удовольствія прыгать въ лужахъ; бабы раскидывали холсты, предназначавшіеся для бѣленья; предусмотрительныя хозяйки спѣшили запасаться водою, которая могла замутиться послѣ дождя; другія шли съ тряпьёмъ и коромыслами къ пруду, сверкавшему вправо отъ деревни, между послѣдними избами и угломъ стараго барскаго сада; звонкая стукотня вальковъ возвѣщала, что бабы, въ числѣ которыхъ находилась Катерина и ея дочь, усердствовали, не разгибая спины.

Появленіе Тимоѳея, сопровождавшееся скрипомъ воза, лаемъ Волчка, возгласами ребятишекъ и пискотнею дудокъ, едва удостоилось нѣсколькихъ взглядовъ. Но Тимоѳею довольно уже было того, что онъ вынужденъ былъ показаться на улицѣ; мысль, что вчера всѣ узнали о существованіи Филиппа, что Филиппъ послалъ ему поклонъ, что всѣ, имѣвшіе причины жаловаться на брата, снова припомнили теперь нанесенное имъ когда-то зло, и снова начнутъ приставать къ нему и вымещать на немъ свое неудовольствіе—мысль эта, не покидавшая бѣднаго Ланшу со вчерашняго вечера, приводила его въ крайнее замѣ-

шательство. Во все время, какъ старикъ поилъ у колодца лошадь, онъ не посмѣлъ поднять головы, не посмѣлъ кашлянуть, самыя брови его оставались недвижны; какъ видно, онъ не старался даже ободрять себя. Когда старшій его мальчикъ снова взялъ лошадь подъ-уздцы и повернулъ на дорогу возъ съ ребятишками, Тимоѳей поспѣшилъ стать между торгашомъ и возомъ; но сколько онъ ни корчился, сколько ни уничтожался, голова его все-таки приходилась выше воза и выше головы торгаша. До сихъ поръ все шло, однакожъ, благополучно: никто не окликнулъ его; каждый, встрѣчаясь съ торгашомъ, который приподнималъ шапку, отвѣчалъ тѣмъ же и молча принимался за работу. Тѣмъ не менѣе, глаза Тимоѳея щурились и лицо его принимало разслабленное, жалкое выраженіе каждый разъ, когда лаялъ Волчокъ, или когда который-нибудь изъ ребятъ, сидѣвшихъ на возу, дулъ въ дудку, или же когда старшій сынъ, въ припадкѣ усердія и дѣтской гордости, кричалъ уличнымъ ребятамъ, чтобъ они давали дорогу. Одинъ только обычай, требующій, чтобъ хозяинъ провожалъ своего гостя до околицы, или, по крайней мѣрѣ, до средины улицы, могъ вынудить Лапшу подвергнуть себя такой пыткѣ.

Дядя Василій, между тѣмъ, разсѣянно глазѣлъ направо и налѣво, похваливалъ строеніе, лошадей, встрѣчавшихся по дорогѣ, и не переставалъ подымать тяжеловѣсную свою шапку.

— Тимоѳей! а Тимоѳей! глянь-касъ, братъ, сказалъ онъ, толкая локтемъ сосѣда, — посмотри, кто это?.. не управитель ли вашъ ѣдетъ? присовокупилъ онъ, кивая головою на всадника въ дубленомъ полушубкѣ, который неожиданно повернулъ изъ-за угла крайней избы и показался у околицы.

Тимоѳей бросилъ робкій взглядъ въ ту сторону и тотчасъ же опустилъ голову.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, двигая бровями и пожимая губами при каждомъ словѣ, — это изъ дворовыхъ... вечоръ въ городъ посылали... на почту: стало оттедова...

Всадникъ припустилъ рысью и проѣхалъ мимо; но почти въ ту же минуту подлѣ старика и Лапши послышался стукъ копытъ, и въ ушахъ того и другого прозвучалъ знакомый голосъ:

— Здорово, дядя!.. Лапша, куда ты?.. ай гостя прово-

жать вышелъ?.. А я... я въ полѣ... Надыть попахаться до дождичка...

То былъ рябой мужичокъ, отличавшійся наканунѣ безпокойнымъ любопытствомъ и суетою; онъ сидѣлъ верхомъ на лошади и такъ немилосердно болталъ босыми ногами, что каждый разъ, какъ пятка его прикасалась къ ребрамъ клячи, слышался глухой звукъ, и кляча фыркала и вздергивала голову; позади, дребезжа, подпрыгивая и подымая клубъ пыли, тащилась соха, обращенная сошникомъ кверху.

Старикъ поздоровался.

— Слышь, эй, Лапша! а вѣдь Филиппъ-то живъ! воскликнулъ неожиданно рябой мужичокъ.

Тимоѳей страшно замигалъ глазами и покосился на стороны, желая узнать, не было ли кого-нибудь по близости, кто бы могъ слышать неумѣстное восклицаніе; но онъ успокоился, увидѣвъ, что они приближались уже къ околицѣ.

— То-то, я чай, подивился ты, какъ узналъ о немъ! началъ снова рябой мужикъ,—мы всѣ думали, его давно ужъ и въ живыхъ нѣту... одинъ вѣдь только Шантелей кузнецъ... Эй, дядя! дядя! подхватилъ онъ вдругъ, принимаясь неистово болтать ногами и махать руками,—эй, пррр... мотри, за околицу зацѣпишь... Эй, Петрушка, держи лѣвѣй... ворочай налѣво лошадь-то... дергай ее лѣвѣй... такъ!

Онъ осадилъ назадъ и далъ имъ проѣхать околицу, послѣ чего выровнялся съ возомъ, который остановился.

— Ты, дядя, куда?

— Въ Чѣрнево; сказывали, есть такая деревня отъ васъ недалеко.

— Тебѣ, стало, надо прямо ѣхать въ гору. Тамъ перекрестокъ, часовню увидишь... ступай все прямо, а тамъ забирай все влѣво... а мнѣ сюда! довершилъ онъ, кивая головою направо,—прощай, дядя!

— Прощай, братъ!.. сказалъ старикъ, провожая глазами рябого мужика, который пустилъ рысью, разставивъ ноги, какъ птичьи крылья.—Ну, братъ, Тимоѳей, пора и намъ проститься! заключилъ дядя Василій, обратившись къ Лапшѣ, стоявшему съ опущенною головою и руками.

— Прости, касатикъ... вымолвилъ Тимоѳей со вздохомъ.

— Ты, я вижу, все объ томъ же... о чемъ вечоръ сокрушался, объ этомъ и нонче! сказалъ старикъ, — полно,

братъ, не хорошо! Ну, право же, не годится такъ-то... плюнь-ка ты, право, на пустыя ихнія словеса... этимъ нѣчего обижаться, а особливо, коли вины твоей нѣтъ никакой. Главная причина себя призирать надо да трудиться, вотъ что! А тамъ Богъ милостивъ! Обтерпись, говорю... право, обтерпись!

— Нѣтъ, ужъ силушки моей нѣтути, дядя. Терпѣли, терпѣли и конца этому не видимъ, возразилъ Тимоѳей, уныло поглядывая на деревню.

— Ему говори, а онъ все свое! произнесъ старикъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.—Эхъ, Тимоѳей, Тимоѳей! не видалъ, значитъ, ты настоящаго-то горя. Въ такой ли тяготѣ люди живутъ, да вѣдь терпятъ же! Значитъ, баловство одно, право такъ. По душѣ говорю; потому вижу, какой ты есь человѣкъ примѣрно, добрый и все такое... Ты бы хошь на жену на свою поглядѣлъ: что ты, что она — все единственно, горе-то у васъ одно, а все держится бодрѣе тебя, ей-Богу, бодрѣе, а еще баба! Человѣку дана, примѣрно, сила такая — да; надо собою владать, а не то, чтобы такъ, отъ всякой бездѣлицы опускаться... Ну, что хорошаго?.. По душѣ говорю, потому, какъ я, примѣрно, человѣкъ старый, преклонный, видалъ много на вѣку. Такъ не слѣдъ; право, не годится!.. Ну, прощай, братъ; авось, Господь приведетъ, свидимся, поправишься ты во всѣхъ дѣлахъ своихъ... а мнѣ пора... Слѣзай, ребятишки! Надыть до дождя поспѣть въ Чернево... вишь какъ заволокло!

И точно, небо часъ отъ часу все сильнѣе нахмуривалось; утро давно уже началось, но окрестность и самая деревня окутывались какимъ-то полусумрачнымъ, синеватымъ свѣтомъ, напоминавшимъ осеннія сумерки. Не будь вѣтра, который разгонялъ облака, дождь, вѣроятно, давно бы полилъ ливмя.

— Ну, прощай, ласковый! сказалъ старикъ, обращаясь къ старшему мальчику, который особенно полюбился ему. Онъ обращался къ нему съ тою ласкою и привѣтливостью, съ какими обращался къ его матери, особенно послѣ того, какъ съ нею ознакомился. — Прощай, паренёкъ! Опять пріѣду, опять привезу гостинецъ... Ну, и Костюшкѣ привезу... и всѣмъ! заключилъ старикъ, вторично наклоняясь къ старшему, чтобъ погладить его по головѣ, и давая этимъ движеніемъ шапкѣ своей случай съѣхать на самый затылокъ.

Распрощавшись вторично съ Тимоѳеемъ, старикъ взмостился на облучокъ, тронулъ вожжами и началъ подниматься въ гору. Время отъ времени онъ оборачивался къ околицѣ, и всякій разъ движеніе это сопровождалось возгласами мальчиковъ, которые слѣдили за нимъ глазами. Что жъ касается до Лапши, онъ сохранялъ то же самое положеніе, съ какимъ выслушивалъ наставленіе старика; свѣсивъ руки, опустивъ голову, онъ не трогался съ мѣста и смотрѣлъ на землю съ выраженіемъ человѣка, котораго ни за что, ни про что обидѣли.

И въ самомъ дѣлѣ, не грѣхъ ли было дядѣ Василью намекать ему о трудѣ, о необходимости подкрѣплять себя духомъ? Не грѣшно ли было совѣтовать взяться за дѣло и пренебречь пустыми толками, тогда какъ Лапша ждалъ только заступничества и оправданія въ настоящемъ своемъ положеніи?.. Но, съ другой стороны, какъ могъ знать дядя Василій, что лучшими радостями Лапши было то, когда о немъ громко жалѣли или начинали съ нимъ заодно вздыхать и охать?.. Оправдать разстройство его безпутнымъ поведеніемъ брата, мірскими гоненіями, людскою злобой и несправедливостью—значило навѣрное осчастливить Лапшу на нѣсколько дней; онъ ходилъ тогда съ высоко-приподнятыми бровями, выказывалъ даже меньше покорности и снисхожденія въ обращеніи съ женою и всѣхъ винилъ и бранилъ, выставляя собственную правоту свою. Онъ, очевидно, обманулся въ старикѣ. Мысли его устремлялись также къ предстоящему возвращенію на улицу. Съ нѣкоторыхъ поръ, щурившіеся глаза его чаще обращались къ деревнѣ и переходили отъ одной группы мужиковъ къ другой; изба Тимоѳея приходилась почти посрединѣ правой стороны улицы; не было никакой возможности обогнуть задами: вправо отъ околицы шли огороды, примыкавшіе къ оврагу; слѣва шла полевая дорога, куда выходили гумна крайнихъ къ околицѣ избъ; за ними тянулся скотный дворъ, службы, а потомъ садъ, непосредственно примыкавшій къ пруду.

— Батя, пойдемъ! дѣдушка уѣхалъ; вонъ ужъ и не видать совсѣмъ, сказалъ Петя, когда, наконецъ, макушка шапки на головѣ дяди Василья болтнулась еще разъ надъ горизонтомъ и скрылась.

Тимоѳей повернулся къ деревнѣ и, боязливо посматривая впередъ, направился къ околицѣ, куда успѣли уже вбѣжать ребятишки. Отецъ крикнулъ-было, чтобъ они шли

за нимъ, но, какъ нарочно, въ эту самую минуту пучеглазый Костюшка приставилъ дудку къ губамъ; братья мгновенно послѣдовали его примѣру, и всѣ трое огласили улицу звонкою трелью. Вторичное появленіе Лапши совершилось такимъ образомъ еще торжественнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Онъ началъ браниться и звать ребятъ, но сдѣлалъ еще хуже: услышавъ его голосъ, ребятишки побѣжали къ нему навстрѣчу и задудили еще звонче.

— Прочь пошли, окаянные! крикнулъ онъ, отгоняя ихъ, кромѣ Петрушки, впрочемъ, который смирно шелъ подлѣ.— Прочь пошли!.. Вотъ я васъ! Домой, пострѣлы! заключилъ онъ, бросая вокругъ себя растерянные взгляды.

На этотъ разъ было точно чего опасаться: пронзительные звуки дудокъ заставили приподнять голову плѣшиваго старика, изъѣденнаго оспой и покрытаго веснушками; до того времени, онъ смиренно стоялъ спиною къ улицѣ и чинилъ сбрую. Пробираясь къ избѣ, Лапша издали еще съ особенною неловкостью косилъ на него глазами.

— Лапша, подь-ка, братъ, сюда! прохрипѣлъ старикъ, прикладывая ладонь ко лбу.

Смущеніе Тимоѳея смѣнилось истиннымъ страхомъ, когда, поднявъ глаза, увидѣлъ онъ кузнеца Пантелея, который приближался въ ихъ сторону. Въ минуты, подобныя той, какую испытывалъ Лапша, когда нѣтъ ужъ возможности пуститься въ бѣгство, люди, смотря по характеру своему, поступаютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: они или стряхиваютъ съ себя робость и идутъ смѣло, напроломъ, или принимаютъ видъ крайней озабоченности, или же, наконецъ, стараются придать своей физіономіи, по возможности, жалкій видъ, съ цѣлью возбудить состраданіе противника и смягчить его сердце. Тимоѳей прибѣгнулъ къ послѣднему способу и, вѣроятно, самому неудачному: рябое лицо плѣшиваго старика хотя и не было злобно, но изобразило скорѣе досаду, чѣмъ умиленіе.

— Тимоѳей, что жъ ты? Вѣдь ужъ Святая прошла: долго ли намъ ждать-то, а? сказалъ онъ, пристально устремляя зрачки на Лапшу, который топтался, какъ гусь, и робко поглядывалъ то на собесѣдника, то на приближавшагося къ нему кузнеца.—Да ты полно, братъ, кашлять-то; только заминаешь... Говори, когда деньги отдашь?

— Не справились... обожди, Карпъ Иванычъ, проговорилъ Тимоѳей, раскисляясь.

— Какъ же не справились? Вѣдь ты клялся, божился, говорилъ, на Святой отдашь...

— Не справились, Карпъ Ивапычъ! могъ только произпести Лапша.

— Такъ что жъ это ты, безстыжая твоя голова, долго ль станешь такъ-то водить? промолвилъ старикъ.—Такъ развѣ дѣлаютъ, а?.. Была надобность — пришелъ, говорилъ, черезъ недѣлю отдамъ, а теперь каждый разъ только и слышишь: не справился!.. Вотъ, братецъ ты мой, Пантелей, вотъ суди ты: люди-то какіе! подхватилъ онъ, обращаясь къ подошедшему кузнецу,—два года назадъ, денегъ забралъ, а теперь отнѣкивается...

— Я рази отнѣкиваюсь? сказалъ Тимоѳей, забывшій, повидимому, совершенно о своемъ мальчикѣ, который внимательно, между тѣмъ, прислушивался къ каждому слову и переносилъ любопытные, живые глаза отъ Карпа къ отцу, отъ отца къ кузнецу.

— Все одно, не отдаешь, на то же выходитъ!

— Они и все такъ-то! перебилъ кузнецъ, сурово нахмуривая брови. — Какъ братъ его мошенничалъ, такъ и этотъ, все единственно... такой ужъ родъ ихній! Къ тому же, видно, и щенка своего пріучаетъ...

— Анъ нѣтъ, не щенокъ! возразилъ мальчикъ, наклоняя на бокъ голову.

Лапша хотѣлъ что-то сказать, но Пантелей не далъ ему произнести слова:

— Что съ нимъ разговаривать, дядя Карпъ! сказалъ онъ, презрительно кивая головою. — Вотъ теперича я съ барскаго двора; сказывали, господа ѣдутъ; обожди, пока пріѣдутъ, сходи-ка, пожалуйся... одинъ конецъ, а то что съ нимъ разговаривать...

Вѣсть о пріѣздѣ господъ нѣсколько отвлекла старика отъ Тимоѳея, и онъ спросилъ:

— Вѣрно ли ѣдутъ?

— Точно; сейчасъ Алексѣй съ почты вернулся: письмо, сказываютъ, прислали... А то разговаривать еще сталъ! подхватилъ кузнецъ, взглядывая съ ненавистливымъ презрѣніемъ на Лапшу.—Стоитъ ли онъ, чтобъ съ нимъ еще разговаривать? Разскажи обо всемъ господамъ: они сократятъ ихъ. Да у него, Карпъ Ивапычъ, ты не вѣрь ему, у него и деньги есть! продолжалъ Пантелей,—онъ нищенкой только прикидывается, глаза отводитъ... Они заодно вѣдь съ братомъ воровали... и теперь промежъ себя знаются...

— Пантелей! Богу ты отвѣчать станешь! воскликнулъ Лапша.—Али я тебѣ какое зло сдѣлалъ? али супротивное слово сказалъ? Братъ лошадей увелъ у тебя—точно, опять я этому не причинепъ...

— Толкуй, разсказывай сивой кобылѣ, она развѣ повѣритъ? съ грубымъ смѣхомъ возразилъ кузнецъ. — Вишь какимъ смирнячкомъ прикидывается — поди ты!.. Знамо, вы заодно съ братомъ дѣйствуете, злобно подхватилъ онъ.—Вечоръ еще поклонъ послалъ—такъ какъ же, коли не заодно?.. Постойте, дайте пріѣхать господамъ: обо всемъ имъ скажутъ, обо всѣхъ дѣлахъ вашихъ; все на виду окажется, васъ разберутъ тогда, кто къ чему принадлежитъ. Може-статься, и того еще потащутъ, кто поклонъ-то возилъ; далеко не уѣдетъ... изъ вашей же, можетъ, шайки, такой же мошенникъ этотъ старикъ-отъ!..

— Анъ нѣтъ, не мошенникъ! не мошенникъ! подхватилъ мальчикъ, выставляя впередъ кудрявую свою голову.

— Ты что, щенокъ?

— Анъ нѣтъ, не щенокъ! Сами ребята твои щенки... а дядя Василій не мошенникъ! сказалъ мальчикъ.

— Молчи! пришибу!

— Не смѣешь! сказалъ мальчикъ съ такимъ смѣлымъ видомъ, какого отецъ во всю жизнь не посмѣлъ выказать.

Пантелей сдѣлалъ шагъ впередъ; мальчикъ прижался плечомъ къ отцу, но принялъ оборонительную позу; личико его разгорѣлось, брови выгнулись, глаза сверкали; въ эту минуту мягкія черты лица его, дѣлавшія его нѣсколько похожимъ на Тимоѳея, какъ бы исчезли и смѣнились одушевленными, энергическими чертами матери. Пантелея, конечно, не остановили бы ни смѣлость мальчика, ни робкое заступничество Лапши, если бъ не удержалъ его заблаговременно Карпъ Ивановичъ. Во все время предыдущаго разговора Карпъ гладилъ свою лысину и о чемъ-то раздумывалъ.

— Полно, Пантелей, не замай! сказалъ онъ, приближаясь къ Лапшѣ,—такъ какъ же, Тимоѳей? а? надо рѣшить чѣмъ-нибудь... Есть деньги—отдай лучше до грѣха: право, отдай. Нѣтъ—я господамъ стану жаловаться. Коли до завтра не принесешь шесть съ гривной—сколько взялъ, ей-Богу, не сойти съ этого мѣста, къ господамъ пойду. Это послѣднее мое слово; стало, и дѣлу всему конецъ! заключилъ Карпъ, поворачиваясь къ Пантелею, глядѣвшему торжествующими глазами на сокрушеннаго Лапшу.

Тимоѳей, котораго давно уже тащилъ мальчикъ, медленно повернулся къ нимъ спиною и, тяжко покашливая, поплелся къ избѣ своей. Но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ снова услышалъ свое имя:

— Лапша!

Голосъ выходилъ на этотъ разъ изъ-подъ воротъ, расположенныхъ на одной линіи съ воротами Тимоѳея.

— Лапша! повторилъ голосъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ воротъ выставилась долговязая фигура желтоватаго Морея, принимавшаго вчера участіе въ бесѣдѣ съ торгашомъ.

— Что жъ ты мнѣ крупу-то когда отдашь? началъ Морей довольно снисходительно, и вдругъ, совершенно нежданно, какъ будто съ этою мыслью о крупѣ ему попали въ грудь раскаленные уголья, онъ замахалъ длинными руками, затопалъ ногами и разразился крупной бранью.

Тимоѳей стоялъ понуря голову и слушалъ; жалкое, болѣзненное лицо его сохраняло выраженіе, какъ будто къ нему въ ухо нечаянно залетѣлъ комаръ и онъ внимательно прислушивался къ его жужжанью.

— Да, взялъ, такъ отдавай! А то что жъ хорошаго: взялъ — не отдаешь! Ничего хорошаго нѣтъ. Мы сами крупой-то скучаемъ, самимъ надобно, подхватилъ Морей, переходя такъ же неожиданно на снисходительный тонъ.

— Пойдемъ, батя, пойдемъ! сказалъ мальчикъ, цѣпляясь за рукавъ отца и притягивая его къ дому.

— Пойдемъ? Нѣтъ, стой, погоди! скажи прежде, когда крупу отдашь? Стой! когда крупу? воскликнулъ Морей и снова, какъ помѣшанный, замахалъ кулаками, затопалъ ногами и такъ сильно затрясъ головой, что желтые его волосы совершенно закрыли ему лицо.

Этимъ бы, безъ сомнѣнія, не кончилось объясненіе, если бъ Морей не былъ вдругъ развлеченъ суматохою, поднявшеюся на противоположномъ концѣ улицы. Причиной суматохи былъ, казалось, староста, который говорилъ о чемъ-то съ одушевленіемъ. Гнѣвъ Морея какъ рукой сняло; онъ выпрямился, откинулъ волосы, устремилъ глаза въ ту сторону, гдѣ былъ староста, и забылъ повидимому о должникѣ. Тимоѳей воспользовался случаемъ и торопливо заковылялъ къ дому. Почти противъ воротъ своихъ онъ встрѣтился со старостой.

— Ступай, шевелись, метлу бери — на барскій дворъ... бабъ гони со скребками... ребятъ посылай... дорожки въ саду прочищать... дворъ мести! произнесъ староста, спѣшно

бросая слова направо и налѣво,—гони, посылай, скорѣй... Господа послѣзавтра ѣдутъ. Скорѣй всѣ на красный дворъ—живо! пошевеливайся!

Но скорость и быстрота движеній не даны были, какъ уже извѣстно, въ удѣлъ Лапшѣ. Пока доплелся онъ до воротъ, староста успѣлъ уже достигнуть конца деревни, бросая попрежнему направо и налѣво:

— Метлу бери... гони ребятъ... бабъ высылай... скреби... на красный дворъ... господа ѣдутъ...

Спустя, однакожъ, минутъ десять, на улицѣ снова показался Тимоѳей, и появленіе его совершилось чуть ли еще не торжественнѣе, чѣмъ въ первые два раза: впереди скакалъ пучеглазый Костюшка съ дудкою въ зубахъ; за нимъ бѣжали два маленькіе брата; за ними бодро выступали Катерина, ея дочь и Петя со скребками на плечахъ. Позади всѣхъ, припадая съ ноги на ногу и покашливая, тащился Лапша, влача за собою тоненькую, жиденькую метлу, на которой, казалось, меньше еще было прутьевъ, чѣмъ волосъ на плѣшивой головѣ Карпа Ивановича.

VIII.

Барскій домъ. Управитель. Пѣснь Лазаря.

Старинный барскій садъ не примыкалъ къ деревнѣ, какъ это казалось издали; между нимъ и послѣдними избами лѣвой стороны находилось порядочное пространство, но его скрадывала перспектива. Мѣсто было такъ велико, что даже вмѣщало въ себѣ многочисленныя постройки. Сначала тянулся валъ, обсаженный крестъ-накрестъ ветлами; потомъ шло длинное зданіе скотнаго двора, которое можно было принять за худо оштукатуренную и еще хуже выбѣленную стѣну, если бъ не попадались мѣстами узенькія полукруглыя окна, съ выбитыми, впрочемъ, стеклами. Потомъ должно было пройти мимо небольшого участка земли, отданнаго дворовымъ людямъ. Тутъ, на пространствѣ десяти саженъ, возникала маленькая, но чудовищно-безобразная колонія, состоящая изъ кривыхъ, слѣпыхъ и косыхъ клѣтушекъ, сдѣланныхъ изъ теса, драни, плетня, рогожи, которыя лѣзли другъ на дружку, цѣплялись крышками и углами... Въ общей сложности, все это представлялось фантастическимъ ла-

биринтомъ, въ которомъ ноги вязли въ грязи, голова стукалась о выступающіе углы или путалась въ развѣшанномъ на шестахъ тряпьѣ; дыханіе стѣснялось отъ духоты, носъ чихалъ, а слухъ наполнялся квактаньемъ куриць, блеяньемъ овецъ и телокъ. Клѣтушки прерывались кирпичнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора и гдѣ жилъ управитель; здѣсь уже начиналась ограда изъ каменныхъ столбовъ; приближаясь къ саду, она превращалась постепенно въ частоколъ, потомъ въ плетень, который огибалъ всю часть сада, виднѣвшуюся изъ деревни.

Попасть на барскій, или красный дворъ, какъ преимущественно называли его крестьяне, можно было не иначе, какъ черезъ большія ворота, расположенныя по срединѣ ограды, между флигелемъ и садомъ. Два каменные столба съ карнизами и выступами, частью обвалившимися, обозначали въѣздъ: на верхушкѣ одного изъ нихъ виднѣлся еще остовъ исполинскаго желѣзнаго фонаря; макушка другого украшалась только желѣзнымъ шпилемъ и пучками бѣлесоватой травы, изъ которой дѣлаютъ метелки для чищенья платья. Зданія, окружающія дворъ, носили также признаки запустѣнія; нѣкоторыя были каменныя и даже съ колоннами; но крыши были большею частью соломенныя. Это послѣднее обстоятельство всегда сильно сокрушало управителя, добродушнѣйшаго и добрѣйшаго старика. Въ письмахъ своихъ къ барину онъ всякій разъ упоминалъ о необходимости употребить сумму на ремонтъ, но всякій разъ получалъ только изъявленіе благодарности за усердіе, и вслѣдъ затѣмъ требованіе о наивозможно скорѣйшей высылкѣ денегъ. Ремонтъ откладывался съ году на годъ.

Самая тѣнистая часть сада занимала, вмѣстѣ съ барскимъ домомъ, всю правую сторону двора. Домъ поражалъ своею огромностью; онъ былъ деревянный, въ три этажа съ длинными флигелями по бокамъ, соединявшимися съ главнымъ корпусомъ крытыми галлереями, которыя подпирались колоннами. Внутренній видъ комнатъ невольно заставлялъ думать, какъ, откуда, какимъ способомъ дѣды и прадѣды старыхъ фамилій доставали столько денегъ, и какъ все, что ни строили они, превосходитъ размѣрами, прочностью и даже изяществомъ все, что теперь строится въ томъ же родѣ... Марьинскій домъ построенъ былъ дѣдомъ настоящаго владѣльца, и построенъ съ тѣмъ только, чтобы проживать въ немъ два-три лѣт-

ніе мѣсяца; а между тѣмъ вы бы нашли тутъ массивную дубовую лѣстницу съ вычурными точеными балясами, которая одна могла стоить иного современнаго помѣщичьяго дома; нашли бы дорогіе обои, съ изображеніемъ миѳологическихъ богинь, гирляндъ и храмовъ, огромныя изразцовыя печи, покрытыя голубыми разводами и украшенныя колонками, галлереями, впадинами и переходами. Комнаты оставались почти тѣми же, какими были въ то время, когда ихъ отдѣлали: вдоль стѣнъ возвышались полновѣсные золоченые стулья съ овальными спинками, обтянутыми штофомъ; въ углахъ стояли брюхастые комоды, выложенные бронзой, костью и цвѣтнымъ деревомъ; рѣзное дерево почти всюду замѣняло дешевую лѣпную работу; въ гостиной, устроенной въ родѣ ротонды, окруженной низкими диванами и украшенной высокимъ каминомъ, до сихъ поръ еще висѣла люстра съ плоскими гранеными стеклышками, съ большимъ хрустальнымъ шаромъ внизу и голубымъ фарфоровымъ столбикомъ посрединѣ. Зала, оштукатуренная подъ розовый мраморъ, съ голубыми колоннами и хорами, проходила черезъ весь домъ и занимала его средину; одна дверь отворялась на парадную лѣстницу, другая въ садъ. Съ этой стороны шли вправо и влѣво маленькія комнаты; тутъ находились: диванная, образная, боскетная. Густая зелень липъ и акацій, заслонившая теперь окна сверху до низу, сообщала всей этой половинѣ мрачный полусвѣтъ; иконы, которыми увѣшаны были стѣны образной, едва-едва выступали изъ мрака; кой-гдѣ развѣ, случайно продравшись между листьями, тонкій лучъ свѣта задѣвалъ ризу или дробился въ серебряныхъ желобкахъ богато чеканеннаго оклада. Сквозь маленькія четыреугольныя стекла дубоваго шкапа съ трудомъ можно было различать остатки богатаго сервиза, чашки съ медальонами, блюда, исполинскіе кубки богемскаго стекла съ вензелями и крышками. Кое-гдѣ на стѣнахъ попадались картины, писанныя красками и пастелью; послѣднія имѣли большею частью овальную форму, но всѣ безъ исключенія изображали прадѣдовъ въ бородахъ и безъ бородъ, въ панцыряхъ и шитыхъ кафтанахъ, или бабушекъ въ шубейкахъ и бисерныхъ глазетовыхъ кокошникахъ, въ фижмахъ, или опутанныхъ кисеею, съ полумѣсяцемъ надъ головою и колчаномъ за плечами. Всѣмъ этимъ предметамъ, покрытымъ пылью и паутиной, стоявшимъ, висѣвшимъ и лежавшимъ лѣтъ семьдесятъ безъ

употребленія, суждено было, наконецъ, увидѣть свѣтъ Божій. Это случилось въ то самое утро, когда Лапша, провожая за околицу дѣдушку Василья, встрѣтилъ посланнаго изъ города.

Въ настоящую минуту окна и двери во всемъ домѣ были настежь отворены. По всѣмъ комнатамъ бродили бабы съ тряпьемъ и ушатами; дворовыя женщины и мужчины бѣгали взапуски съ мочалками и длинными, круглыми щетками, весьма похожими на головы, у которыхъ волосы стали вдругъ дыбомъ. Въ верхнихъ этажахъ слышались говоръ и топотъ; на внутреннихъ лѣстницахъ раздавались торопливые шаги, потрясавшіе ступени. Къ этому примѣшивался шумъ нѣсколькихъ десятковъ метелъ и скребковъ, скоблившихъ давно-заросшія садовыя дорожки. На дворѣ происходила такая же точно суета, если еще не больше.

Съ лицевой стороны дома, почти въ каждомъ окнѣ нижняго этажа, сидя или стоя на подоконникѣ, торчала баба, вооруженная чашкой и мочалкой; человѣкъ въ жилетѣ, надѣтомъ сверхъ ситцевой рубашки, стоялъ на высокой лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, и, макая длинную кисть въ ведро, висѣвшее на веревкѣ, спѣшно замазывалъ тѣ части, гдѣ проглядывалъ кирпичъ; на противоположномъ концѣ два мужика страшно стучали молоткомъ, приколачивая ставень. По всѣмъ направленіямъ краснаго двора бродили растрепаннымъ строемъ бабы, мужики и ребята съ граблями, лопатами и метлами; телѣга, наполненная соромъ и щепками, показывала, что она не уступала въ дѣятельности лицамъ, наполнявшимъ садъ и внутренность дома. Словомъ, какъ дворъ, такъ и „хоромы“ представляли самую оживленную картину, все двигалось и суетилось; работа кипѣла даже на самыхъ границахъ двора: чинили плетни, подмазывали фундаментъ, красили ограду. Послѣдняя работа подвигалась, надо сказать, несравненно-медленнѣе другихъ: сверхъ-того, что ею занимался одинъ только человѣкъ, но и этотъ человѣкъ работалъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Наружность маляра, одѣтаго въ истасканный халатъ и такіе же башмаки, сохраняла во все время самый пахмуренный, несообщительный видъ; онъ не столько дѣйствовалъ кистью, сколько ворчалъ, и не столько красилъ, сколько сердито тыкалъ кистью въ мѣста, требующія поправки. Это особенно случалось всякій разъ, какъ поблизости раздавался

голосъ управителя, или самъ онъ показывался на дворѣ. Тыканье маляра принимало тогда освирѣпѣлый характеръ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: „на же тебѣ! на, на, когда такъ!“

Нельзя сказать, однако, чтобъ наружность управителя могла внушать враждебное чувство или даже опасеніе. Это былъ маленькій, сухопарый старичокъ хлопотливаго, озабоченнаго вида, съ маленькимъ, краснымъ лицомъ, выражавшимъ самую безвредную суетливость. Волосы его, обстриженные подъ гребенку, были бѣлы, какъ снѣгъ; голову держалъ онъ нѣсколько на-бокъ и носилъ сережку въ лѣвомъ ухѣ. Несмотря на глухую деревенскую жизнь, располагающую къ распущенности, никто никогда не видалъ его иначе, какъ въ синемъ чистомъ сюртукѣ, такомъ же жилетѣ и галстукѣ, который онъ преимущественно носилъ всегда бѣлаго цвѣта. Никто не слыхалъ также, чтобъ Герасимъ Аѳанасьевичъ (такъ звали его) употреблялъ худыя слова или вообще велъ себя непристойно. Сейчасъ видно было, что онъ принадлежалъ къ числу слугъ истинно-барскаго дома и былъ даже однимъ изъ самыхъ приближенныхъ. Испытывая на себѣ постоянно учтивое, ласковое обращеніе (истинные господа всегда учтивы и ласковы съ людьми), такого рода слуги сами невольно дѣлаются учтивыми и приличными. Герасимъ Аѳанасьевичъ переживалъ уже второе поколѣніе въ семействѣ господъ своихъ. Онъ представлялъ совершеннѣйшій типъ тѣхъ вѣрныхъ, преданныхъ слугъ, которые подъ старость дѣлаются какъ бы членами барскаго семейства, добровольно превращаются въ пянекъ, страшно балуютъ дѣтей и пользуются, по всей справедливости, неограниченнымъ довѣріемъ. Если Герасимъ Аѳанасьевичъ не остался въ домѣ, это произошло единственно потому, что старый баринъ, отецъ нынѣшняго, уговорилъ его уѣхать на родину покоить старыя свои кости.

Управленіе Мàрьинскимъ не было сопряжено съ большими хлопотами. Марьинское было на оброкѣ; слѣдовательно, дѣла управителя ограничивались собираніемъ оброка и отправкою денегъ въ Петербургъ; съ хлѣбопашеннымъ хозяйствомъ онъ бы и не справился. Въ полевыхъ работахъ Герасимъ Аѳанасьевичъ ни до чего „не доходилъ“, какъ выражались сами крестьяне. Вся работа его сосредоточивалась на домѣ; старанія его устремлялись къ тому только, чтобъ домъ сохранилъ по возможности бар-

скій видъ: „по крайней мѣрѣ, если спроситъ проѣзжій, чей домъ, чтобъ безъ стыда можно было сказать; пускай думаетъ: вотъ, дескать, какъ настоящіе-то господа живутъ!“ Легко представить себѣ, въ какое смущеніе приводили старика развалившіяся колопны и соломенныя крыши; но хлопоты его о поправкѣ всего этого оставались, какъ уже сказано, безполезными. Нечего, конечно, и говорить, что старикъ не помышлялъ даже о какихъ-нибудь доходахъ для себя собственно; онъ не проживалъ даже получаемаго жалованья — некуда было. Единственными расходами его были: свѣчка въ церковь да сѣмя на чижей и всякихъ птицъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Нельзя же старому холостяку, да еще деревенскому жителю, существовать безъ какой-нибудь привязанности! Вы непремѣнно нашли бы въ его комнатѣ во всякое время года до десяти клѣтокъ. Въ настоящую минуту все, однакожъ, было забыто — и пташки, и клѣтки. Съ тѣхъ поръ, какъ Герасимъ Аѳанасьевичъ находился въ Марьинскомъ—этому скоро девять лѣтъ—никто изъ помѣщиковъ ни разу туда не являлся. Теперь вдругъ разомъ всѣ собрались: и баринъ, и барыня, и дѣти. Изъ письма, полученнаго утромъ, значилось, что всѣ ѣхали въ деревню провести весну, лѣто и даже часть осени.

Въ это утро Герасимъ Аѳанасьевичъ сдѣлалъ, конечно, болѣе десяти верстъ, бѣгая по одному только двору. Сѣдая голова его появлялась почти въ одно время во всѣхъ окнахъ огромнаго дома, и голосъ его, ободрявшій рабочихъ, неумолкаемо раздавался въ саду, въ компатахъ и во всѣхъ концахъ двора. До пріѣзда оставалось еще два дня, но старикъ торопился, боясь дождя, который грозилъ съ минуты на минуту оборваться съ неба. Появляясь на дорогѣ дома, управитель всякій разъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на сизыя облака, и всякій разъ, дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ крупныхъ капель, которыя падали ему на носъ, съ удвоенною суетливостью обращался къ работникамъ:

— Ну-ка, братцы, не зѣвай, не зѣвай! половину ужъ дѣла сдѣлали—молодцы!.. Софронъ, вонъ тамъ щепку забылъ, подбери поди—не хорошо. Дружнѣй, ребята, дружнѣй! надо убраться до дождя; время и безъ того мало: дождикъ пойдетъ—не успѣемъ.

— И безъ того ужъ давно капаетъ, Герасимъ Аѳанасьичъ, замѣтилъ, осклабляясь, молодой парень.

— Гдѣ?.. развѣ идетъ? Это такъ! подхватилъ управитель, торопливо снимая пальцемъ каплю съ кончика носа,—а что за бѣда, если и идетъ? пускай его! Не сахарные, не растаемъ. Ну-ка-сь, братцы, полно, полно! Надо такъ сдѣлать, чтобъ заслужить отъ господъ благодарность. Видите, какую они намъ честь дѣлаютъ, что къ намъ ѣдутъ! Мало ли у нихъ вотчинъ-то, а небось въ Марьинское собрались: это значитъ насъ любятъ! Ну, живо! живо!

И Герасимъ Аѳанасьевичъ, чтобъ не получить замѣчанія о дождѣ, который не на шутку начиналъ падать, поспѣшно удалился въ другую сторону, шелъ къ скотному двору, обходилъ службу, появлялся въ домѣ или направлялся къ старому маляру, который тотчасъ же принималъ мрачный видъ и начиналъ тыкать своимъ помазкомъ въ рѣшетку. Наконецъ дождь такъ усилился, что самъ Герасимъ Аѳанасьевичъ убѣдился въ невозможности продолжать работу.

— Ну, братцы, дѣлать нечего; такъ, знать, Богу угодно! сказалъ онъ, снова появляясь на серединѣ двора.—Вотъ что, ребята, погодите-ка на минуту: бабы пускай идутъ по домамъ, а вы постойте; надо намъ кой-о-чемъ переговорить. Эй, сходи кто-нибудь за тѣми, которые въ саду работаютъ, зови сюда, скорѣе! заключилъ старикъ, принимаясь почесывать переносицу и расхаживая съ озабоченнымъ видомъ мимо собравшихся въ кучу мужиковъ.

Немного погодя, изъ саду показалась другая толпа, также съ граблями и скребками; всѣ обступили полукругомъ управителя.

— Вотъ, братцы, началъ онъ, весело оглядывая присутствовавшихъ,—господа дѣлаютъ намъ великую честь, къ намъ ѣдутъ. Смотрите же, братцы, держать себя какъ можно въ аккуратѣ: ни пьянства чтобъ этого не было, ни шума, ни шалостей никакихъ; господа этого не любятъ, оборони помилуй! Вотъ еще о чемъ я вамъ хотѣлъ сказать: вотъ вы теперь молчите, а пріѣдутъ господа, полѣзете къ нимъ со всякимъ вздоромъ—ужъ это безпремѣнно... это нехорошо, и господамъ будетъ не въ удовольствіе. Такъ вотъ что, братцы: если у кого есть теперь просьбы какія, недостатки или жалобы, лучше теперь говорите, потому, главная причина, не надо этимъ господъ безпокоить... Если въ чемъ самъ не смогу помочь, не въ моей будетъ власти, скажите только, все равно, я господамъ передамъ. Вы меня знаете: значитъ, вѣру мо-

жете дать; ужъ я этого никакъ не сдѣлаю, чтобъ, примѣрно, прійдетъ кто изъ васъ да скажетъ: то-то и то-то, а я пошелъ бы, примѣрно, къ господамъ, да сказалъ другое... это ужъ на что̀ хуже! Главная причина, не надо самимъ вамъ ходить, не надо господъ безпокоить— вотъ что̀!

— Знамо не годится, на что жъ ходить? Мы сами знаемъ! послышалось съ разныхъ концовъ толпы.

— Ну, то-то же! объ томъ и я говорю, братцы, что не хорошо, подхватилъ Герасимъ Аѳанасьевичъ, поглаживая ладонью мокрую голову (дождикъ усиливался съ каждой минутой), — такъ если у кого надобность есть, говорите теперь, добавилъ онъ, отступая шагъ и закидывая руки за спину.

Съ самаго начала этой рѣчи, нѣсколько мужиковъ протискались впередъ; въ числѣ ихъ особенно бросался въ глаза долговязый, желтоголовый Морей. Съ послѣдними словами управителя, онъ неожиданно замахалъ руками и заговорилъ скороговоркою:

— Вели крупу отдать, Герасимъ Аѳанасьичъ! Тимоѳей Лапша взялъ—не отдаетъ! Я и то господамъ хотѣлъ жаловаться. Спроси у любого—сами нуждаемся; вели отдать.

— Да ты толкомъ говори, не разберешь никакъ. Какая крупа?

— Лапша, то-есть, такъ прозывается, Лапша взялъ... самимъ надобно, подхватилъ было Морей, снова одушевляясь, но Герасимъ Аѳанасьевичъ не дослушалъ его и обратился къ лысому Карпу Ивановичу, который, въ свою очередь, выступилъ впередъ:

— Тебѣ что̀?..

— Да вотъ тоже насчетъ денегъ, Герасимъ Аѳанасьичъ: взялъ — не отдаетъ! говоритъ: „нѣтути!“ о Святой еще взялъ...

— Кто?

— Все тотъ же Лапша.

— Братъ того, который бѣжалъ, тотъ самый! Они всѣ съ однова̀, весь ихній родъ такой! вмѣшался вдругъ кузнецъ Пантелей.

— Эхъ! вѣдь вотъ вы какіе! сами дадите зря, безъ толку, потомъ жалуетесь! произнесъ управитель, не обративъ вниманія на замѣчаніе кузнеца.—Эй, Лапша! подика, братъ, сюда! промолвилъ онъ, отыскивая его глазами.

Изъ толпы послышался удушливый кашель и вслѣдъ

затѣмъ выставилась чахлая фигура Тимоѳея; подъ дождемъ она казалась еще плачевнѣе; съ каждымъ шагомъ Лапша подгибалъ колѣни и съ безпокойнымъ ожиданіемъ оглядывался назадъ; но такъ какъ жены его нигдѣ не было и не было даже надежды, чтобъ она явилась на выручку, потому что давно ушла домой съ бабами, смущеніе видимо одолѣвало его все болѣе и болѣе; длинныя костлявыя руки его такъ сильно дрожали, что онъ два раза выронилъ метлу, прежде чѣмъ подошелъ къ управителю. Увидя должника, Морей мгновенно пришелъ въ неописанное раздраженіе и снова было замахалъ руками, но Герасимъ Аѳанасьевичъ остановилъ его.

— Какъ же это ты такъ, Тимоѳей? снисходительно сказалъ старикъ,—дожилъ до того, что всѣ на тебя жалуются? У этого крупу взялъ — не отдаешь, у этого— деньги...

Лапша прищурился и усиленно приподнялъ правую бровь.

— Власть ваша... пробормоталъ онъ.

— Какая тутъ моя власть? Моя власть вотъ какая: коли взялъ, отдать надо—вотъ что! а не то, чтобъ доводить до такихъ непріятностей. Бралъ ты у нихъ крупу и деньги?

— Бралъ, произнесъ Лапша, роняя метлу въ третій разъ.

— Ну, такъ чтобъ завтра же было отдано — слышь? Чтобъ господа и не слыхали объ этомъ дѣлѣ—слышь?

— Рады бы... не осилимъ, Герасимъ Аѳанасьичъ! взять нѣоткуда! сказалъ Лапша, совсѣмъ растерявшись.

— Ну, какъ знаешь, а чтобъ долгъ отданъ былъ до пріѣзда господъ! вымолвилъ съ нѣкоторою досадой старикъ.—Отчего же другіе ведутъ дѣла свои исправно, какъ слѣдуетъ? Отчего же ты одинъ разорился? Оттого, что на печкѣ любишь обжигаться—вотъ что! Плохой ты мужикъ, какъ погляжу я. Эхъ! хуже тебя нѣтъ во всей вотчинѣ— срамъ, просто срамъ—да... лѣнь, да! Въ тебѣ все такое-этакое (Герасимъ Аѳанасьевичъ подогнулъ колѣни и скорчилъ жалкую физіономію)—да, такое-этакое... Ничего нѣтъ такого-этакого! (Онъ выпрямился молодцомъ и закинулъ назадъ голову.) Дрянной ты мужичокъ—вотъ что! А долги чтобъ были отданы до господъ—это безпремѣнно!.. Ну, братцы, дождикъ-то видно зарядилъ не на шутку, подхватилъ управитель, обратившись къ мужикамъ, обсту-

пившимъ его съ просьбами,—если кому что нужно, приходите завтра утромъ въ контору; теперь сами видите: такъ и льетъ. Ступайте домой! А вы куда, голубушки? вы куда собрались? крикнулъ онъ поспѣшно, направляясь къ бабамъ, которыя повалили изъ дому, какъ только увидѣли, что мужики пошли къ воротамъ.

— Мы думали, ты насъ отпустилъ по домамъ, бойко сказала востроглазая бабенка, та самая, что такъ много хлопотала объ устройствѣ хоровода.

— Это ты съ чево взяла, голубушка? возразилъ Герасимъ Аѳанасьевичъ, — мужики пошли потому, что дождь; а вамъ развѣ въ домѣ дождь-то мѣшаетъ? Ступай-ка, ступай назадъ!

— Что жъ это такое, бабы? Мужиковъ отпустили, насъ нѣтъ: чѣмъ мы хуже?.. Знамо, дождя нѣтъ, а все одно: работа, чай, та же!.. запальчиво крикнула бабенка, размахивая руками.

— Ступай, ступай безъ разговоровъ, когда велятъ! закричалъ, въ свою очередь, Герасимъ Аѳанасьевичъ, спѣша къ подъѣзду. — Экая эта скверная бабенка! Я вотъ тебя до завтра заставлю полы мыть, когда такъ. Всего первая затѣйница! Эка заноза, право! И для господъ-то, и то потрудить себя не хочетъ!

Сказавъ это, старикъ приподнялъ воротникъ синяго сюртука и поспѣшилъ войти съ бабами въ домъ. Дождь полилъ какъ изъ ведра.

Первымъ дѣломъ Лапши, когда онъ вернулся въ избу, было, конечно, разсказать женѣ обо всемъ случившемся. Катерина ничего еще не знала о новыхъ жалобахъ и рѣшеніи управителя. Безпечность Лапши, который наполнилъ избу охами и стонами, началъ жаловаться на ломъ въ поясницѣ и кончилъ тѣмъ, что завалился на печку— окончательно раздражила ее. Никогда не случалось, чтобъ она жаловалась на мужа при постороннихъ; ее удерживало, вѣроятно, самолюбіе, чувство, которое такъ же сильно у женъ крестьянскихъ, какъ и у всякихъ другихъ, и заставляетъ ихъ иногда, наперекоръ внутреннему убѣжденію, вступаться и горячо стоять за мужей, вовсе этого не стоящихъ. Но теперь ничто ее не стѣсняло: въ избѣ, кромѣ дѣтей и сумасшедшей Дуни, никого не было; она принялась осыпать его упреками:

— Всякій добрый человѣкъ то же скажетъ! говорила она, дѣлая очевидныя усилія, чтобы не дать волю вски-

пѣвшей досадѣ,—чѣмъ охать да жаловаться безъ толку, шелъ бы лучше да дѣло дѣлалъ! Кто просилъ денегъ у Карпа Иваныча? кто ходилъ за крупою? Развѣ мы тебя посылали? Самъ хотѣлъ; самъ просилъ! Лѣнь было у нихъ работы просить! Вотъ теперь хоть бы у Карпа братъ пролежалъ всю пахоту: что жъ ты не сходилъ къ нему, не нанялся?.. Вѣрно не сталъ бы онъ тогда на тебя жаловаться! Всякій человѣкъ, въ комъ совѣсть есть, заботу о себѣ имѣетъ, о своей семьѣ; видали-ль мы черезъ тебя пользу какую? Вотъ навяжется этакой, прости Господи! весь вѣкъ съ нимъ бейся да мучься! Точно сердце мое чуяло, когда неволей шла за тебя, точно сердце чуяло, какая моя жизнь будетъ... Двадцать лѣтъ колочусь какъ окаянная какая-нибудь, а за что? Отъ одново брата твово вся высохла... Шелъ бы ужъ лучше, когда такъ, оставилъ бы меня одну съ ребятами... Наказалъ меня Господь, наказалъ за тяжкія мои прегрѣшенія!..

На все это Тимоѳей не отвѣчалъ ни слова; онъ недвижно лежалъ на печкѣ и только жалобами на усиливающуюся боль въ поясницѣ давалъ иногда знать о своемъ присутствіи. Ребятишки также были очень смирны, зная по опыту, какъ опасно шутить съ матерью, когда она въ сердцахъ. Они тихонько играли у двери и исчезали въ сѣни всякій разъ, какъ требовалось рѣшить споръ или начать ссору. Маша, старшая дочь, молча подсобляла матери въ работѣ и казалась скорѣе задумчивою, чѣмъ веселою; даже безумная Дуня какъ будто понимала всеобщее разстройство: она просидѣла въ углу и, закрывъ голову платкомъ, уткнувъ подбородокъ въ колѣни, ни разу не подала голоса.

Къ вечеру только, когда Маша зажгла лучину, а Катерина собрала ужинъ, изба немножко оживилась. Но и это произошло скорѣе случайно и притомъ благодаря совершенно посторонней причинѣ. Ужинъ приближался ужъ къ концу (что, мимоходомъ сказать, было очень близко къ его началу), когда со стороны околицы неожиданно раздался пронзительный лай собаки. Въ одно мгновеніе ока лай подхваченъ былъ всѣми собаками Мáрьинскаго. Несмотря на шумъ дождя и глухое завыванье вѣтра, который усилился къ вечеру, слышалось, какъ вся эта разношерстная стая стремительно бросилась къ околицѣ. Улица, погруженная до того времени въ тишину невозмутимую, наполнилась вдругъ изъ конца въ конецъ не-

истовымъ, освирѣпѣлымъ визгомъ и воемъ. Казалось, собаки разрывали кого-то на части.

— Чего онѣ такъ?!. ужъ не волка ли почуяли?.. сказалъ, покашливая, Лапша.

При такомъ неожиданномъ предположеніи, сдѣланномъ Лапшою съ тѣмъ лишь, чтобъ сказать что-нибудь (онъ не разъ ужъ покушался вызвать жену на разговоръ), одинъ изъ маленькихъ сыновей его и за нимъ пучеглазый Костюшка быстро ухватились за поняву матери, которая готовилась поставить на столъ чашку съ квасомъ; третій мальчикъ, самый младшій, сидѣвшій поодаль отъ братьевъ, выпустилъ изъ рукъ ложку, зажмурилъ глаза, раскрылъ ротъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и вдругъ залился воплемъ.

— Полно, Вася! не плачь! батя такъ только пострацалъ... это не волкъ... волки ходятъ только зимою, сказалъ Петя, старшій сынъ, подвигаясь къ маленькому брату, чтобъ взять его на руки.

— Умникъ, батюшка, умникъ! Какіе тутъ волки! Слышь, что́ Петя-то говоритъ... Ну, пусти же, пусти! заговорила Катерина, стараясь высвободить свою юбку, но вмѣстѣ съ тѣмъ боясь пошевелить руками, изъ опасенія опрокинуть чашку на столъ,—пусти, говорю, оставь! никакого нѣтъ волка... Маша, отыми ты ихъ отъ меня... того и смотри, тюрю всю расплескаешь... Прійдетъ же вѣдь этакое въ голову! заключила она, не взглянувъ даже на мужа.

— Должно-быть, воръ... на мельницу пробирается... произнесъ Лапша, думая этимъ поправить свою ошибку.

Но и это предположеніе оказалось невѣрнымъ. Посреди визга и лая собакъ, послышалась вдругъ глухая, заунывная пѣсня, которую тянули нѣсколько голосовъ.

— Это нищенки! побирушки! воскликнулъ Петя, смѣясь и оглядывая братьевъ своихъ, которые тотчасъ же умолкли.

Угрюмый, мѣрный напѣвъ дѣлался слышнѣе и слышнѣе; вскорѣ можно даже было различать отрывистыя слова пѣсни. Нищіе приближались; вмѣстѣ съ ними приближалась и собачья стая. Иногда хоръ какъ будто ослабѣвалъ и обрывался. Разъяренный визгъ собакъ показывалъ, что пѣвцы принуждены были переносить вниманіе отъ голоса къ собственнымъ ногамъ, которыя слѣдовало защищать отъ нападеній; немного погодя, однакожъ, басистый голосъ запѣвалы, гудѣвшій какъ исполинскій шмель, подхватывалъ съ новою силой:

Жилъ себѣ сла-а-вепъ богатъ человѣкъ,
Пилъ, ѣлъ сладко, кормилъ хорошо.

Къ нему тотчасъ же пристава́ли три другіе голоса, въ числѣ которыхъ особенно заливался одинъ, дребезжащій, какъ у козла, и пѣсня шла своимъ чередомъ:

Лежитъ Лазарь, ле-ежитъ весь изра-а-ненъ,
Съ убожествомъ, съ немочью...

Обойдя такимъ образомъ большую половину деревни, нищіе остановились передъ избою Лапши; но тутъ, волей-неволей, они должны были замолкнуть. Волчокъ, сидѣвшій до тѣхъ поръ на заваленкѣ, ждавшій, вѣроятно, своей очереди и изрѣдка только присоединявшій свой голосъ къ голосамъ товарищей, которые преслѣдовали нищихъ, ринулся вдругъ со всѣхъ ногъ и, если бъ который-нибудь изъ нихъ зазѣвался, онъ, безъ сомнѣнія, вцѣпился бы ему въ икру.

— Эка злющая эта собачонка! проговорилъ Лапша, между тѣмъ какъ за окномъ слышалась брань и яростное хрипѣнье Волчка, который цѣплялся зубами за палки, подставляемыя нищими.

Секунду спустя, въ окнѣ раздался стукъ, и жалобный, слезливый голосъ прокричалъ:

— Отцы-милостивцы, подайте милостинку во имя Христово!..

— Вотъ нашли у кого просить! самимъ ѣсть нечего! съ горечью произнесла Катерина.

Она собрала, однакожъ, со стола нѣсколько корокъ и подошла къ окну.

Заслышавъ чужой голосъ, Дуня, продолжавшая сидѣть въ углу, сорвала платокъ, который покрывалъ ея голову, и насторожила слухъ; но едва только Катерина подняла окно и безумная увидѣла постороннее, незнакомое лицо, она быстро поднялась съ мѣста и спряталась за печку.

— Не взыщите, касатики; больше нѣтути! сказала Катерина, подавая корки нищему, который жадно за нихъ ухватился,—сами нуждаемся... Богъ подастъ!..

— Наши плачутъ, стало и ваши не радуются! замѣтилъ козлячій голосъ.

Катерина готовилась уже захлопнуть окно, какъ вдругъ передъ нею выставилось широкое, багровое лицо Верстана.

— Чего тебѣ еще?.. Вѣдь дали!.. Ступай въ другое мѣсто; больше у насъ нѣтъ ничего, сказала Катерина.

— Пусти, касатка, переночевать; вымокли всѣ! заба-

силъ Верстáнъ, оглядывая быстрыми глазами внутренность избы.

— Гдѣ тутъ съ вами возиться! самимъ тѣсно!

— Пусти, родная, приставъ Верстанъ,—мы, пожалуй, не даромъ: по копеечкѣ съ человѣка положимъ; насъ четверо; пусти только... хлѣбъ свой... деньги хошь сейчасъ отдадимъ, коли не вѣришь...

— Пусти, тётенька, подхватилъ козлячій голосъ,—четыре человѣка, стало два гроша—куча хороша!

Тимоѳей дернулъ жену за рукавъ и отвелъ ее въ сторону.

— Вотъ вѣдь ты какая! шепнулъ онъ тономъ упрека и какъ бы поддразнивая ее,—сама ругаешься, говоришь: такой я сякой, а сама что̀ дѣлаешь?.. Все черезъ тебя выходитъ... Четыре копейки даютъ—не пущаешь... Завтра бы деньги-то Карпу отдалъ... А все я во всемъ виноватъ... То-то же вотъ и есть! добавилъ онъ съ выраженіемъ, которое ясно показывало, что онъ вѣрилъ въ дѣльность словъ своихъ.

Катерина только плюнула и пошла убирать со стола. Но Лапша не обратилъ на это вниманія. Чтобъ окончательно доказать женѣ несправедливость ея обвиненій и показать себя предъ нею дѣловымъ, заботливымъ хозяиномъ, онъ направился къ окну и началъ даже торговаться съ нищими; но такъ какъ ему не уступали, и въ сущности его не столько занимала прибыль, сколько появленіе новыхъ лицъ, бесѣда съ ними и сладкая перспектива высказать имъ несправедливыя гоненія судьбы и людей, онъ тотчасъ же согласился на все.

— Ну, да полно вамъ тутъ, о чемъ говорить! словами воздуха не наполнишь! Коли пущать, такъ пущай!.. Дождикъ идетъ!.. петерпѣливо крикнулъ козлячій голосъ, и лицо Фуфаева, вымоченное дождемъ, показалось за плечами Верстана.

— Отгони-ка поди собаку-то... такъ и рветъ проклятая! сказалъ Верстанъ.

— Сейчасъ; ступайте къ воротамъ! возразилъ Лапша, захлопывая окно.

— Вотъ вѣдь всегда такъ: во всемъ я помѣха, подхватилъ онъ, останавливаясь передъ женою и высоко приподымая брови,—и такой я, и сякой... а что̀, кабы не я теперь?..

— Ну, хорошо, хорошо! съ досадою перебила Катерина, поворачиваясь къ нему спиной.

— Да, теперь хорошо; то-то же вотъ и есть! произнесъ Лапша съ выраженіемъ полнаго сознанія собственной правоты своей.

Но въ эту самую минуту въ воротахъ раздался страшный стукъ, и Лапша торопливо заковылялъ къ двери. Минуты три спустя, въ сѣняхъ послышались голоса, шумъ шаговъ, и нищіе, предводительствуемые хозяиномъ, вошли въ избу.

IX.

Сдѣлка.

Съ появленіемъ нищихъ, которые посреди окружавшаго ихъ сумрака принимали видъ какихъ-то пугалъ, мальчуганы Катерины побросались съ лавокъ и побѣжали къ матери. Только Петя и старшая сестра его, Маша, остались на мѣстахъ своихъ; они оглядывали гостей любопытными глазами.

— Здорово, хозяйка! пробасилъ Верстанъ, отряхая мокрую свою шапку.

Вмѣсто отвѣта, Катерина принялась съ сердцемъ кричать на дѣтей, жавшихся у ея понявы.

Фуфаевъ, между тѣмъ, велѣлъ своему мальчику вести его къ хозяйкѣ. Положивъ руку на плечо ребенка, онъ пошелъ впередъ, оставляя на полу слѣды воды, которой пропитаны были его лохмотья.

— Чего лѣзешь? крикнула Катерина, бросая ухватъ въ уголъ печки,—чего надо? подхватила она еще нетерпѣливѣе и сдѣлала движеніе, чтобъ оттолкнуть мальчика, но жалкій, изнеможенный видъ Мишки (вожака Фуфаева) обезоружилъ ее.

— Здравствуй, хозяюшка! трещалъ между тѣмъ Фуфаевъ, моргая бѣлыми глазами,—здравствуй со хозяиномъ своимъ, малыми цецеревятками, со всѣмъ домомъ на многія лѣта! Дай Богъ коровкамъ твоимъ кажинный день доиться, овцамъ кажинный день стричься, одеждѣ не изнашиваться, стѣнамъ не...

— Ладно, ступай только назадъ, въ сѣни: тамъ и отряхивайся! перебила Катерина, сердито оглядывая слѣпого.

— Это ты насчетъ воды, касатка, что водой полъ вымочилъ? подхватилъ Фуфаевъ, — ты на это не серчай: вода, слышь, благополучіе — право такъ! Вотъ я тебѣ скажу...

— Оставь; хозяйкѣ не до насъ; полно врать-то! проворчалъ Верстанъ, дергая его за рукавъ,—вралъ, вралъ, да и къ ужину оставилъ...

— А то какъ же безъ ужина-то? неожиданно воскликнулъ Фуфаевъ.

Онъ отстранилъ рукою Мишку, который служилъ предметомъ особеннаго любопытства для Пети; потомъ ухватился ладонями за колѣни и принялся отвѣшивать хозяйкѣ низкіе поклоны.

— Хозяюшка, матушка, голубушка! взмилуйся, касатка, дай поужинати! Многаго не спросимъ: что хошь давай— не бросимъ! присовокупилъ онъ вдругъ шутовскимъ тономъ, который рѣдко покидалъ его. — Намъ хоть щи, больше не ищи! Не о себѣ хлопочу, матушка: мнѣ что? А вотъ съ нами сидитъ богачъ одинъ, капиталы свои имѣетъ... знамо, богачи уже всѣ набалованные, безъ ужина никогда не ложатся... Дядя Мизгирь, гдѣ ты?..

— Чего тебѣ, бѣшеный? чего надо?.. злобно проворчалъ старикъ сквозь беззубыя свои десны.

— О немъ, примѣрно, хлопочу, подхватилъ Фуфаевъ,— сама суди, касатушка, какъ ему безъ ужина-то быть—а?.. Никакимъ манеромъ нельзя!.. Ослободи горшки изъ неволи—за тѣмъ пришли... Знамо, касатка, живой человѣкъ живое и думаетъ!.. Эхъ, щами-то какъ знатно попахиваетъ! насмѣшливо заключилъ онъ громко, обнюхивая воздухъ.

Но Катерина обманула ожиданія слѣпого: шутовскія выходки Фуфаева, вмѣсто того, чтобъ смягчить ее, казалось, еще больше ее раздражали.

— Ступай, ступай! Нечего здѣсь балясничать: не за тѣмъ шли совсѣмъ, сурово сказала она,—вѣдь они ночевать просились, такъ что жъ ты сюда, въ избу-то ввелъ? промолвила она, обратившись къ мужу, который, съ тѣхъ поръ, какъ ввелъ нищихъ въ избу, сохранялъ видъ, какъ будто самъ не зналъ, что дѣлать съ гостями,—намъ и безъ чужихъ тѣсно! Денегъ вашихъ, что сулили, понадобно, только ослободите избу... Ступай съ ними въ ригу, тамъ и ночуйте... Дай ему, батюшка, палку-то, веди его! заключила она, повертываясь къ вожаку слѣпого, между тѣмъ какъ Лапша подмигивалъ Верстану то однимъ глазомъ, то другимъ, давая знать, что жена не въ духѣ, и не лучше ли въ самомъ дѣлѣ уйти въ ригу: вѣдь все равно—отъ нея теперь ничего не добьешься!

Верстанъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ. Не трудно было смекнуть, что приступить теперь къ дѣлу, которое привело его къ Лапшѣ, значило бы испортить его навѣрное; онъ рѣшился отложить до утра. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ на своемъ нарѣчіи, подѣйствовали на Фуфаева лучше всякихъ убѣжденій; слѣпой тотчасъ же замолкъ и велѣлъ Мишкѣ вести его къ двери; за нимъ послѣдовали Верстанъ, Мизгирь и Лапша. Послѣдній отсталъ было отъ нихъ съ очевиднымъ намѣреніемъ сказать что-то женѣ, но яростный лай Волчка, раздавшійся въ сѣняхъ, и крики нищихъ заставили его поспѣшно возвратиться къ гостямъ.

Дурное расположеніе духа не оставляло Катерины во весь остатокъ вечера. Вернувшись въ избу, Лапша слова отъ нея не добился; онъ и самъ, впрочемъ, неохотно пускался въ объясненія и какъ будто хотѣлъ показать женѣ, что сердится не на нее; но такъ какъ неудовольствіе его выражалось подниманіемъ бровей и кашлемъ, то она мало обращала на него вниманія, молча уложила дѣтей, помолилась передъ образами и пошла спать вмѣстѣ съ дочерью въ клѣть, которая отдѣлялась отъ избы сѣнями и выходила на дворъ. Происшествія этого дня были такого рода, что, думая о нихъ, Катерина долго не могла сомкнуть глазъ. Этому, надо также сказать, не мало способствовалъ Волчокъ. Съ той самой минуты, какъ нищіе ушли въ ригу, онъ не переставалъ волноваться; ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ—то выбѣгалъ къ заднимъ воротамъ, то снова возвращался на свое обычное мѣсто, свертывался кренделемъ подъ телѣгой и снова, безъ всякой причины, летѣлъ на задній дворъ, наполняя стихнувшую окрестность мелкимъ, дребезжащимъ лаемъ. Онъ не угомонился во всю ночь. На зарѣ лай его разбудилъ Катерину.

Первою мыслью ея, когда она раскрыла глаза, были нищіе. Неистовый вой собаки, которая металась какъ бѣшеная, подлѣ риги, далъ ей понять, что гости проснулись и, вѣрно, готовятся отправиться въ путь. Катерина поспѣшила предупредить ихъ; она боялась за рубашки, вывѣшенныя наканунѣ на плетнѣ, мимо котораго должны были проходить гости. „Кто ихъ знаетъ, какіе они! Пройдетъ, хвать, сунулъ въ мѣшокъ—а тамъ ищи поди!“ подумала она, торопливо выходя на задній дворъ. Она тотчасъ же успокоилась, однакожъ, увидя бѣлье на

своемъ мѣстѣ; сомнѣнія ея окончательно разсѣялись, когда, подойдя ближе къ ригѣ, услышала тамъ голосъ мужа.

— Я бы ништо! говорилъ Лапша своимъ вялымъ, лѣнивымъ, грудным голосомъ,—вотъ только съ ней, съ женой-то, развѣ не сговоришь никакъ: коли упрется — ну, ничего и не сдѣлаешь!.. А я бы ништо; у насъ вѣдь ихъ пятеро, совсѣмъ одолѣли!.. Какъ одинъ-то уйдетъ, все меньше тѣсноты будетъ... Съ ней вотъ только, боюсь, не сговоришь никакъ... Ничего этого въ толкъ не возьметъ... Шутка ихъ поить, растить да кормить! довершилъ Тимоѳей такимъ озабоченнымъ голосомъ, какъ будто на немъ одномъ лежали всѣ эти обязанности.

Катерина торопливо перешла на траву, чтобъ не такъ были слышны шаги ея; она приблизилась къ ригѣ и притаилась за воротами подлѣ плетня.

— Съ чего жъ ей такъ-то артачиться? подхватилъ Верстанъ.—Мы парнишку-то не съѣдимъ, цѣлъ будетъ! Походитъ съ нами, опять къ вамъ вернется...

Катерина вошла въ ригу.

— О чемъ это вы тутъ? спросила она, стараясь скрыть свое негодованіе.

— Вотъ... все о Петрушкѣ старикъ толкуетъ, сказалъ, переминаясь, Лапша.

— Ну, такъ что жъ? сказала она, стискивая губы, начинавшія дрожать отъ сдавленной досады.

— Полюбился добрѣ нашему товарищу твой паренекъ! воскликнулъ Фуфаевъ, — самъ я не видалъ, хорошъ, сказываютъ... весь въ тебя, касатка...

— Да, мальчикъ знатный! проговорилъ Верстанъ, одобрительно кивая головою.

— Тебѣ-то что жъ? Хорошъ! Стало, намъ лучше; при насъ и останется, быстро возразила Катерина.

— Такъ-то такъ; да что тебѣ въ немъ? Покудова малъ еще, ни въ дѣло, ни въ работу, только хлѣбъ ѣстъ! началъ нищій.—Слышь, касатка, отпусти-ка ты его съ нами. Право-ну!.. всего на годъ на одинъ... Вишь, вѣдь другіе же отпущаютъ! прибавилъ онъ, указывая на блѣднаго, изнуреннаго Мишку, который стоялъ, какъ живой укоръ родителямъ, которые отдали его нищимъ.—Годъ походитъ съ нами, не понравится—опять къ себѣ возьмешь... Наша жизнь, сама видишь, тяготы большой не имѣетъ... Отдашь на фабрику—хуже измается...

— Жизнь веселая, тетка! перебилъ Фуфаевъ.—Слышь,

Лазаря пѣть выучимъ! беззаботное житье: вѣтромъ покачиваетъ, дождемъ помачиваетъ, тепломъ попариваетъ, какъ въ банѣ, право-слово!

— Не даромъ прошу, касатка, подхватилъ Верстанъ, сказавъ на своемъ нарѣчіи нѣсколько словъ Фуфаеву, который тотчасъ же замолкъ, — знамо, не даромъ: сколько вотъ товарищъ за своего вожака далъ, столько, примѣрно, и я дамъ. По крайности вамъ хошь польза черезъ него будетъ; одно — деньги возьмете; другое — хлѣба ѣсть не станетъ...

— Слушай же, что скажу тебѣ, воскликнула Катерина, изгибая брови и подходя къ нищему съ стиснутыми кулаками,—коли ты за тѣмъ пришелъ—вонъ ступай отселева, вонъ! чтобы духомъ твоимъ здѣсь не пахло, нехристь ты этакой!.. Проваливай! заключила она, выпрямляясь и нетерпѣливо указывая на ворота.

— Да ты послушай прежде, что онъ скажетъ-то... вотъ ты всегда такъ! началъ плачевно Лапша,—выслушай прежде... тринадцать рублевъ сулитъ...

— А хошь бы тысячу, по мнѣ все одно! А ты и обрадовался! подхватила она, обратившись къ мужу съ негодующимъ, блестящимъ взглядомъ. — Тринадцать-то рублевъ дороже, стало, родного дѣтища?.. Долги, говоришь, платить надо, хлѣба нѣту?.. Коли такая ужъ бѣдность одолѣла, что жъ ты самъ нейдешь наниматься? а? Ступай съ ними, иди!.. Я пока не жалуюсь: ребята мои не въ тяготу мнѣ, не скучаю ими! Мнѣ этого, что онъ говоритъ, ничего этого не надо! Плюю я на его деньги! Пока сила есть во мнѣ, пока руками владаю, будетъ у насъ и хлѣбъ, и одежда, какая ни на есть—все будетъ!.. Да я за срамъ-то за одинъ, что ты говоришь мнѣ объ этакомъ дѣлѣ, не возьму съ тебя денегъ! Ахъ ты нехристь, что выдумалъ! а?.. Словно, право, сердце мое вечоръ чуяло: недобрые люди пришли... Вонъ же, когда такъ! вонъ, окаянные! чтобъ ноги вашей поганой здѣсь не было!..

— О чемъ шумишь-то?.. проговорилъ было Верстанъ; но Катерина разразилась такимъ негодованіемъ, что онъ счелъ уже лишнимъ продолжать переговоры.

Онъ снова сказалъ нѣсколько словъ на своемъ нарѣчіи; товарищи его перекинули мѣшки за спину и приготовились оставить ригу. Но каждый разъ, однакожъ, когда Катерина обращалась къ мужу, Верстанъ пользовался слу-

чаемъ и подавалъ ему нѣсколько знаковъ; онъ кивалъ Лапшѣ головою за ригу.

— Съ чего это ты такъ, матушка... Господь съ тобою! Кажись, ничѣмъ тебя не обидѣли... сказалъ онъ, выходя изъ воротъ, между тѣмъ, какъ товарищи его, повинуясь его знаку, направились къ лугу, куда выходили сараи.— Я такъ, примѣрно, сказалъ о мальчикѣ, къ слову пришлось... Никто тебя не понуждаетъ... Знамо, твое дѣтище; не отдаешь—силой никто не возьметъ...

— Ступай, ступай! одно слово: ступай! крикнула Катерина, нетерпѣливо махнувъ рукою.

Въ ту самую минуту, какъ она обернулась назадъ, Верстанъ подалъ Лапшѣ новый знакъ и указалъ ему на лугъ; тотъ кивнулъ головою и медленно поплелся за женою.

Ступивъ на тропинку, ведущую къ заднимъ воротамъ, Катерина раза два взглянула на лугъ и покосилась на мужа; но всякій разъ Лапша принимался кашлять; лицо его дѣлалось такимъ плаксивымъ и жалкимъ, что у нея всякій разъ расходилось сердце, и остатокъ гнѣва, готовый пасть на его голову, ослабѣвалъ самъ-собою. Кашель продолжалъ душить Лапшу до той минуты, пока жена не исчезла за воротами; онъ весь тогда какъ будто даже оживился. Постоявъ минутъ пять подлѣ воротъ и время отъ времени посматривая въ щели, онъ вдругъ приподнялъ брови и пустился отхватывать задами по направленію къ лугу. У самаго послѣдняго сарая, которымъ оканчивалась деревня, онъ встрѣтился съ нищими; они стояли подпершись палками и, какъ видно, ждали его, потому что лица ихъ были обращены въ его сторону.

— Ну ужъ, братъ, баба у тебя! вотъ такъ ужъ баба! сказалъ, посмѣиваясь, Фуфаевъ, который узналъ Лапшу по его шагу,—настоящимъ вѣникомъ выпарила! А я еще жениться сбирался, невѣсту пріискивалъ; нѣтъ, спасибо; закажу другу-недругу!..

— Я вѣдь вамъ сказывалъ, началъ Лапша,—ничего съ ней не сдѣлаешь...

— А ты и поддался ей! грубо перебилъ Верстанъ, — ужъ не говорилъ бы лучше, не срамился!.. Слышь, добрый человѣкъ, полно ты ее слушать-то; отдай парня; отдай, говорю; ты отецъ—стало, и сынъ твой; дочь у матери, сынъ у отца подъ началомъ — ужъ это по закону такъ водится... Что ты ее слушаешь! знамо, баба пустоголовая, съ вѣтру вретъ, сама своей пользы не вѣдаетъ.

И то сказать: съѣдимъ мы, что ли, парня-то?.. цѣлъ останется... Главная причина, деньги возьмешь, долги отдашь... Потакай ей, она пуще тебя запутаетъ; ужъ мы видимъ, какая баба: заноза!.. Може-статься, и пропалъ-то все черезъ нее... Видано ль дѣло, чтобы баба такое распоряженіе имѣла?.. Плюнь ты на нее, не слушай! Спасибо скажешь, добрый человѣкъ попался, къ добру наставилъ... Деньги возьмешь, долги отдашь... Самъ, вѣдь, сказывалъ: нѣтъ тебѣ спокою ни днемъ, ни ночью.

Въ короткій промежутокъ свиданія съ нищими сегодня утромъ и наканунѣ Лапша дѣйствительно успѣлъ уже передать имъ почти всѣ свои горести. Онъ, какъ уже сказано, никогда не пропускалъ случая жаловаться на горькую судьбу свою; минуты эти были для него лучшими во всей его жалкой жизни; онъ какъ будто оправдывалъ тогда самъ передъ собою свои слабости и, полный чувства собственной правоты, начиналъ тотчасъ же бодриться. Обвиняя Катерину, будто она во зло употребляла свою власть, Верстанъ сильно польстилъ ему; Лапша не подтверждалъ обвиненій, не бранилъ жены, но зато каждый разъ, какъ заходила рѣчь о ней, опускалъ брови, пожималъ плечами, подгибалъ колѣни и очень охотно принималъ видъ жертвы.

Но все, что ни говорилъ Тимоѳей о горькомъ своемъ положеніи, уже было извѣстно нищимъ, особенно Верстану. Ясно видно было, что Филиппъ распоясался наканунѣ за попойкой и, передавъ имъ кой-какія подробности о братѣ, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вѣрнѣе на него дѣйствовать. Старый нищій, надо отдать ему справедливость, ловко пользовался урокомъ: онъ то возбуждалъ въ немъ бодрость, говорилъ ему, что онъ, глава семьи, можетъ распоряжаться сыномъ какъ хочетъ, совѣтовалъ забрать жену въ руки; то начиналъ пугать его, принимался высчитывать долги его, напоминалъ ему о пріѣздѣ господъ, сожалѣлъ о немъ, говорилъ, что господа, наскучившись жалобами на него, вѣрно сошлютъ его на поселеніе. Тринадцать рублей, конечно, деньги небольшія, но онѣ составляли почти половину долга; отдавъ ихъ, Лапша, безъ сомнѣнія, спасалъ себя отъ половины жалобъ—судьба его тогда значительно облегчалась... Такъ говорилъ Верстанъ. Не было сомнѣнія, что старшій нищій хлопоталъ такъ много совсѣмъ не потому, что мальчикъ полюбился ему или пришелся по вкусу: онъ о немъ мало даже ду-

малъ; ему было все равно—этотъ ли, третій, десятый; въ нахмуренныхъ, плутоватыхъ глазахъ его очевидно проглядывало какое-то намѣреніе. Мальчикъ самъ по себѣ: но онъ смекнулъ, видно, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и убѣждалъ такъ сильно Тимоѳея, имѣя, вѣроятно, въ мысляхъ воспользоваться его простотою.

Въ началѣ разговора Фуфаевъ часто ввертывалъ прибаутки, которыя для всякаго другого, кромѣ Лапши, служили бы предостереженіемъ; но подъ конецъ, движимый чувствомъ товарищества и, вѣроятнѣе, опасенія (несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Верстанъ владѣлъ страшною силой; величина кулаковъ его была соразмѣрна его исполинскому росту), Фуфаевъ перешелъ на сторону нищаго и сталъ ему поддакивать. Подъ вліяніемъ того же чувства, къ нему раза два присоединялся и дядя Мизгирь.

— Ну, такъ какъ же, добрый человѣкъ, по рукамъ, стало-быть? сказалъ Верстанъ, когда убѣдился, что дѣло почти сдѣлано.

— По мнѣ хоть сейчасъ... возразилъ Тимоѳей, молодцовато потряхивая головой и приподнимая брови чуть не до корня волосъ.

— Ладно. Стало, и разговаривать нечего...

— Такъ-то такъ... началъ Лапша и вдругъ снова сплюснулся, какъ пузырь, въ которомъ прокололи дырку.

— Что жъ еще?..

— Сумнѣваюсь... насчетъ, примѣрно... какъ я его теперь выведу, мальчишку-то... Увидитъ она, ни за что не дастъ... ничего съ ней не сдѣлаешь... Кабы вечеромъ...

— Знамо, не теперь! Знамо, вечеромъ, какъ стемнѣетъ... къ ночи дѣло будетъ...

— Ночь матка—все гладко! подсказалъ Фуфаевъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

Онъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ товарища касательно Лапши; онъ понялъ только, что Верстанъ назначилъ ночь съ тою цѣлью, чтобъ приведенному мальчику труднѣе было найти дорогу, въ случаѣ, если бъ онъ захотѣлъ вернуться назадъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, и случится.

— Теперь, продолжалъ нищій, — теперь ступай прямо къ вашему управителю; возьми видъ мальчику, примѣрно, отпускъ такой. Скажи, отдаешь, молъ, на жительство, либо въ работу какую... онъ дастъ. Скажи только, къ примѣру этакъ: деньги даютъ за парня, долги хочу упла-

тить... Онъ и то, сказывалъ ты, стращалъ тебя... Отказу, стало, не будетъ... Возьмешь видъ (намъ безъ этого опасливо: мало ли какого народу на дорогѣ попадается!), дома мотри ни гу-гу!.. А вечеръ придетъ, смеркнется, возьми его, скажи; „въ поле иду...“ Мы тебя станемъ дожидаться. Знаешь лѣсъ... какъ, чай, не знать? Ну, вонъ, что̀ мимо-то старая черневская дорога проходитъ! Туда и ступай; тамъ и ждать будемъ... Аукни только — тутъ и есть! сейчасъ откликнемся.

— Вотъ такъ ужъ расписалъ! Ай-да Верстанъ! Словно языкъ-то масломъ смазали! замѣтилъ Фуфаевъ.

Верстанъ, для большей вѣрности, снова привелъ на память Лапшѣ долги его, постращалъ его пріѣздомъ господъ, выставилъ ему на видъ ссылку на поселеніе, коснулся съ насмѣшкою Катерины и такъ ловко сумѣлъ возвысить Лапшу въ особенномъ его мнѣніи, что тотъ, подъ конецъ, снова началъ молодечествовать. Послѣ этого, нищій заставилъ его побожиться, что не обманетъ, и ударился съ нимъ по рукамъ.

— Ну, Мишка, радуйся, товарища нашли! провозгласилъ Фуфаевъ, направляя бѣлые зрачки свои къ вожаку, который стоялъ во все это время подпершись палкой и робко поглядывалъ на говорившихъ. — Веселись, Мишка, пляши! наша, значитъ, взяла! подхватилъ Фуфаевъ и принялся выдѣлывать какія-то колѣнца, но Верстанъ толкнулъ его, сказавъ, что время отправляться.

Всѣ трое простились съ Лапшою, повторили ему, что станутъ ждать его въ лѣсу послѣ заката, и пошлепись къ дорогѣ, которая вилась по лугу и пропадала за рощей. Вскорѣ и сами они пропали изъ виду.

Какъ ни былъ бодръ Лапша, онъ не пошелъ, однакожъ, домой по улицѣ. Ему нечего было теперь бояться встрѣчи съ Мореемъ и дядей Карпомъ: онъ не сегодня, такъ завтра могъ отдать одному крупу, другому—деньги; но Лапша очень основательно разсудилъ, что встрѣча съ ними будетъ заключать въ себѣ нѣчто даже пріятное, когда въ рукахъ его будутъ вѣрныя средства зажать имъ ротъ; возможность зажать имъ ротъ, восторжествовать надъ ними въ ту минуту, какъ они набросятся на него съ новыми угрозами, представлялась воображенію Тимоѳея блистательной побѣдой, торжествомъ надъ Мореемъ и Карпомъ. Настроившись подъ такой ладъ, онъ твердою поступью выступалъ по задамъ Марьинскаго. Въ болѣзнен-

ныхъ, вялыхъ чертахъ его проглядывало что-то настойчивое, упрямое, что даже легко было принять за твердую рѣшимость; но у людей слабыхъ упрямство часто съ успѣхомъ замѣняетъ твердость духа; вооруженные имъ, они дѣлаютъ иногда чудеса, достойныя энергическихъ характеровъ.

Какъ бы ни сильна была степень упрямства Лапши, трудно предположить, чтобъ оно не разлетѣлось вдребезги отъ соприкосновенія истинно-твердаго, энергическаго духа Катерины. Встрѣться теперь жена — рѣшительность его вѣрно бы поколебалась; но Катерина не встрѣтилась. Узнавъ, что она ушла на прудъ, Тимоѳей сдѣлался еще молодцоватѣе, еще выше приподнялъ брови. Опасаясь толковъ, пересудовъ и подозрѣній, которые могли возникнуть въ случаѣ, если бъ увидѣли его, входящаго въ контору, онъ разсудилъ, что лучше будетъ попасть туда, обогнувъ барскій садъ и гумно. Такъ онъ и сдѣлалъ: онъ вошелъ въ контору не прежде, какъ внимательно осмотрѣвшись на всѣ стороны.

Нищій угадалъ вѣрно: Герасимъ Аѳанасьевичъ не сдѣлалъ ни малѣйшихъ затрудненій касательно отпуска мальчика. Онъ не освѣдомился даже, куда отдаютъ его, полагая, что отецъ, вѣрно, сыскалъ ему хорошее мѣсто: стараго управителя уже радовало, что деньги, вырученныя за Петю, избавятъ господъ отъ жалобъ, которыми грозили Морей и Карпъ. Впрочемъ, Герасиму Аѳанасьевичу въ настоящую минуту было не до разбирательствъ, онъ готовился ѣхать въ городъ для разныхъ хозяйственныхъ закупокъ, и потому находился въ страшной суетѣ.

Пять минутъ спустя, послѣ появленія Лапши въ контору, онъ вышелъ оттуда, снабженный запиской, въ которой значилось, что „такого-то уѣзда, такой-то вотчины, отпускается мальчикъ Петръ Тимоѳеевъ на заработки, срокомъ на годъ отъ нижеписаннаго числа...“ Внизу была конторская печать и подпись управителя.

Но осторожность, соблюдаемая Лапшою при выходѣ изъ конторы, оказалась лишнею: едва подошелъ онъ къ лабиринту клѣтушекъ, гдѣ помѣщались дворовые, какъ его окликнули по имени; онъ успѣлъ только засунуть отпускъ за пазуху. Обернувшись въ ту сторону, откуда раздался голосъ, онъ почти насунулся на молодого, бѣлокураго парня, который тотчасъ же полѣзъ съ нимъ цѣловаться. Суконный жилетъ съ синими, стеклянными пуговицами

синій кафтанъ, сапоги и волосы, зачесанные въ скобку, обличали въ немъ мастерового; но въ лицѣ его не было видно ни бойкости, ни самоувѣренности, свойственной этому классу народа: круглыя, какъ бы немножко припухшія черты его, полны были кроткаго, добродушнаго выраженія. На толстыхъ губахъ его сіяла такая полная, такая добрая улыбка, что, взглянувъ разъ на лицо парня, никакъ нельзя было вообразить его безъ этой улыбки; она бросалась въ глаза прежде носа, глазъ, и рѣшительно поглощала остальныя черты.

— Здравствуй, дядя Тимоѳей, здравствуй! радостно заговорилъ онъ, снова принимаясь чмокать Лапшу. — А я, признаться, ждалъ тебя... я вѣдь видѣлъ, какъ ты въ контору шелъ... Дай, думаю, погожу.

— Здравствуй, Ваня, произнесъ тотъ, плачевно прищуриваясь.—Слышь, не сказывай только объ этомъ... не говори, примѣрно, что видѣлъ меня въ конторѣ; особливо нашимъ не сказывай, сдѣлай милость такую!.. Ходилъ, просилъ управителя, насчетъ, то-есть, нельзя ли должишки обождать... боюсь, народъ болтать начнетъ... не говори, касатикъ!

— Зачѣмъ говорить! Сказано: не надо—ну, и нечего, стало-быть...

— То-то, братецъ! А то народъ-то нашъ оченно ужъ сталъ завистливъ... и то поѣдомъ съѣли. Такъ обнищали! такъ-то ужъ нуждаемся... и-и-и!..

— Слышалъ, слышалъ! сказалъ Ваня, тоскливо качая головой, но не покидая, однакожъ, своей улыбки.—Я какъ только пришелъ, дядя Тимоѳей, сейчасъ о васъ спросилъ: какъ, примѣрно, живете, всѣ ли живы-здоровы...

— Ты что жъ это изъ города-то, съ оброкомъ, что ли? разсѣянно освѣдомился Лапша.

— Да; одна статья—оброкъ; другая статья—хочу просить, чтобы здѣсь оставили: больно по деревнѣ соскучился... Хоша и нѣтъ никого сродственниковъ, а все на своихъ поглядѣть хотѣлъ. Ужъ, кажется, какъ хорошо было жить! Хозяинъ добрый, работой не отягощаетъ; мы вѣдь больше по обойной части—дѣло не большой тягости и жалованье также хорошее получаемъ, а все сюда такъ тебя и тянетъ. Можетъ-статься, господа пріѣдутъ; попрошусь—здѣсь оставятъ, здѣсь поживу...

— Ну, ну, прощай, Ваня; мнѣ недосугъ... есть дѣло одно... Смотри же не сказывай... особливо, коли нашихъ

увидишь. Къ намъ потомъ заходи, добавилъ принужденно Лапша.

— Какъ же! ужъ это безпремѣнно! радостно возразилъ Иванъ, при чемъ улыбка его засіяла еще пуще прежняго.

Во весь остатокъ этого утра Тимоѳей тщательно избѣгалъ встрѣчи съ женою. Когда время обѣда соединило ихъ вмѣстѣ, усадило за одинъ узенькій столъ другъ противъ дружки, Тимоѳей и тогда старался не смотрѣть на жену; онъ не переставалъ кашлять, всячески норовилъ показать, что ему сильно нездоровится. Безпокойный, встревоженный видъ его точно легко было принять за нездоровье. Катерину все это мало трогало; она также, казалось, избѣгала взглядовъ его и разговоровъ. Но сколько мрачны и молчаливы были отецъ съ матерью, столько веселы и говорливы были дѣти; особенно отличалась на этотъ разъ Маша, старшая дочь Катерины. Всегда спокойная и тихая, она теперь на себя была не похожа: съ той самой минуты, какъ отецъ, возвращаясь домой, сказалъ ей о приходѣ Ивана въ Марьинское, она вдругъ повеселѣла. Откуда что̀ взялось у нея: она неумолкаемо смѣялась съ маленькими братьями, ходила по всему дому, дѣятельно пособляла матери въ хозяйственныхъ хлопотахъ, причесала и повязала платкомъ голову безумной Дуни, которая въ эти два дня совсѣмъ почти не была дома; даже теперь, во время обѣда, Маша говорила и смѣялась больше другихъ; но отецъ и мать, занятые каждый своими мыслями, не замѣтили этой внезапной перемѣны.

Тимоѳей поднялся съ лавки прежде всѣхъ; онъ вышелъ въ огородъ, прошелся раза два-три взадъ и впередъ по тропинкѣ, вошелъ потомъ въ ригу и легъ на солому. Но ему что-то не спалось: сколько ни ворочался онъ съ боку на бокъ, сколько ни лежалъ съ закрытыми глазами—сонъ не являлся. Онъ снова вернулся въ избу и взлѣзъ на печку; но и тамъ ему было какъ-то неловко; то же самое повторилось и на полатяхъ, и на лавкѣ; словомъ, куда ни переходилъ онъ, куда ни укладывался — нигдѣ не лежалось. Соскучившись, видно, перекладываться съ мѣста на мѣсто, взялъ онъ шапку и вышелъ на дворъ; но ему не стоялось точно такъ же, видно, какъ и не лежалось; со двора перешелъ онъ въ огородъ, изъ огорода снова перешелъ на дворъ; подойдетъ къ лугу, поглядитъ-поглядитъ, потрясетъ головою и снова идетъ къ дому. Въ одну изъ этихъ прогулокъ онъ встрѣтился съ Петей.

— Куда ты, батя? спросилъ мальчикъ, взглянувъ на шапку отца.

При этомъ вопросѣ Лапша поперхнулся и кашель одолѣлъ его до того, что онъ долго потомъ держался обѣими руками за грудь.

— Хотѣлъ вотъ пройти въ лѣсъ... сказалъ онъ, боязливо поглядывая на стороны,—я чай, теперь, послѣ дождя-то, грибовъ много...

— Возьми меня съ собою! весело крикнулъ мальчикъ, какъ бы зная впередъ, что отказа не будетъ.

— Ладно... пойдемъ... возразилъ Лапша, сопровождая каждое слово тяжелымъ покрякиваньемъ и безпокойными взглядами.—Въ избѣ есть кто-нибудь? примолвилъ онъ.

— Нѣтъ, ушли всѣ. Мама и Маша пошли къ пруду; братья на улицѣ съ ребятами.

— Пойдемъ-ка въ избу, сказалъ отецъ, оглядывая мальчика щурившимися глазами,—я чай, одѣться надо... шапку возьми... лапти надѣнь...

— Э! мнѣ ничего!.. вѣдь теперь лѣто; я и такъ пойду... Тепло! крикнулъ мальчикъ, засучивая свои штанишки.

Но Лапша, въ которомъ все болѣе и болѣе замѣтно было смущеніе, сказалъ, что они пойдутъ далеко, что ночь можетъ захватить ихъ на дорогѣ, что росы велики, такія теперь росы, хуже дождя вымочитъ!

Они вошли въ избу. Тимоѳей сталъ пособлять ребенку надѣвать лапти.

— Э-э! крякнулъ онъ неожиданно, опустилъ вдругъ руки и тоскливо замоталъ головою.

— Что ты, батя?

— Такъ... что-то все нездоровится... что-то... произнесъ Лапша, но снова какъ будто ободрился и сказалъ:— пойдемъ, бери шапку.

— То-то мамка-то подивится, какъ мы ей грибовъ-то принесемъ! воскликнулъ Петя, радостно выходя на крылечко,—вотъ какой ворохъ навалимъ ей грибовъ-то! подхватилъ онъ, подымая худенькую руку на аршинъ отъ земли,—слышь, не взять ли намъ кузова?

— Нѣтъ... мы такъ... лучше въ шапку, либо за пазуху...

— Ну, ладно!

И мальчикъ запрыгалъ впередъ по тропинкѣ, сопровождаемый отцомъ, который спѣшилъ миновать огородъ и съ каждымъ шагомъ оглядывался назадъ.

— Мы. Петя, лучше нашимъ оврагомъ пойдемъ къ лѣсу-то... Тутъ, знамо, ближе.

— Ну, что жъ! пойдемъ!.. Я, батя, съ тобой до смерти люблю ходить! воскликнулъ Петя, лицо котораго сіяло радостью и краснорѣчиво подтверждало слова его. — Ну, что̀ съ ребятами-то пойдешь? кричатъ только, балуются, дерутся... Да и далеко-то въ лѣсъ не ходятъ: все говорятъ: „волкъ! волкъ!“ Я чай, только стращаютъ—а?..

— Знамо, стращаютъ, разсѣянно проговорилъ отецъ.— Ты, Петя, если увидишь кого... по дорогѣ идетъ, ты, мотри, скажи... прибавилъ онъ, ускоряя шаги.

Съ этой минуты, веселые, ласковые глаза мальчика начали съ дѣтской заботливостью устремляться во всѣ части широкаго луга, который развертывался все шире и шире, по мѣрѣ того, какъ оба они удалялись отъ деревни; но никого не замѣтилъ мальчикъ.

— А что̀, батя, гдѣ-то теперь нашъ дѣдушка Василій! Я чай, далеко теперь?.. неожиданно спросилъ Петя, когда оба очутились на днѣ глубокаго оврага.

— Кто его знаетъ?.. надо быть далеко...

— То-то добрый старичокъ какой! ужъ такой-то добрый! такой добрый!.. простодушно сказалъ ребенокъ, — вишь какой образокъ подарилъ! ни у кого нѣтъ такого... Вечоръ мамка обшила его холстинкой, на шнурокъ привѣсила, „вѣкъ, говоритъ, носи! память, говоритъ, отъ добраго человѣка!“ Я и то буду носить... самодовольно довершилъ онъ, запрятывая образокъ за пазуху.

Долго шли они оврагомъ и еще дольше шли полями. Съ каждымъ шагомъ впередъ, Ланша дѣлался безпокойнѣе и молчаливѣе; ребенокъ, напротивъ, не переставалъ скакать и болтать безъ умолку.

— Гдѣ жъ, батя, лѣсъ-то? спрашивалъ онъ время отъ времени.

— Не видать еще; скоро будетъ видно...

Они перешли старую черневскую дорогу; мѣстность пошла скатомъ, и передъ ними открылся лѣсъ. Косые лучи солнца, которое клонилось къ горизонту, обливало золотымъ блескомъ безкрайныя поля, слившѝяся во всѣ стороны; одинъ только лѣсъ, изгибавшійся острыми углами и глубокими впадинами, представлялся темнымъ, мрачнымъ пятномъ посреди сіявшей окрестности. Тимофей и маленькій сынъ его не замедлили достигнуть опушки и вскорѣ совершенно скрылись изъ виду.

X.

Открытіе. Поиски.

Свѣтлая майская ночь смѣнила уже сумерки; небо усѣяно было звѣздами, и окрестность постепенно освѣщалась серебристымъ блескомъ мѣсяца, который всплывалъ надъ темнымъ горизонтомъ, когда Лапша снова очутился на лугу. Первый человѣкъ, который увидѣлъ его, была та самая востроглазая, тараторливая бабенка, слывшая въ Марьинскомъ первой запѣвалкой и хороводницей. Она выбѣжала на лугъ выкликать телку, которая нигдѣ не отыскивалась, и прямехонько налетѣла на Тимоѳея.

— Охъ! пронзительно вскрикнула она, откидываясь въ сторону; но испугъ ея прошелъ мгновенно, какъ только всмотрѣлась она въ черты мужика.

— Фу, какъ ты меня испугалъ! Я думала, и Богъ знаетъ кто! заговорила она, поглядывая на Тимоѳея, котораго мѣсяцъ цѣликомъ освѣщалъ съ головы до ногъ,— батюшки! да ты никакъ хмеленъ? И то хмеленъ!.. Гдѣ это тебя угораздило? примолвила она со смѣхомъ.

Тимоѳей дѣйствительно качался изъ стороны въ сторону; онъ безсмысленно водилъ шальными глазами; волосы его торчали въ безпорядкѣ; рубашка и ноги были выпачканы грязью; онъ держался обѣими руками за грудь, изъ которой вырывалось глухое хрипѣнье.

— Гдѣ жъ ты это былъ-то? а?.. подхватила она, — словно лѣшій какой выпачкался, право!.. Что ты? промолвила она, пристальнѣе вглядываясь въ Тимоѳея, который вдругъ страшно застоналъ, — что съ тобой дѣлается? ась?..

— Расшибся... охъ!.. въ вертепъ упалъ, расшибся... добрѣ... слабымъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ Лапша, продолжая водить глазами и покачиваться съ ноги на ногу.

Онъ очевидно былъ хмеленъ.

Востроглазая бабенка, надо полагать, совершенно удовольствовалась этимъ объясненіемъ. Она оглянула его еще разъ и пустилась по лугу, покрикивая пискливымъ голоскомъ: „пусень! пусень“...

Лапша простоялъ минуты двѣ на одномъ мѣстѣ, страшно распяливая глаза и какъ бы желая припомнить, гдѣ онъ. Наконецъ, сознаніе будто возвратилось къ нему; онъ продолжалъ путь; но не столько, казалось, управляла имъ

мысль, сколько тяжесть туловища, головы и рукъ, которыя сами собою наклонялись къ землѣ и влекли его впередъ. Онъ машинально добрелъ до своей риги; ворота были заперты; онъ пытался нѣсколько разъ отворить ихъ, но не осилилъ и повалился у входа лицомъ къ землѣ.

А между тѣмъ въ домѣ у него еще бодрствовали; спали только маленькія дѣти. Катерина и Маша стояли подъ уличными воротами; онѣ очевидно ждали чего-то.

— Диковинное дѣло, право! нейдетъ, да и полно! сказала Катерина, въ сотый разъ выглядывая на улицу.

— Должно быть, съ ребятишками убѣгъ куда-нибудь... Далеко, можетъ, зашли, замѣтила Маша.

— Куда имъ зайти? Ночь давно... Давно бы прійти пора. Этого никогда не бывало, чтобъ малые ребятёнки по ночамъ шлялись, нетерпѣливо возразила мать.

Услыша дѣтскіе голоса недалеко отъ околицы, она вышла изъ-подъ воротъ и, сопровождаемая дочерью, пошла по улицѣ.

— Петруша! крикнула она.—Петя!

— Я здѣсь, отозвался голосъ.

Катерина ускорила шагъ.

— Петя, ты? спросила она, приближаясь къ группѣ мальчишекъ.

Это точно былъ Петя, но только не ея сынъ, а бѣлокурый, курносый мальчуганъ.

— Ума не приложу! сказала она, обнаруживая на этотъ разъ очевидное безпокойство.

Она медленно возвратилась къ избѣ своей и сѣла на заваленку. Дѣтскіе голоса стали умолкать; на улицѣ становилось все тише и тише; кое-гдѣ слышался говоръ мужиковъ и бабъ, которые сидѣли подлѣ воротъ своихъ. Мѣсяцъ поднялся уже выше крышъ, и дальняя часть улицы, которая находилась до сихъ поръ въ тѣни, начала озаряться голубоватымъ свѣтомъ. Но Петя все еще не являлся.

— Вотъ такъ-то: сидишь-сидишь, ждешь-ждешь, и не вѣсть, право, что въ голову приходитъ! проговорила Катерина съ грустнымъ оттѣнкомъ въ головѣ. — Ужъ не пошелъ ли онъ на мельницу?.. въ воду не упалъ ли?.. Да нѣтъ, пришли бы, сказали... Главная причина потому больше беретъ сумнѣнье: больно мальчикъ-то смиренъ; нѣтъ этого у него, чтобъ онъ баловать сталъ, либо сунулся зря куда ни попало.

— Слышь, матушка, да вонъ онъ гдѣ! радостно воскликнула Маша, — не пошелъ ли онъ съ ребятами въ ночную, лошадь стеречь?.. Пойдемъ, спросимъ-ка, пока не ушли еще...

Онѣ встали и проворно пошли къ околицѣ. Не дойдя еще до конца улицы, онѣ встрѣтили двухъ мальчиковъ, которыхъ звала бабушка, сидѣвшая у избы.

— Ребята, не видали вы, не пошелъ мой Петрушка съ ребятами въ ночную?

— Нѣтъ.

— Кто же въ ночную-то поѣхалъ?

— Двое: Костюшка Дороѳеевъ, да Васька Кузнецовъ, только одни и поѣхали...

— Чай, дядя Степанъ съ ними, съ живостью подхватилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Знамо, съ ними; да вѣдь она про ребятъ спрашиваетъ...

— Ахъ ты Господи, Творецъ небесный! да гдѣ жъ онъ? произнесла Катерина взволнованнымъ голосомъ.

— Ты это о чемъ, касатка? спросила, подходя къ ней, старуха, сидѣвшая на заваленкѣ и призывавшая мальчиковъ.

— Да вотъ, тетушка, парнишка пропалъ у меня, начала Катерина, оглядываясь вокругъ и прислушиваясь къ каждому крику, срывавшемуся время отъ времени съ отдаленныхъ полей,—боюсь, не приключилось бы чего, не вѣсть куда дѣлся...

— И-и, касатка, чему случиться! Вѣдь онъ съ отцомъ ушелъ, спокойно возразила старуха.

— Какъ, съ отцомъ? Когда?

— Да нонѣ, вечеромъ... Тетка Арина въ рощу ходила; идетъ оттуда, а они идутъ... Прошли, говоритъ, лугомъ-то, да въ оврагъ и схоронились...

— Вишь, матушка, а ты сумнѣвалась! сказала Маша,— я говорила: ничего!

— Да развѣ отецъ-то не привелъ его? спросила старуха.

— Онъ самъ не приходилъ, самого дома нѣтъ, сказала Маша.

— Что ты, касатка? онъ давно дома; его давно видѣли! возразила старуха. — Эй, невѣстка, а невѣстка! крикнула она, обернувшись къ избѣ.

— Ась? отозвался дребезжащій голосъ, по которому присутствующія узнали востроглазую запѣвалку.

— Ты, никакъ, говорила, Тимоѳея, Катеринина мужа, встрѣла?..

— А что?

— Да вотъ, говорятъ, дома его нѣтути... Съ нимъ парнишка-то его былъ?..

— Нѣтъ, одинъ шелъ... да добре очень ужъ хмеленъ, бормочетъ не вѣсть что... не разберешь ничего... расшибся, говоритъ, въ вертепъ упалъ... Какой, я чай, должно быть, по дорогамъ валялся. Нѣтъ, парнишки съ нимъ не было...

Съ послѣдними словами Катерина, волненіе которой возрастало съ каждой секундой, повернулась къ дому и пошла быстрѣе прежняго. Маша, слѣдовавшая за нею, нѣсколько разъ забѣгала впередъ и съ удивленіемъ поглядывала на мать: дыханіе Катерины было такъ тяжело и порывисто, что слышалось въ десяти шагахъ. Она не могла дать себѣ отчета въ томъ, что чувствовала; ей хотѣлось только, болѣе чѣмъ когда-нибудь, увидѣть своего Петю. Вопреки одобрительнымъ мыслямъ, которыми старалась она подкрѣплять себя, смутное, но тягостное предчувствіе чего-то недобраго тѣснило ея сердце и волновало кровь. Шагъ ея постепенно ускорялся, и наконецъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ избы, она бросилась бѣжать. Минута—и она была въ избѣ; еще минуты довольно было ей, чтобъ убѣдиться, что мужа тамъ не было. Она выбѣжала на дворъ и безъ оглядки пустилась къ ригѣ.

Тимоѳей лежалъ у воротъ въ томъ же положеніи, какъ мы его оставили. Надо думать, въ первую минуту своего паденія въ вертепъ, онъ не почувствовалъ, какъ сильно расшибся; этому способствовалъ отчасти, можетъ-быть, и хмель; и наконецъ, въ первую минуту ушиба часто не такъ страдаешь, какъ послѣ. Боль въ груди его, вѣроятно, только теперь начинала сказываться; онъ стоналъ, какъ умирающій. Подбѣжавъ къ нему, Катерина оглянулась вокругъ: этотъ взглядъ убѣдилъ ее, что Петруши здѣсь не было. При этомъ, она совершенно какъ будто растерялась, бѣшено бросилась на мужа и съ силою, которая дается въ минуты отчаянья, подняла его какъ тряпку.

— Гдѣ Петя?.. крикнула она, прислоняя его къ воротамъ,—гдѣ Петя?.. повторила она, вцѣпляясь ему въ рубашку, которая заходила изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ лапшою;—гдѣ... Говори, говори!..

— Матушка... простоналъ Тимоѳей, подгибая колѣни.

— Гдѣ сынъ? гдѣ Петя?.. снова закричала она, бѣшено встряхивая его.

Маша бросилась было къ матери, думая удержать ее, но та оттолкнула ее и снова приступила къ мужу, требуя отъ него отвѣта.

— Не знаю... ничего не...

— Врешь, разбойникъ! тебя видѣли съ нимъ!.. Говори... говори! задушу!.. кричала Катерина въ какомъ-то бѣшеномъ изступленіи.

Рыданія заглушили вдругъ голосъ Тимоѳея, и онъ произнесъ едва внятно:

— Они денегъ... денегъ посулили.

— Кто? вымолвила Катерина, у которой пробѣжалъ холодъ въ волосахъ.

— Нищіе...

— Гдѣ жъ Петя?.. пробормотала она, опуская руки, которыя какъ будто вдругъ отнялись у нея.

— Они увели... силой отняли...

Страшный, раздирающій душу вопль вырвался изъ груди Катерины; она схватила себя за волосы и вдругъ бросилась бѣжать, какъ сумасшедшая, къ улицѣ, не переставая кричать на всю деревню:

— Батюшки! парнишку украли! Спасите, родные! помогите! Парнишку увели... силой отняли!.. спасите! увели!..

Крики эти, раздавшіеся еще звонче посреди ночного затишья, мгновенно всполошили бабъ и мужиковъ, остававшихся на заваленкахъ; на улицѣ послышались голоса и торопливый шумъ шаговъ.

Выбѣжавъ на улицу, Катерина вторично вырвалась изъ рукъ дочери, которая старалась удержать ее, и прямо кинулась въ контору. Ея вопли и крики переполошили точно такъ же маленькое народонаселеніе, наполнявшее клѣтушки дворовыхъ; въ одинъ мигъ всѣ показались въ дверяхъ; минуту спустя, густая толпа, которую увеличивали прибѣгавшіе съ улицы, обступила плачущую навзрыдъ Машу. Одинъ изъ первыхъ, который подбѣжалъ къ ней, былъ Иванъ обойщикъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же бросился въ контору.

Онъ засталъ тамъ двухъ писарей и еще старика, которые всячески старались втолковать Катеринѣ, что Герасимъ Аѳанасьевичъ въ городѣ и пріѣдетъ не ранѣе завтрашняго дня; но она продолжала рыдать и биться; она говорила, что надо послать въ погоню за нищими,

послать сейчасъ же: иначе разбойники уведутъ мальчика на край свѣта; наконецъ, съ помощью Ивана, который болѣе другихъ хлопоталъ около нея, Катерину кое-какъ уговорили и вывели на свѣжій воздухъ. Она казалась теперь совершенно уже обезсилѣвшею. Въ одинъ этотъ часъ истратила она, повидимому, всю энергію и силу, которыя поддерживали ее цѣлую жизнь. Если бъ не Иванъ и Маша, она врядъ ли даже могла бы держаться на ногахъ; голова ея, съ разбросанными въ безпорядкѣ волосами, безжизненно свѣшивалась на-бокъ; рыданія разрывали грудь, и потоки слезъ струились по щекамъ ея.

Такъ привели они ее къ избѣ. Во все это время толпа, прибывавшая какъ изъ клѣтушекъ дворовыхъ, такъ и съ улицы, сопровождала ихъ; отовсюду слышались слова удивленья и соболѣзнованія. У порога избы, гдѣ все напоминало сына, горе окончательно какъ бы сломило Катерину, отняло у нея послѣднія силы. Это было такъ неожиданно, что Иванъ и Маша не успѣли подхватить ее; она упала на́-земь и голосомъ, полнымъ страшнаго отчаянья, стала призывать Петю. Иванъ, Маша и нѣсколько бабъ снова принялись уговаривать ее—все было напрасно: она колотилась головою о̀-земь и кричала, чтобъ ей отдали Петю. Иванъ шепнулъ тогда нѣсколько словъ Машѣ и пустился стремглавъ къ ригѣ. Немного погодя онъ вернулся назадъ, протискался сквозь толпу и припалъ лицомъ къ лицу Катерины.

— Тетушка, заговорилъ онъ, силясь приподнять ее,— полно! встань, очнись! Чѣмъ время-то терять попусту, пойдемъ-ка лучше искать его... Я знаю, гдѣ его оставили... Богъ милостивъ, найдемъ! Встань, говорю... право, найдемъ!.. слезами ничего не возьмешь... Пойдемъ лучше, пока время!..

Она медленно приподняла голову и такъ же медленно начала въ него всматриваться, какъ бы не хорошо еще понимая слова его. Иванъ повторилъ ей свою просьбу; Маша между тѣмъ приводила въ порядокъ ея волосы и также старалась уговорить ее. Въ толпѣ всѣ разомъ говорили и махали руками; общій смыслъ всего этого былъ тотъ, что точно времени терять нечего, что если пойти теперь, то можно еще легко напасть на слѣдъ пищихъ.

Мало-по-малу Катерина очнулась.

— Господи! сказала она, оглядываясь вокругъ и осѣняя себя крестнымъ знамѐніемъ,—Господи, что̀ это такое?..

Господи! Творецъ милосердый! подхватила она, становясь на колѣни, подымая глаза къ ясному, усѣянному звѣздами небу, и съ горячностью начиная снова креститься.—Господи! спаси его, дѣтище мое ненаглядное! Сотвори, Отецъ небесный, милость мнѣ грѣшной! Не дай, Господи, пропасть ему у злыхъ людей!.. Отыми, Господи, силы мои, отыми хлѣбъ мой, дай только взглянуть на него, моего дитятку!..

Говоря все это, она горько плакала, но ужъ плакала какъ-то тихо, какъ бы боясь оскорбить излишнимъ горемъ и недовѣрчивостью Всевышняго, Котораго молила о возвращеніи сына.

— Ну, пойдемъ же, тетушка Катерина! сказалъ Иванъ, утирая глаза, что дѣлали и многіе другіе, находившіеся поблизости,—время терять нечего—пойдемъ!

Катерина перекрестилась еще разъ, покрылась овчинкой, которую принесла Маша и, сказавъ: „Господи благослови!“, быстрыми шагами пошла по улицѣ, преслѣдуемая шумной толпою. Приближаясь къ околицѣ, она пошла такъ скоро, что за нею могли поспѣвать только Иванъ да Маша, единственныя лица изо всей многочисленной толпы, которыхъ оживляло въ этомъ случаѣ истинное, сердечное участіе. Народъ, провожавшій ихъ, началъ мало-по-малу отставать. Каждый, прощаясь съ ними, считалъ, однакожъ, непремѣнно своею обязанностью высказать имъ свое мнѣніе и снабдить ихъ совѣтомъ. Они давно уже миновали лугъ и, слѣдовательно, ничего не могли слышать, кромѣ звука собственныхъ шаговъ; но совѣты, толки, пересуды и предположенія все еще раздавались на улицѣ; наконецъ, всѣ стали расходиться по домамъ; немного спустя, на улицѣ воцарилась такая же тишина, какъ и въ поляхъ, которыя серебрилъ мѣсяцъ, свѣтившій теперь прямо надъ деревней.

Но стоило, впрочемъ, пройти къ огороду Тимоѳея, чтобъ убѣдиться, что въ Марьинскомъ не все еще успокоилось. Не нужно даже было тонкаго слуха, чтобъ услышать съ этого мѣста охи и глухіе, затаенные вопли. Они выходили изъ риги; ворота на этотъ разъ были настежь отворены; лунный свѣтъ, проходя сквозь многочисленныя щели кровли, позволялъ различать тощую фигуру Лапши, лежащую въ дальнемъ углу. Лицо его было уткнуто въ солому, руки раскинуты врозь; иногда онъ подымалъ одну изъ нихъ, сжималъ кулакъ и начиналъ колотить себя въ го-

лову; иногда только глухіе стоны выказывали его отчаяніе. Время отъ времени онъ замолкалъ вовсе и какъ бы погружался въ горячую думу.

Въ одну изъ этихъ минутъ, когда становилось опять такъ тихо, что раздавалось даже ржанье жеребенка съ дальнихъ полей, съ наружной стороны риги, въ густыхъ кустахъ травы, послышался какъ будто шорохъ. Немного погодя, выставилось что-то черное; тѣнь головы неожиданно мелькнула на плетнѣ и скрылась въ ригѣ. Нѣсколько времени ничего не было ни видно, ни слышно; наконецъ, мало-по-малу, подлѣ Тимоѳея явственно обозначился человѣкъ въ мохнатой шапкѣ. Секунды три стоялъ онъ какъ бы въ нерѣшительности, осматривался, прислушивался и вдругъ пригнулся къ Лапшѣ и началъ толкать его, нашептывая ему что-то скороговоркою. При первыхъ звукахъ этого голоса, Лапша дрогнулъ, приподнялъ голову и прижался спиною къ плетню.

— Филиппъ... братъ?.. пробормоталъ онъ, цѣпенѣя отъ страха.

— Я! Никого здѣсь нѣтъ? прошепталъ Филиппъ, озираясь на стороны.

— Бога ты не боишься! говорилъ:—не прійдешь никогда... денегъ взялъ... началъ Лапша жалобнымъ, дрожащимъ голосомъ, между тѣмъ какъ братъ обшаривалъ углы риги и прислушивался въ воротахъ,—погубилъ ты насъ совсѣмъ... мало тебѣ этого!.. Чего еще хочешь?

— Тсс... молчи! грубо возразилъ Филиппъ, возвращаясь къ брату.

Онъ наклонился къ лицу его, ухватилъ его за плечи и произнесъ отрывисто:

— Давай деньги!

— Нѣтъ у меня ничего.

— А вотъ поговори у меня! прошепталъ сквозь зубы Филиппъ,—давай деньги, тринадцать рублёвъ, что нищіе дали...

При словѣ „нищіе“, которое напомнило Лапшѣ все, что произошло въ этотъ вечеръ, онъ горько заплакалъ.

— Молчи! пришибу! сказалъ Филиппъ, быстро озираясь назадъ,—говорятъ, деньги давай!

— Да нѣтъ же у меня ничего! началъ Лапша, всхлипывая.—Они меня обманули... напоили... охмелѣлъ... они парнишку увели... только полтинникъ дали, да три копейки...

— Давай! произнесъ Филиппъ.

— И тѣхъ нѣту, продолжалъ Лапша,—и тѣ обронилъ, какъ въ вертепъ свалился... На, ищи пожалуй... Я дома еще не былъ.

Одной секунды достаточно было разбойнику, чтобъ обшарить брата и удостовѣриться въ справедливости словъ его. Онъ разразился въ страшныхъ проклятіяхъ и угрозахъ.

— Ладно же! шепнулъ онъ,—я все узнаю; коли обманулъ, я ти припомню... Только, значитъ, и жилъ—помни это!..

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! отсохни у меня руки, коли не такъ... началъ-было Лапша.

— Ладно, перебилъ Филиппъ, — обо всемъ развѣдаю: коли не такъ, такого „краснаго пѣтуха“ *) пущу, долго будешь помнить! заключилъ онъ, бросаясь къ воротамъ.

Тѣнь его снова мелькнула мимо плетня, трава зашуршукала, и снова стало все такъ же тихо, какъ было прежде.

Катерина и молодые ея спутники не теряли между тѣмъ времени. Къ нимъ присоединился теперь, впрочемъ, еще четвертый товарищъ—Волчокъ. Онъ догналъ ихъ на первой полуверстѣ — обстоятельство, которое несказанно обрадовало Ивана. Отъ самаго Марьинскаго Иванъ не умолкалъ ни на минуту, стараясь всячески успокоить тетку Катерину; и хотя широкая улыбка сіяла теперь на губахъ его точно такъ же, какъ и всегда, но ясно уже видно было по его глазамъ, пожиманью плечъ и переминанью, что онъ исчерпалъ до дна весь свой запасъ утѣшеній и приходилъ въ сильное затрудненіе. Волчокъ явился какъ будто затѣмъ, чтобъ его выручить.

— Вотъ вѣдь, тетушка, а я только что о немъ думалъ! сказалъ Иванъ, указывая на собаку, которая прыгала и лизала руку Катерины,—въ этакомъ дѣлѣ собака лучше всякаго товарища. Разъ, мнѣ сказывали, мужикъ на базаръ поѣхалъ, и захвати его мятель; бился-бился, сердечный, никакъ изъ оврага не вылѣзетъ; въ оврагъ попалъ; совсѣмъ ужъ заметать стало... Что жъ ты думаешь? собака спасла! право, собака! Оставила этто она его въ оврагѣ-то; туда-сюда рыскать, на деревню и напала;

*) Пустить „краснаго пѣтуха“, на языкѣ разбойниковъ, значитъ поджечь.

лаетъ, говорятъ, зоветъ, не то, чтобъ кусаетъ, а только, знаешь, тащитъ, примѣрно, къ околицѣ. Смекнули дѣло: сѣли на лошадей, поѣхали... Что жъ ты думаешь? Вѣдь привела! право, привела!

Но Катерину мало, повидимому, утѣшалъ разсказъ Ивана, точно такъ же какъ все, что ни придумывалъ онъ для облегченія ея горя. Всѣ чувства ея души, даже слухъ и зрѣніе, принадлежали, казалось, одной мысли, которая давила и уничтожала всѣ остальныя. Выступая все тѣмъ же твердымъ, торопливымъ шагомъ, она не отрывала безпокойныхъ глазъ отъ туманной, низменной дали, которая казалась еще глубже при серебристомъ мерцаніи луннаго свѣта.

Иванъ не разъ пытался примѣнить къ дѣлу Волчка; онъ пускался бѣжать впередъ по дорогѣ, указывалъ ему пальцемъ на землю, говорилъ: „Ищи, тю-тю-тю, ищи!“ но все это безъ малѣйшей пользы—потому ли, что слѣдовъ не было, потому ли, что природа обидѣла Волчка, отнявъ у него чутье, потому ли, наконецъ, что Волчокъ былъ голоденъ, но только онъ предпочиталъ рыскать по полямъ и откапывать мышей, чѣмъ обнюхивать дорогу. Вѣрнѣе всего, что слѣдовъ не было. Если бъ Иванъ имѣлъ время долѣе поговорить съ Лапшою, онъ узналъ бы, что слѣдовъ и быть не могло. Лапша и Петруша шли совсѣмъ не по этой дорогѣ: они пробирались къ лѣсу краткимъ путемъ, шли цѣликомъ, полями. Это обстоятельство было причиною, что наши спутники стали приближаться къ цѣли своего путешествія уже къ исходу ночи. Заря занималась на востокѣ, когда они увидѣли лѣсъ.

Думала ли Катерина, проходя мимо этого лѣса столько разъ въ своей жизни, думала ли она, что видъ его пробудитъ въ ея душѣ столько скорби и терзаній? Нужно было все усердіе Ивана, вся любовь Маши, чтобы удержать ее отъ порывовъ страшнаго отчаянья. Она побѣжала такъ скоро, что спутники ея, хотя и были вдвое ея моложе, едва поспѣвали за нею.

Достигнувъ опушки, она вдругъ остановилась; ее точно пугало обширное пространство лѣса: она боялась крикнуть и не получить отзыва. Иванъ и Маша обмѣнялись взглядами, которые говорили, чтобъ не оставлять ея одной. Не отпуская ее изъ виду, всѣ трое вошли въ чащу, которая тотчасъ же огласилась криками и ауканьемъ. Но все безмолвствовало. Только лѣсъ уныло гудѣлъ, какъ бы

негодуя на раннихъ посѣтителей, которые пришли тревожить его отъ сладкаго усыпленья.

Они подвигались все дальше и дальше. Вскорѣ не стало дерева, которое не слыхало бы нѣсколько разъ повторенаго имени Петруши. Катерина заглядывала во всѣ кусты, забиралась въ самыя глухія, непроходимыя чащи. Иванъ и Маша подсобляли ей усердно; даже Волчокъ помогалъ имъ. Разъ даже онъ чуть-было не возвратилъ имъ надежды, которая начала уже оставлять ихъ. Онъ вдругъ залаялъ, завилялъ хвостомъ и поскакалъ впередъ, обнюхивая траву; у Катерины замерло сердце; она бросилась по слѣдамъ Волчка, не переставая креститься. Проскакавъ шаговъ тридцать, собака остановилась, подняла голову, долго обнюхивая воздухъ, и возвратилась къ Машѣ: она, очевидно, потеряла слѣдъ; сколько потомъ ни бились подлѣ этого мѣста, сколько ни подстрекали ее искать, собака лизала только руки и махала хвостомъ.

— Матушка, полно! Христосъ съ тобою! Вѣдь этимъ не поможешь, хуже только ослабнешь, лучше искать давай, сказала Маша, наклонясь къ матери, которая, рыдая, бросилась на траву.

— Подумай только, тетушка Катерина, подхватилъ Иванъ съ неизмѣнной своей улыбкой, хотя ему, конечно, было не до смѣху,—подумай, вѣдь этакъ сколько у насъ время-то проходитъ! Чѣмъ раньше за дѣло возьмешься, тѣмъ вѣрнѣе... Далеко уйти не могли... найдемъ еще, можетъ-статься... Богъ милостивъ!..

Одна только эта мысль способна была снова подкрѣпить ея силы. Она перекрестилась, и они пошли далѣе.

Лѣсъ давнымъ-давно ожилъ; давно изъ конца въ конецъ раздавались птичьи хоры; мѣстами, въ самой глубинѣ его, встрѣчались лужайки, которыхъ ярко уже обливало солнце... Они все еще ходили взадъ и впередъ, не переставая кричать и аукать. Все было напрасно! Тогда Маша посовѣтовала обойти окрестныя деревни и особенно тѣ, которыя выходили на черневскую старую дорогу. Хотя дорога заброшена, но все еще по ней проходило довольно народу и можно было, разспрашивая встрѣчныхъ, добиться толку. Иванъ подтвердилъ эту мысль, и всѣ трое вышли изъ лѣсу.

Было уже около полудня, когда они очутились на черневской дорогѣ. Они не пропустили ни одного человѣка безъ того, чтобъ не разспросить его о нищихъ—никто не

встрѣчалъ ихъ. Въ Черневѣ результатъ ихъ разспросовъ былъ почти тотъ же: проходилъ какой-то старикъ съ сумою, стучался подъ окнами, но только онъ былъ безъ мальчика. Такъ переходили они изъ одной деревни въ другую, останавливаясь для того лишь, чтобъ развѣдать что-нибудь о мальчикѣ, но не получали даже намека, который могъ бы служить имъ путеводной ниткой. Едва передвигая ноги, измученные, усталые и, болѣе того, сокрушенные горемъ, пришли они къ ночи въ большое село, находившееся верстахъ въ десяти отъ Мàрьинскаго. Насилу могли убѣдить Катерину, что было бы теперь напрасно продолжать поиски: ночь была темная; густой наволокъ покрывалъ небо; едва можно было отличать дорогу отъ полей. Весь слѣдующій день былъ проведенъ точно такъ же, какъ и первый; Петя все-таки не отыскивался; онъ точно въ воду канулъ! Слезы, отчаянье такъ истомили бѣдную Катерину, что она не могла ужъ идти далѣе. Они вторично остановились ночевать въ одной деревнѣ, лежавшей въ совершенно противуположной сторонѣ той, въ которой ночевали накапунѣ. Переговоривъ съ Машей, Иванъ рѣшился нанять телѣгу, чтобъ доѣхать до Марьинскаго. Чтобъ удостовѣрить мужика, который взялся везти ихъ, что ему заплатятъ, Иванъ снялъ съ себя сапоги и кафтанъ и вручилъ ихъ въ видѣ задатка. Ихъ смущало одно только: они боялись сопротивленія Катерины, которая, вѣрно, потребуетъ продолженія поисковъ. Они ясно ужъ видѣли, что поиски напрасны; но думали, что Катерина разсудитъ иначе. Все обошлось, однакожъ, гораздо спокойнѣе, чѣмъ они ожидали. Къ утру, Катерина впала въ какое-то безчувствіе, по крайней мѣрѣ ко всему, что совершалось вокругъ нея. Она не замѣтила, казалось, какъ усадили ее въ телѣгу. Во всю дорогу она не сказала слова и только тихо вздрагивала и крестилась. Разъ только овладѣлъ ею страшный припадокъ отчаянья. Это случилось въ полуверстѣ отъ Марьинскаго.

Подъѣзжая къ маленькой березовой рощицѣ, за поворотомъ которой открывалась деревня, ѣхавшіе въ телѣжкѣ услышали голосъ безумной Дуни. Она лежала, видно, гдѣнибудь у опушки и, по обыкновенію своему, причитала о пропавшемъ сынѣ, какъ о покойникѣ. Катерина, которая, повидимому, совсѣмъ уже лишилась твердости духа, принялась ей вторить и начала биться, такъ что Иванъ и Маша едва могли удержать ее въ телѣжкѣ.

Въѣздъ въ Марьинское окончательно испортилъ дѣло. Было послѣобѣденное время, именно въ то самое время, когда на улицѣ бываетъ довольно много народу. Какъ только увидѣли Ивана и Машу, ихъ тотчасъ же обступили. Одинъ вопросъ былъ на всѣхъ языкахъ:

— Нашли ли Петрушку?..

Напрасно Иванъ и Маша подавали имъ знаки, напрасно указывали на Катерину, метавшуюся въ безпамятствѣ, всѣ лѣзли и разспрашивали о мальчикѣ. Такая же толпа, какъ два дня назадъ, обступила теперь избу Лапши, когда остановилась передъ нею телѣга и начали высаживать Катерину. Двадцать рукъ протянулось, чтобы пособить Ивану и Машѣ внести бѣдную бабу въ клѣтушку.

Наконецъ, помощію соединенныхъ усилій, изъ которыхъ больше половины были безполезны и даже мѣшали дѣлу, потому что такъ много народа натискалось въ сѣни, что трудно было двигаться, Катерину внесли въ клѣть и уложили на постель. Въ самую эту минуту на улицѣ кто-то крикнулъ:

— Господа ѣдутъ!

Крикъ этотъ подхватили тотчасъ же тридцать голосовъ.

— Господа ѣдутъ! ѣдутъ! ѣдутъ! заговорили всѣ разомъ, и толпа повалила со всѣхъ ногъ изъ сѣней на улицу.

Въ клѣти остались только Иванъ, Маша и Катерина, которая ничего не слышала, ничего не чувствовала, ничего не понимала и, ломая руки, рыдала какъ безумная...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Пріѣздъ.

Крики: „господа ѣдутъ!“, раздавшіеся подлѣ избы Лапши, пробѣжали съ быстротою батальнаго огня по всему Мàрьинскому.

„Господа ѣдутъ! ѣдутъ! ѣдутъ!“ заговорили разомъ въ каждой избѣ, на каждомъ дворѣ. Въ ту же секунду, по обѣимъ сторонамъ деревни, на огородахъ, отдѣлявшихъ избы отъ сараевъ, ригъ и амбаровъ, показались бабы, ребята, дѣвчонки; онѣ летѣли со всѣхъ ногъ, опережая другъ дружку, перескакивая черезъ гряды, черезъ маленькихъ зазѣвавшихся дѣтей, теряя, впопыхахъ, головные платки и оставляя на пути коты; все это стремительно неслось въ переулки, выходившіе на улицу. Иной старичокъ и старушка, смиренно работавшіе гдѣ-нибудь на задвóркѣ, видя, что всѣ бѣгутъ и кричатъ, оставляли работу и направлялись къ избамъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, они оживлялись не хуже молодыхъ, и спѣшили пробраться къ воротамъ.

Такая же суматоха, если не больше, происходила въ тѣсномъ лабиринтѣ, гдѣ помѣщалась дворня. Мужики и бабы — люди отдаленные отъ господъ; въ какой одеждѣ ни явись они передъ ними—все равно: съ нихъ не взыщется. Дворня—дѣло совсѣмъ другого рода: это сословіе, ужъ нѣкоторымъ образомъ посвященное въ тайны приличія и галантерейности. Какой-нибудь Агапъ Акйшевъ, назначенный управителемъ для исправленія должности лакея и въ свободное время занимающійся портняжнымъ ремесломъ, понималъ очень хорошо, что невозможно ему

выбѣжать встрѣчать господъ въ прорванной на локтяхъ рубашкѣ, съ моткомъ нитокъ въ рукѣ, и сапогахъ, изъ которыхъ выглядывали пальцы. И такъ какъ марьинскіе дворовые, подобно вообще всѣмъ дворовымъ, были большею частью люди мастеровые, ремесленные, и такъ какъ въ настоящее утро каждый сидѣлъ за своимъ дѣломъ, предоставляю вамъ судить, какъ завозились они, когда раздался крикъ: „господа ѣдутъ!“ Старухи страшно застучали сундучками, хранившими чистые головные платки; мужчины забѣгали, какъ угорѣлые, съ жилетомъ въ одной рукѣ, съ галстукомъ въ другой, въ каждой клѣтушкѣ сильно сшибались въ дверяхъ и стукались головами.

Посреди всей этой суматохи нашелся, однакожъ, молодой человѣкъ, который вспомнилъ объ управителѣ. Воодушевленный блистательнымъ случаемъ прислужиться начальнику, онъ полетѣлъ въ контору съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука, и на пути онъ сшибъ съ ногъ какую-то старуху Макрину Дементьевну... Дѣло извѣстное: предпріимчивые люди, стремящіеся къ вѣрной цѣли, всегда идутъ напроломъ и ни передъ чѣмъ не останавливаются: онъ перескочилъ только черезъ старуху, и не успѣла она крикнуть, какъ онъ былъ уже въ конторѣ.

Герасимъ Аѳанасьевичъ, заключенный въ своей комнатѣ, глядѣвшей окнами на красный дворъ, ничего не подозрѣвалъ изъ того, что̀ совершалось въ Марьинскомъ. Онъ только что разложилъ кулечки съ гвоздями и свѣчами, привезенными изъ города. Въ числѣ этихъ покупокъ, свертокъ съ конопляным сѣменемъ, предназначавшимся для чижиковъ, которые громко распѣвали въ комнатѣ, особенно привлекъ вниманіе старика. Отвернувъ уголъ свертка, Герасимъ Аѳанасьевичъ готовился уже засыпать кормъ въ первую клѣтку, когда вбѣжалъ услужливый молодой человѣкъ.

— Герасимъ Аѳанасьичъ, господа ѣдутъ! господа ѣдутъ! крикнулъ онъ, какъ бы выстрѣливая изъ ружья.

При этомъ извѣстіи старикъ засуетился какъ шутиха, къ которой приложили огонь.

— Сюртукъ! сюртукъ!.. могъ только проговорить онъ, метаясь по комнатѣ и, впопыхахъ, не отличая оконъ отъ дверей. — Сюртукъ! сюртукъ! подхватилъ онъ, продолжая бѣгать и не замѣчая, что держалъ вверхъ ногами свертокъ съ сѣменемъ, которое било каскадомъ на его сапоги и панталоны.

Молодой человѣкъ отцѣпилъ между тѣмъ сюртукъ и ходилъ за начальникомъ, стараясь стать къ нему лицомъ, чтобы врѣзать черты свои въ его памяти; но Герасимъ Аѳанасьевичъ упорно поворачивался къ нему спиною, совалъ безъ толку руки вправо и влѣво и твердилъ только: сюртукъ!.. сюртукъ!.. Наконецъ сюртукъ очутился на плечахъ его; въ то же мгновеніе, не разобравъ даже, кто говорилъ съ нимъ, старикъ прыснулъ изъ конторы въ переулокъ, оттуда на дворъ, оттуда къ воротамъ. Тутъ только замѣтилъ онъ, что свертокъ, заключавшій въ себѣ сѣмя, все еще находился въ рукахъ его; онъ проворно затопталъ его ногами, оглянулъ дворъ, обдернулъ сюртукъ и выбѣжалъ за ворота.

Обѣ стороны улицы, какъ пестрымъ ковромъ, убраны были народомъ. Можно было головою ручаться, что изъ тысячи глазъ, здѣсь находившихся, не было ни одного, который бы не устремлялся на дорогу, спускавшуюся къ околицѣ. Два экипажа быстро подвигались въ облакѣ пыли. Первый экипажъ былъ обширный дормёзъ, запряженный шестернею съ форейторомъ.

Подъѣхавъ къ околицѣ, форейторъ, рослый дѣтина изъ ямщиковъ уѣзднаго города, надвинулъ на бокъ шапку, пріосанился, какъ бы ввинтился въ сѣдло и замахалъ кнутомъ; но напрасно молодцовалъ онъ: никто даже не взглянулъ на него—всѣ смотрѣли на экипажъ, заключавшій въ себѣ господъ. Верхъ дормёза былъ откинутъ. На почетномъ мѣстѣ сидѣла молоденькая, красивая дама въ соломенной шляпѣ и темномъ шелковомъ капотѣ, на которомъ четко обрисовывалось шитье воротничка и манжетокъ; въ рукахъ ея, обтянутыхъ свѣжими цвѣтными перчатками, находилась легонькая омбрелька, открывавшая, впрочемъ, совершенно лицо барыни, которая, очевидно, хотѣла, чтобъ ее видѣли. Подлѣ нея помѣщался ея мужъ, господинъ лѣтъ тридцати-пяти, съ бѣлокурымъ, круглымъ, добродушнымъ лицомъ; костюмъ его, за исключеніемъ пастушеской сѣрой шляпы, мало чѣмъ отличался отъ туалета людей порядочнаго круга, ведущихъ дачную петербургскую жизнь. Противъ него вертѣлась, какъ бы сидя на иголкахъ, гувернантка-француженка съ орлинымъ носомъ, похожимъ на флюгеръ, съ черными синеватыми волосами, причесанными такъ круто, что розовая шляпка ея поминутно съѣзжала назадъ; затянутая въ струнку, она сохраняла такой видъ, какъ будто готовилась играть

на фортепіано передъ многочисленнымъ собраніемъ. Подлѣ гувернантки и противъ дамы стояла, держась за дверцы экипажа, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка, одѣтая съ необыкновеннымъ вкусомъ; но болѣе всего, казалось, занимала крестьянъ ея огромная широкополая соломенная шляпа, украшенная яркими лентами, концы которыхъ развѣвались по воздуху.

Миновавъ первыя двѣ-три избы, форейторъ гикнулъ и пустилъ вскачь; но баринъ тотчасъ же приказалъ остановить и ѣхать шагомъ. Онъ находился, повидимому, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа; въ каждой чертѣ его добраго, круглаго лица проглядывала наивная, простодушная радость, которая показывала въ немъ человѣка впечатлительнаго и, сверхъ того, не слишкомъ озабоченнаго тягостною стороною жизни. Выставившись немножко впередъ, онъ кланялся направо и налѣво; но глаза его преимущественно, кажется, останавливались на сѣдыхъ головахъ, и онъ не переставалъ покрикивать: „здорово, старикъ! здорово, старикъ!“ Жена его посылала также привѣтливые знаки народу и улыбалась; она поминутно говорила дочери: „Mais saluez donc, Mery, mais saluez donc!“ хотя шляпа дѣвочки и безъ того наклонялась во всѣ стороны. Гувернантка, которая, при въѣздѣ въ околицу, сбросила съ себя мантилью для того, вѣроятно, чтобъ поразить русскій народъ гибкостью и тонкостью своего стана, ласково щурила глаза, кивала головою и произносила съ необычайной быстротою: „Здрастѝ! здрастѝ, батушка!“ Во всемъ этомъ поѣздѣ, одинъ лишь ямщикъ-форейторъ да еще камердинеръ, сидѣвшій на козлахъ, и горничная, сидѣвшая на запяткахъ, сохраняли свое равнодушіе; послѣдніе проникнуты даже были какимъ-то надменнымъ внутреннимъ достоинствомъ, которое рѣшительно ничѣмъ не оправдывалось. Что жъ касается до повара, другого лакея и другой горничной, сидѣвшихъ во второмъ экипажѣ, они только шептались, посмѣивались и вовсе даже не смотрѣли на народъ, который валилъ по обѣимъ сторонамъ дормёза.

— Вотъ и домъ, наконецъ! Voici le château! сказалъ помѣщикъ, указывая глазами на старинное зданіе, которое начинало показываться изъ-за флигеля.

— Oh! mais c'est charmant! Я въ совершенномъ восхищеніи!.. Я не знаю, можетъ-быть, это потому, что я первый разъ въ деревнѣ, но все это мнѣ чрезвычайно нра-

вится, возразила жена его по-французски. — Я понимаю теперь, что можно въ самомъ дѣлѣ находить большое удовольствіе въ сельской жизни, далеко отъ шумнаго, душнаго города... L'air qu'on y respire... mais saluez donc, Mery, saluez donc...

— Здравствуй, старикъ! здорово, старикъ! говорилъ мужъ, продолжая кланяться.—Очень радъ, другъ мой, что ты повѣрила, наконецъ, прелестямъ этой простой жизни... Пожалуйста, братцы, не подходите такъ близко, особенно дѣтей не подпускайте: какъ разъ подъ колесо попадутъ, подхватилъ онъ, заботливо обратившись къ поселянамъ, жавшимся подлѣ экипажа. — А! вотъ посмотри, Alexandrine, посмотри... заговорилъ онъ опять по-французски и указалъ женѣ на стараго управителя, который дожидался подлѣ воротъ, — вотъ нашъ старый, добрый нашъ Герасимъ...

— Tiens, quel drôle de nom: Karassin! Karassin!.. произнесла француженка, раскрывая удивленные глаза.

Помѣщикъ, его жена и даже дочка засмѣялись; но мысль, что смѣхъ можетъ быть растолкованъ окружающими въ обидную сторону, возвратила тотчасъ же на лица супруговъ спокойное выраженіе. Сдѣлавъ полукругъ, дормёзъ съ грохотомъ въѣхалъ въ ворота.

— Здравствуй, Герасимъ. Все ли благополучно? крикнулъ помѣщикъ.

— Все, сударь, слава Богу! Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить! возразилъ Герасимъ Аѳанасьевичъ, пускаясь вдогонку за экипажемъ, но въ ту же секунду откинулся назадъ и устремился къ воротамъ, чтобъ удержать народъ, ломившійся на дворъ. Ворота были тотчасъ же заперты, но въ тотъ же мигъ вся задняя часть рѣшетки усѣялась головами и руками; послышался даже мѣстами легкій трескъ, болѣзненно отозвавшійся въ сердцѣ управителя; но ему было не до разбирательствъ: онъ спѣшилъ предупредить дворню, которая бѣжала къ парадному крыльцу и тѣснилась вокругъ экипажей.

Выйдя изъ дормёза, помѣщикъ, его жена, дочь и гувернантка шагу не могли ступить—такъ дружно осадила ихъ дворня; особенно мѣшалъ имъ двигаться впередъ какой-то мальчикъ въ бѣлой рубашонкѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, торчавшими щеткой, и краснымъ, какъ макъ, лицомъ, усѣяннымъ веснушками; онъ совался имъ подъ ноги, неожиданно выросталъ то съ одного бока, то

съ другого, яростно порывался впередъ каждый разъ, какъ затирали его въ толпѣ, и съ какимъ-то свирѣпымъ азартомъ бросался въ двадцатый разъ цѣловать руки господамъ своимъ. Помѣщики рѣшительно уже не знали, куда дѣваться отъ тѣсноты, жары и болѣе всего отъ преслѣдованій краснолицаго мальчика; имъ совѣстно было обидѣть дворню, и они продолжали привѣтливо улыбаться, но дѣлали это уже противъ воли, особенно помѣщица, на которую съ особеннымъ усердіемъ нападалъ краснолицый мальчикъ; къ счастію, скоро подоспѣлъ на выручку Герасимъ Аѳанасьевичъ.

— Здравствуй, мой милый... здравствуй, Герасимъ. Все ли у васъ благополучно?.. Здравствуйте... хорошо... хорошо... повторялъ помѣщикъ, цѣлуясь съ дворовыми, напиравшими все сильнѣе и сильнѣе.

— J'étouffe! крикнула гувернантка.

— Здравствуйте, сударь... Съ пріѣздомъ честь имѣю... поздравить... подхватилъ управитель, не переставая укоризненно кивать головою людямъ, которые лѣзли впередъ. — Наконецъ-то, сударыня, Александра Константиновна, дождались мы васъ... Пожалуйте ручку, сударыня... довершилъ онъ, протискиваясь впередъ и подхватывая руку помѣщицы. Но въ ту самую секунду, какъ онъ готовился приложить губы къ перчаткѣ, откуда ни возьмись, снова вынырнулъ мальчикъ, схватилъ руку барыни и припалъ къ ней.

— Что это за ребенокъ? спросила Александра Константиновна, обращаясь къ управителю, который украдкою толкнулъ мальчика ногою.

— А это, сударыня, внучекъ мой... внучекъ, сударыня, умиленно повторяла Макрина Дементьевна, та самая, которую сшибъ съ ногъ молодой человѣкъ, бѣжавшій въ контору, — радуется, сударыня, пріѣзду вашему... цѣлые три дня все объ этомъ... Цѣлуй ручки, глупый; скажи: пожалуйте, молъ, сударыня, ручку.

— Ну, друзья мои! воскликнулъ неожиданно помѣщикъ, появляясь подлѣ жены и простирая руки,—я, къ сожалѣнію, не могу перецѣловаться со всѣми вами, но все равно, я за всѣхъ васъ поцѣлую Герасима Аѳанасьевича: это все равно... Здравствуй, старикъ! заключилъ онъ съ нѣкоторою торжественностью и обнялъ управителя, который горячо припалъ къ плечу его.

Послѣ этого помѣщикъ подалъ руку женѣ и поднялся

на парадное крыльцо, сопровождаемый дочкой, которую несъ камердинеръ, и гувернанткой, которая обдергивала платье и поправляла свою розовую шляпку. За ними, кромѣ двухъ горничныхъ и лакея, вошелъ въ домъ одинъ только Герасимъ Аѳанасьевичъ.

Первыя минуты были исключительно посвящены осмотру комнатъ стариннаго дома. По мѣрѣ того, какъ Сергѣй Васильевичъ Бѣлицынъ (такъ звали владѣтеля Мàрьинскаго) подвигался впередъ, пріятное расположеніе духа замѣтно овладѣвало имъ сильнѣе. Нельзя сказать, чтобъ онъ слишкомъ былъ занятъ своимъ происхожденіемъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, прогуливаясь по комнатамъ родового дома, онъ чувствовалъ себя какъ-то веселѣе, чѣмъ въ своей петербургской *квартирѣ*, очень, впрочемъ, хорошей квартирѣ, помѣщавшейся въ бельэтажѣ аристократическаго дома. Сергѣй Васильевичъ, все еще ведя жену подъ руку, преимущественно останавливался передъ портретами предковъ.

— Вотъ это бабушка Анисья Тимоѳеевна, говорилъ онъ съ улыбкой, которая достаточно свидѣтельствовала о пріятномъ настроеніи души его,—а это... это дѣдъ Нилъ Васильевичъ Бѣлицынъ, знаменитый умомъ своимъ, проницательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ эксцентрическими своими выходками... словомъ, это тотъ самый, который, помнишь, я говорилъ тебѣ, подписывалъ всегда свои письма: „слабый во всѣхъ частяхъ старикъ“; но почему слабый—этого до сихъ поръ никто понять не можетъ. А! вотъ и прабабушка Лизавета Ниловна, дочь Нила Васильевича, жена Степана Степаныча, которая всякій разъ, какъ уѣзжала куда-нибудь, запирала бѣднаго своего мужа въ спальню... А вотъ и воевода Бѣлицынъ... Mery, viens voir ton grand-grand oncle le voyevode!.

— Oh Dieu, quelle barbe! воскликнула гувернантка, становясь съ Мери передъ портретомъ воеводы и содрогаясь, какъ должна была содрогаться Андромеда при видѣ чудовища.

Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна добродушно засмѣялись и продолжали переходить отъ одного знаменитаго предка къ другому; при чемъ всякій разъ въ голубыхъ глазахъ Бѣлицына засвѣчивался какой-то ласковый пламень, нижняя губа слегка выставлялась впередъ и станъ выпрямлялся. Александра Константиновна была также очень весела и довольна; но радость

ея не столько, казалось, возбуждали изображенія предковъ, сколько видъ старинной мебели, о которой мы упоминали выше.

— Mais c'est superbe! говорила она, останавливаясь передъ какимъ-нибудь брюхатымъ комодомъ en marquetterie съ бронзовыми вычурными ручками, во вкусѣ Помпадуръ,— c'est magnifique!.. Какъ же ты, Serge, никогда ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ?..

— Я самъ ничего этого не подозрѣвалъ... зналъ, что есть что-то такое, но все это носилось передо мною въ какомъ-то туманѣ; я думалъ такъ-себѣ, старый домъ, и больше ничего... Такъ, стало-быть, тебѣ все это нравится?..

— Еще бы! Mais c'est du meilleur goût! Это оправдывается тѣмъ, что теперь снова возвращаются къ этому вкусу... Помнишь, прошлаго года мы заказали Туру такой же точно комодъ-Помпадуръ для гостиной? Что, если бъ мы знали, что въ Марьинскомъ хранятся такія сокровища?.. Стоило только послать привезти... Надо будетъ, однакожъ, непремѣнно это сдѣлать. Жаль видѣть здѣсь такія вещи; c'est un sacrilège! онѣ стоятъ, чтобъ ими любоваться. Мы непремѣнно сдѣлаемъ выборъ и увеземъ все это въ Петербургъ: notre salon sera vraiment magnifique!

— Да, наши дѣды умѣли жить! возразилъ Сергѣй Васильевичъ, — это были настоящіе grand-seigneurs. Не забудь, Alexandrine, что весь этотъ домъ, со всѣмъ, что ты здѣсь видишь, выражаетъ только капризъ дѣдушки Нила Васильевича. Когда онъ объѣзжалъ какъ-то имѣнья свои, ему понравилось Марьинское; онъ велѣлъ построить домъ, и послѣ этого въ какіе-нибудь два-три года онъ пріѣзжалъ сюда провести много-много одинъ лѣтній мѣсяцъ... Впрочемъ, надо тебѣ сказать: у Нила Васильича было тогда девять тысячъ душъ, что, по тогдашнему образу жизни, значило то же, если бъ имѣть теперь двадцать тысячъ душъ!..

Александра Константиновна приказывала управителю снимать чехлы съ каждаго дивана, съ каждаго стула. Фарфоръ, хранившійся въ старинномъ шкапу, былъ также подверженъ внимательному осмотру. Она мысленно какъ-будто переносила все это въ петербургскую гостиную, придумывала каждой вещи соотвѣтственное мѣсто и заранѣе любовалась общимъ эффектомъ. Гостиная ея и безъ того

была очень хороша и стоила много денегъ, больше даже, чѣмъ бы слѣдовало. Но свѣтъ ужъ такъ устроенъ, что въ домахъ, гдѣ находится парадная лѣстница съ ковромъ, каминами, съ boiseries и швейцаромъ, парадныя комнаты, и особенно гостиная, никогда не могутъ быть достаточно великолѣпны. Дѣло въ томъ, что какъ ни великолѣпна ваша гостиная, всегда найдется другая въ Петербургѣ, которая еще великолѣпнѣе; никакъ не угоняешься! Въ этой скачкѣ съ препятствіями къ цѣли, которой никогда не достигнешь, заключается, можетъ быть, тайна исчезновенія многихъ семействъ изъ Петербурга въ деревню. Не поручусь, что появленіе въ Марьинское... Но, впрочемъ, какое намъ до этого дѣло? мы радуемся пріѣзду Бѣлицыныхъ ничуть не меньше Герасима Аѳанасьевича.

Бѣлицыны распорядились какъ нельзя лучше касательно помѣщенія. Принимая въ соображеніе лѣтнее время и наступающіе жары, они выбрали комнаты, выходившія въ садъ и защищенныя круглый день деревьями отъ лучей солнца. Полукруглая спальня, раздѣленная пополамъ рѣшетчатымъ альковомъ, боскетная и диванная поступили во владѣніе Александры Константиновны; туда тотчасъ же перенесены были чемоданы, ящики и картонки; комнатка подлѣ спальни, служившая въ старые годы будуаромъ, назначена была Мери; гувернанткѣ дали двѣ комнаты наверху.

— Ну, mesdames, теперь, прощайте! весело сказалъ Сергѣй Васильевичъ,—что до меня касается, я помѣщаюсь въ комнатахъ, которыя занималъ дѣдушка Нилъ Васильичъ; его кабинетъ будетъ моимъ кабинетомъ. Дѣло въ томъ, что сколько дѣдъ ни былъ grand-seigneur, онъ очень исправно занимался дѣлами: я хочу послѣдовать его примѣру... Кромѣ этого, тебѣ, Alexandrine, предстоитъ еще та выгода, что весь этотъ народъ, который будетъ ходить по комнатѣ, вся эта возня,—потому что я рѣшительно самъ лично хочу заняться дѣлами—все это не будетъ тебя безпокоить.

— Вотъ это мнѣ нравится! смѣясь, перебила Бѣлицына.—Неужели ты думаешь, что я пріѣхала въ деревню для того только, чтобъ рвать незабудки и нюхать ландыши? Извините-съ, я также намѣрена заниматься дѣлами...

— Bravo! съ комическою восторженностью воскликнулъ супругъ,—ну, и прекрасно! посмотримъ...

— Увидимъ: rira mieux, qui rira le dernier!..

Войдя въ кабинетъ—довольно мрачную комнату, гдѣ камердинеръ успѣлъ уже разложить несессеръ и все необходимое для перемѣны туалета, Сергѣй Васильевичъ позаботился прежде всего, чтобъ поставили на столъ чернильницу, бумагу, счеты—словомъ, все нужное для письма и дѣловыхъ занятій. Если вѣрить Лафатеру, въ наружности Сергѣя Васильевича рѣшительно не было знака, который бы могъ обличить натуру, особенно воспріимчивую и дѣятельную; но, надо полагать, онъ былъ одаренъ необыкновенно живымъ воображеніемъ. Принявъ намѣреніе лично заняться своими дѣлами, онъ такъ сильно порывался къ дѣятельности, что ему не сидѣлось на мѣстѣ; десятки проектовъ, одинъ другого новѣе, одинъ другого сложнѣе, касательно преобразованій въ Марьинскомъ по части хозяйства, возникали въ головѣ его. Такъ какъ въ настоящую минуту не было никакой возможности приступить къ дѣлу, то онъ началъ прогуливаться по большой залѣ. Герасимъ Аѳанасьевичъ слѣдовалъ за нимъ въ почтительномъ разстояніи, съ руками, заложенными за спину. Замѣчательно было въ этой прогулкѣ, что большіе пальцы на рукахъ управителя вертѣлись одинъ вокругъ другого съ неуловимою быстротою.

— Спасибо, спасибо, мой милый! говорилъ Бѣлицынъ,— я очень доволенъ порядкомъ, который нашелъ въ домѣ... Спасибо также, что ты сохранилъ мнѣ старую эту мебель: она очень понравилась Александрѣ Константиновнѣ. Я, признаться, думалъ найти эти стѣны гораздо старѣе, чѣмъ онѣ есть. Шутка! вотъ скоро восемьдесятъ лѣтъ, какъ онѣ воздвигнуты! Скажи, пожалуйста, Герасимъ, а эти службы... неужто онѣ одного времени съ домомъ? быть не можетъ! промолвилъ онъ, останавливаясь у окна и указывая на амбары, крытые соломой.

— Все единственно, сударь, въ одно время съ домомъ...

— Отчего жъ онѣ смотрятъ такими развалинами... Это, братецъ, никакъ нельзя такъ оставить, это нехорошо...

— Что жъ хорошаго, сударь? совсѣмъ нехорошо! Я вотъ объ этихъ самыхъ строеніяхъ имѣлъ честь вамъ письменно докладывать: ремонтъ требуется...

— Хорошо, ты завтра напомни мнѣ объ этомъ... Впрочемъ, я думаю совсѣмъ снести ихъ отсюда; имъ здѣсь вовсе не мѣсто: онѣ только дворъ стѣсняютъ, который и безъ того очень малъ... Мнѣ это тотчасъ же бросилось въ

глаза. Что тамъ находится, за этими скверными амбарами?

— Тамъ, сударь, помѣщаются дворовые...

— Ихъ точно такъ же надо будетъ переселить въ другое мѣсто... Я, главное, хочу, чтобъ дворъ... дворъ былъ какъ можно шире, просторнѣе. Мнѣ хочется разбить все это мѣсто въ видѣ англійскаго сада: вездѣ клумбы, дорожки, проговорилъ Сергѣй Васильевичъ, простирая кисть правой руки и какъ бы мысленно усыпая дворъ дорожками и клумбами, — ну, а тамъ что, за помѣщеніемъ дворовыхъ?

— Тамъ, сударь, фруктовый садъ, больше все яблони...

— Жаль, о-очень жаль!.. Впрочемъ, что жъ! можно и его перевести... Все зависитъ отъ того, приноситъ ли онъ какую-нибудь пользу, доходъ?

— Какъ же, сударь, мы всякій годъ продаемъ его... цѣна не всегда вѣрная: иной годъ ходитъ за восемьсотъ, другой больше; бываютъ годы, продаемъ за тысячу...

— Серебромъ?

— Нѣтъ-съ, на ассигнаціи.

— Что жъ такъ дешево?

— Также и въ этой статьѣ, сударь, ремонтъ требуется... Съ тѣхъ поръ, какъ помереть изволили покойный вашъ папенька, ни одной яблони не было подсажено... я ужъ имѣлъ честь письменно докладывать вамъ объ этомъ...

— Да... помню, помню... Ну, что жъ дѣлать? Въ такомъ случаѣ садъ надо будетъ оставить. Вообще все, что приноситъ пользу, доходъ—все останется на своемъ мѣстѣ неприкосновеннымъ. Восемьсотъ рублей, конечно, небольшія деньги, но въ общемъ оборотѣ, въ общемъ доходѣ по хозяйству, это весьма важная статья... Дворъ упрется, слѣдовательно, въ садъ, который можно будетъ съ этой стороны оградить какой-нибудь красивой рѣшёткой; снесутся, слѣдовательно, только амбары и жилья дворовыхъ.

Герасимъ освѣдомился о томъ, куда Сергѣй Васильевичъ намѣренъ снести амбары; но Сергѣй Васильевичъ самъ пока не зналъ ничего объ этомъ. Амбары, по мнѣнію молодого помѣщика, могли занять мѣсто гумна, потому что гумно было слишкомъ близко къ дому, или вообще могли перенестись куда-нибудь въ другое мѣсто. Гумно можно было расположить тамъ, гдѣ находились теперь огороды дворовыхъ, или вообще куда-нибудь въ другое мѣсто. Огороды можно было раскинуть подлѣ крестьянскихъ огородовъ; а если тамъ не позволяло пространство,

то все равно перенести ихъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Я вообще намѣренъ здѣсь сдѣлать много перемѣнъ, много преобразованій, сказалъ Сергѣй Васильевичъ.— Женѣ очень понравилось Марьинское, мнѣ также. Мы, вѣроятно, будемъ каждый годъ проводить здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, и потому мнѣ хочется придать всему этому нѣкоторый видъ... Пожалуйста, приготовь мнѣ всѣ бумаги: списки, счеты, расчеты; приведи все это въ порядокъ и завтра же утромъ принеси мнѣ: мы съ завтрашняго же утра займемся съ тобою всѣмъ этимъ.

Сказавъ это, Бѣлицынъ пошелъ одѣваться къ обѣду.

Намѣреніе Сергѣя Васильевича—заняться дѣлами, было похвально въ высшей степени. Онъ совершенно довѣрялъ Герасиму, этому старому слугѣ, который тридцать пять лѣтъ пользовался довѣріемъ покойнаго отца его. Но ему хотѣлось лично вникнуть въ дѣла, частью потому, что этого требовало его положеніе, какъ помѣщика, частью, чтобъ выяснить себѣ, какъ могло случиться, что, при порядочномъ числѣ душъ, онъ вѣчно сидѣлъ безъ денегъ. Сергѣй Васильевичъ могъ бы несравненно легче объяснить себѣ тайну этого дѣйствительно страннаго обстоятельства въ Петербургѣ, чѣмъ въ деревнѣ; но человѣкъ такъ ужъ видно сотворенъ, что любопытство его жадно стремится къ отдаленнымъ вопросамъ и сохраняетъ полное равнодушіе къ тому, что совершается у него подъ носомъ. Впрочемъ, это все равно: вникая въ дѣла Марьинскаго, онъ могъ съ успѣхомъ удовлетворить своему любопытству: счеты, списки, приходы и расходы должны были убѣдить Сергѣя Васильевича, что онъ проживалъ больше, чѣмъ получалъ доходовъ.

Въ пятомъ часу всѣ члены семейства и гувернантка явились въ большую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Лѣтнее платье изъ свѣтло-розовой тафты необычайно шло къ легкому стану Александры Константиновны; маленькій чепчикъ на головѣ ея былъ просто загляденье! Мери казалась еще миловиднѣе безъ шляпки, въ клѣтчатой юбкѣ съ голенькими икрами; ростъ mademoiselle Louise значительно выигрывалъ отъ ботинокъ съ каблуками, и смуглый цвѣтъ ея кожи казался бѣлѣе, благодаря черному атласному платью. Сергѣй Васильевичъ только выбрился и перемѣнилъ бѣлье; жакетка на немъ была та же, что и въ дорогѣ, но зато камердинеръ и другой привезен-

ный лакей были во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и перчаткахъ.

Обѣдъ прошелъ какъ нельзя веселѣе. Приключенія дороги, благополучное окончаніе путешествія, новыя мѣста, новыя впечатлѣнія—все служило пищею для оживленія бесѣды. Очень много также смѣялись надъ именемъ Karassin, которое дала гувернантка управителю; тутъ же рѣшено было звать его не иначе, какъ этимъ именемъ. Не малымъ поводомъ къ веселости служили также Агапъ Акйшевъ и еще другой лакей, назначенные управителемъ къ службѣ за столомъ. Два раза, въ поспѣшности своей, они стукнулись лбами въ дверяхъ, стремительно бросались впередъ при каждомъ звукѣ голоса господъ и, становясь за стульями, такъ страшно выкатывали глаза, что можно было думать, оба питали злостное намѣреніе истребить блюда, появлявшіяся на столѣ.

Обѣдъ приближался уже къ концу, какъ вдругъ изъ прихожей раздались дикіе и пронзительные крики. Это было такъ неожиданно, что присутствующіе дрогнули; гувернантка схватилась за спинку стула; Мери бросилась къ матери; Александра Константиновна слегка поблѣднѣла; Сергѣй Васильевичъ обратился ужъ къ людямъ, но новые, неистовые крики оглушили его совершенно. Въ эту же минуту вошелъ Герасимъ Аѳанасьевичъ и возвѣстилъ, что мужики желаютъ поздравить господъ съ пріѣздомъ и пришли съ поклономъ.

Обѣдъ былъ конченъ, и всѣ тотчасъ же отправились въ прихожую. Они нашли тамъ почти всѣхъ стариковъ Марьинскаго; въ рукахъ каждаго было какое-нибудь приношеніе: у одного чашка съ яйцами, у другого — хлѣбъ, третій держалъ подъ мышкою гуся; знакомый намъ Карпъ Ивановичъ стоялъ съ поросенкомъ, запрятаннымъ въ мѣшкѣ. Выслушавъ поздравленія, что было довольно трудно по причинѣ хрюканья и криковъ куръ и гусей, Сергѣй Васильевичъ поцѣловалъ каждаго старика, а потомъ поцѣловалъ и управителя. Жена его въ это время благодарила крестьянъ; француженка сочла своею обязанностью погладить и пожалѣть животныхъ, съ нѣжностью, свойственною ея націи; одна Мери не рѣшалась отойти отъ двери и съ ужасомъ во всѣхъ чертахъ смотрѣла на приношенія, на этихъ *страшныхъ звѣрей*, какъ потомъ она выразилась. Отблагодаривъ крестьянъ виномъ и деньгами, бѣлицыны отправились на террасу пить кофе. Когда жаръ

немножко ушалъ, дамы взяли омбрельки, Сергѣй Васильевичъ пастушескую свою шляпу—и всѣ пошли въ садъ.

Густолиственныя липовыя аллеи, массы сирени, которыя раскидывались тѣмъ роскошнѣе, что были брошены на произволъ судьбы, столѣтніе величественные дубы, одиноко возвышающіеся посреди пространныхъ газоновъ—все это сильно подѣйствовало на воображеніе Сергѣя Васильевича; этому способствовалъ отчасти характеръ запустѣнія сада; въ одинъ мигъ въ головѣ помѣщика возникли новые проекты преобразованія. Александра Константиновна подавала также свои мысли. Одно изъ первыхъ предположеній состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать прудъ вдвое, втрое длиннѣе и шире, сдѣлать просѣку черезъ весь садъ, такъ чтобъ видъ съ террасы замыкался водою. Бесѣдка, воздвигнутая на той сторонѣ пруда, нисколько не могла повредить виду—таково было мнѣніе жены.

— Напротивъ, она придастъ виду еще больше эффекта, съ одушевленіемъ сказалъ мужъ.

Тотчасъ же послано было за Karassin. Начались толки о землекопахъ, справки о родникахъ, питающихъ прудъ, вычисленія и соображенія. Увлекаемый все болѣе и болѣе дѣятельностью воображенія, Сергѣй Васильевичъ касался также мимоходомъ другихъ вопросовъ, и, наконецъ, такъ втянулся въ дѣло, что оставилъ дамъ въ саду, а самъ пошелъ съ управителемъ осматривать многосложныя части своего хозяйства. Домъ, дворъ, амбары, службы, гумно, фруктовый садъ, огороды дворовыхъ — все было мелькомъ осмотрѣно. Сергѣй Васильевичъ говорилъ безъ умолку; бо́льшая часть рѣчей его состояла изъ вопросовъ, и Герасимъ вторилъ ему усердно; бесѣда, питаемая разнообразными предметами, которые подвергались осмотру, должна была также отличаться разнообразіемъ. Герасимъ говорилъ о починкѣ кровель, Сергѣй Васильевичъ говорилъ о бесѣдкѣ на той сторонѣ пруда; Герасимъ говорилъ о посадкѣ новыхъ яблонь, Сергѣй Васильевичъ говорилъ о просѣкѣ; Герасимъ пріискивалъ мѣсто для амбаровъ, Сергѣй Васильевичъ пріискивалъ мѣсто посреди двора для огромной липы, которая дала бы двору англійскій характеръ; Герасимъ переходилъ къ огородамъ, Сергѣй Васильевичъ переходилъ къ пруду; мысли Герасима стремились къ гумну, воображеніе Сергѣя Васильевича влекло его къ садовой рѣшеткѣ. Все это пичѣмъ не кончилось, потому что дѣла собственно отложены были до

слѣдующаго утра. Сергѣй Васильевичъ возвратился домой, когда уже сѣло солнце. Дамы его пили чай на террасѣ.

— Уфъ, сказалъ онъ, бросаясь въ кресло между женою и Мери.

Садъ между тѣмъ покрывался тѣнью. Кусты и деревья начали отдѣляться черными массами на газонахъ, которые серебрила роса, запахъ сирени сдѣлался ощутительнѣе и наполнялъ террасу; кругомъ воцарилась торжественная тишина; время отъ времени прерывали ее раскаты соловьевъ, которые какъ бы перекликались изъ конца въ конецъ стариннаго сада. Наконецъ, когда изъ-за горизонта показался полный, красный мѣсяцъ и цѣликомъ отразился въ прудѣ, Сергѣй Васильевичъ, его жена, Мери и mademoiselle Louise не могли удержаться отъ восторженнаго восклицанія. Всѣ рѣшительно были въ восхищеніи, что пріѣхали въ деревню.

II.

Дѣловое утро.

Десять часовъ утра; но полукруглая спальня, раздѣленная рѣшетчатымъ окномъ, уже убрана; старинныя, тяжелыя занавѣси съ крупными разводами подняты; окно въ садъ отворено. Противъ алькова, между двумя окнами, находится столъ, покрытый ковромъ; посреди его возвышается овальное зеркало въ серебряной рамкѣ; направо и налѣво разложено множество туалетныхъ принадлежностей, которыя совершенно невѣрно называютъ *безделушками*, потому что онѣ стоятъ очень дорого, несравненно дороже барановъ, дровъ, съѣстныхъ припасовъ — словомъ, всего того, что именуется дѣльнымъ. Свѣтъ, наполняющій спальню, дробится въ граненыхъ цвѣтныхъ флаконахъ, скользитъ по рѣзной слоновой кости и черепахѣ и выставляетъ блестящую полировку серебряныхъ крышечекъ на хрустальныхъ коробкахъ, наполненныхъ порошками, помадой и духами, которые успѣли уже распространить тонкій ароматъ свой по всей комнатѣ. Противъ зеркала, въ большихъ старинныхъ золоченыхъ креслахъ съ овальною спинкой, обтянутой голубымъ штофомъ, сидитъ Александра Константиновна. Бѣлый батистовый пеньюаръ, сквозь который просвѣчиваютъ ея круглыя розовыя плечи, и внизу широкое англійское шитье юбки обнимаютъ ее своими мягкими воздушными складками;

ножки ея, обтянутыя чулками à jour, кажутся также розовыми; черныя туфли, съ свѣжимъ голубымъ chou, придаютъ имъ такой аппетитный видъ, что, кажется, не оторвался бы и глядѣлъ бы на нихъ съ солнечнаго восхода до заката. Роскошные, бѣлокурые и слегка вьющіеся волосы Александры Константиновны распущены: они, безъ сомнѣнія, коснулись бы ковра на полу, если бъ не поддерживала ихъ горничная, которая убирала голову барыни.

Направо отъ креселъ стоитъ небольшой кругленькій столикъ, закрытый тяжелымъ металлическимъ подносомъ; на немъ виднѣется нѣжно-голубая чашка, украшенная медальонами съ пастушками; крышечка съ такими же медальонами, и прозрачность чашки, въ которую бьетъ свѣтъ изъ окна, не позволяетъ сомнѣваться въ ея аристократическомъ, кровномъ саксонскомъ происхожденіи; тутъ же сверкаютъ ложки, щипчики для сахару, фарфоровая корзина для хлѣба и старинная овальная серебряная сахарница, устроенная въ видѣ баульчика, съ лапками вмѣсто ножекъ, съ фантастическимъ чеканенымъ звѣркомъ на макушкѣ. По другую сторону креселъ находится еще столикъ; но, Боже, какой контрастъ! на немъ лежатъ нѣсколько тетрадей изъ грубой бумаги; листы покрыты каракулями, чернильными пятнами и мѣстами сильно захватаны пальцами. Къ довершенію контраста, въ глаза такъ и мечутся слѣдующія надписи: „Коровы дойныя...“, „Пухъ съ сорока трехъ индюковъ“, „Восьмнадцать шкуръ“, „Зарѣзано девять барановъ...“, „Продано сала...“ и т. д.

Надо полагать, горничная Александры Константиновны грамотная: она безпрестанно заглядываетъ черезъ голову госпожи своей и устремляетъ глаза на тетради, но всякій разъ щуритъ глаза съ видимымъ отвращеніемъ: мысль о коровахъ, индюкахъ и салѣ, повидимому, непріятно дѣйствуетъ на ея тонкій, изящный вкусъ. Этотъ изящный вкусъ горничной проглядываетъ въ каждомъ ея движеніи и даже въ манерѣ держать гребень, которымъ расчесываетъ она волосы барыни. Бѣлицыны, говоря о ней между собою, называютъ ее обыкновенно: lady Furie; но трудно предположить, чтобъ вострый, какъ шило, носъ горничной, ея выщипанныя ноздри и узенькія губы могли имѣть что-нибудь общее съ такимъ названіемъ. Несомнѣнно лишь то, что горничная проникнута въ высшей степени чувствомъ собственнаго достоинства; вѣроятно,

чтобъ придать больше значенія гордой головѣ своей, она причесываетъ ее à la Margot; но Александра Константиновна ничего не замѣчаетъ: нагнувшись къ столику налѣво, нахмуривъ снерва брови, она не отрываетъ глазъ отъ дѣловыхъ списковъ.

— Позвольте, сударыня; мнѣ этакъ никакъ невозможно, говоритъ горничная съ оттѣнкомъ нетерпѣнія, которое можетъ выказать лучше всякихъ словъ безконечную доброту ея госпожи.

— Ахъ, какъ это скучно!.. Ну! возражаетъ Александра Константиновна, выпрямляясь въ креслѣ.

Взглядъ, брошенный ею въ зеркало, показываетъ ей нахмуренное лицо горничной.

— Ты, Даша, кажется, очень недовольна, что пріѣхала въ деревню?..

— Наше дѣло такое, сударыня: куда прикажутъ, туда и ѣдемъ.

Слова эти, проникнутыя покорностью, сдѣлали бы величайшую честь Дашѣ, если бъ лицо ея не противорѣчило словамъ.

— Тебѣ, стало-быть, деревня не нравится?

— Ужъ, конечно, сударыня, ничего нѣтъ хорошаго, подхватываетъ горничная, очевидно смягченная ласковымъ голосомъ барыни, — удивляюсь только, сударыня, какъ она вамъ можетъ нравиться... То ли дѣло, какъ изволили жить на Каменномъ Острову: съ утра до вечера ѣзда... оживленіе такое, въ одинъ часъ проѣдетъ и пройдетъ больше публики, чѣмъ здѣсь во сто лѣтъ... Да здѣсь и публики-то нѣтъ: глушь! мужики!.. взглянуть такъ даже гадко...

— Что жъ? развѣ они не такіе же люди? закусывая губки, спрашиваетъ барыня.

— Извѣстно, такіе же, только нѣтъ никакого обхожденія, приличія нѣтъ... одни эти ихніе лапти—такъ это ужасти!.. Нечесаные, небритые, неуклюжіе... ручищи-то даже описать невозможно, какія страсти!.. Да вотъ теперь даже дворовые, вотъ хоть эти, что въ комнату взять изволили, просто чучелы какія-то; никакой рѣшительно образованности!.. Кромѣ этого, сударыня, самая жизнь какая-то скучная. Ходишь-ходишь — слова сказать не съ кѣмъ! Никто не проѣдетъ, никто не пройдетъ, даже взглянуть не на что: поля, луга, лѣса... Если бъ, по крайней мѣрѣ, жили мы хоть на большой дорогѣ.

— Но такъ какъ мы не живемъ на ней, то тебѣ прійдется долго еще скучать...

— Неужели, сударыня, вы здѣсь долго останетесь?

— Разумѣется, и даже очень-очень долго; я думаю, до осени... Ну, готово? произнесла Александра Константиновна, поворачивая голову вправо и влѣво, чтобъ разсмотрѣть свою прическу,—хорошо. Теперь прибери, пожалуйста, все это, подхватила она, указывая на чайный приборъ, — потомъ ты скажешь женщинамъ, которымъ я велѣла придти и которыя, вѣроятно, дожидаются, скажешь имъ, что онѣ могутъ войти...

Александра Константиновна снова пригнулась къ дѣловымъ тетрадямъ. Она внутренно начинала уже сознаваться, что все это страхъ скучно и, вдобавокъ, перепутано, дико, непонятно; но она твердо рѣшилась побѣдить скуку и надѣялась, что современемъ будетъ читать эти тетради, если не съ тою пріятностью, то такъ же свободно, какъ любой романъ графини Дашъ и Поля Феваля. Кашель, раздавшійся у двери, прервалъ ее. Она увидѣла среднихъ лѣтъ бабу въ котахъ, клѣтчатой понявѣ, коротайкѣ и темномъ платкѣ на головѣ. Если смотрѣть безпристрастно, лицо бабы было далеко непривлекательно: круглый носъ, толстыя губы, калмыцкія скулы; но каріе, узенькіе глаза выкупали зато одутлость лица — такъ много написано было въ нихъ лукавства, пронырства и хитрости. Была еще одна особенность, которая возбуждала вниманіе: глаза и виски бабы были окружены множествомъ полукруглыхъ морщинъ; когда морщины эти собирались, лицо бабы казалось плачущимъ, несчастнымъ и робкимъ; когда же, повинуясь какому-то внутреннему механизму, которымъ произвольно располагала баба, морщины расходились, лицо мгновенно принимало выраженіе юркости и бойкости неописанной. Въ настоящую минуту всѣ несчастія, какія ходятъ только по бѣлу-свѣту, выбрали, казалось, бѣдную бабу своею жертвой.

— Подойди сюда, милая! сказала барыня, призывая на помощь самый мягкій и ласковый голосъ, чтобъ ободрить несчастную жертву,—ты что такое... то-есть какая твоя должность, моя милая?

— Скотница, сударыня, со вздохомъ произнесла баба, робко подвигаясь впередъ.

— Какъ твое имя?

— Василиса, сударыня.

Новый глубокій вздохъ.

— Подойди ближе, моя милая. Я позвала тебя потому... Мнѣ, вотъ видишь ли, хотѣлось узнать, какъ все это идетъ у насъ на скотномъ дворѣ — понимаешь? сколько расхода, прихода и проч. Скажи мнѣ прежде всего: сколько у насъ коровъ, всего-на-все?..

— Дойныхъ, сударыня, которыя для вашей милости оставляются? спросила скотница, начинавшая мало-по-малу расправлять свои морщины.

— Да, да, дойныхъ; сколько дойныхъ?

— Восьмнадцать, сударыня.

— Это, кажется, мало?

— Оченно мало, сударыня. Оно, то-есть, по положенію, больше бы держать надобно... въ прежнее время... сказываютъ, по сорока коровъ держали... Да только это не наше дѣло... знамо, сударыня, дѣло управительское, подхватила Василиса съ таинственностью. — Я имъ докладывала, сударыня. „Ничего, говоритъ, довольно и этихъ“. Извѣстно, почему-то не входятъ они въ эту должность: ужъ и лѣта его такія, сударыня... больше все въ комнатѣ своей и находится... А я не то, чтобъ, доложу я вашей милости, душой всей хлопочу, сударыня, ночи не спишь, сумнѣваешься... Если, паче чаянія, вашей милости что и сказали, такъ это все, сударыня...

— Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не объ этомъ, милая, перебила Александра Константиновна,—мнѣ просто хотѣлось узнать, сколько вы получаете масла?

— Да разное, сударыня, годъ на годъ никакъ не пригонишь: иной разъ Господь травку дастъ — ну тогда, ништо, даются; другое время въ полъ-лѣто взять нечего, только тѣмъ и живы, сердечныя, что вотъ листокъ подбираютъ... знамо, какое ужъ тутъ молоко!.. Сѣна намъ, сударыня, брать не велѣно... только что вотъ на тёлокъ отпускается, продолжала Василиса голосомъ угнетенной невинности,—разумѣется, молчишь, сударыня, наше дѣло подвластное.

— Да; но много ли, мало ли, вы все-таки сколько-нибудь да получите масла?

— Какъ же, сударыня...

— Куда жъ оно дѣвается?

— Продаемъ, сударыня... только что бездѣлицу самую...

— Все равно... Ну, а деньги-то куда идутъ?

— Что съ масла-то получаемъ?

— Да.

— На соль идутъ, сударыня, соль покупаемъ.

— Соль? Неужели идетъ такъ много соли?

— А то какъ же, сударыня! Оченно много соли требуется... Коли не посолить хорошенько, масло, сударыня, совсѣмъ пропадетъ.

— Да вѣдь вы его продаете, это масло?

— Продаемъ...

— Я спрашиваю тебя, моя милая: куда же деньги идутъ, деньги, которыя вы получаете за масло?

— Я докладывала вашей милости: соль покупаемъ.

— Но вѣдь соль идетъ на масло?..

— На масло, сударыня...

— Такъ какъ же это?.. Я тутъ рѣшительно ничего не понимаю! проговорила Александра Константиновна, проводя ладонью по лбу.

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь.

— Кто тутъ?

— Это я, maman! отозвался тоненькій голосокъ Мери.

— C'est nous; peut on entrer, madame Bélissine? прозвучалъ въ свою очередь голосъ гувернантки.

— Entrez...

Въ спальню, подпрыгивая на тоненькихъ своихъ ножкахъ, вбѣжала Мери; увидавъ бабу, она торопливо обогнула кресло и, не спуская глазъ съ Василисы, принялась цѣловать мать.

— Bonjour, madame Bélissine! сказала гувернантка, граціозно присѣдая.

На Мери была надѣта ея широкополая соломенная шляпа; въ рукахъ m-lle Louise находилась омбрелька.

— Куда это вы собрались? спросила Александра Константиновна.

— Мы, maman, въ лѣсъ идемъ...

— Nous allons au bois, chercher des griboui! перебила гувернантка.

— Des griboui! смѣясь, подхватила Мери,—des griboui!.. dites: des griby...

— Eh bien: des griby... Cette bonne femme nous dira où il faut aller... comment est ce qu'on la nomme?

— Vasilissa.

— Скажитъ, Сисилисà... начала было француженка, къ величайшему удовольствію Мери, но Бѣлицына перебила ее и обратилась къ скотницѣ.

— Скажи, пожалуйста, гдѣ здѣсь больше всего грибовъ? спросила она.

— Въ Глинницѣ, сударыня; также вотъ и на Забро́дномъ.

— Нѣтъ, ты просто разскажи, какъ пройти туда.

— Она тутъ и есть, за околицей, какъ лугъ пройти изволите, сударыня, это и прозывается у насъ Забро́днымъ. Только теперь, доложу вашей милости, грибовъ нѣтути...

— Какъ же такъ?

— Да вѣдь они только осенью бываютъ, и то, когда дожди пойдутъ...

Мери быстро перевела все это m-lle Louise.

— Comme c'est désagréable!.. хи, хи, хи!.. j'ai envie de pleurer... съ дѣтскимъ простодушіемъ проговорила гувернантка, — eh bien, nous irons faire un tour au jardin! примолвила она, мгновенно оживляясь.

Во время этого разговора лицо скотницы постепенно умилялось и принимало притворное, униженное выраженіе. Подъ конецъ она ужъ какъ будто не могла бороться долѣе съ чувствами своими, сдѣлала шагъ впередъ и проговорила, обратившись къ Мери:

— Барышня, пожалуйте ручку, сударыня.

— Donnez donc votre main à cette femme! сказала Бѣлицына дочери, которая недовѣрчиво глядѣла на бабу.

— Красавица вы наша ненаглядная! воскликнула скотница, присѣдая на корточки и страстно припадая къ рукѣ ребенка, — ужъ какъ мы вамъ, сударыня, рады!.. какъ рады-то! Думали: кабы Господь привелъ намъ хоть поглядѣть-то на нашу барышню... хоть только глазкомъ-то однимъ взглянуть!..

— Laissez-moi, сказала Бѣлицына гувернанткѣ,—j'ai à faire!

— Un baiser à maman et partons! произнесла m-lle Louise.

Какъ только ребенокъ и гувернантка вышли, глаза и виски Василисы мгновенно покрылись складками; она отошла къ стѣнѣ, свѣсила голову и опустила руки. Александра Константиновна думала снова приступить къ разспросамъ, но лицо бабы показалось ей до того несчастнымъ, что она не рѣшилась.

— Вы, можетъ, думаете, сударыня... я насчетъ, то-есть, пользуюсь чѣмъ-нибудь отъ добра вашего, начала совершенно неожиданно Василиса, прикладывая руку къ груди,—можетъ, матушка, вамъ обо мнѣ наговорили: все это, какъ есть, одна напраслина... Отсохни у меня руки, лопни

мои глаза, коли я отъ господскаго добра хошь на синюю порошинку пользовалась!..

— Нѣтъ, нѣтъ! кто это тебѣ сказалъ? Я совсѣмъ этого не думаю, торопливо проговорила Александра Константиновна.

— Матушка! воскликнула Василиса и вдругъ упала въ ноги и залилась горькими слезами,—матушка! подхватила она, мотая головою съ видомъ изнеможенія, — заступись за горькихъ сиротъ своихъ!.. Осталась я одна послѣ мужа съ четырьмя малыми дѣтками.... Вступись, милосердая мать, за горькихъ червей моихъ!.. Прошу не глупыми рѣчами моими, прошу несносными своими сиротскими слезами, заступись за насъ горькихъ...

— Полно, полно... встань, пожалуйста, встань! какъ тебѣ не стыдно? проговорила барыня, стараясь приподнять бабу, — я все тебѣ сдѣлаю, только встань пожалуйста... Скажи, что тебѣ нужно?

— О-охъ! простонала Василиса, приподымаясь и стараясь оправиться, хотя лицо ея все еще не переставало обливаться несносными сиротскими слезами,—осталась я, матушка, послѣ мужа съ четырьмя малыми дѣтками, подхватила она, всхлипывая, — получала я на нихъ тогда мѣсячную... отняли, сударыня!

— Какъ же это такъ? произнесла барыня, очевидно взволнованная всей этой сценой.

— То-есть мнѣ-то, сударыня, оставили мѣсячную; получаю три пуда... А только что вотъ, что ребятенкамъ принадлежало, то все отняли, матушка... Объ томъ и прошу васъ: заступись за горькихъ сиротъ своихъ...

— Непремѣнно, непремѣнно. Гдѣ же твои дѣти, съ тобой живутъ, на скотномъ дворѣ? съ участіемъ примолвила барыня.

— Одинъ только со мной, матушка, одинъ всего...

— А другіе-то гдѣ жъ?

При этомъ Василиса приложила ладонь къ щекѣ и залилась еще горче прежняго.

— Гдѣ жъ другіе-то? повторила Александра Константиновна.

— Померли, матушка, померли... О-охъ, троихъ схоронила: осталась одна горькая... какъ нива безъ огорода осталась... сирота одинокая...

— „Pauvre femme!“ подумала Александра Константиновна, поспѣшно протягивая руку къ какой-то коробоч-

кѣ. — На, возьми, моя милая, подхватила она, подавая цѣлковый Василисѣ, которая одной рукой схватила цѣлковый, другой рукой руку барыни,—это тебѣ такъ, покуда. Я поговорю барину, и мы постараемся какъ-нибудь поправить твое дѣло... Пожалуйста, только не плачь и успокойся... Теперь ты можешь идти... Постой! постой! Если ты увидишь старостиху, пошли ее ко мнѣ.

Но мы оставимъ Александру Константиновну заниматься дѣлами и перейдемъ въ кабинетъ Сергѣя Васильевича.

Трудно, я полагаю, даже невозможно представить себѣ помѣщика, который провелъ бы короткій промежутокъ какого-нибудь часа съ такой пользой, какъ Сергѣй Васильевичъ. Предоставляю вамъ судить о справедливости этого замѣчанія: въ одинъ этотъ часъ Сергѣй Васильевичъ узналъ о числѣ полей въ Марьинскомъ, узналъ о числѣ десятинъ въ каждомъ полѣ и о свойствахъ земли каждаго участка; въ одинъ этотъ часъ вполнѣ усвоилъ онъ значеніе словъ: „яровое“, „озимое“, „паръ“, „въ клину“, „кулига“, „въ два потому жъ“ и множество другихъ многозначащихъ техническихъ терминовъ; въ одинъ этотъ часъ узналъ онъ, сколько было у него луговъ, и какихъ именно, сколько было болота и гдѣ именно. Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ возможности найти помѣщика, который въ такое короткое время обогатился бы столькими свѣдѣніями по части своего хозяйства! Но Сергѣй Васильевичъ не довольствовался этимъ: напротивъ, по мѣрѣ того, какъ обогащался онъ свѣдѣніями, любознательность его дѣлалась ненасытнѣе: онъ не переставалъ осаждать вопросами Герасима Аѳанасьевича, который стоялъ за его стуломъ съ сложенными за спиною руками и быстро вертѣлъ большими своими пальцами. Помѣщикъ освѣдомлялся о способахъ усиленія произрастительности почвы, о средствахъ умноженія числа копенъ на десятинахъ и числа стоговъ на лугахъ; съ жаромъ, свойственнымъ однимъ лишь фанатическимъ агрономамъ, предлагалъ онъ разныя баварскія и саксонскія методы обработки земли и вмѣстѣ съ тѣмъ разспрашивалъ о пользѣ, которую можно извлечь изъ запольныхъ земель. Сергѣй Васильевичъ не допускалъ существованія запольной земли, и въ этомъ случаѣ не только Герасимъ, но даже никто въ мірѣ не могъ бы его переспорить. „Начать съ того, что въ основаніи самаго дѣла лежитъ уже очевидная нелѣпость“, говорилъ онъ: „никакая земля не можетъ быть безплодна; доказательствомъ этому служитъ то, что она

покрывается травою, какъ только перестаютъ пахать ее; земля, слѣдовательно, не хочетъ отдыхать; и не виновата она нисколько, если человѣкъ, не ознакомившись съ ея свойствами, сѣетъ на ней овесъ тогда, когда слѣдуетъ сѣять, можетъ-быть, горохъ или чечевицу." Сергѣй Васильевичъ сильно заботился объ увеличеніи доходовъ; онъ обращалъ мысленный взоръ свой на каждый пустырь Марьинскаго; но такъ какъ у него, кромѣ Марьинскаго, были еще двѣ другія деревни, находившіяся подъ вѣдѣніемъ марьинской конторы, то онъ съ каждой минутой открывалъ новые источники богатства. Такъ, напримѣръ, узналъ онъ, что въ глубинѣ Саратовской губерніи находилось у него около семисотъ десятинъ луга, о которомъ не имѣлъ онъ прежде ни малѣйшаго понятія.

— Какъ же это могло случиться, что посреди отдаленной губерніи очутился вдругъ у насъ одинокій лугъ? воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ.—Помню, у батюшки была въ Саратовской губерніи деревня; лугъ принадлежалъ ей, вѣроятно; но деревня продана, какъ же могъ лугъ остаться?

Герасимъ Аѳанасьевичъ пересталъ вертѣть большими пальцами и откашлянулся въ ладонь.

— Надо полагать, сказалъ онъ,—въ то время, какъ у покойнаго папеньки была деревня, они изволили имѣть надобность въ лугѣ и купили его у сосѣда; купивши его, они, надо полагать, изволили забыть приписать его къ деревнѣ; какъ продали деревню, лугъ такъ и остался ни при чемъ...

— Прекрасно! остался ни при чемъ, и остается ни при чемъ десять лѣтъ сряду! иронически замѣтилъ Сергѣй Васильевичъ.—Надо думать, однакожъ, не всѣ такъ безъ заботны въ отношеніи къ добру своему, какъ марьинскіе помѣщики. Тамъ, безъ сомнѣнія, давно кто-нибудь пользуется этимъ лугомъ...

— Онъ примыкаетъ, сударь, къ маленькой деревушкѣ, никакъ двадцать душъ, либо тридцать... помѣщица Иванова какая-то... надо полагать, они лугомъ пользуются...

— Очень хорошо! очень, о-о-очень хорошо! перебилъ Сергѣй Васильевичъ,—если бъ всѣми нашими имѣньями пользовались такимъ образомъ, было бы еще лучше!

— Да вѣдь это, сударь, Сергѣй Васильевичъ, осмѣлюсь вамъ доложить, если судить по здѣшнимъ мѣстамъ, такъ, конечно, лугъ этотъ большой важности значитъ, произ-

несъ управитель, думая успокоить барина,—я вѣдь, сударь, былъ въ Саратовской губерніи: тамъ луга ни по чемъ. Иной верстъ на сто тянется, какъ есть степь. Въ другихъ мѣстахъ даже такъ оставляютъ, совсѣмъ даже не косятъ...

— Что жъ это доказываетъ? съ живостью проговорилъ Сергѣй Васильевичъ, поворачиваясь на своемъ стулѣ, — это доказываетъ только, что мы живемъ спустя рукава и ничѣмъ не умѣемъ настоящимъ образомъ пользоваться — да! Я никогда не былъ въ Саратовской губерніи, но очень хорошо знаю положеніе края: тамъ, напротивъ, слѣдуетъ дорожить каждымъ стебелькомъ травы—да; тамъ круглый годъ проходятъ гурты скота, который идетъ во всю Россію. Я знаю, тамъ отдаютъ эти луга на арендное содержаніе гуртовщикамъ, наконецъ, просто отдаютъ ихъ внаймы на одинъ разъ...

— Да вѣдь это, сударь, осмѣливаюсь доложить, на дорогахъ только... замѣтилъ Герасимъ, — и притомъ, по множеству луговъ, плата должна быть очень незначительная...

— Во-первыхъ, въ хозяйственномъ дѣлѣ все значительно. Въ общемъ оборотѣ каждый пятакъ, каждая копейка что-нибудь да значатъ! воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ съ горячимъ убѣжденіемъ (что, если бъ это убѣжденіе о значеніи, не говорю уже пятаковъ, но сотенъ рублей, не покидало его тотчасъ же, какъ только въѣзжалъ онъ въ Петербургъ!); — а во-вторыхъ, подхватилъ Сергѣй Васильевичъ съ возрастающимъ жаромъ,—все зависитъ отъ распорядительности и умѣнья взяться за дѣло... Надо сейчасъ же сдѣлать распоряженіе касательно этого луга... Семьсотъ десятинъ! Семьсотъ десятинъ луга—бездѣлица! Я докажу, какая это бездѣлица! когда выстроится тамъ мазанка, когда выроется колодезь, когда устроются водопои для скота, когда за каждую голову быка, кромѣ кормежныхъ денегъ, будутъ брать за водопой, когда гуртовщики найдутъ пріютъ отъ дождя, отъ непогоды, и слѣдовательно, зная это, прійдутъ на мой лугъ въ сто разъ охотнѣе, чѣмъ на всякій другой! продолжалъ Сергѣй Васильевичъ, все болѣе и болѣе увлекаясь своимъ проектомъ. — Надѣюсь, у насъ сохраняются въ конторѣ всѣ акты касательно этого луга, то-есть я разумѣю, купчая, изъ которой видно, что я настоящій владѣлецъ?.. заключилъ Бѣлицынъ, превращаясь весь въ одно нетерпѣливое ожиданіе.

— Все, сударь, въ исправности, сказалъ старый управитель.

Получивъ такое извѣстіе, Сергѣй Васильевичъ такъ оживился, какъ будто объявили ему, что лугъ скрываетъ въ себѣ золотые пріиски. Онъ сказалъ, что надо будетъ немедленно, если не сегодня, такъ завтра, приступить къ осуществленію проекта. Такая поспѣшность, очевидно, ошеломила Герасима Аѳанасьевича.

— Осмѣлюсь доложить, Сергѣй Васильевичъ, такъ скоро никакъ невозможно...

— Отчего невозможно? У васъ все невозможно!..

— Это значитъ, сударь, надобно вѣдь будетъ кого-нибудь туда выселить...

— Ну, что жъ? Ну, выселить, такъ выселить! Въ чемъ же затрудненье?.. Неужто у насъ въ Марьинскомъ нѣтъ человѣка, способнаго охранять лугъ и вести расчеты съ гуртовщиками? Дѣло, кажется, не большой сложности. Въ чемъ же затрудненье? Я спрашиваю, въ чемъ затрудненье?..

Осажденный съ такою настойчивостью, Герасимъ Аѳанасьевичъ прищурилъ глаза и мысленно пробѣжалъ по всѣмъ крестьянскимъ дворамъ Марьинскаго: ему хотѣлось какъ можно скорѣе удовлетворить барина отвѣтомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлось такъ сдѣлать, чтобъ не лишить марьинскую барщину дѣльнаго, полезнаго человѣка. Другой на его мѣстѣ брякнулъ бы первое встрѣтившееся имя, или, всего вѣрнѣе, назвалъ бы семью, съ которой находился во враждѣ; но у Герасима враговъ не было. Онъ не торопился потому, во-первыхъ, что боялся повредить интересамъ барщины, слѣдовательно, интересамъ барина, къ которому привязанъ былъ въ самомъ дѣлѣ; во-вторыхъ, нетерпѣніе Сергѣя Васильевича могло только затруднить старика, но нимало его не пугало. Чего ему бояться? Онъ носилъ еще на рукахъ Сергѣя Васильевича, а теперь считалъ его добрѣйшимъ помѣщикомъ во всемъ свѣтѣ; притомъ старикъ ничего не домогался: онъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ своимъ положеніемъ; единственная слабость его—чижики, скворцы и другія пташки—удовлетворялась въ изобиліи; чего же ему еще? На такой вопросъ онъ самъ не придумалъ бы отвѣта. Но сколько мысли Герасима ни метались по дворамъ Марьинскаго, вездѣ встрѣчали онѣ, какъ нарочно, свѣжій, здоровый и полезный народъ. Моргая глазами, повертывая пальцами, старикъ закинулъ уже руки за спину и снова завертѣлъ

съ непостижимою быстротою пальцами, что выражало всегда затруднительное положеніе, какъ вдругъ вспомнилъ онъ о Лапшѣ. Тутъ онъ даже подивился, какъ подобная мысль не пришла ему прежде въ голову.

— Скоро ли, мой милый? Нашелъ ли, наконецъ? нетерпѣливо спросилъ Сергѣй Васильевичъ, замѣтивъ оживленіе въ птичьей физіономіи управителя.

— Нашелъ, сударь, нашелъ! отвѣчалъ, ухмыляясь, Герасимъ. — Такой именно человѣкъ, сударь, какой нуженъ для этой должности; и онъ черезъ это ничего не потеряетъ, и барщина, надо тоже сказать, ничего не потеряетъ...

— Что жъ это за человѣкъ?

— Зовутъ, сударь, Тимоѳеемъ. Я думаю, онъ и самъ радъ будетъ, какъ его выселятъ отсюда, потому что живетъ здѣсь ни при чемъ, все единственно, ни лошади, ни коровёнки... совсѣмъ, какъ есть, сударь, человѣкъ разоренный...

— Какъ такъ? Этого быть не можетъ! въ Марьинскомъ не можетъ быть такого разоренья!..

— Этотъ одинъ только такой и есть, Сергѣй Васильевичъ...

— Все равно; я не угнетаю своихъ крестьянъ: не могутъ они быть безъ коровъ и лошадей! перебилъ Сергѣй Васильевичъ, и первый разъ съ пріѣзда его въ Марьинское добродушное лицо его выразило неудовольствіе.

— Помилуйте, сударь, какое же это угнетенье! Ваши крестьяне должны вѣкъ Бога благодарить за ваши милости. Извольте сами обойти дворы, посмотрѣть, какъ живутъ: у многихъ до сихъ поръ еще прошлогодній хлѣбъ найдете. Ничѣмъ, слава Богу, не отягощены; не только, Сергѣй Васильевичъ, въ нашихъ мѣстахъ, поближности, но даже во всемъ уѣздѣ идетъ слава о вашихъ мужичкахъ: никто лучше ихняго не живетъ...

— Все это прекрасно! возразилъ нѣсколько успокоенный помѣщикъ. — Но отчего же этотъ могъ дойти до такого разоренья?

— Да разныя, сударь, причины; частью, разумѣется, черезъ себя—самъ виноватъ; и то надо также сказать: человѣкъ больной, слабый; даже духомъ какой-то этакой... совсѣмъ даже въ немъ духа этого нѣтъ; а, впрочемъ, въ остальномъ человѣкъ смирный, кроткій; нѣтъ въ немъ никакой этакой худобы: пьянства или другого чего... Ну,

вотъ также, сударь, семья очень велика... все одно къ одному; а главная причина его разоренья, это, разумѣется, братъ... Ужъ такой-то плутъ, разбойникъ, я такого еще и не видывалъ...

— Гдѣ же онъ?

— Я вамъ докладывалъ о немъ. Помните, лѣтъ пять или шесть, писалъ я вамъ, что случилась у насъ покража... купца обокрали?

— Помню что-то такое. Ну?.. произнесъ Сергѣй Васильевичъ, на котораго вообще непріятно дѣйствовало всякое извѣстіе, не приносившее особенной чести Марьинскому.

— Ну, такъ вотъ этотъ самый и есть его братъ, который обокралъ купца, подхватилъ Герасимъ Аѳанасьевичъ, закидывая руки за спину и склоняясь нѣсколько на̀ бокъ. — Еще до этого случая, сударь, сколько разъ отличался! Кромѣ того, что брата разорилъ, обокралъ совершенно, пойманъ былъ неоднократно у сосѣдей; у трехъ нашихъ мужиковъ лошадей увелъ, такъ что потомъ даже не нашли никакъ... Но этого, сударь, мало: посадили его въ острогъ, онъ оттуда бѣжалъ; пришелъ разъ ночью сюда... какъ ужъ онъ это ухитрился—понять нельзя, потому что у насъ всю ночь караульные ходятъ,—подобрался къ избѣ брата, возьми да и уведи своего сына; одинъ только и былъ у матери... То, сударь, было, что даже разсказать невозможно! Черезъ это даже баба въ умѣ повредилась; такъ даже теперь безумная и ходитъ...

— Это ужъ что̀ такое! Это просто какой-то разбойникъ!.. воскликнулъ помѣщикъ, который представить себѣ не могъ, чтобъ посреди мирныхъ полей, окружавшихъ Марьинское, могло происходить что-нибудь подобное. — Но гдѣ же теперь эта бѣдная женщина, жена этого мерзавца?

— Проживаетъ у Тимоѳея; сжалилась надъ ней жена его, къ себѣ взяла; такъ теперь у нихъ и проживаетъ.

— Ну, слава Богу! есть одинъ утѣшительный фактъ! Изъ этого все-таки видно, что по крайней мѣрѣ родственники этого негодяя добрые люди.

— Я вамъ докладывалъ, Сергѣй Васильевичъ! люди смирные, кроткіе: противъ этого грѣхъ сказать; не будь нездоровья да бѣдности, были бы не хуже другихъ... Вы только извольте сказать имъ насчетъ того, что выселить ихъ хотите, они, я думаю, даже этому обрадуются, потому, сударь, сами видятъ свое положеніе, особливо жена

Тимоѳея; одно то, что недостатки, разоренье... противъ людей даже совѣстно; другое дѣло, вотъ также народомъ обижены.

— Это еще что̀ такое? перебилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Да все, сударь, черезъ этого плута, черезъ брата; одни въ злобѣ за то, что лошадей увелъ, другихъ запуталъ во всѣ эти дѣла свои, когда къ допросу водили... Ну, разумѣется, на этихъ всѣ и напали. Я даже сколько разъ ихъ усовѣщевалъ! Особливо въ первое время послѣ того, какъ братъ убѣжалъ, проходу даже имъ не давали; просто даже жалости было подобно...

— Это возмутительно!.. c'est une horreur! воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ въ порывѣ истиннаго негодованія.— Я никакъ не ожидалъ этого отъ моихъ марьинскихъ крестьянъ... совсѣмъ не ожидалъ! Это просто какая-то корсиканская vendetta, и я никакъ не думалъ... фу, Боже мой, да вѣдь могутъ же они понять, наконецъ, что если тотъ братъ надѣлалъ имъ вреда, такъ этотъ, по крайней мѣрѣ, ничего имъ не сдѣлалъ, ни въ чемъ не виноватъ?

— Простой народъ, сударь, вездѣ одинъ: онъ этого не разбираетъ...

— Такъ я же докажу имъ, что я разбираю! произнесъ Сергѣй Васильевичъ съ такимъ одушевленіемъ, что даже полныя его щеки вспыхнули.

Онъ торопливо взглянулъ на часы и снова обратился къ управителю:

— Теперь, къ сожалѣнію, очень ужъ поздно, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ, — но тотчасъ же послѣ обѣда приведи мнѣ этого Тимоѳея, приведи также жену его; скажи имъ, чтобъ они взяли съ собою всѣхъ дѣтей своихъ, всѣхъ непремѣнно: я всѣхъ ихъ хочу видѣть... Очень тебѣ благодаренъ, старикъ, что ты сообщилъ мнѣ объ этомъ; спасибо тебѣ!.. Я лично хочу переговорить съ ними и надѣюсь, что они поймутъ, что я желаю имъ добра; надѣюсь, они поймутъ это... Ахъ, бѣдные, бѣдные!.. Меня одно, впрочемъ, затрудняетъ, присовокупилъ онъ, вставая со стула и принимаясь расхаживать по кабинету, между тѣмъ, какъ управитель отступилъ нѣсколько шаговъ, чтобъ дать ему больше простора, закинулъ руки за спину и опять завертѣлъ пальцами, — одно меня затрудняетъ; если, какъ ты говоришь, этотъ Тимоѳей такой больной и слабый, можетъ ли онъ взять на себя должность, для которой я его предназначаю? Не лучше ли

будетъ придумать для него и его семейства что-нибудь другое, а на его мѣсто послать другого кого-нибудь?..

— На этотъ счетъ, сударь, не извольте безпокоиться, возразилъ Герасимъ, выставляя впередъ правую ногу и съ видомъ увѣренности наклоняя голову,—онъ хотя человѣкъ, конечно, болѣзненный, слабый, но тамъ вѣдь не потребуется отъ него никакой тяжкой работы: тамъ, сударь, будетъ для него гораздо свободнѣе здѣшняго: ни нахоты, ничего этого, что здѣсь требуется, ничего не будетъ; потребуется только присматривать за порядкомъ и вести расчеты съ гуртовщиками—дѣло небольшой важности: и, наконецъ, осмѣлюсь доложить вамъ, Сергѣй Васильичъ, у него жена, можно сказать, женщина настоящая, постоянная: она даже теперь одна, можно сказать, всю семью поддерживаетъ; женщина трудолюбивая, разсудительная: ей только поручить извольте; на нее можно, то-есть, совершенно можно положиться: женщина очень хорошая...

— Ну, и прекрасно! очень радъ, очень радъ! сказалъ Бѣлицынъ, принимаясь снова расхаживать.—Такъ, стало-быть, послѣ обѣда ты тотчасъ приведешь ихъ, Герасимъ. Не забудь только, пожалуйста, сказать, чтобъ они взяли съ собою всѣхъ дѣтей своихъ, всѣхъ рѣшительно: я всѣхъ ихъ хочу видѣть.

Камердинеръ давно уже ждалъ барина въ сосѣдней комнатѣ: онъ даже три раза перемѣнилъ воду для бритья, которая успѣла остыть. Посылая къ нечистому стараго управителя, такъ долго державшаго барина, камердинеръ въ сотый разъ уже прикладывалъ пышные свои бакенбарды къ двери кабинета, когда появился вдругъ Сергѣй Васильевичъ. Но улыбка на губахъ камердина, какъ называлъ его Агапъ Акйшевъ, была непродолжительна: съ той секунды, какъ Сергѣй Васильевичъ опустился въ кресло и подставилъ ему свой подбородокъ, до той секунды, какъ, совсѣмъ одѣтый, вышелъ снова въ кабинетъ, онъ не переставалъ торопить камердинера, два раза назвалъ его неловкимъ и суетилъ безпощадно. Съ такимъ же суетливымъ видомъ Сергѣй Васильевичъ прошелъ всѣ нижнія комнаты родового дома и вездѣ спрашивалъ: гдѣ барыня? Узнавъ, что барыня на террасѣ, онъ тотчасъ же направилъ туда шаги свои. Появленіе его было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо его дышало такимъ непривычнымъ оживленіемъ, что Александра Константиновна быстро опустила работу и спросила:

— Qu'as tu, mon ami?..

— J'ai tout un roman à vous raconter—цѣлый романъ! произнесъ Сергѣй Васильевичъ.

Онъ пожалъ руку женѣ, поздоровался съ гувернанткой, которая тотчасъ же запрыгала на своемъ стулѣ отъ нетерпѣнія, опустился на сосѣднее кресло и повторилъ:

— Да, цѣлый романъ!..

Сергѣй Васильевичъ всегда имѣлъ въ своемъ кругу репутацію интереснаго, пріятнаго разсказчика. Можете представить себѣ послѣ этого, какъ сильно должна была подѣйствовать на слушательницъ исторія о несчастіяхъ и гоненіяхъ бѣднаго крестьянскаго семейства! Александрѣ Константиновнѣ никогда еще не приводилось слышать что-нибудь въ этомъ родѣ; ей до сихъ поръ казалось, что въ однихъ только повѣстяхъ и романахъ встрѣчается совокупленіе такихъ злосчастныхъ обстоятельствъ. Картина дѣйствительности такъ поражала ее, что она нѣсколько разъ складывала руки, какъ бы умоляя о пощадѣ, и неоднократно подымала прекрасные глаза свои къ небу, какъ бы умоляя его о защитѣ. У Александры Константиновны также былъ въ запасѣ маленькій романъ, который намѣревалась она передать мужу; но романъ, въ которомъ роль героини разыгрывала Василиса, умолявшая о прибавкѣ муки, показался Бѣлицыной до того ничтожнымъ и блѣднымъ сравнительно съ горестями крестьянскаго семейства, о которомъ говорилъ мужъ, что она не рѣшилась даже упоминать о немъ. Ея вниманіе и симпатія принадлежали теперь исключительно Тимоѳею, le pauvre Timothée, какъ восклицала дѣвица Луиза: бордосскую уроженку болѣе всего поразилъ, повидимому, эпизодъ съ сумасшедшей Дуней.

— Oh! cette pauvre Dounia! Cette malheureuse Dounia! не переставала твердить она, отрываясь затѣмъ только, чтобъ взглянуть на Мери, которая въ десяти шагахъ занималась издѣліемъ пирожковъ и булокъ изъ сырого песку.

Но тягостное впечатлѣніе, испытанное слушательницами, мигомъ, однакожъ, разсѣялось и превратилось даже въ состояніе близкое къ восхищенію, когда Сергѣй Васильевичъ сообщилъ имъ свой планъ касательно Тимоѳея.

— Я сказалъ Karassin, чтобъ онъ всѣхъ ихъ, всѣхъ, не выключая даже и маленькихъ дѣтей, привелъ къ намъ тотчасъ же послѣ обѣда, заключилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Bravo, m-r Bélissine! c'est ainsi qu'il faut faire les bonnes actions! восторженно произнесла гувернантка.

— Я очень рада буду ихъ видѣть, очень, очень! сказала въ свою очередь Александра Константиновна съ чувствомъ искренней, сердечной радости,—случай этотъ окончательно примиряетъ меня съ сельской жизнью. Если, съ одной стороны, деревня нѣсколько разрушаетъ поэзію, которою привыкли мы окружать ее, зато, можетъ быть, нигдѣ не представляется столько случая дѣлать истинное, положительное добро, сколько въ деревнѣ. Если бъ вообще всѣ мы жили больше въ своихъ имѣньяхъ, я увѣрена, тогда было бы несравненно мечьше несчастныхъ... Я очень рада, Serge, очень рада, что мы пріѣхали въ Марьинское!..

III.

Планъ осуществляется.

Александра Константиновна, Сергѣй Васильевичъ, гувернантка и Мери сидѣли послѣ обѣда въ гостиной, когда камердинеръ возвѣстилъ, что привели крестьянское семейство. Всѣ тотчасъ же встали и пошли въ переднюю.

Первое впечатлѣніе, сдѣланное на господъ Лапшою и его семействомъ, было какъ нельзя выгоднѣе для послѣдняго. Какъ ни были господа симпатично настроены, какъ ни воображали они дѣйствующихъ лицъ романа, разсказаннаго Сергѣемъ Васильевичемъ, но дѣйствительность превзошла ожиданія. Въ настоящую минуту Лапша, его жена и дѣти могли въ самомъ дѣлѣ возбудить участіе даже въ такомъ человѣкѣ, который не зналъ бы ихъ исторіи. Лапша, надо полагать, не шутя расшибся, упавъ тогда въ вертепъ; страданія отъ боли ясно отпечатывались въ его опущенныхъ, но изогнутыхъ бровяхъ, виднѣлись въ его потухшемъ, напряженномъ взорѣ, въ его позѣ и лицѣ, покрытомъ известковою, зеленоватою блѣдностью; къ этому примѣшивалось также сильное волненіе: онъ страшно оробѣлъ, когда сказали ему, что господа требуютъ; рубашка на груди его колебалась, какъ будто раздували ее мѣхомъ, хрипѣвшимъ и шипѣвшимъ отъ усиленнаго надавливанія; руки и ноги тряслись какъ въ лихорадкѣ. Но даже подлѣ Лапши Катерина останавливала на себѣ особенное вниманіе: она замѣтно похудѣла въ эти послѣдніе два дня; выразительныя, энергическія

черты ея сдѣлались какъ бы еще рѣзче, но онѣ служили теперь выраженіемъ такой глубокой скорби, такъ много написано было въ нихъ тоски и душевной затаенной пытки, что, взглянувъ на нее, Александра Константиновна почувствовала слезы на глазахъ своихъ; слезы ея вызваны также были жалкимъ видомъ младенца на рукахъ женщины; она не могла глядѣть безъ сердечнаго замиранья на грубое, дырявое тряпье, прикрывавшее его нѣжные худенькіе члены. Бѣлицына никогда даже не воображала возможности существованія такой бѣдности. Съ глазами, полными истиннаго, сердечнаго состраданія, смотрѣла она на лохмотья Катерины и ея лицо, казавшееся еще несчастнѣе въ сосѣдствѣ съ круглымъ, молоденькимъ и свѣжимъ лицомъ Маши. Что же касается до трехъ мальчугановъ Катерины, ихъ не было возможности разсмотрѣть: ихъ головы и туловища исчезали совершенно: Бѣлицыны, гувернантка, Мери и Герасимъ, стоявшій подлѣ печки съ сложенными за спину руками, могли только видѣть нѣсколько ручонокъ, которыя крѣпко держались за складки понявы и такъ ихъ натягивали, что превращали въ совершенно прямыя линіи.

Сергѣй Васильевичъ, тронутый почти столько же, сколько жена и гувернантка, приступилъ къ объясненію съ тою лихорадочною торопливостью, которая овладѣваетъ всѣми добрыми людьми, приступающими къ исполненію давно задуманнаго благодѣянія.

— Пожалуйста, прошу васъ, успокойтесь, успокойтесь! проговорилъ онъ тотчасъ же, какъ только поздоровался, и для того, вѣроятно, чтобъ ободрить ихъ, потрепалъ по плечу сначала Лапшу, потомъ Катерину и, наконецъ, Машу,—я призвалъ васъ совсѣмъ не для того, чтобъ вы меня боялись и были печальны, подхватилъ онъ,—напротивъ, вамъ надо теперь повеселѣть... Я узналъ, сколько вы терпѣли, узналъ обо всѣхъ вашихъ несчастіяхъ, и теперь все это кончится: я и жена, мы постараемся исправить ваши обстоятельства...

— Да, непремѣнно, непремѣнно! сказала Бѣлицына, приближаясь къ Катеринѣ,—я очень обрадовалась, когда услышала, что ты такая добрая женщина: твой поступокъ съ женою брата твоего мужа достаточно это показываетъ... Повѣрь, моя милая, я и мужъ, мы этого не забудемъ... мы сдѣлаемъ для тебя все, все, что только возможно.

Но изъ всего того, что могла сдѣлать барыня, Катеринѣ нужно было одно только. Въ головѣ ея была одна мысль; она не покидала ее ни днемъ, ни ночью; съ этой мыслью шла она къ барскому дому, съ этою мыслью стояла она передъ господами. Робость и еще болѣе неувѣренность въ участіи господъ — чувство, свойственное всѣмъ бѣднякамъ, поставленнымъ лицомъ къ лицу съ людьми сильными — принуждали Катерину къ молчанію. Услыша ласковый голосъ барыни, она въ первый разъ подняла черные, печальные глаза свои; лицо Александры Константиновны окончательно, казалось, ободрило бѣдную бабу; быстро передала она младенца дочери и упала въ ноги барынѣ.

Движеніе это, неожиданное для Александры Константиновны, было еще неожиданнѣе для трехъ мальчугановъ, державшихся за юбку матери: увлеченные ея паденіемъ, но откинутые въ стороны разбѣжавшимися складками понявы, одинъ изъ нихъ покатился подъ ноги гувернанткѣ, другой подъ ноги Сергѣю Васильевичу. Одинъ пучеглазый Костюшка успѣлъ во-время выпустить изъ рукъ поняву, но положеніе его отъ этого нимало не выиграло; напротивъ, увидя себя передъ господами, онъ побагровѣлъ какъ клюква, секунды двѣ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и скрылся за сестрою тогда уже, когда младшіе его братья находились въ защитѣ за отцовской спиною.

— Матушка! заступись! заступись! вели сыскать!.. говорила между тѣмъ Катерина, рыдавшая теперь навзрыдъ, — заступись!.. мальчика увели у меня... увели, отняли родное дѣтище... нищіе украли!.. Вели сыскать... три дня увели всего... три дня!.. Одна и была у меня утѣха, одна радость, и ту отняли!.. Матушка! пока жизнь во мнѣ будетъ, стану и день, и ночь молить за тебя Бога... не оставь меня своею милостью, вели сыскать его...

— О какомъ мальчикѣ она говоритъ? Это еще что такое? спросилъ Сергѣй Васильевичъ, суетливо обращаясь къ Герасиму, тогда какъ Александра Константиновна всячески успокаивала бабу и старалась приподнять ее, — ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ? промолвилъ онъ вспыльчиво.

— Я самъ, сударь, въ первый разъ слышу; я ничего... рѣшительно ничего не знаю, проговорилъ управитель, разводя руками и повидимому удивляясь не менѣе барина. Герасимъ точно ничего еще не слыхалъ о пропажѣ

мальчика. Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, онъ вспомнилъ, что, дней пять назадъ, далъ второпяхъ видъ сыну Лапши, но въ первую секунду никакъ не могъ сообразить, почему могъ пропасть мальчикъ и почему баба упоминала о нищихъ. Съ той минуты, какъ пріѣхали Бѣлицыны, что случилось четверть часа спустя послѣ возвращенія управителя изъ города, марьинское населеніе такъ было занято пріѣздомъ господъ, что происшествіе съ Катериной совершенно изгладилось изъ памяти каждаго; никому даже въ голову не пришло сообщить о немъ управителю, и, наконецъ, во все это время Герасимъ суетился до такой степени, что всякій, кто обращался къ нему за собственнымъ дѣломъ, долженъ былъ караулить его часа по три, и то безъ малѣйшаго успѣха.

— Въ первый разъ слышу, Сергѣй Васильевичъ, подтвердилъ старикъ,—пять дней назадъ пришелъ вотъ онъ ко мнѣ видъ просить для сына; я ему далъ,.. а что вотъ она говоритъ насчетъ, то-есть, пропажи... объ нищихъ— впервые слышу... довершилъ онъ, поглядывая съ недоумѣніемъ на Катерину, которая продолжала рыдать у ногъ барыни.

— Что жъ это значитъ? произнесъ Сергѣй Васильевичъ, обращаясь къ Лапшѣ.

Съ той минуты, какъ Катерина бросилась барынѣ въ ноги и заговорила о мальчикѣ, Лапша закрылъ глаза, какъ человѣкъ, обрывающійся въ пропасть. Прохваченный до костей холоднымъ потомъ, онъ чувствовалъ только, что все заходило кругомъ въ головѣ его; вопросъ барина произвелъ на него дѣйствіе сильнаго толчка и кинулъ его въ жаръ.

— Что жъ это значитъ, братецъ, я тебя спрашиваю? повторилъ нетерпѣливо Сергѣй Васильевичъ.

Лапша моргнулъ только бровями, и какъ бы истративъ на это движеніе остатокъ силъ, онъ такъ вдругъ раскисъ и закашлялся, что если бъ не ребятишки, державшіе его сзади за рубашку, онъ, можетъ-быть, не удержался бы на ногахъ.

— Ничего не понимаю! сказалъ Сергѣй Васильевичъ, пожимая плечами. — Полно, моя милая, не плачь, пожалуйста, успокойся! подхватилъ онъ ласково, обратившись къ Катеринѣ и принимаясь вмѣстѣ съ женою упрашивать ее, чтобъ она встала, — мы обѣщаемъ тебѣ сдѣлать все, все, что возможно; только разскажи обстоятельно, о чемъ

ты просишь... Слезами тутъ не поможешь; мы только время теряемъ. Какъ это было?

Катерина поспѣшно провела ладонью по глазамъ; но такъ какъ сердце ея слишкомъ уже переполнилось слезами, чтобъ можно было удержать ихъ, она дала имъ полную свободу.

— Вотъ, сударь, какъ дѣло было, сказала она прерывающимся голосомъ.— Передъ тѣмъ, какъ вашу милость ждали, пришли къ намъ нищіе, увидали они у меня мальчика и стали просить его... хотѣли съ собой взять... они и все такъ-то съ малолѣтными ходятъ!.. Знамо, сударыня, кабы были они люди путные или мастеровые, я бы, ништо, послушала ихъ; какъ ни жаль свое дѣтище, отдала бы имъ: по крайности научился бы отъ нихъ доброму дѣлу, человѣкомъ бы сталъ... Съ нищими отпустить—все одно погубить, значитъ, малаго: окромѣ худобы, ничему не научатъ... Какъ сказали мнѣ они объ этомъ, я возьми да и прогони ихъ изъ дому...

— И прекрасно сдѣлала, моя милая, прекрасно! Продолжай, пожалуйста! сказали въ одинъ голосъ Бѣлицыны.

— Какъ прогнала ихъ, они потомъ гдѣ-то съ мужемъ и встрѣтились; меня въ ту пору дома-то не было... ничего я этого не знала, продолжала Катерина, горько всхлипывая,—стали этто они его уговаривать... денегъ сколько-то посулили... На этомъ мѣстѣ рыданія заглушили голосъ Катерины; минуту спустя, она продолжала: — Въ ту пору, сударыня, насъ долгами оченно стращали... вашей милости жаловаться хотѣли... побоялся онъ этого, сударыня... ну... ну... и польстился на такія ихнія рѣчи... взялъ да и отдалъ имъ мальчика...

— Если бъ я зналъ, сударь, что онъ мальчика нищимъ хочетъ предоставить, я бы, конечно, не далъ ему вида, вмѣшался Герасимъ, досадливо поглядывая на Лапшу, который казался въ эту минуту изнемогающимъ отъ боли и страха,—онъ мнѣ тогда ничего не сказалъ объ этомъ...

— Какъ же ты могъ на это рѣшиться! воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ съ горячностью.— Какія бы ни были твои обстоятельства, какъ могъ ты отпустить сына съ нищими, съ бродягами?..

Лапша поднялъ голову, раскрылъ дрожащія губы и вдругъ заплакалъ, но такъ горько, что Александра Константиновна и, за ней, гувернантка отвернулись къ двери и начали сморкаться, чтобъ скрыть собственныя свои слезы.

— Долги, сударь... могъ только проговорить Лапша,— долги... оченно стращали... совсѣмъ замучили...

— Laissez le, mon ami... tu vois qu'il est déjà assez malheureux... c'est le malheur qui l'a conduit!.. сказала Бѣлицына, желая смягчить мужа, что было совершенно лишнее, потому что онъ былъ уже давно смягченъ несчастнымъ видомъ Лапши и его слезами.

— Онъ и самъ не радъ этому, сударыня, самъ день и ночь убивается! проговорила Катерина, опять давая полную волю рыданіямъ. — Матушка! сжалься надъ нами, вели сыскать мальчика! Все сердце о немъ высохло! Помилуй! подхватила она, снова бросаясь господамъ въ ноги.

Въ этомъ движеніи Катерины не было ничего униженнаго и подобострастнаго; она не выпрашивала у барыни муки или другой какой-нибудь милости въ томъ же родѣ; если падала она въ ноги, такъ это потому, что, въ отчаяніи своемъ, не находила болѣе убѣдительнаго способа вымолить у нея погоню за сыномъ. Оправившись нѣсколько послѣ этого вторичнаго порыва отчаянья, она передала господамъ о томъ, какъ нищіе зазвали мужа и мальчика въ лѣсъ, какъ воспользовались они его слабостью и одиночествомъ, какъ обманули его и силою увели ребенка; разсказъ о ея двухдневныхъ безполезныхъ поискахъ такъ сильно подѣйствовалъ на Александру Константиновну, что она два раза прикладывала платокъ къ глазамъ своимъ.

— Будь увѣрена, моя милая: все, что только можно сдѣлать, будетъ сдѣлано, заговорилъ Сергѣй Васильевичъ съ необычайнымъ оживленіемъ. — Герасимъ, надо будетъ сейчасъ же распорядиться, сейчасъ же послать верховыхъ по всѣмъ дорогамъ: надѣюсь, у насъ найдутся для этого и люди, и лошади?..

— Да, сейчасъ послать, послать какъ можно скорѣе, подтвердила Александра Константиновна, ободряя Катерину движеніемъ прекрасной руки своей.

— Все это можно-съ... произнесъ Герасимъ съ видомъ покорности, хотя вертѣвшіеся пальцы за спиною ясно показывали, какъ затруднялся онъ въ исполненіи этого намѣренія,—осмѣлюсь только доложить вамъ: мы теперь ничего не отыщемъ... прошло ужъ пять дней; нищіе вѣрно поспѣшили уйти куда-нибудь подальше...

— Близко ли, далеко ли, надо, однакожъ, поймать ихъ, поймать непремѣнно! произнесъ, разгорячаясь, Сергѣй Васильевичъ.

— Лучше всего, сударь, послать, чѣмъ-свѣтъ, извѣстить исправника; также вотъ становымъ приставамъ надо дать знать: это всего вѣрнѣе.

— Хорошо; такъ завтра же чѣмъ-свѣтъ, чтобъ это было сдѣлано!.. Ну, полноте же плакать, полноте! подхватилъ Сергѣй Васильевичъ, принимаясь вмѣстѣ съ женою успокоивать Катерину,—слышите: завтра все будетъ сдѣлано; я самъ напишу исправнику, самъ попрошу его объ этомъ; онъ вѣрно для меня постарается... Утрите же ваши слезы...

— Батюшка! Сергѣй Васильевичъ! отецъ ты нашъ! воскликнула Катерина, приводя въ дѣйствіе приказаніе барина, — какъ благодарить тебя за твои милости?.. Мои словеса глупыя, не взыщи на нихъ... не знаю, какъ сказать тебѣ... Пускай Богъ воздастъ тебѣ за всѣ ваши милости, что насъ, бѣдныхъ, не оставляете!..

— Пока, моя милая, не за что еще благодарить... Входя въ ваши дѣла, я исполняю свои обязанности, перебилъ Сергѣй Васильевичъ съ легкимъ колебаніемъ въ голосѣ, которое показывало, что онъ говорилъ отъ всего сердца, — я принимаю въ васъ участіе потому, что это мой долгъ, долгъ христіанина и помѣщика. Для того и помѣщикъ, чтобъ вникать въ ваши нужды, пещись о вашемъ благосостояніи, поддерживать васъ добрымъ совѣтомъ... Поэтому-то собственно я и призвалъ васъ къ себѣ, я узналъ о вашемъ тяжкомъ положеніи, и мнѣ хотѣлось помочь вамъ... Я вижу, вы дѣйствительно добрые, хорошіе люди и заслуживаете этого...

При этомъ Александра Константиновна, слушавшая мужа съ восхищеннымъ вниманіемъ, оживилась необыкновенно; слова мужа внушили ей, казалось, мысль, которая приводила ее въ восторгъ; она подошла къ француженкѣ, шепнула ей что-то на ухо, потомъ пошептала Мери, и когда эти послѣднія побѣжали въ залу, подпрыгивая и хлопая въ ладоши, она съ видомъ внутренняго самодовольствія снова возвратилась на прежнее мѣсто.

— Вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ Сергѣй Васильевичъ,—я узналъ, къ сожалѣнію, узналъ слишкомъ поздно, но, слава Богу, поправить еще можно, узналъ, какое вамъ было худое житье, какъ вы бѣдствовали, какъ преслѣдовали васъ нѣкоторые изъ вашихъ сосѣдей...

— Совсѣмъ, сударь, заѣли... какъ есть заѣли!.. неожиданно произнесъ Лапша, медленно приподымая правую

бровь, тогда какъ лѣвая оставалась на прежнемъ своемъ мѣстѣ и совсѣмъ почти закрывала глазъ, но, все равно, это показывало, что онъ начиналъ уже ободряться.

Сергѣй Васильевичъ взглянулъ на него, улыбнулся и продолжалъ:

— Знаю, знаю... Но мнѣ извѣстно также, Тимоѳей, подхватилъ онъ наставительно,—что ты вошелъ въ долги. Я начну съ того, разумѣется, что заплачу ихъ; но прежде скажу тебѣ, скажу все равно, какъ бы сказалъ это отецъ своимъ дѣтямъ, что надо впередъ быть осторожнѣе: долги никогда не доводятъ до добра... Сколько у тебя всего-на-все долговъ?..

— Всего-то... сударь... да рублевъ двадцать! проговорилъ Лапша съ сокрушеннымъ видомъ, хотя правая его бровь ни на волосъ не опустилась; замѣтно даже было, что лѣвая начала приходить въ движеніе.

— Двадцать! воскликнули въ одинъ голосъ Сергѣй Васильевичъ и жена его,—какъ, подхватилъ Сергѣй Васильевичъ,—и за двадцать рублей тебѣ не давали покоя? за двадцать рублей васъ преслѣдовали?.. Признаюсь, Герасимъ, я никакъ не думалъ, чтобъ мàрьинскіе мужики мои были такъ жадны...

— Всякіе есть, сударь; есть и хорошіе, есть и худые, промолвилъ Герасимъ, который впалъ съ нѣкоторыхъ поръ въ задумчивость, не отличавшуюся, впрочемъ, спокойнымъ свойствомъ, потому что всякій, кто заглянулъ бы за его спину, увидѣлъ бы, что большіе пальцы его вращались съ непостижимою быстротою.

— Итакъ я заплачу ваши долги и вообще поправлю васъ совершенно; но только это съ однимъ условіемъ, съ однимъ условіемъ—слышите ли? проговорилъ Бѣлицынъ, поочередно взглядывая на Катерину и ея мужа,—у меня въ Саратовской губерніи есть лугъ... Отсюда всего верстъ четыреста, много пятьсотъ; я хочу васъ туда переселить... Ну что вы на это скажете—а?

— Ужъ оченно бы это хорошо!.. Чѣмъ здѣсь такъ-то... Вѣкъ стали бы за тебя Бога молить! произнесъ Лапша, приподымая лѣвую бровь, такъ что она стала теперь въ-уровень съ правой.

Катерина ничего не сказала; по лицу ея, наклоненному къ землѣ, видно было, что предложеніе Сергѣя Васильевича не нашло въ ней большого сочувствія: ей хотѣлось прежде всего, чтобъ отыскали Петю; покинуть Мàрьин-

ское въ настоящую минуту, значило отдалиться еще больше отъ мальчика. Будь у ней теперь Петя, она обрадовалась бы столько же, можетъ-быть, сколько и Лапша. Замѣтивъ грустное выраженіе ея лица, Александра Константиновна обратила на него вниманіе мужа.

— Я вамъ повторяю: этотъ лугъ всего какихъ-нибудь четыреста, пятьсотъ верстъ отъ Марьинскаго, подхватилъ убѣдительнымъ тономъ Сергѣй Васильевичъ,—и наконецъ, чего вамъ здѣсь? Вы видите, васъ здѣсь не любятъ. Положимъ, вы не отвѣчаете за поступки вашего брата, вы нисколько не виноваты, но все-таки къ вамъ питаютъ непріязнь, а вѣдь это тяжело; главное, я тутъ никакъ ужъ не могу пособить вамъ. То ли дѣло, если переселитесь... я не говорю: навсегда, но на время... тамъ посмотримъ... Вы заведетесь тамъ своимъ домкомъ, хозяйствомъ, будете жить мирно, тихо; никто не знаетъ тамъ ни васъ, ни вашего брата; слѣдовательно, никто и попрекать не станетъ... Къ тому же вамъ обоимъ будетъ тамъ несравненно легче; ваше дѣло будетъ состоять въ томъ только, чтобъ чужіе люди не травили лугъ, чтобъ всегда въ исправности содержался колодезь, чтобъ гуртовщики исправно платили деньги... Это несравненно легче, чѣмъ пахать, особенно для тебя, Тимоѳей: ты такой больной, слабый...

Лапша закашлялся и крякнулъ съ такимъ видомъ, какъ будто силился приподнять съ пола огромную тяжесть.

— Однимъ словомъ, вамъ лучше будетъ тамъ во всѣхъ отношеніяхъ; край тамъ привольный: всего много—не то, что здѣсь! продолжалъ Сергѣй Васильевичъ, невольно увлекаясь при мысли о саратовскомъ лугѣ, который рѣшительно сдѣлался его конькомъ,—вотъ какъ я вамъ скажу: тамъ даже арбузы сѣются, какъ у насъ картофель; просто въ полѣ растутъ...

— Ужъ это на што жъ лучше, Сергѣй Васильичъ?.. У насъ ничего этого нѣтути, замѣтилъ Лапша, стараясь принять толковый, дѣловой видъ, — оченно бы, сударь, хорошо это было...

— Я говорю вамъ, что тамъ вамъ будетъ гораздо лучше, перебилъ Сергѣй Васильевичъ съ чувствомъ сильнаго убѣжденія, — избу вашу мы продадимъ, и вырученныя деньги будутъ вамъ отданы; кромѣ этого, я вамъ еще дамъ, потому что тамъ надо будетъ выстроить избу или мазанку, вырыть колодезь и вообще обзавестись. Ужъ если

я взялся за что, такъ, конечно, буду наблюдать, чтобъ вамъ было хорошо... Но ты, моя милая, кажется, какъ будто не совсѣмъ довольна? Скажи мнѣ прямо, скажи, въ чемъ заключается твое неудовольствіе? прибавилъ онъ, обращаясь къ Катеринѣ.

— Помилуйте, сударь, Сергѣй Васильичъ, могу ли я быть недовольна! съ чувствомъ сказала Катерина,—должна я понимать, какія вы милости для насъ дѣлаете! Отцы родные такой заботы не имѣютъ о своихъ дѣтяхъ, какъ вы о насъ сокрушаетесь... Оченно я довольна вашими милостями и Бога должна благодарить... Одна у меня только забота... прибавила она, опуская глаза и вздыхая,— все о немъ, объ мальчикѣ о своемъ думаю... Безъ него какъ словно горько мнѣ уйти отсюда...

— Еще бы! Но ты, пожалуйста, объ этомъ не безпокойся: завтра же чѣмъ-свѣтъ будутъ посланы письма къ исправнику и становымъ: мальчикъ твой найдется, непремѣнно найдется, только молись хорошенько Богу! заговорили вмѣстѣ баринъ и барыня. — Такъ ты, стало быть, также съ охотой переселишься отсюда? присовокупилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Коли такая ваша воля, я, сударь, на все согласна... вы намъ худа не желаете... спокойно возразила Катерина.

— Mais arrivez donc! arrivez donc! on vous attends!.. весело воскликнула Александра Константиновна, обращаясь къ двери залы, въ которой показались гувернантка и Мери, сопровождаемыя горничной Дашей, или lady Furie, какъ называли ее Бѣлицыны.

При первомъ взглядѣ на вошедшихъ, мысль, оживлявшая Бѣлицыну, тотчасъ же объяснилась. Руки гувернантки заняты были лентами и ботинками; Мери, милое личико которой сіяло такимъ же восхищеніемъ, какъ лицо матери, несла хорошенькій портмоне и большую бѣлую бонбоньерку съ вычурными золотыми разводами; горничная, выступавшая позади и преисполненная, болѣе чѣмъ когда-нибудь, чувствомъ собственнаго достоинства, держала въ рукахъ маленькій кружевной чепецъ, платокъ, стеганую кофту и еще кое-что изъ бѣлья; хотя всѣ эти предметы въ сотый разъ находились въ рукахъ Даши, но, судя по ея взглядамъ, они возбуждали въ ней въ эту минуту чувство непобѣдимаго презрѣнія, такого презрѣнія, что она поспѣшила даже перенести гордый, негодующій взглядъ свой на крестьянъ, стоявшихъ передъ господами.

Мысль Александры Константиновны необыкновенно понравилась Сергѣю Васильевичу.

— Ты меня предупредила; я только что думалъ объ этомъ, шепнулъ онъ, наклоняясь къ женѣ, которая разбирала ленты.

До сихъ поръ Катерина, Лапша и Маша не понимали, казалось, хорошенько намѣренія господъ; по крайней мѣрѣ, на лицахъ ихъ не произошло никакого измѣненія; яркіе цвѣта лентъ и ослѣпительный блескъ бонбоньерки произвелъ, повидимому, только дѣйствіе на трехъ мальчугановъ, начавшихъ было выглядывать изъ-за понявы сестры и матери: всѣ трое поспѣшно скрылись, какъ скрываются зайцы при видѣ сверканія огнестрѣльнаго оружія.

— Ну, это не по моей части... жена хочетъ кое-что подарить вамъ, я въ это не вмѣшиваюсь, съ добродушною веселостью произнесъ Сергѣй Васильевичъ.

Онъ далъ мѣсто женѣ, которая подходила съ чепцомъ и кофтой къ Катеринѣ, взявшей у дочери своего младенца.

— Вотъ это тебѣ, моя милая... для твоего ребенка... приподыми его, я сама на него надѣну, произнесла Александра Константиновна, накидывая чепецъ на голову младенца, который разразился вдругъ неистовымъ воплемъ,—по крайней мѣрѣ головка его будетъ теперь закрыта отъ солнца, продолжала Александра Константиновна, — а вотъ тебѣ еще кофточка, чтобъ закутывать его...

— Напрасно, матушка, изволите себя безпокоить... Много довольны мы и безъ того вашими милостями, не знаемъ, какъ и благодарить васъ... Только намъ этого ничего не надобно... простодушно сказала Катерина, между тѣмъ какъ Лапша не переставалъ кланяться на-отмахъ, что̀ приводило всякій разъ въ сильное замѣшательство трехъ мальчугановъ, избравшихъ теперь мѣстомъ засады пространство между выходной дверью и спиною отца.

Но Александра Константиновна не хотѣла слушать Катерину; она заставила ее взять платокъ, бѣлье и дала ей, сверхъ того, нѣсколько денегъ, взятыхъ изъ портмонэ— обстоятельство, которое, неизвѣстно почему, особенно сильно подѣйствовало на аристократическія чувства Даши; губы ея до того сузились, что совсѣмъ почти исчезли; носъ до того заострился, что если бъ приставить къ нему

листъ бумаги, онъ непремѣнно проткнулъ бы его; гордый взглядъ ея, сдѣлавшійся ядовито-насмѣшливымъ, быстро обратился къ Герасиму; но взглядъ пропалъ даромъ, потому что старикъ бесѣдовалъ въ эту минуту съ бариномъ. Александра Константиновна перешла между тѣмъ къ Машѣ.

— А это тебѣ, моя красавица, сказала она, подавая ей ленты,—у тебя же такая славная, черная коса!

Горничная Даша машинально провела ладонью по собственному затылку, и это было очень кстати, потому что коса ея, отъ чрезмѣрнаго потрясенія гордой головы ея, грозила съѣхать на спину, что было бы очень нехорошо, потому что затылокъ ея оказался бы тогда голымъ, какъ ладонь; коса у lady Furie была фальшивая.

— Madame Bélissine, comment est ce qu'il faut dire?.. заговорила въ свою очередь гувернантка. — Ботинъ! примолвила она, подавая старыя свои ботинки Машѣ, — ботинъ! пожалиста... ботинъ... нужна ботинъ!..

— Mais elles ne portent point cela... замѣтила улыбаясь Александра Константиновна.

— Oh! воскликнула съ такимъ комически-плачевнымъ видомъ гувернантка, что Бѣлицына, Мери и Сергѣй Васильевичъ засмѣялись.

Тотъ только, кто вынужденъ былъ сдерживать злобно-желчный смѣхъ, пойметъ, сколько власти надъ собою должна была имѣть Даша, чтобъ сохранить свое спокойствіе.

— Катерина, покажи намъ своихъ мальчиковъ. Что это они все прячутся? сказала барыня.

— Ничего съ ними не сдѣлаешь! вымолвилъ Лапша, совсѣмъ теперь ободрившійся. — Я васъ! пусти руки, говорятъ!.. эки шустрые! добавилъ онъ и выставилъ впередъ пучеглазаго Костюшку, который сильно упирался ногами.

Мери, повинуясь движенію матери, раскрыла бонбоньерку и поднесла ее мальчику.

— Ай! ай! ай! закричалъ во все горло Костюшка, кидаясь головою впередъ въ поняву матери, которая выставляла впередъ двухъ другихъ.

Мери снова поднесла бонбоньерку.

— Ай! ай! ай! закричали еще звонче братья Костюшки и, вырвавшись изъ рукъ матери, стремительно побросались за отцовскую спину.

— Этакіе глупенькіе! смѣясь сказала Александра Константиновна и, взявъ нѣсколько конфетъ, отдала ихъ Машѣ,—все равно, отдай ихъ потомъ; скажи имъ, что это даетъ имъ барышня.

Лапша переглянулся съ женою и дочерью, обнаруживая намѣреніе броситься въ ноги господамъ; но господа остановили его во-время. Дѣло о переселеніи было уже рѣшено, и потому Сергѣй Васильевичъ не нашелъ нужнымъ говорить о немъ Лапшѣ и женѣ его; онъ сказалъ только, чтобъ они съ возможной поспѣшностью приготовились къ сборамъ, и повторилъ Катеринѣ, что съ завтрашняго же утра начнутся дѣйствія касательно возвращенія ея сына.

Когда крестьянское семейство, обласканное, обнадеженное обѣщаніями и снабженное подарками, покинуло прихожую, Александра Константиновна, гувернантка и Мери обнаружили желаніе взглянуть, какъ пойдетъ оно по двору. По этому случаю въ залѣ открыто было окно. Группа, образовавшаяся такимъ образомъ въ окнѣ, была достойна замѣчанія по своей полнотѣ и разнообразію; ее составляли на первомъ планѣ: Александра Константиновна, гувернантка и Сергѣй Васильевичъ, державшій Мери на рукахъ; на второмъ планѣ: Герасимъ съ птичьей, задумчивой физіономіей и заложенными за спину руками; на третьемъ планѣ Даша, съ гордо приподнятою головою, причесанною à la Margot, съ ядовитой улыбкой на тонкихъ губахъ и длиннымъ носомъ, который какъ-будто видимо и притомъ самъ собою заострялся.

IV.

Препятствіе.

Лица (въ настоящемъ случаѣ было бы неучтиво сказать люди), лица, привыкшія вести въ столицахъ свѣтскую, разсѣянную жизнь, вообще говоря, рѣдко бываютъ постоянны въ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ. Предметъ, вызывающій искренній вздохъ, возбуждающій живѣйшее участіе или располагающій къ порыву веселости, встрѣчаетъ иногда, по прошествіи самаго короткаго срока, полнѣйшее равнодушіе. Это происходитъ оттого, кажется, что свѣтская столичная жизнь представляетъ слишкомъ много впечатлѣній. Упрекать свѣтскаго человѣка въ непостоянствѣ вкусовъ и перемѣнчивости—то же самое, что упрекать бабочку, которая потому только и перепархиваетъ

съ цвѣтка на цвѣтокъ, что цвѣтовъ разсыпано передъ ней милліоны. Посадите бабочку въ клѣтку и дайте ей одинъ цвѣтокъ: она, безъ сомнѣнія, просидитъ на немъ очень долго, пока не высосетъ изъ него всего соку. Свѣтскій человѣкъ ѣдетъ въ театръ, нетерпѣливо устремляетъ глаза на сцену и черезъ полчаса зѣваетъ или разсматриваетъ хорошенькихъ сосѣдокъ. Повезите провинціала въ звѣринецъ Зама: онъ будетъ говорить объ этомъ пять недѣль сряду. Все это въ порядкѣ вещей.

Но хотя Бѣлицыны жили постоянно въ столицѣ и вели свѣтскую разсѣянную жизнь, однако все сказанное нами нимало къ нимъ не относится—ни на волосъ не относится; нѣтъ, не таковы были Бѣлицыны!

Послѣ того, какъ ушло крестьянское семейство, Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна такъ же горячо говорили о немъ, какъ если бъ оно находилось передъ ними; но этого мало: участіе ихъ не ограничивалось словами. Тотчасъ же послѣ чая Сергѣй Васильевичъ отправился писать письмо исправнику; Александра Константиновна приказала принести себѣ холста, нитокъ, иголокъ и, съ помощью гувернантки, принялась кроить кофты, чепчики и рубашонки дѣтямъ Катерины. Даже маленькая Мери съ такимъ усердіемъ сѣла обметывать рубецъ, что невольно хотѣлось поцѣловать ее въ хорошенькую, бѣлокурую головку.

Планъ переселенія Лапши въ саратовскій лугъ и устройства тамъ колодца и мазанки не мало также занималъ Сергѣя Васильевича. Написавъ письмо исправнику, онъ сдѣлалъ маленькую смѣту „о вѣроятныхъ доходахъ“, которые принесетъ лугъ: смѣта оказалась въ высшей степени удовлетворительною. Все подтверждало мысль Сергѣя Васильевича, что переселеніе должно быть совершено со всевозможною поспѣшностью. Такъ онъ и думалъ сдѣлать, но, къ сожалѣнію, не такъ сдѣлалось.

Проектъ о переселеніи смѣнился совершенно неожиданно, и даже совершенно независимо отъ Сергѣя Васильевича, проектомъ объ устройствѣ сельской больницы. Это произошло вотъ по какому случаю: на другое утро, когда письмо къ исправнику было отослано, Сергѣй Васильевичъ отправилъ къ Лапшѣ Агапа Акишева; ему хотѣлось узнать, дѣлаются ли тамъ какія-нибудь приготовленія къ отъѣзду. Черезъ пять минутъ посланный вернулся съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

— Самъ я не видѣлъ, сударь, подхватилъ Акишевъ,— а только сказываютъ: очень, то-есть, разнемогся.

— Кто разнемогся?

— Тимоѳей, сударь; всю ночь, то-есть, жаловался, а теперь такъ даже встать никакъ, то-есть, не можетъ...

Доброе лицо Сергѣя Васильевича изобразило въ одно и то же время сожалѣніе и досаду: онъ взялъ свою пастушескую шляпу и, сопровождаемый Герасимомъ, направился къ избѣ Тимоѳея. Катерина повела ихъ въ клѣть, гдѣ лежалъ ея мужъ.

— Въ ночь, сударь, схватило; думали, ужъ совсѣмъ помретъ, сказала она, — сначала на грудь жаловался: „духъ, говоритъ, не переведу“, потомъ и весь разнемогся, отнялись руки и ноги; даже владать ими не можетъ...

— Ну, а теперь какъ? заботливо спросилъ помѣщикъ.

— Теперь какъ словно полегчило маленечко: заснулъ.

— Тсс... Ну, такъ оставь его, пускай спитъ! шепнулъ Сергѣй Васильевичъ, останавливаясь у дверей клѣтушки.— Странно, что это такъ вдругъ случилось... Впрочемъ, я вчера еще замѣтилъ: онъ былъ несовсѣмъ здоровъ.

— Онъ ужъ давно, сударь, на грудь жалуется, возразила Катерина.—Шять дней тому, какъ мальчика-то моего... вотъ что я вамъ, батюшка, сказывала... онъ въ оврагъ упалъ, расшибся добрѣ... должно-быть, не черезъ это ли теперь мучится...

Сергѣй Васильевичъ приказалъ дать знать, когда Лапша проснется, и вышелъ на улицу.

— Надо будетъ тотчасъ послать въ уѣздный городъ за докторомъ, сказалъ онъ, оборачиваясь къ управителю.

— Слушаю-съ... Осмѣлюсь только доложить, Сергѣй Васильичъ, напрасно, сударь, изволите себя безпокоить: докторъ ничего здѣсь не сдѣлаетъ... напрасно деньги отдать изволите...

— Прекрасно! пре-е-красно! вскрикнулъ съ горячностью Бѣлицынъ.—Надо, слѣдовательно, предоставить этого человѣка на произволъ судьбы: пускай онъ страдаетъ, пусть умретъ даже — не такъ ли, а?.. Это удивительно, что за народъ! Удивительно, удивительно! подхватилъ онъ, досадливо надвигая на глаза пастушескую шляпу.

Герасимъ Аѳанасьевичъ замялся.

— Я, то-есть, въ томъ разсужденіи, Сергѣй Васильичъ, что они доктора не послушаютъ, сказалъ онъ,—ужъ это,

сударь, народъ такой; никакимъ манеромъ не сообразишь съ нимъ... Эти случаи ужъ бывали: докторъ скажетъ то и то надо исполнить—они ничего этого не сдѣлаютъ; ужъ это, сударь, вѣрно! Они пойдутъ къ какой-нибудь ворожеѣ, своей же бабѣ, ей повѣрятъ, а доктора ни за что, сударь, не послушаютъ.

— Но вѣдь должны же они понимать, что докторъ человѣкъ ученый, что онъ всю свою жизнь занимается лѣченіемъ, тогда какъ баба какая-нибудь ничего не смыслитъ и только плутуетъ...

— Они этого, Сергѣй Васильичъ, не берутъ въ разсужденье. Иной втрое передастъ противъ того, что̀ взялъ бы докторъ... да дѣло не въ счетѣ; положимъ, хошь бы черезъ эфто какую пользу себѣ получилъ, а то, вѣдь, другой разъ на всю жизнь несчастнымъ остается... и все-таки, сударь, пойдетъ скорѣе къ ворожеѣ, чѣмъ къ доктору. Вотъ, я вамъ доложу, прошлую осень какой былъ случай: вижу я, захромалъ кузнецъ; поглядѣлъ—такъ, рана маленькая отъ обжоги; приложилъ я ему сала; черезъ три дня совсѣмъ заживать стала; прошла недѣля—не видно кузнеца; спрашиваю, говорятъ: ноги лишился. Я къ нему; точно: ногу какъ бревно разнесло, смотрѣть, такъ даже ужасно... Что жъ? вѣдь признался: у ворожеи былъ; „думалъ, говоритъ, скорѣе заживетъ!“ Она возьми да и намажь ему рану-то скипидаромъ—просто всю ногу разъѣло! Насилу, сударь, вылѣчили... То ли еще дѣлаютъ! купоросъ къ ранамъ прикладываютъ, мышьякомъ присыпаютъ...

— Это ужасно! сказалъ Сергѣй Васильевичъ, раскланиваясь очень сухо съ проходившими мимо него бабами и мужиками и какъ бы желая дать почувствовать, что не совсѣмъ-то ими доволенъ. — Такъ, однакожъ, никакъ нельзя оставить, примолвилъ онъ, — этакъ вся деревня превратится въ калѣкъ.

— Выздоравливаютъ, сударь! спокойно возразилъ Герасимъ. — Русскій человѣкъ крѣпокъ! Благодаря Бога, у насъ въ Марьинскомъ всѣ теперь здоровы, кромѣ, вотъ, Тимоѳея, и, между тѣмъ, всѣ, сударь, съ поконъ вѣку у ворожеекъ лѣчатся...

— Это не резонъ! Если до сихъ поръ не произошло несчастія, то можно ожидать его. Надо будетъ непремѣнно принять мѣры, примолвилъ Сергѣй Васильевичъ

тономъ, который показывалъ, что онъ сильно углубился въ самого себя.

Вернувшись домой, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ, взялъ листъ бумаги и надписалъ сверху: „Проектъ марьинской больницы“ и принялся выставлять цифру подлѣ цифры. Предположено было сначала устроить десять постелей. Но заключительный счетъ, въ который вошли расходы постройки, наемъ фельдшера, покупка медикаментовъ и содержаніе больныхъ, былъ такъ великъ, что число постелей убавлено было тотчасъ же наполовину. Цифра все-таки превышала ожиданія Сергѣя Васильевича; но это его не остановило: набросавъ карандашомъ легкій планъ постройки, онъ понесъ его къ женѣ. Съ первыхъ словъ мужа, Александра Константиновна протянула ему обѣ руки свои.

— У тебя всегда такія славныя идеи, Сержъ! сказала она радостно, глядя ему въ глаза. — Я сидѣла здѣсь и думала именно: что, если бъ всѣ мы жили больше въ своихъ деревняхъ, ближе бы знакомились съ сельскимъ бытомъ... сколько добра можно сдѣлать! сколько пользы! И какъ все это легко: стоитъ только чуть-чуть себя принудить. Принужденье даже совсѣмъ нетрудное: сельская жизнь имѣетъ также свою пріятную сторону, свою поэзію... Вотъ хоть бы теперь эти бездѣлицы! присовокупила она, приподымая пеструю ситцевую шапочку, предназначавшуюся для младшаго ребенка Катерины.—Ты представить себѣ не можешь, сколько мнѣ это доставляетъ удовольствія!.. Одна мысль, что бѣдные эти люди будутъ счастливы, радуетъ мое сердце. Ахъ, да, кстати: что подѣлываютъ наши protégés?..

— У нашихъ protégés несовсѣмъ ладно...

— Ахъ, Боже мой! что жъ такое?

— Тимоѳей очень боленъ...

— Qu'arrive-t'il à Timothée? съ оживленіемъ спросила гувернантка.

Сергѣй Васильевичъ разсказалъ о прогулкѣ своей и передалъ все слышанное отъ Катерины. Участіе, выказанное при этомъ гувернанткой, сдѣлало бы величайшую честь ея доброму сердцу, если бъ не было черезчуръ уже сильно. Она слушала Сергѣя Васильевича съ такимъ же почти выраженіемъ, какъ долженъ былъ слушать Тезей разсказъ о несчастіяхъ сына своего Ипполита. Она предложила сдѣлать тотчасъ же для больного de la tisane, а

въ ожиданіи этого снадобья, послать ему чашку бульона; но Сергѣй Васильевичъ сказалъ, что все это лишнее, что онъ сдѣлалъ уже самое необходимое распоряженіе, а именно, послалъ за уѣзднымъ лѣкаремъ.

Слово „лѣкарь", по тѣсной связи своей съ больницей, направило мысли Александры Константиновны къ новому проекту мужа. Планъ и система были тотчасъ же представлены на ея разсмотрѣніе. Все это привело ее въ восхищеніе, хотя она и замѣтила, что Сергѣй Васильевичъ поступилъ въ этомъ случаѣ нѣсколько эгоистически.

— Ты, Serge, думалъ только о своихъ мужикахъ и совершенно забылъ моихъ добрыхъ бабъ, сказала она.—Ты какъ будто удалилъ меня отъ добраго дѣла; но я также хочу принять въ немъ участіе; я хочу, чтобъ и моимъ бабамъ было мѣсто въ больницѣ; необходимо также, чтобъ были двѣ-три постели для больныхъ дѣтей.

— Все это прекрасно; но тогда нужно устроить двѣнадцать постелей.

— Ну, да, конечно; если ужъ дѣлать, такъ дѣлать.

Сергѣй Васильевичъ показалъ счетъ; сумма была очень значительна; но все-таки не слѣдовало изъ этого, чтобъ строить больницу для одного мужескаго пола: это было бы крайне несправедливо. Рѣшено было посовѣтоваться съ уѣзднымъ лѣкаремъ.

Лѣкарь пріѣхалъ вечеромъ. Бѣлицыны не ожидали его такъ рано; вообще говоря, пріѣздъ лѣкаря былъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ пріятнымъ сюрпризомъ: лѣкарь оказался очень милымъ и образованнымъ человѣкомъ; онъ успокоилъ ихъ совершенно насчетъ Лапши. Болѣзнь мужика была слѣдствіемъ паденія и ушиба; онѣмѣніе въ членахъ происходило оттого, что ему не пустили кровь въ свое время; теперь все уже сдѣлано, и лѣкарь надѣялся, что въ скоромъ времени послѣдуетъ выздоровленіе. Что жъ касается до проекта о постройкѣ больницы, уѣздный эскулапъ одобрилъ его какъ нельзя больше.

— Это было бы истинное благодѣяніе, сказалъ онъ, — но о размѣрахъ вашего плана ничего не могу сказать: размѣры находятся въ полной зависимости отъ средствъ помѣщика. Впрочемъ, богатымъ людямъ все возможно, заключилъ онъ, сопровождая слова свои наклоненіемъ головы и взглядомъ, который окончательно расположилъ къ нему Бѣлицыныхъ.

Съ этого вечера больница сдѣлалась любимымъ пред-

метомъ бесѣды Сергѣя Васильевича; зданіе вырастало съ каждымъ часомъ въ воображеніи предпріимчиваго помѣщика, но съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе заслоняло, повидимому, саратовскій лугъ: Сергѣй Васильевичъ замѣтно охладѣлъ къ послѣднему; семейство Лапши было передано на руки Александры Константиновны. „Что̀ могутъ значить отдѣльныя личности, когда имѣется въ виду общественная польза?“ Такова, если не ошибаюсь, была настоящая мысль Сергѣя Васильевича. Но Александра Константиновна не имѣла ни малѣйшаго понятія о политической экономіи: она продолжала заниматься своими protégés съ истинно-материнскою заботливостью. Агапу Акишеву вмѣнено было въ обязанность узнавать каждый день о томъ, какъ идетъ выздоровленіе Лапши; каждый разъ, когда вставали изъ-за стола, Александра Константиновна посылала больному супу; гувернантка присоединяла къ этому ломоть бѣлаго хлѣба; когда Лапша сталъ поправляться, супъ замѣнился котлеткой, хлѣбъ—стакаломъ краснаго вина, необходимаго, какъ говорила бордосская уроженка, для подкрѣпленія силъ больного. Все это опять-таки поручалось Агапу Акишеву, что̀, мимоходомъ сказать, начинало дѣлаться для него невыносимымъ.

Дворовые не давали ему проходу съ Лапшою; особенно сильно смѣялись тѣ, которые, считая себя во всѣхъ отношеніяхъ достойными служить господамъ, были, однакожъ, удалены въ пользу Агапа.—„Что̀ взялъ!“ говорили ему: „хвасталъ, хвасталъ—что, какой авантажъ получилъ? Вотъ-те и барскій лакей, къ какой должности приставили: служишь по винной части землемѣромъ!“ Отправляясь къ Лапшѣ съ супомъ, Агапъ испытывалъ невыносимыя пытки: едва ступалъ онъ на улицу, какъ ужъ изъ лабиринта, гдѣ жили дворовые, раздавались хохотъ, фырканье, ядовитыя восклицанія: „Иди скорѣй!“ кричали ему: „супъ простынетъ: Лапша любитъ горячій; онъ тебѣ хохолъ-то намнетъ!“—„Эй, слышь, Агапъ! кланяйся госпожѣ Катеринѣ, цѣлуй у ней ручки; о здоровьи спроси!“ Или тоненькій голосокъ запѣвалъ вдругъ изъ-за угла:

У дороднаго, добра молодца,
Много было на службѣ послужено:
Съ кнутомъ за свиньями похожено.

Каждое изъ этихъ словъ вонзалось, какъ шило, въ оскорбленное сердце Агапа. Извѣстно, противъ жара и камень треснетъ. Агапъ былъ далеко не каменный; онъ

такъ возненавидѣлъ все что хоть сколько-нибудь прикасалось къ Лапшѣ, что, встрѣтивъ разъ на дорогѣ пучеглазаго Костюшку, надавалъ ему тузовъ безъ всякой видимой причины. Ненависть, разжигаемая насмѣшками товарищей, усиливалась въ немъ съ каждымъ часомъ; онъ не смѣлъ, однакожъ, выказывать ее слишкомъ явно, опасаясь жалобъ Катерины. Прійдетъ въ избу, швырнетъ хлѣбъ, пихнетъ супъ—и только; но, поощренный смиреніемъ и молчаніемъ враговъ своихъ, онъ обнаружилъ вскорѣ настоящія свои чувства. Недѣлю спустя послѣ того, какъ захворалъ Лапша, посѣщенія съ супомъ не столько уже тяготили Агапа, сколько Катерину; она ни на волосъ не отступала, однакожъ, отъ своего обычая: молчаніемъ отвѣчала на выходки раздраженнаго Акишева. Точно такъ же поступала она въ отношеніи къ другимъ жителямъ Марьинскаго, которые и прежде ей недоброжелательствовали, а теперь рѣшительно ее преслѣдовали. Появленіе Катерины на улицѣ пробуждало бранныя слова и ропотъ. „Вотъ оно что: изъ послѣднихъ стали первыми!“ говорили мужики и бабы: „вотъ что подольщаться-то значитъ! Ишь какъ подъѣхали? Прежде христарадничали, у собакъ хлѣбъ отнимали, теперь съ барскаго стола ѣдятъ... Кругомъ оплели господъ-то!..“— „А вы думаете какъ? рази спроста? знамо, что оплели!“ подхватывалъ всегда кузнецъ Пантелей, главный зачинщикъ всѣхъ этихъ толковъ: „они только для виду мальчика своно нищимъ отдали; тѣмъ временемъ, какъ дватo дни пропадала—къ ворожеямъ ходила: тѣ, знамо, и научили приманкамъ всякимъ. Кабы не это, господа первымъ дѣломъ сослали бы ихъ отселева, потому что имъ извѣстны всѣ ихнія мошенничества, что одну руку, примѣрно, съ братомъ-разбойникомъ держатъ... А намѣсто того, ихъ же благодѣтельствуютъ... Знамо, не спроста, все черезъ колдовство; дай имъ срокъ, они не то еще сдѣлаютъ!..“ Толки эти приняли чудовищные размѣры, когда барыня, ея дочь и гувернантка, возвращаясь съ прогулки, два раза сряду лично навѣстили Катерину. Въ то время, какъ господа находились въ избѣ, на задворкахъ Марьинскаго происходила такая же почти бѣготня, какъ когда помѣщики въѣзжали въ околицу. Разговаривая съ Катериной, Александра Константиновна не могла не замѣтить грусти и смущенія на лицѣ бабы; но сколько она ни разспрашивала, Катерина молчала.

— Тебѣ, можетъ-быть, не хочется разставаться съ Марьинскимъ—я это понимаю, моя милая, сказала, наконецъ барыня,—грустить въ такомъ случаѣ не о чемъ; ты только прямо скажи мнѣ: я поговорю съ Сергѣемъ Васильевичемъ, и онъ—я въ этомъ увѣрена,—не захочетъ переселять васъ противъ воли.

— Нѣтъ, сударыня, возразила Катерина съ пугливымъ какимъ-то оживленьемъ, — нѣтъ, ужъ если такая ваша милость, вы ужъ лучше переселите насъ. Мы, сударыня, этимъ не обижаемся; мы всей душой рады этому. Мы еще прежде, матушка, хотѣли васъ трудить этимъ... завсегда этого желали; покрайности, мы тамъ вашей милости пользу принесемъ, трудиться станемъ, да и самимъ лучше будетъ. Здѣсь, коли такъ насъ оставите, станутъ намъ только завидывать... попрекать станутъ вашими милостями...

— Какъ это можно! Неужели здѣсь такіе злые?

— Не по злобѣ, матушка, а такъ, по глупости по своей, по зависти! со вздохомъ проговорила Катерина.—Всякій, знамо, себѣ добра желаетъ; обошли его, другому досталось—ну, онъ и досадуетъ... Нѣтъ ужъ, сударыня, сдѣлайте такую Божескую милость, ослобопите насъ! убѣдительно подхватила она,—вѣкъ, матушка, станемъ за васъ Бога молить...

Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, но радуясь въ душѣ своей ошибкѣ, потому что боялась огорчить мужа, который ни за что бы не рѣшился переселить крестьянъ противъ воли, Александра Константиновна старалась успокоить Катерину насчетъ Пети. Къ сожалѣнію, она не могла сообщить много утѣшительнаго. О мальчикѣ не было до сихъ поръ ни слуху, ни духу. Впрочемъ, надежды терять никакъ не слѣдовало: исправникъ въ отвѣтѣ своемъ ясно высказалъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобъ только угодить Сергѣю Васильевичу. Но потому ли, что несчастіе дѣлаетъ недовѣрчивымъ, или по другимъ причинамъ, которыхъ Катерина не хотѣла открыть барынѣ, она оставалась неутѣшною, и выразительное лицо ея продолжало сохранять всѣ признаки глубокой, внутренней скорби.

V.

Дѣло опять пошло на ладъ.

Александру Константиновну нешутя начинало огорчать, что Петя такъ долго не отыскивался. Ей такъ пріятно

было бы сообщить Катеринѣ пріятную вѣсть! Не проходило часа, чтобъ маленькая Мери не спрашивала: „нашли ли мальчика?“ Дѣло въ томъ, что ей собственно предоставлено было удовольствіе передать бѣдной матери радостное извѣстіе.

Нетерпѣніе Александры Константиновны объяснялось еще другой причиной: она не сомнѣвалась, что возвращеніе Пети развлечетъ, разсѣетъ Сергѣя Васильевича, который вотъ ужъ пятый день ходилъ съ задумчивымъ видомъ и былъ, очевидно, не въ духѣ. Александра Константиновна не ошиблась: Сергѣй Васильевичъ точно нуждался въ разсѣяніи. Онъ находился въ положеніи человѣка, который долго питаетъ въ душѣ какую-нибудь мысль и вдругъ видитъ необходимость съ ней разстаться. Послѣ первой бесѣды съ Герасимомъ касательно устройства больницы, онъ убѣдился, что планъ его осуществиться никакъ не можетъ. Старикъ словно ждалъ этого случая, чтобъ раскрыть передъ бариномъ настоящее положеніе марьинскаго хозяйства. Едва Сергѣй Васильевичъ заговорилъ о больницѣ, Герасимъ выставилъ ему на видъ кровлю овина, которая грозила упасть на голову работникамъ. Сергѣй Васильевичъ сказалъ, что одно не мѣшаетъ другому: можно выстроить больницу и починить кровлю. Герасимъ ловко перешелъ тогда къ скотному двору, требующему поспѣшной поправки; Сергѣй Васильевичъ замѣтилъ, что для него здоровье крестьянъ всего дороже. Герасимъ совершенно согласился, но тутъ же началъ распространяться о хлѣбныхъ амбарахъ и закромахъ, которые, благодаря ветхости, пропускали со всѣхъ сторонъ сырость, такъ-что мука, пролежавъ тамъ мѣсяцъ, превращалась въ камень. Переходя такимъ образомъ отъ одной развалины къ другой (а такихъ нашлось въ Марьинскомъ великое множество), старикъ имѣлъ очевидное намѣреніе нанести рѣшительный ударъ не только больницѣ, но даже всѣмъ остальнымъ проектамъ: увеличенію пруда, постройкѣ бесѣдки, перемѣщенію службъ, превращенію краснаго двора въ англійскій скверъ, и проч.

Не знаю, въ какой степени старый управитель достигъ своей цѣли, но только съ этого дня Сергѣй Васильевичъ впалъ въ задумчивость и пересталъ говорить о своихъ проектахъ. Проекты эти были главными возбудителями дѣятельности, выказанной имъ до этого времени; лишившись ихъ, онъ сдѣлался вдругъ страшно-равнодушнымъ

въ отношеніи ко всему Марьинскому. Существованіе помѣщика-хозяина, представлявшееся Сергѣю Васильевичу въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ, явилось передъ нимъ во всей прозаической наготѣ своей. „Дѣйствительно, прежде чѣмъ строить новыя зданія, надо поправить старыя“, думалъ онъ: „въ деревнѣ неуклюжій какой-нибудь хлѣбный амбаръ дѣйствительно полезнѣе бесѣдки, потому что хлѣбъ... словомъ, Герасимъ правъ... Все это, однакожъ, страхъ скучно... надо признаться!..“ заключалъ онъ, бросая разочарованные взгляды на дворъ и окружающіе его постройки, крытыя соломой. Дни начинали казаться ему невыносимо длинными; имъ овладѣла скука и апатія, которую напрасно старалась разогнать Александра Константиновна. Катанье въ лодкѣ, прогулки въ длинныхъ дрогахъ, чай въ лѣсу и другія сельскія увеселенія, придуманныя ею для развлеченія мужа, развлекали только гувернантку и Мери. Сергѣй Васильевичъ раза два былъ на скотномъ дворѣ, гдѣ ставили стропилы и выстилали кровлю; но все это показалось ему такъ незанимательнымъ, что онъ туда ужъ не возвращался.

Скука между тѣмъ усиливалась, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ не одно обстоятельство, которое снова воскресило заснувшую дѣятельность помѣщика. Лапша выздоровѣлъ. Сначала извѣстіе это принято было Сергѣемъ Васильевичемъ очень равнодушно, но, казалось, ему стоило даже нѣкотораго усилія, чтобъ уступить женѣ, которая явилась въ кабинетъ съ веселымъ лицомъ и звала его взглянуть на Лапшу.

Выздоровленіе Тимоѳея не произвело большой перемѣны въ его наружности: онъ, казалось, укрѣпился скорѣе духомъ, чѣмъ тѣломъ; по крайней мѣрѣ брови его такъ высоко теперь подымались, что между ними и корнями волосъ оставалась только тоненькая морщинистая полоса мяса.

— Очень радъ, очень радъ, мои милые, разсѣянно проговорилъ Сергѣй Васильевичъ, кивая головою Катеринѣ и ея мужу,—очень радъ... Вотъ я слышалъ, вы лѣчиться не хотите, ходите къ какимъ-то ворожеямъ, которыя васъ только обираютъ, примолвилъ онъ холоднымъ тономъ упрека,—вотъ что̀ значитъ, однакожъ, лѣченье, что̀ значитъ докторъ: видишь, ты теперь на ногахъ! Если бъ была у насъ больница въ Марьинскомъ и тебя положили бъ туда, какъ только ты занемогъ (брови

Лапши задвигались безпокойно), ты тогда поправился бы еще скорѣе...

Катерина и ея мужъ, успѣвшій снова ободриться, начали благодарить Сергѣя Васильевича за попеченіе.

— Меня не за что, рѣшительно не за что; благодарите барыню: она о васъ заботилась, произнесъ помѣщикъ, поглядывая въ окно.

Поклонившись Александрѣ Константиновнѣ, Катерина остановила на ней нерѣшительные глаза и наконецъ сказала:

— Когда жъ, сударыня... когда прикажете собираться?

— Ахъ, да! перебилъ Сергѣй Васильевичъ,—ну, что?.. какъ?.. подумали ли вы, о чемъ я тогда говорилъ вамъ?

Катерина упала ему въ ноги; Лапша какъ будто этого и ждалъ: онъ послѣдовалъ примѣру жены съ особенною торопливостью. Изъ словъ ихъ дѣлалось яснымъ, что они крѣпко обдумали предложеніе барина и рады отправиться хоть сію минуту.

— Хорошо, очень радъ. Я переговорю объ этомъ съ Герасимомъ. Во всякомъ случаѣ, приготовляйтесь къ отъѣзду... приготовляйтесь...

Сказавъ это, Сергѣй Васильевичъ отпустилъ крестьянъ и направился въ кабинетъ. Оставалось еще два часа до обѣда; онъ отыскалъ записку о саратовскомъ лугѣ и отъ нечего дѣлать сталъ повѣрять сдѣланныя прежде вычисленія. Какъ ужъ сказано, „вѣроятные доходы“, которые могъ приносить лугъ, превышали ожиданія помѣщика; въ занятіи этомъ онъ не нашелъ, слѣдовательно, ничего скучнаго; напротивъ, все подтверждало, что мысль о переселеніи была практическая мысль и сдѣлала бы честь любому хозяину. „Надо, однакожъ, заняться и кончить это дѣло“, подумалъ Сергѣй Васильевичъ, когда его позвали обѣдать. Во время обѣда онъ былъ разговорчивъ и вообще казался веселѣе, чѣмъ въ послѣдніе пять дней. Бесѣда сдѣлалась еще оживленнѣе, когда всѣ расположились на террасѣ. Александра Константиновна точно угадала причину, которая подѣйствовала на мужа: она съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорила о саратовскомъ лугѣ.

— Да, сказалъ Сергѣй Васильевичъ, откидываясь на спинку стула,—я очень радъ, что мнѣ пришла эта мысль; я рѣшительно не вижу причины жертвовать этимъ лугомъ въ пользу госпожи Ивановой... Karassin (Александра Кон-

стантиновна, Мери и гувернантка засмѣялись) очень добрый, почтенный и честный человѣкъ, mais c'est une poule mouillée—мокрая курица! и притомъ имъ, какъ, впрочемъ, вообще всѣми ими, управляетъ рутина. Онъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ, но, я увѣренъ, онъ не одобряетъ моей мысли; а отчего, спроси: оттого, что боится истратить какихъ-нибудь двѣсти рублей, необходимыхъ для переселенія, а между тѣмъ лугъ, надо тебѣ сказать, приноситъ восемьсотъ рублей! Но они всѣ таковы: держатся за гривенникъ и пропускаютъ цѣлковые. Рутина! рутина!.. А между тѣмъ кричатъ: хозяйство! хозяйство!.. Хозяйство заключается въ общихъ соображеніяхъ доходовъ, а не въ мелочахъ какихъ-нибудь. Нѣтъ, не шутя, я очень радъ этой мысли.

— Я, Serge, вдвойнѣ ей рада, весело подхватила Александра Константиновна,—деньги сами по себѣ; но мысль эта дала еще тебѣ способъ сдѣлать истинно доброе дѣло: эти бѣдные люди будутъ тамъ такъ счастливы!..

— Oh, mon Dieu, oui! воскликнула гувернантка, складывая съ умиленіемъ руки и подымая восторженные глаза къ небу.

Коснуться при mademoiselle Louise предмета, который сильно занималъ ея воображеніе—значило почти то же, что приложить огонь къ фейерверку. Она заговорила вдругъ съ такою увѣренностью о счастіи, ожидавшемъ семейство Лапши, какъ будто ее неожиданно намагнетизировали и она говорила въ восторженномъ экстазѣ сонамбулизма. Свѣжій воздухъ луговъ, запахъ цвѣтовъ должны были, по словамъ ея, тотчасъ же расширить грудь Лапши, укрѣпить его легкія и разлить румянецъ на блѣдныхъ щекахъ всѣхъ членовъ его семейства. Зрѣніе Лапши (онъ, какъ ужъ сказано, слабо видѣлъ, и во время его болѣзни гувернантка неоднократно посылала ему смѣсь изъ чая, рома и розовой воды для примочки), зрѣніе Лапши, постоянно устремленное къ безкрайному горизонту степи, должно было получить силу. Она завидовала пучеглазому Костюшкѣ, который, подобно степному орленку, будетъ расти и развиваться посреди дикой свободы. Самый духъ Катерины, ея дѣтей и мужа долженъ былъ воскреснуть и возвыситься въ виду широкаго, величаваго простора луговъ. Она привела въ примѣръ Патфайндера и напомнила Бѣлицынымъ поэтическія американскія степи Купера. Самая обыкновенная мысль, по-

павъ въ воображеніе бордосской уроженки, мгновенно вспыхивала, расширялась, какъ пороховой газъ, производила дѣйствіе взрыва и, смотря по содержанію своему, повергала ее въ восторгъ, въ отчаяніе или въ неистовую дѣтскую радость; она ни о чемъ вообще не могла говорить, ничего не могла дѣлать безъ увлеченія и сильныхъ порывовъ. Она прикладывала страсть даже тогда, когда дѣлала вмѣстѣ съ Мери песочные пирожки и выводила на нихъ самые замысловатые узоры. Случалось ей бѣжать съ дикимъ крикомъ черезъ всѣ комнаты, держа въ рукахъ муху, которой хотѣла дать свободу (въ домѣ было множество пауковъ); освободивъ la malheureuse, она долго слѣдила за ея полетомъ и радостно била въ ладоши. Утенокъ, унесенный коршуномъ, повергалъ ее въ такой ужасъ, что можно было думать, что съ Мери произошло несчастіе.

Бѣлицыны знали очень хорошо восторженныя свойства гувернантки; но тѣмъ не менѣе она увлекала ихъ яркостью своихъ описаній: картина поэтическихъ луговъ Купера произвела на нихъ особенно сильное впечатлѣніе.

— Луга! луга!.. Въ луга, когда такъ! поѣдемте же въ луга! воскликнули въ одинъ голосъ Сергѣй Васильевичъ, его жена и дочь.—Вели закладывать длинныя дроги: мы ѣдемъ въ луга! подхватилъ Сергѣй Васильевичъ, когда на звонъ его явился лакей.

Въ одинъ мигъ дамы поднялись и пошли одѣваться. Сергѣй Васильевичъ послѣдовалъ ихъ примѣру съ живостью, которой давно ужъ не выказывалъ.

Полчаса спустя, всѣ сидѣли въ длинныхъ дрогахъ и ѣхали по направленію къ мельницѣ, за которой начинались превосходные заливные луга Марьинскаго. Принимая въ соображеніе восторженное настроеніе духа и нетерпѣніе, съ какимъ ждали всѣ появленія луга, надо было думать, Бѣлицыны пробудутъ тамъ по крайней мѣрѣ до солнечнаго заката. Оно бы, вѣроятно, такъ и было, если бъ не Сергѣй Васильевичъ. Едва Александра Константиновна, гувернантка и Мери успѣли составить себѣ по букету, какъ ужъ лицо его выразило озабоченность; онъ обнаружилъ желаніе вернуться скорѣй домой; ему жаль было разстроить прогулку, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что его побуждала къ этому очень важная причина.

— Все это прекрасно, c'est charmant, я совершенно раздѣляю вашъ восторгъ, сказалъ онъ, бросая быстрые,

но очевидно разсѣянные взгляды по окрестности,—но все это напоминаетъ другой лугъ, о которомъ мы совершенно забыли. Ты знаешь мое правило: никогда не откладывать дѣло въ долгій ящикъ, и, наконецъ, дѣло прежде всего. Я совершенно выпустилъ изъ виду одно обстоятельство и теперь только вспомнилъ: приближаются петровки; надо какъ можно скорѣе отправить это семейство, въ противномъ случаѣ, госпожа Иванова надѣлаетъ тамъ дѣла...

— Что̀ такое петровки? спросила Александра Константиновна, поглядывая на суетливо-озабоченное лицо мужа, который махалъ кучеру, чтобъ онъ подъѣзжалъ.

— Петровки—это время покоса, торопливо возразилъ Сергѣй Васильевичъ.—Если мы замѣшкаемъ съ нашими переселенцами, лугъ будетъ скошенъ, добавилъ онъ, кидая нетерпѣливые взгляды по направленію къ Марьинскому.

— Какъ ты все это знаешь? проговорила жена.

— Il le faut bien, ma chère! Это азбука нашего брата, хозяина, проговорилъ Сергѣй Васильевичъ, краснѣя отъ внутренняго удовольствія.

Дѣятельность его, охлажденная доводами Герасима, пробудилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долѣе находилась въ усыпленіи. Въѣзжая во дворъ, Сергѣй Васильевичъ крикнулъ, чтобъ ему тотчасъ же, не медля ни минуты, позвали управителя. Дѣло о саратовскомъ лугѣ изложено было такъ быстро, и такъ много видно было со стороны Сергѣя Васильевича желанія, чтобъ переселеніе совершилось скоро, что старику Герасиму оставалось только вертѣть пальцами за спиною. Но духъ прямоты и противорѣчія, отличавшій старика, и тутъ-таки взялъ свое: онъ выразилъ сомнѣніе, чтобъ можно было на другой день найти покупщика на избу Лапши, которую Сергѣй Васильевичъ хотѣлъ продать съ тѣмъ, чтобъ на эти деньги отправить переселенцевъ.

— Вѣчныя затрудненія! воскликнулъ помѣщикъ. — По-твоему, надо, стало-быть, ждать покупщика, а между тѣмъ Иванова скоситъ лугъ. О-о, очень хорошо! славное распоряженіе!.. Оцѣнить избу, выдать имъ деньги изъ конторы, а тамъ, когда продадутъ ее (тутъ Сергѣй Васильевичъ обратился къ входившему лакею и велѣлъ какъ можно скорѣе позвать Тимоѳея и его жену), а тамъ, подхватилъ онъ, обратившись къ Герасиму,— продадутъ избу, деньги опять вернутся въ контору—не все ли это равно?

Черезъ десять минутъ объявлено было Лапшѣ и Кате-

ринѣ, чтобъ они какъ можно скорѣе приготовлялись въ путь. Узнавъ о времени, которое потребуется имъ для сборовъ, Сергѣй Васильевичъ спросилъ у Герасима, сколько дней, приблизительно, нужно, чтобъ доѣхать до саратовскаго луга. Оставшись повидимому очень доволенъ отвѣтами, онъ отпустилъ крестьянъ и управителя и принялся писать объяснительное письмо госпожѣ Ивановой.

VI.

Разставанье.

На другой день, какъ только Сергѣй Васильевичъ проснулся, первымъ дѣломъ его было послать къ Лапшѣ Агапа Акишева: ему хотѣлось узнать, какъ идутъ сборы.

— Приготовляются, сударь, сказалъ Акишевъ, на глупомъ лицѣ котораго нельзя было не прочесть радости.

Но радость была преждевременная: въ этотъ день Сергѣй Васильевичъ посылалъ его, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать къ Тимоѳею.

Сборы продолжались всего два дня, благодаря тому, вѣроятно, что собирать почти было нечего. Наступилъ день, предшествовавшій отъѣзду. Семейство Лапши собралось въ прихожую, чтобъ проститься съ господами.

Слѣдуя совѣту Герасима и также собственнымъ соображеніямъ, Сергѣй Васильевичъ поручилъ всѣ бумаги касательно луга, письмо помѣщицѣ Ивановой и всѣ деньги Катеринѣ. При этомъ Лапша, протянувшій уже руку съ самымъ дѣловымъ видомъ, меланхолически опустилъ брови; но онъ снова поднялъ ихъ, когда баринъ обратился къ нему и сказалъ, что собственно *ему* поручаетъ надзоръ за лугомъ и полагается на него въ этомъ дѣлѣ, какъ на самого себя. Это очевидно польстило Лапшѣ, и во все время, когда баринъ объяснялъ ему его обязанности, онъ глядѣлъ совершеннымъ молодцомъ. Барыня, ея дочь и француженка надѣляли между тѣмъ Катерину и ея дѣтей подарками. Наконецъ, господа поцѣловали каждаго изъ присутствующихъ (все это не обошлось, разумѣется, безъ крика со стороны Костюшки и другихъ ребятишекъ), простились съ крестьянами и, нѣсколько растроганные, вышли на террасу.

Въ тотъ же день, послѣ солнечнаго заката, Александра Константиновна, сопровождаемая гувернанткой и Мери, гуляла по саду. На поворотѣ аллеи онѣ встрѣтили Ка-

терину; встрѣча была такъ неожиданна, что всѣ три вскрикнули; Катерина упала въ ноги барынѣ, и смущеніе ея на этотъ разъ было такъ велико, что долго не могли добиться отъ нея толку. Наконецъ, она сказала, что пришла сказать о пропавшемъ сынѣ; она цѣловала руки и ноги барыни и всячески заклинала ее не оставить Петю въ Марьинскомъ въ случаѣ, если онъ отыщется; она умоляла отправить его къ нимъ, въ степь. Александра Константиновна дала слово исполнить просьбу; она хотѣла вести бабу къ мужу, полагая, что слово Сергѣя Васильевича окончательно ее успокоитъ; но Катеринѣ достаточно было слова барыни. Прежде чѣмъ Александра Константиновна успѣла повторить ей свое обѣщаніе, она уже скрылась.

Было совершенно темно, и на улицѣ мало уже встрѣчалось народа, когда Катерина подошла къ избѣ своей. Она готовилась уже отворить ворота, но въ самую эту минуту услышала голосъ мужа и, вслѣдъ затѣмъ, голосъ сосѣдки. Это ее озадачило: сосѣдка давно находилась съ ними въ разладицѣ. Катерина обогнула избу и вошла въ переулокъ. Близость мѣста и окрестная тишина позволили ей слышать каждое слово.

— Да, тетка Матрена, даже изъ собственныхъ рукъ цѣловалъ меня... вотъ въ эвто само мѣсто, повѣствовалъ Лапша.—„Я, говоритъ, располагаюсь, говоритъ, на тебя, Тимоѳей, братецъ ты мой, все одно, что на себя, говоритъ, распоряжайся какъ знаешь“... Какъ управителя, значитъ, туда посылаетъ—все едино.

— Счастье вамъ, счастье! поддакнула шепелявымъ голосомъ сосѣдка.

— Ну также вотъ хлопотъ оченно много, оченно хлопотливо! продолжалъ Лапша озабоченнымъ тономъ, — имѣнье большущее: однихъ арбузовъ четыреста десятинъ сѣютъ...

— Ахти, касатики!.. Ну, счастье вамъ!.. Значитъ, чѣмъ-нибудь угодили передъ господами?..

— Главная причина, тетка, почему, что самъ до всего доходитъ. „Я, говоритъ, не вѣрю про кого худо говорятъ; для людей худъ, для меня хорошъ, говоритъ... Вижу, примѣрно, какой ты есть такой человѣкъ, потому и даю тебѣ распоряженье... за то, говоритъ, что терпѣлъ отъ людей напраслину, значитъ, за твою добродѣтель“...

— Нѣтъ, не за то! крикнула Катерина, неожиданно

появляясь въ огородѣ,—за то насъ высылаютъ, что хуже мы всѣхъ—вотъ за что! за худобу нашу, а не за добродѣтели! Хорошіе люди, кто трудится, работаетъ, тѣ всѣ здѣсь остаются: они господамъ надобны. Худые, лежебоки вонъ отсылаются: лугъ стеречь, а не вотчинами править.

— Такъ-то вѣрнѣе, Лапша! смѣясь, воскликнула сосѣдка и удалилась.

Лапша кряхтѣлъ, корчился и щурился.

— Господи! отыми ты лучше мою жизнь, чѣмъ мнѣ такъ-то мучиться! сказала Катерина, досада которой перешла вдругъ въ тоску.—Двадцать лѣтъ терплю, двадцать лѣтъ нѣтъ мнѣ спокою... Ни разума, стало-быть, нѣтъ въ тебѣ, ни совѣсти! подхватила она, обращаясь къ мужу.— Ну, что ты здѣсь разсказываешь—а? Мало, значитъ, было мнѣ черезъ тебя горести? Хошь бы о ребятахъ-то о своихъ подумалъ, хошь бы для нихъ помолчалъ! Нѣтъ, нѣтъ въ тебѣ ни совѣсти, ни разума!

— Ну, что шумишь-то? что шумишь? пробормоталъ Лапша.

Но видя, что жена не унимается, махнулъ рукою и медленно поплелся къ ригѣ; онъ потряхивалъ головою съ такимъ видомъ, какъ будто говорилъ себѣ: „не стоитъ связываться: самая, что ни на есть, пустяшная баба!“

Сердце бѣдной женщины такъ было переполнено горестями всякаго рода, что въ немъ не оставалось мѣста для другого чувства. Досада противъ мужа исчезла, какъ только онъ скрылся изъ виду. Она вошла черезъ заднія ворота во дворъ; но тутъ слухъ ея былъ встревоженъ затаеннымъ всхлипываніемъ. Подойдя къ крыльцу, она увидѣла дочь. Маша сидѣла на послѣдней ступенькѣ и, закрывъ лицо руками, въ три ручья разливалась.

— О чемъ это ты, дитятко? вымолвила Катерина ласковымъ, но твердымъ голосомъ.

Маша заплакала еще горче.

— Полно, дитятко, сказала мать, притрогиваясь къ рукѣ дочери.—Ну, о чемъ?.. Вотъ у меня годовъ-то втрое больше твоихъ: стало, втрое больше привыкла я къ здѣшнимъ мѣстамъ, а видишь, я ничего... я не плачу... замѣтила она, плотно сжимая свои губы, между тѣмъ, какъ судорожно дрожавшія ноздри ясно показывали, какихъ усилій ей стоило, чтобы не примѣшать къ слезамъ дочери своихъ собственныхъ. — Полно, дитятко; надо еще намъ переговорить съ тобою о Дунѣ... слышь...

— Слышу, матушка, вымолвила Маша, приподымаясь и не давая себѣ труда утереть глаза.

Она чувствовала, что будетъ напрасно: слезы не изъ глазъ текли, изъ сердца—пальцами не удержишь.

— Слышь, какъ намъ теперь съ Дуней-то управиться? Хлопотливо будетъ, продолжала Катерина,—надо какъ-нибудь придумать уговорить ее, потому что здѣсь оставить, значитъ, только грѣхъ принять на душу на свою. Господа хоша и сулили оберегать — слово ихъ крѣпко, да вѣдь они не вѣкъ жить будутъ въ Марьинскомъ; безъ нихъ да безъ насъ заѣдятъ сердечную, потому что злоба противъ насъ большая, противъ всего нашего рода. Вишь она простая какая, словно дитя малое; ребятишки, и тѣ грязью закидаютъ. Боюсь, не пойдетъ она съ нами, коли такъ, спроста сказать... Развѣ вотъ что̀ сказать: „за Степкой, молъ, господа посылаютъ“; ты такъ-то поговори съ ней, а я потомъ скажу, какъ надоть будетъ ѣхать...

Во всю эту ночь Катерина и Маша не смыкали глазъ; хотя весь домашній скарбъ, всѣ цѣлые горшки (ихъ было мало) уложены были на подводу, которая стояла подъ навѣсомъ вмѣстѣ съ лошадью, купленною наканунѣ бариномъ, однако, хозяйки бродили по всей избѣ, ощупывали всѣ углы и старались припомнить: уложена ли такая-то тряпка, такой-то горшокъ. Нѣсколько разъ, безъ всякой видимой цѣли, обѣ выходили на улицу или въ огородъ: постоятъ-постоятъ въ огородѣ, подпершись ладонью мокрую щеку, вздохнутъ и перейдутъ опять на улицу, и тамъ молча поплачутъ. Какъ только забѣлѣло на востокѣ, Катерина сказала Машѣ, чтобъ она будила ребятъ, а сама пошла въ ригу.

— Вставай! промолвила она, толкая мужа, который храпѣлъ во всю ивановскую.

— А что? пора?.. лѣниво пробормоталъ Лапша.

— Вставай! повторила Катерина,—надо сходить... на поля поглядѣть...

— Ну, пойдемъ... сказалъ Лапша, приподымаясь и протирая глаза кулаками, такъ что локти его сдѣлались выше головы.

Когда они вернулись во дворъ, ребятишки были уже на ногахъ; Маша умывала послѣдняго, Костюшку, который кричалъ благимъ матомъ и болталъ въ воздухѣ ногами. Дуня сидѣла на крыльцѣ и укачивала младенца

Катерины; Волчокъ сидѣлъ насупротивъ и безпокойно двигалъ своимъ кренделемъ.

— Ну, пойдемте всѣ въ поле, проговорила Катерина, взявъ ребенка изъ рукъ Дуни,—пойдемте поглядѣть... можетъ въ послѣдній...

Она не договорила и быстрыми шагами вышла на улицу. Всѣ, не выключая Дуни и Волчка, послѣдовали за нею. На улицѣ ни души не было; ни одна собака не залаяла. Впрочемъ, и рано было; даже на востокѣ, который свѣтлѣлъ и постепенно дѣлался алымъ, кой-гдѣ еще вздрагивали звѣзды.

Поле Лапши неприкосновенно переходило въ его родѣ отъ отца къ сыну: такъ вообще бываетъ у крестьянъ наслѣдственныхъ имѣній, принадлежащихъ помѣщикамъ, которые уважаютъ порядокъ, установленный ихъ отцами. Поле это, покрывавшееся когда-то изъ года въ годъ золотымъ моремъ колосьевъ, или тяжелыми гроздами овса, перейдя въ руки Лапши, постепенно скуднѣло и сдѣлалось самымъ плохимъ полемъ Марьинскаго. Вотъ уже седьмой годъ какъ оно не удобрялось. Съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ не стало лошади, имъ исключительно занималась Катерина: весною займетъ зерна, найметъ лошадь у сосѣда и потомъ во весь годъ одна надъ нимъ сокрушается; дѣло Лапши состояло въ томъ, чтобъ вспахать ниву; но большею частью допахивала Катерина: послѣ первыхъ двухъ дней у Лапши такъ всегда разбаливалась поясница, что онъ оставлялъ работу и пластомъ ложился. Поле занимало вершину одного изъ холмовъ, которые окружали деревню. Выйдя за околицу, Катерина прибавила шагу; ей хотѣлось вернуться домой до восхода. Къ сожалѣнію, это сдѣлалось невозможнымъ: на половинѣ пути ихъ слишкомъ долго задержала Дуня; она совершенно неожиданно отбѣжала въ сторону, бросилась на-земь и начала свои плачевныя причитанія; оставить ее не было возможности: она могла уйти Богъ знаетъ куда и замедлить такимъ образомъ отъѣздъ. Наконецъ кой-какъ ее уговорили. Но когда семья приблизилась къ полю, яркое зарево обнимало уже востокъ и жаворонки весело распѣвали въ воздухѣ. Ступивъ на межу, раздѣлявшую поле на двѣ половины, Катерина быстро отошла въ сторону саженъ на двадцать. Лапша остался съ дѣтьми на межѣ; онъ повидимому рѣшительно не зналъ, зачѣмъ привела его жена: онъ глазѣлъ по сторонамъ, дѣлалъ время отъ времени

неодобрительныя замѣчанія касательно худой обработки того или другого поля (свое собственное считалъ онъ всегда безплоднымъ, невознаграждающимъ тяжкіе труды его), или съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за жаворонками. Маша слушала отца разсѣянно, словно нехотя; она не отрывала глазъ отъ матери, высокая фигура которой рисовалась въ отдаленіи на огненномъ заревѣ восхода. Наконецъ, она подмигнула отцу на Дуню и пошла къ матери. Катерина не замѣтила приближенія дочери; она стояла къ ней спиною и обернулась тогда лишь, какъ Маша тронула ее за руку.

— Что ты, матушка? спросила Маша, останавливая удивленные глаза на лицѣ ея, исполосованномъ слезами.

— Ничего... дитятко... такъ... сгрустнулось что-то... сказала Катерина.

Она передала младенца Машѣ, опустилась на колѣни, разложила платокъ и принялась накладывать въ него комки земли.

— Это ты зачѣмъ, матушка?..

— А то какъ же, дитятко, какъ же?.. Съ собой возьмемъ, въ дальную, чужую сторону... всякому изъ васъ по кусочку зашью въ ладонку, чтобъ помнили... Память по родной сторонѣ останется...

— Эй, Катерина! ступай!.. эй! время! крикнулъ въ эту минуту Лапша.

Катерина обратила глаза въ ту сторону; но первый солнечный лучъ, брызнувшій вдругъ изъ-за горизонта, заставилъ ее отвернуться. Она торопливо свернула платокъ съ землею и поднялась на ноги.

— Вотъ, сказала она, снова обративъ заплаканное лицо къ солнцу, которое величественно восходило въ ясномъ небѣ,—вотъ, дитятко, ужъ не видать намъ съ этого мѣста яснаго солнышка!..

— Катерина! что жъ ты стала? ступай! крикнулъ снова Лапша, махая издали руками.

Катерина сдѣлала нетерпѣливое движеніе; но лицо ея снова приняло выраженіе тоски, и она снова заплакала, когда въ послѣдній разъ взглянула на поле.

— Прощай, мать сыра земля, кормилица наша! сказала она, не переставая креститься,—прощай!.. Воскормила ты, возрастила меня самоё и дѣтей всѣхъ моихъ... Не привелъ Господь святымъ хлѣбомъ твоимъ питаться до скончанія вѣка нашего... Прости, кормилица!..

Маша также теперь плакала; но слезы ея выходили видно изъ другого источника, чѣмъ у матери: тогда какъ Катерина смотрѣла на поле, глаза дочери устремлялись на Марьинское, которое разстилалось темнымъ пятномъ на днѣ долины.

Заплаканныя лица жены и дочери возбудили удивленіе Лапши; нѣсколько разъ пытался онъ заговорить, но такъ какъ рѣчь его заключалась бо̀льшею частью въ похвалахъ жаворонкамъ, Маша и Катерина не отвѣчали. Видя, что толку не доберешься, Лапша присоединился къ ребятишкамъ, Дунѣ и Волчку, которые шли впереди; но такъ какъ и съ этой стороны не отдали словамъ его должнаго вниманія, онъ забросилъ руки за спину, высоко приподнялъ брови и пошелъ особнякомъ. О чемъ онъ думалъ— рѣшить трудно; мысли его, надо полагать, стремились больше къ саратовскимъ арбузамъ, о которыхъ говорилъ онъ съ утра до вечера и которыми часто даже бредилъ во время болѣзни.

Полчаса спустя послѣ всего описаннаго, передъ избою Лапши стояла порядочная толпа: ее составляли больше бабы; тутъ были также и дворовыя; между ними особенно звонко тараторила скотница Василиса, одна изъ главныхъ поджигательницъ ненависти противъ Катерины (Александрѣ Константиновнѣ она не понравилась съ перваго же дня, и она забыла о ней точно такъ же, какъ забыла о ея просьбѣ). Въ толпѣ виднѣлось также нѣсколько мужиковъ; въ числѣ послѣднихъ знакомъ намъ только кузнецъ Пантелей. Между толпою и воротами перебѣгали поминутно дѣвчонки и мальчишки; одинъ изъ самыхъ суетливыхъ былъ мальчикъ съ бѣлой головой и краснымъ лицомъ, который съ такою свирѣпостью припадалъ къ рукамъ господъ во время ихъ пріѣзда; мальчикъ этотъ отличался вообще необыкновеннымъ любопытствомъ: гдѣ бы ни собралась толпа, онъ уже былъ тутъ какъ тутъ. Огромныя щели воротъ были рѣшительно замуровлены головами ребятъ; къ нимъ вскорѣ присоединилась востроглазая бабенка, марьинская запѣвалка и хороводница, та самая, что̀ встрѣтила Лапшу, когда онъ возвращался домой послѣ паденія въ вертепъ.

— Лошадь ужъ запрягли, сейчасъ выѣдутъ! сказала она, поглядѣвъ въ щель.

Дѣйствительно, лошадь уже была запряжена, и всѣ

члены переселяемаго семейства стояли подлѣ подводы. Они только что вышли изъ избы, куда заходили съ тѣмъ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься съ жилищемъ. Прощанье, надо думать, было очень тяжело: глядя на дочь и на жену, даже Лапша словно раскисъ немного. Имъ оставалось теперь только отворить ворота и ѣхать; но стеченіе народа передъ избою смущало Катерину. Она сожалѣла, что ходила въ поле и не уѣхала до свѣта; отъѣздъ ихъ совершился бы тогда никѣмъ не замѣченный. Куда какъ тяжко было ей въ настоящую минуту! Къ счастью, совершенно неожиданно явилось облегченье.

За воротами послышался голосъ Герасима Аѳанасьевича. Толпа мигомъ разсѣялась. Герасимъ вошелъ на дворъ.

— Ну, готово? Хорошо. Я съ вами пришелъ проститься, сказалъ онъ, оглядывая добродушно присутствующихъ, которые поклонились.

Катерина подошла къ старику и шопотомъ передала ему объ уловкѣ, придуманной ею для заманки Дуни (Дуня стояла въ десяти шагахъ, угрюмо опершись на палку). Герасимъ громко повторилъ слова Катерины, послѣ чего передалъ всѣмъ барскій поклонъ и приступилъ къ подробному изложенію ихъ обязанностей какъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, такъ и въ отношеніи къ исполненію службы.

— Ну, съ Богомъ теперь, съ Богомъ! заключилъ онъ, отходя въ сторону.

Ворота заскрипѣли, заскрипѣла подвода, и раздались глухія, сдержанныя рыданія.

Герасимъ Аѳанасьевичъ шелъ между Катериной и ея дочерью и не переставалъ ихъ уговаривать; особенно часто обращался онъ къ послѣдней, которая не могла такъ владѣть собою, какъ мать, и громко плакала. Хотя управителя не больно боялись, но, зная его близость къ господамъ, никто изъ ненавистниковъ переселяемаго семейства не посмѣлъ выразить своего прощальнаго привѣта. Пантелей, скотница Василиса и другіе враги Катерины уходили въ глубину воротъ по мѣрѣ того, какъ подвода проѣзжала мимо. Герасимъ Аѳанасьевичъ проводилъ ее вплоть до конца улицы. Сергѣй Васильевичъ поручилъ ему лично присутствовать при отправленіи и потомъ сообщить ему о томъ во всей подробности.

Простившись съ управителемъ, Катерина, Маша и Лапша пошли догонять подводу, которою правилъ Костюшка, си-

дѣвшій на облучкѣ съ братьями. Волчокъ скакалъ впереди по дорогѣ. Дорога шла черезъ лугъ. Вскорѣ гумна стали закрывать улицу Мàрьинскаго. Катерина остановилась и въ послѣдній разъ взглянула на деревню; сердце ея какъ будто оборвалось въ эту минуту. Долго стояла она на одномъ мѣстѣ, сама не сознавая, что̀ творилось въ душѣ ея: чувствовала только, что тамъ больно-горько. Хотя разумъ и говорилъ ей, что ждетъ ее лучшая судьба, чѣмъ въ Мàрьинскомъ, но вѣдь родина то же, что̀ мать родная: иногда и бьетъ она, больно бьетъ, а все-таки крѣпко ее любишь!

Лапша и дѣти бы́ли уже на горѣ, у опушки рощи, когда Катерина нагнала ихъ. Приближаясь къ нимъ, она услышала чей-то посторонній голосъ, но рыданія Маши мѣшали ей разобрать, чей именно; Волчокъ не лаялъ, слѣдовательно нельзя было думать о чужомъ человѣкѣ. Высвободившись изъ кустовъ, которые заслоняли поворотъ дороги, Катерина увидѣла столяра Ивана, единственнаго человѣка, который съ самаго своего дѣтства былъ съ ними неизмѣнно ласковъ и друженъ.

Онъ кинулся ей навстрѣчу.

— Вотъ, тетушка Катерина, пришелъ сюда нарочно... ждалъ, хотѣлъ съ вами проститься, сказалъ онъ, глядя на нее заплаканными глазами, хотя улыбка его раздвигалась шире обыкновеннаго,—вы были мнѣ какъ родные, лучше родныхъ всякихъ... какъ же вы такъ это теперь?.. что же это будетъ такое? подхватилъ онъ, поглядывая на Машу, которая прислонилась къ телѣгѣ обѣими руками и, положивъ на нихъ голову, разливалась, плакала. — Да нѣтъ же!.. нѣтъ... я, слышь, тетушка... мы, можетъ, еще свидимся... приведетъ Господь... Вотъ я и дядѣ Тимоѳею то же говорю; господамъ я не нуженъ... стану на оброкъ опять проситься... Въ Москвѣ ужъ наскучило, приду въ вашу сторону... Ну, право же слово, приду, тетушка Катерина! заключилъ онъ съ улыбкой, которая не покидала его даже въ тѣ минуты, когда лицо изображало всѣ признаки горести.

Иванъ началъ обниматься и цѣловаться поочередно со всѣми. Маша во все это время не покидала своего положенія и горько рыдала. Иванъ подошелъ наконецъ и къ ней.

— Ну... ну... прощай, Маша! сказалъ онъ.

Улыбка его въ эту минуту переходила предѣлы возможнаго, а слезы такъ вотъ и капали одна за другой.

— Прощай, Маша...

Маша подняла голову, хотѣла что-то сказать и вдругъ припала къ матери. Иванъ замоталъ волосами и бросился въ кусты. Онъ бѣжалъ безъ оглядки подъ гору вплоть до самаго луга. Тутъ онъ остановился, снова тряхнулъ волосами и сталъ прислушиваться. Отдаленный, чуть-внятный скрипъ телѣги раздался разъ-другой, и потомъ все смолкло.

— Эхъ! произнесъ Иванъ, махнулъ обѣими руками и, улыбаясь отъ праваго уха до лѣваго, что̀ не мѣшало ему утирать кулакомъ глаза, пошелъ частымъ шагомъ къ Мàрьинскому.

VII.

Нищіе.

Между тѣмъ, какъ исправникъ дѣлалъ „все возможное, чтобъ угодить Сергѣю Васильевичу“ (такъ было сказано въ краснорѣчивомъ письмѣ его), знакомые намъ нищіе шли-себѣ да шли, никакого лиха не чая. Достойно замѣчанія, что въ тотъ самый день, какъ исправникъ далъ знать становымъ о пропажѣ мальчика, слѣпой Фуфаевъ, Верстàнъ и даже Мизгирь благополучно достигали границъ сосѣдняго уѣзда. Они даже вовсе не торопились и только избѣгали большихъ почтовыхъ трактовъ; но, кромѣ безопасности, проселки представляли еще ту выгоду, что народъ, населяющій ихъ, гораздо проще, снисходительнѣе и гостепріимнѣе народа, живущаго на большихъ, бойныхъ дорогахъ: нищіе не пропускали ни одной деревни, слѣпли у каждой околицы, стучали подъ каждымъ окномъ, ночевали въ сараяхъ и ригахъ, прозрѣвали снова, когда являлась въ этомъ надобность—словомъ, совершали свой путь со всевозможнымъ комфортомъ.

Петруша и другой вожакъ, худенькій мальчикъ жалкаго, болѣзненнаго вида, не отставали ни на шагъ отъ своихъ хозяевъ. Первый начиналъ уже, повидимому, привыкать къ новому образу жизни; по крайней мѣрѣ, онъ не бросался теперь въ ноги Верстану, не просился къ отцу, къ матери, не выражалъ наружныхъ знаковъ отчаянія, не впадалъ въ упорное молчаніе, какъ это было въ первые дни пребыванія его у нищихъ; являлись минуты,

когда Петя дѣлался разговорчивымъ; иной разъ даже улыбка какъ будто оживляла лицо его, значительно, однакожъ, похудѣвшее. Къ такой перемѣнѣ не столько способствовало время, умаляющее рано или поздно всякія скорби и горести, не столько страхъ, внушаемый Верстаномъ, его побои и угрозы, сколько присутствіе маленькаго вожака, который раздѣлялъ его участь. Кромѣ того, горе его находило облегченіе въ томъ, что было раздѣлено (утѣшеніе, основанное на эгоизмѣ, свойственное всѣмъ людямъ и особенно дѣтямъ): Петя нашелъ въ мальчикѣ добраго товарища. Они сошлись съ перваго же дня знакомства.

Если помнитъ читатель, Верстанъ назначилъ Лапшѣ свиданіе ночью въ глухой части лѣса; планъ былъ основательно обдуманъ: онъ показывалъ въ старомъ нищемъ человѣка опытнаго въ такого рода продѣлкахъ. Въ случаѣ, если бъ Лапша вздумалъ кричать и сопротивляться, никто въ такую пору не могъ его услышать и подать ему помощь. Верстанъ имѣлъ также въ виду мальчика. Предполагая, что горе ребенка, при разставаніи съ отцомъ, не помѣшаетъ ему дѣлать наблюденія надъ дорогой, по которой поведутъ его, темнота ночи и лѣсная чаща должны были сбить его съ толку. Въ первомъ предположеніи Верстанъ, однакожъ, ошибся; увидя себя въ рукахъ его, Петя поднялъ такой крикъ, что Верстанъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ.

— Молчать! сказалъ онъ, схватывая его за воротъ рубашки и притягивая къ себѣ, — молчи, говорю, не то пришибу на мѣстѣ. Чего орешь? никто не услышитъ... Видишь никого нѣтъ...

Но слова эти усилили только отчаянье ребенка; они показали ему всю безвыходность его положенія; горе его было такъ велико, что вытѣсняло, казалось, ужасъ, внушаемый нищимъ; онъ рвался въ ту сторону, куда скрылся отецъ, и не переставалъ звать на помощь.

— Ахъ, ты, каторжный! Погоди же, я ти уйму, когда такъ... произнесъ Верстанъ, обхватывая шею мальчика и приподымая надъ нимъ свой посохъ.

Петя сдѣлалъ отчаянное движеніе и вывернулся изъ рукъ его, но ноги его подогнулись сами собою; онъ упалъ на траву и закрылъ лицо руками.

— Слышь, волчья снѣдь ты этакая, добромъ говорю: уймись лучше! проговорилъ Верстанъ, стуча дубиной по

ствolу дерева, — вставай! заключилъ онъ грозно, потряхивая своей огромной кудрявой головою.

— Дѣдушка! добрый дѣдушка! воскликнулъ мальчикъ, крѣпко ударяя себя кулакомъ въ грудь и бросаясь потомъ обнимать ноги будущаго своего властителя, — дѣдушка, пусти меня, буду за тебя Бога молить... вѣкъ молить буду... отпусти къ матери! Она всего тебѣ дастъ... отпусти только къ матери!..

— Что ей съ тобой дѣлать? Вишь, она тебя сама отдала, сказалъ нищій.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не отдавала! вскрикнулъ Петя, снова ударяя себя кулакомъ въ грудь и горько всхлипывая,—она ничего этого не знаетъ, дѣдушка. Взмилуйся, отпусти Христа ради...

— Ладно; потомъ поговоримъ; теперь недосугъ; вставай!.. Да ну же, ну, вставай, говорятъ, вставай! промолвилъ Верстанъ, приподымая мальчика на ноги и схватывая его за руку.

Видя, что нѣтъ уже никакой надежды умолить нищаго, Петя сталъ защищаться; онъ неожиданно припалъ зубами къ рукѣ, которая его держала; но въ ту же секунду нищій схватилъ его за волосы и, высводивъ руку, нанесъ ему нѣсколько ударовъ.

— Это такъ только тебѣ, для перваго разу, сказалъ Верстанъ, схватывая его опять за руку,—со мной расправа короткая: пикни только—не такъ отдѣлаю! Я ти покажу, какой я такой дѣдушка! Нутка-сь, укуси-ка теперь, попробуй... Ахъ ты, волчья снѣдь ты этакая! Да ну, пошевеливай ногами-то, пошевеливай, полно валандаться!..

Петя понялъ, что сопротивленіе напрасно; онъ пересталъ упираться ногами и пошелъ за нищимъ, заслоняя лѣвою рукою лицо, въ которое били вѣтки кустарниковъ. Грудь его разрывалась на части отъ усилій подавить рыданія; онъ ничего не зналъ о томъ, куда его ведетъ нищій и для какой цѣли — неизвѣстность наполняла страхомъ встревоженную душу мальчика. Каждый разъ, какъ Верстанъ останавливался, чтобъ сообразиться съ дорогой, сердце Пети билось такъ сильно, что захватывало ему дыханіе; ему тотчасъ же представлялось, что нищій хочетъ убить его и высматриваетъ удобное мѣсто. Но Верстанъ продолжалъ путь; ужасъ ребенка разсѣивался и снова уступалъ мѣсто отчаянью; онъ старался понять, что̀ могло заставить отца и мать отдать его нищимъ? что̀ онъ

сдѣлалъ такое? чѣмъ провинился? — и ничего не могъ придумать. Настоящая цѣль и будущее его назначеніе не приходили ему въ голову; а если и представлялась мысль жить съ нищими, то она казалась ему хуже самой смерти. Вздрагивая всѣмъ тѣломъ и не переставая горько, но тихо плакать, Петя почти бѣжалъ за нищимъ, который ускорялъ шаги, какъ только выбрался изъ лѣса.

Отъ лѣса до Чернева, куда направились они, было версты четыре, не больше; но Верстану хотѣлось видно сократить путь: онъ вскорѣ бросилъ проселокъ и пошелъ цѣликомъ, полями. Онъ не боялся сбиться съ пути, хотя шелъ этими полями всего во второй разъ; сорокъ лѣтъ бродячей жизни изощрили его зрѣніе и сдѣлали его наблюдательнымъ; болѣе или менѣе возвышающаяся линія мѣстности надъ горизонтомъ, кустъ, чернѣющій въ сторонѣ, межа—все это было замѣчено имъ, когда онъ шелъ въ лѣсъ, и служило теперь вѣрнымъ маякомъ. Такъ достигъ онъ большой черневской дороги; влѣво, всего въ ста саженяхъ, начинались избы Чернева, окутанныя какой-то мрачной, угрюмой темнотою. Было такъ тихо, что можно было думать, деревня необитаема. Съ этой стороны Верстану не предстояло опасности; онъ не пошелъ, однакожъ, улицей, а пересѣкъ дорогу и продолжалъ путь, придерживаясь прямого направленія. Немного погодя, онъ и спутникъ его очутились на краю обрыва. Звѣзды, покрывшія небо, мигали кое-гдѣ на днѣ обрыва и давали знать, что тамъ вода.

— Дѣдушка, куда ты ведешь меня?.. Дѣдушка! касатикъ! я все сдѣлаю... все сдѣлаю! только ты не топи меня! замирающимъ голосомъ произнесъ мальчикъ, припадая къ нищему, который все еще держалъ его коренастою своею рукою.

— Кабы топить тебя была надобность, такъ бы далеко не велъ, возразилъ Верстанъ успокоительно.

Сказавъ это, онъ началъ спускаться, ощупывая землю концомъ палки; другая рука его продолжала держать мальчика. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ уже стучалъ въ низенькую дверь знакомой намъ мазанки. Надо полагать, Грачиха была предупреждена касательно такого поздняго посѣщенія. Она застучала деревяннымъ засовомъ и отворила дверь, какъ только услышала голосъ нищаго. Ей, повидимому, извѣстна также была цѣль ночной его прогулки: увидя мальчика, она не выказала ни малѣйшаго удивленія.

— Слышь, тетка... что, тотъ, ну, знаешь? здѣсь онъ?

— Нѣтути, спровадила! отвѣчала Грачиха.

— Ну и ладно, не пущай его... ну его совсѣмъ! сказалъ Верстанъ, толкая мальчика въ избу.

Грачиха выглянула за дверь, съ минуту постояла на порогѣ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то извнѣ, потомъ вернулась въ сѣни и плотно задвинула деревянный засовъ. Изъ избы слышался уже козлячій голосъ и дребезжащій хохотъ слѣпого Фуфаева. Онъ поспѣшилъ выйти навстрѣчу товарищу. Кромѣ него, въ первой половинѣ избы находились также дядя Мизгирь и Миша; послѣдній сидѣлъ въ темномъ углу и съ любопытствомъ смотрѣлъ на приведеннаго мальчика, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Ну, паренёкъ-то не то, чтобъ оченно... малый-то невеличекъ, сказалъ Фуфаевъ, быстро ощупывая ладонью заплаканное лицо Пети.

— Ничего, годится! грубо вымолвилъ Верстанъ.

— Знамо годится, подрастетъ!.. проговорилъ Мизгирь, осклабляя свои беззубыя десны.

— Вѣстимо подрастетъ, подхватилъ, смѣясь, Фуфаевъ,— особливо коли Верстанъ станетъ его вытягивать... я чай ужъ небось вытянулъ?

— Такой-то пропастный, кричать было зачалъ...

— Это съ радости, что тебя увидалъ! Слышь, малый: „на то, скажи молъ, дѣдушка, и голосъ данъ человѣку, чтобъ кричать на радостяхъ!“ А то какъ же? Ничего, точно: невеличекъ паренекъ; и то надо сказать: цѣна ему невеличка; будь онъ съ мизинецъ, и то своей цѣны стоитъ. Ну, паренекъ, ступай! примолвилъ, посмѣиваясь, Фуфаевъ, — нечего тебя много ощупывать: даровому коню въ зубы не смотрятъ.

— Только у меня, смотри ты, смиренъ будь! перебилъ Верстанъ, пропустивъ мимо ушей замѣчанія товарища и обращаясь къ Петѣ, который, казалось, замеръ на своемъ мѣстѣ,—я шутить не люблю...

— Вретъ, вретъ, паренекъ, не вѣрь ты ему, воскликнулъ Фуфаевъ, — дѣдушка у насъ добрый; добрѣе его въ цѣломъ свѣтѣ нѣтути... Что хошь дѣлай, за все угощать тебя станетъ; угощенье-то знатное какое: ноньче угоститъ изъ двухъ полѣнцевъ яичницей, завтра дастъ отвѣдать дубовыхъ пирожковъ съ жимолостнымъ масломъ...

— А бѣжать вздумаешь, продолжалъ Верстанъ, не обра-

щая вниманія на Фуфаева, — бѣжать вздумаешь... вотъ вишь тетка эта: у ней есть, примѣрно, ступка такая, сядетъ на нее, ударитъ пестомъ—хошь на край свѣта бѣги, догонитъ... Этого ты и не думай!.. Ну, пошелъ, лягъ вонъ поди на скамью! да смирно у меня! заключилъ онъ, бросая въ уголъ палку и направляясь за перегородку къ Грачихѣ, которая возилась подлѣ печки.

Примѣру его немедленно послѣдовали дядя Мизгирь и Фуфаевъ. Оставшись одинъ, Петя боязливо оглянулся вокругъ, но глаза его до того полны были слезъ и притомъ такъ темно было въ избѣ (лучина, вынесенная за перегородку, сообщала слабый полусвѣтъ въ первую половину мазанки), что онъ сначала не замѣтилъ маленькаго товарища, все еще сидѣвшаго въ углу своемъ. Петя робко подошелъ къ лавкѣ, прижался къ стѣнкѣ и крѣпко зажалъ ладонью ротъ, чтобъ не слышно было его рыданій. Онъ ни о чемъ не думалъ; въ минуты, какія переживалъ онъ, мысли являются въ неопредѣленномъ, непослѣдовательномъ видѣ, быть-можетъ, потому именно, что ихъ тогда слишкомъ много.

Уже нѣсколько времени находился онъ въ этомъ положеніи, когда почувствовалъ прикосновеніе чьей-то руки на плечѣ своемъ. Онъ быстро привсталъ, не сомнѣваясь, что то былъ его хозяинъ, и устремилъ кверху испуганные глаза. Передъ нимъ никого, однакожъ, не было; грубый голосъ Верстана раздавался за перегородкой; на задней стѣнѣ, ярко освѣщенной лучиною, мелькала тѣнь исполинской головы его. Петя оглянулся направо—и тамъ никого не было.

— Это я, шепнулъ слѣва подъ самымъ его ухомъ чей-то слабый голосокъ.

Петя обернулся и почти носъ къ носу встрѣтился съ блѣднымъ лицомъ Миши.

— Ты меня не бойся, сказалъ послѣдній, видя, что Петя откинулся въ сторону,—я тебѣ худа не сдѣлаю.

Такія слова и еще болѣе тщедушный видъ собесѣдника нѣсколько успокоили Петю; но когда онъ осмотрѣлся въ лицо и узналъ въ немъ того самаго мальчика, который наканунѣ приходилъ къ нимъ въ избу; когда, вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ, воображенію Пети, и безъ того уже устремленному къ родному дому, представился вчерашній вечеръ со всею его счастливою обстановкой; когда онъ вспомнилъ, что̀ было съ нимъ вчера и что̀ теперь—

сердце его снова наполнилось тоскою и отчаяньемъ; онъ хотѣлъ превозмочь себя, но напрасно: и закрылъ обѣими руками лицо и такъ горько заплакалъ, что слезы въ одинъ мигъ показались между его пальцами. Миша между тѣмъ подсаживался къ нему то съ одного боку, то съ другого; задумчивые глаза мальчика не покидали товарища. Наконецъ, онъ подсѣлъ ближе и тихо взялъ его за обѣ руки, стараясь отвести ихъ отъ лица.

— Полно, ты лучше не плачь, право не плачь, шепнулъ онъ, снова наклоняясь къ уху товарища,—слышь? какъ тебя звать-то—ась?

Петя проговорилъ свое имя.

— Слышь, Петя, не плачь: услышитъ твой-то, хуже вѣдь будетъ! добрѣ сердитъ, не любитъ онъ этого; хуже его нѣтъ у насъ... ужъ такой-то злющій!.. Мой смиренъе, да и то другой разъ за вихоръ таскаетъ, коли заплачешь... Право, перестань, услышатъ... Али тебѣ жаль кого?

— Мать жаль, жаль ее. Она ничего не знаетъ, что меня увели, проговорилъ Петя, тяжело вздыхая и прерываясь на каждомъ словѣ.

— Стало силой тебя отнялъ? спросилъ Миша, кивая головою на тѣнь Верстана.

— Силой...

— А меня такъ отдали, проговорилъ Миша съ дѣтскимъ простодушіемъ,—мачиха отдала; отца уговорила—онъ послушалъ да и отдалъ... То-то житье-то было худое! хуже, кажись, здѣшняго! подхватилъ онъ, потряхивая головою,—мой, покрайности, вотъ слѣпой-то, видѣлъ?.. этотъ хоть не дерется, смиренъ; а мачиха-то, бывало, нѣтъ такого дня, чтобъ не прибила. Разъ такъ кулакомъ вотъ сюда, въ грудь, ударила... до сихъ поръ больно...

И, какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, мальчикъ закашлялся какимъ-то глухимъ, хриплымъ кашлемъ, похожимъ на шелестъ сухихъ осеннихъ листьевъ.

Петя началъ уже дѣлаться внимательнѣе, какъ вдругъ въ сѣняхъ раздался шумъ; точно кто-то прыгнулъ съ вышины на полъ. Звукъ этотъ дошелъ даже за перегородку, потому что Грачиха тотчасъ же показалась въ дверяхъ. Она промелькнула мимо ребятишекъ, прижавшихся другъ къ дружкѣ, и быстро прошла въ сѣни.

— Кого надо? окликнула сердито колдунья.

Но въ эту самую секунду что-то прошмыгнуло у ея ногъ, и не успѣла она очнуться, какъ деревянный засовъ

щелкнулъ, и въ сѣняхъ показался Филиппъ; изъ-за дверей, которыя захлопнулись, вышелъ Степка. Старуха разразилась проклятіемъ; но прежде, чѣмъ броситься къ разбойнику и удержать его, она окинула глазами стропила; клочокъ синяго звѣзднаго неба, свѣтившійся въ крышѣ, объяснилъ ей появленіе Степки и потомъ отца его. Она вцѣпилась въ тулупъ разбойника и загородила ему дорогу.

— Эй, пусти лучше, до грѣха! проговорилъ Филиппъ задыхающимся голосомъ, между тѣмъ какъ Степка, изъ опасенія, вѣрно, чтобъ гнѣвъ старухи не зацѣпилъ и его, поспѣшно спрятался за отцовской спиною,—пусти, говорю; неровенъ часъ! бѣшено подхватилъ Филиппъ.

Но такъ какъ колдунья продолжала держать его, то онъ схватилъ ее за руки и такъ сильно отпихнулъ, что она стукнулась спиною объ стѣну. Бѣшенство душило Грачиху; но не посмѣла она, однакожъ, повторить нападенія и ограничилась ругательствами и проклятіями. Дѣйствительно, въ настоящую минуту несовсѣмъ было бы безопасно подступать къ Филиппу; Грачиха убѣдилась въ этомъ окончательно, когда свѣтъ изъ-за дверей перегородки освѣтилъ лицо разбойника. Черные волосы его, торчавшіе въ безпорядкѣ, тряслись заодно съ головою; свинцовая блѣдность лица еще рѣзче выдавала шершавыя, судорожно согнувшіяся брови; каждая черта его какъ будто заострялась; тонкій погибъ носа побѣлѣлъ; губы сузились; ноздри раздувались такъ сильно, что перегородка, раздѣлявшая ихъ, выглядывала наружу.

Видъ Филиппа пробудилъ въ Верстанѣ мысль объ осторожности; онъ сохранилъ, повидимому, свое положеніе, но поспѣшно выдвинулъ изъ-подъ стола ноги, какъ бы готовясь подняться при первой надобности; онъ отодвинулъ немного столъ и, какъ бы для пробы, раза два пожалъ исполинскими своими кулаками. Появленіе Филиппа весело подѣйствовало на одного лишь Фуфаева; это потому, можетъ быть, что онъ не могъ его видѣть.

— А! здорово, тёзка! какъ васъ Богъ милуетъ? по добру ли, по здорову? Соскучились мы по васъ совсѣмъ!.. крикнулъ онъ, какъ только услышалъ его голосъ.

— Слушай ты! сказалъ Филиппъ, обращаясь къ Верстану и дѣлая усилія, чтобъ подавить на время бѣшенство, которое коробило его черты,—рази такъ дѣлаютъ?.. ась? Помнишь, ты на самомъ этомъ мѣстѣ сказывалъ:

отдашь за мальчика тринадцать рублевъ... а вмѣсто того что сдѣлалъ?

— Чего надо? грубо возразилъ Верстанъ.

— А то надо, что деньги подай! вотъ что надо!

— А рази мальчикъ-то твой? промолвилъ Верстанъ, ставя оба кулака свои на столъ.

Филиппъ отступилъ два шага и отдавилъ ноги Степкѣ; Степка крикнулъ; отецъ далъ ему треуха и снова обратился къ нищему, но ужъ безъ прежней запальчивости.

— Нѣтъ, мальчикъ не мой; онъ мнѣ племянникъ, отецъ его братъ родной: стало, все единственно, сказалъ онъ,— потому больше и послалъ васъ туда, деньги были нужны... Коли такъ, на обманъ хотѣлъ взять—должонъ былъ сказать объ этомъ...

— Эхъ, тёзка, тёзка! Кто жъ, слышь, такъ дѣлаетъ: пошелъ на базаръ, всему міру сказалъ! перебилъ, посмѣиваясь, слѣпой,—такъ николи не водится! Эхъ, тёзка, жаль мнѣ тебя: маху, братъ, далъ; бражку пить пошелъ—воду нашелъ!..

— Чего присталъ? отваливай! сказалъ Верстанъ, поворачиваясь къ Филиппу и нахмуривая сѣдыя брови.

— Деньги подай, подай деньги, что посулилъ! крикнулъ Филиппъ, къ которому снова возвратилось бѣшенство.

— Отстань, говорю; отдалъ я ему—чего еще?

— Врешь, лѣшій, не отдавалъ! заголосилъ Филиппъ, дѣлая шагъ впередъ и плотно становясь на лѣвую ногу.

— Усь, усь, усь! произнесъ Фуфаевъ, надрываясь отъ смѣха,—усь, усь... ну-касъ, ребятушки! Слово за словомъ, тукманка въ голову да плевокъ въ бороду, тычокъ за тычкомъ, оплеуха за тузомъ—валяй, ребята! качай во здравіе!

— Ты, смотри, не пуще стращай! пробасилъ Верстанъ, неожиданно подымаясь изъ-за стола,—у меня у самого кулаки-то крѣпки. На, смотри, коли хошь! добавилъ онъ, выставляя на видъ сложенные свои пальцы.

— Хорошенько его, дядя! хорошенько его, разбойника! неожиданно крикнула Грачиха, становясь подлѣ нищаго, который съ рѣшительнымъ видомъ засучивалъ рукава,— бей его, окаяннаго!

— Ты что, вѣдьма? проговорилъ Филиппъ, дико озираясь, какъ волкъ настигнутый стаей собакъ,—такъ-то ты за добро платишь? Ладно!..

— Ничего, не робѣй, тёзка! смѣялся, между тѣмъ, Фуфаевъ,—вотъ тутъ-то и стой, гдѣ кисель густой...

— Вонъ ступай! Одно слово: вонъ! чтобъ духа твоего здѣсь не было! трещала Грачиха, ободряемая исполинскимъ ростомъ своего защитника,—гоните его, братцы! взáшеи его, проклятаго!

Неувѣренность въ своей силѣ, страхъ, злоба и бѣшенство боролись въ душѣ разбойника; онъ не столько, можетъ быть, боялся кулаковъ Верстана, сколько старой колдуньи: ей стоило только добѣжать до Чернева, чтобъ погубить его; онъ зналъ ее, и зналъ, что она давно замышляла предать его.

— Хорошо же, когда такъ! произнесъ онъ, яростно грозя кулаками и отступая къ двери,—съ тобой мы еще встрѣнемся, такъ посмотримъ, чья возьметъ, который котораго одолѣетъ...

— Эй, не хвались лапти сшить, не надравши лыкъ! замѣтилъ Фуфаевъ.

— А тебѣ, касатушка, подхватилъ Филиппъ, бросая свирѣпый взглядъ на старуху,—тебѣ я это припомню! все за одинъ разъ вспомяну, всѣ твои дѣла со мною...

— Не мнѣ тебя бояться, разбойникъ! завопила старуха, подталкивая Верстана,—ты бойся! До Марьинскаго всего восемь верстъ; пошлю вотъ только къ кузнецу Пантелею—онъ тебя больно любитъ... Ступай лучше вонъ, окаянный, отселева!

— Ну, смотри же, заруби ты этотъ день себѣ на носу!.. воскликнулъ Филиппъ съ какимъ-то растерянным видомъ,—я попадусь—не радуйся, вѣдьма: самоё потащутъ, самоё выдамъ; самъ пропаду, да ужъ и тебѣ не миновать плети!.. Сюда! заключилъ онъ, выходя въ первую половину избы.

Послѣднее слово обращалось къ Степкѣ.

Степка прильнулъ къ отцовскому полушубку; но, проходя мимо Пети и Миши, которые оставили скамью и стояли недалеко отъ двери, чтобъ удобнѣе разсматривать все происходившее, Степка далъ каждому изъ нихъ тумака. Грачиха, слѣдившая, какъ коршунъ, за каждымъ движеніемъ рыженькаго мальчика, воспользовалась этой минутой; она налетѣла на него съ кочергою и, нѣтъ сомнѣнія, плохо пришлось бы головѣ Степки, если бъ отецъ не обернулся. Грачиха отступила. Филиппъ ринулся было на нее, но ее заслонилъ Верстанъ. Филиппъ схватилъ

Степку за руку и, послав нѣсколько страшныхъ проклятій колдуньѣ и гостямъ ея, исчезъ въ сѣняхъ. Ужъ давно не слышны были шаги Филиппа, но Грачиха все еще стояла у наружной двери мазанки и прислушивалась: ей хотѣлось узнать, въ какую сторону направлялся бродяга. Знаніе это, все равно, ни къ чему бы не послужило колдуньѣ: Филиппъ очень хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; отойдя шаговъ триста, онъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ совсѣмъ въ противоположную сторону.

Если вѣрить, что у человѣка горитъ лѣвое ухо, когда его заглазно ругаютъ, лѣвое ухо Филиппа должно было сильно досаждать ему въ эту ночь: его ругали всѣ безъ исключенія въ избѣ Грачихи; даже Петя и Миша дѣлали о немъ не совсѣмъ лестныя заключенія. Наконецъ розсказнямъ пора было смолкнуть. Грачиха отправилась на печь, нищіе расположились кто куда могъ; маленькіе вожаки легли рядомъ на лавку; немного погодя, въ мазанкѣ все стихло. Не могъ хорошенько заснуть одинъ только Петя: онъ безпрестанно пробуждался, вздрагивалъ и каждый разъ тогда ближе прижимался къ маленькому товарищу: онъ ужъ чувствовалъ, что Миша служилъ ему единственною подпорою въ его горькомъ одиночествѣ.

Весь слѣдующій день нищіе безвыходно пробыли у Грачихи; она не изъявила ни малѣйшаго сопротивленія: надо полагать, они заранѣе съ нею условились. Петя и Миша, предоставленные во весь этотъ день на собственный произволъ во второй половинѣ избы, сошлись окончательно; хотя Петя часто принимался плакать, но товарищъ такъ хорошо умѣлъ приласкать его, что горе казалось ему не такъ ужъ великимъ, какъ наканунѣ. Съ наступленіемъ ночи нищіе простились съ колдуньей и отправились въ дорогу. Мы ужъ сказали, что они не считали нужнымъ торопиться и совершали свой путь со всевозможнымъ комфортомъ. Тѣмъ не менѣе, съ того дня, какъ покинули они мазанку, до настоящей минуты пройдено было большое пространство. Никто теперь не могъ бы сказать даже приблизительно, съ какой именно стороны горизонта находится Марьинское и сколько до него верстъ; вѣрно было то лишь, что верстъ очень много: заснешь прежде, чѣмъ сосчитаешь.

Мы застаемъ теперь нищихъ у входа или у выхода небольшой деревушки; они расположились отдохнуть за ригой, которая выходитъ угломъ на дорогу; никто помѣ-

шать имъ не можетъ: кругомъ тишина мертвая; полдень; солнце такъ и жжетъ. Верстанъ, дядя Мизгирь и слѣпой Фуфаевъ выбрали это мѣсто ради тѣни, которую бросалъ выступъ кровли; подмостивъ подъ голову мѣшки свои, они сладко раскинулись и такъ же сладко заснули. Надо полагать, они лежали ужъ нѣкоторое время. Чтобъ разоспаться до такой степени одеревянѣнія, требовалась, вѣрно, не одна минута; тѣнь кровли падала ужъ теперь косякомъ по другую сторону риги; солнце плашмя падало на ихъ раздувшіяся, загорѣлыя лица; но это повидимому не безпокоило ихъ; не безпокоили также и мухи, которыя роями кружились надъ ихъ головами и садились имъ на носъ, на щеки—словомъ, всюду, гдѣ сквозь прорѣхи и бородастыя заплаты проглядывало тѣло; казалось, напротивъ, не столько мухи тревожили Верстана, сколько Верстанъ тревожилъ мухъ: онъ время отъ времени подымалъ такой густой храпъ, что всѣ мухи разомъ подымались и, какъ испуганныя, метались по воздуху. Всякій разъ, какъ раздавался этотъ храпъ, изъ-за угла показывалось личико Пети; онъ и маленькій товарищъ его расположились лицомъ къ дорогѣ; оба сидѣли рядышкомъ, прислонившись спиною къ плетневой стѣнѣ риги.

— Нѣтъ, ничего, Миша; это онъ такъ... спитъ! говорилъ Петя, — ты бы, право, Миша, легъ лучше... усни маленько... Вотъ ложись на меня... вотъ на ноги...

— Нѣтъ, вѣдь ужъ пробовалъ, не спится что-то, возразилъ тотъ, — добрѣ ужъ оченно я усталъ, добре пуще грудь болитъ у меня; мнѣ такъ-то лучше; лягу—кашель больно одолѣваетъ.

— Вѣдь вонъ, вонъ! ты и то кашляешь, даромъ что сидишь! подхватилъ Петя, поглядывая на товарища, который обхватилъ худенькими ручонками грудь и едва переводилъ духъ отъ кашля.

Несмотря на напряженія, которыя онъ дѣлалъ, чтобъ откашляться, лицо его оставалось блѣднымъ; на немъ не было слѣда загара. Благодаря страшной худобѣ лица, черные, задумчивые глаза мальчика казались теперь вдвое больше; темная кайма окружала его рѣсницы.

— Далеко очень шли, усталъ очень; оттого больше... сказалъ онъ, переводя духъ и поглядывая на ладонь, которая прижимала губы: на ней были слѣды крови.

— Попросимъ ихъ, чтобъ маленечко повременили; ишь какъ жарко—смерть! сказалъ Петя.

— Нешто они послушаютъ! Они знаютъ свое: имъ бы только поспѣть къ ярманкѣ... они рази насъ жалѣютъ?

— Знамо, мы имъ не родные, а все бы въ толкъ надо взять... Мнѣ ничего — я здоровъ, хоша и добрѐ тяжко такъ-то по жарѣ идти; а вотъ о тебѣ нѣтъ имъ нуждышки... Ты, Миша, какъ пойдемъ, дай мнѣ свой мѣшокъ, я понесу его...

— Не осилишь; и съ своимъ-то насилу управляешься... Вотъ какъ, Петя, подхватилъ вожакъ Фуфаева,—какъ шли мы это сюда, такъ, кажись, еще бы одну версту—тутъ бы и смерть моя; такъ грудь заломило, такъ заломило... ужъ оченно добрѐ замучился...

— Ты, Миша, потерпи еще маленько, перебилъ Петя, взглянувъ за уголъ и понижая голосъ,—вотъ, маленечко еще подрастемъ... вотъ теперь лѣто... а тамъ зима, а тамъ опять лѣто, тогда мы ужъ большіе вырастемъ, подхватилъ онъ съ оживленіемъ,—помнишь, о чемъ мы съ тобой говорили... то и сдѣлаемъ; они насъ тогда не догонятъ. Станешь вездѣ спрашивать: я вѣдь деревню-то свою помню—Марьинское прозывается... Прійдемъ домой... у меня мать—то-то добрая!.. Ну и станемъ жить вмѣстѣ... Потерпи только до другого лѣта.

Миша тоскливо опустилъ голову и провелъ нѣсколько разъ ладонью по лбу, покрытому крупными каплями пота.

— Можетъ, ты ужъ тогда одинъ... безъ меня пойдешь, сказалъ онъ, задумчиво глядя на пыльную, обожженную солнцемъ дорогу.

— А ты-то что жъ? Нѣтъ, я одинъ безъ тебя ни за что не пойду; идтить, такъ ужъ вмѣстѣ! возразилъ Петя.

— Ну, а какъ я умру? вымолвилъ Миша.

Петя посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Мнѣ и такъ все думается, продолжалъ Миша протяжнымъ, слабымъ голосомъ,—иду такъ-то съ вами и думаю: „ну, какъ они меня бросятъ... ну, какъ умру я одинъ на дорогѣ?...“ Другой разъ насилу ноги волочу, а какъ вспомню объ этомъ, такъ даже душа вся затрясется... А можетъ, и лучше помереть-то, право: вѣдь ужъ хуже теперешняго не будетъ; стало, все одно... Я чай, ты, Петя, обо мнѣ тогда пожалѣешь?..

Петя схватилъ его за руку, но въ самую эту минуту ему послышался шорохъ за угломъ и онъ поспѣшилъ заглянуть туда.

— Миша, сказалъ онъ, дергая товарища за руку,—

глянька-сь, глянь... Вѣдь Верстана-то нѣту, и дядя Мизгирь также всталъ; оба ушли.

Миша приподнялся и посмотрѣлъ за уголъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежали Верстанъ и Мизгирь, виднѣлась только стоптанная трава и мѣшки, служившіе подушкой старымъ нищимъ. Шорохъ, слышанный Петей, произведенъ былъ, вѣроятно, головою Фуфаева, которая скатилась съ мѣшка; раскрытый ротъ и выраженіе сладостнаго замозабвенія на багровомъ лицѣ его, усѣянномъ мухами, показывали, что онъ не думалъ даже пробуждаться.

— Куда жъ тѣ-то ушли? чудно что-то! прошепталъ Миша.

Петя подмигнулъ ему и погрозилъ пальцемъ, давая знать, чтобъ онъ молчалъ. И оба, припавъ къ плетневой стѣнѣ, стали пробираться на другую сторону риги, но не съ того бока, гдѣ лежалъ Фуфаевъ, а съ противоположнаго. Такъ достигли они угла, который отвѣчалъ углу, за которымъ они сидѣли; притаивъ дыханіе и крѣпко прижимаясь другъ къ дружкѣ, оба мальчика выглянули за уголъ. Тѣнь, падавшая съ кровли, разсѣкала пополамъ сморщенную, сгорбленную фигуру дяди Мизгиря, такъ что одна половина фигуры оставалась въ тѣни, другую ярко охватывало солнце; онъ сидѣлъ, разставивъ ноги; передъ нимъ лежала тряпка; на ней сверкали пригоршни двѣ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, которыя старикъ разложилъ маленькими столбиками: гривенники съ гривенниками, пятаки съ пятаками и т. д.; двѣ старыя, замасленныя пятирублевыя ассигнаціи покоились на лѣвомъ колѣнѣ нищаго; онѣ, казалось, особенно его занимали; выставивъ впередъ дрожащіе, скорченные пальцы лѣвой руки, онъ не переставалъ загибать ихъ указательнымъ пальцемъ правой руки, поминутно сбивался, начиналъ снова, пожималъ губами и заботливо потряхивалъ головою, не обращая вниманія на солнце, которое било ему въ самое темя.

Миша и Петя никогда не видали столько денегъ; то, что̀ находилось въ платкѣ и на колѣнѣ старика, казалось имъ неисчислимымъ сокровищемъ. Они считали до сихъ поръ дядю Мизгиря самымъ бѣднымъ изъ трехъ нищихъ; онъ казался такимъ жалкимъ и несчастнымъ, безропотно сносилъ всегда насмѣшки Фуфаева, терпѣлъ съ покорностью грубое обращеніе Верстана, онъ вѣчно молчалъ, и если говорилъ когда, такъ для того развѣ, чтобъ жа-

ловаться на бѣдность. Какъ ни были удивлены мальчики, любопытство ихъ не столько было, однакожъ, возбуждено старикомъ и его сокровищемъ, сколько присутствіемъ Верстана за спиною дяди Мизгиря.

Верстанъ оставался, повидимому, въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ подползъ къ товарищу. Упершись ладонями въ траву, выставивъ надъ плечомъ старика огромную свою голову, покрытую сѣрыми, взбудораженными кудрями, онъ съ такою жадностью выкатывалъ глаза на деньги, что надъ зрачками его виднѣлись даже окраины бѣлковъ. Лицо его было такъ страшно въ эту минуту, что Петя почувствовалъ холодъ въ спинѣ. Невольный ужасъ, въ которомъ не могли они дать себѣ яснаго отчета, овладѣлъ обоими мальчиками; они поспѣшно припали къ плетню, такъ же поспѣшно возвратились на прежнее свое мѣсто и несказанно обрадовались своей поспѣшности: не успѣли они сѣсть, какъ за угломъ раздался голосъ Верстана; минуту спустя, онъ вышелъ къ нимъ и велѣлъ имъ надѣвать мѣшки и брать палки. Когда оба мальчика явились на мѣсто, выбранное нищими для отдыха, дядя Мизгирь еще не показывался.

— Ну, вставай, отряхивайся, полно нѣжиться-то, время идти! говорилъ Верстанъ, толкая Фуфаева.

Фуфаевъ раскрылъ глаза, обвелъ направо и налѣво бѣлыми зрачками своими, снова закрылъ глаза и, сладко улыбнувшись, перевалился на другой бокъ.

— Ишь его, собака, какъ разоспался! не растолкаешь никакъ! Да ну же, ну! забасилъ Верстанъ, перекатывая Фуфаева съ боку на бокъ, какъ кубышку.

— У-у-у-а! промычалъ Фуфаевъ, закинулъ руки за спину, потянулся, раскрылъ глаза, чихнулъ, сказалъ: „бывайте здоровы!“ и усѣлся на траву.

Въ это самое время изъ-за угла выступилъ дядя Мизгирь, сохранявшій теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, жалкій, несчастный, униженный видъ.

— Гдѣ былъ? По деревнѣ, что ли, бродилъ? спросилъ Верстанъ, сопровождая слова эти взглядомъ, который заставилъ Петю и Мишу переглянуться.

— Да, такъ ходилъ; думалъ, не подадутъ ли хлѣбушка... ничего не дали! промямлилъ старикашка, тоскливо качая лысою головою.

— Вретъ, вретъ; а ты и повѣрилъ? воскликнулъ, смѣясь,

Фуфаевъ;—чай, за угломъ сидѣлъ, деньги считалъ... Я, примѣрно, сонъ такой видѣлъ...

— Полно ты, окаянный! Ну, что̀ присталъ? какія деньги?.. злобно пробормоталъ дядя Мизгирь, скорчиваясь и пожимаясь, словно жарили его на сковородѣ.

— Ладно, дядя, знаемъ! подхватилъ Фуфаевъ.—Чуръ смотри только, коли помрешь—а помирать тебѣ скоро надыть, не миновать—смотри, мнѣ кладъ-отъ оставь!

При этомъ слѣпой ударилъ въ ладоши, вскочилъ на ноги, направился по голосу къ старику и, ударивъ его по плечу, разразился отчаянно веселымъ смѣхомъ.

— Ну, полно балясничать-то, полно! промолвилъ Верстанъ, надѣвая суму,—надо къ завтраму вечеру поспѣть на ярманку. Ну, братцы, пойдемъ!

Немного спустя, нищіе вышли на дорогу и начали удаляться отъ деревушки. Дорога шла гладкими, какъ ладонь, полями; вправо только, на дальнемъ горизонтѣ, мѣстность оживлялась синеватою лѣсистою каймою, которая тянулась и пропадала въ неоглядномъ просторѣ. Хотя солнце нѣсколько уже склонилось, но все еще пекло невыносимо; ни одна тучка, ни одно дуновеніе не освѣжали воздуха; пыль, подымаемая ногами нищихъ, вытягивалась длинными полосами и почти недвижно висѣла надъ дорогой. Зной и духота не дѣйствовали только на Фуфаева. Хохотъ, послѣдовавшій за его пробужденіемъ, служилъ какъ будто выраженіемъ его расположенія духа на весь остальной день; неугомонная, задорливая веселость его не прерывалась ни на минуту. Главнымъ возбудителемъ неумолкаемой болтовни его былъ, по обыкновенію, дядя Мизгирь. Наглумившись надъ нимъ до-сыта и истощивъ съ этой стороны весь запасъ своего остроумія, онъ перешелъ къ двумъ вожакамъ, прося ихъ убѣдительно идти какъ можно шибче, увѣряя, что это лучшій способъ для освобожденія отъ стужи, которая, по словамъ его, была невыносима. Но такъ какъ Миша сталъ жаловаться на жаръ и усталость, то Фуфаевъ поспѣшилъ обратиться къ Верстану.

Верстанъ шелъ позади всѣхъ; онъ до сихъ поръ хранилъ упорное молчаніе и только изрѣдка косился на старика Мизгиря. Хотя Верстанъ никогда не отличался разговорчивостью, однакожъ, Фуфаевъ нашелъ, что молчаніе товарища не предвѣщало ничего добраго: оно служило несомнѣннымъ знакомъ нравственнаго разстройства. Всему

была виною зазнобушка, которую оставила въ сердцѣ Верстана Грачиха. Фуфаевъ совѣтовалъ не томить себя, совѣтовалъ засылать скорѣй сватовъ: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Сватомъ поѣдетъ дядя Мизгирь на тройкѣ пѣгихъ, которую дадутъ въ первой деревнѣ; самъ Фуфаевъ вызывался быть дружкой. Но такъ какъ предложеніе это заслужило ему только тычокъ отъ будущаго жениха, то онъ отложилъ свадьбу на неопредѣленное время и принялся разсказывать сказку:

— Шли три мужика, три Прокопа мужика, три Прокопьевича; говорили они про мужика, про Прокопа мужика, про Прокопьевича...

— Отойди! досадливо крикнулъ Верстанъ и толкнулъ его такъ сильно, что чуть было съ ногъ не сшибъ.

Фуфаевъ остановился какъ будто въ недоумѣніи, почесалъ затылокъ, минутъ пять шелъ молча, какъ бы раздумывая о чемъ-то веселомъ; потомъ тряхнулъ мѣшкомъ и, не обращая уже теперь никакого вниманія, затянулъ козлинымъ своимъ голосомъ:

У славнаго, добраго молодца
Много цвѣтного платья поношено,
Подъ окошью лаптей старыхъ попрошено...
И сахарнаго кусá поѣдено,
У собакъ корокъ отымано;
На добрыхъ коняхъ поѣзжено,
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи...
Голиками глаза выбиты...
Дубиной плеча поранены...

— Что жъ ты, Мишутка, не подтягиваешь? закричалъ вдругъ Фуфаевъ, выкидывая колѣнцо.

Но бѣдному Мишѣ было не до пѣсенъ. Блѣдный, покрытый потомъ, онъ едва передвигалъ усталыми ногами по пыльной, обожженной солнцемъ дорогѣ; спасибо еще Петѣ, который шелъ подлѣ: онъ время до времени придерживалъ суму на спинѣ товарища и такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь, облегчалъ ему невыносимо тяжкій путь, путь, который очевидно долженъ былъ скоро привести Мишу къ преждевременной, одинокой могилѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Не выдержали.

Александра Константиновна только-что откушала утренній чай и расположилась въ мягкое кресло подлѣ окна. Почти въ ту же минуту въ спальню вбѣжала Мери, сопровождаемая гувернанткой. Мери бросилась на шею матери; француженка откинула назадъ лѣвую ногу, сдѣлала книксенъ и пожелала Бѣлицыной добраго утра.

— Пожалуйста, не смѣйтесь, chère m-elle Louise: не только нельзя ждать хорошаго, но врядъ ли даже можно надѣяться на сносное утро, воскликнула по-французски Бѣлицына.—Voyez!.. примолвила она дѣтски-плачевнымъ тономъ и указала на окно.

Погода была, точно, скверная; тяжелою сѣрою пеленою окутывалось небо; шелъ мелкій, но частый дождь, одинъ изъ тѣхъ дождей, который насквозь пропитываетъ землю, которому такъ радуется простолюдинъ, но который приводитъ всегда въ отчаяніе дачниковъ и помѣщицъ, пріѣзжающихъ въ деревню съ исключительною цѣлью наслаждаться природой; такимъ дождямъ обыкновенно конца нѣтъ. Вѣтеръ уныло гудѣлъ въ старыхъ деревьяхъ сада; гибкія вѣтви акацій, растущихъ за окномъ, били по рамамъ и мокрые листья прилипали къ мокрымъ стекламъ.

— Oh! c'est une horreur! произнесла француженка съ такимъ видомъ, какъ будто за окномъ нежданно появилось привидѣніе.

— Именно: une horreur! подхватила Александра Константиновна.—Бѣдная моя Меринька, тебѣ даже побѣгать

нельзя: вотъ уже четвертыя сутки, какъ льетъ этотъ гадкій дождикъ.

— Les beaux jours viendront, madame Bélissine, elle ratrappera le temps perdu!..

— Да, намъ съ вами хорошо говорить, но каково ей, бѣдному ребенку! Я нарочно привезла ее сюда, чтобъ она пользовалась моціономъ и свѣжимъ воздухомъ. Въ ея возрастѣ это главныя условія... Кстати, скажите мнѣ, что вы сегодня дѣлаете?

— Мы читаемъ Sandfort et Merton, maman, весело сказала дѣвочка.

— C'est de Berquin, madame, l'ami des enfants! подсказала гувернантка.

— Успѣете еще, посидите немножко со мною. Эта погода... все это мнѣ ужасно скучно! произнесла Александра Константиновна, опускаясь на спинку креселъ и гладя по головѣ Мери. — Если бъ я знала, что изъ десяти дней, проводимыхъ здѣсь, придется пять дней сидѣть безвыходно въ комнатѣ, я взяла бы, по крайней мѣрѣ, съ собою побольше книгъ... je n'ai que ça! примолвила она, указывая на два жиденькіе романа, изъ которыхъ одинъ былъ Гондрекура, другой Ксавье де-Монтепена.— Но кто зналъ, что придется жить какъ въ тюрьмѣ? Теперь, разумѣется, этого не случится: будущее же лѣто я привезу съ собою цѣлую маленькую библіотеку.

— Comment, madame Bélissine, vous pensez encore revenir ici l'été prochain?

— Hélas, il le faut bien! возразила Бѣлицына, взглядывая въ окно и слегка пожимая плечами.

Черные глаза бордоской уроженки изобразили удивленіе. Она постичь не могла такого принужденія. Къ чему: il le faut?.. зачѣмъ: il le faut?.. Décidément, les seigneurs d'ici, ne savent, ne veulent pas jouir de leur position! Она ставила себя на мѣсто Бѣлицыной. Стала бы она, какъ же! ѣздить въ деревню, когда тамъ скука невыносимая! Получай она доходы Бѣлицыныхъ, будь у нея вѣрный приказчикъ, каковъ Karassin, она порхала бы, какъ свободная птичка, изъ Петербурга въ Парижъ, изъ Парижа на Рейнъ и т. д. Нѣтъ, она рѣшительно не постигала Александру Константиновну, — быть богатой, car vous l'êtes enfin! страшно скучать въ деревнѣ и ѣхать опять въ эту деревню—зачѣмъ? къ чему?..

— Que voulez-vous! сказала Бѣлицына, улыбнувшись го-

рячей вспышкѣ собесѣдницы,—впрочемъ, вамъ легко такъ думать, прибавила она, возвращая милому, доброму лицу своему серьезное и даже нѣсколько озабоченное выраженіе. — Вы говорите, мы не умѣемъ пользоваться нашимъ положеніемъ; говорите, что если бъ были на моемъ мѣстѣ, то ни за что не стали бы жить въ деревнѣ, когда вамъ тамъ скучно; но знаете ли, это самое положеніе, la position du seigneur, налагаетъ своего рода обязанности... да, великія обязанности, можно даже сказать, священныя обязанности! Земли, доходы—все это само по себѣ; управитель такой, какъ Karassin, которому я и мужъ вполнѣ довѣряемъ, также само по себѣ... Но у насъ есть также крестьяне, которые для насъ трудятся, работаютъ; мы должны, слѣдовательно, лично наблюдать за ихъ благосостояніемъ; l'oeil du seigneur... vous savez!.. Хотя я знаю, имъ и безъ насъ нѣтъ никакихъ отягощеній, но при насъ все-таки имъ какъ будто веселѣе; они насъ такъ любятъ! наше присутствіе ихъ ободряетъ... et puis, comme de raison, cela flatte leur amour propre—за что же лишать ихъ этого удовольствія? Ils le méritent bien!.. Нѣтъ, нѣтъ, мы не можемъ располагать собою, какъ бы хотѣли... il faut soumettre à certaines conditions — это необходимо! Повѣрьте, chère m-elle Louise, и въ нашемъ положеніи tout n'est pas couleur de rose, повѣрьте!..

На этомъ мѣстѣ Александра Константиновна была прервана стукомъ въ дверь.

— Это ты, Serge?

— Я. Можно войти?

— Войди, войди! весело сказала жена,—но что съ тобою? подхватила она, пристально всматривалсь въ полное лицо Сергѣя Васильевича, которое хотя и не теряло своего обычнаго добродушія, но казалось, однакожъ, сильно недовольнымъ и нахмуреннымъ.

Сергѣй Васильевичъ молча поцѣловалъ жену въ лобъ, поцѣловалъ Мери, поклонился гувернанткѣ и, закинувъ руки за спину, принялся ходить по комнатѣ.

— Что съ тобою, мой другъ? повторила Бѣлицына.

— Ахъ! это ужасно! это невыносимо! это... это просто — я уже самъ не знаю, что дѣлать, у меня рѣшительно руки отнимаются! произнесъ Сергѣй Васильевичъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою и еще значительнѣе ускоряя шаги.

— Но что же такое? спросила жена, тревожно слѣдя за движеніями мужа.

— Не безпокойся, мой другъ, ничего не произошло особеннаго... я такъ, меня возмущаетъ... Представь себѣ, подхватилъ Сергѣй Васильевичъ, — представь: опять этотъ мужикъ! опять онъ!.. это ужъ, наконецъ, дѣйствительно хоть кого возмутитъ!.. Опять онъ, опять этотъ мужикъ! заключилъ Сергѣй Васильевичъ, бросаясь на диванъ и досадливо подпирая голову ладонью.

— Но что же такое случилось? снова спросила Александра Константиновна.

— Oh, je suis horriblement ennuyé, ennuyé et découragé, въ одно и то же время! воскликнулъ помѣщикъ, мотая головой.—Это въ самомъ дѣлѣ ужасно: опять онъ! опять тотъ же мужикъ!..

— О комъ ты говоришь? Я, право, не понимаю, какой мужикъ?

— Да все тотъ же! тотъ! Неужели ты не помнишь? Это, кажется, не такъ, однакожъ, давно случилось... Однимъ словомъ, помнишь, недѣли полторы назадъ, когда мы ходили гулять въ любимую мою рощу...

— Ну, да, да!

— Помнишь, мы поймали мужика, нашего марьинскаго мужика, который рубилъ огромную березу.

— Ахъ, да, да! онъ еще такъ испугался...

— При тебѣ, кажется, дѣло было, съ жаромъ подхватилъ Сергѣй Васильевичъ,—помнишь, какъ бросался мнѣ въ ноги, какъ просилъ, какъ умолялъ, чтобъ я простилъ его, какъ клялся и распинался, что никогда, во вѣки вѣковъ съ нимъ этого не случится... Я простилъ его. Помнишь, какъ даже я мягко, ласково, можно сказать, съ нимъ обошелся... я даже не бранилъ его; напротивъ, я всячески старался внушить ему... Я даже сжалился надъ нимъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что рѣшился рубить это дерево потому, что не было у него денегъ на лучины, я далъ ему цѣлковый... Кажется, довольно — а? Что жъ, ты думаешь, онъ сдѣлалъ — а? Ну, какъ, какъ ты думаешь?

— Право, не знаю...

— Je vous le donne en cent, je vous le donne en mille!

— Что же онъ такое сдѣлалъ?

— А вотъ что сдѣлалъ: сегодня, не далѣе, какъ часъ назадъ, онъ снова попался — и въ чемъ? гдѣ? какъ ты

думаешь? Онъ снова рубилъ дерево! подхватилъ съ возрастающею горячностью помѣщикъ,—рубилъ березу, и что всего ужаснѣе, рубилъ подлѣ самаго того дерева, у котораго мы поймали его!

Александра Константиновна сложила руки и подняла прекрасные глаза свои къ небу. Француженка всплеснула руками.

— Quelle ingrrrratitude! сказала она.

Даже маленькая Мери, слушавшая отца съ любопытствомъ, свойственнымъ ея возрасту, и та даже получила, казалось, самое невыгодное мнѣніе о душевныхъ свойствахъ марьинскаго крестьянина.

— Comme il est vilain cet homme! сказала она, надувая губки.

— Не правда ли! воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ,— это въ самомъ дѣлѣ ужасно! это значитъ: нѣтъ въ человѣкѣ ни стыда, ни совѣсти! Поступокъ этотъ возмутилъ меня до нельзя...

— Полно, Serge; ты все это принимаешь слишкомъ къ сердцу... cela t'échauffe, ласково сказала жена,—по-моему, сердиться рѣшительно не стóитъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, распорядилась вотъ какъ: приказала бы старостѣ и еще другимъ старшимъ взять этого мужика, отвести его въ рощу и, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ срубилъ дерево, заставить его своими руками — да, своими руками посадить три березы—вотъ и все. Что̀ съ ними церемониться! онъ этого не стóитъ!.. Да и береза не стóитъ, чтобы ты сердился.

— Вотъ всѣ вы, женщины, таковы! всѣ вы поверхностно такъ судите! произнесъ Сергѣй Васильевичъ.— Неужто, ты думаешь, въ этомъ дѣлѣ меня сердитъ то, что срублена какая-нибудь береза? Дѣло вовсе не въ березѣ; дѣло въ моральной сторонѣ вопроса. Насажай теперь этотъ мужикъ хоть сто, тысячу березъ — фактъ, фактъ его безстыдства и недобросовѣстности все-таки будетъ существовать! И, главное, знаешь ли что̀? больно, что такіе факты не исключеніе! подхватилъ онъ топомъ разсудительнымъ, хотя огорченнымъ,—да, не исключеніе! На каждомъ шагу почти встрѣчаешь поводъ къ разочарованію! Я совсѣмъ почти разочаровался! Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ больше выказываешь снисхожденія, чѣмъ ласковѣе, внимательнѣе обходишься, тѣмъ хуже: все это обращается тебѣ же во зло... Горько со-

знаться, а это такъ! Особенно больно встрѣчать эту неблагодарность... потомъ это ханжество. Посмотри, напримѣръ: мужикъ работаетъ на барщинѣ, работаетъ онъ вяло, неохотно, точно по принужденію какому-то... ты показался, онъ сейчасъ принимаетъ другой видъ, хлопочетъ, суетится—словомъ, желаетъ показать, что радъ для тебя работать—и все такъ! вездѣ это притворство, это явное равнодушіе къ пользѣ барина, который, между тѣмъ, только и думаетъ, чтобъ сказать имъ что-нибудь ласковое. Я не требую отъ нихъ невозможнаго, не требую, напримѣръ, деликатности: деликатность есть уже слѣдствіе утонченнаго образованія, и смѣшно даже было бы ее требовать! Но не въ правѣ ли я ждать благодарности? Это чувство такъ натурально: оно уже, такъ сказать, въ самой природѣ человѣка; но даже этого чувства, именно, благодарности, я нигдѣ не встрѣчаю! А, кажется, послѣ того, что̀ я для нихъ дѣлаю... Но, впрочемъ, что̀ говорить! Дѣло въ томъ, что это ужасно! Я совершенно разочаровался! Я, право, начинаю даже падать духомъ, заключилъ Сергѣй Васильевичъ, приподымаясь съ дивана и снова принимаясь расхаживать по комнатѣ.

Александра Константиновна не возражала; къ великому сожалѣнію, она не находила ни одного факта, который, по силѣ своей, могъ бы смягчить мрачное воззрѣніе Сергѣя Васильевича и примирить его нѣсколько съ сельской жизнью; ей хотѣлось, однакожъ, его разсѣять; но какъ и чѣмъ разсѣять? Она сама хандрила, сама скучала; благодаря несносной дождливой погодѣ, сельская жизнь, о которой она такъ горячо мечтала въ Петербургѣ, начинала ей самой казаться невыносимою; она только скрывала это отъ мужа и всячески даже старалась ободрять его. Воспользовавшись минутой, когда Сергѣй Васильевичъ, продолжавшій ходить по комнатѣ, сталъ къ ней спиною, она мигнула Мери и указала ей на отца; дѣвочка тотчасъ же соскочила со стула, подбѣжала къ отцу и начала къ нему ласкаться. Сергѣй Васильевичъ остановился, но только на минуту; онъ разсѣянно провелъ рукою по головѣ ребенка, потрепалъ его за подбородокъ, раза два вздохнулъ, подошелъ къ окну и задумчиво сталъ глядѣть на дворъ.

— Serge, ты, кажется, посылалъ вчера на почту? торопливо спросила Александра Константиновна. Цѣль этого вопроса заключалась въ томъ, чтобы какъ можно ско-

рѣе оторвать мужа отъ мрачной картины двора, обмываемаго дождемъ.

— Да, я посылалъ на почту, сказалъ Сергѣй Васильевичъ, продолжая смотрѣть въ окно,—человѣку давно бы даже слѣдовало вернуться изъ города, но, вѣроятно, его задержала погода, можетъ-быть даже, благодаря милому нашему климату, самая почта запоздала: эти проселки, это ужасно!..

— Oh, j'en sais quelque chose! неожиданно воскликнула гувернантка. Она замѣтила, что во Франціи проселки вовсе не существуютъ; по словамъ ея, тамъ, гдѣ не было шоссе, или желѣзной дороги, всѣ дороги обсажены тополями, величественными кленами или виноградниками; ѣдешь какъ словно въ раю!

— Э!.. произнесъ Сергѣй Васильевичъ.

Восклицаніе было очевидно вызвано печальнымъ видомъ двора и мыслью объ окрестныхъ проселкахъ, которые еще рѣзче выставили прелесть французскихъ дорогъ, по которымъ онъ когда-то ѣздилъ. Онъ махнулъ рукою, нетерпѣливо повернулся спиною къ окну и встрѣтился съ горничной Дашей, иначе lady Furie, которая держала въ рукахъ нѣсколько конвертовъ.

— Ба! письма! вымолвилъ внезапно-оживившійся Сергѣй Васильевичъ.

— Письма! письма! des lettres! воскликнули въ одинъ голосъ остальные и радостно окружили Бѣлицына.

— Y-a-t'il quelque chose pour moi? спросила гувернантка.

— Non... Но вотъ тебѣ два письма, а вотъ мнѣ также два.

— Allons, Méry, ne dérangeons pas papa et maman...

Француженка подала руку Мери, и обѣ отправились читать Sandford et Merton. Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна расположились на разныхъ диванахъ, поспѣшно сломили печати и приступили къ чтенію.

— Представь себѣ, Serge, Нина Лушковская живетъ на той самой дачѣ, которую мы занимали прошлое лѣто! сказала Бѣлицына, взглядывая на мужа.

— Неужто?.. Помнится мнѣ, Лушковскіе собирались жить на Каменномъ острову. Впрочемъ, они отлично сдѣлали, что перемѣнили памѣреніе. Я былъ всегда того мнѣнія, что для лѣта трудно найти что-нибудь лучше Петергофа...

— Еще бы! Я рѣшительно завидую Нинѣ: что за пре-

лесть! Одно это море чего стòитъ! Надо согласиться, однакожъ, что если можно гдѣ-нибудь жить пріятно—все равно, какое бы ни было время года—такъ это въ Петергофѣ!.. Помнишь нашу петергофскую дачу? утромъ жили мы какъ въ деревнѣ: купались, гуляли; вечеромъ ѣздили въ Верхній садъ на музыку... всегда кого-нибудь встрѣтишь. Я никогда не забуду прошлаго лѣта! довершила Александра Константиновна, задумчиво поглядывая на окно, за которымъ шумѣлъ дождь и свистѣлъ вѣтеръ.

— Да, лѣто было прекрасное, замѣтилъ Сергѣй Васильевичъ, — можно даже сказать, замѣчательное было лѣто! Помнится, всего разъ только шелъ дождь, заключилъ онъ, углубляясь въ чтеніе письма.

— Кто это тебѣ пишетъ? спросила, послѣ минуты молчанія, Александра Константиновна.

— Сергѣй Сергѣичъ.

— Какой?

— Завадскій.

— Ахъ, да! ну что̀ онъ дѣлаетъ? гдѣ онъ?

— Что́ ему дѣлается! Живетъ себѣ припѣваючи, веселится. Переѣхалъ въ Павловскъ...

— Что, какъ Павловскъ нынѣшнее лѣто?

— Оживленнѣе, чѣмъ когда-нибудь! пишетъ Завадскій. Княгиня Карнòвичъ давала, говоритъ, удивительный балъ, toute la société y a été... въ восторгѣ отъ Китти Курбской! Пишетъ, что завтра ѣдетъ на балъ къ Шестовымъ. Никогда, говоритъ, такъ весело не проводилъ лѣта... Впрочемъ, что́ же ему и дѣлать, если не веселиться? Вообще говоря, это одинъ изъ самыхъ положительно счастливыхъ людей: молодъ, богатъ, а главное то, что онъ не помѣщикъ. Это, по-моему, одно изъ самыхъ первыхъ условій, чтобъ быть счастливымъ—право, такъ! подхватилъ Сергѣй Васильевичъ какимъ-то апатическимъ тономъ, который даже безъ всего предыдущаго ясно могъ показать, что ему сильно прискучило Марьинское,—да, всѣ эти заботы помѣщика, зависимость его отъ какихъ-нибудь дождей и неурожаевъ, всѣ эти хозяйственныя, скучныя дрязги, наконецъ самый моральный вопросъ: отвѣтственность касательно благосостоянія крестьянъ... заботы, попеченія... заботы никогда почти не вознаграждаемыя, потому что вездѣ почти встрѣчаешь одну неблагодарность, грубость... да, все это не существуетъ для Завадскаго!.. Вотъ еще новость: Пѣтуховъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ! заключилъ

Сергѣй Васильевичъ глухимъ голосомъ, и снова углубился въ чтеніе письма.

Александра Константиновна не сдѣлала ни малѣйшаго замѣчанія касательно послѣдней новости; она была очень ею недовольна; письмо Завадскаго уже само по себѣ должно было усилить хандру Сергѣя Васильевича: онъ такъ привыкъ къ Петербургу, такъ любилъ его! (Александра Константиновна судила по собственнымъ своимъ чувствамъ). Очень нужно еще было писать объ успѣхахъ Пѣтухова! Впрочемъ, добродушное, бѣлокурое лицо Сергѣя Васильевича, склоненное надъ письмомъ, достаточно выражало состояніе его мыслей; оно ясно говорило о положеніи человѣка, вынужденнаго закабалить себя въ глуши и терять драгоцѣнное время. Опечаленная своими наблюденіями, Александра Константиновна рѣшилась ни слова не говорить мужу о второмъ письмѣ. Оно также было отъ молоденькой свѣтской дамы, пріятельницы Бѣлицыныхъ; свѣтская дама называла Бѣлицыныхъ пустынниками, отшельниками, описывала въ самыхъ соблазнительныхъ краскахъ дачную петербургскую жизнь, говорила, что общій голосъ ихъ кружка тотъ, что для полнаго удовольствія недостаетъ только Бѣлицыныхъ; очень мило смѣялась надъ морковью, горохомъ и капустой, которыя, по словамъ ея, должны были сѣять съ утра до вечера Бѣлицыны; убѣдительно упрашивала ихъ бросить всю эту дрянь и ѣхать въ Петербургъ, чтобъ полюбоваться блескомъ мѣсяца въ Финскомъ заливѣ. Жизнь свѣтской дамы не проходила, однакожъ, въ однихъ удовольствіяхъ (такъ значилось въ концѣ ея письма); она занималась также дѣломъ: разъ въ недѣлю покидаетъ она берега Невы, отправляется въ душную столицу и лично наблюдаетъ за передѣлкою парадныхъ комнатъ въ своемъ домѣ; особенно много хлопотъ стоитъ ей ея гостиная, во вкусѣ Людовика XV; архитекторъ отличился—это правда; но, благодаря именно строгому выполненію стиля гостиной, слѣдуетъ украсить ее саксонскими куклами, которыя такъ рѣдки теперь. Свѣтская дама совершенно измучилась, разъѣзжая по магазинамъ. „Представьте себѣ, chère Alexandrine (этимъ заключалось письмо ея), хлопочу съ утра до вечера, когда бываю въ городѣ, и результатомъ этихъ хлопотъ бываетъ иногда всего одна какая-нибудь куколка, а ихъ надо не менѣе сорока! jugez de mon désappointement...“

Послѣднія строчки окончательно убѣдили Александру

Константиновну не сообщать мужу о письмѣ пріятельницы; это значило бы положить палецъ на больную рану Сергѣя Васильевича, который вотъ уже третій годъ обѣщаетъ женѣ отдѣлать гостиную именно во вкусѣ Людовика XV, и каждый разъ откладываетъ это намѣреніе. Къ счастію, Сергѣй Васильевичъ не полюбопытствовалъ даже спросить объ этомъ второмъ письмѣ; у него также было свое второе письмо и, какъ казалось, ему также не хотѣлось, чтобъ жена знала о его содержаніи; желаніе это такъ было сильно, что онъ не далъ ей опомниться и торопливо вышелъ изъ комнаты. Все это было совершенно въ порядкѣ вещей: ему писалъ пріятель, общій знакомый его и жены; пріятель извѣщалъ Сергѣя Васильевича, что только-что получилъ паспортъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и гувернанткой за границу. Принимая въ соображеніе собственныя чувства и стремленія, Сергѣй Васильевичъ не сомнѣвался, что жена сильно скучаетъ въ Марьинскомъ; скука ея нѣкоторымъ образомъ лежала на его совѣсти; имъ, по настоящему, точно такъ же слѣдовало бы ѣхать нынѣшнее лѣто за границу; дѣло совсѣмъ даже было рѣшено, но — увы! карточныя увлеченія помѣшали поѣздкѣ, точно такъ же, какъ помѣшали они исполнить это намѣреніе прошлое лѣто и даже лѣто третьяго года; послѣдняя зима заставила даже Сергѣя Васильевича посѣтить Марьинское и прожить тамъ лѣто... Проникнутый всѣми этими соображеніями, онъ рѣшился солгать о содержаніи письма, въ случаѣ, если спроситъ о немъ Александра Константиновна. Весьма натурально, письма эти и мысли, ими возбужденныя, способствовали только къ тому, чтобъ усилить хандру марьинскаго помѣщика.

— Monsieur a quelque chose... замѣтила въ тотъ же вечеръ француженка.

— Il est très préoccupé, возразила Александра Константиновна, но подумала въ то же время: „Боже мой! что бы такое сдѣлать, чтобъ его разсѣять? Бѣдный мой Serge скучаетъ, умираетъ отъ скуки!“ Съ той же минуты она являлась передъ нимъ не иначе, какъ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, и всячески старалась развлекать его. Побѣда Александры Константиновны надъ собою не ускользнула отъ Сергѣя Васильевича; скука поневолѣ дѣлала его наблюдательнымъ; онъ оцѣнилъ поступокъ жены, но эта самая оцѣнка, вмѣсто того, чтобъ его порадовать, отозвалась въ душѣ его мучительнымъ рас-

каяньемъ и внутренно, еще сильнѣе, расположила къ хандрѣ: ему не переставали приходить въ голову кой-какіе промахи и карточныя увлеченія, которыя заставили его закабалить жену въ скучную деревню, вмѣсто того, чтобъ везти ее за границу. Марьинское становилось день-ото-дня невыносимѣе Сергѣю Васильевичу; вмѣстѣ съ этимъ помѣщичья жизнь являлась передъ нимъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ; онъ почти не выходилъ изъ кабинета своего прадѣда, хотя погода давно разгулялась и стояли ясные, прекрасные дни; катанье въ лодкѣ, уженье, прогулки въ рощѣ, чай въ лѣсу — словомъ, всѣ увеселенія, какія только придумывала Александра Константиновна, нимало не плѣняли Сергѣя Васильевича; онъ всегда отказывался, говоря, что обремененъ занятіями. Чтобъ оправдать слова свои, онъ, дѣйствительно, разъ двадцать въ день посылалъ за старикомъ Герасимомъ. Но, Боже, какая была разница между теперешними бесѣдами Сергѣя Васильевича съ управителемъ и прежними! Въ прежнихъ бесѣдахъ вездѣ выставлялся кипучій хозяинъ, который такъ вотъ и порывался къ дѣятельности и не зналъ ей предѣла; теперешнія бесѣды имѣли характеръ апатическій и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительный. Ничто не дѣлалось такъ, какъ хотѣлось Сергѣю Васильевичу; духъ недовѣрія и противорѣчія проглядывалъ въ каждомъ его словѣ. Объявлялъ ли Герасимъ о томъ, что сегодня скошено десять десятинъ луга, Сергѣй Васильевичъ находилъ, что это очень мало, что мужики, вмѣсто того, чтобъ косить, играли вѣрно въ свайку или въ бабки.

— Помилуйте, сударь, возможно ли это дѣло? говорилъ Герасимъ, быстро вращая за спиною большими пальцами руки, что, какъ извѣстно, дѣлалъ онъ, когда находился въ недоумѣніи.

— Очень возможно! возражалъ Сергѣй Васильевичъ,— мужики всегда такъ, когда на барской работѣ: это, разумѣется, не своя работа—барская, довершилъ онъ иронически, и все въ томъ же родѣ, такъ что Герасимъ Ѳанасьевичъ, возвращаясь къ своимъ дроздамъ и чижикамъ, разводилъ только руками и заботливо потряхивалъ сѣдою гладко обстриженною головою.

„Нѣтъ, папенька не таковъ былъ!“ разсуждалъ всегда самъ съ собою старикъ,—„не таковъ былъ папенька!.. Также вельможа былъ, а между тѣмъ насчетъ, то-есть, и въ хозяйствѣ толкъ зналъ!.. былъ, примѣрно, настоящимъ

хозяиномъ... Впрочемъ, этотъ еще молодъ! По молодости, выходитъ; къ тому же и не привыкъ... а главное, выходитъ, больше по молодости!" заключалъ старикъ, носившій когда-то Сергѣя Васильевича на рукахъ и потому считавшій его очень молодымъ даже въ тридцать семь лѣтъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ съ дѣлами, Сергѣй Васильевичъ являлся въ гостиную или на террасу, куда обыкновенно собирались вечеромъ.

— Ты, кажется, усталъ, Serge, говорила Александра Константиновна, съ нѣжнымъ участіемъ глядя на мужа, который тяжело опускался въ кресло, утирая лобъ платкомъ, и уныло вращалъ глазами.—Tu devrais te reposer, mon ami! продолжала она,—право слѣдовало бы отдохнуть! Всѣ эти хлопоты, заботы—все это тебя утомило... ты даже похудѣлъ.

— Нельзя же, душа моя, возражалъ Сергѣй Васильевичъ, подпирая голову ладонью и вздыхая, — никакъ нельзя. Безъ хлопотъ ничего на свѣтѣ не бываетъ, и, наконецъ, мое положеніе этого требуетъ... c'est pour ainsi dire, mon devoir!..

— Милый! нѣжно подхватывала Александра Константиновна, протягивая мужу руку и пожимая ее,—но все-таки я нахожу, ты слишкомъ себя безпокоишь, слишкомъ принимаешь все это къ сердцу. Послѣ того, что ты сдѣлалъ для имѣнья, ты, кажется, въ правѣ отдохнуть; тебѣ необходимы развлеченья, c'est plus sérieux que tu ne le pense—такая жизнь дѣйствуетъ даже на расположеніе твоего духа. Знаешь, Serge, мнѣ даже приходитъ въ голову иногда, что ты себя пересиливаешь... tu n'est pas apprécié—ты самъ это чувствуешь; тебѣ, кажется, самая эта деревня какъ будто надоѣла...

— Мнѣ? вотъ новости! напротивъ, съ принужденнымъ удивленіемъ перебивалъ Сергѣй Васильевичъ,—я и не думаю скучать; мнѣ даже скучать здѣсь некогда... И, наконецъ, мало ли что я тебѣ говорю: le devoir avant tout! Если есть обстоятельство, которымъ я недоволенъ, которое меня безпокоитъ, такъ это то, что я тебя завезъ въ эту глушь. Вотъ ты такъ скучаешь—это несомнѣнно, и я не понимаю только...

— Чего ты не понимаешь? перебивала жена съ замѣтнымъ волненіемъ и краснѣя.

— Не понимаю, зачѣмъ ты не говоришь мнѣ объ этомъ.

— Нѣтъ, ты рѣшительно хандришь! восклицала Але-

ксандра Константиновна, дѣлая надъ собою усиліе и смѣясь.— Да знаешь ли ты, что я въ совершенномъ восхищеніи отъ деревни? Нельзя же, согласись самъ, нельзя быть всегда веселой; но въ душѣ я совершенно счастлива и наслаждаюсь. Если есть у меня забота, такъ это одно только: мнѣ именно кажется, что *ты* здѣсь скучаешь, заключила она, между тѣмъ, какъ гувернантка суетливо отходила къ окну или спускалась въ садъ и, дѣлая видъ, что разсматриваетъ гвоздику, посмѣивалась въ платокъ.

Такого рода объясненія повторялись почти каждый день между супругами. Сергѣй Васильевичъ всячески старался убѣдить жену, что *она* скучаетъ; Александра Константиновна убѣждала мужа, что сельская жизнь *ему* въ тягость; и неизвѣстно, когда бы открылась истина, можетъ-быть даже Бѣлицыны продолжали бы страшно скучать тайно другъ отъ друга до глубокой осени, если бъ одно обстоятельство не развязало этой маленькой комедіи, которую разыгрывали мужъ и жена. Какъ-то утромъ (это было въ послѣднихъ числахъ іюля) пришла баба съ больнымъ ребенкомъ. Доложили Александрѣ Константиновнѣ. Бѣлицына, съ свойственною ей добротою, на которую нимало не дѣйствовала неблагодарность крестьянъ, поспѣшила выйти въ переднюю; она заботливо освѣдомилась о болѣзни ребенка: ребенокъ вотъ уже пятый день какъ не ѣстъ, не пьетъ, жалуется на боль въ глазахъ, чешется и кричитъ благимъ матомъ. Александра Константиновна приказала раскрыть его: ребенокъ былъ красенъ какъ ракъ, только что вынутый изъ кастрюли. Въ эту самую минуту, Сергѣй Васильевичъ, гулявшій съ сигарою по залѣ, вошелъ въ переднюю. Онъ въ это утро, казалось, особенно хандрилъ. Взглянувъ на ребенка, Сергѣй Васильевичъ испустилъ восклицаніе, схватилъ жену за руку и быстро отодвинулъ ее назадъ.

— Помилуй, что̀ ты дѣлаешь! проговорилъ онъ торопливо,—Бога ради!.. у этого ребенка, кажется, скарлатинъ! Вспомни о Мери: болѣзнь эта страшно прилипчива... Ахъ, Боже мой! Бога ради, моя милая, уходи скорѣе! примолвилъ онъ, выглядывая изъ дверей залы, гдѣ, вся въ страхѣ, стояла жена его.—Не бойся, моя милая, это ничего, ребенокъ твой выздоровѣетъ... я только боюсь, чтобъ болѣзнь его не пристала къ барышнѣ. Бога ради уходи только и успокойся; я сію же минуту пошлю за докторомъ. Quelle imprudence! заключилъ онъ, возвра-

щаясь къ женѣ, которая рѣшительно не знала, что̀ съ собою дѣлать.

Онъ успокоилъ ее, сказалъ, чтобъ Мери тотчасъ же увели наверхъ и не пускали на воздухъ, позвонилъ и велѣлъ, чтобъ немедленно верховой скакалъ за докторомъ.

— Надо убѣдиться, точно ли это скарлатинъ, говорилъ Сергѣй Васильевичъ озабоченнымъ тономъ и суетливо расхаживая по всѣмъ комнатамъ.—Quelle imprudence! Quelle imprudence!.. повторялъ онъ черезъ каждыя пять минутъ.

Предоставляю вамъ судить о безпокойствѣ, которое овладѣло Бѣлицыными, когда докторъ, осмотрѣвъ больного ребенка, объявилъ, что у него точно скарлатинъ.

— Болѣзнь дѣйствительно очень прилипчива и несовсѣмъ безопасна, сказалъ докторъ.—Нѣтъ теперь сомнѣнія, что дѣти вашей деревни переболѣютъ; впрочемъ, теперь лѣто и болѣзнь легче перенести.

— Ахъ, докторъ, что вы!.. что вы!.. это ужасно меня безпокоитъ, перебилъ Сергѣй Васильевичъ.

Онъ позвонилъ и сказалъ, чтобъ тотчасъ же попросили къ нимъ Луизу Карловну.

Je viens seule, Mery a un peu mal à la tête, сказала гувернантка, весело подпрыгивая передъ докторомъ.

Александра Константиновна упала на стулъ. Сергѣй Васильевичъ всплеснулъ руками. Минуту спустя, Бѣлицыны, докторъ и гувернантка были уже наверху и стояли передъ постелью Мери.

— О, это ничего, успокойтесь, сударыня, сказалъ докторъ,—рѣшительно ничего... нѣтъ даже признаковъ никакихъ, такъ, маленькій приливъ крови къ головѣ, примолвилъ онъ, обращаясь къ Бѣлицыной, которая сидѣла какъ растерянная.

Внезапно пухлое, добродушное лицо Сергѣя Васильевича просіяло, просіяло какъ словно потолокъ раскрылся, и черты его озарились лучомъ солнца.

— Докторъ, сказалъ онъ,—докторъ, можетъ ли она выдержать дальнюю дорогу? (Тутъ онъ указалъ на Мери). Ручаетесь ли вы, что она выдержитъ путешествіе...

— Безъ сомнѣнія! сказалъ докторъ.

— Alexandrine, мы ѣдемъ, ѣдемъ мгновенно! воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ и, не дожидаясь возраженія, побѣжалъ внизъ отдавать приказанія.

Вмигъ все засуетилось въ домѣ; изъ дома суета перешла въ лабиринтъ, гдѣ жили дворовые, оттуда суета пере-

летѣла въ деревню. Только и слышно было кругомъ: „Господа уѣзжаютъ... ѣдутъ господа... бары въ Питеръ ѣдутъ!“

Къ вечеру, маленькая Мери весело уже прыгала подлѣ гувернантки, которая водила ее по саду прощаться съ любимыми мѣстами; это обстоятельство тотчасъ же возвратило спокойствіе Александрѣ Константиновнѣ и она дѣятельно принялась наблюдать за укладкою. Сергѣй Васильевичъ, между тѣмъ, заперся въ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ Герасимомъ. Сначала старикъ, ошеломленный поспѣшностью отъѣзда, заикнулся было о томъ, что не лучше ли Сергѣю Васильевичу подождать посѣва; онъ намекнулъ о необходимости привести къ окончанію кой-какія хозяйственныя постройки; но Сергѣй Васильевичъ ужасно разсердился. Онъ сказалъ, что здоровье дочери для него дороже всего на свѣтѣ и проч. Впрочемъ, сердце помѣщика такъ же быстро угомонилось, какъ и закипѣло. Онъ обнялъ старика, благодарилъ его за хлопоты, трепалъ по плечу, называлъ воркуномъ и дядей, и тутъ же сообщилъ ему нѣсколько проектовъ касательно устройства Марьинскаго, проектовъ, которые онъ намѣренъ привести въ исполненіе будущее же лѣто; теперь и деньги ему нужны, да и времени у него нѣтъ этимъ заняться.

Убѣдившись окончательно въ здоровьи дочери, не сомнѣваясь теперь, что она безъ всякой опасности можетъ пуститься въ путь, Сергѣй Васильевичъ повеселѣлъ уже въ такой степени, что каждый, казалось, кто подходилъ къ нему, дѣлался тотчасъ же веселъ. Благодаря этой веселости, самый образъ мыслей помѣщика, самое воззрѣніе на предметы стали яснѣе, радушнѣе и мягче. Онъ поручилъ Герасиму благодарить крестьянъ; сказалъ, что очень доволенъ своими марьинскими мужичками; каждый изъ мужиковъ, который подходилъ къ нему въ этотъ вечеръ, оставался въ полномъ удовольствіи: одному Сергѣй Васильевичъ приказывалъ дать ржи на посѣвъ, другого снабжалъ овсомъ—словомъ, выказалъ себя истинно-благодѣтельнымъ помѣщикомъ.

На другое утро, когда къ парадному крыльцу поданы были дормезъ и сопровождавшій его тарантасъ для повара и другихъ людей, на красномъ дворѣ повторилась опять прощальная сцена между дворовыми и господами. Какъ тогда, такъ и теперь, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены былъ опять-таки вертлявый дво-

ровый мальчикъ съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами и веснушками, по красному, какъ огонь, лицу; какъ ни оттирали его въ толпѣ, окружавшей помѣщиковъ, сколько ни получалъ онъ толчковъ и треуховъ, онъ все-таки протискивался впередъ, и не могла Александра Константиновна протянуть руки безъ того, чтобъ этотъ мальчикъ не припалъ къ ней съ какимъ то остервенѣлымъ азартомъ. Наконецъ Бѣлицыны усѣлись въ экипажъ. Сергѣй Васильевичъ послалъ привѣтный знакъ Герасиму, сказалъ: „прощай, старикъ!“—и лошади тронули.

Снова передъ каждой избой Марьинскаго показался народъ (кромѣ, разумѣется, избы Лапши; она до сихъ поръ была не продана и стояла пустая); снова мелькнула на солнцѣ омбрелька Александры Константиновны и соломенная шляпка Мери, которой француженка не переставала говорить: „mais saluez donc! Mery, mais saluez donc!..“ и снова Сергѣй Васильевичъ и жена его не переставали посылать поклоны, одинъ на правую сторону улицы, другая—на лѣвую. Когда экипажи выѣхали за околицу и стали подыматься въ гору, Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна обернулись назадъ и бросили прощальный взглядъ на домъ и на марьинскій народъ, толпившійся у околицы. Веселость, сіявшая въ чертахъ ихъ наканунѣ и въ продолженіе всего нынѣшняго утра, какъ будто на минуту пропала; они казались растроганными.

— Ces braves gens! произнесла Александра Константиновна, торопливо вынимая батистовый платокъ изъ бокового кармана.

— Да, подхватилъ прищуриваясь, Сергѣй Васильевичъ,—грѣхъ сказать, въ нашемъ положеніи... la position du seigneur... есть много утѣшительнаго.

Послѣ этого оба выразительно пожали другъ другу руку и уже веселая бесѣда о Петербургѣ, объ островахъ, дачахъ и ожидавшихъ ихъ тамъ удовольствіяхъ не прерывалась во всю дорогу.

II.

Паромъ.—Тяжелый путь.

Полдень. Солнце жжетъ невыносимо. На небѣ, раскаленномъ и сверкающемъ, такъ что смотрѣть больно, ни облачка. Отблескъ отвѣсныхъ солнечныхъ лучей на глинистой пашнѣ невольно заставляетъ щуриться и отвора-

чиваться; но всюду, куда ни устремляются утомленные глаза, всюду стелется сыпучая раскаленная почва. Воздухъ недвиженъ. Хотя пора теперь самая рабочая и весь народъ, отъ мала до велика, въ полѣ, однакожъ окрестность погружена въ мертвое, тяжелое молчаніе; сколько ни прислушивайся — живого звука почти не услышишь. Все живущее какъ словно плашмя припало куда-то, забилось, завалилось и боится поднять голову, чтобъ не спалить волосъ и не обжечь носа. Слышно только время отъ времени, какъ въ ближайшихъ межахъ и по окраинѣ дороги лопаются назрѣвшіе стручья и пострѣливаютъ своими сухими, какъ дробь, зернами. Въ настоящее время житье однимъ лишь оводамъ да мухамъ; зной такъ силенъ, что даже лошадиные хвосты движутся вяло; оводъ безнаказанно можетъ припадать къ шкурѣ своей зеленой стеклянистой головкой и вонзать свое жало въ ребро, спину и ноздри животнаго; бѣдная кляча стоитъ недвижно: растопыривъ ноги, свѣсивъ костлявую голову къ пыльной, поблекшей травѣ, она ко всему безчувственна и ни о чемъ не думаетъ; равнодушіе ея не нарушается даже присутствіемъ двухъ-трехъ грачей, которые, какъ словно почуявъ скорую добычу, Богъ-вѣсть откуда вдругъ явились, плавно расхаживаютъ и такъ лоснятся на солнцѣ, что кажутся вспотѣвшими до послѣдняго перышка. Но если такъ злы мухи и оводы, то, наоборотъ, самыя свирѣпыя собаки (кромѣ бѣшеныхъ, разумѣется) смирны теперь какъ тѣлки; забившись куда-нибудь подъ навѣсъ, да тамъ еще подъ телѣгу, онѣ безотрадно вращаютъ вокругъ глазами и переносятъ изъ стороны въ сторону длинный языкъ, съ котораго каплетъ слюна. Но не только тяжко дышать подъ навѣсами и въ клѣтушкахъ, не только сохнетъ языкъ и липнетъ рубаха въ самой глухой чащѣ лѣса, жаръ донимаетъ даже подлѣ воды, у береговъ рѣкъ и даже на самой рѣкѣ. Примѣромъ этого можетъ служить паромщикъ Власъ: онъ снялъ съ себя кафтанъ, снялъ сапоги, снялъ рубашку и сѣлъ, думая, авось легче будетъ, сѣлъ, свѣсивъ ноги за-бортъ; пробовалъ онъ также соснуть, авось часа черезъ два жаръ сбудетъ — нѣтъ, не спится, добрѣ ужъ очепно па́ритъ! Отъ нечего дѣлать, вынулъ опъ изъ бокового кармана шароваръ трубочку, длиною въ палецъ и величиною въ напе́рстокъ, насыпалъ туда свѣжей махорки, похожей на пыль, и запалилъ; но первый глотокъ дыма обжегъ его какъ огонь; онъ плю-

нулъ, выколотилъ пепелъ въ воду и обратился къ товарищу, который лежалъ въ полушубкѣ на днѣ парома, не то спалъ, не то нѣтъ, и представлялся какимъ-то совершенно развареннымъ человѣкомъ.

— Сѣвка, сыми, говорятъ, полушубокъ-то... лѣшій! сказалъ Власъ.

Сѣвка сдвинулъ только брови и оттопырилъ нижнюю губу, чтобъ отогнать муху, которая сѣла ему на носъ.

— Чортъ! сыми полушубокъ-то... вишь, такъ легче! повторилъ Власъ, шлепая себя ладонями по обнаженнымъ ребрамъ.

— А чево его сымать-то? вымолвилъ наконецъ Сѣвка,— все одново потѣть-то.

Не только воздухъ, но самая вода, казалось, сильно нагрѣта. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоитъ паромъ, изъ-за кустовъ выбѣжала какая-то баба, боязливо оглянулась направо и налѣво, и вошла въ рѣку; пригнувшись раза два грудью къ водѣ, она снова глянула направо и налѣво, вернулась въ кусты и, одѣвшись, пошла къ ближайшему полю ржи, которую насквозь, до самаго корня, пронизывало солнечными лучами. Тамъ жужжали одни кузнечики, скакавшіе съ травки на травку и падавшіе обыкновенно каждый разъ на спинку. Что жъ касается до людей, они всѣ лежали пластомъ, подкатившись къ самому краю сжатаго хлѣба, не трогали ни однимъ членомъ и приводили на память листья хрустальнаго деревца, покрытые сверху до низу сверкающими каплями.

Къ ручьямъ отдаленныхъ лощинъ пригнали стада; но и тамъ донимаютъ ихъ солнце и ядовитыя желтыя мухи; въ затишьи, подъ кустами лозняка, тамъ, гдѣ впадаютъ ручьи въ рѣчку и гдѣ роями носятся синія и изумрудныя „коромысла“ съ кисейными крыльями, тѣсно жмется рыба; по сосѣдству, залѣзли въ воду по самое брюхо лошади и стоятъ какъ окаменѣлыя; злачная, сочная трава заливныхъ луговъ, которую скосили часа два назадъ, хруститъ уже подъ ногами, подымается ворохомъ, пучится и торчмя становится; воздухъ, напитанный земляными и растительными испареніями, которыя усиленно тянетъ солнце, такъ тяжелъ, что пыль, задѣтая подошвой, сыплется какъ песокъ; она лежитъ увѣсистой периной и подняться не можетъ; а если и подымутъ ее телѣжныя колеса, она стоитъ неподвижнымъ золотымъ облакомъ, въ которомъ захватываетъ дыханье, помрачаются мысли и ослабѣваютъ члены.

и безъ того уже обезсиленные тяжкой духотою и зноемъ. Словомъ, такая жара — дѣваться некуда; залѣзъ бы, кажется, на дно колодца, обложилъ бы себя льдомъ и сидѣлъ бы тамъ до солнечнаго заката!

Ясно, что въ этотъ знойный полдень, одна горькая неволя или крайняя нужда могли заставить человѣка идти или ѣхать. Не знаю, та или другая причина понуждала знакомыхъ намъ нищихъ, но только именно въ эту пору можно было ихъ встрѣтить на дорогѣ къ большой рѣкѣ и парому, о которомъ мы вскользь упомянули. Они, впрочемъ, медленно подвигались; всѣ молчали; изрѣдка развѣ тотъ или другой перекидывался словомъ. Даже самъ весельчакъ, слѣпой Фуфаевъ, пріунылъ казалось; но не усталость и, еще менѣе, жаръ дѣйствовали на неутомимую веселость Фуфаева. Жаръ внутренній, который почти всегда поддерживалъ въ себѣ слѣпой съ помощью крѣпкихъ напитковъ (добываніе ихъ было, можно сказать, единственною цѣлью его существованія), жаръ этотъ былъ всегда такъ силенъ, что Фуфаевъ оставался уже нечувствителенъ къ наружному. Меланхолія Фуфаева (если только можно назвать этимъ словомъ настроеніе духа, возбуждавшее въ слѣпомъ неодолимое желаніе расплюснуть кулакомъ носъ Верстана), меланхолія его истекала изъ другихъ причинъ. Ему не шутя становилось жаль вожака своего Мишку, который изнемогалъ положительно. Бѣдный мальчикъ едва-едва передвигалъ ногами, а между тѣмъ, слѣпой съ утра еще освободилъ его отъ сумы и полушубка; Фуфаевъ несъ все это на плечахъ своихъ; нѣсколько разъ принужденъ онъ былъ брать въ охапку самого ребенка и нести его заодно съ мѣшками. Фуфаевъ съ самаго утра нещадно ругалъ Верстана, неоднократно убѣждалъ его обождать хоть одинъ день и принять въ разсужденіе ослабѣвшаго, хвораго мальчика—все было напрасно.

— Оставайся, пожалуй, говорилъ Верстанъ,—а мы пойдемъ: намъ недосугъ...

Фуфаевъ никакъ не могъ оставаться одинъ; что̀ сталъ бы онъ дѣлать безъ Верстана, да еще съ больнымъ вожакомъ? Не будь онъ слѣпъ, ну, тогда другое дѣло. Въ теперешнемъ положеніи его это было невозможно, тѣмъ болѣе невозможно, что и дядя Мизгирь былъ на сторонѣ Верстана.

— Ну, Мишка, говорилъ Фуфаевъ каждый разъ, какъ съ мальчикомъ дѣлалось что-то въ родѣ дурноты и онъ

вынужденъ былъ брать его на руки или взваливать на спину, при чемъ пухлое лицо слѣпого дѣлалось багровымъ и потъ лилъ ручьями,—ну, Мишутка, хошь тяжесть въ тебѣ не пуще велика, корка одна, въ чемъ только душа держитъ! и все одно, связалъ ты меня... шибко связалъ! будешь ли помнить мою родительскую заботу — а? будешь ли, пострѣлъ, поминать меня, какъ помру?

— Смотри, не тебѣ ли придется поминать его: это дѣло вѣрнѣе будетъ! примолвилъ Верстанъ, черты котораго, набитыя пылью, казались еще жестче и суровѣе. — Ну, ты, полно тебѣ оборачиваться-то, аль самъ упасть собираешься? я вѣдь не понесу, какъ разъ на дорогѣ брошу! заключалъ послѣ каждой рѣчи нищій, понукая Петю, который плелся впереди и время отъ времени останавливался, чтобъ обратить къ бѣдному, изнемогающему товарищу покрытое потомъ лицо (впрочемъ, трудно было разобрать, потъ или слезы такъ обильно текли по щекамъ Пети).

Во всей этой компаніи всѣхъ покорнѣе и спокойнѣе былъ дядя Мизгирь. Жаръ на него какъ будто не дѣйствовалъ; впрочемъ, и дѣйствовать было не на что: однѣ сухія кости, прикрытыя сухою кожей! Ходьба во всякое время года, во всякую пору — была ему въ привычку. И думать ему обо всемъ этомъ было даже некогда; мысли его неотлучно прикованы были къ онучѣ лѣвой ноги, скрывавшей драгоцѣнныя ассигнаціи и деньги, которыя такъ плѣняли Верстана и о которыхъ Верстанъ думалъ даже въ настоящую минуту; но дядя Мизгирь не подозрѣвалъ этого; онъ чувствовалъ только—и пріятно было ему это чувство—что серебряные рубли его сильно понагрѣло солнцемъ, даже сквозь онучи, и заключалъ изъ этого, что солнце, должно быть, припекло добрѣ дюжо.

— Дѣдушка! воскликнулъ неожиданно Петя, глядѣвшій нѣсколько минутъ въ бокъ по направленію къ Фуфаеву,—дѣдушка, Миша опять валится!..

— О, собаки васъ ѣшь! проворчалъ Верстанъ, досадливо стуча дубиной въ землю.

— Эй, слышь, стой! погоди! крикнулъ въ то же время Фуфаевъ, подхватывая Мишу, который безъ чувствъ упалъ ему на руки,—эка напасть!.. эй, слышь, Мишка... слышь, вставай!.. вѣдь я те взаправду брошу...

— Дѣдушка, касатикъ! дѣдушка, не бросай! мы вмѣстѣ его понесемъ... онъ скоро очнется... опять пойдетъ! закри-

чалъ Петя, забывая въ эту минуту весь страхъ, внушаемый Верстаномъ, и бросаясь къ Фуфаеву.

— Назадъ! сурово произнесъ Верстанъ.

Петя остановился, какъ вкопанный; глаза его, полные слезъ, съ мольбою устремились къ Верстану, но онъ ничего не посмѣлъ сказать ему; онъ не посмѣлъ даже громко заплакать и стоялъ, плотно сжавъ губы, которыя судорожно изгибались. Такъ какъ угроза оставить мальчика на дорогѣ, угроза, вырвавшаяся у слѣпого въ первую минуту досады, нисколько не подѣйствовала на то, чтобъ привести въ чувство Мишу, Фуфаевъ ощупалъ палкой окраину дороги и посадилъ на нее мальчика. Голова мальчика опрокинулась назадъ; онъ опустился на траву; мертвенная блѣдность покрывала лицо его, на которомъ не было признака жизни; однѣ тонкія ноздри слегка вздрагивали; зубы ребенка были плотно стиснуты; кой-гдѣ на губахъ виднѣлись слѣды запекшейся крови.

— Ну, что, долго ли намъ такъ стоять-то? произнесъ Верстанъ, выглядывая изъ-подъ шершавыхъ, мрачно нависшихъ бровей.

— Эхъ!.. эхъ-ма!.. слышь... какъ быть-то? вымолвилъ Фуфаевъ, который, быть-можетъ, первый разъ въ жизни не чувствовалъ потребности выкинуть какую-нибудь скоморошную штуку.

— Говорилъ, не бери! говорилъ: не по насъ малый-то! не осилить—пичего, молъ, нестоющій! сказалъ Верстанъ.

— Да кто жъ его зналъ! Эхъ, слышь, какъ быть-то? слышь, подхватилъ Фуфаевъ, — не бросить же его взаправду на дорогѣ... вѣдь христіанская душа-то!.. Сколько, сказывалъ ты, до ярманки, куда идти-то надо?

— Тридцать верстъ безъ малаго отъ перевоза...

— Мы, слышь, дядя, вотъ какъ сдѣлаемъ, быстро заговорилъ Фуфаевъ,—рѣку переѣдемъ, въ первой деревнѣ отдадимъ его. Можетъ, и такъ возьмутъ, а коли не возьмутъ, пожалуй, десять копеекъ отдамъ—послѣднія! отдамъ его, примѣрно, на сохраненіе. А мы, слышь, тѣмъ временемъ по окружности походимъ. Тридцать верстъ, не конецъ свѣта, поспѣемъ! и ярманка вѣдь не завтра... тѣмъ временемъ ему авось полѣгчитъ... мы, какъ идти намъ на ярманку, опять его возьмемъ—ладно что ли?

— Нѣтъ, не ладно; ладно по-твоему, а по-моему нѣтъ, возразилъ старый нищій,—ты жди, пожалуй, а намъ недосугъ...

— Намъ недосугъ, повторилъ съ крайне озабоченнымъ видомъ дядя Мизгирь, которому точно такъ же хотѣлось скорѣе попасть на ярмарку, чтобъ успѣть занять выгодное мѣсто на церковной паперти, куда обыкновенно стремятся нищіе и гдѣ жатва всего обильнѣе.

— Эхъ, лѣшій васъ ломай!.. А ты, старый хрычъ, пропадешь какъ собака!.. какъ собаку задавятъ за твои же деньги!.. крикнулъ Фуфаевъ, двигая своими бѣлыми зрачками, между тѣмъ какъ Петя, стоявшій на прежнемъ своемъ мѣстѣ, не отрывалъ глазъ отъ маленькаго товарища и рыдалъ теперь во весь голосъ.

— Чего ты?.. вишь жалостливъ больно! чего нюни-то распустилъ? ступай! сказалъ Верстанъ, толкая его впередъ.

Видя, что дѣлать было нечего, Верстана не усовѣстишь, не уломаешь, Фуфаевъ поднялъ Мишу на руки, крякнулъ и поплелся за товарищами, не переставая посылать проклятія дорогѣ, жарѣ, мальчику, нищимъ и даже—совершенно неизвѣстно за что — своей собственной особѣ. Такимъ образомъ, почти незамѣтно стали они приближаться къ рѣкѣ; близость ея сказывалась тѣмъ, что грунтъ дѣлался постепенно рыхлѣе, сыпучѣе и мѣстами превращался въ песокъ. Кое-гдѣ попадались исполинскія столѣтнія ветлы съ корнями, глядѣвшими изъ земли; эти корни и мелкія бѣлыя раковины, все чаще хрустѣвшія подъ ногами, говорили, что рѣка захватывала эти мѣста въ половодье; вмѣстѣ съ этимъ все выше и выше подымался отдаленный нагорный берегъ, казавшійся совершенно сипимъ, и только снизу, у подошвы, принимающій бѣловатый отблескъ рѣки, которую скрывала линія ближайшаго горизонта. Фуфаевъ, все еще державшій мальчика, ускорилъ вдругъ шагъ и выровнялся съ Верстаномъ.

— Постой! сказалъ слѣпой, — слышь, никакъ телѣги ѣдутъ! подхватилъ онъ, оборачивая назадъ голову, — повремени маленько, я попрошу, чтобъ посадили Мишку...

— Чего его сажать-то... вотъ ужъ рѣка, почитай, видна, и такъ дойдешь! вымолвилъ Верстанъ.

— Песокъ, братъ... измаялся... инда не подъ силу... сказалъ, покрякивая, Фуфаевъ.

Верстанъ засмѣялся. Не дожидаясь другого отвѣта, слѣпой торопливо, но бережно опустилъ на землю Мишу, вѣки котораго начали вздрагивать и слегка открываться. Шумъ колесъ по дорогѣ, заслышанный чуткимъ ухомъ Фуфаева, начиналъ приближаться.

— Да это не телѣги, сказалъ онъ,—бубенчики гремятъ, должно-быть, бары...

При словѣ „бары“ Верстанъ, а за нимъ дядя Мизгирь устремили глаза на дорогу. Сначала видно было только густое, тяжелое облако пыли; минуты черезъ двѣ, однакожъ, явственно обозначились въ немъ лошади, форейторъ и два экипажа, слѣдовавшіе одинъ за другимъ.

— Шестерикъ! воскликнули на разные голоса и въ одно и то же время оба старика, — ну, ребятишки, становись, дружно смотри... А ты чего зѣваешь? примолвилъ Верстанъ, толкая Петю, который жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Миши, начинавшаго приходить въ чувство.

Каждый разъ, какъ съ Мишей дѣлалась дурнота, Петѣ не шутя представлялось, что онъ умираетъ; но зато, какъ только мальчикъ открывалъ глаза, Петей овладѣвала такая радость, какъ будто онъ получалъ увѣренность, что Миша окончательно уже выздоровѣлъ и теперь съ нимъ ничего больше не случится; увидя его сидящаго, съ открытыми глазами, Петя весело кивнулъ ему головою и поспѣшилъ ухватить конецъ палки, которую подавалъ Верстанъ, смотрѣвшій на приближавшіеся экипажи прищуренными глазами, готовыми сію же секунду закрыться. Дядя Мизгирь стоялъ подлѣ; сѣдая голова его свѣсилась на бокъ, спина согнулась подъ бременемъ пустого мѣшка, ноги перекосились; каждый, взглянувшій на него, не усомнился бы, что онъ, ко всей своей дряхлости, еще слѣпъ отъ рожденія. Путешественники были уже въ десяти шагахъ; по о приближеніи можно было заключить по тону и фыркапью лошадей, хлестанью кнута и крику людей; все остальное — и люди, и лошади, и экипажъ, исчезали въ непроницаемомъ облакѣ пыли, надъ которымъ, однакожъ, какъ олимпійское божество совершенно новаго рода, подпрыгивалъ дюжій форейторъ.

— Начинай! шепнулъ Верстанъ.

Отцы наши ми-и лостивцы!..
Къ стонамъ ва-а-шимъ па-а-даемъ!
Съ убожествомъ, съ немочью...

хватили нищіе всѣ хоромъ, въ которомъ особенно отличались козлячій голосъ Фуфаева и топенькій, какъ свирѣль, голосокъ Пети.

Почти въ ту же секунду открылась шестерка замореныхъ, едва переводящихъ духъ лошадей, припряженныхъ въ дормёзъ, и, какъ тотчасъ же оказалось, въ дормезъ

Бѣлицыныхъ. Но напрасно надрывались нищіе, захватывая при каждой нотѣ глотокъ ѣдкой пыли; окна дормёза были подняты; даже зеленыя тафтяныя шторы за окнами были опущены. Сергѣй Васильевичъ, Александра Константиновна, гувернантка и Мери не могли видѣть нищихъ; они слышали только какое-то дикое пѣніе и вовсе не любопытствовали узнать, что̀ это было такое: они задыхались отъ жара. Но болѣе всѣхъ очевидно страдала Даша, камеристка Александры Константиновны; она сидѣла въ наружномъ мѣстѣ, позади дормеза, и не переставала чихать и фыркать, при чемъ слои пыли, лежавшіе на ея шляпкѣ и прическѣ à la Margot, подымались клубами надъ ея аристократической головой. Видъ неряшливой одежды производилъ на нее непріятное дѣйствіе даже въ хорошемъ расположеніи духа; можете себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на нее нищіе, когда она болѣе чѣмъ когда-нибудь оправдывала названіе lady Furie; она отвернулась даже съ отвращеніемъ. Нищіе ничего также не получили изъ тарантаса, гдѣ находились поваръ и два лакея; всѣхъ трехъ страшно растрясло, и они были сильно не въ духѣ.

— Ничего не подали? спросилъ Верстанъ, раскрывая глаза.

— Ничего! сказалъ Мизгирь, злобно слѣдя за проѣхавшимъ тарантасомъ.

— Бары? спросилъ Фуфаевъ.

— Бары.

— Ишь ихъ, въ какую пору поѣхали! Вотъ ужъ подлинно... замѣтилъ, потряхивая головою, Фуфаевъ.

— Вотъ что, братцы, заговорилъ вдругъ дядя Мизгирь,—пойдемте-ка скорѣе къ перевозу: можетъ, они тамъ подадутъ, можетъ вылѣзать станутъ на паромѣ-то...

— И то, пойдемте, подхватилъ Верстанъ,—неравно безъ насъ рѣку-то переѣдутъ, парома тогда не дождешься...

Сказавъ это, онъ сунулъ конецъ палки въ руку Пети и пошелъ ускореннымъ шагомъ, за нимъ поплелись и остальные, не выключая Миши, который немножко поправился силами. Когда они подошли къ берегу, гдѣ устроена была пристань, оба экипажа находились ужъ на паромѣ; дверца дормеза была открыта; на нижней подножкѣ стоялъ Сергѣй Васильевичъ и весело покуривалъ сигарку; знакомый намъ перевозчикъ, Власъ, хлопоталъ около причала; онъ былъ, разумѣется, въ рубашкѣ и даже, совершенно

неизвѣстно по какому поводу, надѣлъ наверхъ ея подобіе жилета, съ одной синей стеклянной пуговицей; товарищъ его, Савка, наоборотъ, стоялъ теперь безъ полушубка, въ одной рубашкѣ и шароварахъ; онъ держался за канатъ и готовился тянуть съ людьми Бѣлицыныхъ.

— Эй, братъ, погоди... Дай намъ стать-то! сказалъ Верстанъ, подходя къ самому плотику.

— Отваливай, отваливай! безъ васъ тѣсно... вишь, господа ѣдутъ, сказалъ Власъ.

— Пусти ихъ, пусти! они намъ не мѣшаютъ! ласково вымолвилъ Сергѣй Васильевичъ.

Такъ какъ нищіе снова ослѣпли, Петя привелъ каждаго поочередно на паромъ; поставивъ ихъ рядомъ на помостѣ онъ отошелъ къ Мишѣ, который сильно закашлялся.

— Трогай! сказалъ Сергѣй Васильевичъ.

Паромъ оторвался отъ берега.

— Oh! les pauvres malheureux! воскликнули въ одинъ голосъ Александра Константиновна и гувернантка, выглядывая изъ кареты и устремляя глаза на нищихъ.

— Vois, maman, et ces petits garçons! сказала Мери, стоявшая между матерью и француженкой съ бомбоньеркою въ рукахъ.

Сергѣй Васильевичъ пустилъ на воздухъ клубъ дыма и посмотрѣлъ на нищихъ.

— Знаешь ли, Serge, нищіе эти невольно напоминаютъ мнѣ исторію съ этимъ мальчикомъ, котораго увели у насъ—помнишь? Мужика звали, кажется Тимоѳеемъ, сказала Бѣлицына, наклонясь къ мужу.

— Oh, ce pauvre Timothée! où est-il? вздохнувъ и возведя глаза къ небу, спросила француженка.

— Timothée! mademoiselle, est plus heureux que nous à présent, весело отвѣтилъ Сергѣй Васильевичъ, пуская новый клубъ дыма.—Вотъ мы теперь печемся на солнцѣ, не знаемъ куда отъ жары дѣваться, а онъ—il hume l'air pur et frais des prairies!..

— Поговори съ ними, Serge, сказала Бѣлицына, прикасаясь къ рукѣ мужа и указывая на нищихъ.

— Откуда вы? спросилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Пристанища у насъ нѣтути, касатикъ, отвѣчалъ Верстанъ жалобнымъ голосомъ, который такъ же шелъ къ нему, какъ розы къ медвѣдю,—ничего у насъ нѣтъ... отецъ милостивый!.. такъ ходимъ побираемся...

— Откуда у васъ эти мальчики? спросилъ Сергѣй Васильевичъ.

— Свои, кормилецъ, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Верстанъ, — одинъ, большенькій-то, внучекъ мнѣ, внучекъ, родимый!.. другой племянникъ... товарища... старичка слѣпенькаго...

— Какой маленькій, этотъ черненькій мальчикъ! сказала Бѣлицына, указывая на Петю, — tout à fait la tête du petit mendiant de Murillo...

— Который тебѣ годъ? вымолвилъ Сергѣй Васильевичъ, подставивъ ладонь подъ подбородокъ Пети.

— Десятый, кормилецъ... десятый... простоналъ дядя Мизгирь, лѣзшій изъ кожи, чтобъ возбудить состраданіе.

— Et l'autre!.. Ah mon Dieu, comme il a l'air souffrant, le pauvre!.. вымолвила гувернантка, кивая головою на Мишу, который, по всей справедливости, долженъ былъ бы прежде другихъ обратить на себя вниманіе сострадательной особы; но онъ былъ такой маленькій, тщедушный и некрасивый, что его легко можно было вовсе не замѣтить; онъ сидѣлъ на помостѣ парома, прислонивъ голову къ доскѣ; онъ собственно никуда не глядѣлъ, ни о чемъ не думалъ, хотя глаза его были полны блеска и мысли; болѣзненное, изнуренное лицо ребенка было серьезно, какъ словно онъ давно обдумалъ что-то и принялъ какую-то рѣшимость; закрой онъ глаза и перестань кашлять, его легко можно было принять за мертваго—такъ блѣдны были черты его и такъ сухи пальцы рукъ и босыя ноги.

— А этотъ мальчикъ у васъ, кажется, нездоровъ... что съ нимъ? сказалъ Сергѣй Васильевичъ.

— А Господь вѣдаетъ, родимый... на грудь все жалуется... болитъ, стало-быть.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало вамъ брать его, дома надо было оставить!.. сказалъ Бѣлицынъ,—охъ, да впрочемъ, я забылъ, что у васъ нѣтъ дома... Ну, все равно, надо было отдать его въ больницу, лѣчить надо. Вотъ то-то, всѣ вы такъ, не хотите лѣчиться, а потомъ плачете, довершилъ онъ.

— Слышь, баринъ, ваше благородіе, кабы слова помогали, мы бы давно его вылѣчили! хотѣнья-то нашего мало; за лѣкарство-то деньги требуютъ, совершенно неожиданно и скороговоркою произнесъ Фуфаевъ; вообще въ этотъ день онъ былъ особенно не въ духѣ.

— Ты ошибаешься, мой милый, назидательно подхва-

тилъ Сергѣй Васильевичъ,—не всегда требуютъ денегъ... Мало ли есть на свѣтѣ добрыхъ людей, которые всегда рады помочь бѣдному, неимущему.

— Знамо есть, баринъ, ваше благородіе, какъ не быть! не совсѣмъ учтиво перебилъ Фуфаевъ,—да гдѣ ихъ искать-то?.. Мы, вѣдь, слѣпые, проглядимъ, а сами не сказываются.

— Il m'a l'air fort grossier cet homme, сказала француженка.

— Oui, il a une mauvaise figure, особенно сравнительно съ лицами двухъ другихъ стариковъ, замѣтила Бѣлицына, между тѣмъ, какъ мужъ ея пощупывалъ деньги въ жилетномъ карманѣ.

— Нате вамъ, возьмите, вымолвилъ онъ, подходя къ троимъ нищимъ и давая каждому по полтиннику.

— Продли вѣки ваши...

— Продли вѣки ваши! и вашихъ дѣтокъ! быстро перебилъ дядя Мизгирь, какъ только ощупалъ полтинникъ,— создай вамъ Господь...

— Спасибо, спасибо! нѣ за что, мои милые... очень радъ, очень, проговорилъ Сергѣй Васильевичъ, стараясь, но тщетно, раскурить потухшую сигару.

Александра Константиновна замѣтила, что надо будетъ дать что-нибудь мальчикамъ; что деньги возьмутъ нищіе, а мальчикамъ отъ этого ровно ничего не прибудетъ. Мери торопливо предложила свои конфеты.

— Oh, cette chère enfant! умиленно проговорила бордоская уроженка.

— Что жъ, это очень хорошая мысль. Serge, дай имъ конфетъ... это пастилки à la Montpensier, cela leur rafraichira la bouche... теперь же такъ жарко, справедливо замѣтила Бѣлицына.

Сергѣй Васильевичъ далъ нѣсколько конфетъ мальчикамъ, съ наставленіемъ не грызть ихъ, а держать во рту, пока не растаетъ. Почти въ то же время паромъ коснулся нагорнаго берега. Сергѣй Васильевичъ подалъ руку женѣ, потомъ гувернанткѣ и поочередно высадилъ ихъ изъ экипажа; камердинеръ взялъ на руки Мери, всѣ трое стали пробираться по доскѣ, перекинутой вмѣсто моста между бортомъ парома и берегомъ.

— Maman, я пѣшкомъ побѣгу на эту гору, сказала Мери, какъ только поставили ее на землю.

— Помилуй, что ты! что ты! въ такую жару... il y a de quoi se rendre malade... rien que d'y penser!

— Не думаешь ли ты, что я тебя пущу пѣшкомъ! смѣясь, замѣтилъ Сергѣй Васильевичъ, обратясь къ женѣ,— нѣтъ, извольте-ка садиться. Ты взгляни только, что̀ это такое... это ужасъ! Dieu, quelle route! quelle route! Садитесь, садитесь, все готово!

Сергѣй Васильевичъ усадилъ дочку, жену, гувернантку, самъ сѣлъ, дверцы захлопнулись, зеленыя шторки снова опустились, и дормезъ, подхваченный отдохнувшей немного шестерней, покатилъ въ гору въ сопровожденіи тарантаса.

Немного погодя онъ вовсе исчезъ за поворотомъ, оставивъ только послѣ себя клубъ пыли. Ступивъ на берегъ, нищіе ни минуты не останавливались для отдыха: довольно отдохнули на паромѣ. Они продолжали путь; къ тому же, не стоило останавливаться; по словамъ Власа, къ которому обратились они, до ближайшей деревушки была верста; какъ подымешься въ гору—тутъ тебѣ деревня и будетъ! Деревня была точно недалеко, хотя и не такъ близко, какъ говорилъ Власъ. Поднявшись на гору, нищіе (которые опять, разумѣется, прозрѣли, кромѣ Фуфаева) увидали вдалекѣ, на днѣ долины, соломенныя крышки избушекъ. Они ускорили шагъ. Пришли они, однакожъ, къ цѣли своей не такъ скоро, какъ думали: ихъ снова задержалъ Миша. Тяжелое ли подыманье въ гору замучило мальчика, или ужъ такъ, крѣпко очень заѣла его болѣзнь, но только едва поднялись они на гору, онъ зашатался и упалъ на дорогу.

— Стой! стой! неистово закричалъ Фуфаевъ. — Эхъ! ахъ!.. эка напасть!.. да что жъ это, право?.. эхъ, нелегкая тебя побери, право!.. вставай, не то брошу!

— Дѣдушка... слабымъ, едва внятнымъ голосомъ проговорилъ Миша, приподымая голову и возводя потускнѣвшіе, умоляющіе глаза на слѣпого,—дѣ-ду-ш-ка!..

— Дѣдушка! закричалъ, что было мочи, Петя, бросаясь къ Фуфаеву и обхватывая его руками,—дѣдушка!..

Онъ не могъ договорить и вдругъ громко, отчаянно зарыдалъ.

— Да что вы, проклятые, сговорились, что ли? сурово заголосилъ Верстанъ, подходя къ Фуфаеву,—что ты его слушаешь-то... возьми-ка, да хорошенько его.

— Оставь, незамай! вымолвилъ слѣпой, отталкивая нищаго.

Въ настоящую минуту Фуфаевъ никакъ бы не посмѣлъ

поступить такимъ образомъ съ Верстаномъ, если бъ помнилъ, что̀ дѣлалъ; онъ былъ страшно вспыльчивъ по природѣ и бѣшенство отуманивало его мысли. Отпихнувъ Верстана, онъ ударилъ себя съ такою силою обоими кулаками, что даже шапка его слетѣла; это обстоятельство доставило ему случай схватить себя за волосы. Этимъ и окончилась вспышка.

— Стой, дядя! вымолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ нищему,—уговоръ лучше денегъ...

— Ну тебя совсѣмъ!..

— Да ты дай прежде сказать-то... слышь, полтинникъ, что̀ мнѣ дали бары...

Верстанъ сдѣлался внимательнѣе. Дядя Мизгирь, равнодушный зритель всего происходившаго, насторожилъ слухъ.

— Полтинникъ, слышь, что̀ бары дали, продолжалъ Фуфаевъ, — вамъ обоимъ отдамъ, пополамъ раздѣлите, по четвертаку, стало, на брата; пусть, значитъ, вамъ и ярманка вся, потому, больше не соберешь, и легче: ходить не надо... Мы лучше по округѣ походимъ денекъ-другой, а тѣмъ временемъ я вотъ парнишку, примѣрно, въ избу какую опредѣлю; онъ тѣмъ временемъ воздохнетъ... дюже добре́ хвороба-то его заѣла... ему, можетъ, завтра полегчитъ... Опять же, значитъ, ярманка отъ насъ не ушла, хошь и попозже, а все прійдемъ... ну, такъ, что ли?

— Ну, давай...

— Нѣтъ, погоди, экой прыткой какой!.. ты прежде по-моему сдѣлай, какъ я, примѣрно, сказывалъ.

— Ну, а какъ ты да не отдашь потомъ?

— Ну, нѣтъ, братъ, мое слово крѣпко, испытанное! Двадцать лѣтъ со мной знаешься, обчелъ ли я тебя на копейку—ась? То-то же и есть! Ну, такъ ладно стало?

— Ужъ что жъ, Верстанъ, сдѣлаемъ ему въ уваженье, промямлилъ Мизгирь голосомъ, который обсахаривался при мысли о добытомъ безъ труда четвертакѣ.

— Ну, ладно! произнесъ Верстанъ, при чемъ Петя, слушавшій все это съ мучительнымъ замираніемъ сердца, повернулся вдругъ спиной къ нищимъ и принялся скороскоро креститься мокрыми своими пальцами.

Минуту спустя, нищіе продолжали путь, подсобляя поочередно Фуфаеву нести больного, почти умирающаго мальчика. Не знаю, какія слова произносилъ Петя, когда, ставъ спиною къ нищимъ, такъ сильно прижималъ онъ пальцы къ груди своей, такъ пристально смотрѣлъ въ безоблач-

ное небо и такъ скоро-скоро крестился. Но какія бы ни были эти слова и какъ ни проста была мысль, ихъ внушавшая, мы не сомнѣваемся, что скорѣе многихъ другихъ мыслей дойдутъ они до престола Всевышняго... Мы твердо вѣримъ, что тѣмъ или другимъ способомъ, но скоро, скоро должна облегчиться горькая участь ребенка, за котораго такъ горячо, такъ усердно просилъ Господа другой ребенокъ, маленькій товарищъ Миши...

III.

Предчувствіе.

Деревня, куда направлялись нищіе и которая, по словамъ паромщика Власа, отстояла отъ перевоза всего съ версту, находилась, во-первыхъ, въ четырехъ верстахъ, а во-вторыхъ, была весьма незначительна. Ее составляли десятокъ избъ, криво и косо лѣпившихся по обѣимъ сторонамъ пустынной улицы. Низменное положеніе улицы на днѣ лощины должно было подвергать ее весною совершенному потопу: она превращалась въ одну огромную, стоячую лужу, въ которой, почти до исхода мая, весело барахтались утки и ребятишки. Теперь не было слѣда воды или грязи, но зато изъ конца въ конецъ лежалъ сплошной слой рыжеватой пыли.

Благодаря ли пыли, заглушавшей шаги, или тому, наконецъ, что народонаселеніе, отъ людей до животныхъ, находилось въ полѣ, нищіе не были встрѣчены лаемъ собакъ. Въ деревнѣ, которую, какъ оказалось потомъ по разспросамъ, прозывали „Пустой Кожухъ, Прокислово тожъ“, царствовало мертвое молчаніе; перелетали развѣ воробьи, чиликавшіе за плетнями, или дѣлавшіе видъ, что купаются въ пыли; иногда появлялся общипанный, безхвостый пѣтухъ весьма гордаго, самонадѣяннаго вида; но и тотъ оставался недолго: сдѣлавъ два-три величественные шага, онъ со всѣхъ ногъ бросался вдругъ подъ ворота, какъ будто приходила ему неожиданно блестящая мысль, и онъ спѣшилъ сообщить ее курицамъ, глухо кудахтавшимъ въ сосѣднемъ огородѣ.

— Ну, здѣсь плохая пожива! Собакъ, и тѣхъ нѣтъ: всѣ, стало быть, въ полѣ, промолвилъ Верстанъ, оглядываясь кругомъ, что дѣлалъ и дядя Мизгирь, остававшійся повидимому очень недовольнымъ Пустымъ Кожухомъ, Прокисловымъ тожъ.

— Ужъ все кто-нибудь да есть; старика какого, либо старуху, все докличемся, сказалъ Фуфаевъ, отирая ладонью багровое лицо свое.—Ну, вотъ, Мишутка, вотъ и пришли! отлегло маненько—ась? подхватилъ онъ, обращая бѣлые зрачки свои къ мальчику, который полчаса какъ очнулся.

Миша стоялъ, уперевъ конецъ палки въ землю; обхвативъ другой конецъ обѣими руками, опустивъ голову, подогнувъ худенькія ноги, онъ дошелъ, казалось, до крайней степени изнеможенія. Услышавъ голосъ хозяина, онъ медленно поднялъ голову съ висѣвшими книзу волосами, устремилъ на него тусклый взоръ и хотѣлъ сказать что-то, но, вмѣсто словъ, опять послышался хриплый кашель, похожій на шуршаньe сухихъ листьевъ.

— Ну, ничего, вотъ теперь и воздохнешь... оно, слышь, и пройдетъ. Теперь недалеко, пойдемъ! вымолвилъ Фуфаевъ, направляясь по голосу къ Верстану.

Петя подвелъ Верстана къ крайней избѣ и, по приказанію его, постучалъ палкой въ оконную раму. Никакого не было отвѣта; стукъ повторился въ другой и третій разъ—и также безъ пользы: никто даже не шелохнулся. Верстанъ, конечно, не остановился бы на этомъ—онъ бы не прочь былъ заглянуть во дворъ, охотно проникъ бы въ клѣть, оттуда вошелъ бы въ избу и, нѣтъ сомнѣнія, не пропустилъ бы случая полюбопытствовать, не находится ли пригодной какой вещи въ сундучкѣ, подъ лавкой; но наобумъ, безъ толку, никакъ не хотѣлось соваться: легко могло быть, что въ которомъ-нибудь изъ противоположныхъ оконъ торчали чьи-нибудь глаза. Онъ велѣлъ Петѣ идти къ сосѣдней избѣ; но и здѣсь точно такъ же не добились они толку.

— Что за дьяволъ! куда они всѣ попрятались? проговорилъ нищій, толкая Петю, чтобъ онъ шелъ дальше.

— Погоди, идутъ... слышу! сказалъ Фуфаевъ, который былъ до того чутокъ, что слышалъ, какъ самъ онъ выражался, какъ пухъ о пухъ стукается.

Фуфаевъ не ошибался: за воротами, на крылечкѣ двора, дѣйствительно, послышались медленные шаги; немного погодя, зазвучало желѣзное колечко въ калиткѣ; калитка пронзительно взвизгнула и пропустила сѣдого какъ лунь, сгорбленнаго старика; сначала можно было думать, онъ согнулся въ три погибели, чтобъ пройти въ калитку, устроенную какъ бы для ребятишекъ, но старикъ такъ и

остался: онъ былъ сведенъ какою-то болѣзнью и всегда сохранялъ видъ человѣка, съ трудомъ проходящаго въ низенькую калитку.

— Чего надо? проговорилъ онъ пискливымъ, заржавленнымъ голосомъ, — ступайте, ступайте, Богъ подастъ! подхватилъ онъ съ сердцемъ, какъ только различилъ, что это были нищіе, — у самихъ хлѣба-то нѣтути, сами побираемся.

— Мы, слышь, не затѣмъ, дядя... Вотъ, примѣрно, статья какая, вмѣшался Фуфаевъ,—у насъ мальчикъ одинъ занемогъ... больше отъ дороги, добрѣ уже пуще умаялся... хотѣли попросить, не возьмешь ли, примѣрно, денька на два: онъ бы тѣмъ временемъ воздохнулъ...

— Какой-такой мальчикъ? спросилъ старикъ, какъ бы не понимая еще, о чемъ шла рѣчь.

— Вотъ, дядя, вотъ... Мишка! да гдѣ жъ ты? подхватилъ слѣпой, торопливо обводя вокругъ руками.

— Онъ, дѣдушка, сѣлъ... на-земь сѣлъ, подлѣ тебя, сказалъ Петя.

— Да вотъ онъ, вотъ паренёкъ-то... Такъ, слышь, возьми ты его денька на два; мы тѣмъ временемъ по окружности походимъ; назадъ пойдемъ — опять возьмемъ. Добрѣ ужъ очень измаялся сердечный! Слышь, возьми, дядя, пожалуйста.

— Ну васъ совсѣмъ! Говорятъ, самимъ ѣсть нечего.

— Хлѣба-то, пожалуй, и я дамъ; у тебя просить не станетъ; возьми только.

— Богъ съ нимъ и съ вами-то совсѣмъ! Куда мнѣ его?

— Мѣста, что ли, жаль? Не пролежитъ небось!

— Можетъ хвороба какая пристала... еще помретъ, пожалуй! Не надыть мнѣ его, не возьму! пискнулъ старикъ, повернулся и исчезъ въ калиткѣ.

— Ну, пёсъ съ нимъ! Не беретъ, такъ и не надо, пробасилъ Верстанъ, приказывая Петѣ идти далѣе.

— Эка напасть какая! съ досадою произнесъ Фуфаевъ, обшаривая вокругъ, чтобъ найти Мишку и помочь ему встать. Правая ладонь слѣпого случайно прильнула къ лицу мальчика и тотчасъ же была вымочена слезами; но ладонь была такъ груба, что ничего не почувствовала. Фуфаевъ приподнялъ Мишу и пошелъ за Верстаномъ, который стучалъ въ окно сосѣдней избы.

— Въ трехъ-четырехъ избахъ они опять не добились толку: никто не вышелъ. Наконецъ, Петя, начинавшій

терять надежду, остановился вдругъ передъ какими-то воротами и торопливо сталъ звать нищихъ. Ворота были настежь отворены; въ заднемъ концѣ двора, потопленномъ въ огненномъ блескѣ солнца, клонившагося къ западу, въ синеватой тѣни навѣса, сидѣла старушка; передъ ней торчалъ гребень съ насаженной въ него мычкой; она суетливо дергала нитку и такъ проворно управляла веретеномъ, что гудѣнье его, благодаря окрестной тишинѣ, дѣлалось слышнымъ даже на улицѣ. Шаги и голоса передъ воротами заставили ее приподнять голову.

— Богъ подастъ, касатики, Богъ подастъ! сказала она, не оставляя работы, но нѣсколько разъ торопливо кивая головою.

— Мы не затѣмъ совсѣмъ. Тетка, эй! подь-ка сюда! произнесъ Верстанъ.

— Чего вамъ?

— Подь-ка сюда, тетушка, дѣло есть такое, поговорить надо, подхватилъ Фуфаевъ.

— Охъ, ужъ недосугъ, касатики! недосугъ, отцы родные, право недосугъ! проговорила старушка, заботливо потряхивая головою, но тѣмъ не менѣе поспѣшно бросила работу и суетливо заковыляла къ воротамъ.

— Не отставай только; эта пуститъ, шепнулъ Верстанъ, поворачиваясь къ слѣпому.

Фуфаевъ поспѣшилъ передать старухѣ свою просьбу; на этотъ разъ онъ умолчалъ о томъ, что мальчикъ боленъ; по словамъ его, малый только усталъ, усталъ потому, что не успѣлъ еще хорошенько оправиться послѣ болѣзни; онъ просилъ подержать его всего два дня; хлѣбъ у нихъ свой, и посулилъ, если она согласится, дать ей десять копеекъ.

— О-охъ, касатикъ! Можетъ, ты это такъ только... можетъ, вы недобрые какіе... недовѣрчиво проговорила старушка.

— Эвна! что жъ мы нехристи, что ли?..

— Полно, тетушка! подхватилъ Фуфаевъ, — взмилуйся Христа ради! пусти! Чего сумлѣваешься? Намъ твоего ничего не надыть... вишь, сами даемъ. Пожалѣй хошь мальчёночка-то! Тебѣ Богъ воздастъ... Мы, слышь, пожалуй, сами у тебя останемся, переночуемъ. Ничего намъ не надо, пусти только... Смерть устали, касатушка... вишь жара какая... Право, пусти...

Недовѣріе старушки превратилось теперь въ нерѣши-

тельность; покачивая головой, вышла она за ворота и принялась посматривать направо и налѣво, какъ бы желая съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться. Но совѣтовать было некому: пыльная улица Прокислова, освѣщенная теперь яркими косыми лучами, оживлялась только безхвостымъ, общипаннымъ пѣтухомъ, который, сообщивъ, видно, курицамъ мысль свою, снова явился изъ-подъ воротъ и расхаживалъ величественнымъ, самонадѣяннымъ шагомъ.

— Мы бы, тетушка, утруждать тебя не стали, началъ Фуфаевъ, смягчая по возможности козлячій свой голосъ,— да какъ быть-то? Стучали, почитай, по всей деревнѣ— никого дома нѣтъ...

— И то никого нѣтъ, рожòной; я да еще два старичка старенькихъ — только и есть! словоохотливо заговорила старуха,—всѣ на покосѣ, касатикъ, на покосѣ всѣ. У насъ луга-то дальные; на три дня уѣхали всѣ... завсегды такъ!

При этомъ извѣстіи Фуфаевъ еще настойчивѣе приступилъ къ старухѣ; къ нему присоединились два другіе товарища, которые хотя и не были въ его обстоятельствахъ, но также устали и рады были отдохнуть. Старуха все еще колебалась; она ничѣмъ, впрочемъ, не оправдывала своихъ опасеній.

— О-охъ, рожòные! Можетъ, у васъ что̀ на разумѣ... не переставала повторять она, — дѣло мое бабье... одна, касатики, все думается: худо какое сотворите...

Чтобъ убѣдить старуху, Фуфаевъ сказалъ, что всѣ трое оставятъ, пожалуй, мѣшки свои въ ея избѣ, въ видѣ заклада; пускай запретъ она мѣшки на запоръ до завтрашняго утра: имъ требуется только какой-нибудь сараишка для ночлега. Но послѣднее это предложеніе окончательно, казалось, напугало старушку. Видя, что разговорами тутъ не поможешь, Верстанъ рѣшился взять напролòмъ; онъ тряхнулъ сумою, сунулъ конецъ палки въ руку Пети и вошелъ на дворъ.

— Что жъ это ты, касатикъ? куда жъ ты? проговорила старуха, потряхивая головою съ видомъ упрека, но нимало не препятствуя нищему подвигаться къ заднимъ воротамъ навѣса, глядѣвшимъ на огородъ и гумно.

Верстанъ ускорилъ только шагъ къ сараямъ.

— Ну, всѣ повалили! воскликнула старуха, провожая глазами двухъ другихъ нищихъ и Мишу, которые тотчасъ же послѣдовали за Верстаномъ.

— Ничего, тетка, не сумлѣвайся; перемелется, все мука

будетъ! сказалъ повеселѣвшій Фуфаевъ, проходя мимо.— Намъ, слышь, твоего ничего не надо; переночуемъ — и только, а десять копеекъ, что̀ посулилъ, отдамъ, ей-Богу отдамъ!..

Нищіе, одинъ за другимъ, вошли въ старенькій, ветхій сарай съ провалившейся кровлей. Верстанъ снялъ тотчасъ же суму, сѣлъ на́-земь и сталъ разуваться; дядя Мизгирь и Фуфаевъ сдѣлали то же самое.

— О-охъ, касатики! да что жъ это такое будетъ-то? произнесла старуха, остановившаяся въ воротахъ и перенося недоумѣвающіе глаза отъ одного къ другому.

— А вотъ погоди, тетка, сказалъ Верстанъ,—вотъ теперь разуемся, тамъ мѣшки подъ голову положимъ; тамъ заснемъ... Завтра утромъ всѣ встанемъ, тебѣ спасибо скажемъ, да и опять въ путь-дорогу...

— Только и будетъ?

— А ты думала что̀? присовокупилъ Фуфаевъ.

— Да вы издалече ли, родимые? неожиданно и совершенно кстати спросила старуха.

— А верстъ не считали, родная, отвѣтилъ Верстанъ,— сдается не близко; вишь лапти-то какъ поизмялись...

— Эй, слышь, тетка! деревню *Дурову* знаешь? спросилъ вдругъ Фуфаевъ.

— Нѣтъ, рожоный, не слыхала, касатикъ.

— Ну, мы оттедова. Идемъ теперь въ *Простоволосово*— такъ, значитъ, село прозывается.

— И этого не слыхала, рожоный; не слыхала, кормилецъ, добродушно возразила старуха.

Фуфаевъ, къ которому снова начала возвращаться веселость, безъ сомнѣнія, пошелъ бы далѣе въ объясненіяхъ своихъ со старухой, если бъ со стороны улицы не послышались блеянье овецъ и топотъ возвращающагося стада. Старуха мгновенно бросила гостей и суетливо побѣжала къ избѣ. Первымъ ея дѣломъ, однакожъ, какъ только подоила она корову и заперла овецъ, было снова вернуться къ сараю; нищіе только-что поужинали и готовились спать.

— Чего ты, тетка? спросилъ Верстанъ.

— Ничего, кормилецъ; я такъ. Все словно думается, касатикъ.

— Эка у тебя голова-то думчивая какая! смѣясь произнесъ Фуфаевъ, опуская собственную свою голову на мѣшокъ и потягиваясь.

Старуха постояла-постояла, поглядѣла-поглядѣла и пошла въ избу. Она сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ переминаньяхъ, касательно пребыванія гостей, а между тѣмъ ее такъ вотъ и подмывало идти къ сараю. Полежитъ немножко въ клѣтушкѣ, ужъ засыпать начнетъ— придутъ въ голову нищіе; смотришь, опять плетется къ нимъ по огороду. Разъ направилась она туда даже среди ночи. Черная, непроницаемая тьма потопляла окрестность; земляныя испаренія, поднятыя во время дня, такъ сгустились, что скрывали звѣзды; зги не было видно; подойдя къ сараю, старуха могла только услышать густое храпѣнье, повторявшееся на три разные тона; это, повидимому, нѣсколько успокоило ее, и она снова вернулась въ клѣтушку.

Какъ только смолкли шаги ея, Петя приподнялъ голову и вытянулъ шею въ ту сторону, гдѣ лежалъ его маленькій товарищъ (нищіе раздѣляли двухъ мальчиковъ). Петя сильно усталъ, но онъ до сихъ поръ всѣми силами старался превозмочь дремоту и выжидалъ удобнаго случая, чтобъ присоединиться къ Мишѣ; храпѣнье стариковъ наполняло сарай, но ему казалось почему-то, что Миша не спалъ. Минуту спустя, Петя былъ подлѣ него и прислушивался къ его дыханію.

— Миша... спишь? шепнулъ онъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... произнесъ едва внятно мальчикъ.

Голосъ его прерывался сдавленными рыданіями. Петя пригнулся къ нему еще ближе; нѣсколько капель упали ему тотчасъ же на лицо.

— Полно, Миша, полно; о чемъ ты плачешь?.. Вишь, вѣдь, они какіе... ничего, вѣдь, не сдѣлаешь. Вотъ теперь пришли; здѣсь побудемъ... тебѣ, можетъ статься, полегчитъ, проговорилъ Петя, напрягая всѣ силы ума, чтобы утѣшить товарища. Но утѣшенія слабо дѣйствовали; казалось, напротивъ, съ приходомъ Пети и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, горе Миши усилилось; онъ не могъ даже теперь владѣть собою и иногда такъ громко всхлипывалъ, что Петя того только и ждалъ, что кто-нибудь изъ нихъ проснется.

— Ахъ, Миша, Миша!.. Да ты перестань только... перестань... о чемъ ты?.. болитъ у тебя что-нибудь, а?.. шепнулъ Петя, снова пригибаясь къ товарищу.

Прошла минута молчанія, которую, съ одной стороны,

прерывало храпѣнье трехъ нищихъ, съ другой—горькія, тщетно подавляемыя рыданія ребенка.

— Меня... меня они оставить хотятъ... одного здѣсь! проговорилъ наконецъ Миша.—Я слышалъ, они говорили... оставить хотятъ...

— Экой ты какой! А пускай оставляютъ — тебѣ же легче, вишь, вѣдь ты насилу дошелъ: ты отдохнешь тѣмъ временемъ...

— Нѣтъ... нѣтъ, они ужъ за мною не придутъ... совсѣмъ здѣсь оставятъ... Я слышалъ, знаю... я умру, Петя... умру одинъ...

— Да рази ты добрѣ ужъ оченно боленъ?.. простодушно спросилъ Петя.

— Идти не могу... возразилъ тотъ едва внятно,—ноги трясутся... а пуще тутъ добрѣ ломитъ...

Темнота была такъ непроницаема, что Петя проворно ощупалъ товарища, чтобъ понять, куда тотъ указывалъ: худощавые пальцы мальчика прижимались къ впалой груди его. Петя снова почувствовалъ, какъ нѣсколько слезъ капнуло ему на руки; онъ откинулся назадъ, присѣлъ на корточки и нѣсколько секундъ молчалъ, какъ бы соображая что-то. Внезапно онъ подсѣлъ къ Мишѣ съ такою живостью, что, надо было думать, онъ нашелъ вѣрное средство къ его облегченію.

— Вотъ что, Миша... началъ онъ скороговоркою, по возможности понижая голосъ,—слышь, пускай здѣсь оставляютъ—не плачь. Мы вотъ что сдѣлаемъ, подхватилъ онъ, очевидно увлекаясь своею мыслью и, для бо̀льшаго поясненія, принимаясь размахивать руками, что̀ было совершенно напрасно, во-первыхъ, потому, что Миша ничего не могъ видѣть, а во-вторыхъ, онъ почти даже не слушалъ и продолжалъ плакать; но темнота не дала Петѣ замѣтить этого и онъ продолжалъ съ прежнимъ воодушевленіемъ.—Слышь, ты здѣсь останешься, смотри только, не уходи никуда! Вотъ мы и пойдемъ отселева; куда ни пойдемъ, слышь, а я всю дорогу стану примѣчать, ни одного перекрестка не прогляну, ни одной деревни... всякая деревня, какъ она прозывается, все это я буду помнить... Ну, какъ отойдемъ мы такъ-то подалѣе, ночь переночуемъ, другую, третью; увижу, а они назадъ не ворочаются за тобою: знамо тогда, оставить хотятъ; я ночью извернусь, да и убѣгу отъ нихъ; да все по дорогѣ-то, всѐ по дорогѣ, отъ деревни къ деревнѣ... къ тебѣ

и приду. Смотри только, ты не трогайся отселева, а ужъ я приду...

— Нѣтъ, ужъ врядъ мнѣ быть здѣсь, проговорилъ Миша какимъ то разслабленнымъ голосомъ, котораго Петя не слыхалъ прежде.

— А что?

Миша замолкъ. Казалось, ему трудно было удовлетворить товарища отвѣтомъ; наконецъ онъ сказалъ:

— Я умру, Петя... умру... подхватилъ онъ и снова заплакалъ, но такъ тихо на этотъ разъ, что Петя даже не услышалъ.

— Тебѣ что̀ ни говори, ты все свое!

— Право, умру, продолжалъ Миша,—я рази не вижу? Вотъ и Верстанъ сказалъ хозяину... и тотъ старикъ, который не пустилъ насъ ноньче, сказалъ... А какъ, Петя, умирать то не хочется... Петя!.. Охъ, тяжко!..

— Знамо, кому хочется? Да ты не умрешь, не умрешь! съ увѣренностью подхватилъ Петя,—не умрешь ты!.. Съ чего тебѣ умереть-то? Ты добрѣ усталъ, оттого больше... Вотъ полежишь день-другой, опять встанешь... Я какъ приду сюда, то-то мы съ тобой тогда закатимся — прямо домой пойдемъ... Я знаю, какъ и деревню-то мою зовутъ: Марьинское прозывается...

Но Миша опять не слушалъ товарища; онъ какъ-будто навѣрное зналъ, что мечты эти были для него неисполнимы. Давъ Петѣ наговориться до̀-сыта, онъ сказалъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою:

— Была у меня, Петя, сестра... Махонькой я былъ, а помню... тогда еще у насъ мачихи не было... мать жила тогда... Вотъ также ей, сестрѣ-то, передъ смертью все чудилось...

— Что жъ ей чудилось-то?..

— Чудилось: по полямъ да по лугамъ все ходитъ... такіе сады все чудились ей... и пташки, говоритъ, поютъ...

— Ну, такъ что жъ? нетерпѣливо перебилъ Петя.

— Вотъ и мнѣ стало все чудиться, проговорилъ Миша тономъ раздумья, — какъ только закрою глаза, особливо коли одинъ сижу, закрою глаза, вижу: заря занимается... солнце встаетъ... а самого меня точно подхватитъ кто... точно крылья у меня... и я лечу къ солнцу... да скоро такъ, скоро... инда духъ захватываетъ...

— Эка чудно какъ! Что жъ это я ничего не вижу?

Вотъ и закрою глаза, вотъ... нѣтъ, ничего не видать, темнота одна, вымолвилъ Петя, между тѣмъ какъ Миша вдругъ закашлялся: кашлю этому конца не было.

Когда ему отлегло немного, онъ опять хотѣлъ заговорить, но, вмѣсто словъ, изъ груди его выходило глухое какое-то клокотанье; онъ неожиданно ухватился обѣими руками за руки Пети, безсильно опустился на-земь и снова горько заплакалъ. Петя прильнулъ къ нему и съ удвоеннымъ стараніемъ сталъ утѣшать его; онъ говорилъ, что черезъ три-четыре дня они опять увидятся, что нищихъ уже тогда не будетъ; говорилъ о томъ, какъ будутъ они идти вдвоемъ въ Марьинское; говорилъ, какъ придутъ, какъ мать имъ обрадуется, какъ сестра, Маша, обрадуется, какъ всѣ обрадуются (Петя не забылъ даже упомянуть о маленькомъ братѣ, пучеглазомъ Костюшкѣ); мало-по-малу, однакожъ, рѣчь Пети стала замедляться и путаться; онъ словно пріискивалъ слова и не находилъ ихъ; промежутки эти повторялись все чаще и чаще; лицо Пети все ближе и ближе склонялось къ лицу Миши; наконецъ онъ вдругъ замолкъ. Петя не поднялъ ужъ головы и не чувствовалъ даже на щекахъ своихъ слезъ, которыя не переставали между тѣмъ обильно капать изъ глазъ маленькаго товарища...

IV.

Извѣстіе.—Спѣшная дорога.

Заря только что занималась, когда Петя внезапно былъ пробужденъ голосомъ, который, показалось ему, прозвучалъ въ самыхъ ушахъ его. Онъ быстро поднялъ голову, но въ первую минуту, которая потребовалась, чтобъ очнуться и совершенно прійти въ себя, онъ ничего не могъ сообразить; передъ нимъ смутно и какъ бы передвигаясь мелькнули дальній темный уголъ сарая и ворота, пропускавшія дневной свѣтъ; потомъ увидѣлъ онъ трехъ нищихъ, лежавшихъ рядомъ, а между тѣмъ голосъ, пробудившій его, продолжалъ какъ будто раздаваться подлѣ, хотя слабѣе прежняго. Первымъ движеніемъ Пети, какъ только пришелъ онъ въ полное сознаніе, было обернуться и взглянуть на Мишу; но видъ товарища поразилъ его такимъ ужасомъ, что онъ такъ же быстро откинулся назадъ, какъ, за минуту передъ тѣмъ, быстро поднялъ голову. Миша сидѣлъ на землѣ, опершись спиною въ пле-

тень; лицо его, съ разсыпавшимися по сторонамъ длинными черными волосами, было блѣдно, какъ известь, и усиленно какъ-то вытягивалось впередъ; худощавые пальцы рукъ, на которыхъ можно было пересчитать всѣ суставчики, судорожно ловили воздухъ; глаза неподвижно смотрѣли на одну точку; все существо его, до послѣдней жилки, находилось въ напряженномъ состояніи и тянулось куда-то; безцвѣтныя губы бормотали слова безъ смысла и порядка.

„Солнце, солнце!“ повторялъ онъ, вытягиваясь все болѣе и болѣе впередъ: „облака ходятъ... ближе... держите меня... Петя!.. Охъ, такъ тяжко!.. держи... заря... заря!..“

Но страхъ Пети продолжался всего секунду; онъ подумалъ: Мишу давитъ тяжелый сонъ, поспѣшилъ взять его за руку и нѣсколько разъ назвалъ его по имени. Мальчикъ закрылъ глаза и дрогнулъ, словно неожиданно оборвался въ пропасть; но вмѣстѣ съ этимъ, силы, напрягавшія его жилы, разомъ исчезли; костлявыя руки упали, туловище опустилось, голова свѣсилась на-бокъ. Петя обхватилъ его и бережно положилъ на-земь. Лицо мальчика въ одну эту ночь такъ измѣнилось, такъ осунулось и даже постарѣло, что, казалось, со вчерашняго вечера до сегодняшняго утра онъ пережилъ тяжкую, изнурительную болѣзнь, продолжавшуюся цѣлый годъ; онъ лежалъ какъ мертвый, и только губы его продолжали двигаться; но ужъ такъ тихъ былъ звукъ его голоса, что Петя съ трудомъ могъ разслышать слова: „солнце... Петя... заря...“

— Миша, очнись! заговорилъ Петя, снова прикасаясь къ рукѣ его.—Какое солнце?.. тебѣ такъ чудится; солнца нѣтъ; погляди-ка, открой глаза-то... заря только занимается...

На этомъ мѣстѣ Петя остановился и робко припалъ къ товарищу: онъ увидѣлъ, какъ пошевелился Верстанъ.

— Гдѣ солнце? рази ужъ встаетъ? забасилъ вдругъ старый нищій, озираясь на стороны мутными глазами.—И то, ужъ заря! Экъ проспали! Вставай, ребята! Дядя Мизгирь, вставай!.. Ну, ты, слѣпой чортъ, полно тебѣ прохлаждаться-то, пора: вишь, на дворѣ забѣлѣло! Вставай! подхватилъ онъ, толкая Фуфаева.

Дядя Мизгирь не заставилъ себѣ повторять два раза: онъ точно наканунѣ условился съ Верстаномъ встать до зари и не мѣшкать. Оба принялись обуваться съ замѣтною поспѣшностью. Дѣло не касалось, повидимому, одного

Фуфаева: онъ хотя и сидѣлъ, но глаза его были закрыты, вздернутый носъ храпѣлъ немилосердно и туловище раскачивалось изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь повалиться на-земь. Верстанъ принужденъ былъ снова толкнуть его въ бокъ. Толчокъ этотъ, способный продавить лубочный кузовъ, подѣйствовалъ только, казалось, на носовое храпѣнье Фуфаева, которое изъ басистаго перешло въ тоненькое и жалобное.

— Да ну, лѣшій! долго ли съ тобой возиться-то? подхватилъ Верстанъ, встряхивая его за плечи,—вишь свѣтло! Хочешь, небось, старухи дождаться... Коли прійдетъ, самъ поди возись съ нею: она ни за что мальчишку-то не оставитъ. А намъ куды съ нимъ! насилу ноги волочитъ... самъ знаешь...

Послѣднія слова эти подѣйствовали на Фуфаева сильнѣе толчка и потряхиванья: онъ раскрылъ глаза, потянулся и такъ громко зѣвнулъ, что двѣ ласточки, существованія которыхъ никто и не подозрѣвалъ, выскочили вдругъ откуда-то и, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ подъ стропилами сарая, порхнули въ ворота.

— Петрушка, гдѣ ты? живо на ноги... одѣвайся! Вотъ я ти протру глаза-то! сказалъ Верстанъ, поворачиваясь спиною къ слѣпому, который такъ вдругъ заторопился, что подалъ надежду быть готовымъ прежде другихъ.

Петя возвратился на прежнее свое мѣсто, гдѣ осталась его сума и лаптишки; минуту спустя, онъ былъ на ногахъ.

— Пошелъ, стань у воротъ, сказалъ ему Верстанъ,— коли увидишь идетъ кто, скажи. Смотри въ оба глаза, не прозѣвай!

Почти въ то же время Миша раскрылъ глаза. Тоска, испугъ, отчаяніе изобразились въ каждой чертѣ лица его, когда увидѣлъ онъ, что нищіе совсѣмъ готовы въ путь; онъ хотѣлъ встать, но могъ только, и то съ трудомъ, приподняться на локоть.

— Дѣдушка!.. крикнулъ онъ.

Никто не обернулся. Онъ понялъ, что его не слышали, собралъ всѣ свои силы и прокричалъ отчаянно:

— Дѣдушка, не уходите!.. возьмите Христа ради! я съ вами пойду!..

— Молчать! чего ты визжишь? сурово сказалъ Верстанъ, подымаясь на ноги и поворачиваясь къ нему,— чего орешь? Вотъ ходить не твое дѣло—сейчасъ раскись и ноги подкосились, а голосить куда шустёръ...

— Дѣдушка Верстанъ! голубчикъ, Христа ради, примолвилъ Миша голосомъ, въ которомъ слышны были слезы, отчаянная мольба, нѣжность (онъ не обращался къ Фуфаеву и дядѣ Мизгирю: онъ зналъ, что всѣхъ суровѣе и безжалостнѣе былъ старый нищій, что̀ стоитъ только ему согласиться — и всѣ согласятся), — дѣдушка Верстанъ, я буду идти, я скоро пойду... я совсѣмъ отдохнулъ.

— Какъ же! есть время съ тобою возиться! Было ужъ! Идти хочетъ, идти! а самъ встать не можетъ—рази не вижу?

— Дѣдушка, я встану... не уходи только, погоди, сейчасъ встану, дѣдушка!

Но отчаянье, съ какимъ боролся бѣдный мальчикъ противъ страшной боли въ груди и собственнаго безсилія, ни къ чему не повело: ноги не держали его и онъ снова опустился на-земь. Закрывъ лицо руками, онъ такъ горько вдругъ заплакалъ, что даже Верстанъ, казалось, сдѣлался снисходительнѣе.

— Ну, о чемъ плачешь-то? Э, глупый! право глупый! сказалъ онъ, очевидно смягчаясь,—черезъ два дня опять прійдемъ... опять возьмемъ съ собою...

— Погоди; что вы тамъ? Не плачь, Мишутка, сейчасъ! проговорилъ неожиданно Фуфаевъ, который только что прикрѣпилъ лапоть и накинулъ мѣшокъ,—погоди, иду! подхватилъ онъ, пробираясь по плетню.

Онъ ощупалъ Верстана, отслонилъ его рукою и нагнулся къ Мишѣ.

Лицо мальчика какъ будто озарилось надеждой и просвѣтлѣло, хотя слезы ручьями текли по исхудалымъ щекамъ его.

— Вотъ что̀, Миша, вымолвилъ слѣпой,—побудь, слышь, здѣсь день-другой. Ты воздохнешь тѣмъ временемъ... ничего... какъ быть-то! Вотъ я тебѣ, вишь, сколько хлѣба-то оставлю; вишь, не жалѣю! присовокупилъ онъ, высыпая изъ мѣшка почти всѣ свои корки.

Верстанъ между тѣмъ кинулъ мѣшокъ за спину, потомъ подозвалъ дядю Мизгиря и Петю.

— Ну, слышь, случится, пить захочешь, продолжалъ Фуфаевъ,—попроси хозяйку... вотъ что̀ насъ пустила сюда: она тебѣ дастъ.

Верстанъ дернулъ его за руку, давая знать, что время идти. Движеніе это не ускользнуло отъ Миши.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы меня бросить хотите. Я здѣсь умру,

одинъ. Дѣдушка... миленькій... родной... Христа ради, погоди, я тебѣ что̀ скажу! кричалъ Миша, дѣлая тщетныя усилія, чтобъ обхватить ноги Фуфаева, который покрякивалъ и, безъ сомнѣнія, дался бы въ руки мальчику, если бъ видѣлъ, чего ему хотѣлось.

— Да нѣтъ же; экой какой!.. Ну, вѣришь ты въ Бога? ну, ей-Богу прійду! Будь я анаѳема, коли не прійду! разрази меня на мѣстѣ...

Верстанъ не далъ ему договорить, схватилъ его за руку и повелъ къ воротамъ. Въ сараѣ послышался не то крикъ, не то рыданія, звукъ котораго болѣзненно защемилъ сердце Пети, и слезы брызнули изъ глазъ его; онъ бросился было въ ту сторону, но Верстанъ какъ будто ждалъ этого и остановилъ его за воротъ.

— Куда? Я ти дамъ рыскать!.. я ти порыскаю! сказалъ онъ, толкая его впередъ и быстро поворачивая за уголъ вмѣстѣ съ товарищами,—вотъ твоя дорога: впередъ, а не назадъ.

Онъ заключилъ эти слова новымъ толчкомъ и, оглянувшись на стороны, удвоилъ шагъ, чтобъ скорѣе скрыться изъ виду. За сараемъ тотчасъ же начинался лугъ, который составлялъ дно долины, гдѣ расположена была деревушка. Пройдя шаговъ двѣсти, Петя улучилъ минуту и посмотрѣлъ назадъ; но сарай, гдѣ провели они ночь, успѣлъ исчезнуть за откосомъ; отъ Прокислова оставались верхушки ветелъ да макушки двухъ-трехъ соломенныхъ кровель. Петя пересталъ уже плакать; къ толчкамъ Верстана, какъ они ни были жёстки, онъ успѣлъ привыкнуть; что же касается до Миши, ему, конечно, было жаль его, больно жаль было, но онъ утѣшался тѣмъ, что черезъ два-три дня, если нищіе не вернутся къ мальчику, онъ убѣжитъ, убѣжитъ непремѣнно и соединится съ маленькимъ товарищемъ; мысль эта осушала его слезы: онъ бодро подвигался впередъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Немного погодя, нищіе миновали лугъ; дорога пошла берегомъ маленькой рѣчки, заключенной въ глубокихъ, почти отвѣсныхъ берегахъ; мѣстами, тамъ, гдѣ земля осыпалась, берега пробуравлены были безчисленнымъ множествомъ дырокъ; шаги путниковъ, глухо отдаваясь въ рыхлой почвѣ, будили стрижей, которые, какъ пули, вылетали изъ дырокъ и какъ угорѣлые сновали надъ рѣкою, подернутой бѣловатымъ, клубящимся паромъ. Другихъ

пѣтицъ не было еще видно; въ лѣсахъ и на пашняхъ, спускавшихся къ рѣкѣ по скатамъ долины, все пока безмолвствовало. Хотя сѣдой паръ, наполнявшій долину и принимавшій издали видъ глубокихъ озеръ, замѣтно разсѣвался, не подымаясь кверху, такъ что можно было ясно различать предметы, но день, по-настоящему, только что занимался; горизонтъ со стороны востока чуть-чуть окрашивался зарею.

— Намъ, слышь, братцы, далеко ходить незачѣмъ, сказалъ Фуфаевъ, который до сихъ поръ не вымолвилъ слова, не выкинулъ ни одной шутки (вообще въ промежутокъ послѣднихъ дней онъ казался болѣе озабоченнымъ, чѣмъ веселымъ),—далеко ходить не къ чему, подхватилъ онъ,—лучше здѣсь по округѣ побродить... поближности.

— Вѣстимо, коли сходно будетъ, далеко не пойдемъ... Ну, а коли не подадутъ ничего? Здѣсь деревни-то бѣдныя! промолвилъ дядя Мизгирь.

— Охъ, ужъ ты, жидовина! досадливо перебилъ Фуфаевъ. — Только у тебя и на разумѣ-то гроши одни... Смерть не люблю! Ужъ помяни ты меня: будетъ тебѣ за твои деньги! Задавятъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, какъ собаку ледащую!..

Верстанъ нахмурилъ брови, кашлянулъ и перебилъ нетерпѣливо:

— У насъ не было этого въ уговорѣ, чтобъ куда итти. Ужъ и такъ черезъ тебя одну ярманку проглядѣли! Коли итти лѣнь, ты бы съ мальчишкой со своимъ остался... Куда намъ поволится, туда и пойдемъ, тебя не спросимъ, коротко и сухо заключилъ Верстанъ, дѣлая намекъ Фуфаеву на его слѣпоту и давая ему косвенно чувствовать, что онъ болѣе или менѣе находится теперь въ его зависимости.

— Я нешто о себѣ? Но мнѣ пожалуй! возразилъ слѣпой, замѣтно сдерживая порывъ неудовольствія.—Я ходьбы не боюсь; пройду побольше вашего! Только, чуръ, братцы, примолвилъ онъ, окончательно смягчая голосъ, — чуръ, уговоръ лучше денегъ: два дня походимъ, пожалуй, что и всѣ трои сутки, тамъ назадъ: надо, примѣрно, мальчишку взять; при немъ я хошь однимъ глазомъ да вижу— безъ него рта не найду, куды корку сунуть...

На это ни Верстанъ, ни дядя Мизгирь слова не сказали; Фуфаевъ также замолкъ; каждому какъ будто запала крѣпкая дума въ голову, и каждый отдался ей одной. Съ

этой минуты одни лишь шаги нарушали тишину спавшей окрестности. Такимъ образомъ незамѣтно сдѣлали они нѣсколько поворотовъ по долинѣ, которая имѣла характеръ извилистый, какъ вообще всѣ долины, на днѣ которыхъ протекаетъ рѣка. Пройдя версты двѣ отъ деревни, а можетъ, и болѣе, нищіе услышали шумъ падающей воды. Спустя нѣсколько времени, изъ-за купы старыхъ, головастыхъ ветелъ, высунулась высокая, остроконечная кровля, а тамъ выступила и вся мельница, темная профиль которой съ одной стороны цѣликомъ перекидывалась въ рѣку, съ другой четко обрисовывалась на красноватомъ, разгоравшемся небѣ.

Но и здѣсь такъ же было тихо, какъ въ полѣ; шумѣла только вода, бившая фонтанами сквозь дыры плохо сколоченныхъ тварней. Ступивъ уже на плотину, куда поворачивала дорога, нищіе увидѣли молодого, рыжеватаго парня — надо полагать, батрака-мельника; онъ хотя и стоялъ на ногахъ, но, казалось, не совсѣмъ еще пробудился: закинувъ обѣ руки за голову, закрывъ глаза, онъ такъ зѣвалъ, что еще немножко, и онъ непремѣнно вывихнулъ бы себѣ челюсть. Тѣмъ не менѣе нищіе добились отъ него толку касательно расположенія сосѣднихъ деревень. Верстахъ въ семи отъ мельницы находилось село Бабурино, большое село; народъ достаточный, все больше горшечники; другихъ деревень по дорогѣ нѣтъ; дорога одна, битая: по ней бабуринскіе мужики ѣздятъ молоть на мельницу. Свѣдѣній этихъ пока было довольно, и нищіе пошли по указанному пути.

Спѣшить было некуда, какъ справедливо замѣтилъ Фуфаевъ. Къ тому же, хотя солнце только что показалось, въ воздухѣ начинала чувствоваться духота и тяжесть; солнце выплывало какъ изъ огня; багровый кругъ, словно изъ раскаленнаго желѣза, окаймлялъ его, и надъ горизонтомъ длиннѣе и длиннѣе вытягивались рыжія, тяжелыя полосы облаковъ. Все предвѣщало такой же знойный день, какъ и наканунѣ; самыя птицы пѣли какъ-то неохотно, но все-таки надъ обгорѣлыми полями, сливавшимися по обѣимъ сторонамъ дороги, неумолкаемо звенѣли жаворонки. Пѣніе жаворонковъ перенесло почему-то Петю къ оставленному товарищу; онъ не переставалъ думать о немъ; но теперь ему вдругъ какъ-то жалче стало Мишу. „Слышитъ ли Миша этихъ жаворонковъ?.. Нѣтъ, этихъ ужъ онъ не слышитъ! далеко очень! Что онъ теперь дѣ-

лаетъ: плачетъ ли, сердечный, или такъ сидитъ, думаетъ?..“ Отъ Миши мысль его незамѣтно перешла къ тому времени, когда онъ бѣгалъ, бывало, съ братишками по полямъ и такъ же прислушивался къ жаворонкамъ — то-то время-то было! Мигомъ обрисовалась передъ нимъ широкая улица Марьинскаго, избушка, внутренность этой избы; ему, неизвѣстно почему, пришли вдругъ на умъ черныя брови отца, которыя то обѣ вмѣстѣ подымались и опускались, то подымется сначала одна бровь, а тамъ и другая; онъ вспомнилъ потомъ сестру Машу, вспомнилъ полоумную тетку Дуню, вспомнилъ мать — и слезы сами собою закапали на его рубашонку; но, встрѣтивъ суровый взглядъ Верстана, онъ поспѣшилъ ихъ высушить и показалъ даже видъ, что это былъ потъ, а вовсе не слезы.

Пока нищіе дошли до Бабурина, наступилъ уже жаръ; они вошли въ деревню. Постучавъ, какъ водится, подъ каждымъ окномъ, что̀ заняло довольно времени, но принесло мало пользы, потому что бабуринскіе мужики хотя и занимались горшечнымъ производствомъ, но нисколько не были отъ этого богаче другихъ, нищіе рѣшились отдохнуть. Отдохнули; пообѣдали. Они уже раздумывали, куда бы теперь направить путь, когда случай вывелъ ихъ изъ затрудненія: хозяинъ, у котораго они остановились, сообщилъ имъ, что въ двѣнадцати верстахъ находится село „Новая-Отрада“... впрочемъ, такъ господа называютъ, замѣтилъ мужикъ; въ сущности село искони называлось „Старое Пронюхлово“; въ этомъ Пронюхловѣ завтра празднуется приходскій праздникъ. Такое извѣстіе подняло тотчасъ же на ноги Верстана и его товарищей. Фуфаевъ предложилъ, впрочемъ, переждать зной и отправиться ночью; но Верстанъ и дядя Мизгирь настояли на своемъ. Не знаю, лучше ли бы они сдѣлали, если бъ послушали слѣпого, во всякомъ случаѣ можно было не торопиться.

Часъ спустя послѣ выхода нищихъ изъ Бабурина, тучи, скоплявшіяся на горизонтѣ, стали выше подыматься, сгущались и, постепенно темнѣя, разливались все шире и шире по небосклону. Духота между тѣмъ дѣлалась нестерпимою. Время отъ времени пробѣгалъ порывъ вѣтра; онъ вырывался, казалось, изъ жерла раскаленной печки; наконецъ, вѣтеръ поднялся съ такою силой, что трудно стало впередъ двигаться. Глядя, какъ пробирались нищіе въ упоръ вѣтру, можно было думать, что они съ усиліемъ подымаются въ гору, или лѣзутъ на приступъ невидимой

какой-нибудь крѣпости; сила воздуха сказывалась также въ полетѣ птицъ: онѣ съ трудомъ боролись противъ теченія вѣтра и, несмотря на пугливое маханье крыльями, почти не двигались въ помутившемся небѣ, но зато какъ стрѣлы летѣли онѣ, лишь только поворачивались хвостомъ къ вѣтру. Въ какія-нибудь десять минутъ окрестность измѣнилась совершенно; лѣса приняли сумрачный цвѣтъ и зашумѣли вдалекѣ, какъ разъяренное море; макушки деревъ рвались, словно въ страхѣ какомъ-то, и силились какъ будто убѣжать отъ вихрей, которые вырастали вдругъ въ разныхъ мѣстахъ и, сверля землю, вертя воронкой придорожную пыль и листья, стремительно носились по полямъ. Уже съ утра раздавались по временамъ глухіе, отдаленные раскаты; они гремѣли теперь безъ умолку и приближались; вмѣстѣ съ ними надвигалась и туча, сдѣлавшаяся теперь зловѣщею, чернильнаго цвѣта; точно летѣла она навстрѣчу. Темнота на землѣ, а туча на небѣ съ каждой секундой захватывали все больше и больше пространства; слышно было, казалось, какъ посреди грохота бушевавшаго вѣтра шумѣла она, комкая нижніе слои облаковъ и сдавливая воздухъ. Не успѣли нищіе отойти къ опушкѣ лѣса и стать подъ дерево, она обняла изъ края въ край все небо. На секунду вся природа, какъ бы пораженная страхомъ, упала ницъ и смолкла... Сверкнула молнія, раздался страшный ударъ грома, за нимъ послѣдовалъ другой, сильнѣе перваго... Опять все какъ бы смолкло; крупныя, тяжелыя капли дождя зашлепали по дорогѣ, вѣтеръ закрутилъ деревьями, ударилъ ливень, и гроза заревѣла какъ бѣшеная... Промокнувъ до костей въ первую же минуту, нищіе согласились продолжать путь: больше ужъ вѣдь не вымокнешь; къ тому же, не ночи здѣсь дожидаться. Увязая на каждомъ шагу, скользя, оступаясь и падая (сколько разъ въ это время Фуфаевъ вспомянулъ вожака своего Мишку—одному Богу извѣстно!), добрались они кое-какъ къ ночи въ деревушку, лежавшую на перепутьи изъ Бабурина въ Новую-Отраду. Не слыша ногъ подъ собою, измученные, усталые, какъ пришли они, такъ и повалились кто куда попалъ.

Но неудача такого странствованія съ лихвою вознаградилась на другой день въ Новой-Отрадѣ, куда нищіе прибыли за часъ до обѣдни. Сборъ былъ отмѣнный: пришлось копеекъ по сорока на брата; но этимъ не кончилось: господа Новой-Отрады, въ ознаменованіе приходскаго празд-

ника, давали обѣдъ своимъ крестьянамъ; нищая братія, какъ водится по обычаю, была приглашена раздѣлить трапезу. Верстанъ, дядя Мизгирь и Фуфаевъ такъ усердно припали къ даровой баранинѣ, лапшѣ и кашѣ, что, вставъ изъ-за стола, почувствовали себя не въ силахъ идти далѣе. Такъ протянули они до вечера; вечеромъ не стоило пускаться въ дорогу: они остались почевать въ Новой-Отрадѣ.

Въ продолженіе всего этого дня и даже ночью Петя не переставалъ думать о Мишѣ; ему стало казаться, не хотятъ ли нищіе въ самомъ дѣлѣ бросить больного мальчика: о немъ не было и помину. Онъ рѣшился бѣжать въ слѣдующую же ночь, если завтрашній день старики не отправятся въ Прокислово. Но Петя ошибся въ своемъ предположеніи: на другое утро ни Верстанъ, ни дядя Мизгирь не выразили ни малѣйшаго сопротивленія, слова даже не сказали, когда Фуфаевъ намекнулъ имъ о четвертакѣ и объ уговорѣ вернуться къ мальчику. Они опять пошли тѣмъ же путемъ. День былъ чудесный: воздухъ, освѣженный вечернею грозою, пріятно щекоталъ ноздри, дороги провяли — все способствовало къ легкой, быстрой ходьбѣ. Часамъ къ двумъ пополудни достигли они Бабурина, соснули немножко, перекусили и пошли дальше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ часамъ пяти были бы они въ Прокисловѣ, если бъ не встрѣтилось обстоятельство, которое разомъ измѣнило ихъ намѣреніе. Верстахъ въ трехъ отъ знакомой намъ мельницы встрѣтили они бабу.

— Здравствуйте, родимые! сказала баба, повидимому не обративъ даже на нихъ большого вниманія.

— Здорово, тетка, коли нечего дѣлать! отозвался Верстанъ.

Нищіе прошли мимо, и баба прошла мимо. Пройдя, однакожъ, шаговъ двадцать, она неожиданно остановилась, повернулась къ нищимъ, которые продолжали подвигаться впередъ, съ минуту простояла въ раздумьи и вдругъ замахала руками.

— Эй, родимые! эй! крикнула она,—эй, дѣдушка! старичокъ, а старичокъ!..

Невниманіе „старичка“ привело ее, казалось, въ сильное волненіе; она крикнула еще громче.

— Чего тебѣ? спросилъ издали Верстанъ.

Онъ остановился; остановились и другіе. При этомъ

баба, суетливо поправивъ головной платокъ и продолжая размахивать руками, поспѣшила нагнать ихъ.

— Слышь, родимые, не вашъ ли тамъ мальчикъ? вымолвила она, указывая впередъ, въ ту сторону, гдѣ находилось Прокислово. — Не вы ли оставили его тамъ, въ деревнѣ-то?..

— А что? уклончиво спросилъ Верстанъ, предупреждая Фуфаева толчкомъ, а дядю Мизгиря и Петю взглядомъ.

— Поди ты, касатики, что надѣлали-то! воскликнула баба,—я только оттедова; поди ты какихъ дѣловъ надѣлали!.. ахти! ахти!..

— Ты толкомъ говори, тетка; тебя не разберешь никакъ. Какихъ дѣловъ надѣлали? кто? спросилъ Верстанъ, выразительно покашливая и предупреждая товарищей, которые отъ перваго до послѣдняго насторожили слухъ.

— Кто надѣлалъ? Знамо, недобрые люди, касатикъ... нищіе, сказываютъ... Онъ, мальчикъ-то, добре захворалъ у нихъ, они его и бросили... и было-то ихъ трое, родимый, вотъ сколько васъ, все едино. Бабу-то добре жаль, касатикъ, старуху-то: поди ты какъ убивается... такъ и кричитъ, голосомъ кричитъ, касатикъ...

— Какая тамъ еще баба? нетерпѣливо спросилъ Верстанъ.

— А какъ же! а старуха-то, у которой они мальчика-то оставили! съ живостью подхватила баба, — теперь я чай пропадетъ, сердечная!.. То-то вѣдь грѣхъ какой!.. Весь судъ собрался, становой Миколай Миколаичъ пріѣхалъ; сказывали, допросъ, вишь, какой-то учиняютъ...

— А что, развѣ мальчикъ-то померъ? спросилъ Верстанъ, суетливо озираясь на стороны.

— Померъ, касатикъ, то-то и есть, что померъ! въ тотъ же день, какъ они его оставили у старухи-то, въ тотъ день и померъ...

Извѣстіе это произвело на каждаго изъ присутствующихъ различное дѣйствіе: Фуфаевъ, раскрывъ бѣлые зрачки, притупленно устремилъ ихъ въ землю и тяжко покрякивалъ, какъ будто его били сзади палкой; сморщенное лицо дяди Мизгиря скорчилось и выразило явное безпокойство; Верстанъ съ суровой заботливостью почесалъ затылокъ. Что жъ касается до Пети, который до того времени впивался глазами въ лицо бабы и съ тяжкимъ замираніемъ сердца прислушивался къ каждому ея слову, онъ забылъ при этомъ извѣстіи весь страхъ, вну-

шаемый Верстаномъ, выпустилъ палку, закрылъ лицо, бросился на межу и зарыдалъ во весь голосъ. Верстанъ выхватилъ палку изъ рукъ остолбенѣлаго Фуфаева и быстро повернулся къ Петѣ; но благоразуміе удержало его.

— Ахти, родимый, что̀ это съ нимъ? жалостливо вымолвила баба, указывая на Петю.

— Должно-быть, мать вспомнилъ, возразилъ Верстанъ,— недавно взятъ... все о ней сокрушается... Ну, тетка, прощай; намъ пора, добавилъ онъ, толкая Фуфаева.

— Такъ, стало, мальчикъ-то не вашъ... не вы его оставили? спросила баба.

— Вотъ! рази мы оттедова! Вишь идемъ отколѣ... издалече идемъ, родимая, издалече!.. торопливо промолвилъ Верстанъ, подходя къ Петѣ и приказывая ему встать тотчасъ же на ноги.

Но такъ какъ Петя не разслышалъ приказанія и продолжалъ рыдать попрежнему, то Верстанъ ухватилъ его за воротъ, поставилъ на дорогу и повелъ ускореннымъ шагомъ впередъ по направленію къ мельницѣ. Дядя Мизгирь и Фуфаевъ, все еще словно ошеломленный извѣстіемъ, торопливо заковыляли по стопамъ его. Баба постояла минуты двѣ на мѣстѣ, раза два покачала головою, раза два поправила платокъ на головѣ, и пошла своею дорогой. Верстанъ, должно-быть, слѣдилъ за нею глазами: едва успѣла она скрыться изъ виду, онъ тотчасъ же остановился. Онъ такъ былъ озабоченъ, что забылъ даже объ обѣщаніи выколотить изъ Пети послѣднія слезы, лишь только уйдетъ баба: онъ не смотрѣлъ на него, хотя Петя продолжалъ такъ же горько плакать.

— Ну, ребята, дѣло плохо! проговорилъ Верстанъ, не отрывая глазъ отъ горизонта и останавливая товарищей,— теперь думать нечего; долго думать — тому же быть... Того и смотри, рыскаютъ теперь понятые... на нихъ наткнешься; надо убираться. Смотри, ребята, не отставать! Что̀ скажу, то и дѣлайте.

На томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли, дорога окаймлялась съ обѣихъ сторонъ высокою рожью, которая колосилась; справа, въ полуверстѣ какой-нибудь, за полемъ, синѣла роща. Верстанъ указалъ въ ту сторону; онъ велѣлъ только выбирать межи, а не ломиться прямо въ рожь.

— Какъ есть, значитъ, слѣдъ оставимъ... все единственно: написать, значитъ, куда, примѣрно, пошли, сказалъ онъ, пропуская поочередно товарищей въ поле и

наблюдая, чтобъ рожь какъ можно была меньше смята въ этомъ мѣстѣ.

Полчаса спустя, они миновали рощу и снова пошли полями, которыя тянулись во всѣ стороны на неоглядное пространство. Такъ шли они нѣсколько верстъ безъ отдыха и очутились совершенно неожиданно на крутомъ пустынномъ берегу маленькой рѣчки.

— Смотри, не та ли это, гдѣ мельница, что̀ намедни проходили?.. Не назадъ ли идемъ?.. отрывисто промолвилъ Фуфаевъ, не сказавшій слова до настоящей минуты.

— Ужъ ты только иди; не прозѣваю, небось! грубо возразилъ Верстанъ, толкая Петю впередъ и подставляя палку слѣпому.

Край берега служилъ имъ теперь дорогой; Верстанъ увѣрялъ, что вода непремѣнно куда-нибудь да приведетъ. Само собой разумѣется, каждый разъ, какъ показывалась деревня въ отдаленіи, или мельница, или виднѣлся человѣкъ, нищіе сворачивали въ сторону; они тщательно избѣгали встрѣчъ и вообще обходили всякое жилое мѣсто. Пройдя еще нѣсколько верстъ, Верстанъ замѣтилъ, что скаты долины, заключавшей въ себѣ рѣку, стали расходиться и вмѣстѣ съ тѣмъ подымались все выше и выше. Онъ предложилъ идти вѐрхомъ: ему удобнѣе было обозрѣвать мѣстность. Немного погодя, въ отдаленіи, между щеками долины, сверкнуло большое водное пространство, а за нимъ открылись плоскіе берега, уходившіе въ неизмѣримую глубину, потопленную послѣдними лучами солнца. Уже сумерки ложились на землю, когда нищіе достигли вершины нагорнаго берега, круто спускавшагося къ широкой рѣкѣ. Верстанъ сказалъ, что это была Ока. Весь этотъ скатъ покрытъ былъ на значительное пространство мелкимъ дубнякомъ и орѣшникомъ; забравшись въ эту чащу, нищіе могли считать себя внѣ всякой опасности: не только понятые, но самъ становой Миколай Миколаичъ не могъ бы теперь отыскать ихъ. Но Верстанъ все-таки не удовольствовался: ему крѣпко хотѣлось переѣхать рѣку и попасть скорѣе на луговой берегъ, принадлежавшій уже другому уѣзду.

Слѣва, немного подальше впаденія маленькой рѣчки въ Оку, раздавались голоса, привлекавшіе вниманіе Верстана и его товарищей, какъ взошли они на хребетъ берега: то кричали паромщики, тянувшіе канатъ. Чего бы, кажется, лучше? Перевозъ былъ подъ рукою; но

осторожность, внушенная многолѣтнимъ опытомъ, говорила Верстану, что на паромъ никакъ не слѣдовало соваться: пристань мѣсто приточное, людное, бойкое; какого-какого народа тамъ не бываетъ! Легко могло статься, что становой Миколай Миколаичъ сдѣлалъ тамъ свои распоряженія касательно остановки всякаго, кто хоть сколько-нибудь похожъ на нищаго. Нѣтъ, о паромѣ и думать нечего. Не лучше ли направиться въ противоположную сторону, къ рыбацкимъ лодкамъ, которыя мелькали, какъ черныя крапины, на свѣтлой поверхности рѣки, отражавшей послѣднюю, блѣдную вспышку заката? Не близко, конечно; къ тому жъ и дорога не совсѣмъ ладная: вездѣ обрывы, да овраги, того и гляди повихнешь голову, ноги поломаешь; но вѣдь и то сказать: бѣда за плечами не малая! Нѣтъ, ужъ лучше въ дорогу! Всѣ согласились съ мнѣніемъ Верстана; коноводъ былъ опытный, сказать нечего!

Небо ужъ вызвѣздѣло, а на землѣ было темно, хоть глазъ выколи, когда нищіе приблизились къ челнокамъ, опрокинутымъ на песчаной отмели. Густое храпѣнье направило ихъ къ рыбаку, спавшему въ одномъ изъ челноковъ: они добудились его. Дѣло сладилось за два гроша; рыбакъ усадилъ ихъ всѣхъ въ одну лодку и повезъ черезъ рѣку. Дорогой не обошлось, разумѣется, безъ разспросовъ; но рыбакъ ничего не зналъ о происшествіи въ Прокисловѣ.

— А далеко ли Прокислово? сколько, примѣрно, верстъ отъ васъ считается? спросилъ Верстанъ.

— Верстъ пятнадцать... а не то и всѣ двадцать—не знаю, заключилъ рыбакъ.

Ступивъ на луговой берегъ, нищіе словно пріободрились, кромѣ, впрочемъ, Пети и Фуфаева. Первый уже не плакалъ; но лицо его попрежнему оставалось печальнымъ и глаза не отрывались отъ той стороны, гдѣ темною, зубчатою стѣною подымался нагорный берегъ. Фуфаевъ не прерывалъ молчанія; время отъ времени онъ снималъ шапку, свирѣпо почесывалъ затылокъ и снова надвигалъ ее съ какимъ-то нахмуреннымъ, вовсе не свойственнымъ ему видомъ.

— Что это, братъ, тамъ за деревня? спросилъ Верстанъ, указывая къ лугу на огоньки, мелькавшіе въ отдаленіи.

— Село Болотово, лаконически возразилъ рыбакъ, отпихиваясь отъ берега.

Отъѣхавъ саженъ десять, рыбакъ положилъ весла въ челнокъ и посмотрѣлъ машинально на лугъ; но нищіе успѣли исчезнуть въ темнотѣ, потоплявшей весь берегъ: слышны были только шаги ихъ, постепенно слабѣвшіе, и наконецъ вовсе смолкшіе.

V.

Новый край.—Новыя лица.

А между тѣмъ Сергѣй Васильевичъ Бѣлицынъ и его семейство, пробывъ дней пять въ Москвѣ, чтобъ повидаться съ родственниками (нѣтъ, кажется, такого человѣка въ Россіи, у котораго не было бы въ Москвѣ родственниковъ, особенно пожилыхъ и женскаго пола), Сергѣй Васильевичъ и его семейство подъѣзжали къ Петербургу. Но мы оставимъ ихъ на послѣдней станціи желѣзной дороги. Что жъ дѣлать! Повѣрьте, мы почти противъ воли лишаемъ себя удовольствія ввести читателя въ изящный кругъ свѣтскаго столичнаго общества. Какъ ни прискорбно, но на этотъ разъ намъ снова предстоитъ принести Петербургъ—эту *Сѣверную Пальмиру*, какъ до сихъ поръ называетъ его одна газета,—должны принести его въ жертву скучнымъ деревушкамъ, засыпаннымъ пылью или потопленнымъ въ грязи; необходимо намъ промѣнять общество столицы на общество неумытыхъ мужиковъ и необтесанныхъ мѣщанъ, изящные туалеты—на неуклюжіе зипуны и полушубки, покрытые заплатами, Невскій проспектъ—на пустынныя, глухія проселочныя дороги. Предлагаемый романъ такъ ужъ несчастливо сложился, что „порядочные люди“ стали въ немъ на второмъ и даже на третьемъ планѣ. Основываясь на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, было бы даже несправедливо говорить теперь о пріѣздѣ Сергѣя Васильевича и его семейства; дѣло подошло къ пріѣзду другого семейства, а именно — семейства Лапши. Оно и безъ того ѣхало слишкомъ долго; но мы нимало не виноваты въ этомъ: намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что на проѣздъ какихънибудь четырехсотъ верстъ вовсе не требуется столько времени, хотя бы даже проѣздъ этотъ совершался въ телѣгѣ и въ одну лошадь, съ малыми ребятишками, съ горшками и всякою домашнею рухлядью. Въ такомъ промедленіи вся вина сполна падаетъ на Лапшу—ни на кого болѣе, какъ на Лапшу.

Первые два перевала отъ Марьинскаго онъ шелъ очень хорошо, былъ веселъ и даже бодрился, несомнѣннымъ доказательствомъ чего служили его брови, которыя во все время рисовались черными, крутыми дугами на узенькомъ лбу его; на третьемъ перевалѣ лѣвая бровь какъ будто зашевелилась и стала опускаться; на четвертомъ обѣ вдругъ разомъ ослабли и опустились; вмѣстѣ съ этимъ самъ онъ какъ будто раскисъ и упалъ духомъ; слабость духа непосредственно, казалось, дѣйствовала у него на ноги—онъ объявилъ, что дальше никакъ не можетъ продолжать путь пѣшкомъ. Сколько ни усовѣщевала его Катерина, выставляя на видъ тяжесть подводы, плохой кормъ лошади и необходимость сажать на подводу малыхъ ребятъ, Лапша ничего не слушалъ: онъ легъ на возъ, и какъ ни безпокойно было ему лежать, потому что, несмотря на всѣ его старанія устроиться удобнѣе, одно корыто все-таки совало ему уголъ въ спину, а чугунокъ долбилъ его въ бокъ, онъ не вставалъ ужъ съ воза и спалъ непробудно отъ станціи до станціи.

Въ первый день, какъ разстались они съ Марьинскимъ, Лапша не переставалъ говорить о лугѣ. Бесѣдуя съ мужиками, у которыхъ останавливался, онъ толковалъ съ ними о цѣли своего путешествія, говорилъ, что баринъ посылаетъ его въ луга, какъ главнаго надсмотрщика, какъ управителя, описывалъ имъ богатство края, и при этомъ съ особеннымъ увлеченіемъ говорилъ объ арбузахъ, которые сѣялись тамъ все равно, что горохъ. Теперь ни о чемъ этомъ не было и помину; онъ, правда, охотно бесѣдовалъ съ мужиками и бабами, у которыхъ останавливался, но смыслъ рѣчей его былъ совсѣмъ другого рода: слово *арбузъ* словно изгладилось изъ его памяти; онъ не переставалъ жаловаться и плакаться на горькую свою долю; другого разговора не было, какъ то, что отправляютъ-де его въ незнамую, дальнюю сторонушку. За что отправляютъ его? чѣмъ провинился онъ? Никакихъ, кажись, не было за нимъ ни художествъ, ни провинностей; жилъ онъ тихохонько въ родимой деревнѣ своей, Марьинскомъ, никого не трогалъ, никого не обижалъ, и было ему тамъ хорошее, привольное житье... Нажаловавшись такимъ образомъ до-сыта, что, повидимому, располагало его всякій разъ къ успокоенію, онъ забирался къ мужику на печку, или заваливался на сѣновалъ и, прокрякавъ, проохавъ тамъ нѣсколько времени, засыпалъ какъ мерт-

вый. На другой день, или вообще, когда приходилъ часъ отправленія, Катерина никакъ не могла его добудиться. Потягота, спанье, разговоры да разныя проминанья—все это, конечно, сильно замедляло путь.

Нужно было имѣть терпѣніе Катерины, чтобъ не колотить такого мужа, не сбросить его съ воза и не оставить его на дорогѣ. Въ другое время она, можетъ быть, не дала бы ему такой потачки—не сталъ бы онъ у ней занимать на возу мѣсто, предназначенное дѣтямъ; но Катерина была замѣтно чѣмъ-то сильно озабочена. Горе дѣйствуетъ на иныхъ людей раздражительно; другіе дѣлаются кроткими, мягкими и снисходительными, когда тоска западаетъ на сердце. Она не переставала думать о Петѣ: сто разъ на дню поминала она Машѣ о немъ: „Гдѣ онъ теперь, сердечный? куда дѣлся, дитятко ненаглядное? живъ ли еще?“ Не такъ жалко было ей потерять другого мальчика, хоть бы Костюшку: Петя былъ ея любимый; но такъ, вѣроятно, казалось ей, потому что Костюшка находился на глазахъ ея, а Петя... Пети не было!

Другія думы не мало также занимали ее: ей жаль было Марьинскаго, жаль было родины, гдѣ прожила она вѣкъ свой, возрастила и вскормила дѣтей своихъ: но, съ другой стороны, не могла она не радоваться, что навсегда избавилась отъ злодѣя Филиппа, отъ нареканій и преслѣдованій міра, который вымещалъ на нихъ злобу, пробужденную дѣйствіями мужнина брата; она мысленно благодарила господъ, которые вникли въ ея положеніе и удалили ее отъ людской несправедливой ненависти. Она часто также думала о дочери Машѣ, и вмѣстѣ съ этою мыслью ей снова жаль было оставленной родины: вотъ дѣвка ужъ почитай что на возрастѣ, замужъ давно бы пора, и женишокъ ужъ навязывался, славный такой, почитай свой совсѣмъ, знакомый человѣкъ издавна; мастерство также у него хорошее: столярное дѣло всегда грошъ дастъ; кромѣ того, отъ дома, отъ семьи человѣка не отрываетъ. Ваня-столяръ обѣщалъ, впрочемъ, какъ прощался, навѣдаться въ степь; но вѣдь человѣкъ молодой, и рѣчи его, стало-быть, молодыя: долго-ль забыть ихъ? Въ этомъ послѣднемъ соображеніи Маша, казалось, раздѣляла мысли матери; во все продолженіе дороги она мало говорила, ни разу не улыбнулась, и часто мать заставала ее со слезами на глазахъ.

Одни только ребятишки да еще Волчокъ не унывали и

были веселы. Послѣдній во всю дорогу шествовалъ впереди лошади; онъ такимъ крутымъ кренделемъ закручивалъ хвостъ, сохранялъ такой важный видъ, что можно было думать, что кто-нибудь объяснилъ ему значеніе и отвѣтственность авангарднаго поста; онъ измѣнялъ роли въ тѣхъ только случаяхъ, когда путешественники подходили къ деревнѣ; не хотѣлось ли ему заводить новыхъ знакомствъ по дорогѣ, или вообще руководилъ имъ опытъ, говорившій, что стоитъ показаться въ любой деревнѣ чужой собакѣ, чтобъ туземныя принялись трепать ее изо всей мочи — неизвѣстно; но Волчокъ припускалъ тотчасъ же во всѣ лопатки и летѣлъ по задамъ. Миновавъ деревню, семейство Лапши находило его всегда сидящаго на дорогѣ съ круто завороченнымъ хвостомъ и висящимъ языкомъ.

Что жъ касается до безумной Дуни, несчастной жены Филиппа, она оставалась почти тою же, какою была въ Марьинскомъ. Такъ-какъ никто теперь не приставалъ къ ней, никто не дразнилъ ее, то она казалась спокойнѣе и вообще выказывала больше кротости и покорности: она шла, когда шли другіе, ложилась спать, когда приходило къ тому время. Раза два только возвращался къ ней припадокъ: она падала на-земь, начинала биться и отчаянно призывала Степку; но Катерина скоро уговаривала ее—и Дуня продолжала слѣдовать за подводой, снова убаюкивая свою палку или сбивая головки желтыхъ купавокъ, которыя росли въ изобиліи по межамъ.

Такимъ образомъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню, изъ одного уѣзднаго городка въ другой, Катерина и ея семейство приблизились наконецъ къ цѣли своего путешествія. На послѣднемъ перевалѣ имъ сказали, что до хутора помѣщицы Ивановой или Иванихи (она была больше извѣстна подъ этимъ именемъ) оставалось всего двѣнадцать верстъ. Извѣстіе это подѣйствовало особенно на Тимоѳея; силы его разомъ воскресли; онъ не хотѣлъ даже отдыхать, поминутно заглядывалъ, подбираетъ ли лошадь кормъ, и не давалъ покоя женѣ, торопя ее въ дорогу. По словамъ его, не слѣдовало бы даже здѣсь останавливаться: лошадь, конечно, устала, но двѣнадцать лишнихъ верстъ не уморятъ ее; слѣдовало прямо ѣхать на хуторъ и тамъ уже отдохнуть хорошенько за всю дорогу.

Было прекрасное іюньское утро, и солнце только что взошло, когда семейство покинуло деревню. На протяже-

ніи послѣднихъ этихъ двѣнадцати верстъ Лапша ни разу не ложился на подводу: онъ шелъ впереди, вмѣстѣ съ Волчкомъ, высоко приподымалъ брови и такъ бодро поглядывалъ на стороны, какъ будто хотѣлъ сказать: „вотъ теперь лежать небось не стану, потому что цѣль достигнута, дѣло въ рукахъ; а есть чѣмъ заняться, есть надъ чѣмъ хлопотать; лежать теперь не время, хлопотать надо—да...“

Катерина, къ которой, повидимому, обращались эти рѣчи, не смотрѣла даже на мужа; но бодрившійся Лапша не обижался ея невниманіемъ: напротивъ, онъ снисходительно ухмылялся въ жиденькую свою бороду и потряхивалъ головою съ видомъ человѣка, который привыкъ, чтобъ ему противорѣчили и чтобъ его не понимали. Онъ не переставалъ выхвалять степныя мѣста съ такимъ жаромъ, какъ будто неожиданно перескочилъ сюда прямо изъ Марьинскаго (оно отчасти такъ и было, потому что онъ спалъ всю дорогу), хвалилъ рожь, которая стлалась по обѣимъ сторонамъ и только что начинала колоситься, хвалилъ почву, хвалилъ траву; изъ словъ его дѣлалось очевиднымъ, что если бъ такую землю да въ Марьинское—ну, тогда другое было бы дѣло! было бы тогда изъ чего хлопотать и надъ чѣмъ трудиться. Онъ не только сталъ бы тогда обработывать свои двѣ нивы (что̀ такое двѣ нивы?—пустяшное, нестоящее дѣло!), но сталъ бы непремѣнно каждый годъ принанимать и примахивать цѣлыхъ десять, потому дѣло выходитъ такое, есть изъ чего хлопотать по крайности. Катерина на все это опять-таки ни слова не возражала, но лицо ея, время отъ времени обращавшееся къ мужу, ясно говорило: „дѣловой человѣкъ, мой батюшка, дѣлецъ, нечего сказать!..“

Какъ ни забавны были восторженныя рѣчи Тимоѳея, въ нихъ заключалась однакожъ частичка правды. Рожь была дѣйствительно несравненно выше, чѣмъ въ Марьинскомъ; цвѣты чаще и пестрѣе просвѣчивали между желтѣющими стволами хлѣба; травы на межахъ казались и гуще, и разнообразнѣе; земля чернѣла какъ уголь и была словно насквозь пропитана желтоватымъ какимъ-то сокомъ; колеса телѣги оставляли по дорогѣ, омоченной утренней росою, глянцовитые, лоснящіеся слѣды. Производительная сила степного края еще замѣтнѣе выказывалась въ лѣсахъ: часто въ одной группѣ встрѣчались липа, вязъ и молодой кленъ, который выставлялъ свои лапчатые, сквоз-

ные листья изъ-подъ темной зелени стараго дуба — старшины сосѣднихъ деревъ; иногда попадались цѣлыя липовыя рощи; вообще, весь край принималъ характеръ плоскій, но широкій, просторный и размашистый; небосклонъ уходилъ дальше, горизонтъ дѣлался синѣе, и ярче окрашивались луга при солнечномъ закатѣ.

Но всѣ эти особенности, составлявшія характеристику и красоту края, встрѣчали самое полное равнодушіе со стороны всѣхъ нашихъ путешественниковъ безъ исключенія. Простолюдинъ смотритъ на природу своимъ особеннымъ взглядомъ. Береза для него самое лучшее дерево: и на верею хороша, и на лучину годится, и топливо самое жаркое; старая, раскидистая липа имѣетъ цѣны настолько, насколько можно надрать съ нея лубковъ и выпилить колодъ для пчелъ; смотритъ ли простолюдинъ на рѣку, красиво изгибающуюся по долинѣ, онъ думаетъ о рыбѣ; встрѣчаетъ ли дубъ, покрывающій тѣнью цѣлое стадо, ему кажется: вотъ срубить бы пора; такъ стоитъ— гніетъ безъ пользы, простоитъ еще годъ, другой — всю сердцевину выѣстъ, ни одной доски тогда не выпилишь; устремляется ли случайно взоръ его къ широкому простору, убѣгающему въ синюю, туманную даль, онъ восклицаетъ: „экъ, что̀ земли-то! земли-то что̀!..“ и такъ далѣе; онъ всюду ищетъ пользы, но вовсе не изъ жадности — нѣтъ. Не потому ли происходитъ все это, что въ самомъ дѣлѣ много, много нуждъ у простолюдина? Посади-ка любого изъ насъ натощакъ въ темную и притомъ холодную избу: по прошествіи сутокъ насъ даже страшно бы раздражали поэтическіе восторги по поводу красоты изгибающейся рѣчки или живописности какой-нибудь березы: рѣчка гроша не стоила бы, если бъ нельзя въ ней тотчасъ же наловить налимовъ на уху; дрова и лучина сдѣлались бы прямымъ, единственнымъ назначеніемъ самаго живописнаго дерева. Поэтическое воззрѣніе на предметы истекаетъ, повѣрьте, не столько отъ болѣе или менѣе богатыхъ свойствъ души, сколько отъ матеріальнаго довольства вообще и сытаго желудка въ особенности...

Солнце высоко стояло въ безоблачномъ небѣ, когда переселенцы подъѣхали къ маленькой деревянной часовнѣ, поставленной на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ; одна изъ нихъ прямо вела на хуторъ; оставалась теперь одна верста. Но хуторъ до сихъ поръ не показывался: онъ терялся въ складкѣ почвы; къ тому же рожь такъ высока

была подлѣ дороги, что невозможно было даже обозрѣвать мѣстность. Первое живое существо, встрѣтившееся путешественникамъ, была сѣрая собачонка съ желтыми, какъ янтарь, глазами и вострыми, стоячими ушами; она неожиданно выскочила изъ ржи; увидавъ Волчка, она остановилась, гордо подняла голову, на которой ясно, однакожъ, изобразилось пріятное удивленіе, и вдругъ скороскоро замахала мохнатымъ хвостомъ, торчавшимъ высоко надъ спиною; при этомъ Волчокъ, начавшій было пятиться, круче еще прежняго закрутилъ свой крендель и побѣжалъ къ незнакомцу дробнымъ, но бережнымъ шажкомъ. Ребятишки, а за ними Лапша, начали кричать, свистать и звать Волчка; никто не сомнѣвался, что сейчасъ же произойдетъ потасовка—ничуть не бывало; собаки съ минуту постояли другъ противъ дружки, какъ бы испытывая одна у другой самыя сокровенныя мысли, потомъ обѣ вдругъ подпрыгнули, потомъ замахали хвостомъ и, ставъ, наконецъ, рядомъ, дружелюбно побѣжали впередъ по дорогѣ.

Встрѣча эта послужила, казалось, хорошимъ предзнаменованіемъ: немного дальше, изъ ржи вышелъ мужичокъ средняго роста, среднихъ лѣтъ, но уже посѣдѣлый; загорѣвшее лицо его далеко не отличалось красотою, но ласковое, добродушное выраженіе съ лихвою выкупало правильность чертъ; самая улыбка, съ которой поглядѣлъ онъ вслѣдъ дружелюбно бѣжавшимъ собакамъ, сразу показала въ немъ незлобиваго, мягкаго человѣка. Улыбка быстро исчезла, однакожъ, когда увидѣлъ онъ приближавшихся людей и подводу; онъ точно съ перваго взгляда понялъ, что то были какіе-нибудь переселенцы. Сильная привязанность нашего народа къ родимой почвѣ всегда пробуждаетъ въ немъ состраданіе и сочувствіе къ переселенцу. Незнакомый мужичокъ первый приподнялъ шапку и поздоровался. Лапша, какъ уже сказано, выступалъ теперь бодрымъ шагомъ и высоко держалъ брови; послѣднее это обстоятельство и предшествующія слова его достаточно свидѣтельствовали, что переселеніе въ лугъ снова получало въ его мнѣніи высокое значеніе. Съ первыхъ же словъ, сказанныхъ имъ незнакомцу, проглянуло желаніе выставить себя чѣмъ-то въ родѣ надсмотрщика и управителя; но Катерина тотчасъ же перебила его и заговорила совсѣмъ въ другомъ духѣ: она вскользь, только мимоходомъ, упомянула о лугѣ. Привѣтливо обратившись къ мужичку, она принялась разспрашивать, не найдется ли

уголка въ хуторѣ, гдѣ бы можно было пріютиться ея семейству.

— Намъ, родной мой, хоть бы сараишка какой-нибудь, сказала она, — теперь лѣто, вездѣ можно помѣститься; хошь бы клѣтушку, и то не надолго, недѣльки на три, либо на четыре всего. Мы, батюшка, не то, чтобъ... не алаберные какіе: у насъ деньги есть; мы, какъ водится промежъ добрыхъ людей, за все разсчитаемся, заплатимъ. А насчетъ, что ребятъ оченно много, семья великая, это для хозяина послѣдняя будетъ забота. Вотъ у меня дочь большая: она за ребятишками присмотритъ, коли мнѣ недосугъ, а это у меня, примолвила она, указывая на Дуню, которая водила концомъ палки по дорогѣ:—эта хоша разумомъ повреждена, а смирная... ее не услышишь. Намъ бы только на короткое время, недѣльки на три; больше бы не обезпокоили...

Голосъ ли Катерины звучалъ прямотою, или вообще лицо ея способно было быстро располагать въ ея пользу, но незнакомый мужичокъ слушалъ ее съ выраженіемъ полнаго довѣрія.

— Что жъ! пожалуй, у меня остановитесь, коли по нраву, промолвилъ онъ, поглядывая на Лапшу, который (такъ показалось мужику) былъ словно чѣмъ-то недоволенъ.

Мужичокъ не зналъ еще, что когда Лапша бодрился и приподымалъ брови, женѣ никакъ не слѣдовало перебивать его; онъ не шутя тогда обижался, по нѣсколько часовъ слова не говорилъ и дулся. Замѣчено уже было выше, что, въ бодромъ настроеніи, Лапша считалъ Катерину вздорной, пустяшной бабой; если онъ молчалъ, то единственно потому, что проникался тогда сознаніемъ превосходства своего надъ нею.

— Можетъ, ты это такъ только, по своей по доброй душѣ говоришь, родной... можетъ, въ тяготу тебѣ насъ пустить? продолжала Катерина.

— Никакой тяготы не будетъ, съ спокойнымъ добродушіемъ возразилъ мужикъ,—была бы ваша охота, а мнѣ что? Я да жена—насъ только двое и есть... да еще трое ребятишекъ махонькихъ, вотъ все равно, что ваши... поровеночки должно быть. Былъ большой сынъ, да померъ. Что жъ мы стоимъ? пойдемте; дорогой поговоримъ. Какъ те звать-то? добавилъ онъ ласково, обратившись къ Лапшѣ.

Тимоѳей неохотно какъ-то объявилъ свое имя.

— А тебя какъ?
— Меня зовутъ Андреемъ.
— Ну, пойдемте.
— Пойдемте.

По мѣрѣ того, какъ они шли да бесѣдовали (разговаривали, впрочемъ, только Андрей и Катерина; Лапша продолжалъ дуться), хуторъ, окруженный со всѣхъ сторонъ полями ржи, началъ выступать наружу. Онъ такъ былъ незначителенъ, что лѣтомъ, когда колосилась рожь и высокою стѣною становилась кругомъ, легко было пройти мимо въ трехъ стахъ шагахъ и вовсе не замѣтить его. Было всего на все двѣ избы да три низенькія плетневыя мазанки—хорошія, впрочемъ, мазанки, приземистыя, плотныя; избы стояли рядомъ, а мазанки лѣпились насупротивъ; пространство между ними носило гордое названіе *порядка*, или улицы. Въ концѣ улицы сверкалъ, какъ зеркало, прудъ, который такъ былъ малъ, что одна старая дуплистая ветла наполовину покрывала его своею тѣнью; къ пруду однимъ бокомъ примыкалъ садъ, казавшійся густою, сплошною массою листьевъ, молодыхъ яблокъ, синихъ сливъ и грушъ; нѣкоторыя деревья повалили коегдѣ плетень, и вѣтви, отягченныя плодами, рвались впередъ, будто искали простора. Изъ-за сада робко выглядывали двѣ низенькія, какъ бы приплюснутыя, соломенныя крыши; надъ ними выставлялась третья съ приглаженной соломой и бѣлой трубой. Галки и воробьи, лютѣйшіе враги помѣщицы, у которой садъ и ягоды составляли главный источникъ дохода, стаями перелетали съ кровли на кровлю; иногда съ той стороны раздавались вдругъ восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: „Кишь-ки-и-шь, ки-и-шь! Кишь, пострѣлы!“ и тогда птицы разомъ вскидывались всѣ на воздухъ, начинали водить торопливые круги надъ усадьбой, или стремительно, какъ градъ, сыпались на старую ветлу, осѣнявшую прудъ. За прудомъ шелъ небольшой мокрый лужокъ, сходившійся косякомъ между полями ржи, которая, разливаясь мягкими волнами, убѣгала въ необозримую даль, подернутую легкимъ паромъ, струившимся на солнцѣ. Во всѣ стороны хутора, куда ни кинешь взглядомъ, всюду бѣжали ровныя поля и желтѣла рожь, перехваченная лугами, которые сливались съ небосклономъ.

На хуторѣ считалось тридцать душъ по послѣдней ревизіи, и хуторъ назывался: *Панфиловка*. Названіе свое

получилъ онъ совершенно случайно; не купи его въ свое время покойный мужъ помѣщицы, котораго звали Панфиломъ, хуторъ могъ бы теперь называться Петровкой, Астафьевкой, Вафусьевкой, и т. д., смотря по имени владѣльца. Покойникъ служилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городкѣ сначала протоколистомъ, потомъ канцелярскимъ служителемъ и, дослужившись черезъ тридцать лѣтъ до земскаго засѣдателя, пожелалъ отдохнуть и купилъ хуторокъ (въ то время можно еще было выслужившимся протоколистамъ покупать крестьянъ). Съ тѣхъ поръ много утекло воды, многое перемѣнилось. Земскіе засѣдатели, надо думать, были тогда гораздо бѣднѣе теперешнихъ; по всему видно, они были также скромнѣе нынѣшнихъ засѣдателей. Покойный Панфилъ Ивановъ до послѣдней своей минуты не переставалъ восхищаться хуторомъ; по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ на дворѣ и гонялъ голубей, или ложился подъ густыми яблонями сада. Онъ говорилъ, что ему теперь ничего не надо, что Богъ благословилъ его, что живетъ онъ словно въ раю какомъ. Представьте же себѣ, я знаю теперь засѣдателя, который купилъ двѣ деревни и постоянно недоволенъ: брапитъ крестьянъ, бранитъ мѣстность — все бранитъ. Онъ, слышалъ я, недоволенъ даже прекрасной липовой рощицей, которая раскинулась передъ его домомъ; онъ хочетъ уничтожить ее и разбить на этомъ мѣстѣ паркъ въ англійскомъ вкусѣ... Но все это, естественнымъ образомъ, выходитъ, впрочемъ, изъ потребностей вѣка. Теперь все рвется къ просвѣщенію, и даже самые засѣдатели, какъ видите, разбиваютъ англійскіе парки въ своихъ помѣстьяхъ...

VI.

Продолженіе.

Мужичокъ Андрей, представлявшій нѣкоторымъ образомъ одну тринадцатую долю состоянія бывшей засѣдательши, помѣщался съ женою и дѣтьми въ мазанкѣ; но это рѣшительно ничего не доказывало: во-первыхъ, хорошая мазанка ничуть не хуже нашей обыкновенной избы, и, наконецъ, мазанка Андрея считалась чуть ли не лучшею въ околоткѣ. Между нею и ея хозяиномъ было даже что-то общее: она также не казиста была на видъ, но стоило взглянуть на нее, чтобъ понять сразу, что въ ней жилъ честный, трудолюбивый хозяинъ. Все лѣпилось не-

уклюже, если хотите, но было такъ хорошо, такъ плотно и чисто смазано; окна не отличались правильностью и пріятными размѣрами, но всѣ стекла были цѣлы; стропила кровли и гнилушки въ углахъ нигдѣ не просвѣчивали. Дворъ Андрея могъ служить образцомъ крестьянскаго двора; сани и зимнія снасти укладывались рядкомъ на верхнихъ балкахъ подъ крышкою навѣса; въ старыхъ голубоватыхъ плетняхъ мелькали кой-гдѣ свѣжіе зеленые прутья жимолости, вплетенные для поддержки; солома, назначенная для печенія хлѣбовъ, громоздилась въ углу, связанная въ снопы; словомъ, куда ни глянешь, всюду хорошо.

Ужъ самая наружность мазанки пришлась Лапшѣ не по-сердцу. Войдя во дворъ, онъ окончательно нахмурился. „Нѣтъ, это не свой братъ“... сказалъ самъ себѣ Лапша, и съ этой минуты лѣвая бровь его стала какъ будто опять клониться книзу. Бодрость и разговорчивость, такъ внезапно овладѣвшія Тимоѳеемъ на послѣдней станціи, получили бы, безъ сомнѣнія, сильное подкрѣпленіе, если бъ вошелъ онъ во дворъ къ разоренному крестьянину; но здѣсь ему было неловко.

„Нѣтъ, это не то... Это не свой братъ!..“ мысленно повторялъ онъ, уныло поглядывая на стороны.

На стукъ въѣхавшей подводы выбѣжали, одинъ за другимъ, ребятишки Андрея; за ними явилась жена его, женщина немолодая, почти однихъ лѣтъ съ мужемъ. Съ первыхъ словъ, которыми помѣнялись они, видно было, что жили они хорошо и согласно. Участіе, которое тотчасъ же приняла хозяйка въ Дунѣ, быстро сблизило ее съ Катериной; онѣ разговорились; ребятишки Катерины жались подлѣ матери; ребятишки Андрея стояли насупротивъ и глядѣли на гостей во всѣ глаза. Наконецъ, ихъ оставили глазѣть другъ на дружку. Катерина и Прасковья (такъ звали хозяйку) присоединились къ Тимоѳею, Андрею и Машѣ; первые два, то-есть, больше, впрочемъ, Андрей, распрягали лошадь; вторыя развязывали возъ, чтобы вынуть чистыя рубашонки, въ которыхъ сильно нуждались братья. Ребятишки, предоставленные собственному произволу, минуты двѣ стояли молча; у каждаго указательный палецъ находился во рту; потомъ начали они слегка подталкивать другъ друга локтемъ, и, наконецъ, всѣ шестеро побѣжали на улицу. Когда, по прошествіи часа, хозяева и гости сошлись къ обѣду, мальчуганы окончательно уже

сдружились; оказалось даже, что Костюшка далъ тумака Васькѣ, а Гараська подставилъ ногу Авдюшкѣ.

За обѣдомъ хозяинъ и хозяйка приступили съ разспросами: имъ хотѣлось узнать подробнѣе, въ чемъ именно заключалась главная цѣль переселенія. Катерина передала имъ, какъ могла, объясненія и наставленія, полученныя ею въ Марьинскомъ. Какъ только заговорила она, Лапша замолкъ, но улыбка легкаго пренебреженья бродила на губахъ его; онъ во все время потряхивалъ головой, какъ бы мысленно опровергая каждое ея слово.

— Воля твоя, тетка, а я все-таки въ толкъ не возьму, сказалъ Андрей, когда кончила Катерина, — не стóитъ, воля ваша, не стòитъ изъ-за этого строиться... не стòитъ переселять, да тратиться—воля ваша! Вѣдь лугу-то всего триста десятинъ какихъ-нибудь, и тѣхъ, можетъ, не наберется; кто ихъ мѣрилъ!..

— Мы этого, родной, ничего не знаемъ.

— А коли не знаешь, такъ не говори, неожиданно перебилъ Лапша тономъ человѣка, вступающаго въ разговоръ такъ только, изъ снисхожденья, — и не говори лучше. Стало-быть, знаютъ, чего лугъ-то стòитъ, коли послали...

— Что жъ онъ стòитъ-то по-твоему? спросилъ посмѣиваясь Андрей.

— А то стòитъ, произнесъ Лапша, глубокомысленно насупливая брови,—у насъ десятину-то луга за четыре рубля въ наемъ отдаютъ... Ну и сосчитай, чего триста-то десятинъ стòятъ.

— Да то, вѣдь, говоришь ты, у васъ. У насъ поди-ка отдай по четыре-то рубля—тебѣ глаза высмѣютъ. Знамо дѣло, кабы да этотъ лугъ перенести въ ваши мѣста—ну, тогда было бы изъ чего хлопотать; а до васъ верстъ-то съ полтысячи: поди-тка перевези туда сѣно-то!.. Дай намъ половину, хоть одну третью долю дай той цѣны, что̀ говоришь, у насъ тогда денегъ куры бы не клевали! А почему у насъ ни у кого денегъ нѣтъ? почему? потому что Господь посылаетъ намъ всего вволюшку, да сбыть-то некому! Вотъ хошь бы у меня теперь: весь домъ обыщи, копейки не найдешь, а глянь на гумно: позапрошлый хлѣбъ, и того много.

Лапша заикнулся-было о гуртовщикахъ и воловьихъ стадахъ, которыя прогоняли по лугамъ, но замѣчаніе его возбудило только смѣхъ Андрея. „Да, какъ же! гуртов-

щики такіе дураки, что станутъ гонять на авось скотину! У каждаго гуртовщика, гоняющаго скотъ большими партіями, луга сняты заранѣе по всей дорогѣ, сняты на многіе годы и по контракту.“ Андрей привелъ въ примѣръ богатаго мѣщанина, гуртовщика Карякина, который жилъ отъ нихъ въ четырехъ верстахъ: у него было своихъ, коренныхъ, полторы тысячи десятинъ; онъ тутъ даже и поселился; кромѣ этого, Карякинъ принанималъ еще луговъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и у Ивановой. Андрей помнилъ хорошо, что Иванова отдавала лугъ Бѣлицыныхъ рублей за сто ассигнаціями Карякину.

— А все же, слышь, сто рублей! перебилъ радостно Лапша.

— Ну такъ что жъ?

— А то же, что сто рублей! повторилъ Лапша, какъ бы поддерживая Андрея.

— Ну, хорошо, сказалъ тотъ,—возьми-ка сосчитай теперь, что̀ будетъ стоить вамъ построиться на этомъ лугѣ—это разъ; потомъ, чего стоило перевезти васъ—выходитъ, когда жъ вы поверстасте прибыль-то на убытки, а? Ну, то-то же и есть!.. Ну, да это дѣло господское; такая, значитъ, ихняя была воля. А вотъ теперь другое пойдетъ дѣло, примолвилъ Андрей, обращаясь къ женѣ,—то-то, я чай, расходится наша Анисья Петровна, какъ провѣдаетъ обо всемъ этомъ... Шутка! почитай десять лѣтъ лугомъ-то ихнимъ владѣетъ!

— Я и то сижу такъ-то да думаю, сказала Прасковья,—думаю: шибко больно разобидится; пожалуй, что на насъ осерчаетъ: зачѣмъ, скажетъ, ихъ къ себѣ пустили!

— Вотъ!.. Надо же гдѣ-нибудь имъ остановиться; не у насъ, такъ у другого. Не въ полѣ же имъ жить, не цыгане—она сама, чай, знаетъ. И то сказать, сердце ея не долгое: покричитъ, покричитъ, да и уймется: у ней все такъ.

— А что, родные, какая она у васъ? спросила Катерина, которой хотѣлось вообще разузнать о нравѣ помѣщицы прежде, чѣмъ къ ней представиться.

— Ничего, живемъ, по милости Господней, отвѣчалъ Андрей,—ни въ чемъ пока не нуждаемся, всякаго жита есть у насъ, да и у всякаго, кто не любитъ лежать сложивши руки. Ничего; помѣщица хорошая; одно развѣ: ужъ оченна хлопотлива, во всякую, самую нестоящую мелочь, до всего сама доходитъ; у ней нѣтъ этого: позвала кре-

стьянина или бабу, сказала: „то, молъ, и то дѣлай“— сама идетъ! Пахать рано выйдешь, съ солнцемъ выѣдешь— а поля наши не ближнія, смотришь—она тамъ тебя дожидаетъ! И женщина ужъ не молодая, да тучная, рѣжая такая, а ничего нѣтъ этого въ ней, никакой, то-есть, устали не знаетъ! Особливо дивимся мы въ жнитво: такъ съ поля тогда почитай и не сходитъ; прійдетъ на зарѣ, вечеромъ уходитъ: да какъ, братецъ ты мой, добро бы сидѣла да поглядывала, какъ жнутъ—сама жнетъ! Возьметъ это серпъ: „эхъ, скажетъ, какія вы бабы слабыя да лѣнивыя! вотъ, говоритъ, какъ надо!“ станетъ впереди всѣхъ и почнетъ жать, и почнетъ... никто за ней не угонится! Въ полдень даже, и то воздохнуть не дастъ; тутъ же у бабы у какой-нибудь, возьметъ хлѣбца, хлебнетъ кваску и опять пошла... Диковинное дѣло, какъ осиливаетъ! Такъ бабы-то за ней и валятся съ устали, а она ничегохонько! Оботретъ только потъ, и опять, и опять... Вотъ хозяйка моя теперь даже, и то спину-то почесываетъ. Подлинно сказать: жутко приходится въ жнитво бабамъ: опосля жнитва-то недѣли двѣ не разогнешь спины-то...

Хотя Лапша не принадлежалъ Анисьѣ Петровнѣ, однакожъ разсказъ о непосильной работѣ невольно перенесъ его мысли къ Марьинскому: онъ снова вспомнилъ о немъ съ сожалѣніемъ. Тамъ, правда, мужики были очень бѣдны—ни у кого еще зимою не нашлось бы лѣтошняго хлѣба, но зато, благодаря старости и снисходительности Герасима Аѳанасьевича, каждый могъ лежать на печи сколько вздумается.

— Ну, а что? какъ она въ разговорѣ-то? сердита? кричитъ? спросилъ Лапша, стараясь улыбнуться, но, въ сущности, не безъ смущенія помышляя о предстоящемъ свиданіи съ помѣщицей.

— Да ништо-таки: покричать любитъ, любитъ покричать... Знамо, дѣло женское: другимъ чѣмъ нельзя взять, онѣ голосомъ! философически замѣтилъ Андрей.—Ужъ на что: воробьевъ, либо галокъ начнетъ гонять у себя по двору, у насъ даже и то слышно! А ужъ какъ осерчаетъ, не уймешь никакъ, такъ съ дуба и рветъ: добрѣ голосиста, такъ инда вся даже покраснѣетъ... Вотъ услышишь: она, чай, сильно на васъ напустится... Знамо, вѣдь почитай лугъ-то своимъ считали, десять лѣтъ владали...

Лапша, у котораго обѣ брови начали приближаться къ носу, вдругъ тяжко закашлялся.

— Что ты, батюшка? спросила хозяйка.

— О-охъ! простоналъ Лапша, раскашлясь окончательно,—грудь добрѣ пуще схватило... о-охъ! усталъ оченно съ дороги-то... о-охъ! шутка, сотъ пять верстъ прошли...

Катерина, изъ опасенія, вѣроятно, чтобъ хозяева не смекнули, въ чемъ дѣло, поспѣшила сказать, что мужъ давно жалуется грудью; причиною того было паденіе его въ оврагъ. Паденіе это мигомъ перенесло ее къ той несчастной ночи, когда она лишилась Пети. Грусть, изобразившаяся на лицѣ ея, не ускользнула отъ Прасковьи; слово за словомъ, Катерина повѣдала ей свое горе. Въ разсказѣ этомъ Лапша находился почти въ сторонѣ, а если являлся дѣйствующимъ лицомъ, то, по словамъ Катерины, игралъ роль жертвы страшнаго обмана. Не знаю, что чувствовалъ въ это время Лапша, но онъ силился какъ бы подтвердить слова жены и показывалъ присутствующимъ, насколько способенъ вообще быть жертвой, если не обмана, то усталости. Когда пришло время идти къ помѣщицѣ съ письмомъ Сергѣя Васильевича, Лапша до того закашлялся, что едва могъ перевести духъ; онъ пробовалъ было подняться на ноги и пойти за женою, но никакъ не осилилъ.

— Нѣтъ, ужъ сходи-ка ты одна, промолвилъ онъ, садясь на лавку и тоскливо покачивая головою,—все одно, и ты письмо-то отдашь... О-охъ, такъ инда даже къ самому сердцу подкатило!..

Прасковья взялась проводить Катерину до господскихъ хоромъ. Почти въ воротахъ встрѣтили они маленькую, суетливую бабенку; она сказала, что барыня прислала ее развѣдать поскорѣе, какіе такіе пріѣзжіе остановились у Андрея. Бабенка эта вся, казалось, состояла изъ суеты, болтливости и любопытства; имя ея было Пелагея; но барыня, а за нею и весь хуторъ, звали ее Пьяшка. „Пьяшка, поди-ка сюда! Эй, Пьяшка! Пьяшка!“ Пьяшка засыпала Катерину вопросами: откуда? зачѣмъ? какъ да почему? Хозяйка Андрея оставила съ ней Катерину и пошла домой. На протяженіи шестидесяти шаговъ, отдѣлявшихъ домъ Анисьи Петровны отъ крестьянскихъ жилищъ, Пьяшка такъ уже сблизилась съ Катериной, что стала разсказывать ей всю подноготную изъ житья-бытья барыни.

Они вошли на маленькій, но чистенькій дворикъ, покрытый мелкою травою съ протоптанными въ разныя стороны дорожками; плотный плетень окружалъ его; надъ

плетнемъ съ одного бока весело выглядывалъ садъ, съ другого гумно, съ третьяго амбарчики, съ четвертаго флигелекъ и крылечко дома, который почти всѣми своими окнами смотрѣлъ въ садъ. Подлѣ амбара стояли хорошенькія бѣговыя дрожки, въ которыя впряжена была статная сѣрая лошадь, обратившая вниманіе Катерины. Пьяшка поспѣшила сообщить, что лошадь и дрожки принадлежали сыну богатаго гуртовщика Карякина; отецъ почитай-что круглый годъ живетъ въ Саратовѣ по своимъ дѣламъ; сына здѣсь опредѣлилъ. Вотъ онъ, сынъ-атъ, и ѣздитъ къ Анисьѣ Петровнѣ; знамо, не даромъ ѣздитъ; сватается, говорятъ, за племянницей; она тутъ же, у тетки живетъ. Изъ себя, на-тко, красива; оченно только нравомъ пронзительна; а онъ, Ѳедоръ-то Иванычъ, Карякинъ-то, женихъ-то, красавецъ; только врядъ женится; такъ только время провождаетъ; къ тому же не таковскій, чтобъ жениться ему: оченно охотникъ къ бабамъ подольщаться— и-и, такой-то, бѣда! сущій прѝпертень!.. Тутъ Пьяшка подвела Катерину къ крылечку и замолкла; но, взамѣнъ ея голоса, изъ сада послышались гнусливыя, пронзительныя взвизгиванья: „Кишь, кишь, пострѣлы! кишь!..“

— Это барыня воробьевъ гоняетъ, пояснила Пьяшка.

— Поди, доложи обо мнѣ, сказала Катерина.

— Зачѣмъ? Этого у насъ не водится. Иди, ступай прямо, валяй! ничего небось! лихо проговорила Пьяшка и однимъ прыжкомъ скакнула на верхнюю ступеньку.

Обѣ вступили въ маленькій не то чуланчикъ, не то прихожую; у окна на конникѣ сидѣлъ, сгорбившись, босой старикашка, занимавшійся плетеніемъ сѣтки для вишневыхъ деревъ. Пьяшка сообщила, что его зовутъ Дрѐномъ; Дронъ—имя такое. Катерина узнала, сверхъ того, что Дронъ и Пьяшка составляютъ всю дворню Анисьи Петровны. Былъ еще одинъ мальчишка, лѣтъ семи, бѣгавшій вѣчно въ прорванной рубахѣ, но Пьяшка почему-то умолчала о немъ. Одна половина дверей была открыта и позволяла обозрѣвать слѣдующую комнату.

Стѣны ея—за исключеніемъ портрета покойника, у котораго ротъ изображенъ былъ въ видѣ сердца и какъ бы собирающимся свистнуть—стѣны вплотную увѣшаны были мѣшечками съ сѣменами и надписями; на одномъ означено было: *рошъ*, на другомъ: *чечевица*, на третьемъ: *семя отъ дыни*, и т. д. Сѣмена и трàвы разложены были по всѣмъ окнамъ и сушились на столикѣ у печки. Но не это при-

влекало вниманіе Катерины: въ задней стѣнѣ была еще дверь, которая открывалась въ садъ, жарко освѣщенный солнцемъ; прямо противъ этой двери, спиною къ Катеринѣ, стояла, нагнувшись, Анисья Петровна; она перебирала какія-то сѣмена, разостланныя на рядѣ по дорожкѣ сада; занятіе такъ поглощало ее, что Пьяшка три раза принуждена была крикнуть: „Анисья Петровна!“ прежде чѣмъ та разогнула спину и обернулась.

— А? что? чего ты, дура? что лѣзешь, мать моя... а? баба! да! произнесла вдругъ Анисья Петровна.

Она такъ гнусила, что въ первую минуту Катеринѣ показалось, что это происходило отъ натуги или отъ слишкомъ долгаго наклоненія головы къ землѣ.

Увидѣвъ изъ сада чужую бабу, Анисья Петровна молодецки подбоченилась и стала взбираться на ступеньки садовыхъ дверей, которыя пискнули, какъ будто въ одинъ голосъ запросили пощады. Владѣлицѣ Панфиловки было уже лѣтъ подъ-шестьдесятъ; но такъ много еще было у нея силы, жира, мяса и крови, что ей слѣдовало непремѣнно или умереть сегодня же вечеромъ, или прожить еще полсотни лѣтъ. Волосы ея почти посѣдѣли; они прикрывались бѣлымъ коленкоровымъ, давно нестираннымъ чепцомъ, съ какими-то узенькими оборочками; издали, ни дать ни взять, сѣдая голова стараго, гладко остриженнаго солдата. Красное и какъ бы дутое лицо ея, съ вздернутымъ носикомъ, украшалось маленькими, зелеными глазами, которые захлебывались въ жирѣ и дѣлали неимовѣрныя усилія, чтобъ выкарабкаться оттуда. Но болѣе всего обратили на себя вниманіе Катерины руки помѣщицы. Руки дѣйствительно были замѣчательны: о нихъ многіе даже говорили за десять верстъ въ окружности; особенно хорошо были онѣ знакомы покойнику и хохлу его (въ то время носили еще хохлы; но портретъ снятъ былъ, вѣроятно, незадолго до его смерти, потому что хохла не было, а шла во всю голову одна лысина); покойникъ считалъ даже лишнимъ защищаться; въ этихъ случаяхъ онъ прижимался только къ стѣнѣ и на всякое новое потряхиваніе супруги приговаривалъ: „Зачѣмъ за сердитаго шла? зачѣмъ шла за сердитаго?..“ Впрочемъ, Анисью Петровну боялся не только покойникъ, но боялись даже всѣ мелкопомѣстные ея сосѣди; она была бѣдовая *баба-гроза*, какъ называли ее нѣкоторые: мало-мало что, сейчасъ прошеніе да въ судъ, гдѣ, вѣроятно, по старой па-

мяти къ засѣдателю, всѣ, начиная отъ протоколистовъ до судьи, были ей кумовья и строчили ей просьбы за самую сходную цѣну; словомъ, по наружности своей Анисья Петровна напоминала всѣмъ извѣстную греческую Бобелину, а по внутреннему устройству была настоящая русская мелкопомѣстная вдова.

— Здравствуй, мать моя, прогнусила она, пытливо поглядывая на Катерину и все еще стоя подбоченясь.—Ты что̀ торчишь здѣсь, дура полоротая? аль дѣла нѣтъ? пошла хлѣбы мѣсить! подхватила она, обращаясь къ Пьяшкѣ, которая впивалась въ Катерину, какъ будто хотѣла вскочить ей въ глаза и въ ротъ въ одно и то же время.— Откуда Богъ принесъ, мать моя—а? откуда?

Съ такими словами Анисья Петровна отнеслась къ незнакомкѣ. Катерина поклонилась, сказала откуда пріѣхала и подала письмо.

— Это что̀ такое?.. отъ кого, мать моя—а? отъ кого?..

— Нашъ помѣщикъ, Сергѣй Васильевичъ, велѣлъ отдать...

— Да я его не знаю, мать моя... никого такого не знаю... Зачѣмъ мнѣ его письмо?.. Ты мнѣ просто скажи, зачѣмъ пріѣхала?

— Тутъ, стало-быть, сударыня, о лугѣ писано...

— О какомъ лугѣ? а? какой лугъ? съ горячностью проговорила помѣщица, — какой лугъ, мать моя?.. что̀ за лугъ за такой?.. чего надобно?.. Ты толкомъ говори, какой лугъ?

— Тамъ, сударыня, все сказано...

— Да что́ мнѣ, сказано! что̀? *Ты* говори! загнусила Анисья Петровна, раскидывая въ стороны полы ситцеваго капота, еще весною требовавшаго мытья.

Катерина нимало не сробѣла и разсказала въ коротких словахъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, батюшки! ахъ, они разбойники! воскликнула Анисья Петровна, всплескивая руками и багровѣя вся какъ зобъ у индѣйскаго пѣтуха,—ахъ, отцы вы мои! какой же это лугъ? ужъ не Кудлашкинскій ли? Ахъ, они разбойники, грабители окаянные! ахъ, отцы мои! подхватила она, снова всплескивая могучими своими ладонями и тараща глаза во всѣ стороны. — Батюшка, Ѳедоръ Иванычъ, заговорила она вдругъ, поворачиваясь къ третьей двери, выходившей въ сосѣднюю комнату, — Ѳедоръ Иванычъ, полно тебѣ на гитарѣ-то царапать! тринь-тринь-

тринь, а толку никакого; подь сюда, дѣло есть... Ахъ, батюшки!..

Съ самаго появленія помѣщицы, изъ сосѣдней комнаты слышалось бряцанье гитары, сопровождавшееся шопотомъ. Раза два горловой теноръ пропѣлъ даже первыя слова цыганской пѣсни:

Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку
Да пониже поклонись!

При первомъ восклицаніи Анисьи Петровны все смолкло. Изъ дверей выскочилъ, потряхивая волосами, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-восьми, въ синемъ красивомъ казакинѣ, застегнутомъ на крючки, и нанковыхъ, непомѣрно широкихъ шароварахъ. Черные, кудрявые волосы его ниспадали правильнымъ каскадомъ по обѣимъ сторонамъ тщательно прохваченнаго пробора и закладывались за уши; лоскъ волосъ и правильныхъ коричневыхъ усиковъ обличалъ, что ихъ часто смазывали, можетъ даже быть, помадой изъ губернскаго города. Молодой Карякинъ, изъ уваженія къ красотѣ своей, старался всѣми силами ее поддерживать. Красота его была, впрочемъ, изъ тѣхъ, которыя служатъ образцомъ художникамъ, пишущимъ вывѣски для цырюльниковъ и портныхъ третьяго разбора; но лучше было бы, если бъ Ѳедоръ Ивановичъ, изъ уваженія къ красотѣ своей, велъ жизнь болѣе правильную. Бойкость сѣрыхъ глазъ, окруженныхъ коричневою тѣнью, быстрота и юркость въ выраженіи нѣсколько осунувшагося лица, сразу показывали одного изъ тѣхъ записныхъ уѣздныхъ кутилъ, которые всюду являются на ярмаркахъ, проводятъ сутки съ цыганами, выпиваютъ по пѣсколько дюжинъ цымлянскаго, а потомъ, возвратившись въ усадьбу, развлекаютъ скуку, гоняясь съ двумя борзыми за зайцами, или бѣгая за бабами. Выскочивъ изъ двери, онъ быстро взглянулъ на бабу, потомъ на помѣщицу, поставилъ въ уголъ гитару и сказалъ съ развязностью:

— Что случилось, Анисья Петровна? что такое?

— Охъ, батюшка! вѣдь зарѣзали меня, разбойники, зарѣзали! воскликнула Анисья Петровна, выразительно тыкая себя въ грудь указательнымъ пальцемъ, — ограбить хотятъ, мошенники!.. На-ка, прочитай, что они пишутъ, подхватила она, подавая письмо,—я вѣдь безъ очковъ не вижу. (Анисья Петровна даже въ очкахъ плохо разбирала грамоту).

Карякинъ снова быстрымъ взглядомъ окинулъ Кате-

рину, сломилъ печать и два раза шлепнулъ по письму, чтобъ его расправить. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты вышла молоденькая дѣвушка съ бѣлокурыми, круто гофрированными волосами и полными, румяными щеками. Вообще, вся она, отъ пухлаго, но добраго лица и до оконечности пальцевъ, представлялась, даже подъ ситцевымъ платьемъ, какимъ-то туго-налитымъ огурчикомъ; словомъ, это было то, что̀ называется *сдобныя лепешка*. Этотъ избытокъ здоровья былъ, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ тетка спѣшила выдать ее замужъ. „Вишь вѣдь она здоровенная какая!“ говорила всегда тетка,—„кровищи-то одной хватитъ на пять дѣвокъ! Какъ взыграется кровь-то—кто за нее поручится! Богъ съ ней совсѣмъ! лучше ужъ замужъ поскорѣй!“ Анисья Петровна очень радовалась посѣщеніямъ Карякина: человѣкъ богатый; ей самой, какъ на племянницѣ женится, помогать станетъ. Не дворянинъ, конечно; да вѣдь и племянница не Богъ вѣсть княжна какая: мать однодворчиха, такая же, какъ была Анисья Петровна до замужества...

Войдя въ комнату, Наташа (такъ звали дѣвушку) остановилась у печки и уже съ этой минуты не отрывала темныхъ, голубоватыхъ глазъ отъ Карякина; даже Катерина смекнула, что дѣвку не шутя вѣрно приворожилъ парень. Ѳедоръ Ивановичъ читалъ между тѣмъ письмо. Сергѣй Васильевичъ въ изысканныхъ, деликатныхъ и даже нѣжныхъ выраженіяхъ высказывалъ неотъемлемыя права̀ свои на владѣніе лугомъ. Но едва только объяснилось, что переселяемое крестьянское семейство тотчасъ же должно поселиться и завладѣть лугомъ, Анисья Петровна вырвала письмо, плюнула въ него, скомкала и швырнула на полъ.

— А! такъ вотъ васъ зачѣмъ сюда прислали! вскрикнула она, напускаясь неожиданно на Катерину, — вонъ, негодяи! вонъ! Ахъ ты... вонъ пошла, говорю!..

Катерина не трогалась съ мѣста.

— Ахъ ты, дерзкая тварь ты этакая! взвизгнула Анисья Петровна, вспѣниваясь и плескаясь какъ квашня, взболтанная весломъ,—ахъ ты...

Карякинъ поспѣшилъ взять ее за одну руку, Наташа за другую...

— Полноте, успокойтесь... не извольте ничего себѣ тре-

вожиться... Баба глупая, обращенья никакого не имѣть... сказалъ онъ, комически подмигивая Наташѣ.

— Успокойтесь, тетенька; вамъ это вредно, произнесла Наташа.

— Охъ, знаю, что вредно, мать моя... знаю... Я и то затмилась совсѣмъ... Охъ, батюшки!.. простонала старуха, какъ бы срѣзанная очевидностью факта.

Она опустилась на стулъ, но, секунду спустя, снова встала и снова заплескалась и запѣнилась.

— Нѣтъ, да что жъ это я дура глупая? чего испугалась?.. Я въ судъ пойду, я имъ покажу, разбойникамъ! Я десять лѣтъ ужъ лугомъ-то владѣю!.. Десять лѣтъ прошло: стало-быть, онъ мой... что жъ это я?.. Ахъ ты, мать моя!..

— Позвольте, Анисья Петровна, это вы напрасно изволите... проговорилъ Карякинъ, рисуясь.—Въ письмѣ сказано: съ сорокъ восьмого года; стало-быть, вы не владѣете десять лѣтъ лугомъ; законъ на ихъ сторонѣ... Къ тому же возьмите въ разсужденіе: люди сильные! задарятъ больше вашего... лучше бросьте, право... А насчетъ, то-есть, выгодъ, какія они думаютъ получить черезъ это дѣло, я могу сдѣлать вамъ въ уваженье...

— Охъ... охъ, отцы мои... охъ!.. простонала сряду Анисья Петровна, снова опускаясь на стулъ,—охъ!.. Чѣмъ же ты меня обрадуешь, отецъ родной? присовокупила она, оправляясь,—вступись за вдову, батюшка!.. Ограбили, разбойники!..

— А вотъ извольте видѣть, началъ Карякинъ, охорашиваясь,—мы теперь этотъ лугъ держимъ; мы откажемся отъ него... вотъ и будутъ имъ, значитъ, выгоды...

— Да мнѣ-то что отъ этого?

— А то же, что будете въ своемъ удовольствіи: и вамъ ничего, да ужъ и имъ зато ничего... Чего же ты стоишь, матушка? Ступай себѣ... Отдала письмо и ступай! довершилъ Карякинъ, поворачиваясь къ Катеринѣ, умное лицо которой сохранило выраженіе грустной задумчивости.

Она подняла голову, смѣло посмотрѣла на барыню и сказала:

— Мы, сударыня, въ этомъ не виноваты: наше дѣло подначальное.

— Вонъ! вонъ гоните ее!.. произнесла Анисья Петровна, нетерпѣливо потрясая головою.

— Осмѣлюсь васъ обезпокоить, сударыня, продолжала,

нимало не робѣя, Катерина,—позвольте вашему мужичку, Андреемъ звать, позвольте, если милость ваша будетъ, подсобить намъ строиться... Мы мазанокъ никогда не дѣлали...

— Какъ? вскричала Анисья Петровна, порываясь изъ рукъ Карякина и племянницы, которые ее удерживали,— какъ? чтобъ я позволила вамъ строиться? Вы же меня разорять пришли, мошенники, да я же позволь крестьянину своему... ахъ ты!..

— Позвольте, Анисья Петровна, перебилъ Карякинъ, снова перемигиваясь съ Наташей,—почему же бы и не позволить? Дѣло все равно сдѣлается, такъ не лучше ли вашъ мужичокъ подсобитъ имъ?.. Все какой-нибудь авантажъ получитъ онъ черезъ эсто—вамъ же лучше. Ступай, голубушка; барыня пришлетъ отвѣтъ, ступай! заключилъ Карякинъ, махая рукою бабѣ.

Катерина прошла мимо стараго Дрона, который продолжалъ плести свои сѣти и, повидимому, оставался несокрушимо равнодушнымъ слушателемъ всего происходившаго. Минуту спустя, она была на улицѣ. Благодаря, видно, стараніямъ Пьяшки, которая успѣла и мѣсить хлѣбы, и подслушать весь разговоръ, все народонаселеніе хутора знало уже о причинѣ прибытія чужого семейства. Бабы и мужики дожидались у воротъ, чтобъ взглянуть на Катерину. Всѣ зашептали, какъ только она показалась. Шагахъ въ десяти отъ мазанки, Катерина встрѣтила Андрея: онъ также словно дожидался ее; лицо его было озабочено.

— Послушай, тетка, сказалъ онъ, вводя Катерину къ себѣ во дворъ,—вишь ты вѣдь какая! Ты сказывала, прислали васъ лугъ стеречь, а намѣсто того...

— Что такое? спросила встревоженная баба.

— Тоже... воля твоя... Мы видимъ, ты человѣкъ хорошій, подхватилъ Андрей, — полюбилась ты намъ... и рады бы въ чемъ пособить тебѣ, да послѣ того оченно опасаемся... своей барыни...

— Да объ чемъ ты говоришь, родной? Я все въ толкъ не возьму...

— Да вѣдь вы всѣмъ вишь хуторомъ владѣть хотите... всѣ и луга, и земли, и насъ баринъ вашъ отымаетъ у нашей помѣщицы...

— Кто тебѣ сказалъ?

— Мужъ твой обо всемъ этомъ повѣдалъ, какъ ты ушла...

Краска стыда и негодованія покрыла загорѣвшія щеки Катерины.

— Гдѣ онъ? спросила она.

— Въ избѣ сейчасъ былъ...

Катерина, нахмуривъ брови, вошла въ мазанку. Прасковья сказала ей, что мужъ только что вышелъ. Катерина обошла дворъ и, услышавъ шорохъ подъ навѣсомъ, глянула туда. Лапша только что легъ: близость знакомыхъ шаговъ заставила его поспѣшно закрыть глаза и притвориться спящимъ. Первое движеніе Катерины не обѣщало Лапшѣ ничего хорошаго; но она въ ту же секунду остановилась, съ досадой отвернула голову, плюнула и пошла назадъ въ мазанку.

Черезъ минуту Андрей и жена его узнали дѣло въ настоящемъ его свѣтѣ. Вранье мужа она уже не оправдывала; два-три слова хозяевъ показали Катеринѣ, что они сразу поняли и раскусили Лапшу; но они поняли также и Катерину. Какъ Прасковья, такъ и Андрей не переставали выказывать ей знаки истинной пріязни и добродушнаго расположенія. И онъ, и она сожалѣли только, что барыня вѣрно не позволитъ имъ подсоблять Катеринѣ строиться, можетъ даже быть, запретитъ имъ держать у себя переселенцевъ. Къ вечеру явилась, однакожъ, Пьяшка и разрѣшила всѣ сомнѣнія: Анисья Петровна позволила Андрею устроить мазанку для пріѣзжающихъ: „Велѣла только подороже съ нихъ взять!“ примолвила Пьяшка.

— Лишь бы только сама она не входила въ это дѣло, а то что̀ тамъ о цѣнѣ толковать! Сойдемся какъ-нибудь, сказалъ Андрей.

Рѣшено было на другой же день отправиться въ Кудлашкинскій лугъ и высмотрѣть тамъ удобное мѣсто для колодца и мазанки.

VII.

Встрѣча.

Дневной свѣтъ давно разогналъ ночныя тѣни. Солнце поднялось въ огненномъ небосклонѣ, исполосованномъ золотистыми, багровыми полосами; но чѣмъ выше оно подымалось, тѣмъ чаще и чаще оно заслонялось большими облаками, которыя медленно, лѣниво передвигались, сходились и расходились. Западъ синѣлъ какъ безбрежное море; тамъ, далеко-далеко мелькали кое-гдѣ косыя дожде-

выя полосы; быстро перебѣгающія тѣни облаковъ приводили какъ будто въ движеніе самую мѣстность: тутъ совершенно неожиданно загоралась вдругъ роща; она словно бѣжала навстрѣчу и вдругъ останавливалась и снова погружалась въ сизый сумракъ; тамъ яркимъ золотомъ охватывался клинъ поля, между тѣмъ какъ примыкавшая къ нему вѣтряная мельница чернѣла краснымъ привидѣніемъ. Мѣстность можно было сравнить съ огромнымъ лицомъ, которое то радостно улыбалось, то собиралось въ морщины и нахмуривалось.

Въ это самое утро, часовъ около шести, Верстанъ, дядя Мизгирь, Фуфаевъ и Истя остановились у околицы довольно значительной деревни; у околицы сходились и расходились нѣсколько дорогъ. Верстанъ и Мизгирь тянули прямо противъ деревни; Фуфаевъ, держа за одну руку Верстана, за другую Мизгиря, тянулъ въ деревню.

— Полно, глупый, чего взаправду присталъ! Экъ его разбираетъ! говорилъ Верстанъ.—Я нарочно сказалъ: никакого кабака нѣтъ; ну право же нѣтъ.

— Анъ врешь, оба вы врете, не обманете; поздно оченно, дружки, спохватились! затрещалъ слѣпой своимъ козлячьимъ голосомъ и еще плотнѣе обхватилъ руками товарищей.—Врете: есть кабакъ! видать—не вижу, да носъ сказываетъ! довершилъ онъ, поворачивая лицо къ деревнѣ и обнюхивая воздухъ.

Дѣйствительно ли чуялъ Фуфаевъ запахъ вина, но только его не могли разувѣрить касательно отсутствія кабака, или *Ивана-ёлкина*, какъ онъ выражался. Шагахъ въ сорока отъ околицы возвышалась грязная изба, съ прицѣпленною къ двери сухой, покраснѣвшей сосновой вѣткой.

— Да что ты, волкъ тебя ѣшь, деньгами, что ли, разбогатѣлъ? кладъ, что ли, нашелъ? съ грубымъ смѣхомъ произнесъ Верстанъ,—али ужъ такой разстрой вдругъ сдѣлался, что обождать нельзя? Всего пять верстъ до села-то осталось: тамъ выпьешь!

— Да чего ждать-то! ждать нечего! почти умоляющимъ голосомъ проговорилъ слѣпой, — тамъ что̀ еще будетъ! дѣло впереди, въ дорогѣ; здѣсь при спопутности, само въ руки просится!.. Да о чемъ, братцы, ваша забота? Чего уперлись? Твои, что̀ ль, аль ваши деньги пропиваю? Вашихъ не прошу, не надыть! Самъ угощаю, самъ всѣхъ пою, всѣхъ пою; такая, знать, моя охота!

— Было бы на что угощать-то! насмѣшливо перебилъ Верстанъ.—Угощать-то ужъ не на что: весь, какъ есть, давно пропился; платьишко, какое было, и то даже все зарѣзалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, съ того самаго села Болѡтова, въ виду котораго оставили мы нищихъ послѣ переѣзда черезъ Оку, Фуфаевъ почти не отрезвился совершенно. Имъ точно одурь какая-то овладѣла. На памяти Верстана, бродившаго вотъ уже скоро лѣтъ пять съ Фуфаевымъ, всего разъ пять прорывало такимъ образомъ слѣпого. Сначала Фуфаевъ молчалъ три дня сряду, и какъ только приходилъ на отдыхъ, ложился и засыпалъ сномъ непробуднымъ. Случайно нищіе зашли какъ-то въ кабакъ; слѣпой выпилъ и уже съ этой минуты загулялъ безъ удержу безо всякаго. Онъ пропилъ всѣ деньги, пропилъ новую рубашку, купленную на базарѣ, пропилъ новые лапти и старые, пропилъ шапку, липовую чашку для подаяній, которая составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ нищихъ, такъ что у рѣдкаго не найдете вы ее въ сумѣ; наконецъ, Фуфаевъ пропилъ полушубокъ, служившій столько лѣтъ и имѣвшій такой видъ, что превращалъ своего владѣльца въ какого-то нѣгаго человѣка. Теперь у Фуфаева оставались пустой мѣшокъ да еще бабій зипунъ, подаренный ему наканунѣ сострадательной помѣщицей. Верстанъ нѣсколько разъ покушался удерживать порывы товарища, когда находилъ въ этомъ расчетъ — все было напрасно. Фуфаевъ, какъ истинный философъ, говорилъ, что ему изъ одежды ничего теперь не надо, благо время теплое: о зимѣ загадывать нечего: зима за горами—можетъ еще и не доживешь: полушубокъ и все остальное такъ же напрасно пропадутъ, лучше же теперь при *живности* употребить ихъ себѣ въ удовольствіе. Или же, когда товарищи слишкомъ ужъ сильно приставали, онъ говорилъ коротко и ясно: „Ну, да ладно! слова только теряете: чернаго кобеля не вымоешь до-бѣла; такимъ, стало, уродился!“

Отъ села Болѡтова до настоящей минуты онъ не переставалъ пѣть пѣсни, плясалъ, выкидывалъ разныя скоморошныя штуки, разсказывалъ притчи и сказки, и вообще съ той минуты, какъ впервые попалъ ему хмель въ голову, находился въ неукротимомъ припадкѣ веселости; измѣнялъ же ему и даже приходилъ въ яростное раздраженіе тогда только, когда упоминали ему о вожакѣ

Мишкѣ: онъ объявилъ наотрѣзъ, что не хочетъ, чтобъ говорили ему объ этомъ. Не будь у Фуфаева зипуна, подареннаго помѣщицей, Верстанъ, весьма вѣроятно, не послушалъ бы слѣпого; но зипунъ склонилъ Верстана на сторону товарища.

— Что съ нимъ будешь дѣлать! сказалъ онъ, поворачиваясь къ дядѣ Мизгирю,—такъ ужъ и быть, надо уважить; ну, пойдемъ!

— Вотъ люблю! вотъ молодцы! Слышь, дядя, какъ къ ручью либо къ рѣчкѣ прійдемъ, вымой руки да мнѣ скажи, я ихъ поцѣлую! право поцѣлую! воскликнулъ Фуфаевъ, выпустилъ изъ своихъ рукъ руки нищихъ, вскинулся на воздухъ и, хлопнувъ ладонью надъ кудрявою своею головою, сказалъ Петѣ, чтобъ онъ велъ его „къ *аптекѣ*, гдѣ вылѣчиваются всѣ болѣзни и даже выгоняются всѣ двѣнадцать сестеръ лихоманокъ“.

Улица деревни давно уже оживлялась народомъ; бабы шли за водою къ пруду или возвращались оттуда; старики, сидя на завалинкахъ или стоя въ воротахъ, протирали заспанные глаза; заботливые хозяева возились съ лошадьми. Фуфаевъ чуть не наткнулся на одного мужика, гнавшаго лошадей съ водопоя.

— Экъ тебя разбираетъ! Чуть свѣтъ, ужъ носъ насандалилъ! Да видно и этого мало: опять туда же, сказалъ мужикъ.

— А что? аль завидно тебѣ? крикнулъ Фуфаевъ и, подогнувъ колѣни, такъ скоро засѣменилъ ногами, что Петя, который велъ его, чуть не выпустилъ палки изъ рукъ.

Почти въ то же время изъ дверей кабака вышла дюжая, плечистая баба, весьма похожая на штофъ, налитый краснымъ виномъ; къ довершенію сходства, голова ея повязана была желтоватымъ платкомъ: издали совершенная пробка. Въ каждой рукѣ, между пальцами, держала она четыре пустые штофа, по три штофа находилось у ней подъ мышками. За нею выступилъ рыженькій, вскосмаченный мальчикъ съ ковшомъ воды въ одной рукѣ, каждый палецъ другой руки воткнутъ былъ въ горлышко пустого штофа; изо рта мальчика торчала корка хлѣба, которую пережевывалъ онъ путемъ-дорогой. Цѣловальничиха принялась полоскать штофы, не обращая вниманія на приближавшихся нищихъ. Она, какъ тотчасъ же, впрочемъ, оказалось, была баба сговорчивая. Съ ея сто-

роны не было ни малѣйшаго препятствія къ пріобрѣтенію зипуна, если только онъ годенъ; она молча взяла его, помяла въ рукахъ и разставила противъ свѣта, при чемъ изъ прорѣхи посединѣ спины зипуна лучъ солнца ударилъ прямехонько въ лицо цѣловальничихи.

— Чего долго держишь насъ? не *хапаный товаръ* (не краденый), барыня вечоръ подарила: добро, стало-быть, хорошее, вымолвилъ Фуфаевъ.

— Это не наше дѣло разбирать... много оченно будетъ... много васъ здѣсь шатуновъ ходитъ, проворчала баба, продолжая свой осмотръ.

— Довольно ужъ, довольно наглядѣлась, пробасилъ Верстанъ,—говорятъ тебѣ, не *слѣпой* зипунъ-атъ! (не тайно продаваемый).

— Какой слѣпой, весь въ дырьяхъ! проговорила баба.

— Ничего, тетка, сойдетъ! воскликнулъ съ живостью Фуфаевъ,—вещь, примѣрно, такая ходовая, всѣмъ нужная. Ну, говори, что даешь?..

— Десять копеекъ.

— Э! да ты крещеная ли?

— Больше не дамъ. Отваливай, значитъ; некогда...

— Братцы! да вѣдь тутъ на косушку не будетъ... что жъ это она! заговорилъ Фуфаевъ съ сокрушеннымъ видомъ, — слышь, Верстанъ, вотъ что: идетъ, али нейдетъ?..

— Ну, говори...

— Слышь, тетка, началъ Фуфаевъ, обращаясь къ бабѣ, которая принялась за полосканье штофовъ, между тѣмъ, какъ рыжій мальчикъ, сверля пальцемъ носъ, продолжалъ жевать корку,—есть въ пяти верстахъ отъ васъ село Андреевское?

— Есть...

— Есть тамъ ноне приходскій праздникъ?

— Есть...

— Много тамъ народу собирается?

— Отстань! Ступай, ступай! проворчала баба, потерявъ терпѣніе.

— Вотъ что, Верстанъ, подхватилъ Фуфаевъ, — всѣ деньги, которыя получу нонче въ Андреевскомъ, всѣ твои, дай только полтину...

— Несходно, промолвилъ Верстанъ,—тучи собираются... чай, народу будетъ немного; дождь пойдетъ, полтины не соберешь...

— Ну, два дня: ноньче что подадутъ на мою долю, да завтра?

— Недѣлю, пожалуй, можно...

— Какъ? полтину за недѣлю!

— Меньше не хочу...

— За недѣлю-то... пожалуй, и я ему дамъ, промямлилъ дядя Мизгирь, подходя ближе.

Петя далеко не былъ веселъ; онъ не могъ, однакожъ, удержаться отъ смѣха, взглянувъ на рожу, которую скорчилъ въ эту минуту дядя Мизгирь.

— Эхъ вы, жиды окаянные! воскликнулъ Фуфаевъ.— Ну, да что съ вами дѣлать! Какіе вы ни на есть, врагъ-то, видно, сильнѣе васъ! Иду въ кабалу—пропадай моя голова! Давай! присовокупилъ онъ рѣшительно.

Цѣловальничиха взяла деньги, внимательно пересмотрѣла каждую копейку, подняла зипунъ, сказала „три косушки...“ и, пихнувъ рыжаго мальчика, зѣвавшаго на нищихъ, вошла въ кабакъ. Минуту спустя, она вынесла штофъ и толстый зеленоватый стаканчикъ. Фуфаевъ отлилъ немного въ стаканъ, попробовалъ: „знатно!“ Онъ налилъ Верстану, потомъ Мизгирю, а остальное все залпомъ выпилъ, отплюнувъ послѣдній глотокъ. На минуту онъ ошалѣлъ какъ будто; лицо его, окруженное мелкими, спутанными кудрями, какъ шерсть у киргизскаго барана, сдѣлалось багровымъ и склонилось на грудь; бѣлые, широко раскрывшіеся зрачки неподвижно смотрѣли въ землю; въ чертахъ его промелькнуло какъ будто недовольное, тоскливое чувство, но это продолжалось нѣсколько секундъ. Онъ пощупалъ Петю, взялъ у него конецъ палки, сказалъ: „веди меня, наслѣдникъ!“ (онъ звалъ его съ нѣкоторыхъ поръ своимъ наслѣдникомъ) и велѣлъ скорѣе идти къ околицѣ.

— Ну, не удержишь теперь! Куда те несетъ, бѣшеный?.. погоди насъ! смѣясь, вымолвилъ Верстанъ.

Но Фуфаевъ не убавилъ шагу, даже не обернулся: онъ точно ничего не слышалъ. Миновавъ околицу, онъ отряхнулся, отчаянно закинулъ назадъ голову, и запѣлъ вдругъ такъ громко, какъ будто хотѣлъ, чтобъ въ головѣ его звенѣло еще громче:

Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Гармишелевый;
Какъ на дружкѣ-то штаны
Черны-бархатны;

Какъ на дружкѣ-то чулки
Бѣлы-шелковые;
Есть смазные сапоги,
Красна оторочь;
Есть и шляпа со перомъ
И перчатки съ серебромъ...

— Эхъ, эхъ! воскликнулъ неожиданно Фуфаевъ, давъ себѣ сильнаго тумака въ затылокъ и по двѣ оплеухи на каждую щеку.

Послѣ этого онъ закинулъ голову еще выше и запѣлъ еще звонче и отчаяннѣе.

По мѣрѣ того, какъ нищіе подвигались къ Андреевскому, мѣстность, которая теперь почти не освѣщалась солнцемъ, стала замѣтно подыматься въ гору. Они отошли уже версты три отъ околицы, какъ въ воздухѣ неожиданно прозвучалъ колоколъ.

— Слышь, ужъ къ обѣднѣ звонятъ! произнесъ Верстанъ, подталкивая товарищей и ускоряя шагъ, — а все черезъ тебя. Говорилъ, не надо останавливаться...

Звуки колокола, то удалявшіеся, то приближавшіеся, смотря по тому, какъ подувалъ вѣтерокъ, стали раздаваться чаще и слышнѣе. Мало-по-малу надъ извилистой линіей ближайшаго откоса выглянули синеватые лѣса, тамъ выступили пашни, потомъ луга съ извилистой рѣчкой, отражавшей гладкое, сѣрое небо; тамъ, одна за другою, высунулись избы, показался крестъ, кровля колокольни и, наконецъ, какъ только нищіе подошли къ откосу, открылось цѣликомъ село Андреевское, расположенное на берегу рѣчки. Колоколъ звучалъ теперь громко и безъ отдыха; но, несмотря на то, даже съ этой высоты можно было слышать глухой говоръ народа, обступавшаго чернымъ пятномъ церковь и запружавшаго обѣ улицы села. Нищіе поспѣшили спуститься съ кручи и перейти мостъ. У схода съ моста, уткнувшись лицомъ въ траву, лежалъ раскинувшійся во всѣ стороны человѣкъ, какъ бы нарочно положенный сюда съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать извѣстнымъ всякому прохожему, что сегодня въ Андреевскомъ храмовой праздникъ.

— Мотри, не раздави... своего брата раздавишь! сказалъ Верстанъ, толкая Фуфаева.

— Здорово, кумъ! крикнулъ наобумъ слѣпой.

Пьяный поднялъ голову, началъ было смѣяться глупымъ смѣхомъ, но голова его упала снова, и смѣхъ заглохъ въ травѣ.

Нищіе вступили въ улицу, одинъ конецъ которой спускался къ рѣчкѣ, другой, постепенно расширяясь, обнималъ кладбище, къ которому примыкала церковь; улица вплотную была заставлена подводами, съ притянутыми кверху оглоблями; вездѣ жались бабы, лошади, мужики, ребятишки; все это тискалось, сновало взадъ и впередъ, безъ всякой видимой цѣли, и наполняло безтолковымъ говоромъ все Андреевское. Пробравшись съ трудомъ мимо первыхъ подводъ, нищіе натолкнулись на бѣлокураго человѣка съ желтымъ лицомъ и туго перевязанною щекою; выраженіе лица его ясно показывало страданія отъ сильной зубной боли; на немъ былъ поношенный сюртучишка, картузъ съ козырькомъ и черный галстукъ; правая рука его, съ изъѣденными до крови пальцами, повертывала хлыстикъ.

— Куда лѣзете, дьяволы? крикнулъ онъ, пихая Фуфаева,—экъ васъ нонче набралось сколько!..

— Тѣсно, что ли, тебѣ? возразилъ Фуфаевъ, сторонясь.

— Ахъ ты, бестія! воскликнулъ съ негодованіемъ подвязанный господинъ, который былъ не кто другой, какъ писарь станового,—ахъ ты, негодяй!.. довершилъ онъ, вытягивая хлыстомъ по спинѣ Фуфаева.

Фуфаевъ только нагнулся и сказалъ: „разъ!“ Онъ бы, безъ сомнѣнія, сказалъ и два, и три, и четыре, если бъ не вступился Берстанъ.

— Слѣпой, ваше благородіе!.. промолвилъ онъ униженно,—слѣпой, ничего не видитъ...

— Я ему дамъ слѣпой!.. Много васъ здѣсь шляется... Надо бы съ васъ по пятаку за мѣсто — вотъ что!.. добавила подвязанная щека и какъ бы изъ милости пропустила нищихъ.

Послѣ этого онъ запустилъ руку въ карманъ, въ которомъ было ровно столько же десятикопеечныхъ монетъ, сколько стояло возовъ въ Андреевскомъ. Зубную боль не столько проклиналъ самъ писарь, сколько мужики, собравшіеся къ торгу; писарь привязывался къ нимъ съ какимъ-то остервенѣніемъ: у того вѣсы были невѣрны; другого гналъ съ мѣста ни за что, ни про что; третьяго грозилъ связать, если только осмѣлится продать хоть одинъ огурецъ; но десятикопеечная монета, попавъ въ карманъ его, дѣлала рѣшительно чудеса: вѣсы получали вѣрность, мѣсто очищалось, огурцы дѣлались до того годными къ употребленію, что писарь тутъ же съѣдалъ дю-

жину и запрятывалъ другую въ неизмѣримые карманы панталонъ, о вмѣстимости которыхъ зналъ очень хорошо самъ становой.

Нищіе продолжали протискиваться въ шумный лабиринтъ телѣгъ, наполненныхъ картофелемъ, рѣпой, „падалью“ и орѣхами; падаль, то-есть зеленыя, недозрѣвшія яблоки (писарь, зная запрещеніе, лежавшее на этой торговлѣ, съ особеннымъ остервенѣніемъ напалъ на торгашей; внушивъ имъ опасность, которой они подвергаются, онъ взялъ съ нихъ вдвое больше, чѣмъ съ другихъ, послѣ чего падаль пошла въ ходъ и стала даже продаваться лучше всего другого); падаль эта и орѣхи попадались чаще всего; такая шла щелкотня кругомъ, что, казалось, черезъ каждые три воза стояла пылавшая печь и орѣхи бросались туда цѣлыми пригоршнями.

Такъ какъ на церковной паперти не оказалось свободнаго мѣстечка, то Верстанъ и товарищи его поспѣшили занять мѣсто подлѣ дороги. Тутъ сидѣло уже до двадцати нищихъ; они расположились въ кружокъ, вытянувъ ноги къ центру и держа на колѣняхъ липовыя чашки для принятія подаяній. Всѣ дожидались окончанія обѣдни. Наконецъ, зазвонили во всѣ колокола, и народъ повалилъ изъ церкви; нищіе приподняли чашки и, какъ бы сговорившись, разомъ грохнули, такъ что на минуту весь шумъ и гамъ Андреевскаго покрытъ былъ словами:

Жилъ себѣ сла-а-венъ богатъ человѣкъ...
Пилъ, ѣлъ сладко, кормилъ хорошо.
Ле-е-житъ Лазарь, лежитъ весь пра-а-ненъ,
Съ убожествомъ, съ немочью...

Въ чашки стали попадать яблоки, картофель, обглодки хлѣба, иногда мѣдныя деньги; въ послѣднемъ случаѣ бо́льшая часть нищихъ раскрывала глаза, которые жадно устремлялись на чашку съ деньгами, но глаза такъ же быстро опять закрывались. А между тѣмъ въ толпѣ, валившей изъ церкви мимо нищихъ, показались господа: красная, среднихъ лѣтъ барыня, въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ, мальчикъ, двѣ другія дамы и маленькій, красненькій, очень живой кавалеръ, прочищавшій дорогу: это были мелкопомѣстные дворяне, пріѣхавшіе къ обѣднѣ. Красная дама не столько, казалось, негодовала на давку, сколько на общество мужиковъ и дворовыхъ, посреди которыхъ поневолѣ должна была пробираться. Желая, вѣроятно, показать разницу между собою и ими, она заго-

ворила вдругъ на какомъ-то неизвѣстномъ нарѣчіи, понятномъ только двумъ другимъ дамамъ, кивавшимъ одобрительно головою; вмѣстѣ съ этимъ она не переставала звать сына; но имя мальчика, которое старалась она произнести по-французски, никакъ не выходило: Nicolas! Nicolas! кричала дама, а выходило всегда русское: „Никóля, Никóля!“

— Посторонись! долой, болванъ! чего лѣзешь, дура? кричалъ между тѣмъ красненькій кавалеръ, прочищая дорогу.

Но какъ ни пѣтушился онъ, сколько ни подскакивалъ кверху, усилія его не произвели никакого дѣйствія, сравнительно съ тѣмъ, что произошло, когда явился становой. Онъ выступалъ, однакожъ, ровнымъ, спокойнымъ шагомъ и, кромѣ чувства внутренняго достоинства, ничего не было на благородномъ лицѣ его; онъ старался не замѣчать, что вокругъ дѣлалось; замѣтно даже отворачивался, когда попадался на глаза писарь. Успѣхъ станового въ толпѣ, которая быстро раздавалась, укололъ, повидимому, красненькаго кавалера.

— Я сейчасъ встрѣтилъ вашего писаря, сказалъ онъ, подходя къ нему и рисуясь передъ дамами,—послушайте, остановите его; онъ просто со всѣхъ тащитъ взятки! Это... это ни на что не похоже!..

Становой обернулся къ дамамъ и, въ знакъ уваженія, выставилъ впередъ правую ногу; широкое, благородное лицо его переполнилось ангельскою добротою и кротостью.

— Помилуйте, сударыня! вымолвилъ онъ, обращаясь и къ красненькому кавалеру, и къ дамѣ,—нельзя ему и не взять; жалованья на писарей не полагается... человѣкъ бѣдный... шестеро дѣтей—посудите сами...

— Анна Васильевна! барышня! Нилъ Герасимычъ и Зосимъ Степанычъ! перебила неожиданно расфранченная попадья, выскакивая откуда-то и разомъ обращаясь ко всѣмъ,—прошу дерзнуть, мы васъ ожидаемъ... чайку выкушать, пирожка закусить...

— Мы и такъ шли къ вамъ, *тѣмъ болѣе, что, кажется, дождикъ собирается*... тономъ высокаго покровительства, но не безъ колкости проговорила красная дама, въ душѣ ненавидѣвшая попадью за то, что она была богаче и ѣздила въ бричкѣ, тогда какъ у помѣщицы былъ старенькій, годный только въ ломъ, тарантасъ.

Помѣщики исчезли въ толпѣ, шумъ которой все еще

заглушался пѣснею Лазаря: она гудѣла какъ исполинскій шмель, летавшій надъ деревней. Время выхода изъ церкви — самое выгодное для нищихъ, и потому они не щадили горла; одни, мрачно уткнувъ подбородокъ въ грудь, выводили густыя ноты; другіе кричали, какъ будто снимали съ нихъ кожу; третьи такъ надсажались, что мальчишки, стоявшіе позади кружка, могли перечесть у нихъ во рту всѣ зубы, не выключая даже коренныхъ; но все-таки, посреди этого оглушающаго оранья, сильнѣе другихъ давалъ себя чувствовать козлячій, дребезжащій голосъ Фуфаева. Наконецъ, пѣсня Лазаря смолкла. Капли дождя, падавшія время отъ времени, превратились въ мелкій, тоненькій дождикъ, который какъ бы потушилъ послѣднія вибраціи нищенской пѣсни.

— Куда бы теперь укрыться? сказалъ Верстанъ, забирая у Фуфаева всю подань, на что тотъ не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, — въ каждой избѣ теперь гулянка, никто не пуститъ.

— Есть такое мѣсто, можно; пойдемъ укажу, вымолвилъ нищій съ лицомъ, изрытымъ оспою, и соколиными глазами, плутовски глядѣвшими изъ-подъ высокой мѣховой шапки. Онъ сидѣлъ подлѣ Верстана и, повидимому, давно къ нему подбирался.

— Ну, веди, произнесъ Верстанъ.

Фуфаевъ, Мизгирь и Петя послѣдовали за Верстаномъ. Рябой нищій, прозвище котораго было Балдáй (впрочемъ, онъ откликивался также на прозвище Цапля), повелъ ихъ мимо кладбища, мимо церкви, на другую половину Андреевскаго. Вторая улица, точно такъ же, какъ первая, шла по откосу къ рѣкѣ и соединялась съ тѣмъ берегомъ плотиной мельницы, шумѣвшей за ветлами. Здѣсь подводъ было меньше, но зато столпилось столько же народу, если еще не больше, чѣмъ въ первой половинѣ. Толпа особенно сильно напирала къ промежутку между двумя избами, гдѣ слышался бой барабана, взвизгиваніе скрипки и ревъ медвѣдя. Проходя мимо, Петя очень желалъ посмотрѣть на медвѣдя; но сколько ни поднимался онъ на цыпочки, могъ только видѣть лицо „козылятника“, который, припавъ щекою къ скрипкѣ, быстро подергивалъ смычкомъ и еще быстрѣе передергивалъ бровями.

— Чего зѣваешь? пошелъ! я те позѣваю! вымолвилъ Верстанъ, толкая его концомъ палки въ плечо.

Какъ ни привыкъ Петя къ толчкамъ, но на этотъ разъ

толчокъ былъ силенъ и ему стало больно; онъ приподнялъ голову и вдругъ раскрылъ широкіе глаза, раскрылъ ротъ и обомлѣлъ совершенно; выраженіе боли на лицѣ его мигомъ смѣнилось выраженіемъ радости: на возу, шагахъ въ десяти, сидѣлъ дѣдушка Василій, тотъ самый старый торгашъ, который весною пріѣзжалъ въ Марьинское, подарилъ Петѣ образокъ и такъ много ласкалъ его. Весь тотъ вечеръ, вся семья Пети, все Марьинское и вмѣстѣ съ тѣмъ лучъ какой-то неясной надежды на возвращеніе этого прошлаго разомъ освѣтили душу мальчика; сердце его такъ вдругъ заколотило, что на секунду стѣснило дыханіе; забывъ Верстана, онъ рванулся впередъ и крикнулъ, что было мочи: „дѣдушка!“

— Чего?.. кто тамъ еще?.. ахъ ты!.. вымолвилъ Верстанъ, и, мигомъ смекнувъ дѣло, пустился по слѣдамъ вожака и крѣпко схватилъ его за воротъ.

Но старый торгашъ узналъ уже мальчика; онъ суетливо соскочилъ съ воза и, поправляя шапку, которая, попрежнему, лѣзла на глаза, когда старикъ снихивалъ ее на затылокъ, подошелъ къ нищимъ.

— А! ласковый! ласковый!.. какъ ты сюда попалъ? какимъ-такимъ манеромъ?

Петя вырвался изъ рукъ нищаго и, зарыдавъ вдругъ, самъ не зная отчего, бросился къ торгашу и крѣпко обхватилъ его шею.

— Дѣдушка!.. могъ только вымолвить рыдавшій мальчикъ,—дѣдушка!..

— Здравствуй! ласковый! что ты?.. что? какимъ-такимъ манеромъ?.. Ахъ ты, сердечный...

— Оставь малаго-то, отваливай, отваливай! сурово сказалъ Верстанъ, протягивая коренастую руку, чтобъ снова ухватить Петю, который началъ отчаянно кричать и отбиваться.

— Нѣтъ, погоди, братъ! постой! драться тебѣ не показано!.. я драться-то вѣдь не дамъ! Не пуще мнѣ страшенъ! вымолвилъ старикъ, защищая одною рукою Петю, другою отталкивая руку нищаго.

— Дѣдушка... не давай... силой увели! хотѣлъ-было шепнуть Петя на ухо старику, но голосъ измѣнилъ ему; онъ произнесъ эти слова такъ громко, что не только нищіе услышали, но даже народъ, начинавшій сбираться вокругъ.

— Силой увели? какъ такъ? воскликнулъ дядя Василій,

впервые пристально оглядывая нищихъ, — да какъ же это такъ?..

— А не твое дѣло, вотъ какъ! перебилъ Верстанъ, ноздри котораго раздувались.

— Знамо не его дѣло, промямлилъ дядя Мизгирь.

— Отдай малаго, говорю! крикнулъ Верстанъ, бѣшено потряхивая сѣрыми кудрями.

— Да что ты, стращать меня, что ли, выдумалъ? крикнулъ въ свою очередь разгорячившійся старикъ и еще крѣпче ухватилъ мальчика,—не пуще силенъ, не боюсь! Мы еще посмотримъ, кто кого осилитъ, коли на то пошло—да!.. Здѣсь становой недалеко, мы еще къ нему сходимъ—да!.. Погоди орать-то—да!.. Мы спросимъ, какимъ-такимъ манеромъ малѣчикъ-то у васъ—да!.. Братцы! подхватилъ старикъ, обращаясь къ окружавшимъ, которые какъ бараны лѣзли другъ на дружку,—братцы, заступитесь! вѣдь мальчика-то силой увели!.. Онъ мнѣ знакомый... я весь родъ-то его знаю, всю семью, и мать, и отца, и деревню знаю... насильно увели, братцы!

Въ толпѣ послышался глухой говоръ и восклицанія:

— Къ становому ихъ!

— Тащи знай! что съ ними разговаривать-то!

— Веди ихъ!

— Они, знамо, всѣ такіе разбойники, только слѣпыми прикидываются.

— Тащи, старикъ... ничего не бось... мы ти дорогу укажемъ, веди знай!

Какъ только заговорили въ толпѣ, Верстанъ бросилъ мѣшокъ на-земь и, ругаясь на всѣ бока, сталъ торопливо въ немъ рыться. Воззваніе стараго торгаша не успѣло произвести окончательнаго дѣйствія, какъ уже Верстанъ вытащилъ отпускную марьинскаго управителя, данную Лапшѣ на имя сына.

— Кто здѣсь грамотный? произнесъ нищій, обводя глазами собраніе, начинавшее волноваться, — чего онъ пристадъ? кто его уводилъ насильно? вотъ отпускная; читай, кто умѣетъ...

— Что взялъ? крикнулъ рябой нищій, разражаясь смѣхомъ.

Десять рукъ протянулось впередъ; одна рука была длиннѣе другихъ и схватила грамоту. Выступилъ какой-то толстенькій человѣкъ въ нанковомъ изсѣченномъ дождемъ казакинѣ и довольно бѣгло прочелъ отпускную.

— Изъ чего жъ ты, старина, хлопочешь? Все какъ слѣдуетъ, въ аккуратѣ, сказалъ казакинъ, поглядывая на торгаша, который пожималъ губами и потряхивалъ шапкой съ видомъ недоумѣнія.

Присутствующіе такъ же быстро перешли на сторону нищаго, какъ за минуту передъ тѣмъ стояли за старика.

„Ну, что жъ ты, ступай къ становому-то!“—„Эй, плѣшакъ, поправь шапку-то, на спину съѣхала свиней пасти!“—„Чего жъ онъ вправду горло-то далъ?“—„Охота стало напала!“—„Слышь, ужъ не ты ли уродилъ его, дядя, на себя глядя... вишь какъ вступился!“—„Самъ не расчухалъ, да туда же становой!“ сыпалось со всѣхъ сторонъ, и особенно съ той, гдѣ стоялъ рябой нищій, начинавшій было отступать, но теперь голосившій громче другихъ. Самъ дядя Мизгирь раза два ругнулъ торгаша. Одинъ Фуфаевъ слова не вымолвилъ; онъ поглаживалъ курчавую свою голову, вымоченную дождемъ, и даже какъ будто посмѣивался.

— Ну, довольно; теперь отваливай! Не отстанешь, по-свойски раздѣлаюсь, сказалъ Верстанъ, дѣлая шагъ впередъ.

Петя, дрожа отъ страха, отчаянно вцѣпился въ тулупчикъ торгаша. Онъ сталъ кричать и отбиваться ногами.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, какъ собаки напали! говорилъ, между тѣмъ, дядя Василій, обращаясь то къ одному, то къ другому,—вы хошь въ разумъ-то возьмите... особливо ты, братъ, точно, право, некрещеный какой! Стало-быть, не хочется ему съ вами идти! стало-быть, хорошо ему съ вами! Пойми; онъ еще невеличекъ, махонькій... что тутъ! Погодите маленько, дайте хошь слово сказать... Я весь родъ знаю, и мать, и отца... Что вы, какъ собаки, право. Полно, ласковый, подхватилъ старикъ, стараясь уговорить Петю,—не плачь, потерпи маленько. Я вотъ и то въ вашу сторону сбирался... я обо всемъ этомъ дѣлѣ поразспрошу, какимъ-такимъ манеромъ... Ахъ, ты сердечный... право, жаль тебя до смерти!.. Ахъ ты, поди дѣло-то какое!

— Ладно, тогда назадъ и возьмешь! сказалъ Верстанъ, хватая за руку Петю.

— Экъ его, сердечный! воскликнула какая-то баба,—какъ паренекъ-то убивается... поглядя-тка... ишь, какъ убивается, горькій...

— Эй, старикъ! старикъ! неожиданно крикнулъ рябой

нищій, забѣжавшій за спину Василья,—погляди-ка, весь товаръ твой дождемъ вымочило.

Старикъ обернулся; Петя снова припалъ было къ нему, но пальцы Верстана какъ клещи впились въ руку мальчика; онъ приподнялъ его и быстро потащилъ впередъ. Старикъ тотчасъ же нагналъ его.

— Бога ты не боишься, вымолвилъ онъ, загораживая дорогу. — Ну что ты такъ тиранствуешь-то—а? Грѣхъ какой на душу принимаешь... Бога хоть побойся! вѣдь грѣхъ! Вишь, какъ онъ убивается, бѣдненькій...

— Отваливай... а не то... проворчалъ Верстанъ, замахиваясь свободною рукою.

Видя, что силой и убѣжденіями не возьмешь, хуже еще, можетъ статься, навлечешь грозу на мальчика, дядя Василій остановился.

— Я, пожалуй, слышь, пожалуй дамъ что-нибудь... Эй, слышь, скажи, гдѣ ночуете?.. Вишь, дождь; чай, здѣсь остановитесь?..

Верстанъ не обернулся даже и сталъ тащить Петю.

— Эй, слышь, дядя! крикнулъ рябой нищій, поворачиваясь къ торгашу, — далече идемъ, село Завалье знаешь? И онъ засмѣялся во всю глотку.

— Эй, старикъ! эй, бусы! бусы! бусы почемъ? крикнула какая-то баба съ воза.

Дядя Василій глянулъ назадъ, потомъ глянулъ впередъ на нищихъ, которые быстро удалялись, ударилъ ладонями объ полы своего полушубка и пошелъ къ возу, поправляя шапку, которая окончательно выходила изъ повиновенія.

— Ну, ужъ погоди, пострѣлъ, окаянный ты этакой! теперь я съ тобой раздѣлаюсь! сказалъ Верстанъ, когда послѣднія избы Андреевскаго остались назади, — я тебѣ покажу дѣдушку!

Фуфаевъ, державшій руку на плечѣ Верстана, не пропускалъ ни одного его слова и движенія. Онъ ощупалъ голову Пети, перенесъ руки на плечо мальчика, слегка подтолкнулъ его впередъ и, дѣлая видъ, какъ будто кашляетъ, скороговоркою шепнулъ ему: „не бойся, ничего... наслѣдникъ... выручу... не бойся“. Но заступничество Фуфаева мало утѣшило мальчика. Отчаянныя рыданія продолжали надрывать грудь его, на которую потоками текли слезы и сыпался мелкій встрѣчный дождикъ; бѣдный мальчикъ казался обезумѣвшимъ отъ горя. Сознаніе пришло

къ нему не прежде, какъ когда ноги нищихъ застучали на мельничной плотинѣ; первою его мыслью было броситься въ воду, но Верстанъ, вѣроятно, опытный въ продѣлкахъ, какія отчаяніе внушаетъ иногда маленькимъ вожакамъ, предупредилъ намѣреніе Пети: онъ снова крѣпко взялъ его за воротъ.

— Эй, слышь, куда жъ ты насъ ведешь? спросилъ онъ, обратившись къ рябому Балдаю, который шелъ шагахъ въ десяти.

— А вотъ погоди, пройдемъ мельницу, сарай такой будетъ... Отселѣва не видать, за косогоромъ! Тамъ прежде кирпичи обжигали... Мѣсто знатное! Мы завсегда тамъ ночуемъ... Ступайте только, добавилъ онъ, сворачивая къ мельницѣ.

Пройдя мельницу и длинные мельничные навѣсы, Балдай вдругъ остановился, схватился за бока и залился смѣхомъ. Нищіе поспѣшили нагнать его. Задняя часть навѣсовъ составляла глухой уголъ съ клѣтью и амбаромъ мельника; въ этомъ глухомъ углу, глядѣвшемъ на открытое, пустое поле, нищіе увидѣли старенькаго лысаго старичка, который быстро сѣменилъ ногами, откидывался въ сторону, билъ надъ головою въ ладоши и откалывалъ самаго отчаяннаго трепака. Онъ былъ совершенно одинъ; единственнымъ зрителемъ всего происходившаго, кромѣ нищихъ, была шапка старика; онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, кружился надъ нею, прищелкивалъ пальцами и приговаривалъ задыхавшимся отъ усталости голосомъ: „Ахъ, ахъ! что ты? что ты—ахъ!“ Узнавъ причину всеобщаго хохота, Фуфаевъ прыгнулъ впередъ, крикнувъ: „ходи знай, люблю!“ и засѣменилъ въ свою очередь ногами, налетая поминутно на старика, который ничего какъ будто не замѣчалъ и продолжалъ откалывать самыя удивительныя колѣнца передъ своей шапкой.

— Экой онъ у васъ весельчакъ, этотъ слѣпой! сказалъ Балдай, надрываясь со смѣху пуще прежняго.

— Веселъ, да некстати, сурово промолвилъ Верстанъ, котораго, повидимому, мало развлекало все это.—Ну, ступай, полно тебѣ бѣситься-то... дьяволъ! Вишь, дождь идетъ! добавилъ онъ, толкая Фуфаева.

Пройдя шаговъ триста, нищіе вошли въ оврагъ и увидѣли полуразрушенную кровлю заброшеннаго кирпичнаго сарая.

— Ну, вотъ и пришли! радостно кричалъ Балдай.

— Ладно... вижу... Ну, братъ, теперь я съ тобою раздѣлаюсь, присовокупилъ Верстанъ, поглядывая на Петю изъ-подъ нахмуренныхъ, шершавыхъ бровей своихъ.

Фуфаевъ украдкою дернулъ Петю за рукавъ. Нищіе вошли въ сарай, гдѣ тотчасъ же закрыла ихъ густая, непроницаемая тѣнь.

VIII.

Знакомство.

Дождикъ, который зарядилъ, какъ видно, на цѣлыя сутки (небо представляло теперь одинъ сѣрый сплошной куполъ), перенесъ мало-по-малу веселье съ улицъ Андреевскаго въ избы; гамъ, носившійся надъ селомъ, замѣтно стихалъ, и улицы пустѣли; народъ, явившійся поглазѣть на праздникъ и не имѣвшій въ Андреевскомъ сродственниковъ, кумовьевъ и сватовъ (такого народу было очень мало), поплелся домой. По всѣмъ дорогамъ, уходившимъ отъ Андреевскаго, мелькали сквозь сѣть дождя красные платки бабъ и дѣвчонокъ, и видно было даже издали, какъ скользили онѣ и увязали въ грязи. Кое-гдѣ раздавался скрипъ удалявшагося воза. Съ той стороны, гдѣ былъ мостъ, вотъ ужъ скоро полчаса, какъ какой-то голосъ отчаянно звалъ на помощь: то былъ торговецъ пàдалью; возъ его лежалъ вверхъ колесами подлѣ воды; весь товаръ уплылъ; на поверхности рѣки оставались всего два несчастныя гнилыя яблока, отъ которыхъ какъ будто отказались остальные уплывшіе товарищи. Многіе въ Андреевскомъ слышали голосъ торгаша, но никто не тронулся. „Время праздничное, разсуждалъ каждый,—всѣ шибко подгуляли; можетъ, онъ такъ кричитъ; можетъ, шальной какой-нибудь, спьяна легъ да и кричитъ!“

Несмотря на усиливающійся дождикъ, народъ не покидалъ одного только мѣста—именно, промежутка между двумя избами, тамъ, гдѣ плясалъ медвѣдь; оттуда все еще слышались бой барабана, бряцанье цѣпи и судорожное визжанье скрипки. Наконецъ, промокшій насквозь барабанъ отказался совершенно отъ употребленія: палочки били какъ по войлоку, струны скрипки растянулись, вмѣстѣ съ этимъ растянулось и самое лицо козылятника; оно оживало, надо полагать, не иначе, какъ когда припадало лѣвой щекой къ скрипкѣ; едва скрипка исчезла въ мѣшкѣ, желтое лицо козылятника приняло выраженіе ноющей

тоски и глубокой меланхоліи; дождь, лившій съ его мѣховой шапки и капавшій съ длиннаго носа, окончательно придалъ козылятнику видъ человѣка, удрученнаго невыносимою внутреннею скорбію.

— Шабашъ! кончай! полно! произнесъ товарищъ его, дюжій, плечистый и очень веселаго вида нижегородецъ.

Онъ тряхнулъ въ послѣдній разъ цѣпью, сказалъ: „ну, Матрена Ивановна, поворачивайся!“ кинулъ за спину барабанъ и оглянулъ присутствующихъ, которые всѣ поспѣшили отброситься назадъ; многіе, стоявшіе въ заднихъ рядахъ, обратились даже въ бѣгство, какъ будто тотчасъ же спустятъ на нихъ медвѣдя или ухватятъ за воротъ и насильно потребуютъ денегъ за медвѣжью пляску. Изъ всей толпы одна баба подала вожаку два яйца. Нижегородецъ началъ разспрашивать ее, не найдется ли избы, куда бы пустили ихъ переждать дождь, а, можетъ, и переночевать, коли дождь не уймется до утра.

— Врядъ, касатикъ, возразила баба,—вишь праздникъ, вездѣ гости, не пустятъ. Вы бы на мельницу сходили, попытали; тамъ мѣста много... сараи-то большущіе, не то, что̀ крестьянскіе...

Сказано — сдѣлано; но прежде нижегородецъ предложилъ зайти въ кабакъ и взять вина. На сборъ нынѣшняго дня, вообще говоря, грѣхъ было жаловаться: было что̀ приберечь, было изъ чего повеселить душу. На дорогѣ къ кабаку, который находился при выходѣ изъ Андреевскаго со стороны мельницы, вожакъ и меланхолическій его товарищъ услышали за собою хлясκъ копытъ и яростные, бѣшеные крики:

— Посторонись! прочь съ дороги, канальи! прочь! дави ихъ! дави!..

Медвѣжатники увидѣли маленькаго, но очень краснень-каго господина, сидѣвшаго на козлахъ тарантаса рядомъ съ сѣдымъ, сгорбленнымъ кучеромъ; тарантасъ, по словамъ нижегородца, который отошелъ въ сторону съ медвѣдемъ, едва ли могъ переѣхать десять верстъ: лошади были, очевидно, крестьянскія и давно не кормленныя. Изъ тарантаса выглядывали розовыя шляпки двухъ дамъ и голубая шляпка Анны Васильевны, той самой дамы въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ, у которой изъ французскаго имени: Nicolas выходило всегда русское: *Никóля*.

— Дави ихъ, негодяевъ! продолжалъ кричать между тѣмъ красненькій господинъ, хотя давить уже было не-

кого, потому что медвѣжатники давно стояли въ сторонѣ, но красненькій господинъ такъ разгорячился, что ничего, казалось, не видѣлъ и не соображалъ: онъ топалъ ногами и размахивалъ руками, какъ будто тарантасъ скатывался въ бездонную пропасть и предстояла неминуемая гибель сидѣвшимъ въ немъ дамамъ.

— Ахъ, Нилъ Герасимычъ! намъ, право, совѣстно... васъ дождь вымочитъ, притомъ вы такъ безпокоитесь... проговорила Анна Васильевна.

— Помилуйте, сударыня, это моя обязанность... на то мы мужчины! возразилъ красненькій господинъ, выламывая спину и съ живостью обращаясь къ дамѣ.

— Ахъ, какъ глупа эта попадья — не правда ли?.. Боже, какъ глупа... Хи-хи-хи... Слышали, mesdames, какъ говорила она: „удостойте подойти къ пирогу!..“ хи-хи-хи...

— Хи-хи-хи... засмѣялись въ одинъ голосъ розовыя шляпки.

Нилъ Герасимовичъ находился въ нерѣшимости, смѣяться ли ему, или привстать на козлы и снова крикнуть на медвѣжатниковъ; но послѣдніе находились уже въ десяти шагахъ за тарантасомъ. Нилъ Герасимовичъ засмѣялся.

— Вишь про пироги какіе-то разговаривали! вымолвилъ нижегородецъ, кивая головою на отъѣзжающихъ,—и я бы ништо, поѣлъ бы теперь пирожка-то...

Впрочемъ, не надо думать, чтобъ Анна Васильевна и двѣ розовыя шляпки пренебрегли пирогомъ попадьи, надъ которой такъ язвительно посмѣивались: отъ пирога остался только кусочекъ нижней корки, да и то потому, что слишкомъ ужъ крѣпко прилипъ къ блюду; если бъ пошарить въ карманахъ Nicolas, который крѣпко спалъ на колѣняхъ матери, можно бы даже найти тамъ десятка три мятныхъ пряничковъ, которыми, сверхъ пирога и чая, угощала гостей своихъ радушная попадья. Но мы рѣдко заглядываемъ въ карманы помѣщиковъ и еще рѣже въ ридикюли помѣщицъ, и потому оставимъ этотъ предметъ.

Нижегородецъ остался въ кабакѣ ровно на столько, на сколько потребовалось, чтобъ продраться сквозь пьяную, кричащую толпу; онъ хотѣлъ сначала купить штофъ, но видъ окружающаго веселья разохотилъ его; онъ запрокинулъ назадъ шапку, крикнулъ:—„э! была не была!“, купилъ еще штофъ и, присоединившись къ меланхолическому козылятнику, продолжалъ путь. Еще на плотинѣ

услышали они пѣсни, крикъ и пронзительный визгъ бабы, раздававшіеся въ избѣ мельницы; у воротъ сидѣлъ смуглый дѣтина, съ бѣлыми, какъ кипень, зубами; онъ сохранялъ невозмутимое равнодушіе ко всему, что происходило внутри мельницы, и, слегка посвистывая, наигрывалъ на гармоніи. Какъ только узналъ онъ, зачѣмъ пришли медвѣжатники, онъ наотрѣзъ объявилъ, что на это надѣяться нечего.

— Хозяинъ теперь загулялъ, сказалъ онъ,—какъ загуляетъ такъ-то, лучше не подходи... Онъ вотъ жену бьетъ теперича, съ самаго утра все бьетъ ее...

— Да какъ же, братецъ ты мой, куда жъ намъ дѣваться-то? возразилъ нижегородецъ, придерживая локтемъ штофъ (другой штофъ выглядывалъ изъ-за пазухи),—вишь время какое... дождь! Совсѣмъ размокропогодилось...

Козылятникъ безотраднымъ взглядомъ обвелъ окрестность, дальніе планы которой исчезали за дождемъ, какъ за сѣрымъ густымъ крепомъ.

— Я вотъ здѣшній батракъ, а обѣдать и то нейду. Добрѣ ужъ оченно расходился нонче хозяинъ-то, добрѣ лютъ! спокойно сказалъ батракъ, продолжая наигрывать на гармоніи.—Да что вамъ здѣсь останавливаться? подхватилъ онъ.—Ступайте вотъ по этой дорогѣ, прійдете, такой сарай будетъ, кирпичи сперва обжигали... отсель не видать, за косогоромъ—тамъ и остановитесь... завсегда стоятъ тамъ медвѣжатники, коли у насъ бываютъ. Это у тебя медвѣдь, дядя, или медвѣдица? заключилъ батракъ.

— Медвѣдица... не подходи, не любитъ! проговорилъ вожакъ.—Да можетъ это далеко, гдѣ ты говоришь?

— Какой далеко! Вотъ тутъ сейчасъ за косогоромъ.

Цѣпь зазвенѣла, медвѣдица поднялась на ноги и пошла за своими хозяевами. Минутъ десять спустя, они увидѣли въ лощинкѣ крышу сарая.

— Э! да тамъ ужъ никакъ есть кто-то! сказалъ нижегородецъ.—Слышь: голоса!

— А Богъ съ ними! мы ихъ не трогаемъ... Мѣста много, они обижаться нами не станутъ, съ невыразимою грустью произнесъ козылятникъ, тяжело вздохнулъ и снова повѣсилъ голову.

Постройка, къ которой они приблизились, была попросту длинный-предлинный полусгнившій навѣсъ, прислоненный верхнимъ краемъ къ обрыву, нижнимъ краемъ упиравшійся въ столбы, кое-гдѣ обнесенные ветхимъ плет-

немъ; какъ ни ветхи были кровля и плетни, они давали, однакожъ, больше темноты, чѣмъ свѣта; нижегородцу и его товарищу нужно было съ минуту хорошенько поосмотрѣться, чтобы разглядѣть лица находившихся тамъ людей.

На самомъ видномъ мѣстѣ сидѣлъ Верстанъ; онъ былъ ужъ разутъ и только принялся за ѣду: нѣсколько корокъ лежало на его толстыхъ колѣняхъ; подлѣ него, съ одной стороны, находился дядя Мизгирь, съ другой—рябой Балдай; первый, по причинамъ, очень хорошо извѣстнымъ Верстану, никогда не разувался: дядя Мизгирь лежалъ врастяжку и дремалъ; Балдай сидѣлъ, поджавъ подъ себя длинныя ноги; онъ не отрывалъ отъ Фуфаева соколиныхъ, быстрыхъ глазъ; стоило Фуфаеву повернуть голову, крякнуть, сдѣлать самое простое движеніе, или сказать самое незначащее слово, чтобъ возбудить въ длинномъ, рябомъ Балдаѣ припадокъ истерическаго смѣха. Кромѣ Фуфаева, расположившагося немного поодаль прямо противъ Пети, никто не обращалъ вниманія на мальчика. Петя сидѣлъ, прислонившись спиною къ глиняному обрыву; лицо его, закрытое обѣими ладонями, лежало на колѣняхъ, по которымъ разсыпались его волосы; онъ тихо плакалъ; подавляемыя рыданія переливались въ груди его и горлѣ; видно было по движеніямъ головы и худенькаго туловища, какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило мальчику превозмочь свое горе. Нижегородецъ остался какъ будто очень доволенъ и компаніей, и помѣщеніемъ. Онъ дернулъ цѣпью, поднялъ медвѣдицу на заднія ноги и провозгласилъ торжественно:

— А ну-ка, Матрена Ивановна, поклонись всей честной компаніи, да въ ноги, хорошенько!.. Спроси: не потѣснимъ ли васъ, дескать?.. а потѣснимъ, на томъ, скажи, и дѣлу конецъ!.. дѣваться больше некуда! заключилъ вожакъ и, безъ дальнѣйшей церемоніи, отправился въ дальній уголъ привязывать Матрену Ивановну; меланхолическій скрипачъ пошелъ туда же съ своей козой и скрипкой.

Балдай осклабилъ зубы и съ какою-то хищною жадностью впился въ Фуфаева, какъ бы выжидая отъ него какой-нибудь выходки. Балдай не ошибся: хотѣлось ли слѣпому разсмѣшить Петю, котораго до сихъ поръ тщетно утѣшалъ онъ словами, или попросту пришла ему охота скоморошничать, онъ сталъ на четвереньки, тяжело поднялся на ноги, дико заревѣлъ и началъ представлять

медвѣдя, что было ему нетрудно: самъ онъ, всей своей фигурой, похожъ былъ на шершаваго медвѣжонка. Балдай закатился нескончаемымъ смѣхомъ. Нижегородецъ, возвращающійся изъ дальняго угла съ своими штофами, остановился передъ Фуфаевымъ и также засмѣялся.

— Ништо, знатный медвѣдь! Маленечко вотъ только поломать бы надо! сказалъ онъ.—А что, хошь я тебя возьму? Годикъ округъ колеса у мепя походишь, тамъ ноздри тебѣ прожжемъ, цѣпь пропустимъ, да кажинный день разовъ по пяти палкой по спинѣ—всю науку произойдешь! Жалованье платить стану... А ну-тка-сь, ну: „а какъ малые ребятишки горохъ воровали?“... ну...

Фуфаевъ грохнулся на-земь и заревѣлъ во сколько хватило силы. Нижегородецъ съ удивленіемъ глянулъ на рябого Балдая, который чуть не лопался со смѣху. Онъ сѣлъ недалеко отъ Фуфаева. Къ нему присоединился меланхолическій товарищъ съ котомкой, гдѣ видны были яйца и ломти хлѣба.

— Глянька-сь, Зинзивѣй: въ лѣсъ не ходили, а звѣря нашли! сказалъ нижегородецъ, толкая локтемъ козылятника.—Да звѣрь-то какой, совсѣмъ почитай обученый... Къ тому и ручной совсѣмъ; хлопотъ меньше: зубовъ пилить не надыть...

— Да и глазъ-то выжигать не стать! вишь: готово дѣло сдѣлано! воскликнулъ Фуфаевъ, подымаясь на ноги, комически потряхивая головою и вращая бѣлыми своими зрачками.

— Зинзивѣй, смотри: слѣпой! право слѣпой!.. Вотъ поди жъ ты, слѣпъ человѣкъ, а какъ потѣшается!

Зинзивѣй испустилъ вздохъ, какъ бы соболѣзнуя о несчастномъ, послѣ чего разбилъ яйцо на угловатой головѣ своей и смиренно принялся лущить скорлупу.

— Ай да слѣпой! Ну, братъ, впервинку такого вижу! сказалъ вожакъ.—Да ты, видно, шутникъ! Поди ты какія штуки выдѣлываетъ!..

— А ужъ такой-то любопытный! такой-то... Я самъ впервые вижу такого! воскликнулъ, смѣясь, Балдай.

Онъ заговаривалъ теперь съ вожакомъ точно такъ же, какъ заговаривалъ въ Андреевскомъ во время обѣдни съ Верстаномъ. Одно изъ свойствъ егозливой, подленькой природы длиннаго Балдая было подольщаться ко всякому; въ поспѣшности его сближаться проглядывало какъ будто желаніе развѣдать чужія дѣла, обстоятельства, нравы и

мысли; быстрые соколиные глаза рябого нищаго подтверждали, что имъ въ этихъ случаяхъ управляло не одно пустое любопытство.

— О чемъ это у васъ мальчикъ-то плачетъ? спросилъ вдругъ нижегородецъ, оборачиваясь къ Петѣ.

— А въ два смычка на спинѣ поиграли, объ томъ видно! смѣясь, сказалъ Балдай.

— Да за что жъ такъ?

— Стало-быть надо было, буркнулъ Верстанъ, пережевывая свои корки.

— Вишь ты: призналъ этта онъ нонче на праздникѣ какого-то вишь своего знакомца изъ своей деревни! словоохотливо заговорилъ Балдай.

— Ну такъ что жъ, что призналъ?..

— А вотъ старикъ сказывалъ (Балдай указалъ на Верстана), такой вишь точно случай вышелъ съ однимъ нищимъ: пришелъ онъ лѣтось также вотъ на праздникъ, съ мальчикомъ приходилъ. Возьми мальчикъ-то да и признай мать, либо тетку, что ли. Сталъ такъ же плакаться, говоритъ: „житье, говоритъ, добрѣ нехорошо!“ Она возьми да къ становому... такъ и такъ, говоритъ... Что бы ты думалъ? вѣдь мальчика-то у нищаго отняли! А онъ, слышь, той же матери деньги отдалъ за парнишку, хлопоталъ надъ нимъ, возрастилъ его—взяли да и отняли; такъ ни при чемъ и остался!..

— Черезъ то, значитъ, глупый человѣкъ былъ, черезъ то больше и отняли! вмѣшался Верстанъ. — Былъ, вотъ, сказывалъ я имъ, былъ у меня другой знакомый, также изъ нашей братіи: такъ у того, бывало, ребяты-то, небось, никого не признавали, безъ опаски вездѣ ходилъ... Какой ни подвернется ему парнишка... (тутъ Верстанъ обратился къ Петѣ и умышленно возвысилъ голосъ) какой ни подвернется, онъ каждому возьметъ да глаза-то и выколетъ... Съ ними видно и все такъ-то надо дѣлать: дѣло тогда вѣрнѣе...

Съ тѣхъ поръ, какъ пищіе находились въ кирпичномъ сараѣ, Верстанъ раза ужъ три намекнулъ на собрата, который держался обычая ослѣплять вожаковъ своихъ; каждый разъ при этомъ Верстанъ пристально поглядывалъ на Петю и возвышалъ голосъ. Несмотря на заступничество Фуфаева, получившаго даже нѣсколько ударовъ, предназначавшихся Петѣ, Верстанъ больно, очень больно побилъ мальчика, но Петя согласился бы претерпѣть втрое,

вчетверо больше побоевъ, лишь бы Верстанъ не грозилъ лишить его зрѣнія. При первомъ намекѣ, все замерло въ бѣдномъ мальчикѣ; онъ не сомнѣвался, что все теперь кончено, что пришелъ, видно, смертный часъ; послѣдній намёкъ стараго нищаго окончательно убѣдилъ его въ намѣреніи Верстана. Какъ ни крѣпился онъ, но на этотъ разъ не могъ одолѣть отчаянья—бросился лицомъ на́-земь и громко зарыдалъ.

— Эхъ ты, плакуша! съ глупымъ смѣхомъ крикнулъ Балдай.

— А ну-ка-сь, дай-ка я тебѣ буркалы-то вырву! небось смѣяться станешь—а? дерзко возразилъ Фуфаевъ.—Полно, *насльдникъ*, не плачь! подхватилъ Фуфаевъ, не сомнѣвавшійся, что исторія съ нищимъ была разсказана только для острастки мальчику (онъ не могъ прямо разувѣрить Петю, боясь ссоры съ Верстаномъ), — не плачь! плакать не годится: дѣвки будутъ смѣяться!.. Парню слѣдъ быть пригожему, веселливому, привѣтливому, покорливому, гулливому — вотъ какъ! „Я, скажи, буду и безъ глазъ живъ; было бы брюхо!“ На меня смотри: рази я сокрушаюсь? Эхъ-ма! подбавилъ Фуфаевъ, выкидывая колѣнце, при чемъ всѣ засмѣялись, кромѣ Верстана и меланхолическаго козылятника,—ты норови всегда по-нашему: будь безъ хвоста да не кажись кургузъ — вотъ это значитъ человѣкъ есть! А то убивается, какъ горькая кукушечка... а о чемъ? Полно, *насльдникъ*, дѣвки смѣяться станутъ; полно, говорю...

Нижегородецъ, которому, замѣтно, столько же не нравился Балдай, сколько полюбился Фуфаевъ, подсѣлъ къ нему и расположился закусывать, предложивъ слѣпому два яйца и давъ ему еще одно для мальчика.

— Вотъ мы, братцы, здѣсь сидимъ, а дождичекъ-то все покапываетъ, сказалъ онъ, ломая хлѣбъ и поглядывая на стороны, — вишь кругомъ обложило, какъ есть! Не скоро, знать, перестанетъ. Ночевать нѣчего, хорошо; какова только завтра будетъ дорога! Вишь какъ наволакиваетъ; время не пуще много, а совсѣмъ ужъ сумерки.

— О-хо-хо! вздохнулъ Зинзивѣй.

Онъ съѣлъ уже послѣднее яйцо и съ выраженіемъ тоскливаго ожиданья глядѣлъ на штофы товарища.

— А что ты думаешь, братецъ, взаправду, можетъ сумерки! сказалъ Фуфаевъ, который силою запихнулъ два яйца Петѣ за пазуху и возвратился на прежнее мѣсто,—

на мои глаза все ночь; сужу, примѣрно, по времени; время такое подходитъ, къ жнитву, примѣрно; скоро первый Спасъ — дни убывать начали. Э! э, э... задребезжалъ вдругъ тоненькимъ козлячимъ голоскомъ Фуфаевъ,—да у тебя, землякъ, никакъ винцо?.. Фу, фу, эхъ знатно, духовито какъ попахиваетъ! Нѣтъ, землякъ, такъ въ честной компаніи не водится... Рѣжь да ѣшь, ломай да и мнѣ давай—слыхалъ ты это?

— Изволь, землякъ, посмѣиваясь, сказалъ нижегородецъ, — мы съ нашимъ удовольствіемъ; дай только напредки товарищу отпить: надо знать прежде, который которому принадлежитъ.

— Ладно, ладно... То-то, братъ, землячокъ, я бы ужъ давно поднесъ, да винца-то купить не на что; у меня въ карманѣ-то Иванъ-тощій... право слово, Иванъ-тощій!..

— Разсорилъ, стало-быть?..

— Всѣ деньги, которыя были, всѣ рѣшилъ—фю! свистнулъ Фуфаевъ и махнулъ рукою.

Балдай снова закатился. Нижегородецъ подалъ штофъ Зинзивѣю, который началъ такъ пить, какъ будто поднесли ему самаго горькаго лѣкарства; тѣмъ не менѣе штофъ оказался наполовину пустымъ, когда возвратился къ товарищу; послѣ этого Зинзивѣй подмостилъ себѣ подъ голову тулупчикъ, испустилъ три глубокіе вздоха и завалился спать.

— Ну ужъ, братъ, и меня угости, произнесъ заигрывающимъ голосомъ Балдай, когда штофъ перешелъ изъ рукъ вожака къ Фуфаеву.

— А за что тебя угощать? что зубы-то скалишь?..

— Нѣтъ, такъ, для компаніи, ухмыляясь, съ какою-то неловкостью сказалъ Балдай.

— Для компаніи мы будемъ пить вотъ съ кѣмъ! вымолвилъ вожакъ, похлопывая по плечу Фуфаева.

— Ну, Богъ съ тобой... на, пей! отдуваясь, произнесъ слѣпой, подавая Балдаю штофъ, до того осушенный внутри, что, казалось, вино въ немъ было огнемъ выжжено.

Всѣ засмѣялись, не выключая даже дядя Мизгиря. Вожакъ отказалъ Балдаю потому собственно, что ему хотѣлось *срѣзать* эту *шитую рожу*, какъ назвалъ онъ его потомъ. Чтобъ доказать, что онъ вина не жалѣетъ, онъ подалъ новый, полный штофъ Балдаю, по промолвилъ:

— Смотри, братъ, знай только честь!

Онъ передалъ штофъ, но ужъ безъ замѣчанія, Верстану,

дядѣ Мизгирю, и наконецъ самъ сталъ потягивать. Дождь, между тѣмъ, продолжалъ идти своимъ чередомъ; сгущавшіяся тучи замѣтно ускоряли сумерки; углы сарая давно наполнились мракомъ; теперь исчезъ даже Петя; вожакъ могъ только видѣть ноги Верстана и Мизгиря, которые сидѣли противъ; туловища ихъ и головы опутывались сумракомъ; онъ едва уже начиналъ различать черты Балдая и лицо самого Фуфаева, присѣвшаго противъ него на корточкахъ. Но для Фуфаева была всегдашняя ночь или вѣчный день, какъ говорилъ онъ: солнце свѣтило тогда-лишь, когда хмель попадалъ въ голову — онъ веселѣлъ съ каждымъ новымъ глоткомъ. Получивъ штофъ уже въ третій или четвертый разъ, онъ нѣжно прижалъ его къ груди и сталъ укачивать, какъ ребенка, приговаривая: „у кота-кота колыбель хороша! баю-баюшки, баю, красоулюшку люблю!“ потомъ онъ сказалъ, чтобъ глядѣли, какъ онъ перекинется оборотнемъ, превратится изъ матери въ ребенка, и принялся сосать вино.

— Вотъ вы, ребятушки, потѣшаетесь, сказалъ онъ, отымая штофъ отъ рта и переводя духъ,— ладно; а знаете ли, отколь это винцо-то взялось, что̀ попиваемъ теперича—ась? Небось, не знаете...

— Нѣтъ, не знаемъ; разскажи...

— Ой-ли? Ладно; дай спервà-нáперва горло промочить. Онъ хлебнулъ,—это присказка, а сказка впереди... Прозывается она, примѣрно, такой ужъ обычай, прозывается: *горькýха*...

— Слыхали ужъ! произнесъ Верстанъ.

— Слыхали! повторилъ дядя Мизгирь.

— Ну да мало ли что̀! я не слыхалъ! возразилъ вожакъ. — Разсказывай, братъ, разсказывай... примолвилъ онъ, подпираясь локтемъ и заранѣе расправляя бороду, чтобъ ничто не мѣшало смѣяться.

— И я послушаю... о-о! зѣвнулъ Балдай, который началъ съ нѣкоторыхъ поръ потягиваться и терять свою прыткость.

Верстанъ пробормоталъ что-то подъ носъ и улегся; Мизгирь послѣдовалъ его примѣру; Балдай прислонился спиною къ плетню; нижегородецъ припалъ плечомъ къ столбу. Фуфаевъ хлебнулъ и началъ.

IX.

Сказка. — Освобожденіе.

— Жилъ, братцы вы мои (заговорилъ Фуфаевъ), жилъ-поживалъ на бѣломъ свѣтѣ сермяжникъ одинъ, мужикъ по-нашему; звали его *Тюря*—такое прозвище было; имѣлъ онъ капиталъ не то чтобъ малый, капиталъ былъ дюжій: ребятишекъ дюжину да бабу-жену лихую! Мелочи вотъ только никогда у него не важивалось: значитъ, то-есть, не было хлѣбушка, капустки, рѣпки и всякой тамъ другой потребы, что̀ этотъ вотъ кошель набиваютъ (присовокупилъ Фуфаевъ, хлопая себя по животу), ничего этого не было. Да ну ихъ, куда бы ни шло! нипочемъ было ему ходить съ пустымъ брюхомъ: привыкъ сызмаленьку! Главная причина, женой пуще обижался; онъ слово—она десять; онъ два слова — она его за волосы, за виски да о̀-земь!.. Такъ колотила, братцы — ходитъ, бывало, Тюря весь синій, совсѣмъ синій человѣкъ ходитъ... въ одинъ синякъ всего избивала, проклятая!.. Ну, хорошо... Вотъ приходитъ разъ такъ-то время весеннее, подулъ вѣтеръ утренній, запѣли пташки-малиновки... Взялъ Тюря послѣднюю корку хлѣба, которая была, взялъ, сунулъ за пазуху и пошелъ въ поле; время такое къ самой пахотѣ приспѣло. Ладно. Пашетъ онъ часъ, пашетъ другой, поѣсть захотѣлось. „Нѣтъ, говоритъ—такъ, примѣрно, самъ съ собой разговоръ ведетъ — нѣтъ, обожду, говоритъ; поѣмъ, какъ пуще проголодаюсь!“ Взялъ, положилъ корку на межу и пошелъ опять къ сохѣ ко своей; пошелъ къ сохѣ, а самъ и не видитъ, что̀ на межѣ-то на той творится, гдѣ корку-то оставилъ; отколь ни возьмись, прыснулъ чортъ, облапилъ корку, взялъ да подъ кустъ и схоронился... Любо ему, анаѳемѣ, поглядѣть, какъ человѣкъ голодать станетъ!.. Ладно. Вотъ приходитъ Тюря къ межѣ, хвать-похвать, искать-поискать—нѣтъ корки! индо страхъ взялъ, за кожей подираетъ, въ глазахъ митуситъ, шапчонка какая была на ёмъ, и та набекрѣнь... Ну, сталъ пооперяться. „Чтой-то за диво — самъ съ собою опять разговоръ повелъ—никого кажись не было, а корку стибрили!.. А ну, говоритъ, на здоровье ему!“ Сотворилъ молитву, перекрестился и поѣхалъ домой. А чортъ тѣмъ временемъ въ адъ шаркнулъ разсказывать про всѣ дѣла свои; разсказалъ, гдѣ рыскалъ, примѣрно, что̀ видѣлъ, не забылъ упомя-

нуть сатанѣ объ мужиковой коркѣ, а самъ, анаѳема, такъ вотъ и заливается, грохочетъ — очепно, значитъ, забавляется. Какъ крикнетъ набольшій сатана, даже стеклы въ аду задрожали: „Чего ты, кричитъ, дьявольское отродье, потѣшаешься? молчать, говоритъ; разсказывай толкомъ: что, говоритъ, мужикъ сказалъ, какъ ты хлѣбъ-то у него отнялъ?“ Такъ и такъ, говоритъ, сказалъ: „а ну ему, говоритъ, на здоровье!“ — „Ахъ вы пострѣлы! закричалъ опять набольшій чортъ (осерчалъ добрѣ): вотъ всѣ вы такъ, кричитъ, натворите дѣлъ безъ толку безо всякаго, а я за васъ потомъ отвѣчать должонъ. Лети, кричитъ, лети на землю скорѣй къ мужику тому и сослужи ему чѣмъ ни на есть!“ Отправился малый чортъ на землю, согнулся въ три погибели, прикинулся смирячкомъ такимъ, пришелъ къ Тюрѣ и просится въ батраки. „Гдѣ мнѣ нанимать! говоритъ Тюря: вишь, самъ голодаю!“—„Ничего, молвилъ бѣсъ, будемъ голодать вмѣстѣ; платы, говоритъ, не полагается — не надо; служилъ я за плату, говоритъ, а самъ вишь въ заплатахъ; по-моему все одно: есть копейка, нѣтъ ея—все единственно“, говоритъ. Сталъ жить чортъ у Тюри; пашетъ онъ ниву, дивуется мужикъ: навозу на лопату взять нечего, а онъ унавозилъ все поле; хлѣбъ растетъ словно лѣсъ какой; колосъ пошелъ, почитай, съ самаго корня! Ну, сталъ это маненько словно оправляться Тюря; хлѣба стало вдосталь, и жена словно присмирѣла... знамо, съ сытаго-то брюха! Вотъ чортъ и говоритъ разъ Тюрѣ: „слышь, говоритъ, хлѣба у насъ съ залишкомъ; чѣмъ его такъ держать, давай, говоритъ, засѣемъ болото“. Тюря въ надеждѣ былъ, что такой батракъ нанялся, не сталъ перечить. Выѣхали на болото; пашетъ чортъ болото, а оно такъ и сохнетъ подъ сохою; взборонилъ, засѣялъ, а жара не унимается—хлѣбъ растетъ словно на степной пашнѣ. Сначатія-то больно смѣялись сосѣди: „и то, молъ, и сё“; а какъ видятъ, жара не унимается, хлѣбъ на болотѣ выросъ лѣсомъ, стали себя попрекать, зачѣмъ, дескать, не придумали прежде... на ту же статью норовили... Убралъ Тюря хлѣбъ, разбогатѣлъ пуще прежняго. Жена не токма бить, стала къ нему ластиться; а онъ ей нонѣ коты, завтра платокъ врозь-концы, послѣ-завтра калачъ: пуще задобриваетъ, чтобъ смирнѣй была. Приходитъ опять весна, мужики кинулись на болото, а чортъ тащитъ Тюрю на горы. „Не замай, оставь!“ говоритъ. Тюря опять перечить не сталъ. Погодили недѣльку-другую, подули

вѣтры сиверные, полили дожди ливмя: на поляхъ лужи, на болотахъ потопъ; батракъ, сирѣчь чортъ, зачалъ пахать пески да горы; вспахалъ и засѣялъ. Дожди не перестаютъ, вѣтры не унимаются; на поляхъ всходы плохи, въ болотахъ пропало зерно — у Тюри хлѣбъ родился на диковинку, дѣвать некуда! Вотъ и думаетъ чортъ, самъ про себя такъ-то мерекаетъ: „за корку, что стибрилъ тогда у Тюри, отслужилъ я ему на-порядкахъ; надо, говоритъ, ему всучить бы волчка теперича! Служба службой, бѣсъ бѣсомъ“, говоритъ. Вотъ разъ сидятъ оба на заваленкѣ; чортъ и говоритъ: „придумалъ я, слышь, затѣю: хлѣба у тебя въ достаткѣ; сваримъ-ка, говоритъ, пивца!“—Ладно, говоритъ Тюря (простой такой былъ), служилъ ты вѣрно, перечить не хочу; дѣлай, какъ поволится!“ Принялся чортъ за новую работу; затиралъ брагу, подхмеливалъ, гналъ, перегонялъ, умудрялся всякими бѣсовскими манерами; къ утру приноситъ Тюрѣ: „на, говоритъ, попробуй!“ а у самого рожа-то такъ на сторону и лѣзетъ, насмѣхается надъ мужикомъ: хлебнулъ Тюря: „у-ва! горько!..“

Тутъ Фуфаевъ поднесъ штофъ къ собственнымъ губамъ, щелкнулъ языкомъ, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться къ звонкому храпѣнью Верстана и дяди Мизгиря; ему показалось, какъ будто храпѣлъ и Балдай.

— Ребята! да вы никакъ всѣ заснули? вымолвилъ онъ.

— Они всѣ спятъ, а я ничего... Разсказывай знай, разсказывай! проговорилъ нижегородецъ, распяливая глаза, которые начали часто ужъ что-то прищуриваться; впрочемъ, въ сараѣ было такъ темно, что, все-равно, можно было сидѣть съ закрытыми глазами.

— Никакъ и мальчикъ-то заснулъ, наслѣдникъ-то мой?.. Эй, Балдай, спишь? крикнулъ Фуфаевъ, поворачиваясь въ ту сторону.

— А?.. Нѣтъ... я... ничего... добрѣ ужъ оченно-любопытно... добрѣ... сонливо провертѣлъ языкомъ рябой Балдай.

— Разсказывай знай, разсказывай! повторилъ нижегородецъ.

— Ну, вотъ, братецъ ты мой (началъ снова Фуфаевъ, присѣдая на корточки), какъ попробовалъ Тюря этой горькухи-то, что чортъ сварилъ, больно она ему не понравилась, даже плевать началъ. „Ничего, говоритъ чортъ: и пиво горько, и соль солена; пей, ѣшь кисло да солоно, говоритъ, на томъ свѣтѣ не сгніешь! Чего ты опасаешься? Это такъ только спервака не по скусу; тотъ же вѣдь

хлѣбъ, только пожиже, говоритъ; качай, говоритъ, починъ дороже денегъ!“ Сталъ его такъ-то присударивать; знамо, чортъ на свое тянетъ, подольщается. Взялъ Тюря посудинку, опять хлебнулъ: „Ништо, говоритъ, горька-то горька, а ништо!“ — „А хвати-ка еще!“ пристalъ опять чортъ. Хватили вмѣстѣ. „Словно какъ и не горька“, говоритъ Тюря.—„То-то не горька! Оно такъ тебѣ спервака показалось; знатное дѣло, братецъ ты мой, говоритъ чортъ: а нука-сь еще!“ Опять тяпнули по чаркѣ. „Нѣтъ, не горька, говоритъ Тюря, право-слово не горька!“—„И по моему не горька, молвилъ чортъ: такъ индо горло смазываетъ, по животику расходится да по косточкамъ!“ Тутъ ужъ Тюря самъ тяпнулъ не дожидаючи. „Слышь, хозяинъ, заговорилъ опять чортъ: что тебѣ задается? ничего не задается — ась?“—„Сдается, говоритъ Тюря, еще бы хватить маненько!“ — „И то дѣло; качай во здравіе!“ Качай да качай, только и разговору было. „Стой, кричитъ опять чортъ: слышь, хозяинъ, что тебѣ задается? ничего не задается?“ — „Сдается, говоритъ Тюря, словно изба кругомъ пошла... стой, держи! закружитъ, завертитъ, проклятая... да еще уйдетъ пожалуй... пру... пру... безъ избы останемся на зиму!..“—„Не замай, не уйдетъ, говоритъ чортъ, она отъроду никуда не хаживала; побоится идти по незнакомой дорогѣ!“ Лѣзло имъ обоимъ такимъ манеромъ то то, то другое; повалились оба и заснули. Проснулись; сталъ Тюря на голову жалиться; не подымешь никакъ; чортъ опять горькухи принесъ. „Нѣтъ, не по могутѣ“, говоритъ Тюря, а самъ даже стонетъ: „не могу“, говоритъ. „Да ты, братецъ, разомъ только; завсегда такъ водится: клинъ клиномъ выгонять надыть. Я ужъ выпилъ—отлегло!“ Послушалъ мужикъ, выпилъ бычкомъ—и то словно отлегло... „А ну-ка, говоритъ, принеси-ка еще!“ Еще выпили — и пошла у нихъ лей-перелей гулянка! Варятъ горькуху, пьютъ, словно въ бочку наливаютъ! Жена вступилась было — Тюря ее въ ухо; ребятенки пристали — онъ кого о-земь, кого объ уголъ, а самъ кричитъ, горло деретъ: „вари, кричитъ, вари, батракъ, горькуху на весь міръ крещеный, на всю деревню; всѣхъ, кричитъ, угощать хочу!“ Позвали сосѣдей. Пришли всѣ. Сначатія никто не пьетъ, тамъ одинъ попробовалъ, тамъ другой, подъ конецъ всѣ втравились, запили знатно—и пошелъ разгулъ, такой разгулъ, что не видано отъ-роду. Андрей пѣсенъ не пѣвалъ — запѣлъ во всю глотку, схватимшись за оба уха;

Власъ подтыкалъ полы за поясъ, засучилъ рукава: „выходи, кричитъ, выходи—только и жилъ!“ Никита голоситъ, плачется внуку: „нѣтъ-де у меня ни отца, ни матери!“ Селифанъ бьетъ кулакомъ въ печку: „дорогу, говоритъ, давай!“ Михѣшка ходитъ, у всѣхъ прощенья проситъ... То-то была потѣха! Плакали, плясали, пѣли, бились, а подъ конецъ всѣ съ ногъ сгорѣли, повалились и заснули; кто гдѣ стоялъ, тутъ и повалился! Чортъ былъ при этомъ при всемъ. Вотъ и ждетъ онъ другого утра. Стала у всѣхъ голова болѣть; стали всѣ жаловаться: „опоилъ ихъ Тюря бѣсовскимъ зельемъ!“ а чортъ и говоритъ: „ничего, говоритъ, ребята, не печалуйся! клинъ клиномъ выгоняй!“ Всѣмъ поднесъ горькухи, и опять всѣ загуляли... Видитъ это чортъ, возьми да каждому на-ухо и разскажи, повѣдай всѣмъ, какъ ее дѣлаютъ, горькуху-то, и пошла она послѣ того, окаянная, гулять по свѣту по бѣлому...“

Фуфаевъ остановился.

— Эй, землякъ! крикнулъ онъ.

Отвѣта не было. Въ дальнемъ углу слышалось только побрякиванье цѣпи, а кругомъ раздавалось храпѣнье, переливавшееся на пять разныхъ ладовъ.

— Эхва! а я-то тутъ стараюсь! языкомъ бью, плетни выплетаю! вымолвилъ слѣпой, потряхивая головою. Онъ допилъ остающееся вино и ощупью подобрался къ Петѣ, подлѣ котораго прежде еще выбралъ себѣ мѣсто.

— Ну, и этотъ захрапѣлъ! проворчалъ Фуфаевъ, нагибаясь къ мальчику, который въ самомъ дѣлѣ началъ храпѣть, — ну да этотъ пущай его спитъ; нонѣ день такой выпалъ сердягѣ, либо спать, либо плакать! заключилъ слѣпой, укладываясь на голую землю. Онъ крякнулъ и повернулся на другой бокъ, крякнулъ опять и снова перевалился, какъ кадушка, на другую сторону; послѣ этого онъ крякнулъ еще разъ, но ужъ не перевертывался, а захрапѣлъ еще звончѣе товарищей.

Но Петя не спалъ—не до сна ему было: онъ только прикидывался спящимъ. Съ той минуты, какъ забыли о немъ нищіе, до настоящей, въ головѣ его созрѣла мысль, которую могли только породить одинъ безграничный страхъ, одно отчаянье. Онъ рѣшился бѣжать, бѣжать въ эту же ночь. Но куда бѣжать? къ кому? что съ нимъ будетъ, когда убѣжитъ? Ни о чемъ этомъ онъ не думалъ. У него была одна мысль: уйти отъ Верстана, который, вѣрно, не далѣе, какъ завтра, улучивъ минуту, приведетъ въ

исполненіе свое страшное намѣреніе. Минутъ десять послѣ того, какъ захрапѣлъ Фуфаевъ, Петя продолжалъ, однакожъ, лежать пластомъ и не трогался съ мѣста—такъ великъ былъ его страхъ; сердце такъ въ немъ и замирало. Ночь была сырая, но потъ прохватывалъ его насквозь, выступалъ на лбу и на лицѣ, закрытомъ ладонями, прижатыми къ землѣ. Наконецъ, задерживая дыханіе, тихотихо поднялъ онъ голову. Нищіе и медвѣжатники, исчезавшіе въ непроницаемомъ мракѣ, храпѣли; кромѣ этихъ звуковъ было такъ тихо, что Петя могъ пересчитать число людей по храпѣнью и дыханью. Онъ снова сталъ прислушиваться. Время отъ времени, въ дальнемъ углу бряknетъ цѣпь—и только; извнѣ мѣшался мѣрный, однообразный шумъ дождя и хлесканье капель, которыя, скатываясь съ кровли, падали въ лужи.

Петя бережно поднялся на руки и попробовалъ перевернуться на другой бокъ. Все храпѣло попрежнему; это ободрило его; онъ очень хорошо помнилъ гдѣ кто расположился: ему легко было пройти къ выходу сарая и не задѣть никого. Но тутъ овладѣвалъ имъ страхъ пуще прежняго; колѣни его стучали другъ о дружку; онъ долженъ былъ прижать грудь руками и открыть ротъ, чтобъ перевести дыханіе, которое спиралось въ пересыхавшемъ горлѣ. „Сейчасъ хватится Верстанъ, сейчасъ хватится и крикнетъ!“ думалъ онъ. Петя вспомнилъ вдругъ, что прежде, въ Марьинскомъ, живучи дома, когда случалось ему вскидываться со сна, мать подбѣгала къ нему и начинала крестить его... Онъ торопливо, нѣсколько разъ сряду перекрестился и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Онъ бѣжалъ почти безсознательно; въ первыя минуты имъ управлялъ одинъ инстинктъ, одно чувство самосохраненія, внушавшія ему удаляться отъ Андреевскаго. Самъ не замѣчая этого, выбрался онъ изъ лощины и очутился посреди пустынныхъ полей, гдѣ шумѣлъ только дождь. Но страхъ, овладѣвавшій имъ, повидимому, все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся, привязывалъ крылья къ ногамъ его; онъ ни на минуту не останавливался. Не чувствуя тяжести платья, насквозь пропитаннаго дождемъ, не чувствуя усталости, онъ бѣжалъ впередъ и впередъ, самъ не зная, какъ перескакивалъ межи, дождевыя промоины, какъ перелѣзалъ овраги, перемежавшіе иногда путь. Усталость скоро, однакожъ, взяла свое; онъ остановился и поспѣшилъ припасть къ

землѣ, хотя въ трехъ шагахъ можно было пройти мимо и не замѣтить его. Сердце его билось такъ сильно, что, казалось, слышалось ему, какъ стучало оно; но, кромѣ этого звука и шума дождя, онъ ничего не слышалъ. Онъ подумалъ, что рано еще останавливаться: слишкомъ близки нищіе; превозмогъ усталость и снова пошелъ впередъ. Такъ шелъ онъ всю ночь, изрѣдка останавливаясь, чтобъ перевести духъ.

Утро застало его на возвышенномъ мѣстѣ, посреди неоглядныхъ полей, мѣстами покрытыхъ колосившеюся рожью, мѣстами голыхъ или усѣянныхъ кустарникомъ. Дождь пересталъ на минуту; кругомъ открылось неоглядное пространство; кой-гдѣ выглядывали деревушки, бѣлѣла церковь, или темно-синимъ пятномъ раскидывался лѣсъ. Петя не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана, кромѣ того развѣ, чтобъ, въ случаѣ, если увидитъ бѣгущихъ за нимъ нищихъ, броситься тотчасъ же въ рѣку. Мысли бѣднаго мальчика были такъ встревожены, что онъ не задавалъ себѣ даже вопроса, что́ дѣлать ему, если въ такомъ случаѣ не найдется рѣчки подъ рукою. Рѣчка должна быть—вотъ и все тутъ! Онъ побоялся, однакожъ, войти въ одну изъ деревень, попадавшихся кой-гдѣ на дорогѣ; по соображеніямъ его, Верстапъ былъ еще близко: легко можно было натолкнуться на него въ жиломъ мѣстѣ. Мысль, что въ настоящую минуту Верстанъ уже пробудился, можетъ даже ищетъ его, заставила его забыть усталость; онъ продолжалъ подвигаться впередъ, снялъ даже лапти для облегченія ходьбы, и самъ подивился, какъ не придумалъ этого прежде: они смерть его измучили. Пройдя шаговъ двадцать, Петя вернулся назадъ и поспѣшилъ закопать лапти въ землю, чтобъ не оставить слѣда за собою.

Къ полудню опять зарядилъ дождь; земля такъ замѣсилась послѣ суточнаго ненастья, что трудно стало двигаться. Послѣ каждаго шага приходилось вытаскивать ногу изъ вязкой, глинистой почвы. Петя усталъ страшно; ноги его подламывались сами собою, грудь болѣла, и въ плечахъ ныло невыносимо; сверхъ всего этого, голодъ начиналъ томить его. Онъ вспомнилъ о двухъ яйцахъ, засунутыхъ ему за пазуху Фуфаевымъ, и, вмѣсто нихъ, вытащилъ какія-то двѣ безобразныя лепешки, перемѣшанныя съ скорлупою. Какъ ни скудно было такое подкрѣпленіе, однакожъ Петя мысленно поблагодарилъ Фу-

фаева и назвалъ его самымъ добрымъ изъ всѣхъ нищихъ, какихъ только встрѣчалъ во время своей бродячей жизни. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ находился теперь Петя, начиналось поле ржи; онъ рѣшился забраться туда поглубже и отдохнуть. Но едва успѣлъ онъ растянуться на сырой землѣ, какъ почувствовалъ сильный позывъ ко сну. Онъ старался превозмочь себя, но не могъ; пока призывалъ онъ на помощь всѣ соображенія, что безопаснѣе было бы дождаться ночи, сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Когда онъ проснулся, дождь снова пересталъ, но сумерки замѣтно начали покрывать дальнюю мѣстность. Изъ-за поля выглядывалъ уголъ лѣса. Петя рѣшился пройти лѣсъ и вступить въ первую деревню, которая попадется: можетъ, найдется тамъ какая-нибудь старушка, которая сжалится надъ нимъ, дастъ ему хлѣбца и позволитъ отдохнуть. Оживленный такой надеждой, Петя почти бодро вошелъ въ лѣсъ. Онъ шелъ ужъ довольно долго, а лѣсъ все не кончался; все выше и выше подымались деревья, гуще и гуще разрастались кусты, глушившіе мшистые стволы деревъ; чаща листьевъ усиливала мракъ и безъ того ужъ позднихъ сумерекъ; вскорѣ въ лѣсу совершенно стемнѣло. Петя думалъ уже вернуться назадъ, но позади такъ же было все темно и глухо; кромѣ этого, онъ прошелъ много по лѣсу; легко теперь было заблудиться. Страхъ снова напалъ на него. Въ Марьинскомъ сколько разъ приводилось ему ѣздить въ ночную и проводить ночь въ лѣсу; но онъ ѣздилъ тогда не одинъ: ихъ такъ много тогда ребятишекъ собиралось; теперь онъ былъ одинъ-одинешенекъ, въ лѣсу, да еще въ лѣсу незнакомомъ! Ему пришли въ голову волки, но онъ сталъ тотчасъ же ободрять себя: онъ взлѣзетъ на дерево. Ну, а какъ медвѣдь?.. Петя перекрестился и вдругъ заплакалъ. Снова послышалось ему, какъ стучало его сердце, но теперь къ этому звуку примѣшивался не шумъ дождя— нѣтъ, дождя не было, примѣшивался... (Петя явственно это слышалъ) примѣшивался трескъ вѣтокъ и шорохъ въ кустахъ... (вѣтра также не было). Петя началъ снова креститься и, дрожа отъ страха, замирая душою и сердцемъ, припалъ къ стволу стараго дерева. Все какъ будто на минуту смолкло... И вдругъ онъ еще явственнѣе услышалъ теперь: раздалось неподалеку медленное какое-то шипѣнье, похожее на тяжелое дыханье приближавшагося

человѣка или звѣря... Прошла еще минута, и вдругъ что-то страшно загудѣло въ вершинахъ деревъ; раздался страшный трескъ ломавшихся сотнями вѣтвей, и что-то тяжелое рухнуло вдругъ на землю. Петя не успѣлъ придти въ себя, какъ нѣсколько человѣкъ, шагахъ въ пяти отъ него, проскочили мимо.

— Держи, ребята! вотъ они, мошенники! Здѣсь, сюда... тутъ срубили дерево, тутъ повалилось. Хватай ихъ! кричали голоса, которые съ дикими перегулами загрохотали по лѣсу.

Петя не слыхалъ, что произошло дальше: какъ только люди пронеслись мимо, онъ бросился бѣжать въ другую сторону, и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока земля не оборвалась подъ ногами и онъ не покатился въ оврагъ. Земля была такъ рыхла и смочена дождемъ, что онъ нимало не ушибся, хотя оврагъ былъ очень глубокъ и самъ онъ долго катился. Оправившись отъ испуга, онъ всталъ на ноги и огляпулся вокругъ. Голоса совсѣмъ пропали; вверху небо было такъ же почти черно, какъ верхушки деревъ, обступавшихъ окраины пропасти. На днѣ оврага, въ вязкой глинѣ, кой-гдѣ усѣянной камнями, журчалъ ручей. Петя опустилъ руку въ ручей: въ какую сторону бѣжала вода? Вода все куда-нибудь да приведетъ, говорили ему; а онъ усталъ и проголодался, и ему очень хотѣлось придти куда-нибудь поскорѣе. Петя присѣлъ, перевелъ духъ, перекрестился и снова отправился въ путь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Бродяга.

Петя боялся провести ночь въ оврагѣ: страшно было ему находиться въ этой мрачной глубинѣ, окруженной глухимъ лѣсомъ. Спотыкаясь о камни, завязая въ тинѣ и поминутно перескакивая ручей, изгибавшійся по дну оврага, онъ спѣшилъ выбраться на просторъ. Тамъ, все равно, была такая же ночь, но чувствовалось ему, что тамъ, на просторѣ, все-таки легче и какъ-то отраднѣе сердцу. Петя шелъ, шелъ, а оврагъ не кончался; онъ тянулся такъ же долго, какъ лѣсъ, куда наканунѣ забрался мальчикъ.

Начинало свѣтать, когда Петя замѣтилъ, что края пропасти стали понижаться; вмѣстѣ съ этимъ, рѣдѣлъ лѣсъ, ее обступавшій, и деревья дѣлались мельче. Ноги мальчика подламывались отъ усталости; онѣ были до крови изсѣчены камнями. Онъ ускорилъ, однакожъ, шагъ, думая теперь о томъ только, какъ бы скорѣе добраться до какой-нибудь деревушки: голодъ томилъ его. Послѣ трехъ-четырехъ поворотовъ, неожиданно открылась передъ нимъ луговина, освѣщенная косымъ лучомъ восходящаго солнца. Мальчикъ очутился посреди лѣсистой, широкой долины; слѣва дѣлала она крутой поворотъ и заслонялась скатомъ, справа убѣгала мелкими извилинами въ неоглядную даль, наполненную утреннимъ туманомъ и сизыми тѣнями, которыя бросали облака. Въ небѣ мѣстами проглядывали свѣтлыя лазоревыя пятна; солнечные лучи весело озаряли тотъ или другой бокъ долины... Но это продолжалось мгновенье: набѣгала туча и начиналъ сѣяться мелкій

дождь, между тѣмъ какъ въ другомъ концѣ долины, гдѣ за минуту стояла сизая тѣнь, все разомъ обнималось солнцемъ и оживлялось радугой; словомъ, была погода, о которой говорятъ въ простонародьѣ *мать ссорится съ дочкой:* то солнышко проглянетъ, то дождикъ засѣется.

Трава такъ была высока, а Петя такъ былъ малъ ростомъ, что онъ замѣтилъ рѣчку не прежде, какъ когда приблизился къ ея берегу. Онъ бросилъ въ воду сухую вѣтку и пошелъ по теченію. Рѣчка эта привела ему на память другую рѣчку, чрезъ которую проходилъ онъ съ нищими въ то утро, когда оставили они больного Мишу. Сколько прошло послѣ того времени! Гдѣ теперь Миша? онъ уже давно-давно лежитъ въ землѣ... „Коли умираютъ хорошія, смирныя дѣти, они превращаются въ ангеловъ и живутъ съ Богомъ, гдѣ имъ и хорошо жить, и весело“, часто говорила Петѣ Катерина.

„Мишѣ лучше, стало-быть, моего теперь; по крайности, онъ не голодаетъ, а мнѣ ѣсть хочется до самой до смерти!“ подумалъ Петя, утирая слезы, которыя поминутно заслоняли передъ нимъ дальнюю мѣстность, куда жадно устремлялись глаза его, въ надеждѣ увидѣть деревушку.

Петя зналъ, очень хорошо зналъ, что не было при немъ куска хлѣба; при всемъ томъ, каждые десять шаговъ онъ останавливался и торопливо обшаривалъ себя кругомъ... нѣтъ, не отыскивалось ни малѣйшей крошечки!

Пѣтушій крикъ, раздавшійся за дальнимъ откосомъ, быстро осушилъ его слезы. Собравъ остатокъ силъ, рванулся онъ въ ту сторону и, безъ сомнѣнія, припустилъ бы даже въ бѣжки, если бъ не мѣшала высокая трава, путавшаяся между ногами и обдававшая его съ пояса до пятокъ дождевыми каплями. Обогнувъ откосъ, Петя увидѣлъ деревню. Долина въ этомъ мѣстѣ широко расходилась; въ одномъ изъ ея углубленій располагалась деревня; она смотрѣла на долину задами. Прежде всего Петя прошелъ мимо огорода; за огородомъ шла дорога, которая вела на улицу мимо крестьянскихъ ригъ и сараевъ.

Миновавъ огородъ, Петя не посмѣлъ идти далѣе: посреди самой дороги сидѣли двѣ огромныя собаки съ красными, высунутыми языками. Икры бѣднаго мальчика слишкомъ хорошо знали, какъ больно кусаются деревенскіе псы, которыхъ обыкновенно никогда не кормятъ, а такъ пускаютъ, на авось: живетъ—хорошо, издохла съ голоду—и того лучше: шкуру можно продать кошатнику; къ тому

же Петя былъ беззащитенъ... Онъ рѣшился подождать, пока не уйдутъ собаки; но собаки не уходили; онѣ точно приставлены были сторожить у входа въ деревню. Наконецъ, одна изъ нихъ подняла голову, насторожила уши и тявкнула; другая тотчасъ же стрѣлою полетѣла къ огороду; первая, распустивъ хвостъ, пустилась за нею. Еще минута — и Петя получилъ бы новое и совершенно лишнее доказательство, какъ злы и голодны деревенскія собаки; но этой минуты довольно было ему, чтобъ скакнуть черезъ дорогу, схватиться руками за плетневую стѣну ближайшаго сарая и проворно вскарабкаться на крышу. Но тутъ послѣдовало съ нимъ другое несчастіе: едва сталъ онъ на крышу, солома быстро ушла подъ его ногами; ухватиться было не за что; онъ провалился во внутренность сарая и чуть не упалъ на голову какому-то мужику, обметавшему токъ.

Лицо мужика, съ большими глазами навыкатѣ, какъ у рака, постоянно сохраняло выраженіе тупого удивленія: можно судить, что изобразилось на немъ, когда чуть не на голову свалился ему мальчикъ! Въ первую минуту ему представилось, что это былъ чортъ. Петя дѣйствительно хоть кому могъ показаться теперь чертенкомъ: лицо его исчезало подъ слоемъ глины и грязи; волосы торчали во всѣ стороны; одежда, руки и ноги были одного цвѣта съ лицомъ; ротъ, раскрывшійся отъ испуга, поднятыя руки и вся фигура его, въ высшей степени озадаченная и какъ бы потерянная, сильно напугала мужика, который, бросивъ метлу свою, жался въ уголъ и крестился. Яростный лай собакъ и царапанье лапами по плетню навели его, однакожъ, на истину. Онъ метнулся со всѣхъ ногъ и схватилъ метлу.

— Ахъ ты окаянный!.. я ти дамъ баловать! Экъ ихъ, озорники, повадились! воскликнулъ онъ, подходя къ Петѣ.

— Я невзначай, дядюшка, ей-Богу невзначай! торопливо заговорилъ Петя,—шелъ мимо, собаки бросились... добрѣ ужъ очень испужался... Я, дядя... я починю крышу-то... ей-Богу починю!..

— Э! да это не нашъ! произнесъ мужикъ, останавливаясь и до того выкатывая глаза, что Петѣ пришла теперь очередь испугаться.

— Нѣтъ, дядюшка, я не здѣшній... я издалече... второй день иду... проговорилъ мальчикъ.

— Да ты отколѣ?

Такой вопросъ поставилъ Петю въ сильное затрудненіе: откуда онъ—онъ самъ не зналъ этого.

— Я съ нищими ходилъ, спохватился онъ,—у нищихъ вожакомъ былъ... да ушелъ отъ нихъ... Они, дядюшка, хотѣли мнѣ глаза выжечь...

— О! э!.. да ты бродяга?

— Нѣтъ, дядюшка, право нѣтъ! воскликнулъ мальчикъ, неоднократно слышавшій, что бродягъ ловятъ и сажаютъ въ острогъ,—они меня, дядюшка, силой у отца отняли... у меня и мать есть, и братья...

— Такъ что жъ ты къ нимъ не шелъ?

— Радъ бы пойти... да куда я пойду? я дороги не знаю...

— А къ намъ небось нашелъ дорогу-то—а? Ну, нѣтъ, братъ, ты что-то бабушку-рѣпку путаешь! произнесъ мужикъ, какъ бы удивляясь на этотъ разъ своей находчивости.

— Нѣтъ, дядюшка, ей-Богу всю правду сказалъ... вели какъ хочешь побожиться... дай только вздохнуть маленько... кусочекъ хлѣбца дай... я тебѣ все разскажу... все, дядюшка... взмилуйся только... всю ночь шелъ, не ѣлъ ничего... добрѣ... добрѣ...

Рыданія прервали голосъ его; онъ поднялъ умоляющіе глаза на хозяина риги и увидѣлъ еще другого мужика, входившаго въ ворота. Насколько мужикъ съ выскакивающими глазами былъ преисполненъ тупого удивленія и безтолковой суетливости, настолько вошедшій казался сонливымъ, вялымъ и апатичнымъ. Владѣтель риги мигомъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся.

— Знамо, бродяга! произнесъ мужикъ, не взглянувъ даже на мальчика.

— Э! молодецъ! да ужъ ты не воровать ли ко мнѣ залѣзъ?.. произнесъ удивленный владѣлецъ риги.

— Дядюшка, какъ передъ Господомъ Богомъ... сейчасъ помереть!.. Я тебѣ сказывалъ: собакъ испужался! отчаянно воскликнулъ Петя.

— Да что съ нимъ разговаривать-то? сонливо проговорилъ вновь вошедшій,—веди его къ старостѣ. Пожалуй еще прибьетъ, коли узнаетъ, скажетъ: зачѣмъ не словили! ихъ ловить велѣно...

— Ну, пойдемъ...

— Дѣдушка, Христа-ради... помилуй меня! Я уйду... право уйду... пусти меня; я ничего худого не сдѣлалъ...

я невзначай зашелъ... помилуй, дядюшка!.. кричалъ Петя, бросаясь въ ноги то одному мужику, то другому.

— Ладно, ладно; пойдемъ-ка; тамъ все разскажешь... Вставай... Да чего ты? о чемъ плачешь-то? рази что худое сдѣлалъ? Тебѣ ничего не будетъ, только спросятъ. Сватъ Стегнѣй, хватай его, мотри крѣпче держи: извернется, уйдетъ!..

— Небось, вишь онъ махочкой какой... одинъ и то справишься, промолвилъ Стегнѣй, почесывая затылокъ.

Мольбы Пети ни къ чему не послужили. Если бъ мужикъ съ удивленнымъ лицомъ и безтолковою суетливостью дѣйствовалъ изъ страха къ старостѣ, или изъ уваженія къ долгу, онъ, весьма вѣроятно, далъ бы мальчику подзатыльника и отпустилъ бы его; но онъ былъ любобытенъ: ему вдругъ захотѣлось узнать, что станетъ говорить мальчикъ, когда староста пострашаетъ его, и какъ потомъ староста будетъ производить допросъ? Не взирая на просьбы ребенка, онъ крѣпко взялъ его за руку и повелъ изъ риги по узенькой тропинкѣ, протоптанной въ высокомъ конопляникѣ.

Они вошли въ проулокъ, а оттуда на небольшую, тѣсную улицу. По той сторонѣ улицы, прямо противъ переулка, красовалась рѣшетка съ выглядывавшими надъ нею акаціями и маленькимъ барскимъ домомъ; закрытыя ставни и безпорядокъ садика показывали, что хозяева не жили здѣсь, или находились въ отсутствіи. У воротъ, на скамейкѣ, сидѣлъ бѣлокурый человѣкъ; онъ былъ босикомъ и съ прорванными локтями; но бритая, недѣли двѣ назадъ, борода и нанковые шаровары сразу обличали въ немъ двороваго; онъ, должно-быть, только-что поѣлъ рѣдьки и луку; на лицѣ его безпрестанно являлось выраженіе горькаго вкуса, и онъ каждый разъ прикладывалъ ладонь ко рту. Мужикъ, державшій Петю, прямо пошелъ къ нему и спросилъ, гдѣ староста. Онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ дворовому исторію мальчика и снова поспѣшилъ освѣдомиться о старостѣ. Въ отвѣтъ на это дворовый громко засмѣялся.

— Чего ты, Яковъ Васильичъ?.. спросилъ мужикъ.

— Поди-ка, поди-ка къ старостѣ-то... онъ ти дастъ!..

— А что?

— А то же, шею накостыляетъ—вотъ что!

И Яковъ Васильевичъ, воображеніе котораго мигомъ

нарисовало сцену, какъ староста костыляетъ мужичью шею, снова засмѣялся.

— Да за что жъ? спросилъ мужикъ, распяливая глаза.

— Зачѣмъ привелъ мальчика-то—а? вымолвилъ Яковъ Васильевичъ, перемѣняя тонъ, — чѣмъ бы прогнать его скорѣй съ нашей земли, а ты обрадовался, взялъ да привелъ. Ахъ ты шушера, умная голова!

— Да какъ же? вѣдь велѣно...

— Что велѣно-то—а? что велѣно? Велѣно бродягъ ловить—такъ, проговорилъ Яковъ Васильевичъ, прикладывая ладонь къ губамъ, при чемъ выраженіе горькаго вкуса снова скривило лицо его, — ну, хорошо; поймалъ бродягу на своей землѣ, значитъ, вести надо къ становому на фатеру; значитъ, разспросы пойдутъ, допросы; значитъ, расходоваться надо — вотъ что ты надѣлалъ теперича. Ну, ступай къ старостѣ, ступай... онъ ти спасибо скажетъ, ступай!..

Мужикъ быстро выпустилъ Петю, который ничего не понималъ изъ того, что говорилось. Несмотря на голодъ, онъ думалъ, какъ бы поскорѣе убѣжать изъ деревни.

— Ступай, ступай... скорѣй... вотъ я ти! у! у-у!.. вскричалъ вдругъ мужикъ, напускаясь на мальчика; но Яковъ Васильевичъ остановилъ его.

Онъ снова приложилъ руку къ губамъ, но, вмѣсто обычнаго выраженія горечи, лицо его оживилось вдругъ необыкновенною веселостью.

— Погоди, сказалъ онъ,—постой! Знаешь, Ѳедулъ, пошлемъ его къ Лѣскову...

Не дожидаясь возраженія, Яковъ Васильевичъ подозвалъ Петю и, едва сдерживая смѣхъ, сказалъ ему:

— Слышь, мальчикъ, вишь вонъ крайнюю избу? Ступай туда; собакъ нѣтъ; небось, не укусятъ; повернешь за уголъ, увидишь направо барскій домъ... крыльцо такое будетъ. Баринъ тебѣ всего дастъ, знатно накормитъ. Смотри, не сказывай: мы-де послали, скажи: самъ, молъ, пришелъ; скажешь: мы послали — мы тогда оба, какъ ты пойдешь изъ деревни, то оба такъ-то тебя высѣчемъ, и-и... больно высѣчемъ!.. Ну, пошелъ скорѣй... ступай!..

Тутъ ужъ Яковъ Васильевичъ не могъ долѣе владѣть собою и, не давъ Петѣ отойти десяти шаговъ, залился веселымъ смѣхомъ.

— Смотри, Яковъ Васильичъ, сказалъ мужикъ, оправляясь отъ смущенія,—провѣдаетъ Лысковъ, добрѣ осерчаетъ.

— Вотъ! что за важность! пускай серчаетъ! возразилъ Яковъ Васильевичъ, и когда воображеніе нарисовало ему, какъ серчаетъ Лысковъ, онъ снова засмѣялся.—Подѣломъ ему, подхватилъ онъ, — помнишь, лѣтось, напалъ онъ на своей землѣ на пьянаго мужика; покажись ему мужикъ-то померъ; онъ возьми, да на нашу землю скорѣй и снесъ его. „Нате, молъ, вамъ, отдѣлывайтесь, какъ знаете!“ Ладно! А мы теперь ему бродягу всучили—пускай возится съ нимъ да везетъ къ становому!.. Экъ, братъ, Ѳедулъ, что ты сдуру-то надѣлалъ!.. А вѣдь надо бы, по-настоящему, съ тебя на табакъ... право, надо бъ.

Во время этого разговора Петя успѣлъ повернуть за уголъ. Ему во всякомъ случаѣ нельзя было миновать этой второй улицы, чтобъ выбраться изъ деревни. Улица такая же была маленькая, какъ первая; разница заключалась въ томъ, что посреди ея, ни къ селу, ни къ городу, возвышалось какое-то неуклюжее зданіе—не то сарай, не то кухня, не то простая изба; передъ зданіемъ находился барскій домикъ, о которомъ говорили ему; позади зданія, саженяхъ въ двухъ, красовался другой очень чистенькій барскій домикъ. Деревушка принадлежала тремъ владѣльцамъ: помѣщику Бабакину, помѣщику Лыскову и дѣвицѣ Тютюевой. Бабакинъ никогда не жилъ въ деревнѣ; Лысковъ и дѣвица Тютюева проживали здѣсь безвыѣздно и считались въ околоткѣ непримиримѣйшими врагами. Дѣвица Тютюева отличалась сентиментальностью, свойственною ея полу въ извѣстномъ періодѣ жизни: она любила сидѣть вечеркомъ у окна и смотрѣть, какъ возвращаются барашки съ поля; этого было довольно, чтобъ Лысковъ, которому, какъ нарочно, принадлежала земля передъ окнами Тютюевой, поспѣшилъ заслонить ей улицу вышепомянутымъ зданіемъ... Но всего не перескажешь. Вниманіе Пети приковано было домикомъ, глядѣвшимъ на улицу. На крыльцѣ сидѣлъ среднихъ лѣтъ господинъ съ черномазой физіономіей, хотя безъ особеннаго выраженія. Онъ былъ въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку. За спиною его стоялъ лакей съ прищуренными глазами и оплывшимъ, жестоко скучающимъ лицомъ.

— Что это за мальчишка? Эй, мальчикъ! мальчикъ! крикнулъ господинъ въ халатѣ (который былъ не кто другой, какъ помѣщикъ Лысковъ),—эй, мальчикъ... Митька! (тутъ обратился онъ къ лакею, стоявшему за спиною),—Митька, что это за мальчикъ? — а? Поди сюда, маль-

чикъ!.. Митька! (онъ снова обратился къ лакею),—Митька! зови его...

— Эй ты! ступай сюда... неохотно заголосилъ Митька, высовываясь впередъ.

Петя взглянулъ на длинныя ноги лакея и понялъ, что бѣгство невозможно. Онъ робко подошелъ къ крыльцу. За исключеніемъ случая, когда онъ встрѣтилъ на паромѣ Бѣлицыныхъ, ему никогда не приводилось разговаривать съ господами: онъ сильно оторопѣлъ.

— Ты чей? спросилъ Лысковъ, прихлебывая чай,—что на меня такъ глаза-то выпучилъ—а?.. Митька, что онъ на меня глаза таращитъ—а? Ты, можетъ, на хлѣбъ смотришь—а? обратился онъ снова къ мальчику, — тебѣ бѣлаго хлѣбца захотѣлось?.. Ну, на, на! заключилъ Лысковъ, бросая ломоть.

При этомъ Петя забылъ страхъ; онъ съ жадностью схватилъ ломоть и принялся ѣсть. Лысковъ, котораго, повидимому, забавляло обжорство мальчишки, бросилъ ему второй ломоть.

— Митька! сказалъ онъ,—трубку!

— Да полно вамъ, сударь, курить-то; вы и то все безперечь!.. Только встали, а ужъ пятую, никакъ, выкуриваете...

— А что, табакъ весь? съ безпокойствомъ спросилъ Лысковъ.

— Табаку много; я такъ говорю: много оченно курите—не годится! проговорилъ Митька.

— Не разговаривай, не терплю! ступай! крикнулъ Лысковъ.

Митька неохотно принялъ чубукъ съ наконечникомъ изъ краснаго сургуча и, бормоча что-то подъ носъ, удалился. Помѣщикъ, между тѣмъ, видя, что Петя съѣлъ второй ломоть, подалъ ему третій, за который мальчикъ такъ же охотно принялся, какъ за первый. Полминуты спустя, явился Митька, сильно потягивая изъ чубука и безпечно пуская струи дыма во всѣ стороны.

— Вотъ, сударь, вы тутъ потѣшаетесь, вымолвилъ онъ, подавая Лыскову почти выкуренную трубку, — хлѣбомъ еще кормите его... вы бы лучше спросили, откуда; можетъ, бродяга какой-нибудь...

— Какъ бродяга?..

— А какіе обыкновенно бываютъ, что безъ пачпорта шляются...

— Ты откуда?.. откуда ты?.. Митька, спроси его, откуда онъ, заговорилъ Лысковъ, обнаруживая вдругъ суетливость.

— Что жъ ты молчишь? Слышь, баринъ спрашиваетъ, откуда? крикнулъ Митька.

— Я не знаю... пролепеталъ испуганный мальчикъ.

— Куда ты идешь — а? куда? крикнулъ, въ свою очередь, Лысковъ.

— Не знаю, сказалъ Петя, думая уже броситься въ ноги и просить пощады.

— Вотъ то-то же и есть, сударь! произнесъ Митька съ замѣтнымъ самодовольствіемъ, — а еще хлѣбомъ кормить изволили!.. Вотъ теперича извольте хлопотать, извольте вести его къ становому: ихъ вѣдь представлять велѣно...

— Ступай! пошелъ скорѣе, пошелъ! пошелъ!.. заголосилъ сильно оторопѣвшій помѣщикъ, — скорѣй пошелъ!.. Митька, гони его!.. Или нѣтъ, стой! подхватилъ онъ, неожиданно оправляясь и даже проявляя на быстромъ лицѣ своемъ признаки непомѣрнаго удовольствія и веселости,— мальчикъ, поди сюда, скорѣй ступай ко мнѣ... сюда!

— Полноте, сударь; гоните его взашеи!

— Нѣтъ, нѣтъ... Мальчикъ, сюда!... Митька, знаешь что̀? выкинуть надо штуку Тютюевой... ха, ха, ха!... Она вчера еще напустила индѣекъ въ мой садъ; третьягодня поймали ея лошадей на моей ржи... подѣлòмъ ей, пускай напляшется...

— Что жъ? это можно! проговорилъ Митька, которому также, видно, улыбнулась мысль выкинуть штуку Тютюевой.

Въ радости своей Лысковъ не дождался, пока подойдетъ мальчикъ. Торопливо запахивая халатъ, онъ сбѣжалъ съ крыльца и, оглядываясь на стороны, проговорилъ скороговоркою:

— Ступай, мальчикъ, скорѣй вонъ туда, вишь (Лысковъ указалъ на домъ Тютюевой), обойди кругомъ вотъ эту избу — сейчасъ садъ будетъ, рѣшетка; прійдешь къ калиткѣ... живетъ тутъ помѣщица, добрая такая, она тебѣ всего дастъ... всего... Да вотъ что̀ (тутъ лицо Лыскова приняло умышленно грозный видъ), — если скажешь, я прислалъ—бѣда будетъ!.. Скажешь или нѣтъ—а?

— Нѣтъ, проговорилъ Петя, едва сдерживая слезы.

— Смотри же: бѣда будетъ! засѣку тебя! Ну, ступай... ступай! заключилъ Лысковъ, поворачивая мальчика на дорогу и быстро направясь къ крыльцу, гдѣ ожидалъ его Митька съ новой трубкой.

Петѣ смерть хотѣлось убѣжать скорѣй изъ деревни; онъ бы, можетъ, и сдѣлалъ это, но, обернувшись, увидѣлъ, что помѣщикъ и лакей наблюдали за нимъ: оба махали руками, давая знать, чтобъ онъ шелъ по указанному пути.

Какъ уже сказано, домикъ Тютюевой почти примыкалъ переднимъ своимъ фасомъ къ зданію, воздвигнутому Лысковымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Лысковъ загородилъ любимыя окна помѣщицы, она перенесла свое мѣстопребываніе на другой фасъ дома, глядѣвшій окнами въ садъ. Петя миновалъ зданіе Лыскова, миновалъ домъ и очутился противъ рѣшетки, за которой располагался садикъ, разбитый весь на маленькія клумбы; садъ замыкался маленькимъ, но очень чистенькимъ домикомъ; ставни и родъ галлерейки со столбиками и тремя ступеньками для схода въ садъ были выкрашены краской. Все это, и домикъ, и галлерея, и клумбы, и ставни, и столбики, отличалось такими малыми размѣрами, что, казалось, сооружено было для дѣтской потѣхи. Дѣло въ томъ, что сорокалѣтняя дѣвица, Ольга Ивановна Тютюева, любила, чтобъ у ней все было маленькое; она жила совершенно одинокою; сверхъ того, сама она была такая маленькая, что по субботамъ мылась въ корытѣ и свободно въ немъ умѣщалась. Немного погодя, она вышла на галлерею съ крошечной зеленой лейкой въ рукѣ. Петя принялъ-было ее сначала за дѣвочку и только, когда взглянулъ на лицо ея, похожее на печеное яблоко, понялъ, что это была пожилая уже барыня. На этомъ печеномъ яблокѣ умѣщался, впрочемъ, такой избытокъ добродушія, котораго стало бы на десять лицъ, шириною въ арбузъ. Петя поклонился. Барыня не замѣтила его и принялась поливать цвѣты. Петя снова поклонился. Наконецъ она подняла голову.

— Что ты, мой миленькій — а? ласково сказала она, поглядывая маленькими своими глазками на мальчика,— опять видно за яблочкомъ — а?.. Нѣтъ, яблочки теперь зелены; ѣсть не годится: брюшко заболитъ.

Говоря такимъ образомъ, Ольга Ивановна поставила лейку и подошла къ ребенку, который съ перваго взгляда понравился ей, потому, можетъ-быть, что самъ былъ малъ и миніатюренъ.

— А, да это не нашъ! произнесла она, оглядывая Петю съ ногъ до головы.—Экой ты, мальчикъ, чумазый какой, немытый... Ты развѣ не здѣшній?

Доброе лицо барыни, а пуще всего ея ласковое обра-

щеніе и голосъ обнадежили Петю; но надежда эта, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать его добрымъ, веселымъ и смѣлымъ, произвела совершенно другое дѣйствіе. Онъ вдругъ горько заплакалъ.

— Ахъ, Боже мой!.. ахъ, что съ тобою? что это? о чемъ ты? заговорила Ольга Ивановна, поспѣшно отворяя калитку сада. — Поди сюда, мальчикъ. Не бойся, батюшка, не бойся... что ты? Тебя, вѣрно, прибилъ кто-нибудь?.. Откуда ты? добавила она, вводя мальчика въ садъ.

— Я не здѣшній... проговорилъ Петя, рыдая.

— Откуда же ты? спросила Ольга Ивановна, стараясь обласкать его.

— Я былъ у нищихъ, началъ Петя, горько всхлипывая,—силой у отца отняли... больно били меня... хотѣли глаза выколоть... Я убѣжалъ... убѣжалъ, да не знаю, куда идти къ матери... дороги не знаю!..

— Ахъ, Боже мой!.. ахъ, бѣдняжечка! Какъ же это такъ?.. Не плачь, батюшка... перестань; можетъ-быть, мы отыщемъ, и мать, и отца. Ахъ, бѣдненькій!.. Авдотьюшка! Авдотьюшка! закричала вдругъ помѣщица, обращаясь къ галлереѣ.

Въ дверяхъ, подъ навѣсомъ галлереи, показалась женщина, повязанная по-бабьему и сильно хромавшая на лѣвую ногу; это не помѣшало ей, однакожъ, скоро спуститься съ лѣсенки и подойти къ барынѣ. Ольга Ивановна передала ей отъ слова до слова все, что говорилъ мальчикъ.

— Пожалуйста, Авдотьюшка, примолвила она, между тѣмъ, какъ баба пожимала губами и качала головою,— пожалуйста, веди его скорѣй къ себѣ на кухню и прежде всего обмой хорошенько... Можешь даже взять корыто, въ которомъ я обыкновенно моюсь по субботамъ. Потомъ надо будетъ накормить его, одѣть... видишь, на немъ одни лохмотья... Впрочемъ, за этимъ я ужъ присмотрю; ты поди сначала обмой его... Ступай, голубчикъ, съ нею, не бойся, поди, довершила Ольга Ивановна, поспѣшно направляясь въ домъ, тогда какъ Авдотья повела мальчика въ кухню.

Ольгѣ Ивановнѣ не трудно было найти въ одномъ изъ сундуковъ своихъ свертокъ холста (она была вообще запаслива); еще легче было ей скроить для мальчика рубашонку и штанишки; она имѣла къ этому дѣлу большой навыкъ, потому что держалась обыкновенія обшивать съ

головы до ногъ своихъ деревенскихъ крестниковъ, которыхъ было великое множество, что̀ доставляло Лыскову новый неисчерпаемый источникъ для насмѣшекъ; но дѣвица Тютюева не обращала на это вниманія. Отдавъ скроенные куски дѣвкѣ Палашкѣ и приказавъ приняться за шитье какъ можно скорѣе, Ольга Ивановна подошла къ кухонной двери; она не посмѣла отворить дверь, боясь увидѣть мальчика, стоящаго совершенно голымъ въ корытѣ. Спросивъ, скоро ли кончится *маскарадъ* и получивъ утвердительный отвѣтъ, она велѣла хорошенько накормить мальчика и привести его къ себѣ. Послѣ этого Ольга Ивановна замѣтно успокоилась, возвратилась въ садикъ и снова принялась за поливку цвѣтовъ. Такъ провела она четверть часа. Ольга Ивановна думала уже пойти въ домъ и спросить о мальчикѣ; съ этимъ намѣреніемъ поставила она на-земь крошечную свою лейку, какъ вдругъ передъ калиткой явилась долговязая плѣшивая фигура съ крупными губами и сумрачнымъ носомъ, выпачканнымъ табакомъ.

— А! Никитушка!.. чего тебѣ? спросила Ольга Ивановна, нѣсколько удивленная появленіемъ своего управителя въ такую пору.

На привѣтствіе госпожи Никитушка фыркнулъ носомъ и съ видомъ крайне-недовольнымъ и озабоченнымъ вошелъ въ садикъ.

— Помилуйте, Ольга Ивановна, что̀ это вы, сударыня, дѣлать изволите? Это, выходитъ, сударыня, то-есть, никакъ невозможно... никакимъ, то-есть, манеромъ нельзя...

— Что ты, Никитушка? произнесла помѣщица, знавшая очень хорошо, что нахмуренныя брови и воркотня Никитича были такъ же безвредны для крестьянъ ея, какъ табакъ для его носа.

— А что же, сударыня, подхватилъ управитель, выставляя впередъ, для лучшаго поясненія, исполинскій большой палецъ лѣвой руки, на ноготь котораго сыпалъ онъ всегда табакъ, прежде чѣмъ поднести его къ носу,— что же! Былъ я сейчасъ на кухнѣ... кого изволили вы къ себѣ принять?..

— Мальчикъ... начала-было Тютюева, но Никитичъ перебилъ ее.

— Мальчикъ ли, дѣвочка ли — все единственно, сударыня; главная статья: изволили пустить къ себѣ бродягу.

— Какъ, Никитушка?..

И Ольга Ивановна принялась разсказывать исторію мальчика; но управитель выставилъ опять палецъ и снова перебилъ ее:

— Бродяга, сударыня, больше ничего! Сейчасъ спрашивалъ его: путается во всѣхъ отвѣтахъ и ничего не сказываетъ. А вы изволили къ себѣ пустить! Что съ нимъ теперь дѣлать? Одно: къ становому везти надо. Шутка дѣло: двѣнадцать верстъ, сударыня; лошади всѣ въ полѣ; время самое рабочее... потомъ на поруки прійдется брать; своихъ ребятъ дѣвать некуда... Хлопотъ-то какихъ надѣлали... Эхъ, сударыня!..

Во время этого монолога, доброе лицо помѣщицы, и безъ того уже похожее нѣсколько на печеное яблоко, какъ будто перепеклось окончательно. Никитичъ не на шутку перепугалъ ее; она рѣшительно не знала, что дѣлать. Въ эту самую минуту на галлереѣ показались Авдотья и Петя. Баба не только вымыла его, но даже и причесала. Миловидное личико мальчика сначала какъ будто удивило помѣщицу, потомъ замѣтно, казалось, ее успокоило.

— Поди сюда, мой миленькій, сказала она съ обычнымъ своимъ добродушіемъ, — какъ же ты ничего не сказалъ мнѣ, откуда ты? Говоришь: есть у тебя отецъ, мать, а вмѣсто того ты... это не хорошо. Я тебя такъ обласкала... велѣла обмыть, хотѣла тебѣ подарить рубашку... Это очень нехорошо!..

Петя поднялъ глаза на помѣщицу, потомъ на управителя и снова потупилъ ихъ въ землю.

— Вотъ тоже и мнѣ, сударыня, ничего путнаго не сказываетъ, сумрачно вымолвилъ Никитичъ.—Начнешь дѣло спрашивать, посмотритъ, такъ-то потомъ упрется въ землю и молчитъ... Напрасно, сударыня, изволили только пустить его. Ничего онъ не стоитъ, этихъ вашихъ милостей. Прогоните его, сударыня; право, прогоните поскорѣе.

— Нѣтъ... всю правду... скажу... *вамъ* я все скажу! вскричалъ вдругъ Петя, снова заливши слезами. — Я оченно боялся... они сказывать не велѣли... высѣчь... высѣчь хотятъ!..

— Кто они? спросили въ одинъ голосъ барыня, Никитичъ и Авдотья.

— Тутъ вотъ баринъ такой... онъ послалъ меня сюда... сказывать не велѣлъ, подхватилъ Петя, указывая рукою по направленію къ дому Лыскова.

— Такъ и есть, сударыня! ихъ дѣло: они его подослали! воскликнулъ Никитичъ, оживляясь при этомъ извѣстіи до послѣдняго суставчика.—Постой, братъ, гдѣ же они тебя нашли? подхватилъ онъ, выставляя свой палецъ, который раздѣлялъ, казалось, волненіе самого Никитича и двигался самъ собою, какъ огромная пружина,— откуда ты къ нимъ-то зашелъ, а? Надо, сударыня... тутъ онъ обратился къ помѣщицѣ,—надо повести дѣло мимо Лыскова. Плюньте на нихъ, сударыня! Надо, примѣрно, обойти ихъ... лучше будетъ.

— Да, лучше если бъ не связываться!.. проговорила взволнованная Ольга Ивановна.—Скажи мнѣ, мой милый, не бойся, тебя никто здѣсь не тронетъ — скажи, откуда ты къ намъ пришелъ?

— А вотъ оттуда... сказалъ мальчикъ, указывая на конецъ деревни.

— Земля Бабакина! произнесъ Никитичъ съ нѣкоторою торжественностью.

— Бабакинская! подтвердила Авдотья.

— Что жъ? тамъ тебя и нашелъ этотъ баринъ-то, а? спросилъ Никитичъ.

— Нѣтъ, возразилъ нѣсколько успокоенный Петя, — я собакъ запужался, въ ригу попалъ къ мужику, вонъ тамъ... съ краю... у огорода первая... Онъ взялъ да привелъ меня въ деревню: къ старостѣ вести хотѣлъ... да другой не пустилъ... они меня къ барину-то послали... а баринъ сюда.

— Позвольте, сударыня, не извольте ничего... то-есть, примѣрно, никакихъ, то-есть, сумлѣній. Я сейчасъ все дѣло развѣдаю, суетливо говорилъ управитель и поспѣшно заковылялъ вонъ изъ сада.

Полчаса спустя—время, которое употреблено было Ольгой Ивановной, чтобъ окончательно обнадежить и успокоить мальчика—Авдотья доложила, что Никитичъ ждетъ въ саду съ бабакинскимъ старостой. Ольга Ивановна велѣла Петѣ слѣдовать за собою и поспѣшила выйти. Никитичъ обо всемъ развѣдалъ. Прежде всего онъ бросился въ ригу, указанную мальчикомъ, и такъ напугалъ мужика, что тотъ тотчасъ же во всемъ признался; потомъ Никитичъ пустился къ старостѣ. Староста, узнавшій обо всемъ случившемся черезъ бабу, которая, въ свою очередь, провѣдала о бродягѣ отъ Якова Васильевича, принялъ сначала Никитича очень грубо и отъ всего отпирался. Ни-

китичъ началъ съ того, что выставилъ на видъ сознаніе мужика, а потомъ сказалъ, что хуже будетъ, хуже затаскаютъ и старосту, и всѣхъ бабакинскихъ мужиковъ, когда барыня подастъ прошеніе въ судъ: бабакинскимъ мужикамъ тогда не отдѣлаться; барина нѣтъ; ихъ просто заѣдятъ тогда; Ольга Ивановна ужъ начала писать прошеніе; всѣ улики налицо: и мальчикъ, и мужикъ, къ которому зашелъ онъ въ ригу. Бабакинскій староста подался на эти послѣдніе резоны; онъ позвалъ удивленнаго Ѳедула, позвалъ Якова Васильевича и сталъ ихъ допрашивать; сначала оба напрямикъ во всемъ отклепались: „и знать не знаемъ, и вѣдать не вѣдаемъ!“ потомъ тутъ же, въ одинъ голосъ, сознались во всемъ. Дѣлать было нечего. Бабакинскій староста пошелъ къ Ольгѣ Ивановнѣ, чтобы взять бродягу и вести его къ становому. При этомъ извѣстіи Петя отчаянно бросился въ ноги доброй барынѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Ольга Ивановна, обратившись къ бабакинскому старостѣ, — я его не отпущу съ тобою. Скажи человѣку, котораго пошлешь къ становому съ мальчикомъ, чтобъ онъ лучше за нимъ сюда заѣхалъ. Я вамъ обоимъ дамъ за это на калачи. Поди, староста, распорядись такъ, какъ я тебѣ сказала...

Староста сказалъ: „слушаюсь, сейчасъ велю запрягать“ и удалился. Но Петя продолжалъ обнимать ноги доброй барыни и рыдалъ еще громче прежняго. Онъ умолялъ ее совсѣмъ оставить его у себя, говорилъ, что баринъ непремѣнно его высѣчетъ, когда узнаетъ, что онъ разсказалъ обо всемъ; говорилъ, что становой посадитъ его въ острогъ. Ольга Ивановна придумала все, что могла, чтобъ только вразумить какъ-нибудь бѣднаго мальчика; онъ оставался неутѣшенъ. Наконецъ, она обратилась къ Никитичу, который стоялъ въ десяти шагахъ и не переставалъ обнюхивать свой большой палецъ, хотя на немъ давно не было ни зернышка табаку. Она спросила, нельзя ли что-нибудь сдѣлать, чтобъ спасти мальчика отъ судьбы, которая ожидаетъ всѣхъ пойманныхъ на дорогѣ безъ паспорта и непомнящихъ родства или прежняго мѣста жительства.

— Да что сдѣлать, сударыня? возразилъ, снова нахмуриваясь, Никитичъ, — одно развѣ: взять его на поруки... Куды намъ его, сударыня? У насъ и своихъ много...

— Ну, это не твое дѣло, Никитичъ! нетерпѣливо про-

говорила помѣщица, выказывая первый разъ такую твердость передъ управителемъ.—Не плачь, мой милый, обратилась она къ Петѣ, который сдѣлался внимательнѣе, хотя продолжалъ плакать,—я возьму тебя на поруки; въ острогъ тебя не посадятъ, не бойся. Пойдемъ со мною, заключила она, уводя его въ домъ.

Она такъ сумѣла обнадежить его и обласкать, что, по прошествіи часа, когда пріѣхала телѣга, назначенная къ становому, Петя не обнаружилъ большого смущенія. Лошадью правилъ знакомый намъ дворовый Яковъ Васильевичъ; ему поручено было везти мальчика. Веселое лицо Якова, а главное слова барыни, которая поручала сказать становому, что беретъ мальчика на поруки, если тотъ захочетъ сажать его въ острогъ, окончательно ободрили Петю. Онъ сѣлъ въ телѣгу, и тогда только, какъ въ послѣдній разъ простился съ доброй барыней, двѣ-три слезы капнули на его рубашонку.

— Ничего, милый, не плачь, лихо покатимъ! произнесъ Яковъ, заламывая назадъ картузъ безъ козырька.—Ну ты, Котёнокъ! фю-и-и! добавилъ онъ, стегнувъ лошадь, которая побѣжала крупною рысью!

Попасть на дорогу къ становому можно было не иначе, какъ проѣхавъ мимо дома помѣщика Лыскова. Но Лыскова не было уже на крылечкѣ: тутъ стоялъ одинъ Митька. Какъ только проѣхала телѣга (Яковъ Васильевичъ на этомъ мѣстѣ съ особеннымъ усердіемъ погналъ лошадь), Митька вошелъ въ прихожую, гдѣ Лысковъ ожидалъ его съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Провезли! сказалъ Митька,—только повезъ зачѣмъ-то бабакинскій Яшка; должно быть, наняла Тютюева-то: свои всѣ въ полѣ.

— Подѣломъ ей! воскликнулъ Лысковъ, быстрое лицо котораго прыгало отъ радости,—подѣломъ: вчера индюковъ въ садъ ко мнѣ напустила; третьяго дня ея лошадей на моемъ полѣ поймали—наша взяла!.. Митька, трубку! заключилъ Лысковъ, запахнулъ халатъ, свистнулъ и закатился смѣхомъ, дребезжащимъ отъ радостнаго чувства, наполнявшаго грудь его.

II.

Новый хозяинъ.

Дворовый Яковъ Васильевъ не сдержалъ своего обѣщанія лихо прокатить Петю: онъ пересталъ стегать лошадь,

какъ только миновалъ домъ помѣщика Лыскова; а проѣхавъ околицу, Яковъ забылъ даже, повидимому, о существованіи маленькаго спутника, прицѣпилъ вожжи къ перекладинѣ телѣги, вынулъ изъ кармана цѣлковый и весь погрузился въ созерцаніе этой монеты, данной ему старостой съ наставленіемъ: „сунь имъ тамъ бѣлякъ-то: дѣло вѣрнѣе будетъ; авось ослобонятъ какъ-нибудь". Наставленіе ли старосты, или видъ цѣлковаго (послѣднее вѣрнѣе) замѣтно пробуждали въ дворовомъ человѣкѣ пріятныя мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то нетерпѣливое чувство; онъ безпрестанно ухмылялся и жадно устремлялъ глаза впередъ по дорогѣ. Наконецъ показалась кровля, а тамъ выступила одинокая изба съ елкой надъ дверью. Подъѣхавъ къ избѣ, Яковъ попросилъ близъ стоявшаго мужика поглядѣть за лошадью и мальчикомъ и торопливо вошелъ въ дверь, осѣненную древесною вѣткой. Минуту погодя, онъ снова явился, держа въ ладони мелочь, которая не имѣла уже свойствъ внушать ему пріятныхъ мыслей: Яковъ поглядѣлъ на нее съ видомъ озабоченнымъ, и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки сильно чесалъ переносицу.

— Ты, слышь, малый, коли назадъ пріѣдемъ, не сказывай, что я въ кабакъ ходилъ, произнесъ Яковъ, обратившись къ Петѣ,—заходилъ деньги размѣнять: цѣлковый тяжелъ оченно, того и гляди карманъ прорветъ... потому больше. Смотри же, не сказывай...

— Хорошо, возразилъ Петя, которому въ голову не пришло бы посѣщеніе кабака, если бъ Яковъ не надоумилъ его. Петя, обласканный, обнадеженный доброй барыней, думалъ о томъ только, какъ бы поскорѣе къ ней вернуться; онъ такъ ужъ много слышалъ о становыхъ, что перспектива лично увидѣть станового нимало его не занимала.

Вино, выпитое Яковомъ, съ тою единственною цѣлью, чтобъ размѣнять цѣлковый, не вызывало на лицѣ его выраженія горькаго вкуса, какъ это было, когда завтракалъ онъ лукомъ и рѣдькой — нѣтъ, вино располагало его къ задумчивымъ улыбкамъ и замѣтно склоняло ко сну. Вскорѣ мальчикъ, порученный дворовому человѣку, могъ бы убѣжать, не встрѣтивъ малѣйшаго сопротивленія со стороны надсмотрщика: Яковъ заснулъ, какъ убитый, на днѣ телѣги; но Петя не убѣжалъ: онъ будилъ Якова всякій разъ, какъ попадалась деревня.

— Оставь... ну!.. не то, бормоталъ Яковъ,—будутъ двѣ бѣлыя церкви—тамъ! заключилъ онъ, тыкаясь лицомъ въ сѣно.

Наконецъ, надъ горизонтомъ мелькнули двѣ бѣлыя церкви. Яковъ долго не вѣрилъ этому. Онъ поднялъ голову, раскрылъ глаза и взялъ вожжи тогда уже, когда телѣга подъѣхала къ огромному селу, раскинутому между красивыми рощами и неоглядными пастбищами. Становой помѣщался по самой серединѣ села; онъ занималъ родъ флигеля, весьма похожаго на домы станціонныхъ смотрителей въ отдаленныхъ губерніяхъ; сбоку прилѣпилено было крылечко, устланное соломой. Подлѣ крыльца стояла телѣга съ сидѣвшей въ ней молодой бабой, которая убивалась (плакала), иногда принималась даже кричать голосомъ. Ее всячески усовѣщевалъ и уговаривалъ высокій, молодой мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

— Полно, дура, говорилъ онъ, — что ты ревешь?.. Ничего, говорю, не будетъ—ужъ я знаю... Экъ ее... не уймешь никакъ! Слышь, говорятъ, ничего не будетъ! развѣ впервые... Ужъ я знаю!..

Дворовый Яковъ Васильевъ, привязавшій уже лошадь, но остановившійся чтобъ послушать, какъ плачетъ баба, толкнулъ Петю и сказалъ:

— Должно-быть, сѣчь хотятъ... Она и убивается! мужа жалѣетъ... То-то, братъ, ты здѣсь насмотришься! оченно любопытно. Ну, пойдемъ!..

На нижней ступенькѣ крылечка сидѣлъ, пригорюнясь, сѣденькій старичокъ лѣтъ восьмидесяти; подъ ногами его лежалъ коробъ, въ которомъ суздальцы носятъ обыкновенно товаръ свой; на коробѣ пестрѣлъ свертокъ лубочныхъ картинъ, которыя на секунду обратили вниманіе Пети. Яковъ и мальчикъ вошли въ небольшую бревенчатую комнату о двухъ запыленныхъ окнахъ. Тутъ находилось человѣкъ пять мужиковъ, пришедшихъ для прописки, а можетъ быть, присланныхъ господами и для другихъ надобностей; всѣ они тѣснились передъ маленькой дверью, тщательно запертою изнутри. Почти въ одно время съ Яковомъ вошелъ и мужикъ съ подбитымъ глазомъ. Немного погодя, изъ двери выставился письмоводитель станового, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, съ лысой головой, похожей на дыню, обращенную завиткомъ къ публикѣ; завитокъ этотъ былъ его носъ, имѣвшій даже какой-то зеленоватый оттѣнокъ.

— Антонъ Антонычъ... сдѣлайте милость, нельзя ли!.. заговорили въ одинъ голосъ мужики, стоявшіе у двери.

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста! говорятъ, некогда; обождать можно... вымолвилъ Антонъ Антоновичъ нетерпѣливо, но безъ всякой злобы.

На дынномъ лицѣ его изобразилось даже удовольствіе, когда онъ взглянулъ на мужика съ подбитымъ глазомъ; онъ подошелъ къ нему, какъ къ старому, доброму знакомому. Петя, глядѣвшій во всѣ глаза на мужика и думавшій, что его тотчасъ начнутъ сѣчь, увидѣлъ, что Антонъ Антоновичъ, подходя къ нему, сдѣлалъ изъ ладони правой руки своей какое-то подобіе чашечки, а подойдя еще ближе, принялся тыкать этой чашечкой мужика въ ногу; отъ вниманія мальчика не ускользнула большая монета, тотчасъ же упавшая въ чашечку, которая быстро закрылась, какъ листъ *не-тронь-меня*, когда въ него попадаетъ муха.

— Ужъ сдѣлайте милость, Антонъ Антонычъ, проговорилъ въ то же время мужикъ съ подбитымъ глазомъ, подавая письмоводителю красивенькую записочку, запечатанную голубой облаткой съ готическимъ гензелемъ, — ослобоните, пожалуйста; мы будемъ въ надеждѣ...

— Хорошо, хорошо; все это можно, произнесъ Антонъ Антоновичъ, мигая и чмокая губами, — подожди только... можно!..

Мужикъ съ подбитымъ глазомъ низко поклонился. Антонъ Антоновичъ подошелъ къ Якову.

— Откуда? спросилъ письмоводитель, мгновенно теряя всю свою пріятность.

— Помѣщика Бабакина... бродягу на землѣ на нашей поймали, приставить велѣно, сказалъ Яковъ.

Петя такъ смутился, что не замѣтилъ, какъ изъ ладони письмоводителя снова сдѣлалась чашечка, какъ затыкала она Якова въ ногу, и какъ закрылась потомъ, когда попалъ въ нее двугривенный.

— Хорошо, братъ, сказала лысая дыня,—подожди; теперь некогда. Твое дѣло не къ спѣху! заключилъ письмоводитель, направляясь къ двери.

— Антонъ Антонычъ... заговорили опять въ одинъ голосъ пять мужиковъ.

— Отстаньте, говорю, послѣ... Фу, ты! пристали! Слышь, зоветъ!..

Изъ сосѣдней комнаты раздался свѣтлый голосъ, про-

износившій букву *р* такимъ образомъ, что, казалось, выбивали дробь на барабанѣ.

— Антонъ Антонычъ, куда вы запрррропастились... Ступайте скорѣй: дѣлъ множество... не перрредѣлаешь.

— Иду-съ! проговорилъ письмоводитель, вырываясь изъ толпы мужиковъ, какъ изъ омута, и быстро исчезая въ дверяхъ комнаты, гдѣ становой чинилъ судъ и расправу.

Станового звали Соломонъ Степановичъ: онъ точно самой судьбою предназначенъ былъ къ своей должности.

— Читай, Антонъ Антонычъ, что тамъ еще?.. Фу, какая прррропасть! пробарабанилъ Соломонъ Степановичъ.

Письмоводитель глухо кашлянулъ и приступилъ къ чтенію. Странное дѣло! Антонъ Антоновичъ говорилъ съ мужиками ясно, такъ что легко было понять каждое его слово; но какъ только принялся онъ читать (правда, по множеству бумагъ, онъ торопился), изо рта его послышались звуки, весьма похожіе на то, когда бутылку, налитую водою, опрокидываютъ горлышкомъ книзу; тѣмъ не менѣе, при большой привычкѣ, можно было разобрать слѣдующее:

„Его благородію, почтенному человѣку Соломону Степановичу Цыпкину отъ города Суздаля мѣщанина Григорія Носкова всеслезное прошеніе.

„Ваше благородіе, истинный благодѣтель человѣчества!

„Торгую я разнымъ собраніемъ промысловъ, „Судомъ страшнымъ“, „Долбилой и Гвоздилой“, „Мудростію Соломоновою“, разукрашенныхъ и золотомъ украшенныхъ, и разными такими, и въ листъ и менѣе листа, для славы и забавы православнаго народа, нужнаго для часа смертнаго. Пришелъ я въ село Малицы и взятъ былъ въ полицію бурмистромъ, который есть самый пропащій человѣкъ, за продажу оныхъ. А за что онъ взялъ и по какому праву? Почему всеслезно прошу васъ, истинный благодѣтель человѣчества, оное достояніе мнѣ отдать и чтобъ я по малой цѣнѣ продавалъ его, и христіанамъ была отъ того польза. Все сіе писалъ города Суздаля мѣщанинъ Григорій Носковъ руку приложилъ“...

— Ну, чорррть съ нимъ! отпусти его! послышался голосъ станового, — да скажи ему, чтобъ деррржалъ ухо востро, то-есть не насчетъ прродажи картинъ, а насчетъ писанія просьбъ... Навостррится, всѣмъ стррочить станетъ; пожалуй и къ губерррнатору напишетъ — я этого не люблю! Ну, что тамъ еще?..

— Письмо помѣщицы Хрюшкиной, Авдотьи Павловны, съ большою ясностью проговорилъ на этотъ разъ Антонъ Антоновичъ.

— Фу ты прррпасть, какъ пахнетъ! точно духами пишетъ, а не чернилами! И облатка голубая... Модница, нечего сказать... Читай, Антонъ Антонычъ...

Стоявшимъ въ прихожей снова показалось, какъ будто бутылку съ водою опрокинули горлышкомъ книзу.

„Милостивый государь, Соломонъ Степанычъ (забормоталъ письмоводитель), посылаю къ вамъ крестьянина моего Акиѳія съ покорнѣйшею просьбою наказать его хорошенько. Не описываю вамъ причинъ моего неудовольствія, потому что описаніе это еще больше взволновало бы меня и разстроило мое слабое здоровье. Надѣюсь, милостивый государь, вы, какъ всегда, уважите просьбу дамы, которая имѣетъ честь быть вашей слугою

Авдотья Хрюшкина“.

— Фу, чорртъ возьми, да что же это она въ самомъ дѣлѣ? прозвучалъ голосъ Соломона Степаныча, — что жъ она думаетъ, намъ только и дѣла-то сѣчь ея мужиковъ! На недѣлѣ разъ пять посылаетъ...

— А пускай ее посылаетъ, Соломонъ Степанычъ, пускай посылаетъ; это ничего... съ какою-то мягкостью произнесъ письмоводитель и вдругъ, понизивъ голосъ, началъ шептать что-то.

Петя испуганными глазами поглядѣлъ на мужика съ подбитымъ глазомъ; но, къ великому удивленію мальчика, лицо мужика оставалось такъ же весело и беззаботно, какъ и прежде; изрѣдка развѣ тѣнь неудовольствія пробѣгала по немъ, но это было въ тѣхъ случаяхъ, когда вой бабы у крыльца раздавался звонче обыкновеннаго. А между тѣмъ шопотъ продолжался во второй комнатѣ, гдѣ засѣдалъ становой.

— Ну, хорошо, произнесъ наконецъ тономъ примирительнымъ Соломонъ Степановичъ,—пускай убирается къ чорррту, пусть его идетъ когда такъ... Хорошо!.. Можетъ домой ѣхать, скажи ему! да чтобъ языкъ держалъ на привязи.

— Скажу-съ... Ему не впервой-съ, вымолвилъ Антонъ Антоновичъ, и съ этими словами снова явился въ прихожую.

— Антонъ Антонычъ, сдѣлайте милость, батюшка... за-

говорили опять, насовываясь другъ на дружку, мужики, стоявшіе у двери.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Сказалъ: погоди... Прочь! чуть не крикнулъ дыневидный письмоводитель, принимаясь толкать мужиковъ, изъ чего можно было заключить, что чашечка его тщетно тыкалась въ ихъ ноги.

Мужики повѣсили голову, а Антонъ Антоновичъ поднялъ свою нѣсколько раскраснѣвшую тыкву и прямо пошелъ къ подбитому глазу.

— Ступай съ Богомъ, Акиѳій, произнесъ онъ, понижая голосъ, который опять получилъ ясность и мягкость,— поѣзжай, братъ, домой. Смотри только... понимаешь? (тутъ онъ выразительно приложилъ указательный палецъ къ губамъ и быстро потомъ перенесъ его къ спинѣ).

— Помилуйте, Антонъ Антонычъ, нешто мы этого не знаемъ! намъ не въ первой! возразилъ подбитый глазъ, какъ бы гордившійся своими визитами въ становую квартиру.

— Ну, то-то же! Ступай съ Богомъ... ступай! кротко сказалъ письмоводитель.

Акиѳій поблагодарилъ, поклонился и вышелъ.

Не прошло минуты, дверь на крыльцо снова отворилась и пропустила высокаго, статнаго и очень еще красиваго человѣка, несмотря на то, что ему было уже подъ пятьдесятъ. Въ правильныхъ чертахъ его и во всей осанкѣ проглядывало какое-то достоинство; уже по одному спокойствію, съ какимъ вошелъ онъ, можно было догадаться, что онъ явился по собственному дѣлу, и притомъ такому дѣлу, которое не имѣло большой важности. Столкнувшись почти носъ къ носу съ письмоводителемъ, онъ не кланялся униженно, а сказалъ попросту: „здравствуйте батюшка!“ и принялся разглаживать окладистую бѣлокурую бороду.

— Зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ Антонъ Антоновичъ, любезно выставля впередъ свою дыню.

— А такъ, надобность своя есть; Соломона Степаныча надо видѣть, возразилъ безцеремонно мужикъ, развилъ обѣими руками бороду на двѣ равныя половины и отвелъ свѣтлые глаза въ сторону. Взглядъ его упалъ случайно на Петю и, казалось, мужичка удивило присутствіе такого мальчугана въ квартирѣ станового.

— Эй, Антонъ Антонычъ! что ты опять застрррялъ? Кто тамъ еще? крикнулъ становой.

— Никаноръ Иванычъ, подрядчикъ! отозвался письмоводитель, просовывая въ пріемную свою дыню.

— А, Никаноръ Иванычъ! добро пожаловать, братецъ... Ступай сюда, весело крикнулъ Соломонъ Степановичъ.

Подрядчикъ, нимало не торопясь, потеръ подошвами сапоговъ объ полъ и вошелъ во вторую комнату, гдѣ тотчасъ же раздались громкія восклицанія и быстрая барабанная дробь станового. Антонъ Антоновичъ хотѣлъ было войти за подрядчикомъ, но Яковъ Васильевъ остановилъ его.

— Сдѣлайте милость, Антонъ Антонычъ! нельзя ли какъ... намъ долго ждать не велѣно... пожалуйста!.. произнесъ онъ, отвѣшивая маховой поклонъ.

— Экой братецъ ты какой! вишь народъ! Сказалъ: обожди; чего жъ тебѣ еще?.. Со всѣми вдругъ не справишься.

Приведя такой резонъ, Антонъ Антоновичъ прошелъ мимо пятерыхъ мужиковъ, которые было забормотали; Антонъ Антоновичъ быстро повернулъ къ нимъ дынный завитокъ свой, мужики откинулись назадъ, стукаясь головами, и письмоводитель скрылся въ пріемной. Подрядчикъ Никаноръ заставилъ, казалось, станового забыть объ остальныхъ посѣтителяхъ, дожидавшихся въ прихожей. По прошествіи десяти минутъ, языкъ Соломона Степановича усталъ, однакожъ, выбивать мелкую дробь, и онъ снова спросилъ:

— Что тамъ еще, Антонъ Антонычъ?

— Помѣщика Бабакина человѣкъ-съ; на ихней землѣ бѣглаго поймали-съ... привели-съ...

— Фу, какъ надоѣли!.. Ну, веди его!..

Увидя входящаго Антона Антоновича, мужики стоявшіе подлѣ дверей, не тронулись уже съ мѣста: они, какъ видно, потеряли теперь всякую надежду.

— Ступай, братъ, сказалъ письмоводитель, обратившись къ Якову Васильеву.

Яковъ Васильевъ взялъ Петю за руку и ввелъ его во вторую комнату.

— А! произнесъ Соломонъ Степановичъ.

Въ этомъ восклицаніи не было ничего особеннаго; тѣмъ не менѣе Петя задрожалъ всѣми своими худенькими членами; все помутилось и завертѣлось въ глазахъ его, которые тотчасъ же наполнились слезами; онъ не смѣлъ поднять ихъ, не смѣлъ пошевелить рѣсницами, боясь вы-

давить накопившіяся слезы и закапать полъ, что было бы дѣйствительно лишнее, потому что въ этомъ мѣстѣ, противъ стола станового, на полъ и безъ того уже падало много слезъ. Но страхъ мальчика происходилъ, надо думать, отъ врожденной трусости; онъ ни на чемъ не основывался: какъ въ голосѣ, такъ и въ наружности Соломона Степановича не было ничего страшнаго. Соломонъ Степановичъ представлялъ изъ себя человѣка лѣтъ тридцати-пяти, съ полнымъ, румянымъ лицомъ, которое могло даже нравиться женщинамъ; его бѣлые, сверкающіе зубы, черные глаза и черные густые волосы, прохваченные мастерскимъ проборомъ, возбуждали зависть уѣзднаго судьи, стряпчаго и другихъ значительныхъ лицъ уѣзда, у которыхъ, какъ нарочно, были плѣшивыя головы и весьма скверные зубы. Соломонъ Степановичъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ запахивался новенькимъ халатомъ изъ *термаламы* (классическая матерія провинціальныхъ халатовъ), подареннымъ ему, мѣсяцъ назадъ, тещею.

Петѣ не только не слѣдовало дрожать и плакать, но слѣдовало бы радоваться и благодарить судьбу, что его привели къ становому въ настоящее время, а не прежде или послѣ. Весь этотъ мѣсяцъ Соломонъ Степановичъ находился въ веселомъ, снисходительномъ, самомъ мягкомъ и нѣвучемъ расположеніи духа, такъ что весь подвѣдомственный станъ его не могъ достаточно имъ нахвалиться. Такая внезапная перемѣна объясняется сама собою. Видано ли было когда-нибудь, чтобъ человѣкъ, проживающій первый медовый мѣсяцъ супружества, не былъ веселъ и вообще не выказывалъ значительнаго расположенія къ снисхожденію и мягкости? Соломонъ Степановичъ только что женился и былъ до-нѣльзя счастливъ. Одно то, что жена принесла ему въ приданое восемь душъ крестьянъ и дала ему такимъ образомъ возможность самому сдѣлаться помѣщикомъ, что было всегда любимѣйшею его мечтою; сверхъ того, жена его была молоденькая, хорошенькая и имѣла, какъ оказывалось (съ каждымъ днемъ онъ убѣждался въ этомъ), весьма кроткій, любящій и нѣжный нравъ. Не далѣе, какъ вчера, сидя на колѣняхъ мужа, она назвала его *Пипочкой*: ласки жены и нѣжныя имена такъ понравились Соломону Степановичу, что молодая дала себѣ слово звать мужа не иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ; въ тотъ же вечеръ изъ Соломона сдѣлала она „Салиньку“... становой былъ въ восхищеніи. Но Петя

не подозрѣвалъ всего этого, и потому продолжалъ замирать отъ страха и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Самому Якову Васильевичу было какъ будто неловко; онъ безпрестанно мигалъ Антону Антоновичу съ видомъ взаимнаго соучастія, и хотя тотъ не смотрѣлъ на него, но, все равно, миганье съ письмоводителемъ ободряло Якова Васильева.

— Ладно, Никаноръ Иванычъ, мы еще поговоримъ, сказалъ становой, обратясь къ подрядчику. — Садись, бррратецъ.

— Покорно васъ благодарю; я постою, возразилъ подрядчикъ.

— Садись, садись...

— Помилуйте, зачѣмъ же это?.. мое дѣло такое... я могу постоять. Не извольте безпокоиться, я постою.

— Ну, какъ знаешь, бррратецъ, какъ знаешь, весело произнесъ становой и обратился къ Якову.—Когда поймали? спросилъ онъ, кивая головою на Петю.

— Нынче утромъ-съ... въ ригу зашелъ къ крестьянину.

— А! гм! ррраненько, братъ, началъ! Что ты, какъ быкъ, въ землю-то смотришь? подыми голову!

Такъ какъ Петя не повиновался, то Яковъ Васильевъ торопливо взялъ его одною рукою за подбородокъ, другою за макушку головы и показалъ становому блѣдное, потерянное лицо мальчика, исполосованное потоками слезъ.

— Гм! раненько, братъ, началъ, раненько! повторилъ становой.

— Малъ еще, сударь, по глупости, можетъ статься, сказалъ подрядчикъ, съ замѣтнымъ состраданіемъ поглядывая на мальчика,—можетъ-быть, нарочно угналъ кто-нибудь... Гдѣ еще ему бродяжничать по своей охотѣ?

— Откуда ты? спросилъ становой, пристально взглядывая на бродягу.

— Не... не знаю... пролепеталъ мальчикъ, котораго Яковъ Васильевъ, повинуясь знакамъ письмоводителя, все еще держалъ за голову.

— Ты у меня, смотри, не ври, говори всю правду, а то я тебя заставлю говорить по-своему... Говори, гдѣ былъ передъ тѣмъ, что пришелъ въ ригу? подхватилъ Соломонъ Степановичъ.

— Я у нищихъ... былъ... произнесъ, рыдая, мальчикъ,— они хотѣли мнѣ глаза выколоть... я убѣжалъ...

— Когда жъ ты ушелъ отъ нихъ — а?... да смотри, не врать у меня! промолвилъ Соломонъ Степановичъ съ тѣмъ

видомъ, какой былъ у него до женитьбы и до названія „Сàлинька“.

— Нѣтъ, всю... всю правду скажу...

— Ну!

— Я... я двѣ ночи бѣжалъ... да еще день бѣжалъ, проговорилъ Петя, который побоялся броситься въ ноги становому и просить у него пощады.

— Хорошо; ну, а до нищихъ гдѣ ты находился? Гдѣ они тебя взяли?...

— Я жилъ у матери... съ отцомъ...

— Должно-быть, Соломонъ Степанычъ, вмѣшался опять подрядчикъ, — должно быть, родные нищимъ его отдали на срокъ... это бываетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ Петя, горько всхлипывая, — нѣтъ! они меня силой у отца отняли... въ лѣсу...

— Ну, это, братъ, что-то хитрò! Смотри, не врешь ли ты? смотри! Тутъ что-то не такъ, Никаноръ, а? какъ ты думаешь — а?

— Все можетъ случиться, Соломонъ Степанычъ, спокойно-разсудительнымъ тономъ проговорилъ подрядчикъ,— можетъ, отецъ въ ту пору пьянъ былъ, мѣсто было глухое... Эти нищіе, доложу вамъ, сударь, часто такія бестіи бываютъ, что хуже иного разбойника... Обманывать васъ онъ побоится. Надо думать, тàкъ ему случилось, какъ онъ разсказываетъ.

— Я всю правду сказалъ, началъ Петя, прерываясь на каждомъ словѣ, — ничего не утаилъ... всю правду сказалъ...

Миловиднос, кроткое лицо мальчика, его отчаянье, звукъ его голоса — все подтверждало искренность его показаній. Самъ Соломонъ Степановичъ, казалось, смягчился и превратился снова въ „Сàлиньку“.

— Ну, а какой ты губерніи?... какого уѣзда? ты этого не помнишь? спросилъ онъ.

— Màрьинское... Màрьинское прозывается, вымолвилъ Петя, рѣшаясь поднять глаза.

— Гм! Màрьинское... пробормоталъ становой, потирая лобъ и какъ бы отыскивая въ памяти своей такую губернію или уѣздъ.—Да, можетъ-быть, такъ село прозывается, гдѣ жилъ отецъ твой?

— Да, Màрьинское... деревня, гдѣ мать и отецъ; они оттуда увели меня, сказалъ Петя и снова заплакалъ.

— Что жъ мнѣ съ нимъ дѣлать, я, право, не знаю? Гдѣ

ее отыскивать, эту деревню? Антонъ Антонычъ, помѣть деревню „Мàрьинское“ на всякій случай для отправки съ нимъ въ Земскій Судъ: можетъ, какъ-нибудь тамъ и отыщется, какъ пропечатаютъ объявленіе о поимкѣ; а до того времени одно остается сдѣлать: записать его въ списокъ „непомнящихъ родства“.

— Жаль, Соломонъ Степанычъ; мальчикъ-то, кажется, смирный... Такъ пропадетъ, ни за что, произнесъ подрядчикъ.

— Да что жъ съ нимъ дѣлать-то, братецъ? дѣлать-то больше нѣчего...

— Можно на поруки отдать кому-нибудь; коли доброму человѣку попадется — не пропадетъ!

— Да кто жъ его возьметъ? кому онъ нуженъ? Вишь, слабый, маленькій, кому онъ нуженъ?

— Пожалуй, я возьму, сказалъ подрядчикъ, поглаживая бороду.

— Возьми, братецъ, возьми; я очень радъ; ты всѣхъ насъ избавишь отъ лишнихъ хлопотъ... Только, знаешь, Никаноръ, надо будетъ, какъ по закону слѣдуетъ, оставить расписку въ томъ, что такъ-и-такъ, обязуешься выучить его мастерству какому-нибудь, а не держать такъ, зря, какъ собаку...

— Помилуйте, сударь, мы вѣдь также въ церковь ходимъ и въ Бога вѣруемъ! съ достоинствомъ промолвилъ подрядчикъ. — Какъ, примѣрно, сами по плотничной части занимаемся, такъ все равно и его тому же обучать станемъ. Пожалуй, я хоть сейчасъ распишусь въ чемъ сказать изволили...

Соломонъ Степановичъ, подумавъ, что подрядчикъ дѣлаетъ это, имѣя въ виду какія-нибудь выгоды, могъ бы привязаться къ случаю и не упустить собственныхъ выгодъ; но, какъ ужъ сказано, онъ въ этотъ мѣсяцъ былъ особенный человѣкъ; къ тому жъ, одною изъ отличительныхъ добродѣтелей станового было чувство благодарности: онъ помнилъ, что, передъ свадьбой, Никаноръ поднесъ ему пару славныхъ гусей, а послѣ свадьбы, для поздравленія, подарилъ двухъ отличныхъ утокъ, изъ которыхъ селезень былъ заводскій хохлатый шипунъ. Соломонъ Степановичъ не сдѣлалъ, слѣдовательно, ни малѣйшихъ прижимокъ подрядчику касательно мальчика; онъ велѣлъ дать бумагу и самъ даже продиктовалъ Никанору обязательство, требуемое закономъ..

Во все это время Петя не отрывалъ глазъ отъ подрядчика. Лицо Никанора не пугало его, но онъ все продолжалъ еще плакать. Припоминалъ ли онъ добрую барыню, которая такъ обласкала его, хотѣлось ли ему къ ней возвратиться, или неизвѣстность того, что̀ ожидало его у новаго хозяина, стѣсняла его сердце, только слезы сами собою текли по щекамъ его и свободно теперь капали на полъ становой квартиры, что̀, какъ извѣстно, было ужъ совершенно лишнимъ.

— Ступай, братецъ, скажи, что хорошо; мальчика взяли на поруки, проговорилъ становой, обратясь къ Якову Васильеву.

Яковъ Васильевъ взглянулъ на дынное лицо Антона Антоновича; Антонъ Антоновичъ выразительно мигнулъ. Дворовый человѣкъ поклонился Соломону Степановичу, сдѣлалъ шагъ впередъ и положилъ на край стола полтинникъ.

— Что это? съ улыбкой удивленья спросилъ становой.

— Отдать велѣно...

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ, возьми назадъ, мнѣ не надо этого, съ благородствомъ во всѣхъ чертахъ проговорилъ Соломонъ Степановичъ. — А вотъ если они хотятъ отблагодарить меня за то, что избавилъ ихъ, скажи... скажи, чтобъ лучше прислали возочекъ муки; а это, подхватилъ онъ, отдавая назадъ полтинникъ,—это возьми назадъ...

Яковъ Васильевъ поклонился еще разъ и вышелъ, думая: „Экой, братъ, ловкій какой! Вѣдь мука-то теперь девять съ полтиной... Ловокъ, нечего сказать... ловокъ!“

Дѣло, по которому Никаноръ явился къ становому, задержало его не надолго; спустя немного, онъ вышелъ съ мальчикомъ на улицу. Телѣги съ плачущей бабой ужъ не было; старичокъ, продающій лубочныя картинки, также исчезъ. Яковъ Васильевъ уѣхалъ. Послѣдній побоялся, видно, чтобъ полтинникъ не проткнулъ ему кармана въ шароварахъ, снова поспѣшилъ размѣнять его. Петя вспомнилъ добрую барыню, которой онъ даже не послалъ поклона, и опять заплакалъ. Никаноръ Ивановичъ обласкалъ его и помогъ ему усѣсться хорошенько на телѣгу. Послѣ этого онъ самъ сѣлъ подлѣ мальчика и слегка постегалъ сытую, сѣрую свою кобылку, которая скоро вывезла ихъ вонъ изъ села.

— Ты, паренёкъ, не плачь; зачѣмъ плакать? плакать не годится, сказалъ онъ, ласково поглядывая на Петю,—

мы ничего худого тебѣ не сдѣлаемъ: ты, я вижу, мальчикъ хорошій, добрый; станешь слушаться, тебѣ хорошо будетъ. Обижать тебя никто не станетъ; а пуще, надо стараться не лѣниться, къ работѣ привыкать; кто сызмаленьку привыкаетъ, тому потомъ все легче да легче пойдетъ. Ты охотникъ ли работать-то—ась? шутливо присовокупилъ онъ.

— Да... буду... я, дядюшка, буду работать... со вздохомъ проговорилъ Петя, переставшій плакать.

— Ну, вотъ и хорошо! подхватилъ тѣмъ же добродушнымъ тономъ Никаноръ Ивановичъ. — Работать хорошо будешь—мы изъ тебя человѣка сдѣлаемъ, не то что, примѣрно, шалопая какого—нѣтъ, настоящаго! А тамъ возрастешь, самъ большой будешь... Тогда, статься-можетъ, какъ-нибудь, съ Божею милостью, и родныхъ найдешь... То-то имъ весело-то будетъ, какъ увидятъ тебя большого такого, съ пилой за плечами, съ топоромъ за поясомъ. Самъ избу тогда имъ поставишь—вотъ какъ!..

Мало-по-малу Петя пересталъ вздыхать, а къ концу дороги довѣрчиво уже смотрѣлъ въ свѣтлые глаза Никанора Ивановича и внимательно слушалъ его добрыя, ласковыя рѣчи.

III.

Радость и горе.

Между тѣмъ, какъ Петя переходилъ такимъ образомъ изъ рукъ въ руки и велъ самую кочевую, неопредѣленную жизнь, семья его обзаводилась домкомъ и обстраивалась на новомъ своемъ мѣстѣ. Нечего сказать, мужичокъ Андрей, изъ Панфиловки, мастеръ былъ строить мазанки. Онъ, правда, не гнался за красотою, не любилъ ни рѣзныхъ, узорчатыхъ подзоровъ, ни пѣтуховъ на макушкѣ кровли, ни ставней, расписанныхъ цвѣточными горшками: все это называлъ онъ пустяшнымъ дѣломъ, нестоящею мелкотою; но зато постройки его отличались плотностью необыкновенной: солнцемъ не пропекало, вѣтромъ не продувало, зимой не промерзало. Образцомъ такой постройки могла служить мазанка Тимоѳея: плотно и прочно; одно слово сказать, что плотно. Однимъ немножко обижалась Катерина: подлѣ мазанки не только не находилось деревца, но даже хворостинки; кругомъ разбѣгалась неоглядная луговая степь, сливавшаяся съ небосклономъ.

Съ той только стороны, гдѣ находился хуторокъ Анисьи Петровны (до него считалось версты четыре), жнивье убранныхъ ужъ полей обозначалось блѣдно-желтою полосою, которая нѣсколько разнообразила зеленое море травы. Снятая рожь позволяла теперь вѣрно указать на то мѣсто, гдѣ располагался хуторъ; онъ отмѣчался темной, неопредѣленной точкой: то была макушка старой ветлы, осѣнявшей прудокъ Панфиловки. Нѣсколько лѣвѣе, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, мелькали другіе маленькіе хутора; наконецъ, ближе къ мазанкѣ, тамъ, гдѣ кончилось ужъ жнивье и начинались луга, выглядывала темнымъ пятномъ усадьба богатаго гуртовщика Карякина. До послѣдней, если итти все прямо, было не болѣе двухъ верстъ. Весь остальной кругозоръ обозначался волнистыми, постепенно убѣгающими линіями луговой степи. Такому обилію травы особенно должна была радоваться рыжая корова, только что купленная Катериной; корова стоила дорого; но безъ нея обойтись нельзя при множествѣ ребятишекъ: тѣмъ вѣдь только и живы, какъ въ накрошенный хлѣбъ, либо въ кашу, молочка подольешь. Шагахъ въ двадцати отъ мазанки находился водопой и колодезь. Андрей и два другіе мужика, два мастака въ дѣлѣ отыскиваній, по примѣтамъ, неглубокихъ подземныхъ источниковъ, бились надъ нимъ пять дней; они, вѣроятно, бились бы долѣе, если бъ не подстрекалъ ихъ и не ободрялъ Лапша. Самъ онъ, къ сожалѣнію, не могъ подсоблять лопатою: въ эти пять дней одышка, поперхота и ломъ въ груди не давали ему покоя.

Въ одномъ только случаѣ переселенцы отступили отъ плана, начертаннаго Сергѣемъ Васильевичемъ Бѣлицынымъ: они не построили огромныхъ навѣсовъ, долженствовавшихъ защищать отъ ненастья гурты воловъ, которые будутъ прогоняться черезъ лугъ: во-первыхъ, лѣсъ такъ былъ дорогъ, что недостало бы денегъ у Катерины; во-вторыхъ, изъ словъ мѣстныхъ жителей оказалось, что гурты ходятъ такими большими партіями, что не закроешь ихъ никакими навѣсами; какъ скотъ, такъ и гуртовщики, его сопровождающіе, привыкли почевать въ лугахъ подъ открытымъ небомъ и не боятся никакой погоды передъ ярко-пылающимъ костромъ; ни одинъ изъ нихъ полушки не дастъ, чтобъ постоять подъ навѣсомъ: они предпочтутъ отнести деньги въ кабаки, которые разсыпаны въ изобиліи по всѣмъ степнымъ дорогамъ. Въ полуторѣ верстѣ

отъ карякинской усадьбы, по дорогѣ къ Панфиловкѣ, находился также кабакъ. „Какъ же, пойдутъ къ вамъ гуртовщики! Жди хоть годъ, ни одинъ не заглянетъ!“ утвердительно говорилъ Андрей изъ Панфиловки. Обо всемъ этомъ отписала Катерина въ Марьинское управителю Герасиму Аѳанасьевичу. Недалеко было ей ходить за грамотнымъ: у Карякина проживалъ какой-то хромой и горбатый человѣчекъ, по имени Егоръ, который за двугривенный приходилъ къ кому угодно съ листикомъ сѣрой бумаги, съ пузырькомъ, замѣнявшимъ чернильницу; онъ ловко строчилъ письма и просьбы; за послѣднія онъ бралъ, впрочемъ, дороже: „не велѣно“, говорилъ онъ въ свое оправданіе. Андрей предупредилъ Катерину, что этотъ Егорка великій негодяй, но Катеринѣ съ нимъ не дѣтей было крестить: написалъ письмо, деньги взялъ, и ступай по-добру по-здорову. Въ письмѣ своемъ Катерина спрашивала о Петѣ и снова просила Герасима Аѳанасьевича отослать мальчика въ степь по пересылкѣ, въ случаѣ, если онъ нашелся.

Десятидневное пребываніе въ степи, а еще болѣе бесѣды съ Андреемъ и его женою, окончательно убѣдили Катерину, что трудно будетъ ей жить на новомъ мѣстѣ. Хлѣбъ, конечно, втрое дешевле здѣсь, чѣмъ въ Марьинскомъ, но все же надо покупать его, тогда какъ въ Марьинскомъ онъ добывался съ поля. Корова поглотила почти всѣ деньги, которыми могла располагать Катерина для себя собственно; о пріобрѣтеніи лошади, для обработки двухъ-трехъ десятинъ луга, нечего было и думать. Къ тому жъ, какъ только дѣло коснулось пахоты, Лапша объявилъ наотрѣзъ, что пахать не силахъ. Неизвѣстно, что̀ разслабляло Лапшу: переѣздъ ли съ мѣста на мѣсто, доставившій ему, впрочемъ, случай спать мѣсяцъ сряду, перемѣна ли воздуха, тоска ли по родинѣ, или, наконецъ, расшибленная грудь, которая, въ первое время послѣ паденія въ оврагъ, долго не сказывалась и не такъ сильно мучила Лапшу, какъ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ—дѣло въ томъ, что Лапша замѣтно хирѣлъ. Въ двадцать лѣтъ замужества Катерина такъ хорошо изучила мужа, что не могла ужъ поддаваться его охамъ, вздохамъ и жалобамъ; но она сама теперь замѣтила въ немъ перемѣну; въ кашлѣ Лапши не было теперь ничего притворнаго: кашель начинался иногда ночью (въ прежнее время Лапша кашлялъ только днемъ; ночью спалъ какъ убитый,

особенно когда хорошо ужиналъ); теперь кашлялъ онъ всю ночь напролетъ, вплоть до зари. Въ первый день, какъ ставили мазанку, Лапша хлопоталъ и усердствовалъ больше всѣхъ, но, по прошествіи часа, такъ выбился изъ силъ, такъ умаялся, что отказался отъ обѣда: послѣднее убѣдило Катерину, что силы дѣйствительно оставили мужа.

Хотя мужъ не былъ для Катерины надежнымъ помощникомъ, но хворость его все-таки прибавляла ей лишнюю заботу: у нея и безъ того ужъ было ихъ такъ много! Кромѣ хлѣба, приходилось еще прикупать конопель, пряжу, пшено, соль; мало ли нуждъ въ большой семьѣ, при малыхъ ребятахъ! Чтобъ удовлетворить частью всѣмъ этимъ требованіямъ, Катерина рѣшилась согласиться на просьбу Андрея: отпустить къ нимъ Машу въ видѣ работницы. Люди были хорошіе, честные, извѣданные: обижать не станутъ. Катерина надѣялась одна справиться съ домашними хлопотами; она нашла, что у нея останется еще много свободнаго времени, и просила Андрея и жену его посылать къ ней окрестныхъ мужиковъ и бабъ, нуждавшихся въ шитьѣ; она мастерица кроить и шить рубахи, поддёвки, выдѣлывать всякіе узоры на кичкахъ и полотенцахъ; о заплатахъ и говорить нечего: Катерина такъ крѣпко ставила заплаты, что онѣ переживали долѣе, чѣмъ сосѣднее, повидимому, даже здоровое мѣсто. Три мальчугана Катерины (мы не упоминаемъ о четвертомъ, который только и дѣлалъ, что спалъ или сосалъ грудь), три мальчугана были такъ еще малы, что ни въ чемъ не могли пособить матери; они рыскали съ утра до вечера по лугамъ, всюду сопровождаемые вѣрнымъ Волчкомъ. Сумасшедшая Дуня также пропадала въ лугахъ по цѣлымъ днямъ; иной разъ она не являлась даже къ обѣду, что̀, съ одной стороны, пробуждало безпокойство Катерины, съ другой—невольное чувство радости: оставалось больше хлѣба на завтра.

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти работы, хлопоты и стѣсненія, Катерина чувствовала, что ей здѣсь несравненно покойнѣе жить, чѣмъ въ Марьинскомъ. Ей недоставало только Пети: тогда она была бы совершенно даже счастлива и охотно провела бы здѣсь остатокъ дней своихъ. Житье было точно спокойное, тихое: въ недѣлю раза два-три заглядывали Андрей, его жена и дочь Маша. Кромѣ этихъ лицъ, да еще хромого и горбатаго Егорки, который явился всего два раза, чтобъ писать письмо, ни

одно живое существо не показывалось въ лугахъ, окружавшихъ мàзанку. Безмолвіе степи точно такъ же ничѣмъ не нарушалось; только вечеромъ, при солнечномъ закатѣ, когда весь этотъ просторъ охватывался огненнымъ заревомъ и, постепенно блѣднѣя, убѣгалъ лиловыми линіями въ неоглядную даль, тогда только все вокругъ оживлялось криками дергачей, перепеловъ и шумомъ стрепетовъ, которые перелетали съ мѣста на мѣсто; но все это опять умолкало съ наступленіемъ ночи. Степь закутывалась въ темно-синій плащъ и сама какъ будто засыпала. Послѣднія вспышки заката угасали; во всѣ стороны величественно раскидывалось небо съ міріадами сверкающихъ звѣздъ. Наступало мертвое, непробудное молчаніе самой глухой пустыни. Изрѣдка, далеко-далеко раздастся ревъ отставшаго быка. До сихъ поръ одни только эти звуки, весьма рѣдкіе, впрочемъ, напоминали жителямъ мáзанки о существованіи гуртовъ: Катерина, по крайней мѣрѣ, не видала ни одного быка на своемъ лугу. Это происходило потому, вѣроятно, что Ѳедоръ Ивановичъ Карякинъ, согласно обѣщанію *обрадовать* чѣмъ-нибудь Анисью Петровну въ ея горѣ, отказался отъ луга Бѣлицыныхъ, какъ только поселились на немъ мужики ихъ; но такое обстоятельство не мѣшало, однакожъ, нашимъ переселенцамъ проводить благополучно дни и ночи.

Разъ (это случилось недѣли три послѣ окончательнаго переселенія въ степь) семья Лапши находилась у входа мàзанки. Было часовъ шесть утра. Солнце давно уже поднялось въ ясномъ, безоблачномъ небѣ и начинало даже припекать. Семейство переселенцевъ расположилось у входа мàзанки, потому что съ этой стороны падала длинная, прохладная тѣнь. Катерина сидѣла на травѣ: она спѣшила приставить дюжины полторы заплатъ къ коротайкѣ, которую, два дня назадъ, поручилъ ей одинъ изъ мужичковъ Панфиловки. Лохмотья, предназначенныя для заплатъ, и лохмотья самой коротайки лежали на ея колѣняхъ; въ правой рукѣ ея, на старомъ тулупчикѣ, валялся послѣдній ея ребенокъ; слѣва, между моткомъ нитокъ и ножницами, виднѣлся ломоть хлѣба, къ которому, время отъ времени, прибѣгала она. Подлѣ—три мальчугана кричали и прыгали съ ломтемъ хлѣба въ рукахъ; Волчокъ переходилъ отъ одного къ другому, усаживался на свой крендель, устремлялъ на каждаго страстно-нетерпѣливые глаза и невообразимо быстро дви-

галъ хвостомъ, когда который-нибудь изъ мальчугановъ подносилъ хлѣбъ къ губамъ. Лапша помѣстился позади всѣхъ, на порогѣ мазанки; онъ не принималъ участія ни въ завтракѣ, ни въ болтливой бесѣдѣ между матерью и ребятёнками. Уперевъ угловатые локти въ костлявыя колѣни, положивъ голову между ладонями, онъ глядѣлъ съ видомъ тоски и изнеможенія въ степь, которая разстилалась передъ его глазами; узенькій, сухой лобъ его какъ будто не въ силахъ уже былъ поддерживать такихъ огромныхъ черныхъ бровей: брови лежали пластомъ, какъ двѣ мертвыя піявки. О чемъ думалъ Лапша—этого онъ вѣрно и самъ не могъ растолковать; но все равно, каковъ бы ни былъ ходъ его мыслей, онѣ поминутно прерывались тяжкимъ кашлемъ, который душилъ его. Катерина замѣтила, что кашель мужа не прерывался теперь даже съ зарею. Для пополненія семейства недоставало Пети, Маши и безумной Дуни. О Петѣ мы знаемъ только, что онъ отправился съ подрядчикомъ Никифоромъ, который взялъ его на поруки; Маша жила въ работницахъ у Андрея. Что жъ касается Дуни, она ушла до солнечнаго восхода въ степь съ горбушкой чернаго хлѣба и палкой, которую не переставала убаюкивать, какъ младенца.

Какъ только ломти хлѣба исчезли изъ рукъ мальчугановъ, Волчокъ сдѣлался тотчасъ же спокойнѣе, но, наоборотъ, мальчики обнаружили больше подвижности и живости. Они сказали, что побѣгутъ въ степь за Дуней, и стали звать Волчка; но Волчокъ слушать не хотѣлъ; усѣвшись на свой крендель, какъ на резиновый кружокъ, который подкладываютъ подъ себя нѣкоторые господа, онъ не переставалъ облизываться и задумчиво смотрѣлъ по направленію къ хутору.

— Волчокъ! Волчокъ! крикнули снова мальчики.

Волчокъ не трогался съ мѣста: вниманіе его очевидно занято было какимъ-то предметомъ. Секунду спустя, онъ насторожилъ уши, вскочилъ на ноги, отбѣжалъ впередъ шаговъ на десять, вытянулъ шею и залаялъ.

— Мама, никакъ кто-то идетъ!.. крикнулъ Костюшка, пускаясь за Волчкомъ.

Братишки также побѣжали за нимъ.

— Кому идти? сказала Катерина, подымая глаза и обращая ихъ къ хутору,—Машѣ не время: они нынче послѣдній овесъ подбираютъ. Погляди-ка, Тимоѳей, взаправду кто-то пробирается.

Но Тимоѳей не поднялъ даже головы, не обернулся.

Человѣкъ, котораго издали увидѣлъ Волчокъ, замѣтно приближался; онъ шелъ, повидимому, очень скоро. Немного погодя, мальчики, бѣжавшіе за Волчкомъ, могли даже разсмотрѣть черты его. Вдругъ всѣ трое припустили во весь духъ и закричали въ одинъ голосъ: „Ваня! Ваня!..“ Катерина бросила на-земь лохмотья, встала и, поправляя головной платокъ, пошла навстрѣчу. Не успѣла она сдѣлать десяти шаговъ, какъ ужъ человѣкъ сошелся съ мальчиками и началъ цѣловаться. Тогда Катерину встрѣтили прежде всего широкія губы, которыя улыбались отъ праваго уха до лѣваго. Минуту спустя, губы эти чмокали ужъ Катерину въ обѣ щеки.

— Ахъ, Ваня, Ваня! Вотъ не чаяла, не гадала! Какъ же это ты такъ, батюшка? Ну, здравствуй, родной, здравствуй! Когда ты пришелъ?

— Да ноньче, тетушка Катерина, ноньче, возразилъ Иванъ, раздвигая еще шире свою улыбку,—ноньче! Прошелъ на хуторъ, спрашиваю о васъ; говорятъ: четыре версты... Эвна, думаю, только-то! не пуще устанешь! что ждать-то? думаю. Ужъ оченно добрѣ васъ повидать хотѣлось... Струментъ отдалъ мужику на хуторѣ, а самъ къ вамъ. Оченно ужъ обрадовался, тетушка Катерина!.. Вѣдь вы мнѣ, какъ родные... знамо, обрадуешься!

Во время этого разговора, прерывавшагося радостными криками мальчиковъ и лаемъ Волчка, подскакивавшаго къ самому локтю гостя, Катерина и Иванъ успѣли подойти къ мазанкѣ. Лапша не тронулся съ мѣста; онъ только приподнялъ голову и говорилъ разслабленнымъ голосомъ: „здравствуй, Ваня, здравствуй“. Но Ивану и этого было достаточно; онъ бросился обнимать и цѣловать Лапшу съ такимъ усердіемъ, что, казалось, губы его видимо припухали.

— Что съ тобой, дядюшка Тимоѳей? вымолвилъ Иванъ, замѣтивъ, наконецъ, съ какою холодностью Тимоѳей отвѣчалъ ему на всѣ его привѣтствія,—можетъ статься, я въ чемъ помѣшалъ тебѣ?

Въ отвѣтъ Лапша замоталъ головою и закашлялся.

— Что-то опять на грудь сталъ все жаловаться, подхватила Катерина, — нездоровится все... Вотъ ужъ двѣ недѣли такъ-то мается...

— О-охъ! простоналъ Лапша,—что ужъ тутъ!.. Пришло, стало, время... умирать надыть, Ваня...

— Вишь, отмѣны никакой въ немъ нѣту-ти, перебила жена, стараясь улыбнуться,—все жалуется да пустое городитъ. Умирать! Рано собрался!.. Съ чего умирать-то?.. Съ нами еще поживешь...

— Нѣтъ... проговорилъ Лапша, опуская безсильно голову,—нѣтъ... чую смерть близко, помереть надо...

— Знамо, всѣмъ умирать надо; смерти-то никто не минуетъ, да только говорить-то о ней, впередъ-то загадывать не годится; все это во власти Божіей. Подь, порадуйся лучше дорогому гостю, что пришелъ... Ахъ, Ваня, Ваня! заключила Катерина, похлопывая его по плечу.

Ваня, поощренный этою новой лаской тетушки Катерины, снова бросился обнимать ее и цѣловать до опухоли. Какъ только Катерина пришла въ себя, первый вопросъ ея былъ, разумѣется, о Петѣ. О мальчикѣ до сихъ поръ не было ни слуху, ни духу; но Иванъ просилъ Катерину не сомнѣваться: Герасимъ Аѳанасьевичъ лично сообщилъ ему, что объявленіе о пропажѣ мальчика давнымъ-давно послано куда слѣдуетъ—мальчикъ непремѣнно отыщется. Но такъ какъ все это мало утѣшало Катерину, Иванъ поспѣшилъ развлечь ее другими новостями изъ Марьинскаго. Все обстоитъ пока благополучно: господа уѣхали; кузнецъ Пантелей приказалъ долго жить; сгорѣлъ — не отъ огня, сгорѣлъ, сказывали, вина много перепилъ; по воскреснымъ днямъ, какъ и прежде, передъ амбарнымъ навѣсомъ собирается хороводъ, въ которомъ больше всѣхъ отличаются востроглазая бабенка да Матрена; скотница Василиса живетъ ни на что не похоже, обворовываетъ господъ безъ милости; но управитель не смѣетъ смѣнить ее: сама барыня приставила ее къ должности и велѣла даже прибавить ей по два пуда мѣсячины.

Разсказывая обо всѣхъ этихъ новостяхъ, Иванъ точно черпалъ ихъ изъ дверей мазанки, куда то и дѣло забѣгали маленькіе глаза его. Катерина, подумавъ, что глаза Вани устремляются съ такою жадностью на коровай, лежавшій на столѣ, и который можно было видѣть въ раскрытую дверь, поспѣшила войти въ мазанку; немного погодя она вынесла гостю добрый сукрой хлѣба и молока; все это принято было Иваномъ съ великою благодарностью: аппетитъ столяра вполнѣ соотвѣтствовалъ размѣру его рта; завтракъ исчезалъ съ неимовѣрною быстротою.

— Ну, Ваня, разскажи мнѣ, родной, какъ же ты житьто станешь? промолвила Катерина, весело поглядывая на

гостя и вмѣстѣ съ тѣмъ покачивая головою съ озабоченнымъ видомъ.—Вотъ мы здѣсь почитай ужъ мѣсяцъ живемъ, а нѣтъ того, чтобъ слышали, надобность есть по рукомеслу по твоему... Надо все это обсудить; ты не аларберный человѣкъ, самъ разсудить можешь: надо жить чѣмъ-нибудь; надо также объ оброкѣ подумать...

Въ настоящую минуту Иванъ думалъ только, казалось, о двери мазанки. Такъ какъ онъ былъ столяръ, то въ этомъ ничего и не могло быть удивительнаго.

— Какъ же, какъ же, тетушка Катерина, я ужъ объ этомъ обо всемъ непремѣнно разсудилъ. Такъ, знамо, нельзя... Оброкъ и все такое... возразилъ Иванъ. — Вотъ маленько осмотрюсь, узнаю, какіе такіе здѣсь помѣщики, и всѣхъ обойду, тетушка Катерина... всѣмъ рамы тамъ, или столы, комоды—все это я могу... А здѣсь работы не будетъ, въ городъ пойду: городъ, сказывали мнѣ на хуторѣ, верстъ сорокъ...

— То-то же, родной, надо за дѣло приниматься, сказала Катерина, — побудь съ нами денекъ-другой, да съ Богомъ! Ты, я знаю, самъ проклажаться не любишь... Что на мазанку-то на нашу смотришь—ась? аль понравилась? Вишь какъ устроились... хорошо, что ли?

— Да, хорошо, тетушка Катерина... хорошо; крѣпкія должны быть стѣны-то, да и крыша того... да!.. Слышь, тетушка, примолвилъ Иванъ съ меньшею разсѣянностью,— слышь, что жъ это я не вижу... гдѣ жъ у васъ... Дуня-то?..

— А въ лугъ ушла, родной... ушла до солнца... Все попрежнему, такая же смирная; а нѣтъ этого, чтобъ въ разумъ входила... нѣтъ... такая же...

— Ну, а гдѣ жъ Маша-то? спросилъ Иванъ, сдерживая улыбку, которая, несмотря на старанія, разсѣкала пополамъ добродушное лицо его.

Катерина объяснила, гдѣ была Маша. По поводу дочери, она распространилась объ Андреѣ и женѣ его. Она съ первыхъ же словъ умѣла, видно, возбудить къ нимъ сочувствіе Ивана: онъ выразилъ желаніе познакомиться съ ними и увидаться какъ можно скорѣе. Стоило взглянуть на лицо его, чтобъ убѣдиться, какъ сильно было въ самомъ дѣлѣ это желаніе и какъ хотѣлось ему отправиться на хуторъ: маленькіе глаза Ивана такъ же нетерпѣливо посматривали теперь въ ту сторону, какъ прежде устремлялись на дверь мазанки. Поговоривъ о томъ о семъ, онъ вдругъ всталъ и сказалъ, что пора отправляться.

— Куда жъ ты, Ваня? спросила Катерина,— я думала, ты здѣсь отдохнешь да пообѣдаешь...

— Нѣтъ, тетушка, вотъ что: я маленечко къ вамъ поторопился, взялъ да струментъ-то свой первому мужику отдалъ на хуторѣ; теперь сумлѣнье беретъ: ну, какъ пропадетъ! Безъ струмента я совсѣмъ, какъ есть, пропащій человѣкъ.

Катерина побранила его за опрометчивость, но не удерживала болѣе. Иванъ объявилъ, что нынче же вечеромъ или завтра утромъ снова заглянетъ, и простился съ переселенцами. Три мальчугана взялись провожать его до хутора. Сдѣлавъ шаговъ двадцать, Иванъ быстро, однакожъ, вернулся назадъ.

— Слышь, тетушка Катерина! дядя Тимоѳей, слышь! сказалъ онъ, становясь между мужемъ и женою, — я забылъ вамъ сказать, вѣдь я дорогой-то, какъ сюда шелъ, Филиппа встрѣлъ... право, встрѣлъ...

При этомъ извѣстіи порогъ, на которомъ сидѣлъ Тимоѳей, точно подломился; Катерина опустила руки и поблѣднѣла.

— Какъ? гдѣ? когда? спросили въ одно время Катерина и Лапша, который поднялся вдругъ на ноги, хотя ноги слабѣе теперь поддерживали его, чѣмъ полчаса назадъ.

— Да какъ вамъ сказать? торопливо началъ Иванъ, не замѣчая сотой доли того вліянія, которое производили слова его; онъ больше поглядывалъ на хуторъ, чѣмъ на собесѣдниковъ,—какъ сказать?.. верстъ пятьдесятъ отселѣва встрѣлъ. Онъ меня не видалъ, а я его призналъ... сейчасъ призналъ; съ нимъ и мальчикъ его былъ, Степкато... на большой дорогѣ встрѣлись... Иду я по одной сторонѣ, они по другой идутъ... О чемъ это ты, дядя Тимоѳей? Ты не сумлѣвайся: они, можетъ, не сюда... примолвилъ Иванъ, видя, что Лапша повалился на траву, застоналъ и заохалъ.

Тутъ Иванъ принялся точно такъ же утѣшать и обнадеживать Катерину; но слова его еще менѣе дѣйствовали на нее, чѣмъ на мужа: вѣсть о Филиппѣ сразила ее совершенно; точно туча набѣжала вдругъ и бросила мрачную тѣнь свою на лицо бабы, за минуту еще передъ тѣмъ такой веселой. Судорожно скрестивъ руки на груди, склонивъ къ землѣ блѣдное лицо съ вздрагивающими ноздрями, она слова не слышала изъ того, что говорилъ теперь Иванъ, и только шептала:

— Знать, надоумили, опять наслали погубителя нашего!.. Господи, Творецъ милостивый! подхватила Катерина, всплескивая руками,—ослобони Ты насъ, Господи, отъ напасти такой, отъ человѣка лихого! Знать, много мы провинились предъ Тобою: за грѣхи за наши посылаешь...

Лапша твердилъ между тѣмъ, что „умирать время“ — вотъ все, что можно было разобрать посреди его стоновъ и оховъ и вздоховъ. Иванъ и самъ ужъ каялся, что повѣдалъ имъ обо всемъ этомъ. Одно то, что тетушка Катерина заставила его повторить со всѣми подробностями о встрѣчѣ съ Филиппомъ, что̀ сильно задерживало его, тогда какъ все сильнѣй и сильнѣй влекло его убѣдиться въ цѣлости инструмента; съ другой стороны, ему жаль было видѣть, какъ убивались Лапша и Катерина. Удовлетворивъ желаніе послѣдней и снова присовокупивъ къ этому нѣсколько утѣшительныхъ догадокъ, Иванъ не замедлилъ направиться къ хутору. Мальчуганы снова вязались провожать его. Напрасно Иванъ убѣждалъ ихъ остаться, увѣряя, что дѣло у него самое спѣшное и онъ пойдетъ очень скоро: они не хотѣли отстать. Пробѣжавъ вприпрыжку четверть версты, они сами увидѣли, наконецъ, что не осилятъ, и вернулись домой.

Если бъ сказали Ванѣ, что въ настоящую минуту къ его инструменту подходитъ воръ, онъ и тогда, кажется, не могъ бы идти съ бо̀льшею поспѣшностью. Чрезъ полчаса онъ входилъ къ мужику, у котораго остановился; но вмѣсто того, чтобъ освѣдомиться о цѣлости инструмента, онъ освѣдомился, гдѣ находилась мазанка Андрея. Ворота мазанки были заперты; на стукъ его никто не откликнулся; онъ постучался въ окно, но и оттуда не послѣдовало отвѣта.

— Кого тебѣ, батюшка? спросила баба, вышедшая изъ сосѣднихъ воротъ.

Узнавъ, чего надо, она сказала, что Андрей и вся семья его ушли въ поле убирать послѣдній овесъ. Такъ какъ незнакомцу была самая крайняя надобность видѣть Андрея, то баба разсказала, какъ пройти въ поле.

Отъ зари до настоящей минуты Ваня прошелъ безъ малаго верстъ тридцать; онъ такъ бодро пустился снова въ путь, что, можно было думать, его держали взаперти три мѣсяца сряду; улыбка на лицѣ его и веселые взгляды, устремленные во всѣ стороны, краснорѣчиво подтверждали такое предположеніе. Ваня находился уже въ пятистахъ

шагахъ отъ хутора, когда услышалъ за собою дребезжанье экипажа и спѣшный топотъ лошадиныхъ копытъ; вмѣстѣ съ этимъ слухъ его пораженъ былъ щелканьемъ бича и пѣснею, которую тянули тоненькою, визгливою фистулою. Обернувшись, онъ увидѣлъ статную сѣрую лошадь, запряженную въ бѣговыя дрожки; лошадью правилъ красивый молодой человѣкъ въ картузѣ, щегольскомъ казакинѣ и широкихъ казацкихъ шароварахъ.

„Должно быть, здѣшній помѣщикъ“, подумалъ Ваня, снялъ шапку и отошелъ немного въ сторону, хотя до лошади оставалось еще далеко.

Ваня не понялъ сначала, какъ баринъ, у котораго закрытъ ротъ, могъ пѣть такъ громко; секунду спустя, дѣло объяснилось: за спиною барина сидѣлъ человѣкъ, котораго Ваня принялъ сначала за мальчика. Онъ былъ горбатъ и спереди, и сзади; бѣлокурые, рыжеватые волосы его закладывались за уши, какъ у барина, что̀ придавало угловатому лицу горбуна и большому носу его окончательное сходство съ тонко заостреннымъ клиномъ; на заднѐмъ горбу красовалась гитара, державшаяся помощью шнурка, перекинутаго черезъ плечо, и качавшаяся изъ стороны въ сторону при каждомъ скачкѣ дрожекъ. Крѣпко ухватившись обѣими руками за нижнія перекладины экипажа, горбунъ выкрикивалъ пѣсню, слова которой ясно ужъ теперь разбиралъ Иванъ:

„...Внизъ спустясь къ ручеечку,
Близъ зеленаго лужка,
Вижу: баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь онъ встрѣтился со мною,
Бросилъ взоромъ на меня.
Здравствуй, милая красотка!
Изъ котораго села?
Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я!..“

Хотя Иванъ посторонился и лошадь ни въ какомъ случаѣ не могла зацѣпить его, но господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, счелъ необходимымъ прокричать во все горло:

— Посторонись! прочь съ дороги! раздавлю!..

— Ѳедоръ Иванычъ, Ѳедоръ Иванычъ! цискнулъ горбунъ, высовывая изъ-за плеча его свою заостренную мордочку, — по ногамъ его арапникомъ... по ногамъ хорошенько!

Но Ѳедоръ Ивановичъ ограничился тѣмъ, что щелкнулъ арапникомъ по воздуху, засмѣялся и сказалъ:

— Ну, Егорка, пой... Пой, увеселяй меня—ну!

Егорка снова ухватился за ребра дрожекъ и снова затянулъ фистулою:

„...Отвѣчала ему я!..
Хоть родилась ты крестьянкой,
Можешь быть и госпожей,
И во всемъ новомъ нарядѣ
Будешь вдвое хороша!..“

Дребезжанье быстро удалявшихся дрожекъ заглушило слова пѣсни. Впрочемъ, Ваня къ ней и не прислушивался: его такъ сильно занимала дорога, ведущая въ поле Андрея, что онъ забылъ, казалось, и Егорку, и самого Ѳедора Ивановича.

Вскорѣ показалась часовня, о которой говорила баба. Онъ свернулъ влѣво на поле и пошелъ межою. Немного погодя, увидѣлъ онъ вдалекѣ мужика и бабу, которые накладывали на телѣгу снопы овса. Иванъ догадался, что то были, вѣроятно, Андрей и жена его; трое ребятишекъ, скакавшихъ подлѣ телѣги, убѣждали его даже въ томъ, что онъ не ошибался; но онъ не пошелъ почему-то къ нимъ, а продолжалъ держаться межи. Шаговъ черезъ двадцать попались ему двѣ бабы, которыя вязали снопы и вѣрно наняты были Андреемъ; но онъ опять-таки не обратилъ на нихъ вниманія. Такъ какъ вниманіе его исключительно принадлежало небольшой части поля, гдѣ овесъ не былъ еще сжатъ и длинными, неправильными клиньями возвышался надъ жнивьёмъ, то онъ не замедлилъ увидѣть тамъ голову лошади, хватавшей справа и слѣва овсяные гроздья. Сдѣлавъ еще шаговъ десять, Ваня увидѣлъ Ѳедора Ивановича, а подлѣ него... Но такъ ли онъ видѣлъ? Не просмотрѣлъ ли какъ-нибудь? Нѣтъ: подлѣ Ѳедора Ивановича стояла Маша, дочь Катерины. Она не могла замѣтить Вани, потому что стояла къ нему спиною. Около нея вертѣлся, прихрамывая, горбунъ. Не было никакой возможности разобрать, что говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ и что отвѣчала Маша: оба говорили вполголоса; къ тому же Егорка не переставалъ бряцать на гитарѣ и, подвертываясь на хромой ногѣ то къ Ѳедору Ивановичу, то къ дѣвушкѣ, тянулъ во всю фистулу свою:

„Что ты, Маша, пріуныла,
Воздохнула тяжело?

Я въ любезнаго влюбилась,
На злодѣевъ не гляжу...
Взвейся, взвейся, сизъ голубчикъ,
Прилети сюда, ко мнѣ..."

Ваня не успѣлъ еще хорошенько протереть глаза, какъ вдругъ Ѳедоръ Ивановичъ подскочилъ къ дѣвушкѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ. При этомъ на лицѣ Вани появилась такая улыбка, какъ будто онъ собрался разразиться неистовымъ хохотомъ. Онъ не засмѣялся, однакожъ...

— Помѣщикъ... помѣщикъ!.. вотъ все, что̀ могъ проговорить Ваня.

Онъ свѣсилъ руки, поболталъ ими съ такимъ видомъ, какъ будто самъ не зналъ, что̀ дѣлалъ, потомъ опустилъ голову, потомъ повернулся и пошелъ къ хутору еще скорѣе, чѣмъ шелъ оттуда. Голоса двухъ бабъ, на которыхъ не обратилъ онъ прежде вниманія, остановили его на минуту.

— Кажиный день такъ-то, касатка, говорила одна изъ нихъ,—она въ поле, и онъ въ поле... Стало-быть, полюбилась! Сказываютъ, вишь, сколько-то денегъ далъ...

— Куда ему деньги-то дѣвать?—милліонщикъ! Знаю, касатка, всю озолотитъ, и то останется, возразила другая баба.

Иванъ не дослушалъ дальше и продолжалъ отхватывать къ хутору еще скорѣе прежняго. Войдя къ мужику, у котораго остался инструментъ, Ваня спросилъ только: „гдѣ сѣновалъ?" и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ же туда отправился. Часовъ пять или шесть спустя послѣ этого (время уже приближалось къ вечеру), мужикъ, принявшій къ себѣ столяра, видя, что тотъ не возвращается, пошелъ провѣдать его на сѣновалъ. Ваня крѣпко спалъ на сѣнѣ. Лицо его нѣсколько какъ будто припухло, вѣки были красны, но улыбка попрежнему разсѣкала лицо его почти на двѣ равныя части.

„Экой, право, чудно̀й какой!.. право, чудно̀й! произнесъ мужикъ, ухмыляясь,—и спитъ, кажется, крѣпко спитъ, а все смѣется!.."

IV.

Встрѣча въ лугахъ.

Но не въ послѣдній разъ привелось Ивану такъ крѣпко спать на сѣновалѣ. Дни проходили за днями—Иванъ все еще проживалъ на хуторѣ. Каждое утро отправлялся онъ

въ луга провѣдать тетушку Катерину, и каждый разъ находилъ новое оправданіе въ томъ, что такъ долго заживался въ Панфиловкѣ: сегодня онъ точитъ инструментъ, завтра ему приходитъ благая мысль переждать до исхода сентября: дѣло вѣрнѣе будетъ — послѣ уборки всегда больше работы и у крестьянъ, и у помѣщиковъ; послѣзавтра онъ рѣшительно идетъ въ городъ и явился прощаться съ тетушкой Катериной. Но проходилъ назначенный день, Ваня снова навѣдывался къ жителямъ мазанки, и снова готово было новое оправданіе. Онъ чувствовалъ, что тетушка Катерина догадывается, въ чемъ дѣло, но слова не говоритъ ей объ этомъ: и хотѣлось бы сказать, да какъ-то языкъ не ворочается: все ограничивалось, какъ всегда, однѣми улыбками.

Житье Вани въ Панфиловкѣ было, однакожъ, слѣдствіемъ тайной рѣшимости. Рѣшимость явилась послѣ свиданія съ Машей, которое произошло вечеромъ того дня, какъ онъ впервые увидѣлъ ее на полѣ вмѣстѣ съ Карякинымъ и Егоромъ. Онъ теперь не сомнѣвался въ Машѣ: увѣренъ былъ въ ея расположеніи; но уйти изъ Панфиловки все-таки не было возможности. Начать съ того, что послѣ каждаго разговора съ Машей, возникала самая крайняя необходимость переговорить еще разъ. Кромѣ этого, преслѣдованія молодого Карякина смущали, надоѣдали и безпокоили Машу. Все это: и надобность бесѣдовать съ дѣвушкой подъ-вечеръ, и ея безпокойство, и волокитство Карякина, ясно доказывали Ванѣ, какъ важно присутствіе его въ Панфиловкѣ.

Карякинъ сильно возмущалъ столяра. Иванъ все бы не такъ, кажется, смотрѣлъ на него, если бъ тотъ былъ дворянинъ, или помѣщикъ. „Вѣстимо, сталъ бы тогда больше оберегать себя—сталъ бы опасаться, крестьянъ своихъ совѣститься, думалъ Иванъ, — а этотъ что? такъ, шушера! только въ казакинѣ ходитъ, да на сотенной лошади ѣздитъ!.. Кого ему совѣститься? да и совѣсти-то откуда быть?.. Того и гляди выкинетъ недобрую какую штуку... Отъ него все станется... Главная причина: денегъ оченно много; начнетъ ими сыпать... всѣхъ переманитъ на свою сторону. Эхъ!..“ заключалъ всегда Иванъ, нахмуривая лобъ и какъ бы негодуя на улыбку, которая совершенно некстати являлась вдругъ на губахъ его. „Знамо, совѣсти нѣтъ! подхватывалъ онъ каждую минуту, — вотъ, вѣдь, ѣздитъ въ домъ къ помѣщицѣ: племянницу, ска-

зываютъ, сватаетъ — чего еще надо? Нѣтъ, мало, стало быть: къ дѣвкѣ деревенской подольщается, всякими манерами къ себѣ заманиваетъ. Какая послѣ этого совѣсть... Эхъ!..“

Ивана столько же, впрочемъ, если не больше, возмущалъ горбатый Егоръ, приспѣшникъ и помощникъ Карякина въ дѣлахъ волокитства. Узнавъ отъ Маши въ первый же вечеръ о продѣлкахъ Егора, онъ тогда еще высказалъ неодолимое желаніе пощупать ему оба горба. Егоръ не выходилъ у него изъ головы; даже ночью, когда лежалъ Иванъ на сѣновалѣ, стоило вспомянуть горбуна— кулаки его страшно сжимались и такая улыбка раздвигала губы, какъ будто лежалъ онъ не на сѣнѣ, а на Егорѣ и наколачивалъ ему третій горбъ. Егоръ въ самомъ дѣлѣ не давалъ прохода дѣвушкѣ: онъ заглядывалъ раза по два, по три въ день на хуторъ, ловилъ ее въ полѣ и на дорогѣ, задобривалъ ее всячески, говорилъ льстивыя рѣчи, приносилъ подарки—словомъ, ухищрялся всѣми способами, чтобъ склонить въ пользу Карякина. Преслѣдованія эти были такъ явны, что Андрей и жена его неоднократно усовѣщевали Егора.

Узнавъ о послѣднемъ, Иванъ тотчасъ же явился къ Андрею. Андрей, Прасковья и столяръ такъ много слышали другъ о другѣ отъ Маши и Катерины, что знакомство было дѣломъ минуты: они сошлись очень скоро. Къ концу бесѣды Иванъ предложилъ свои услуги и отправился съ ними въ поле. Онъ такъ усердно жалъ, косилъ и вязалъ снопы, что къ солнечному закату уборка овса приведена была къ окончанію. Иванъ трудился столько же для себя, впрочемъ, сколько для Андрея: онъ думалъ отрѣзать Карякину способъ видѣться съ Машей. Теперь Карякинъ могъ встрѣтиться съ нею не иначе, какъ на улицѣ хутора, а это далеко не такъ удобно, какъ въ полѣ.

Но Егору некого было опасаться въ Панфиловкѣ: онъ ни на комъ не сватался. Егоръ приплелся на другой же день послѣ уборки на хуторъ и, улучивъ минуту, когда Маша вышла за водою, началъ къ ней подвертываться. Откуда ни возьмись, выскочилъ Иванъ и сталъ между ними. Такъ какъ первыя слова столяра встрѣчены были насмѣшкой, то онъ прибѣгнулъ къ угрозамъ и, безъ сомнѣнія, привелъ бы въ дѣйствіе обѣщаніе свое пощупать горбъ Егора, если бъ не удержали его Маша и Прасковья, которая, къ счастію, подоспѣла. Какъ ни хорохорился

Егоръ, однакожъ, послѣ этого онъ словно въ воду канулъ: о немъ не было ни слуху, ни духу. По прошествіи четырехъ дней, Маша созналась Ивану, что вчера встрѣтила Егора за околицей: онъ поджидалъ ее тамъ. Сначала онъ задобривалъ ее и такъ и этакъ, потомъ началъ грозить. Въ чемъ заключались эти угрозы — Егоръ не сказывалъ, но только страшно грозилъ—грозилъ подвести и дѣвушкѣ, и ея заступнику такую механику, что оба жизни не будутъ рады. Иванъ рѣшился сопровождать дѣвушку всюду, куда бы ни пошла она за предѣлы Панфиловки. Случай скоро представился. Прасковья попросила Машу снести въ сосѣдній хуторъ вязку льна, который брала взаймы. Узнавъ объ этомъ наканунѣ, столяръ выбрался ни-свѣтъ-ни-заря изъ сѣновала, миновалъ поле, обступавшее хуторъ, залегъ въ траву и сталъ дожидаться; но прошелъ часъ, другой, третій—Маша не показывалась. Наконецъ, Иванъ, терявшійся уже въ догадкахъ, увидѣлъ дѣвушку: она была не одна; ей сопутствовалъ кто-то; Ивану не трудно было узнать Егорку.

„Опять!..“ пробормоталъ парень сквозь стиснутые зубы и сдѣлалъ уже нетерпѣливое движеніе, чтобъ вскочить на ноги; но тотчасъ же, однако, пришла ему мысль запасть снова въ траву и дать время горбуну отойти подальше отъ хутора. „Увидитъ меня—сейчасъ припуститъ назадъ; нагонишь только въ хуторѣ... а тамъ ничего не сдѣлаешь. И безъ того худо говорить стали о дѣвкѣ-то“, подумалъ Иванъ, съ досадой отслоняя траву, которая мѣшала ему смотрѣть на дорогу. Видно было, что дѣвушка съ жаромъ убѣждала въ чемъ-то горбатаго своего спутника; она замѣтно ускоряла шагъ, чтобъ пройти какъ можно поспѣшнѣе пространство, отдѣлявшее ее отъ хутора до хутора. Послѣднее обстоятельство смягчило нѣсколько досаду Ивана; въ улыбкѣ его проявилось даже что-то насмѣшливое при видѣ, какъ горбунъ, выбиваясь изъ силъ, чтобъ поспѣть за дѣвушкой, закидывая хромой погой, подвертывался къ ней то съ одного бока, то съ другого. Такъ было до тѣхъ поръ, пока Егоръ не вынулъ изъ кармана краснаго платка и не подалъ его дѣвушкѣ. При этомъ негодованіе овладѣло Иваномъ пуще прежняго. Какъ испуганный чибисъ, выскочилъ онъ изъ травы и пустился вдогонку за Егоромъ, который въ ту же секунду обратился въ бѣгство, крича во всю фистулу свою: „караулъ!“ и размахивая краснымъ платкомъ, который

забылъ впопыхахъ спрятать въ карманъ. Маша кричала, между тѣмъ, Ивану, прося его оставить это дѣло; она хотѣла даже удержать его, но Иванъ быстро вывернулся и, сказавъ: „ступай своей дорогой, ничего не бойся!“ полетѣлъ снова вдогонку. Фистула Егора и крики „караулъ!“ ни къ чему не послужили: ихъ нельзя было слышать изъ хутора. Какъ ни работала хромая нога его, какъ ни размахивали руки — все это мало также принесло пользы: въ ста шагахъ отъ Маши, которая быстро удалялась, Иванъ поймалъ Егора за воротъ и съ одного маха бросилъ на-земь. Упавъ на спину, Егоръ подставилъ тотчасъ же впередъ здоровую ногу; но нога послужила Ивану рычагомъ, чтобъ снова повернуть Егора спиною кверху. Началась жестокая свалка. Какъ ни былъ малъ горбунъ, однакожъ, съ нимъ не такъ легко было справиться: за слабостью рукъ онъ лихо защищался зубами; наконецъ, столяръ все-таки скрутилъ врага и отбарабанилъ ему порядочную тревогу по горбу и по шеѣ.

— Теперь ступай, жалуйся! сказалъ Иванъ, поспѣшно приподымаясь, между тѣмъ, какъ Егоръ продолжалъ лежать на спинѣ въ скорченномъ положеніи съ приподнятою ногою, — ты своему хозяину обо всемъ разскажешь, а я Анисьѣ Петровнѣ, барынѣ, обо всемъ разскажу... обо всѣхъ вашихъ дѣлахъ ей повѣдаю...

Видя, что дѣло пошло на разговоръ, горбунъ опустилъ ногу и всталъ; блѣдное лицо его покрыто было потомъ и пылью. Онъ началъ оправляться и чиститься съ такимъ видомъ, какъ будто съ нимъ не произошло ничего особеннаго; взглянувъ на него, можно было думать, что онъ попросту споткнулся и упалъ, а Иванъ подбѣжалъ къ нему и помогъ ему подняться на ноги. Выраженіе поблѣднѣвшаго лица сильно, однакожъ, противорѣчило тому, что хотѣлъ показать Егоръ; онъ, кажется, такъ бы вотъ и прыгнулъ и вцѣпился въ столяра, если бъ хватило смѣлости. Злобу Ивана, наоборотъ, какъ рукой сняло.

— Вишь, братъ, произнесъ онъ увѣщевательно,—говорилъ, отстань! говорилъ, не приставай къ ней!... Вотъ теперича...

— Ну, да ладно, ладно... сквозь зубы проговорилъ Егоръ, у котораго руки, ноги и голова дрожали,—ладно... Погоди... мы еще съ тобою раздѣлаемся...

— Что жъ ты, опять стращать зачалъ?.. крикнулъ Иванъ, мгновенно разгорячась.

— Нѣтъ... ничего... вымолвилъ Егоръ, понижая голосъ и бросая на противника ненавистные взгляды,—ничего... я говорю только: погоди!..

Съ этими словами Егоръ пріосанился, заложилъ за уши растрепавшіеся волосы, надѣлъ картузъ, принадлежавшій когда-то Карякину, и, припадая на хромую ногу, не безъ достоинства направился въ обратный путь. Иванъ, у котораго не совсѣмъ еще улеглось сердце, засмѣялся ему вслѣдъ, какъ бы желая дать знать, во что́ ставилъ его угрозы.

— Эй! крикнулъ онъ,—эй! забылъ платокъ-атъ взять!.. Поди подыми! подхватилъ столяръ, подбрасывая носкомъ сапога платокъ, предназначавшійся Машѣ и забытый Егоромъ на травѣ.

Егоръ далъ Ивану отойти, медленно, какъ бы прогуливаясь, вернулся назадъ, поднялъ платокъ, тряхнулъ имъ по воздуху и положилъ въ карманъ. Послѣ этого онъ продолжалъ путь къ дорогѣ, которая соединяла Панфилово съ усадьбой Карякина. Егоръ рѣшился почесать горбъ и шею не прежде, какъ когда Иванъ не могъ этого видѣть. Побои для него были послѣднимъ дѣломъ: въ веселыя минуты, особенно подъ пьяную руку, онъ сознавался, что ему случалось иногда по цѣлымъ часамъ *проживать на кулакахъ;* но кулаки кулакамъ рознь. Кулаки, попавшіе на горбъ Егора, принадлежали большею частью лицамъ значительнымъ, богатымъ купцамъ или помѣщикамъ, къ которымъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки, въ качествѣ потѣшника, шута и скомороха. Въ огромномъ числѣ кулаковъ, сыпавшихся на Егора, находились, конечно, такіе, которые составляли неотъемлемую собственность мѣщанъ, лакеевъ и даже мужиковъ. Но потому ли, что онъ забылъ о нихъ, или потому, наконецъ, что эти лакеи, мѣщане и мужики, несмотря на низость званія, все-таки имѣли больше значенія въ глазахъ Егора, чѣмъ какой-нибудь двадцатилѣтній мальчишка, никогда еще не чувствовалъ онъ себя столь оскорбленнымъ, какъ въ настоящую минуту.

Мало-по-малу, однакожъ, угловатыя, отвратительныя черты его стали оживляться улыбками: онъ какъ будто что-то придумалъ, и плутовское, радостное выраженіе лица ясно показывало, что онъ оставался доволенъ своей выдумкой. Какъ ни былъ Егоръ ничтоженъ и презрѣненъ, отъ него можно было ожидать весьма многаго: никто не

подозрѣвалъ, и тѣмъ менѣе помѣщики, щелкавшіе его по носу, сколько пронырства, лукавства и злобы таилось въ маленькомъ горбунѣ. Первыя проявленія этой злобы дорого, впрочемъ, ему стоили. Еще въ младенческомъ возрастѣ онъ такъ больно укусилъ грудь матери, что та не удержала его и выронила на-земь—онъ сдѣлался горбатымъ; десяти лѣтъ, онъ сталъ въ упоръ какой-то лошади и началъ бить ее палкой по мордѣ; лошадь опрокинула его и провезла колесо черезъ его ногу. Благодаря, вѣроятно, фистулѣ своей, онъ выбранъ былъ баріномъ въ пѣвчіе. Съ первыхъ же дней товарищи возненавидѣли его; онъ не столько выкрикивалъ нотъ на новомъ своемъ поприщѣ, сколько испускалъ жалобъ подъ лозами и пинками пѣвчихъ. Баринъ умеръ; пѣвчіе получили свободу. Егоръ сталъ переходить изъ одного хора въ другой, но нигдѣ не проживалъ болѣе мѣсяца: его выгоняли или за пьянство, или за какую-нибудь мерзость. Наконецъ, Егоръ бросилъ церковное пѣніе и занялся гражданскимъ: послѣднее больше отвѣчало его наклонностямъ. Вооружившись гитарой, онъ сталъ тогда, какъ мы уже замѣтили, переходить отъ купца къ купцу, отъ помѣщика къ помѣщику. У насъ до сихъ поръ еще много помѣщиковъ, которые жить не могутъ безъ шутовъ и приживальщиковъ. Егорка съ лихвою вознаграждалъ ихъ за хлѣбъ, за водку и за кровъ: онъ пѣлъ пѣсни, плясалъ, брался передавать платки и серьги молодымъ бабамъ; смотря по уговору, сдѣланному заранѣе съ помѣщикомъ, онъ выпивалъ три графина квасу, или пролѣзалъ подъ амфиладу изъ диванновъ и стульевъ, когда проигрывалъ въ дурачки; когда же помѣщикъ оставался въ дуракахъ, что происходило очень часто, Егоръ получалъ деньги или водку. Какъ ни забавлялись помѣщики, однакожъ, они никогда не держали его болѣе недѣли. Егорка выкидывалъ какую-нибудь мерзость—и его выгоняли вонъ. Такъ попалъ онъ, наконецъ, къ Карякину. Молодой мѣщанинъ билъ его, можетъ-быть, и чаще, и больнѣе многихъ другихъ, но Егоръ оставался имъ чрезвычайно доволенъ; онъ сразу смекнулъ, что Ѳедоръ Ивановичъ простоватъ, мотоватъ, любитъ пѣсни, любитъ завихриться, любитъ бабенокъ—словомъ, такой малый, какого давно искалъ Егоръ. Благодаря склонности Ѳедора Ивановича къ гульбѣ, благодаря непомѣрной скукѣ, которую терпѣлъ онъ, благодаря его простотѣ и крайнему снисхожденію въ нравственномъ от-

ношеніи, Егоръ думалъ вѣкъ свѣковать въ усадьбѣ гуртовщика. Одно не нравилось Егору: именно, намѣреніе Карякина жениться на племянницѣ Анисьи Петровны. Нимало не сомнѣваясь, что тогда прости-прощай привольное житье, онъ не пропускалъ ни одной мало-мальски смазливой бабенки, чтобъ не обратить на нее вниманіе Карякина и не отвлечь его этимъ способомъ, хотя временно, отъ племянницы помѣщицы.

Послѣ всего сказаннаго, яснымъ сдѣлается, что Егоркѣ не столько были чувствительны колотушки Ивана, сколько появленіе въ степи столяра и вмѣшательство его въ дѣло, которое (такъ, по крайней мѣрѣ, казалось горбуну) начинало итти весьма успѣшно. Никто еще, изъ простыхъ, не нравился такъ Карякину, какъ Маша. Неужто всѣмъ хлопотамъ Егорки пропадать теперь даромъ? Нѣтъ; онъ придумалъ славную штуку! Какъ ни вертись, а ужъ Маша будетъ въ усадьбѣ гуртовщика! Сама Катерина пошлетъ ее туда — вотъ какъ!.. Чѣмъ больше думалъ горбунъ о придуманной имъ штукѣ, тѣмъ меньше сомнѣвался въ успѣхѣ.

V.

Хмель.—Старый знакомый.

Соображая свой планъ, Егоръ вышелъ къ мѣсту, гдѣ дорога изъ Панфиловки развѣтвлялась на два пути: одинъ путь велъ на усадьбу гуртовщика, другой къ кабаку; усадьба и кабакъ, находившіеся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, располагались на большой дорогѣ, по которой гоняли гуртъ, или *товаръ*, какъ принято называть быковъ между гуртовщиками. Горбунъ пошелъ прямо къ кабаку; онъ не имѣлъ прежде такого намѣренія, но всему виною былъ платокъ, о которомъ онъ случайно вспомнилъ. Платокъ новенькій и шелковый; сколько стоитъ онъ Карякину — неизвѣстно; цѣловальникъ, вѣрно, однакожъ, знаетъ цѣну; какъ человѣкъ знакомый, онъ, конечно, ужъ не обсчитаетъ.

Горбунъ заковылялъ съ такою поспѣшностью, что кабакъ видимо почти вырасталъ передъ его глазами. То было длинное, бревенчатое зданіе, одиноко торчавшее посреди степи. Въ одной половинѣ помѣщались цѣловальникъ и его семейство; другая предназначалась для гостей; между тѣмъ и другимъ отдѣленіями находились узенькія,

темныя сѣни, загромождённыя пустыми бочками. Посѣтителей было мало: всего-на-все сидѣло четыре человѣка, если считать одного мальчика и не считать цѣловальника, представлявшаго изъ себя жирнаго мужичину, съ широкой черной бородою, разсыпавшейся вѣеромъ по красной рубахѣ. Два погонщика, пригнавшіе на зарѣ быковъ въ усадьбу Карякина, сидѣли рядомъ за особымъ столомъ; далѣе, черезъ два стола, помѣщался черноволосый, кудрявый человѣкъ, лѣтъ сорока; онъ былъ оборванъ до крайней степени, хуже даже слѣпого Фуфаева въ послѣднее время; подлѣ него, болтая босыми ногами, сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, съ рыжими, почти красными волосами и вздернутымъ кверху носомъ.

Мы уже сказали въ началѣ этого разсказа, что есть лица, въ которыхъ поражаетъ не столько самое выраженіе, сколько какая-нибудь черта или особенность: такія лица узнаются изъ тысячи.

Такъ и теперь: стоило взглянуть на черноволосаго, оборваннаго человѣка, стоило обратить вниманіе на его тонкій носъ съ горбинкой посерединѣ и подвижными, приподнятыми ноздрями, открывавшими съ обѣихъ сторонъ часть носовой перегородки, чтобъ сразу узнать въ немъ Филиппа, брата Лапши. Онъ сильно, однакожъ, измѣнился въ эти четыре-пять мѣсяцевъ: щеки осунулись; болѣзненный цвѣтъ кожи превратился въ свинцовый; глаза впали; въ нихъ замѣтно было больше энергіи и отваги, чѣмъ прежде. Перемѣна въ Степкѣ была еще значительнѣе: онъ такъ вытянулся въ этотъ короткій промежутокъ времени, что казался вдвое выше; если бъ не верхняя губа его, разсѣченная пополамъ, и не рыжіе волосы, торчащіе косяками и напоминавшіе артишокъ, нужно было долго всматриваться, чтобъ признать въ немъ мальчугана, досаждавшаго черневской знахаркѣ, Грачихѣ.

Но Егоръ не обратилъ даже вниманія на Филиппа и мальчика: ему, главное, хотѣлось показать себя передъ погонщиками, которыхъ видѣлъ онъ утромъ на дворѣ Карякина.

— Здорово, Софронъ! пискнулъ Егоръ, бросая картузъ на сосѣднюю лавку и обѣими ладонями разглаживая волосы.—Вишь, тебя не забываю, помню! Нутка-сь шкаликъ пѣннаго, самаго лучшаго, чтобъ первый сортъ былъ...

— Деньгами, что ли, разбогатѣлъ? посмѣиваясь, спросилъ цѣловальникъ.

Онъ стоялъ опершись локтемъ на огромную бочку съ пивомъ, которая лежала подлѣ двери; надъ бочкой висѣла на гвоздяхъ дюжина жестяныхъ заржавѣлыхъ кружекъ; подлѣ лежали еще двѣ бочки съ виномъ; въ углу торчали жестяныя трубки для вытягиванія вина.

— Деньгами разбогатѣлъ? вопросительно пискнулъ горбунъ.—Мы всегда въ аккуратѣ...

— У Карякина выманилъ, а?..

— Выманилъ? У насъ этого нѣтъ, чтобъ выманивать: бери сколько требуется...

— Не много ли? насмѣшливо проговорилъ Софронъ.

— Да вѣдь и денегъ-то у Ѳедора Иваныча много! поспѣшилъ перебить Егоръ, молодцуя передъ присутствующими. — Мнѣ всѣ эти дѣла его... всѣ счеты... обо всемъ этомъ сказываетъ потому, какъ онъ есть мнѣ пріятель, все единственно, ни въ чемъ, значитъ, не таится! заключилъ онъ, гордо поглядывая на погонщиковъ.

Но тѣ какъ будто и не замѣчали его: они молча попивали вино, которое, повидимому, поглощало все ихъ вниманіе; слова горбуна нашли, однакожъ, усерднаго слушателя въ Филиппѣ: плутовскіе глаза его съ любопытствомъ остановились на горбунѣ.

— Теперича, который послѣдній гуртъ въ Москву гоняли, пятнадцать тысячъ получилъ Ѳедоръ Иванычъ! продолжалъ Егоръ.—Пятнадцать тысячъ—вмѣстѣ считали...

— Не всѣ же его; чай, отцу пошлетъ.

— Отцу? Тамъ когда еще пошлетъ! пока у насъ! Вотъ намедни въ городъ ѣздилъ—то-то гуляли! фа-а! Погляди: вотъ платокъ мнѣ купилъ. Носи, говоритъ, братъ, Егоръ, носи отъ меня на память!.. Такой душа малый! Каждый день даритъ: дѣвать некуда! Вотъ теперича хошь бы этотъ платокъ, куда мнѣ его, даромъ шелковый...

— Отдай мнѣ, коли лишній; намъ дѣло подходящее! сказалъ Софронъ.

— Возьми, пожалуй! произнесъ Егоръ, становясь спиною къ посѣтителямъ и выразительно мигая цѣловальнику. — У насъ этого добра-то, тряпокъ-то, сундукъ полный... На, бери...

Софронъ взялъ платокъ и, усмѣхаясь, вышелъ въ сѣни. Егоръ высоко поднялъ голову и сталъ прохаживаться мимо посѣтителей, насвистывая удалую пѣсню. Немного погодя, Софронъ явился и поставилъ на пустой столъ штофъ вина и стаканъ. Егоръ поднесъ вино къ губамъ,

хлебнулъ и поморщился, еще хлебнулъ и еще поморщился.

— Полно ломаться-то, пей! Оченно ужъ разборчивъ! сказалъ Софронъ, снова прислоняясь локтемъ къ пивной бочкѣ.

— Будешь разборчивъ: я вотъ сейчасъ такую рябиновку пилъ, первый сортъ: помѣщица Иванова потчивала...

— Ты развѣ оттуда?

— Да; посылала за мной лошадь, безъ запинки проговорилъ Егоръ, допивая стаканъ,—посовѣтоваться насчетъ, то-есть, какъ просьбу писать.

— Это насчетъ чего?

— О лугѣ тягаться хочетъ... что лугъ отняли, которымъ десять лѣтъ владала.

— Ну, братъ, пиши не пиши, твоя просьба не поможетъ, вымолвилъ Софронъ. — Сказываютъ, господа, что крестьянъ-то на лугъ на этотъ поселили, добрѣ богаты... Гдѣ ей съ ними тягаться! Только деньги разсоритъ. У нихъ, у тѣхъ господъ-то, сколько-то тысячъ душъ, сказываютъ.

— Ничего! Мы свое дѣло справимъ съ Ѳедоромъ Иванычемъ. Ѳедоръ Иванычъ держитъ ея руку... У тѣхъ господъ души, можетъ, еще души-то голыя: у Ѳедора Иваныча деньги...

— Ну, нѣтъ, братъ, у твово Карякина руки коротки съ ними мѣриться! Ему и въ дѣло входить не изъ чего... Станетъ онъ, какъ же, станетъ сорить деньгами для Ивановой!

— То-то и есть, что станетъ. У меня спроси: все знаю...

— Что спрашивать! я и самъ не нонче пришелъ... А хошь и вступится, все ничего не возьметъ, подхватилъ Софронъ,—у тѣхъ господъ денегъ-то еще больше; ужъ это по тому одному видно, какъ они наградили крестьянина, котораго сюда выселили; сказываютъ: четыре сотни дали...

Извѣстіе это, сверхъ всякаго ожиданія, не произвело ни малѣйшаго дѣйствія на Филиппа; онъ только что успѣлъ побывать у Лапши, вывѣдалъ всѣ дѣла его, и зналъ, что слова Софрона ни на чемъ не основывались. Егоръ подтвердилъ такое мнѣніе: услышавъ о четырехстахъ рубляхъ переселенцевъ, онъ допилъ второй стаканъ и залился звонкимъ смѣхомъ... Онъ объявилъ Софрону, что знаетъ дѣла переселенцевъ такъ же вѣрно, какъ каря-

кинскія дѣла. У переселенцевъ не только четырехсотъ рублей, гроша нѣтъ.

— Вотъ какъ! подхватилъ онъ, подсмѣиваясь, — раза два письма имъ писалъ, просили очень, такъ даже гривенника не нашли... бились, бились, всего восемь копеекъ сколотили. Мнѣ, знамо, наплевать... я такъ съ нихъ, для смѣха требовалъ. Не токмо денегъ, хлѣбомъ и тѣмъ скучаютъ — вотъ какъ господа наградили! Деньги, точно, были бы у нихъ, да только не черезъ господъ, а черезъ моего Ѳедора Иваныча, черезъ меня—все единственно...

— Какъ такъ?

— А такъ! Меня послушаютъ, въ небольшомъ разстояніи капиталъ наживутъ... Есть, примѣрно, такая механика... подвести можно!.. мигая, произнесъ Егоръ и налилъ третій стаканъ.

Филиппъ сдѣлался внимательнѣе.

— Вишь ты, братецъ ты мой, началъ Егоръ, у котораго языкъ развязывался съ каждымъ глоткомъ,—есть у этого мужика... у той бабы, Катериной звать, есть у нихъ дочка, живетъ у Андрея въ Панфиловкѣ. Вотъ мы съ Ѳедоромъ Иванычемъ около ней теперь хлопочемъ: оченно, значитъ, ему полюбилась... Извѣстно, богачъ! всю можетъ озолотить, коли захочетъ; и мать, и отца, всѣхъ озолотитъ... Да вотъ, поди жъ ты! то-то, значитъ, дура-то деревенская, счастья своего не видитъ...

— Что? не поддается?..

— Чего? крикнулъ Егоръ, прихлебывая.—Нѣтъ, это, братъ, шутишь! не таковскихъ видали, да и тѣ не отвертывались... Отъ насъ не отвертишься! подхватилъ онъ, мигая и подбочениваясь.—Не то, братецъ, не то. Дѣвка не прочь, да есть тутъ одинъ такой человѣчекъ... онъ причиной... дѣло все портитъ...

— Что жъ это за человѣкъ? спросилъ Софронъ, который потѣшался надъ горбуномъ.

— Такъ, сволочь самая, а туда же! куда мы, туда и онъ! Пришелъ, вишь ты, изъ ихнихъ мѣстъ, откуда дѣвка-то, парень такой, столяръ, сказываетъ... Провѣдай обо всѣхъ этихъ нашихъ дѣлахъ съ Ѳедоромъ Иванычемъ, возьми да и вступись: а та, дура, руку его держитъ... Да нѣтъ, это онъ вретъ, не удастся ему! Дай срокъ, дѣвка не отвертится, это само собою... А онъ... подверни только, мы ему покажемъ, всѣ кости пересчитаемъ! подхватилъ горбунъ, разгорячаясь болѣе и

болѣе,—мы ему покажемъ, какъ съ кулаками лазить!.. Ужъ погоди! подсмолю такую механику, будешь, собака, помнить!..

Смѣхъ Софрона перебилъ его.

— Видно, братъ, ты не изъ-за дѣвки одной на него серчаешь?.. сказалъ цѣловальникъ,—ужъ онъ не поколотилъ ли тебя—а?..

— Меня поколотилъ? меня? Нѣтъ, братъ, руки коротки; семь верстъ не доѣхалъ меня колотить-то!..

— Ужъ будто тебя никто и не бивалъ? А Карякинъ-то? Самъ намедни признался...

— Самъ признался... самъ признался! перебилъ горбунъ, передразнивая позу и голосъ Софрона, при чемъ Степка закатился во все горло; за нимъ засмѣялись погонщики и Софронъ.

Егоръ оглянулъ всѣхъ ихъ шальными глазами, допилъ третій стаканъ и сѣлъ къ порожнему столу между погонщиками и Филиппомъ, лицо котораго, во все продолженіе послѣдняго разговора, то оживлялось, то дѣлалось мрачнымъ. Хмель сильно шумѣлъ въ головѣ Егора; онъ помнилъ, однакожъ, все, что̀ сказано было цѣловальникомъ. Желая, вѣроятно, оправдаться въ мнѣніи присутствующихъ, онъ объявилъ, прежде всего, что Карякинъ бить его не можетъ, потому что они пріятели; они часто борются, такъ, въ шутку, силу пробуютъ: вотъ о чемъ говорилъ намедни Егоръ и что дало поводъ Софрону думать, будто Карякинъ бьетъ его. Затѣмъ горбунъ, языкъ котораго начиналъ путаться, снова перешелъ къ дѣвушкѣ. По его мнѣнію, Маша ничего не стоила; на мѣстѣ Ѳедора Ивановича, онъ плюнулъ бы на нее послѣ первой неудачной попытки. Надо знать себѣ цѣну: Ѳедоръ Ивановичъ красавецъ, молодъ; нравомъ малый-душа, богатъ, какъ чортъ, всю семью ея озолотить можетъ; а она еще ломается! Она того не знаетъ, дура полоротая, не знаетъ она, каковъ есть такой человѣкъ Ѳедоръ Ивановичъ! Ужъ если кто понравился ему—надо быть первой въ свѣтѣ долбяжкой, чтобъ его не слушать. Недавно еще одной мѣщанкѣ, такъ изъ себя, даже не очень красивой, понравилась только — отсыпалъ цѣлую тысячу: прошлаго года цыганка полюбилась—въ три-четыре мѣсяца передалъ ей тысячъ десять, да тысячъ на пять шалей, платковъ, серегъ, колецъ...

Софронъ, не переставшій смѣяться, выразилъ сомнѣ-

ніе въ цифрахъ, приводимыхъ горбуномъ; онъ зналъ, что все, разсказанное Егоромъ, была отчасти правда, за исключеніемъ, впрочемъ, расходовъ, которые тотъ преувеличивалъ въ сорокъ разъ. Задѣтый за живое, Егоръ принялся по пальцамъ высчитывать доходы Ѳедора Ивановича. По словамъ его, Ѳедоръ Ивановичъ никогда не считаетъ денегъ: какъ только получитъ сумму, сейчасъ броситъ мѣшокъ, или бумажникъ, на столъ, позоветъ Егора и говоритъ: „считай, братъ; потомъ скажешь сколько“. Щедрость Ѳедора Ивановича извѣстна цѣлому свѣту. Чтобъ окончательно убѣдить въ этомъ Софрона и присутствующихъ, Егоръ началъ разсказывать о гулянкахъ и попойкахъ, которыя они задавали въ уѣздномъ городѣ: тамъ происходило разливанное море; нужна была Карякину дружба Егора, чтобъ не разориться въ пухъ и прахъ. Вотъ теперь Карякинъ получилъ за послѣдній гуртъ пятнадцать тысячъ; ихъ давно бы ужъ не было, всѣ бы разсорилъ, кабы не Егоръ: онъ удерживаетъ Ѳедора Ивановича, потому что пятнадцать тысячъ деньги не малыя.

Софронъ, находившій удовольствіе раззадоривать охмелѣвшаго горбуна, выразилъ снова сомнѣніе. Егоръ вызвался сосчитать передъ нимъ деньги: коли копейкой выйдетъ меньше пятнадцати тысячъ, онъ позволялъ Софрону переломить ему здоровую ногу. Вслѣдствіе этого, Егоръ приглашалъ Софрона въ усадьбу, когда не будетъ Карякина, и обѣщался занять цѣловальника на столько, на сколько требуется времени, чтобъ сосчитать сотенными бумажками пятнадцать тысячъ. Войти же во вторую комнату, гдѣ лежала шкатулка, взять ключъ, который находился въ ящикѣ письменнаго стола, отворить шкатулку—все это дѣло одной минуты...

— Ты этакъ, смотри, братъ, не очень разсказывай! перебилъ цѣловальникъ, смѣясь во все горло.— Теперь всѣ, сколько насъ здѣсь ни есть, всѣ знаемъ, гдѣ деньги у Карякина: кому потребуется, пошелъ да и взялъ... дѣло подходящее! присовокупилъ онъ, какъ бы нечаянно взглядывая на Филиппа, который поспѣшно отвелъ глаза къ окну.

Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе Егоръ посмотрѣлъ на присутствующихъ, какъ бы вызывая ихъ въ свидѣтели, что Софронъ былъ дуракъ неотесанный... Обокрасть Карякина! А развѣ Егора ни во что ставили? Онъ не отлучается отъ усадьбы. Развѣ ни во что ставили двухъ ба-

траковъ, неотлучно находящихся при домѣ? А самъ Ѳедоръ Ивановичъ? а два пистолета, висящіе на стѣнѣ? а двѣ собаки, заплаченныя сто рублей каждая?.. Сунься только—костей не соберешь! При этомъ Егоръ, ни съ того, ни съ сего, запѣлъ вдругъ пѣсню, потомъ заговорилъ о Машѣ, потомъ перешелъ къ столяру, разразился страшными проклятіями и угрозами, застучалъ кулаками по столу и вдругъ снова запѣлъ было, но, не дотянувъ первой ноты, прислонился спиною къ стѣнѣ, сталъ жаловаться на головную боль, опустился на лавку и заснулъ, бормоча что-то подъ-носъ. Когда онъ проснулся, погонщики уже ушли; Филиппа и Степки не было; въ кабакѣ оставался одинъ Софронъ, который лежалъ на лавкѣ и хлопалъ сонными глазами. Онъ, какъ видно, потерялъ ужъ расположеніе смѣяться. На просьбу Егора, вынести стаканчикъ для похмелья, Софронъ промычалъ что-то и закрылъ глаза. Егоръ заикнулся о платкѣ, выставляя на видъ, что платокъ шелковый и, слѣдовательно, дороже стоитъ одного штофа вина; на это Софронъ сказалъ „ладно“ и погрозилъ свести счеты на спинѣ Егора, въ случаѣ, если онъ не отстанетъ. Егоръ, сдѣлавшійся несравненно снисходительнѣе безъ посѣтителей, удалился.

Солнце стояло на самомъ полуднѣ, когда онъ вышелъ изъ кабака. Платокъ, который, по мнѣнію его, попросту украденъ былъ Софрономъ, мигомъ перенесъ его къ встрѣчѣ со столяромъ; при этомъ досада, чувствуемая противъ цѣловальника, выскочила изъ головы Егора, чтобъ уступить мѣсто соображеніямъ о механикѣ, которую придумалъ онъ утромъ послѣ того, какъ Иванъ поколотилъ его. Торопливое ковыляньe лѣвой ногой и улыбка ясно показывали, что горбунъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своей выдумки. Пройдя шаговъ сто, онъ встрѣтился съ двумя погонщиками, которыхъ видѣлъ въ кабакѣ и которые гнали теперь воловъ, предназначенныхъ для отправки въ Москву. Егоръ подбоченился и гордо освѣдомился, дома ли Ѳедоръ Ивановичъ.

— Лошадь велѣлъ запрягать... ѣхать собирается, возразилъ одинъ изъ погонщиковъ, между тѣмъ, какъ другой звонко посвистывалъ, подгоняя быковъ.

Егоръ пустился чуть не въ бѣжки. Десять минутъ спустя, онъ приближался уже къ усадьбѣ, которая находилась отъ кабака всего въ полуверстѣ. Она занимала десятину луга; все это мѣсто обнесено было небольшой кана-

вой и валомъ; при входѣ въ усадьбу находился небольшой бревенчатый домъ, глядѣвшій переднимъ фасадомъ на дорогу; немного далѣе, по одной линіи, помѣщались: экипажный сарай, конюшня и длинная мазанка, въ которой жили работники Карякина и останавливались погонщики, пригонявшіе скотъ; на противоположномъ концѣ усадьбы возвышалось долговязое бревенчатое зданіе, служившее складочнымъ мѣстомъ для кожъ, сала, воловьихъ роговъ и другихъ предметовъ въ этомъ же родѣ, которыми торговалъ отецъ Карякина. Собаки, о которыхъ упоминалъ Егоръ, помѣщались въ конурѣ, одна—при входѣ въ домъ, другая — подлѣ долговязаго амбара. Онѣ, надо думать, дѣйствительно были очень злы: не задерживай ихъ цѣпь, онѣ бросились бы даже на Егора, хотя онъ считался домашнимъ человѣкомъ. Егоръ прошелъ мимо лошади, которую запрягалъ батракъ въ бѣговыя дрожки, и вошелъ въ домъ заднимъ крыльцомъ. Ѳедоръ Ивановичъ совсѣмъ уже готовъ былъ, чтобъ ѣхать къ Анисьѣ Петровнѣ; онъ только что напомадилъ волосы и вытиралъ жирные пальцы рукъ о старый халатъ, валявшійся на стулѣ.

— Что ты, каналья, такъ долго шлялся — а? спросилъ Карякинъ, не поворачиваясь къ горбуну и принимаясь расчесывать свои кудри передъ маленькимъ зеркальцемъ, стоявшимъ на столѣ.

Такое привѣтствіе со стороны пріятеля и „человѣка души“, какъ называлъ его горбунъ, сильно ему не понравилось.

— Ну, Богъ съ вами! когда такъ, пускай все пропадаетъ! произнесъ онъ, махая рукою.—Для васъ хлопочу, какъ собака бѣгаю, языкъ высунувъ... Богъ съ вами!..

— Ну тебя! крикнулъ Карякинъ, топнувъ ногой, потому что проборъ не удавался. — Гдѣ платокъ? Отдалъ? Что она сказала? примолвилъ онъ, ласково поглядывая въ зеркало.

— То-то платокъ... теперь: платокъ!.. да вы послушайте...

— Ну? (Карякинъ обернулся.)

— Платокъ—фю! вотъ гдѣ платокъ! вымолвилъ Егоръ, дѣлая движеніе, какъ-будто разрываетъ что-то на тысячи кусковъ.

Онъ разсказалъ Карякину о встрѣчѣ своей съ Иваномъ, разсказалъ, кто былъ Иванъ, когда пришелъ въ Панфиловку, и какой имѣлъ интересъ вступиться за Машу.

— Какъ же онъ смѣлъ платокъ разорвать?..

— Такъ, взялъ да и разорвалъ! „Плевать, говоритъ, мнѣ на васъ!“

Ѳедоръ Ивановичъ разразился ругательствами; онъ поклялся измочалить арапникъ на плечахъ Ивана при первой съ нимъ встрѣчѣ.

— Ну, Ѳедоръ Иванычъ, теперь вотъ какая штука! вымолвилъ Егоръ, двигая бровями и подмигивая, — что́ вы скажете, коли да эта Маша будетъ здѣсь завтра же вечеромъ, а, можетъ, и утромъ—а?

— Ахъ ты, каналья! крикнулъ Карякинъ, думая, что Егоръ надъ нимъ потѣшается.

— Нѣтъ, вы позвольте, Ѳедоръ Иванычъ... позвольте: настоящее говорю... завтра будетъ! Такую ужъ механику подсмолилъ, Ѳедоръ Иванычъ! примолвилъ онъ съ комическимъ униженіемъ.—Ѳедоръ Иванычъ, прикажите дать опохмелиться...

— Ничего не дамъ! сказалъ Карякинъ, который былъ щедръ въ тѣхъ только случаяхъ, когда хмель шумѣла въ головѣ его; къ тому же онъ думалъ что горбунъ хвастаетъ, вретъ по своему обыкновенію. Высказавъ ему свое мнѣніе, Ѳедоръ Иванычъ объявилъ, что водки давать нé за что.

Егоръ клялся, между тѣмъ, что сдержитъ свое обѣщаніе; онъ позволялъ бить себя три мѣсяца сряду, просилъ выгнать изъ усадьбы, если завтра Маша не прійдетъ къ Карякину. Онъ просилъ только предоставить ему это дѣло и не разспрашивать о средствахъ.

— Ну, хорошо! сказалъ Карякинъ,—будетъ по-твоему, каждый день по графину водки и десять цѣлковыхъ награжденья.

— Ладно! по рукамъ! крикнулъ Егоръ, протягивая руку, которую Карякинъ оттолкнулъ.

Онъ повторилъ свое обѣщаніе; но такъ какъ Егоръ снова присталъ съ водкой, Карякинъ шлепнулъ его по лбу ладонью, надѣлъ картузъ, вышелъ, посвистывая, на крыльцо, сѣлъ на дрожки и, хлопая арапникомъ, полетѣлъ къ Анисьѣ Петровнѣ на хуторъ.

— Погоди жъ ты, поганый купчишка! дай срокъ... мы съ тобою за все сквитаемся! проговорилъ горбунъ, прищуриваясь на облако пыли, которое оставляли за собою карякинскія дрожки.

Онъ заложилъ волосы за уши, плотно надѣлъ картузъ

и направился въ луга, въ ту сторону, гдѣ находилась мазанка переселенцевъ.

VI.

Выходка Ивана и выдумка Егора.

Какъ только у Ивана отошло сердце (что произошло прежде еще, чѣмъ прибитый имъ горбунъ успѣлъ скрыться изъ вида), онъ понялъ, какъ поступилъ глупо и необдуманно, давъ волю кулакамъ своимъ. Не лучше ли было бы оставаться въ сторонѣ и вполнѣ довѣриться Машѣ? Онъ, конечно, проучилъ горбуна: горбунъ не станетъ теперь бѣгать за дѣвушкой; но такъ какъ Маша не потакала Егору, не слушала его рѣчей, не принимала подарковъ, онъ мало-по-малу самъ бы отсталъ; за нимъ отсталъ бы наконецъ и Карякинъ. Оба увидѣли бы, что здѣсь взятки гладки. Заступничествомъ своимъ Иванъ дастъ только огласку; о ней теперь пройдетъ худая слава по всему околотку—ужъ это вѣрно; Егоръ сильно объ этомъ постарается. Пожалуй, еще слухи дойдутъ до Катерины... Этотъ Егорка плутъ первой руки, всѣ говорятъ: отъ него все станется... Онъ и безъ того наканунѣ грозилъ чѣмъ-то дѣвушкѣ: что значили эти угрозы?

Иванъ легъ въ траву и положилъ голову въ ладони. Но чѣмъ больше соображалъ онъ обо всемъ случившемся, чѣмъ больше обдумывалъ послѣдствія, тѣмъ яснѣе видѣлъ, какую сдѣлалъ оплошность. „То-то вотъ, давно слѣдовало бы послушать Катерину, давно слѣдовало бы опредѣлится къ работѣ, къ мѣсту: ничего бы этого не было. Одно изъ двухъ: или довѣрять Машѣ, или нѣтъ; если довѣряешь, такъ чего же еще тутъ вступаться?.. Эхъ, худо дѣло! хуже всего то, не знаешь теперь, какъ исправить!“ повторялъ Иванъ, которымъ съ каждой минутой сильнѣй и сильнѣй овладѣвало смущеніе и безпокойство.

Онъ думалъ, думалъ и, наконецъ, придумалъ открыться во всемъ племянницѣ Анисьи Петровны. Племянница разскажетъ теткѣ о продѣлкахъ Карякина; тетка, вѣрно, разсердится на Машу и выгонитъ ее вонъ изъ хутора; Маша вернется къ матери... Иванъ отправится въ луга, повинится во всемъ передъ Катериной, уйдетъ въ тотъ же день въ городъ и начнетъ работать какъ лошадь. Иванъ не сомнѣвался, что помощь, которую можетъ получить черезъ него семейство Лапши, будетъ гораздо значитель-

нѣе той, которую доставляла Маша, живя батрачкой; семейство не останется, слѣдовательно, въ накладѣ — за это онъ ручался; кромѣ того, сама Катерина скажетъ ему спасибо, когда узнаетъ причину, которая вынудила его прибѣгнуть къ племянницѣ Анисьи Петровны. Этимъ способомъ Карякину и Егору окончательно отрѣзаны будутъ всѣ пути къ заманиванію дѣвушки. Поди-ка попробуй, сунься въ мазанку Катерины! Рѣшившись на такой подвигъ, Иванъ, не медля ни минуты, отправился въ Панфиловку. Дорогой онъ принялся обсуживать, какъ бы удобнѣе привести въ дѣйствіе свое намѣреніе: для того необходимо было проникнуть на барскій дворъ, или въ садъ, выждать тамъ барышню и наединѣ переговорить съ нею... Все это тотчасъ же оказалось невозможнымъ: Пьяшка портила все дѣло.

— Ужъ отъ нея не уйдешь!.. ничѣмъ не отдѣлаешься, подумалъ Иванъ.

Надо замѣтить, что въ послѣднее время Пьяшка преслѣдовала столяра съ большею еще настойчивостью, чѣмъ Егоръ преслѣдовалъ Машу. Егоръ ловилъ Машу, Пьяшка ловила Ивана. Стоило Ивану показаться подлѣ дома помѣщицы, Пьяшка вырастала предъ нимъ какъ изъ травы. Преслѣдованія Пьяшки, по всему видно, не были, однакожъ, внушаемы чувствомъ ненависти: черные, маслистые глазки ея ласково устремлялись на молодого столяра; при встрѣчахъ съ нимъ, въ рукахъ ея всегда появлялись обломокъ лепешки, кусокъ пирога, огурецъ, или яйцо; вступая въ разговоръ съ молодымъ парнемъ, она какъ бы нечаянно совала ему въ руку эти припасы. Предчувствіе не обмануло Ивана: едва поровнялся онъ съ маленькимъ флигелькомъ помѣщицы, Пьяшка показалась на порогѣ. Она держала обѣими руками суповую чашку; къ подолу ея цѣплялся семилѣтній оборванный мальчикъ, о которомъ она никогда не упоминала; мальчикъ поражалъ, однакожъ, сходствомъ съ Пьяшкой. Увидѣвъ Ивана, она тотчасъ же остановилась и принялась покручивать головой, украшенной на затылкѣ пучкомъ волосъ величиною съ грецкій орѣхъ. Отступить было поздно; Иванъ подошелъ къ ней и поздоровался.

— Здравствуй, Ваня, здравствуй... заговорила Пьяшка, толкая ногой мальчика, который такъ дергалъ ее за подолъ, что супъ въ мискѣ началъ плескаться, — куда это ты шелъ, Ваня? примолвила она, поглядывая на парня радостными, свѣтящимися глазками.

— Такъ... мимо шелъ.

— Что жъ это ты, Ваня, никогда не зайдешь покалякать? Обѣщалъ, а не зайдешь... Приходи нонче вечеромъ, какъ скотину пригонятъ. У насъ никого нѣтъ, одинъ Дронъ... да тотъ ничего... почитай глухой совсѣмъ.

— Недосугъ... право недосугъ... Есть... есть одно такое дѣло... переминаясь, произнесъ Иванъ.

— А что такое? что такое? какое-такое дѣло? проговорила Пьяшка съ такимъ оживленіемъ, что супъ снова расплескался.

— Пьяшка! Пьяшка!.. раздался въ эту минуту изъ дома гнусливый голосъ Анисьи Петровны.

— Сейчасъ сѣли обѣдать... сказала Пьяшка.—Ты, Ваня, погоди... голубчикъ, погоди!.. постой здѣсь; я мигомъ прійду...

Пьяшка быстро перенесла миску въ лѣвую руку, правой рукой дала три проворные плеска мальчику и, освободившись отъ него такимъ образомъ, поспѣшила въ домъ. Черезъ минуту Пьяшка снова вернулась.

— О чемъ же это хотѣлъ ты сказать, Ваня?.. Скорѣй говори, голубчикъ... Вишь требуютъ то-и-дѣло...

Ваня почувствовалъ въ то же время въ рукѣ прикосновеніе чего-то холоднаго; онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ огурецъ, который какъ будто самъ собою попалъ ему въ ладонь.

— Куды мнѣ его? Мнѣ этого не надо, проговорилъ онъ.

— Ничего, Ваня, возьми, возьми; намъ это наплевать! Ну, такъ что жъ? говори скорѣй, голубчикъ...

— Да ты сдѣлаешь ли, о чемъ я попрошу?

— Скажи только, произнесла Пьяшка, быстро оглядываясь во всѣ стороны безъ всякой видимой причины,— скажи: для тебя я все, Ваня, сдѣлаю... Что скажешь, то и сдѣлаю, примолвила она съ такимъ взглядомъ, который не оставлялъ сомнѣнія въ ея готовности исполнить просьбу молодого парня.

— Ты не скажешь, о чемъ я попрошу тебя? Побожись.

— Отсохни руки и ноги... провалиться мнѣ стамши... лопни мои глаза...

— Пьяшка! Пьяшка!.. заголосила опять изъ дому Анисья Петровна.

— Ишь ее, неугомонная какая! Ты, Ваня, погоди... касатикъ, погоди! произнесла Пьяшка почти съ умоляющимъ видомъ,—я сейчасъ... И она стрѣлою понеслась въ домъ.

Ваня повертѣлъ огурцомъ и подалъ его оборванному мальчику, который тотчасъ же взялъ, откусилъ половину и, прикрикивая, побѣжалъ на улицу.

— Фу, батюшки, совсѣмъ затормошили! фу! проговорила Пьяшка, подскакивая къ столяру. — Ты, Ваня, не сумлѣвайся, сказала: сдѣлаю—стало, сдѣлаю... ну...

— Вотъ что... Пелагеюшка... проговорилъ Иванъ, запинаясь, — какъ бы такъ... сдѣлать?.. надо бы мнѣ съ барышней повидаться...

Пьяшка, очевидно, не ожидала такой просьбы: маленькіе глазки ея расширились; лицо изобразило удивленіе.

— Барышню?.. Зачѣмъ тебѣ барышню?

— Такъ... дѣло есть одно... до нея касающееся... дѣло такое.

— Что жъ? что?

— Я тебѣ все разскажу потомъ... теперь, вишь, не время!.. все разскажу... ты только вызови ее...

— А барыня-то?

— Знамо, одну барышню надобно. Вызови ее въ садъ... тамъ, подлѣ пруда, есть мѣсто такое... никто не увидитъ!..

— Зачѣмъ тебѣ?.. зачѣмъ?..

— Случай такой вышелъ... все разскажу, только не теперь; вызови ее, Пелагеюшка, сдѣлай милость!..

— Ну, хорошо, проговорила Пьяшка, подпрыгивая отъ петерпѣнія.—Стой тамъ у пруда, я приведу, какъ пообѣдаютъ... Провалъ бы тебя взялъ, право! совсѣмъ замучили...

Послѣднія слова относились, кажется, къ Анисьѣ Петровнѣ, голосъ которой снова раздался въ домѣ. На этотъ разъ Иванъ не дожидался уже возвращенія Пьяшки: онъ поспѣшилъ пройти стороною мимо двора, миновалъ гумно и, придерживаясь къ плетню, обогнулъ дальнюю часть сада; подойдя къ пруду, оглянулся онъ на стороны, улучилъ минуту и перемахнулъ черезъ плетень. Садъ былъ такъ густъ, что, глядя въ него изъ дома, не было возможности видѣть, что происходило въ десяти шагахъ. Мѣсто, выбранное Иваномъ, приходилось уже къ концу сада: оно было совершенно безопасно. Иванъ притаился въ кусты малины и сталъ дожидаться.

Часъ спустя послѣ того, какъ Пьяшка разсталась съ Иваномъ, на крылечкѣ барскаго домика показалась Наташа. Полное, свѣжее лицо ея дышало оживленіемъ; грудь волновалась; свѣтлые глаза съ любопытствомъ устремлялись къ саду. При всемъ томъ, идя по двору, она за-

мѣтно задерживала шагъ; глядя на нее изъ дома, могло казаться, что она такъ себѣ ходитъ по двору и сама еще не знаетъ, идти ей въ садъ или на гумно. Но Пьяшка, сопровождавшая Наташу, сильно ее выдавала: Пьяшку съ ногъ до головы подергивало отъ нетерпѣнья; она то и дѣло подталкивала барышню подъ локоть и такъ выразительно кивала ей на калитку сада, что самъ полуслѣпой Дронъ (единственное мужское лицо въ дворнѣ Ивановой) могъ бы заподозрить и барышню, и Пьяшку въ какомъ-нибудь заговорѣ.

— Пьяшка, я, право, боюсь... проговорила Наташа.

— Вотъ! чего бояться? Идите знайте, идите...

— Да ты мнѣ скажи только, кто тамъ? кто дожидается?

— Ничего не скажу... идите только — сами увидите!.. Поскорѣй теперь завертывайте въ калитку... скорѣй! теперь никто не смотритъ.

— Пьяшка! Пьяшка! неожиданно прокричала Анисья Петровна, высовываясь изъ окна.

Въ эту минуту Пьяшкѣ легче бы, кажется, было получить ударъ палкой; скрыться, или показать видъ, что не слышитъ, не предстояло возможности: Анисья Петровна стояла въ окнѣ; Пьяшка сдѣлала отчаянный жестъ и поплелась къ крыльцу.

Наташа отворила калитку и вошла въ садъ. Она подвигалась еще медленнѣе, хотя тетка не могла теперь ее видѣть. Наташа далеко не была нѣжной, нервозной дѣвушкой, способной обмирать отъ впечатлѣній, подобныхъ тому, котораго ожидала; но впечатлѣніе было для нея ново, и ею невольно овладѣвали робость и смущеніе. Она шла опустивъ глаза въ землю; въ походкѣ ея проглядывала умышленная вялость и сонливость: ей, очевидно, показать хотѣлось, что она ничего не подозрѣваетъ, а идетъ къ пруду, потому что ей такъ вздумалось. Шорохъ въ кустахъ заставилъ ее приподнять голову. Увидавъ Ивана, она раскрыла удивленные глаза и отступила: видно было, она ожидала встрѣтить совсѣмъ не столяра; въ первую минуту она даже нѣсколько испугалась, но улыбка на лицѣ парня ободрила ее.

— Что ты? спросила она.

— Такъ-и-такъ... къ вашей милости, проговорилъ Иванъ, покашливая въ руку.

Онъ казался еще болѣе смущеннымъ и испуганнымъ, чѣмъ сама барышня.

— Такъ-и-такъ, сударыня... сдѣлайте вашу милость... заступитесь! повторилъ Иванъ, низко кланяясь и ободряя себя новымъ кашлемъ.

— Чего тебѣ? Если можно, я рада сдѣлать.

— Можете, сударыня! все это въ вашей власти! Затѣмъ собственно васъ и утруждаемъ...

— Ну, чего тебѣ? произнесла Наташа, выказывая нетерпѣніе обманутаго чувства.

— Вамъ извѣстно, сударыня, сюда, въ лугъ, крестьянъ недавно переселили.

— Да, знаю...

— Такъ вотъ у той бабы... Катериной звать... дочка находится... живетъ она въ батрачкахъ у вашего мужичка Андрея...

— Знаю... хорошенькая такая...

— То-есть... гм!.. не то, чтобъ... гм! какъ вамъ, впрочемъ, будетъ угодно... Такъ-и-такъ, сударыня, сдѣлайте вашу милость, заступитесь...

— Да въ чемъ же заступиться? Я, право, не понимаю...

— Очень, то-есть, обижены... сродственники, то-есть, дѣвушки этой... оченно обижаются. Я изъ ихнихъ же мѣстъ, такъ они мнѣ все это, примѣрно, сказывали: очень, говорятъ, обижены Карякинымъ...

— Ѳедоромъ Иванычемъ? съ живостью спросила Наташа.

— Ѳедоромъ Иванычемъ, сударыня... Сдѣлайте такую Божескую милость, запретите... вамъ стоитъ сказать ему— онъ все это сейчасъ, то-есть, для васъ оставитъ.

— Да что жъ сказать-то?

— Да что, сударыня, проходу не даетъ дѣвкѣ! Обольщаетъ ее всякими манерами... подсылаетъ къ ней этого Егора горбатаго... то-есть такія дѣла...

— Лжешь! быть не можетъ! Ѳедоръ Иванычъ не сдѣлаетъ этого! воскликнула дѣвушка.

Она тщетно старалась скрыть свое волненіе; щеки ея пылали; въ мягкихъ, добрыхъ глазахъ блеснула искра негодованія; но глаза ея такъ же скоро потухли и помутились, когда Иванъ началъ клясться, что все сказанное имъ была совершенная правда.

— Помилуйте, сударыня! Осмѣлился ли бы я говорить вамъ, коли бы не такъ было? подхватилъ онъ, слѣдуя за барышней, быстрыми шагами направлявшейся къ забору, чрезъ который перелѣзъ Иванъ,— сдѣлайте такую Божескую милость, поговорите ему: онъ васъ послушаетъ...

— Хорошо, хорошо; ступай! глухимъ голосомъ проговорила Наташа, останавливаясь у плетня и не поворачивая головы.

Въ это самое время со двора послышалось дребезжанье экипажа и топотъ лошади. Почти въ ту же минуту изъ дому раздался голосъ Анисьи Петровны:

— Наташа, гдѣ ты? Наташа! Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.

При этомъ извѣстіи Иванъ бросился въ кусты и побѣжалъ вонъ изъ сада. Наташа припала головою къ плетню и зарыдала. Такъ прошло минутъ десять. По прошествіи этого срока, неподалеку отъ мѣста, гдѣ стояла дѣвушка, показался Ѳедоръ Ивановичъ.

— Наталья Васильевна, гдѣ вы? Наталья Васильевна! покрикивалъ онъ, озираясь на стороны.

Наташа поспѣшила отереть слезы; она сдѣлала шагъ, чтобъ скрыться въ кустахъ, но Карякинъ замѣтилъ ее; она успѣла только отвернуться.

— Здравствуйте, Наталья Васильевна... вымолвилъ онъ, ускоряя шагъ и охорашиваясь. — Но, что это съ вами? примолвилъ онъ, удивленный такимъ привѣтствіемъ.

Вмѣсто отвѣта, Наташа повернулась спиною и пошла впередъ.

— Позвольте узнать, какая такая причина? говорилъ онъ, слѣдуя за нею, — мы прежде не такъ встрѣчались... Сдѣлайте ваше одолженье, скажите, Наталья Васильевна!

Наташа продолжала идти. Карякинъ оглянулся назадъ: подлѣ никого не было; онъ взялъ ее за руку — она съ сердцемъ отдернула руку и остановилась.

— Оставьте меня! какъ вы смѣете? проговорила она, не поворачивая головы.

— Что жъ это все значитъ-съ?..

— Значитъ то: отстаньте! я васъ знать не хочу!

— Помилуйте, за что жъ? промолвилъ онъ, все еще какъ бы пошучивая.

— Я съ вами говорить даже не хочу—понимаете? произнесла она, на секунду поворачиваясь къ нему и показывая раскраснѣвшееся, заплаканное лицо, — отстаньте, убирайтесь—вотъ и все!..

— Какъ я васъ долженъ понимать?

— Понимайте, какъ знаете—мнѣ все равно! возразила она и снова пошла впередъ ускореннымъ шагомъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ! произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ обиженнымъ тономъ.

Онъ пересталъ за нею слѣдовать, поцѣпалъ свои усики и направился къ дому.

— Когда такъ, такъ и не надо! Мы вѣдь оченно гоняться-то не станемъ... Но что за причина? Умирала обо мнѣ, а теперь... что за причина? повторялъ Карякинъ вплоть до той минуты, какъ вошелъ въ домъ.

Онъ встрѣтился съ теткой въ дверяхъ прихожей. Анисью Петровну начинала тревожить мысль, что Карякинъ и племянница находятся наединѣ въ саду. Хотя Наташа не подавала повода дѣлать о ней дурныхъ предположеній, хотя тетка увѣрена была въ ея нравственности, но Анисья Петровна, какъ уже сказано, смотрѣла на дѣвушекъ своимъ особеннымъ взглядомъ: ее до смерти пугала полнота и дородство Наташи... Она ужъ послала Пьяшку отыскивать молодыхъ людей и сама готовилась за нею слѣдовать, когда показался Карякинъ.

— Ну, а Наташа-то гдѣ? развѣ ты не нашелъ ее? спросила она.

— Какъ же-съ! нашелъ! Онѣ въ саду-съ прогуливаются... Я пришелъ проститься съ вами, Анисья Петровна, отвѣтилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

— Какъ проститься? Что это ты, батюшка? только пріѣхалъ, да ужъ и прощаться!

— Я всегда съ моимъ великимъ удовольствіемъ, Анисья Петровна — вы сами знаете... но, воля ваша, оставаться теперь не могу-съ... никакимъ, то-есть, манеромъ.

— Это почему?

— Не знаю, что такое случилось съ вашей племянницей... она прогнала меня чуть не взашеи... Обошлась самымъ дерзкимъ манеромъ-съ.

— Ахъ, она дура этакая! воскликнула старуха, мгновенно вспѣнивaясь. — Ахъ, она... Нѣтъ, погоди, Ѳедоръ Иванычъ...

— Нѣтъ, воля ваша, мнѣ послѣ этого оставаться ужъ не приходится-съ...

— Да что жъ это она, съ ума, что ли, спятила? заплескалась Анисья Петровна и, поправивъ чепчикъ, дѣлавшій ее похожею на сѣдого обстриженнаго солдата, подбѣжала къ окну и стала звать племянницу.

Карякинъ воспользовался этимъ случаемъ и быстро исчезъ. Чѣмъ больше кричала Анисья Петровна, тѣмъ больше, казалось, могучее горло ея прочищалось и голосъ получалъ силы; но такъ какъ это не помогло, потому что

Наташа все-таки не являлась, тетка спустилась съ крылечка и направилась въ садъ, пыхтя и пѣнясь. На поворотѣ къ малиннику, увидѣла она племянницу: Наташа стояла у плетня и горько плакала. Но въ первую минуту горячности Анисья Петровна обыкновенно ничего не разбирала, ничего не видѣла: ей надобно было всегда хорошенько выплескаться прежде, чѣмъ прійти въ себя.

— Ахъ, ты дурища ты этакая! Съ ума, что ли, ты сошла? закричала она, накидываясь на дѣвушку.—Кого это ты, мать моя, гонять-то вздумала, изъ чужого-то дома, а? Да я сама тебя выгоню! Ахъ, ты, осина ты этакая глупая... тварь неблагодарная! Я бьюсь, какъ окаянная какая-нибудь, за добраго человѣка, все для нея же, а она гонять его вздумала! Мало, что ли, стòитъ онъ мнѣ? Одного чаю да сахару чтò пошло! Сѣна да овса лошади его сколько отпустила!.. Ты, что ли, отдала мнѣ? Все для нея хлопочу! Отцы вы мои! Думала, вотъ человѣкъ пріискался, женихъ хорошій...

— Я за него не пойду, тетенька, хоть убейте, не пойду! рыдая, перебила Наташа.

Слова племянницы окончательно ошеломили старуху; она нѣсколько разъ раскрывала ротъ, какъ бы задыхаясь, и не могла произнести слова.

— Какъ! замужъ не пойдешь?.. Ахъ вы, отцы мои! Да она и то никакъ рехнулась! Сама съ нимъ амурилась, меня даже въ страхъ вводила, а теперь „не пойду!“ Нѣтъ, мать моя, пойдешь! пойдешь! Не вѣкъ мнѣ съ тобой возиться... Какого тебѣ еще надо, а? Да сама-то ты что? Только въ платьѣ-то ходишь, а мать-то была однодворчиха... Ахъ, ты, неразумная ты этакая!.. Ахъ, ты...

Анисья Петровна уставила кулаки въ бока и остановилась.

— О чемъ же ты ревешь, глупая? Ревешь о чемъ? спросила она, какъ бы внезапно смягчаясь.

Наташа слова не могла выговорить: рыданія заглушали ея голосъ.

— Да, можетъ, онъ что-нибудь сдѣлалъ? пристала Анисья Петровна.—Ты говори мнѣ, все сказывай!

— Онъ, тетенька... онъ самый дурной человѣкъ... я ни за что не пойду, лучше въ монастырь запрусь... проговорила, всхлипывая, Наташа.

— Да что жъ онъ сдѣлалъ-то такое, а? Что онъ сдѣлалъ? Я и ему потачки не дамъ! Ѣздилъ, ѣздилъ въ домъ,

закружилъ дѣвкѣ голову, а теперь бы такъ взялъ да уѣхалъ? Нѣтъ, это онъ вретъ! Ужъ не думаетъ ли онъ на попятный? произнесла старуха, какъ бы разсуждая сама съ собою. — Ахъ, вы, отцы мои! Да попробуй онъ только! Ахъ, онъ, мошенникъ! подхватила она, закипая снова, но ужъ теперь перенося негодованіе свое на Карякина.—Ахъ, онъ, поганецъ! Нѣтъ, мы еще поглядимъ, какъ онъ ѣздить-то не станетъ!.. Онъ самъ намекалъ, жениться, вишь, хочетъ!.. Отцу даже, говоритъ, написалъ объ этомъ! Что жъ онъ думаетъ, суда на него нѣту? Ахъ, онъ, разбойникъ! Ахъ, онъ, поганецъ!... Да я сейчасъ сама къ нему поѣду, сейчасъ... Ахъ, ты, мать моя!..

Наташа бросилась умолять тетку, чтобъ она ничего не дѣлала, просила дать ей нѣсколько успокоиться и обѣщала ей обо всемъ разсказать. Тетка мало-по-малу простыла, взяла племянницу и повела въ домъ.

Въ то время, какъ садъ Анисьи Петровны, этотъ скромный уголъ, гдѣ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, тишина нарушалась только пѣніемъ соловьевъ, криками иволги и пискомъ ссорившихся воробьевъ, дѣлался свидѣтелемъ таинственныхъ переговоровъ, слезъ и волненій, въ ригѣ Андрея, другомъ, не менѣе мирномъ углу Панфиловки, раздавались крики, проклятія, лились горькія слезы и произносились рѣчи, которыя вчужѣ тяжко было слушать. Все это, какъ гроза, пронеслось надъ владѣніями Андрея. Когда, послѣ бѣгства изъ сада, Иванъ подошелъ къ ригѣ съ цѣлью выждать Машу и предупредить ее о бесѣдѣ своей съ барышней, тамъ слѣда уже не оставалось отъ всего случившагося. Ворота риги были настежь растворены; Иванъ увидѣлъ Андрея и Прасковью, которые раскладывали на токъ снопы овса и собирались молотить; Иванъ удивлялся, что Маши не было съ ними. Онъ вошелъ и поздоровался.

— Откуда ты, Иванушка? спросили въ одинъ голосъ мужъ и жена.

— Такъ... на лугъ ходилъ, возразилъ Иванъ, переминаясь.

— Въ какую сторону?

Иванъ неопредѣленно указалъ рукою, но въ тотъ край, однакожъ, гдѣ находилась мазанка.

— Не встрѣчалъ Катерины?

— Нѣтъ; а что?..

— Маленько только не засталъ ея, сказалъ Андрей.—

Оно, можетъ, и лучше, что не засталъ ея, примолвилъ онъ.—Катерина сюда приходила...

— Зачѣмъ?..

— То здѣсь было... не знаешь ужъ, какъ и сказать! произнесъ Андрей, переглядываясь съ женою.

— Да что жъ такое, дядя Андрей? Скажи... Ты знаешь, я имъ не чужой... какъ сродственникъ имъ — все одинаково; скажи пожалуйста, проговорилъ столяръ, которымъ овладѣло вдругъ сильное безпокойство.

— Знаю, знаю; да дѣло-то такое... не знаемъ, право, какъ въ толкъ взять, началъ Андрей. — Прибѣжала къ намъ Катерина, схватила дочь, давай ее бить, колотить... „до смерти убью!“ кричитъ.

— Погоди, Андрей, перебила Прасковья, подходя къ Ивану, который улыбался, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что ноги его подламываются, а сердце вздрагивало отъ невыносимаго волненія.—Стою я, батюшка, дома, у печки, ничего такого не чаю... вдругъ входитъ ко мнѣ Катерина... смотрю: растерянная такая... лица нѣтъ... „Гдѣ дочь?“ говоритъ... А сама, такъ инда дрожитъ вся... „Что ты, молъ, говорю, Христосъ съ тобою!“ а она все одно: „Гдѣ дочь? говоритъ, дочь гдѣ?“ — „Въ ригѣ, говорю, снопы убираетъ“. Она туда какъ кинется... Что, думаю, такое?.. Пошла за нею; слышу, крикъ такой, гляжу, такъ дочь-то и таскаетъ по ригѣ... Я давай скорѣй мужа звать... Прибѣжали, унимаемъ — ничего не слушаетъ! Таскаетъ ее, бьетъ... „Совсѣмъ убью!“ говоритъ... Никакъ даже не отымешь дочь-то... даже страхъ взялъ.

— Что такое, думаемъ: баба смирная, добрая такая, къ дѣтямъ горячая... что съ ней?.. перебилъ Андрей. — Пуще всего рѣчамъ ея подивились: гонитъ ее, слышь, дочь-то, гонитъ къ Карякину! Сама бьетъ, проклинаетъ, а къ Карякину гонитъ!.. Мы и такъ и сякъ къ ней приступаемъ—нѣтъ, ничего не сдѣлаешь! Она все свое: „ступай къ Карякину!“ кричитъ, „не то убью до смерти!“

— Что жъ такое?.. Что жъ такое?.. проговорилъ столяръ, кидая вокругъ растерянные взгляды.

— Что ты будешь дѣлать? Не уймешь никакъ! продолжала Прасковья.—Добрѣ ужъ оченно дѣвку-то жаль... такъ, сердечная, по земи-то и катается!.. А мать, какъ бѣшеная, такъ и рветъ ее... такъ и рветъ: кричитъ свое: „пошла къ Карякину! Ходила къ нему, кричитъ; была его полюбовницей, опозорила мать и семью свою — ступай къ

нему теперича!“ Видимъ, ополоумѣла баба совсѣмъ; насказалъ кто-нибудь!.. Слава Богу, дѣвка живетъ у насъ шесть недѣль: было время узнать ее... Ничего такого за ней худого не примѣчали; скромница дѣвка, одно слово сказать, что скромница... Да и ходить-то ей когда къ Карякину? Весь день на глазахъ у насъ; пошлешь куда, сами дивимся, какъ скоро она все это сдѣлаетъ... Мы опять приступили къ Катеринѣ; давай ее усовѣщевать да уговаривать... насилу въ толкъ взяла.

— То-то вотъ и есть, произнесъ Андрей, пожимая губами и покачивая головой, — не надо было пускать къ себѣ этого мошенника Егора. Я и прежде говорилъ о немъ Катеринѣ; онъ ко мнѣ николи не ходитъ... Отъ него ужъ не жди хорошаго!.. Не знаю только, съ чего онъ все это надѣлалъ?.. Потому больше, должно-быть, Маша завсегда прочь его гоняла, не слушала его... онъ взялъ да и сдѣлалъ...

— Что жъ онъ сдѣлалъ такое? спросилъ Иванъ такимъ голосомъ, какъ будто въ горлѣ его колъ засѣлъ.

— А то сдѣлалъ, пришелъ нонче въ обѣдъ къ Катеринѣ, да и говоритъ ей... Сама намъ подъ конецъ обо всемъ этомъ разсказала: „Маша“, говоритъ... такъ, къ примѣру, зачалъ стращать Катерину, „Маша, слышь ты, была у Карякина, а теперь заспесивилась, идти больше не хочетъ... Такъ вотъ, Карякинъ-то добрѣ осерчалъ на дѣвку; послалъ, слышь ты—это все Егоръ разсказываетъ—послалъ, слышь, его, Егора, къ Катеринѣ съ такими словами: „такъ-и-такъ, говоритъ, дочь твоя приходила ко мнѣ; чего жъ она, говоритъ, теперь спесивится? Теперь ужъ дѣла, говоритъ, не поправишь; такъ пускай ужъ лучше ко мнѣ ходитъ... Ты, говоритъ, заставь ее: по-крайности, дѣло тогда промежъ нами останется, никто объ этомъ не узнаетъ... А коли не заставишь, говоритъ, хуже будетъ: я, говоритъ, разславлю, по всей округѣ разславлю, кто у тебя дочь-то была...“ Та, какъ услыхала, сюда бѣжать, да, не разобравши-то дѣла, и давай дочь таскать.

— Гдѣ жъ Маша?.. спросилъ Иванъ.

— Увела съ собою.

— Совсѣмъ?

— Нѣтъ, возразила Прасковья, — на три дня увела... Дѣвка ужъ добрѣ убивается очень, потому и взяла къ себѣ.

— Что жъ это такое, родные вы мои? что жъ это?.. Гдѣ жъ правда-то?.. воскликнулъ Иванъ, отчаянно махая руками.—Гдѣ жъ это онъ!.. я убью его!..

— Кого убьешь?

— Егора.

Надо думать, лицо Ивана, несмотря на улыбку, которая раскривила его пополамъ отъ праваго уха до лѣваго, показалось Андрею и женѣ его несовсѣмъ благонадежнымъ. Оба подскочили къ столяру и схватили его за руки.

— Что ты, глупый? перекрестись лучше... сказалъ Андрей.—Оставить надо все это дѣло.

— Да тебѣ-то что? Братъ ты, что ли, али сродственникъ?.. проговорила Прасковья.

— А хошь бы и братъ былъ — все одно; коли разумъ въ головѣ есть, надо оставить!.. Найдется и безъ тебя кто проучитъ за всѣ лихія дѣла... Что ты? что ты? очнись! Не твое дѣло совсѣмъ... лучше молчи, да виду не подавай никакого...

Андрей и жена его долго уговаривали Ивана. Дѣйствіемъ ли разумныхъ рѣчей ихъ, или благодаря собственнымъ размышленіямъ и мягкости нрава, Иванъ мало-помалу угомонился; онъ подъ конецъ далъ даже клятву слова не сказать Егору, если случай приведетъ съ нимъ встрѣтиться. При всемъ томъ Андрей и жена его не пускали Ивана отъ себя во весь вечеръ и пригласили даже остаться у нихъ на ночь.

VII.

Филиппъ и Степка.

Въ эту ночь, часамъ къ одиннадцати, долженъ былъ показаться полный мѣсяцъ; но тучи такъ сгустились къ этому времени, что не было возможности замѣтить, какъ взошелъ онъ и какъ, потомъ, закатился. Ночь была очень черна: нельзя было различать даже тѣхъ предметовъ, которые возвышались въ степи надъ линіею горизонта; небо и степь были одинаково черны. Изрѣдка, въ той или другой сторонѣ вспыхивали отдаленныя молніи, или, вѣрнѣе, зарницы, потому что за ними не слѣдовало громовыхъ ударовъ. Воздухъ былъ недвижимъ и душенъ. Малѣйшій звукъ слышался на далекомъ разстояніи. Но такъ какъ на десять верстъ кругомъ находились всего три-четыре хуторка и одно небольшое село, то все ограничивалось

лаемъ собакъ и стукомъ въ деревянныя караульныя доски. Разъ, далеко за Панфиловкой, прозвучалъ колоколъ; въ той сторонѣ располагалось село, куда жители окрестныхъ хуторовъ ходили къ обѣднѣ; но звуки колокола скоро замерли, и степь снова погрузилась въ непробудное молчаніе. Не было возможности опредѣлить съ точностью часа; но, принимая въ соображеніе давность заката, можно было думать, что было близко уже къ полуночи.

Около этого времени Филиппъ и Степка подходили къ дорогѣ, которая пролегала отъ знакомаго намъ кабака къ усадьбѣ Карякина. Они шли, впрочемъ, не отъ кабака, а съ противоположной стороны. Имъ оставалось версты полторы отъ усадьбы; дорога представляла самый кратчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый вѣрный путь; но они или не торопились, или, по расчетамъ Филиппа, слѣдовало имъ избѣгать дороги: они шли степью; изрѣдка Филиппъ посылалъ Степку къ дорогѣ, чтобъ увѣриться, точно ли идутъ они по одному направленію съ нею. Чѣмъ ближе придвигались они къ усадьбѣ, тѣмъ болѣе голосъ того и другого понижался. Если Степкѣ случалось засмѣяться, или пугнуть ночную птицу, которая близко пролетала, Филиппъ осыпалъ его бранью, или давалъ тумака; послѣднее, впрочемъ, случалось рѣдко: отецъ убѣдился, что тумаки подстрекали только мальчика дѣйствовать наперекоръ его приказаніямъ. Такое расположеніе мальчика къ противорѣчію вынудило подъ конецъ отца совсѣмъ прекратить тумаки; планъ, задуманный имъ, требовалъ, казалось, большой осторожности; онъ часто останавливался и прислушивался къ малѣйшему звуку. Разъ они дали огромный крюкъ въ цѣлую версту, чтобъ избѣжать встрѣчи съ гуртомъ, который лежалъ на отдыхѣ подлѣ дороги. Пройдя еще нѣсколько времени, Филиппъ остановился и сталъ прислушиваться долѣе обыкновеннаго, хотя на этотъ разъ ни одинъ звукъ не нарушалъ молчанія степи. Онъ тихо подозвалъ Степку.

— Э! отозвался мальчикъ.

— Тише... дьяволъ! прошепталъ отецъ, оглядываясь вокругъ,—теперь близко... Ты рази не видалъ, какія тамъ собаки-то?.. Можетъ, на ночь-то спущены: какъ разъ сцапаютъ!.. Заверни штаны повыше колѣнъ, а я пока лапти сыму, заключилъ Филиппъ, садясь на траву.

— Аль жаль лаптей-то? спросилъ мальчикъ, стоявшій уже съ засученными выше колѣнъ штанишками.

— Здѣсь бросить надо—вотъ что, возразилъ отецъ,— безъ нихъ легче... ноги не такъ шумятъ.

Степка ощупалъ грудь, которая сильно выпучивалась отъ чего-то засунутаго ему за пазуху и что громко хрустѣло; послѣ этого онъ бросился на траву, перевернулся на спину и поднялъ кверху обѣ ноги.

— Тише... сатана! прошепталъ сквозь стиснутые зубы Филиппъ,—говорятъ, собаки услышатъ...

Степка вскочилъ на ноги и подошелъ къ отцу.

— Батя... ну, а какъ я не пойду съ тобою? произнесъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто хотѣлъ поддразнить его.

— Э! глупый... право глупый! возразилъ отецъ задобривающимъ голосомъ, хотя въ сердцѣ его кипѣло негодованіе и онъ радъ бы былъ, кажется, тутъ же на мѣстѣ уходить своего спутника.

— Ну, а что дашь, коли пойду, коли все по-твоему сдѣлаю? спросилъ Степка.

— Вѣдь сказалъ, сапоги куплю, рубаху новую — красную, шапку... опричь того, денегъ дамъ — покупай, что полюбится!

— Да денегъ-то, можетъ, еще не найдемъ... можетъ, горбунъ-то прихвасталъ.

— Рази я на его слова полагаюсь? Ты, стало, не слыхалъ, что цѣловальникъ-то сказывалъ?.. „О себѣ, говоритъ, много нахвасталъ, а у купца у этого, говоритъ, точно денегъ множество. Недавно гуртъ продалъ — всѣ деньги дома... и лежатъ, говоритъ, точно, гдѣ горбунъ указывалъ...“ стало быть такъ...

— Да вѣдь вотъ онъ сказывалъ также, и у дяди Лапши денегъ-то много... намъ бы лучше туда сходить: тамъ не такъ опасливо... Я вѣдь про нихъ не теперича знаю все... подхватилъ Степка, снова какъ бы поддразнивая отца.

Безцеремонность и безстрашіе, которое замѣтно было въ обращеніи Степки съ Филиппомъ, объяснялось тѣмъ, что мальчикъ посвященъ уже былъ во всѣ тайны отца. Это произошло совершенно случайно. Вскорѣ послѣ переселенія семейства Лапши изъ Мàрьинскаго, самая отчаянная крайность застигла Филиппа: нужно было или лѣзть въ опасность и подвергнуться быть пойманнымъ, или подавить въ себѣ злобу противъ Грачихи и къ ней отправиться. Онъ избралъ послѣднее. Филиппъ явился очень

кстати; ворожба чернѣвской колдуньи какъ-то пріостановилась на это время: Грачиха пустила Филиппа; ей извѣстно было, что никто ловче его не уведетъ лошади, которую потомъ придутъ къ ней же отыскивать. Начались переговоры. Степка, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, отправленъ былъ въ сѣни. Но Степка подросъ; подросло также и его любопытство. Онъ отворилъ дверь съ такимъ искусствомъ, что ни Филиппъ, ни Грачиха этого не замѣтили: прокравшись къ перегородкѣ, мальчикъ услышалъ весь разговоръ: онъ узналъ прежде всего, что у него былъ дядя Лапша и тетка Катерина, которыхъ отецъ обкрадывалъ, стращая ихъ поджогами; узналъ, что сродственники эти отправлены господами въ степь; услышалъ, какъ отецъ, узнавъ, что Лапшѣ даны были деньги на переселеніе, тотчасъ же высказалъ желаніе послѣдовать за ними. Въ продолженіе этой бесѣды, Филиппъ и Грачиха часто не сходились, ссорились. Благодаря упрекамъ и угрозамъ, которыми чернѣвская колдунья осыпала тогда Филиппа, Степка узналъ о многихъ продѣлкахъ отца. Но любопытство дорого стоило Степкѣ: онъ зазѣвался, попался отцу и чуть не поплатился ребрами, а можетъ, и жизнью; но онъ вышелъ невредимъ изъ-подъ отцовскихъ кулаковъ и пинковъ Грачихи...

Степка какъ будто предвидѣлъ, какъ будто предчувствовалъ, какую выгоду принесетъ ему это подслушиванье. Съ того же самаго дня отецъ сдѣлался къ нему гораздо снисходительнѣе. Филиппъ начиналъ даже побаиваться сынишку: одна мысль, что этотъ ребенокъ, который бродитъ съ нимъ всюду, все знаетъ, все видитъ, и который однимъ словомъ, однимъ крикомъ, однимъ неосторожнымъ поступкомъ или дѣйствіемъ каприза можетъ выдать его съ руками и ногами, склоняла Филиппа къ снисхожденію; онъ иногда даже льстилъ ему и подлаживался всячески: другого способа не было управляться съ пострѣломъ. Филиппъ начиналъ грозить—и Степка начиналъ грозить. Только лаской да потачкой—какъ ни тяжело было Филиппу, какъ ни кипѣло его сердце—но этимъ только можно было купить себѣ безопасность. Мы видѣли изъ приведеннаго выше образчика, какъ ловко пользовался Степка новымъ своимъ положеніемъ.

Снявъ лапти, Филиппъ засучилъ точно такъ же, какъ Степка, штаны выше колѣнъ.

— Ну, Степка, пойдемъ! ласково вымолвилъ онъ, при-

падая губами къ уху мальчика.—Время!.. смотри... тихо подбирайся!..

Онъ пощупалъ карманъ, туго чѣмъ-то набитый, далъ мальчику руку, и оба вышли на дорогу. Шагахъ въ двадцати черифлъ ужъ домъ Карякина. Притаивъ дыханіе, едва касаясь земли, Филиппъ и мальчикъ прошлись нѣсколько разъ взадъ и впередъ мимо дома. Но все—и домъ, и дворъ, и принадлежавшія имъ зданія, хранили мертвое молчаніе; можно было подумать, что на пространствѣ десяти верстъ кругомъ не находилось живого существа.

— Ложись... теперь ползкомъ; сейчасъ канава будетъ, едва внятно шепнулъ Филиппъ.

Степка растянулся подлѣ отца, и оба поползли черезъ дорогу; немного погодя, руки ихъ нащупали край канавы. Канава была не глубока, но Степка могъ въ ней укрыться съ головою. Какъ ни бережно спускались они, но трескъ сухихъ стеблей на скатахъ и днѣ канавы тотчасъ же разбудилъ собаку. Шагахъ въ пятнадцати за валомъ раздалось неистовое бряцанье цѣпи и яростный лай.

— Ничего, привязана! шепнулъ Филиппъ.

Онъ быстро вытащилъ изъ кармана ломоть хлѣба, содралъ мякишъ и, помѣсивъ его между ладонями, сунулъ Степкѣ; потомъ, съ тою же быстротою, вынулъ кусокъ трута и спичку.

— Держи шапку; присядь къ землѣ... Надо скорѣй, пока не проснулись.

Въ сгущенномъ воздухѣ пронесся запахъ горящаго трута. Филиппъ взялъ изъ рукъ Степки приготовленный имъ мякишъ, положилъ трутъ, сдѣлалъ изъ мякиша подобіе маленькой гранаты съ отверстіемъ, чтобъ не погасалъ въ ней зажженный трутъ, и подалъ этотъ снарядъ Степкѣ.

— Смотри, ловчѣе, не промахнись!

Съ этими словами Филиппъ подсадилъ малаго, такъ что голова его и руки пришлись выше вала.

Собака рвалась какъ бѣшеная; другая собака, у отдаленнаго долговязаго амбара, вторила ей дружно. Въ сторонѣ, гдѣ-то подъ навѣсомъ, послышался сонливый голосъ:

— Чего развозились!.. цыцъ... вотъ я васъ!..

Филиппъ дернулъ Степку за ногу. Мальчикъ укрѣ-

пился колѣнями къ землѣ, размахнулся и бросилъ за валъ снарядъ.

— Взяла, шепнулъ онъ, быстро скатываясь внизъ.

Собака перестала вдругъ лаять; слышалось только бряцанье цѣпи; потомъ она раза два взвизгнула и замолкла. Подруга ея, не слыша больше лая, тотчасъ же угомонилась.

— Ладно... одно дѣло справили, шепнулъ Филиппъ, выходя изъ канавы и вытаскивая Степку.

Онъ ощупалъ грудь мальчика, и убѣдившись, что пазуха его была плотно набита, далъ ему руку; оба пустились впередъ, придерживаясь края канавы. Достигнувъ мѣста, гдѣ канава дѣлала поворотъ вправо, они поспѣшно свернули за уголъ. Тутъ они остановились. Опять явился мякишъ; опять Степка присѣлъ къ землѣ съ шапкой и опять пронесся запахъ горящаго, тлѣющаго трута. Оба проворно прыгнули въ канаву и стали подбираться къ амбару, черная профиль котораго едва примѣтно отдѣлялась на темномъ небѣ. Шагахъ въ двадцати отъ него, услышали они, какъ собака рванулась изъ конуры и залаяла.

— Съ этой легче будетъ справиться; она ближе къ валу... произнесъ Филиппъ.—Ну! И онъ снова подсадилъ мальчика.

— Что? спросилъ онъ, слыша, что собака не унимается.

— Добрѐ вертится... промахнешься! возразилъ Степка.

— Валяй... ничего, ну?..

— Сцапала! радостно отозвался Степка.

Лай дѣйствительно прекратился; его смѣнили чваканье, потомъ фырканье, потомъ раздалось протяжное жалобное стенанье, сопровождаемое звукомъ цѣпи, которую какъ будто судорожно встряхивали на землѣ; наконецъ все смолкло, и цѣпь, и собака.

Минуты три Филиппъ и его спутникъ не трогались ни однимъ членомъ и прислушивались; но кругомъ царствовала теперь такая же непробудная тишина, какъ въ то время, когда они подходили къ усадьбѣ. Филиппъ снова подсадилъ мальчика на валъ, потомъ самъ туда вскарабкался, и оба бережно стали подползать къ задней части амбара.

— Помнишь ли, Степка, какъ я тебѣ сказывалъ?.. шепнулъ Филиппъ.

— Ну!..

— Какъ только всѣ къ амбару къ этому кинутся, я въ домъ, а ты стой вотъ у этого угла, что̀ сюда ближе... тутъ и притаись... Да мотри, не зѣвай: мало-мальски что̀—духомъ ко мнѣ, сейчасъ дай знать!.. Ты ничего не бойся: имъ не до насъ будетъ... Пуще всего не робѣй!..

Но предостереженіе это было, казалось, лишнее; ободряя мальчика, Филиппъ какъ будто себя ободрялъ. Степка вовсе не нуждался въ подкрѣпленіи смѣлости: онъ и въ усъ не дулъ; его, повидимому, сильно даже занимали эти продѣлки; объ одномъ лишь очень сожалѣлъ мальчикъ: темнота ночи не позволяла ему наблюдать, какъ снарядъ отца дѣйствовалъ на собакъ, какъ онѣ корчились и издыхали.

— Теперь не время объ этомъ разговаривать, молчи только, произнесъ Филиппъ, заглядывая подъ амбаръ, который возвышался на коротенькихъ столбахъ,—полѣзай туда... примолвилъ онъ, наклоняя мальчика.

Въ мгновенье ока Степка очутился подъ амбаромъ.

— Смотри, солому-то крѣпче въ уголъ запихивай...

— Не-бось не вывалится!..

— Тсс... пострѣлъ... На спички, бери...

Спичка чиркнула; на секунду подполье амбара освѣтилось и, минуту спустя, дымъ повалилъ оттуда клубами. Но Филиппъ и Степка были уже на другой сторонѣ вала и стремглавъ полетѣли въ обратный путь. Шагахъ въ тридцати отъ входа въ домъ оба они бросились въ канаву и, присѣвъ въ траву, стали дожидаться...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Неудавшееся преступленіе.

Если только читатель помнитъ Пьяшку, представительницу панфиловской дворни, онъ вѣрно не забылъ, что Пьяшка, въ послѣднемъ объясненіи съ Иваномъ, приглашала его прійти вечеромъ покалякать. Таинственный разговоръ его съ барышней, неожиданный, скорый отъѣздъ Карякина, слезы Наташи—все это, какъ каждый догадается, сильнѣйшимъ образомъ возбуждало любопытство Пьяшки; тѣмъ нетерпѣливѣе ждала она Ивана, что тотъ обѣщалъ разсказать ей обо всемъ. Иванъ слова, однакожъ, не промолвилъ о томъ, что придетъ вечеромъ, но Пьяшка все равно ожидала его; въ нетерпѣніи своемъ, она считала невозможнымъ, несбыточнымъ, чтобъ Иванъ не вникнулъ въ ея положеніе и не поспѣшилъ ее успокоить. Но вотъ давно ужъ пригнали стадо, давно сѣло солнце, давно Анисья Петровна поужинала и легла спать—Иванъ все не являлся. Пьяшка каждую минуту выбѣгала на улицу, устремляла глаза во всѣ стороны, прислушивалась—все было тщетно. Шорохъ приближавшихся шаговъ не радовалъ ея слуха. Панфиловка, окутанная непроницаемою темнотою ночи, хранила глубокое молчаніе; но Пьяшка не теряла надежды. Ужъ полночь наступила, Пьяшка все еще стояла у флигелечка, поглядывала на улицу и прислушивалась...

Нѣтъ сомнѣнія, она прождала бы до зари, если бъ не произошло слѣдующее обстоятельство: поднявъ глаза къ небу (вѣроятно, съ тѣмъ, чтобъ призвать его въ свидѣтели жестокости Ивана), Пьяшка увидѣла красноватое

зарево; не успѣла она присмотрѣться, когда, верстахъ въ двухъ за Панфиловкой, сверкнуло пламя. Пьяшка остолбенѣла; но это продолжалось секунду: каждый ея суставчикъ, каждая жилка получили вдругъ прыткость необыкновенную; она выскочила на улицу, потомъ метнулась къ барскому дому, снова вернулась на улицу, прокричала нѣсколько разъ сряду: „пожаръ! батюшки, пожаръ! касатики, пожаръ!“ и снова стрѣлою понеслась къ барскому дому.

Крикъ Пьяшки прежде всего услышалъ Иванъ; многосложныя происшествія дня наполняли его тревогой и не давали заснуть. Съ первымъ возгласомъ о пожарѣ, Иванъ выскочилъ изъ сѣнника Андрея и выбѣжалъ за ворота. Пламя было едва замѣтно; но зарево, которое быстро разгоралось и трепетно вздрагивало, служило несомнѣннымъ знакомъ, что огонь получалъ съ каждою секундою больше силы; съ той стороны слышался уже глухой, безпокойно волнующій сердце шумъ, которымъ сопровождается пожаръ даже въ тихую погоду; съ противоположнаго конца степи понеслись вдругъ зачащенные удары колокола: то били набатъ въ приходскомъ селѣ. Иванъ кинулся будить Андрея. Въ одну минуту вся Панфиловка была на ногахъ; крики „пожаръ!“ раздавались теперь изъ конца въ конецъ улицы и увеличивали суматоху; ворота скрипѣли, калитки хлопали, испуганныя дѣти плакали; какая-то баба ударилась даже выть голосомъ; всѣ бѣжали къ барскому флигелечку, откуда виднѣе было и пламя, и зарево.

— Ахъ, батюшки! ахъ, отцы мои! ахъ! да вѣдь это Ѳедоръ Иванычъ горитъ! неожиданно прозвучалъ голосъ Анисьи Петровны.

Голосъ Пьяшки, которая сопровождала барыню, не переставалъ отчаянно кричать и звать на помощь, какъ будто горѣли ея собственный подолъ и рубашка.

— И то, матушка, Ѳедоръ Иванычъ горитъ! Онъ, онъ! его усадьба! отозвалось нѣсколько голосовъ изъ толпы, стоявшей у флигелечка.

Въ эту самую минуту на улицѣ явилась Анисья Петровна.

Она въ чемъ спала, въ томъ и прибѣжала — надѣла только башмаки; но ночь была черна и никто не могъ видѣть ея костюма.

— Ахъ вы, мошенники! ахъ вы, разбойники! восклик-

нула она, накидываясь съ поднятыми кулаками на мужиковъ и бабъ, глазѣвшихъ на пожаръ, — что̀ жъ вы здѣсь стоите-то — а? Ахъ вы, окаянные! Я васъ! Скорѣй садись всѣ на лошадей! всѣ туда... Я васъ! Ахъ вы!..

— Тетенька, проговорила взволнованнымъ голосомъ Наташа, явившаяся почти въ то же время, — велите взять ведра, багры, топоры...

— Ведра берите... топоры, разбойники!.. багры, мошенники! подхватила, плескаясь и пѣнясь, помѣщица, преслѣдовавшая мужиковъ и бабъ, которые спѣшили исполнить ея приказаніе.

Достигнувъ средины улицы, она наткнулась на мужика, который зазѣвался. Анисья Петровна замахнулась; оторопѣвшій мужикъ вывернулся, отскочилъ, и Пьяшка, вертѣвшаяся подлѣ, получила полновѣсную оплеуху. Но не время было разбирать праваго и виноватаго; помѣщица, сопровождаемая Наташей (Пьяшка отстала теперь и замолкла), пошла далѣе. У какой-то избы она услышала торопливый говоръ и топотъ выводимыхъ изъ воротъ лошадей.

— Кто это? спросила Анисья Петровна, останавливаясь, чтобъ перевести духъ.

— Я, сударыня, Андрей. Со мной еще Иванъ, столяръ. Ну, Ваня, живо садись на лошадь, подхватилъ Андрей,— ведра взялъ? топоръ взялъ?.. все взялъ?..

— Взялъ, дядя Андрей. Держи лошадь-то, авось поспѣемъ! суетливо проговорилъ Иванъ, гремя ведрами.

— Ахъ вы, отцы мои! ахъ, батюшки! воскликнула Анисья Петровна, поглядывая на зарево и всплескивая могучими своими ладонями,—да что̀ жъ это вы? скоро ли, пострѣлы? внезапно подхватила она, устремляясь къ другимъ избамъ, — я васъ поразомну!.. Вотъ вѣдь Андрей поспѣлъ: стало, и вамъ можно!.. Ахъ ты, мать моя!.. Наташа, посмотри-ка, какъ разгорается-то! Ужъ не подожгли ли — помилуй Богъ?.. Андрей, Андрей! разспроси, отчего загорѣлось... спроси, отчего все это... заголосила она, снова направляясь къ мазанкѣ.

Но Андрей не могъ слышать порученія барыни: онъ скакалъ во весь духъ съ Иваномъ по направленію къ усадьбѣ Карякина.

Не спуская глазъ съ огня, который вспыхивалъ иногда такъ ярко, что освѣщалъ имъ дорогу, они прямо подскакали къ долговязому амбару. Пламя сосредоточивалось

пока во внутренности зданія и пожирало товаръ, въ немъ заключавшійся; оно начинало, однакожъ, сильно бить изъ оконъ и, бѣгая какъ пороховой стопйнъ по конопаткѣ, пробиралось къ кровлѣ. Карякинъ, два работника и Егоръ кричали и суетились безъ толку; послѣдній особенно изъ себя выходилъ: фистула его не переставала выкрикивать ругательства, которыя относились къ работникамъ, таскавшимъ ведра съ водою. Егоръ предоставилъ себѣ распорядительную часть; онъ выхватывалъ ведра изъ рукъ работниковъ, подавалъ воду Карякину или самъ плескалъ ею куда ни попало; изрыгая брань и проклятія на лѣнь и медленность помощниковъ, онъ, очевидно, выставлялъ свою собственную дѣятельность. Ясно можно было заключить изъ словъ и дѣйствій Егора, что если бъ ведра съ водою являлись безостановочно, онъ затушилъ бы пожаръ въ десять минутъ. Поскакавъ къ амбару, Андрей велѣлъ Ивану вести лошадей на дворъ, а самъ перелѣзъ черезъ канаву и побѣжалъ къ Карякину.

— Сейчасъ еще будетъ народъ; Анисья Петровна послала! Эхъ, Ѳедоръ Иванычъ, совсѣмъ не то вы дѣлаете! воду только зря теряете! подхватилъ Андрей, вырывая ведра съ водою у Егора и ставя ихъ на-земь,—тутъ водой ничего не сдѣлаешь: добре ужъ сильно разгорѣлось! надо растащить амбаръ-то. Эй, ребята!.. Егоръ! закричалъ онъ, обращаясь къ горбуну и работникамъ,—живѣй лѣстницу... да веревокъ... лѣстницу!..

Работники побѣжали; Егоръ пустился за ними; но, сдѣлавъ шаговъ двадцать, онъ остановился, крикнулъ, чтобъ несли скорѣе веревки и лѣстницу, и вернулся назадъ. Встрѣтившись съ Иваномъ, который, привязавъ лошадей, направлялся бѣгомъ къ амбару, горбунъ откинулся въ сторону.

— Съ чего жъ это загорѣлось-то? спрашивалъ между тѣмъ Андрей, осматривая зданіе и выискивая удобное мѣсто для постановки лѣстницы, — здѣсь, кажись, никто не живетъ; съ чего жъ такъ?

— Подожгли, возразилъ нетвердымъ голосомъ Карякинъ,—подожгли—это вѣрно; вотъ и собака отравлена.

— Что вы, батюшка? можетъ ли быть?

— Тамъ еще другая собака, никакъ и та отравлена! подхватилъ Иванъ, останавливаясь подлѣ Андрея, — сейчасъ мимо шелъ, лежитъ не ворохнется...

Въ эту минуту явились веревки и лѣстница. Андрей

приставилъ ее къ углу пылавшаго зданія, сунулъ за поясъ веревки и быстро полѣзъ къ кровлѣ.

— Ваня! крикнулъ онъ, — возьми топоръ, полѣзай скорѣй за мною... прежде всего стропилы подрубить надо: легче будетъ бревна растаскивать... А вы (тутъ онъ обратился къ остальнымъ), — какъ только кину веревку, тащите бревно въ какую сторону укажу...

Едва Иванъ очутился подлѣ Андрея, Егоръ подвернулся къ Карякину и началъ ему что-то нашептывать; глаза горбуна не переставали кивать на Ивана, который, между тѣмъ, работалъ за четверыхъ и то заслонялся дымомъ, то освѣщался пламенемъ. Вниманіе Карякина скоро, однакожъ, отвлекли новые мужики, прискакавшіе изъ Панфиловки; по степи кое-гдѣ слышался торопливый топотъ коней и приближавшіеся голоса; набатъ все еще звучалъ въ отдаленіи.

— Ребята! нѣтъ ли лома? прокричалъ Андрей.

Но дѣло обошлось безъ лома; стропила, подгорѣвшія въ однихъ углахъ, въ другомъ мѣстѣ подрубленныя Андреемъ и Иваномъ, рухнули съ ужаснымъ трескомъ во внутренность зданія, увлекая съ собою дрань и доски. Черный дымъ и хлопья пепла повалили отовсюду; усадьба погрузилась въ темноту, которая казалась чернѣе самой ночи; но пламя, подживленное новымъ матеріаломъ и не встрѣчая теперь препятствія, вскорѣ поднялось высокимъ столбомъ надъ амбаромъ и снова ярко озарило усадьбу.

— Нѣтъ, моченьки нѣтъ, больно жарко! крикнулъ Андрей, тщетно старавшійся обвязать веревкой конецъ верхняго бревна, — очень ужъ донимаетъ... ничего не сдѣлаешь!.. Иванъ даже всѣ волосы сжегъ... Надо будетъ ломать съ середины... народу теперь много... Шабашъ, Ваня!..

Съ этими словами Андрей, а за нимъ Иванъ, спустились на-земь. Андрей размѣстилъ полдюжины панфиловскихъ молодцовъ по угламъ зданія и велѣлъ имъ рубить, не жалѣя рукъ; остальныхъ послалъ за водою; самъ онъ и вмѣстѣ съ нимъ Иванъ присоединились къ первымъ и лихо застучали топорами.

— Вотъ что, Ѳедоръ Иванычъ, заговорилъ Андрей, когда нѣсколько пылавшихъ бревенъ сорвано было наземь, — никакъ вѣтеръ подымается... дуетъ отъ насъ къ дому... видите, куда дымъ-то повалилъ?.. Возьмите-ка съ собой двухъ молодцовъ да проведите ихъ на крышу дома.

Захватите только веревки, братцы! какъ станете на крышу, бросьте намъ веревки-то, мы вамъ подадимъ ведра съ водою... Смотри не зѣвать: упадетъ галка, либо огонь швырнетъ, сейчасъ заливай!.. А вы, братцы, чѣмъ глазѣть, полѣзай на другія крыши; даромъ далеко, а все вѣрнѣе, коли народъ будетъ стоять съ водою.

Такое распоряженіе было какъ нельзя основательнѣе; вѣтеръ дѣйствительно подувалъ отъ амбара къ жилому строенію; огненный столбъ, начинавшій уменьшаться, снова закручивался въ воздухѣ и острыми, длинными жилами рвался къ дому; нѣсколько горячихъ головешекъ упали даже на середину двора. Ѳедоръ Ивановичъ, бѣгавшій изъ конца въ конецъ и очевидно не знавшій за что взяться, выбралъ трехъ человѣкъ и направился къ дому. Егоръ сопровождалъ его; горбунъ то и дѣло забѣгалъ впередъ и тушилъ ногами попадавшія головешки даже тогда, когда на нихъ не было огня. Андрей, Иванъ и оставшіеся мужики продолжали растаскивать бревна и поливать ихъ водою.

Минутъ пять спустя послѣ того, какъ исчезъ Карякинъ, онъ снова явился. Онъ бѣжалъ теперь какъ потерянный; языкъ его не ворочался, но взамѣнъ руки и ноги его дрожали; вся фигура его, ярко освѣщенная пламенемъ, выказывала сильнѣйшее замѣшательство. Мужики, которыхъ онъ взялъ съ собою, также вернулись; они бросали испуганные взгляды во всѣ стороны. Егоръ, скрывавшійся за спиною Карякина, не переставалъ дергать его за рукавъ и торопливо что-то нашептывалъ, не обращая вниманія на толчки, которыми отвѣчалъ ему гуртовщикъ.

— Ребята! крикнулъ наконецъ Ѳедоръ Иванычъ, сильно размахивая руками, — ребята, меня обокрали!.. подожгли и обокрали! Бросьте все это, чортъ съ нимъ, пускай горитъ!.. Шкатулку съ деньгами вытащили! присовокупилъ онъ, бѣшено отталкивая локтемъ Егора, который снова началъ ему нашептывать, между тѣмъ какъ глаза его отыскивали кого-то въ толпѣ работающихъ.

При этомъ извѣстіи всѣ присутствующіе оставили дѣло и мигомъ окружили Карякина.

— Обокрали? когда?... Ахъ ты, Господи!... заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Ѳедоръ Иванычъ, можетъ, тебѣ такъ... со страха-то... въ суетѣ почудилось. Кому обокрасть?... Вишь мы всѣ здѣсь налицо... никто въ домѣ не былъ... вымолвилъ Андрей.

— Нѣтъ, въ домъ залѣзли, унесли шкатулку!... кричалъ Карякинъ, выказывая жалкое отчаянье. — Пока мы сюда бросились, они въ домъ вошли... нарочно зажгли, чтобъ отвести насъ... и собакъ отравили... Ребята! подхватилъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ, — что теперь дѣлать? какъ быть?... Много оченно унесли. Пособите, ребята! всѣмъ заплачу; пособите только!

— Намъ денегъ твоихъ не надобно... дѣло такое, можно и такъ сдѣлать! съ живостью перебилъ Андрей; — коли такъ, время терять нечего, Ѳедоръ Иванычъ, садись скорѣй на лошадь и мы всѣ, которые побойчѣе, всѣ сядемъ... Надо въ погоню гнаться. Далеко не ушли; въ степи схорониться некуда... Слава Тебѣ Господи, что рано хватились! Вы, ребята, человѣкъ пятокъ, останьтесь здѣсь съ Иваномъ, амбаръ разбирайте, а вы, молодцы, съ нами...

Сказавъ это, Андрей, а за нимъ шестеро мужиковъ бросились къ лошадямъ; Ѳедоръ Ивановичъ выводилъ уже своего сѣраго жеребца. Минуты черезъ двѣ вся эта кавалерія выѣхала изъ околицы, замыкавшей усадьбу, и полетѣла вразсыпную по степи.

Въ этомъ преслѣдованіи Ѳедоръ Ивановичъ дѣйствовалъ сначала самымъ безразсуднымъ образомъ. Замѣшательство, въ которое ввергала его пропажа денегъ, отняло у него остатокъ разума; онъ скакалъ зря, самъ не зная куда; имъ овладѣлъ теперь какъ-будто какой-то дикій азартъ, какое-то бѣшенство, которое, за неимѣніемъ другой жертвы, вымещалъ онъ на лошади: онъ билъ ее кулакомъ и колотилъ каблуками безъ милосердія. Надо замѣтить, молодой Карякинъ вовсе не былъ такъ щедръ, какъ разсказывалъ Егорка. Если ему случалось иногда бросать деньги, онъ дѣлалъ это изъ хвастовства, изъ тщеславія. Оба эти качества, благодаря молодости лѣтъ, брали пока еще верхъ надъ скаредностью; но въ домашней и частной жизни молодой купчикъ начиналъ сильно напоминать отца, скупого старика, дрожавшаго надъ копейкой. Прокутивъ сотню-другую, Ѳедоръ Ивановичъ возвращался въ усадьбу, и тамъ никто уже не выманилъ бы у него гривенника на водку; какъ бы испугавшись, что такъ много истратилъ денегъ, онъ ѣлъ и пилъ не лучше своихъ батраковъ. То, что говорилъ онъ объ отцѣ, и то, что онъ чувствовалъ къ нему, отличалось почти такимъ же противорѣчіемъ, какъ его кутёжъ. Говоря объ отцѣ, онъ страшно хорохорился и выказывалъ въ отношеніи къ нему непо-

мѣрную смѣлость; на самомъ же дѣлѣ онъ страшно его боялся; трехмѣсячная экономія послѣ суточнаго кутежа позволяла Ѳедору Ивановичу сводить концы съ концами въ отцовскихъ счетахъ; онъ рѣдко ему попадался, но кой-какія продѣлки все-таки дошли до старика, который не разъ грозилъ сыну лишить его наслѣдія и пустить по-міру, если онъ не остепенится. Не было сомнѣнія, что старикъ припишетъ пропажу денегъ безпутству и неусмотрѣнію сына. Уже довольно того, что сгорѣлъ амбаръ и сберегаемыя въ немъ кожи; конечно, все это случилось не виною сына, тѣмъ не менѣе Ѳедоръ Ивановичъ, думая обо всемъ случившемся и безпрестанно обращая мысли свои къ отцу, терялъ голову. Благодаря, можетъ-быть, этому самому страху, внушаемому отцомъ, мысли Карякина пришли, однакожъ, скоро въ порядокъ. Онъ обсудилъ, что скакать безъ толку совершенно безполезно; прежде всего дѣло требовало вниманія и осмотрительности. Онъ пересталъ бить лошадь, поѣхалъ шагомъ, и черезъ каждыя пять минутъ останавливался и прислушивался.

Въ разныхъ концахъ степи слышался топотъ лошадиныхъ копытъ; звуки эти то удалялись, то приближались, къ нимъ примѣшивались иногда человѣческіе голоса. Карякинъ каждый разъ быстро обращалъ глаза въ ту сторону, откуда раздавался голосъ, но дальность разстоянія скрадывала слова; хотя небосклонъ, особенно со стороны востока, замѣтно уже дѣлался свѣтлѣе горизонта, но все не было еще возможности различать предметы далѣе двадцати саженъ. Карякинъ продолжалъ пробираться шагомъ и прислушиваться. Немного погодя, онъ снова услышалъ въ отдаленіи голосъ; голосъ показался ему на этотъ разъ особенно громкимъ; крикъ повторялся теперь безъ умолку. Ѳедоръ Ивановичъ повернулъ лошадь и поѣхалъ рысцою по тому направленію.

Вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что кто-то звалъ на помощь.

— Сюда... сюда... эй... эй! кричалъ голосъ.

При этомъ прежній азартъ мгновенно овладѣлъ Ѳедоромъ Ивановичемъ; онъ припалъ къ шеѣ лошади, гикнулъ и, не переставая дѣйствовать кулаками и каблуками, полетѣлъ туда стрѣлою.

Огненный столбъ въ томъ краю, гдѣ находилась усадьба, видимо между тѣмъ уменьшался; зарево также блѣднѣло въ свѣтлѣющемъ небѣ. Мужичокъ Андрей, изъ Панфиловки, ловко распоряжался въ началѣ пожара; но безъ

него Иванъ также не тормозилъ рукъ; онъ теперь болѣе всѣхъ способствовалъ къ скорому прекращенію опасности; имъ точно такъ же, какъ Карякинымъ, овладѣлъ азартъ; но этотъ азартъ былъ совсѣмъ другого рода: онъ не зажигалъ въ немъ бѣшеной, безтолковой злобы; азартъ Вани исключительно обращался къ пылающимъ бревнамъ; онъ помогъ ему забыть Карякина; Ваня видѣлъ одну только опасность, одну необходимость въ помощи, и лѣзъ въ огонь, такъ что передъ присутствующими поминутно мелькали обгорѣлая голова столяра и его улыбка. Дѣятельность Ивана мѣшала ему также замѣтить Егора, который хотя и не показывался подлѣ амбара, но перебѣгалъ отъ одного угла дома къ другому, покрикивалъ на работниковъ, или, притаившись за собачьей конурой, выглядывалъ оттуда на столяра. Наконецъ, опасность совсѣмъ миновала, послѣднее бревно стащено было на-земь и полито водою. Прійдя немного въ себя, Иванъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ужъ замѣтить Егора, несмотря даже на то, что занимавшаяся заря начинала разсѣвать сумракъ. Егоръ пропалъ и нигдѣ теперь не показывался. Иванъ и остальные мужики сидѣли на обгорѣломъ бревнѣ и бесѣдовали обо всемъ случившемся, когда раздались глухіе, но постепенно продолжавшіеся говоръ и крики.

— Ужъ не поймали ли разбойника? Пойдемъ, братцы! сказалъ одинъ изъ мужиковъ, вскакивая на ноги.

Всѣ послѣдовали его примѣру и торопливо пошли къ дому. Поровнявшись съ нимъ, они увидѣли, какъ горбунъ шмыгнулъ въ околицу и, ковыляя, побѣжалъ по дорогѣ. Дневной свѣтъ быстро распространился надъ степью; тучи, скоплявшіяся наканунѣ, разсѣялись; небо было ясно. Выйдя за околицу, Иванъ и товарищи его увидѣли нѣсколькихъ человѣкъ, которые, сбившись плотною кучкой, приближались по дорогѣ; позади вели лошадей. Впереди всѣхъ выступалъ Андрей и еще мужикъ; они держали за руки какого-то человѣка, который упирался ногами и отчаянно отбивался. Карякинъ поминутно подскакивалъ къ нему, хваталъ его за воротъ рубахи и начиналъ бить, при чемъ тотъ огрызался, какъ звѣрь, и произносилъ страшныя проклятія; подлѣ мужикъ велъ рыженькаго мальчика; шагахъ въ двухъ шелъ другой мужикъ, мазавшій слюною окровавленную руку. Крикъ и гамъ слышались неумѣрные.

Первымъ дѣломъ Егора, какъ только встрѣтился онъ

съ толпою, было броситься на разбойника; но такъ какъ въ эту минуту въ рубаху разбойника снова вцѣпился Карякинъ, то Егоръ подбѣжалъ къ мальчику и, ловко подобравшись къ нему бочкомъ, схватилъ его за волосы.

— Полно вамъ, Ѳедоръ Иванычъ! деньги свои получили, чего вамъ еще? Въ судѣ лучше вашего разсудятъ! говорилъ Андрей, давая знакъ мужику, который держалъ мальчика, чтобъ онъ отогналъ горбуна.

— Въ судѣ, тамъ какъ знаютъ, а я по-своему съ нимъ расправлюсь! вскричалъ Карякинъ, въ которомъ одинъ видъ разбойника пробуждалъ неукротимую ярость. Онъ снова бросился было на него съ поднятыми кулаками, но Андрей остановилъ его:

— Когда такъ, сами ведите его, сказалъ онъ съ досадою, — мнѣ ужъ не подъ-силу съ нимъ бороться; я и такъ измучился.

По мѣрѣ приближенія къ усадьбѣ, разбойникъ началъ выказывать столько сопротивленія, что двумъ человѣкамъ дѣйствительно трудно было тащить его.

— Ваня, подь скорѣй сюда!.. скорѣй! крикнулъ Андрей столяру, который, вмѣстѣ съ другими мужиками, стоялъ шагахъ въ десяти отъ околицы.

Иванъ побѣжалъ навстрѣчу къ Андрею и вдругъ остановился; улыбка пропала на губахъ его, которыя раскрывались отъ удивленья; лицо его вытянулось и поблѣднѣло. Толпа между тѣмъ приблизилась.

— Ваня, что жъ ты?—а?.. спросилъ Андрей, подходя совсѣмъ близко.

Иванъ какъ будто онѣмѣлъ; онъ пялилъ глаза на разбойника, который силился отвернуть голову.

— Филиппъ!.. какъ это ты? крикнулъ Иванъ, отступая съ ужасомъ. Всѣ остановились и обратили глаза на парня.

Не успѣлъ Иванъ произнести этихъ словъ, какъ Егоръ крѣпко обхватилъ его сзади руками.

— Ребята, вяжи его! раздалась въ то же время пронзительная фистула горбуна.—Ѳедоръ Иванычъ! я вамъ сказывалъ, не хотѣли меня слушать! что? — а? А! попался, мошенникъ!.. попался, разбойникъ! Они заодно дѣйствуютъ... заодно... Ѳедоръ Иванычъ!.. сюда!

— Хватай его, ребята! крикнулъ въ свою очередь Карякинъ, бросаясь на столяра съ поднятыми кулаками, но въ самую эту минуту Ивану удалось высвободить руку; Карякинъ отступилъ; Иванъ воспользовался случаемъ и

началъ бить на-отмахъ горбуна, который продолжалъ держать его въ-обхватъ и колотилъ въ спину головою.

Все это произошло такъ быстро, что Андрей едва успѣлъ передать Филиппа въ другія руки.

— Стой, братцы! произнесъ онъ мужикамъ, которые, переминаясь, подходили къ столяру, — я все это дѣло знаю... Погоди, Ѳедоръ Ивановичъ, ты спроси прежде! Ты что̀, собака? прочь! заключилъ Андрей, разнимая руки Егорки и посылая его кубаремъ за пять шаговъ.

— Ты что̀ здѣсь распоряжаешься?.. Какъ ты смѣешь!.. Ахъ, ты!.. вымолвилъ Карякинъ, подходя къ Андрею съ угрожающимъ жестомъ,—вяжи его, ребята! присовокупилъ онъ, указывая на Ивана.

— Никто не тронь! крикнулъ Андрей, становясь передъ Ваней и защищая его обѣими руками. — Самъ ты, Ѳедоръ Иванычъ, много берешь на себя; тебѣ не показано вязать встрѣчнаго и поперечнаго—да! Что ты этого подлеца-горбуна, собаку эту, слушаешь!.. Ты спроси прежде, развѣдай... Нѣтъ, этакъ не приходится, какъ ты дѣлаешь—да!.. Ты, стало-быть, забылъ, что этотъ парень, котораго вязать хочешь не спросимши, обгорѣлъ весь, добро твое спасаючи.

— Мало ли что! видали мы это!.. Онъ, можетъ, дѣлалъ для виду... отвести хотѣлъ отъ себя... знаемъ мы!..

— Не слушайте ихъ, Ѳедоръ Иванычъ, пискнулъ Егоръ, высовываясь впередъ и снова скрываясь, какъ только повернулся къ нему Андрей, — они заодно, всѣ заодно! другъ дружкѣ руку держатъ!..

— Ну, слушай же, Ѳедоръ Иванычъ, подхватилъ Андрей,—я хлопоталъ для тебя, я и разбойника-то поймалъ и деньги тебѣ твои выручилъ... Коли ты помнишь добро, выслушай, что̀ скажу: все это дѣло мнѣ хорошо знакомо; Иванъ мнѣ обо всемъ сказывалъ: онъ и вотъ этотъ (Андрей указалъ на Филиппа), они изъ одной деревни; онъ у нихъ бѣглый, никакъ пятый, пикакъ шестой годъ бѣгаетъ.

Андрей съ помощью столяра, который немного оправился, разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію Филиппа. Разбойникъ между тѣмъ отъ всего отпирался, клялся и божился, что въ первый разъ видитъ Ивана и въ первый разъ слышитъ о Мар̀ьинскомъ, о мужикѣ Тимоѳеѣ и о бабѣ Катеринѣ. Егоръ не переставалъ кричать, что всѣ умышленно путаютъ дѣло, съ цѣлью отвести подозрѣніе другъ отъ дружки, но его никто не слушалъ; присутствую-

щіе были на сторонѣ Андрея и столяра. Самъ Ѳедоръ Иванычъ взялъ въ толкъ, наконецъ, что столяръ не могъ быть соучастникомъ Филиппа.

— А все-таки я его не пущу и свяжу, сказалъ онъ,— надо его въ судъ представить...

— Это ужъ само собою... возразилъ Андрей, — онъ и самъ знаетъ, что суда теперь не минуетъ... такая, знать, доля его. А вязать его не къ чему, онъ и такъ пойдетъ, примолвилъ Андрей, обращаясь къ Ванѣ и начиная его всячески успокоивать.

Первымъ распоряженіемъ Карякина, какъ только всѣ пришли въ усадьбу, было тотчасъ же послать верхового къ становому приставу, который, къ счастью, находился верстахъ въ восьми. Требовалось прежде всего на самомъ мѣстѣ преступленія снять всѣ показанія какъ отъ разбойника, такъ отъ свидѣтелей и лицъ, знавшихъ его прежде. Филиппа и Стёпку, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, посадили врозь, одного въ домъ, другого въ конюшню, подъ присмотромъ мужиковъ, которымъ Карякинъ обѣщалъ щедро заплатить за хлопоты. Во все это время Андрей не покидалъ Ивана; онъ ободрялъ его и обнадеживалъ, говоря, что за Катерину и семью ея также нечего опасаться; по словамъ Андрея, скорѣе слѣдовало радоваться, чѣмъ приходить въ отчаянье, плакать и падать духомъ: по крайней мѣрѣ, семья навсегда освободится теперь отъ разбойника, который отымалъ у нея покой столько лѣтъ. Что жъ касается Маши и ребятишекъ Лапши, которыхъ, безъ сомнѣнья, въ судъ не потребуютъ, Андрей бралъ ихъ на свое попеченье на все время отсутствія родителей.

Переговоривъ такимъ образомъ съ Иваномъ, Андрей, частью дѣйствуя по собственному желанію, частью повинуясь просьбамъ столяра, направился къ Катеринѣ, чтобъ заблаговременно предупредить ее о томъ, что ее ожидало.

Въ полдень пріѣхалъ становой приставъ, и начался допросъ. Истребованы были тотчасъ же Лапша, Дуня и Катерина. Но мы не станемъ описывать допроса станового. Зная всѣхъ лицъ, исчисленныхъ нами выше, зная отношеніе ихъ другъ къ другу, читатель легко пойметъ, что должно было происходить въ этотъ день въ домѣ гуртовщика Карякина. Къ вечеру всѣ показанія были отобраны, нанесены на бумагу и скрѣплены свидѣтелями. Въ ту же

почь, всѣ лица, сопричастныя дѣлу, усажены были на подводы, нанятыя гуртовщикомъ, и отправлены въ уѣздный городъ; туда поѣхали также становой и Карякинъ.

II.

Дружелюбныя объясненія.

Три недѣли прошло послѣ пожара. Часа въ два пополудни, въ ясный сентябрьскій день, въ околицѣ Панфиловки показался сѣрый жеребецъ Карякина, показались бѣговыя дрожки и самъ Ѳедоръ Ивановичъ въ своемъ новомъ казакинѣ. Онъ наканунѣ только вернулся изъ уѣзднаго города, куда ѣздилъ раза четыре во все время, какъ продолжалось слѣдствіе. Въ первую же поѣздку написалъ онъ отцу письмо, въ которомъ подробно объяснилъ обо всемъ случившемся. Ожиданіе отвѣта повергало Ѳедора Ивановича въ сильную тревогу. Вообще, событія этихъ трехъ недѣль: пожаръ, покража денегъ, можетъ быть даже, видъ судей и самый ходъ строгаго судопроизводства, порастрясли, какъ говорится, мозги молодому Карякину. Имъ овладѣло что-то въ родѣ тоски, какое-то недовольство самимъ собою, чего прежде съ нимъ не бывало. Онъ не зналъ, за что̀ взяться и что̀ дѣлать. Проведя такимъ образомъ цѣлый день, Карякинъ рѣшился ѣхать въ Панфиловку. Къ такой рѣшимости содѣйствовала, быть можетъ, привычка; нельзя, впрочемъ, поручиться, чтобъ не было также и другой причины. Волокитство за встрѣчными бабенками и дѣвчонками ровно еще ничего не доказывало въ такомъ человѣкѣ, какъ Карякинъ; безнравственность могла быть плодомъ невоспитанія, дурного примѣра и, наконецъ, привычки; это не мѣшало гуртовщику имѣть далеко не злобное сердце. Хотя Егоръ утверждалъ, что Ѳедору Ивановичу никто не нравился больше Маши, но Егору, какъ извѣстно, нельзя было вѣрить; что до меня касается, я готовъ прозакладывать что̀ угодно, что до сихъ поръ Карякинъ никѣмъ такъ не прельщался, какъ полной, румяной Наташей. Лучшимъ доказательствомъ, какого былъ онъ о ней мнѣнія, могло служить письмо его къ отцу. Онъ говорилъ, между прочимъ, что готовъ хоть сію минуту исполнить давнишнее желаніе старика, готовъ жениться и остепениться. Онъ не называлъ Наташи по имени, но ясно намекалъ на нее, говоря, что находится по сосѣдству такая

дѣвица—и скромница, и нравомъ добрая, и хозяйка большая, и очень даже изъ себя красива. Трехнедѣльная разлука послѣ ежедневнаго почти свиданія, тоска, тяготившая Карякина въ это время, придали Наташѣ еще больше цѣны въ глазахъ и сердцѣ молодого купчика.

Справедливость всего сказаннаго нами подтверждается радостнымъ чувствомъ, которое овладѣло молодымъ человѣкомъ, когда онъ придумалъ средство примириться съ Наташей и снова расположить къ себѣ тетку. Въѣзжая на дворикъ Анисьи Петровны, онъ возблагодарилъ судьбу, которая посылала ему такихъ славныхъ сосѣдей. Вдовствующая засѣдательша сидѣла одна въ комнатѣ, обвѣшанной мѣшечками съ сѣменами и украшенной портретомъ покойнаго. Она сначала сухо и какъ-то принужденно отвѣтила на поклонъ и привѣтствіе гостя.

— Вы меня извините, Анисья Петровна; я, можетъ, помѣшалъ вамъ? произнесъ Карякинъ, не зная еще, съ которой бы стороны подойти ловче, но на всякій случай спѣша задобрить старуху почтительнымъ, любезнымъ обхожденьемъ. — Вы такъ изволили безпокоиться... людей своихъ послали ко мнѣ на помощь... сами заѣзжали два раза... я почелъ своимъ долгомъ благодарить васъ...

— Ты никакъ, батюшка, три раза пріѣзжалъ изъ города-то... можно было давно пріѣхать ко мнѣ... Спесивъ сталъ, отецъ родной, спесь-то одолѣла...

— Помилуйте, Анисья Петровна! это вы совершенно изволите напрасно... Не ѣхалъ я къ вамъ потому... никакимъ, то-есть, манеромъ нельзя было... дѣловъ собралось множество... а главное-съ: вся эта оказія причинила такое разстройство, что я думалъ, вы меня извините за мое, то-есть, невѣжество...

— Садись, мой батюшка... что жъ ты стоишь, какъ скворечница какая... садись...

— Съ моимъ великимъ удовольствіемъ, проговорилъ гость, располагаясь подлѣ старухи,—теперича, подхватилъ онъ,—теперича, благодаря Богу, все это дѣло благополучно окончено; но ужасти, что было такое, Анисья Петровна! Повѣрите ли, до сихъ поръ не могу даже очувствоваться...

— Да скажи же, отецъ мой, какъ же это такъ? Стало-быть, эти поганцы... ну вотъ, что на лугъ-то переселили, стало-быть, они ни въ чемъ этомъ не замѣшаны?.. Мнѣ Андрей сказывалъ, ихъ опять на лугъ отослали... Какъ

же такъ?.. Вѣдь разбойникъ-то приводится имъ братъ родной...

— Точно такъ-съ; только найдено было, они ко всѣмъ дѣламъ его непричастны. Въ тотъ же день, какъ привезли ихъ, посланы были справки въ ихъ деревню; черезъ недѣлю отвѣтъ получили: дѣйствительно, говорятъ, такой-то шестой годъ въ бѣгахъ; всѣ примѣты его показаны, и мальчика также упоминаютъ... обо всѣхъ дѣлахъ его разсказываютъ, все точь-въ-точь, какъ показала Катерина, брата его жена... Ну, а родня его, говорятъ, ни въ чемъ такомъ не была замѣчена... самые, говорятъ, смирные, хорошіе люди... Все это можетъ быть, Анисья Петровна; только ужъ я вамъ доложу: зато братъ этотъ, что поджегъ-то меня, ужъ это, я вамъ скажу, такой плутъ, какого въ мірѣ подобнаго нѣтъ! Я какъ только увидалъ его, сейчасъ, съ первой точки увидѣлъ, какая это продувная бестія!.. Позвольте спросить, какъ находится въ своемъ здоровьѣ Наталья Васильевна? неожиданно присовокупилъ Карякинъ, глаза котораго все чаще и чаще устремлялись на дверь сосѣдней комнаты.

— Что̀ ей дѣлается! Къ осени-то еще никакъ поприпухла...

— Это очень пріятно слышать-съ...

— Наташа! Наташа!.. загнусила Анисья Петровна,— что ты тамъ, мать моя, сидишь какъ макура какая-нибудь!.. Поди сюда!..

Карякинъ всталъ, поправилъ волосы и, расшаркиваясь, пошелъ къ дѣвушкѣ, которая показалась въ дверяхъ.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?.. давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть...

— Да-съ... очень давно, возразила Наташа, не подымая глазъ. Что вамъ, тетенька, угодно?..

— Что̀ ты, мать моя, затворницей-то сидишь? И здѣсь мѣсто есть... Поди посиди съ нами.

Черезъ минуту Наташа снова вошла въ комнату съ платкомъ, который начала обрубать, и расположилась подлѣ тетки.

— Да что это ты сидишь какъ заспанная какая? Встряхнись, мать моя, встряхнись! проговорила старуха, поглядывая своими маленькими, заплывшими глазками на племянницу и украдкою переводя ихъ на Карякина, который старался казаться развязнымъ.

Полныя щеки дѣвушки покрылись румянцемъ; но вмѣ-

сто того, чтобъ встряхнуться, какъ говорила тетка, она еще ниже опустила глаза къ работѣ.

— Да-съ, я вамъ доложу, это ужаснѣйшій плутъ, братъ этого переселенца, вымолвилъ Карякинъ, думая разсказами занять дѣвушку и обратить на себя ея вниманіе.— Представьте себѣ, Анисья Петровна, ужъ на что вѣдь, кажется, на мѣстѣ поймали, даже деньги всѣ за пазухой нашли, всѣ улики налицо—такъ нѣтъ, повѣрите ли, отъ всего отпирается! „Знать, говоритъ, не знаю, вѣдать, говоритъ, не вѣдаю; шелъ, говоритъ, мимо, на меня напали, сунули, говоритъ, деньги за пазуху... все, говоритъ, запапраслину!“ Ну, тутъ, знаете, его маленечко того... прикрутили... Онъ ничего этого не испугался—никакого, то-есть, дѣйствія!.. Отпирается отъ своей деревни, также и отъ родныхъ: „Впервой, говоритъ, вижу, не знаю, говоритъ, что за люди за такіе!“ А самъ, такъ самъ въ глаза имъ и смотритъ!.. Они ему всю подноготную разсказываютъ о его жизни, а онъ свое разсказываетъ: „Такой-то губерніи, говоритъ (совсѣмъ другую губернію показываетъ), двѣнадцати лѣтъ, говоритъ, отданъ былъ въ ученье въ Москву, потомъ пошелъ съ богомолками въ Кіевъ. Въ Кіевѣ, говоритъ, поступилъ въ ученье къ бочару, прожилъ тамъ двадцать лѣтъ; потомъ, говоритъ, случай такой вышелъ, отправился въ Одесту на привольное жительство...“ Вы послушали бы только, какъ все это онъ расписывалъ! даже судья, и тотъ подивился!.. „Ну, говоритъ, жилъ я въ Одестѣ пока не сгрустнулось по родинѣ; отправился тогда, говоритъ, въ Воронежскую губернію... тутъ, говоритъ, дорогой, съ мальчикомъ повстрѣчался... взялъ его, примѣрно, съ собою...“ Вотъ, знаете, судья-то его и спрашиваетъ: „Что жъ это, говоритъ, за городъ такой Одеста?“—„Городъ, говоритъ, какъ всѣ города“.— „Что жъ тамъ, спрашиваетъ, рѣка что ли есть какая?“— „Обыкновенно, говоритъ, города нѣтъ безъ воды“.—„Рѣка, что ли?“ присталъ опять судья.—„Гдѣ намъ, говоритъ, этимъ заниматься! Пробавлялся, говоритъ, рукомесломъ своимъ, добывалъ деньги, жилъ хорошо, а о званіи и паспортѣ меня никто не спрашивалъ...“ А самъ, я вамъ говорю, такъ всѣмъ въ глаза и смотритъ. Хорошее, должно быть, ремесло, какимъ онъ занимался! Это, значитъ, какъ говорится: занимался практическимъ упражненіемъ! примолвилъ Карякинъ съ цѣлью разсмѣшить слушательницъ.

Наташа дѣйствительно улыбнулась. Ободренный этимъ,

а также вниманіемъ Анисьи Петровны и ея восклицаніями, Карякинъ продолжалъ съ большею еще противъ прежняго развязностью:

— Да-съ, скажу вамъ: это человѣчекъ, ужъ можно сказать, что человѣчекъ! Случай только не тотъ былъ, а то бы онъ, пожалуй, на цѣлый годъ завелъ матерію; пожалуй, совсѣмъ бы отбился... да жаль, случай не тотъ былъ-съ! Съ одной стороны, знаете, мальчикъ-то выдавалъ его, потомъ сродственники, а тамъ письмо пришло съ ихнихъ мѣстъ... Ну, видитъ, знаете, кругомъ обступили, ступить некуда, началъ поддаваться... На прошлой недѣлѣ въ концѣ, во всемъ признался: „такъ-и-такъ, говоритъ, мое дѣло!“ И не то, чтобъ, этакъ, совѣстился—нѣтъ, просто разсказываетъ, какъ по писанному... Разсказалъ, какъ бѣжалъ, какъ укралъ у матери мальчика, какъ лошадей воровалъ по округѣ своей деревни, какъ купца ограбилъ; разсказалъ даже такія дѣла, о которыхъ никто не зналъ прежде. У нихъ, видите ли, подлѣ деревни, по сосѣдству, жила какая-то старуха, ворожбой занимались, такъ она, говоритъ, пуще всего его подольщала... Все повѣдалъ, какъ жилъ у нея, какъ они вмѣстѣ воровали, и все такое... Потомъ всѣхъ этихъ своихъ родныхъ призналъ, жену признялъ, мальчика...

— Какую же это, отецъ, жену-то? Это вотъ сумасшедшую-то, что къ намъ шлялась? спросила старуха.

— Точно такъ-съ, та самая! Я совсѣмъ забылъ разсказать вамъ о ней. Вотъ, поглядѣли бы вы Анисья Петровна, что тамъ такое было-съ, какъ въ первый-то разъ привели ее! подхватилъ разсказчикъ, обращаясь теперь къ дѣвушкѣ, которая время отъ времени подымала глаза и вообще выказывала меньше невниманія,—какъ только, знаете, привели ее, какъ только увидѣла, это, она мужа и мальчика, такъ замертво и покатилась—страсти даже было глядѣть! насилу отлили ее водою, два раза кровь кидали... Сейчасъ, знаете, отнесли, это, ее въ больницу... да нѣтъ! третьяго дня, какъ уѣзжалъ изъ города, сказывали мнѣ, горячка такая у нея сдѣлалась, что никакимъ манеромъ пережить невозможно... А ужъ какъ только, какъ, кабы вы только видѣли, какъ ухаживала за ней Катерина, такъ даже, повѣрите ли, всѣхъ въ чувствіе привела... Тотъ, разбойникъ, мужъ-то, стоитъ себѣ какъ словно не его дѣло, совсѣмъ не до него касающееся... а эта Катерина такъ вотъ и заливается... Мы даже всѣ подивились, какъ

простая этакая баба, мужичка, а какое чувствіе показала—право-съ! Надо думать, Анисья Петровна, они дѣйствительно, то-есть вся эта семья, окромѣ разбойника-брата, всѣ дѣйствительно люди хорошіе...

— А мнѣ, батюшка, Богъ съ ними! Богъ съ ними! Богъ съ ними! снисходительно проговорила старуха,— только бы какъ-нибудь отъ нихъ-то ослободиться... насчетъ луга-то. Лугъ-то кудлашкинскій заняли, собаки— вотъ что! Кабы не это, отецъ, мнѣ бы Богъ съ ними!.. Посуди: вѣдь девять лѣтъ лугомъ-то владала! сто рублей въ годъ получала... Совсѣмъ вѣдь разорили, разбойники!..

— Вы на этотъ счетъ не извольте ничего себѣ безпокоиться; я могу сдѣлать вамъ въ уваженіе... уладить какъ-нибудь...

— Охъ, батюшка, по гробъ жизни стану благодарить тебя!.. посуди, отецъ: вѣдь сто рублей!.. сто рублей, батюшка! Какъ же ты сдѣлаешь-то?

— Извольте видѣть: этотъ лугъ для насъ самые, выходитъ, пустяки, бездѣлица, малое дѣло-съ. Мы его у тѣхъ у помѣщиковъ купимъ-съ, Анисья Петровна; я въ той надеждѣ, батюшка согласится—это, можно сказать, безъ всякаго сомнѣнья... А тамъ, Анисья Петровна, по сосѣдству, какъ-нибудь съ вами сдѣлаемся...

Этимъ обѣщаніемъ Карякинъ окончательно примирилъ съ собою старуху; она позвала Пьяшку и велѣла принести свѣженькихъ моченыхъ яблокъ. Карякину оставалось теперь смягчить сердце дѣвушки, оправдаться передъ нею, и снова возвратить ее къ прежнимъ отношеніемъ. Отозвавшись съ большою похвалою о моченыхъ яблокахъ, Ѳедоръ Ивановичъ кашлянулъ, украдкою взглянулъ на Наташу, но, не встрѣтивъ съ этой стороны поощренія, обратился опять къ старухѣ.

— Вотъ я вамъ разсказалъ теперича обо всемъ, что случились, Анисья Петровна, то-есть, каковъ гусь этотъ разбойникъ, и что было въ этомъ городѣ; но знаете ли, ничего бы этого не было: ни пожара, ни покражи денегъ, ни суда, кабы не замѣшался тутъ еще одинъ человѣкъ— право такъ; его въ судъ не водили... я самъ разсудилъ его... Не случись онъ, ничего бы этого у меня не было— право такъ-съ!..

— Ахъ, батюшки!.. воскликнула Анисья Петровна, потряхивая головою, обтянутою знаменитымъ чепцомъ.

Наташа подняла глаза, и на лицѣ ея точно такъ же выразилось удивленье.

— Да-съ, извольте-ка догадаться, кто бы это былъ такой? сказалъ Карякинъ, взглянувъ на тетку и улыбаясь племянницѣ, которая тотчасъ же потупила голову.

— Охъ, отецъ, ужъ не изъ моихъ ли? Не пугай, батюшка, скажи.

— Нѣтъ-съ, не извольте сомнѣваться: не изъ вашихъ! промолвилъ разсказчикъ, радуясь успѣшному обороту рѣчи, которая возбуждала любопытство дѣвушки и заставила ее снова приподнять голову.

— Да кто же, батюшка? Ахъ онъ разбойникъ, окаянный!.. Кто же это?

— А больше никто-съ, какъ Егорка...

— Вы знаете, тетенька, проговорила, краснѣя Наташа,—горбатый такой... хромой...

— Ахъ, батюшка!

— Точно такъ, Наталья Васильевна, онъ самый-съ! подхватилъ Ѳедоръ Ивановичъ, оживляясь,—да-съ, онъ всему этому дѣлу заглавіе, всему, можно сказать причиной... Я давно хотѣлъ его прогнать, потому, какъ онъ есть негодяй, мнѣ держать его не приходится... да знаете, все какъ-то жалѣлъ его—право-съ. А тѣмъ временемъ этотъ случай вышелъ... Пошелъ онъ, знаете, въ кабакъ—человѣкъ былъ пьющій; на него современемъ такая, знаете, линія находила, — напился да и давай хвастать моими деньгами, которыя получилъ я изъ Москвы, тысячи три... Все спьяну-то и разскажи въ кабакѣ: гдѣ лежатъ и все такое, а разбойникъ-то, что поджегъ, тутъ сидѣлъ; ему, знаете, и пришло на мысль... Самъ говорилъ: „кабы не горбунъ этотъ“, говоритъ, „мнѣ бы въ голову не вкинулось; онъ надоумилъ“. Разумѣется, ему никакимъ манеромъ нельзя было знать, гдѣ деньги и какъ въ домъ пройти... Этакой мошенникъ!

— Да какъ же, отецъ, ты его въ судъ-то не представилъ, разбойника? Ахъ, онъ!.. воскликнула Анисья Петровна, начиная плескаться и пѣниться.

— Дѣло такъ обошлось; безъ суда-съ, посмѣиваясь перебилъ Карякинъ,—я самъ съ нимъ расправился: поучилъ его хорошенько, а потомъ выгналъ взашеи-съ... Впрочемъ, я давно къ нему подбирался... Вы представить себѣ не можете, Анисья Петровна, что это былъ за плутъ...

Тутъ Карякинъ остановился и кашлянулъ; съ мину-

ту онъ какъ будто переминался и соображалъ съ мыслями.

— Да-съ, жаль, я поздно узналъ обо всѣхъ его штукахъ, какія онъ со мною дѣлалъ: онъ бы не такъ еще дешево отбоярился! произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ, стараясь принять нахмуренный видъ.—Знаете ли, Анисья Петровна, этотъ мерзавецъ чуть было даже меня съ вами не поссорилъ—ей-Богу... Вотъ Наталья Васильевна такъ даже на меня разсердились... въ послѣдній разъ не хотѣли даже говорить... Всему этому неудовольствію онъ былъ причиной...

— Что жъ это такое, отецъ мой? Наташа! о чемъ это онъ говоритъ? Я, батюшка, ничего не знаю, проговорила старуха, которая до сихъ поръ не могла развѣдать отъ племянницы о причинѣ ея слезъ и о скоромъ отъѣздѣ Карякина.

— Я ничего не знаю, тетенька, о чемъ они говорятъ... прошептала Наташа, вспыхивая какъ піонъ.

— Помилуйте, Наталья Васильевна, припомните, какъ вы на меня разсердились...

— Да ты полно, батюшка, ломаться-то, скажи за что жъ это она съ тобой говорить-то не хотѣла...

— Извольте, Анисья Петровна, готовъ вамъ сдѣлать всю откровенность, произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ, возвращая лицу своему веселый, беззаботный видъ.—Надо вамъ сказать, этотъ Егорка, хоша и горбатъ, а большой былъ волокита, очень, то-есть, любилъ къ дѣвушкамъ подольщаться; только, знаете, всѣ эти свои шашни—потому что, разумѣется, ему часто за нихъ доставалось—все это онъ на меня сваливалъ... Случится, попался—такъ, чтобъ отвертѣться, знаете, сейчасъ и скажетъ: „Мое дѣло сторона, говоритъ, меня, говоритъ, Ѳедоръ Иванычъ послалъ!“ То-есть, я вамъ скажу, такую обо мнѣ молву пустилъ...

— Намъ-то что до этого, батюшка? Ни мнѣ, ни Наташѣ серчать за это не за что... Мы тебѣ не укоръ; вольный казакъ, батюшка, человѣкъ ничѣмъ не обвязанный... Безобразничай, пожалуй... только ужъ извини, ко мнѣ не ходи послѣ этого...

— Ну, вотъ то-то же и есть! поспѣшилъ перебить Ѳедоръ Ивановичъ, слегка краснѣя.—Сами говорите: въ домъ не ходи! Я къ тому и говорю вамъ, Анисья Петровна: кому же пріятна слава, которую онъ про меня пущалъ?.. Какъ узналъ я объ этомъ, повѣрите ли, даже все сердце

во мнѣ закипѣло... Случай вышелъ черезъ дѣвушку, что̀ у вашего Андрея живетъ въ работницахъ... Вы ее знаете: она дочь той самой Катерины...

— Охъ, отцы мои! куда ни ткнись, все они да они, точно бѣльмо на глазу, а ты еще хвалишь!.. Должно-быть, вся семья у нихъ одинъ въ однова, вся семья-то разбойническая... Вотъ, право, наслалъ Господь!..

— Богъ дастъ, скоро избавитесь, Анисья Петровна; мы, какъ этотъ лугъ-то купимъ, ихъ ужъ тогда не будетъ-съ! промолвилъ Ѳедоръ Ивановичъ. — Позвольте я вамъ доскажу, какой случай вышелъ: этотъ бестія горбунъ давай ухаживать за этой дѣвкой, а къ тому времени пришелъ молодой парень изъ ихней деревни, откуда переселенцевъ-то выслали. Ужъ я не знаю, сродни ли онъ имъ, или женихъ, можетъ, даже такъ, изъ зависти одной, возьми онъ вступись за дѣвку, сталъ, вѣрно, стращать горбуна, а тотъ и скажи ему, какъ онъ прежде это дѣлалъ: „я, говоритъ, рази для себя, для Ѳедора Иваныча, говоритъ, онъ посылаетъ!“ Тотъ, знаете, малый-то, ничего не спросимши, не развѣдамши, бросился къ Натальѣ Васильевнѣ и насказалъ имъ про меня Богъ вѣсть что такое... Наталья Васильевна всему этому повѣрили... и разсердились... промолвилъ онъ, дѣлая головою укорительные знаки дѣвушкѣ, которая не могла скрыть своей радости и смотрѣла на него такими глазами, въ которыхъ самый неопытный человѣкъ могъ прочитать прощенье. — Да-съ, Наталья Васильевна всему этому повѣрили, взяли да и разсердились, присовокупилъ Карякинъ, къ которому тотчасъ же возвратилась вся его увѣренность,—потому, разумѣется, нельзя и не разсердиться, Анисья Петровна; вы сами говорите: „коли безобразничать хочешь, такъ въ домъ не ходи“, никакой нѣтъ пріятности въ компаніи такого человѣка... это ужъ само собою-съ...

Но Анисья Петровна была не такъ довѣрчива, какъ племянница: голубиная невинность Карякина казалась ей очень сомнительною. Многія даже продѣлки его по части волокитства были ей извѣстны черезъ Пьяшку, которая не могла держать въ себѣ тайнъ, точно такъ же, какъ горшокъ съ пробитымъ дномъ не можетъ держать воды. Все, что узнавала Пьяшка, узнавалось тотчасъ же всей Панфиловкой, начиная отъ Анисьи Петровны и кончая послѣдней бабенкой; единственный предметъ, до котораго не касалась Пьяшка, былъ семилѣтній оборванный маль-

чикъ, бѣгавшій по двору; но это потому, можетъ-быть, что въ происхожденіи его ничего уже не было таинственнаго: всѣ знали о немъ очень хорошо. Если до сихъ поръ Анисья Петровна въ разговорахъ съ племянницей умалчивала о волокитствѣ Карякина; если она грозила Пьяшкѣ раздавить ее какъ муху, въ случаѣ, когда она проболтается Наташѣ; если она выставляла всегда Карякина съ самой выгодной стороны, то дѣлала это, имѣя въ виду расположить къ нему племянницу и склонить ее выйти за него замужъ. Какъ уже извѣстно, здоровье дѣвушки, ея полнокровіе, служили главнымъ поводомъ такому желанію тетки: „Боюсь, мать моя, кровища-то въ ней взыграется“, повторяла она все чаще и чаще, „не совладаешь тогда, мать моя! Пожалуй еще изъ дому убѣжитъ... осрамитъ совсѣмъ!.. Лучше ужъ съ рукъ долой... замужъ бы... все было бы тогда покойнѣе...“ Сохраняя все ту же безпокойную мысль и радуясь душевно прибытію гуртовщика, она, конечно, не думала обличать его передъ Наташей; но ей хотѣлось, однакожъ, дать ему почувствовать, что ее не такъ легко провести, какъ глупую восемнадцатилѣтнюю дѣвку.

— Ужъ ты, отецъ, полно смирячкомъ-то прикидываться! шутливо проговорила она, — не такіе глаза у тебя. Можетъ, взаправду за той дѣвкой ухаживалъ, а? Можетъ, такъ говоришь только, самъ, чай, засылалъ Егорку-то, а?.. прибавила она, посмѣиваясь, но устремляя сѣрые, пытливые глазки на молодого человѣка.

— Помилуйте, Анисья Петровна, что это вы!.. перебилъ Карякинъ, пожимая плечами и покручивая головой, между тѣмъ, какъ Наташа снова вспыхнула и вся превратилась въ безпокойное ожиданіе. — Вы меня обижаете, Анисья Петровна... потому, я на этотъ счетъ всегда содержалъ себя въ аккуратности... Возьмите теперь въ другую сторону: когда мнѣ заниматься этими пустяками?.. Къ тому же, сдѣлаю вамъ всю откровенность... У меня мысли не къ тому совсѣмъ... Есть, примѣрно, такой... совсѣмъ другой предметъ, о которомъ я думать долженъ-съ... присовокупилъ Карякинъ, бросая томный, многозначительный взглядъ дѣвушкѣ, которая тотчасъ же начала улыбаться.

Но Анисья Петровна не удовольствовалась такимъ оправданіемъ; пожиманье и переминанье молодого человѣка вызывали лукавую улыбку на толстыхъ губахъ ея; заплывшіе, но пытливые глазки не переставали щуриться

на купчика; наконецъ, они съ живостью обратились къ двери.

— Пьяшка, Пьяшка! загнусила вдругъ Анисья Петровна.

Пьяшка, стоявшая за дверьми (любимое мѣстопребываніе Пьяшки, когда въ комнатѣ шелъ о чемъ-нибудь разговоръ), Пьяшка не замедлила явиться.

— Пошла, глупая, позови-ка Андрея ко мнѣ, да скажи, чтобъ сейчасъ шелъ, а то я сама, скажи, пойду за нимъ.

— Это вы зачѣмъ-съ? промолвилъ Карякинъ не безъ внутренняго безпокойства.

— Велю сейчасъ же прогнать ему эту дѣвку, о которой ты говоришь-то, возразила старуха, подозрительность которой быстро, казалось, перешла къ племянницѣ.

Но лицо Карякина ясно говорило, что ему было совершенно все равно, останется ли Маша въ хуторѣ, или вовсе ея не будетъ. Онъ даже оправдалъ намѣреніе помѣщицы: онъ зналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что Андрей вовсе даже не нуждался въ работницѣ и держалъ у себя Машу единственно для того, чтобъ помогать ея семейству. Такъ какъ переселенцы избавлены теперь отъ сумасшедшей Дуни, такъ какъ стало у нихъ однимъ ртомъ меньше, то возвращеніе Маши къ роднымъ не будетъ для нихъ большимъ стѣсненіемъ. Лицо Ѳедора Ивановича оставалось точно такъ же веселымъ и безпечнымъ во все время, когда помѣщица передавала Андрею свою волю; Карякинъ раза два вмѣшался даже въ разговоръ, выставляя Андрею на видъ всю тягость держать безъ надобности работницу, съ чѣмъ, однакожъ, Андрей, повидимому, не соглашался.

По уходѣ мужика, сѣрые, пытливые глазки Анисьи Петровны перемѣнили направленіе; они исключительно обращались теперь къ саду и высматривали воробьевъ и галокъ, которые пугливо вскидывались каждый разъ, какъ Анисья Петровна вскрикивала: „Кишь, пострѣлы!.. кишь, кишь, окаянные!.. Ахъ ты мать моя! кишь, бестіи!..“ Карякинъ пользовался этими случаями, чтобъ томно поглядывать на дѣвушку, прижималъ руку къ груди, шепталъ клятвы — словомъ, выказывалъ знаки страстной любви и привязанности, чему Наташа, не переставшая краснѣть, но мягко смотрѣвшая теперь своими добрыми глазами, охотно вѣрила, и что̀, несомнѣнно, пробуждало въ ней сильную радость.

III.

Однимъ лучше, другимъ хуже.

Послѣ окончанія уборки, Андрей и Прасковья въ самомъ дѣлѣ могли очень хорошо обойтись безъ работницы; правда, они платили ей недорого: платили хлѣбомъ, котораго было достаточно, но все же хлѣбъ этотъ чего-нибудь да стоитъ; при всемъ томъ, какъ Андрею, такъ и женѣ его крѣпко не хотѣлось разстаться съ Машей; но дѣлать нечего: Анисья Петровна приказала — надо было повиноваться.

Для Маши разлука эта была еще тягостнѣе; каждый членъ семейства прощался съ ней съ одною и жалѣлъ о ней одной; ей приходилось жалѣть каждаго изъ нихъ: ей приходилось прощаться съ нѣсколькими человѣками, къ которымъ она привыкла и привязалась. Проводы происходили въ тотъ же вечеръ, какъ Андрей выслушалъ волю помѣщицы. Прощаясь въ мазанкѣ съ дѣтьми и хозяевами, Маша вполнѣ владѣла собою, но, подойдя къ воротамъ, куда вся семья вышла провожать ее, она не въ силахъ была побѣдить тоску и заплакала. Андрей, котораго доброе и честное лицо сохраняло во все время задумчивое выраженіе, поспѣшно отошелъ къ ближайшему навѣсу двора.

— Маша, подь-ка сюда... одна поди: надо переговорить, есть дѣло такое, произнесъ онъ, дѣлая знаки головою.

Маша передала узелокъ свой одному изъ ребятишекъ, отерла слезы и пошла къ навѣсу.

— Вотъ что, Маша, сказалъ Андрей, отводя дѣвушку почти къ заднимъ воротамъ и понижая голосъ, — слышь, ту муку, которую я впередъ далъ твоей матери, ты, слышь, ничего объ этомъ не сомнѣвайся: мы теперь не нуждаемся, хлѣба въ достачу... Вишь, какое сотворилъ Господь рожденье! промолвилъ онъ, кивая на двѣ огромныя скирды ржи, которыя заслоняли ригу. — Такъ и матери скажи, ни въ чемъ этомъ чтобъ она не сомнѣвалась... Да вотъ что, коли случай такой выйдетъ... надобность у васъ встрѣнется... ну, тамъ мучицы ли, крупицы ли потребуется, скажи ей, мнѣ бы только словцо замолвила — мы этимъ, скажи, обижаться не станемъ.

— Благодарствуй, дядюшка Андрей... Господь...

— Ну, что тамъ! Самое это выйдетъ для насъ пустяш-

ное дѣло, перебилъ мужикъ, направляясь съ бывшей своей работницей къ женѣ и дѣтямъ.

Началось опять прощанье. Хотя слова Андрея по-настоящему должны были бы обнадеживать дѣвушку и совершенно успокоить ее касательно стѣсненій ея семейства, но слезы ея продолжали литься и оставляли слѣды на щекахъ бывшихъ ея хозяевъ, съ которыми она цѣловалась. Они готовились уже выйти на улицу, какъ вдругъ Прасковья торопливо вернулась во дворъ; она точно забыла въ мазанкѣ какой-то предметъ, въ которомъ встрѣтилась теперь самая крайняя надобность. Секунду спустя, изъ низенькихъ дверей надворныхъ сѣней показалось лицо ея.

— Маша, Маша! крикнула она съ озабоченнымъ видомъ.

Маша, завладѣвшая узелкомъ своимъ, снова передала его мальчику и пошла къ хозяйкѣ.

— Ты, Маша, смотри, заходи къ намъ, почаще заходи, и матери скажи, чтобъ заходила, вымолвила Прасковья, увлекая дѣвушку въ дальній уголъ, какъ будто все сказанное ею и то, что впереди предстояло, требовало величайшей тайны,—она какъ послѣдній разъ къ намъ приходила, Катерина-то, оченно сокрушалась насчетъ пряжи, подхватила хозяйка Андрея,—такъ скажи ей, касатушка, льномъ, скажи, теперь раздобылись... Пущай придетъ, возьметъ. Ну, вотъ также, коли потребуется дѣнецъ и веретена — у насъ все это есть; скажи, либо сама зайди; либо ее пришли, касатушка... дѣло наше такое сосѣдское, въ чемъ я ей послужу, въ чемъ она мнѣ.

— Спасибо, тетушка Прасковья, вѣкъ, кажись, должны мы тебя помнить, вымолвила Маша, стирая ладонью слезы.

— Такъ-то, родная! Ну, Господь съ тобою! Смотри же, скажи обо всемъ матери-то... Да сама-то, смотри, заходи къ намъ.

Прасковья и ребятишки проводили Машу за околицу; тутъ они простились еще разъ, наказали дѣвушкѣ заглядывать къ нимъ почаще и оставили ее одну на дорогѣ къ степной мазанкѣ.

Вечеръ былъ чудесный, одинъ изъ тѣхъ ясныхъ, блестящихъ вечеровъ, которые являются въ исходѣ осени передъ порою дождей и ненастья. Куда ни обращаешь взоръ, всюду какъ будто встрѣчаешь быстро удаляющійся образъ лѣта, которое, время отъ времени, оборачивается назадъ и бросаетъ прощальную, меланхолически-задумчи-

вую улыбку. Воздухъ, освѣженный холодными утренниками и зорями, освобожденный отъ земныхъ испареній первыми легкими морозцами, получаетъ остроту и звонкость и живительно возбуждаетъ нервы; небо уходитъ какъ будто выше въ глубину и не омрачается ни одной тучкой; поблѣднѣвшее солнце свѣтитъ какъ-то бокомъ, но косвенные, похолодѣвшіе лучи его сообщаютъ всѣмъ предметамъ необыкновенный блескъ и яркость, особенно по вечерамъ, когда лучи дѣлаются еще наклоннѣе; деревья, съ пожелтѣвшими листьями, стоятъ отъ маковки до корня, всѣ золотыя, какъ въ сказкахъ; блѣдно-желтое жнивье принимаетъ янтарный отливъ; поля и степь охватываются пурпуромъ и темною, густою лазурью. Кровли отдаленныхъ избушекъ, черныя, сухія вѣтви дубовъ, опустѣлыя скворечницы и колодезные шесты—четкими линіями обозначаются теперь въ чистомъ небѣ, какъ бы проникнутомъ зеленоватою сквозниною. Яркость красокъ замѣняетъ теперь звуки, замѣняетъ оживленіе и дѣятельность природы. Большая часть птицъ уже улетѣла; по дорогамъ между полями не раздается скрипа телѣгъ, тяжело навьюченныхъ снопами; къ нему не присоединяются ни ржаніе жеребенка, ни голоса и пѣсни возвращающихся жницъ и косарей. Земля какъ будто кончила свое дѣло, отдала посильные дары свои человѣку и отдыхаетъ. Тишина на землѣ и въ небѣ ничѣмъ не нарушается; изрѣдка въ ясной глубинѣ небеснаго свода покажется линія чуть видныхъ, двигающихся къ югу точекъ, журавлиный крикъ разнесется далеко въ звонкомъ воздухѣ, въ отвѣтъ ему изъ ближайшей деревушки раздадутся радостныя дѣтскія восклицанія, и снова оживленная на мигъ окрестность погружается въ сонливое, задумчивое молчаніе. Но Маша оставалась совершенно равнодушною къ чудному вечеру, который обнималъ степь; она ни разу не взглянула на ясное небо, ни разу не обернулась, чтобъ полюбоваться солнечнымъ закатомъ: она охотно промѣняла бы теперь всю прелесть природы на мѣру картофеля, на куль муки, въ которыхъ такъ крѣпко нуждалось ея семейство.

Не спѣшите заключать, о мои читательницы, перелистывающія теперь страницы этой повѣсти вашими нѣжными пальчиками, не спѣшите заключать, что молоденькой мужичкѣ во всякомъ случаѣ свойственнѣе думать о мукѣ и картофелѣ, чѣмъ устремлять мысли къ предметамъ болѣе возвышеннымъ, къ такимъ предметамъ, которые

васъ только однѣхъ занимать могутъ! Я не сомнѣваюсь въ поэтическихъ свойствахъ вашей души и вашего воображенія; но не сомнѣваюсь также и въ томъ, что поэзія эта не столько составляетъ принадлежность исключительно одаренной природы, сколько, попросту, находится въ зависимости отъ обстоятельствъ, или счастливой обстановки жизни. Если вы восхищаетесь солнечнымъ закатомъ, если устремляете къ небу прекрасные глаза и такъ мило произносите: Oh, que c'est beau! повѣрьте, это доказываетъ только, что вамъ нечего думать о недостаткѣ муки и картофеля: ваши близкіе, или ваши дѣти здоровы и сыты, сердце ваше спокойно или радостно бьется, вамъ очень пріятно гулять по полю послѣ чая, или очень удобно сидѣть на балконѣ въ ожиданіи чая съ отличнымъ бѣлымъ хлѣбомъ и привлекательными картинками — право такъ! Не спѣшите, слѣдовательно, дѣлать заключенія о грубыхъ душевныхъ свойствахъ такого-то человѣка или сословія; справьтесь прежде объ обстоятельствахъ человѣка или сословія: тогда ужъ и заключайте...

Маша не могла принести домой даже слова утѣшенія; она судила о матери по себѣ: готовность Андрея и жены его подсоблять ея семейству, конечно, могла обнадежить Катерину; но вмѣстѣ съ тѣмъ готовность эта не открывала ли бѣдной женщинѣ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, велики были ея нужды, какъ сильно застигли ее тяжкія обстоятельства! Нельзя поручиться, чтобъ мысли молоденькой дѣвушки исключительно принадлежали ея семейству: онѣ уносились, и даже очень часто, въ сторону, совершенно противоположную той, гдѣ находилась мазанка. Она напрягала воображеніе, стараясь представить себѣ уѣздный городъ; дѣло было довольно трудное, потому что она не бывала въ городѣ. Городъ самъ по себѣ нисколько не занималъ ее, но она мысленно бродила по улицамъ, заглядывала по дворамъ и въ домы, останавливалась передъ окнами. Сколько ни работало, однакожъ, воображеніе Маши, мысленный взоръ ея все-таки не отыскивалъ знакомаго лица, нигдѣ не встрѣчалъ широкой улыбки столяра Ивана. Онъ точно въ воду канулъ; Маша знала, что ему возвратили свободу послѣ перваго допроса. Онъ согласился даже вернуться изъ уѣзднаго города вмѣстѣ съ Лапшою и Катериной, но послѣдніе передъ отправленіемъ своимъ не нашли Ивана: онъ вдругъ пропалъ. Нужно было имѣть каменное сердце, чтобъ не трево-

житься. Сердце же Маши отличалось мягкостью, и притомъ Иванъ былъ такой добрый парень, такой давнишній знакомый (они игрывали еще ребятишками на улицѣ Марьинскаго), что неизвѣстность о немъ, весьма естественно, увеличивала грусть дѣвушки.

Она шла очень скоро; почти незамѣтно миновала она пространство, отдѣлявшее хуторъ отъ мазанки. Подлѣ дома, который отъ макушки до основанія освѣщался заходящимъ солнцемъ, никого не было; гдѣ-то, въ отдаленіи, слышались возгласы трехъ мальчугановъ и лай Волчка; безъ этихъ криковъ и лая можно было думать, что версты на четыре кругомъ не было живого существа—такъ тихо было въ степи и въ мазанкѣ. Маша оставила у порога узелокъ и вошла въ домъ. Первый предметъ, попавшійся ей на глаза, былъ отецъ; онъ лежалъ въ углу на лавкѣ; лучъ солнца врывался въ окна мазанки и, падая на печь, разливалъ такой свѣтъ въ уголъ, гдѣ лежалъ Лапша, что легко было разсмотрѣть лицо его. Оно сильно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы его не видѣли: даже Маша, бывшая дома дней пять назадъ, нашла въ отцѣ перемѣну. Всѣ черты его усиленно тянулись теперь книзу; выступающіе углы щекъ, лба и подбородка заострились; на рукахъ оставалась только кожа; густыя брови безсильно свѣшивались надъ глазными впадинами, которыя казались совершенно черными, и еще рѣзче выступала между ними бѣловатая, тонко заостренная переносица. Лапша не охалъ теперь, не стоналъ и не жаловался; быть-можетъ, онъ сознавалъ даже всю безполезность возбуждать къ себѣ состраданіе; состраданіе невольнымъ образомъ вырывалось у каждаго, кто видѣлъ Лапшу; успѣхи его болѣзни, его безсиліе и изнеможеніе были слишкомъ очевидны. Извѣстіе обо всемъ случившемся въ усадьбѣ Карякина, поимка Филиппа не такъ еще дѣйствовали на Лапшу, какъ то, что его самого потребовали къ допросу; все это вмѣстѣ такъ потрясло его, такъ напугало, что Катерина не чаяла уже привести его живого домой. Съ тѣхъ поръ Лапша пересталъ охать и не вставалъ съ лавки. Онъ не повернулъ даже головы при входѣ дочери.

Увидя Машу, Катерина, сидѣвшая неподалеку отъ мужа и кормившая послѣдняго своего ребенка, раскрыла удивленные глаза. Она съ перваго взгляда поняла, что съ дочерью случилось что-нибудь особенное, иначе ей не зачѣмъ было являться домой въ рабочій день и въ

такую пору. Не давъ Машѣ выговорить слова, она кивнула головою на отца и выразительно указала глазами на дверь. Узелокъ, оставленный на порогѣ, убѣдилъ Катерину, что догадки не обманули ее. Лицо Катерины во все время, какъ слушала она объясненіе дочери, сохраняло выраженіе грустнаго раздумья и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то спокойствія и покорности. Она не произносила слова негодованія или жалобы противъ судьбы, которая въ этотъ послѣдній годъ посылала ей, одинъ за другимъ, такіе жестокіе удары; еще менѣе думала она упрекать дочь. Если бъ удаленіе изъ Панфиловки произошло даже по винѣ Маши, и тогда, кажется, Катерина выслушала бы ее снисходительно. Послѣ несправедливыхъ подозрѣній и побоевъ — словомъ, послѣ сцены съ дочерью въ ригѣ Андрея, Катерина обращалась съ ней ласковѣе, чѣмъ когда-нибудь: ей какъ будто хотѣлось загладить жестокое обращеніе съ дочерью; это стараніе не ускользало отъ вниманія дѣвушки, но было совершенно излишне: дочь давнымъ-давно забыла материнскіе побои, несправедливыя проклятія и подозрѣнія. Вообще говоря, послѣднія происшествія съ Филиппомъ, болѣзнь мужа, мысль о Петѣ и сцѣпленіе тяжкихъ обстоятельствъ замѣтно надломили энергію, которою до сихъ поръ отличалась Катерина. Она казалась постарѣвшею десятью годами.

— Вотъ до чего дожили! вымолвила она, когда дочь передала ей слова Андрея и Прасковьи.—Кабы не люди добрые, не знать бы намъ, что̀ и дѣлать...

Она не договорила. Подпершись ладонью голову, она съ минуту глядѣла на стѣнь, потомъ провела пальцами по глазамъ и сказала, перемѣнивъ вдругъ голосъ:

— Не слыхала ли чего-нибудь о нашей Дунѣ?.. Можетъ, кто изъ города приходилъ, сказывалъ...

— Нѣтъ, матушка, никто не былъ, возразила Маша, прикладывая ладонь ко лбу и поворачиваясь къ хутору. Съ нѣкоторыхъ поръ, въ той сторонѣ немолчно раздавалась пѣсня.

— Ну, и о Ванѣ также ничего не сказывали? никакихъ нѣтъ слуховъ? спросила мать.

— Нѣтъ, матушка, проговорила Маша, не обращая теперь вниманія на пѣсню, которая между тѣмъ становилась звонче и замѣтно приближалась.

— Ужъ Богъ знаетъ, какъ и думать! продолжала Катерина,—хоть бы слухъ о себѣ подалъ... Все думается:

не случился ли грѣхъ какой, право; потому за нимъ нѣтъ этого, чтобъ онъ худыми дѣлами занимался: ни пьяница онъ, ни аладырный какой человѣкъ... Кабы работа напàлась, либо нанялся гдѣ, все бы пришелъ къ намъ, въ городъ-то, все бы сказался... А то нѣтъ: ждали, ждали— нейдетъ да и полно... Право, даже сумлѣнье беретъ...

Голосъ, напѣвавшій пѣсню, заливался все ближе и ближе. На этотъ разъ и мать, и дочь обратились къ хутору; обѣ рѣшили, что кто-то направился въ ихъ сторону; но сколько ни щурились онѣ, сколько ни старались разсмотрѣть впереди себя, лучи солнца, которое прямехонько спускалось передъ глазами, мѣшали имъ удовлетворить любопытству. Нѣсколько минутъ спустя, пѣсня вдругъ замолкла, но, вмѣсто нея, Катерина и Маша явственно услышали, какъ тотъ же голосъ назвалъ ихъ по имени. При этомъ обѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Грустное лицо Катерины какъ будто даже оживилось; щеки Маши вспыхнули: онѣ узнали голосъ. Вскорѣ всѣ сомнѣнья Маши и Катерины касательно столяра исчезли какъ дымъ: онъ стоялъ передъ ними.

Въ первую минуту Ваня не могъ слова выговорить; онъ едва переводилъ духъ отъ усталости. Ноги его, покрытыя пылью выше колѣнъ, свидѣтельствовали о дальнемъ пути и притомъ очень спѣшной ходьбѣ. Несмотря на свѣжесть воздуха, потъ струился по лицу его; волосы въ безпорядкѣ разсыпàлись изъ-подъ ветхаго картуза. Но безпорядокъ въ одеждѣ и суетливость въ чертахъ и движеньяхъ ни въ какомъ случаѣ не выражали теперь внутренней тревоги; совсѣмъ напротивъ, круглое лицо Ивана сіяло выраженьемъ самаго полнаго счастья и довольства; глаза его радостно блистали, улыбка расходилась въ обѣ стороны, дальше даже обыкновеннаго.

— Здравствуй, тетушка Катерина! здравствуй, Маша!.. Охъ!.. ухъ!.. какъ запыхался!.. все бѣжалъ!.. воскликнулъ онъ, бросаясь то къ одной, то къ другой.—Сейчасъ на хуторѣ былъ, подхватилъ онъ, дѣлая пояснительные жесты и самъ посмѣиваясь надъ усиліями, какія долженъ былъ дѣлать, чтобъ продолжать разговоръ,—пришелъ къ Андрею: онъ все разсказалъ о Машѣ... барыня велѣла... ничего! Все хорошо, тетушка Катерина, очень хорошо!.. Сейчасъ изъ города... Сорокъ оконныхъ рамъ... три сдѣлалъ; шесть цѣлковыхъ!.. по два за раму!.. Слава Богу... Ухъ! дайте духъ перевести...

Изъ всего этого Катерина и Маша поняли только, что онъ сейчасъ пришелъ изъ города и былъ въ Панфиловкѣ, гдѣ Андрей сообщилъ ему объ удаленіи Маши. Рамы, шесть цѣлковыхъ и болѣе всего радость Ивана, причину которой никакъ не могли онѣ истолковать себѣ, сбивали ихъ съ толку.

— Хотѣлось васъ провѣдать... порадовать хотѣлъ. Слышь: сорокъ рамъ!.. За три ужъ деньги получилъ, шесть цѣлковыхъ! Ничего, тетушка Катерина, что она дома жить станетъ, это все ничего, ты объ этомъ не думай: авось, Богъ дастъ, теперь всѣ поправимся...

— Да что жъ такое? я все въ толкъ не возьму, чему радуешься-то? спросила Катерина.

— Погоди... сейчасъ... Ухъ! смерть упыхался... все въ бѣжки да въ бѣжки, отъ самаго, почитай, отъ хутора.

Катерина подвела его къ колодцу, заставила сѣсть и сама сѣла. Маша остановилась передъ ними, закрывъ ладонью глаза отъ солнца, которое освѣщало повеселѣвшее лицо ея.

— Что жъ ты до сихъ поръ въ городѣ-то дѣлалъ? Хотѣлъ съ нами идти оттуда, до самаго вечера ждали; куда жъ ты дѣлся-то?.. Ничего я не разберу, что говоришь-то, сказала Катерина.

— А вотъ вишь ты, началъ Иванъ, выказывая веселость, которая замѣтно переходила также къ Машѣ (даже на губахъ Катерины время отъ времени появлялась улыбка),—вышло дѣло такое, никакимъ манеромъ нельзя было упредить васъ... Какъ вышелъ изъ суда-то, какъ спрашивать-то меня кончили... знамо, очень ужъ обрадовался, вонъ скорѣй... а тутъ у самыхъ дверей городничій стоитъ.

— Ты, говоритъ, братецъ, столяръ?—онъ еще прежде въ судѣ меня видѣлъ, такой ласковый... Какъ сказалъ я ему: „столяръ, говорю, сударь“—велѣлъ за собою идти. Пришли къ нему въ домъ; сталъ опять водить меня по всѣмъ комнатамъ... У него, значитъ, рамы худо запирались, такъ которую починить велѣлъ...

— Ужъ неужели тебѣ оторваться-то нельзя было?.. На минуту отпросился бы, все бы тогда знали о тебѣ, сумнѣваться не стали бы...

— То-то и есть, никакимъ манеромъ нельзя, тетушка Катерина, съ живостью перебилъ Иванъ. — Ты погоди только, все разскажу. Ну, вотъ, тѣмъ временемъ, какъ я

у городничаго-то, наѣзжаетъ къ нему помѣщикъ... Ты слушай только... Вотъ какъ увидѣлъ онъ меня,—а я тутъ же въ комнатѣ стоялъ, задвижку въ раму врѣзывалъ,—а онъ, слышь, затѣмъ и пріѣхалъ: оченно столяръ требовался... То-то поглядѣла бы ты, что̀ было-то! Помѣщикъ себѣ желаетъ, городничій себѣ — чудные право такіе!.. Спорили, спорили, помѣщикъ городничаго-то одолѣлъ, меня выпросилъ... Я и давай тогда проситься. „Такъ и такъ, говорю, ваше высокоблагородіе: у меня здѣсь сродственники, надо сказаться, дожидать станутъ, посулилъ вмѣстѣ въ деревню идти...“ Ничего этого не слушаетъ, я ему свое, онъ свое. „Ладно, говоритъ, уйдешь, гдѣ тебя искать!..“ Сейчасъ же велѣлъ сѣсть къ себѣ на козлы и повезъ въ деревню — торопыга такой! а, впрочемъ, во всемъ остальномъ ласковый; сулитъ: „работы, говоритъ, пропасть; я, говоритъ, тебя не обижу, будешь доволенъ!“ Ну, и точно: сейчасъ, это, какъ пріѣхали въ деревню, велѣлъ накормить меня, потомъ велѣлъ одну раму сдѣлать; какъ сдѣлалъ, онъ всѣ рамы со всего дома — а домъ у него новенькій, только что выстроенъ—всѣ рамы мнѣ отдалъ: сорокъ рамъ! По два цѣлковыхъ за штуку подрядился! Окромѣ того, другая еще работа будетъ, насчетъ, то-есть, мебели... Нанялся я у него до самой до зимы, тетушка Катерина!..

— Ну, слава Богу, Иванушка! слава Богу!

— Слава Богу! И я тоже говорю: слава Богу, тетушка Катерина! перебилъ Иванъ, которому очень трудно было усидѣть на мѣстѣ: радость такъ и подмывала его.—Сначатія-то, какъ сталъ я у него проситься къ вамъ сходить, осерчалъ маненько, а потомъ обошлось; деньги за три рамы, которыя сдѣлалъ, шесть цѣлковыхъ, отдалъ; велѣлъ приходить черезъ три дня. Я потому больше, васъ добрѣ хотѣлось провѣдать... Вотъ, тетушка Катерина, всѣ эти дѣла, которыя у васъ теперича, все это ничего... Надо на Ѣяться, справимся какъ-нибудь... Слышь: сорокъ рамъ! восемьдесятъ цѣлковыхъ! да тамъ другой еще работы наберется...

— Дай тебѣ Богъ... хорошо все это... промолвила Катерина.—Ну, а идучи городомъ-то, не заходилъ ли къ Дунѣ? Что она, сердечная?..

— Какъ же, тетушка, заходилъ! Меня къ ней не допустили; сказывали только: оченно плоха... а жива еще, жива!.. А насчетъ, то-есть, Филиппа, также сказывали:

въ Москву отправили, и мальчика отправили, тамъ судить будутъ... Ну, а у васъ какъ? все ли благополучно? Что дядя Тимоѳей? все нездоровится? Андрей сказывалъ: очень вишь разнемогся...

— Даже не встаетъ съ лавки... признать трудно, сказала Маша.

— Очень, очень плохъ, Ваня, примолвила Катерина,— сдается мнѣ, врядъ встать; совсѣмъ ужъ къ тому дѣло идетъ... право...

— Полно, тетушка Катерина, Богъ милостивъ! Будешь все такъ-то думать, хуже встоскуешься! Ты объ этомъ не думай, право; а пуще всего не думай объ этихъ обо всѣхъ дѣлахъ своихъ; теперь, авось, справимся.

— Ты, Иванушка, поужинай съ нами, перебила Катерина, приподымаясь съ мѣста и поглядывая на корову, возвращавшуюся домой сама собой,—угощать тебя не станемъ: пѣчѣмъ, касатикъ!.. Хлѣбецъ одинъ да молочка похлебаешь съ моими ребятишками...

— Вотъ! рази я гость у васъ? Я вѣдь все это знаю, тетушка Катерина; ты, право, напрасно говоришь все такое, ей-Богу! произнесъ Иванъ, поглядывая на мать и на дочь и выказывая на лицѣ своемъ въ одно и то же время и робость, и какую-то неловкость.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но Катерина опять его не дослушала; она обратилась къ дочери и велѣла ей сходить за ребятишками, голоса которыхъ продолжали раздаваться въ отдаленіи. Маша, совсѣмъ уже развеселѣвшая, тотчасъ же отправилась. Катерина, между тѣмъ, подогнала корову къ колодцу и ушла въ мазанку.

Первымъ дѣломъ Ивана, когда онъ остался одинъ, было отряхнуть пыль, покрывавшую его ноги; потомъ, снявъ картузъ и пригладивъ волоса, онъ охорашивался съ такимъ видомъ, какъ будто передъ нимъ находилось огромное зеркало, въ которомъ онъ могъ осматривать себя съ головы до ногъ. Приведя такимъ образомъ въ порядокъ свою одежду и наружность, онъ вытащилъ изъ-за пазухи платокъ, развязалъ зубами крѣпко затянутый узелокъ и вынулъ, счетомъ, шесть цѣлковыхъ. Но деньги эти мгновенно исчезли съ его ладони, какъ только Катерина показалась на порогѣ мазанки съ горшкомъ въ рукахъ. Неловкость, начинавшая примѣшиваться къ радости молодого парня, еще замѣтнѣе овладѣла имъ, когда онъ подошелъ къ Катеринѣ: онъ, очевидно, затруднялся теперь

не только въ томъ, какъ повести рѣчь, но даже какъ бы удобнѣе подойти къ бабѣ: зайдетъ за ея спину — солнце бьетъ по глазамъ; повернется спиною къ солнцу—прямёхонько подвертывается на глаза Катерина, а ему не хотѣлось, чтобъ она замѣтила его неловкость; наконецъ онъ прислонился къ двери, такъ что Катерина, присѣвшая доить корову, могла видѣть одну половину его улыбки, другая же половина улыбалась степи и заходившему солнцу.

— Вотъ... я хотѣлъ попросить тебя, тетушка Катерина, началъ Иванъ, крѣпко сжимая деньги ладонью,—слышь, которыя я деньги получилъ, шесть цѣлковыхъ, побереги ихъ, пожалуйста; мнѣ они ненадобны, право-слово... теперича время такое... потому что у меня все есть... примѣрно... У того барина ни въ чемъ, значитъ, не нуждаюсь; возьми это, пожалуйста... схорони...

— Что жъ, пожалуй. Вотъ это хорошо, что бережешь деньги-то; завсегда отдавай мнѣ: у меня, не бойсь, не пропадутъ.

— Знаю, тетушка, знаю, а пропадутъ, ну такъ что жъ? все это, значитъ, ничего... У меня скорѣй унесутъ... Ну, тамъ, коли тебѣ что́ потребуется... ты, тетушка Катерина, возьми да купи... это, значитъ, все единственно.

— Ну, нѣтъ, Иванушка, это не годится: деньги твои, подъ сохраненіе далъ, я беречь должна... Нѣтъ, ты это напрасно...

— Нѣтъ, *ты* напрасно, тетушка Катерина... напрасно говоришь такъ... Что́ за важность, коли ты истратишь— все это на дѣло пойдетъ... право, на дѣло самое настоящее... Къ тому, рази я вамъ чужой? Можетъ, еще... гм!.. коли Господь создастъ... гм!.. то-есть...

Тутъ Иванъ остановился и съ минуту вертѣлъ цѣлковыми.

— Мнѣ это ничего... право слово, ничего, тетушка Катерина, началъ онъ, производя такія улыбки, какихъ вѣрно еще никто не видывалъ, — я, вѣдь, настоящее говорю: вѣдь иные-то родные хуже чужихъ; значитъ, кому какіе нападутся... Вотъ хошь бы вы теперича: неужли жъ я скотъ какой? Я вѣкъ долженъ ваши добродѣтели помнить, потому съ самаго измалѣтства...

Говоря все это, Иванъ не переставалъ вертѣть и перевертывать свои цѣлковые; рѣчь его до того стала путаться и голосъ такъ измѣнился, что Катерина подняла голову.

— Это ты, тетушка, сколько дала за корову-то? Хороша оченно! Ужъ такая-то животина, лучше быть нельзя! вымолвилъ неожиданно Ваня, разглядывая животное.

Катерина невольно усмѣхнулась.

— Развѣ ты впервой ее видишь? сказала она, принимаясь снова за свое дѣло.—Что это тебѣ вздумалось? она у насъ вотъ ужъ никакъ пятый мѣсяцъ.

— Нѣтъ, я такъ, тетушка Катерина, потому больше спросилъ, что въ городѣ, какъ шелъ къ вамъ, такую вотъ точно корову видѣлъ... точь-въ-точь... оченно ужъ дешево отдавали. Только мнѣ не зачѣмъ! Я такъ говорю, къ случаю; потому, когда человѣкъ семейный, ну, ему тогда все это требуется. Безъ коровы, знамо, никакъ нельзя; а мнѣ зачѣмъ она? Другое дѣло, кабы... гм!.. то-есть... гм!.. Можетъ, Господь благословитъ... тогда я все это... Я такъ къ примѣру...

Иванъ снова сбился съ толку; чтобъ поправиться, онъ поспѣшилъ провести ладонью по лицу, на которомъ снова выступили капли пота; но это не помогло; онъ началъ кашлять, прищуривалъ глаза, раскрывалъ ихъ, опять кашлялъ, и опять-таки ничего изъ этого не вышло. Едва только языкъ его произносилъ первое слово изъ разговора, который такъ хорошо обдумалъ онъ дорогой, едва приходила ему мысль объ этомъ разговорѣ, его кидало тотчасъ же въ потъ, онъ путался и сбивался съ толку. Наконецъ онъ рѣшился отложить до завтра объясненіе съ тетушкой Катериной. Вмѣстѣ съ этой рѣшимостью почувствовалъ онъ вдругъ необыкновенное облегченіе: точно гиря свалилась съ плечъ; онъ заговорилъ съ прежней развязностью и непринужденіемъ; но бесѣда не могла долго продолжаться: голоса Маши и трехъ мальчугановъ, возвращавшихся домой, раздавались уже шагахъ во ста отъ мазанки. Иванъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу — и, по прошествіи десяти минутъ, всѣ стояли подлѣ колодца, не выключая Волчка, который, желая, вѣроятно, выразить Ивану свою радость, подпрыгивалъ ему чуть не къ самому носу.

— Полно вамъ, полно! экіе шалага́ны, прости Господи! вымолвила Катерина, слегка похлопывая ребятишекъ, которые облѣпили плечи и спину Ивана, — прочь пошли! Маша, хошь бы ты заступилась... Шутка, вѣдь сорокъ верстъ ноньче прошелъ... Прочь пошли, баловники!

— Ничего, тетушка Катерина, это мнѣ пичего, право

слово; значитъ, мнѣ обрадовались, твердилъ Иванъ, сильно, однакожъ, покрякивая подъ бременемъ трехъ озорниковъ, изъ которыхъ ужъ одинъ, пучеглазый Костюшка, вѣсилъ безъ малаго полтора пуда.

— Эхъ ты, добрая душа! добрая душа! сказала Катерина, между тѣмъ, какъ Маша, забывъ всѣ свои горести, смѣялась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ.—Ну, однако, время, ребятушки, время; пойдемте-ка ужинать, я, чай, и отецъ насъ дожидаетъ; мы совсѣмъ забыли его... Пойдемте ужинать, заключила она, подымая горшокъ съ молокомъ и направляясь къ двери мазанки.

Всѣ послѣдовали за нею. Солнце только-что скрылось за горизонтомъ; снопы золотыхъ лучей все шире и шире разбѣгались по чистому, слегка зарумяненному небу; все обѣщало назавтра ясный, хорошій день.

IV.

Петя отыскался.

Мы попросимъ теперь читателя переселиться въ огромное, великолѣпное село Сосновку. Переселеніе не можетъ быть сопряжено съ большими трудностями: село пользуется извѣстностью не только въ своемъ уѣздѣ, но даже въ бо́льшей части того края. Стоитъ придти въ любой городъ губерніи и спросить: какъ пройти въ Сосновку?— вамъ тотчасъ же со всѣми подробностями разскажутъ дорогу. Такая извѣстность основывается на многихъ причинахъ: въ Сосновкѣ ежегодно происходитъ четыре ярмарки; по воскреснымъ днямъ и праздникамъ здѣсь бываютъ значительные базары; сюда стекаются за пятьдесятъ, за семьдесятъ верстъ, для покупки рабочихъ лошадей, для найма батраковъ, которые приходятъ изъ окрестныхъ деревень. Но собственно торговлей занимаются весьма немногіе; бо́льшая часть народонаселенія (около двухъ тысячъ душъ) съ поконъ-вѣку занимается плотничнымъ ремесломъ; они собираются артелями, подъ предводительствомъ своего же сосновскаго подрядчика, и обходятъ почти всю Россіи: бываютъ на Дону, въ Астрахани, по берегамъ Волги, заходятъ иногда даже въ отдаленную часть Сибири. Промышленность края рождается всегда изъ мѣстныхъ условій. Сосновскія земли плохи; ихъ даже мало, относительно народонаселенія; богатство села и вообще той части губерніи составляютъ лѣса;

иногда верстъ тридцать, сорокъ, приходится ѣхать лѣсомъ, ничего не встрѣчая, кромѣ исполинскихъ елей, ничего не обоняя, кромѣ запаха смолы и дыма, который медленно тянется между стволами, когда въ сторонѣ гдѣ-нибудь гонятъ деготь.

Издали Сосновка представляется богато-заселеннымъ островомъ, кинутымъ посреди темно-синяго моря лѣса, которое, подобно настоящему морю, сливается съ горизонтомъ и точно такъ же шумитъ, даже въ тихую погоду. Большая почтовая дорога, пролегающая черезъ село, и Ока, омывающая одинъ бокъ его, значительно оживляютъ промышленность. Въ половодье вся поверхность рѣки покрывается плотами, которые гонятъ отсюда въ Москву: круглый годъ на берегахъ строятся расшивы, катаются бревна, пилится лѣсъ, громоздятся горы досокъ и правильными рядами лѣпятся по берегу длинныя-длинныя весла, служащія рулемъ, правйломъ на баркахъ. Въ Сосновкѣ три каменныя церкви и дюжина каменныхъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ. Въ церквахъ вы найдете нѣсколько большихъ ризъ и паникадилъ изъ чистаго серебра; въ одной церкви иконостасъ стоилъ девять тысячъ—все это усердныя приношенія зажиточныхъ сосновскихъ крестьянъ. Выѣзжая на улицу (ихъ всего пять: главная, по которой идетъ почтовая дорога и которая ведетъ къ мосту черезъ Оку, занимаетъ середину села), вы чувствуете какую-то необыкновенную легкость и радость на сердцѣ при видѣ здороваго, довольнаго, счастливаго человѣка. Прежде еще, чѣмъ узнаете вы источники богатства Сосновки, прежде, чѣмъ скажутъ вамъ, что село это находится подъ вѣдѣніемъ удѣловъ, вы невольно подумаете: „Нѣтъ, это не чета моей „Обсòсовкѣ“, или „Заложòнкѣ“—нѣтъ, не то, совсѣмъ не то!“ Здѣсь на сто крышъ не встрѣтите одной, которая провалилась бы не отъ тяжести навьюченной на нее соломы—нѣтъ, напротивъ, оттого, что стропила, за недостаткомъ соломы, подгнили и обрушились. У васъ, въ „Обсòсовкѣ“, или „Заложòнкѣ“ очень многіе *побираются*; здѣсь нѣтъ этого и въ поминѣ. Если попадается перекосившаяся избенка, она, вѣрно, принадлежитъ пьяницѣ, или тунеядцу. Въ большой семьѣ не безъ кривого или косого. Особенно поражаютъ сосновскія улицы въ воскресный день, когда весь сосновскій людъ пойдетъ въ церковь, или возвращается изъ церкви—просто гуляетъ! Синихъ кафтановъ

не перечтешь; при солнечномъ освѣщеніи васъ непремѣнно ослѣпитъ яркая пестрота шелковыхъ платковъ, ситцевыхъ юбокъ, синихъ, красныхъ и желтыхъ передниковъ и коротаекъ, изъ которыхъ очень много плисовыхъ и даже штофныхъ. Въ воскресный день пирогъ съ кашей или капустой въ Сосновкѣ вещь самая обыкновенная; здѣсь никто не удивляется щамъ съ баранипой; остановившись у любого сосновскаго мужика, попробовавъ его щей и посмотрѣвъ на его житье-бытье, вы никакъ не утерпите, чтобъ снова не сказать себѣ: „нѣтъ, это не чета моей „Обсѣсовкѣ“, или „Заложѣнкѣ!“

Но мы удалились отъ главной цѣли разсказа. Хотя описаніе Сосновки непремѣнно входило въ составъ цѣлей предлагаемаго романа—цѣлей, очень плохо достигнутыхъ и, вѣроятно, такихъ же безполезныхъ, какъ и всѣ остальныя—но все-таки лучше обратиться скорѣе къ главной цѣли: она заключается въ томъ теперь, чтобъ по возможности поспѣшнѣе избавить читателя отъ этой, безъ сомнѣнія, давно уже наскучившей ему повѣсти.

Сосновка является теперь передъ нами въ самомъ выгодномъ видѣ: день воскресный; часъ шестой вечера; улицы полны народомъ. Октябрьское солнце начинаетъ уже клониться къ горизонту; лучи его играютъ на куполахъ трехъ церквей, ярко окрашиваютъ макушки высокихъ сосновыхъ избъ и, врываясь кое-гдѣ между домами и проулками, проходятъ огненными полосами черезъ всю улицу, задѣвая на пути гдѣ лицо, гдѣ синюю спину, гдѣ красную шелковую шубейку, гдѣ цѣликомъ врѣзываются въ толпу и превращаютъ въ огонь всѣ лица и наряды. Въ Сосновкѣ теперь и людно, и шумно, и весело. У каждыхъ почти воротъ сидятъ старики и старухи съ ребятишками; въ разныхъ концахъ слышатся хороводныя пѣсни. Молодыя бабы стоятъ кучками то здѣсь, то тамъ, и звонко, немолчно тараторятъ. Подъ березами, лишенными уже листьевъ и возвышающимися подлѣ церковной ограды, нѣсколько бабъ, дѣвокъ и парней плотно обступили возъ съ краснымъ товаромъ; десятки вопросовъ и требованій осаждаютъ торгаша; надо удивляться, какъ одинъ человѣкъ можетъ въ одно и то же время удовлетворить любопытныхъ, поспѣвать вынимать требуемыя запонки, ножницы, иголки, бусы, гребенки и считать деньги.

Такая точно мысль занимала, кажется, знакомаго намъ подрядчика Никанора Ивановича, того самаго, который

взялъ Петю на поруки. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ своей избы, стоявшей прямо противъ церковной ограды, такъ что ему легко было слышать всякое слово изъ того, что̀ говорилось въ толпѣ, окружавшей торгаша. Рядомъ съ Никаноромъ сидѣла жена его, женщина лѣтъ сорока пяти. Насколько мужъ былъ сановитъ и статенъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, настолько жена была мала и незамѣтна; но разница въ ростѣ не мѣшала имъ жить очень ладно. Однимъ обижался Никаноръ: дѣтей Богъ не давалъ; но и это обстоятельство не нарушало согласія супруговъ. Оба дружелюбно теперь калякали и, наблюдая толпу и торгаша, посмѣивались надъ суетливостью послѣдняго. Иногда бесѣду нарушалъ сосѣдъ или другой, проходившій мимо, сосновскій житель: начинались разспросы о томъ, о семъ, при чемъ Никаноръ не пропускалъ случая дѣлать любимое свое движеніе: разсѣкалъ ладонью правой руки широкую свою бороду на двѣ равныя части, бралъ каждую часть порознь въ руку и какъ будто выжималъ изъ нея воду. Сосѣди кланялись, расходились, и Никаноръ съ женою снова принимались поглядывать на толпу и продолжали посмѣиваться надъ суетою торгаша.

Но потому ли, что торгашъ, возившійся два часа, выбился изъ силъ, или потому, наконецъ, что товаръ значительно уменьшился и не было уже возможности удовлетворять требованіямъ, онъ объявилъ, что торгъ конченъ. Толпа стала рѣдѣть вокругъ воза. Двѣ молоденькія бабенки настойчиво было приступили, одна съ ножницами, другая съ тесемкой, но торгашъ наотрѣзъ сказалъ, что нѣтъ у него ни того, ни другого и, безъ дальнихъ церемоній, принялся увязывать кожей подводу. Толпа окончательно расходилась; да и время приближалось къ ужину; солнце начинало садиться. Увязавъ возъ, торгашъ сѣлъ на облучокъ, поправилъ мѣховую свою шапку съ тяжеловѣсной макушкой, которая какъ будто двигалась сама собою (лѣзла на глаза, когда шапку отодвигали на затылокъ, и сползала на затылокъ, когда шапка наѣзжала на глаза), торгашъ началъ осматриваться во всѣ стороны широкой улицы. Вездѣ былъ народъ, но никто теперь не обращалъ на него вниманія: кто пѣлъ, кто бродилъ взадъ и впередъ, кто сидѣлъ передъ домомъ и разговаривалъ. Глаза торгаша встрѣтили, наконецъ, сановитую, важную фигуру Никанора и маленькое лицо жены его. Оба они

также на него смотрѣли. Торгашъ дернулъ вожжами и прямо къ нимъ поѣхалъ.

— А что, почтенный, вымолвилъ онъ, останавливаясь шагахъ въ трехъ отъ подрядчика и едва удерживая лошадь, которая лѣзла въ растворенныя ворота,—что, почтенный... гдѣ бы мнѣ постоять—а? Я чай, у васъ постоялые-то дворы есть?

— Какъ не быть! постоялыхъ дворовъ у насъ много, возразилъ Никаноръ.

— Далеко?.. Тпру... пру... экъ ее! ворота увидала, такъ и претъ. Пру... произнесъ торгашъ, удерживая лошадь.— Гдѣ жъ у васъ дворы-то?

— Больше все въ нижней слободѣ, у рѣки, сказалъ Никаноръ.

— Ну, а какъ, почтенный, у васъ, примѣрно, постоять можно? спросилъ торгашъ, лицо котораго вдругъ заслонилось макушкой шапки, которую сдвинулъ онъ на затылокъ.

Подрядчикъ и жена его вопросительно поглядѣли другъ на друга; глаза ихъ снова устремились къ торгашу, красное лицо котораго освободилось теперь отъ шапки; это былъ уже человѣкъ лѣтъ шестидесяти, сѣдой, какъ лунь, и, вдобавокъ, еще лысый; добродушная, ласковая наружность его внушала видно довѣріе, потому что Никаноръ тотчасъ же сказалъ ему:

— Остановись, пожалуй, у насъ; это можно; у насъ не постоялый дворъ, но все равно: есть гдѣ лошади постоять, есть гдѣ самому пріютиться.

— Ну, вотъ и ладно! сказалъ старикъ.—Вишь лошадь-то сама къ вамъ просится, не удержишь никакъ: ко двору, стало-быть...

— Ну, въѣзжай, когда такъ! въѣзжай! промолвилъ Никаноръ, вставая съ лавки.

Старикъ слѣзъ съ воза, взялъ лошадь подъ-уздцы и повелъ ее въ ворота.

— Не бойсь, умаялся—а? вымолвилъ Никаноръ, слѣдуя подлѣ торгаша съ одной стороны, тогда какъ жена шла съ другой. — Мы съ женою все время на тебя глядѣли; признаться, маленечко даже посмѣялись, какъ ты съ ними возился.

— Чего, братецъ ты мой! Вѣдь лѣзутъ, словно бѣшеныя, словно овцы какія, право! Ничего вѣдь не сдѣлаешь. Пуще всего эти бабы: одурь даже возьметъ; никакого въ нихъ постоянства нѣтъ, право, точно шальныя!..

— Слышь, Авдотья, какъ старина-то вашего брата обдѣлываетъ—а?..

Жена подрядчика засмѣялась.

— Я не объ тебѣ, касатушка, не объ тебѣ... ты ко мнѣ и не подходила, заговорилъ старикъ, — пуще всего эти вотъ молодыя бабы да дѣвки надоѣли: та „дѣдушка, подай", другая „дѣдушка, подай"; другая сама не знаетъ чего надо, а лѣзетъ... Иной разъ своей торговлѣ не радъ, право: совсѣмъ затормошатъ; больше перероютъ, чѣмъ купятъ... така-то зрятина, право... Куда лошадь-то ставить?

— Вотъ сюда, сюда веди... сказалъ Никаноръ, указывая подъ широкій навѣсъ, державшійся на толстыхъ столбахъ.

Навѣсъ этотъ замыкалъ глаголемъ дворъ съ двухъ сторонъ: третья сторона занята была амшеникомъ, амбаромъ и клѣтью: изба и ворота, смотрѣвшія на улицу, составляли четвертую сторону двора. Изба была въ два этажа, подобно большей части сосновскихъ избъ; лѣстница, обшитая съ боковъ досками, вела на галлерею съ тесовымъ навѣсомъ, которая служила сѣнями второму этажу, гдѣ помѣщались хозяева.

— Ты, дѣдушка, откуда? спросила жена подрядчика, когда возъ въѣхалъ подъ навѣсъ.

— Теперича, то-есть?..

— Нѣтъ, спрашиваетъ, родомъ откуда? подхватилъ Никаноръ, подсобляя старику распрягать лошадь.

— Мы губерніи Ярославской, словоохотливо отвѣчалъ старикъ, — теперича пробираюсь въ теплыя мѣста; давно ужъ тамъ не былъ; побываю въ Тамбовской губерніи, въ Саратовской... а тамъ проѣду въ Воронежъ, угоднику поклониться, по обѣщанію...

— Бывалъ и я въ тѣхъ мѣстахъ; мѣста хорошія, привольныя. Только какъ же ты съ телѣгой-то справишься? Недѣль черезъ пять зима застанетъ...

— Ну, такъ что жъ? Первый снѣгъ выпадетъ, промѣняю телѣгу на сани, переложу туда товаръ и поѣду; мы и все такъ-то.

— Да, ну это другое дѣло. Авдотья! примолвилъ Никаноръ, поворачиваясь къ женѣ, — ты, пока мы здѣсь управляемся, ты сходила бы мальчика-то провѣдала. Ему хоша теперь и полегчало, а все ступить на ногу-то не осилитъ... Можетъ, ему надобность есть до тебя, сходи-ка; да ужъ заодно ужинать собирай: время!..

Авдотья направилась къ лѣстницѣ и, минуту спустя, застучала котами по ступенькамъ.

— Мальчикъ-то у васъ боленъ, стало-быть? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, болѣзни, слава Богу, никакой нѣтъ, да ногу только зашибъ, ступить не можетъ, возразилъ Никаноръ.— Мальчикъ-то хорошъ, оченно жаль. Главная причина, мнѣ угодить старался; черезъ эсто и случай весь вышелъ. Ставилъ я избу по сосѣдству, подхватилъ подрядчикъ, помогая старику управиться съ лошадью,— ужъ онъ мнѣ усердствовалъ, усердствовалъ... ну, знамо, къ дѣлу еще непривыченъ, недавно къ нашему ремеслу приставленъ— не доглядѣлъ какъ-то: ему бревномъ по ногѣ и попало; да слава Богу, нога-то цѣла, ничѣмъ не повредилась, только повихнулъ маленько. А все жаль: мальчикъ-то добрѣ занятный, усердный такой!

— Какъ не жалѣть! особливо коли одинъ у васъ. Сынъ онъ, али сродственникъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ чужой. Взялъ я его на поруки; ходилъ онъ сперва съ нищими, да убѣжалъ отъ нихъ; потомъ поймали его, къ становому привели, въ бродяги записать хотѣли, а я тутъ случился; вижу, мальчикъ такой хорошенькій, ласковый, такъ и заливается, плачетъ, такъ и заливается... жаль стало. „Какой онъ, думаю, бродяга! такъ, чай, сирота брошенный...“ Я его на поруки и взялъ.

— Ахъ ты, Господи!.. да ужъ не онъ ли это? Эхъ ты, скажи на милость... какъ его имя-то? спросилъ вдругъ старикъ, оживляясь.

— Петрушей зовутъ-то; а что?

— Онъ и есть! воскликнулъ старикъ, опуская оглоблю, которую началъ было притягивать, чтобъ свободнѣе умѣстить распряженный возъ.

— Да тебя не Васильемъ ли зовутъ? спросилъ Никаноръ, оживляясь въ свою очередь,—онъ часто о тебѣ поминалъ, коли ты...

— Такъ, такъ; ну, онъ и есть, онъ самый! подхватилъ дѣдушка Василій, суетливо потряхивая шапкой, макушка которой раза три обѣжала вокругъ лысой головы его.

Въ самую эту минуту на галлереѣ второго этажа показалась Авдотья.

— Никаноръ! Никаноръ! подь скорѣй сюда! закричала она, размахивая руками,—и ты, дѣдушка, ступай, скорѣй; оба ступайте...

Никаноръ и дядя Василій торопливо перешли дворъ и стали подыматься по лѣстницѣ, между тѣмъ какъ Авдотья снова скрылась въ избѣ. Дверь избы на галлерею была отворена и позволяла обозрѣвать просторную десятиаршинную избу съ бѣлой, широкой печкой, съ сосновыми, широкими полатями; красный уголъ, обклеенный желтыми обоями, съ огромными красными разводами, украшался множествомъ образовъ и складней; кругомъ всей избы шли широкія лавки. На одной изъ нихъ, устланной войлокомъ, сидѣлъ Петя; онъ рвался встать на ноги, но Авдотья держала его крѣпко въ обхватъ обѣими руками и не пускала.

— Ступайте скорѣй... не удержишь его никакъ! говорила она, поглядывая на дверь.— Погоди, говорятъ, сейчасъ придутъ... слышь, по лѣстницѣ ужъ стучатъ. Такъ это, стало, тотъ самый старичокъ, о которомъ ты поминалъ намъ?.. Да нѣтъ же, не пущу, неугомонь ты этакой! говорятъ, хуже нога заболитъ... ступайте скорѣй!..

Никаноръ и дядя Василій показались въ дверяхъ.

— Дѣдушка! дѣдушка!.. закричалъ Петя, радостно протягивая руки.

— Ахъ, ласковый!.. Ну, онъ и есть. Ахъ ты, ласковый, ласковый!.. подхватилъ старикъ, спѣша къ мальчику и хлопая ладонями по поламъ своего тулупчика.

— По голосу узналъ тебя, дѣдушка; какъ услыхалъ голосъ твой, такъ весь даже затрясся. Онъ часто поминалъ намъ тебя, говорила Авдотья, между тѣмъ какъ старикъ обнималъ и ласкалъ мальчика.

— Вотъ случай-то, значитъ! Ну, думали ли мы объ этомъ, какъ на тебя съ женою глядѣли, какъ ты съ бабами-то возился? Вотъ ужъ подлинно не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь... твердилъ въ то же время Никаноръ.

Пошли тотчасъ же спросы-разспросы. Никаноръ и жена его, перебивая другъ дружку, разсказали старику все слышанное ими отъ Пети о его странствованіяхъ. Петя поминутно вмѣшивался въ разговоръ и поправлялъ ихъ; изъ этого дѣдушка Василій окончательно убѣдился, какъ добры были хозяева мальчика: они повидимому даже баловали его. Дѣдушка Василій поспѣшилъ, въ свою очередь, передать мальчику послѣднія извѣстія о его семействѣ; онъ былъ въ Марьинскомъ мѣсяца два назадъ. Узнавъ, что отца, матери, сестры и братьевъ не было въ Марьинскомъ,

что ихъ выселили, Петя горько заплакалъ; онъ такъ много слышалъ во время бродячей жизни своей о ссылкахъ, о Сибири, о каторжныхъ; ему представилось уже, что семья его находилась теперь въ Сибири, и онъ никогда ее больше не увидитъ. Присутствующіе не замедлили, конечно, объяснить ему, въ чемъ состояло переселенье. Принимая въ соображеніе обстоятельства семьи Пети, дядя Василій не сомнѣвался, что всѣмъ имъ во сто разъ лучше въ степи, чѣмъ въ Марьинскомъ; онъ съ особенною заботливостью описалъ приволье степной жизни вообще и не пропускалъ случая намекать объ изобиліи арбузовъ, точь-въ-точь, какъ дѣлалъ это Сергѣй Васильевичъ Бѣлицынъ, когда склонялъ Лапшу къ переселенію.

— Мнѣ эти степныя губерніи хорошо извѣстны, сказалъ онъ, когда Петя утѣшился,—прежде, бывало, я часто туда ѣздилъ, живалъ тамъ по цѣлымъ лѣтамъ. Я даже и мѣсто-то знаю, гдѣ живутъ теперь твои родители. Какъ провѣдалъ я въ Марьинскомъ, куда ихъ выселили, я сейчасъ сказалъ: „ну, знаю!“ говорю; выходитъ это на самомъ рубежѣ къ Саратовской губерніи, будетъ Петровскъ городъ—такъ прозывается,—такъ, верстахъ въ тридцати будетъ онъ отъ того мѣста... Вотъ, поди жъ ты! Скажи на милость, случай какой! подхватилъ онъ, обращаясь къ Никанору и женѣ его,—точно кто надоумилъ меня остановиться противъ вашего дома, право; сама лошадь, и та даже какъ будто чуяла... такъ вотъ въ ворота къ вамъ и рвется. Совсѣмъ ужъ собрался вѣдь на постоялый дворъ ѣхать, право; вотъ и въ одной деревнѣ были бы, а все едино за тысячу верстъ... Ничегодки я этого не зналъ, что онъ, примѣрно, здѣсь у васъ находится.

— И я то же говорю, перебилъ Никаноръ,—не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Все это, значитъ, во власти Господней; Онъ всѣмъ этимъ управляетъ.

— Подлинно, Господь управляетъ, подлинно... Да вѣдь случай-то какой, братецъ ты мой: какъ будто зналъ я обо всемъ этомъ, что въ тѣ-то мѣста собрался, гдѣ его родители находятся, хотѣлъ даже по пути ихъ провѣдать, потому, люди оченно, то-есть, хорошіе, особливо его мать, ужъ надо сказать, настоящая, выходитъ, женщина! Вотъ, чай, обрадуется теперича, какъ увидитъ-то! И-и-и! Одна бѣда, какъ намъ съ ногой быть теперича? Прійдется обождать, дѣлать нечего...

Никаноръ и Авдотья успѣли уже привыкнуть къ Петѣ.

Такъ какъ дѣтей у нихъ не было, они думали прикрѣпить его къ себѣ и усыновить современемъ, если въ немъ прокъ окажется. Имъ очень не хотѣлось разстаться съ мальчикомъ. Петя не плакалъ теперь, но и не смѣялся; сердце его и мысли сильно работали; онъ очень хорошо помнилъ житье у родителей; жизнь у подрядчика Никанора была во сто разъ лучше; подрядчикъ и жена его ласкали его и баловали больше даже, чѣмъ родители; при одной мысли разстаться съ ними, сердце Пети сжималось тоскою невыносимой; но это самое сердце сильно опять-таки рвалось къ матери, къ отцу, къ сестрѣ и братьямъ; онъ истолковать себѣ не могъ, какъ могло статься, что тамъ, у родителей, было и хуже, и лучше въ одно и то же время? Похвалы, которыя дядя Василій расточалъ Катеринѣ, разсказъ его о томъ, какъ она убивалась, когда нищіе увели Петю, какъ она его отыскивала, какъ писала управителю (обо всемъ этомъ старикъ слышалъ отъ жителей Марьинскаго)— все это показало Никанору и Авдотьѣ, что грѣхъ даже не способствовать къ скорѣйшему возвращенію малаго въ родную семью. За ужиномъ рѣшили распорядиться такимъ образомъ: дядя Василій поѣздитъ со своимъ возомъ недѣльку по окружности, чтобъ дать время Петѣ окончательно поправиться съ погою; по прошествіи этого срока, старикъ вернется въ Сосновку. Никаноръ не могъ передать мальчика, не предупредивъ объ этомъ станового. Онъ сказалъ, что свезетъ къ нему дядю Василья, и увѣрилъ, что дѣло обойдется какъ нельзя лучше.

Все это происходило, если помнитъ читатель, въ воскресенье. Въ субботу, то-есть ровно черезъ шесть дней, старый торгашъ стучалъ ужъ въ ворота подрядчика. Петя свободно становился теперь на ногу и слегка только прихрамывалъ. Подрядчикъ и жена его придрались было къ этому обстоятельству, чтобъ задержать пріемыша еще на нѣсколько дней, но дядя Василій не далъ имъ договорить: во-первыхъ, не время было дожидаться; во-вторыхъ, онъ ни за что не дозволитъ мальчику съ больною ногою итти пѣшкомъ; Петя не посмѣетъ у него слѣзть съ воза. Мужъ и жена больше не настаивали. Никаноръ повезъ дядю Василья въ знакомую намъ становую квартиру.

Соломонъ Степанычъ, слѣдуя системѣ, обратившейся уже въ рутину—такъ она обыкновенна—началъ-было ломаться: требовалось списаться съ тѣмъ-то лицомъ, снестись съ такимъ-то мѣстомъ, и проч.; вообще Соломонъ

Степанычъ былъ не такъ уже сговорчивъ, какъ два мѣсяца назадъ; умягчающее вліяніе медоваго мѣсяца замѣтно проходило: уменьшительное имя Салиньки, казалось, не трогало его; словомъ, онъ превратился въ прежняго Соломона Степаныча, какимъ знали его до женитьбы. Но дядя Василій былъ такъ старъ и опытенъ, что не могъ не знать обычая; къ тому жъ, Никаноръ предупредилъ его. Выслушавъ Соломона Степаныча съ подобающимъ вниманіемъ, дѣдушка Василій поклонился ему отличными тульскими ножницами, которыя тотчасъ же какъ будто принялись за дѣло и начали подрѣзывать препятствія; чтобъ окончательно дорѣзать препятствія, торгашъ присовокупилъ къ ножницамъ перочинный ножикъ и гребенку изъ композиціи, долженствующую украсить голову супруги Соломона Степаныча. Дѣло приняло тотчасъ же другой оборотъ: оказалось вовсе ненужнымъ списываться и сноситься; торгашъ могъ взять мальчика и везти его къ роднымъ, или даже куда захочетъ.

Возвратившись въ Сосновку, подрядчикъ сталъ просить старика переждать воскресенье; но дядя Василій, суетившійся болѣе чѣмъ когда-нибудь, напрямикъ отказалъ въ такой просьбѣ: онъ и безъ того много истратилъ времени; наконецъ, переждать воскресенье, значило выѣхать въ понедѣльникъ, въ тяжелый день, чего ему никакъ не хотѣлось. Онъ обѣщалъ, впрочемъ, увѣдомить ихъ о мальчикѣ: если мать, а за нею господа, согласятся отдать Петю обучаться плотничному ремеслу, онъ тотчасъ же отпишетъ имъ объ этомъ. Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, Никаноръ и Авдотья простились съ Петей, который долго обнималъ ихъ и нѣсколько разъ принимался плакать. Въ воскресенье, къ солнечному восходу, и дядя Василій, и Петя, спавшій на возу, были далеко отъ Сосновки.

V.

Въ дорогѣ.

Во всю дорогу со старикомъ и съ Петей ничего не произошло особеннаго, кромѣ встрѣчи, о которой намъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Они находились уже верстахъ во ста отъ Сосновки. Они ѣхали большой дорогой и недавно покинули деревню, гдѣ отдохнули и пообѣдали. Сытая лошадка везла очень бодро, несмотря на то, что, въ придачу къ товару, на возу сидѣли дѣдушка Василій и мальчикъ.

— Дѣдушка, погляди-ка, никакъ солдаты идутъ?.. сказалъ Петя, правившій лошадью. — Слышь, чѣмъ это они гремятъ такъ?

Старикъ тряхнулъ шапкой и прищурился.

— Должно-быть, колодники... проговорилъ онъ.

Народъ, виднѣвшійся на дорогѣ, шелъ впередъ по одному направленію съ нашими путешественниками. Петя, движимый любопытствомъ, принялся легонько передвигать вожжами. Старикъ не ошибся: это были точно колодники. Ужъ можно было отличать мундиры солдатъ отъ одежды людей, которыхъ они сопровождали; мѣрный, однообразный звукъ цѣпей позволялъ даже считать шаги преступниковъ. Возъ не замедлилъ догнать конвой. Человѣкъ пятнадцать колодниковъ, въ оборванныхъ кафтанахъ и полушубкахъ, съ мѣшками за спиною, съ цѣпями на ногахъ, и шапкахъ, лѣпившихся криво и косо на бритыхъ головахъ, медленно подвигались между авангардомъ изъ трехъ и арьергардомъ изъ пяти солдатъ; въ числѣ послѣднихъ двое были верховые и держали пики. Въ обращеніи конвойныхъ и колодниковъ не было, казалось, ничего враждебнаго; они преспокойно разговаривали между собою; преступники разсказывали свои исторіи, солдаты — свои. Особенною разговорчивостью отличался одинъ изъ арьергардныхъ, произношеніе котораго обличало хохла; онъ шелъ рядомъ съ преступниками и велъ съ ними самую непринужденную бесѣду. Поравнявшись къ конвою, дѣдушка Василій и Петя, переставшій уже хромать, слѣзли съ воза; послѣдній побѣжалъ впередъ. Старикъ вынулъ изъ кармана нѣсколько копеекъ для раздачи преступникамъ, какъ вдругъ Петя пронзительно крикнулъ, бросился сломя голову къ торгашу и крѣпко обхватилъ его руками. Испугъ изображался въ каждой чертѣ поблѣднѣвшаго лица мальчика; въ первую секунду онъ слова не могъ выговорить.

— Дѣдушка!.. вымолвилъ онъ наконецъ измѣнившимся голосомъ и крѣпче еще прижался къ старику.—Верстапъ... Верстапъ... тутъ...

— Ой ли?..

— Поѣдемъ, скорѣй... поѣдемъ, дѣдушка!.. подхватилъ Петя, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Все это происходило въ двухъ шагахъ отъ конвоя. Солдаты и колодники остановились и оглянулись.

— Ну, чого тамъ? Що не выдалы? проговорилъ хохолъ, какъ бы удивляясь любопытству, овладѣвшему това-

рищами.—Ступайте, братцы, упередъ... Пошелъ, пошелъ!.. чего сталы?

— Дай, братецъ, вздохнуть маленько; у меня и то ноги припухли... цѣпью добрѣ перетерло... смерть! сказалъ одинъ изъ преступниковъ.

— Мало що; меня самого ноги-то упухли... ступай, говорятъ, начальство не приказываетъ останавливаться! возразилъ хохолъ.

Конвой тронулся, и цѣпи снова загремѣли.

— Полно, ласковый, чего бояться? Онъ теперь не страшенъ, какъ цѣпью-то скрутили... Чего бояться? уговаривалъ между тѣмъ дѣдушка Василій. — Пойдемъ къ нимъ; вотъ я дамъ имъ копеечки... а тѣмъ временемъ спросимъ, что̀ за причина такая...

— Нѣтъ, дѣдушка, я лучше на возъ сяду... я не пойду... онъ убьетъ меня...

— Э, глупенькій! подхватилъ старикъ, — да какъ же ему убить-то?.. Не бойсь, не тронетъ теперича; говорю: не страшенъ!.. Пойдемъ-ка, пойдемъ...

Онъ взялъ лошадь подъ-уздцы, другую руку далъ мальчику, и минуты черезъ три они снова догнали солдатъ. Хохолъ шелъ теперь позади всѣхъ; къ нему обратился дѣдушка Василій:

— Вотъ, служба, сказалъ онъ, ободряя Петю, который началъ пятиться,—раздай-ка имъ по копеечкѣ; на дорогу пригодится... Слышь, промолвилъ онъ, указывая солдату на широкій, выбритый затылокъ, который возвышался надъ остальными,—этотъ намъ знакомый... Какъ нищимъ былъ, вотъ этого мальчика съ собою водилъ... Скажи, братъ, на милость, за какія онъ провинности?..

— За душегубство... словоохотливо возразилъ солдатъ, принимая деньги и передавая ихъ ближайшему преступнику съ наставленіемъ: „обдѣлы усѣхъ“, что̀ тотъ сейчасъ же и сдѣлалъ.—Съ нимъ такой старикъ ходивъ, продолжалъ солдатъ, — такой же нищій .. такъ у него грѣшей много было, онъ его и убывъ... съ товарищемъ его упечаталы... Вишь тутъ и товарищъ его идетъ... Може и его знаете?... Эй, Балдай! крикнулъ солдатъ,—знакомые тебя спрашиваютъ...

Торгашъ и Петя тотчасъ же узнали рябого Балдая; вмѣстѣ съ Балдаемъ обернулся также и Верстанъ; но какъ тотъ, такъ и другой не выразили даже удивленія при видѣ Пети и старика. Шершавыя, сѣдыя брови Верстана

съ мрачною неподвижностью насупились надъ глазами; бросивъ холодный, равнодушный взглядъ на мальчика, Верстанъ и Балдай отвернулись, не проговоривъ ни слова.

— Пойдемъ, дѣдушка, пойдемъ! твердилъ Петя, дергая за рукавъ старика.

— Погоди, вымолвилъ тотъ, — надо узнать о слѣпомъ, котораго ты хвалилъ-то... что добрый такой былъ... какъ бишь его звали?..

— Фуфаевъ, дѣдушка...

— Слышь, служба, съ ними еще слѣпой ходилъ: куда жъ дѣлся?.. Спроси-ка; звали его Фуфаевъ...

— Какой що тамъ Хухаевъ?.. Съ нами нѣтъ... Эй, Балдай, присовокупилъ солдатъ, — спрашиваютъ Хухаева... съ вами ходывъ...

Но Балдай и Верстанъ не отвѣчали; они даже не обернулись.

— Не знаютъ, произнесъ словоохотливый хохолъ,—Хухаева съ ними не було...

Какъ ни безопасны были убійцы стараго Мизгиря, Петя не переставалъ жаться къ старику, пятился назадъ и дергалъ его за руку. Дядя Василій уступилъ наконецъ мальчику; онъ отсталъ отъ конвоя, помогъ Петѣ взлѣзть на возъ, самъ сѣлъ, взялъ вожжи и рысцою погналъ лошадь. Немного погодя они обогнали конвой и вскорѣ потеряли его изъ виду.

Во все продолженіе этого дня и даже весь слѣдующій день Петя ни о чемъ больше не думалъ, ни о чемъ не говорилъ, какъ о Верстанѣ, Балдаѣ и убитомъ дядѣ Мизгирѣ. На третій день, онъ только раза два о нихъ вспомнилъ; на четвертый, у мальчика только и рѣчи было, что о Никанорѣ, объ отцѣ, матери и степи, къ которой они приближались. Они ѣхали, однакожъ, очень долго. Дѣдушка Василій останавливался по пути почти въ каждой деревнѣ; раза два потребовалось прожить цѣлыя сутки въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ старикъ забирался новымъ товаромъ. Къ замедленію пути не мало также способствовало время: стояла глухая осень; дожди лили безпрерывно, превращая дороги въ трясины и непроходимыя топи; потомъ дожди миновали и наступили морозы: дороги сдѣлались еще хуже, извилистыя колеи и глубокія котловины, скованныя холодомъ, превращались въ кремень— надо было ѣхать шагомъ. Дѣдушка Василій нетерпѣливо ждалъ перваго снѣга, чтобъ промѣнять телѣгу на сани;

но зима никакъ не хотѣла установиться; снѣгъ выпадалъ нѣсколько разъ, но, какъ нарочно, всякій разъ наступала оттепель, и снова приходилось колесить на телѣгѣ.

Но худо ли, плохо ли, они все-таки, однакожъ, подвигались. Въ послѣднихъ числахъ октября, подъ-вечеръ, прибыли они въ сельцо Васильевку, приходъ Анисьи Петровны Ивановой. Разспросивъ дорогу въ Панфиловку, они тотчасъ же туда отправились.

— Тамъ ужъ лучше переночуемъ, промолвилъ дѣдушка Василій, — дорога теперь хорошая, степью-то; къ тому и лошаденка не пуще, чтобъ устала, довезетъ... Ну, ласковый! прибавилъ онъ, обращаясь къ мальчику, который поминутно забѣгалъ впередъ и не отрывалъ глазъ отъ горизонта,—ну, завтра родителей увидишь. Радъ, что ли? а?..

Было уже совершенно темно, когда они въѣхали въ околицу маленькаго хутора. Торгашъ постучалъ въ первое окно; изъ него выглянулъ старикъ. Но прежде, чѣмъ попросить о ночлегѣ, дядя Василій освѣдомился о переселенцахъ. Узнавъ, что до мазанки оставалось всего-на-все четыре версты, онъ тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе, сказалъ, что не стоило заночевать, и разспросилъ, какъ проѣхать къ переселенцамъ.

— Ну, котёнокъ, теперь недалеко; ну, понатужься маленько, ну, Богъ съ тобой! ну! вымолвилъ дядя Василій, снова поворачивая лошадь къ околицѣ.

Петя между тѣмъ бѣжалъ по дорогѣ и кричалъ:

— Сюда, дѣдушка, сюда! Я дорогу-то вижу, сюда ступай: я укажу тебѣ!..

VI.

Степная мазанка.

Усталость не замедлила, однакожъ, угомонить рѣзвость мальчика; онъ и безъ того ужъ, въ радости своей, такъ много скакалъ и прыгалъ въ этотъ день, что дѣдушка Василій не разъ совѣтовалъ поберечь ноги, говоря, что дороги впереди осталось еще порядочно. Петя усаживался тотчасъ же на возъ; но не проходило двухъ минутъ, онъ снова бѣжалъ по дорогѣ и даже подскакивалъ, думая скорѣе увидѣть мазанку, что вызывало всегда улыбку на добродушно-суетливомъ лицѣ старичка. Такъ и теперь: узнавъ, что осталось четыре версты, онъ сказалъ, что это близёхонько, что онъ духомъ добѣжитъ, но на первой же

верстѣ шагъ его замедлился; на второй онъ присоединился къ старику. Если ноги Пети отказывались производить скачки, языкъ его, наоборотъ, получалъ съ каждымъ шагомъ впередъ все больше и больше развязности; онъ болталъ безъ умолку. Впрочемъ, дѣдушка Василій, который также, казалось, былъ очень веселъ, немного чѣмъ отставалъ отъ маленькаго своего товарища. Разговоръ ихъ, разумѣется, вертѣлся на одномъ предметѣ: оба бесѣдовали о предстоящемъ свиданіи.

Ночь была чудная. Мѣсяцъ не показывался, но въ небѣ блистало столько звѣздъ, такою бѣлизною сіялъ млечный путь, что въ степи, слегка посеребренной морозомъ, легко было разбирать дорогу. Морозъ былъ порядочный: градусовъ шесть или семь; холодъ не чувствовался, однакожъ, благодаря совершенной неподвижности воздуха. Промерзлая земля и звонкій морозный воздухъ, казалось, прислушивались и ждали звука, чтобъ разнести его далеко по всей окрестности; но безмолвіе, царствовавшее по всему видимому, необъятному кругозору, нарушалось только нашими путешественниками: сухое постукиванье колесъ, хрустѣнье ледяныхъ иглъ, ломавшихся подъ ихъ ногами, голоса старика и мальчика одни раздавались въ опустѣлой степи. Миріады звѣздъ, которыя мигали и какъ бы пересыпались надъ степью, сообщали какъ будто жизнь и движеніе синему небесному своду; часто въ той или другой сторонѣ одна звѣздочка зажигалась ярче, отрывалась отъ другихъ, и стремглавъ, какъ бы скользя по серебряной ниткѣ, летѣла къ далекому горизонту. Дѣдушка Василій каждый разъ торопливо крестился.

— Дѣдушка, вона, вона еще одна падаетъ! воскликнулъ Петя,—нѣтъ, потухла, дѣдушка, потухла!

Дѣдушка торопливо, однакожъ, обернулся и снова осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Еще, дѣдушка! вишь, скоро, какъ скоро... Что это онѣ падаютъ, дѣдушка. А ну, какъ на ригу другая упадетъ: вѣдь, чай, дѣдушка, загорится, небось, рига-то?.. вѣдь звѣзды-то изъ огня?

— Это, касатикъ, не звѣзды падаютъ.

— Какъ же такъ, не звѣзды?

— Нѣтъ, касатикъ, возразилъ старикъ,—это, значитъ, ангелы Божіи со свѣчами летаютъ... Какъ въ небѣ покажется такой огонекъ, значитъ, гдѣ ни на есть человѣкъ добрый умираетъ: вотъ ангелъ и летитъ на землю за душою

его христіанской; Господь его туда посылаетъ!.. Петя, Петя! подхватилъ вдругъ старикъ, перемѣняя голосъ,— Петя, взглянь-ка! заключилъ онъ, повертывая мальчика за плечи и указывая на огонёкъ, который сверкнулъ вдругъ въ степи, — вѣдь это въ мазанкѣ, у твоихъ огонёкъ-то!.. Право, будто у твоихъ.

Петя началъ скакать, прыгать, вскрикивать и радостно бить въ ладоши; онъ тотчасъ же, однакожъ, угомонился, когда старикъ сказалъ, что надо подъѣхать потихоньку, чтобъ никто не догадался, и потомъ разомъ вдругъ показаться—веселѣе будетъ.

— И то, дѣдушка, и то! возразилъ Петя, съ трудомъ побѣждая нетерпѣніе.

— Ну, котёнокъ, ну, теперь близёхонько, понатужься еще маленько, ну! произнесъ старикъ, подергивая вожжами. Усталая лошадь, какъ бы почуявъ скорый отдыхъ, ободрилась и пошла ходче.

Огонёкъ замѣтно приближался; на свѣтломъ небѣ стала обозначаться темная профиль кровли; Петя и старикъ подъѣхали наконецъ къ колодцу.

— Тише... шт... ништни! прошепталъ дядя Василій, привязывая лошадь и поворачивая голову къ Петѣ, которымъ овладѣли вдругъ и страхъ какой-то, и радость,— надо подойти потихоньку, чтобъ не слыхали. Должно быть, всѣ спятъ... диковинное только дѣло, зачѣмъ огонь горитъ.

Старикъ взялъ мальчика за руку и подошелъ къ двери; онъ готовился ужъ постучать, но дверь отворилась и пропустила человѣка, который, при видѣ постороннихъ, поспѣшилъ запереть дверь за собою. Старикъ пригнулся къ лицу человѣка, чтобъ разсмотрѣть его; но черты его были ему вовсе незнакомы. Незнакомецъ, съ своей стороны, пригибался и разсматривалъ прибывшихъ.

— Ваня! Ваня! закричалъ вдругъ мальчикъ, выпуская руку старика и бросаясь на шею незнакомца.

— Петя... Господи!.. онъ!.. Петя!.. крикнулъ, въ свою очередь, столяръ.

Въ мазанкѣ, погруженной до сихъ поръ въ молчаніе, раздались торопливые шаги; дверь настежь вдругъ раскрылась и показалась Катерина; за ней бѣжала Маша. Первый же взглядъ объяснилъ Катеринѣ все дѣло; страшный, раздирающій крикъ вырвался изъ груди ея; какъ безумная, рванулась она къ мальчику, котораго подста-

вилъ ей Иванъ, подняла съ земли, бросила къ себѣ на грудь и крѣпко обхватила обѣими руками.

— Батюшка... батюшка мой... батюшка!.. проговорила она, зарыдавъ вдругъ такъ громко и такимъ голосомъ, что всѣ присутствующіе заплакали — точно ножомъ подрѣзали ей сердце.

Иванъ, Маша и старикъ поспѣшили подхватить Катерину подъ руки и усадили ее на́-земь; но она какъ будто ничего не замѣчала, что̀ съ ней дѣлали и что̀ вокругъ происходило; крѣпко обхвативъ голову мальчика и прижимая его къ груди, она продолжала страшно рыдать и повторяла:

— Батюшка!.. ненаглядный ты мой!.. батюшка мой!..

— Полно, тётка, перестань! О чемъ теперь плакать? сказалъ старикъ, останавливаясь передъ нею и потряхивая головой.—Не плакать, а радоваться надо, да Бога благодарить — вотъ что̀! Ну, о чемъ? о чемъ?.. Эхъ, неразумная твоя головушка, право! эхъ!..

— Оставь ее, дѣдушка, перебилъ Ваня, смекнувшій ужъ, что старикъ былъ тотъ самый, о которомъ такъ много говорила ему Катерина.—Ужъ это лучше теперь оставить ее, право; добре́ ужъ оченно это вдругъ-то, знаешь, добрѣ обрадовалась. Пойдемъ въ избу, примолвилъ онъ, понижая голосъ; — тамъ у насъ неладно: дядя Тимоѳей почитай умираетъ, никакой даже надежды нѣтъ; вечоръ причащали... Пойдемъ, она тѣмъ временемъ съ дочерью здѣсь останется; дай ей выплакаться хорошенько; оно пройдетъ! заключилъ онъ, слѣдуя за старикомъ, который торопливо заковылялъ къ мàзанкѣ.

Ваня отворилъ дверь, и они вошли. Свѣтильня, прислоненная къ краю черепка, наполненнаго жиромъ, трепетно освѣщала край печи, на которой крѣпкимъ сномъ спали ребятишки; свѣтъ едва досягалъ до угла, гдѣ лежалъ умирающій. Дядя Василій подошелъ къ нему, бережно сѣлъ къ ногамъ Лапши и назвалъ его по имени. Лапша не откликнулся, даже не пошевелился. Старикъ покачалъ голово́й и шепнулъ Ванѣ на́-ухо; тотъ взялъ черепокъ съ свѣтильней и поставилъ его на лавку въ двухъ шагахъ отъ умирающаго. Дядя Василій откинулся даже назадъ — та́къ сильно поразила его худоба Тимоѳея: онъ точно весь высохъ; самыя кости его какъ-будто засохли и сузились, впалая грудь, посреди которой изгибалась черная, глубокая тѣнь, едва примѣтно поднималась. Старика не

мало также удивили полураскрытые глаза Тимоѳея; они, повидимому, прямо на него устремлялись и между-тѣмъ ничего какъ-будто не видѣли. Старикъ опять пригнулся къ умирающему, опять окликнулъ его, и снова назвался, но Тимоѳей не подалъ знака сознанія или жизни: глаза его попрежнему остались безчувственны.

Дядя Василій всталъ, отвелъ Ваню въ противоположный уголъ и безнадежно какъ-то покачалъ головой. Ваня сообщилъ ему, что вотъ уже пятый день, какъ Тимоѳей находится въ такомъ положеніи, пятую ночь Катерина, Маша и самъ онъ проводятъ у его изголовья, боясь, чтобъ онъ не отошелъ, не имѣя подлѣ себя никого, кто бы закрылъ глаза ему: всѣ они страхъ измучились столько же отъ сомнѣнія, сколько отъ усталости. Разговоръ продолжался недолго, но все-таки настолько, что оба собесѣдника успѣли ознакомиться другъ съ другомъ. Иванъ направился распрячь лошадь и задать ей кормà; дядя Василій послѣдовалъ за нимъ, частью, чтобъ помочь ему, частью, чтобъ провѣдать Катерину. Онъ уже готовился пройти въ дверь за столяромъ, когда встрѣтился съ Катериной и ея дочерью.

Лицо Катерины дышало необыкновеннымъ одушевленіемъ; слезы текли по щекамъ ея, но она не рыдала. Войдя въ мàзанку, она опустила нà-земь Петю, котораго держала на рукахъ, какъ маленькаго ребенка, и, бросившись къ старику, стала обнимать его и осыпàть благословеніями; потомъ она вдругъ остановилась; лицо ея сдѣлалось озабоченнымъ; она провела ладонью по мокрымъ щекамъ, взяла Петю за руку и повела къ отцу. Маша и дядя Василій послѣдовали за ними. Но мутные глаза Тимоѳея сохраняли все ту же напряженную неподвижность: они попрежнему ничего не различали. Слухъ его точно такъ же повидимому оставался безчувственнымъ къ словамъ жены, которая говорила о возвращеніи сына и просила мужа благословить мальчика: Тимоѳей не обнаружилъ признака сознанія. Все это, безъ сомнѣнія, возобновило бы слезы, которыя и безъ того уже много текли въ эти пятеро сутокъ надъ изголовьемъ умирающаго, если бъ Иванъ, вернувшійся къ этому времени, не поспѣшилъ отвлечь вниманіе присутствующихъ: по словамъ его, дядя Василій и Петя умирали съ голоду, и надо было позаботиться накормить ихъ.

Нѣсколько минутъ спустя, старикъ и мальчикъ усажены

были за столъ. Во время ужина Петя, по просьбѣ сестры и Вани, началъ-было разсказъ о своихъ похожденіяхъ, но мать ничего не хотѣла слушать; она говорила, что Петя здоровъ, живъ, возвратился и, слѣдовательно, не все ли равно, что́ прежде съ нимъ было; теперь надо только благодарить Господа Бога, надо думать, какъ бы посытнѣе накормить мальчика и уложить его спать. „Мальчикъ ногъ подъ собой не слышитъ: какіе тутъ разговоры! Завтра, Богъ дастъ, живы будемъ, наговоримся!“ повторила она. Петя и старикъ увѣряли, что всю дорогу сидѣли почти на возу и нимало не устали; но Катерина опять-таки отказывалась слушать. Она сняла съ себя полушубокъ, велѣла Ванѣ принести скорѣе сѣна и принялась устраивать на лавкѣ двѣ постели. Сколько ни отнѣкивался Петя, сколько ни говорилъ, что спать еще не хочетъ, что хочется ему посидѣть со всѣми ими подлѣ отца, Катерина взяла его снова на руки, отнесла на лавку и, крѣпко обхвативъ руками, начала убаюкивать, какъ дѣлала это въ былое время.

Нежданно Катерина замолкла и подняла руку кверху: Петя заснулъ. Осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ и сама перекрестившись нѣсколько разъ сряду, она возвратилась къ старику и стала также уговаривать его поправить старыя косточки. Но такъ какъ дядя Василій напрямикъ отказался, и Катерина, съ своей стороны, не могла взять его на руки и уложить силой, то она больше не настаивала. Всѣ усѣлись опять къ столу: Катерина подлѣ дяди Василья, Маша подлѣ Ивана, и началась длинная-длинная бесѣда; но самой плохой слушательницей была Катерина: она поминутно отрывалась—то подходила къ мужу, то къ Петѣ, бережно садилась къ изголовью послѣдняго, засматривалась въ лицо его, цѣловала его въ голову, шептала непонятныя какія-то слова и крестилась.

Но Ваня поддерживалъ бесѣду съ такимъ усердіемъ, что вмѣшательство Катерины и даже лишнихъ трехъ разсказчиковъ ничего бы не могло прибавить. Онъ передалъ старику все житье-бытье, всѣ стѣсненныя и жалкія обстоятельства, которыя претерпѣли Катерина и семья ея со времени ихъ переселенія; передалъ о смерти Дуни, той безумной, которую старый торгашъ долженъ былъ помнить: извѣстіе о ея смерти получено было три недѣли назадъ. Затѣмъ перешелъ онъ къ повѣствованію о пожарѣ и происшествію съ Филиппомъ. До послѣдняго онъ коснулся,

однакожъ, мелькомъ; подробности, какъ видно, берегъ для объясненія старику своихъ собственныхъ обстоятельствъ.

Дядя Василій узналъ съ первыхъ же словъ, что столяръ считается уже въ семьѣ женихомъ Маши. Они ждали только дозволенія отъ управителя Герасима Аѳанасьевича, которому писано было по этому предмету въ Марьинское: дозволеніе не могло замедлить и не быть благопріятнымъ; письма этого ждали со дня на день: это собственно и заставило теперь Ивана понавѣдаться въ степь; самъ же онъ живетъ въ четырехъ верстахъ отъ уѣзднаго города (тутъ послѣдовала исторія о помѣщикѣ и о сорока оконныхъ рамахъ, изъ которыхъ тридцать уже сдѣланы и даже деньги за нихъ получены); изъ Марьинскаго ждали еще другого письма, которое легко даже могло измѣнить всю жизнь переселенцевъ. Гуртовщикъ Карякинъ (дядя Василій зналъ уже о немъ изъ исторіи о пожарѣ) получилъ согласіе отъ родителя купить лугъ, на которомъ жили переселенцы. Карякинъ писалъ объ этомъ еще прошлый мѣсяцъ въ Марьинское и также ждалъ со дня на день отвѣта. Легко могло статься, что отвѣтъ также будетъ благопріятенъ, то-есть господа согласятся на продажу луга, и тогда семья снова вернется на родину, въ Марьинское.

Послѣднее это извѣстіе дало поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ: будетъ ли лучше тогда? будетъ ли хуже?.. Иванъ и Маша начали было утверждать, что непремѣнно лучше будетъ; но Катерина указала имъ на умирающаго—и оба замолкли. Разговоръ перешелъ тогда къ Лапшѣ и его болѣзни. Словомъ, бесѣда продолжалась далеко за полночь; она, вѣроятно, продлилась бы еще долѣе, если бъ дѣдушка Василій не сознался, наконецъ, что сильно позываетъ его соснуть часокъ-другой. Старикъ поднялся съ мѣста, распоясался, снялъ съ себя полушубокъ и началъ молиться передъ образомъ, поставленнымъ надъ головою умирающаго. Всякій разъ, какъ дядя Василій подымалъ голову послѣ земного поклона, глаза его встрѣчали заостренную профиль Тимоѳея и его впалую грудь, которая едва примѣтно теперь подымалась. Хотя старикъ утѣшалъ Катерину и семью ея, однакожъ, онъ не сомнѣвался, что смерть близка и стучитъ даже въ дверь мазанки. Онъ, кстати, положилъ нѣсколько лишнихъ земныхъ поклоновъ за упокой души раба Божія Тимоѳея.

Немного погодя, все стихло въ мазанкѣ. Дядя Василій

спалъ; Иванъ и Маша, оба прикурнули—одна въ головахъ отца, другой подлѣ, на сосѣдней лавкѣ; одна Катерина бодрствовала: скрестивъ на груди руки, опустивъ голову, она молча сидѣла у изголовья мужа.

Первые лучи восходящаго солнца били въ окно мазанки, наполняя ее золотымъ свѣтомъ, когда дядя Василій внезапно былъ пробужденъ криками и воплемъ.

Вся семья, отъ мала до велика, тѣснилась въ углу, гдѣ лежалъ Тимоѳей. Рыданья, крики и голошенье наполнили мазанку. Дядя Василій понялъ, что въ настоящую минуту утѣшенія ни къ чему не послужатъ. Онъ отозвалъ Ваню, велѣлъ ему запрячь лошадь и ѣхать въ приходское село переговорить съ священникомъ насчетъ похоронъ; самъ онъ вызвался остаться въ мазанкѣ и не покидать семьи во все это время. Дорогой къ приходу, Иванъ заѣхалъ въ Панфиловку извѣстить Андрея о кончинѣ Тимоѳея; онъ сообщилъ также о возвращеніи Пети.

— Ну, слава тебѣ Господи! все, значитъ, не оставилъ Онъ ее своею милостью: одного отнялъ, другого далъ; все не такъ тяжко ей будетъ, сказали въ одинъ голосъ Андрей и жена его.

— Вы пуще всего мальчика-то къ ней чаще на глаза пущайте, подхватила Прасковья, — мало ли она о немъ убивалась, горькая!.. Поглядитъ на него — все сколько-нибудь легче будетъ.

— Что жъ дѣлать-то? Къ тому ужъ дѣло шло, сказалъ Андрей.—Я, признаться, не говорилъ только, а послѣдній разъ, какъ былъ у васъ, какъ поглядѣлъ, не чаялъ ему живности... царствіе ему небесное! Когда же хоронить-то думаете?..

— Да послѣзавтра, возразилъ Иванъ.

— Врядъ можно, послѣзавтра священнику не время... рази ужъ рано утромъ.

— А что?

— Да рази ты не слыхалъ?

— Нѣтъ...

— Вѣдь послѣзавтра свадьба: вѣнчаютъ Ѳедора Иваныча съ нашей барышней. Отецъ Михаилъ не поспѣетъ управиться.

— Я къ нему теперь: онъ скажетъ, когда послободнѣе будетъ, произнесъ Ваня, дѣлая шагъ, чтобъ удалиться.

— Погоди, Ваня, сказалъ Андрей. — Вечоръ нашъ му-

жичокъ въ городъ Ѣздилъ, два письма привезъ, Катеринѣ велѣлъ отдать. Одно, должно-быть, о лугѣ пишутъ. Вечоръ Пьяшка приходила, сказывала Ѳедоръ Иванычъ самъ, вишь, письмо получилъ съ вашихъ мѣстъ отъ управителя: вѣдь лугъ-то ему продали.

Прасковья принесла письма. Андрей сказалъ Ивану, чтобъ онъ, когда поѣдетъ назадъ, завернулъ къ нимъ на минуту. Отецъ Михаилъ подтвердилъ все сказанное Андреемъ касательно свадьбы Карякина и племянницы Анисьи Петровны. Онъ просилъ распорядиться похоронами на завтра, или переждать еще день. Иванъ не могъ дать положительнаго отвѣта; онъ сказалъ, что посовѣтуется съ Катериной и привезетъ къ нему отвѣтъ. Въ ожиданіи этого, онъ подалъ священнику письма, которыя тотъ прочелъ очень охотно. Оба письма были отъ Герасима Аѳанасьевича. Въ одномъ находилось позволеніе на бракосочетаніе Ивана съ Машей, въ другомъ объявлялось о продажѣ луга. Герасимъ Аѳанасьевичъ объявлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ Катерина, по полученіи этого письма, приступила къ продажѣ мазанки и на вырученныя деньги немедленно отправлялась со всею своею семьею въ Марьинское—такова была воля господъ, прибавлялъ старый управитель.

Иванъ поспѣшилъ вернуться назадъ, чтобъ передать обо всемъ этомъ Катеринѣ. По пути, согласно обѣщанію, заѣхалъ онъ въ Панфиловку. Андрей и жена его переговорили, между тѣмъ, и рѣшили навѣстить переселенцевъ, проститься съ покойникомъ, и утѣшить по возможности Катерину. Они сѣли вмѣстѣ съ Иваномъ, и всѣ трое поѣхали къ степной мазанкѣ.

VII.

Заключеніе.

Въ тотъ годъ, какъ совершались происшествія, избранныя нами частью для развлеченія читателя, частью для назиданія (да простятъ намъ такую претензію!), зима въ Петербургѣ была особенно какъ-то богата увеселеніями. Итальянская опера была еще лучше, чѣмъ въ предыдущіе годы; двѣ-три европейскія знаменитости украсили сцену другихъ петербургскихъ театровъ; огромныя афиши безпрерывно возвѣщали о концертахъ и, что достойно замѣчанія, въ этихъ концертахъ являлись иногда истинно за-

мѣчательные таланты; никто не помнилъ, чтобъ когда-нибудь давалось такое множество блестящихъ праздниковъ и великолѣпныхъ вечеровъ, какъ въ эту счастливую зиму.

Въ числѣ вечеровъ не послѣднюю роль игралъ вечеръ, данный Бѣлицыными. О немъ говорили три дня въ томъ обществѣ, къ которому принадлежали Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна. Впрочемъ, вечеръ Бѣлицыныхъ обязанъ былъ своей репутáе, какъ справедливо замѣтилъ одинъ молодой человѣкъ, числящійся съ недавняго времени въ Иностранной Коллегіи (и потому, вѣроятно, говорящій не иначе, какъ по-французски), репутáе своей вечеръ не столько былъ обязанъ особенному великолѣпію, сколько гостиной, во вкусѣ Людовика XV, которую отдѣлалъ Сергѣй Васильевичъ, имѣвшій въ виду другіе петербургскіе вечера и другія гостиныя. Гостиная дѣйствительно очень удалась. Брюхастые комоды, зеркала въ старинныхъ рѣзныхъ рамахъ, стулья и кресла, привезенные по первому зимнему пути изъ Марьинскаго, явились очень кстати; очень кстати также присланы были Герасимомъ Аѳанасьевичемъ деньги, вырученныя за муку, овесъ, горохъ и другіе продукты Марьинскаго. Сергѣй Васильевичъ находился въ отличномъ расположеніи духа. Требовалось ему прикупить для бо̀льшаго эффекта гостиной множество фарфоровыхъ бездѣлушекъ, обтянуть штофомъ мебель, пріобрѣсти пастели Латýра, которыя, какъ нарочно, явились въ это время въ одной антикварной лавкѣ и сами собою напрашивались, такъ сказать, въ гостиную стиля Людовика XV-го. Но что̀ могутъ значить жертвы, даже большія, даже непосильныя жертвы, когда имѣется впереди вѣрный, несомнѣнный успѣхъ? Всѣ были въ восхищеніи отъ гостиной, кромѣ, впрочемъ, архитектора, который не переставалъ утверждать, что сильно, сильно ошибся въ расчетѣ — не артистическомъ расчетѣ, а финансовомъ. Но на всѣхъ угодить невозможно—это уже дѣло давно извѣстное. Мы можемъ даже по этому случаю привести въ примѣръ самого Сергѣя Васильевича. Чего ему недоставало? Гостиная его произвела эффектъ; вечеръ удался даже сверхъ ожиданія, а между тѣмъ, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, впалъ въ ужаснѣйшую хандру. Хорошее расположеніе духа продолжалось всего три дня, то-есть ровно столько времени, сколько говорили о его вечерѣ и гости-

ной. По прошествіи этого срока, добродушное лицо его потеряло всю свою веселость; имъ овладѣло даже чувство, похожее на то, когда человѣкъ горько ошибается въ людской благодарности и видитъ вокругъ себя одну страшную пустоту и мелкое тщеславіе. Онъ рѣже сталъ посѣщать итальянскую оперу, въ концерты совсѣмъ пересталъ ѣздить, въ Англійскомъ клубѣ показывался рѣже и рѣже, и если показывался, то не садился уже играть въ карты, хотя, какъ извѣстно, имѣлъ къ этому полезному препровожденію времени большую склонность. Необыкновенная терпимость и та легкая, пріятная безпечность, отличавшія всегда Сергѣя Васильевича, стали измѣнять ему; онъ раздражался изъ-за каждой мелочи: поваръ, подавая ему счетъ въ концѣ мѣсяца, встрѣчалъ всегда барина съ нахмуренными бровями; книжки зеленщика и мясника возбуждали въ немъ какую-то безпокойную подозрительность; счетъ модистки положительно дѣйствовалъ на его нервы; словомъ, самая ничтожная бумажка съ изображеніемъ цифры усиливала его хандру. Разумѣется, онъ тщательно скрывалъ все это отъ жены: каждый разъ, какъ являлась Александра Константиновна, онъ спѣшилъ протянуть ей руку и старался улыбнуться, хотя, при всемъ стараніи своемъ, не могъ скрыть выраженія грусти и меланхолической задумчивости, которая тотчасъ же проглядывала въ чертахъ его. Во всю длинную зиму добродушное лицо Сергѣя Васильевича изобразило, можно сказать, только двѣ искренно веселыя улыбки. Въ первый разъ это случилось въ тотъ день, какъ получилъ онъ запросъ отъ мàрьинскаго управителя касательно продажи саратовскаго луга. Прочитавъ письмо, Сергѣй Васильевичъ даже оживился и, подъ вліяніемъ этого оживленія, немедленно написалъ отвѣтъ, смыслъ котораго заключался весь въ этихъ простыхъ, но выразительныхъ словахъ: „Продать, продать какъ можно скорѣе!..“ Онъ искренно повеселѣлъ еще въ тотъ день, когда Герасимъ прислалъ ему деньги, полученныя за лугъ отъ гуртовщика Карякина.

Хорошее расположеніе духа, овладѣвшее Бѣлицынымъ, было, однакожъ, очень непродолжительно, къ великому огорченію Александры Константиновны. Съѣздивъ два-три раза въ Англійскій клубъ и давъ въ своей новой гостиной маленькій thé dansant въ день рожденія Мери, Сергѣй Васильевичъ впалъ снова въ хандру. Александра

Константиновна прибѣгала ко всѣмъ возможнымъ средствамъ и мѣрамъ, чтобъ разсѣять, развлечь мужа—все было напрасно. Бѣлицына была такъ умна, что не могла не замѣтить усилій, какія дѣлалъ мужъ, чтобъ скрыть отъ нея причины своего разстройства; она была такою честною и доброю женою, что не могла этимъ не огорчаться. Такъ какъ Сергѣй Васильевичъ не переставалъ день-ото-дня все болѣе и болѣе ожесточаться противъ Петербурга, и такъ какъ, съ другой стороны, Александра Константиновна начала уже проникать въ тайну хандры мужа, она предложила ему ѣхать въ Марьинское.

Сергѣй Васильевичъ давно думалъ объ этомъ; онъ молчалъ до сихъ поръ единственно изъ чувства деликатности: онъ зналъ, что жена его согласится исполнить его желаніе, но ему не хотѣлось этимъ пользоваться, не хотѣлось подвергать ее деревенской скукѣ, не хотѣлось разлучать съ Петербургомъ и столичными увеселеніями, которыя, по его мнѣнію, были такъ же необходимы Александрѣ Константиновнѣ, какъ вода для рыбы, воздухъ для птицы. Сергѣй Васильевичъ, подобно многимъ супругамъ, имѣлъ слабость думать, что жены вообще несравненно легкомысленнѣе и тщеславнѣе мужей своихъ. Предложеніе Александры Константиновны, высказанное чрезвычайно просто, безъ натянутой радости и грусти, несказанно обрадовало мужа. Они согласились ѣхать какъ можно скорѣе. Наступленіе весны дѣлалось ощутительнымъ даже въ Петербургѣ. Три дня посвящены были на прощальные визиты, три другіе дня—на приготовленія и снаряженіе въ путь. Гостиная во вкусѣ Людовика XV-го завѣшена, наконецъ, чехлами, и Бѣлицыны, сопровождаемые бордоской гувернанткой, Мери, горничной Дашей, поваромъ и другими людьми, бывшими прошлый годъ въ деревнѣ, отправились въ путь.

Въ первыхъ числахъ мая на улицѣ Марьинскаго снова раздаются крики: „Господа ѣдутъ!..“ Народъ сломя голову бѣжитъ за ворота, кланяется господамъ и снова преслѣдуетъ знакомый намъ дормезъ, между тѣмъ, какъ барыня посылаетъ поклоны въ одну сторону, баринъ въ другую, а гувернантка снова повторяетъ: „Mais saluez donc. Mery, mais saluez donc!..“ Управитель Герасимъ попрежнему стоитъ у главныхъ воротъ и торопливо обдергиваетъ сюртукъ; Сергѣй Васильевичъ издали еще кричитъ ему: „Здо-

рово, старикъ!“, гувернантка восклицаетъ: „Voici Karassin!“, и дормезъ торжественно подъѣзжаетъ къ крыльцу, куда снова стремится дворня.

Хотя Сергѣй Васильевичъ не знаетъ, какъ освободиться отъ тѣсноты и лобызаній дворовыхъ, но радостное чувство наполняетъ теперь его помѣщичью грудь: онъ никого не хочетъ оскорбить отказомъ и охотно подставляетъ свои руки и щеки дворовымъ. Француженка кричитъ: „J'étouffe!“, Александра Константиновна опять подвергается особенному вниманію бѣлоголоваго мальчика съ краснымъ лицомъ и веснушками; мальчикъ снова проходитъ сквозь батальный огонь щелчковъ, снова ныряетъ въ толпѣ и съ дикимъ азартомъ въ сотый разъ припадаетъ къ прекрасной рукѣ барыни; однимъ словомъ, все происходитъ точно такъ же, какъ прошлаго года. Бѣлицыны обошли комнаты прадѣдовскаго дома, размѣстились на прежнія половины, прошлись потомъ по саду и, нагулявшись до-сыта, вернулись на террасу, гдѣ пили чай, любовались солнечнымъ закатомъ и наслаждались свѣжимъ воздухомъ. Послѣ этого они предались отдыху и спали, какъ только спятъ послѣ долгаго пути.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда Бѣлицыныхъ. Нельзя было не замѣтить, что образъ жизни Сергѣя Васильевича и даже самый взглядъ на вещи значительно измѣнились противъ того, какими были прошлаго года. Онъ такъ же добродушно и ласково разговаривалъ съ крестьянами, попрежнему разсуждалъ онъ, что помѣщику, который думаетъ только объ увеличеніи своихъ доходовъ и не обращаетъ вниманія на средства и способы, какими достаются эти доходы, такому помѣщику не слѣдовало бы имѣть крестьянъ (какъ честный и благородный человѣкъ, Сергѣй Васильевичъ не могъ иначе разсуждать); попрежнему отправлялся онъ по утрамъ въ кабинетъ и запирался часа на два съ Герасимомъ Аѳанасьевичемъ.

При всемъ томъ, какъ мы уже сказали, въ самой жизни, характерѣ и мысляхъ Бѣлицына произошла рѣзкая перемѣна. Онъ уже не выказывалъ той безтолковой суетливости, которая заставляла его прежде разомъ предпринимать двадцать дѣлъ; онъ несравненно меньше говорилъ, но несравненно больше прислушивался къ толкамъ стараго управителя, старостъ, и очевидно старался серьезно вникать въ дѣло. Довольно сказать, что Сергѣй Василье-

вичъ до сихъ поръ не подалъ ни одного проекта. Говорилъ ли Герасимъ о починкѣ кровель—Сергѣй Васильевичъ внимательно слушалъ, одобрялъ намѣреніе и внутренно даже сознавался, что это будетъ полезнѣе, чѣмъ тратиться на сооруженіе готической бесѣдки и распространеніе пруда, которые должны были бы придать саду великолѣпный видъ. Толковалъ ли Герасимъ о посадкѣ новыхъ яблонь—Сергѣй Васильевичъ не переносился теперь къ огромной липѣ, которая должна была придать красному двору англійскій характеръ; заводилъ ли Герасимъ бесѣду о полевыхъ работахъ—Сергѣй Васильевичъ дѣлался еще внимательнѣе и не стремился воображеніемъ къ фигурной рѣшёткѣ, и т. д. Сергѣй Васильевичъ такъ удивлялъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радовалъ стараго своего управителя, что Герасимъ, возвращаясь въ свою комнату, забывалъ даже своихъ птицъ, которыхъ, между тѣмъ, развелось еще болѣе, чѣмъ въ прошлую весну.

Ясно, что такая перемѣна въ образѣ мыслей и дѣйствіяхъ Бѣлицына не могла произойти безъ причины. Вотъ что случилось. На другой день послѣ пріѣзда въ Марьинское, Сергѣй Васильевичъ, разговаривая о томъ о семъ съ Герасимомъ, случайно вспомнилъ о переселенцахъ и спросилъ о нихъ. Въ это самое время въ кабинетъ вошла Александра Константиновна. Она видѣла, какъ управитель пошелъ къ мужу, и явилась именно затѣмъ, чтобъ разспросить его о своихъ protégés. Узнавъ о смерти Лапши, она взглянула на мужа и задумалась. Герасимъ сообразилъ вѣрно, что продолженіе разсказа будетъ не совсѣмъ пріятно господамъ; онъ началъ заниматься и наконецъ совсѣмъ остановился; но Сергѣй Васильевичъ и Александра Константиновна потребовали, чтобъ онъ передалъ имъ все, рѣшительно все, и ничего не утаивалъ. Старикъ разсказалъ тогда всю правду, все, что зналъ о житьѣ-бытьѣ переселеннаго семейства. Въ наивной, простодушной рѣчи его такъ ясно выступала нелѣпость проекта Сергѣя Васильевича касательно луга, въ такихъ яркихъ краскахъ обрисовались лишенія и тягости, которыя претерпѣли Катерина и семья ея, что Сергѣй Васильевичъ и жена его, оставшись наединѣ въ кабинетѣ, долго сидѣли въ раздумьи и слова не говорили.

— О чемъ ты думаешь? спросилъ наконецъ мужъ, прикасаясь ладонью къ рукѣ жены.

— Я думаю объ этой бѣдной женщинѣ и ея дѣтяхъ,

думаю также о помѣщикахъ... такихъ, какъ мы... вымолвила Александра Константиновна.

Сергѣй Васильевичъ сильно потеръ лобъ ладонью и опустилъ голову.

— Надо сознаться, Serge, оба мы поступили непростительно опрометчиво, подхватила Александра Константиновна,—нѣтъ, мы живемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы намъ слѣдовало!..

— Что ты хочешь этимъ сказать? краснѣя проговорилъ мужъ.

— Я хочу сказать, кротко возразила Бѣлицына,—что если ужъ существуетъ наше положеніе—положеніе помѣщика, оно налагаетъ на насъ, помѣщиковъ, обязанности... строгія, святыя обязанности—право, такъ! Это не пустое слово, не фраза. Сколько разъ думала я: если бъ владѣли мы только землями да лѣсомъ, наша безпечность была бы простительна, насъ можно было бы извинить за наше незнаніе; но вѣдь въ рукахъ нашихъ живые люди, мы имѣемъ сотни семействъ, судьба которыхъ въ нашемъ полномъ распоряженіи... съ горячностью подхватила она.— Какъ христіане, какъ граждане, наконецъ просто какъ честные люди, можемъ ли мы быть безпечными? Имѣемъ ли мы право бросить этихъ людей на произволъ судьбы, не знать ихъ жизни, ихъ потребностей?.. Наше равнодушіе, наше невѣжество въ отношеніи къ быту этого народа, который круглый годъ, всю свою жизнь для насъ трудится и проливаетъ потъ свой—наше равнодушіе и незнаніе постыдно и безчестно!.. Мы наряжаемся, пляшемъ, безумно тратимъ деньги, уважаемъ и принимаемъ за серьезное то, что̀ въ сущности вздоръ, и почти презираемъ то, къ чему обязываетъ насъ совѣсть, религія и всѣ человѣческія чувства... Сердце возмущается и страшно дѣлается, какъ подумаешь обо всемъ этомъ! Нѣтъ, мы живемъ не такъ, далеко не такъ, какъ бы слѣдовало!..

Но мы считаемъ лишнимъ досказывать то, что̀ говорила Александра Константиновна. Мысль, которая одушевляла ее, и безъ того понятна—мысль, по нашему мнѣнію, въ милліонъ разъ дороже самаго пылкаго, блестящаго краснорѣчія.

Во все время, какъ говорила Бѣлицына, Сергѣй Васильевичъ не поднялъ головы. Когда она кончила, онъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Видно было, однакожъ, что слова Александры Константиновны произ-

вели на него сильное впечатлѣніе. Доброе лицо его выражало столько грусти, что, взглянувъ на него, Бѣлицына быстро подошла къ мужу и взяла его за обѣ руки. Она подумала, не зашла ли ужъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи, не оскорбила ли какъ-нибудь нечаянно мужа, который, въ сущности, былъ главнымъ виновникомъ проекта о переселеніи и подалъ поводъ къ ея упрекамъ.

— О чемъ ты думаешь? спросила она съ ласковой улыбкой.

— О чемъ я думаю? вымолвилъ Сергѣй Васильевичъ, подымая голову, при чемъ жена увидѣла слезы на глазахъ его.—Я думаю, что ты во сто-тысячъ разъ умнѣе и честнѣе меня—вотъ что я думаю. Начинай же то дѣло, о которомъ ты говорила! подхватилъ онъ съ воодушевленіемъ.—Начинай это дѣло, съ Богомъ, и я твой вѣрный, неизмѣнный помощникъ!..

Такъ много слышали мы горячихъ рѣчей, вырывавшихся, казалось, изъ самой глубины сердца, но въ сущности зародившихся только на кончикѣ языка; такъ много видѣли мы благородныхъ порывовъ, которые ни къ чему не вели, что не дали бы мы ровно никакого значенія словамъ Бѣлицыной, если бъ она точно не нашла въ себѣ довольно энергіи, чтобъ примѣнить къ дѣйствительной жизни свои слова и благородныя убѣжденія. Не можемъ мы то же сказать о Сергѣѣ Васильевичѣ. Мелкое тщеславіе и безграничная пустота пустили въ него такіе глубокіе корни, что онъ не могъ отъ нихъ освободиться. Но, какъ человѣкъ незлобный и легко увлекающійся, онъ невольно поддался въ первое время вліянію жены своей.

Первымъ дѣломъ ихъ было заняться судьбою Катерины и дѣтей ея. Александрѣ Константиновнѣ стоило разъ серьезно вникнуть въ отчеты скотницы, чтобъ понять ея плутни: Катерина заступила мѣсто Василисы. Въ первый же мѣсяцъ все пошло иначе на скотномъ дворѣ. Герасимъ Аѳанасьевичъ не могъ нахвалиться; онъ положительно утверждалъ, и даже съ нѣкоторою гордостью, что черезъ годъ во всемъ уѣздѣ не будетъ такого скотнаго двора, какъ въ Марьинскомъ. Въ первое время, милости, которыми господа осыпали семью Катерины, возбуждали сильную зависть дворни; но такъ какъ Катерина, ни на кого не наговаривала, никого не трогала, и такъ какъ, съ другой стороны, господа входили теперь въ дѣла, дворовые раз-

судили, наконецъ, что несовсѣмъ безопасно давать волю страстямъ своимъ. Гибель Филиппа и смерть Лапши вскорѣ примирили съ Катериной самыхъ закоснѣлыхъ враговъ ея.

Маша оставлена была при матери, въ качествѣ ея помощницы. Мужъ маши, столяръ Иванъ, освобожденъ былъ отъ оброка до полнаго возраста сыновей Катерины. Петю, котораго часто ласкала Александра Константиновна, оставили при Иванѣ съ цѣлью обучаться столярному ремеслу. Добрыя начала, посѣянныя въ немъ матерью, были такъ прочны, что въ душѣ его не осталось слѣда отъ бродячей жизни: онъ вынесъ изъ нея только разсказы, и въ досужее время стоило появиться гдѣ-нибудь Петѣ, чтобъ тотчасъ же составилась вокругъ него толпа жадныхъ слушателей. Иногда, работая подлѣ Ивана, или даже въ самомъ оживленномъ мѣстѣ разсказа, веселое, миловидное личико Пети какъ будто омрачалось. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда, перебирая прошедшее, вспоминалъ онъ маленькаго своего товарища, вожака Мишу: воображеніе мигомъ переносило его въ отдаленную, глухую, никому невѣдомую деревушку, въ мрачный, обветшалый сарай; передъ нимъ, какъ наяву, выступало вдругъ блѣдное, изнеможенное лицо Миши, который простиралъ впередъ руки и усиленно тянулся къ восходящему солнцу, какъ бы предчувствуя, что видитъ солнце въ послѣдній разъ... Воображеніе Пети быстро влекло его тогда въ какой-то незнакомый, пустынный край. Онъ самъ не зналъ, почему именно представлялся ему этотъ край, когда думалъ онъ о могилѣ маленькаго товарища; но сколько ни напрягалъ онъ воображенія, могила Миши нигдѣ не отыскивалась; густая трава, усѣянная голубыми колокольчиками, застилала всѣ дороги, всѣ пути и, переливаясь изъ края въ край, какъ волны морскія, убѣгала въ необъятную даль отдаленнаго, невѣдомаго края...

Петя вообще мальчикъ славный; онъ обѣщаетъ сдѣлаться со временемъ отличнымъ столяромъ и, что всего важнѣе, обѣщаетъ быть надежной подпорой матери въ ея преклонныя лѣта. Остальные ребятишки Катерины процвѣтаютъ попрежнему; съ утра и до вечера въ окрестностяхъ скотнаго двора раздаются веселые голоса ихъ и лай Волчка, который продолжаетъ быть неизмѣннымъ ихъ спутникомъ. Присутствіе ребятишекъ на скотномъ дворѣ дѣлается еще замѣтнѣе, когда, случается, заглянетъ туда

дядя Василій и дастъ каждому изъ нихъ по муравленому глиняному свистку, изображающему утку.

Привлеченный, вѣроятно, трескотнею этихъ свистковъ, зашелъ однажды на скотный дворъ слѣпой, оборванный нищій. Къ великому удивленію Катерины и совершенному недоумѣнію Ивана, который, страшно улыбаясь, подкидывалъ кверху трехмѣсячную дочь свою, Петя радостно крикнулъ и побѣжалъ навстрѣчу нищему. Дѣло тотчасъ же объяснилось: нищій былъ не кто другой, какъ Фуфаевъ. Александра Константиновна, проходившая мимо и знавшая Фуфаева изъ разсказовъ Пети, предложила слѣпому уголъ въ Марьинскомъ и вѣрный кусокъ хлѣба. Но Фуфаевъ напрямикъ отказался.

— Мое дѣло такое, барыня, добрая христіанская душа твоя! сказалъ Фуфаевъ, весело отдувая свои щеки.—Мое дѣло такое: подъ окошечкомъ выпрошу, подъ другимъ съѣмъ, подъ третьимъ высплюсь... Корочка-то сѣра, да волюшка-то своя—вотъ что!

Онъ часто, однакожъ, заходитъ въ Марьинское и всякій разъ уходитъ съ такою полною сумою, что считаетъ непремѣннымъ долгомъ зайти въ ближайшій кабакъ, чтобъ оставить тамъ половину.

Бѣлицыны проводятъ теперь ежегодно мѣсяцевъ восемь въ Марьинскомъ. Александра Константиновна продолжаетъ до сихъ поръ быть вѣрною благороднымъ своимъ убѣжденіямъ. Она занимается дѣлами, хозяйствомъ и судьбою ввѣренныхъ ей крестьянъ съ прежнею настойчивостью, съ прежнею твердостью. Она такъ умно распоряжается, что Сергѣй Васильевичъ не видитъ уже надобности подсоблять ей: онъ даетъ только совѣты, много гуляетъ, много ѣстъ, читаетъ романы и газеты (его сильно занимаетъ судьба африканскихъ племенъ и распоряженія англичанъ въ Индіи), дѣлаетъ болѣе или менѣе замысловатые проекты, обдумываетъ сложные политико-экономическіе вопросы и кушанья къ обѣду, и не пропускаетъ ни одного мужика, чтобъ ласково не поговорить съ нимъ.

Благодаря усиленному труду Александры Константиновны, дѣла Бѣлицыныхъ замѣтно улучшаются. Сергѣй Васильевичъ находится постоянно въ отличномъ расположеніи духа. Возвращаясь въ Петербургъ на зиму и являясь въ своемъ обществѣ, Александра Константиновна снова дѣлается одною изъ самыхъ милыхъ, образованныхъ

женщинъ большого свѣта; она точно никогда даже и не живала въ деревнѣ.

Сергѣй Васильевичъ, наоборотъ, возвращаясь въ Петербургъ, превращается вдругъ въ самаго закоренѣлаго помѣщика, который никогда какъ будто не покидалъ деревни. Онъ ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о посѣвахъ, поляхъ, постройкахъ и разныхъ хозяйственныхъ улучшеніяхъ. Стоитъ только коснуться объ обязанностяхъ помѣщика, Сергѣй Васильевичъ разгорячается мгновенно. Такъ какъ мысли его по этому предмету совершенно сходятся съ мыслями жены, и такъ какъ Сергѣй Васильевичъ не надѣленъ большимъ краснорѣчіемъ, то онъ съ жаромъ и увлеченіемъ повторяетъ почти отъ слова до слова монологъ, произнесенный когда-то женою и который онъ на досугѣ изучилъ въ совершенствѣ. Въ обществѣ своемъ слыветъ онъ замѣчательнымъ агрономомъ, примѣрнымъ хозяиномъ и образцовымъ помѣщикомъ. Мнѣніе это доставляетъ неизъяснимое удовольствіе Сергѣю Васильевичу, но, повидимому, оно еще больше радуетъ Александру Константиновну, которая ласково слѣдитъ глазами за мужемъ и всегда весело ему улыбается. Она рѣдко вмѣшивается въ разговоръ и никогда слова не произноситъ о хозяйствѣ. Изъ этого свѣтъ заключаетъ, что Бѣлицына очень милая, добрая, но обыкновенная свѣтская женщина, которая ѣздитъ въ деревню для того только, чтобъ угождать агроному-мужу.

Мнѣніе свѣта всегда вѣрно, и мы поступили бы весьма неловко, если бъ не воспользовались случаемъ выразить наше глубокое уваженіе къ мѣткости его приговоровъ.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе VI тома.

Переселенцы.

(Романъ изъ народнаго быта.)

стр.

Часть первая.

I. Заѣзжій торгашъ 5
II. Лапша и его семейство 18
III. Ребятишки 28
IV. Бесѣда. 33
V. Притонъ 40
VI. 53
VII. Тѣсныя обстоятельства 64
VIII. Барскій домъ. Управитель. Пѣснь Лазаря . . 76
IX. Сдѣлка. 90
X. Открытіе.—Поиски 104

Часть вторая.

I. Пріѣздъ 117
II. Дѣловое утро 131
III. Планъ осуществляется. 148
IV. Препятствіе 160
V. Дѣло опять пошло на ладъ 168
VI. Разставанье 175
VII. Нищіе 184

Часть третья.

I. Не выдержали 201
II. Паромъ.—Тяжелый путь 216

стр.

III. Предчувствіе 230
IV. Извѣстіе.—Спѣшная дорога 239
V. Новый край.—Новыя лица 253
VI. Продолженіе. 262
VII. Встрѣча 275
VIII. Знакомство 291
IX. Сказка.—Освобожденіе 301

Часть четвертая.

I. Бродяга 310
II. Новый хозяинъ 325
III. Радость и горе. 338
IV. Встрѣча въ лугахъ 351
V. Хмель.—Старый знакомый 358
VI. Выходка Ивана и выдумка Егора 368
VII. Филиппъ и Стёпка 380

Часть пятая.

I. Неудавшееся преступленіе 387
II. Дружелюбныя объясненія 399
III. Однимъ лучше, другимъ хуже 410
IV. Петя отыскался 422
V. Въ дорогѣ 432
VI. Степная мазанка 436
VII. Заключеніе 444

Изданіе А. Ф. Маркса С.-Пб.—

ЛЕРЕП.КИРХНЕРА.С.П.Б.МАЛ.МОРСКАЯ 14.